Стивен Кинг

Темная Башня

Стрелок · Извлечение троих
Бесплодные земли

Темная Башня

Стивен Кинг

Стрелок · Извлечение троих Бесплодные земли

из цикла «Темная Башня»

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Сое)-44
К41

Stephen King

THE DARK TOWER:

THE GUNSLINGER (I)
THE DRAWING OF THE THREE (II)
THE WASTE LANDS (III)

Перевод с английского Т.Ю. Покидаевой

Оформление и компьютерный дизайн А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 04.03.2014. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 52,92. Тираж 4000 экз. Заказ 722.

Кинг, Стивен

К41 Стрелок. Извлечение троих. Бесплодные земли : из цикла «Темная Башня» : [романы] / Стивен Кинг; пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой. — Москва: АСТ, 2014. — 1006, [2] с.

ISBN 978-5-17-033697-5

Юный Роланд — последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню — средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. Когда-нибудь он отыщет эту башню, а пока ему предстоит долгий и опасный путь — путь по миру, которым правит черная магия, по миру, из которого порой открываются двери в нашу реальность...

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-985-16-2881-6
(ООО «Харвест»)

© Stephen King, 1982, 2003, 1987, 1991
© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2005, 1997
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Стрелок

Эду Ферману, который на свой страх и риск
смотрел эти главы одну за другой.

Введение

О том, что бывает, когда тебе девятнадцать (и не только об этом)

I

Когда мне было девятнадцать (значимое число для истории, которую вы собираетесь прочитать), хоббиты были повсюду.

По грязи на ферме Макса Ясгура, на Большом Вудстокском фестивале, бродили, наверное, с полдюжины Мерри и Пиппинов и в два раза больше Фродо, а прихиппованных Гэндальфов было вообще не счесть. В то время «Властелин колец» Дж. Р.Р. Толкиена пользовался бешеной популярностью, и хотя я так и не добрался до Вудстока (к сожалению), я все-таки был если и не настоящим хиппи, то хиппи-полукровкой. В любом случае этой половинки хватило, чтобы тоже прочесть эти книги и чтобы в них влюбиться — в книги наподобие «Темной Башни», которая, как и большинство длинных сказок-фэнтези, написанных людьми моего поколения («Хроники Томаса Кавинанта» Стива Дональдсона и «Меч Шанары» Терри Брукса — вот лишь некоторые из многих), вышла из «Властелина колец».

Но, хотя я читал «Властелина» в 1966 и 1967 годах, я все же воздерживался от того, чтобы писать самому. Я сразу проникся (чистосердечно и искренне) размахом воображения Толкиена — честолюбивыми замыслами его книги, — но мне хотелось писать свое, и если бы я начал писать тогда, я написал бы не свою, а его историю. А это, как любил говорить покойный Ловкий Дик Никсон, было бы в корне неправильно. Благодаря мистеру Толкиену двадцатый век получил свою необходимую порцию магов и эльфов.

В 1967-м я еще даже не представлял, какой должна быть моя история, но это было не так уж и важно; я был уверен,

что сразу узнаю ее, если встречу на улице. Мне было девятнадцать. Я был очень самоуверенным молодым человеком. Достаточно самоуверенным, чтобы не рыпаться и спокойно ждать своей музы и своего шедевра (а я был уверен, что это будет шедевр). Когда тебе девятнадцать, у тебя есть право быть самоуверенным: впереди у тебя куча времени, и не надо бояться, что его не хватит. Время — коварная штука. Оно отнимает и шевелюру, и прыгучесть, как поется в одной популярной песне кантри; однако на самом деле оно отнимает гораздо больше. Я не знал этого в 1966-м и 1967-м, но даже если бы знал, мне было бы наплевать. Я еще мог представить — хотя и смутно, — что когда-нибудь мне будет сорок. Но пятьдесят? Нет. *Шестьдесят?* Никогда! Шестьдесят — это было вообще немыслимо. Когда тебе девятнадцать, так всегда и бывает. Когда тебе девятнадцать, ты говоришь: «Смотрите все, я пью динамит и курю тротил, так что лучше уйдите с моей дороги, если вам жизнь дорога, — вот идет Стив».

Девятнадцать — эгоистичный возраст, когда человек думает лишь о себе, и ничто другое его не волнует. У меня были большие стремления, и это меня волновало. У меня были большие амбиции, и это меня волновало. У меня была пишущая машинка, которую я перевозил с одной убогонькой съемной квартиры на другую, и у меня в кармане всегда была пачка сигарет, а на лице сияла улыбка. Компромиссы среднего возраста казались такими далекими, а немощи пожилого — вообще запредельными. Как и герой этой песни Боба Сегера, которую теперь крутят в магазинах, чтобы народ покупал всякий хлам, я был полон неиссякаемых сил и неиссякаемого оптимизма; в карманах у меня было пусто, зато в голове — избыток мыслей, которые мне не терпелось поведать миру, а в сердце — полно историй, которые я хотел рассказать. Сейчас это звучит наивно; но тогда это было прекрасно и удивительно. Я считал себя очень крутым. Больше всего мне хотелось пробить защиту читателей: распотрошить их, изнасиловать и изменить навсегда — лишь одной силой слова. И я чувствовал, что я это могу; что я для этого и предназначен.

И как это звучит? Очень самодовольно или не очень? Но я в любом случае не собираюсь оправдываться. Мне было девятнадцать. И в моей бороде не было ни одной седой пряди — ни единого волоска. У меня было три пары джинсов, одна пара ботинок, и я был уверен, что в мире много разных возможностей и что у меня обязательно все получится — и ничто из того, что случилось за следующие двадцать лет, не убедило меня, что я был не прав. А потом, когда мне стукнуло тридцать девять, все и началось: пьянство, наркотики, ДТП, из-за которого у меня навсегда изменилась походка (помимо прочего). Я уже много об этом писал, так что не буду вдаваться в подробности. Да и зачем? Вы и сами все знаете, правда? С вами тоже такое случалось наверняка. Жизнь периодически посылает

нам злых патрульных, чтобы не дать нам особенно разогнаться и показать, кто тут главный. Вы, я уверен, с ними встречались (или встретитесь); я своего уже встретил, и я знаю, что он еще вернется. У него есть мой адрес. Он — злющий парень, плохой полицейский, заклятый враг всяких дурачеств, безобидного раздолбайства, честолюбия, гордости, громкой музыки, всего того, что так важно, когда тебе девятнадцать.

Но я по-прежнему думаю, что это очень хороший возраст. Может быть, самый лучший. Можно колбаситься всю ночь напролет, но когда умолкает музыка и иссякает пиво, ты еще в состоянии думать. И мечтать с грандиозным размахом. В конечном итоге злой патрульный все равно прищемит тебе хвост и не даст развернуться, и если ты начинаешь с малого, то когда он закончит с тобой, от тебя не останется мокрого места. «Так, еще один есть!» — скажет он и направится дальше, сверяясь со списком в своей записной книжке. Так что немного самоуверенности (или даже много самоуверенности) — это не так уж и плохо, хотя ваша мама, должно быть, всегда утверждала обратное. Моя утверждала. «Гордыня, она до добра не доводит, Стивен», — говорила она... и вот вдруг оказалось — в возрасте где-то в районе 19 х 2, — что мама была права, и гордость таки до добра не доводит. Даже если тебя не низвергнут с небес на землю, то хотя бы в канаву спихнут — это уж наверняка. Когда тебе девятнадцать, бармен может проверить твой возраст по удостоверению личности и вежливо попросить тебя выйти, на хрен, из бара, но никто не станет справляться, сколько там тебе лет, когда ты садишься писать картину, стихи или книгу, и если ты — тот, кто читает сейчас эту книгу — еще очень молод, прошу тебя, не позволяй никому из старших, которые считают себя умнее, разубедить тебя в этом. Наверняка ты не был в Париже. И никогда не участвовал в беге быков в Памплоне. Да, ты еще просто мальчишка, у которого только три года назад появились волосы под мышками, — ну и что с того? Если ты не начнешь с грандиозного замысла, если ты изначально не будешь высокого мнения о себе, то как ты добьешься того, чего хочешь? Не слушай, что говорят другие, а послушай меня: плюнь на всех, сядь и прибей эту лапочку.

II

Мне кажется, что писатели бывают двух видов, в том числе и неопытные, начинающие авторы, каким был я сам в 1970-м. Те, кто относит себя к более литературным или «серьезным» сочинителям, рассматривают все сюжеты и темы в свете такого

вопроса: «Что эта книга значит для меня?» Те, чей удел (или ка, если угодно) — писать популярные книжки, задаются вопросом прямо противоположным: «Что эта книга значит для других?» «Серьезные» авторы ищут ключи и разгадки в себе; «популярные» авторы ищут читателей. И те, и другие — равно эгоистичны. Я знал очень многих и готов спорить на что угодно. Как говорится, ставлю и кошелек, и часы.

Но как бы там ни было, я уверен, что, даже когда мне было девятнадцать, я сумел распознать, что история про Фродо и его попытки избавиться от Кольца Всевластия относится ко второй категории. Это были приключения очень британской компании пилигримов на фоне расплывчатых северно-мифологических декораций. Мне понравилась идея поиска — очень понравилась на самом деле, — но меня не особенно заинтересовали ни дюжие деревенские персонажи Толкиена (это не значит, что они мне не понравились, потому что они мне понравились), ни его лесистые скандинавские пейзажи. Если бы я попытался сделать что-нибудь в том же духе, я бы все сделал неправильно.

Так что я ждал. В 1970-м мне исполнилось двадцать два, и у меня в бороде уже появились первые седоватые пряди (я так думаю, отчасти тому виной две с половиной пачки «Pall Mall» в день), но даже когда тебе двадцать два, ты еще можешь позволить себе подождать. Когда тебе двадцать два, время еще на твоей стороне, хотя злой патрульный уже ошивается по соседству и расспрашивает о тебе.

А потом, в почти пустом кинотеатре («Bijou» в Бангоре, штат Мэн, если это кому-нибудь интересно) я посмотрел фильм Серджио Леоне «Хороший, плохой, злой». И где-то на середине фильма я понял, что я хочу написать: книгу поиска, проникнутую толкиеновской магией, но в обстановке величественных до абсурда вестерн-декораций Леоне. Если вы видели этот безумный вестерн только по телевизору, вы никогда не поймете, о чем я сейчас говорю — прошу прощения, но это так. В кинотеатре, на широком экране, «Хороший, плохой, злой» — грандиозная эпопея, вполне сравнимая с «Бен Гуром». Клинт Иствуд предстает великаном восемнадцати футов ростом, и каждый волосок на его заросших щетиной щеках — по размерам как раз с молоденькое деревце. Морщинки у губ Ли Ван Клифа глубоки, как каньоны, и на дне каждого может быть червоточина (см. «Колдун и кристалл»). Пустыня, кажется, протянулась как минимум до орбиты планеты Нептун. А ствол каждого из револьверов — огромный, почти как Голландский тоннель.

Но декорации — это не самое главное. Больше всего мне хотелось передать это внушительное ощущение эпического размаха, апокалиптического размера. И то, что Леоне вообще не рубил в географии Америки (согласно одному из его героев, Чи-

каго — это где-то в районе Феникса, штат Аризона), только способствовало ощущению смещенной реальности, что пронизывало весь фильм. И в своем непомерном воодушевлении — которое, как я себе мыслю, бывает только у очень молодых — я хотел написать не просто *очень длинную* книгу, а *самую длинную популярную книгу в истории*. У меня это не получилось, хотя я честно пытался и кое-что все-таки сделал: все семь томов «Темной Башни» — это одна цельная книга, единое повествование, и первые четыре тома занимают больше двух тысяч страниц, если в издании в мягкой обложке. Последние три тома занимают еще две с половиной тысячи страниц, если в рукописи. Я вовсе не утверждаю, что количество равнозначно качеству; я лишь говорю, что хотел написать длинный эпос и в какой-то мере добился, чего хотел. Если вы меня спросите, *почему* я хотел это сделать, я не отвечу. Потому что не знаю, что отвечать. Может быть, это связано с тем, что я родился и вырос в Америке: строй выше, копай глубже, пиши длиннее. Но когда тебя спрашивают: «А зачем?» — ты задумчиво чешешь репу. С чего бы это? Сдается мне, это тоже идет от того, что мы американцы. В конце концов, мы отвечаем так: «Тогда мне показалось, что это хорошая мысль».

III

И что еще характерно для девятнадцати: это такой возраст, в котором многие так или иначе застревают (если не в физическом смысле, то уж точно — в эмоциональном и умственном). Годы проходят, и вот однажды ты смотришься в зеркало и вполне искренне недоумеваешь: «Откуда эти морщины? Откуда это дурацкое брюхо? Черт, мне же всего девятнадцать!» Мысль совершенно не оригинальная, но ты все равно удивляешься.

Время белит сединами бороду, отнимает прыгучесть и силы, а ты все равно продолжаешь считать — глупенький дурачок, — что оно на твоей стороне. Умом-то ты понимаешь, что это не так, но сердце отказывается в это верить. Если тебе повезет, злой патрульный, который прищучил тебя за превышение скорости и за то, что ты слишком уж развеселился, поднесет тебе к носу нюхательную соль. Собственно, что-то подобное произошло и со мной в конце двадцатого века. Злой патрульный явился мне в виде микроавтобуса «плимут», который сбил меня на дороге и сбросил в канаву.

Года через три после этой аварии я раздавал автографы на своей книге «Почти как «бьюик» («From A Buick Eight») в магазине «Borders» в Дирборне, штат Мичиган. И вот подходит ко мне один парень и говорит, что он жутко рад, что я остался в жи-

вых. (Мне часто это говорят, *гораздо* чаще, чем: «Какого черта ты не окочурился там, на месте?»)

— Мы сидели с одним моим другом, и тут сообщили, что вас сбила машина, — сказал этот парень. — А мы сидели, как два дурака, качали головами и все приговаривали: «А как же Башня?! Она опрокидывается, она падает, ой, блин, теперь он ее *никогда* не закончит».

Та же самая мысль приходила и мне — беспокойная мысль о том, что, построив Темную Башню в коллективном воображении миллиона читателей, я должен беречь ее, пока люди хотят про нее читать. Может быть, это будет всего лишь пять лет; а может — пятьсот, я не знаю. Книги в жанре фэнтези, и не только хорошие, но и плохие (даже сейчас, я уверен, кто-то читает «Монаха» или «Варни-вампира»), похоже, живут очень долго. Роланд защищает Башню по-своему: он пытается обезопасить Лучи, что поддерживают Башню. А я должен ее защитить — я это понял после аварии, — закончив историю стрелка.

В течение продолжительных пауз между написанием и публикацией первых четырех частей «Темной Башни» я получил сотни писем на тему «ай-ай-ай, как не стыдно» и «пусть тебя загрызет совесть». В 1998-м (иными словами, когда я жил и работал под ошибочным впечатлением, что мне все еще девятнадцать) я получил письмо от «82-летней бабульки, не хочу загружать Вас своими проблемами, НО!!! я что-то стала совсем плоха». Бабушка написала, что жить ей осталось, может быть, всего год («14 месяцев в лучшем случае, рак разъел меня всю»), и поскольку она не надеется и не ждет, что я закончу историю Роланда за это время и исключительно для нее, она попросила меня, пожалуйста (*ну пожалуйста*), рассказать ей вкратце, чем все это закончится. Больше всего меня тронуло (но все-таки не настолько, чтобы немедленно взяться за продолжение) ее клятвенное заверение, что она не расскажет об этом «ни единой живой душе». А еще через год — может быть, после аварии, когда я надолго загремел в больницу — одна из моих референтов, Марша ДиФилиппо, получила письмо от одного человека, приговоренного к смертной казни то ли в Техасе, то ли во Флориде, который просил о том же: рассказать, чем закончится эта история. (Он обещал унести эту тайну с собой в могилу, от чего меня бросило в дрожь.)

Я бы выполнил просьбу этих людей — и прислал бы им краткое изложение дальнейших приключений Роланда, — если бы мог, но, увы, я не мог этого сделать. Потому что и сам не знал, как там все повернется и что будет со стрелком и его друзьями. Для того чтобы это узнать, мне надо было писать. У меня был приблизительный план в начале, но он как-то забылся. (И черт с ним, наверное, это был не такой уж и стоящий план.) Остались только обрывочные заметки («чик-чирик, не бойся... дам тебе я хлеб-

ных крошек» — написано на листочке, который лежит передо мной на столе, когда я пишу эти строки). И вот наконец после долгого перерыва, в июле 2001 года, я снова взялся за «Темную Башню». К этому времени я уже понял, что мне давно уже не девятнадцать и что я тоже подвержен хворям и немощам бренной плоти. Я уже понял, что когда-нибудь мне будет шестьдесят и, может быть, даже семьдесят. И мне хотелось закончить свою историю, прежде чем злой патрульный заявится в последний раз. Меня совершенно не радовала перспектива запомниться вместе с «Кентерберийскими рассказами» и «Тайной Эдвина Друда».

Результат — на радость и на горе — перед тобой, мой Постоянный Читатель, начал ли ты читать с первого тома или готовишься прочитать пятый. Нравится это тебе или нет, но история Роланда завершена. Надеюсь, она доставит тебе удовольствие.

Я лично делал ее с удовольствием.

Стивен Кинг
25 января 2003

Предисловие

ольшинство из того, что писатели пишут о своих произведениях, — это полная чушь*. Вот почему нет таких книг, как «Сто великих предисловий западной цивилизации» или «Любимые предисловия американцев». Таково мое личное мнение, и я считаю, что, написав как минимум пятьдесят предисловий — не говоря уже о целой книге, посвященной писательскому мастерству, — я имею полное право высказать его вслух. И еще я считаю, что вам можно прислушаться к моим словам, когда я говорю, что мое предисловие к этой книге — это как раз тот редкий случай, когда автор действительно может сказать что-то стоящее.

Несколько лет назад я произвел скромный фурор среди моих постоянных читателей, предложив им исправленный и дополненный вариант «Противостояния». На самом деле я очень переживал за эту книгу, что было вполне извинительно и оправданно, потому что «Противостояние» всегда была и остается самой любимой книгой моих читателей (самые рьяные из почитателей «Противостояния» не стали бы сильно скорбеть, если бы я умер в 1980-м; с их точки зрения мир бы уже ничего не потерял).

Единственная книга Кинга, которая может сравниться с «Противостоянием» в смысле читательского интереса, — это, наверное, история Роланда Дискейна и его поисков Темной Башни. И теперь — черт возьми! — я переделал и ее тоже.

Только на самом деле я ее не переделал, а просто чуть-чуть доработал. Я хочу, чтобы вы это знали. И еще я хочу, чтобы вы знали,

* Подробнее о Факторе Чуши смотри «Как писать книги» (On Writing), изданную в Scribner в 2000 году. — *Примеч. автора.*

что именно я переделал и почему. Для вас, может быть, это не важно, но зато очень важно — для меня, вот почему данное предисловие станет исключением (я надеюсь) из Кинговского Правила Чуши.

Во-первых, учтите, что в первых изданиях «Противостояния» было много сокращений по сравнению с рукописным вариантом — и не из-за издательской прихоти, а по финансовым соображениям. (Существовали еще и другие ограничения, но я не хочу об этом говорить.) Все дополнения, которые я сделал в конце восьмидесятых, — это переработанные фрагменты изначального текста. Я также внес исправления во всю книгу в целом, прежде всего — чтобы соотнести повествование с эпидемией СПИДа, что расцвела пышным цветом (если данное выражение вообще уместно в данном конкретном случае) в период между первой публикацией «Противостояния» и выходом в свет переработанного и дополненного издания, восемь или даже девять лет спустя. В результате получился такой «кирпич» — на 100 000 слов длиннее по сравнению с первым изданием.

В случае со «Стрелком» первоначальный текст был небольшим, и я добавил всего лишь страниц тридцать пять, или около девяти тысяч слов. Если вы уже читали «Стрелка», вы обнаружите в новом издании только две-три новых сцены. Истинные поклонники «Темной Башни» (а таких на удивление много — достаточно заглянуть в Интернет) наверняка захотят прочитать книгу заново, и скорее всего большинство из них будут читать этот исправленный вариант с любопытством и раздражением. Я очень им симпатизирую, но должен признаться, что меня больше волнуют читатели, которые еще не знакомы с Роландом и его ка-тетом*.

И хотя у истории Башни есть свои восторженные поклонники, она все же не так широко известна моим читателям, как «Противостояние». Иногда на встречах с читателями я прошу людей в зале: кто прочел хотя бы одну из моих книг, поднимите руку. Поскольку они пришли специально, чтобы меня послушать — причем иногда это связано с дополнительными неудобствами и дополнительными расходами: найти, с кем оставить ребенка, заправить свой старенький «седан», — вовсе неудивительно, что большинство из присутствующих поднимают руки. Потом я говорю: а теперь те из вас, кто прочел хотя бы одну книгу из «Темной Башни», оставьте руки поднятыми. И каждый раз получается, что половина рук опускается. Вывод напрашивается сам собой: хотя я столько трудился над Башней за эти тридцать три года между 1970-м и 2003-м, читают ее относительно мало. Но те, кто прочел этот цикл, сразу его полюбили, и я тоже очень его люблю — по крайней мере этой любви хватило, чтобы не отправить Роланда в изгнание, куда отправляются все злосчастные неосуществленные персонажи (вспомните чосеров-

* люди, связанные судьбой. — *Примеч. автора.*

ских пилигримов на пути к Кентербери или героев последнего, незаконченного романа Чарлза Диккенса «Тайна Эдвина Друда»).

Я всегда был уверен (на подсознательном уровне, потому что я что-то не помню, чтобы я специально об этом задумывался), что у меня будет время закончить Башню, и в назначенный час Господь Бог даже пришлет мне музыкальную телеграмму: «Динь-динь-динь / Садись за работу, Стивен / Заканчивай Башню». В каком-то смысле что-то подобное и произошло, хотя это была не музыкальная телеграмма, а контакт первой степени с мини-автобусом «плимут». Но как бы там ни было, я снова засел за работу. Если бы этот фургончик, сбивший меня на дороге, был чуть побольше, если бы удар пришелся не в бок, а в лоб, то все закончилось бы убедительной просьбой к скорбящим не приносить цветов и «семья Кинга благодарит вас за искренние соболезнования». И поиск Роланда так и остался бы незавершенным. Кто-то, может быть, и завершил бы его, но не я.

В общем, в 2001 году — когда я более или менее пришел в себя — я решил, что уже пришло время закончить историю Роланда. Я отложил все остальное и засел за работу над последними тремя томами. Как обычно, я это сделал не столько ради читателей, которые требовали продолжения, сколько ради себя самого.

Сейчас зима 2003-го, и я еще даже не брался за окончательную редактуру двух последних томов, но сами книги уже готовы. Я закончил их прошлым летом. А в промежутке между редакторской доработкой пятого («Волки Кальи») и шестого («Песнь Сюзанны») томов я подумал, что пора бы вернуться к началу и внести исправления в первые книги. Почему? Потому что все семь томов цикла — это не отдельные истории, а части единого длинного повествования, большого романа под названием «Темная Башня», начало которого явно не синхронизировано с окончанием.

Мой подход к редактуре собственных произведений остался прежним. Я знаю, что многие авторы вносят правку «по ходу дела», но мой метод — это стремительный натиск: врываешься в книгу и проносишься сквозь нее на максимально возможной скорости, так чтобы клинок повествования всегда оставался острым — а чтобы он оставался острым, он должен всегда быть в работе, — и при этом стараешься обогнать злейшего из врагов всех писателей, имя которому — сомнение. Когда пересматриваешь свою вещь, сразу же возникает немало вопросов: «Насколько правдоподобны мои герои?», «Интересна ли книга в целом?», «Хорошая это книга или так, ерунда?», «Кого-то это вообще волнует?», «А меня самого это волнует?»

Когда книга закончена, я на время откладываю ее в сторону — такую, какая есть, со всеми недоработками и изъянами — и даю ей отлежаться, дозреть. Через какое-то время — полго-

да, год, два года, на самом деле это не так уж и важно — я возвращаюсь к отложенной книге, просматриваю ее снова, уже более спокойным (но по-прежнему любящим) взглядом и тогда уже начинаю править. Части «Башни» выходили отдельными книгами, каждая — под своим названием, правил я их отдельно и сумел оценить всю работу в целом, только закончив седьмую книгу, «Темную Башню».

Когда я внимательно перечитал первый том — тот, который у вас в руках, — я понял три очевидные истины. Во-первых, поскольку «Стрелок» был написан очень молодым автором, в нем присутствуют все проблемы, присущие книгам очень молодых авторов. Во-вторых, там есть много неточностей и фаль-стартов, и особенно — в свете следующих томов*. И в-третьих, «Стрелок» даже звучит совершенно не так, как другие книги — честно сказать, его трудно читать. Я слишком часто извинялся за это перед читателями и говорил, что если они продерутся сквозь первый том, они увидят, что уже в «Извлечении троих» история обретает свой истинный голос.

Где-то в «Стрелке» встречается такое описание Роланда: человек, который подправил бы перекосившуюся картину в незнакомом гостиничном номере. Я сам точно такой же, и в каком-то смысле правка собственной книги к тому и сводится: подправить перекосившиеся картины, пропылесосить полы, выдраить туалет. В случае со «Стрелком» это была генеральная уборка. Мне пришлось потрудиться, но я не хотел упускать возможности сделать то, что хочется сделать любому из авторов со своей вещью, которая уже закончена, но ее еще нужно отшлифовать и настроить: довести до ума, чтобы все было правильно. Когда ты уже знаешь, что должно получиться в итоге, ты просто обязан вернуться к началу и свести все воедино. Причем это нужно не только потенциальным читателям — это нужно тебе самому. Собственно, я потому и решил переделать «Стрелка»; но при этом я очень тщательно следил за тем, чтобы мои исправления и добавления не раскрыли секретов, которые будут раскрыты в последних трех книгах, — секретов, некоторые из которых я терпеливо хранил на протяжении тридцати лет.

И еще я хочу сказать несколько слов о том молодом человеке, которым я был когда-то и который рискнул написать эту книгу. Этот молодой человек посещал слишком много писательских семинаров и как-то свыкся со всеми истинами, провозглашаемыми на таких семинарах: что автор пишет не для себя, а для других; что язык книги важнее сюжета; что неопределенность — это лучше, чем ясность и

* Вот только один из примеров: в первой редакции «Стрелка» Фарсон — это название города. Но в следующих книгах оно как-то само собой превратилось в имя человека, мятежника Джона Фарсона, который устроил падение Гилеада, города-государства, где родился и вырос Роланд. — *Примеч. авт.*

простота, которые часто являются признаками недалекого ума, воспринимающего все буквально. Так что я вовсе не удивился, когда обнаружил, что дебютный «Стрелок» получился излишне претенциозным (я уже не говорю про сотни совершенно не нужных наречий). Я убрал всю эту пустопорожнюю болтовню, и в этом смысле я не жалею ни об одном сокращенном слове. В каких-то местах — это всегда были фрагменты, где, увлекшись каким-нибудь завораживающим эпизодом, я забывал об идеях, которые нам вдалбливали на писательских семинарах, — я оставлял текст практически без изменений, не считая обычной редакторской правки. Как я уже говорил в другом месте и по другому поводу, с первого раза все получается только у Бога.

Но как бы там ни было, я не хотел слишком сильно менять стиль «Стрелка». Потому что мне кажется, что при всех его недостатках в нем есть какое-то особое очарование. Изменить эту книгу до неузнаваемости — это значило бы отречься от того человека, который первым ее написал, еще тогда, в конце весны и в начале лета 1970 года, а мне этого не хотелось.

Мне хотелось — причем по возможности до того, как последние книги серии выйдут в свет — сделать так, чтобы новым читателям, которым только еще предстоит познакомиться с «Темной Башней» (и старым читателям, которые захотят вспомнить начало), было легче и проще войти в мир Роланда. Мне хотелось, чтобы читатели получили книгу, в которой были бы намечены основные сюжетные линии следующих томов. Надеюсь, я справился с этой задачей. Я сейчас обращаюсь к тем, кто еще не знаком с миром Башни: я очень надеюсь, что вам понравятся здешние чудеса. Потому что мир Роланда — это мир чудес, а его история — долгая сказка. Именно так я ее и задумал. И если Темная Башня околдует и вас, пусть даже самую малость, значит, я сделал свою работу — работу, которая началась в 1970-м и завершилась в общем и целом в 2003-м. Хотя сам Роланд сказал бы, что какие-то тридцать лет ничего не значат. На самом деле если ты вышел на поиски Темной Башни, тебя уже не заботит время.

6 февраля 2003

...камень, лист, ненайденная дверь; о камне, о листе, о двери. И обо всех забытых лицах.

Нагие и одинокие приходим мы в изгнание. В темной утробе нашей матери мы не знаем ее лица; из тюрьмы ее плоти выходим мы в невыразимую глухую тюрьму мира.

Кто из нас знал своего брата? Кто из нас заглядывал в сердце своего отца? Кто из нас не заперт навеки в тюрьме? Кто из нас не остается навеки чужим и одиноким?

...О, утраченный и ветром оплаканный призрак, вернись, вернись.

Томас Вулф.
«Взгляни на дом свой, ангел»

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ

Глава 1
Стрелок

I

еловек в черном ушел в пустыню, и стрелок двинулся следом.

Эта пустыня, апофеоз всех пустынь, растянулась до самого неба, в необозримую бесконечность по всем направлениям — белая, слепящая, обезвоженная и совершенно безликая. Только мутное марево горной гряды призрачно вырисовывалось на горизонте, и еще изредка попадались сухие пучки бес-травы, что приносит и сладкие сны, и кошмары, и смерть. Редкий надгробный камень служил указателем на пути. Узенькая тропа, пробивающая толстую корку солончаков, — вот все, что осталось от старой столбовой дороги, где когда-то ходили фургончики и повозки. С тех пор мир сдвинулся с места. Мир опустел.

На стрелка накатило мимолетное головокружение, когда все внутри вдруг обрывается и мир кажется эфемерным, почти прозрачным. Оно быстро прошло, и, как и мир, по чьей тверди сейчас шел стрелок, он тоже сдвинулся с места. Стрелок шел спокойно, не торопясь, но и не тратя времени даром. Вокруг его пояса обвивался бурдюк с водой. Бурдюк был почти полный и напоминал туго набитую колбасу. Стрелок много лет практиковался в *кхефе* и достиг, может быть, пятого уровня. Будь он праведником из мэнни, он бы вообще не испытывал жажды; он бы тогда наблюдал за тем, как его тело теряет воду, бесстрастно и невозмутимо, и увлажнял бы расщелины этого тела и темные глубины его пустот лишь тогда, когда разум подсказывал бы ему, что это действительно необходимо. Но он не был мэнни, и не поклонялся Человеку Иисусу,

и уж никак не считал себя праведником. Иными словами, он был самым обыкновенным странником и ничего не знал наверняка, кроме того, что ему уже хочется пить. Хотя не так сильно, чтобы пить прямо сейчас. В каком-то смысле ему это даже нравилось. Так было положено в этом краю, краю жажды, а всю свою долгую жизнь стрелок только и делал, что приспосабливался к обстоятельствам. И он это умел.

Под бурдюком прятались револьверы. Его револьверы, что как влитые ложились в руку. Они перешли к нему от отца, который был ниже ростом и не таким крупным, и их пришлось утяжелить металлическими пластинами. Пара ремней, перекрещиваясь, опоясывала его бедра. Две кобуры были промаслены так, что не растрескались даже от жара этого беспощадного солнца. Желтые, тщательно отполированные рукояти его револьверов были сделаны из лучшей сандаловой древесины. Прикрепленные к поясу крепкой веревкой из сыромятной кожи, кобуры покачивались при ходьбе, тяжело ударяя по бедрам. В этих местах синяя краска на джинсах стерлась (а ткань истончилась), и получились две светлые дуги, почти похожие на две улыбки. Медные гильзы патронов у него в патронташе вспыхивали и мерцали на солнце, отражая его лучи, как гелиограф. Теперь патронов осталось значительно меньше, чем было. Кожа кобур едва уловимо потрескивала.

Его рубаха бесцветна, как дождь или пыль. Ворот распахнут, сыромятный шнурок свободно болтается в пробитых вручную дырках. Его шляпа давно потерялась. Как и рог — тот, в который трубят, — который был у него когда-то; он потерялся давным-давно, этот рог, выпал из руки умирающего товарища, и стрелку не хватало теперь их обоих.

Он остановился у пологой дюны (хотя песка в этой пустыне не было — один твердый сланец; и пронзительный ветер, что всегда пробуждался с наступлением темноты, поднимал только клубы несносной пыли, едкой, как чистящий порошок) и оглядел растоптанные угольки маленького костерка с подветренной стороны, с той стороны, откуда солнце уходит раньше. Такие вот мелочи — знаки, подобные этому, — лишний раз подтверждающие предполагаемую человеческую сущность человека в черном, — всегда доставляли ему несказанное удовольствие. Губы стрелка растянулись в подобие улыбки на изъеденных жаром пустыни останках лица. Улыбка вышла болезненной, страшной. Он присел на корточки.

Человек в черном жег бес-траву, а как же иначе. Бес-трава здесь — единственное, что горит. Горит очень медленно, блеклым масляным пламенем. Люди с приграничных земель говорили ему, что бесы живут даже в ее огне. Они, люди с границы, жгли бес-траву, но не смотрели на пламя. Они говорили, что, если

смотреть на пламя, бесы тебя околдуют и утащат к себе. А потом какой-нибудь другой идиот, который тоже засмотрится на огонь, увидит там тебя.

Сожженная трава, еще один символ в уже знакомом идеографическом узоре, рассыпалась серой бессмыслицей под шарящей по кострищу рукой стрелка. Среди пепла не было ничего, лишь обгорелый кусочек бекона. Стрелок задумчиво его съел. Так было всегда. Уже два месяца он преследует человека в черном в этой пустыне, в нескончаемом, однообразном чистилище пустоты, и до сих пор не нашел ничего: только эти гигиенично-стерильные идеограммы пепла костров. Ни разу ему не попалось какой-нибудь банки, бутылки или же бурдюка (сам стрелок выкинул по дороге четыре штуки; просто выбросил, как змея сбрасывает отмершую кожу). Испражнений он тоже не видел. Наверное, человек в черном их зарывал.

А может быть, эти кострища — одна большая записка Высоким Слогом. По букве за раз. Кто его знает, что там написано. *Держи дистанцию, дружище.* Или, может быть: *уже скоро конец.* Или, может быть, даже: *а вот попробуй меня поймать.* Впрочем, это уже не имело значения. Стрелка совершенно не волновало, о чем говорится в этих записках — если это были записки. Его волновало другое: когда он пришел, это кострище уже остыло, как и все остальные. И все-таки он приблизился к цели. Он знал это наверняка, хотя и не знал — откуда. Может быть, просто чутье. Хотя это тоже уже не имело значения. Он пойдет дальше и будет идти, пока что-нибудь не изменится. А если даже ничего не изменится, он все равно пойдет дальше. Бог даст, будет вода, как говорят старики. Если Бог так решит, то вода обязательно будет — даже в пустыне. Стрелок поднялся, стряхивая пепел с рук.

Больше никаких следов; ветер, острый как бритва, давно срезал те бледные отпечатки, что могли удержаться на твердом сланце. Вообще ничего. Ни испражнений, ни мусора, никаких указаний на то, где их могли закопать. Ничего. Только эти остывшие кострища вдоль древней торной дороги, ведущей на юго-восток, и неумолимый дальномер у него в голове. Хотя, разумеется, было еще кое-что; притяжение юго-востока — это не просто движение в заданном направлении и не простой магнетизм.

Он уселся и позволил себе отхлебнуть воды из бурдюка. Он подумал о том мимолетном головокружении, когда ему вдруг показалось, что он почти не привязан к миру. Интересно, что это значит. И почему в связи с этим головокружением ему вспомнился его рог и последний из старых друзей, которых он потерял, обоих, давным-давно, у Иерихонского Холма. Ведь револьверы остались — револьверы его отца, — а это гораздо важнее, чем рог... или даже друзья.

Или нет?

Это был странный вопрос, тревожный, но поскольку ответ был один и вполне определенный, стрелок решил не ломать себе голову. Может быть, позже он еще поразмыслит об этом. Но не сейчас. Он оглядел пустыню и поднял глаза к солнцу, что спускалось теперь к горизонту по дальнему квадранту неба, который — вот тоже тревожная мысль — располагался уже не совсем на западе. Стрелок встал, вытащил из-за пояса старые, изношенные перчатки и принялся рвать бес-траву для своего костра. Он разложил костер в круге пепла, оставленного человеком в черном. В этом тоже была ирония, которая, как и романтика жажды, показалась стрелку привлекательной. Горькой, но привлекательной.

Он не сразу достал свой кремень и кресало. Он дождался, пока последние проблески дневного света не обратятся в летучее марево на земле под ногами и в узкую ядовито-оранжевую полосу на черно-белом горизонте. Он терпеливо сидел, глядя на юго-восток, туда, где высились горы. Он ничего не ждал. Он не надеялся разглядеть тоненькую струйку дыма от другого костра или оранжевую искру пламени. Он просто смотрел, потому что так было нужно. И в этом тоже была своя горькая привлекательность. «Чтобы что-то увидеть, надо смотреть, понял, ты, недоумок, — говорил Корт. — Бог дал нам глаза, чтобы ими смотреть. Вот и открой свои буркалы».

Но там, в горах, не было ничего. Да, он уже близок к цели, но лишь относительно близок. Еще не настолько, чтобы в сумерках разглядеть дым или оранжевый проблеск костра.

Он высек искру на охапку сухой измельченной травы, бормоча бессмысленные слова старого детского заклинания:

— Искра, искра в темноте, где мой сир, подскажешь мне? Устою я? Пропаду я? Пусть костер горит во мгле.

Вот странно: человек вырастает и забывает про детство с его ритуалами и ребяческими заклинаниями — многое теряется по дороге, но кое-что все-таки остается, накрепко застревает в мозгах, вцепляется в тебя мертвой хваткой, и ты несешь этот груз всю жизнь, и с каждым годом он все тяжелее и тяжелее.

Он улегся на землю с наветренной стороны от костра так, чтобы дурманящий дым, навевающий грезы, уносился в пустыню. Ветер, разве что изредка поднимавший взвихренную пыль, дул спокойно и ровно.

Немигающие звезды над головой светили тоже спокойно и ровно. Миллионы миров и солнц. Головокружительные созвездия, холодное пламя всех первозданных оттенков. Пока он смотрел, темно-лиловое небо сделалось черным. Прочертив огненную дугу над Старой Матерью, во тьме мелькнул и погас метеор. Огонь костра отбрасывал в ночь причудливые тени. Бес-трава мед-

ленно выгорала, создавая новый узор — не идеограмму, а простенькое перекрестье линий, навевающее смутный ужас своей чуждой бессмыслице определенностью. Стрелок выкладывал траву для кострища, не думая о каких-то художествах. Главное, чтобы хорошо горело. Но узор все-таки получился. Он рассказывал о черном и белом. О человеке, который подправил бы перекосившуюся картину в незнакомом гостиничном номере. Костер горел медленным, ровным пламенем, и фантомы плясали в его раскаленной сердцевине. Стрелок их не видел. Он спал. Два узора, плоды искусства и ремесла, слились воедино. Ветер стонал, словно ведьма, чье нутро разъедает рак. Его капризные порывы то и дело подхватывали дурманящий дым и, кружась, овевали стрелка. Так что он все же вдыхал дурман. И дурман творил сны, как едва уловимое раздражение творит жемчужину в устричной раковине. Иной раз стрелок стонал вместе с ветром. Но звезды были равнодушны к его тяжким стонам, как они равнодушны к войнам, распятиям и воскресениям. И в этом тоже была своя горькая привлекательность.

II

Он спустился с последнего из предгорий, ведя за собой мула, чьи глаза, выпученные от жара, были уже мертвы. Три недели назад он миновал последний городок, а потом был только заброшенный тракт, да еще изредка попадались селения жителей приграничья — скопления хижин, покрытых дерном. То есть когда-то это были поселения, но они давно превратились в отдельные хутора, где обитали одни прокаженные и помешанные. Ему больше нравились полоумные. Один из них дал ему компас «Силва» из нержавеющей стали и попросил передать эту штуку Человеку Иисусу. Стрелок взял его с самым серьезным видом. Если он встретит Его, он отдаст Ему компас. Вряд ли, конечно, он встретит Иисуса, но всякое в жизни бывает. Однажды он видел тахина — это был человек с головой ворона — и окликнул его, но несчастный уродец сбежал, прокаркав что-то похожее на слова. Может быть, даже проклятия.

Последнюю хижину, где были люди, стрелок миновал пять дней назад, и он уже начал подозревать, что никаких хижин больше не будет, но, поднявшись на гребень последнего иссеченного ветром холма, увидел знакомую низкую крышу, покрытую дерном.

Поселенец — на удивление молодой человек с взлохмаченными волосами цвета спелой клубники, что свисали почти до пояса, — с неистовой страстью пропалывал хилые кукурузные всходы.

Мул издал жалобный хрип, поселенец вскинул голову; он

взглянул на стрелка, словно прицелился. Оружия у него не было. Во всяком случае, на виду. Поселенец поднял обе руки в небрежном приветствии, снова склонился над своей кукурузой на ближайшей к хижине грядке и принялся вырывать и кидать через плечо бестраву и зачахшие кукурузные стебли. Его длинные волосы развевались на ветру. Здесь ветер дул прямиком из пустыни, где нечему было его удержать.

Стрелок неспешно спустился с холма, ведя за собой мула, который вез бурдюки с водой. Он встал на краю кукурузной делянки, отхлебнул немного воды, чтобы во рту появилась слюна, и сплюнул на засохшую землю.

— Доброй жатвы твоим посевам.

— И твоим тоже, — отозвался молодой поселенец. Когда он разогнулся, у него в спине что-то явственно хрустнуло. Он смотрел на стрелка без страха. Его лицо — то есть та его малая часть, что просматривалась между космами и бородой, — было чистым, его не тронула гниль проказы, а глаза, разве что чуточку диковатые, казались глазами нормального человека. Не дурика. — Долгих дней и приятных ночей тебе, странник.

— Тебе того же вдвойне.

— Это вряд ли. — Поселенец коротко хохотнул. — У меня ничего нет, только бобы и кукуруза, — сказал он. — Кукуруза задаром, а за бобы надо будет чего-нибудь дать. Мне их приносит один мужик. Заходит сюда иногда, но никогда не задерживается надолго. — Поселенец опять рассмеялся. — Боится духов. И еще — человека-птицу.

— Я его видел. Человека-птицу, я имею в виду. Он от меня убежал.

— Ага. Он заблудился. Говорит, что он ищет какое-то место. Называется Алгул Сьенто, только он иногда называет его Синим Небом или Небесами. Я лично понятия не имею, где это. Ты не знаешь, случайно?

Стрелок покачал головой.

— Ладно... он не кусается и никому не мешает, так что хрен с ним. А ты сам живой или мертвый?

— Живой, — отозвался стрелок. — Ты говоришь, как мэнни.

— Я был мэнни, но очень недолго. Быстро понял, что это не для меня; уж больно они компанейские, на мой взгляд, и вечно их тянет искать дырки в мире.

«Это точно, — подумал стрелок. — Мэнни — великие путешественники».

Еще мгновение они молча разглядывали друг друга, а потом поселенец протянул стрелку руку.

— Меня зовут Браун.

Стрелок пожал его руку и назвал себя. И в этот момент тощий ворон каркнул на крыше землянки. Поселенец ткнул пальцем в ту сторону:

— А это Золтан.

При звуке своего имени ворон еще раз каркнул и слетел с крыши прямо на голову Брауну, где и устроился, вцепившись обеими лапами в спутанную шевелюру.

— Драть тебя во все дыры, — отчетливо прокаркал ворон. — И тебя, и кобылу твою.

Стрелок дружелюбно кивнул.

— Бобы, бобы, нет музыкальней еды, — вдохновенно продекламировал ворон, польщенный вниманием, — чем больше сожрешь, тем звончей перданешь.

— Это ты его учишь?

— Сдается мне, ничего больше он знать не хочет, — отозвался Браун. — Я как-то пытался его научить «Отче наш». — Он обвел взглядом безликую твердь пустыни. — Но, сдается мне, Отче наш — не для этого края. Ты стрелок. Верно?

— Да. — Он сел на корточки и достал кисет с табаком. Золтан перелетел с головы Брауна на плечо стрелка.

— А я думал, стрелков больше нет.

— Есть, как видишь.

— Ты из Внутреннего мира?

Стрелок кивнул.

— Только я там давно не был.

— Там еще что-то осталось?

Стрелок не ответил и сделал такое лицо, что сразу стало понятно: лучше не поднимать эту тему.

— Наверное, гонишься за тем, другим.

— Да, — ответил стрелок и тут же задал неизбежный вопрос: — Давно он тут проходил?

Браун пожал плечами.

— Не знаю. Здесь время какое-то странное. И направление и расстояния — тоже. Больше чем две недели. Но меньше двух месяцев. Тот мужик, который мне носит бобы, с тех пор приходил два раза. Так что, наверное, шесть недель. Хотя я могу ошибаться.

— Чем больше сожрешь, тем звончей перданешь, — вставил Золтан.

— Он тут останавливался? — спросил стрелок.

Браун кивнул.

— Ну, только чтобы поужинать, как и ты. Ты же, как я понимаю, поужинаешь. Мы посидели с ним, потолковали.

Стрелок поднялся, и ворон, протестующе каркнув, перебрался обратно на крышу. Стрелка охватила какая-то странная дрожь — дрожь предвкушения.

— И что он тебе говорил?

Браун удивленно приподнял бровь.

— Да так, ничего. Спрашивал, бывает ли тут у нас дождь, и давно ли я здесь поселился, и не схоронил ли жену. Спросил, была ли она мэнни, и я сказал, да, потому что мне показалось, что он и так это знает. Болтал-то все больше я, что вообще мне несвойственно. — Он умолк на мгновение, и только вой ветра нарушал мертвую тишину. — Он колдун, верно?

— Помимо прочего.

Браун серьезно кивнул.

— Я сразу понял. Он вытряхнул из рукава кролика, уже освежеванного и выпотрошенного. Прямо бери и клади в котел. А ты?

— Колдун? — Стрелок рассмеялся. — Нет, я просто человек.

— Тебе никогда его не догнать.

— Ничего, догоню.

Они посмотрели друг другу в глаза, вдруг проникшись взаимной симпатией: поселенец на иссохшей его земле, овеваемой пылью, и стрелок на сланцевой тверди, уходящей в пустыню. Он достал свой кремень.

— На вот. — Браун вытащил из кармана спичку с серной головкой и зажег ее, чиркнув по заскорузлому ногтю. Стрелок поднес кончик своей самокрутки к огню и глубоко затянулся.

— Спасибо.

— Тебе, наверное, нужно наполнить свои бурдюки, — отвернувшись, сказал поселенец. — Там за домом — родник, прямо под скатом крыши. А я пока приготовлю поесть.

Стрелок направился на задний двор, осторожно переступая через кукурузные грядки. Родник оказался на дне вырытого вручную колодца, выложенного камнями, чтобы вода не подмывала почву, рассыпчатую, как пыль. Спускаясь по шаткой лесенке, стрелок рассудил про себя, что с камнями возни было минимум года на два: набрать, натаскать, уложить. Вода оказалась чистой, но текла медленно, так что долгое это было дело — наполнить все бурдюки. Когда он заканчивал со вторым, Золтан взгромоздился на край колодца.

— Драть тебя во все дыры. И тебя, и кобылу твою, — предложил он.

Стрелок вздрогнул и поднял глаза. Глубина футов пятнадцать, не меньше; Брауну ничего бы не стоило сбросить вниз камень, проломить стрелку голову и забрать все стрелково добро. Ни полоумный, ни прокаженный так бы не поступили; но Браун — не дурик и не больной. И все же Браун ему понравился, так что стрелок выбросил эту мысль из головы и наполнил оставшиеся бурдюки водой.

Бог захотел — появилась вода, а чего там еще хочет Бог, с этим пусть разбирается ка. А его дело маленькое.

Когда стрелок вошел в хижину, спустившись по лестнице (все как положено: жилье устроено под землей, только так можно схватить и удержать ночную прохладу), Браун сидел у крошечного очага и переворачивал в углях кукурузные початки, поддевая их деревянной лопаткой. Две побитые по краям тарелки уже стояли по обеим сторонам выцветшего одеяла мышиного цвета, расстеленного на полу. Вода для бобов только еще начала закипать в котелке над огнем.

— Я заплачу и за воду тоже.

Браун даже не поднял головы.

— Вода — дар Божий. А бобы приносит папаша Док.

Стрелок издал короткий смешок и уселся на пол, прислонившись спиной к стене. Он сложил руки на груди и закрыл глаза. Вскоре по комнатушке разнесся запах жареной кукурузы. Браун высыпал в котелок пакетик сухих бобов, они громыхнули, как камушки. Слышалось изредка повторяющееся *тук-тук-тук* — это Золтан беспокойно ходил по крыше. Стрелок устал; бывало, в сутки он шел по шестнадцать, а то и вообще по восемнадцать часов, чтобы быстрей оказаться как можно дальше от того кошмара, что приключился в Талле, последней из деревень у него на пути. Причем последние двенадцать дней ему пришлось идти пешком; силы мула были уже на пределе. Как он еще жив — непонятно. Разве что в силу привычки. Когда-то стрелок знал одного человека, мальчишку по имени Шими. Так вот. У Шими был мул. Шими давно уже нет; никого больше нет. Остались лишь двое: сам стрелок и человек в черном. До него доходили какие-то смутные слухи об иных землях, зеленых землях за пределами этого края — их называют Срединным миром, — но верилось в это с трудом. Зеленые земли в здешнем пустынном краю — это как детская сказка.

Тук-тук-тук.

Две недели, сказал Браун, максимум шесть. Но это не важно на самом деле. В Талле были календари, и они там запомнили человека в черном. Потому что он исцелил старика. Самого обыкновенного старика, умирающего от травки. Старика тридцати пяти лет от роду. И если Браун не ошибался, получается, что человек в черном с тех пор поутратил свое преимущество, а стрелок сократил расстояние. Но пустыня еще не закончилась. И пустыня еще обернется адом.

Тук-тук-тук...

Одолжи мне свои крылья, птица. Я раскину их широко-широко, и меня унесет восходящий поток.

Он заснул.

III

Браун разбудил его через час. Было темно. Единственный проблеск света — тускло-вишневое мерцание угольков в очаге.

— Твой мул приказал долго жить, — сказал Браун. — Прими мои соболезнования. Ужин готов.

— Как?

Браун пожал плечами.

— Поджарен и сварен, а как иначе? Очень разборчивый, да?

— Нет, я про мула.

— Просто лег и не встал. Видно же, старый был мул. — Он помолчал и добавил, как бы извиняясь: — Золтан склевал глаза.

— Ага. — Этого следовало ожидать. — Ну да ладно.

Когда они уселись у одеяла, что служило здесь вместо стола, Браун еще раз изумил стрелка, испросив краткого благословения: дождя, здоровья и просветления душе.

— А ты веришь в загробную жизнь? — спросил стрелок, когда Браун выложил ему на тарелку три дымящихся кукурузных початка.

Браун кивнул.

— Сдается мне, это она и есть.

IV

Бобы были как пули, кукуруза — не мягче. Снаружи выл ветер, обдувая покатую крышу, свисающую до земли. Стрелок ел быстро и жадно, запивая еду водой. Он выпил целых четыре чашки. Он еще не доел, как вдруг раздался стук в дверь, словно кто-то строчил из пулемета. Браун встал и впустил Золтана. Ворон перелетел через комнату и угрюмо устроился в уголке.

— Нет музыкальней еды, — буркнул он.

— Слушай, а ты не думал его съесть? — спросил стрелок.

Поселенец рассмеялся.

— Животные, умеющие говорить... их не едят, — сказал он. — Птицы, ушастики-путаники, бобы-человеки. У них мясо жесткое.

После ужина стрелок предложил Брауну свой табак.

«Сейчас, — подумал стрелок. — Сейчас будут вопросы».

Но Браун не задавал никаких вопросов. Он молча курил табак, выращенный в Гарлане долгие годы назад, и смотрел на догорающие угольки. В хижине стало заметно прохладнее.

— И не введи нас во искушение, — выдал Золтан. Неожиданно, как откровение.

Стрелок вздрогнул, как будто в него кто-то выстрелил. У него вдруг возникла уверенность, что все это иллюзия, наваждение. Что человек в черном наслал на него свои чары и пытается что-то ему сказать. Посредством таких идиотских и бестолковых символов.

— Знаешь такой городок, Талл? — спросил он.

Браун кивнул.

— Заходил на пути сюда. И потом еще один раз, чтобы продать кукурузу и хлопнуть виски. В тот год тут был дождь. Минут пятнадцать, наверное, лил. Земля, веришь ли, словно раскрылась и поглотила всю воду. И уже через час снова стала сухой и белой. Как всегда. Но кукуруза... Боже мой, кукуруза! Было видно, как она растет. Но это еще ничего. Ее было *слышно,* будто дождь дал ей голос. Хотя и безрадостный голос. Она как будто вздыхала и стонала, выбираясь из-под земли. — Он помолчал. — Зато уродилась на славу. Мне даже вроде как лишку было. Так что я взял и продал ее. Папаша Док предлагал, давай, мол, я продам, чего тебе-то таскаться. Но он бы меня обжулил. Вот я сам и пошел.

— Тебе там не понравилось?

— Нет.

— А меня там едва не убили, — сказал стрелок.

— Как так?

— Я убил человека, которого коснулась десница Божия. Только это был не Бог. А тот человек, с кроликом в рукаве. Человек в черном.

— Он это специально подстроил. Заманил тебя в ловушку.

— Твоя правда, за правду — спасибо.

Они смотрели друг другу в глаза сквозь полумрак. В этом застывшем мгновении чувствовалась некая безысходная завершенность.

«*Сейчас* будут вопросы».

Но Браун по-прежнему не задавал никаких вопросов. Он мусолил свою самокрутку, пока от нее не остался дымящийся чинарик, но когда стрелок похлопал по кисету, предлагая еще, Браун только мотнул головой.

Золтан встрепенулся, собрался было высказаться, но смолчал.

— А можно, я расскажу? — спросил стрелок. — Вообще-то я не особенно разговорчивый, но...

— Иногда надо выговориться. Ты рассказывай, а я буду слушать.

Стрелок попытался подобрать слова, чтобы начать рассказ, но не сумел ничего придумать.

— Мне надо отлить, — сказал он.

Браун кивнул.

2 Зак. 722

— В кукурузу, ага?

— Ясное дело.

Он поднялся по лестнице и вышел в ночь. В небе мерцали звезды. Ветер бился, как пульс. Моча дрожащей струей пролилась на иссохшее кукурузное поле. Это он, человек в черном, заманил его сюда. Может быть, Браун и есть человек в черном. Может быть...

Он отогнал от себя эти мысли, тревожные и бесполезные. Он может справиться с чем угодно, кроме одного: собственного безумия. Он вернулся обратно в хижину.

— Ну что? Ты решил, наваждение я или нет? — спросил Браун.

Стрелок вздрогнул и на мгновение застыл на ступеньке. Потом неторопливо сошел вниз и сел на свое прежнее место.

— Да вот, пока думаю. А ты наваждение?

— Если да, то я как-то не в курсе.

Ответ не сказать чтобы особенно утешительный, но стрелок решил, что сойдет и так.

— Так я начал про Талл.

— Растет городок?

— Его больше нет. Я убил всех, — сказал стрелок, а про себя добавил: «А теперь я убью и тебя, хотя бы по той причине, что мне надо выспаться, а так мне придется приглядывать за тобой. Как-то не хочется спать в один глаз». Как он до этого докатился? И зачем тогда гнаться за человеком в черном, если он сам стал таким же, как его враг?

Браун сказал:

— Мне ничего от тебя не нужно, стрелок. Разве что вот: когда ты уйдешь, мне бы хотелось остаться на этом свете. Я не стану тебя умолять сохранить мне жизнь, но это не значит, что мне неохота пожить еще.

Стрелок закрыл глаза. В голове все плыло.

— Скажи мне, кто ты, — хрипло выдавил он.

— Просто человек. Вполне безобидный и не желающий тебе зла. И если ты все еще хочешь рассказывать, я буду слушать.

Стрелок молчал.

— Ладно, я понял. Ты не успокоишься, пока я не попрошу тебя рассказать, — сказал Браун. — Вот я и прошу. Ты мне расскажешь про Талл?

Теперь слова пришли сами. Стрелок даже сам поразился тому, как он легко подбирает слова. Он заговорил. Поначалу — какими-то вялыми, невыразительными рывками, но мало-помалу рассказ вылился в плавное, может быть, даже слегка монотонное повествование. В голове прояснилось. Его охватило какое-то странное возбуждение. Говорил стрелок долго, до поздней ночи. Браун слушал не перебивая. И ворон тоже.

V

Он купил мула в Прайстауне, и, когда они пришли в Талл, мул был еще полон сил. Солнце зашло час назад, но стрелок продолжал идти, ориентируясь поначалу на отблески городских огней в небе, а потом — на неестественно чистые звуки кабацкого пианино, на котором играли «Эй, Джуд». Дорога заметно расширилась, как река, вбирающая в себя притоки. Вдоль дороги стояли столбы с искровыми фонарями, но их свет давно умер.

Стрелок уже и не помнил, когда закончился лес. Теперь он сменился однообразным, унылым пейзажем прерий: безбрежные заброшенные поля, заросшие низким кустарником и тимофеевкой, жалкие лачуги, зловещие, брошенные поместья, хранимые сумрачными, словно погруженными в тяжкие думы особняками, где, несомненно, водились демоны; покинутые всеми скособоченные хибары, откуда люди ушли либо по собственной воле, либо их вынудили уйти; редкую хижину поселенца, оставшегося на месте, выдавало разве что одинокое мерцание точечки света во тьме по ночам, а днем — угрюмое, явно вырождающееся семейство, молча трудившееся на своем чахлом поле. Здесь в основном сеяли кукурузу, и еще — бобы или горох. Случалось даже, что какая-нибудь отощавшая коровенка тупо таращилась на стрелка сквозь прореху в ободранной покосившейся изгороди. Четыре раза мимо проехали почтовые кареты: две — навстречу, две — в ту же сторону, что и стрелок. В обогнавших его каретах почти не было пассажиров; в тех, что катили в обратную сторону, к лесам на севере, народу было побольше. Иногда попадались и фермеры на своих шатких повозках. Они старательно отводили глаза, чтобы не встретиться взглядом со странником с револьверами.

Унылый, уродливый край. С тех пор как стрелок покинул Прайстаун, дождь шел два раза, и оба раза как будто нехотя. Даже трава тимофеевка была желтой и вялой. Это страна не для жизни: разве что быстро пройти ее и забыть. И никаких следов человека в черном. Но возможно, он сел в карету.

Дорога изогнулась дугой. Сразу за поворотом стрелок остановился и глянул вниз, на Талл. Городок расположился на дне чашевидной долины — поддельный самоцвет в дешевой оправе. Кое-где горел свет, в основном огни сосредоточились там, где звучала музыка. Улиц вроде бы было четыре, три из которых шли под прямым углом к проезжему тракту, служившему одновременно и главной улицей городка. Может, тут есть ресторанчик. Сомнительно, впрочем, но вдруг... Стрелок прикрикнул на мула: «Пошел!»

Теперь дома вдоль дороги стояли все чаще, но почти все — по-прежнему необитаемые. Стрелок миновал крохотное

кладбище. Заплесневелые, покосившиеся деревянные плиты утонули в буйно разросшейся бес-траве. А еще через пять сотен футов стрелок поравнялся с изжеванным указателем с надписью: ТАЛЛ.

Краска пооблупилась, так что разобрать надпись на указателе стало практически невозможно. Чуть подальше был еще один указатель, но стрелок так и не смог прочитать, что там написано.

Дурашливый хор полупьяных голосов поднялся в последнем протяжном куплете «Эй, Джуд» — «Наа-наа-наа наа-на-на-на... эй, Джуд...» — едва стрелок вступил в черту городка. Звук был мертвым, как гудение ветра в дупле прогнившего дерева. И лишь прозаическое бренчание кабацкого пианино удержало стрелка от серьезных раздумий о том, уж не вызвал ли человек в черном призраков, чтобы населить ими этот заброшенный город. Эта мысль вызвала у него улыбку.

На улицах были люди. Не много, но были. Три дамы — все три в черных брюках и одинаковых блузах с высокими стоячими воротниками — прошли мимо стрелка по другой стороне дороги, подчеркнуто глядя в сторону. Их лица как будто плыли над неразличимыми под свободной одеждой телами, точно большие бледные шары с глазами. Мрачного вида старик в соломенной шляпе, крепко сидящей на самой макушке, наблюдал за ним со ступеней крыльца заколоченной бакалейной лавки Худющий портной, занятый с поздним клиентом, на мгновение прервал работу и проводил стрелка взглядом; он даже поднес к окну лампу, чтобы получше разглядеть. Стрелок кивнул. Ни портной, ни клиент не кивнули в ответ. Он буквально физически ощущал, как их взгляды впились в кобуры у него на бедрах. Пацан лет тринадцати и девчонка — то ли его сестра, то ли подружка — перешли через улицу, помедлив какую-то долю мгновения. Прошли, поднимая ногами пыль, зависавшую в воздухе маленькими облачками. Здесь, в городке, фонари работали, но это были не электрические фонари; их стекла давно потускнели от толстого слоя масляного нагара. Кое-где фонари были разбиты. Была тут и платная конюшня, которая держалась, наверное, только тем, что через городок проходил маршрут почтовых карет. Сбоку от входа в конюшню трое мальчишек молча сидели на корточках возле поля для игры в шарики, начерченного в пыли, и смолили самодельные папиросы из кукурузных оберток. Их длинные тени пролегли через дворик. У одного была шляпа со скорпионьим хвостом, лихо заткнутым за ленту. У второго — бельмо на вздутом, вылезающем из орбиты глазу. На левом.

Стрелок провел мимо них мула и заглянул в сумрачные глубины конюшни. Единственная лампа еле-еле коптила. В ее рассеянном свете вздрагивала и плясала тень — долговязый нескладный старик в комбинезоне, натянутом прямо на голое тело,

поддевал громадными вилами большие охапки сена и размашисто, с уханьем, переваливал их на сеновал.

— Эй! — окликнул его стрелок.

Вилы дрогнули, и хозяин с раздражением обернулся.

— Себе поэйкай!

— У меня мул.

— Хорошо тебе.

Стрелок швырнул в полутьму золотой. Тяжелую, неровно обточенную по краям монету. Она сверкнула и глухо звякнула о старые доски, посыпанные сечкой.

Хозяин вышел вперед, наклонился, поднял золотой, подозрительно покосился на стрелка и, на мгновение задержав взгляд на его портупеях, кисло кивнул.

— Надолго его оставляешь?

— На ночь, на две. Может, больше.

— У меня нету сдачи.

— Сдачи не надо.

— Стреляные денежки, — буркнул хозяин

— Что?

— Ничего. — Хозяин подхватил уздечку и повел мула в сарай.

— И почисти его хорошенько! — крикнул стрелок вдогонку. — Приду — проверю!

Старик даже не обернулся. Стрелок вышел к мальчишкам, что сидели у поля для шариков. Он еще раньше заметил, что они наблюдают за их перепалкой со старым хрычом. Причем наблюдают с презрительным интересом.

— Долгих дней и приятных ночей, — сказал стрелок, пытаясь завязать разговор.

Нет ответа.

— Вы, ребята, здесь, что ли, живете? В городе?

Нет ответа. Но парень со скорпионьим хвостом на шляпе, похоже, кивнул головой.

Один из мальчишек вынул изо рта лихо скрученную папироску из кукурузной обертки, зажал в кулаке зеленый шарик — кошачий глаз — и пульнул его в круг на земле. Шарик ударил в «квакушку» и выбил ее за пределы поля. Парнишка поднял свой камушек и приготовился к новому «выстрелу».

— Где тут можно поесть? — спросил стрелок.

Один из них, самый младший, соизволил-таки поднять голову. Уголок его рта украшала здоровая блямба простуды, но глаза у него были вполне нормальные и пока что бесхитростные и наивные. Впрочем, в таком тухлом месте эта наивность долго не протянет. Он смотрел на стрелка с плохо скрываемым удивлением, очень трогательным и одновременно пугающим.

— У Шеба бывают бифштексы.

— Это в том кабаке?

Мальчик кивнул:

— Ага.

Взгляды его товарищей сделались вдруг колючими и враждебными. Мальчишке, похоже, придется дорого заплатить за то, что он говорил с чужаком так дружелюбно.

Стрелок поднес руку к полям своей шляпы.

— Благодарствую, парни. Было приятно узнать, что в этом городе есть еще люди, у которых хватает мозгов, чтобы связно складывать звуки в слова.

Он поднялся на дощатый настил и зашагал вниз по улице к заведению Шеба. За спиной у него прозвучал звонкий презрительный голос кого-то из тех, двоих. Совсем еще детский дискант:

— Травоед! И давно, интересно, ты дрючишь свою сестру, Чарли? Травоед!

А потом — звук удара и плач.

У входа в кабак горели аж три керосиновые лампы, по одной с каждого боку и еще одна — прямо над покосившейся двустворчатой дверью. Пьяный хор, распевавший «Эй, Джуд», уже выдохся, и пианино бренчало теперь какую-то другую старую балладу. Голоса шелестели, словно рвущиеся нити. Стрелок на мгновение застыл на пороге, глядя в зал. На полу — слой древесных опилок. У колченогих столов — плевательницы. Стойка — обычная доска, укрепленная на козлах для пилки дров. За ней — заляпанное зеркало, в котором отражался тапер, непременно сутулый, на своем непременно вертящемся табурете. У пианино не было передней панели, и было видно, как деревянные молоточки скачут вверх-вниз, когда эта хитрая штука играет. Барменша — светловолосая женщина в грязном голубом платье. Одна бретелька оторвана и подколота английской булавкой. Человек этак шесть — надо думать, все местные — скучковались в глубине зала, где методично нажирались и лениво поигрывали в «Не зевай». Еще с полдюжины посетителей сгрудились у пианино. Еще четверо или пятеро — у стойки. И какой-то старик со всклокоченными седыми космами спал, повалившись на столик у самых дверей. Стрелок вошел.

Все, кто был там, внутри, обернулись к двери. Все как один. Взгляды уперлись в стрелка и его револьверы. На мгновение в помещении воцарилась почти полная тишина, только рассеянный тапер, ничего не заметив, продолжал бренчать на своем пианино. А потом женщина за стойкой поморщилась, и все стало как прежде.

— Не зевай, — сказал кто-то из игроков в углу и побил червонную тройку четверкой пик, сбросив все свои карты. Тот, чья тройка ушла, смачно выругался, сдвинул деньги на середину стола, и карты сдали по новой.

Стрелок приблизился к стойке.

— Мясо есть? — спросил он.

— А то. — Женщина смотрела ему прямо в глаза. Когда-то она была даже красива, но с тех пор все изменилось. Мир сдвинулся с места. Теперь ее лицо поистаскалось и отекло, а на лбу красовался лиловый изогнутый шрам. Она его густо запудрила, но эта нехитрая уловка не скрывала рубец, а скорее привлекала к нему внимание. — Чистое мясо, хорошее. От доброй скотины. Только оно денег стоит.

Чистое, значит. От доброй скотины. Усраться можно, подумал стрелок. Да то, что лежит у тебя в холодилке, наверняка бегало на шести ногах и глядело тремя глазами, леди-сэй.

— Давай, значит, мне три бифштекса и пиво.

И снова — едва уловимый сдвиг в атмосфере. Три бифштекса. Рты наполнились слюной, языки впитали ее с неторопливым и сладострастным смаком. Три бифштекса. Где это видано, чтоб человек ел по три бифштекса за раз?!

— С тебя пять быксов. Быксы-то есть?

— В смысле, доллары?

Женщина за стойкой кивнула, так что она, вероятно, имела в виду баксы.

— Это как, вместе с пивом? — спросил стрелок, улыбнувшись. — Или за пиво платить отдельно?

Женщина не улыбнулась в ответ.

— Ты сперва покажи мне деньги, а потом будет пиво.

Стрелок выложил на стойку золотой. Все взгляды как будто прилипли к монете.

Прямо за стойкой, слева от зеркала, стояла маленькая переносная печка с тлеющими углями. Женщина нырнула в какую-то каморку за печкой и вернулась уже с куском мяса, уложенным на бумажку. Отрезав три тоненьких ломтика, она швырнула их на решетку над углями. Поднявшийся запах сводил с ума. Стрелок, однако, стоял с непробиваемо равнодушным видом, как бы и не замечая, что происходит вокруг: чуть сбившийся ритм пианино, заминку в игре картежников, косые взгляды завсегдатаев.

Мужик, подбиравшийся к нему сзади, был уже на полпути к своей цели, когда стрелок увидел его отражение в зеркале. Почти совсем лысый мужик. Его рука судорожно сжимала рукоять огромного охотничьего ножа, прикрепленного к поясу на манер кобуры.

— Сядь на место, — сказал стрелок. — Не нарывайся, приятель.

Мужик замер на месте. Его верхняя губа непроизвольно приподнялась, как у оскалившегося пса. На мгновение все затихло. А потом лысый вернулся к своему столику, и все опять стало как прежде.

Пиво подали в стеклянном бокале, правда, слегка надтреснутом.

— У меня нету сдачи, — вызывающе объявила барменша.

— Сдачи не надо.

Она сердито кивнула, как будто ее взбесила эта откровенная демонстрация финансового благополучия, пусть даже и крайне выгодная для нее. Она, впрочем, взяла его золото, а еще через пару минут на тарелке сомнительной чистоты появились бифштексы, так и не прожаренные по краям.

— А соль у вас есть?

Она извлекла из-под стойки солонку. Соль слежалась в комки, и стрелку пришлось раскрошить ее пальцами.

— Хлеб?

— Хлеба нет.

Он знал, что она ему врет, и знал, почему она врет, и решил не настаивать. Лысый таращился на него, выпучив синюшные глаза; его руки то сжимались в кулаки, то вновь разжимались на растрескавшемся, выщербленном столе. Ноздри размеренно раздувались, впивая запах мяса. Ладно, хоть так. За понюхать деньги не берут.

Стрелок приступил к еде. Он ел спокойно, не торопясь и как будто не чувствуя вкуса — просто разрезал мясо на маленькие кусочки и отправлял их в рот, стараясь не думать о том, как могла выглядеть та корова, которую он сейчас ест. Барменша сказала, что мясо чистое. Ну да, как же! А свиньи выплясывают каммалу под Мешочной Луной.

Он доел почти все, что было, и собирался уже заказать еще пива и свернуть папироску, как вдруг кто-то тронул его за плечо.

Он вдруг осознал, что в зале опять стало тихо и подозрительно напряженно. Стрелок обернулся и уперся взглядом в лицо старика, который спал у дверей, когда он вошел в бар. Это было страшное лицо, по-настоящему страшное. От старика так и несло бес-травой. И глаза у него были жуткие: немигающие и застывшие — глаза проклятого человека, который глядит, но не видит. Это были глаза, навсегда обращенные внутрь, в стерильный, выхолощенный ад неподвластных контролю сознания грез, разнузданных снов, что поднялись из зловонных трясин подсознания.

Женщина за стойкой издала слабый стон.

Растресканные губы скривились, раскрылись, обнажая зеленые, как будто замшелые зубы, и стрелок подумал: «Он уже даже не курит ее, а жует. Он и вправду *ее жует*».

И еще: «Он же мертвый. Наверное, год как помер».

И потом еще: «Человек в черном. Без него явно не обошлось».

Они смотрели друг на друга: стрелок и старик, уже шагнувший за грань безумия.

Он заговорил, и стрелок застыл, пораженный: к нему обращались Высоким Слогом Гилеада!

— Сделай милость, стрелок-сэй. Не пожалей золотой. Один золотой — это ж такая безделица.

Высокий Слог. В первый миг разум стрелка отказался его воспринять. Прошло столько лет — Боже правый! — прошли века, тысячелетия; никакого Высокого Слога давно уже нет. Он — последний. Последний стрелок. Все остальные...

Ошеломленный, он сунул руку в нагрудный карман и достал золотую монету. Растресканная, исцарапанная рука в пятнах гангрены протянулась за ней, нежно погладила, подняла вверх, так чтобы в золоте отразилось маслянистое мерцание керосиновых ламп. Монета отбросила сдержанный гордый отблеск: золотистый, багровый, кровавый.

— Аааахххххх... — Невнятное выражение удовольствия. Пошатнувшись, старик развернулся и двинулся к своему столику, держа монету перед глазами. Крутил ее так и этак, демонстрируя всем присутствующим.

Кабак быстро пустел. Створки входных дверей хлопали, словно крылья взбесившейся летучей мыши. Тапер захлопнул крышку своего инструмента и вышел следом за остальными — широченными театрально-шутовскими шагами.

— Шеб! — крикнула барменша ему вдогонку. В ее голосе причудливо перемешались вздорная злоба и страх. — Шеб, сейчас же вернись! Что за черт!

Старик тем временем вернулся за свой столик. Сел, крутанул золотую монету на выщербленной столешнице. Его полумертвые глаза не отрываясь следили за ней — завороженные и пустые. Когда монета остановилась, он крутанул ее еще раз, потом — еще, его веки отяжелели. После четвертого раза его голова упала на стол еще прежде, чем монета остановилась.

— Ну вот, — с тихим бешенством проговорила барменша. — Всех клиентов мне распугал. Доволен?

— Вернутся, куда они денутся, — отозвался стрелок.

— Но уж не сегодня.

— А это кто? — Он указал на травоеда.

— А не пошел бы ты в жопу. Сэй.

— Мне надо знать, — терпеливо проговорил стрелок. — Он...

— Он так смешно с тобой разговаривал, — сказала она. — Норт в жизни так не говорил.

— Я ищу одного человека. Ты должна его знать.

Она смотрела на него в упор, ее злость потихонечку выдыхалась. Она словно что-то прикидывала в уме, а потом в ее глазах появился напряженный и влажный блеск, который стрелок уже видел не раз. Покосившееся строение что-то выскрипывало про себя, словно в глубокой задумчивости. Где-то истошно лаяла собака.

Стрелок ждал. Она увидела, что он понял, и голодный блеск сменился безысходностью, немым желанием, у которого не было голоса.

— Мою цену ты знаешь, наверное, — сказала она. — Раньше я на мужиков не бросалась, это они на меня бросались. Но теперь все не так, как раньше. А мне очень нужно.

Он смотрел на нее в упор. В темноте шрама будет не видно. Ее тело не смогли состарить ни пустыня, ни песок, ни ежедневный тяжелый труд. Оно было вовсе не дряблым, а худым и подтянутым. И когда-то она была очень хорошенькой, может быть, даже красивой. Но это уже не имело значения. Даже если бы в сухой и бесплодной черноте ее утробы копошились могильные черви, все равно все случилось бы именно так. Все было предопределено. Предначертано чьей-то рукой в книге ка.

Она закрыла лицо руками. В ней еще оставались какие-то соки: чтобы заплакать, хватило.

— *Не смотри!* Не надо так на меня смотреть! Я не какая-то грязная шлюха!

— Прости, — сказал стрелок. — Я и в мыслях подобного не держал.

— Все вы так говорите!

— Закрой заведение и погаси свет.

Она плакала, не отнимая рук от лица. Ему понравилось, что она закрывает лицо руками. Не из-за шрама, нет, просто это как бы возвращало ей если не девственность, то былую девическую стыдливость. Булавка, что держала бретельку платья, поблескивала в масляном свете ламп.

— Он ничего не утащит? Если хочешь, могу его выгнать.

— Нет, — прошептала она. — Норт никогда ничего не крал.

— Тогда гаси свет.

Она убрала руки с лица, только когда зашла ему за спину. Потом потушила все лампы, одну за другой: долго ходила по залу, подкручивала фитили, задувала пламя. А потом, в темноте, она взяла его за руку. Ее рука была теплой. Она увела его вверх по лестнице. Там не было света.

VI

Он свернул во тьме две самокрутки, раскурил обе и отдал одну ей. Комната хранила ее запах — трогательный аромат свежей сирени. Но запах пустыни его забивал. Стрелок вдруг понял: он боится пустыни, что ждала впереди.

— Его зовут Норт, — сказала она. Даже теперь ее голос не сделался мягче. — Просто Норт. Он мертвый.

Стрелок молча ждал продолжения.

— Его коснулась десница Божия.

Стрелок сказал:

— Я ни разу Его не видел.

— Сколько я себя помню, он все время был здесь... Норт, я имею в виду, не Бог. — Она усмехнулась в темноте. — Одно время он подрабатывал тем, что развозил по дворам навоз. Потом запил. Стал нюхать траву. А потом и курить. Дети таскались за ним повсюду, проходу ему не давали, собак науськивали. У него были такие зеленые старые шаровары, и от них жутко воняло. Ты понимаешь?

— Да.

— Он начал ее жевать. Под конец уже просто сидел и вообще ничего не делал. Даже есть перестал. Наверное, воображал себя королем. Детишки, наверное, были его шутами, а собаки — придворными.

— Да.

— Помер он тут, в аккурат на пороге. Шел по улице, сапогами своими шлепал... сапоги-то солдатские были, носи их — не сносишь... он их нашел на старом полигоне... в общем, шел он по улице, ну и, как водится, следом — детишки с собаками. Видок у него был еще тот! Как вот вешалки, что из проволоки, если их собрать и скрутить все вместе. В глазах у него словно адов огонь горел, а он еще ухмылялся. Такой, знаешь, оскал... малышня вырезает похожие рожи на тыквах в канун Большой Жатвы. А уж несло от него, кошмар! И грязью, и гнилью, и травкой. Она, знаешь, стекала по уголкам его рта, как зеленая кровь. Я так думаю, он собирался войти и послушать, как Шеб играет. И буквально уже на пороге вдруг замер, голову вскинул. Я его видела, но подумала, что он карету услышал, хотя для кареты было рановато. А потом его вырвало, черным таким, с кровью. Лезло все через эту его ухмылку, как сточные воды через решетку. А уж воняло... лучше с ума сойти, честное слово. Он вскинул руки и как отключился. Просто упал и все. Так и умер с этой ухмылкой на губах. В своей же блевотине.

— Добрая такая история.

— Да, спасибо, сэй. Какое место, такая история.

Ее била дрожь. Ветер снаружи так и не унялся. Где-то хлопала дверь, далеко-далеко — как звук, пригрезившийся во сне. В стене копошились мыши. «Надо думать, это — единственное заведение во всем городке, где мышам есть чем поживиться», — подумал стрелок. Он положил руку ей на живот. Она вздрогнула, но тут же расслабилась.

— Человек в черном, — сказал стрелок.

— А почему нельзя кинуть палку и сразу заснуть? Но ты от меня не отстанешь, как я понимаю, пока я все не расскажу?

— Мне надо знать.

— Ладно. Я расскажу. — Она сжала его ладонь обеими руками и рассказала все.

VII

Он заявился под вечер, в тот день, когда умер Норт. Ветер в тот вечер разбушевался: рассеивал верхний слой почвы, поднимал в воздух песчаную пелену, вырывал с корнем еще недозревшую кукурузу. Хьюбал Кеннерли запер конюшню, а торговцы, державшие лавки, закрыли все окна ставнями и заложили их досками. Небо было желтым, цвета заскорузлого сыра, и тучи неслись в вышине, как будто что-то их напугало в безбрежных просторах пустыни, над которой они только-только промчались.

Он приехал в дребезжащей повозке с парусиновым верхом, бьющимся на ветру. Он улыбался: как говорится, улыбочка до ушей. Люди наблюдали, как он въезжает в городок, и старик Кеннерли, который лежал у окна, сжимая в одной руке початую бутылку, а в другой — распутную горячую плоть (а именно левую грудь своей второй дочки), решил не открывать, если тот постучит. Ну, вроде как никого нету дома.

Но человек в черном проехал мимо конюшни, даже не приостановившись. Колеса повозки вращались, взбивая пыль, и ветер жадно хватал ее, унося прочь. Он мог быть священником или монахом — судя по запорошенной пылью черной сутане с широким капюшоном, покрывавшим всю голову и скрывавшим лицо, так что были видны только тонкие губы, растянутые в этой жуткой довольной улыбке. Сутана развевалась и хлопала на ветру. Из-под полы торчали квадратные носы тяжелых сапог с массивными пряжками.

Он остановился у заведения Шеба. Там и привязал коня, который сразу же принялся тыкаться носом в голую землю. Развязав веревку, скреплявшую парусину на задке повозки, человек в черном вытащил старый потертый дорожный рюкзак, закинул его за плечо и вошел в бар.

Элис уставилась на него с нескрываемым любопытством, но больше никто не заметил, как он вошел. Все изрядно надрались. Шеб наигрывал методистские гимны в рваном ритме регтайма. Убеленные сединами лоботрясы, которые подтянулись в тот день пораньше, чтобы переждать бурю и помянуть в бозе почившего Норта, уже успели охрипнуть — ну еще бы, весь день только и делают, что напиваются и горланят песни. Шеб, пьяный вдрызг и одурманенный возбуждающей мыслью, что сам он пока еще не распрощался с жизнью, играл с каким-то неистовым пылом. Пальцы так и летали по клавишам.

Хриплые вопли не перекрывали вой ветра снаружи, но иной раз казалось, что гул человеческих голосов бросает ему дерзкий вызов.

Захари, уединившись в углу с Эми Фельдон, закинул юбки ей на голову и рисовал у нее на коленях символы Жатвы.

Еще несколько женщин ходили, что называется, по рукам. Похоже, что все пребывали в каком-то горячечном возбуждении. А мутный свет затененного бурей дня, проникавший сквозь створки входной двери, как будто насмехался над ними.

Норта положили в центре зала на двух сдвинутых вместе столах. Носы его солдатских сапог образовали таинственную букву V. Нижняя челюсть отвисла в вялой усмешке, хотя кто-то все-таки удосужился закрыть ему глаза и положить на них по монетке. В руки, сложенные на груди, вставили пучок бес-травы. Несло от него кошмарно — какой-то отравой.

Человек в черном снял капюшон и подошел к стойке. Элис наблюдала за ним, ощущая тревогу, смешанную со знакомым, голодным желанием, скрытым в самых глубинах ее естества. Он не носил никаких отличительных знаков религиозного ордена, хотя само по себе это еще ничего не значило.

— Виски, — сказал он. У него был приятный голос, тихий и мягкий. — Только хорошего виски, лапуля.

Она пошарила под прилавком и достала бутылку «Стар». Она могла бы всучить ему местной сивухи, выдав ее за лучшее, что у них есть, но все же достала нормальный виски. Пока она наливала, человек в черном смотрел на нее, не отрываясь. У него были большие, как будто светящиеся глаза. Было слишком темно, чтобы точно определить их цвет. Голод внутри нарастал. Пьяные вопли и выкрики не умолкали ни на мгновение. Шеб, никчемный кастрат, играл гимн о Христовом воинстве, и кто-то уговорил тетушку Милли спеть. Ее голос, скрипучий, противный, врезался в пьяный гул голосов, словно топор с тупым лезвием — в череп теленка на бойне.

— Эй, Элли!

Она пошла принимать заказ, задетая молчанием незнакомца, уязвленная взглядом его странных глаз непонятного цвета и своим нестихающим жжением в паху. Она боялась своих желаний. Они были капризны. И не подчинялись ей Эти желания могли быть симптомом больших перемен, а те, в свою очередь, — признаком подступающей старости, а старость в Талле всегда была краткой и горькой, как зимний закат.

Бочонок с пивом уже опустел. Она открыла еще один. Уж лучше все сделать самой, чем просить Шеба. Конечно, он прибежит, как пес, которым, собственно, он и был, прибежит по первому зову и либо порежет себе пальцы, либо прольет все пиво. Пока она возилась с бочонком, незнакомец смотрел на нее. Она чувствовала его взгляд.

— Много у вас тут народу, — сказал он, когда она возвратилась за стойку. Он еще не притронулся к своему виски, а просто катал стакан между ладонями, чтобы согреть напиток.

— У нас тут поминки, — сказала она.

— Я заметил покойного.

— Никчемные люди, — сказала она с внезапной злобой. — Никчемные люди.

— Это их возбуждает. Он умер. Они — еще нет.

— Они смеялись над ним при жизни. И они не должны издеваться над ним хотя бы теперь. Это нехорошо. Это... — Она запнулась, не зная, как выразить свою мысль: что это и почему это мерзко.

— Травоед?

— Да! А что еще у него было в жизни?

В ее голосе явственно слышалось обвинение, но незнакомец не отвел глаз, и она вдруг почувствовала, как кровь жаркой волной прилила ей к лицу.

— Прошу прощения. Вы, наверное, священник? Вам, должно быть, все это противно?

— Я не священник, и мне не противно. — Он осушил стакан виски одним глотком и даже не поморщился. — Еще, пожалуйста. Еще один и от души, как говорят в одном мире, тут по соседству.

Она не поняла, что это значит, но побоялась спросить.

— Только сперва покажите деньги. Прошу прощения.

— Нет надобности извиняться.

Он выложил на прилавок неровную серебряную монету, толстую с одного конца и потоньше — с другого, и она сказала, как скажет потом:

— У меня нету сдачи.

Он лишь мотнул головой и с рассеянным видом глядел на стакан, пока она наливала ему еще виски.

— Вы у нас как, проездом? — спросила она.

Он долго молчал, и она уже собралась повторить свой вопрос, как вдруг он раздраженно тряхнул головой.

— Не надо сейчас говорить о таких пустяках. В присутствии смерти.

Она приумолкла, обиженная и пораженная. Он, должно быть, солгал, когда сказал ей, что он — не священник. Солгал, чтобы ее испытать.

— Он тебе нравился, — произнес незнакомец будничным тоном. — Да?

— Кто? Норт? — Она рассмеялась, прикинувшись раздраженной, чтобы скрыть смущение. — По-моему, вам лучше...

— Ты — добрая. И тебе страшно, — продолжал он. — А он жевал травку. Заглядывал с черного хода в ад. И вот он — смотри. Он ушел, и дверь за ним захлопнулась, а ты думаешь, будто ее не откроют, пока не придет твое время переступить этот порог, я не прав?

— Вы что, пьяны?

— Миттер Нортон откинул копыта, — проговорил нараспев человек в черном, так что все это прозвучало язви-

тельно и издевательски. — Он мертв. Как и все здесь. Как ты. Как все вы.

— Убирайтесь отсюда.

Ее охватила холодная дрожь отвращения, но внизу живота по-прежнему разливалось тепло.

— Все в порядке, — сказал он мягко. — Все в полном порядке. Подожди. Подожди и увидишь.

Теперь она разглядела его глаза: голубые. В голове у нее появилась какая-то странная легкость, словно она приняла дурманящего снадобья.

— Мертв, как и все вы, — повторил он. — Ты видишь?

Она тупо кивнула, и он рассмеялся — звонким, сильным и чистым смехом. Все как один обернулись к нему. Он обвел взглядом зал, внезапно сделавшись центром внимания. Тетушка Милли запнулась и замолчала, только отзвук высокой скрипучей ноты еще дрожал, растекаясь в воздухе. Шеб сбился с ритма и остановился. Все с беспокойством уставились на чужака. Снаружи по стенам шуршал песок.

Тишина затянулась. У Элис перехватило дыхание. Она опустила глаза и увидела, что ее руки сжимают живот под стойкой. Все смотрели на чужака. Он — на них. А потом он опять рассмеялся своим сильным свободным смехом — смехом, с которым нельзя не считаться. Но больше никто не рассмеялся. Никто.

— Я покажу вам чудо! — выкрикнул он. Но они лишь смотрели во все глаза, как смотрят на фокусника послушные дети, уже слишком большие и взрослые, чтобы верить в его чудеса.

Человек в черном резко подался вперед, и тетушка Милли в страхе отшатнулась. Он свирепо оскалился и шлепнул ее по огромному пузу. Она коротко хохотнула — помимо собственной воли и неожиданно для себя самой, — и человек в черном спросил:

— Так лучше, правда?

Тетушка Милли опять захихикала, а потом вдруг разрыдалась и не разбирая дороги бросилась за порог. Все остальные молча смотрели ей вслед. Кажется, собиралась буря: черные тучи мчались друг за другом, вздымаясь и опадая, как волны, на фоне белого неба. Какой-то мужчина, застывший у пианино с позабытой кружкой пива в руке, вдруг застонал.

Человек в черном встал перед Нортом, взглянул на него сверху вниз и усмехнулся. Ветер выл, вопил и бесновался снаружи. Что-то тяжелое и большое ударилось в стену таверны и отскочило прочь. Один из мужчин, стоявших у стойки, неожиданно встрепенулся и вышел за дверь. Решил, должно быть, что дома будет спокойнее. Гром был похож на натужный кашель какого-нибудь прихворнувшего бога.

— Хорошо, — осклабился человек в черном. — Замечательно. Что ж, приступим.

Старательно целясь, он принялся плевать Норту в лицо. Слюна заблестела на лбу у покойного, стекая жемчужными каплями по его крючковатому носу, похожему на выбритый клюв.

Руки Элис под стойкой заработали еще быстрее.

Шеб расхохотался, да так, что аж согнулся пополам и тут же закашлялся, отхаркивая липкие комки мокроты. Человек в черном одобрительно рыкнул и постучал его по спине. Шеб ухмыльнулся, сверкнув золотым зубом.

Кое-кто убежал. Остальные сгрудились вокруг Норта. Все его лицо, складки дряблой и сморщенной кожи на шее и верх груди теперь блестели от влаги — такой драгоценной в этом засушливом крае. А потом дождь слюны вдруг прекратился. Как по команде. Слышалось только дыхание, тяжелое, хриплое.

Человек в черном внезапно подался вперед и, согнувшись, перелетел через труп, описав в воздухе плавную дугу. Это было красиво, как всплеск воды. Он приземлился на руки, рывком вскочил на ноги, ухмыльнулся и прыгнул обратно. Кто-то из зрителей, забывшись, захлопал в ладоши, но тут же попятился, выпучив глаза, помутневшие от ужаса. Зажав рукой рот, он рванулся к дверям.

Норт шевельнулся, когда человек в черном перелетел через него в третий раз.

По рядам зрителей пробежал глухой ропот. Вернее, один-единственный вздох — и все снова затихло. Человек в черном запрокинул голову и завыл. Его грудь ходила ходуном от учащенного, неглубокого дыхания: он словно накачивался воздухом. Все быстрее и быстрее становились его прыжки — он буквально переливался над телом Норта, как вода из стакана в стакан. В глухой тишине слышался только рвущийся скрежет его дыхания и гул набирающей силу бури.

И вот Норт сделал глубокий вдох. Его руки затряслись и принялись колотить по столу. Шеб с визгом ринулся за порог. Следом за ним выбежала одна из женщин.

Человек в черном перелетел через Норта еще раз. Два раза, три раза. Тело на столе сотрясала дрожь. Сейчас Норт был похож на большую куклу, которая вроде как оживает — хотя, конечно, она не живая, просто у нее внутри скрыт какой-то чудовищный механизм. Смешанный запах гниения, разложения и экскрементов вздымался удушающими волнами. Глаза Норта открылись.

Элис почувствовала, как ноги сами уносят ее назад. Отступая, она уткнулась спиной в зеркало. Оно задрожало, и ее вдруг охватила слепая паника. Она опрометью бросилась вон.

— Вот твое чудо, — отдуваясь, крикнул ей вслед человек в черном. — Дарю. Теперь можешь спать спокойно. Даже

такое не необратимо. Хотя все это... так... черт подери... *смешно!* — И он опять рассмеялся. Хохот все отдалялся и отдалялся, пока она неслась вверх по лестнице и остановилась только тогда, когда захлопнула дверь и заперла ее за собой.

Привалившись к стене за закрытой дверью, она опустилась на корточки и, раскачиваясь взад-вперед, зашлась в истерическом смехе, который сменился пронзительным воем и утонул в завываниях ветра. Ей было слышно, как внизу мертвый — оживший — Норт стучит кулаками по столу, словно кто-то вслепую колотит по крышке гроба. Она подумала: а что, интересно, он видел, пока лежал мертвый? Запомнил он что-нибудь или нет? Расскажет он или нет? Может быть, там, внизу, обнаружатся тайны загробного мира? И что самое страшное — ей было действительно интересно.

А внизу Норт с отрешенным, рассеянным видом вышел из бара на улицу, в бурю, чтобы нарвать себе травки. И, может быть, человек в черном — единственный оставшийся посетитель — проводил его взглядом. И, может быть, он улыбался по-прежнему.

Когда, уже ближе к ночи, она все же заставила себя спуститься вниз с зажженной лампой в одной руке и увесистым поленом — в другой, человек в черном уже ушел. Не было и повозки. Зато Норт как ни в чем не бывало сидел за столиком у дверей, словно он никуда и не отлучался. От него пахло травкой, хотя и не так сильно, как можно было ожидать.

Он взглянул на нее и несмело улыбнулся.

— Привет, Элли.

— Привет, Норт.

Она опустила полено и принялась зажигать лампы, стараясь не поворачиваться к нему спиной.

— Меня коснулась десница Божия, — сказал он чуть погодя. — Я больше уже никогда не умру. Он так сказал. Он обещал.

— Хорошо тебе, Норт.

Лучина выпала из ее дрожащей руки, и она наклонилась ее поднять.

— Я, знаешь, хочу прекратить жевать эту траву, — сказал он. — Как-то оно мне не в радость уже. Да и негоже, чтобы человек, кого коснулась десница Божия, жевал такую отраву.

— Ну так возьми и прекрати. Что тебе мешает?

Она вдруг озлобилась, и эта злоба помогла ей снова увидеть в нем человека, а не какое-то адское существо, чудом вызванное в мир живых. Перед ней был обычный мужик, пришибленный и забалдевший от травки, с видом пристыженным и виноватым. Она уже не боялась его.

— Меня ломает, — сказал он. — И мне ее хочется, травки. Я уже не могу остановиться. Элли, ты всегда была доброй ко

мне... — Он вдруг заплакал. — Я даже уже не могу перестать ссать в штаны. Кто я? Что я?

Она подошла к его столику и замерла в нерешительности, не зная, что говорить.

— Он мог сделать так, чтобы я ее не хотел, — выдавил он сквозь слезы. — Он мог это сделать, если уж смог меня оживить. Я не жалуюсь, нет... Не хочу жаловаться... — Затравленно оглядевшись по сторонам, он прошептал: — Он грозился меня убить, если я стану жаловаться.

— Может быть, он пошутил. Кажется, чувство юмора у него есть. Пусть и своеобразное.

Норт достал из-за пазухи свой кисет и извлек пригоршню бестравы. Она безотчетно ударила его по руке и, испугавшись, тут же отдернула руку.

— Я ничего не могу поделать, Элли. Я не могу... — Неуклюжим движением он опять запустил руку в кисет. Она могла бы его остановить, но не стала. Она отошла от него и вновь принялась зажигать лампы, уставшая до смерти, хотя вечер едва начался. Но в тот вечер никто не пришел — только старик Кеннерли, который все пропустил. Он как будто и не удивился, увидев Норта. Наверное, ему уже рассказали, что было. Он заказал пива, спросил, где Шеб, и облапал ее.

А чуть позже Норт подошел к ней и передал ей записку — сложенную бумажку в трясущейся руке. В руке, которая не должна была быть живой.

— Он просил передать тебе это. А я чуть не забыл. А если бы забыл, он бы вернулся и убил бы меня, это точно.

Бумага стоила дорого, и этот листок представлял собой немалую ценность, но ей не хотелось брать его в руки. Ей было противно его держать. Он был какой-то тяжелый — и страшный. На нем было написано:

Элле

— Откуда он знает, как меня звать? — спросила она у Норта, но тот лишь покачал головой.

Она развернула листок и прочла:

Тебе интересно узнать про Смерть. Я оставил ему слово. Это слово DE-ВЯТНАДЦАТЬ. Скажешь ему это слово, и его разум раскроется. Он расскажет тебе, что лежит там, за гранью. Расскажет тебе, что он видел.

Слово: DEВЯТНАДЦАТЬ.

Ты узнаешь, что хочешь знать.

Знание сведет тебя с ума.

Но когда-нибудь ты обязательно спросишь.
Рано или поздно ты спросишь.
Просто не сможешь сдержаться.
Удачи! :)

Уолтер о'Мрак

PS. Слово: ДЕВЯТНАДЦАТЬ.

Ты постараешься это забыть, но когда-нибудь оно вырвется, это слово. Вырвется, как блевотина.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ.

Да. Боже правый. Она знала, что так и будет. Оно уже дрожит на губах — это слово. *Девятнадцать*, скажет она. *Норт, послушай: девятнадцать*. И ей откроются тайны Смерти — мира за гранью жизни.

Рано или поздно ты спросишь.

Назавтра все было почти как всегда, разве что ребятишки не бегали по пятам за Нортом. А еще через день возобновились и улюлюканье, и издевки. Все вернулось на круги своя. Детишки собрали кукурузу, вырванную бурей, и через неделю после воскрешения Норта сожгли ее посреди главной улицы. Костер вспыхнул ярко и весело, и почти все завсегдатаи пивнушки вышли, пошатываясь, поглазеть. Они были похожи на первобытных людей, дивящихся на огонь. Их лица как будто плыли между пляшущими языками пламени и сиянием неба, как будто присыпанного ледяным крошевом. Наблюдая за ними, Элли вдруг ощутила пронзительную безысходность. Мрачные времена наступили в мире. Все распадалось на части. И больше нет никакого стержня, который удержал бы мир от распада. Где-то что-то пошатнулось, и когда оно упадет, все закончится. Она в жизни не видела океана. И уже никогда не увидит.

— Если бы я *не боялась*, — пробормотала она. — Если бы я *не боялась*, если бы я...

На звук ее голоса Норт поднял голову и улыбнулся. Пустой улыбкой — из самого ада. Но она очень боялась. Решимости у нее не было. Только барная стойка и шрам. И еще — слово. За плотно сомкнутыми губами. А что, если позвать его прямо сейчас, притянуть ближе к себе — несмотря на кошмарную вонь — и шепнуть ему на ухо... слово. Его глаза станут другими. Превратятся в глаза того — человека в черной сутане. И Норт расскажет ей о Стране Смерти, что лежит за пределами жизни земной и могильных червей.

Я никогда не скажу ему слово.

Но человек, который воскресил Норта и оставил для нее записку — оставил, словно заряженный револьвер, который она когда-нибудь поднесет к виску, — знал, как все будет.

Девятнадцать откроет тайну.

Девятнадцать и есть тайна.

Она вдруг поймала себя на том, что рассеянно водит пальцем по пиву, пролитому на стойке, выписывая ДЕВЯТНАДЦАТЬ, — и быстро вытерла мутную лужицу, когда заметила, что Норт наблюдает за ней.

Костер прогорел быстро. Ее клиенты вернулись в пивную. Она принялась методично вливать в себя виски «Стар» и к полуночи напилась вусмерть.

VIII

Она закончила свой рассказ и, поскольку стрелок ничего не сказал, решила, что он уснул, не дослушав. Она уже и сама начала засыпать, как вдруг он спросил:

— Это все?

— Да. Это все. Уже очень поздно.

— Гм... — Он свернул себе еще одну папироску.

— Не сори табаком у меня в кровати, — сказала она. Резче, чем ей бы хотелось.

— Не буду.

Опять тишина. Лишь огонек самокрутки мерцал в темноте.

— Утром ты уйдешь, — хмуро проговорила она.

— Наверное. Мне нельзя здесь оставаться. По-моему, он мне подстроил ловушку.

— А что, это число и вправду...

— Если хочешь сохранить рассудок, не произноси это слово при Норте, — сказал стрелок. — Вообще забудь его, если сможешь. Уговори себя, что после восемнадцати идет двадцать. Что половина от тридцати восьми — это семнадцать. Человек, подписавшийся Уолтер о'Мрак, он кто угодно, но только не лжец.

— Но...

— Когда тебе очень захочется, так что уже невтерпеж, поднимись к себе в комнату, спрячься под одеялом и повторяй это слово — кричи, если надо, — пока желание не пройдет.

— Но однажды случится так, что оно не пройдет.

Стрелок ничего не сказал: он знал, что она права. Это тоже была ловушка — страшная, безысходная. Если тебе скажут, что нельзя представлять свою маму голой, потому что иначе ты попадешь прямиком в ад (когда он был маленьким, кто-то из старших ребят именно это ему и сказал), ты обязательно сделаешь то, что нельзя. И почему? Потому что тебе не хочется представлять свою маму голой. Потому что тебе не хочется попасть в ад. Потому что если есть нож и рука, чтобы держать этот нож, когда-нибудь ты

неизбежно возьмешь этот нож в руку. Потому что иначе ты просто сойдешь с ума. И ты возьмешь этот нож. Не потому что ты этого хочешь, а потому что, наоборот, не хочешь.

Когда-нибудь Элли обязательно позовет Норта и скажет ему это слово.

— Не уходи, — сказала она.

— Ладно, посмотрим.

Он повернулся на бок, спиной к ней, но она все равно успокоилась. Он останется. Пусть ненадолго, но все же останется. Она задремала.

Уже засыпая, она снова подумала о том, как странно Норт обратился к нему, как чудно он говорил. Она ни разу не видела, чтобы стрелок, ее новый любовник, выражал хоть какие-то чувства — ни до, ни после. Он молчал даже тогда, когда они занимались любовью, и лишь под конец его дыхание участилось и замерло на секунду. Он был точно какое-то существо из волшебной сказки или из мифа, существо незнакомое и опасное. Может быть, он исполняет желания? Наверное, да. Ее желание он исполнил. Завтра он не уйдет. Он останется. Хотя бы на время. И этого ей пока что достаточно — ей, несчастной сучке со шрамом. Завтра у нее будет время придумать второе желание и третье. Она уснула.

IX

Утром она сварила ему овсянку, которую он молча съел. Он сосредоточенно поглощал ложку за ложкой, не думая об Элис и вряд ли ее замечая. Он знал: ему нужно идти. С каждой лишней минутой, пока он медлит, человек в черном уходит все дальше и дальше. Возможно, он уже в пустыне. До сих пор он неуклонно держал путь на юго-восток, и стрелок знал почему.

— У тебя есть карта? — спросил он, оторвавшись от тарелки.

— Этого городка? — рассмеялась она.

— Нет. Страны к юго-востоку отсюда.

Ее улыбка увяла.

— Там пустыня. Просто пустыня. Я думала, ты останешься, ненадолго.

— А что за пустыней?

— Откуда мне знать? Еще никто ее не перешел. Никто даже и не пытался, сколько я себя помню. — Она вытерла руки о фартук, взяла прихватки и, сняв с огня ушат кипящей воды, перелила ее в раковину. Над водой поднялся пар. — Тучи уносит в ту сторону. Как будто их что-то засасывает...

Стрелок встал.

— Ты куда? — В ее голосе явственно слышался страх, и она разозлилась на себя за это.

— На конюшню. Если кто-то и знает, так это конюх. — Он положил руки ей на плечи. Они были жесткими, его руки. Но и теплыми тоже. — И распоряжусь насчет мула. Если я соберусь здесь задержаться, нужно, чтобы о нем позаботились. Чтобы он был готов, когда надо будет отправиться дальше.

Когда-нибудь, но не теперь. Она подняла глаза.

— Ты с этим Кеннерли поосторожнее. Он скорее всего ни черта не знает, зато будет выдумывать всякие небылицы.

— Спасибо, Элли.

Когда он ушел, она повернулась к раковине с посудой, чувствуя, как по щекам текут слезы — горячие слезы благодарности. Она уже и забыла, когда ей в последний раз говорили «спасибо». Кто-то, кто ей действительно не безразличен.

X

Кеннерли — мерзопакостный старикашка, беззубый и похотливый — схоронил двух жен и вовсю пялил собственных дочерей. Две девчушки, как говорится, еще не вошедшие в возраст, таращились на стрелка из пыльного полумрака конюшни. Малышка едва ли не грудного возраста со счастливым видом пускала слюни, сидя прямо в грязи. Взрослая уже девица, белокурая, чувственная, неопрятная, что качала воду из скрипучей колонки во дворе у конюшни, поглядывала на стрелка с этаким глубокомысленным любопытством. Она увидела, что он на нее смотрит, приосанилась, ущипнула себя за соски, недвусмысленно подмигнула ему и вновь принялась качать воду.

Конюх встретил его на полпути между улицей и входом в конюшню. Его манеры представляли собой нечто среднее между открытой враждебностью и боязливым заискиванием.

— Уж мы за ним смотрим как надо, — объявил он с ходу, и не успел стрелок даже ответить, как старик вдруг повернулся к дочери и погрозил ей кулаком: — Иди в дом, Суби! Брысь отсюда, кому сказал!

Подхватив ведро, Суби с угрюмым видом поплелась к хибаре, пристроенной прямо к конюшне.

— Это ты о моем муле? — спросил стрелок.

— Да, сэй, о нем. Давненько не видел я мулов. Да еще таких ладных, здоровых... два глаза, четыре ноги... добрая скотина... — Он скривился, как бы давая понять, что у него и вправду душа болит за такое дело или, может, что это была просто шутка. Стрелок так и не понял, что именно, но решил, что, наверное, все-таки шутка,

хотя у него самого с чувством юмора было напряжно. — Было время, куда их девать-то не знали, мулов, а потом мир взял да и сдвинулся. И куда они все подевались? Осталось только немного рогатой скотины, и почтовые лошади, и... Суби, я тебя выпорю, Богом клянусь!

— Да я не кусаюсь, — заметил стрелок.

Кеннерли подобострастно съежился. В его глазах стрелок явственно видел желание убить, и хотя он не боялся Кеннерли, он все же отметил увиденное, как будто сделал закладку в книге — в книге потенциально ценных советов.

— Дело не в вас. Нет, *не в вас*. — Он осклабился. — Просто она от природы немного тронутая. В ней бес живет. Она дикая. — Его глаза потемнели. — Грядет Конец света, мистер. Последний Час. Вы же знаете, как там в Писании сказано: и чада не подчинятся родительской воле, и многих сразит моровая язва. Да вот послушать хотя бы нашу проповедницу, и все станет ясно.

Стрелок кивнул, а потом указал на юго-восток.

— А там что?

Кеннерли опять ухмыльнулся, обнажая голые десны с остатками пожелтевших зубов.

— Поселенцы. Трава. Пустыня. Чего же еще? — Он гоготнул и смерил стрелка неожиданно похолодевшим взглядом.

— А пустыня большая?

— Большая. — Кеннерли старательно напустил на себя серьезный вид. — Колес, может, с тысячу будет. А то и с две тысячи. Не скажу точно, мистер. Там ничего нет. Одна бес-трава да еще, может, демоны. Говорят, что на дальней ее стороне есть еще говорящий круг. Но, наверное, врут. Туда ушел тот, другой. Который вылечил Норта, когда он приболел.

— Приболел? Я слышал, он умер.

Кеннерли продолжал ухмыляться.

— Ну... может быть. Но мы же взрослые люди.

— Однако ты веришь в демонов.

Кеннерли вдруг смутился.

— Это совсем другое. Проповедница говорит...

И Кеннерли понес такой вздор, что чертям стало тошно. Стрелок снял шляпу и вытер вспотевший лоб. Солнце жарило, припекая все сильнее. Но Кеннерли как будто этого и не замечал. В тощей тени у стены конюшни малышка с серьезным видом размазывала по мордашке грязь.

Наконец стрелку надоело выслушивать всякий бред, и он оборвал Кеннерли на полуслове:

— А что за пустыней, не знаешь?

Кеннерли пожал плечами.

— Что-то, наверное, есть. Лет пятьдесят назад туда ходил рейсовый экипаж. Папаша мой мне рассказывал. Гово-

рил, что там горы. Кое-кто говорит — океан... зеленый такой океан с чудовищами. А еще говорят, будто там конец света и нет ничего, только свет ослепляющий и лик Божий с разверстым ртом. И что Бог пожирает любого, кому случится туда забрести.

— Чушь собачья, — коротко бросил стрелок.

— Вот и я говорю, что чушь, — с радостью поддакнул Кеннерли, снова согнувшись в подобострастном полупоклоне. Боясь, ненавидя, стараясь угодить.

— Ты там приглядывай за моим мулом.

Стрелок швырнул Кеннерли еще одну монету, которую тот поймал на лету. Как собака, которая ловит мяч.

— В лучшем виде присмотрим, не беспокойтесь. Думаете задержаться у нас ненадолго?

— Пожалуй, придется. Бог даст...

— ...будет вода. Да, конечно. — Кеннерли опять рассмеялся, но уже невесело. В его глазах стрелок снова увидел желание убить. Нет, даже не так. Не убить — а чтобы стрелок сам повалился мертвым к его ногам. — Эта Элли, чертовка, может быть очень миленькой, если захочет, верно? — Конюх согнул левую руку в кулак и принялся тыкать в кулак указательным пальцем правой, изображая известный акт.

— Ты что-то сказал? — рассеянно переспросил стрелок.

Теперь глаза Кеннерли переполнились ужасом — словно две луны поднялись над горизонтом. Он быстро убрал руки за спину, как шкодливый мальчишка, которого поймали за нехорошим занятием.

— Нет, сэй, ни слова. Прошу прощения, если что сорвалось. — Тут он увидел, что Суби высунулась из окна, и набросился на нее: — Я тебя точно выпорю, сучья ты морда! Богом клянусь! Я тебя...

Стрелок пошел прочь, зная, что Кеннерли глядит ему вслед и что если он сейчас обернется, то прочтет у конюха на лице его истинные, неприкрытые чувства. Ну и черт с ним. Было жарко. Стрелок и так знал, что на лице старого конюха будет написана жгучая ненависть. Ненависть к чужаку. Ну и ладно. Стрелок уже получил от него все что нужно. Единственное, что он доподлинно знал о пустыне, это то, что она большая. Единственное, что он доподлинно знал об этом городке: здесь еще не все сделано. Еще не все.

XI

Они с Элли лежали в постели, когда Шеб влетел к ним с ножом, пинком распахнул дверь.

Прошло уже целых четыре дня, и они промелькнули как будто в тумане. Он ел. Спал. Трахался с Элли. Он узнал, что

она играет на скрипке, и уговорил ее сыграть для него. Она сидела в профиль к нему у окна, омываемая молочным светом зари, и что-то наигрывала — натужно и сбивчиво. У нее вышло бы вполне сносно, если бы она занималась побольше. Он вдруг понял, что она ему нравится, нравится все больше и больше (пусть даже чувство было каким-то странно отрешенным), и подумал, что, может быть, это и есть ловушка, которую устроил ему человек в черном. Иногда стрелок выходил пройтись. Он ни о чем не задумывался.

Он даже не слышал, как тщедушный тапер поднимался по лестнице — его чутье притупилось. Но сейчас ему было уже все равно, хотя в другом месте, в другое время он бы, наверное, не на шутку встревожился.

Элли уже разделась и лежала в постели, прикрытая простыней только до пояса. Они как раз собирались заняться любовью.

— Пожалуйста, — шептала она. — Как в тот раз. Я хочу так, хочу...

Дверь с грохотом распахнулась, и к ним ворвался коротышка тапер. Вбежал, смешно поднимая ноги, вывернутые коленями внутрь. Элли не закричала, хотя в руке у Шеба был восьмидюймовый мясницкий нож. Шеб издавал какие-то нечленораздельные булькающие звуки, словно какой-нибудь бедолага, которого топят в бадье с жидкой грязью, брызжа при этом слюной. Он с размаху опустил нож, схватившись за рукоять обеими руками. Стрелок перехватил его запястья и резко вывернул. Нож вылетел. Шеб пронзительно завизжал — словно дверь повернулась на ржавых петлях. Руки неестественно дернулись, как у куклы-марионетки, обе — сломанные в запястьях. Ветер ударил песком в окно. В мутном и чуть кривоватом зеркале на стене отражалась вся комната.

— Она была моей! — разрыдался Шеб. — Сначала она была моей! Моей!

Элли мельком взглянула на него и встала с кровати, набросив халат. На мгновение стрелку стало жалко этого человека, потерявшего что-то, что, как он считал, некогда принадлежало ему, — этого жалкого маленького человечка, который уже ничего не может. И тут стрелок вспомнил, где он его видел. Ведь он знал его раньше.

— Это из-за тебя, — рыдал Шеб. — Только из-за тебя, Элли. Ты была первой, и это все ты. Я... о Боже, Боже милостивый... — Слова растворились в приступе неразборчивых всхлипов и в конечном итоге обернулись потоком слез. Шеб раскачивался взад-вперед, прижимая к животу свои сломанные запястья.

— Ну тише. Тише. Дай я посмотрю. — Она опустилась перед ним на колени. — Да, сломаны. Шеб, какой же ты все-таки идиот. И как ты теперь будешь играть? И на что будешь жить? Ты ж никогда не был сильным или ты, может, об этом не знал? — Она помогла ему встать на ноги. Он попытался спрятать лицо в ладо-

нях, но руки не подчинились ему. Он плакал в открытую. — Давай сядем за стол, и я попробую что-нибудь сделать.

Она усадила его за стол и наложила ему на запястья шины из щепок, предназначенных для растопки. Он плакал тихонько, безвольно.

— Меджис, — сказал стрелок, и тапер вздрогнул и обернулся к нему, широко распахнув глаза. Стрелок кивнул — и вполне дружелюбно, ведь Шеб уже не пытался воткнуть в него нож. — Меджис, — повторил он. — На Чистом море.

— И что там в Меджисе?

— Ты был там.

— А если и был, что с того? Я тебя не помню.

— Но ты помнишь девушку, правда? Девушку по имени Сюзан? В ночь Жатвы? — Голос стрелка сделался жестким. — Ты был у костра?

У тапера дрожали губы. Губы, блестящие от слюны. Его взгляд говорил о том, что он все понимает: он сейчас ближе к смерти, чем в то мгновение, когда он ворвался к ним в спальню, размахивая ножом.

— Уйди отсюда, — сказал стрелок.

И вот тогда Шеб все вспомнил.

— Ты тот мальчишка! Вас было трое, мальчишек! Вы приехали сосчитать поголовье скота, и Элдред Джонас был там, охотник за гробами, и...

— Уходи, пока можно уйти, — сказал стрелок, и Шеб ушел, баюкая свои сломанные запястья.

Элли вернулась обратно в постель.

— И как это все понимать?

— Это тебя не касается, — сказал он.

— Ладно... так на чем мы с тобой остановились?

— Ни на чем, — сказал он и перевернулся на бок, к ней спиной.

Она терпеливо проговорила:

— Ведь ты знал про меня, про него. Он делал, что мог, а мог он немногое. А я брала, что могла, потому что мне было нужно. Вот и все. Да и что тут могло быть? И что вообще может быть? — Она прикоснулась к его плечу. — Кроме того, что я рада, что ты такой сильный.

— Не сейчас, — сказал он.

— А кто она, эта девушка? — спросила она и добавила, не дождавшись ответа: — Ты ее любил.

— Не будем об этом, Элли.

— Я могу сделать тебя сильнее...

— Нет, — сказал он. — Ты не можешь.

XII

Воскресным вечером бар был закрыт. В Талле был выходной — что-то вроде священной субботы. Стрелок отправился в крохотную покосившуюся церквушку неподалеку от кладбища, а Элли осталась в пивной протирать столы дезинфицирующим раствором и мыть стекла керосиновых ламп в мыльной воде.

На землю спустились странные, багряного цвета сумерки, и церквушка, освещенная изнутри, походила на горящую топку, если смотреть на нее с дороги.

— Я не пойду, — сразу сказала Элис. — У этой тетки, которая там проповедует, не религия, а отрава. Пусть к ней ходят почтенные горожане.

Стрелок встал в притворе, укрывшись в тени, и заглянул внутрь. Скамей в помещении не было, и прихожане стояли. (Он увидел Кеннерли и весь его многочисленный выводок; Кастнера, владельца единственной в городке убогонькой галантерейной лавки, и его костлявую супружницу; кое-кого из завсегдатаев бара; нескольких «городских» женщин, которых он раньше не видел, и — что удивительно — Шеба.) Они нестройно тянули какой-то гимн a cappella*. Стрелок с любопытством разглядывал толстую тетку необъятных размеров, что стояла за кафедрой. Элли ему говорила: «Она живет уединенно, почти ни с кем не встречается. Только по воскресеньям вылазит на свет, чтоб отслужить свою службу адскому пламени. Ее зовут Сильвия Питтстон. Она не в своем уме, но она их как будто околдовала. И им это нравится. И вполне их устраивает».

Ни одно, даже самое колоритное описание этой женщины, наверное, все равно не соответствовало бы действительности. Ее груди были как земляные валы. Шея — могучая колонна, лицо — одутловатая бледная луна, на которой сверкали глаза, темные и огромные, как бездонные озера. Роскошные темно-каштановые волосы, скрученные на затылке небрежным разваливающимся узлом, удерживала заколка размером с небольшой вертел для мяса. На ней было простое платье. Похоже, из мешковины. В громадных, как горбыли, ручищах она держала псалтырь. Ее кожа была на удивление чистой и гладкой, цвета свежих сливок. Стрелок подумал, что она весит, наверное, фунтов триста. Внезапно его обуяло желание — алая, жгучая похоть. Его аж затрясло. Он поспешил отвернуться.

Мы сойдемся у реки,
У прекрасной у реки,
Мы сойдемся у реки,
У ре-е-е-е-е-ки,
В Царстве Божием.

---

* без музыкального сопровождения *(лат.)*.

Последняя нота последней строфы замерла. Раздалось шарканье ног и покашливание.

Она ждала. Когда они успокоились, она протянула к ним руки, как бы благословляя всю паству. Это был жест, пробуждающий воспоминания.

— Любезные братья и сестры мои во Христе!

От ее слов веяло чем-то неуловимо знакомым. На мгновение стрелка захватило странное чувство, в котором тоска по былому мешалась со страхом, и все пронизывало жутковатое ощущение déjà vu. Он подумал: я уже это видел, во сне. Или, может быть, не во сне. Но где? Когда? Точно не в Меджисе. Да, не в Меджисе. Он тряхнул головой, прогоняя это свербящее чувство. Прихожане — человек двадцать пять — замерли в гробовом молчании. Все взгляды были прикованы к проповеднице.

— Сегодня мы поговорим о Нечистом.

Ее голос был сладок и мелодичен — выразительное, хорошо поставленное сопрано.

Слабый ропот прошел по рядам прихожан.

— Мне кажется, — задумчиво вымолвила Сильвия Питтстон, — будто я знаю лично всех тех, о ком говорится в Писании. Только за последние пять лет я зачитала до дыр три Библии, и еще множество — до того. Хотя книги и дороги в этом больном мире. Я люблю эту Книгу. Я люблю тех, кто в ней действует. Рука об руку с Даниилом вступала я в ров со львами. Я стояла рядом с Давидом, когда его искушала Вирсавия, купаясь в пруду обнаженной. С Седрахом, Мисахом и Авденаго была я в печи, раскаленной огнем. Я сразила две тысячи воинов вместе с Самсоном и по дороге в Дамаск ослепла от света небесного вместе с Павлом. Вместе с Марией рыдала я у Голгофы.

И опять тихий вздох прошелестел по рядам.

— Я узнала их и полюбила всем сердцем. И лишь *один*, — она подняла вверх указательный палец, — лишь один из актеров великой той драмы остается для меня загадкой. *Единственный*, кто стоит в стороне, пряча лицо в тени. *Единственный*, кто заставляет тело мое дрожать — и трепетать мою душу. Я боюсь его. Я не знаю его помыслов и боюсь. Я боюсь Нечистого.

Еще один вздох. Одна из женщин зажала рукой рот, как будто удерживая рвущийся крик, и стала раскачиваться все сильнее.

— Это он, Нечистый, искушал Еву в образе змия ползучего, ухмыляясь и пресмыкаясь на брюхе. Это он, Нечистый, пришел к сынам израилевым, когда Моисей поднялся на гору Синай, и нашептывал им, подстрекая их сотворить себе идола, золотого тельца, и поклоняться ему, предаваясь мерзости и блуду.

Стоны, кивки.

— Нечистый! Он стоял на балконе рядом с Иезавелью, наблюдая за тем, как нашел свою смерть царь Ахав, и вместе они потешались, когда псы лакали его еще теплую кровь. О мои братья и сестры, остерегайтесь его — Нечистого.

— Да, Иисус милосердный... — выдохнул старик в соломенной шляпе. Тот самый, кого стрелок встретил первым на входе в Талл.

— Он всегда здесь, мои братья и сестры. Он среди нас. Но мне неведомы его помыслы. И вам тоже неведомы его помыслы. Кто сумел бы постичь эту ужасную тьму, что клубится в его потаенных думах, эту незыблемую гордыню, титаническое богохульство, нечестивое ликование?! И безумие, воистину исполинское, всепоглощающее безумие, которое входит, вползает в людские души, точит их, будто червь, порождая желания мерзкие и нечестивые?!

— О Иисус Спаситель...

— Это *он* привел Господа нашего на Гору...

— Да...

— Это *он* искушал Его и сулил Ему целый мир и мирские услады...

— *Да-а-а-а-а...*

— И *он* вернется, когда наступит Конец света... он, Конец света, уже грядет, братья и сестры. Вы это чувствуете?

— *Да-а-а-а-а...*

Прихожане раскачивались и рыдали — паства стала похожа на море. Женщина за кафедрой, казалось, указывала на каждого и в то же время ни на кого.

— *Он* придет как Антихрист, алый король с глазами, налитыми кровью, и поведет человеков к пылающим недрам погибели, в пламень мук вечных, к кровавому краю греха, когда воссияет на небе звезда Полынь, и язвы изгложут тела детей малых, когда женские чрева родят чудовищ, а деяния рук человеческих обернутся кровью...

— О-о-о-о...

— О Боже...

— О-о-о-оооооооо...

Какая-то женщина повалилась на пол, стуча ногами по дощатому настилу. Одна туфля слетела.

— За всякой усладою плоти стоит *он... он!* Это *он* создал адские машины с клеймом Ла-Мерк. Нечистый!

Ла-Мерк, подумал стрелок. Или, может, Ле-Марк. Слово было ему знакомо, но он никак не мог вспомнить — откуда. На всякий случай он сделал заметку в памяти — а у него была очень хорошая память.

— Да, Господи! Да! — вопили прихожане.

Какой-то мужчина пронзительно завопил и упал на колени, сжимая голову руками.

— Кто держит бутылку, когда ты пьешь?

— *Он, Нечистый!*

— Когда ты садишься играть, кто сдает карты?

— *Он, Нечистый!*

— Когда ты предаешься блуду, возжелав чьей-то плоти, когда ты оскверняешь себя рукоблудием, кому продаешь ты бессмертную душу?

— *Ему...*

— *Нечи...*

— Боженька миленький...

— *...чистому...*

— *А... а... а...*

— Но кто он — Нечистый? — выкрикнула она, хотя внутри оставалась спокойной. Стрелок чувствовал это спокойствие, ее властный самоконтроль, ее господство над истеричной толпой. Он вдруг подумал с ужасом и непоколебимой уверенностью: человек, назвавшийся Уолтером, оставил след в ее чреве — демона. Она одержимая. И вновь накатила жаркая волна вожделения — сквозь страх. Как будто и это была ловушка. Как слово, которое Уолтер оставил для Элис.

Мужчина, сжимавший руками голову, слепо рванулся вперед.

— Гореть мне в аду! — закричал он, повернувшись к проповеднице. Его исказившееся лицо дергалось, как будто под кожей его извивались змеи. — Я творил блуд! Играл в карты! Я нюхал травку! Я *грешил! Я...* — Его голос взметнулся ввысь, обернувшись пугающим истеричным воем, в котором утонули слова. Он сжимал свою голову, как будто боялся, что она сейчас лопнет, точно перезрелая дыня.

Паства умолкла, как по команде, замерев в полупорнографических позах своего благочестивого исступления.

Сильвия Питтстон спустилась с кафедры и прикоснулась к его голове. Вопли мужчины затихли, едва ее пальцы — бледные сильные пальцы, чистые, ласковые — зарылись ему в волосы. Он тупо уставился на нее.

— Кто был с тобой во грехе? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. В ее глазах, нежных, глубоких, холодных, можно было утонуть.

— Не... Нечистый.

— Имя которому?

— Сатана. — Сдавленный тягучий всхлип.

— Готов ты отречься?

С жаром:

— Да! Да! О Иисус Спаситель!

Она подняла его голову; он смотрел на нее пустым сияющим взором фанатика.

— Если сейчас он войдет в эту дверь... — она ткнула пальцем в полумрак притвора, где стоял стрелок, — готов ты бросить слова отречения ему в лицо?

— Клянусь именем матери!

— Ты веруешь в вечную любовь Иисуса?

Он разрыдался.

— Палку мне в задницу, если не верю...

— Он прощает тебе это, Джонсон.

— Хвала Господу, — выдавил Джонсон сквозь слезы.

— Я знаю, что Он прощает тебя, как знаю и то, что упорствующих во грехе изгоняет Он из чертогов своих в место пылающей тьмы за пределами Крайнего мира.

— *Хвала Господу*, — торжественно взвыла паства.

— Как знаю и то, что этот Нечистый, этот Сатана, Повелитель мух и ползучих гадов, будет низвергнут и сокрушен... Если ты, Джонсон, узришь его, ты раздавишь его?

— Да, и хвала Господу! — Джонсон плакал. — Раздавлю гада двумя ногами!

— Если вы, братья и сестры, узрите его, вы его одолеете?

— Да-а-а-а...

— Если завтра он встретится вам на улице?

— Хвала Господу...

Стрелку стало не по себе. Отступив к дверям, он вышел на улицу и направился обратно в город. В воздухе явственно ощущался запах пустыни. Уже скоро он снова отправится в путь.

Уже совсем скоро.

Но не теперь.

XIII

Снова в постели.

— Она не примет тебя, — сказала Элли, и ее голос звучал испуганно. — Она вообще никого не принимает. Только по воскресеньям выходит, чтобы до смерти всех напугать.

— И давно она здесь?

— Лет двенадцать. А может, два года. Странные вещи творятся со временем. Да ты и сам знаешь. Давай лучше не будем о ней говорить.

— Откуда она пришла? С какой стороны?

— Я не знаю.

Лжет.

— Элли?

— *Я не знаю!*

— Элли?

— Ну хорошо! Хорошо! Она пришла от поселенцев! Из пустыни!

— Я так и думал. — Он немного расслабился. Иными словами, с юго-востока. Оттуда, куда направляется он. По невидимой дороге, что иногда отражается в небе. Он почему-то не сомневался, что проповедница пришла не от поселенцев и даже не от пустыни. Она пришла из какого-то места, которое там, за пустыней. Но как? Путь-то явно не близкий. Может быть, на какой-нибудь древней машине? Из тех, что еще работают? Может, на поезде? — А где она живет?

Элли понизила голос:

— Если я скажу, мы займемся любовью?

— Мы в любом случае займемся любовью. Но мне надо знать.

Она вздохнула. Ветхий, иссохший звук — словно шелест пожелтевших страниц.

— У нее дом на пригорке за церковью. Такая хибарка. Когда-то... когда-то там жил священник, настоящий священник. Пока не покинул нас. Ну что? Теперь ты доволен?

— Нет. Еще нет.

И он навалился на нее.

XIV

Стрелок знал, что это последний день.

Небо, уродливое, багровое, как свежий синяк, окрасилось зловещим отблеском первых лучей зари. Элли ходила по комнате, как неприкаянный призрак. Зажигала лампы, приглядывала за кукурузными лепешками, скворчащими на сковороде. После того как она рассказала стрелку все, что ему было нужно узнать, он отлюбил ее с утроенным усердием. Она почувствовала приближение конца и дала ему больше, чем давала кому-либо прежде. Она отдавалась ему с безысходным отчаянием, словно пытаясь предотвратить наступление рассвета; с неуемной энергией шестнадцатилетней. А утром она была бледной. В преддверии очередной менопаузы.

Молча она подала ему завтрак. Он ел быстро, глотал, почти не жуя, и запивал каждый кусок обжигающим кофе. Элли встала у двери и невидящим взором уставилась в утренний свет, на безмолвные легионы медлительных облаков.

— Сегодня, кажется, будет пыльная буря.

— Неудивительно.

— А ты вообще хоть чему-нибудь удивляешься? Хотя бы иногда? — спросила она с горькой иронией и повернулась к нему в то мгновение, когда он уже взялся за шляпу. Нахлобучив шляпу на голову, он направился к выходу.

— Иногда удивляюсь, — бросил он ей на ходу.

Он увидит ее живой еще только раз.

XV

Когда он добрался до хижины Сильвии Питтстон, ветер стих. Весь мир словно замер в ожидании. Стрелок уже прожил достаточно в этом пустынном краю и знал, что чем дольше затишье, тем сильнее будет буря, когда поднимется ветер. Неестественный блеклый свет завис над землей.

На двери обветшалого, покосившегося домика был прибит большой деревянный крест. Стрелок постучал. Подождал. Нет ответа. Он опять постучал. И опять никакого ответа. Он чуть отступил и ударил по двери ногой. Небольшая щеколда внутри соскочила. Дверь распахнулась, ударившись о неровные доски стены и вспугнув крыс, которые с писком бросились в разные стороны. Сильвия Питтстон сидела в прихожей, в громадном кресле-качалке из темного дерева, и спокойно смотрела на стрелка своими большими темными глазами. Предгрозовое сияние дня легло ей на щеки пугающими полутонами. Она куталась в шаль. Кресло-качалка тихонько поскрипывало.

Они смотрели друг на друга долгое мгновение, выпавшее из времени.

— Тебе никогда его не поймать, — проговорила она. — Ты идешь путем зла.

— Он приходил к тебе, — сказал стрелок.

— И возлежал со мной. Он говорил со мной на Наречии. Высоким Слогом. Он...

— Он тебя поимел. И в прямом, и в переносном смысле.

Она даже не поморщилась.

— Ты идешь путем зла, стрелок. Ты стоишь в тени. Вчера вечером ты тоже стоял в тени, под сенью священного места. Ты думал, что я тебя не увижу?

— Почему он исцелил этого травоеда?

— Он — ангел Господень. Он так сказал.

— Надеюсь, он хоть улыбался, когда это говорил.

Она ощерилась, безотчетно подражая оскалу смерти.

— Он говорил мне, что ты придешь следом за ним. Он сказал мне, что делать. Он сказал, ты — Антихрист.

Стрелок покачал головой.

— Он этого не говорил.

Она лениво улыбнулась.

— Он сказал, ты захочешь со мной переспать. Это правда?

— А ты встречала мужчину, которому не захотелось бы с тобой переспать?

— Моя плоть стоит дорого. Расплачиваться будешь жизнью, стрелок. Я зачала от него ребенка... это был не его ребе-

3 Зак. 722

нок, а отпрыск великого короля. Если ты овладеешь мной... — Она умолкла, закончив мысль лишь ленивой улыбкой. Повела своими массивными бедрами. Точно плиты чистейшего мрамора, они застыли под материей платья. Получилось действительно впечатляюще.

Стрелок взялся за револьверы.

— В тебе — демон, женщина, а не король. Но ты не бойся. Я его вытащу.

Слова возымели действие. Она вся сжалась в своем кресле-качалке и стала похожа на ощетинившуюся куницу.

— Не прикасайся ко мне! Не подходи! Ты не посмеешь коснуться Невесты Божией.

— Хочешь на спор? — ухмыльнулся стрелок и шагнул к ней. — Не зевай, проверяй, как сказал старый картежник, открыв кубки и жезлы.

Гора плоти вдруг содрогнулась. Ее лицо превратилось в карикатурную маску безумного ужаса. Растопырив пальцы, она сотворила перед стрелком знак Глаза.

— Пустыня, — сказал стрелок. — Что за пустыней?

— Тебе никогда его не поймать! Никогда! Ты сгоришь! Сгоришь! Он так сказал!

— Я поймаю его, — возразил стрелок. — И мы оба знаем, что так и будет. Что за пустыней?

— Нет!

— Отвечай!

— Нет!

Он подался вперед, упал на колени и обхватил ее бедра. Она сжала ноги, точно тиски. Всхлипнула как-то странно и похотливо.

— Стало быть, демон, — сказал стрелок. — Ну, выходи, демон.

— *Нет...*

Рывком он раздвинул ей ноги и вынул из кобуры револьвер.

— Нет! Нет! Нет! — Она задышала прерывисто, хрипло.

— Отвечай.

Она тряслась в своем кресле, так что под ним дрожал пол. С ее губ слетали обрывки молитв и невнятных проклятий.

Он ткнул стволом револьвера вперед и скорее почувствовал, чем услышал, как воздух испуганным ветром ворвался ей в легкие. Она молотила руками ему по голове; ее ноги бились об пол. И в то же самое время это громадное тело стремилось вобрать в себя смертоносный предмет, вторгшийся в сокровенное лоно; желало принять его в свое чрево. Никто их не видел — только пыльное небо в синюшных кровоподтеках.

Она что-то выкрикнула ему, пронзительно и невнятно.

— Что?

— *Горы!*

— И что там в горах?

— Он остановится... с той стороны... *Боже м-м-милостивый!..* чтобы собраться с с-с-силами. П-п-погружение, медитация... понимаешь? О... я... я...

Необъятная гора плоти вдруг напряглась, подавшись вперед и немного вверх, однако он был начеку и не позволил ее сокровенной плоти прикоснуться к нему.

А потом она вдруг как-то сникла и съежилась. Разрыдалась, зажимая руками низ живота.

— Ну вот, — сказал он, поднимаясь. — Демона мы обслужили, а?

— Уходи. Ты убил ребенка Алого короля. Но ты за это заплатишь. Уж будь уверен. А теперь уходи. Убирайся.

Уже на пороге он оглянулся.

— Никакого ребенка, — коротко бросил он. — Никаких ангелов, принцев и демонов.

— Оставь меня.

Он ушел.

XVI

Когда стрелок пришел на конюшню, на северном горизонте встало мутное марево — пыль. Но над Таллом пока было тихо, мертвенно тихо.

Кеннерли дожидался его в конюшне, на усыпанном сечкой помосте.

— Отъезжаете, стало быть? — Его губы расплылись в подобострастной улыбке.

— Да.

— Даже не переждавши бурю?

— Я ее опережу.

— Ветер всяко быстрей человека на муле. На открытом пространстве он вас убьет.

— Мне нужен мой мул, — просто сказал стрелок.

— Да, конечно.

Но Кеннерли не сдвинулся с места, а просто стоял, словно решая, что бы такого еще сказать, и усмехался этой своей подхалимской, исполненной ненависти ухмылкой. А потом его взгляд скользнул куда-то поверх плеча стрелка.

Стрелок шагнул в сторону и обернулся — тяжелое полено, с которым набросилась на него Суби, со свистом рассекло воздух и только легонько задело его по локтю. Сила размаха не позволила Суби удержать полено в руках, и оно грохнулось на пол. Наверху, на сеновале, испуганно заметались ласточки.

Девушка тупо уставилась на стрелка. Ее перезрелая пышная грудь распирала застиранное полотно рубахи. Медленно, как во сне, она засунула большой палец в рот.

Стрелок повернулся обратно к Кеннерли. Тот растянул губы в широкой улыбке. Его кожа была желтой, как воск. Глаза так и бегали.

— Я... — начал он влажным, булькающим шепотом и не сумел закончить.

— Мой мул, — напомнил стрелок.

— Конечно-конечно, — прошептал Кеннерли, и его ухмылка вдруг сделалась удивленной. Он как будто не верил, что все еще жив. Он поплелся за мулом.

Стрелок перешел на новое место, откуда было удобнее наблюдать за Кеннерли. Конюх вывел мула и вручил стрелку поводья.

— А ты ступай, присмотри за сестрой, — буркнул он, обращаясь к Суби.

Суби тряхнула головой и осталась стоять на месте.

С тем стрелок и ушел, оставив их пялиться друг на друга в пыльной, загаженной конюшне: старика с его болезненной ухмылкой и девицу с ее тупым заторможенным упрямством. Снаружи по-прежнему было душно. Жара обрушилась на него, как молот.

XVII

Он вывел мула на мостовую, поднимая сапогами облачка пыли. На спине у мула хлюпали бурдюки с водой, полные под завязку.

Он заглянул к Шебу, но Элли там не было. Там вообще никого не было. Окна были заложены досками в ожидании бури. Элли так и не взялась за уборку после вчерашней ночи. Бардак в зале был жуткий. Воняло прокисшим пивом.

Он набил свой дорожный мешок кукурузой, сушеной и жареной. Вытащил из холодилки половину сырого мяса, разделанного для бифштексов. Оставил на стойке бара четыре золотых. Элли так и не спустилась. Желтозубое Шебово пианино безмолвно с ним попрощалось. Он вышел на улицу и укрепил свой дорожный мешок на спине мула. В горле стоял комок. Он еще мог избежать ловушки, только шансы его были невелики. В конце концов, он же Нечистый.

Он шел мимо притихших в ожидании домов, чувствуя взгляды, нацеленные на него сквозь щели и трещины в закрытых наглухо ставнях. Человек в черном прикинулся в Талле Богом. Он говорил про ребенка Алого короля, про красного принца. Но что это было: проявление вселенской иронии или акт безысходности? Хороший вопрос.

За спиной вдруг раздался пронзительный крик. Все двери со скрежетом распахнулись. На улицу повалили люди. То есть ловушка захлопнулась. Мужчины в длиннополых сюртуках. Мужчины в грязных рабочих штанах. Женщины в брюках и полинявших платьях. Даже детишки — по пятам за своими родителями. И в каждой руке — тяжелая палка, а то и нож.

Он среагировал моментально, автоматически. Сработал врожденный инстинкт. Рывком развернулся, одновременно выхватывая револьверы. Они легли в руки уверенно, плотно. Элли с искаженным лицом двинулась на него. Да, так и должно было быть: только Элли и никто иной. Шрам у нее на лбу пылал пурпурным адским пламенем в тускнеющем предштормовом свете. Он понял, что она — заложница. За плечом у нее, точно ведьмин ручной зверек, маячило лицо Шеба, искаженное мерзкой гримасой. Она была и его щитом, и его жертвой. Стрелок увидел все это — отчетливо, ясно — в застывшем мертвенном свете стерильного затишья и услышал ее крик:

— Убей меня, Роланд, стреляй! Я сказала ему слово, *девятнадцать*, я сказала, и он рассказал мне... *Я не вынесу, нет...* стреляй!

Его руки знали, что надо делать, чтобы дать ей, что она хочет. Он был последним. Последним из своего рода, и он владел не только Высоким Слогом. Грохнули выстрелы — суровая, атональная музыка револьверов. Ее губы дрогнули, тело обмякло. Снова грянули выстрелы. Голова у Шеба запрокинулась. Они оба упали в пыль.

«Они ушли в край Девятнадцати, — подумал стрелок. — Я не знаю, что это такое, но теперь они там».

Он отшатнулся, уклоняясь от града ударов. Палки летели по воздуху, нацеленные в него. Одна, с гвоздем, зацепила его за руку, расцарапав ее до крови. Какой-то мужик со щетинистой бородой и темными пятнами пота под мышками набросился на него, зажав в кулаке тупой кухонный нож. Стрелок нажал на курок. Мужик упал замертво, ударившись подбородком о землю. Вставная челюсть вывалилась изо рта. Было слышно, как клацнули зубы. Его ухмылка застыла оскалом смерти со вспенившейся на губах слюной.

— САТАНА! — надрывался кто-то. — ОКАЯННЫЙ! УБЕЙТЕ ЕГО!

— НЕЧИСТЫЙ! — завопил еще один голос. И снова в стрелка полетели палки. Нож ударился о сапог и отскочил. — НЕЧИСТЫЙ! АНТИХРИСТ!

Он пробивал себе путь сквозь толпу. Его руки выбирали мишени с пугающей точностью. Тела падали на землю. Двое мужчин и женщина. Он бросился в образовавшуюся брешь.

Толпа устремилась следом за ним, через улицу, к убогому магазинчику и цирюльне по совместительству, что располагался напротив заведения Шеба. Стрелок поднялся на дощатый

тротуар и, развернувшись, выпустил оставшиеся патроны в напирающую толпу. На заднем плане, распластавшись в пыли, лежали Шеб, Элли и все остальные. Все, кого он убил.

Они не дрогнули, не спасовали ни на мгновение, хотя каждый его выстрел поражал живую цель, и они, может быть, никогда в жизни не видели револьверов.

Он отступил, двигаясь плавно, как танцор, уклоняясь от летящих в него предметов. На ходу перезарядил револьверы. Его тренированные пальцы делали свое дело быстро и четко — деловито сновали между барабанами и патронташем. Толпа поднялась на тротуар. Стрелок вошел в лавку и подпер дверь. Стекло правой витрины со звоном разбилось. В лавку ворвались трое. Их лица — лица фанатиков — были пусты, в глазах мерцал тусклый огонь. Он уложил их всех и еще тех двоих, что сунулись следом за ними. Они упали в витрине, повиснув на острых осколках стекла и перекрыв проход.

Дверь затрещала под напором тел, и он различил *ее* голос:

— УБИЙЦА! ВАШИ ДУШИ! ДЬЯВОЛЬСКОЕ КОПЫТО!

Дверь сорвалась с петель и повалилась внутрь, грохнув об пол. С пола взметнулась пыль. Мужчины, женщины и дети устремились к нему. Опять полетели плевки и палки. Он до конца разрядил обе обоймы. Люди падали, как сбитые кегли. Он отступил в цирюльню, на ходу опрокинул бочонок с мукой и катанул его им навстречу. Выплеснул в толпу таз кипящей воды с двумя опасными бритвами на дне. Но толпа напирала, издавая бессвязные бесноватые выкрики. Откуда-то сзади неслись вопли Сильвии Питтстон. Она подстрекала их, и ее зычный голос то вздымался, то опадал, как слепая волна. Стрелок загнал патроны в еще не остывшие барабаны, вдыхая запахи мыла и сбритых волос, запах своей опаленной плоти, исходящий от мозолей на кончиках пальцев.

Он выскочил на крыльцо через заднюю дверь. Теперь за спиной у него оказались унылые заросли кустарника, что почти полностью заслоняли городок, грузно припавший к земле с той стороны. Трое мужчин выскочили из-за угла, их исступленные лица расплывались в довольных предательских ухмылках. Они увидели его. И увидели, что он тоже их видит. Улыбки сползли буквально за миг до того, как он скосил всех троих. За ними следом явилась женщина. Она выла в голос. Рослая, толстая. Завсегдатаи пивнушки Шеба звали ее тетушкой Милли. Стрелок нажал на курок. Она отлетела назад и повалилась на спину, похабно раскинув ноги. Ее юбка задралась и сбилась между бедер.

Он спустился с крыльца и отступил в пустыню. Десять шагов. Двадцать. Задняя дверь цирюльни с грохотом распахнулась. Толпа хлынула наружу. Он мельком углядел Сильвию Питтстон. И открыл огонь. Они падали: кто на живот, кто на спину. Че-

рез перила — в пыль. Они не отбрасывали теней в немеркнущем свете багряного дня. Только теперь стрелок понял, что он кричит. И кричал все это время. Ему казалось, что у него вместо глаз — надтреснутые шары подшипников. Яйца поджались к животу. Ноги одеревенели. Уши как будто налились свинцом.

Он опять отстрелял все патроны, и толпа устремилась к нему. Стрелок превратился в один сплошной Глаз и Руку. Он замер на месте и, не переставая кричать, перезарядил револьверы. Сознание не то чтобы отключилось, но отстранилось, отступило в безучастную даль, предоставив натренированным пальцам действовать самостоятельно. Если бы только он мог поднять руку, остановить их на пару минут, рассказать им, что этому трюку, как и многим другим, он учился, наверное, тысячу лет, рассказать им о револьверах и о крови, их освятившей... Только этого не передашь словами. Его руки сами расскажут эту историю.

Когда он закончил перезаряжать револьверы, толпа подступила к нему совсем близко, на расстояние броска. Палка ударила ему в лоб, содрав кожу. Проступила кровь. Через пару секунд они его схватят. В первых рядах он заметил Кеннерли, его младшую дочку лет одиннадцати, Суби, двух мужиков — завсегдатаев бара, шлюху по имени Эми Фельдон. Он уложил их всех. И тех, кто за ними. Люди падали, как огородные пугала. Кровь и мозги растекались ручьями.

Остальные в испуге замешкались: на мгновение безликая толпа распалась на отдельные озадаченные лица. Какой-то мужчина бегал кругами, истошно вопя. Женщина с нарывами на руках запрокинула голову к небесам и разразилась безудержным гоготом. Старик, первый из талльцев, кого увидел стрелок, войдя в город — тогда он сидел на ступенях заколоченной лавки, — с испугу наложил в штаны.

Он успел перезарядить только один револьвер.

А потом он увидел Сильвию Питтстон. Она неслась на него, размахивая деревянными крестами. По распятию — в каждой руке.

— ДЬЯВОЛ! ДЬЯВОЛ! ДЬЯВОЛ! ДЕТОУБИЙЦА! ЧУДОВИЩЕ! УНИЧТОЖЬТЕ ЕГО, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! УБЕЙТЕ НЕЧИСТОГО! ДЕТОУБИЙЦУ!

Шесть раз он спустил курок. По одному выстрелу — в каждый крест. Дерево разлетелось в щепки. Еще четыре — ей в голову. Она вся как-то сжалась и задрожала, как марево жара.

На мгновение все уставились на нее, замерев, словно актеры в живых картинах, пока пальцы стрелка исполняли привычный трюк перезарядки. Опаленные кончики пальцев горели. На каждом из них проступили ровные кружочки ожогов.

Теперь их стало меньше. Он прошелся по рядам, точно лезвие сенокосилки. И был уверен, что после гибели этой женщины они должны дрогнуть, но тут кто-то бросил нож. Рукоятка

ударила прямо по лбу, промеж глаз. Стрелок упал. Толпа надвинулась на него злобным сгустком. Он расстрелял очередную порцию патронов, лежа среди пустых гильз. Голова разболелась, перед глазами поплыли темные круги. Он уложил одиннадцать человек. Один раз промахнулся.

Они все же набросились на него — те, кто остался. Он расстрелял четыре патрона, все, что успел зарядить, а потом они навалились — кололи, били. Он отшвырнул двоих, вцепившихся ему в левую руку, и откатился в сторону. Пальцы делали свое дело — точно и безотказно. Острый удар пришелся ему в плечо. Кто-то вонзил туда нож. Кто-то больно ударил в спину. По ребрам. Кто-то пырнул его в задницу вилкой. Какой-то мальчишка, совсем пацан, протиснулся сквозь толпу и резанул его по икре. Глубоко резанул, неслабо. Стрелок одним выстрелом снес ему голову.

Яростный натиск пошел на убыль. Стрелок продолжал палить. Те, кто еще уцелел, начали потихонечку отступать к полинявшим, разъеденным ветром домам. Но руки стрелка продолжали делать свое дело, как две собаки, неуемные в своем желании услужить и готовые выделывать всякие трюки тебе на потеху не раз и не два, а всю ночь напролет. Руки сеяли смерть. Люди падали на бегу. Последний сумел забраться на ступеньки заднего крыльца цирюльни. Пуля стрелка угодила ему в затылок. Мужчина вскрикнул и повалился на землю.

— А-а! — Это было последнее слово Талла.

Тишина возвратилась, заполнив образовавшуюся пустоту.

Кровь сочилась из многочисленных ран стрелка. Их было, наверное, не меньше двадцати. Правда, все неглубокие, кроме пореза на икре. Он перевязал ногу, оторвав полосу от рубахи, потом встал в полный рост и оглядел результаты своих смертоносных трудов.

Они лежали извилистой, ломаной линией, что протянулась от задних дверей цирюльни до того самого места, где стоял он. Они застыли в самых разнообразных позах. Никто из них не походил на спящего.

Он пошел по этой линии смерти, считая трупы. В лавке какой-то мужчина лежал на полу, любовно сжимая в руках надтреснутый кувшин с леденцами, который он, падая, утянул с прилавка.

Стрелок остановился в том самом месте, где все началось, — посреди пустынной главной улицы. Он застрелил тридцать девять мужчин, четырнадцать женщин и пятерых детей. Всех, кто был в Талле.

Первый сухой порыв ветра принес с собой тошнотворный сладковатый запах. Стрелок повернулся в ту сторону, поднял глаза и кивнул. На дощатой крыше пивнушки Шеба распласталось разлагающееся тело Норта, распятое на деревянных кольях.

Рот и глаза были открыты. На грязном лбу багровел отпечаток раздвоенного копыта.

Стрелок вышел из города. Его мул мирно пасся в зарослях травки в сорока ярдах от бывшей проезжей дороги. Стрелок отвел мула обратно в конюшню Кеннерли. Снаружи надрывался ветер. Устроив мула, стрелок вернулся к пивнушке. Отыскал лестницу в заднем чулане. Поднялся на крышу. Снял Норта. Тело было на удивление легким, легче вязанки хвороста. Стрелок стащил его вниз и положил вместе со всеми. С теми, кто умер всего один раз. Потом он вернулся в пивную, съел пару гамбургеров и выпил три кружки пива. Свет снаружи померк. В воздух взметнулся песок. Той ночью он спал в кровати, где они с Элли занимались любовью. Ему ничего не приснилось. К утру ветер стих. Сияло солнце, как всегда, яркое и равнодушное. Трупы отнесло ветром на юг — точно перекати-поле. Задолго до полудня, задержавшись только затем, чтобы перевязать свои раны, стрелок тоже отправился в путь.

XVIII

Ему показалось, что Браун уснул. Угли в очаге едва тлели, а ворон Золтан засунул голову под крыло.

Он уже собирался встать и постелить себе в уголке, как вдруг Браун сказал:

— Ну вот. Ты мне все рассказал. Теперь тебе легче?

Стрелок невольно вздрогнул.

— А с чего ты решил, что мне плохо?

— Ты — человек. Ты так сказал. Не демон. Или ты, может, солгал?

— Я не лгал. — В душе шевельнулось какое-то странное чувство. Ему нравился Браун. Действительно нравился. Он ни в чем не солгал ему. Ни в чем. — А кто ты, Браун? То есть на самом деле.

— Я — просто я, — спокойно ответил тот. — Почему ты всегда и во всем ищешь какой-то подвох?

Стрелок молча закурил.

— Сдается мне, ты уже совсем близко к этому своему человеку в черном, — продолжал Браун. — Он уже доведен до отчаяния?

— Я не знаю.

— А ты?

— Еще нет. — Стрелок взглянул на Брауна с едва уловимым вызовом. — Я иду, куда надо идти, и делаю то, что должен.

— Тогда все в порядке. — Браун перевернулся на другой бок и заснул.

XIX

Утром Браун накормил его и отправил в дорогу. При свете дня поселенец выглядел как-то чудно: со своей впалой грудью, опаленной солнцем, выпирающими ключицами и копной вьющихся красных волос. Ворон пристроился у него на плече.

— А мул? — спросил стрелок.

— Я его съем, — сказал Браун.

— О'кей.

Браун протянул руку, и стрелок пожал ее. Поселенец кивнул в сторону юго-востока.

— Ну что ж, в добрый путь. Долгих дней и приятных ночей.

— Тебе того же вдвойне.

Они кивнули друг другу, и человек, которого Элли звала Роландом, пошел прочь, со своими верными револьверами и бурдюками с водой. Он оглянулся всего лишь раз. Браун с остервенением копался на своей маленькой кукурузной делянке. Ворон сидел, как горгулья, на низенькой крыше землянки.

XX

Костер догорел. Звезды уже бледнели. Ветер так и не угомонился. У ветра тоже была своя история, которую он рассказывал в пустоту. Стрелок перевернулся во сне и снова затих. Ему снился сон — сон про жажду. В темноте было не видно гор. Ощущение вины притупилось. И сожаления — тоже. Пустыня их выжгла. Зато стрелок постоянно ловил себя на том, что он все чаще и чаще думает о Корте, который научил его стрелять. Корт умел отличить белое от черного.

Он снова зашевелился во сне и проснулся. Прищурился на погасший костер, чей узор наложился теперь на другой — более геометрически правильный. Он был романтиком. Он это знал. И ревниво оберегал это знание. Этот секрет он раскрыл очень немногим за долгие годы. И среди этих немногих была Сюзан, девушка из Меджиса.

Это, само собой, вновь навело его на мысли о Корте. Корт уже мертв. Они все мертвы. Он — последний. Мир изменился. Мир сдвинулся с места.

Стрелок закинул дорожный мешок за плечо и двинулся дальше.

Глава 2
Дорожная станция

I

есь день у него в голове крутился один детский стишок — такая сводящая с ума напасть, когда какие-нибудь строчки привязываются к тебе и никак не желают отстать, маячат, насмехаясь, где-то на краешке сознания и корчат рожи твоему рациональному существу. Стишок звучал так:

Дождь в Испании идет,
Скоро все водой зальет,
Только ты ему позволь.
Радость есть, но есть и боль.
Ну а дождик знай идет —
Скоро все водой зальет.

Время — это полотно,
Ну а жизнь — на нем пятно.
Мир, дурашливый и важный,
Все изменится однажды.
Мир прекрасный, мир постылый,
Все останется, как было.
Хоть ты умник, хоть балбес —
Дождь в Испаньи льет с небес.

Жаждем мы любви полета —
А находим цепи гнета.
Самолет под дождь попал —
На Испанию упал.

Он не знал, что это такое — самолет, который упал на Испанию, но зато знал, почему у него в голове всплыл именно этот стишок. В последнее время ему часто снился один и тот же сон: его комната в замке и мать, которая пела ему эту песню, когда он, такой маленький и серьезный, лежал у себя в кроватке у окна с разноцветными стеклами. Она пела ему не на ночь, потому что все мальчики, рожденные для Высокого Слога, даже совсем-совсем маленькие, должны встречать темноту один на один. Она пела ему только во время дневного сна, и он до сих пор помнил тяжелый серый свет дождливого дня, дрожащий на цветных радужных стеклах. Он до сих пор явственно ощущал прохладу той детской и грузное тепло одеял, свою любовь к матери, ее алые губы, ее голос и незатейливую, привязчивую мелодию детской песенки.

И вот теперь эта песня вернулась и завертелась — назойливо, неотвязно — у него в голове, словно пес, что гоняется за своим хвостом. Вода у него давно кончилась, и он не строил иллюзий насчет своих шансов выжить. Он — почти труп. Он и не думал, что может дойти до такого. Он был подавлен. Начиная с полудня, он уже не смотрел вперед, а лишь уныло глядел себе под ноги. Под ногами была бес-трава, чахлая, желтая. Местами ровная сланцевая поверхность повыветрилась, обернувшись россыпью камней. Горы не стали заметно ближе, хотя прошло уже целых шестнадцать дней с тех пор, как он покинул жилище последнего поселенца на краю пустыни, скромную хижину совсем молодого еще человека, полоумного, но рассуждавшего вполне здраво. Кажется, у него был ворон, припомнил стрелок, но не смог вспомнить, как его звали.

Он тупо глядел на свои ноги, как они поднимаются и печатают шаги. Слушал рифмованную чепуху, звенящую у него в голове — сбивчиво, путано, — и все думал, когда же он упадет. В первый раз. Он не хотел падать, пусть даже здесь нет никого и никто не увидит его позора. Все дело в гордости. Каждый стрелок знает, что такое гордость — эта незримая кость, не дающая шее согнуться. То, что стрелок не узнал от отца, накрепко вбил в него Корт. В прямом смысле слова. Да, Корт. С его большим красным носом и лицом, изрезанным шрамами.

Внезапно он остановился и вскинул голову. В голове зашумело, и на мгновение стрелку показалось, что его тело куда-то плывет. Горы призрачно маячили на горизонте. Но там, впереди, было и что-то еще. Только гораздо ближе. Всего-то, может быть,

милях в пяти. Он прищурился, но сияние солнца слепило глаза, воспаленные от песка и зноя. Он тряхнул головой и продолжил свой путь. Стишок по-прежнему гудел в голове, повторяясь опять и опять. Где-то через час он упал и ободрал себе руки. Стрелок смотрел на капельки крови, проступившие на потрескавшейся коже, — смотрел и не верил своим глазам. Кровь не стала водянистой. Самая обыкновенная кровь, которая уже умирала на воздухе. Почти такая же самодовольная, как и эта пустыня. Стрелок с отвращением стряхнул алые капли. Самодовольная? А почему бы и нет? Кровь не томится жаждой. Крови служат исправно. Приносят ей жертву. Кровавую жертву. Все, что требуется от нее, — это течь... течь... и течь.

Он смотрел, как алые капли упали на твердый сланец, как земля поглотила их со сверхъестественной, жуткой скоростью. Как тебе это нравится, кровь? Как тебе это нравится?

Иисус милосердный, по-моему, я схожу с ума.

Он поднялся, прижимая руки к груди. Та штука, которую он видел раньше, вдалеке, была почти перед ним. Так близко... Стрелок испуганно вскрикнул — хриплый возглас, похожий на карканье ворона, заглушенное пылью. Здание. Нет — целых два здания, окруженных поваленной изгородью. Древесина казалась старой и хрупкой, едва ли не призрачной: дерево, обращающееся в песок. Одно из зданий когда-то служило конюшней и до сих пор еще сохранило ее очертания. Второе здание — жилой дом или, может быть, постоялый двор. Промежуточная станция для рейсовых экипажей. Ветхий песчаный домик (за долгие годы ветер покрыл древесину панцирем из песка, и теперь дом походил на замок, слепленный на морском берегу из сырого песка, высушенный и закаленный солнцем) отбрасывал тоненькую полоску тени. И кто-то сидел там, в тени, прислонившись к стене. Казалось, стена прогнулась под тяжестью его веса.

Стало быть, он. Наконец. Человек в черном.

Стрелок замер на месте, прижимая руки к груди. Он даже не осознавал пафосную театральность своей позы. Но вместо ожидаемого трепещущего возбуждения (или, может быть, страха, или благоговения) он почувствовал... он вообще ничего не почувствовал, кроме разве что смутного ощущения вины из-за внезапной, клокочущей ненависти к собственной крови и бесконечного звона той детской песенки:

...дождь в Испании идет...

Он двинулся вперед, вынимая на ходу револьвер.

...скоро все водой зальет.

Последнюю четверть мили он преодолел почти бегом, даже не пытаясь скрываться: здесь не за чем было укрыться. Негде спрятаться. Его короткая тень бежала с ним наперегонки. Он не знал, что его лицо давно обратилось в серую, мертвенную маску

истощения. Он забыл обо всем — кроме этой фигуры в тени. До самой последней минуты ему даже в голову не приходило, что человек в тени здания может быть мертв.

Он выбил ногой одну из досок покосившегося забора (она переломилась пополам чуть ли не виновато, не издав ни единого звука) и, вскинув револьвер, промчался по пустынному двору, залитому светом слепящего солнца.

— Ты у меня под прицелом! Руки вверх, шлюхин сын...

Фигура беспокойно зашевелилась и поднялась, выпрямившись в полный рост. Стрелок подумал: «Боже мой, от него же почти ничего не осталось... что с ним случилось?» — Потому что человек в черном стал ниже на добрых два фута, а его волосы побелели.

Стрелок остановился, пораженный, недоумевающий. Голова у него гудела. Сердце бешено колотилось в груди. «Я умираю, — подумал он, — сейчас я умру, прямо здесь...»

Он набрал в легкие раскаленного воздуха и уронил голову, а когда через мгновение поднял глаза, то увидел не человека в черном, а мальчишку со светлыми выгоревшими волосами, который смотрел на него как будто безо всякого интереса. Стрелок тупо уставился на парнишку и тряхнул головой, как бы отрицая реальность происходящего. Но реальность упорно сопротивлялась. Мальчик никуда не пропал. Если это было наваждение, то очень сильное наваждение. Мальчик в синих джинсах с заплаткой на колене и в простой коричневой рубахе из грубой ткани.

Стрелок снова тряхнул головой и двинулся в сторону конюшни, глядя себе под ноги и не выпуская из руки револьвер. Он все еще не собрался с мыслями. В голове все плыло. Там нарастала тупая, огромная боль.

В конюшне было темно, тихо и невыносимо жарко. Стрелок огляделся. Воспаленные глаза саднило, смотреть было больно. Он обернулся, покачнувшись как пьяный, и увидел мальчишку, который смотрел на него, стоя в дверях. Острый клинок боли пронзил его голову, от виска до виска. Разрезал мозг, как апельсин. Стрелок убрал револьвер в кобуру, пошатнулся, взмахнул руками, словно отгоняя призрачное наваждение, и упал лицом вниз.

II

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на спине, а под головой у него — охапка мягкого сена, совершенно без запаха. Мальчик не смог передвинуть стрелка, но постарался устроить его поудобнее. Было прохладно. Он оглядел себя и увидел, что

его рубашка — темная и мокрая на груди. Облизав губы, стрелок почувствовал вкус воды. Язык как будто распух и уже не помещался во рту.

Мальчик сидел на корточках тут же, рядом. Когда он увидел, что стрелок приоткрыл глаза, он наклонился и протянул ему жестяную консервную банку с неровными зазубренными краями, наполненную водой. Стрелок схватил ее трясущимися руками и позволил себе отпить. Чуть-чуть — самую малость. Когда вода улеглась у него в животе, он отпил еще немного. А то, что осталось, выплеснул себе в лицо, сдавленно отдуваясь. Красивые губы мальчишки изогнулись в серьезной, сдержанной улыбке.

— Поесть не хотите, сэр?

— Попозже, — сказал стрелок. Тошнотворная боль в голове — последствие солнечного удара — слегка поутихла, но еще не прошла до конца. Вода неприкаянно хлюпала в желудке, как будто не зная, куда ей теперь податься. — Ты кто?

— Меня зовут Джон Чеймберз. Можете называть меня Джейк. Я дружу с одной тетенькой... ну не то чтобы дружу, она у нас работает... так вот, она иногда называет меня Бамой, но вы называйте меня Джейк.

Стрелок сел, и тошнотворная боль обернулась неудержимым позывом к рвоте. Он согнулся пополам, борясь со своим взбунтовавшимся желудком. Желудок все-таки победил.

— Там есть еще, — сказал Джейк и, забрав банку, направился в дальний конец конюшни. Остановился на полпути и, оглянувшись, неуверенно улыбнулся стрелку. Тот кивнул мальчику, потом опустил голову, подперев подбородок руками. Мальчик был симпатичный, хорошо сложенный, лет, наверное, десяти или одиннадцати. В общем, мальчик как мальчик, вот только лицо у него... как будто накрытое тенью страха. Но это было нормально. Даже хорошо. Не будь этой тени, стрелок бы поостерегся ему доверять.

Из сумрака в дальнем конце конюшни донесся какой-то глухой, непонятный шум. Стрелок встревоженно вскинул голову, руки сами потянулись к револьверам. Странный шум длился примерно секунд пятнадцать, потом затих. Мальчик вернулся с жестянкой — уже наполненной до краев.

Стрелок опять отпил совсем немного. На этот раз дело пошло лучше. Боль в голове начала проходить.

— Я не знал, что мне с вами делать, когда вы упали, — сказал Джейк. — Мне сперва показалось, что вы хотели меня застрелить.

— Может быть. Я принял тебя за другого.

— За священника?

Стрелок сразу насторожился.

Мальчик взглянул на него и нахмурился.

— Он останавливался во дворе. Я спрятался в доме. Или это амбар, я не знаю. Он мне не понравился, и я не стал выходить. Он пришел ночью, а на следующий день ушел. Я бы спрятался и от вас, но я спал, когда вы подошли. — Взгляд мальчишки, направленный куда-то поверх головы стрелка, вдруг сделался мрачным. — Я не люблю людей. Они мне все время все портят.

— А как он выглядел, этот священник?

Мальчик пожал плечами.

— Как и всякий священник. В такой черной штуке.

— Типа сутаны с капюшоном?

— Что такое сутана?

— Такой балахон. Типа платья.

Мальчик кивнул.

— В балахоне с капюшоном.

Стрелок резко подался вперед, и мальчик отшатнулся, увидев его лицо.

— Давно он тут проходил? Скажи мне, во имя отца.

— Я... я...

— Я тебе ничего не сделаю, — терпеливо сказал стрелок. — Ничего плохого.

— Я не знаю. Я не запоминаю время. Здесь все дни одинаковые.

Только теперь стрелок задался вопросом, а как вообще этот мальчик сюда попал, как он очутился в этом заброшенном месте, окруженном на многие мили сухой пустыней, убивающей все живое. Впрочем, ему-то какое дело. Сейчас и без того хватает забот.

— Попробуем все-таки подсчитать. Очень давно?

— Нет. Не очень. Я сам здесь недавно.

Стрелок буквально почувствовал, как внутри снова вспыхнул огонь. Он схватил жестянку с водой и жадно отпил еще глоток. Его руки дрожали. Самую малость. В голове снова всплыли обрывки детской колыбельной, но на этот раз перед его мысленным взором предстало уже не лицо матери, а лицо Элис, со шрамом на лбу. Элис, которая была его женщиной в мертвом теперь городке под названием Талл.

— Сколько? Неделю? Две? Три?

Мальчик озадаченно посмотрел на него.

— Да.

— Что да?

— Неделю. Или две. — Он огляделся, слегка покраснев. — С тех пор я три раза ходил в туалет по большому. Я теперь так измеряю время. А по-другому — никак. Он даже не пил воды. Я подумал, что он, может быть, призрак священника. Как в том фильме, про Зорро. Только там был не призрак и не священник. А нехороший банкир, который хотел заполучить себе землю, потому что там было золото. Мы с миссис Шоу ходили в кино. На Таймс-сквер.

Стрелок не понял, о чем говорит мальчик, и поэтому промолчал.

— Я испугался, — добавил мальчик. — Я боялся почти все время. — Его лицо вдруг задрожало, словно хрусталь под напором предельно высокой, разрушительной ноты. — Он даже не стал разводить костер. Просто сидел. Я даже не знаю, спал он или нет.

Так близко! О боги! Так близко... Несмотря на невероятную обезвоженность организма, руки стрелка стали влажными, липкими.

— Тут есть немного сушеного мяса, — сказал ему мальчик.

— Хорошо, — кивнул стрелок. — Замечательно.

Мальчик поднялся, чтобы сходить за обещанным мясом. В коленках легонько хрустнуло. Держался он прямо. Ладная, стройная фигурка. Пустыня еще не успела его иссушить. Руки были чуть-чуть худоваты, но кожа, хотя и загорелая, еще не загрубела и не растрескалась. «Он полон соков, — подумал стрелок. — И наверное, песок набился ему в мозги. Совсем он тут одурел от жары. Иначе он бы забрал у меня револьвер и пристрелил бы на месте, пока я валялся без чувств».

Хотя, может быть, мальчик просто об этом не подумал.

Стрелок отпил еще воды. «С песком в мозгах или нет, но он — не отсюда».

Джейк вернулся с вяленым мясом, разрезанным на небольшие кусочки. Мясо было жестким, жилистым и щедро сдобренным солью — у стрелка защипало губы, сплошь в мелких трещинках и язвочках. Он ел и пил, пока не почувствовал, что в него уже не лезет. Мальчик едва притронулся к пище.

Стрелок внимательно изучал Джейка, а тот спокойно выдерживал его взгляд.

— Откуда ты, Джейк? — наконец спросил он.

— Я не знаю. — Мальчик нахмурился. — Не знаю. Я знал, когда только-только сюда попал, но теперь не могу вспомнить. Все расплывается, как плохой сон, когда ты уже проснулся. Мне часто снятся плохие сны. Миссис Шоу говорит, что это все потому, что я смотрю слишком много ужастиков по одиннадцатому каналу.

— Что такое канал? — У стрелка вдруг мелькнула совершенно безумная мысль. — Что-то вроде луча?

— Нет. Это по телику.

— Что такое телик?

— Ну... — Мальчик почесал лоб. — Такие картинки.

— Тебя кто-то привел сюда? Эта миссис Шоу?

— Нет, — сказал мальчик. — Я просто здесь очутился.

— А миссис Шоу, это кто?

— Я не знаю.

— А почему она называет тебя Бамой?

— Не помню.

— Какая-то ерунда получается, — буркнул стрелок.

Ему вдруг показалось, что мальчик сейчас заплачет.

— Я правда ничего не знаю. Я просто здесь оказался. Если бы вы спросили меня вчера про каналы и телик, я бы вам все рассказал. А завтра я, может быть, даже не вспомню, что меня зову Джейк. Разве что вы мне подскажете, только вы мне ничего не подскажете. Потому что завтра вас здесь не будет. Вы уйдете, и я умру с голоду, потому что вы съели почти всю мою еду. Я сюда не хотел. Я не просил, чтобы меня сюда перенесли. Мне здесь не нравится. Тут жутко и страшно.

— Не надо так сильно себя жалеть. Держи хвост пистолетом.

— Я сюда не хотел, — повторил мальчик с ребяческим вызовом в голосе.

Стрелок съел еще кусок мяса. Прежде чем проглотить, долго жевал, чтобы выдавить соль. Мальчик тоже стал частью единого целого, и стрелок был уверен, что он говорит ему правду: он оказался здесь не по собственной воле. Он не хотел, чтобы так было. Плохо. Очень плохо. Это он, стрелок... *он* сам так хотел. Но он никогда не хотел грязной игры. Он не хотел убивать никого в Талле. Не хотел убивать Элли, эту некогда красивую женщину, чье лицо было отмечено тайной, которая все же открылась ей в самом конце, — тайной, к которой она стремилась и до которой добралась, сказав это слово, это *девятнадцать*, как будто открыла замок ключом. Он не хотел, чтобы его ставили перед выбором: исполнить свой долг или превратиться в безжалостного убийцу. Это нечестно: выпихивать на сцену ни в чем не повинных людей — посторонних людей — и заставлять их участвовать в этом спектакле, который для них чужой и непонятный. «Элли, — подумал он, — Элли хотя бы жила в этом мире, пусть в своем, иллюзорном, но все-таки здесь. А этот *мальчик*... этот проклятый *мальчик*...»

— Расскажи все, что ты помнишь, — сказал он Джейку.

— Я мало что помню. А то, что помню, это и вправду какая-то ерунда. Полный бред.

— Все равно расскажи.

Мальчик задумался, с чего начать. И думал долго.

— Было одно место... до того, как я здесь оказался. Такой большой дом, где много комнат, а рядом — дворик, откуда видны высоченные здания и вода. А в воде стояла статуя.

— Статуя в воде?

— Да. Такая женщина, в короне и с факелом... и еще, кажется, с книгой.

— Ты что — выдумываешь на ходу?

— Может быть, — безнадежно ответил мальчик. — Там еще были такие штуки, чтобы ездить на них по улицам. Боль-

шие и маленькие. Большие — синие с белым. А маленькие — желтые. Желтых было много. Я шел в школу. Вдоль улиц тянулись такие зацементированные дорожки. А еще там были большие окна, чтобы в них смотреть, и статуи в одежде. Статуи продавали одежду. Я понимаю, что это звучит по-дурацки, но те статуи продавали одежду.

Стрелок покачал головой, пристально всматриваясь в лицо мальчика — пытаясь распознать ложь. Но мальчик, похоже, не лгал.

— Я шел в школу, — упрямо повторил мальчишка. — У меня была... — он прикрыл глаза и пошевелил губами, как будто нащупывая слова, — сумка для книг... такая коричневая. И еще — завтрак. И на мне был... — он снова запнулся, мучительно подбирая слово, — галстук.

— Что?

— Я не знаю. — Мальчик безотчетно положил руку на горло. Этот жест всегда ассоциировался у стрелка с повешением. — Не знаю. Все это исчезло. — Он отвел взгляд.

— Можно я тебя усыплю? — спросил стрелок.

— Я не хочу спать.

— Я могу усыпить тебя, чтобы ты вспомнил. Во сне.

Джейк с сомнением спросил:

— А как вы меня усыпите?

— А вот так.

Стрелок вынул из патронташа один патрон и начал вертеть его в пальцах. Его движения были проворными, плавными — как льющееся масло. Патрон как будто перетекал от большого пальца к указательному, от указательного — к среднему, от среднего — к безымянному, от безымянного — к мизинцу. На мгновение исчез из виду, потом появился опять. На долю секунды завис неподвижно и двинулся обратно, переливаясь между пальцами стрелка. Мальчик смотрел. Его недоверчивое выражение сменилось искренним восторгом, потом — восхищением, а потом его взгляд стал пустым. Он отключился. Глаза закрылись. Патрон плясал в пальцах стрелка. Взад-вперед. Глаза Джейка опять распахнулись; он еще с полминуты понаблюдал за плавной пляской патрона и снова закрыл глаза. Стрелок продолжал крутить патрон, но Джейк больше не открывал глаз. Его дыхание замедлилось, стало спокойным и ровным. Неужели так надо? Неужели так и должно было быть? Да. Во всем этом была даже некая красота, хрупкая и холодная, как кружевные узоры по краям голубых ледяных глыб. Ему опять показалось, что он слышит, как мама поет ему песню, но не ту глупую детскую песенку про Испанию и дождь, а другую, такую же глупую и такую же милую, что доносилась из дальнего далека, когда он уже засыпал, легонько покачиваясь на краешке сна: *Птичка овсянка, скорее лети, скорее лети и корзинку неси.*

Стрелок снова почувствовал, как его накрывает волна плотной душевной мути. Патрон в его пальцах, с которым он управлялся с таким непостижимым изяществом, вдруг показался ему живым. Такое маленькое сверкающее чудовище. Стрелок уронил патрон в ладонь и до боли сжал руку в кулак. Если бы патрон сейчас взорвался, стрелок был бы только рад. Рад избавиться от руки, чье единственное истинное мастерство — это убийство. Убийство было всегда, так устроен мир. Но от этого было не легче. Да, на свете есть много плохого. Убийство, насилие и чудовищные деяния. И все это — во имя добра. Добра, обагренного кровью. Во имя кровавого мифа, во имя Грааля, во имя Башни. Да. Где-то она стоит, Башня (как говорят, посередине всего) — стоит, вспарывая небеса своей черной громадой, и в очищенных жаром пустыни ушах стрелка вновь зазвучит тихий и ласковый мамин голос: чик-чирик, не бойся кошек, дам тебе я хлебных крошек.

Он отмахнулся от этой песенки, как от назойливой мухи, и спросил:

— Где ты?

III

Джейк Чеймберз — он же Бама — спускается по лестнице с портфелем в руках. В портфеле — учебники: природоведение, география, тетрадь, карандаш, завтрак, который мамина кухарка, миссис Грета Шоу, приготовила для него в кухне, где все из хрома и пластика, где непрестанно гудит воздухоочиститель, поглощающий неприятные запахи. В пакете для завтрака — сандвич с арахисовым маслом и повидлом и еще один, с копченой колбасой, салатом и луком, и четыре кекса «Орео». Его родители не то чтобы его не любят, но, похоже, давно уже не замечают родного сына. Они давно от него отказались и препоручили заботам миссис Греты Шоу, многочисленных нянек и репетитора — летом и Школы Пайпера (которая Частная, очень Хорошая и, самое главное, Только Для Белых) — во все остальное время. Никто из этих людей даже и не претендует на то, чтобы быть кем-то еще, кроме того, кто они есть: профессионалы, лучшие в своем деле. Никто ни разу не прижал его к теплой груди, как это всегда происходит в исторических любовных романах, которые читает его мама и которые Джейк перелистывает тайком, в поисках «всяких глупостей». Истерические романы, как их иногда называет папа. Или еще — «неглиже-срывалки». На что мама ему отвечает с презрением: «А ты только болтать и способен», — а Джейк это все слышит из-за закрытых дверей. Папа работает на

телевидении, и Джейк, наверное, мог бы этим гордиться. Но ему все равно.

Джейк еще не знает, что ненавидит всех профессионалов, за исключением миссис Шоу. Люди всегда приводили его в замешательство. Какие-то все они странные. Его мама — которая очень худая, но сексапильно худая — часто спит со своими друзьями в одной постели. Ее друзья все больные на голову. Его отец иногда упоминает каких-то людей с телевидения, которые «перебарщивают с кока-колой». При этом он усмехается и быстро нюхает свой большой палец.

И вот он выходит из дома. Джейк Чеймберз выходит на улицу. Так говорят о демонстрантах: они вышли на улицу. Одет во все чистенькое. Знает, как надо себя вести. Симпатичный, послушный мальчик. Раз в неделю он ездит в «Мид-Таун Лейнс», в кегельбан. У него нет друзей — только знакомые. Он никогда не задумывался об этом, но это его задевает. Он еще не знает или не понимает, что, постоянно общаясь с профессионалами, он невольно перенял многие их черты и привычки. Миссис Грета Шоу (да, она лучше всех остальных, но все равно это не утешает) делает в высшей степени профессиональные сандвичи. Она разрезает хлеб на четыре части и срезает корку, и когда Джейк ест свои бутерброды на переменке, выглядит все это так, будто он где-нибудь на коктейле, а вместо книжки из школьной библиотеки — что-нибудь про спорт или Дикий Запад — держит в руке бокал крепкой выпивки. Его отец зашибает большие деньги, потому что он мастер «завести зрителя», то есть умеет выбрать и включить в программу «убойное» шоу, которое забивает «невзрачненькие передачи» на конкурирующем канале. Папа выкуривает четыре пачки в день. Он не кашляет, но у него тяжелая ухмылка, и иногда он позволяет себе хлопнуть парочку кока-колы по старой памяти.

Вдоль по улице. Мать дает ему денежку на такси, но, когда нет дождя, он всегда ходит пешком. Идет, размахивая портфелем (или сумкой, где у него все для боулинга, хотя, как правило, сумку он оставляет у себя в шкафчике в кегельбане). Маленький мальчик. Такой стопроцентный американец с голубыми глазами и белокурыми волосами. Девчонки уже начинают обращать на него внимание (с одобрения своих мамаш), и он уже не сторонится их, как маленький, с подчеркнутой детской заносчивостью. Он общается с ними с таким неосознанным профессионализмом, чем весьма их смущает. Он увлекается географией, а после обеда ходит в кегельбан. Его папа владеет пакетом акций какой-то компании по производству автоматического оборудования для кегельбанов, но там, куда ходит Джейк, стоит оборудование другой марки. Ему кажется, будто он никогда не задумывался об этом. Но на самом деле — еще как задумывался.

Вдоль по улице. Мимо «Блуми», магазина готового платья, где в витринах стоят манекены, одетые в меховые пальто или в деловые костюмы на шести пуговицах, а некоторые — «без всего», совсем голые. Эти манекены — тоже безупречные профессионалы, а он ненавидит профессионализм во всех проявлениях. Он еще слишком мал для того, чтобы уметь ненавидеть себя, но начало уже положено: надо лишь время, чтобы это горькое семя принесло горький плод.

Он доходит до угла и стоит на перекрестке с портфелем в руке. Машины с ревом несутся по улице — синие с белым автобусы, желтые такси, «фольксвагены», грузовики. Он всего лишь мальчишка, но выше средних способностей; и краешком глаза он успевает заметить человека, который его убивает. Человек одет во все черное, и Джейк не видит его лица, только развевающийся балахон, и протянутые к нему руки, и жесткую улыбку профессионала. Он падает на проезжую часть, не выпуская из рук портфеля, в котором лежит его высокопрофессиональный завтрак, приготовленный миссис Гретой Шоу. Он еще успевает заметить водителя — испуганное лицо за затемненным ветровым стеклом. Бизнесмен в темно-синей шляпе со стильным пером за лентой. У кого-то в машине гремит рок-н-ролл. На тротуаре, на той стороне, кричит какая-то пожилая дама. У нее черная шляпка с сеточкой, в которой нет ничего стильного и изящного — эта сеточка больше похожа на траурную вуаль. Джейк не чувствует ничего, лишь удивление и привычное пагубное замешательство — неужели вот так все и кончается? И ему уже никогда не улучшить свои результаты в боулинге? Выходит, два-семьдесят — это предел? Он падает на проезжую часть и видит в двух дюймах от глаз свежезаделанную трещину на асфальте. Портфель вылетает из рук. Он как раз призадумался, сильно ли он ободрал коленки, когда на него наезжает машина того бизнесмена в синей шляпе со стильным пером. Огромный синий «кадиллак» 76-го года с шинами «Фаерстоун». Машина почти такого же цвета, как и шляпа водителя. Она ломает Джейку спину, расплющивает живот. У него изо рта вырывается струя крови. Настоящий фонтан. Он поворачивает голову и видит зажженные задние фонари. «Кадиллак» тормозит, из-под колес валит дым. Машина проехалась и по портфелю, оставив на нем черный широкий след. Джейк поворачивает голову в другую сторону и видит громадный серый «форд», который с визгом останавливается в каких-нибудь нескольких дюймах от его тела. Какой-то чернокожий парень, наверное, тот самый, который продает с тележки соленые крендельки и газировку, бежит к нему. Кровь у Джейка течет отовсюду: из носа, из глаз, из ушей, из прямой кишки. Его гениталии превратились в кашу. А он все думает раздраженно, сильно ли он ободрал коленки. Он боится, что опоздает в школу. Теперь и водитель «кадиллака» бежит к нему, причитая на ходу. Откуда-то доносится голос. Страшный, спокойный — голос неумолимой судьбы:

— Я священник. Дайте пройти. Последнее причастие...

Он видит черный балахон и обмирает от ужаса. Это он. Человек в черном. Собрав последние силы, Джейк отворачивается от него. Где-то играет радио, передают песню рок-группы «Кисс». Он видит, как его руки скребут по асфальту — белые, маленькие, аккуратные. Он никогда не грыз ногти.

Глядя на свои руки, Джейк умирает.

IV

Стрелок сидел, погруженный в тяжелые думы. Он устал, все его тело болело, и мысли рождались у него в голове с изматывающей медлительностью. Рядом с ним, зажав руки между колен, спал удивительный мальчик. Он рассказал свою историю очень спокойно, хотя ближе к концу его голос дрожал — это когда он дошел до «священника» и до «последнего причастия». Разумеется, он ничего не рассказывал ни о своей семье, ни о своем ощущении странной, сбивающей с толку раздвоенности, но все равно кое-что просочилось в его рассказ — достаточно, чтобы понять. Такого города, который описывал мальчик, нет и не было никогда (разве что это был легендарный Лад) — но это было не самое странное. Хотя стрелок все равно не на шутку встревожился. Вообще весь рассказ был каким-то тревожным. Стрелок боялся даже задумываться о том, что все это может значить.

— Джейк?

— У-гу?

— Ты хочешь помнить об этом, когда проснешься? Или хочешь забыть?

— Забыть, — быстро ответил мальчик. — Я был весь в крови. И когда кровь пошла у меня изо рта, у нее был такой вкус... я как будто говна наелся.

— Хорошо. Сейчас ты заснешь, понятно? И будешь спать. По-настоящему. Давай-ка ложись.

Джейк послушно лег. Такой маленький, тихий и безобидный — с виду. Однако стрелку почему-то не верилось в то, что мальчик действительно безобидный. Было в нем что-то странное, роковое, некий дух предопределенности. Как будто это была очередная ловушка. Стрелку не нравилось это гнетущее ощущение, но ему нравился мальчик. Ему очень нравился мальчик.

— Джейк?

— Тс-с. Я хочу спать. Я сплю.

— Да. А когда ты проснешься, ты все забудешь. Все, что мне рассказал.

— О'кей. Хорошо.

Мальчик спал, а стрелок смотрел на него и вспоминал свое детство. Мысленно возвращаясь в прошлое, он обычно испытывал странное ощущение, будто все это происходило не с ним, а с кем-то другим — с человеком, который прошел сквозь легендарный кристалл, изменяющий время, прошел и стал совершенно другим. Не таким, каким был. Но теперь его детство вдруг подступило так близко. Мучительно близко. Здесь, в конюшне дорожной станции, было невыносимо жарко, и стрелок отпил еще воды. Совсем немного, буквально глоток. Потом он поднялся и прошел в глубь строения. Остановился, заглянул в одно из стойл. Там в углу лежала охапка белой соломы и аккуратно сложенная попона, но лошадьми не пахло. В конюшне не пахло вообще ничем. Солнце выжгло все запахи и не оставило ничего. Воздух был совершенно стерилен.

В задней части конюшни стрелок обнаружил крошечную темную комнатушку с какой-то машиной из нержавеющей стали, похожей на маслобойку. Ее не тронули ни ржавчина, ни порча. Слева торчала хромированная труба, а под ней было отверстие водостока. Стрелок уже видел такие насосы в других засушливых местах, но ни разу не видел такого большого. Он себе даже не представлял, как глубоко нужно было бурить этим людям (которых давно уже нет), чтобы добраться до грунтовых вод, затаившихся в вечной тьме под пустыней.

Почему они не забрали с собой насос, когда покидали станцию?

Наверное, из-за демонов.

Внезапно он вздрогнул. По спине пробежал холодок. Кожа покрылась мурашками, которые тут же исчезли. Он подошел к переключателю и нажал кнопку «ВКЛ». Механизм загудел. А примерно через полминуты струя чистой, прохладной воды вырвалась из трубы и устремилась в водосток, в систему рециркуляции. Из трубы вылилось, наверное, галлона три, а потом насос со щелчком отключился. Да, зверь-машина, такая же чуждая этому месту и времени, как и истинная любовь, и такая же неотвратимая, как Суд Божий. Молчаливое напоминание о тех временах, когда мир еще не сдвинулся с места. Вероятно, машина работала на атомной энергии, поскольку на тысячи миль вокруг электричества не наблюдалось, а сухие батареи уже давно бы разрядились. Ее сделали на заводе компании под названием «Северный Центр позитроники». Стрелку это совсем не понравилось.

Он вернулся и сел рядом с мальчиком, который спал, подложив одну руку под щеку. Симпатичный такой мальчуган. Стрелок выпил еще воды и скрестил ноги на индейский манер. Мальчик, как и тот поселенец у самого края пустыни, у которого еще был ворон (Золтан, внезапно вспомнил стрелок, — ворона звали Золтан), тоже утратил всякое ощущение времени, но человек в черном, вне всяких сомнений, был уже близко. Уже не в первый раз стрелок

призадумался: а не подстроил ли человек в черном очередную ловушку, позволив догнать себя. Вполне вероятно, что он, стрелок, играет теперь на руку своему врагу. Он попытался представить себе, как это будет, когда они все же сойдутся лицом к лицу, — и не смог.

Ему было жарко, ужасно жарко, но в остальном он себя чувствовал вполне сносно. В голове снова всплыл давешний детский стишок, но на этот раз он думал уже не о матери, а о Корте, о человеке с лицом, обезображенным шрамами от пуль, камней и всевозможных тупых предметов. Шрамы — отметины войны и военного ремесла. «Интересно, — вдруг подумал стрелок, — а была ли у Корта любовь. Большая, под стать этим шрамам. Нет. Вряд ли». Он подумал о Сюзан, о своей матери и о Мартене, об этом убогом волшебнике-недоучке.

Стрелок был не из тех людей, которые любят копаться в прошлом; если бы он был человеком менее эмоциональным и не умел смутно предвосхищать будущее, он был бы упертым и непробиваемым дубарем, лишенным всяческого воображения. Причем дубарем очень опасным. Вот почему он и сам удивился своим неожиданным мыслям. Каждое новое имя, всплывавшее в памяти, вызывало другое: Катберт, Алан, старый Джонас с его дрожащим голосом; и снова — Сюзан, прелестная девушка у окна. Все подобные размышления неизменно сводились к Сюзан, и к великой холмистой равнине, известной как Спуск, и к рыбакам, что забрасывали свои сети в заливах на краешке Чистого моря.

Тапер из Талла (тоже мертвый, как и все остальные жители Талла, сраженные им, стрелком) тоже был там, в Меджисе. Шеб обожал старые песни, когда-то играл их в салуне под названием «Приют путников», и стрелок фальшиво замурлыкал себе под нос:

Любовь, любовь беспечная,
Смотри, что ты наделала.

Он рассмеялся, сам себе поражаясь. «Я последний из того мира зелени и теплых красок». Он тосковал по былому. Но не жалел себя, нет. Мир беспощадно сдвинулся с места, но его ноги еще не отказываются ходить, и человек в черном уже близко. Стрелок задремал.

V

Когда он проснулся, уже почти стемнело, а мальчик исчез.

Стрелок поднялся — в суставах явственно хрустнуло — и подошел к двери конюшни. В темноте, на крыльце постоялого двора мерцал огонек. Он направился прямо туда. Его тень,

длинная, черная, растянулась в коричневато-желтом свете заходящего солнца.

Мальчик Джейк сидел возле зажженной керосиновой лампы.

— Там в лампе был керосин, — сказал он, — но я побоялся зажигать огонь в доме. Все такое сухое...

— Ты все правильно сделал. — Стрелок уселся, не обращая внимания на многолетнюю пыль, что взвилась у него из-под задницы. Вообще удивительно, как крыльцо не обвалилось под их общим весом. Отсветы пламени из лампы окрасили лицо паренька в теплые полутона. Стрелок достал свой кисет и свернул папироску.

— Нам надо потолковать, — сказал он.

Джейк кивнул и улыбнулся, его рассмешило слово «потолковать».

— Ты, наверное, уже догадался, что я гонюсь за тем человеком, которого ты здесь видел.

— Хотите его убить?

— Я не знаю. Мне нужно заставить его кое-что мне рассказать. И, может быть, отвести меня кое-куда, в одно место.

— Куда?

— К Башне, — ответил стрелок. Он прикурил, поднеся папиросу к открытому краю лампы, и глубоко затянулся. Легкий ночной ветерок относил дым в сторону. Джейк смотрел ему вслед. На лице мальчика не отражалось ни страха, ни любопытства, ни воодушевления.

— Стало быть, завтра я ухожу, — продолжал стрелок. — Тебе придется пойти со мной. Мясо еще осталось?

— Совсем чуть-чуть.

— А кукурузы?

— Побольше, но тоже немного.

Стрелок кивнул.

— Есть тут какой-нибудь погреб?

— Да. — Джейк поглядел на него. Его зрачки были такими большими, что казались невероятно хрупкими. — Он открыт, нужно лишь потянуть за кольцо в полу, но я не спускался вниз. Побоялся, что лестница может сломаться, и я не сумею оттуда выбраться. И там плохо пахнет. Это — единственное здесь место, откуда хоть как-то пахнет.

— Завтра мы встанем пораньше и посмотрим, не найдется ли там чего, что может нам пригодиться. Потом пойдем потихоньку.

— Хорошо. — Помолчав, мальчик добавил: — Хорошо, что я не убил вас, пока вы спали. Тут есть вилы, и у меня была мысль... Но я не стал этого делать, и теперь я уже не боюсь заснуть.

— А чего ты боялся?

Мальчик угрюмо взглянул на него.

— Привидений. И что он вернется.

— Человек в черном, — сказал стрелок, и это был не вопрос.

— Да. Он плохой?

— Это как посмотреть, — рассеянно отозвался стрелок. Он поднялся и бросил окурок на твердый сланец. — Ладно, я спать.

Мальчик застенчиво поднял глаза.

— А можно, я лягу с вами в конюшне?

— Конечно.

Стрелок стоял на ступеньках, глядя на небо. Мальчик подошел и встал рядом. Вон — Старая Звезда, а вон — Старая Матерь. Стрелку вдруг показалось, что стоит только закрыть глаза и он различит кваканье первых весенних древесных лягушек, запах зелени и почти летний запах только что подстриженного газона, услышит, быть может, ленивый перестук деревянных шаров, что доносится по вечерам из восточного крыла, когда сумерки перетекают во тьму и благородные дамы, одетые только в сорочки, выходят поиграть в шары. Он едва ли не воочию увидел Катберта и Джейми, как они выныривают из пролома в живой изгороди и зовут его покататься на лошадях...

Это совсем на него не похоже — так много думать о прошлом.

Он обернулся и поднял лампу.

— Пойдем спать, — сказал он.

И они вместе пошли в конюшню.

VI

Наутро он обследовал погреб.

Джейк был прав: пахло там отвратительно. Это был влажный болотный запах, и после стерильного, лишенного всякого запаха воздуха пустыни и конюшни стрелку стало нехорошо. Его подташнивало. Голова кружилась. В подвале воняло перегнившей капустой, репой и картошкой с длиннющими ростками. Однако лестница с виду казалась прочной. Стрелок спустился вниз.

Пол в погребе был земляной. А потолок — очень низкий, стрелок едва не задевал его головой. Здесь, внизу, все еще жили пауки — огромные пауки с серыми в крапинку телами. И почти все — мутанты. У одних были глазки на ножках, у других — по шестнадцать, не меньше, лап.

Стрелок огляделся, дожидаясь, пока глаза не привыкнут к темноте.

— С вами там все в порядке? — нервно окликнул его Джейк.

— Да. — Он сосредоточил внимание на дальнем углу. — Тут какие-то банки. Консервные. Подожди.

Пригнувшись, он осторожно двинулся в тот угол. Там стоял ветхий ящик с отодранной стенкой. Консервы, как выяснилось, были овощными — зеленая фасоль, бобы... и три банки тушенки.

Он сгреб их в охапку, сколько сумел унести, и вернулся обратно к лестнице. Поднявшись до середины, протянул банки Джейку, который встал на колени, чтобы было сподручнее их забрать. Стрелок отправился за остальными.

А когда он пошел в третий раз, он услышал какой-то стон. Откуда-то из стены.

Он обернулся, вгляделся во тьму и вдруг ощутил, как его окатило волной смутного ужаса. Он почувствовал слабость и пронзительное отвращение.

Своды подвала были сложены из больших блоков песчаника, которые, надо думать, лежали ровно, когда эту станцию только построили. Теперь эти блоки перекосились, вздыбились под разными углами. И поэтому стены казались исписанными иероглифами — странными и беспорядочно нагроможденными. И в одном месте, где соединялись два блока, из стены текла тонкая струйка песка, как будто что-то силилось прорваться с той стороны с надрывным, отчаянным упорством.

Снова раздался стон, теперь — громче. Стоны уже не прекращались. Пока весь подвал не наполнился звуком — живым воплощением немыслимой боли и чудовищного напряжения.

— *Поднимайтесь!* — закричал Джейк. — Боже мой, мистер, поднимайтесь скорее!

— Отойди от люка, — спокойно велел стрелок. — Выйди на улицу и считай. Если я не вернусь, когда ты досчитаешь до двух... нет, до трехсот, беги отсюда без оглядки.

— *Поднимайтесь!* — снова выкрикнул Джейк.

На этот раз стрелок не ответил. Правой рукой он расстегнул кобуру.

В стене уже образовалась дыра размером с монету. Сквозь завесу подступившего страха стрелок различил звук удаляющихся шагов Джейка. Потом струйка песка иссякла. Стоны вдруг прекратились, но зато послышалось сбивчивое, тяжелое дыхание.

— Кто ты? — спросил стрелок.

Нет ответа.

И Роланд повторил свой вопрос — на Высоком Слоге, и его голос, как встарь, был исполнен уверенной громовой властности:

— Кто ты, демон? Говори, если тебе есть что сказать. У меня мало времени, и еще меньше — терпения.

— Не торопись, — раздался протяжный и сдавленный голос. Голос из стены. Стрелок почувствовал, как сгущается этот кошмарный и мутный ужас, становясь таким плотным, почти

осязаемым. Это был голос Элис, женщины, с которой он был в Талле. Но она умерла. Он сам убил ее. Он своими глазами видел, как она повалилась на землю с дыркой от пули точнехонько промеж глаз. Он как будто погружался в бездонную пропасть. — Не торопись, стрелок, иначе рискуешь ты в спешке пройти мимо тех, кого надо извлечь. И остерегайся тахина. Пока с тобой идет мальчик, человек в черном держит душу твою у себя в руках.

— Что ты хочешь сказать? Объясни!

Но дыхание исчезло.

Он постоял еще пару секунд, не в силах сдвинуться с места, а потом один из этих кошмарных серых пауков упал ему на руку и быстро взобрался на плечо. Невольно вскрикнув, стрелок смахнул паука и заставил себя подойти к стене. Ему не хотелось этого делать, но обычай суров и непоколебим. Если мертвые что-то дают, то бери, как говорится в старой поговорке. Только мертвые изрекают истинные пророчества. Он подошел к дыре, образовавшейся в стене, и ударил по ней кулаком. Песчаник по краям легко раскрошился, и, почти безо всякого напряжения, стрелок просунул руку в пролом.

И прикоснулся к чему-то твердому, в буграх и выступах. Он вытащил непонятный предмет наружу. Оказалось, что это — кость. Челюстная кость, подгнившая в месте соединения верхней и нижней частей. Неровные зубы торчали в разные стороны.

— Ладно, — сказал он негромко, небрежно засунул челюсть в задний карман и вернулся обратно к лестнице, неуклюже прижимая к груди последние консервные банки. Люк он оставил открытым. Солнце проникнет туда и убьет пауков-мутантов.

Джейк дожидался его посреди двора, съежившись на потрескавшемся, раскрошенном сланце. Увидев стрелка, он вскрикнул, отступил на пару шагов, а потом бросился к нему со слезами на глазах.

— Я думал, оно вас поймало, что оно вас поймало, я думал...

— Нет, не поймало. — Стрелок крепко прижал к себе мальчика, ощутив у себя на груди жар от его пылающего лица и горячие сухие руки, крепко-крепко его обнимавшие. Уже потом, вспоминая об этом, он понял, что именно в это мгновение он полюбил мальчугана — разумеется, так и было задумано. Все это было подстроено человеком в черном. Ибо какая ловушка сравнится с капканом любви?

— Это был демон? — Голосок звучал глухо.

— Да. Говорящий демон. Нам больше не нужно туда возвращаться. Пойдем. Скорее.

Они вернулись в конюшню. Стрелок скатал из попоны, под которой спал ночью, подобие тюка. Она была жаркая и колючая, но другой просто не было. Потом он наполнил свои бурдюки из колонки с насосом.

— Один бурдюк понесешь ты, — сказал он Джейку. — На плечах — вот так. Видишь?

— Да. — Мальчик взглянул на стрелка с искренним благоговением, но тут же отвел глаза и взвалил на плечи бурдюк.

— Не тяжело?

— Нет. Нормально.

— Лучше скажи мне правду. Сейчас. Я не смогу нести и тебя тоже, если с тобой случится солнечный удар.

— Не случится. Все будет о'кей.

Стрелок кивнул.

— Мы пойдем к тем горам, да?

— Да.

Они отправились в путь под палящим солнцем. Джейк, чья голова едва доставала стрелку до локтя, шел справа и чуть впереди. Завязанные сыромятными ремешками концы бурдюка у него на плечах свисали почти что до самых голеней. Стрелок нес еще два бурдюка, закинутых за плечи крест-накрест, и запасы провизии — под мышкой, прижимая тюк к телу левой рукой. В правой руке он держал дорожную сумку с патронами.

Они прошли через задние ворота станции и снова вышли на заброшенный тракт с исчезающими колеями. Они прошагали минут пятнадцать, потом Джейк обернулся и помахал рукой двум строениям, оставшимся позади. Они, казалось, жмутся поближе друг к другу в беспредельном пространстве пустыни.

— Прощайте! — выкрикнул Джейк. — Прощайте! — Потом повернулся к стрелку и сказал: — У меня странное чувство. Как будто за нами кто-то наблюдает.

— Может быть, — согласился стрелок.

— Там что, кто-то прячется? И он все время был там?

— Я не знаю. Нет, вряд ли.

— Может быть, стоит вернуться. Проверить...

— Нет. Раз ушли, значит, ушли.

— Хорошо, — быстро проговорил Джейк.

Они пошли дальше. Вдоль проезжего тракта громоздились гребни спрессованного песка. Когда стрелок оглянулся, станция уже скрылась из виду. И снова кругом была только пустыня. Одна лишь пустыня.

VII

Три дня миновало с тех пор, как они покинули станцию. Горы стали как будто ближе, но это было обманчивое впечатление. Хотя глаз уже различал, как пустыня впереди поднимается к каменистым предгорьям. Первые голые склоны. Коренная

порода, прорвавшаяся сквозь кожу земли в угрюмом, разрушительном триумфе. Чуть повыше ландшафт снова выравнивался, и в первый раз за многие месяцы, если не годы, стрелок увидел зелень — настоящую живую зелень. Траву, карликовые ели, может быть, даже ивы. Их питали ручьи, текущие из ледников на вершинах. Дальше опять начинались голые скалы, вздымающиеся в исполинском, хаотичном великолепии до ослепительных снежных шапок, сияющих белизной. Слева открывалось ущелье, рассекавшее горную твердь, оно вело к другому горному кряжу, поменьше, образованному выветренными утесами из песчаника, к высоким плато и крутым курганам. Над этой дальней грядой дрожала, мешая обзору, серая завеса дождя. Вечером, до того, как заснуть, Джейк еще пару минут посидел, завороженно глядя на всполохи далеких молний, белых и фиолетовых, таких пугающе ярких в прозрачном ночном воздухе.

Мальчик держался прекрасно. Он был вынослив, но самое главное — он умел бороться с усталостью посредством спокойной концентрации воли; эту его способность стрелок оценил по достоинству. Джейк говорил немного и не задавал никаких вопросов. Не спросил даже про челюсть, которую стрелок непрестанно вертел в руках во время вечернего перекура. У стрелка сложилось впечатление, что их дружба льстит мальчугану. Может быть, даже приводит мальца в восторг. И это его беспокоило. Мальчик не просто так появился у него на пути. Это было подстроено. Пока с тобой идет мальчик, человек в черном держит душу твою у себя в руках — и даже то, что Джейк выдерживает его темп и не замедляет его продвижение, наводило на нехорошие мысли о перспективах зловещих и мрачных.

Они шли вперед и постоянно наталкивались на симметричные кострища, оставленные человеком в черном через равные промежутки, и стрелку каждый раз казалось, что теперь эти кострища свежее. А на третью ночь он увидел вдали слабое мерцание пламени — где-то у первых уступов предгорий. Он столько ждал этого мига, но никакой радости почему-то не было. Ему вдруг вспомнилось одно из присловий Корта: «Остерегайся того, кто прикидывается хромым».

На четвертый день, примерно в два часа пополудни, Джейк споткнулся и чуть не упал.

— Ну-ка давай-ка присядем, — сказал стрелок.

— Нет, со мной все в порядке.

— Садись, я сказал.

Мальчик послушно сел. Стрелок примостился на корточках рядом — так, чтобы его тень падала на парнишку.

— Пей.

— Я не хотел пить, пока...

— Пей.

Мальчик сделал три глотка. Стрелок смочил уголок попоны, которая теперь стала намного легче, и обтер влажной

тканью Джейковы запястья и лоб, горячие и сухие, как при очень высокой температуре.

— Теперь каждый день в это время мы будем делать привал. На пятнадцать минут. Хочешь вздремнуть?

— Нет.

Мальчик пристыженно посмотрел на стрелка. Тот ответил ему мягким, ласковым взглядом. Как бы невзначай стрелок вытащил из патронташа один патрон и начал вертеть его между пальцами. Мальчик смотрел на патрон, как зачарованный.

— Здорово, — сказал он.

Стрелок кивнул.

— А то. — Он помолчал. — Когда мне было столько же лет, как тебе, я жил в городе, окруженном стеной. Я тебе не рассказывал?

Мальчик сонно покачал головой.

— Ну так вот. Там был один человек. Очень плохой человек...

— Тот священник?

— Ну, если честно, мне иногда тоже так кажется, — отозвался стрелок. — Если бы их было двое, они могли бы быть братьями. Или вообще близнецами. Но я ни разу не видел их вместе. Ни разу. Так вот, этот плохой человек... этот Мартен... он был чародеем... как Мерлин. Там, откуда ты, знают про Мерлина?

— Мерлин, король Артур и рыцари Круглого стола, — сонно пробормотал Джейк.

Стрелок почувствовал, как по телу прошла неприятная дрожь.

— Да, — сказал он, — твоя правда, за правду — спасибо. Артур Эльд. Я был совсем маленьким...

Но мальчик уже уснул — сидя, аккуратно сложив руки на коленях.

— Джейк?

— Да!

Казалось бы, самое обыкновенное слово, но когда мальчик его произнес, стрелку вдруг стало страшно. Но он никак этого не показал.

— Когда я щелкну пальцами, ты проснешься. И будешь бодрым и отдохнувшим. Ты понял?

— Да.

— Тогда ложись.

Стрелок достал кисет и свернул себе папироску. Его не покидало гнетущее ощущение, что чего-то не хватает. Он попытался понять, чего именно, и после усердных раздумий наконец сообразил: исчезли это сводящее с ума ощущение спешки и страх, что в любое мгновение он может сбиться со следа, что тот, кого он так долго преследовал, скроется навсегда, и останется только бледнеющий след, ведущий в никуда. Теперь это чувство пропало, и постепенно стрелок преисполнился непоколебимой уверенности, что

человек в черном хочет, чтобы его догнали. Остерегайся того, кто прикидывается хромым.

И что будет дальше?

Вопрос был слишком расплывчатым для того, чтобы вызвать у стрелка интерес. Вот Катберта он бы точно заинтересовал, причем живо заинтересовал (и он бы наверняка выдал по этому поводу неплохую шутку), но Катберта больше нет, как нет и Рога Судьбы, и теперь стрелку только и остается, что идти вперед. А ничего другого он просто не знает.

Он курил, и смотрел на парнишку, и вспоминал Катберта, который всегда смеялся — так и умер, смеясь, — и Корта, который вообще никогда не смеялся, и Мартена, который изредка улыбался — тонкой и тихой улыбкой, излучавшей какой-то тревожный свет... точно глаз, открытый даже во сне, глаз, в котором плещется кровь. И еще он вспоминал про сокола. Сокола звали Давид, в честь того юноши с пращой из старинной легенды. Давид — и стрелок в этом ни капельки не сомневался — не знал ничего, кроме потребности убивать, рвать и терзать, и еще — наводить ужас. Как и сам стрелок. Давид был вовсе не дилетантом: он был в числе центровых, ведущих игроков.

Разве что в самом конце уже — нет.

Внутри все болезненно сжалось, отдаваясь пронзительной болью в сердце, но на лице у стрелка не дрогнул ни единый мускул. И пока он смотрел, как дымок от его самокрутки растворяется в жарком воздухе пустыни, его мысли вернулись в прошлое.

VIII

Белое, безупречно белое небо, в воздухе — запах дождя. Сильный, сладостный аромат живой изгороди и распустившейся зелени. Конец весны. Время Новой Земли, как его еще называли.

Давид сидел на руке у Катберта — маленькое орудие уничтожения с яркими золотистыми глазами, устремленными в пустоту. Сыромятная привязь, прикрепленная к путам на ногах у сокола, обвивала небрежной петлей руку Берта.

Корт стоял в стороне от обоих мальчишек — молчаливая фигура в залатанных кожаных штанах и зеленой хлопчатобумажной рубахе, подпоясанной старым широким солдатским ремнем. Зеленое полотно рубахи сливалось по цвету с листвой живой изгороди и дерном зеленой площадки на заднем дворе, где дамы еще пока не приступили к своей игре.

— Приготовься, — шепнул Роланд Катберту.

4 Зак 722

— Мы готовы, — самоуверенно проговорил Катберт. — Да, Дэви?

Они говорили друг с другом на низком наречии — на языке, общем для судомоек и землевладельцев; день, когда им будет позволено изъясняться в присутствии посторонних на своем собственном языке, наступит еще не скоро.

— Подходящий сегодня денек для такого дела. Чуешь, пахнет дождем? Это...

Корт рывком поднял клетку, которую держал в руках. Боковая стенка открылась. Из клетки выпорхнул голубь и на быстрых трепещущих крыльях взвился ввысь, устремившись к небу. Катберт потянул привязь, но при этом немного замешкался: сокол уже снялся с места, и его взлет вышел слегка неуклюжим. Резкий взмах крыльями — и сокол выправился. Быстро, как пуля, рванулся он вверх, набирая высоту. И вот он уже выше голубя.

Корт небрежной походкой подошел к тому месту, где стояли ребята, и с размаху заехал Катберту в ухо своим громадным кулачищем. Мальчик упал без единого звука, хотя его губы болезненно скривились. Из уха медленно вытекла струйка крови и пролилась на сочную зелень травы.

— Ты зазевался, — пояснил Корт.

Катберт попытался подняться.

— Прошу прощения, Корт. Я просто...

Корт опять двинул его кулаком, и Катберт снова упал. На этот раз кровь потекла сильнее.

— Изъясняйся Высоким Слогом, — тихо проговорил Корт. Его голос был ровным, с легкой хрипотцой, характерной для старого выпивохи. — Если уж ты собираешься каяться и извиняться за свой проступок, кайся цивилизованно, на языке страны, за которую отдали жизни такие люди, с какими тебе никогда не сравниться, червяк.

Катберт снова поднялся. В глазах у него стояли слезы, но губы уже не дрожали — губы, сжатые в тонкую линию неизбывной ненависти.

— Я глубоко сожалею, — произнес Катберт, изо всех сил пытаясь сохранить самообладание. У него даже дыхание перехватило. — Я забыл лицо своего отца, чьи револьверы надеюсь когда-нибудь заслужить.

— Так-то лучше, салага, — заметил Корт. — Подумай о том, что ты сделал не так, и закрепи размышления посредством короткого голодания. Ужин и завтрак отменяются.

— Смотрите! — выкрикнул Роланд, указывая наверх.

Сокол, поднявшийся уже высоко над голубем, на мгновение завис в неподвижном прозрачном весеннем воздухе, распластав короткие сильные крылья. А потом сложил крылья и камнем упал вниз. Два тела слились, и на мгновение Роланду пока-

залось, что он видит в воздухе кровь... но, наверное, действительно показалось. Сокол издал короткий победный клич. Голубь упал, трепыхаясь, на землю, и Роланд бросился к поверженной птице, позабыв и про Корта, и про Катберта.

Сокол спустился на землю рядом со своей жертвой и, довольный собой, начал рвать ее мягкую белую грудку. Несколько перышек взметнулись в воздух и медленно опустились в траву.

— Давид! — крикнул мальчик и бросил соколу кусочек крольчатины из охотничьей сумки. Сокол поймал его на лету. Проглотил, запрокинув голову. Роланд попытался приладить привязь к путам на ногах у птицы.

Сокол вывернулся, как бы даже рассеянно, и рассек руку Роланда, оставив глубокую рваную рану. И тут же вернулся к своей добыче.

Роланд лишь хмыкнул и снова завел петлю, на этот раз зажав острый клюв сокола кожаной рукавицей. Он дал Давиду еще кусок мяса, потом накрыл ему голову клобучком. Сокол послушно взобрался ему на руку.

Парнишка гордо расправил плечи.

— А это что у тебя? — Корт указал на кровоточащую рану на руке у Роланда. Мальчик уже приготовился принять удар и стиснул зубы, чтобы невольно не вскрикнуть. Однако Корт почему-то его не ударил.

— Он меня клюнул, — сказал Роланд.

— Так ты же его разозлил, — пробурчал Корт. — Сокол тебя не боится, парень. И бояться не будет. Сокол — он Божий стрелок.

Роланд молча смотрел на Корта. Он никогда не отличался богатым воображением, и если в этом заявлении Корта скрывалась некая мораль, Роланд ее не уловил. Он был вполне прагматичным ребенком и решил, что это просто очередное дурацкое изречение из тех, которые изредка выдавал Корт.

Катберт подошел к ним и показал Корту язык, пользуясь тем, что учитель стоял к нему спиной. Роланд не улыбнулся, но легонько кивнул приятелю.

— А теперь марш домой. — Корт забрал у Роланда сокола, потом обернулся к Катберту: — А ты, червяк, поразмысли как следует о своих ошибках. И про пост не забудь. Сегодня вечером и завтра утром.

— Да, — ответил Катберт. — Спасибо, наставник. Этот день был весьма для меня поучительным.

— Да уж, весьма поучительным, — подтвердил Корт. — Вот только язык у тебя имеет дурную привычку вываливаться изо рта, как только учитель повернется к тебе спиной. Но я все-таки не оставляю надежду, что когда-нибудь вы оба научитесь знать свое место.

Он размахнулся и снова ударил Катберта, на этот раз — между глаз. Так сильно, что Роланд услышал глухой звук, какой раздается, когда поваренок на кухне вбивает затычку в бочонок с пивом деревянным молотком. Катберт навзничь упал на лужайку. Его глаза затуманились, но очень скоро прояснились и впились, полыхая злобой, в лицо наставника. Этот горящий взгляд был исполнен неприкрытой ненависти; зрачки превратились в два острых жала, ярких, как капельки голубиной крови. А потом Катберт кивнул. Его губы раскрылись в жестокой усмешке, которую Роланд ни разу не видел прежде.

— Что ж, ты еще небезнадежен, — проговорил Корт. — Когда решишь, что уже пора, тогда и придешь за мной, ты, червяк.

— Как вы узнали? — выдавил Катберт сквозь зубы.

Корт повернулся к Роланду так резко, что тот едва не отпрыгнул в испуге. И хорошо, что не отпрыгнул, а то лежать бы ему рядом с другом на сочной траве, орошая свежую зелень своей алой кровью.

— Я увидел твое отражение в глазах этого сопляка, — пояснил Корт. — Запомни, Катберт Оллгуд. Это последний урок на сегодня.

Катберт снова кивнул, все с той же пугающей усмешкой на губах.

— Я глубоко сожалею, — сказал он. — Я забыл лицо...

— Заткни фонтан, — оборвал его Корт, всем своим видом давая понять, как ему скучно. — Теперь идите. — Он повернулся к Роланду. — Вы оба. Если ваши тупые рожи еще хотя бы минуту будут маячить у меня перед глазами, меня, наверное, стошнит прямо здесь. А я хорошо пообедал.

— Пойдем, — сказал Роланд.

Катберт тряхнул головой, чтобы в ней прояснилось, и поднялся на ноги. Корт уже спускался по склону холма — ковылял своей криволапой развалистой походочкой. От него так и веяло некоей первобытной силой. Его гладко выбритая макушка поблескивала в ярком солнечном свете.

— Убью гада, — выдавил Катберт, по-прежнему усмехаясь. У него на лбу уже наливалась большая багровая шишка, размером с гусиное яйцо.

— Нет. Ты его не убьешь, и я тоже его не убью, — сказал Роланд, вдруг расплывшись в улыбке. — Хочешь поужинать вместе со мной? В западной кухне. Повар даст нам чего-нибудь пожевать.

— Он скажет Корту.

— Они с Кортом не слишком-то ладят. — Роланд пожал плечами. — А если и скажет, то что?

Катберт ухмыльнулся в ответ:

— А, ладно. Пойдем. Мне всегда, знаешь, было интересно, как выглядит мир, если тебе свернут шею и голова торчит задом наперед и затылком вниз.

Вместе они зашагали по зеленой лужайке, и их длинные тени протянулись в прозрачном свете погожего весеннего дня.

IX

Повара из западной кухни звали Хакс. Это был здоровенный мужик в белом заляпанном поварском наряде, с лицом черным, как нефть-сырец. Его предки были на четверть черными, на четверть — желтыми, на четверть — выходцами с Южных островов, ныне почти забытых на континенте (ибо мир сдвинулся с места), и на четверть — вообще бог знает каких кровей. Деловито и неторопливо, как трактор на первой передаче, он перемещался по всем трем помещениям западной кухни — где стоял дым и чад и потолки были высокими-превысокими, — шаркая своими огромными шлепанцами, какие носили халифы из сказок. Хакс относился к той редкой породе взрослых, которые запросто могут общаться с детьми и которые любят всех детей без исключения не умильно и сахарно, а строго и даже как будто по-деловому, что иногда допускает и нежности типа крепких объятий, точно так же, как заключение какой-нибудь крупной сделки порой завершается рукопожатием. Он любил даже мальчишек, которые уже вступили на путь револьвера, хотя они и отличались от всех остальных ребят — сдержанные, где-то даже суровые и опасные, но не так, как это бывает у взрослых: это были обычные дети, разве что чуточку тронутые безумием, — и Катберт был далеко не первым из учеников Корта, кого Хакс подкармливал втихаря у себя на кухне. В данный момент он стоял перед своей огромной электроплитой. В замке были и другие электрические приборы — но работало только шесть. Кухня была царством Хакса, его безраздельной вотчиной, и он стоял у плиты, как полновластный хозяин, наблюдая, как двое ребят уплетают за обе щеки остатки мяса с подливкой. По всем трем помещениям кухни сквозь клубы влажного пара сновали кухарки, поварята и чернорабочие всех мастей: гремели кастрюлями, помешивали готовящееся жаркое, чистили-резали-шинковали картошку и овощи. В тускло освещенной буфетной уборщица с одутловатым несчастным лицом и волосами, подвязанными какой-то ветхой тряпицей, возила по полу шваброй с мокрой тряпкой.

Один из ребят с судомойни подбежал к Хаксу, ведя за собою солдата дворцовой стражи.

— Вот он хотел с вами потолковать

— Хорошо. — Хакс кивнул стражнику, и тот кивнул в ответ. — А вы, ребята, — он повернулся к Роланду и Катберту, — идите к Мэгги. Она даст вам пирога. А потом убирайтесь вон, чтобы у меня не было из-за вас неприятностей.

Уже потом они оба вспомнят эту последнюю фразу: чтобы у меня не было из-за вас неприятностей.

А тогда они лишь послушно кивнули и пошли к Мэгги. Она дала каждому по большому куску пирога на обеденных

тарелках — но как-то с опаской, будто двум одичавшим псам, которые запросто могут ее укусить.

— Давай поедим на ступеньках, — предложил Катберт.

— Давай.

Они устроились с другой стороны запотевшей каменной колоннады, так чтобы их не было видно с кухни, и набросились на пирог. Они не сразу заметили чьи-то тени, упавшие на дальний изгиб стены, подступавшей к широкому лестничному пролету. Роланд схватил Катберта за руку.

— Пойдем отсюда. Кто-то идет.

Катберт поднял голову. На его испачканном ягодным соком лице отразилась растерянность.

Тени, однако, не двинулись дальше, хотя тех, кто отбрасывал эти тени, по-прежнему не было видно. Это были Хакс и солдат из дворцовой стражи. Ребята остались сидеть на месте. Если бы они сейчас зашевелились, их бы наверняка услышали.

— ...наш добрый друг, — закончил свою фразу стражник.

— Фарсон?

— Через две недели, — ответил стражник. — Может быть, через три. Придется тебе пойти с нами. Партия на грузовом складе... — Тут с кухни донесся какой-то особенно громкий грохот котелков и кастрюль, а вслед за ним — проклятия, шквал которых обрушился на неуклюжего поваренка, рассыпавшего посуду. Шум поглотил слова стражника. Ребята услышали лишь окончание: — ...отравленное мясо.

— Рискованно.

— Не спрашивай, чем может тебе услужить наш добрый друг... — начал стражник.

— ...спроси лучше, чем можешь ты услужить ему, — вздохнул Хакс. — Да уж, солдат, не спрашивай.

— Ты знаешь, о чем я, — спокойно вымолвил стражник.

— Да. И я помню, чем я ему обязан. Не надо меня учить. Я точно так же, как ты, уважаю его и люблю. Я готов броситься в море, если он скажет, что так надо.

— Вот и славно. Мясо будет промаркировано как продукт краткосрочного хранения. И тебе надо будет поторопиться. Ты же сам понимаешь.

— Там, в Тонтоуне, есть дети? — спросил повар. На самом деле это был даже и не вопрос.

— Везде есть дети, — мягко ответил стражник. — Как раз о детях-то мы и печемся.

— Отравленное мясо. Странный способ позаботиться о детишках. — Хакс тяжело, со свистом, вздохнул. — Они что, будут корчиться, хвататься за животики и звать маму? Да, наверное, так и будет.

— Они просто уснут, — сказал стражник, но его голос звучал как-то уж слишком уверенно.

— Да, конечно. — Хакс коротко хохотнул.

— Ты сам это сказал: «Солдат, не спрашивай». Тебе же не нравится, что детьми управляют под дулом ружья, когда они могли бы начать строить новую жизнь, новый мир — под его руководством?

Хакс промолчал.

— Через двадцать минут мне пора заступать на пост. — Голос стражника вновь стал спокойным. — Выдай-ка мне покуда баранью лопатку. Пожалуй, схожу ущипну там кого-нибудь из твоих кухонных девок. Пусть себе похихикает. А когда я уйду...

— От моего барашка у тебя колик в желудке не будет, Робсон.

— А ты не хочешь...

Но тут тени сдвинулись, и голоса затихли вдали.

«Я бы мог их убить, — подумал Роланд, обмирая от запоздалого страха. — Я бы мог их убить, их обоих. Своим ножом. Перерезать им глотки, как свиньям». Он поглядел на свои руки, испачканные мясной подливкой, ягодным соком и грязью после дневных занятий.

— Роланд.

Он поднял глаза на Катберта. Они уставились друг на друга в душистой полутьме, и Роланд вдруг почувствовал обжигающий привкус отчаяния. Как будто тошнота подкатила к горлу. Это чем-то напоминало смерть — такую же грубую и непреложную, как смерть того голубя в ясном небе над игровым полем. «Хакс? — думал он, совершенно сбитый с толку. — Хакс, который поставил припарку мне на ногу, ну, в тот раз? *Хакс?*» Его сознание замкнулось, отгородившись от тягостных мыслей.

Он смотрел прямо в лицо Катберту — и не видел там ничего. Вообще ничего. В потухших глазах Катберта отражалась погибель Хакса. В глазах Катберта все это уже случилось. Хакс их накормил. Они пошли на лестницу. Чтобы поесть. А потом Хакс отвел стражника по имени Робсон для предательского têt-à-têt не в тот угол кухни. Вот и все. Ка — это ка. Иногда оно, словно камень, сорвавшийся вниз с горы. Только и всего. И ничего больше.

Все это Роланд прочел в глазах Катберта.

В глазах стрелка.

X

Отец Роланда только что возвратился с нагорья и выглядел как-то совсем не к месту среди роскошных портьер и шифоновой претенциозности главной приемной залы, куда мальчику разрешили входить лишь недавно — в знак начала его обучения.

Отец был одет в черные джинсы и голубую рабочую рубаху. Свой дорожный плащ — пыльный и грязный, а в одном месте даже разодранный до подкладки — он небрежно перекинул через плечо, не заботясь о том, как подобный видок сочетается с элегантным убранством залы. Отец был ужасно худым, и, казалось, его густые усы, похожие на велосипедный руль, перевешивали его голову, когда он смотрел на сына с высоты своего немалого роста. Револьверы на ремнях, что опоясывали его бедра крест-накрест, висели под безупречным углом к рукам — чтобы их было удобно выхватывать из кобуры. Потертые рукоятки из сандаловой древесины казались унылыми и какими-то сонными в тусклом свете закрытого помещения.

— Главный повар, — тихо проговорил отец. — Подумать только! Взрыв на горной дороге у погрузочной станции. Мертвый скот в Хендриксоне. И, может быть, даже... подумать только! В голове не укладывается!

Он умолк на мгновение и внимательно присмотрелся к сыну.

— Тебя это мучает, да? Терзает?

— Как сокол — добычу, — отозвался Роланд. — И тебя это тоже терзает.

Он рассмеялся. Не над ситуацией — ничего в ней веселого не было, — но над пугающей точностью образа.

Отец улыбнулся.

— Да, — сказал Роланд. — Наверное... это меня терзает.

— С тобой был Катберт, — продолжал отец. — Он, видимо, тоже уже рассказал все отцу.

— Да.

— Он ведь подкармливал вас, когда Корт...

— Да.

— И Катберт. Как ты думаешь, его это тоже терзает?

— Не знаю.

На самом деле Роланду было вообще все равно. Его никогда не заботило, совпадают ли его собственные чувства с чувствами кого-то другого.

— А тебя это терзает, потому что из-за тебя умрет человек?

Роланд невольно пожал плечами. Ему вдруг не понравилось, что отец так дотошно разбирает мотивы его поведения.

— И все-таки ты рассказал. Почему?

Глаза мальчугана широко распахнулись.

— А как же иначе?! Измена, это...

Отец резко взмахнул рукой.

— Если ты так поступил из-за дешевой идейки из школьных учебников, тогда не стоило и трудиться. Если так, то уж лучше пусть все там, в Тонтоуне, погибнут от массового отравления.

— Нет! — яростно выкрикнул Роланд. — Не поэтому. Мне хотелось убить его... их обоих! Лжецы! Гадюки! Они...

— Продолжай.

— Они задели меня, — закончил парнишка с вызовом. — И мне было больно. Что-то такое они со мной сделали. Из-за этого что-то во мне изменилось. И мне захотелось убить их за это.

Отец кивнул:

— Это другое дело. Пусть это жестоко, но оно того стоит. Пусть оно, скажем, не высоконравственно, но тебе и не нужно быть добродетельным. Это не для тебя. На самом деле... — он пристально поглядел на сына, — ты, вероятно, всегда будешь стоять вне каких-либо нравственных норм. Ты не настолько смышлен, как Катберт или сынишка Ванни. Но это даже и к лучшему. Так ты будешь непобедим.

Мальчик, до этого раздраженный, теперь почувствовал себя польщенным, но вместе с тем и немного встревожился.

— Его...

— Повесят.

Мальчик кивнул:

— Я хочу посмотреть.

Старший Дискейн расхохотался, запрокинув голову:

— Не такой уж и непобедимый, как мне казалось... или, может быть, просто тупой.

Внезапно он замолчал. Рука метнулась, как вспышка молнии, и сжала предплечье Роланда — крепко, до боли. Мальчик поморщился, но не вздрогнул. Отец смотрел на него долго и пристально, но Роланд не отвел глаз, хотя это было гораздо труднее, чем, например, надеть клобучок на возбужденного сокола.

— Хорошо, можешь пойти посмотреть. — Он повернулся, чтобы уйти.

— Отец?

— Что?

— Ты знаешь, о ком они говорили? Кто этот «наш добрый друг»?

Отец обернулся и задумчиво поглядел на сына.

— Да. Кажется, знаю.

— Если его схватить, — проговорил Роланд в своей медлительной, может быть, даже чуть тяжеловатой манере, — тогда больше уже никого не придется... ну, вздергивать. Как повара.

Отец усмехнулся:

— На какое-то время, наверное, да. Но в конечном итоге всегда кто-то найдется, кого нужно вздернуть, как ты очень изящно выразился. Люди не могут без этого. Даже если и нет никакого предателя, рано или поздно такой отыщется. Люди сами его найдут.

— Да. — Роланд мгновенно понял, о чем идет речь. И, раз уяснив себе это, запомнил уже на всю жизнь. — Но если вы его схватите, этого доброго друга...

— Нет, — решительно оборвал его отец.

— Почему нет?

На мгновение мальчику показалось, что отец сейчас скажет ему почему. Но отец промолчал.

— На сегодня, я думаю, мы уже поговорили достаточно. Оставь меня.

Роланду хотелось напомнить отцу, чтобы он не забыл о своем обещании, когда придет время казни, но он прикусил язык, почувствовав отцовское настроение. Он поднес ко лбу сжатый кулак, выставил одну ногу вперед и поклонился. Потом быстро вышел, плотно закрыв за собой дверь. Он уже понял, что отец хочет потрахаться. Мальчик не стал мысленно задерживаться на этом. Он знал, конечно, что его папа с мамой делают это... эту самую штуку... друг с другом, и был в курсе, как это все происходит. Но сцены, возникавшие в воображении при мысли об этом самом, всегда сопровождались ощущением неловкости и какой-то непонятной вины. Уже потом, несколько лет спустя, Сюзан расскажет ему историю про Эдипа, а он будет слушать ее в молчаливой задумчивости, размышляя о причудливом и кровавом любовном треугольнике: отец, мать и Мартен — которого в определенных кругах прозывали — наш добрый друг Фарсон. Или, возможно, если добавить его самого, это был уже даже и не треугольник, а четырехугольник.

XI

Холм Висельников располагался как раз у дороги на Тонтоун. В этом была некая поэтичность, которую смог бы, наверное, оценить Катберт, но уж никак не Роланд. Зато виселица произвела на Роланда неизгладимое впечатление: исполненная зловещего величия, она черным углом прочертила ясное голубое небо — темный, изломанный силуэт, нависающий над столбовой дорогой.

В тот день обоих ребят освободили от утренних занятий. Корт с немалыми усилиями прочел записки от их отцов, шевеля губами и время от времени кивая головой. Закончив это трудоемкое дело, он аккуратно сложил бумажки и убрал их в карман. Даже здесь, в Гилеаде, бумага была на вес золота. Потом Корт поднял глаза к светло-лиловому рассветному небу и снова кивнул.

— Подождите, — сказал он и направился к покосившейся каменной хижине, своему жилищу. Он быстро вернулся с ломтем грубого пресного хлеба, разломил его надвое и дал каждому по половинке. — Когда все закончится, вы оба положите это ему под ноги. И смотрите: сделайте, как я сказал, иначе я вам устрою на этой неделе веселую жизнь. Спущу шкуру с обоих.

Ребята не поняли ничего, пока не прибыли на место — верхом, вдвоем на мерине Катберта. Они приехали самыми первыми, часа за два до того, как остальные только еще начали собираться, и за четыре часа до казни. Так что на холме Висельников было пустынно, если не считать воронов да грачей. Птицы были повсюду. Они громоздились на тяжелой поперечной балке — этакой станине смерти. Сидели рядком по краю помоста. Дрались за места на ступеньках.

— Их оставляют, — прошептал Катберт. — Мертвых. Для птиц.

— Давай поднимемся, — предложил Роланд.

Катберт взглянул на него чуть ли не с ужасом.

— Вот туда? А если...

Роланд взмахнул рукой, оборвав его на полуслове:

— Да мы с тобой заявились на сто лет раньше других. Нас никто не увидит.

— Ну ладно.

Ребята медленно подошли к виселице. Птицы, негодующе хлопая крыльями, снялись с насиженных мест, каркая и кружа — ни дать ни взять толпа возмущенных крестьян, которых лишили земли. На чистом утреннем небе Внутреннего мира их тела вырисовывались черными плоскими силуэтами.

Только теперь Роланд почувствовал свою причастность к тому, что должно было произойти. В этом деревянном сооружении не было благородства. Оно никак не вписывалось в безупречно отлаженный механизм цивилизации, всегда внушавший Роланду благоговейный страх. Обычная покоробленная сосна из Лесного феода, покрытая белыми кляксами птичьего помета. Они были повсюду: на ступеньках, на ограждении, на помосте. И от них жутко воняло.

Роланд повернулся к Катберту, напуганный и потрясенный, и увидел на лице друга то же самое выражение.

— Я не смогу, Ро, — прошептал Катберт. — Не смогу я на это смотреть.

Роланд медленно покачал головой. Это будет для них уроком, вдруг понял он, но не ярким и радостным, а, наоборот, чем-то древним, уродливым, изъеденным ржой... Вот почему их отцы разрешили им прийти на казнь. И с обычным своим упрямством и молчаливой решимостью Роланд взял себя в руки, готовясь встретить это ужасное «что-то», чем бы оно ни обернулось.

— Сможешь, Берт.

— Я ночью потом не засну.

— Значит, не будешь спать. — Роланд так и не понял, при чем здесь сон.

Катберт схватил Роланда за руку и посмотрел на него с такой пронзительной болью во взгляде, что Роланд снова

засомневался и отчаянно пожалел о том, что в тот вечер они вообще сунулись в западную кухню. Отец был прав. Лучше бы все жители Тонтоуна — мужчины, женщины, дети — умерли. Лучше уж так, чем вот это.

И все же. И все же. Это был для него урок — страшное «что-то», острое, зазубренное, проржавелое, — и Роланд не мог его пропустить.

— Давай лучше не будем туда подниматься, — сказал Катберт. — Мы и так уже все увидели.

И Роланд нехотя кивнул, чувствуя, как это ужасное и непонятное «что-то» потихоньку его отпускает. Корт, будь он здесь, влепил бы им обоим по хорошей затрещине и заставил бы взобраться на помост, шаг за шагом... шмыгая по дороге разбитыми в кровь носами и глотая соленые сопли. Может быть, Корт даже забросил бы на перекладину новенькую пеньковую веревку с петлей на конце, заставил бы их по очереди просунуть голову в петлю и постоять на дверце люка, чтобы прочувствовать все в полной мере. Корт непременно бы врезал им еще раз, если бы кто-то из них вдруг захныкал или с испугу напрудил в штаны. И Корт, разумеется, был бы прав. В первый раз в жизни Роланду захотелось скорее стать взрослым.

Нарочито медленно он отломил щепку от деревянного ограждения, положил ее в нагрудный карман и только тогда отвернулся.

— Ты это зачем? — спросил Катберт.

Роланду очень хотелось сказать в ответ что-нибудь бравое, типа: *Да так, на счастье...* — но он лишь поглядел на Катберта и тряхнул головой.

— Просто чтобы было, — сказал он чуть погодя. — Всегда.

Они отошли подальше от виселицы и, усевшись на землю, стали ждать. Где-то через час начали собираться первые зрители, большинство — целыми семьями. Они съезжались на разваливающихся повозках и везли с собой еду: корзины с холодными блинами, начиненными джемом из диких ягод. В животе у Роланда заурчало от голода, и он снова спросил себя: где тут достоинство, где благородство? Он даже подумал, что, может, достоинство и благородство — это очередная ложь, выдуманная взрослыми. Или это такие сокровища, до которых так просто не доберешься? Ему казалось, что даже в том, как Хакс бродил по чадящей кухне в своем перепачканном белом костюме и орал на поварят, и то было больше достоинства. Роланд сжал в кулаке щепку, которую отломил от ограждения на помосте. Рядом с ним на траве лежал Катберт с деланно безразличным лицом.

XII

В конце концов все оказалось не так уж и страшно, и Роланд был этому рад. Хакса привезли на открытой повозке, но узнать его можно было лишь по неохватному туловищу: ему завязали глаза черной широкой тряпкой, которая закрывала почти все лицо. Кое-кто начал швыряться в него камнями, но большинство зрителей даже не оторвались от своих завтраков.

Какой-то стрелок, которого мальчик не знал (он еще порадовался про себя, что не отец вытащил черный камень), помог толстому повару подняться на эшафот, осторожно ведя его под руку. Двое стражников из Дозора заранее прошли вперед и встали по обеим сторонам от люка. Хакс и стрелок взобрались на помост, стрелок перекинул веревку с петлей через перекладину, надел петлю Хаксу на шею и затянул ее так, чтобы узел оказался точно под левым ухом. Птицы улетели, но Роланд знал, что они выжидают и скоро вернутся.

— Не желаешь покаяться? — спросил стрелок.

— Мне не в чем каяться. — Слова Хакса прозвучали на удивление отчетливо, а в его голосе явственно слышалось какое-то странное достоинство, несмотря на то что его заглушала та черная тряпка, закрывавшая рот. Ткань легонько колыхалась под тихим ветерком, который только что поднялся. — Я не забыл лица своего отца, оно всегда было со мной.

Роланд внимательно пригляделся к толпе, и то, что он там увидел, его встревожило. Что это — сострадание? Может быть, восхищение? Надо будет спросить у отца. Если предателей называют героями («Или героев — предателями», — мрачно подумал Роланд), значит, пришли темные времена. Воистину темные времена. Жаль, что ему не хватает пока разумения разобраться во всем как следует. Он подумал про Корта и про хлеб, который он дал им с Катбертом. Теперь мальчик испытывал к своему наставнику искреннее презрение. Близок день, когда Корт будет служить ему. Может быть, только ему, а Катберту — нет. Может быть, Катберт согнется под непрерывным градом нападок Корта и останется конюхом или пажом (или еще того хуже — станет надушенным и напомаженным дипломатом, который слоняется по приемным и вместе с впавшими в маразм престарелыми королями и принцами тупо пялится в псевдомагические хрустальные шары). Катберт — да, может быть. Но он, Роланд, — нет. Он это знал. Он создан для безбрежных просторов и дальних странствий. Уже потом, вспоминая об этом в своем одиночестве, Роланд сам диву давался, что такая судьба когда-то казалась ему заманчивой.

— Роланд?

— Да тут я, тут. — Он взял Катберта за руку, и их пальцы сцепились намертво.

— Виновный в злоумышлениях на убийство и в подстрекательстве к мятежу, — громко проговорил стрелок на эшафоте, — ты отвернулся от света, и я, Чарльз, сын Чарльза, отправляю тебя во тьму, на веки вечные.

Ропот прошел по толпе, кое-где даже послышались возмущенные крики.

— Я никогда...

— Свои басни будешь рассказывать там, гнусный червь. В мире загробном, — сказал Чарльз, сын Чарльза, и нажал на рычаг.

Крышка люка упала. Хакс ухнул вниз. Он все еще пытался что-то сказать. Роланд это запомнил. На всю жизнь. Повар умер, все еще пытаясь что-то сказать. Напоследок. Где, интересно, закончит он фразу, начатую на земле? Его слова заглушил явственный хруст — такой звук издает сухое полено в очаге зимней холодной ночью.

Но все было не так уж и страшно. Ноги повара дернулись и разошлись буквой V. Толпа испустила удовлетворенный вздох. Стражники из Дозора, что все время казни стояли по стойке «смирно», теперь расслабились и с равнодушным видом принялись наводить порядок. Стрелок медленно спустился с помоста, вскочил в седло и поскакал прочь, бесцеремонно прокладывая себе путь прямо сквозь толпу жующих свои блины зевак. Некоторым особо медлительным даже досталось кнутом. Остальные в панике разбежались, освобождая дорогу.

Когда все закончилось, люди тут же принялись расходиться. Толпа рассосалась быстро, и где-то минут через сорок ребята остались одни на невысоком пригорке, который они избрали своим наблюдательным пунктом. Птицы уже возвращались, чтобы рассмотреть новое подношение. Одна по-приятельски уселась на плече Хакса и принялась теребить клювом блестящее колечко, которое повар всегда носил в правом ухе.

— Он совсем на себя не похож, совсем, — сказал Катберт.

— Да нет, похож, — уверенно отозвался Роланд, когда они вместе подошли к виселице, сжимая в руках куски хлеба. Катберт выглядел как-то растерянно и смущенно.

Они остановились под самой перекладиной, глядя на покачивающееся тело. Катберт чуть ли не с вызовом протянул руку и коснулся одной волосатой лодыжки. Тело закачалось сильнее и повернулось вокруг своей оси.

Потом они быстренько раскрошили хлеб и рассыпали крошки под болтающимися ногами. По дороге обратно Роланд оглянулся. Всего один раз. Теперь их было там несколько тысяч —

птиц. Стало быть, хлеб — он понял это, но как-то смутно — был только символом.

— А знаешь, это было неплохо, — сказал вдруг Катберт. — Я... мне понравилось. Правда, понравилось.

Слова друга не потрясли Роланда, хотя на него самого эта казнь не произвела особенного впечатления. Он только подумал, что вполне понимает Катберта. Так что, может быть, он еще не безнадежен, Катберт. Может быть, он и не станет придурочным дипломатом.

— Я не знаю, — ответил он. — Но это действительно было что-то.

А через пять лет страна все же досталась «доброму другу», но к тому времени Роланд уже был стрелком, его отец умер, сам он сделался убийцей — убийцей собственной матери, — а мир сдвинулся с места.

И начались долгие годы далеких странствий.

XIII

— Смотрите. — Джейк указал наверх.

Стрелок запрокинул голову и вдруг почувствовал резкую боль в правом бедре. Он невольно поморщился. Уже два дня они шли по предгорьям. Хотя воды в бурдюках осталось всего ничего, теперь это уже не имело значения. Скоро воды будет много. Пей — не хочу.

Он проследил взглядом за пальцем Джейка: вверх, мимо зеленой равнины на плоскогорье — к обнаженным сверкающим утесам и узким ущельям... и еще выше, к самым снежным вершинам.

В смутной, далекой крошечной черной точке (это могла быть одна из тех крапинок, которые постоянно плясали перед глазами стрелка — только она не плясала и не дрожала, а оставалась всегда неизменной) стрелок распознал человека в черном. Тот карабкался вверх по крутому склону с убийственной быстротой — малюсенькая мушка на громадной гранитной стене.

— Это он? — спросил Джейк.

Стрелок смотрел на безликое пятнышко, что выделывало акробатические номера на отрогах горного хребта, и не чувствовал ничего, кроме какой-то тревожной печали.

— Это он, Джейк.

— Как вы думаете, мы его догоним?

— Теперь только на той стороне. И то, если не будем стоять, тратить время на разговоры.

— Они такие высокие, горы, — сказал Джейк. — А что на той стороне?

— Я не знаю, — ответил стрелок. — И наверное, никто не знает. Раньше, может быть, знали. Пойдем, малыш.

Они снова пошли вверх по склону. Мелкие камешки летели у них из-под ног, и струйки песка стекали вниз, к пустыне, что распростерлась у них за спиной плоским прокаленным противнем, которому, казалось, нет конца. Наверху, высоко-высоко над ними, человек в черном продолжал свой упорный подъем к вершине. Отсюда нельзя было определить, оглядывался он на них или нет. Казалось, он легко перепрыгивает через бездонные пропасти, без труда взбирается по отвесным склонам. Пару раз он исчезал из виду, но всегда появлялся снова, пока фиолетовая пелена сумерек не скрыла его окончательно. Они разбили лагерь и устроились на ночлег. Почти все это время мальчик молчал, и стрелок даже подумал, уж не знает ли парень о том, что сам он давно уже интуитивно почувствовал. Почему-то он вспомнил лицо Катберта, разгоряченное, испуганное, возбужденное. Вспомнил хлебные крошки. И птиц. «Так вот все и кончается, — думал он. — Всякий раз все кончается именно так. Все начинается с поисков и дорог, что уводят вперед, но все дороги ведут в одно место — туда, где свершается смертная казнь. Человекоубийство».

Кроме, быть может, дороги к Башне. Где ка покажет свое истинное лицо.

Мальчик — его жертва, обреченная на заклание, — с таким невинным и совсем еще детским лицом в свете крошечного костерка, заснул прямо над плошкой с бобами. Стрелок укрыл его попоной и тоже улегся спать.

Глава 3
Оракул и горы

I

альчик нашел прорицательницу, и та едва его не уничтожила.

Какое-то глубинное инстинктивное чувство пробудило стрелка ото сна посреди бархатной тьмы, что пришла вслед за лиловыми сумерками. Это случилось, когда они с Джейком добрались до участка почти ровной, поросшей травой земли на первом уступе предгорий. Даже на самых трудных подъемах, когда им приходилось карабкаться вверх, выбиваясь из сил и борясь буквально за каждый фут под нещадно палящим солнцем, они слышали стрекот сверчков, соблазнительно потирающих лапками посреди вечной зелени ивовых рощ, распростершихся выше по склону. Стрелок оставался спокойным, мальчик тоже вроде бы сохранял спокойствие — внешне по крайней мере, — так что стрелок даже им гордился. Но Джейк не сумел скрыть этого дикого выражения глаз, которые стали бесцветными и застывшими, как у лошади, что почуяла воду и не понесла только благодаря воле всадника, — как у лошади, которая дошла до того состояния, когда удержать ее может только глубинное взаимопонимание, а никак не шпоры. Стрелок хорошо понимал, что творится с Джейком, хотя бы уже по тому, как неистово и безумно его собственное тело отзывалось на дразнящий стрекот сверчков. Его руки, казалось, сами ищут острые выступы в камне, чтобы окоря-

баться в кровь, а колени так и стремятся к тому, чтобы их исполосовали глубокими саднящими порезами.

Всю дорогу солнце палило нещадно; даже на закате, когда оно разбухало и багровело, как в лихорадке, оно до последнего жарко светило сквозь расщелины между скалами по левую руку, слепило глаза, обращало каждую капельку пота в сверкающую призму боли

А потом появилась трава: поначалу — лишь чахлая желтая поросль, но поразительно жизнеспособная. Она с завидным упорством цеплялась за худосочную размытую почву. Дальше, чуть выше по склону, показались редкие пучки ведьминой травы, которые очень быстро сменились густой, буйной зеленью. А потом в воздухе разлилось первое благоухание уже настоящей травы, что росла вперемешку с тимофеевкой под сенью первых карликовых елей. Там, в тени, стрелок заметил коричневый промельк. Он выхватил револьвер, выстрелил раз и подбил кролика прежде, чем Джейк успел вскрикнуть от изумления. А уже через секунду стрелок убрал револьвер в кобуру

— Здесь мы и остановимся, — сказал он.

Еще выше по склону были деревья: зеленые ивы. Зрелище — поразительное после выжженной стерильной пустыни, бесконечного голого сланца. Где-то в глубине этой рощи обязательно есть родник, может быть, даже и не один, и там наверняка попрохладнее, но все же лучше остаться здесь, на открытом месте. Силы парнишки, похоже, уже на исходе, а ведь вовсе не исключено, что в сумраке рощи гнездятся летучие мыши-вампиры. Их крики могли разбудить мальца, как бы он крепко ни спал, а если это и вправду вампиры, то вполне могло так получиться, что они оба уже не проснутся... во всяком случае, в этом мире.

— Пойду дров наберу, — сказал мальчик.

Стрелок улыбнулся:

— Нет, не надо тебе никуда ходить. Лучше сядь, Джейк. Посиди

Чья это фраза? Какой-то женщины. Сюзан? Стрелок не помнил. Время ворует память, как любил говорить Ванни. Вот про Ванни он помнил.

Мальчик послушно сел. Когда стрелок вернулся, Джейк уже спал в траве. Большой богомол совершал свое вечернее омовение прямо на упругой челке парнишки. Стрелок рассмеялся — в первый раз за бог знает сколько времени, — разжег костер и отправился за водой.

Заросли ив оказались гуще, чем показалось ему поначалу, и в блекнувшем свете заходящего солнца там было довольно-таки неуютно. Но он набрел на ручей, бдительно охраняемый квакшами и лягушками. Стрелок наполнил водой один бурдюк... и вдруг замер. Звуки ночи всколыхнули в нем какое-то тревожное сладострастие — чувственность, которую не смогла разбудить даже Элли, та женщина, с которой он был в Талле. Но от Элли ему было нужно

другое: чтобы она рассказала ему все, что ему надо было знать. Стрелок отнес это странное ощущение на счет резкой, ошеломляющей смены обстановки после пустыни. После всех этих бессчетных миль голого сланца мягкость вечернего сумрака казалась почти непристойной.

Он вернулся к костру и, пока закипала вода в котелке, освежевал кролика. Вместе с последней банкой консервированных овощей из кролика вышло отличное рагу. Стрелок разбудил Джейка, а потом долго смотрел, как парнишка ест: отрешенно и сонно, но жадно.

— Завтра мы никуда не пойдем. Побудем здесь, — сказал стрелок.

— Но человек, за которым вы гонитесь... этот священник...

— Он не священник. И не волнуйся. Никуда он от нас не денется

— Откуда вы знаете?

Стрелок лишь покачал головой. Просто он знал, что так будет... и ничего в этом знании хорошего не было.

После ужина он ополоснул жестяные банки, из которых они ели (опять поражаясь тому, как он небрежно расходует воду), а когда обернулся, Джейк уже спал. Стрелок вновь ощутил знакомые толчки в груди, будто что-то внутри то вздымается, то опадает — это странное чувство, которое он безотчетно связывал с Катбертом Они были ровесниками, но Катберт казался намного моложе.

Его папироса упала в траву, и он носком сапога подтолкнул ее в костер. Потом он еще долго смотрел на огонь, на чистое желтое пламя, совсем не похожее на пламя от горящей бес-травы В воздухе разлилась изумительная прохлада. Стрелок лег на землю, спиной к костру.

Откуда-то издалека, из ущелья, теряющегося в горах, доносились глухие раскаты грома. Он уснул И увидел сон.

II

Сюзан Дельгадо, его любимая, умирала у него на глазах.

А он смотрел. Его руки держали — по два дюжих крестьянина с каждой стороны, — шею его стиснул тяжелый и ржавый железный ошейник. На самом деле все было не так — его даже не было там, на площади, но сон — это сон, у него своя логика и свои законы.

Он смотрел, как она умирает. Даже сквозь гарь и дым он различал запах ее горящих волос, слышал крики толпы: «Гори огнем!»... и видел цвет своего собственного безумия. Сюзан, прелестная девушка у окна, дочь табунщика. Как она мчалась по Спуску, и их тени — лошади и всадницы — сливались в единую тень. Она была словно сказочное существо из легенды, необузданная и свободная. Как они с ней бежали, держась за руки, по кукурузному полю. А теперь люди, собравшиеся у помоста, кидали в нее кукурузными лис-

тьями, и листья загорались прямо на лету, еще прежде, чем падали в пламя. «Приходи, жатва», — кричали они, заклятые враги света и любви, а где-то гаденько хихикала ведьма. Риа, так ее звали, старую каргу. А Сюзан чернела, обугливаясь в огне, ее кожа трескалась, и...

Она что-то пыталась ему прокричать?

— Мальчик, — кричала она. — Роланд, мальчик!

Он рванулся, увлекая за собой своих стражей. Железный ошейник врезался в шею, и Роланд услышал, как из его горла рвется скрежещущий, сдавленный хрип. В воздухе стоял тошнотворный сладковатый запах поджаренного мяса.

Мальчик смотрел на него из окна высоко над костром, из того же окна, где когда-то сидела Сюзан — та, которая научила его быть мужчиной, — сидела и напевала старинные песни: «Эй, Джуд», «Вольную волю большой дороги» и «Беспечную любовь». Мальчик стоял у окна, как гипсовая статуя святого в соборе. Его глаза были словно из мрамора. Лоб Джейка пронзал острый шип.

Стрелок ощутил, как из самых глубин нутра рвется сдавленный, режущий горло вопль, означающий начало безумия.

— Н-н-н-н-н-н-н-н...

III

Роланд вскрикнул и проснулся от того, что его обожгло пламя костра. Он сел рывком, все еще ощущая присутствие страшного сна про Меджис где-то рядом. Сон душил его, как железный ошейник, который сжимал его шею во сне. Когда он рванулся к Сюзан, здесь, наяву, он нечаянно попал рукой в гаснущие угли костра. Он поднес руку к лицу, буквально физически ощущая, как сон улетает прочь, оставляя только застывший образ мальчика, Джейка, белого как мел. Святого для демонов.

— Н-н-н-н-н-н-н...

Он вгляделся в таинственный сумрак ивовой рощи, держа револьверы наготове. В последних отблесках костра его глаза были похожи на две алые амбразуры.

— Н-н-н-н-н-н-н...

Джейк.

Стрелок вскочил на ноги и побежал. Луна уже поднялась в ночном небе горьким блеклым диском, и след Джейка был явственно виден в росе. Стрелок нырнул под первые ивы, перебрался через ручей, подняв брызги, и вскарабкался на другой берег, скользя по мокрой траве (даже сейчас его тело наслаждалось этим ощущением). Ветви ив, точно розги, хлестали его по лицу. Дере-

вья здесь росли гуще и не пропускали лунного света. Стволы поднимались кренящимися тенями. Трава, теперь высотой до колен, била стрелка по ногам. Трава ласкала его, как бы приглашая прилечь, отдохнуть, насладиться прохладой. Насладиться жизнью. Полусгнившие мертвые ветви тянулись к нему, пытаясь схватить за голени, за cojones*. Стрелок на мгновение замер, вскинул голову и принюхался. Ему помогло дуновение ветерка. Мальчик, конечно же, не благоухал. Как, впрочем, и сам стрелок. Ноздри стрелка расширились, как у обезьяны. Он различил слабый терпкий запах — безошибочный запах пота. Он рванулся вперед, сквозь бурелом, ежевику и завалы упавших веток — бегом по тоннелю из нависающих ветвей ив и сумаха. Вперед. Задевая плечами древесный мох, цеплявшийся за одежду понурыми, мертвенно серыми щупальцами.

Он продрался сквозь последнюю баррикаду из сплетенных ивовых ветвей и выбрался на поляну, открытую звездам. Самый высокий пик горной гряды белел, точно череп, на неимоверной высоте.

На поляне был круг из черных стоячих камней. В лунном свете он походил на какую-то причудливую, фантастическую ловушку для диких зверей. В центре круга располагался каменный алтарь... жертвенник — очень старый, поднимающийся из земли на могучем плече базальта.

Мальчик стоял перед черным алтарем, дрожа и раскачиваясь взад-вперед. Его руки дергались, словно через них пропустили электрический ток. Стрелок резко выкрикнул его имя, и Джейк ответил ему неразборчивым возгласом отрицания. Лицо мальчика, похожее на бледное смазанное пятно и почти полностью загороженное его левым плечом, выражало одновременно и страх, и восторг. И было в нем что-то еще.

Стрелок вступил в круг камней, и Джейк закричал, отшатнувшись и вскинув руки. Теперь стрелку было видно его лицо, и он разглядел на нем ужас, и страх, и мучительное наслаждение.

Стрелок ощутил, как к нему прикоснулся дух — дух оракула. Суккуб. Его чресла наполнились жаром — нежным и мягким, и все-таки тягостным. Голова у него закружилась, язык как будто распух во рту и стал болезненно чувствительным даже к слюне.

Стрелок не знал, что его подтолкнуло, но, повинуясь порыву, он быстро вытащил из кармана полусгнившую челюсть, которую носил с собой с того дня, как нашел ее в логове Говорящего Демона на дорожной станции. Он не понимал, что делает, но это его не пугало — он привык повиноваться своим инстинктам. И они никогда его не подводили. Стрелок выставил челюсть перед собой, эту истлевшую кость, застывшую в доисторическом оскале. Указательный палец и мизинец свободной руки сами сложились рожками в древнем знаке оберега от дурного глаза.

* Cojones — яйца, мошонка *(исп.)*. — *Примеч. пер.*

Волна чувственности отхлынула, словно кто-то резко сорвал тяжелый полог.

Джейк снова вскрикнул.

Стрелок подошел к нему, выставив челюсть перед невидящими глазами мальчишки.

— Смотри сюда, Джейк... смотри.

Влажный всхлип боли. Джейк попытался отвести взгляд и не смог. На мгновение стрелку показалось, что парнишку сейчас разорвет на части — но не телом, а разумом. Его глаза закатились, остались видны лишь белки. А потом Джейк упал. Его обмякшее тело плавно осело на землю, одна рука почти коснулась каменного алтаря. Стрелок опустился на одно колено и взял Джейка на руки. Мальчик был на удивление легким; за время их долгого пути по пустыне он высох, как лист в ноябре.

Роланд буквально физически ощутил, как дух, обитающий в каменном круге, заметался в ревнивом гневе — у него отобрали добычу. Как только стрелок вышел из круга, это буйство бесплодной ревности разом исчезло. Он отнес Джейка обратно в лагерь. К тому времени судорожное беспамятство мальчика сменилось крепким сном.

Стрелок на мгновение замер над серыми останками выгоревшего костра. Лунный свет, омывающий лицо Джейка, снова напомнил ему о святом из церкви, о неведомой гипсовой чистоте. Он обнял парнишку покрепче и неловко чмокнул его в щеку, вдруг осознав, что любит его. Хотя, может быть, даже не так. Может быть, он полюбил этого мальчика с первого взгляда (как и Сюзан Дельгадо) и только теперь разрешил себе в этом признаться.

И тут ему показалось, что он почти явственно слышит смех человека в черном. Откуда-то сверху, издалека.

IV

Джейк звал его. От этого стрелок и проснулся. Вчера ночью он крепко-накрепко привязал парнишку к одному из ближайших кустов, и мальчик, наверное, испугался. И к тому же наверняка хотел есть. Судя по солнцу, было уже почти девять тридцать.

— Зачем вы меня привязали? — спросил Джейк с обидой, когда стрелок развязал тугой узел на попоне. — Я же не собирался от вас убегать!

— Не собирался, а все-таки убежал. — Стрелок улыбнулся, когда у парнишки вытянулось лицо. — Пришлось вставать и бежать за тобой. Ты ходил во сне.

— Правда? — недоверчиво переспросил Джейк. — Никогда раньше такого не де...

Стрелок кивнул, вытащил из кармана челюсть и поднес ее к лицу Джейка. Тот отпрянул, закрывшись руками.

— Вот видишь?

Мальчик, смутившись, кивнул.

— А что случилось?

— Сейчас у нас нет времени на разговоры. Мне нужно будет уйти. Может быть, на весь день. Так что слушай меня, малыш. Это важно. Если я не вернусь до заката...

На лице Джейка промелькнул страх.

— Вы меня бросаете!

Стрелок только пристально посмотрел на него.

— Нет, — сказал Джейк. — Кажется, нет. Если бы вы хотели меня бросить, вы бы давно меня бросили.

— Ну вот, видишь. Ты и сам все понимаешь. А теперь слушай, и слушай внимательно. Сейчас я уйду, а ты останешься здесь. И никуда отсюда не уходи. Что бы ни случилось, не уходи с этой поляны. А если вдруг ты почувствуешь что-то странное... что-нибудь подозрительное... просто возьми эту кость и не выпускай из рук.

Ненависть и отвращение на лице Джейка смешались с каким-то непонятным смущением.

— Нет, я не смогу... не смогу.

— Сможешь. Придется смочь. И особенно после полудня. Это очень важно. Если придется взять кость, у тебя могут возникнуть всякие неприятные ощущения. Например, голова заболит или будет тошнить. Но это быстро пройдет. Ты понял?

— Да.

— И ты сделаешь, как я сказал?

— Да, но зачем вам куда-то идти? — всхлипнул Джейк.

— Просто так нужно.

Стрелок вновь уловил в глазах Джейка словно бы отблеск стали — завораживающий и загадочный, как рассказ мальчика про неведомый город, где дома так высоки, что их верхушки в прямом смысле слова скребут по небу. Мальчик напоминал ему даже не Катберта, а Алана, еще одного его близкого друга. В отличие от шутника и задиры Катберта Алан был тихим и скромным. И на него всегда можно было положиться. И он ничего не боялся.

— Хорошо, — сказал Джейк.

Стрелок осторожно положил челюсть на землю рядом с остывшим кострищем. Она ухмылялась в высокой траве, точно какое-нибудь истлевшее ископаемое, которое снова увидело дневной свет после долгой и беспросветной ночи длиной в пять тысяч лет. Джейк старался на нее не смотреть. Лицо мальчика было

бледным и несчастным. Стрелок даже подумал, может быть, усыпить паренька и расспросить его обо всем, что случилось с ним в круге камней, но потом рассудил, что он немногого этим добьется. Он и так уже знал, что дух из круга камней, вне всяких сомнений, демон и, вполне вероятно, оракул. Демон, лишенный формы и тела, бесплотная сексуальная аура, наделенная даром ясновидения. Ему вдруг подумалось не без язвинки, уж не душа ли это Сильвии Питтстон, той необъятной толстухи, чье мелочное торгашество религиозными откровениями и привело к столь трагичной развязке в Талле... но нет. Это не Сильвия. Камни круга дышали древностью — они ограждали обиталище демона, обозначенное задолго до начала истории этого мира. Существо в круге — древнее... и коварное. Но стрелок знал, как говорить с оракулом, и был уверен, что мальчику не придется воспользоваться костяным мойо, оберегом. Голос и разум пророчицы будут заняты им, стрелком. Более чем. А ему нужно выведать кое-что, несмотря на весь риск... а риск был, и немалый. И все-таки ради Джейка, ради себя самого ему нужно было добыть эти сведения. Во что бы то ни стало.

Стрелок открыл свой кисет и, порывшись в табаке, достал крошечный предмет, завернутый в обрывок белой бумаги. Он покатал его в пальцах, которых уже очень скоро не будет, и рассеянно взглянул на небо. Потом развернул бумажку и извлек содержимое — маленькую белую таблетку с пообтершимися за годы странствий краями.

Джейк с любопытством взглянул на нее.

— Это что?

Стрелок издал короткий смешок.

— Корт часто рассказывал нам легенду о том, как древние боги решили поссать над пустыней — и так получился мескалин.

Джейк озадаченно нахмурился.

— Это такое снадобье, — пояснил стрелок. — Но не из тех, которые усыпляют. А такое, которое, наоборот, взбадривает. Ненадолго.

— Как ЛСД, — сказал мальчик, и его взгляд снова стал озадаченным.

— А что это? — спросил стрелок.

— Я не знаю, — ответил Джейк. — Просто слово всплыло. Это, наверное, оттуда... ну, вы понимаете. Оттуда, что было раньше.

Стрелок кивнул, но все-таки он сомневался. Он никогда не слыхал, чтобы мескалин называли ЛСД. Этого не было даже в древних книгах Мартена.

— А это вам не повредит? — спросил Джейк.

— До сих пор не вредило, — уклончиво отозвался стрелок и понял сам, что его ответ прозвучал не особенно убедительно.

— Мне это не нравится.

— Не бери в голову.

Стрелок опустился на корточки, отхлебнул воды из бурдюка и проглотил таблетку. Как всегда, реакция наступила мгновенно: рот, казалось, переполнился слюной. Стрелок уселся перед потухшим костром.

— А когда эта таблетка подействует? — спросил Джейк.

— Не сразу. Помолчи пока, ладно?

И Джейк замолчал. Он сидел тихо, и только в его напряженном взгляде читалось неприкрытое подозрение, пока он наблюдал, как стрелок совершает свой неспешный ритуал: чистит револьверы.

Стрелок убрал револьверы в кобуры.

— Сними рубашку, Джейк, и дай ее мне.

Джейк с явной неохотой — может быть, он стеснялся своих выпирающих ребер — стянул через голову вылинявшую рубашку и протянул ее Роланду.

Стрелок достал иголку, которую всегда носил при себе в боковом шве джинсов, потом нитки — из пустой ячейки в патронташе — и принялся зашивать длинную прореху на рукаве рубашки. Потом он вернул рубаху Джейку и тут же почувствовал, что мескалин начинает действовать: желудок стянуло, а все тело как будто свело судорогой.

— Мне пора, — сказал он, поднимаясь на ноги.

Мальчик тоже приподнялся; по его лицу прошла тень беспокойства, а потом он сел обратно.

— Вы там поосторожнее, — сказал он. — Пожалуйста.

— Не забывай про челюсть.

Проходя мимо, стрелок положил руку на голову Джейку и потрепал его по светлым, цвета созревающей кукурузы волосам. Испугавшись собственного порыва, стрелок коротко хохотнул. Джейк смотрел ему вслед с тревожной улыбкой — смотрел, пока стрелок не скрылся из виду в сплетении ив.

V

Стрелок направился к кругу камней, остановившись всего лишь раз, чтобы напиться прохладной воды из ручья. Склонившись к воде, он увидел свое отражение в крошечной заводи, обрамленной мхом и плавучими листами кувшинок; на миг стрелок замер, зачарованно глядя на себя, как Нарцисс. Его сознание уже начало перестраиваться, течение мыслей замедлилось, преодолевая, казалось, возросшую многозначность каждого понятия, каждого импульса восприятия. Вещи вдруг обрели глубину и весомость, прежде сокрытые. Стрелок помедлил еще мгновение, потом поднялся и

вгляделся в сплетение ив. Сквозь ветви струился свет солнца — золотистый и будто сотканный из пылинок. Стрелок постоял пару секунд, наблюдая за пляской пылинок и крошечных мошек, а потом пошел дальше.

Прежде это снадобье частенько его раздражало: его «эго», слишком сильное (а может, еще и слишком примитивное), не получало удовольствия от того, что его затеняли, отодвигали на задний план, делая мишенью для более чутких, более проникновенных эмоций — они щекотали его, как кошачьи усы, и его это бесило. Но на этот раз ему было спокойно. И это было хорошо.

Он вышел на поляну, вступил в круг и встал там, позволив своим мыслям течь свободно. Да, теперь оно надвигалось быстрее, настойчивее и жестче. Трава резала глаз своей зеленью; казалось, стоит только коснуться ее рукой, и рука тоже окрасится в зеленый. Он еле сдержал шаловливое искушение — попробовать.

Но прорицательница молчала. Не было и сексуального возбуждения.

Он подошел к алтарю и застыл на мгновение перед плоским камнем. Мысли путались. Зубы во рту ощущались как что-то лишнее, чужеродное — словно крошечные могильные камни в розовой влажной земле. Мир наполнился светом, слишком резким и ярким. Стрелок взобрался на алтарь и лег на спину. Его сознание превратилось в дремучие дебри, мысли — в причудливые растения, которых он в жизни не видел и даже не подозревал, что такие бывают: густое сплетение ив на берегах мескалинового ручья. Небо стало водой, и он воспарил над ней. От одной этой мысли голова у него закружилась, но его это уже не тревожило.

Ему вдруг вспомнились строчки из одного старинного стихотворения, на этот раз — не детские стишки, нет. Его мама боялась всех зелий и неизбежной потребности в них (как боялась она и Корта, и его обязанности бить мальчишек). Эти стихи дошли до них из одного из Убежищ мэнни к северу от пустыни, где люди все еще живут в окружении механизмов, которые в основном не работают... а те, что работают, иногда пожирают людей. Строки кружились в сознании, напоминая ему — безо всякой связи, как это всегда и бывает при мескалиновом наплыве — о снежинках внутри стеклянного шара, который был у него в детстве, такой таинственный, полусказочный шар:

Туда заказан людям вход.
Там, за пределом черных вод, —
Глубины ада...

В деревьях, нависающих над алтарем, проступали лица. Как зачарованный, он отрешенно смотрел на них: вот дра-

кон, извивающийся и зеленый, вот древесная нимфа с манящими руками-ветвями. Вот живой череп, расплывающийся в ухмылке. Лица. Лица.

Внезапно трава на поляне затрепетала, склонилась.

Я иду.

Я иду.

Смутное волнение в глубинах его плоти. «Не слишком ли далеко я зашел?» — успел еще подумать стрелок. От душистой травы на Спуске, где они лежали со Сюзан, — вот до такого.

Она прижалась к нему: тело, сотканное из ветра, грудь — из сплетения ароматов жасмина, жимолости и роз.

— Пророчествуй, — сказал он. Во рту появился противный металлический привкус. — Скажи все, что мне надо знать.

Вздох. Тихий всхлип. Плоть стрелка напряглась, затвердела. Лица склонялись к нему из листвы, а за ними виднелись горы — суровые и безжалостные, с оскаленными зубами вершин.

Тело, прильнувшее к нему, вдруг заерзало, пытаясь его побороть. Он почувствовал, как его руки сами сжимаются в кулаки. Она наслала ему видение. Пришла к нему в облике Сюзан. Это Сюзан Дельгадо лежала сейчас на нем. Сюзан, прелестная девушка у окна, которая ждала его в заброшенной хижине гуртовщика на Спуске — ждала, распустив волосы по спине и плечам. Он отвернулся. Но ее лицо вновь оказалось у него перед глазами.

Розы, жимолость и жасмин, прошлогоднее сено... запах любви.

Люби меня.

— Предсказывай, — сказал он. — И говори правду.

— *Пожалуйста,* — плакала пророчица. — *Почему ты такой холодный? Здесь всегда так холодно...*

Руки скользили по телу стрелка, дразнили его, разжигали огонь. Тянули. Подталкивали. Увлекали. Ароматная черная щель. Влажная, теплая...

Нет. Сухая. Холодная. Мертвая и бесплодная.

— *Сжалься, стрелок. О пожалуйста. Прошу тебя. Умоляю о милости! Сжалься!*

— А ты бы сжалилась над мальчиком?

— *Какой еще мальчик?! Не знаю я никакого мальчика. Мальчики мне не нужны. Пожалуйста. Я прошу.*

Жасмин, розы, жимолость. Прошлогоднее сено, где еще теплится дух летнего клевера. Масло, пролитое из древних урн. Бунт плоти.

— Потом, — сказал он. — Если то, что ты скажешь, как-то мне пригодится.

— *Сейчас. Пожалуйста. Сейчас.*

Он позволил своему сознанию раскрыться перед ней, но только — сознанию, разуму, который есть полная противо-

положность чувствам. Тело, нависающее над ним, внезапно застыло и словно бы закричало. Его мозг превратился в канат, серый и волокнистый — и каждый как будто тянул этот канат на себя. На несколько долгих мгновений исчезли все звуки, кроме тихого дыхания стрелка и легкого дуновения ветра, от которого лица в листве дрожали, строили рожи, подмигивали ему. Даже птицы умолкли.

Ее хватка ослабла. Снова раздались рыдания и вздохи. Нужно действовать быстро, иначе она уйдет, ибо остаться теперь означает для нее ослабнуть, опять раствориться в бесплотности. По-своему, может быть, умереть. Он уже чувствовал, как она отступает, ускользает из круга камней. Ветер выводил на траве трепещущие, перекошенные узоры.

— Пророчествуй, — сказал он и сурово добавил: — И говори правду.

Тяжелый, усталый вздох. Он бы уже сейчас сжалился над ней и выполнил ее просьбу — если бы не Джейк. Если бы вчера ночью стрелок опоздал, Джейк был бы мертв. Или сошел бы с ума.

— *Тогда спи.*

— Нет.

— *Тогда пребывай в полусне.*

То, о чем она просила, — это было опасно. Но, наверное, необходимо. Стрелок поднял глаза к лицам в листве. Там шло представление: целое действо ему на забаву. Миры возникали и рушились у него на глазах. На слепящем песке вырастали империи — там, где вечные механизмы усердно трудились в припадке неистового электронного сумасшествия. Империи приходили в упадок и погибали. Вращение колес, что трудились бесшумно и бесперебойно, потихоньку замедлялось. Колеса уже начинали скрипеть и визжать, а потом останавливались навсегда. Сточные канавы концентрических улиц, обшитых листами нержавеющей стали, заносило песком под темнеющими небесами, полными звезд, что сверкали, как россыпи холодных камней-самоцветов. И сквозь все это несся ветер — умирающий ветер перемен, пропитанный запахом корицы, запахом позднего октября. Стрелок наблюдал, как меняется мир, как мир сдвигается с места.

В полусне.

— *Три. Вот число твоей судьбы.*

— Три?

— *Да. Три — мистическое число. Трое стоят в средоточии твоего поиска. Другое число будет позже. А сейчас их трое.*

— Кто эти трое?

— *«Мы провидим лишь малые части, и тем туманится зеркало предсказаний».*

— Говори все, что видишь.

— Первый молод, темноволос. Сейчас стоит он на грани грабежа и убийства. Демон его осаждает. Имя демону — ГЕРОИН.

— Что за демон? Я такого не знаю.

— «Мы провидим лишь малые части, и тем туманится зеркало предсказаний». Есть иные миры, стрелок, и иные демоны. Воды сии глубоки. Смотри внимательно. Не пропусти двери. Ищи розы и ненайденные двери.

— Кто второй?

— Вторая. Она передвигается на колесах. Больше я ничего не вижу.

— А третий?

— Смерть... но не твоя.

— Человек в черном? Где он?

— Он рядом. Уже скоро ты будешь с ним говорить.

— О чем будем мы говорить?

— О Башне.

— Мальчик? Джейк?

— ...

— Расскажи мне про мальчика!

— Мальчик — твои врата к человеку в черном. Человек в черном — твои врата к тем троим. Трое — твой путь к Темной Башне.

— Как? Как это будет? И почему именно так?

— «Мы провидим лишь малые части, и тем туманится зеркало...»

— Тварь, проклятая Богом.

— Нет бога, который способен меня проклясть.

— Оставь этот свой снисходительный тон. Ты, тварь.

— ...

— Как мне тебя называть? Звездная Шлюха? Потаскуха Ветров?

— Кто-то живет любовью, что исходит из древних мест... даже теперь, в эти мрачные, злобные времена. А кто-то, стрелок, живет кровью. И даже, как я понимаю, кровью маленьких мальчиков.

— Его можно спасти?

— Да.

— Как?

— Отступись, стрелок. Сворачивай свой лагерь и уходи обратно на северо-запад. Там, на северо-западе, еще нужны люди, искусные в стрельбе.

— Я поклялся. Поклялся отцовскими револьверами и предательством Мартена.

— Мартена больше нет. Человек в черном пожрал его душу. И ты это знаешь.

— Я поклялся.

— Значит, ты проклят.

— Теперь делай со мной что хочешь. Ты, сука.

VI

Пылкое нетерпение.

Тень накрыла его, поглотила. Внезапный экстаз, уничтоженный только наплывом галактики боли, такой же яркой и обессиленной, как древние звезды, багровеющие в коллапсе. На самом пике соития его обступили лица — непрошеные, незваные. Сильвия Питтстон. Элис, женщина из Талла. Сюзан. И еще около дюжины других.

И наконец, спустя целую вечность, он оттолкнул ее, вновь обретя ясность сознания. Опустошенный и преисполненный отвращения.

— *Нет! Этого мало! Это...*

— Отвяжись от меня.

Стрелок резко рванулся, чтобы сесть, и едва не упал с алтаря. Осторожно встал на ноги. Она робко прикоснулась к нему (*жасмин, жимолость, сладость розового масла*), но он грубо ее оттолкнул, упав на колени.

Потом он поднялся и, шатаясь как пьяный, направился к внешней границе круга. Переступил невидимую черту и буквально физически ощутил, как тяжкий груз разом свалился с плеч. Стрелок содрогнулся и с шумом, похожим на всхлип, втянул в себя воздух. У него было чувство, как будто его осквернили, — интересно, оно того стоило? Он не знал. Но уже очень скоро узнает. Он ушел, не оглядываясь, но он чувствовал на себе ее пристальный взгляд. Она стояла перед каменной решеткой своей темницы и смотрела, как он уходит. И сколько теперь ей ждать, пока еще кто-нибудь не преодолеет пустыню и не найдет ее, изголодавшуюся и одинокую. Стрелок вдруг почувствовал себя ничтожным карликом — перед громадой времени, полного неисчислимых возможностей.

VII

— Вы что, заболели?

Джейк поспешно вскочил, когда стрелок, еле волоча ноги, продрался сквозь последние заросли и вышел к лагерю. Все это время Джейк просидел, сгорбившись, перед потухшим костром, держа на коленях истлевшую челюсть, и с несчастным видом обгладывал косточки кролика. Теперь, увидев стрелка, он бросился ему навстречу с таким страдальческим выражением лица, что стрелок сразу же и в полной мере ощутил тяжкое, мерзкое бремя предательства, которое ему предстояло совершить.

— Нет. Не заболел. Просто устал. Весь вымотался. — Стрелок указал на челюсть в руках у Джейка. — А ее уже можно выкинуть.

Джейк тут же отшвырнул кость и вытер руки о рубашку. Его верхняя губа безотчетно приподнялась в жутковатом оскале, но сам он этого не заметил.

Стрелок сел — вернее, чуть ли не рухнул — на землю. Суставы ломило от боли. Мозги как будто распухли. Мерзопакостное ощущение — мескалиновый «отходняк». Между ног угнездилась тупая, пульсирующая боль. Он свернул себе самокрутку — тщательно, неторопливо, бездумно. Джейк наблюдал за ним. Стрелок чуть было не поддался искушению рассказать пареньку обо всем, что узнал от оракула, а потом поговорить с ним дан-дин. Но быстро опомнился и с ужасом отказался от этой мысли. Он даже задался вопросом, а не утратил ли он сегодня какую-то часть себя — часть сознания или души. Открыть Джейку свой разум и сердце и поступить по решению ребенка? Какая безумная мысль.

— Переночуем здесь, — сказал он чуть погодя. — А завтра пойдем. Я попозже схожу, попробую что-нибудь подстрелить нам на ужин. Нам надо набраться сил. А сейчас я немного посплю. Хорошо?

— Ну конечно. Вы вырубайтесь, я тут посторожу.

— Я не понял, что ты сказал.

— Спите, если хотите.

— Ага. — Стрелок кивнул и улегся на траву. Вы вырубайтесь, повторил он про себя. Вырубайтесь — это как умирайте.

Когда он проснулся, тени на поляне стали заметно длиннее.

— Ты давай разожги костер. — Стрелок протянул Джейку кремень и кресало. — Знаешь, как пользоваться?

— Да. По-моему, знаю.

Стрелок отправился к ивовой роще, но замер на полпути, услышав, что говорит мальчик. Застыл, как громом пораженный.

— Искра, искра в темноте, где мой сир, подскажешь мне? — бормотал мальчик, ударяя кремнем о кресало. *Чик-чик-чик* — словно чириканье заводной механической птицы. — Устою я? Пропаду я? Пусть костер горит во мгле.

Наверное, от меня услышал, подумал стрелок и вовсе не удивился тому, что его руки покрылись гусиной кожей. Казалось, еще немного — и он задрожит, как промокший пес. Ну да, от меня. Наверное, я, когда разжигал костер, проговорил это слух, и сам даже не помню. И мне придется его предать?! Предать этого доброго человечка в этом недобром мире? И есть ли что-то, что оправдает такое предательство?

Это просто слова.

Да, но хорошие. Древние. Добрые.

— Роланд? — окликнул его мальчик. — У вас все в порядке?

— Да, — сказал он, может быть, как-то уж слишком резко. До него уже долетал запах дыма. — Ты давай разводи костер.

— Ага, — просто ответил мальчик, и Роланд понял, даже не оглядываясь на парнишку, что тот улыбался.

Стрелок не стал углубляться в заросли, а повернул налево, огибая ивовую рощу по краю. Добравшись до открытого места — небольшого пригорка, густо заросшего травой, — он отступил в тень деревьев и замер. Издалека явственно доносилось потрескивание костра. Стрелок улыбнулся.

Он стоял неподвижно десять минут. Пятнадцать. Двадцать. На пригорок выскочили три кролика. Стрелок достал револьвер, подстрелил их и тут же на месте освежевал и выпотрошил. В лагерь он вернулся с готовыми тушками. Джейк уже кипятил воду в котелке над костром.

Стрелок кивнул мальчику.

— Ты, смотрю, потрудился на славу.

Джейк зарделся от гордости и молча вернул стрелку огниво.

Пока мясо тушилось, стрелок вернулся в ивовую рощу — гаснущий свет заходящего солнца еще не померк окончательно. Остановившись у первой же заводи, он нарубил лозы, нависающей над зацветшей, покрытой ряской кромкой воды. Позднее, когда от костра останутся лишь тлеющие угольки и Джейк уснет, он сплетет из нее веревки, которые могут потом пригодиться. Он, впрочем, не думал, что предстоящий подъем будет таким уж трудным. Он чувствовал, как его направляет ка, и это уже не казалось странным.

Когда он возвращался в лагерь, где ждал его Джейк, срезанная лоза у него в руках истекала, как кровью, зеленым соком.

Они поднялись вместе с солнцем и собрались за полчаса. Стрелок надеялся подстрелить еще одного кролика на лугу, но времени было мало, а кролики что-то не торопились показываться. Узел с оставшейся у них провизией стал теперь таким легким и маленьким, что даже Джейк мог нести его без труда. Он закалился и окреп, этот мальчик; заметно окреп.

Стрелок нес бурдюки с водой — свежей водой, набранной из ручья в роще. Три веревки, сплетенные из лозы, он обвязал вокруг пояса. Им пришлось дать хороший крюк, чтобы обойти круг камней стороной (стрелок опасался, что паренька снова охватит страх, но когда они проходили над обиталищем оракула по каменистому склону, Джейк лишь мимоходом взглянул вниз и тут же принялся рассматривать птицу, парящую в вышине). Вскоре деревья начали потихоньку редеть и мельчать. Искривленные стволы пригибались к земле, а корни, казалось, насмерть боролись с почвой в мучительных поисках влаги.

— Здесь все такое старое, — хмуро сказал Джейк, когда они остановились передохнуть. — Неужели здесь, в этом мире, нет ничего молодого?

Стрелок улыбнулся и подтолкнул Джейка локтем.
— Ты, например.
Джейк улыбнулся, но как-то бледно.
— Трудный будет подъем?
Стрелок поглядел на него с любопытством.
— Это высокие горы. Как ты думаешь, трудный будет подъем?
Джейк озадаченно поглядел на стрелка.
— Нет.
Они двинулись дальше.

VIII

Солнце поднялось до высшей точки, на секунду зависло в небе и, не задержавшись ни на единый миг, как это было в пустыне, перевалило через зенит, возвращая путешественникам их тени. Каменистые выступы скал торчали из уходящей вверх тверди, как подлокотники врытых в землю гигантских кресел. Трава опять пожелтела и пожухла. В конце концов они оказались перед глубокой расщелиной с отвесными склонами, преграждавшей дорогу. Им пришлось обходить ее по верху, по короткому лысому кряжу. Древний гранит был изрезан морщинистыми складками, похожими на ступени лестницы. Как они оба предчувствовали, подъем обещал быть нетрудным. По крайней мере на первом этапе. Они взобрались на вершину скалы, постояли немного на крутом откосе шириной фута четыре, глядя вниз, на пустыню, что подступала к горам, обнимая их, точно громадная желтая лапа. Дальше она уходила за горизонт ослепительным белым щитом, исчезая в туманных волнах поднимавшегося к небу жара. Стрелка вдруг поразила мысль, что эта пустыня едва его не убила. Однако отсюда, с вершины скалы, где было прохладно, пустыня казалась хотя и величественной, но вовсе не страшной — не смертоносной.

Немного передохнув, они продолжили восхождение, пробираясь через каменистые завалы, карабкаясь по наклонным плоскостям, усеянным сверкающими вкраплениями слюды и кварца. Камни были приятно теплыми на ощупь, но воздух сделался заметно прохладнее. Ближе к вечеру стрелок расслышал, как где-то вдали, по ту сторону гор, гремит гром, но за вздымающейся громадой скал не было видно дождя.

Когда тени стали окрашиваться в пурпурные тона, они с Джейком разбили лагерь под нависающим каменным выступом. Стрелок закрепил попону сверху и снизу, соорудив нечто вроде навеса. Они уселись у входа в эту импровизированную палатку, наблюдая, как с неба на землю опускается полог ночи. Джейк све-

5 Зак. 722

сил ноги над обрывом. Стрелок свернул свою вечернюю самокрутку и, хитровато прищурившись, поглядел на Джейка.

— Во сне не вертись, — сказал он, — иначе рискуешь проснуться в аду.

— Не буду, — без тени улыбки ответил Джейк. — Мама говорит... — Он запнулся.

— И что говорит твоя мама?

— Что я сплю как убитый, — закончил Джейк.

Он поглядел на стрелка, и тот заметил, что у мальчика дрожат губы, и он изо всех сил пытается сдержать слезы. *Всего лишь мальчишка*, подумал стрелок, и боль пронзила его, будто нож для колки льда. Так, случается, ломит лоб, когда глотнешь студеной воды. *Всего лишь мальчишка. Почему?* Глупый вопрос. Когда какой-нибудь мальчик, уязвленный физически или душевно, задавал тот же самый вопрос Корту, эта древняя, изрытая шрамами боевая машина, чьей работой было учить сыновей стрелков основам того, что им нужно знать в жизни, отвечал так: «*Почему* — это корявое слово, и его уже не распрямить... так что никогда не спрашивай *почему*, а просто вставай, недоумок! Вставай! Впереди еще целый день!»

— Почему я здесь? — спросил Джейк. — Почему я забыл все, что было до этого?

— Потому что сюда тебя перетащил человек в черном, — сказал стрелок. — И еще из-за Башни. Башня стоит... на чем-то вроде... энергетического узла. Только во времени.

— Я не понимаю.

— Я тоже, — признался стрелок. — Но что-то такое произошло. И продолжается до сих пор. Прямо сейчас. «Мир сдвинулся с места»... как мы теперь говорим и всегда говорили. «Мир сдвинулся»... Только теперь он сдвигается быстрее. Что-то случилось со временем. Оно размягчается.

Потом они долго сидели молча. Ветерок — слабенький, но студеный — вертелся у них под ногами, глухо выл где-то в горной расщелине, внизу: у-у-у-у.

— А вы сами откуда? — спросил Джейк.

— Из места, которого больше нет. Ты знаешь Библию?

— Иисус и Моисей. А как же!

Стрелок улыбнулся:

— Точно. Моя земля носила библейское имя — Новый Ханаан. Так она называлась. Земля молока и меда. В том библейском Ханаане виноградные гроздья были такими большими, что их приходилось возить на тележках. У нас таких, правда, не вырастало, но все равно это была замечательная земля.

— Я еще знаю про Одиссея, — неуверенно вымолвил Джейк. — Он тоже из Библии?

— Может быть, — отозвался стрелок. — Я не особенно хорошо знаю Библию.

— А другие... ваши друзья...

— Других нет. Я — последний.

В небе уже поднимался тоненький серп убывающей луны. Луна как будто глядела, прищурившись, вниз на скалы, где сидели стрелок и мальчик.

— Там было красиво... в вашей стране?

— Очень красиво, — рассеянно отозвался стрелок. — Поля, леса, реки, утренний туман. Но матушка, помню, всегда говорила, что это только красиво, но все-таки не прекрасно... что только три вещи на свете прекрасны по-настоящему: порядок, любовь и свет.

Джейк издал какой-то неопределенный звук.

Стрелок молча курил, вспоминая о том, как все это было: ночи в громадном Большом Зале, сотни богато одетых фигур, кружащихся в медленном, степенном вальсе или в быстрой, легкой, переливчатой польке. Эйлин Риттер берет его под руку. Эту девушку, как он подозревал, выбрали для него родители. Ее глаза — ярче самых дорогих самоцветов. Сияние, льющееся из хрустальных плафонов электрических люстр, высвечивает замысловатые прически придворных и их циничные любовные интрижки. Зал был огромен: безбрежный остров света, древний, как и сама Центральная крепость, образованная еще в незапамятные времена и состоящая чуть ли не из полной сотни каменных замков. Роланд уже перестал считать, сколько лет минуло с тех пор, как он в последний раз видел Центральную крепость, и, покидая родные места, с болью оторвал взгляд от ее каменных замков и ушел, не оглядываясь, в погоню за человеком в черном. Уже тогда многие стены обрушились, дворы заросли сорняками, под потолком в главном зале угнездились летучие мыши, а по галереям носилось эхо от шелеста крыльев ласточек. Поля, где Корт обучал их стрельбе из лука и револьверов, соколиной охоте и прочим премудростям, заросли тимофеевкой и диким плющом. В громадной и гулкой кухне, где когда-то хозяйничал Хакс, поселилась колония недоумков-мутантов. Они пялились на него из милосердного сумрака кладовых или скрывались в тени колонн. Теплый пар, пропитанный пряными ароматами жарящейся говядины и свинины, сменился липкой сыростью мха, а в самых темных углах, куда не решались соваться даже недоумки-мутанты, выросли громадные бледные поганки. Массивная дубовая дверь в подвал стояла открытая нараспашку, и снизу сочилась невыносимая вонь. Запах был словно символ — конечный и непреложный — всеобщего разложения и разрухи: едкий запах вина, превратившегося в уксус. Так что стрелку ничего не стоило отвернуться и уйти прочь, на юг. Он ушел без сожалений — но сердце все-таки дрогнуло.

— А что, была война? — спросил Джейк.

— Еще похлеще. — Стрелок отшвырнул окурок. — Была революция. Мы выиграли все сражения, но проиграли войну. Никто не выиграл в той войне, разве что только стервятники. Им, наверное, осталась пожива на многие годы вперед.

— Я бы хотел там жить, — мечтательно протянул Джейк.

— Правда?

— Ага.

— Ладно, Джейк, пора спать.

Мальчик — теперь только смутная тень во мраке — лег на бок и свернулся калачиком под пологом из попоны. Но сам стрелок лег не сразу. Он сидел еще около часа, погруженный в свои долгие, тяжкие думы. Эта внутренняя сосредоточенность, углубленность в собственные мысли была для него чем-то новым, еще не изведанным и даже приятным в своей тихой грусти, но все-таки не имела никакого практического значения: проблему Джейка все равно нельзя разрешить иначе, чем предсказал оракул, а отказаться от поиска и повернуть назад — это попросту невозможно. Положение было трагическое, но стрелок этого не разглядел; он видел только предопределение, которое было всегда. Он думал, думал и думал... но в конце концов его подлинное естество все-таки возобладало, и он уснул. Крепко, без сновидений.

IX

На следующий день, когда они продолжили свой путь в обход, под углом к узкому клину ущелья, подъем стал круче. Стрелок не спешил: пока еще не было необходимости торопиться. Мертвые камни у них под ногами не хранили следов человека в черном, но стрелок твердо знал, что он прошел той же дорогой. И даже не потому, что они с Джейком видели снизу, как он поднимался — крошечный, похожий на таком расстоянии на букашку. Его запах отпечатался в каждом дуновении холодного воздуха, что струился с гор, — маслянистый, пропитанный злобой запах, такой же горький и едкий, как бес-трава.

Волосы у Джейка отросли и вились теперь на затылке, почти закрывая дочерна загорелую шею. Он поднимался упорно, ступая твердо и уверенно, и не выказывал никаких явных признаков боязни высоты, когда они проходили над пропастями или карабкались вверх по отвесным скалам. Дважды ему удавалось взобраться в таких местах, какие стрелку было бы не одолеть в одиночку. Джейк закреплял на камнях веревку, и стрелок поднимался по ней, подтягиваясь на руках.

На следующее утро они поднялись еще выше, сквозь холодные и сырые рваные облака, что закрывали оставшиеся

внизу склоны. В самых глубоких впадинах между камнями уже начали попадаться белые бляхи затвердевшего, зернистого снега. Он сверкал, точно кварц, и был сухим, как песок. В тот день, ближе к вечеру, они набрели на единственный след — отпечаток ноги на одном из этих пятен снега. Потрясенный, Джейк застыл на мгновение, завороженно глядя на четкий след, потом вдруг испуганно поднял глаза, словно опасаясь, что человек в черном может материализоваться из своего одинокого следа. Стрелок потрепал мальчика по плечу и указал вперед:

— Пойдем. День уже на исходе.

В последних лучах заходящего солнца они разбили лагерь на широком плоском каменном выступе к северо-востоку от разлома, уходящего в самое сердце гор. Заметно похолодало. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара, и в пурпурных отблесках гаснущего дня мокрый кашель грома казался каким-то нездешним и даже безумным.

Стрелок ждал, что мальчик начнет задавать вопросы, но тот ничего не спросил. Джейк почти сразу уснул. Стрелок последовал его примеру. Ему снова приснился Джейк — в образе гипсового святого, со лбом, пронзенным гвоздем. Он проснулся, судорожно хватая ртом разреженный горный воздух. Джейк спал рядом с ним, но спал беспокойно: он ворочался и бормотал неразборчивые слова, отгоняя, наверное, своих собственных призраков. Исполненный тревожных предчувствий, стрелок перевернулся на другой бок и снова уснул.

X

Ровно через неделю после того, как Джейк увидел след на снегу, они на мгновение столкнулись лицом к лицу с человеком в черном. В это мгновение стрелку показалось, что сейчас он поймет сокровенный смысл самой Башни — потому, что это мгновение растянулось на целую вечность.

Они продолжали держаться юго-восточного направления: прошли, наверное, уже полпути по исполинскому горному хребту, и вот когда в первый раз за все время их перехода подъем грозил сделаться по-настоящему трудным (прямо над ними нависли обледенелые выступы скал, изрезанные гулкими трещинами; при одном только взгляде на это у стрелка начиналось неприятное головокружение), они набрели на удобный спуск вдоль стенки узкого ущелья. Извивающаяся тропинка спустилась на дно каньона, где в своей первозданной, неукротимой мощи бурлил горный поток, стекающий с необозримых вершин.

В этот день, ближе к вечеру, мальчик вдруг остановился и посмотрел на стрелка, который задержался, чтобы ополоснуть лицо студеной водой.

— Я чувствую, он где-то рядом, — сказал Джейк.

— Я тоже, — отозвался стрелок.

Как раз перед ними высилось непреодолимое с виду нагромождение гранитных глыб, уходящее в заоблачную бесконечность. Стрелок опасался, что в любую минуту очередной поворот горной речки выведет их к водопаду или к отвесной гладкой стене гранита — в тупик. Но здешний воздух обладал странным увеличительным свойством, присущим любому высокогорью, и прошел еще день, прежде чем они с мальчиком добрались до гигантской гранитной преграды.

И стрелка вновь охватило знакомое ощущение, что все то, к чему он так долго стремился, наконец у него в руках. Он еле сдержал себя, чтобы не пуститься бегом.

— Погодите! — Мальчик внезапно остановился. Они замерли у крутого изгиба речки. Поток пенился и клокотал, обтекая размытый выступ громадной глыбы песчаника. Каньон постепенно сужался. Все утро они со стрелком шли в тени гор.

Джейк весь дрожал. А лицо у него было белым как мел.

— В чем дело?

— Пойдемте обратно, — прошептал Джейк. — Пойдемте обратно. Быстрее.

Лицо стрелка словно окаменело.

— Пожалуйста! — Лицо у парнишки осунулось. Он с такой силой стиснул зубы, подавляя крик боли, что его нижняя челюсть дергалась от напряжения. Сквозь плотный занавес гор до них по-прежнему доносились раскаты грома, размеренные и монотонные, точно гул механизмов, скрытых глубоко под землей. Со дна сузившегося ущелья им открывалась тоненькая полоска неба, тоже вобравшего в себя этот серый готический сумрак, зыбкий, бурлящий в противоборстве холодных и теплых воздушных потоков.

— Пожалуйста, *пожалуйста!*

Мальчик поднял кулак, как будто хотел ударить стрелка.

— Нет.

Мальчик удивленно взглянул на него.

— Вы убьете меня! Он убил меня в первый раз, а теперь вы убьете. И мне кажется, вы это знаете.

Стрелок почувствовал у себя на губах горький вкус лжи и все-таки произнес ее:

— Все с тобой будет в порядке.

И еще большую ложь:

— Я же буду тебя защищать.

Лицо у Джейка вдруг стало серым, и больше он ничего не сказал. Нехотя он протянул стрелку руку. Вот так, держась за руки, они обогнули изгиб горной речки и вышли к последней отвесной стене гранита и столкнулись лицом к лицу с человеком в черном.

Он стоял не более чем в двадцати футах над ними, справа от водопада, который с грохотом низвергался из громадной, с зазубренными краями дыры в скале. Невидимый ветер трепал полы его черного балахона. В одной руке он держал посох, вторую поднял в шутливом приветственном жесте. Застывший на каменном выступе под этим колышущимся хмурым небом, он был похож на пророка — пророка погибели, а его голос звучал, словно глас Иеремии:

— Стрелок! Ты, я смотрю, в точности исполняешь древние предсказания! День добрый, день добрый, день добрый! — Он рассмеялся и поклонился со смехом, и смех прокатился по скалам гремящим эхом, перекрыв даже рев водопада.

Не раздумывая, стрелок вытащил револьверы. У него за спиной, чуть справа, съежился мальчик — испуганной маленькой тенью.

Только после третьего выстрела Роланду удалось овладеть своими предательскими руками. Эхо выстрелов отскочило бронзовым рикошетом от скал, что громоздились вокруг, заглушив свист ветра и рев воды.

Осколки гранита брызнули над головой человека в черном; вторая пуля ударила слева от его черного капюшона, третья — справа. Стрелок промахнулся трижды.

Человек в черном рассмеялся. Громким искренним смехом, который как будто бросал дерзкий вызов замирающим отзвукам выстрелов.

— Ты ищешь ответы, стрелок? Думаешь, их найти так же просто, как выпустить пулю?

— Спускайся, — сказал стрелок. — Сделай, как я говорю, и ответы будут.

И снова смех — глумливый, раскатистый.

— Я боюсь не твоих пуль, Роланд. Меня пугает твоя одержимость найти ответы.

— Спускайся.

— На той стороне, стрелок. На той стороне мы с тобой поговорим. Долго поговорим, обстоятельно.

Взглянув на Джейка, человек в черном добавил:

— Только мы. Вдвоем.

Джейк отшатнулся, издав короткий жалобный вскрик. Человек в черном резко отвернулся — его плащ взметнулся в сером свете, точно крылья летучей мыши, — и скрылся в расщелине в скале, откуда могучей струей низвергалась вода. Стрелок проявил непреклонную волю и не стал стрелять ему вслед. *Ты ищешь ответы, стрелок? Думаешь, их найти так же просто, как выпустить пулю?*

Слышались только свист ветра и рев воды — звуки, которые разносились по этим скорбным и одиноким скалам уже тысячу лет. И все-таки человек в черном был рядом. Прошло целых двенадцать лет, и Роланд наконец снова увидел его вблизи. И они даже поговорили. И человек в черном над ним посмеялся.

На той стороне мы с тобой поговорим. Долго поговорим, обстоятельно.

Мальчик смотрел на него, мальчика била дрожь. На мгновение стрелку привиделось, что на месте лица парнишки вдруг проступило лицо Элли, той женщины из Талла со шрамом на лбу, и шрам был словно безмолвное обвинение. Его вдруг охватила дикая ненависть к ним обоим (и только потом, много позже, его осенило, что шрам у Элли на лбу располагался точно в том месте, где и гвоздь, пронзавший лоб Джейка в его кошмарах). Джейк как будто прочел его мысли или, может быть, уловил только общее настроение стрелка, и с его губ сорвался тяжелый стон. Сорвался и тут же замер. Мальчуган закусил губу. У него было все для того, чтобы стать настоящим мужчиной, может быть, даже стрелком — по праву. Если бы только ему дали вырасти.

Только мы. Вдвоем.

Стрелок вдруг почувствовал жгучую тоску, великую и нечестивую жажду, угнездившуюся в неизведанных безднах тела, жажду, которую не утолишь никакой водой, никаким вином. Миры содрогались чуть ли не на расстоянии вытянутой руки, и стрелок пытался бороться с этой внутренней порчей, понимая холодным умом, что все эти попытки — напрасны, и всегда будут напрасны. В конце всегда остается одно лишь ка.

Был полдень. Стрелок запрокинул голову, чтобы хмурый неверный свет дня упал ему на лицо, в последний раз озаряя своим сиянием уязвимое солнце его добродетели. «Серебром за предательство не расплатиться, — подумал он. — Цена любого предательства — это всегда чья-то жизнь».

— Можешь пойти со мной или остаться, — сказал стрелок.

Мальчик ответил невеселой и жесткой усмешкой — точно такой же, как у его отца, хотя сам он об этом не знал.

— А если я здесь останусь, один, в горах, — сказал он, — со мной все будет в порядке. Меня обязательно кто-то спасет. Принесет пирожки и сандвичи. И еще кофе в термосе. Да?

— Можешь пойти со мной или остаться, — повторил стрелок, и что-то сдвинулось у него в голове. Это был миг разрыва. В этот миг маленький человечек, стоявший сейчас перед ним, перестал быть Джейком и стал просто мальчиком — безликой пешкой, которую можно передвигать и использовать.

В обдуваемом ветром безмолвии раздался чей-то пронзительный крик. Они оба слышали это, стрелок и мальчик.

Стрелок первым пошел вперед. Через секунду Джейк двинулся следом. Они вместе поднялись на обвалившуюся скалу рядом с холодной бездушной струей водопада, постояли на каменном выступе, где стоял человек в черном, и вместе вошли в пролом, где он скрылся. Их поглотила тьма.

Глава 4
Недоумки-мутанты

I

трелок рассказывал медленно, в сбивчивом и неровном ритме, как это бывает, когда человек разговаривает во сне:

— Нас было трое: Катберт, Алан и я. Вообще-то нам не полагалось там находиться в ту ночь. Ведь мы еще, как говорится, не вышли из детского возраста. Если бы нас там поймали, Корт выпорол бы нас от души. Но нас не поймали. Я так думаю, что и до нас никто не попадался. Ну, как иной раз мальчишки тайком примеряют отцовские штаны: повертятся в них перед зеркалом и повесят обратно в шкаф. Вот так же и здесь. Отец делает вид, будто не замечает, что его штаны висят не на том месте, а под носом у сына — следы от усов, намалеванных ваксой. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Мальчик молчал. Он не промолвил ни слова с тех пор, как они углубились в расщелину, оставив солнечный свет снаружи. Стрелок же, наоборот, говорил не умолкая — горячо, возбужденно, — чтобы заполнить безмолвную пустоту. Войдя в темные недра гор, он ни разу не оглянулся на свет. А вот мальчик оглядывался постоянно. Стрелок видел, как угасает день — видел его отражение на щеках у парнишки, как в мягком зеркале: вот свет нежно-розовый, вот — молочно-матовый, вот — как бледное серебро, вот — как последние отблески вечерних сумерек, а вот — его больше нет. Стрелок зажег факел, и они двинулись дальше.

Наконец они остановились. Разбили лагерь в глухой тишине, где не было слышно даже эха шагов человека в черном.

Может, он тоже остановился передохнуть. Или, может быть, так и несся вперед — без огня — по чертогам, залитым вечной ночью.

— Это происходило один раз в году, на Первый Сев, — продолжал стрелок. — Котильон на Ночь Первого Сева — или Каммала, как называли его старики, от слова, которое означает «рис». Большой бал в Большом Зале. Его правильное название — Зал Предков. Но для нас это был просто Большой Зал.

До них доносился звук капающей воды.

— Придворный ритуал, как и любой из весенних балов. — Стрелок неодобрительно хохотнул, и бездушные камни отозвались гулким эхом, превращая звук смеха в безумный гогот. — В стародавние времена, как написано в книгах, так праздновали приход весны. Его еще иногда называли Новой Землей, или Свежей Каммалой. Но, знаешь ли, цивилизация...

Он умолк, не зная, как описать суть изменений, стоящих за этим бездушным и мертвым словом: гибель романтики и ее выхолощенное плотское подобие, мир, существующий только на искусственном дыхании блеска и церемониала; геометрически выверенные па придворных, выступающих в танце на балу на Ночь Первого Сева — в степенном танце, заменившем собой безумную пляску любви, дух которой теперь только смутно угадывался в этих чопорных фигурах. Пустое великолепие вместо безыскусной и буйной, всепоглощающей страсти, что потрясала когда-то людские души. Ему самому довелось испытать это сладостное потрясение. С Сюзан Дельгадо, в Меджисе. Он обрел свою истинную любовь — и тут же ее потерял. Давным-давно, в незапамятные времена, жил на свете великий король, вот что он мог бы сказать мальчику. Великий Эльд, чья кровь — пусть и порядком разжиженная — течет в моих жилах. Но королей давно нет, малыш. Во всяком случае, в мире света.

— Они сотворили из этого что-то упадочное, нездоровое, — продолжал стрелок. — Представление. Игру. — В его голосе явственно прозвучало безотчетное отвращение затворника и аскета. И если бы у них было больше света, было бы видно, как он изменился в лице. Его лицо сделалось горестным и суровым, хотя основа его естества не ослабла с годами. Хронический недостаток воображения, который по-прежнему выдавало это лицо, по своей исключительности не смог бы сравниться ни с чем.

— Но этот бал, — выдохнул он. — Этот бал...

Мальчик молчал.

— Там были люстры. Из прозрачного хрусталя. Масса стекла, пронизанного искровым светом. Казалось, весь зал состоит из света. Он был точно остров света.

Мы прокрались на один из старых балконов. Из тех, которые считались небезопасными и куда запрещалось ходить.

Но мы были еще мальчишками. А мальчишки — это всегда мальчишки. Для нас все таило в себе опасность, ну так и что с того?! Ведь мы будем жить вечно. В этом мы не сомневались — даже когда говорили о том, что мы все умрем как герои. Потому что иначе — никак.

Мы взобрались на самый верх, откуда нам было все видно. Я даже не помню, чтобы кто-то из нас произнес хоть слово. Мы просто смотрели — часами.

Там стоял большой каменный стол, за которым сидели стрелки со своими женщинами, наблюдая за танцами. Кое-кто из стрелков танцевал, но таких было немного — и только самые молодые. Помню, среди танцоров был и тот молодой стрелок, который казнил Хакса. А старшие просто сидели, и мне казалось, что среди всего этого яркого света, среди этого цивилизованного света, они себя чувствуют неуютно. Их глубоко уважали, их даже боялись. Они были стражами и хранителями. Но в этой толпе вельмож и их утонченных дам они выглядели точно конюхи...

Там было еще четыре круглых стола, уставленных яствами. Столы беспрерывно вращались. Поварята сновали туда-сюда, с семи вечера до трех ночи. Столы вращались, как стрелки часов, и даже до нас доходили запахи: жареной свинины, говядины и омаров, цыплят и печеных яблок. Там были мороженое и конфеты. И громадные, пышущие жаром вертела с мясом.

Мартен сидел рядом с моими родителями. Я их узнал даже с такой высоты. Один раз они танцевали. Мама с Мартеном. Медленно так кружились. И все расступились, чтобы освободить им место, а когда танец закончился, им рукоплескали. Стрелки, правда, не хлопали, но отец неторопливо поднялся из-за стола и протянул маме руку. А она подошла к нему, улыбаясь, и взяла за руку.

Да, это было торжественное мгновение. Даже мы, наверху, это почувствовали. К тому времени мой отец уже собрал свой ка-тет — Тет Револьвера — и его должны были вскорости объявить Дином — Старшим Гилеада, если не всех внутренних феодов. И все это знали. И Мартен знал лучше всех... кроме, может быть, Габриэль Веррисс.

Мальчик спросил, причем было видно, что ему вообще не хотелось ничего спрашивать:

— Это кто? Ваша мама?

— Да. Габриэль-из-Великих-Вод, дочь Алана, жена Стивена, мать Роланда. — Стрелок усмехнулся, развел руками, как бы говоря: «Вот он я, ну и что с того?» — и вновь уронил их на колени.

— Мой отец был последним из правителей света.

Стрелок опустил глаза и уставился на свои руки. Мальчик молчал.

— Я помню, как они танцевали, — тихо проговорил стрелок. — Моя мать и Мартен, советник стрелков. Я помню, как они танцевали — то подступая близко-близко друг к другу, то расходясь в старинном придворном танце.

Он поглядел на мальчика и улыбнулся.

— Но это еще ничего не значило, понимаешь? Потому что власть переменилась, и как она переменилась, никто не понял, но все это почувствовали. И мать моя принадлежала всецело тому, кто обладал этой властью и мог ею распоряжаться. Разве нет? Ведь она подошла к нему, когда танец закончился, правильно? И взяла его за руку. И все им аплодировали: весь этот зал, все эти женоподобные мальчики и их нежные дамы... ведь они ему рукоплескали? И восхваляли его? Разве не так?

Где-то там, в темноте, капли воды стучали о камень. Мальчик молчал.

— Я помню, как они танцевали, — тихо повторил стрелок. — Я помню...

Он поднял глаза к неразличимому во тьме каменному своду. Казалось, он готов закричать, разразиться проклятиями, бросить слепой и отчаянный вызов этой тупой и бесчувственной массе гранита, который упрятал их хрупкие жизни в свою каменную утробу.

— В чьей руке был нож, оборвавший жизнь моего отца?

— Я устал, — тоскливо проговорил мальчик.

Стрелок замолчал, и мальчик улегся на каменный пол, подложив ладошку между щекой и голым камнем. Пламя факела сделалось тусклым. Стрелок свернул себе папироску. В зале его воспаленной памяти все еще сиял тот хрустальный свет, еще гремели ободряющие возгласы во время обряда посвящения, бессмысленного в оскудевшей стране, уже тогда безнадежно противостоящей серому океану времени. Воспоминания об острове света терзали его и теперь — горько, безжалостно. Стрелок отдал бы многое, чтобы повернуть время вспять и никогда не увидеть ни этого света, ни того, как отцу наставляют рога.

Он выпустил дым изо рта и ноздрей и подумал, глядя на мальчика: «Сколько нам еще кружить под землей? Вот мы кружимся, кружимся, и неизменно приходим в исходную точку, и надо опять начинать все сначала. Вечное возобновление — вот проклятие света.

Когда мы снова увидим свет солнца?»

Он уснул.

Когда его дыхание стало глубоким и ровным, мальчик открыл глаза и поглядел на стрелка с выражением, очень похожим на любовь. Но на больную любовь. Последний отблеск догоревшего факела отразился в его зрачке и утонул там, в черноте. Мальчик тоже уснул.

II

В неизменной, лишенной примет пустыне стрелок почти что утратил всякое ощущение времени, а здесь, в этих каменных залах под горным массивом, где царила кромешная тьма, он утратил его окончательно. Ни у стрелка, ни у парнишки не было никаких приборов, измеряющих время, и само понятие о часах и минутах давно стало для них бессмысленным. Можно сказать, они пребывали теперь вне времени. День мог оказаться неделей, а неделя — одним днем. Они шли, они спали, они что-то ели, но никогда — досыта. Их единственным спутником был непрестанный грохот воды, пробивающей себе дорогу сквозь камень. Они двигались вдоль неглубокой речки, пили воду, насыщенную минеральными солями, очень надеясь, что они не отравятся и не умрут. Временами стрелку представлялось, что на дне потока он видит блуждающие огоньки, но он каждый раз убеждал себя, что это всего лишь образы, спроецированные вовне его мозгом, который еще не забыл, что такое свет. Но он все-таки предупредил мальчугана, чтобы тот не заходил в воду.

Внутренний дальномер у него в голове уверенно вел их вперед.

Тропинка вдоль речки (а это действительно была тропинка: гладкая, слегка вогнутая) неуклонно вела наверх — к истокам реки. Через равные промежутки на ней возвышались круглые каменные колонны с железными кольцами у оснований. Должно быть, когда-то к ним привязывали волов или рабочих лошадей. На каждом столбе сверху крепилось что-то вроде стального патрона-держателя для электрических факелов, но в них давно уже не было жизни и света.

Во время третьей остановки для «отдыха перед сном» мальчик решился немного пройтись вперед. Стрелок различал, как в глухой тишине шуршат мелкие камушки — под его неуверенными шагами.

— Ты там осторожнее, — сказал он. — Ни черта же не видно.

— Я потихоньку. Здесь... ничего себе!

— Что там?

Стрелок привстал, положив руку на рукоять револьвера.

Повисла короткая пауза. Стрелок тщетно напрягал глаза, пытаясь вглядеться в кромешную тьму.

— По-моему, это железная дорога, — с сомнением протянул мальчик.

Стрелок поднялся и осторожно двинулся на голос Джейка, ощупывая ногой землю перед собой, прежде чем сделать шаг.

— Я здесь.

Рука, невидимая в темноте, прикоснулась к лицу стрелка. Мальчик хорошо ориентировался в темноте, даже лучше, чем сам стрелок. Его зрачки расширились так, что от радужной обо-

лочки почти совсем ничего не осталось; стрелок это увидел, когда зажег худосочный факел, вернее, жалкое его подобие. В этой каменной утробе не было ничего, что могло бы гореть, а те запасы, которые были у них с собой, быстро таяли. А временами желание зажечь огонь становилось просто неодолимым. Так стрелок и узнал, что голод бывает не только к еде, но и к свету.

Мальчик стоял у изогнутой каменной стены, по которой тянулись, теряясь во тьме, параллельные металлические полоски; на них держались какие-то черные провода, по которым когда-то текло электричество. А по земле, поднимаясь на несколько дюймов над каменным полом, шла металлическая колея. Что ходило по ней в стародавние времена? Стрелку представлялись только зловещие электрические снаряды, что летели сквозь эту вечную ночь, пронзенную устрашающими, рыщущими глазами прожекторов. Он ни о чем таком в жизни не слышал. Но в мире еще существуют обломки прошлого, как существуют и демоны тоже. Когда-то он знал одного отшельника, возымевшего едва ли не религиозную власть над жалкой кучкой скотоводов лишь потому, что безраздельно владел древней бензоколонкой. Отшельник садился на землю, хозяйским жестом приобнимал колонку одной рукой и выкрикивал свои дикие, грязные и зловещие проповеди. Время от времени он просовывал все еще блестящий стальной наконечник, прикрепленный к прогнившему резиновому шлангу, себе между ног. На колонке — вполне отчетливо, пусть даже и тронутыми ржавчиной буквами — было написано что-то совсем уже непонятное: АМОКО. *Без свинца.* Амоко превратился в их тотем, в символ бога Грома, и они поклонялись ему и приносили ему в жертву овец и рев моторов: *Рррррррррр! Рррррр! Рррр-рррррррр!*

«Как обломки погибших кораблей, — подумал стрелок. — Всего лишь бессмысленные обломки в песке, который когда-то был морем».

В том числе и эта железная дорога.

— По ней и пойдем, — сказал он.

Мальчик опять промолчал.

Стрелок загасил факел, и они легли спать.

Когда Роланд проснулся, оказалось, что мальчик уже не спит. Он сидел на железном рельсе и смотрел на стрелка, пусть даже ему было совсем ничего не видно — в кромешной тьме.

Они зашагали вдоль рельсов, точно пара слепых: стрелок — впереди, мальчик — следом. Они шли, пробираясь на ощупь, стараясь, в точности как слепые, все время касаться рельса одной ногой. И вновь их единственным спутником был рев бегущей по правую руку реки. Они шли молча, и так продолжалось три периода бодрствования подряд. Стрелку не хотелось даже связно мыс-

лить, не говоря уж о том, чтобы обдумывать планы дальнейших действий. И спал он без сновидений.

А во время четвертого периода они в прямом смысле слова наткнулись на брошенную дрезину.

Стрелок ударился об нее грудью, мальчик — он шел по другой стороне — прямо лбом. Он упал, тихо вскрикнув.

Стрелок немедленно зажег факел.

— Ты как там, нормально?

Слова прозвучали резко, едва ли не раздраженно. Даже сам он невольно поморщился.

— Да.

Мальчик осторожно потрогал голову, потом тряхнул ею, как будто затем, чтобы самому убедиться, что с ним действительно все в порядке. Они обернулись, чтобы посмотреть, во что они врезались.

Оказалось, что это какая-то плоская металлическая платформа, безмолвно стоящая на рельсах. В центре из пола платформы торчал рычаг. Стрелок не знал, что это за штуковина, но мальчик узнал ее сразу:

— Это дрезина.

— Что?

— Дрезина, — нетерпеливо повторил мальчик. — Как в старых мультяшках. Смотрите.

Парнишка взобрался на платформу и подошел к рычагу. Ему удалось опустить рычаг вниз, но для этого ему пришлось навалиться на него всем своим весом. Дрезина продвинулась чуть вперед по рельсам — бесшумно, точно фантом вне времени.

— Хорошо, — сказал тусклый механический голос. Оба, стрелок и мальчик, даже подпрыгнули от неожиданности. — Хорошо, давай еще ра... — Механический голос умер.

— Работает, только тяжеловато идет, — сказал парнишка, словно извиняясь.

Стрелок тоже взобрался на платформу и нажал на рычаг. Дрезина послушно двинулась вперед, немного проехала и остановилась.

— Хорошо, давай еще раз, — проговорил механический голос.

Стрелок почувствовал, как у него под ногами провернулся ведущий вал. Ему понравилось действие этого устройства. И понравился механический голос (хотя стрелок уже постановил про себя, что будет слушать его не дольше, чем это необходимо). Это был первый попавшийся ему за многие годы древний механизм, не считая того насоса на дорожной станции, который работал исправно. Ему это понравилось, но и встревожило тоже. Дрезина гораздо быстрее доставит их по назначению. И стрелок даже не сомневался, что человек в черном подстроил и это тоже: чтобы они нашли эту машину.

— Правда, здорово? — Голос парнишки был преисполнен искреннего отвращения. А потом была только непробиваемая тишина. Стрелок слышал только биение своего сердца и гулкие отзвуки капель — и все.

— Вы стойте на той стороне, я — на этой, — сказал Джейк. — Вам придется толкать ее одному, пока она как следует не разгонится. А потом я вам помогу. Вы надавите, я надавлю. Так и поедем. Понятно?

— Понятно.

Стрелок сжал кулаки в беспомощном жесте отчаяния.

— Но сперва вам придется толкать ее одному, пока она не разгонится, — повторил мальчик, глядя прямо на стрелка.

А перед мысленным взором стрелка неожиданно встала живая картина: Большой Зал через год после весеннего бала. Теперь Зал Предков лежал в руинах, разоренный восстанием, гражданской войной и вторжением. Следом нахлынули воспоминания об Элли, той, со шрамом, из Талла — как она упала, сраженная пулями из его револьверов. Он убил ее безо всякой причины... если рефлексы нельзя посчитать за причину. Потом ему вспомнился Катберт Оллгуд. Как он смеялся, сбегая с холма — навстречу собственной смерти, так и трубя в этот проклятый рог... Роланд как будто воочию увидел его лицо — и лицо Сюзан, искаженное плачем. Все мои старые друзья, подумал стрелок и улыбнулся зловещей и страшной улыбкой.

— Значит, буду толкать, — сказал он.

И взялся за дело. И когда механический голос включился снова («Хорошо, давай еще раз! Хорошо, давай еще раз!»), Роланд принялся шарить рукой по железному столбику, на котором крепился рычаг. Наконец он нашел, что искал. Там была кнопка, на которую он и нажал.

— Пока, дружище! До скорой встречи! — бодро проговорил механический голос, после чего наступила благословенная тишина.

III

Они катились сквозь непроглядную тьму, теперь гораздо быстрее, поскольку им больше не надо было вслепую нащупывать путь. Механический голос включался еще два раза: в первый раз, чтобы предложить им чипсов «Crisp-A-La», и еще раз — чтобы сообщить, что после напряженного трудового дня нет ничего лучше, чем пачка печенья «Larchies». Выдав этот бесценный совет, голос умолк насовсем.

Постепенно дрезина — неповоротливая поначалу, после стольких лет вынужденного бездействия — раскочегарилась

и пошла гладко. Мальчик честно пытался помочь, и стрелок иной раз уступал, но большей частью трудился один, размашистыми движениями качая рычаг вверх-вниз. Подземная река оставалась их верным попутчиком, то подступая совсем-совсем близко, то уходя дальше вправо. Однажды она оглушила их мощным и гулким грохотом, словно вдруг пронеслась по нартексу доисторического собора. А в другой раз шума воды стало почти не слышно.

Казалось, скорость и ветер, бьющий в лицо от движения дрезины, заменили собой зрение и вернули им ощущение пространства и времени. Стрелок прикинул, что они делают от десяти до пятнадцати миль в час. Дорога шла вверх, поднимаясь пологим, обманчиво незаметным уклоном, который, однако, изрядно его утомил. Едва они остановились на отдых, стрелок сразу уснул как убитый. Провизии осталось всего ничего, но ни стрелка, ни парнишку это уже не волновало.

Стрелок еще не улавливал напряжения приближающейся кульминации, но для него оно было таким же реальным (и нарастающим), как и усталость от управления дрезиной. Они уже приближались к концу первой фазы... во всяком случае, он приближался. Он себя чувствовал как актер, стоящий посередине громадной сцены за минуту до поднятия занавеса: актер, который уже принял необходимую позу и готовится произнести первую реплику, которая уже вертится в голове; ему слышно, как невидимые пока зрители шуршат программками и рассаживаются по местам. Теперь он уже постоянно ощущал где-то внутри, в животе, тугой комок нехорошего предвкушения и был даже рад, что физическое утомление помогает ему заснуть. А когда он засыпал, то спал как убитый.

Мальчик уже почти не разговаривал. Но однажды во время привала, незадолго до того, как на них напали недоумки-мутанты, он спросил у стрелка, почти робко, о том, как он стал взрослым.

— Мне надо знать, — сказал он.

Стрелок сидел, привалившись спиной к рычагу и держа во рту папироску. (Кстати, запас табака тоже уже подходил к концу.) Он уже засыпал, когда мальчик вдруг задал свой вопрос.

— А зачем тебе? — удивился стрелок.

— Просто мне интересно. — Голос мальчишки был на удивление упрямым, как будто он хотел скрыть смущение. Помолчав, он добавил: — Мне всегда было интересно, как люди становятся взрослыми. А спросишь у взрослых, так они обязательно соврут.

— Кое-что ты уже знаешь, — сказал стрелок. — Но что я рассказывал... это все-таки не о том, как я стал взрослым. Наверное, я начал взрослеть уже после того... ну, о чем я тебе говорил...

— Расскажите о том, как вы вызвали на поединок учителя, — попросил Джейк.

Роланд кивнул. Да, все правильно. Любому мальчишке было бы интересно послушать такую историю.

— Но по-настоящему я повзрослел, когда папа отправил меня в путешествие. И этапы этого путешествия стали этапами моего взросления. — Он помедлил. — Однажды я видел, как вешали человека, которого не было.

— Человека, которого не было? Это как?

— Его можно было потрогать, но нельзя было увидеть.

Джейк кивнул с пониманием.

— Это был человек-невидимка.

Роланд удивленно приподнял бровь. Он раньше не слышал, чтобы их так называли, этих людей, которых нет.

— Правда?

— Ага.

— Ну ладно, как скажешь. Но как бы там ни было, там были люди, которые не хотели, чтобы я это делал, — они говорили, что они будут прокляты, если я это сделаю, но этот парень... человек-невидимка... он насиловал женщин. Знаешь, что это такое?

— Да, — сказал Джейк. — И у него это, наверное, легко получалось, раз он невидимка. И трудно было его поймать?

— Об этом я расскажу в другой раз. — Роланд знал, что другого раза уже не будет. Они оба об этом знали. — А еще через два года я бросил девушку. В одном местечке, называлось оно Королевский Поселок. Бросил, хотя не хотел бросать...

— Нет, вы хотели, — вдруг сказал мальчик. Он сказал это тихо и даже мягко, но с явным презрением в голосе. — Потому что вам надо было дойти до Башни. Вам надо было идти, несмотря ни на что... как этим ковбоям, на отцовском канале.

Роланд почувствовал, как кровь жаркой волной прилила к лицу, но, когда он заговорил, его голос оставался спокойным и ровным:

— Наверное, это и был мой последний этап взросления. Вот так я и взрослел — от случая к случаю. Но когда что-то такое происходило, я понимал это не сразу, истинный смысл происшедшего открывался мне позже.

До стрелка вдруг дошло, что он пытается уйти от ответа на конкретный вопрос, заданный мальчиком, и он почувствовал себя неловко.

— Наверное, обряд совершеннолетия тоже был очередным этапом, — нехотя выдавил он. — Такой официальный, почти стилизованный: что-то вроде придворного бального танца. — Стрелок издал неприятный смешок.

Мальчик молчал.

— Нужно было доказать, что ты стал мужчиной. Доказать в боевом поединке, — начал стрелок.

IV

Лето и зной.

Полная Земля набросилась на истомленный край, точно любовник-вампир, убивая почву своим исступленным жаром, а вместе с ней — и посевы фермеров. Поля вокруг города-крепости Гилеада превратились в стерильную белую пустошь. А в нескольких милях к западу, у самых границ, где кончался цивилизованный мир, уже началась война. Новости, что приходили оттуда, были неутешительными. Но даже они меркли перед безжалостным зноем, царившим здесь — в самом центре. Скотина в загонах на скотных дворах стояла, тараща пустые глаза, не в силах даже пошевелиться. Свиньи вяло похрюкивали, забыв не только о ножах, уже наточенных в преддверии осени, но даже о том, чтобы плодиться и размножаться. Люди, как всегда, жаловались на жизнь и проклинали налоги вместе с военным призывом, но за всей этой политической игрой — апатичной, при всем показном энтузиазме — скрывалась одна пустота. Центр обветшал, как протершийся старый ковер, который сотню раз мыли, потом снова топтали ногами, выбивали и вывешивали посушиться на солнышко. Нити, что удерживали последние самоцветы на истощенной груди мира, уже распускались. Все распадалось. Земля затаила дыхание — в то лето близящегося упадка.

Мальчик бесцельно бродил по верхнему коридору того каменного пространства, которое было его домом, — он чувствовал, что готовится что-то плохое, хотя и не понимал, что происходит. Он тоже был пуст и опасен и ждал того, что наполнит эту внутреннюю пустоту.

С тех пор как повесили повара — того самого Хакса, у которого всегда находилось что-нибудь вкусненькое для голодных мальчишек, — минуло уже три года. За это время мальчик поправился и возмужал. И вот теперь, одетый только в повылинявшие штаны из хлопчатобумажной ткани, четырнадцати лет от роду, широкогрудый и длинноногий, он выказывал все признаки, что из него выйдет храбрый и сильный мужчина. Он был еще девственником, но две бойкие дочурки одного купца из Западного Города уже вовсю строили ему глазки. Он тоже испытывал к ним влечение, и теперь оно проявлялось еще острее. Даже здесь, в этом прохладном каменном коридоре, все его тело покрылось испариной.

Дальше по коридору располагались покои матери, но он сейчас не собирался туда заходить. Он собирался подняться на крышу, где его ждали легкий ветерок и все удовольствия, которые молоденькие мальчишки доставляют себе рукой.

Он уже прошел мимо двери, как вдруг кто-то окликнул его:

— Эй, мальчик!

Это был Мартен, советник, одетый с подозрительной, настораживающей небрежностью: черные облегающие штаны, почти как трико, и белая рубаха, расстегнутая на безволосой груди. Его волосы были взъерошены.

Мальчик молча смотрел на него.

— Входи, входи! Не стой в коридоре. Твоя мама хочет с тобой поговорить. — Он улыбался, но только одними губами. Его глаза были насмешливыми и язвительными. А за этой насмешкой был только холод.

Но мама, похоже, совсем не горела желанием его видеть. Она сидела в кресле у большого окна в центральной гостиной — того самого, что выходило на раскаленную каменную мостовую внутреннего двора. На ней было простое домашнее платье, и оно постоянно сползало с одного плеча, и она только раз поглядела на сына — быстрый промельк печальной улыбки, как отражение осеннего солнца в текучей воде. Потом она опустила глаза и все время, пока они говорили, пристально изучала свои руки.

Теперь они виделись редко, и призраки колыбельных песен *(чик-чирик, не бойся кошек)* уже почти стерлись у него из памяти. Она сделалась для него чужой, но осталась любимой. Он испытывал смутный страх, и в душе у него поселилась неистребимая ненависть к Мартену, который был правой рукой отца.

— Ты как, Ро, нормально? — тихо спросила она, изучая свои руки. Мартен встал рядом с ней. Его рука тяжело опустилась на мамино оголившееся плечо — в том месте, где оно соединялось с ее белой шеей. И еще он улыбался. Им обоим. Когда Мартен улыбался, его карие глаза темнели и становились почти что черными.

— Нормально, — ответил мальчик.

— А учишься как, хорошо? Ванни тобой доволен? А Корт? — Когда мать назвала имя Корта, она невольно скривилась, как будто съела что-то горькое.

— Я стараюсь.

Они оба знали, что он не такой умный, как Катберт, и не такой смышленый, как Джейми. Он был тугодумом, но зато упорным трудягой. Хотя даже Алан учился лучше.

— А как Давид? — Она знала, как сын привязан к соколу.

Мальчик взглянул на Мартена. Тот по-прежнему покровительственно улыбался.

— Уже миновал свою лучшую пору.

Мать как будто поморщилась; на мгновение лицо Мартена потемнело, и он еще крепче сжал ее плечо. А потом мать повернула голову, поглядела на раскаленную белизну знойного дня за окном, и все опять стало как прежде.

«Это такая шарада, — подумал мальчик. — Игра. Но кто с кем играет?»

— У тебя на лбу ссадина, — сказал Мартен, продолжая улыбаться. Он небрежно ткнул пальцем в отметину от последней

(спасибо тебе за науку, учитель)

Кортовой воспитательной взбучки.

— Ты что, будешь таким же бойцом, как и твой отец, или ты просто нерасторопный?

На этот раз мать и вправду поморщилась.

— И то, и другое, — ответил мальчик, потом поглядел прямо в глаза Мартену и изобразил натужную улыбку. Даже здесь, в помещении, было слишком жарко.

Мартен вдруг перестал улыбаться.

— Теперь можешь пойти на крышу, малыш. Кажется, у тебя там дела.

— Моя мать еще не отпустила меня, вассал!

Мартен поморщился, словно его хлестнули плетью. Мальчик услышал, как мать вздохнула, горестно и тяжело. Она назвала его по имени.

Но эта натянутая, болезненная улыбка так и застыла на лице мальчика. Он шагнул вперед.

— Как я понимаю, ты должен мне поклониться в знак верности. Во имя отца моего, которому ты, вассал, служишь и подчиняешься.

Мартен уставился на него, не веря своим ушам.

— Ступай, — произнес он мягко. — Ступай и займи свою руку делом.

Мальчик ушел, улыбаясь.

Когда он закрыл за собой дверь, он услышал, как мать закричала. Это был вопль баньши, предвещающей смерть. А потом — нет, так не бывает, не может быть — звук пощечины. Отцовский слуга ударил его мать и сказал ей, чтобы она заткнулась.

Чтобы она заткнулась!

А потом он услышал смех Мартена.

Мальчик продолжал улыбаться. Так, улыбаясь, он и пошел на испытание.

V

Джейми как раз возвратился из города, где наслушался всякого от горластых торговок, и, как только увидел Роланда, проходившего по тренировочной площадке, сразу же подбежал к нему, чтобы пересказать все последние слухи о резне и мятежах на

западе. Но, увидев лицо Роланда, он даже не стал его окликать. Они с Роландом знали друг друга с младенчества: подстрекали друг друга на всякие шалости, тузили друг друга, вместе исследовали потайные уголки крепости, в стенах которой они оба родились.

Роланд прошел мимо друга, глядя прямо перед собой, ничего вокруг не замечая — и улыбаясь все той же страшной улыбкой. Он шел к дому Корта, где все окна были задернуты плотными шторами — чтобы отгородиться от нещадно палящего солнца. Корт прилег вздремнуть после обеда, чтобы вечером сполна насладиться походом по борделям нижнего города.

Джейми сразу же понял, что сейчас будет. Ему стало страшно и очень волнительно. И он никак не мог сообразить, что ему делать: сразу последовать за Роландом или сначала позвать остальных.

Но потом первое оцепенение прошло, и он со всех ног бросился к главному зданию, выкрикивая на ходу:

— Катберт! Алан! Томас!

В знойном воздухе его крики звучали тонко и слабенько. Они давно это знали. Благодаря этому внутреннему, непостижимому чутью, которым наделены все мальчишки на свете, они знали, что Роланд будет первым, кто выйдет к черте. Но чтобы вот так... не рановато ли?

Никакие слухи о бунтах, войнах и черной магии не могли бы зажечь Джейми так, как эта пугающая улыбка на лице Роланда. Это было реальнее и серьезнее, чем досужие сплетни, пересказанные какой-нибудь беззубой бабой-зеленщицей над засиженными мухами кочанами салата.

Роланд подошел к дому учителя и пнул дверь ногой. Дверь распахнулась, хлопнула по грубо оштукатуренной стене и отскочила обратно.

Он вошел в этот дом в первый раз. Дверь с улицы вела прямо в спартанскую кухню, сумрачную и прохладную. Стол. Два жестких стула. Два кухонных шкафа. На полу — выцветший линолеум с черными дорожками, протянувшимися от крышки погреба до разделочного стола, над которым висели ножи, а оттуда — к обеденному столу.

Вот он: дом человека, чья жизнь проходит на людях, но который живет один. Поблекшая берлога неуемного полуночного бражника и кутилы, который пусть грубо, по-своему, но все же любил ребятишек — вот уже трех поколений — и кое-кого из них сделал стрелками.

— Корт!

Он пнул ногой стол, так что тот проскользил через всю кухню и ударился в стойку с ножами. Ножи попадали на пол.

В соседней комнате что-то зашевелилось, раздался полусонный приглушенный кашель, как это бывает, когда че-

ловек прочищает горло. Но мальчик туда не пошел, зная, что это уловка, что Корт проснулся, как только он вошел в кухню, и теперь ждет за дверью, сверкая своим единственным глазом, готовый свернуть шею незваному гостю, ворвавшемуся к нему в дом.

— Корт, выходи! Я пришел за тобой, смерд!

Он обратился к учителю на Высоком Слоге, и Корт рывком распахнул дверь. Он был почти голым, в одних трусах. Коренастый и плотный, с кривыми ногами, весь в шрамах и буграх мышц, с выпирающим круглым животиком. Но мальчик по опыту знал, что этот обманчиво дряблый животик был твердым как сталь. Единственный зрячий глаз Корта угрюмо уставился на Роланда.

Как положено, мальчик отдал учителю честь.

— Ты больше не будешь учить меня, смерд. Сегодня я буду учить тебя.

— Ты пришел раньше срока, сопляк, — небрежно проговорил Корт, но тоже на Высоком Слоге. — Года на два как минимум, с моей точки зрения. Я спрошу только раз: может, отступишься, пока не поздно?

Мальчик лишь улыбнулся своей новой страшной улыбкой. Для Корта, который видел такие улыбки на кровавых полях сражений чести и бесчестья, под небом, окрасившимся в алый цвет, это само по себе было ответом. Возможно, единственным ответом, которому он бы поверил.

— Да, невесело, — отрешенно проговорил учитель. — Ты был моим самым многообещающим учеником. Лучшим, я бы сказал, за последние два десятка лет. Мне будет жаль, когда ты сломаешься и пойдешь по слепому пути. Но мир сдвинулся с места. Грядут скверные времена.

Мальчик молчал (он бы вряд ли сумел дать какое-то связное объяснение, если бы его попросили о том напрямую), но впервые за все это время его пугающая улыбка слегка смягчилась.

— И все-таки есть право крови, — продолжал Корт. — Невзирая на бунты и черное колдовство на западе. Кровь сильнее. Я твой вассал, мальчик. Я признаю твое право всем сердцем и готов подчиниться твоим приказам, даже если то будет в последний раз.

И Корт, который бил его и пинал, сек до крови, ругал на чем свет стоит, насмехался над ним, как только не обзывал, даже прыщом-сифилитиком, встал перед ним на одно колено и склонил голову.

Мальчик протянул руку и с изумлением прикоснулся к загрубевшей, но уязвимой плоти на шее наставника.

— Встань, вассал, и примиримся в любви и прощении.

Корт медленно поднялся, и мальчику вдруг показалось, что за застывшей, натянутой маской, в которую теперь превратилось лицо учителя, скрывается неподдельная боль.

— Только это напрасная трата. Мне будет жалко тебя потерять. Отступись, глупый мальчишка. Я нарушу свою же клятву. Отступись и обожди!

Мальчик молчал.

— Хорошо. Как ты сказал, так и будет. — Теперь голос Корта стал сухим, деловитым. — Даю тебе ровно час. Выбор оружия за тобой.

— А ты придешь со своей палкой?

— Как всегда.

— А сколько палок у тебя уже отобрали, Корт? — Это было равносильно тому, чтобы спросить: «Сколько мальчиков-учеников из тех, что вошли во двор на задах Большого Зала, вышли оттуда стрелками?»

— Сегодня ее у меня не отнимут, — медленно проговорил Корт. — И мне правда жаль. Такой шанс дается лишь раз, малыш. Только раз. И наказание за излишнее рвение такое же, как и за полную несостоятельность. Разве нельзя обождать?

Мальчик вспомнил Мартена: как он стоял, возвышаясь над ним. Его улыбку. И звук пощечины из-за закрытой двери.

— Нет, нельзя.

— Хорошо. Какое оружие ты избираешь?

Мальчик молчал.

Корт растянул губы в улыбке, обнажив кривые зубы.

— Для начала вполне даже мудро. Стало быть, через час. Ты хоть понимаешь, что скорее всего ты уже никогда не увидишь своего отца, свою мать, своих братьев по ка?

— Я знаю, что значит изгнание, — тихо ответил мальчик.

— Тогда иди. И подумай, и вспомни лицо своего отца. Хотя тебе это уже не поможет.

Мальчик ушел не оглядываясь.

VI

В погребе под амбаром было обманчиво прохладно. Сыро. Пахло влажной землей и паутиной. Лучи вездесущего солнца проникали даже сюда, сквозь узкие пыльные окна, но тут хотя бы не чувствовалось изнуряющей дневной жары. Мальчик держал здесь сокола, и птицу, похоже, это вполне устраивало.

Теперь Давид состарился и больше уже не охотился в небе. Его перья поутратили былой блеск — а еще года три назад они так и сияли, — но взгляд оставался пронзительным и неподвижным, как прежде. Говорят, нельзя подружиться с соколом, если только ты сам наполовину не сокол, одинокий и временный обита-

тель земли, без друзей и без надобности в друзьях. Сокол не знает, что такое мораль и любовь.

Теперь Давид стал старым соколом. И мальчик очень надеялся, что он сам — тоже сокол, но молодой.

— Привет. — Он протянул руку к жердочке, на которой сидел Давид. Тот перебрался на руку мальчика и снова застыл неподвижно, как был — без клобучка на голове. Свободной рукой мальчик залез в карман и вытащил кусочек вяленого мяса. Сокол проворно выхватил угощение из пальцев парнишки и проглотил.

Мальчик осторожно погладил Давида. Корт бы, наверное, глазам своим не поверил, если бы это увидел, но ведь он не поверил и в то, что время Роланда уже наступило.

— Скорее всего ты сегодня умрешь, — сказал он, продолжая гладить сокола. — Мне, похоже, придется тобой пожертвовать, как теми мелкими пташками, на которых тебя обучали. Помнишь? Нет? Ладно, не важно. Завтра соколом стану я, и каждый год в этот день я буду стрелять в небо — в память о тебе.

Давид сидел у него на руке, молча и не мигая, безразличный к своей жизни и смерти.

— Ты уже старый, — задумчиво продолжал мальчик. — И, может быть, ты мне не друг. Еще год назад ты предпочел бы мой глаз этому куску мяса, верно? Вот бы Корт посмеялся. Но если мы подберемся к нему... если мы подберемся к нему поближе... и если он ничего не заподозрит... что ты выберешь, Давид? Спокойную старость — или все-таки дружбу?

Давид не ответил.

Мальчик надел на сокола клобучок и подобрал привязь. Они поднялись из подвала и вышли на свет.

VIII

Двор на задах Большого Зала — это на самом деле не двор, а узкий зеленый коридор между двумя рядами разросшейся живой изгороди. Ритуал посвящения мальчиков в мужчины проходил здесь с незапамятных времен, задолго до Корта и даже его предшественника, Марка, который скончался именно здесь — от колотой раны, нанесенной слишком усердной и рьяной рукой. Многие мальчики вышли из этого коридора через восточный вход. Вход, предназначенный для учителя. Вышли мужчинами. Восточный конец коридора вел к Большому Залу, к цивилизации и интригам просвещенного мира. Но еще больше ребят, окровавленных и из-

битых, вышли отсюда через западный вход, предназначенный для мальчишек, — и остались мальчишками навсегда. Этот конец коридора выходил к горам и к хижинам поселенцев, за которыми простирались дебри дремучих лесов; за лесами был Гарлан, а еще дальше — пустыня Мохане. Те мальчишки, которые становились мужчинами, переходили от тьмы и невежества к свету и ответственности за других. А тем, которые не выдержали испытания, оставалось одно: изгнание. Навсегда. Коридор был зеленым и ровным, как площадка для игр. Длиной ровно пятьдесят ярдов. Точно посередине располагался узкий участок голой земли. Это была черта, разделявшая мальчиков и мужчин.

Обычно у каждого входа толпились возбужденные зрители и взволнованные родные, поскольку, как правило, день испытания объявлялся заранее. Восемнадцать — это был самый обычный возраст для испытуемых (те же, кто не решался пройти испытание до двадцати пяти, становились свободными землевладельцами, и очень скоро про них забывали: про тех, кто не нашел в себе сил встретить лицом к лицу этот жестокий выбор «все или ничего»). Но в тот день не было никого. Только Джейми ДеКарри, Катберт Оллгуд, Алан Джонс и Томас Уитмен. Они столпились у западного входа для мальчишек и ждали там, затаив дыхание и не скрывая страха.

— Оружие, кретин! — прошипел Катберт, и в его голосе явственно слышалась боль. — Ты забыл оружие!

— Не забыл, — сказал Роланд. «Интересно, — подумал он, — а в главном здании уже знают? Знает ли мать... и Мартен?» Отец сейчас на охоте и вернется еще не скоро. Не раньше, чем через несколько дней. И Роланду было немного стыдно, что он не дождался его возвращения, потому что он чувствовал, что отец даже если бы и не одобрил его решение, то уж понял бы наверняка.

— Корт пришел?

— Корт уже здесь, — донесся голос с противоположного конца коридора, и Корт вышел вперед. Он был в короткой бойцовской фуфайке и с кожаной лентой на лбу, чтобы пот не заливал глаза. В руке он держал боевой посох из какого-то твердого дерева, заостренный с одного конца и напоминающий лопасть весла — с другого. Не тратя времени даром, он затянул литанию, которую все они, невольные избранники по крови, еще со времен Эльда, знали с самого раннего детства: учили ее к тому дню, когда они, быть может, станут мужчинами.

— Ты знаешь, зачем ты пришел, мальчишка?

— Я знаю, зачем я пришел.

— Ты пришел как изгнанник из дома отца своего?

— Я пришел как изгнанник.

И он будет изгнанником до тех пор, пока не одолеет Корта. Если же Корт одолеет его, он останется изгнанником уже навсегда.

— Ты выбрал оружие?

— Я выбрал оружие.

— И каково же твое оружие?

Это было исконное право учителя, его шанс приготовиться к бою в зависимости от того, какое оружие выбрал ученик: пращу, копье, сеть или лук.

— Мое оружие — Давид.

Корт запнулся, всего лишь на долю секунды. Но он все равно удивился. Потому что не ожидал ничего подобного. И это было хорошо.

Может быть, хорошо.

— Ты готов выйти против меня, мальчишка?

— Я готов.

— Во имя кого?

— Во имя моего отца.

— Назови его имя.

— Стивен Дискейн из рода Эльда.

— А теперь к бою.

И Корт пошел на него по коридору, перекидывая свою палку из руки в руку. Мальчики встрепенулись, как стайка испуганных птиц, когда их товарищ — теперь уже старший товарищ, дан-дин — шагнул ему навстречу.

Мое оружие — Давид, учитель.

Понял ли Корт? Если да, то, возможно, уже все потеряно. Теперь все зависело от того, как сработает эффект неожиданности... и еще от того, как поведет себя сокол. А вдруг Давид будет равнодушно сидеть у него на руке, пока Корт вышибает ему мозги своей тяжелой палкой, а то и вовсе бросит его и взлетит высоко в жаркое небо?

Они сходились, каждый — пока на своей стороне от черты. Мальчик недрогнувшей рукой снял с сокола клобучок. Клобучок упал в зеленую траву. И Корт сбился с шага. Мальчик увидел, как Корт быстро взглянул на птицу, и его единственный глаз широко распахнулся от удивления и запоздалого понимания. Да, теперь он все понял.

— Ну ты и придурок, — едва ли не простонал Корт, и Роланд вдруг разозлился, что его так обозвали.

— Возьми его! — крикнул он и вскинул руку.

И Давид сорвался с руки, и взлетел, как безмолвный живой снаряд; короткие крылья взмахнули один раз, дру-

гой, третий, и вот уже когти и клюв впились Корту в лицо. Брызнула кровь.

— Давай! Роланд! — в исступлении выкрикнул Катберт. — Первая кровь! Первая кровь у меня на груди! — Он ударил себя кулаком в грудь с такой силой, что синяк сошел только через неделю.

Корт отшатнулся и, потеряв равновесие, упал. Тяжелый посох взметнулся, но тщетно: ударил он только по воздуху. Сокол превратился в трепещущий, смазанный комок перьев.

Мальчик рванулся к поверженному учителю, выставив руку перед собой твердым клином, локтем вперед. Это был его шанс. Быть может, единственный шанс.

Корт чуть было не увернулся. Сокол закрывал ему почти весь обзор, но тяжелая палка опять поднялась затупленным концом вперед, и Корт хладнокровно прибег к единственному из оставшихся у него в арсенале приемов, который мог бы переломить ситуацию в его пользу: он трижды ударил себя по лицу, безжалостно напрягая мускулы.

Давид упал, искалеченный. Одно крыло бешено билось о землю. Его холодные, немигающие глаза хищника впились яростным взором в окровавленное лицо Корта, где незрячий глаз слепо и страшно таращился из глазницы.

Мальчик со всей силы пнул Корта ногой в висок. По идее на этом все должно было закончиться: но — нет. На мгновение лицо Корта как-то обмякло, а потом он рванулся и схватил мальчика за ногу.

Мальчик дернулся, оступился и упал, растянувшись в траве. Откуда-то издалека до него донесся испуганный крик Джейми.

Корт уже поднялся, готовый упасть на Роланда и положить конец поединку. Мальчик утратил свое преимущество, и они оба об этом знали. Секунду они смотрели в глаза друг другу: ученик, распростертый на земле, и учитель, стоящий над ним. Теперь вся левая сторона лица Корта превратилась в сплошное кровавое месиво; его незрячий глаз совсем заплыл, осталась лишь тоненькая полоска белка. Сегодня Корт уже точно не пойдет по борделям.

Что-то впилось в руку мальчика. Сокол. Давид, слепо рвущий когтями все, до чего мог дотянуться. Оба крыла перебиты. Невероятно, что он вообще еще жив.

Мальчик схватил сокола, как камень, не обращая внимания на острый клюв, сдирающий кожу с его запястья. И когда Корт кинулся на него, он подбросил сокола вверх.

— Возьми его! Давид! Убей!

А потом Корт упал на него, закрывая собой солнце.

VIII

Сокол расплющился между ними. Мальчик почувствовал, как по его лицу шарит мозолистый палец, нащупывая глазницу. Он резко повернул голову, одновременно приподнимая бедро, чтобы закрыться от колена Корта, нацеленного ему в пах, и трижды рубанул ребром ладони по шее учителя. С тем же успехом он мог бы бить и по камню.

А потом Корт вдруг издал сдавленный стон. Его тело дернулось. Словно сквозь пелену мальчик увидел, как Корт шарит рукой по земле, пытаясь дотянуться до выпавшей палки. Рванувшись из последних сил, Роланд отбил ее ногой в сторону, за пределы досягаемости. Давид вцепился когтями в правое ухо Корта, а другой лапой безжалостно рвал ему щеку, превращая ее в окровавленные лохмотья. Теплая кровь с запахом меди брызнула мальчику на лицо.

Корт ударил сокола кулаком и сломал ему спину. Еще раз — и шея Давида изогнулась под неестественно острым углом. Но когти еще сжимались. Уха больше не существовало; теперь на его месте зияла окровавленная дыра. Третий удар отбросил сокола прочь.

Собрав последние силы, мальчик рубанул Корта по переносице ребром ладони, перебив тонкий хрящ. Снова брызнула кровь.

Корт выбросил руку вперед, пытаясь вслепую схватить мальчика сзади, чтобы сдернуть с него штаны и спутать ноги. Роланд упал, откатился в сторону, нащупал палку, которую выронил Корт, и поднялся на колени.

Корт тоже встал на колени и усмехнулся сквозь маску запекшейся крови. Они смотрели в глаза друг другу — и их опять разделяла черта, только теперь их позиции поменялись, и Корт был на той стороне, откуда пришел Роланд. Единственный зрячий глаз Корта бешено вращался в глазнице. Нос был расплющен и свернут в сторону, щеки превратились в сплошные лохмотья изодранной кожи.

Мальчик держал палку, как игрок держит клюшку, готовясь ударить по шару.

Корт сделал два ложных выпада, а потом бросился на него.

Но мальчик был начеку. Тем более что это была убогая уловка — и они оба об этом знали. Палка из твердого дерева описала в воздухе плоскую дугу и с глухим стуком ударилась о череп Корта. Корт повалился на бок, таращась на мальчика вдруг помутневшим, невидящим глазом. Изо рта у него потекла тонкая струйка слюны.

— Сдавайся или умри, — сказал мальчик. У него было странное ощущение, что его рот забит влажной ватой.

И Корт улыбнулся. Он был почти без сознания. Потом он неделю не встанет с постели — и все это время он пролежит, укрытый черным покровом глубокой комы, — но он пока еще держался, напрягая все силы своей безжалостной и безупречной жизни. Он увидел в глазах у парнишки желание услышать ответ, и хотя их с Роландом теперь разделила завеса крови, старый учитель не мог не заметить, каким отчаянным было это желание.

— Я сдаюсь, стрелок. Я сдаюсь улыбаясь. Сегодня ты помнил лицо своего отца и всех своих доблестных предков. Ты славно сражался и победил.

Зрячий глаз Корта закрылся.

Стрелок легонько потряс его за плечо: мягко, но настойчиво. Ребята уже окружили его. Их руки так и чесались похлопать его по спине, потрепать по плечу. Но они не решались, чувствуя произошедшую перемену и страшась этой бездны, что теперь их разделила. И все же она была не такой уж и страшной, потому что между Роландом и остальными всегда была пропасть. Всегда.

Глаз Корта опять приоткрылся.

— Ключ, — обратился к нему стрелок. — Я хочу забрать то, что принадлежит мне по праву рождения, учитель. Мне нужен ключ.

Он имел в виду револьверы, которые принадлежали ему по праву крови. Не те отцовские, тяжелые, с рукоятками из сандалового дерева... но все-таки револьверы. Запрещенные для всех, кроме немногих избранных. В каменном подвале под казармой, где, согласно древним законам, он теперь должен был поселиться (вдали от материнского дома), висело его ученическое оружие, тяжелые громоздкие изделия из стали и никеля. Они служили еще отцу во время его ученичества. А теперь отец стал правителем, по крайней мере — номинально.

— Так вот в чем причина? — прошептал Корт как во сне. — Тебе так не терпелось? Да, этого я и боялся. Нетерпение толкает на глупости. И все-таки ты победил.

— Ключ.

— Сокол... хороший тактический ход. Хороший выбор оружия. И долго ты его натаскивал, этого гада?

— Я не натаскивал Давида. Я с ним подружился. Ключ.

— У меня под поясом, стрелок.

Глаз снова закрылся.

Стрелок запустил руку под пояс Корта, ощущая давление его живота, накачанных мышц, которые теперь стали вялыми и безжизненными. Ключ висел на медном кольце. Роланд сжал его в кулаке, сопротивляясь мальчишескому порыву подбросить ключ в воздух в победном салюте.

Он поднялся на ноги и наконец повернулся к ребятам, но тут Корт вдруг дотронулся до его лодыжки. Стрелок на мгновение напрягся, опасаясь, что это — последняя, отчаянная попытка поверженного учителя победить в этой битве, но Корт лишь поглядел на него снизу вверх и поманил его заскорузлым пальцем.

— Сейчас я усну, — прошептал Корт, очень спокойно. — Может быть, навсегда, я не знаю. Я больше тебе не учитель, стрелок. Ты превзошел меня, а ведь ты на два года моложе, чем был твой отец, когда проходил испытание, а он был тогда самым юным из всех. Но позволь дать тебе один совет.

— Что еще? — Раздраженно, нетерпеливо.

— Ты лицо сделай попроще, сопляк.

Роланд растерялся и сделал, как ему велели (хотя и безотчетно; на самом деле он даже не понял, что у него было что-то не так с лицом).

Корт кивнул и прошептал одно слово:

— Подожди.

— Что?

Корту было трудно говорить, и из-за этих усилий, с которыми он выдавливал из себя каждое слово, его слова приобрели особую значимость и выразительность:

— Пусть молва и легенда опережают тебя. Здесь есть кому разнести молву. — Взгляд Корта метнулся поверх плеча стрелка. — Быть может, они все глупцы. Но пусть молва опережает тебя. Пусть на лице твоей тени отрастет борода. Пусть она станет темнее и гуще. — Он натянуто улыбнулся. — Дай только время, и молва околдует и самого колдуна. Ты понимаешь, о чем я, стрелок?

— Да. По-моему, да.

— И примешь мой последний совет как учителя?

Стрелок качнулся на каблуках — поза устойчивая и задумчивая, предвосхищавшая превращение мальчика в мужчину. Он поглядел на небо. Небо уже темнело, наливаясь пурпурным свечением заката. Дневная жара начала спадать, а мрачные грозовые тучи на горизонте предвещали дождь. За многие мили отсюда вилы слепящих разрядов вонзались в бока безмятежных предгорий, над которыми поднимались горы. А за горами — фонтаны безрассудства и крови, бьющие в небеса. Он устал. Усталость проникла до мозга костей. И еще глубже.

Он опустил взгляд на Корта.

— Сейчас я хочу похоронить своего сокола, учитель. А попозже схожу в Нижний Город и скажу там, в борделях, если кто будет спрашивать, где ты и что с тобой. Может быть, даже утешу кого-нибудь из твоих подружек, если они очень расстроятся, что ты не придешь.

Губы Корта раскрылись в болезненной усмешке, а потом он уснул

Стрелок поднялся и обернулся ко всем остальным.

— Соорудите носилки и отнесите его домой. Приведите ему сиделку. Нет, двух сиделок. Хорошо?

Друзья продолжали таращиться на него, захваченные суровой торжественностью момента, который еще невозможно было переломить возвращением к грубой реальности. Им все представлялось, что вот сейчас над головой у Роланда воспылает огненный нимб или, быть может, он обернется каким-нибудь зверем прямо у них на глазах.

— Двух сиделок, — повторил стрелок и улыбнулся. Они тоже улыбнулись в ответ. Робко и нервно.

— Ах ты, чертов погонщик мулов! — вдруг выкрикнул Катберт, расплывшись в улыбке. — Ты же нам ничего не оставил, сам ободрал все мясо с кости!

— До завтра мир не изменится, — проговорил, улыбаясь, стрелок, вспомнив старую поговорку. — Алан, ты жопа с гренкой. Чего стоишь? Двигай задницей.

Алан взялся за сооружение носилок; Томас с Джейми умчались прочь: сперва — в Большой Зал, а потом — в лазарет.

Стрелок и Катберт остались стоять на месте, глядя друг на друга. Они всегда были близки — настолько, насколько вообще позволяли сблизиться острые грани их очень несхожих характеров. В горящих решимостью глазах Катберта открыто читались все его помыслы, и стрелок едва удержался, чтобы не посоветовать другу отложить испытание еще на год, а то и на все полтора, если он не хочет уйти с позором через западный вход. Но они многое пережили вместе, и стрелок понимал, что, как бы он ни старался этого избежать, его слова будут восприняты как проявление высокомерия и покровительственного отношения. «Вот, я уже начинаю просчитывать свои действия, даже с друзьями», — подумал он, и ему стало немного не по себе. А потом он подумал о Мартене, о своей матери и улыбнулся другу. Улыбкой обманщика.

«Мне надо быть первым, — сказал он себе, в первый раз сформулировав для себя эту мысль, хотя он и прежде задумывался об этом. — Я уже первый».

— Пойдем, — сказал он.

— Как скажешь, стрелок.

Они вышли из зеленого коридора через восточный вход; Томас и Джейми уже вернулись из лазарета и привели сиделок, которые были похожи на призраков в своих легких летних белых балахонах с красным крестом на груди.

— Можно, я помогу тебе похоронить сокола? — спросил Катберт.

— Да, конечно, — сказал стрелок. — Я сам хотел попросить тебя мне помочь.

А позже, когда на земле воцарилась ночь и разразилась гроза, когда дождь хлынул гремящим потоком с небес, когда в вышине, точно черные призраки, клубились тучи и молнии вспышками голубого огня омывали извилистые лабиринты узких улочек Нижнего Города, когда кони стояли в стойлах, свесив головы и опустив хвосты, стрелок взял себе женщину и возлег с ней, как пристало мужчине.

Это было приятно и быстро. Когда все закончилось и они молча лежали бок о бок, на улице пошел град, выбивая по крышам свою короткую жесткую дробь. Где-то внизу, далеко-далеко, кто-то наигрывал регтайм «Эй, Джуд». Стрелок погрузился в раздумья. И только тогда, в этом молчании, прерываемом лишь дробью града, уже на грани сна, ему вдруг подумалось: а ведь вполне может так получиться, что он — первый — окажется и последним

IX

Стрелок, разумеется, рассказал мальчику далеко не все, но, возможно, многое из того, о чем он умолчал, все равно, так или иначе, проявилось в его рассказе. Он давно уже понял, что этот парнишка на удивление проницателен для своих лет, и в этом он очень похож на Алана, обладавшего даром соприкосновения, состоявшего наполовину из умения сопереживать, наполовину — из умения читать мысли.

— Спишь? — спросил стрелок.

— Нет.

— Ты понял, о чем я тебе говорил?

— А вы думаете, я такой непонятливый, или что? — спросил мальчик с издевкой. — Вы что, смеетесь?

— Ни в коем случае.

Но стрелок уже внутренне приготовился защищаться. Он еще никому не рассказывал о том, как он стал мужчиной, потому что всегда, когда он вспоминал об этом, его раздирали самые противоречивые чувства. Конечно, сокол был честным оружием и во всех отношениях безупречным, но это был и обманный ход тоже. Хитрость. И предательство. Первое из долгого ряда: *Я что, действительно собираюсь отдать этого мальчика человеку в черном?*

— Я понял, — сказал мальчик. — Это была игра, да? Почему люди, когда взрослеют, всегда продолжают играть? Почему все, за что ни возьмись, это лишь повод для новой игры? А люди вообще взрослеют? Или просто вырастают?

— Ты еще очень многого не знаешь, — сказал стрелок, пытаясь сдержать медленно закипающий гнев. — Ты еще маленький.

— Да. Но я знаю, кто я для вас.

— Да? И кто же? — Стрелок весь напрягся.

— Фишка в игре.

Стрелку вдруг захотелось взять камень потяжелее и размозжить парню голову, но вместо этого он сказал очень спокойно:

— Давай спать. Мальчикам нужно как следует высыпаться.

А в голове у него пронеслось эхо давнишних слов Мартена: *Ступай и займи свою руку делом.*

Стрелок еще долго сидел в темноте, оцепенев от объявшего его ужаса. Он никогда ничего не боялся и только теперь испугался (первый раз в жизни), что начнет сам себя ненавидеть. И скорее всего так и будет.

X

Во время следующего периода бодрствования, когда железная дорога сделала резкий крюк и почти вплотную приблизилась к подземной реке, они наткнулись на недоумков-мутантов.

Увидев первого, Джейк закричал.

Стрелок смотрел прямо перед собой, качая рычаг. Когда мальчик вскрикнул, он резко повернул голову вправо и разглядел далеко внизу какой-то шар, светящийся тусклым и гнилостным зеленоватым светом. Только теперь он почувствовал запах: слабый, неприятный, сырой.

Эта зеленая масса была лицом — если такое вообще можно назвать лицом. Над приплюснутым носом мерцали выпученные, ничего не выражающие глаза, какие бывают только у насекомых. Стрелок ощутил приступ глубинного, атавистического отвращения. Он сбился с ритма, и дрезина немного замедлила ход.

Светящееся лицо исчезло.

— Что это было? — спросил мальчик, придвигаясь поближе к стрелку. — Что...

Слова застряли тугим комком в горле: они со стрелком проскочили мимо еще троих слабо светящихся в темноте существ, что стояли между путями и невидимой рекой и тупо таращились на путешественников.

— Недоумки-мутанты, — сказал стрелок. — Они вряд ли нас потревожат. Скорее всего они нас испугались не меньше, чем мы — их...

Одно из существ сдвинулось с места и пошло прямо на них, неуклюже волоча ноги. У него было лицо изголодавше-

гося идиота. Истощенное голое тело превратилось в бугристую массу щупальцеобразных отростков с присосками на концах.

Мальчик опять закричал и прижался к ноге стрелка, точно испуганный пес.

Одно из щупалец протянулось над плоской платформой дрезины. От него пахло сыростью и темнотой. Стрелок отпустил рычаг, выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в недоумка — прямо в лоб. Тот отлетел прочь. Его свечение — мутно-зеленое, как огонек на болоте, — угасло, словно луна при затмении. Стрелок и мальчик невольно зажмурились. Вспышка от выстрела еще долго переливалась горящими искрами на отвыкшей от света сетчатке. Запах сгоревшего пороха был резким, пронзительным и чужим в этом каменном склепе.

Появились еще мутанты. Их было много. Никто пока не нападал в открытую, но они подходили все ближе и ближе к рельсам — молчаливое, мерзкое сборище любопытных зевак.

— Тебе, если что, надо будет меня заменить и покачать рычаг, — сказал стрелок. — Сможешь?

— Да.

— Тогда приготовься.

Мальчик встал рядом с ним, стараясь держаться как можно устойчивее. Он не смотрел по сторонам, чтобы ненароком не разглядеть больше, чем нужно. Его взгляд только мельком выхватывал из темноты слабо светящиеся фигуры мутантов. Мальчику было страшно, но он хорошо держался: как будто само ядро его существа, таившее в себе память бесчисленных поколений, каким-то образом просочилось сквозь поры кожи и образовало невидимый щит. Хотя если у мальчика есть способности к соприкосновению, подумал стрелок, то вполне может быть, что такой щит действительно есть.

Стрелок равномерно качал рычаг, но не увеличивал скорость. Он знал, что недоумки-мутанты могут почуять запах их страха. И все же он был уверен, что из-за одного только их страха мутанты не нападут. В конце концов они с мальчиком были из мира света. И они были нормальными, «добрыми». «Как же они должны нас ненавидеть! — подумал стрелок и вдруг задался вопросом: — А человек в черном? Они и его ненавидели? Нет. Наверное, все-таки нет. Или, может быть, он прошел мимо них незамеченным, как тень от черного крыла в черноте».

Мальчик сдавленно вскрикнул. Стрелок повернул голову. Четверо мутантов, спотыкаясь на каждом шагу, следовали за дрезиной. Один из них уже тянул руки, чтобы ухватиться за край платформы.

Стрелок отпустил рычаг и выстрелил из револьвера — все так же небрежно, почти лениво. Пуля попала в голову ближайшего к ним мутанта. Тот издал шумный всхлип, больше по-

хожий на вздох, и вдруг заулыбался. Его руки были вялыми и безжизненными, точно дохлая рыба; пальцы слиплись друг с другом, как пальцы перчатки, провалявшейся долгое время в подсыхающей грязи. Одна из этих мертвенных лап схватила мальчика за ногу и потянула.

Мальчик закричал в полный голос — в глухой тишине этой гранитной утробы.

Стрелок выстрелил еще раз — мутанту в грудь. Тот принялся пускать слюни сквозь бесцветные губы, растянутые в идиотской ухмылке. Джейк уже начал сползать с платформы. Стрелок схватил его за руку и сам едва не упал: тварь оказалась на удивление сильной. Стрелок всадил еще одну пулю мутанту в голову. Один глаз погас, как свеча, и все же мутант продолжал тянуть. Они молча боролись за извивающееся, корчащееся тело Джейка. Каждый тянул на себя, как детишки, когда они, загадав желание, ломают куриную косточку-дужку. Желание мутанта было вполне очевидным — хорошо пообедать.

Дрезина постепенно замедляла ход. Остальные мутанты уже приближались: увечный, хромой и слепой. Может быть, они просто искали Иисуса, который бы их исцелил и вывел из тьмы на свет, как воскресшего Лазаря.

«Вот и все. Парню конец», — подумал стрелок, с поразившим его самого спокойствием. К этому все и шло. Бросай мальчишку и жми на рычаг или борись за него до конца и погибай вместе с ним. В любом случае парню конец.

Он изо всех сил рванул мальчика за руку и разрядил револьвер мутанту в живот. На какой-то ужасный, застывший во времени миг тот еще сильнее вцепился в Джейка, и парнишка опять начал сползать с платформы. А потом дряблая, студенистая лапа разжалась, и мутант, по-прежнему ухмыляясь, повалился ничком между рельсами — позади замедляющей ход дрезины.

— Я думал, вы меня бросите. — Паренек разрыдался. — Я думал... Мне показалось...

— Держись за мой пояс, — коротко бросил стрелок. — Крепко-крепко держись.

Рука парнишки вцепилась ему в ремень; мальчик судорожно ловил ртом воздух, словно задыхаясь.

Стрелок снова взялся за рычаг и принялся качать; дрезина потихоньку набирала скорость. Недоумки-мутанты отступили на шаг и наблюдали теперь, как они уезжают. Их нечеловеческие лица (назвать их человеческими можно было с большой натяжкой, разве что только из жалости) излучали слабое фосфоресцирующее свечение — так светятся странные глубоководные рыбы, живущие под гнетом черной толщи морской воды. Эти лица не

выражали ни злости, ни ненависти. Никаких чувств не теплилось в бессмысленно вытаращенных глазах, разве что было там что-то похожее на полубессознательное идиотическое сожаление.

— Они уже выдохлись, — сказал стрелок, и напряженные мышцы внизу живота немного расслабились. — Они...

Недоумки-мутанты набросали камней на рельсы, перекрыв путь. Правда, работали явно наспех: раскидать этот завал — минутное дело. Но им все равно пришлось остановиться. И кто-то должен был спуститься с платформы и убрать камни с рельсов. Мальчик глухо застонал и еще теснее прижался к стрелку. Стрелок отпустил рычаг. Дрезина бесшумно подкатилась к завалу и, вздрогнув, остановилась.

Недоумки-мутанты опять приближались: как будто случайно, словно так уж оно получилось, что они проходили мимо, заблудившись в нескончаемом сне во мраке, и вот набрели на кого-то, у кого можно будет спросить дорогу. Сборище проклятых на перепутье под толщей древних скал.

— Они нас схватят? — спокойно спросил мальчуган.

— Нет. Помолчи пока, ладно?

Стрелок оглядел груду камней. Мутанты — хилые, изголодавшиеся существа — не смогли притащить на пути по-настоящему крупные камни. Так, мелкие камешки, чтобы только остановить дрезину и заставить кого-то из них спуститься...

— Спускайся, — распорядился стрелок. — Придется тебе потрудиться. А я тебя прикрою.

— Нет, — прошептал мальчик. — Пожалуйста.

— Я не могу дать тебе револьвер и не могу таскать камни и одновременно стрелять. Так что выбора у нас нет.

Джейк вдруг начал дико вращать глазами, потом содрогнулся всем телом, наверное, в такт своим заметавшимся в ужасе мыслям, но уже в следующую секунду он медленно сполз с платформы и принялся расшвыривать камни по сторонам, стараясь не смотреть на мутантов.

Стрелок ждал с револьверами наготове.

Двое мутантов, пошатываясь на ходу, двинулись к мальчику, вытянув вялые руки, как будто слепленные из теста. Револьверы знали что делать: красно-белые вспышки пронзили тьму, впившись иглами боли стрелку в глаза. Мальчик закричал, но работу не прекратил. Перед глазами стрелка заплясали призрачные блики. Он вообще ни черта не видел, и это было хуже всего. Все превратилось в дрожащие тени и расплывчатые пятна.

Один из мутантов, который почти совсем и не светился, внезапно протянул к парнишке свои кошмарные лапы.

Влажные глаза мутанта, занимавшие добрую половину его лица, закатились.

Джейк опять закричал и развернулся, готовясь к драке.

Стрелок разрядил револьверы, не разрешая себе даже задуматься, что он делает, — иначе сбитое вспышками зрение могло бы его подвести, отдавшись предательской дрожью в руках: головы мутанта и мальчика были всего в нескольких дюймах друг от друга. Упал мутант.

Джейк расшвыривал камни, точно в исступлении. Мутанты толпились чуть поодаль, пока еще по ту сторону невидимой крайней черты, за которой останется только рвануться в атаку. Но они малопомалу приближались. И оказались теперь совсем близко. Подходили другие. Их число увеличивалось непрестанно.

— Ладно, — сказал стрелок. — Давай забирайся. Быстрее.

Как только мальчик сдвинулся с места, мутанты бросились к ним. Джейк перемахнул через борт, шлепнулся на платформу и тут же поднялся на ноги; стрелок уже подналег на рычаг — изо всех сил. Револьверы снова лежали в кобурах. Сейчас уже не до стрельбы: надо уносить ноги.

Мерзкие лапы шлепали по металлической платформе. Теперь мальчик держался за пояс стрелка обеими руками, вжавшись лицом ему в поясницу.

Мутанты выбежали на рельсы, их лица были исполнены все того же безумного, отрешенного предвкушения. Стрелок буквально физически ощутил мощный выброс адреналина в кровь. Он качал рукоятку с удвоенной силой — дрезина мчалась по рельсам сквозь тьму. Они врезались в жалкую кучку из четырех или пяти неуклюжих мутантов. Те разлетелись в стороны, точно гнилые бананы, сбитые со ствола.

Все дальше и дальше вперед. В беззвучной, зловещей, стремительной тьме.

Спустя, наверное, целую вечность мальчик все-таки оторвался от спины стрелка и поднял лицо навстречу воздушной струе: ему было страшно, но он все равно хотел знать. Призрачные отблески вспышек от выстрелов все еще плясали у него перед глазами. Он ничего не увидел, кроме кромешной тьмы, и ничего не услышал, кроме рева воды в реке.

— Они отстали, — сказал парнишка и вдруг испугался, что путь сейчас оборвется во тьме и они слетят с рельсов под гибельный грохот дрезины, превращающейся в искореженные обломки. Когда-то он ездил в автомобилях; однажды его отец гнал машину под девяносто миль в час на магистрали Нью-Джерси, и его остановили за превышение скорости. (Полицейский, кстати, не взял

двадцатку, которую папа отдал ему вместе с правами, и выписал ему квитанцию на штраф.) Но он в жизни не ездил вот так: вслепую, когда ветер хлещет и ты боишься всего — и того, что сзади, и того, что спереди, — когда шум реки разносится, словно недобрый смех. Смех человека в черном. Руки стрелка были как поршни обезумевшего человека-автомата.

— Они отстали, — неуверенно повторил мальчик. Ветер вырвал слова у него изо рта. — Теперь можно ехать потише. Мы от них оторвались.

Но стрелок его не услышал. Они мчались вперед — в неизвестность и темноту.

XI

Они ехали без происшествий три «дня» подряд.

XII

А во время четвертого периода бодрствования (на середине? на трех четвертях? они даже не знали — просто они еще не устали настолько, чтобы останавливаться на отдых) что-то резко ударило снизу в днище платформы, дрезина покачнулась, и тела путешественников накренились вправо, когда рельсы круто свернули влево.

Впереди забрезжил свет — тусклое сияние, настолько нездешнее и чужеродное, что казалось, его излучает некая неведомая стихия: не земля и не воздух, не вода и не огонь. Он был бесцветным, этот нездешний свет, и распознать его можно было лишь по тому, что их лица и руки стали теперь различимы не только на ощупь. Их глаза сделались такими чувствительными к свету, что они разглядели это слабенькое сияние более чем за пять миль до того, как приблизились к его источнику.

— Там выход, — хрипло выдавил мальчик. — Там выход.

— Нет. — Стрелок произнес это со странной уверенностью. — Еще нет.

И действительно — нет. Они выехали на свет, но то был не свет солнца.

Приблизившись к источнику свечения, они увидели, что каменная стена слева от путей исчезла, а рядом с их рельсами тянутся и другие, сплетаясь в замысловатую паутину. Свет

превращал их в горящие векторы, уходящие в никуда. На некоторых путях стояли черные товарные вагонетки и пассажирские кареты, приспособленные для езды по рельсам. Стрелку стало не по себе. Эти брошенные кареты были как мертвые призрачные галеоны, поглощенные подземным Саргассовым морем.

Свет сделался ярче. Первое время он болезненно резал глаза, но постепенно глаза привыкали к свету. Они выбирались из темноты на свет, как ныряльщики, медленно поднимающиеся из морских глубин.

Впереди протянулся огромный ангар, уходящий во тьму. Эту черную громаду прорезали желтые квадраты света: примерно две дюжины въездных ворот. Казавшиеся поначалу размером с окошки в кукольном домике, они выросли до двадцати футов в высоту, когда дрезина приблизилась к ним вплотную. Стрелок с мальчиком въехали внутрь через ворота, расположенные ближе к центру. Над ними были начертаны какие-то незнакомые буквы. Стрелку показалось, что это одна и та же надпись, но только на разных языках. К его несказанному изумлению, ему удалось разобрать последнюю фразу. Надпись на праязыке Высокого Слога гласила:

ПУТЬ 10. НАРУЖУ.
ПЕРЕХОД НА ЗАПАДНУЮ ЛИНИЮ

Внутри свет был ярче. Рельсы сходились, сливались друг с другом посредством сложной системы стрелок. Здесь даже работали некоторые сигнальные фонари, перемигиваясь извечными огоньками: красными, зелеными и янтарными.

Они прокатились между двумя каменными возвышениями типа пирсов, бока которых давно почернели от прохождения сотен и сотен рельсовых экипажей, и оказались в громадном зале наподобие вокзала. Стрелок прекратил качать рычаг. Дрезина медленно остановилась, и они огляделись по сторонам.

— Похоже на нашу подземку, — сказал парнишка.

— На что похоже?

— Да нет, это я так. Вы все равно не поймете. Я сам уже не понимаю, о чем говорю.

Мальчик взобрался на бетонную платформу. Они со стрелком оглядели брошенные киоски, где когда-то продавались газеты и книжки, обветшавшую обувную лавку, оружейный магазинчик (стрелок, испытавший внезапный прилив возбуждения, пожирал глазами винтовки и револьверы, выставленные в витрине, но, присмотревшись получше, он с разочарованием обнаружил, что их стволы залиты свинцом. Он, однако, взял лук и колчан с практически никуда не годными, плохо сбалансированны-

ми стрелами). Был здесь и магазин женского платья. Где-то работал кондиционер, безостановочно перегоняя воздух уже не одну тысячу лет, — и, видимо, время его подходило к концу. Внутри у него уже дребезжало, напоминая о том, что мечта человека о вечном двигателе, даже при поддержании самых благоприятных условий, все равно остается мечтой идиота. В воздухе чувствовался какой-то металлический привкус. Шаги отдавались в пространстве глухим, блеклым эхом.

— Эй! — выкрикнул мальчик. — Эй...

Стрелок обернулся и подошел к нему. Мальчик стоял перед книжной лавкой и смотрел сквозь стекло как завороженный. Внутри, в самом дальнем углу, сидела мумия. На ней была синяя форма с золотым кантом — судя по виду, форма кондуктора или проводника. На коленях у мумии лежала древняя, но на удивление хорошо сохранившаяся газета, которая, однако, рассыпалась в пыль, когда стрелок к ней прикоснулся. Лицо мумии напоминало старое сморщенное яблоко. Стрелок осторожно коснулся иссохшей щеки. Взвилось легкое облачко пыли, и в щеке образовалась дыра, через которую можно было заглянуть мумии в рот. Во рту блеснул золотой зуб.

— Газ, — пробормотал стрелок. — Раньше умели производить газ, который так действовал. То есть так говорил Ванни.

— Учитель, который учил вас по книгам.

— Да. Он.

— Они воевали, — мрачно проговорил мальчик. — И убивали друг друга этим самым газом.

— Да. Похоже, ты прав.

Были здесь и другие мумии. Не то чтобы много, но были. Всего около дюжины. Все, кроме двух или трех, были одеты в синюю форму с золотой отделкой. Стрелок решил, что газ пустили, когда на станции не было карет с пассажирами. Возможно, в незапамятные времена эта станция приняла на себя удар какой-нибудь армии, давно канувшей в вечность — как и причина самой войны.

Эти мысли его угнетали.

— Давай-ка лучше пойдем отсюда. — Стрелок направился обратно к десятому пути, где стояла их дрезина. Но на этот раз мальчик его не послушался и остался стоять на месте.

— Я никуда не пойду.

Стрелок в изумлении обернулся.

Лицо у мальчика перекосилось. Его губы дрожали.

— Вы все равно не получите то, что вам нужно, пока я жив. Так что я лучше останусь тут. И сам попробую выбраться.

Стрелок уклончиво кивнул, ненавидя себя за то, что он сейчас сделает — что собирается сделать.

— Ладно, Джейк, — сказал он очень тихо. — Долгих дней и приятных ночей.

Он отвернулся, подошел к краю платформы и легко спрыгнул вниз, на дрезину.

— Вы заключили какую-то сделку! — крикнул мальчик ему вслед. — С кем-то вы договорились! Я знаю!

Стрелок молча снял с плеча лук и осторожно уложил его за Т-образный выступ в полу дрезины, чтобы случайно не повредить его рычагом.

Мальчик сжал кулаки, его лицо превратилось в маску боли.

«Да, маленького обмануть легко, — угрюмо подумал стрелок. — Сколько раз его замечательная интуиция — дар соприкосновения — подсказывала ему эту мысль, но ты все время сбивал его с толку. А ведь, кроме тебя, у него нет никого, то есть вообще никого».

Внезапно его поразила простая мысль, больше похожая на озарение: всего-то и нужно, что бросить все это к чертовой матери, отступиться, повернуть назад, взять с собою парнишку и сделать его средоточием новой силы. Нельзя прийти к Башне таким унизительным, недостойным путем. Пусть мальчик вырастет, станет мужчиной, и тогда можно будет возобновить этот поход — потому что они вдвоем сумели бы отшвырнуть человека в черном со своего пути, как дешевенькую заводную игрушку.

«Ну да, разбежался», — цинично подумал стрелок.

Потому что он понял, осознал с неожиданным хладнокровием, что сейчас повернуть назад означает погибнуть — обоим. Или еще того хуже: быть погребенными заживо под толщей гор, в компании недоумков-мутантов. Медленное угасание, умственное и физическое. И может быть, револьверы его отца надолго переживут их обоих и превратятся в тотемы, хранимые в загнивающем великолепии, как та бензоколонка.

«Прояви мужество», — лицемерно сказал он себе.

Стрелок взялся за рычаг и принялся качать. Дрезина двинулась прочь от каменной платформы.

Мальчик закричал: *«Подождите!»* — и бросился наперерез дрезине, к тому месту, где она снова должна была въехать во тьму тоннеля. Стрелок едва не поддался внезапному искушению прибавить скорость и бросить мальчика здесь — в одиночестве, но хотя бы в спасительной неизвестности.

Но вместо этого он подхватил мальчика на лету, когда тот спрыгнул с платформы на движущуюся дрезину. Джейк прижался к нему. Сердце парнишки под тонкой рубашкой бешено колотилось.

Выход был уже близко.

Конец был близко.

XIII

Рев реки стал теперь очень громким, заполнив своим мощным грохотом даже их сны. Стрелок, скорее из прихоти, нежели из каких-то иных соображений, время от времени передавал рычаг мальчику, а сам посылал в темноту стрелы, предварительно привязав к каждой по прочной нити.

Лук оказался совсем никудышным. Хотя с виду он сохранился совсем неплохо, тетива не тянулась совсем, и прицел был сбит. Стрелок сразу понял, что тут уже ничего не исправишь. Даже если перетянуть тетиву, как подновить трухлявую древесину? Стрелы улетали недалеко, но последняя вернулась назад мокрой и скользкой. Когда мальчик спросил, сколько там до воды, стрелок только пожал плечами, но про себя он отметил, что если придется стрелять из лука по-настоящему, то реально можно рассчитывать ярдов на шестьдесят — да и то если очень повезет.

А рев реки становился все громче, все ближе.

Во время третьего периода бодрствования, после того как они миновали станцию, впереди опять показался призрачный свет. Они въехали в длинный тоннель, прорезающий толщу камня, отливавшего жутковатым свечением. Влажные стены тоннеля поблескивали тысячей крошечных переливчатых звездочек. Мальчик назвал их из-купаемыми. Все вокруг приобрело налет какой-то тревожной ирреальности, как это бывает в комнате ужасов в парке аттракционов.

Свирепый рев подземной реки летел им навстречу по гулкому каменному тоннелю, который служил как бы естественным усилителем. Но вот что странно: звук оставался всегда неизменным, даже тогда, когда они стали приближаться к точке пересечения, которая, как был уверен стрелок, должна находиться впереди по ходу — судя по тому, что стены тоннеля начали расступаться. Угол подъема сделался круче.

Рельсы, залитые призрачным светом, уходили прямо вперед. Стрелку эти скопления из-купаемых напоминали трубки с болотным газом, которые иногда продавали в качестве украшений на ярмарке в честь Большой Жатвы; мальчику — неоновые лампы, протянувшиеся в бесконечность. Но в этом мерцающем свете они оба разглядели, что стены тесного тоннеля действительно расступаются и обрываются впереди двумя зазубренными длинными выступами над провалом тьмы — пропастью над рекой.

Пути продолжались и над неведомой бездной — по мосту возрастом в вечность. А на той стороне, в невообразимой дали, маячила крошечная точка света: не призрачное мерцание

камней, не отраженное свечение, а настоящий, живой свет солнца — точечка, крошечная, как прокол от булавки в плотной черной материи, и все же исполненная пугающего смысла.

— Остановитесь, — попросил мальчик. — Пожалуйста, остановитесь. На минуточку.

Стрелок безо всяких вопросов отпустил рычаг. Дрезина остановилась. Шум реки превратился в непрестанный рокочущий рев. Неестественное свечение, исходящее от влажных камней, стало вдруг отвратительным и ненавистным. Только теперь, в первый раз, стрелок почувствовал прикосновение омерзительной лапы клаустрофобии и настоятельное, неодолимое побуждение выбраться отсюда, вырваться из этой гранитной могилы.

— Нам придется проехать здесь, — сказал мальчик. — Он этого хочет? Чтобы мы поехали на дрезине над этой... над этим... и упали туда?

Стрелок знал, что ответ будет — нет, но сказал так:

— Я не знаю, чего он хочет.

Они спустились с платформы и осторожно подошли к краю провала. Камень под ногами продолжал подниматься, пока внезапно не оборвался крутой отвесной стеной, уходящей в пропасть. А рельсы бежали дальше — над чернотой.

Стрелок опустился на колени и глянул вниз. Он разглядел замысловатое, почти неправдоподобное сплетение стальных распорок и балок, теряющихся в темноте, в водах ревущей реки. Эти балки служили опорой грациозно изогнутой арки моста, проходящего над пустотой.

Он представил себе, что могут сделать со сталью вода и время в своем убийственном союзе. Сколько осталось действительно прочных опор? Мало? Всего ничего? Считанные единицы или, может, вообще ни одной? Перед его мысленным взором вдруг возникло лицо той мумии, и ему вспомнилось, как плоть, казавшаяся с виду прочной, рассыпалась в пыль, едва он прикоснулся к ней пальцем.

— Пойдем пешком, — сказал он, внутренне приготовившись к тому, что мальчик опять заупрямится, но тот первым ступил на пути и уверенно зашагал по стальным плитам моста, поверх которых были положены рельсы. Стрелок двинулся следом, стараясь держаться поближе к парнишке, чтобы успеть подхватить его, если Джейк вдруг оступится.

Стрелок чувствовал, как его кожа покрывается липкой испариной. Эстакада давно прогнила. Настил моста бренчал у него под ногами, легонько покачивался на невидимых тросах, сотрясаемый бурным потоком, что гремел внизу. «Мы — акробаты, — подумал он. — Смотри, мама, тут нету сетки. Смотри, я лечу».

Один раз он даже встал на колени и внимательно осмотрел шпалы, по которым они шагали. Шпалы прогнили, а рельсы были изъедены ржавчиной (и по вполне очевидной причине: теперь стрелок чувствовал на лице токи свежего воздуха, который, как известно, друг всякой порчи. Значит, поверхность уже совсем близко). Стрелок ударил по ним кулаком, и проржавелый металл затрясся. В какой-то момент у него под ногами раздался предостерегающий скрежет. Ощущение было такое, что стальное покрытие вот-вот проломится. Но стрелок уже миновал опасное место.

Мальчик, само собой, весил на добрую сотню фунтов меньше стрелка, и для него переход должен быть относительно безопасным — если дальше не будет хуже.

Брошенная дрезина уже растаяла во мраке. Каменный пирс — тот, что слева — протянулся еще футов на двадцать вдоль рельсов: дальше, чем правый. Но и он тоже быстро закончился, и теперь они шли над пропастью безо всяких боковых ограждений.

Сперва им казалось, что крошечная точка дневного света на той стороне нисколько не приближается, а остается все такой же дразняще далекой (если вообще не отступает прочь с той же скоростью, с какой они продвигаются к ней — это было бы настоящее волшебство), но постепенно стрелок осознал, что пятно света становится шире и ярче. Пока оно еще было вверху, но рельсы неуклонно шли на подъем.

А потом вдруг мальчик вскрикнул и отпрянул в сторону, взмахнув руками. Какой-то миг он балансировал на самом краю, но этот миг показался стрелку невообразимо долгим, а потом снова шагнул вперед.

— Она едва подо мной не обвалилась, — сказал он тихо и совершенно безучастно. — Там дырка. Вы переступите, если не хотите грохнуться вниз. Саймон говорит: сделать гигантский шаг.

Стрелок знал эту игру, только у них она называлась «Матушка говорит». В детстве они часто в нее играли: он, Катберт, Джейми и Алан. Но он не стал ничего говорить, а просто переступил через опасное место.

— Возвращайтесь назад, — сказал Джейк без улыбки. — Вы забыли сказать: «А можно мне?»

— Прошу прощения, я не подумал.

Шпала, на которой оступился мальчик, почти полностью отлетела и раскачивалась теперь над пропастью на проржавелой заклепке.

Вверх. По-прежнему — вверх. Эта дорога была как кошмарный сон: она казалась намного длиннее, чем была на самом деле. Даже воздух как будто сгустился и стал как патока; у стрелка было странное ощущение, словно он не идет, а плывет. Снова и

снова его преследовала безумная, навязчивая мысль о жуткой пустоте между прогнившим мостом и рекой внизу. Ему представлялись яркие живые картины, как это будет: скрежет металла, уходящего из-под ног, тело клонится в сторону, руки пытаются ухватиться за несуществующие перила, подошвы со скрипом скользят на предательской проржавелой стали, а потом он срывается вниз и летит, переворачиваясь на лету. Теплая струя заливает пах — это подвел мочевой пузырь. Ветер хлещет в лицо, треплет волосы, оттягивает веки, так что даже глаза не закроешь. Он мчится навстречу темной воде... быстрее, еще быстрее... опережая свой собственный крик...

Металл под ногами заскрежетал, но стрелок решительно шагнул вперед, он не ускорил шага и старался не думать о пропасти внизу, о том, сколько они уже прошли и сколько еще осталось пройти. Он старался не думать о том, что парнишкой придется пожертвовать и что теперь наконец цена его чести почти что определена. Договоренность почти достигнута, и скорее бы уж все разрешилось!

— Тут не хватает трех шпал, — спокойно сообщил мальчик. — Я буду прыгать. Давай, Джеронимо! Вперед!

В солнечном свете, пробивавшемся с той стороны, стрелок увидел его силуэт, на мгновение словно зависший в воздухе в неуклюжей, распластанной позе, с раскинутыми в стороны руками. Как будто мальчик готовился полететь, если он вдруг не сможет допрыгнуть. Он приземлился, и вся конструкция покачнулась. Металл протестующе заскрежетал, и что-то упало далеко-далеко внизу: сперва раздался грохот, а потом — всплеск.

— Ну что, перепрыгнул? — спросил стрелок.

— Да, — сказал мальчик. — Но тут все насквозь прогнило. Как мысли некоторых людей. Меня еще, может быть, выдержит, но вас — уже вряд ли. Возвращайтесь. Возвращайтесь назад и оставьте меня.

Голос мальчика был холодным, и все же в нем слышались истеричные нотки. Они колотились, как бешеный пульс; точно так же билось сердце парнишки, когда он спрыгнул на дрезину с платформы, и стрелок подхватил его на лету.

Стрелок легко перешагнул через пролом. Просто сделал шаг пошире, и все. Гигантский шаг. *Матушка, можно мне? Да-да, можно.*

Мальчика била дрожь.

— Возвращайтесь. Я не хочу, чтобы вы меня убили.

— Ради любви Человека Иисуса, не стой, — рявкнул стрелок. — Иди. Эта штука точно обвалится, если мы будем стоять тут и препираться.

Теперь мальчик шел, пошатываясь, как пьяный, выставив перед собой дрожащие руки и растопырив пальцы.

Они поднимались.

Да, здесь все проржавело еще сильнее. Проломы шириной в одну, две, а то и три шпалы попадались все чаще, и стрелок начал уже опасаться, что в конце концов там будет такой широкий провал, что им придется либо повернуть назад, либо идти по самим рельсам, балансируя на головокружительной высоте над пропастью.

Стрелок смотрел прямо вперед, не отрывая глаз от пятна света.

Теперь сияние обрело цвет — голубой, — и по мере того как они приближались к источнику света, он становился все мягче, и свечение из-купаемых на камнях постепенно бледнело. Сколько еще им идти? Пятьдесят ярдов? Сто? Понять было сложно.

Они шли вперед. Теперь стрелок смотрел себе под ноги, переступая со шпалы на шпалу, а когда снова поднял глаза, сияющее пятно превратилось в дыру: это был уже не просто круг света, а выход. Они дошли. Почти дошли.

Тридцать ярдов, не больше. Девяносто коротких шагов. Значит, не все потеряно. Может быть, они еще догонят человека в черном. Может быть, под ярким солнечным светом цветы зла у него в мыслях завянут и все станет возможным.

Что-то заслонило собой свет.

Стрелок вздрогнул, поднял глаза к свету — так слепой крот выглядывает из норы — и увидел темный силуэт, перекрывающий свет, поглощающий свет: остались только дразнящие голубые полоски по контуру плеч и в разрезе между ногами.

— Привет, ребята!

Голос человека в черном прокатился грохочущим эхом по этой гулкой каменной глотке, придавшей звучавшему в нем сарказму дополнительную силу. Стрелок слепо пошарил рукой в кармане в поисках челюсти-кости. Но ее не было. Где-то она потерялась. Сгинула, исчерпав всю свою силу.

Человек в черном смеялся, и этот смех обрушивался на них сверху, бился, точно прибой о камни, заполняя собой пещеру. Мальчик вскрикнул и вдруг пошатнулся, взмахнув руками.

Металл под ними дрожал и гнулся. Медленно, как во сне, рельсы перевернулись. Мальчик сорвался. Рука взметнулась в воздухе, точно чайка во тьме, — выше, еще выше. А потом он повис над пропастью, и в его темных глазах, что буквально впились в стрелка, было знание — слепое, последнее, безысходное.

— Помогите мне.

И раскатистое, гремящее:

— Все, шутки в сторону. Поиграли и хватит. Ну иди же, стрелок. Иначе тебе никогда меня не поймать!

Все фишки уже на столе. Все карты открыты. Все, кроме одной. Мальчик висел над пропастью, как ожившая карта Таро: Повешенный, финикийский моряк, невинная жертва, потерян-

ная душа в мрачных водах адского моря. Он еще держится на волнах, но уже скоро пойдет ко дну.

Подожди, подожди.

— Так что, мне уйти?

Какой у него громкий голос. Мешает сосредоточиться.

Постарайся ничего не испортить. Возьми нескладную песню и сделай ее лучше...

— Помогите мне. Помогите мне, Роланд.

Мост продолжал крениться. Он скрежетал и разваливался на глазах, срывая крепления, поддаваясь...

— Стало быть, я пошел. Счастливо оставаться.

— Нет! Погоди!

И стрелок прыгнул. Ноги сами перенесли его оцепеневшее, парализованное внутренним смятением тело над парнишкой, повисшим над пропастью — настоящий гигантский шаг в безоглядном рывке к свету, что обещал указать путь к Башне, навеки запечатленной в его душе застывшим черным силуэтом...

К внезапной тишине.

Силуэт, закрывающий свет, исчез. Сердце стрелка на мгновение замерло в груди, когда мост обвалился и, сорвавшись с опор, полетел в пропасть, кружась в последнем медленном танце. Стрелок ухватился рукой за залитый светом край каменного проклятия. А у него за спиной, в устрашающей тишине, далеко-далеко внизу мальчик явственно произнес:

— Тогда идите. Есть и другие миры, кроме этого.

Последние крепления сорвались. Моста больше не было. И ринувшись вверх, к свету, ветру и реальности нового ка, стрелок оглянулся назад, вывернув шею, и в пронзительном приступе неизбывной боли на миг пожалел о том, что он не двуликий Янус. Но там, за спиной, уже не было ничего, только гнетущая тишина. Мальчик, падая, не издал ни звука.

А потом Роланд выбрался наружу, на каменистый откос, у подножия которого раскинулась зеленая равнина, где посреди густых трав стоял человек в черном — стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

Стрелок с трудом держался на ногах. Он шатался как пьяный. И был бледным как призрак. Глаза слезились на свету. Рубаху сплошь покрывала белая пыль — след от последнего, отчаянного рывка наверх. Он вдруг осознал, что это только начало — что впереди его ждет дальнейшая деградация духа, по сравнению с которой его сегодняшний подлый поступок покажется малозначительной мелочью, и все же он будет бежать от него всю жизнь — по коридорам и по городам, из постели в постель. Он будет бежать от лица мальчугана. Будет пытаться похоронить саму память о нем в

неуемном разврате и в человекоубийстве, лишь для того, чтобы, ворвавшись в последнюю комнату, найти там этого мальчика, который будет смотреть на него над пламенем свечи. Он стал мальчиком. Мальчик стал им. Он сам, своими руками, превратил себя в оборотня. И отныне и впредь, в самых сокровенных глубинах снов, он будет опять и опять превращаться в парнишку и говорить на языке странного города, из которого пришел мальчик.

Это смерть. Да? Это смерть?

Пошатываясь на ходу, он очень медленно спустился по каменистому склону туда, где ждал его человек в черном. Здесь, под солнцем здравого мира, рельсы истлели, рассыпавшись в прах, как будто их и не было вовсе.

Человек в черном, смеясь, откинул капюшон.

— Вот, значит, как! — крикнул он. — Не конец всего, а всего лишь конец начала?! Ты делаешь успехи, стрелок! И большие успехи! Я тобой восхищаюсь!

Стрелок выхватил револьверы и выпустил все патроны. Двенадцать выстрелов подряд. Вспышки от выстрелов затмили само солнце, грохот пальбы отскочил оглушительным эхом от каменистых откосов у них за спиной.

— Ну-ну, — рассмеялся человек в черном. — Ну-ну. Мы с тобой вместе — великая магия. Ты и я. И когда ты стреляешь в меня, ты стреляешь в себя, вот почему ты меня никогда не убьешь.

Он попятился, с улыбкой глядя на стрелка:

— Пойдем. Пойдем. Пойдем. Матушка, можно мне? Да-да, можно.

Стрелок, спотыкаясь на каждом шагу, двинулся следом за ним. Туда, где они наконец смогут поговорить.

Глава 5
Стрелок и человек в черном

I

Человек в черном привел его для разговора к древнему месту свершения казней. Стрелок узнал его сразу: лобное место, голгофа — скопище истлевающих костей. На них отовсюду таращились выбеленные черепа: буйволов, койотов, оленей, зайцев и ушастиков-путаников. Вот алебастровый ксилофон — скелетик курочки фазана, убитой во время кормежки; вот тонкие кости крота, убитого, может быть, ради забавы дикой собакой.

Голгофа. Чашеобразная впадина в пологом откосе горы. Ниже по склону стрелок разглядел деревья: карликовые ели и юкку — дерево Иисуса. Небо над головой — нежного голубого цвета. Такого неба стрелок не видел уже целый год. В воздухе веяло чем-то неописуемым, но говорящим о близости моря.

Вот я и на западе, Катберт, — удивленно подумал стрелок. Если это еще не Срединный мир, то все равно уже близко.

Человек в черном присел на бревно какого-то древнего дерева. Его сапоги побелели от пыли и костяной муки, усыпавшей это угрюмое место. Он снова надел капюшон, но теперь стрелку были видны его губы и квадратный подбородок — в тени от капюшона.

Затененные губы искривились в усмешке.

— Собери дров, стрелок. По эту сторону гор климат мягкий, но на такой высоте холод может еще ткнуть ножом в пузо. Тем более что мы сейчас во владениях смерти, а?

— Я убью тебя, — сказал стрелок.

— Нет, не убьешь. Не сможешь. Но зато можешь собрать дрова, дабы почтить память своего Исаака.

Стрелок не понял намека, но без единого слова пошел собирать дрова, точно какой-нибудь поваренок на побегушках. Набрал он негусто. Бес-трава на этой стороне не росла, а древнее дерево стало твердым как камень и уже не будет гореть. Наконец он вернулся с охапкой тоненьких бревнышек — или, вернее, толстых палочек, — весь в белой пыли от рассыпающихся костей, словно его хорошо вываляли в муке. Солнце уже опустилось за верхушки самых высоких деревьев и налилось алым свечением. Солнце глядело на них с пагубным равнодушием.

— Замечательно, — вымолвил человек в черном. — Какой же ты исключительный человек! Редкий, я бы даже сказал, человек! Такой обстоятельный! Такой находчивый! Я перед тобой преклоняюсь. — Он хохотнул, и стрелок швырнул ему под ноги охапку дров. Они с грохотом ударились о землю, подняв облако костяной пыли.

Человек в черном даже не вздрогнул. С совершенно невозмутимым видом он принялся сооружать костер. Стрелок смотрел как зачарованный на то, как дрова для костра складываются в очередную (на этот раз совсем свежую) идеограмму. В конце концов костер стал похож на причудливую двойную дымовую трубу высотой фута два. Человек в черном поднял руку к небу, встряхнул ею, откинув широкий рукав с тонкой красивой кисти, потом рывком опустил ее, выставив мизинец и указательный палец «рожками» в древнем знаке, оберегающем от дурного глаза. Сверкнула вспышка синего пламени. Костер загорелся.

— Спички у меня есть, — весело проговорил человек в черном, — но я подумал, тебе понравится что-нибудь колдовское, магическое. Хотелось тебя позабавить, стрелок. А теперь мы с тобой приготовим себе обед.

Складки его плаща всколыхнулись, и на землю упала тушка жирного кролика, уже освежеванная и выпотрошенная.

Стрелок молча насадил тушку на вертел и пристроил его над огнем. В воздухе разнесся аппетитный запах. Солнце село. Лиловые тени жадно протянулись к впадине на склоне горы, где человек в черном решил наконец встретиться со стрелком. В животе у стрелка урчало от голода, но когда кролик прожарился, он без слов протянул вертел человеку в черном, а сам запустил руку в свой изрядно похудевший рюкзак и достал последний кусок солонины. Мясо было соленым, как слезы, и разъедало рот.

— А такие широкие жесты, это совсем ни к чему. — Было видно, что человек в черном от души забавлялся, но при этом он ухитрялся казаться рассерженным.

— И все-таки, — усмехнулся стрелок, и усмешка его вышла горькой, наверное, из-за соли, попавшей на крошечные язвочки во рту — последствия длительного авитаминоза.

— Ты что, боишься наколдованного мяса?

— Да. Боюсь.

Человек в черном откинул с лица капюшон.

Стрелок молча смотрел на него. На самом деле его лицо — теперь не скрытое капюшоном — вызвало у стрелка только тревожное разочарование. Это было красивое лицо с правильными чертами, безо всяких отметин или характерных морщин, которые выдают человека, познавшего тяжелейшие времена и посвященного в великие тайны. Длинные черные волосы свисали неровными спутанными прядями. У него был высокий лоб, темные сверкающие глаза, совершенно непримечательный нос, полные, чувственные губы, а кожа — бледная, как и у самого стрелка.

— Я думал, ты старше, — сказал наконец стрелок.

— А почему? Я почти что бессмертный, как, кстати, и ты, Роланд, — по крайне мере сейчас. Я мог бы, конечно, явить тебе то лицо, которое ты ожидал увидеть, но я решил показать тебе то, с которым я... гм... родился. Смотри, стрелок, какой закат!

Солнце уже скрылось за горизонтом, и небо на западе озарилось воспаленным зловещим светом.

— Смотри, стрелок. Следующий восход ты увидишь нескоро, — сказал человек в черном.

Стрелок вспомнил черную пропасть под горной грядой и поднял глаза к небу, усыпанному бесчисленными созвездиями.

— Это уже не имеет значения, — сказал он тихо. — Сейчас.

II

Человек в черном плавно и быстро перетасовал колоду. Карт было много. Их обратную сторону украшали какие-то замысловатые завитки.

— Это карты Таро, — пояснил человек в черном. — Только к обычной колоде я добавил еще и карты собственного изобретения. А теперь, стрелок, смотри внимательно.

— Зачем?

— Я буду предсказывать тебе будущее. Нужно открыть семь карт, одну за другой, и посмотреть, как они лягут по отношению друг к другу. В последний раз я занимался таким гаданием, когда Гилеад еще стоял и дамы играли в шары на западной площадке. И есть у меня смутное подозрение, что такого расклада, как у

тебя, в моей практике еще не было. — Насмешливая нотка вновь прокралась в его голос. — Ты — последний на свете авантюрист. Последний крестоносец. И тебе это нравится, да, Роланд? Тебе это льстит? Однако ты даже не представляешь, как ты сейчас близко к Башне. Теперь, когда ты возобновил свой поиск. Миры вращаются у тебя над головой.

— Что значит возобновил? Я его не прекращал.

Человек в черном расхохотался, но не сказал, что его так позабавило.

— Тогда открой мне мою судьбу, — хрипло проговорил стрелок.

И вот перевернута первая карта.

— Повешенный, — объявил человек в черном. Тьма скрывала его лицо, как прежде его скрывал капюшон. — Но сама по себе, без других карт, она означает не смерть, а силу. Повешенный — это ты, стрелок. Тот, кто вечно бредет к своей цели над бездонными пропастями Наара. И одного спутника ты уже сбросил в пропасть, верно?

Стрелок промолчал, и человек в черном перевернул вторую карту.

— Моряк. Обрати внимание: чистый лоб, щеки, не знавшие бритвы. В глазах — боль и обида. Он тонет, стрелок, и никто не бросит ему веревку. Мальчик Джейк.

Стрелок поморщился, но ничего не сказал.

Перевернута третья карта. Омерзительный бабуин, скаля зубы, сидит на плече у молодого мужчины. Лицо юноши, застывшее в стилизованной гримасе ужаса, запрокинуто вверх. Присмотревшись, стрелок увидел, что бабуин держит плетку.

— Узник, — сказал человек в черном.

Пламя костра тревожно взметнулось, отбросив тень на лицо человека на карте, и стрелку показалось, что нарисованное лицо передернулось и еще больше скривилось от безмолвного ужаса. Стрелок отвел взгляд.

— Правда, что-то в нем есть угнетающее? — Казалось, человек в черном едва сдерживает смешок.

Он перевернул четвертую карту. Женщина — ее голову покрывает шаль — сидит у прялки. В пляшущем свете костра стрелку показалось, что она хитровато улыбается и плачет одновременно.

— Госпожа Теней, — сказал человек в черном. — Тебе не кажется, что у нее два лица, стрелок? Так и есть. Два лица, это как минимум. Она разбила синюю тарелку!

— И что это значит?

— Не знаю.

И стрелок почему-то поверил, что — хотя бы на этот раз — человек в черном сказал ему правду.

— Зачем ты мне все это показываешь?

— Не спрашивай! — резко оборвал его человек в черном, и все же он улыбался. — Не спрашивай. Просто смотри. Считай, что это всего лишь бессмысленный ритуал, если тебе так легче, и успокойся. Это как в церкви: всего лишь обряд.

Он хихикнул и перевернул пятую карту.

Ухмыляющаяся жница сжимает косу костяными пальцами.

— Смерть, — сказал человек в черном. — Но не твоя.

Шестая карта.

Стрелок посмотрел на нее и почувствовал, как его пробирает странный, тревожащий холодок предвкушения. Ужас смешался с радостью, и не было слов, чтобы назвать это чувство. Ему казалось, что его вот-вот стошнит, и в то же время хотелось пуститься в пляс.

— Башня, — тихо вымолвил человек в черном. — Вот она, Башня.

Карта стрелка лежала в центре расклада, а каждая из последующих четырех — по углам от нее, как планеты-спутники, вращающиеся вокруг одной звезды.

— А куда эту? — спросил стрелок.

Человек в черном положил Башню поверх карты с Повешенным, закрыв ее полностью.

— И что это значит? — спросил стрелок.

Человек в черном молчал.

— Что это значит? — нетерпеливо повторил стрелок.

Человек в черном молчал.

— Будь ты проклят!

Молчание.

— Чтоб тебе провалиться. Ладно, ну а седьмая карта?

Человек в черном перевернул седьмую. Солнце стоит высоко в чистом голубом небе. Купидоны и эльфы резвятся в сияющей синеве. Под солнцем — безбрежное красное поле, озаренное светом. Розы или кровь? Стрелок так и не понял. Может быть, и то, и другое, подумал он.

— Седьмая — Жизнь, — тихо вымолвил человек в черном. — Но не твоя.

— И где ее место в раскладе?

— Сейчас тебе этого знать не дано, — сказал человек в черном. — Как, впрочем, и мне. Я не тот великий и могучий, кого ты ищешь. Я всего лишь его эмиссар. — Он небрежно смахнул карту в догорающий костер. Она обуглилась, свернулась в трубочку и, вспыхнув, рассыпалась пеплом. Стрелка охватил неизбывный ужас. Сердце в груди обратилось в лед.

— Теперь спи, — все так же небрежно проговорил человек в черном. — «Уснуть! И видеть сны...» и все в том же духе.

— Я тебя задушу, — пригрозил стрелок. — Чего не смогли сделать пули, может быть, смогут руки. — Его ноги как

будто сами оттолкнулись от земли, и он яростно перемахнул через костер, протянув руки к человеку в черном. Тот лишь улыбнулся и как будто вдруг увеличился в размерах, а потом стал отступать, удаляясь по длинному гулкому коридору. Мир наполнился язвительным смехом, а стрелок падал куда-то вниз, умирал, засыпал...

И был ему сон.

III

Пустая вселенная. Никакого движения. Вообще ничего.

И в пустоте, ошеломленный, парил стрелок.

— Да будет свет, — прозвучал равнодушный голос человека в черном, и стал свет. И стрелок отстраненно подумал, что свет хорош.

— Теперь — тьма, и звезды во тьме, и под небом вода.

И стало так. Он парил над бескрайним морем. Над головою мерцали неисчислимые звезды, но там не было ни одного из созвездий, что указывали стрелку путь по его долгой жизни.

— Да явится суша, — повелел человек в черном. И стало так. Сотрясаемая мощными судорогами, поднялась она из вод: бурая и бесплодная, покрытая трещинами, неспособная родить живое. Вулканы извергали потоки нескончаемой магмы, выступая на поверхности земли, точно гнойные прыщи на безобразном лице какого-нибудь созревающего подростка.

— Отлично, — проговорил человек в черном. — Неплохое начало. Да будут растения разные. Деревья. Трава и луга.

И стало так. По земле разбрелись динозавры, хрипло рыча и оглашая ее громким ревом; они пожирали друг друга и увязали в пузырящихся гнилостных топях. Первобытный тропический лес распростерся повсюду. Гигантские папоротники тянули к небу ажурные листья, по которым ползали жуки о двух головах. Стрелок все это видел. И все же он чувствовал, что это еще далеко не предел.

— Теперь — человек, — тихо вымолвил человек в черном, но стрелок уже падал... падал в бездонные небеса. Горизонт беспредельной и тучной земли начал вдруг изгибаться. Да, все утверждали, что он изогнут, а Ванни, его учитель, говорил, что это было доказано еще до того, как мир сдвинулся с места. Но чтобы увидеть такое своими глазами...

Все дальше и дальше, выше и выше. Континенты, затянутые перистыми облаками, обретали свои завершенные очертания перед его изумленным взором. Атмосфера, точно плацента, хранила рождающуюся планету. И солнце, восходящее над землей...

Он закричал и закрыл глаза рукой.

— Да будет свет!

Голос, призвавший свет, уже не был голосом человека в черном. Он разнесся над миром исполинским эхом, наполнил собой все пространство этого мира, все пространство между мирами.

— Свет!

Он падал, падал.

Солнце стремительно удалялось, превращаясь в мерцающую точку. Красная планета, испещренная каналами, проплыла у него перед глазами. Вокруг нее в бешеном кружении вращались два спутника. Дальше был вихревой пояс камней и гигантская планета, окутанная клубами газа, слишком большая для того, чтобы сохранить свою целостность, и потому сплющенная у полюсов. А еще дальше — сверкающий мир, окруженный кольцом ледяных осколков.

— *Свет! Да будет...*

Еще миры. И еще. Один, другой, третий. И далеко за пределами этих миров — последний одинокий шар из камня и льда, вращающийся в мертвой тьме вокруг своего солнца, которое блестело не ярче, чем стершаяся монетка.

А еще дальше — мрак.

— Нет, — сказал стрелок, и его голос утонул в темноте, в той, что чернее кромешной тьмы. По сравнению с ней самая черная ночь человеческой души казалась сияющим полднем, мрак под горной грядой — пятнышком грязи на лике света. — Больше не надо. Не надо, пожалуйста...

— СВЕТ!

— Хватит. Не надо... пожалуйста...

Звезды сжимались и гасли. Целые туманности свертывались, сливаясь друг с другом, и превращались в хаотичное скопление расплывающихся пятен. Вокруг него корчилась, рассыпаясь на части, сама вселенная.

— Пожалуйста, хватит, не надо, не надо, не надо...

Вкрадчивый голос человека в черном прошептал у него над ухом:

— Тогда отступись. Оставь мысли о Башне. Иди своей дорогой, стрелок, и спасай свою душу. Это будет нелегкий труд — чтобы спасти свою душу.

Он взял себя в руки. Потрясенный и одинокий, окутанный мраком, исполненный ужаса перед сокровенным смыслом, который открылся ему в одночасье, он взял себя в руки и дал свой последний ответ:

— НИКОГДА!

— **ТОГДА — ДА БУДЕТ СВЕТ!**

И стал свет. Он обрушился на стрелка как молот — великий, первозданный свет. И сознание погибло, растворившись в сиянии. Но прежде чем это случилось, стрелок успел кое-что

разглядеть — очень важное, исполненное глубокого смысла. Он отчаянно ухватился за это видение и погрузился в себя, ища убежища там, внутри, — пока этот пронзительный свет не ослепил его и не выжег разум.

Он бежал света и знания, что заключал в себе этот свет, — и вернулся в сознание, вновь стал собой. Как и все мы; как лучшие из нас.

IV

Была ночь. Та же или другая — распознать невозможно. Он вырвался из взвихренного мрака, куда увлек его демонический прыжок к человеку в черном, и посмотрел на поваленный ствол окаменелого дерева, на котором сидел Уолтер о'Мрак (как его иногда называли). Но там не было никого.

Его охватило безмерное чувство отчаяния — Боже правый, опять все сначала, — и тут у него за спиной раздался голос человека в черном:

— Я здесь, стрелок. Мне просто не нравится, когда ты подходишь так близко. Ты разговариваешь во сне. — Он хохотнул.

Стрелок, пошатываясь, поднялся на колени и обернулся. От костра остались лишь красные мерцающие угольки, серый пепел и знакомый ничтожный узор от сгоревших дров. Человек в черном сидел у кострища и, неприятно причмокивая губами, доедал жирные остатки крольчатины.

— А ты хорошо держался, — заметил он. — Вот, скажем, твоему отцу я ничего этого не показывал. Он бы вернулся не в своем уме.

— Что это было? — спросил стрелок. Его голос дрожал, и слова прозвучали невнятно. Он чувствовал: если сейчас попытается встать, ничего у него не выйдет.

— Вселенная, — небрежно проговорил человек в черном, потом смачно рыгнул и швырнул кроличьи кости в костер. Они блеснули среди углей и тут же почернели. Ветер над чашей голгофы стенал и стонал.

— Вселенная? — тупо переспросил стрелок. Слово было ему незнакомо. И сперва он подумал, что человек в черном говорил в поэтическом смысле.

— Тебе нужна Башня, — сказал человек в черном, и это прозвучало как вопрос.

— Да.

— Но ты ее не получишь, — сказал человек в черном и улыбнулся жестокой улыбкой. — Великим нет дела до твоей души, Роланд. Заложишь ты ее или сразу же запродашь — им все

равно. Я знаю, как близко она подтолкнула тебя к самому краю пропасти. Башня убьет тебя, когда вас будет еще разделять полмира.

— Ты ничего обо мне не знаешь, — спокойно проговорил стрелок, и улыбка на губах человека в черном поблекла.

— Я сделал твоего отца тем, кем он был. И я же его уничтожил, — угрюмо выговорил человек в черном. — Я пришел к твоей матери как Мартен — ты всегда это подозревал, я не прав? — и взял ее. Она согнулась подо мной, как ива... хотя (может быть, это тебя утешит) все-таки не сломалась. Но как бы там ни было, все это было предрешено. И все было так, как и должно было быть. Я — последний из ставленников того, кто правит теперь Темной Башней, и Земля перешла в алую руку этого короля.

— В алую руку? Почему она алая?

— Давай не будем. Сейчас речь не о нем. Хотя, если ты будешь упрям и настойчив, ты узнаешь и больше. Только тебе не понравится, что ты узнаешь. То, что ранило тебя один раз, ранит и во второй. Это не начало. Это начало конца. Тебе бы стоило это запомнить... но ты все равно никогда не запомнишь.

— Я не понимаю.

— Правильно. Не понимаешь. И никогда не понимал. И никогда не поймешь. У тебя нет ни грана воображения. И в этом смысле ты слепой.

— Что я видел? — спросил стрелок. — В самом конце. Что это было?

— А что там было?

Стрелок, задумавшись, замолчал. Его рука потянулась к кисету, но табак давно кончился. Человек в черном, однако, не предложил пополнить его запасы каким-нибудь колдовским способом: ни с помощью черной, ни с помощью белой магии. Может, потом он найдет что-нибудь в рюкзаке, но сейчас это «потом» казалось таким далеким.

— Был свет, — наконец проговорил стрелок. — Яркий свет. Белый. А потом... — Он запнулся и уставился на человека в черном. Тот весь подался вперед, и на лице у него отразилось совершенно несвойственное ему чувство, слишком явное, чтобы его можно было скрывать или же отрицать: удивление. Или даже благоговение. Хотя, может быть, это одно и то же.

— Ты не знаешь, — улыбнулся стрелок. — О великий волшебник и чародей, воскрешающий мертвых. Ты не знаешь. Ты шарлатан!

— Я знаю, — сказал человек в черном. — Я только не знаю... что.

— Белый свет, — повторил стрелок. — А потом: травинка. Одна-единственная травинка, но она заполнила собой все. А я был такой крошечный. Как пылинка.

— Травинка. — Человек в черном закрыл глаза. Его лицо вдруг как-то сразу осунулось и казалось теперь изможденным. — Травинка. Ты уверен?

— Да. — Стрелок нахмурился. — Только она была красной.

— А теперь слушай меня, Роланд, сын Стивена. Ты будешь слушать?

— Да.

И человек в черном заговорил.

V

Вселенная (сказал он) есть Великое Все, и она преподносит нам парадоксы, недоступные пониманию ограниченного, конечного разума. Как живой разум не может осмыслить суть разума неживого — хотя он полагает, что может, — так и разум конечный не может постичь бесконечность.

Тот прозаический факт, что Вселенная существует, уже сам по себе разбивает всякие доводы как прагматиков, так и романтиков. Было время, еще за сотни человеческих поколений до того, как мир сдвинулся с места, когда человечество достигло таких высот технических и научных свершений, что все же сумело отколупнуть несколько каменных щепок от великого столпа реальности. Но даже тогда ложный свет науки (или, если угодно, знания) засиял только в нескольких, очень немногих, высокоразвитых странах. Одна компания (или клика) была в этом смысле ведущей: она называлась «Северный Центр позитроники». И, однако же, вопреки всем имевшимся в их распоряжении научно-техническим данным, которых было великое множество, число истинных прозрений было поразительно малым.

— Наши предки, стрелок, победили болезнь, от которой тело гниет заживо, они называли ее раком, почти преодолели старение, ходили по Луне...

— Этому я не верю, — сказал стрелок, на что человек в черном лишь улыбнулся.

— Ну и не надо. И тем не менее это так. Они создали или открыли еще сотни других замечательных штук. Однако все это обилие информации не принесло никакого глубинного проникновения в первоосновы. Никто не слагал торжественных од в честь искусственного оплодотворения — когда женщина зачинает от замороженной спермы — и самоходным машинам, работающим на энергии, взятой от солнца. Очень немногие — если вообще таковые были — сумели постичь главный Принцип Реальности: но-

вые знания всегда ведут к новым тайнам, к тайнам, еще более удивительным. Чем больше психологи узнавали о способностях мозга, тем напряженнее и отчаяннее становились поиски души, существование которой рассматривалось как факт сомнительный, но все-таки вероятный. Ты понимаешь? Конечно, ты не понимаешь. Ты уже исчерпал все свои способности к пониманию. Но это не важно.

— А что тогда важно?

— Величайшая тайна Вселенной не жизнь, а размер. Размером определяется жизнь, заключает ее в себе, а его, в свою очередь, заключает в себе Башня. Ребенок, который открыт навстречу всему чудесному, говорит: «Папа, а что там — за небом?» И отец отвечает: «Темнота и космическое пространство». Ребенок: «А что за ними?» Отец: «Галактика». — «А за галактикой?» — «Другая галактика». — «А за всеми другими галактиками?» И отец отвечает: «Этого никто не знает».

Ты понимаешь? Размер торжествует над нами. Для рыбы вселенная — это озеро, в котором она живет. Что думает рыба, когда ее выдернут, подцепив за губу, сквозь серебристую границу привычного существования в другую, новую вселенную, где воздух для нее — убийца, а свет — голубое безумие? Где какие-то двуногие великаны без жабр суют ее в душную коробку и, покрыв мокрой травой, оставляют там умирать?

Или возьмем ну хотя бы кончик карандаша и увеличим его. Еще и еще. И в какой-то момент вдруг придет понимание, что он, оказывается, не плотный, этот кончик карандаша. Он состоит из атомов, которые вертятся, как миллионы бесноватых планет. То, что нам кажется плотным и цельным, на самом деле — редкая сеть частиц, которые держатся вместе только благодаря силе тяготения. Они бесконечно малы, но если расстояние между этими атомами пропорционально их величине, тогда при переводе в привычную нам систему измерений оно может составить целые лиги, пропасти, эры. А сами атомы состоят из ядер и вращающихся частиц — протонов и электронов. Можно проникнуть и глубже, на уровень субатомного деления. И что там? Тахионы? Или, может быть, ничего? Конечно же, нет. Все во Вселенной отрицает абсолютную пустоту. Конец — это когда нет уже ничего, а значит, Вселенная бесконечна.

Допустим, ты вышел к самой границе Вселенной. И что там будет? Глухой высокий забор и знак «ТУПИК»? Нет. Может быть, там будет что-то твердое и закругленное, сродни тому, как яйцо видится изнутри еще невылупившемуся цыпленку. И если тебе вдруг удастся пробить скорлупу (или найти дверь), представь себе, какой мощный сияющий свет может хлынуть в эту твою дыру на краю мироздания. А вдруг ты выглянешь и обнару-

жишь, что вся наша Вселенная — это только частичка атома какой-нибудь тонкой травинки? И тогда, может быть, ты поймешь, что, сжигая в костре одну лишь хворостинку, ты превращаешь тем самым в пепел неисчислимое множество бесконечных миров. Что мироздание — это не одна бесконечность, а бесконечное множество бесконечностей.

Может быть, тебе довелось увидеть, каково место нашей Вселенной во всеобщей структуре сущего — не более чем место отдельного атома в ткани травинки. Может быть, все, что способен постичь наш разум — от микроскопического вируса до далекой туманности Конская Голова, — все это вмещается в одной травинке, которая, может быть, и существует всего-то один сезон в каком-то другом временном потоке? А что, если эту травинку вдруг срежут косой? Когда она начнет гнить, не просочится ли эта гниль в нашу Вселенную, в нашу жизнь? Не станет ли наш мир желтеть, чахнуть и засыхать? Может быть, это уже происходит. Мы говорим, что мир сдвинулся с места, а на самом-то деле он, может быть, засыхает?

Только подумай, стрелок, как мы малы и ничтожны, если подобное представление о мире верно! Если Бог и вправду все видит и совершает божественное правосудие, станет ли Он выделять один рой мошкары среди бессчетного множества других? Различает ли глаз Его воробья, если этот воробушек меньше атома водорода, что одиноко блуждает в глубинах космоса? А если Он видит все сущее... тогда что же это должен быть за Бог?! Какова Его божественная природа? Где Он обитает? Как вообще можно жить за пределами бесконечности?

Представь весь песок пустыни Мохане, которую ты пересек, чтобы найти меня, и представь миллионы вселенных — не миров, а вселенных, — заключенных в каждой ее песчинке; и в каждой из этих вселенных — неисчислимое множество других вселенных. И мы, на нашей жалкой травинке, возвышаемся над ними на недосягаемой высоте; и одним взмахом ноги ты, может быть, низвергаешь миллиарды и миллиарды миров в темноту, и они образуют цепь, которая никогда не прервется.

Размер, стрелок... размер...

Но давай предположим еще, что все миры, все вселенные сходятся в некой точке, к некоему ядру, к некоей стержневой основе. К Башне. К лестнице, может быть, к самому Богу. Ты бы решился подняться по ней, стрелок? А вдруг где-то над всей бесконечной реальностью существует такая комната...

Нет, стрелок, ты не осмелишься.

И эти слова отдались эхом в голове у стрелка: *Ты не осмелишься.*

VI

— Но есть тот, кто осмелился, — сказал стрелок.

— Да? И кто же?

— Бог. — Глаза у стрелка загорелись. — Бог осмелился... или этот король, о котором ты говорил... или... может быть, эта комната пустует, провидец?

— Я не знаю. — Тень страха прошла по лицу человека в черном, мягкая, темная, точно крыло канюка. — И более того, не испрашиваю ответа. Это было бы неразумно.

— Боишься, как бы тебя громом не поразило?

— Пожалуй, боюсь... ответственности, — отозвался человек в черном, а потом замолчал. Стрелок тоже молчал. Ночь была очень долгой. Млечный Путь распростерся над ними в своем первозданном великолепии, но в пустоте между звездами было что-то пугающее. Стрелок пытался представить себе, что бы он ощутил, если бы эти чернильные небеса вдруг раскололись и на землю хлынул поток слепящего света.

— Костер, — сказал он. — Костер догорает. Мне холодно.

— Ну так разведи свой костер, — сказал человек в черном. — У дворецкого сегодня выходной.

VII

Стрелок задремал, а когда проснулся, увидел, что человек в черном глядит на него как-то болезненно, жадно.

— Ну, и чего ты уставился? — Стрелку вспомнилось одно из присловий Корта. — Увидел голую задницу своей сестрицы?

— Да нет, просто смотрю на тебя.

— Не надо на меня смотреть. — Он пошевелил угольки костра, разрушив стройную идеограмму. — Мне неприятно. — Он поглядел на восток, не начало ли светать, но бесконечная эта ночь длилась и длилась.

— Ждешь рассвета? Так рано?

— Я ведь создан для света.

— А, ну да! Я и забыл. Как это невежливо. Но нам с тобой нужно еще о многом поговорить, еще много чего обсудить. Так решил мой король и хозяин.

— Что за король?

Человек в черном улыбнулся.

— Тогда, может быть, скажем друг другу всю правду? И вообще начнем говорить откровенно? Никакой больше лжи?

— Я думал, мы и так говорим правду.

Но человек в черном как будто его и не слышал.

— Может быть, скажем друг другу всю правду? — повторил он. — Поговорим, как мужчина с мужчиной. Не как друзья, но как равные. Это редкое предложение, Роланд. И его будут делать тебе нечасто. По моему скромному мнению, только равные говорят правду друг другу. Друзья и любимые, запутавшись в паутине взаимного долга, врут бесконечно. А это так утомляет!

— Что ж, правду так правду. — Все равно этой ночью стрелок не сказал ни единого слова лжи. — Зачем же тебя утомлять? Начни с объяснения, что ты имел в виду, когда говорил про чары.

— Чары — это колдовство, стрелок. Мой король своим колдовством продлил эту ночь и будет длить ее до тех пор, пока мы не закончим этот разговор.

— А мы скоро закончим?

— Нескоро. Точнее сказать не могу. Потому что и сам не знаю. — Человек в черном стоял над костром, и отблески тлеющих угольков ложились замысловатым узором ему на лицо. — Спрашивай. Я расскажу тебе все, что знаю. Ты догнал меня. Так будет честно. Я, по правде сказать, и не думал, что ты сумеешь меня догнать. И все же твой поиск только еще начинается. Спрашивай, и так мы быстрее дойдем до главного.

— Кто твой король?

— Я ни разу его не видел. Но ты увидишь. Но прежде чем встретиться с ним, сначала ты должен встретиться с Незнакомцем-вне-Времени. — Человек в черном беззлобно улыбнулся. — Ты должен будешь убить его, стрелок. Но, по-моему, ты хотел спросить о другом.

— Но если ты никогда не видел своего короля и хозяина, откуда же ты его знаешь?

— Он приходит ко мне в снах. В первый раз он пришел очень давно, когда я был подростком и жил в бедности и безызвестности в одной стране, далеко-далеко отсюда. Это было давно. И вот тогда, много столетий назад, он связал меня моим долгом и обещал мне мою награду, и я служил ему все эти годы, хотя мое главное дело мне было поручено только недавно. Мой долг, мое главное дело — это ты, стрелок. — Человек в черном усмехнулся. — Видишь, кое-кто принимает тебя всерьез.

— У этого Незнакомца есть имя?

— О, имя есть.

— И как его имя?

— Имя ему — легион, — тихо вымолвил человек в черном, и во тьме на востоке, где высились горы, грохот обвала

подкрепил значимость его слов. Где-то вскрикнула пума, почти как женщина. Стрелка проняла дрожь. Даже человек в черном невольно вздрогнул. — И все же, мне кажется, ты не об этом хотел спросить. Не в твоем это духе: заглядывать так далеко вперед.

Стрелок знал, о чем он хотел спросить. Вопрос мучил его всю ночь, всю эту долгую ночь и долгие годы до этого. Он вертелся на кончике языка, но стрелок все же не задал его... еще не время.

— Этот Незнакомец, он тоже ставленник Башни? Как ты?

— Мне до него далеко. Он *меркнет*. Он *проступает*. Он во всех временах. Но есть кто-то превыше него.

— Кто?

— Ни о чем больше не спрашивай! — выкрикнул человек в черном. Его голос вдруг сделался жестким, но потом дрогнул на ноте мольбы. — Я не знаю! И не хочу знать! Говорить про дела, творящиеся в крайнем мире, — все равно что накликать погибель своей души.

— А над этим Незнакомцем-вне-Времени — уже Башня и все, что она в себе заключает?

— Да, — прошептал человек в черном. — Но ты все же хочешь спросить о другом.

Воистину так.

— Ну хорошо, — проговорил стрелок, а потом задал старый, как мир, вопрос:

— Я сделаю так, как задумал? Я дойду до конца?

— Если я отвечу на этот вопрос, ты меня убьешь.

— Я тебя все равно убью. Тебя надо убить. — Рука стрелка сама потянулась к кобуре.

— Так тебе не отомкнуть дверей, так ты закроешь их навсегда, стрелок.

— Куда мне идти?

— Иди на запад. До самого моря. Там, где кончается мир, там ты должен начать свой путь. Был один человек, он дал тебе совет. Человек, которого ты победил в поединке, когда-то, давным-давно...

— Да, Корт, — нетерпеливо прервал его стрелок.

— Так вот, он тебе посоветовал обождать. Это был никудышный совет. Потому что уже тогда мои планы против твоего отца начали воплощаться. Он отослал тебя с поручением, а когда ты вернулся...

— Не хочу это слушать, — сказал стрелок, и у него в голове вновь зазвучала та песня, которую пела ему мама: *чик-чирик, не бойся кошек, дам тебе я хлебных крошек.*

— Тогда послушай другое: когда ты вернулся, Мартен уехал на запад, чтобы присоединиться к мятежникам. Так все говорили, и ты в это верил. Но Мартен и одна старая ведьма под-

строили тебе ловушку, и ты в эту ловушку попался. Хороший мальчик! И хотя Мартена там уже не было, там был один человек, который тебе его напоминал, помнишь? Такой, в монашеском одеянии... и с обритой головой, как у кающегося грешника...

— Уолтер, — прошептал стрелок. И хотя он уже сам пришел к этому выводу, неприкрытая правда его потрясла. — Ты. То есть Мартен никуда не уезжал.

Человек в черном хихикнул.

— К вашим услугам.

— Сейчас я буду тебя убивать.

— Ну нет, так нечестно. Тем более что все это было давным-давно. А теперь пришло время для разговора на равных. Время делиться секретами.

— Ты никуда не уезжал, — повторил ошеломленный стрелок. — Ты просто переменился.

— Ты садись, — предложил человек в черном. — Я расскажу тебе много историй. Столько, сколько ты сможешь выслушать. Твои истории, я думаю, будут намного длиннее.

— Я никогда никому не рассказываю о себе, — пробормотал стрелок.

— Но этой ночью расскажешь. Ты должен. Чтобы нам разобраться, суметь понять...

— Что понять? Мою цель? Ты ее и так знаешь. Башня — вот моя цель. Я поклялся ее найти.

— Не цель, стрелок. А твой разум. Твой заторможенный, но упорный и цепкий разум. Другого такого, как у тебя, не было, наверное, за всю историю этого мира. Может быть, даже за всю историю мироздания. Пришло время для откровенного разговора. Время историй.

— Ну, тогда говори.

Человек в черном тряхнул широким рукавом. Оттуда выпал какой-то предмет, обернутый фольгой, в изломах которой многократно отразилось мерцание тлеющих угольков.

— Табак, стрелок. Будешь курить?

Стрелок смог еще устоять перед кроликом, но перед таким предложением — нет. Он взял сверток и нетерпеливо его раскрыл. Замечательный измельченный табак и зеленые, на удивление влажные листья — чтобы его заворачивать. Такого хорошего табака стрелок не видел уже лет десять.

Он свернул две папиросы и откусил у них кончики, чтобы лучше чувствовался аромат табака. Одну папироску он предложил человеку в черном. Тот не отказался. Каждый вытащил из костра по тлеющей головне.

7 Зак. 722

Стрелок прикурил и глубоко затянулся ароматным дымом. Он даже закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на ощущениях, и выдохнул медленно, с наслаждением.

— Ну как, хорошо? — спросил человек в черном.

— Замечательно.

— Что ж, наслаждайся. Может статься, тебе еще очень нескоро представится случай опять закурить.

Стрелок и бровью не повел.

— Вот и славно, — продолжал человек в черном, — тогда начнем. Ты должен понять одну вещь: Башня была всегда, и всегда находились такие мальчишки, которые знали о ней и страстно желали ее, больше чем власти, богатства и женщин... мальчишки, которые уходили на поиски тех дверей, что приведут к Башне...

VIII

И был разговор, разговор длиной в самую долгую ночь, и бог знает сколько еще (и сколько из этого было правдой), но потом стрелок сумел вспомнить очень немногое из того разговора... и ему, с его на редкость практическим складом ума, многое показалось бессмысленным или же чем-то таким, чему не стоило придавать значения. Человек в черном снова сказал ему, что он должен добраться до моря — всего-то миль двадцать на запад по легкой дороге, — и там ему будет дарована *сила призыва*. Сила для извлечения.

— Я не совсем точно выразился, — сказал человек в черном и бросил окурок в догорающий костер. — Никто тебе ничего не дарует, стрелок, потому что она, эта сила, уже есть в тебе. И я должен сказать тебе это, отчасти из-за того, что ты решился пожертвовать мальчиком, отчасти из-за того, что таков порядок, естественный ход вещей. Воде надлежит течь с горы вниз, а тебе надлежит знать. Как я понимаю, ты призовешь себе троих... но на самом деле мне все равно. Я ничего не хочу знать.

— Троих, — пробормотал стрелок, вспомнив предсказание оракула.

— Вот тогда и начнется веселье. Жалко только, меня там не будет. Прощай, стрелок. Я свое дело сделал. Цепь по-прежнему у тебя в руках. Смотри только, как бы она не обмоталась вокруг твоей собственной шеи.

Как будто какая-то внешняя сила подтолкнула Роланда, и он спросил:

— Это еще не все, правда?

— Да. — Человек в черном улыбнулся стрелку своими бездонными глазами и протянул к нему руку. — Да будет свет.

И стал свет. И на этот раз свет был хорош.

IX

Роланд проснулся у остывшего кострища и обнаружил, что постарел на десять лет. Его черные волосы поредели на висках и подернулись сединой, цвета осенней паутины. Морщины на лице стали глубже, кожа — грубее.

Остатки дров, которые он собирал для костра, сделались тверже камня, человек в черном превратился в ухмыляющийся скелет в истлевающем темном плаще: еще одна кучка костей в этом месте смерти, еще один череп на этой голгофе.

Это действительно ты? — подумал стрелок. — *Что-то я сомневаюсь, Уолтер о'Мрак... что-то я сомневаюсь, Мартен.*

Он встал на ноги и огляделся. А потом вдруг наклонился и протянул руку к останкам своего собеседника, с которым они проговорили всю вчерашнюю долгую ночь (если это действительно были останки Уолтера) — ночь, растянувшуюся на десять лет. Он отломал нижнюю челюсть от ухмыляющегося черепа и небрежно засунул ее в левый передний карман своих джинсов. Вполне подходящая замена для той, что осталась в горах.

— И что из того, что ты мне говорил, было правдой? — спросил он. Он был уверен, что очень немногое. Но ложь была хороша. Прежде всего потому, что она очень умело мешалась с правдой.

Башня. Где-то там, впереди, она ждет его — средоточие Времени, средоточие Размера.

Он снова отправился в путь. На запад. Повернувшись спиной к восходу, лицом к океану. Осознавая, что целый этап его жизни прошел, завершился.

— Я любил тебя, Джейк, — сказал он вслух.

Его онемелое тело постепенно приобрело обычную подвижность, он зашагал быстрее и уже вечером вышел на край земли. Он уселся на пустынном берегу, что простирался и влево, и вправо, теряясь в бесконечности. Волны бились о берег, накатывая непрестанно. Заходящее солнце окрасило воду фальшивым золотом.

Стрелок сидел, обратив лицо к меркнущему свету дня. Он замечтался, глядя на небо, где уже зажигались звезды;

его решимость не ослабла, сердце не дрогнуло. Ветер трепал его волосы, теперь поредевшие и поседевшие на висках; револьверы его отца с рукоятями из сандала лежали, спокойные и беспощадные, у него на бедрах. Он был одинок, но не считал одиночество чем-то плохим или постыдным. Тьма опустилась на мир, и мир сдвинулся в места. Стрелок ждал, когда придет время для извлечения, и предавался своим долгим грезам о Темной Башне, к которой он подойдет однажды — в сумерках, трубя в рог, чтобы сразиться в последней немыслимой битве.

Извлечение троих

Дону Гранту, который на свой страх и риск издает эти романы один за другим.

Предисловие автора

звлечение троих» — второй том длинной истории под названием «Темная Башня», истории, навеянной и до некоторой степени основанной на поэме Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»*, которая, в свою очередь, восходит к «Королю Лиру».

В первом томе, «Стрелок», повествуется о том, как Роланд, последний стрелок из мира, который «сдвинулся с места», наконец настигает человека в черном... одного колдуна, за которым он гонится очень давно — мы даже не знаем сколько. Человек в черном оказывается тем самым Уолтером, который одно время прикидывался большим другом отца Роланда. Это было тогда, когда мир еще оставался прежним.

Цель Роланда — не этот получеловек. Его цель — Темная Башня. Человек в черном, а точнее, то, что он *знает*, — первый шаг Роланда на пути к этому таинственному месту.

Кто же такой Роланд? Каким был его мир до того, как он «сдвинулся с места»? Что это за Башня и почему он стремится к ней? Ответы есть, но только отрывочные. Роланд — стрелок, своего рода рыцарь, один из тех, кому вверено хранить мир, который, как помнит его Роланд, «был исполнен любви и света», и беречь этот мир, не давая ему сдвигаться.

Мы знаем, что Роланду пришлось пройти обряд инициации много раньше разумных сроков после того, как он обнаружил, что его мать стала любовницей Мартена, чернокнижника, искушенного

* В переводе на русский язык В. Давиденковой строка звучит так: «Роланд до Замка Черного дошел». — *Примеч. ред.*

в колдовском искусстве гораздо больше Уолтера (который втайне от отца Роланда был в сговоре с Мартеном); мы знаем, что Мартен специально подстроил так, чтобы Роланд узнал о его связи с матерью, в надежде, что тот не выдержит испытания и будет «изгнан на Запад», то есть навсегда станет отверженным; мы знаем, что Роланд с честью прошел боевое крещение.

А что мы знаем еще? Что мир стрелка в чем-то очень напоминает наш. В нем сохранились остатки цивилизации, мало чем отличающейся от нашей: бензоколонки, например, и некоторые песни (да хотя бы «Эй, Джуд» или кусочек одной нескладушки, которая начинается со слов «Бобы, бобы, нет музыкальней еды»), а некоторые обычаи и ритуалы как-то уж слишком похожи на наши несколько романтизированные представления о Диком Западе.

И есть еще одна зацепка, странным образом соединяющая мир стрелка с нашим. На дорожной станции у давно заброшенного проезжего тракта в необозримой безжизненной пустыне Роланду встречается мальчик по имени Джейк, который *умер* в нашем мире. На самом деле его убили: вездесущий (и не знающий жалости) человек в черном столкнул его с тротуара на проезжую часть. Джейк тогда шагал в школу с портфелем в одной руке и пакетом с завтраком в другой. Последнее, что он запомнил о своем мире — о *нашем* мире, — это то, как его давят колеса громадного «кадиллака»... и как он умирает.

Незадолго до последней встречи с человеком в черном Джейк погибает снова... на этот раз потому, что стрелок, второй раз в жизни поставленный перед неумолимым выбором, все-таки предпочитает пожертвовать мальчиком, который в символическом плане стал ему сыном. Когда пришлось выбирать между Башней и ребенком, быть может, между проклятием и спасением, Роланд выбрал Башню.

— Тогда идите, — сказал ему Джейк перед тем, как сорваться в пропасть. — Есть и другие миры, кроме этого.

Последнее столкновение Роланда и Уолтера происходит на пыльной голгофе истлевающих костей. Человек в черном гадает Роланду на картах Таро. Карты показывают мужчину — Узника, женщину — Госпожу Теней и темную тень, именуемую просто Смерть («Но не твоя, стрелок», — говорит ему человек в черном). В настоящем томе как раз и рассказывается о том, как сбывались эти предсказания... о втором шаге Роланда на долгом и трудном пути к Темной Башне.

Том первый — «Стрелок» — заканчивается на том, что Роланд сидит на берегу Западного моря и глядит на закат. Человек в черном мертв.

Будущее видится стрелку смутно. «Извлечение троих» начинается на том же самом берегу, часов семь спустя.

Пролог

МОРЯК

Стрелок пробудился от сумбурного сна, состоявшего, кажется, из одного-единственного образа: Моряка из колоды карт Таро, по которым человек в черном предсказывал (или лишь делал вид, что предсказывает) стрелку его горестное будущее.

«Он тонет, стрелок, — говорил человек в черном, — и никто не бросит ему веревку. Мальчик Джейк».

Но это был не кошмар, а хороший сон. Хороший, потому что во сне тонул он сам, а это значит, что он был не Роландом, а Джейком, и потому чувствовал несказанное облегчение: лучше уж утонуть, как Джейк, чем жить, как живет он — человек, ради какой-то холодной мечты предавший ребенка, который ему доверял.

Хорошо. Замечательно. Я тону, думал он, прислушиваясь к реву моря. *Пусть я утону.* Но то был не глас разверстых глубин, а скрежет волн о горловину прибрежных камней. *Действительно* ли он моряк? А если так, то почему тогда суша так близко? А в самом деле, разве он не на твердой земле? Впечатление было такое, как будто...

Ледяная вода окатила его сапоги, поднялась по ногам до самого паха. Он резко открыл глаза, но вовсе не его замерзшие яйца, которые съежились вдруг до размеров, как ему показалось, грецких орехов, вырвали стрелка из сна и даже не ужас, которым так и полыхнуло справа, но мысль о его револьверах... его револьверах и, что важнее, патронах. Намокшие револьверы еще можно быстро разобрать, вытереть насухо, смазать как следует, опять вытереть, повторно смазать и снова собрать; сырые же патроны, как и подмокшие спички, могут еще сгодиться, а могут и нет.

Ужасом веяло от некой ползучей твари, которую, вероятно, вынесло на берег волной. Она с трудом волочила по песку свое мокрое блестящее тело более четырех футов в длину. На расстоянии четырех ярдов справа от стрелка. Странное существо пялилось на Роланда своими глазками на стебельках, потом раскрыло длинный зазубренный, как пила, клюв и принялось издавать какие-то звуки, до жути похожие на человеческую речь: исполненные печали, даже отчаяния вопросы на чужом языке.

— Дид-а-чик? Дум-а-чум? Дад-а-чам? Дед-а-чек?

Стрелку доводилось видеть омаров. Это был не омар, но из всех странных существ, ему известных, пожалуй, только омар имел с этим созданием хотя бы отдаленное сходство. И похоже, оно нисколько его не боялось. Стрелок не представлял, опасно оно или нет. Его совсем не волновала путаница в голове, то есть его временная неспособность вспомнить, где он и как сюда попал, на самом ли деле догнал человека в черном или ему это только приснилось. Но одно он знал твердо: нужно выбраться из воды, пока не промокли патроны.

Вдруг он услышал дробный, нарастающий рев воды и, отвернувшись от странного существа (оно замерло на месте, подняло клешни, при помощи которых и волочилось по суше, и напоминало теперь боксера в открытой стойке, которая называется, как учил их Корт, стойкой чести), поглядел на вспененную полосу прилива.

Оно слышит волну, подумал стрелок. *Я не знаю, что это за тварь такая, но уши у нее есть.* Он попытался встать, но затекшие ноги сразу же подогнулись под ним.

Я все еще сплю, подумал он, но даже в таком помутненном состоянии ума мысль эта была слишком уж соблазнительной, чтобы оказаться правдой. Он еще раз попытался встать, и ему это почти удалось, но потом ноги опять подкосились. Волна надвигалась. На третью попытку времени не оставалось. Придется ему взять пример с этой твари справа и передвигаться таким же способом: отталкиваясь руками, он отполз по гальке подальше от волны.

Ему не удалось полностью спастись от нее, но все же цели своей он достиг. Волне достались только его сапоги. Вода добралась почти до колен, а потом отступила. *Может, и первая тоже была не такой большой, как я думал. Может...*

В небе висел полукруг луны, затянутый туманной дымкой, но все-таки сквозь нее пробивалось достаточно света, чтобы стрелок разглядел, что его кобуры подозрительно потемнели. Револьверы уж точно намокли. Пока еще невозможно было определить, насколько сильно пострадало оружие и не намокли ли и патроны тоже в барабанах и в патронташе. Сначала нужно убраться подальше от волн, а потом уже можно и проверять. Сначала нужно...

— Дод-а-чок?

На этот раз звук раздался гораздо ближе. Озабоченный только тем, как бы не намочить патроны, стрелок совершенно забыл о создании, которое вынес прилив. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что оно теперь всего-то в четырех футах. Вонзая клешни в песок, перемешанный с галькой и ракушками, оно подползало все ближе. Мясистое членистое тело приподнялось, тут же напомнив стрелку скорпиона, однако Роланд не разглядел на хвосте жала.

Еще один скрежещущий рокот прибоя, на этот раз громче. Существо снова застыло на месте и подняло клешни в своей вариации стойки чести.

Эта волна была больше прежних. Роланд снова пополз вверх по пологому прибрежному склону и только оперся руками для первого толчка, как существо рванулось к нему со скоростью, которой никак нельзя было от него ожидать, судя по предыдущим тяжеловесным движениям.

Стрелок ощутил яркую вспышку боли в правой руке, но сейчас не было времени на размышления. Он оттолкнулся каблуками своих промокших сапог, подтянулся на руках и сумел-таки опередить волну.

— Дид-а-чик? — вопрошало чудовище своим жалобным (*Почему ты не хочешь помочь мне? Ты разве не видишь, что я в отчаянии?*) голоском.

Существо бросилось на него снова, и Роланд лишь теперь увидел, как его указательный и средний пальцы целиком исчезают в зазубренном клюве, и едва успел отдернуть кровоточащую правую руку, спасая оставшиеся три пальца.

— Дум-а-чум? Дад-а-чам?

Стрелок, пошатываясь, поднялся. Чудовище пропороло клешней штанину его насквозь промокших джинсов, разодрало сапог из старой и мягкой, но крепкой, не хуже железа, кожи и вырвало у него из икры кусок мяса.

Он потянулся правой рукой к кобуре, и только когда револьвер упал на песок, Роланд сообразил, что для этого старого как мир смертоносного движения ему не хватает двух пальцев.

Чудище жадно набросилось на револьвер.

— Нет, сволочь! — прорычал Роланд и пнул тварь ногой. С тем же успехом он мог бы пинать и какой-нибудь валун... который вдобавок еще и кусается. Чудовище отхватило носок его правого сапога, а вместе с ним — почти весь большой палец и стянуло сапог с ноги.

Стрелок нагнулся, поднял револьвер, уронил его, грязно выругался, но в конце концов справился с ним. То, что он

прежде делал играючи, не утруждая себя даже тем, чтобы задумываться об этом, вдруг оказалось сложнейшим трюком вроде жонглирования.

Тварь трепала сапог стрелка, разрывая его на части и бормоча свои невнятные вопросы. Волна накатывала на берег, пена на ее гребне казалась мертвенно-бледной в пробивающемся сквозь сито туманной пелены свете полумесяца. Омарообразная гадина прекратила терзать сапог и подняла клешни в боксерской стойке.

Левой рукой Роланд вытащил второй револьвер и трижды нажал на спусковой крючок. *Чик-чик-чик.*

По крайней мере теперь все ясно с патронами в барабанах.

Он сунул левый револьвер в кобуру. Чтобы убрать правый, ему пришлось левой рукой повернуть его стволом вниз и только потом отпустить, чтобы он сам встал на место. Кровь испачкала вытертые деревянные рукояти; пятна крови алели на кобуре и на поношенных джинсах там, где кобура соприкасалась с тканью. Кровь хлестала из двух обрубков, на месте которых совсем недавно были два пальца.

Онемение в ногах еще не прошло, и боль в искалеченной правой ступне практически не чувствовалась, зато рука полыхала ревущим огнем. Призраки искусных, натренированных пальцев, что разлагались теперь в желудочных соках в утробе твари, как будто вопили о том, что они еще здесь, на руке, и что им невыносимо больно.

Кажется, у меня назревают большие проблемы, отстраненно подумал стрелок.

Волна отступила. Чудище опустило клешни, пропороло очередную дыру в сапоге стрелка, но потом передумало, резонно решив, что владелец сапога гораздо вкуснее старого куска кожи, которую он неким таинственным образом сбросил.

— Дум-а-чум? — спросило оно и рванулось к стрелку с ужасающей скоростью. Стрелок отступил, почти не чувствуя под собой ног. Только теперь ему пришло в голову, что это создание наделено каким-то разумом. Оно приблизилось к нему, быть может, проделав немалый путь вдоль берега, приблизилось осторожно, потому что не знало, что он такое и на что способен. Если бы волна прилива не разбудила Роланда, эта тварь содрала бы кожу с его лица, пока он спал и видел сны. А сейчас существо уже выяснило, что он не только приятен на вкус, но еще и уязвим: легкая добыча.

Она уже настигала его — тварь длиной в четыре фута и высотой в один, которая вполне могла весить фунтов семьдесят. Такая же целеустремленная и откровенно хищная, как и сокол Давид, тот, что был у стрелка еще в его детские годы, только без Давидовых смутных признаков преданности.

Каблуком сапога стрелок зацепился за выступающий из песка камень и едва не упал.

— *Дод-а-чок?* — спросило чудовище как будто даже заботливо, вытаращилось на стрелка своими глазками, колышущимися на стебельках, и протянуло клешни... но тут набежала волна прилива, и клешни снова поднялись в стойке чести. Однако на этот раз они легонько подрагивали, и стрелок понял, что существо так реагирует на звук волны и что сейчас этот звук — для его преследователя по крайней мере — был чуть-чуть послабее.

Стрелок отступил назад, перешагнув через камень, и нагнулся в тот самый момент, когда волна со скрежещущим ревом обрушилась на усеянный галькой берег. Его голова оказалась в каких-нибудь нескольких дюймах от насекомоподобного рыла чудовища. Оно могло запросто выцарапать ему глаза, хватило бы одного взмаха клешни, но эти трепещущие клешни, так похожие на стиснутые кулаки, оставались воздетыми к небу по обеим сторонам его попугаячьего клюва.

Стрелок потянулся за камнем, из-за которого он чуть не упал. Это был здоровенный камень, наполовину вросший в песок. Его искалеченная правая рука заныла, когда комья грязи и острые грани камня врезались в открытую кровоточащую плоть, но стрелок все же выдернул камень из слежавшегося песка и, закусив губы, поднял его.

— *Дад-а...* — начало было чудовище, опуская и разжимая клешни по мере того, как откатывала волна и замирал ее рев, но стрелок изо всех сил грохнул камнем по спине твари.

Раздался треск — это сломался пластинчатый панцирь. Чудовище бешено извивалось под камнем, его хвост неистово бил о песок, вверх-вниз, вверх-вниз. Его вопрошающие интонации обернулись глухими воплями боли. Клешни щелкали, пытаясь схватить пустоту. Зазубренный клюв скрежетал о комки песка и гальку.

И все же, когда набежала очередная волна, тварь попыталась поднять клешни, и в то же мгновение стрелок наступил ей на голову своим уцелевшим сапогом. Звук был таким, как будто хрустнуло много-много сухих тонких прутиков. Из-под каблука, брызнув в обе стороны, потекла какая-то густая жижа. Черного цвета. Чудовище выгибалось дугой и неистово извивалось. Стрелок еще сильнее надавил сапогом.

Набежала волна.

Клешни твари приподнялись на дюйм... на два дюйма... затряслись и упали, судорожно сжимаясь и разжимаясь.

Стрелок убрал ногу. Зазубренный клюв, который оттяпал от его живой плоти два пальца на руке и один на ноге, медленно раскрылся и закрылся. Один усик лежал, сломанный, на песке, другой бессмысленно трепыхался.

Стрелок еще раз припечатал ногой издыхающее чудовище. Потом — еще.

Он с натужным вздохом отвалил ногой камень и прошелся вдоль правого бока твари, методично пиная панцирь левым сапогом, ломая его, втаптывая бледные внутренности в темно-серый песок. Чудовище издохло, но для стрелка этого было мало: никогда за свою долгую, полную превратностей жизнь он еще не был так тяжело ранен, к тому же все это произошло так неожиданно.

Он продолжал топтать дохлую тварь, пока не увидел посреди прокисшего месива свой собственный палец с белой пылью под ногтем — пылью с голгофы, где они с человеком в черном вели бесконечно долгий разговор. Вот тут-то стрелок отвернулся, и его вырвало.

Стрелок зашагал обратно к воде, пошатываясь как пьяный, прижимая к рубахе свою искалеченную руку. Время от времени он оглядывался, чтобы удостовериться, что гнусная тварь не воскресла, как какая-нибудь живучая оса, по которой колотят-колотят, а она все извивается, оглушенная, но живая; убедиться, что она не гонится за ним, задавая нечленораздельные вопросы своим до жути отчаянным голосом.

На полпути к воде он остановился и стоял так, шатаясь, глядя на то самое место, где все это и началось. Глядя и вспоминая. По всей видимости, он уснул чуть ниже верхней линии прилива. Стрелок поднял с земли дорожную сумку и свой разодранный сапог.

В разоблачающем свете луны он увидел и других тварей — таких же — и в промежутке между набегающими волнами различил их вопрошающие голоса.

Осторожно, шаг за шагом стрелок отступил к тому месту, где галечный пляж сменялся травой. Там он уселся и сделал все, что считал нужным сделать: присыпал обрубки откусанных пальцев остатками табака, чтобы остановить кровотечение, — присыпал погуще, не обращая внимания на новые приступы боли (теперь в этот хор вступил и оторванный большой палец ноги), а потом просто сидел, покрываясь испариной на студеном ветру, и гадал, будет заражение или нет и как ему теперь обходиться без двух пальцев на правой руке (что касается револьверов, тут обе руки его были равны, но во всех остальных делах он ловчее справлялся правой). А еще он гадал о том, ядовитая была тварь или нет, а если да, то не проник ли уже этот яд ему в кровь и настанет ли для него завтрашний день.

УЗНИК

Глава 1
ДВЕРЬ

1

ри. Вот число твоей судьбы.

— Три?

— Да. Три — мистическое число. Трое стоят в центре мантры.

— Кто эти трое?

— Первый темноволос. Сейчас он стоит на грани грабежа и убийства. Демон его осаждает. Имя демону — ГЕРОИН.

— Что за демон еще? Я не знаю его, даже в сказках такого нет.

Он пытался говорить, но голоса не было, и голос оракула, Звездной Шлюхи, Потаскушки Ветров, тоже исчез. Он видел, как падает карта из ниоткуда в никуда, непрестанно переворачиваясь в истоме тьмы. На карте скалился бабуин, восседающий на плече у молодого мужчины с черными волосами; его пальцы, до жути похожие на человеческие, так глубоко вонзались юноше в шею, что их кончики утопали в плоти. Присмотревшись внимательнее, стрелок разглядел, что в своей скрюченной душащей лапе бабуин держит плетку. Лицо юноши искажала гримаса несказанного ужаса.

— Узник, — по-дружески прошептал человек в черном (тот самый Уолтер, человек, которому стрелок доверял когда-то). *— Правда, в нем есть что-то угнетающее? В нем есть что-то угнетающее... в нем есть что-то... что-то...*

2

Вздрогнув, стрелок проснулся, отмахиваясь от чего-то своей искалеченной рукой, уверенный, что одно из этих чу-

довищ с панцирем из Западного моря сейчас набросится на него, сдирая кожу с лица, отчаянно вопрошая его на странном своем языке.

Но вместо чудища он увидел какую-то морскую птицу, привлеченную бликами раннего солнца на пуговицах рубашки; испуганно вскрикнув, она отлетела прочь.

Роланд сел.

В руке пульсировала боль, ужасная, бесконечная. В правой ноге тоже. Стрелок чувствовал свои пальцы, которых не было. Его рубаха с оторванной нижней половиной теперь больше напоминала короткий жакет с обтрепанными краями. Одним куском ткани он перевязал руку, вторым забинтовал стопу.

— *Пошли прочь,* — сказал он пальцам, которых не было. — *Вас уже нет, вы — фантомы. Пошли прочь.*

Чуть-чуть помогло. Совсем немного, но все-таки. Да, это были фантомы, призраки, но только живые.

Стрелок съел немного вяленого мяса. Соленое, оно было не в радость ни рту, ни желудку, но он все же заставил себя перекусить. Это чуть-чуть приободрило его. Хотя на самом-то деле силы его уже почти иссякли. Положение было чуть ли не безвыходным.

А ведь нужно еще кое-что совершить.

Он нетвердо поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Парившие над морем птицы то и дело устремлялись вниз и ныряли в воду. Больше не было никого. Как будто весь мир принадлежал только им и ему. Чудовища скрылись из виду. Может, они существа ночные или выходят на берег только в часы прилива. Сейчас это казалось неважным.

Огромное море соприкасалось с горизонтом в некой размытой голубой точке, которую невозможно было вычислить. Заглядевшись, стрелок на время забыл про боль. Он в жизни не видел столько воды. Разумеется, он слышал о море и в детских сказках, и от учителей. Некоторым из них удалось убедить его в том, что оно существует... но чтобы своими глазами увидеть... эту громаду, это чудо безбрежной воды после стольких лет жизни в иссушенных землях... Ему было трудно поверить в это. Трудно даже *смотреть* на такое.

Он глядел на море долго, восхищенно, заставляя себя смотреть, и дивился, до поры забыв свою боль.

Но уже наступило утро, и еще предстояло многое сделать.

Стараясь не потревожить обрубки пальцев, он ладонью осторожно нащупал в заднем кармане челюсть, проверяя, на месте ли она. Ноющая боль сменилась острой, кричащей.

Кость на месте.

Порядок.

Дальше.

Он неуклюже расстегнул ремни с кобурами и положил их на залитый солнцем камень. Вытащил револьверы, крутанул барабаны, вынул бесполезные теперь патроны и выбросил их. Они засияли на солнце. На яркие блики прилетела птица, подхватила один патрон клювом, потом выронила и улетела прочь.

Теперь пора позаботиться и о самих револьверах — это стоило бы сделать в первую очередь, но поскольку в этом мире, как и в любом другом, револьвер без патронов — всего лишь кусок металла, стрелок сперва разложил патронташи у себя на коленях и осторожно провел левой рукой по коже.

Оба промокли от пряжек до того места, где ремни соприкасаются с бедрами; дальше как будто были сухими. Он осторожно вынул все сухие патроны. Правая его рука так и рвалась приняться за работу, даже несмотря на боль, забыв про увечье, и стрелок поймал себя на том, что он снова и снова возвращает ее на колено, как глупую или капризную собаку, которая не понимает команд. Обезумев от боли, он пару раз едва не ударил по ней.

Кажется, у меня назревают большие проблемы, опять подумал он.

Он сложил сухие патроны, хотелось надеяться, исправные, в одну кучу и тут же пришел в уныние: такой она оказалась жалкой. Двадцать штук. И некоторые скорее всего непременно дадут осечку. То есть нельзя полагаться ни на один. Он достал остальные патроны и сложил их в другую кучку. Тридцать семь.

Ну что ж, нельзя сказать, что ты и раньше был вооружен до зубов, утешил себя стрелок, но он хорошо понимал разницу между пятьюдесятью семью годными патронами и в лучшем случае – двадцатью. А то и десятью. Или пятью. Или одним. Или, может, вообще ни единым.

Стрелок отложил сомнительные патроны в сторону.

Хорошо еще, что сумка его не пропала. Стрелок разложил ее на коленях, потом медленно разобрал револьверы и совершил ритуал чистки. Закончил он через два часа. Боль настолько обострилась, что у него закружилась голова. Стало трудно даже связно мыслить. Хотелось спать. Никогда в жизни ему так не хотелось спать. Но ни разу еще сон не служил ему оправданием для того, чтобы отложить дела и забыть о долге.

— Корт, — проговорил стрелок, и сам не узнал свой голос. Он натянуто рассмеялся.

Медленно, очень медленно он собрал револьверы и зарядил их патронами, которые предположительно остались сухими. Покончив с этим, он поднял револьвер, подогнанный под его левую руку... и медленно отпустил курок, так и не выстрелив. Да, он хотел знать. Хотел знать, что будет, когда он нажмет на спусковой

крючок: выстрел или еще один бессмысленный щелчок. Но щелчок не значил бы ничего, а выстрел лишь уменьшил бы количество пригодных патронов с двадцати до девятнадцати... или до девяти... или до трех... а может быть, их бы вообще не осталось.

Он оторвал еще одну полосу от рубахи, сложил на нее остальные патроны — те, что намокли, — и завязал узелок левой рукой, помогая себе зубами. Потом сунул сверток в сумку.

Спать, требовало его тело. *Спать, тебе надо поспать, сейчас, пока не стемнело. У тебя не осталось сил, ты выдохся...*

Он заставил себя подняться и оглядел пустынный берег цвета давно не стиранного, заношенного исподнего. Берег был усыпан бесцветными ракушками. Кое-где из крупнозернистого песка торчали большие камни, густо покрытые гуано*; те слои, что постарее, были желтыми, точно старые зубы, а те, что посвежее, сверкали белизной.

По линии прилива подсыхали бурые водоросли. Совсем рядом валялись разорванный в клочья правый сапог стрелка и бурдюки для воды. Стрелок подивился такому чуду, что их не смыло волнами в море. Сильно хромая, он медленно подошел к ним. Поднял один и встряхнул, приложив к уху. Второй бурдюк точно был пуст, но в этом еще оставалось немного воды. Большинство людей ни за что бы не заметили разницу между ними, но стрелок различал их, как мать различает своих близнецов и никогда не путает одного с другим. Он очень долго скитался по свету с этими бурдюками. Внутри плескалась вода. Это хорошо — это настоящий подарок, ведь напавшая на него тварь или ее сородичи могли бы порвать бурдюки одним случайным укусом или движением клешни, но этого не случилось и волны не унесли их в море. Самой твари что-то не было видно, хотя стрелок прикончил ее гораздо выше линии прилива. Возможно, ее останки утащили другие хищники; или же собратья погребли ее в море, как те огромные существа из детских сказок, *слоны,* которые, по слухам, хоронят своих умерших.

Он поднял бурдюк на левом локте, сделал большой глоток и тут же почувствовал, как к нему возвращаются силы. Само собой, правый сапог был порядком изувечен... но все же не так безнадежно. Подошва осталась целой — посеченной, конечно, но целой, — и скорее всего с ней еще можно что-нибудь сделать: отрезать кусочек от левого сапога, приладить на правый, чтобы обойтись этим хотя бы первое время...

Внезапно он почувствовал, что близок к обмороку. Его охватила слабость. Он попытался одолеть ее, но ноги его подкосились, и он сел на песок, по-дурацки прикусив язык.

* Гуано — разложившийся в условиях сухого климата помет морских птиц. — *Примеч. ред.*

«Ты не будешь терять сознание, — твердо сказал он себе. — *Только не здесь, где ночью на берег вполне может выползти еще одна тварь — и уж на этот раз точно тебя прикончить».*

Он поднялся на ноги, обвязал пустой бурдюк вокруг пояса и направился к тому месту, где оставил свои револьверы и сумку. Но не прошел стрелок и двадцати ярдов, как снова упал, едва не потеряв сознание. Он полежал немного, прижавшись щекой к песку. Краешек ракушки почти до крови врезался в кожу под нижней челюстью. Он сумел поднести бурдюк с водой ко рту и сделать несколько глотков, а потом, не вставая, пополз к тому месту, где проснулся сегодня утром. В двадцати ярдах выше по склону росло одинокое чахлое деревце — юкка, дерево Иисуса, отбрасывавшее какую-никакую, но тень.

Роланду эти двадцать ярдов показались двадцатью милями.

Но он все-таки смог перетащить свои немногочисленные пожитки в крошечный островок тени. Опустив голову на траву, стрелок улегся, уже отдаваясь сну, или беспамятству, или смерти. Он поглядел на небо, пытаясь определить время. Еще не полдень, но, если судить по размеру пятнышка тени, в котором он примостился, полдень уже близок. Стрелок продержался в сознании еще мгновение: поднес правую руку к глазам, высматривая, нет ли характерных алых полос, признаков заражения, яда, неуклонно разливающегося по телу.

Ладонь была тускло-красной. Нехороший знак.

Я могу мастурбировать левой, подумал он. *Это уже утешает.*

А потом он провалился во тьму и проспал почти шестнадцать часов под шум Западного моря, что непрестанно гремел в его ушах.

3

Когда он проснулся, море было темным, но с восточной стороны неба проглядывал слабый свет. Утро уже наступало. Стрелок сел, и тут же волной нахлынула дурнота.

Он опустил голову и переждал.

Когда слабость прошла, он взглянул на свою правую руку. Да, заражение он заработал — предательская краснота расползлась по ладони и захватила запястье. Дальше пока не пошло, но стрелок уже различал слабенькие ростки других алых линий, которые в конечном счете протянутся до сердца и убьют его. И уже, кажется, начался жар. Лихорадка.

«Мне нужно лекарство, — сказал он себе. — *Но здесь его взять неоткуда».*

Выходит, он проделал такой долгий путь лишь для того, чтобы тут умереть? Нет. Он не умрет. А если все-таки ему суждено умереть, несмотря на его решимость, он умрет на пути к Башне.

«Какой же ты исключительный человек, стрелок! Редкий, я бы даже сказал, человек! — хихикнул у него в голове человек в черном. — *Неукротимый такой! Романтичный такой в идиотской своей одержимости!»*

— Пошел ты, — прохрипел стрелок и глотнул воды. Вот и воды почти не осталось. Перед ним простиралось море, вот именно, целое море: кругом вода, но не испить ни капли, ни глотка. Ладно, не все ли равно.

Он надел ремни с кобурами, затянул пряжки — это простое дело заняло столько времени, что даже когда наступил рассвет, открывая новый день, стрелок все еще возился. Потом он попытался встать, хотя не был уверен, что сможет, пока не поднялся на ноги.

Держась левой рукой за деревце, правой он поднял бурдюк, в котором еще оставалось чуть-чуть воды, и перекинул его через плечо. Следом — сумку. Когда он выпрямился, опять накатила слабость, и он опустил голову, пережидая, заставляя себя одолеть ее.

Слабость прошла.

Неуверенными, заплетающимися шагами человека в последней стадии опьянения стрелок спустился на берег. Там он постоял, глядя на океан, темный, как вино из шелковицы, а потом вынул из сумки последний кусок вяленого мяса. Он съел половину, и на этот раз рот и желудок приняли пищу чуть более благосклонно. Стрелок отвернулся от моря и откусил от оставшейся половины, глядя на солнце, встающее над горами, где погиб Джейк. Солнце как будто на миг зацепилось за суровые голые зубья вершин, потом поднялось выше.

Роланд подставил лицо лучам солнца, закрыл глаза и улыбнулся. Потом доел мясо.

И подумал еще: *Замечательно. Я теперь человек без еды, без двух пальцев на руке и без одного на ноге; стрелок при патронах, которые могут и вовсе не выстрелить; у меня заражение крови после укуса какой-то твари, и у меня нет лекарств. Если мне повезет, то воды хватит на день. Может быть, я сумею пройти с дюжину миль, если выложусь до предела. Короче, мне скоро конец.*

Куда идти? Пришел он с востока; но на запад дороги нет, если только ты не спаситель и не святой. Остается двигаться на север или на юг.

На север.

Так подсказывало ему сердце. Совершенно определенно.

На север.

Стрелок тронулся в путь.

4

Он шел уже три часа. Дважды он падал и больше не надеялся, что сможет подняться еще раз. Но набежала волна. Достаточно большая, чтобы заставить его вспомнить о револьверах, и он встал, сам не зная как. Ноги дрожали, как ходули.

По примерным подсчетам, за эти три часа он одолел около четырех миль. Солнце уже припекало, но все-таки не настолько сильно, чтобы так трещала голова и пот ручьями стекал по лицу. С моря дул ветер, но опять же — вряд ли такой легкий бриз мог вызвать приступы дрожи, озноб, который время от времени пробирал стрелка, заставляя его тело покрываться гусиной кожей, а зубы стучать.

«Жар, стрелок, — язвительно верещал человек в черном. — *Все, что осталось еще в тебе, сгорает в огне».*

Красные полосы заражения стали отчетливее, протянувшись от запястья почти до локтя.

Он прошел еще милю и, выпив остатки воды, обвязал пустой бурдюк вокруг пояса. Однообразный пейзаж вызывал неприятные чувства. Справа — море, слева — горы, под сапогами — серый песок вперемешку с ракушками. Волны бились о берег. Стрелок поискал глазами омарообразных чудищ, но не увидел ни одного. Он шел из ниоткуда в никуда, человек из другого времени, который, похоже, постиг смысл бессмысленного конца.

Незадолго перед полуднем он снова упал и понял, что на этот раз ему уже не подняться. Значит, он умрет здесь. На этом месте. Вот и финал.

Привстав на четвереньки, он с усилием поднял голову, как боксер, приходящий в себя после сокрушительного удара... и впереди на расстоянии, может быть, мили, может быть, трех (ему было трудно определить дистанцию на безликой, лишенной всяких ориентиров местности, тем более когда тело горело в лихорадке и все плыло перед глазами) увидел что-то новое. Необычное. Вертикально стоящее на берегу.

Что это? *(Три.)*

Впрочем, не важно. (*Три — вот число твоей судьбы.*)

Стрелок сумел снова подняться на ноги. Прохрипел что-то нечленораздельное, мольбу, которую слышали только парящие в воздухе птицы (*С какой радостью они выклюют у меня глаза,* подумал он мимоходом, *я для них такая лакомая добыча!*), и пошел вперед, еще сильнее шатаясь из стороны в сторону, оставляя за собой извивающийся петлями след.

Стрелок брел, не сводя глаз с этого предмета впереди. Когда волосы падали на глаза, он откидывал их со лба. Не-

понятная штуковина как будто и не становилась ближе. Солнце, поднявшись до высшей точки, надолго зависло в зените. Однако что-то уж слишком надолго. Роланд представил, что он снова в пустыне, как раз между последней хижиной поселенца (*нет музыкальней* еды, *чем больше сожрешь, тем звончей перданешь*) и дорожной станцией, где мальчик (*твой Исаак*) ждал, когда он придет.

Ноги его подкосились, выпрямились, подкосились и выпрямились опять, а когда волосы снова упали ему на глаза, он даже не стал убирать их: у него просто не было сил. Он лишь смотрел на предмет впереди, который теперь отбрасывал на песок узкую тень, и продолжал шагать.

Сейчас, даже при разыгравшейся лихорадке, он уже разглядел, что это такое.

Дверь.

Когда до двери оставалось не более четверти мили, ноги Роланда опять подкосились, но на этот раз выпрямить их он не смог. Он упал, пробороздив правой рукой зернистый песок с ракушками. Обрубки пальцев пронзила жгучая боль — падая, он сорвал свежие струпья, и они снова закровоточили.

Не имея сил подняться, он пополз. В ушах стоял непрерывный грохот и рев разбивающихся о берег волн Западного моря. Он полз, отталкиваясь коленями и локтями, оставляя вдавленный след в песке чуть выше линии прилива, обозначенной гирляндой буро-зеленых водорослей. Вероятно, ветер все еще дует — должен дуть, потому что по его телу все так же бежали мурашки озноба, — но стрелок слышал только свое дыхание, сухими хрипами вырывающееся из горла.

Дверь стала ближе.

Еще.

Еще.

Наконец, около трех часов пополудни этого долгого бредового дня, когда его тень по левую руку уже начала удлиняться, он добрался до загадочной двери, присел рядом на корточки и устало уставился на нее.

Дверь высотой шесть с половиной футов была сделана, похоже, из какого-то твердого дерева, хотя ближайшая роща таких деревьев осталась за семь сотен миль, если не больше, отсюда. Судя по виду, дверная ручка была из золота. Ее украшала филигранная гравировка. Стрелок долго смотрел на узор и наконец узнал его: перед ним сияла ухмыляющаяся морда бабуина.

Замочной скважины не было. Ни под ручкой, ни над ней.

Зато были петли, хотя сама дверь ни к чему не крепилась. *Или просто так кажется,* подумал стрелок. *Здесь ка-*

кая-то тайна, быть может, чудеснейшая из чудесных, но имеет ли это значение? Ты умираешь. Твоя собственная тайна — единственная, действительно что-то значащая для любого мужчины, для любой женщины в смертный час, — уже на подходе.

И все равно это как будто имело значение.

Эта дверь. Дверь там, где в принципе не может быть никаких дверей. Она просто стояла на сером песке футах в двадцати от линии прилива, с виду такая же вечная, как и само море. Теперь, когда солнце клонилось к западу, ее густая косая тень протянулась к востоку.

На высоте примерно двух третей от земли на двери чернели буквы, складывавшиеся в одно только слово на Высоком Слоге: УЗНИК (*Демон его осаждает. Имя демону — ГЕРОИН*).

Внезапно стрелок различил какое-то приглушенное гудение. Сперва он подумал, что это ветер или просто от лихорадки шумит в ушах, но постепенно он пришел к выводу, что это низкий гул моторов... и что идет он откуда-то из-за двери.

Вот и открой ее. Она же не заперта. И ты это знаешь.

Но вместо того чтобы открыть дверь, он неловко поднялся на ноги и обошел вокруг, стремясь взглянуть на нее с другой стороны.

Но никакой другой стороны просто *не было*.

Только темно-серый песок, протянувшийся насколько хватало глаз. Только волны, ракушки, полоса прилива, его собственные следы — отпечатки подошв и ямки, продавленные локтями. Он еще раз внимательнее пригляделся к тому месту, где была дверь, и в изумлении широко открыл глаза: двери не было, но тень от нее осталась.

Он приподнял было правую руку — как же медленно он учился тому, что отныне на месте ее всегда будет левая! — уронил ее, поднял левую и вытянул ее вперед, ожидая наткнуться на твердое препятствие.

Если я к нему прикоснусь, я постучу в пустоту, решил он. *Забавное будет занятие перед смертью!*

Его рука прошла сквозь воздух в том месте, где должна была быть — даже если она невидимая — дверь.

Так что стучать не по чему.

И гул моторов — если это действительно был гул моторов — смолк. Остались лишь волны, ветер и тошнотворный шум в голове.

Стрелок неторопливо вернулся обратно, к внешней стороне несуществующей двери, предположив, что уже начались глюки и это лишь первый шаг...

Он встал как вкопанный.

Только что он смотрел на запад и видел лишь все те же серые волны, накатывающие на берег, и вот взгляд его уперся в массивную дверь. Теперь он явственно увидел панель замка, тоже как будто из золота. Обрубком торчал его металлический

язычок. Роланд чуть-чуть повернул голову к северу — и дверь исчезла. Снова взглянул прямо перед собой, и дверь появилась опять. И даже не *появилась*: она и не исчезала.

Он обошел дверь вокруг и встал перед ней, покачиваясь от слабости.

У двери не было внутренней стороны — только наружная. Он мог бы еще раз попробовать обойти ее, но совершенно очевидно, что результат будет тот же, только на этот раз он уже вряд ли сумеет устоять на ногах.

Интересно, а можно через нее пройти с несуществующей стороны?

Да, здесь было чему удивляться, но правда гораздо проще: здесь, у моря, на бесконечном пляже стоит эта дверь, и ему нужно выбрать одно из двух — открыть ее или вообще не трогать.

Осознавая мрачный комизм ситуации, Роланд сказал себе, что, может быть, он умирает не так быстро, как полагал. Если бы он был совсем плох, стал ли бы он так бояться?

Он взялся левой рукой за ручку двери и не удивился ни мертвенному холоду металла, ни едва различимому жару от рун, на нем выгравированных.

Стрелок повернул ручку и потянул на себя. Дверь открылась.

Он ожидал увидеть там что угодно, но только не то, что перед ним предстало.

Стрелок смотрел, замерев, потом первый раз в жизни закричал в голос от ужаса и захлопнул дверь. И хотя не было косяка, о который она могла бы грохнуть, она все равно грохнула, распугав морских птиц, расположившихся на камнях понаблюдать за стрелком.

5

А увидел он землю с небывалого, невообразимого расстояния — как будто он парил в небе на многомильной высоте. Он видел ложащиеся на землю тени облаков, плывущих над нею, как сны. Так, наверное, видят землю орлы, но только стрелок парил в три раза выше любого орла.

Шагнуть через эту дверь — значит упасть и с криком лететь вниз на протяжении многих минут, и погибнуть потом, врезавшись глубоко в землю.

Нет, ты видел не только это.

Он обдумывал увиденное, тупо сидя на песке перед закрытой дверью, баюкая на коленях искалеченную руку. Теперь уже первые признаки заражения обнаружились выше локтя. Скоро, уж будьте уверены, оно дойдет и до сердца.

В голове у него прогремел голос Корта:

«А теперь послушайте меня, сопляки. И слушайте очень внимательно, потому что когда-нибудь то, что я сейчас вам скажу, может спасти вам жизнь. Вот вы смотрите, и вам кажется, что вы все видите, но на самом-то деле вы видите далеко не все. И для этого тоже вас ко мне определили — чтобы я показал вам, чего вы не видите в том, на что смотрите. Когда, например, вам страшно, или когда вы деретесь, или бежите, или занимаетесь любовью. Никто не видит всего, на что смотрит, но прежде чем вам стать стрелками — тем из вас, кому не придется уйти на Запад, — вам надо еще научиться одним только взглядом увидеть больше, чем иной человек видит за всю свою жизнь. А то, что вы не увидите с первого взгляда, можно увидеть потом — глазами памяти — в том случае, если вы доживете до того, чтобы вспомнить. Вот так-то. Потому что разница между тем, видишь ты или не видишь, может стать разницей между жизнью и смертью».

Он видел землю с большой высоты (и голова у него закружилась еще сильнее, а ему самому было гораздо страшнее, чем тогда, когда человек в черном наслал на него видение, завершившееся образом одинокой травинки, ибо то, что увидел он через дверь, было отнюдь не видением, и рассеянный взгляд его безотчетно зафиксировал одну вещь, о которой стрелок вспомнил только сейчас: земля внизу была не пустыней, не морем, а какой-то зеленой равниной, покрытой неправдоподобно буйной растительностью, с прогалинами воды. Стрелок даже подумал, что это болото, но однако же...

«Куда подевалось твое внимание? — свирепо дразнил его голос Корта. — *Ты видел больше!»*

Да.

Он видел еще что-то белое.

Белые края.

«Браво, Роланд!» — воскликнул Корт у него в голове, и Роланд как будто почувствовал пожатие его твердой мозолистой руки. Он даже поморщился.

Он видел землю через окно.

Стрелок заставил себя подняться, снова взялся за ручку двери, ощущая ладонью холод металла и жаркие линии гравировки, и опять открыл дверь.

6

Панорама земли, которую он ожидал увидеть с такой немыслимой, ужасающей высоты, исчезла. Он смотрел на слова, которых не понимал. Не то чтобы не понимал совсем: это были Великие Буквы, но порядком искаженные...

Над словами было изображение какого-то экипажа без лошадей — автомобиля, одного из тех, которые, предположительно, наводнили мир еще до того, как он сдвинулся с места. Внезапно стрелку вспомнились слова Джейка на дорожной станции, когда стрелок его загипнотизировал.

Быть может, такой экипаж — еще с ним рядом стояла, смеясь, дама в мехах — или очень похожий и наехал на Джейка в том другом, странном мире.

Это и есть тот другой мир, подумал стрелок.

Вдруг панорама земли...

Она не изменилась, но она *стала сдвигаться.* Стрелок покачнулся. Голова у него закружилась, к горлу подступила тошнота. Слова и картинка ушли куда-то вниз, и теперь стрелок увидел проход между двумя рядами кресел. Кроме нескольких пустых, почти все они были заняты мужчинами в странной одежде. Стрелок подумал, что это костюмы, хотя раньше ничего подобного он не видел. Штуки у них вокруг шеи, наверное, галстуки или шейные платки, но он таких тоже ни разу не видел. И вроде никто из них не вооружен. Роланд не заметил ни мечей, ни кинжалов, не говоря уже о револьверах. Что это еще за доверчивые овечки? Одни читали газеты с мелкими-мелкими буковками и картинками, другие что-то писали на бумаге какими-то странными ручками. Он в жизни таких не видел. Но ручки — что? Вот бумага — это да. В его мире бумага была на вес золота. Столько бумаги Роланд не видел за всю свою жизнь. Вот и сейчас один из мужчин вырвал листок из желтого блокнота и скомкал его, хотя исписал одну сторону, и то всего лишь наполовину, а на другой не писал вовсе. Как бы стрелок ни был болен, глядя на такое противоестественное расточительство, он ощутил приступ гнева и ужаса.

За креслами дугой изгибалась закругленная белая стена с рядом окон. Кое-где они были закрыты своего рода ставнями, а в открытых виднелось голубое небо.

К дверному проему приблизилась женщина в одежде, похожей на униформу, но опять же не встречавшуюся стрелку раньше: ярко-красного цвета с *брюками* вместо юбки. Он отчетливо видел то место, где соединялись ее ноги. Раньше он видел это место только у обнаженных женщин.

Она подступила так близко к двери, что Роланду даже показалось, будто она сейчас пройдет сквозь нее. Он отступил на шаг, умудрившись не упасть. Она посмотрела на него с видом умелой, даже профессиональной предупредительности, так что сразу стало ясно, что эта женщина, будучи на службе, вместе с тем не принадлежит никому, кроме себя самой. Но это нисколько не заин-

тересовало стрелка. Заинтересовало же его другое, а именно то, что выражение ее лица ни капельки не изменилось. Как-то странно, что женщина — да и вообще кто угодно, уж если на то пошло, — так ласково смотрит на немытого, измученного мужика, который и на ногах-то стоит еле-еле, с револьверами по бокам, пропитанной кровью повязкой на правой руке и в джинсах, что выглядят так, словно по ним прошлись циркулярной пилой.

— Не желаете ли... — спросила женщина в красном. Стрелок не понял последовавших за этим слов. *Наверное, речь шла о еде или напитке,* подумал он. *Это красное одеяние... это не хлопок. Шелк? Немного похоже на шелк, но опять же...*

— Джин, — ответил ей голос. Это слово Роланд понял. И внезапно он понял еще кое-что.

Это не дверь.

Это *глаза.*

Звучит, конечно, как полный бред, но он смотрел на внутреннее убранство машины, летевшей по небу. И смотрел чужими глазами.

Чьими же, интересно?

Но он уже понял. Он смотрел глазами Узника.

Глава 2
ЭДДИ ДИН

1

Словно бы подтверждая его догадку, какой бы безумной она ни казалась, картина, которую видел перед собой стрелок сквозь дверной проем, вдруг поднялась и сместилась в сторону. Она *повернулась* (опять подступило головокружение, как будто стоишь на какой-нибудь платформе с колесами, которую раскачивают туда-сюда невидимые руки), и проход между рядами поплыл мимо дверного проема. Стрелок увидел помещение, где находилось несколько женщин, одетых в одинаковую красную форму. Там было полно каких-то стальных предметов,

и стрелку захотелось остановить движущуюся картинку, несмотря на изнеможение и боль, чтобы рассмотреть эти похожие на механизмы устройства получше. Одна штуковина напоминала печь. Женщина в униформе, та, которую он уже видел, как раз наливала джин, заказанный непонятным голосом. Бутылка была совсем крошечной и, без сомнения, стеклянной. А вот бокал, в который она наливала, *только имел вид стекла,* но стрелку показалось, что он все-таки сделан из чего-то другого.

Прежде чем стрелок успел рассмотреть все как следует, изображение в дверном проеме сдвинулось. Опять головокружительный поворот — и он уже смотрит на какую-то дверь из металла. На табличке над ней светились буквы. Стрелок сумел разобрать это слово: СВОБОДНО.

Изображение немного сместилось. Справа от двери, через которую смотрел Роланд, показалась рука и взялась за ручку той двери, на которую он смотрел. Он увидел манжету рукава голубой рубахи, чуть-чуть закатанного, и завитки черных волос на руке. Длинные пальцы. Перстень с камнем, который мог быть и рубином, и простой стекляшкой. Скорее второе, решил стрелок, для драгоценного этот камень уж слишком здоровый и вульгарный.

Металлическая дверь распахнулась, и стрелок заглянул в уборную, самую странную из всех, которые доводилось ему видеть: она была сплошь из металла.

Косяк металлической двери проплыл мимо двери на морском берегу. Стрелок услышал, как щелкнула задвижка. Он был избавлен от очередного головокружительного поворота и поэтому предположил, что человек, глазами которого он сейчас смотрел, запер за собой дверь не оглядываясь, просто протянув руку назад.

А потом изображение все же повернулось — не полностью, а только наполовину: он смотрел теперь в зеркало, и перед ним было лицо, которое он уже видел однажды... на карте Таро. Те же темные глаза и непослушные черные волосы. Лицо спокойное, но бледное, а в глазах (глазах, через которые он сейчас смотрел, и одновременно глядевших на него) Роланд заметил то же самое выражение испуга и ужаса, что и в глазах человека с бабуином на плече на карте Таро.

Человека трясло.

Он тоже болен.

А потом стрелок вспомнил Норта, травоеда из Талла.

Вспомнил слова оракула.

Демон его осаждает.

Стрелку вдруг пришло в голову, что он, наверное, знает, что такое ГЕРОИН: какое-то зелье вроде бес-травы.

Правда, есть в нем что-то угнетающее?

Не задумываясь, с простой решимостью, благодаря которой он и остался последним из всех и не свернул с дороги, даже когда Катберт и все остальные погибли или же отступились, кто — покончив с собой, кто — пойдя на предательство, а кто — и просто отказавшись от самой мысли о Башне; итак, с решимостью, отметающей всякую неуверенность, раздумья и сомнения, с той самой решимостью, которая провела его через пустыню и вообще через все эти долгие годы погони за человеком в черном, стрелок шагнул в проем двери.

2

Эдди заказал джин с тоником — быть может, идея не самая лучшая — проходить подшофе славную Нью-Йоркскую таможню, к тому же он знал — стоит ему начать, остановиться он уже не сможет, — но ему нужно было хоть чем-то заняться.

«Если тебе позарез нужно спуститься, а ты не можешь найти лифт, — однажды сказал ему Генри, — *спускайся хоть на помеле, только добейся своего».*

А теперь, когда он сделал заказ и стюардесса ушла, ему вдруг показалось, что его сейчас, похоже, стошнит. Не то чтобы *обязательно*, но весьма вероятно, поэтому лучше все-таки перестраховаться. Проходить таможню с двумя фунтами чистого кокаина под мышками и при этом дышать на них джином — и так уже невеликая радость; но еще и с пятном блевотины, подсыхающей на штанах, — это точно накликать беду. Так что лучше перестраховаться. Может быть, тошнота пройдет, как это обычно бывает, но надо все-таки принять меры.

А загвоздка в том, что он собирался «остыть». То есть не завязать с «дурью» совсем, или, говоря на их языке, заморозиться, а именно «остыть». Еще один перл великого мудреца и выдающегося наркомана Генри Дина.

Они сидели тогда на балконе пентхауса «Королевской башни», еще не в отключке, но уже близкие к этому, подставляя лица теплому солнышку, потихонечку забалдевая... в те старые добрые времена, когда Эдди только-только начал нюхать рассыпуху, а сам Генри еще не сел на иглу.

— *Все говорят о глубокой заморозке,* — сказал тогда Генри. — *Но тем не менее многие предпочитают сначала «остыть».*

А Эдди, почти уже ничего не соображая, только бешено гоготал, потому что доподлинно знал, о чем говорит ему Генри. Но сам Генри лишь улыбался какой-то надломленной улыбкой.

— В некотором смысле завязывать резко лучше, чем постепенно, — продолжал Генри. *— По крайней мере, когда решаешься сразу на глубокую заморозку, ты ЗНАЕШЬ, что тебя будет трясти, ты ЗНАЕШЬ, что будешь блевать, ты ЗНАЕШЬ, что будешь исходить потом, пока тебе не покажется, что ты тонешь в нем. А вот тянуть с этим делом — значит обрекать себя на пытку ожиданием.*

Эдди вспомнил о том, что он спросил Генри, как бы тот назвал «иглового» (а в те смутные невозвратные дни, месяцев этак шестнадцать назад, они торжественно уверяли друг друга, что колоться никогда не станут), когда он получает убойный «передоз».

— А это уже называется «пережариться» или «превратиться в гуся жареного», — быстро ответил Генри и вдруг удивился себе же, как это бывает, когда, и сам того не ожидая, скажешь что-то прикольное и смешное. Они переглянулись и захохотали, корчась от смеха и хватая друг друга за плечи. Гусь жареный. Умора. Вот только теперь это уже не так смешно.

Эдди встал, прошел вперед между рядами кресел, посмотрел на табличку СВОБОДНО и открыл дверь.

— Привет, Генри, великий мудрец и выдающийся наркоман, мой старший братец! В дополнение к разговору об определениях хочешь послушать мое толкование «поджаренного гуся»? Это если один из таможенников в аэропорту Кеннеди решит, что у тебя какая-то не такая рожа, или если твой полет приходится на один из тех дней, когда при них эти собаки ученые, которые вдруг начинают все разом лаять, и ссать на пол, и рваться с поводков, рискуя задохнуться от впившихся в горло ошейников... а базар-то весь из-за тебя, тебя они будут пытаться достать... а после того, как те парни с таможни перетряхнут твой багаж, тебя еще заведут в такую маленькую комнатку и спросят, не желаешь ли ты снять рубашку, а ты ответишь, что нет, не желаешь, я, мол, был тут на Багамах и подхватил небольшую простуду, а кондиционеры у вас прямо зверские, как бы простуда моя не перешла в пневмонию, а они тебе скажут: «Да неужели вы всегда так потеете при таких «зверских», как вы выражаетесь, кондиционерах, мистер Дин? В самом деле приносим свои извинения, черт подери, нам очень жаль, но придется вам все-таки снять рубашку». И ты снимаешь рубашку. «А теперь, пожалуйста, и футболку, а то вам, кажется, нездоровится, дружище, вот у вас и под мышками какие-то вздутия, не иначе как лимфатические узлы или еще чего». А ты даже им возразить не можешь, стоишь, как центровой на поле, который не видит смысла отбивать мяч, когда тот летит в сторону, и просто смотрит, как мяч уходит на трибуну, ибо, ничего не поделаешь, ушел так ушел, так что ты снимаешь футболку, и... «Батюшки, поглядите-ка, нет, парень, тебе повезло,

это не опухоль, разве что только на теле общества, ха-ха-ха, эти штуковины больше похожи на пластиковые пакеты, прикрепленные скотчем, и, кстати, сынок, не волнуйся насчет запашка, это всего лишь «гусь». Он просто «поджаривается».

Не поворачиваясь, он запер дверь. Пятна света перед глазами теперь стали ярче. Двигатели самолета тихонько гудели. Он повернулся к зеркалу, чтобы посмотреть, насколько неважно он выглядит, и внезапно его охватило какое-то ужасное, проникающее до самых глубин нутра чувство: как будто за ним наблюдают.

«Эй ты, не психуй, успокойся, — сказал он себе, встревоженный. — *Ты же вроде бы самый непробиваемый тип на свете и никогда не страдал паранойей. Поэтому-то и послали тебя. Поэтому...»*

Внезапно ему почудилось, что глаза в зеркале — не его глаза, не орехово-зеленоватые глаза Эдди Дина, растопившие столько сердец, помогавшие пресловутому Эдди Дину, двадцати одного года от роду, раздвинуть столько прелестных ножек за последнюю треть его жизни, а совершенно чужие: не ореховые, а голубые, цвета линялых «левисов». Холодные, ясные, неожиданно острые, как будто бесстрастно оценивающие находящуюся перед ним цель. Глаза снайпера.

И еще он увидел — ей-богу, отчетливо увидел, — как в них отразилась чайка, устремившаяся вниз, к набегающей волне, и выхватывающая что-то из воды.

Он еще успел подумать: *Что за дерьмо такое?* — и понял, что на этот раз его все-таки вырвет.

За какую-то долю секунды до того как его вывернуло, пока он еще не оторвал взгляда от зеркала, голубые глаза исчезли... но до этого он испытал странное ощущение, как будто в нем два человека... как будто он одержим, как та девочка из «Изгоняющего дьявола».

Он явственно ощутил у себя в мозгу присутствие чужого сознания и услышал чужую мысль не так, как человек слышит собственные свои мысли, а скорее как голос по радио: *«Я прошел. Я в воздушной карете».*

Было что-то еще, но Эдди уже не расслышал, потому что был занят другим: старался блевать в раковину, производя при этом как можно меньше шума.

Он не успел еще вытереть рот, как вдруг с ним приключилось такое, чего с ним в жизни не случалось. На какой-то пугающий миг исчезло все, образовался провал во времени. Как небольшая аккуратная белая лакуна в газетной колонке.

Что это? — подумал Эдди беспомощно. *Что еще за дерьмо?*

А потом его снова стошнило. Может быть, даже и к лучшему. Что бы там ни говорили, у рвоты есть хотя бы одно, но действительно стоящее преимущество: пока ты блюешь, ни о чем больше ты просто не можешь думать.

3

Я прошел. Я в воздушной карете, подумал стрелок, и уже через секунду: *Он меня видит в зеркале!*

Роланд подался назад. Не совсем ушел, но попятился, как, бывает, ребенок отступает в самый дальний конец длинной комнаты. Он находился внутри небесного экипажа и внутри какого-то человека. Внутри узника. В это первое мгновение, когда он подступил чуть ли не к самому *«порогу»* (он не знал, как это правильно описать), он очутился даже более чем внутри незнакомца — он почти стал этим человеком. Он чувствовал его болезненное состояние и знал, что его сейчас вырвет. А еще Роланд понял, что может не только чувствовать это тело, но и, при необходимости, управлять им. Он будет мучиться всеми его болячками, и обезьяноподобный демон, который его донимает, будет терзать и Роланда тоже, но, если ему будет нужно, он может им управлять.

А может и оставаться в своем мире незамеченным.

Когда у узника прошел приступ рвоты, стрелок рванулся вперед, на этот раз уже *переступив через «порог»*. Он почти ничего не понимал в этой странной ситуации, а действуя в ситуации, в которую не совсем врубаешься, можно нагородить таких дел, что потом сам рад не будешь, но Роланду необходимо было узнать две вещи. И эта отчаянная необходимость перевешивала боязнь любых последствий, пусть даже самых что ни на есть ужасных.

На месте ли дверь, через которую он покинул свой мир?

А если да, то где тогда его тело? Осталось у двери на берегу, ослабевшее, брошенное, может быть, умирающее, если уже не мертвое? Без души и сознания, покинувших тело, продолжает ли его сердце бездумно биться, дышат ли легкие, раздражаются ли нервы? А если тело его еще держится, то до ночи ему уж точно не дожить. Ночью на берег выползут омарообразные твари задать свои горестные вопросы и как следует пообедать.

Он быстро оглянулся назад, повернув голову, которая на мгновение стала *его* головой.

Дверь стояла на месте, у него за спиной. Стояла открытая в его мир, петли ее держались теперь за стальной косяк этой странной уборной. И — да — у двери лежал он, Роланд, последний стрелок. Лежал на боку, прижав перевязанную правую руку к животу.

Я дышу, подумал Роланд. *Мне бы надо вернуться и переместить себя. Но сначала я сделаю кое-какие дела. Сначала...*

Он покинул сознание узника и отступил, выжидая, стараясь понять, заметил ли узник его присутствие.

4

Рвота уже прекратилась, но Эдди еще постоял над раковиной, крепко зажмурив глаза.

Кажется, я на секунду отрубился. Даже не знаю, что это было. Я что, оглядывался?

Он нащупал кран, пустил холодную воду и, не открывая глаз, побрызгал себе на лоб и щеки.

А потом, понимая, что дальше откладывать невозможно, осторожно открыл глаза и посмотрел в зеркало.

Из зеркала на него глядели его собственные глаза.

Никаких чужих голосов в голове.

Никакого странного чувства, что за ним наблюдают.

«Ты на мгновение отрубился, Эдди, — пояснил ему великий мудрец и выдающийся наркоман. — *Обычное дело для того, кто «остывает».*

Эдди взглянул на часы. До Нью-Йорка полтора часа. Самолет сядет в 4.05 по восточному поясному времени, и времечко будет горячее. Проба сил.

Он вернулся на место. Джин уже ждал его на откидном столике. Он отпил пару глотков, и к нему подошла стюардесса спросить, не нужно ли ему еще что-нибудь. Но едва он открыл рот, чтобы сказать «нет, спасибо», как вдруг опять на мгновение отрубился.

5

— Только чего-нибудь перекусить, пожалуйста, — сказал стрелок ртом Эдди Дина.

— Горячее подадут в...

— Я буквально умираю с голоду, — совершенно искренне проговорил стрелок. — Все, что угодно, хотя бы бутер...

— Бутер? — нахмурилась женщина в красной армейской форме, и внезапно стрелок заглянул в мозг узника. *Сандвич...* слово прозвучало словно издалека, тихо, как шорох в поднесенной к уху раковине.

— Сандвич хотя бы.

Женщина в форме как будто задумалась.

— Ну... у нас есть рыба, тунец...

— Было бы замечательно, — обрадовался стрелок, хотя в жизни не слышал о танцующей рыбе. Ну ладно, нищие не выбирают.

— Что-то вы бледный, — сказала женщина в форме. — Вы, наверное, плохо переносите полеты?

— Да нет, это просто от голода.

8 Зак. 722

Она одарила его профессиональной улыбкой.

— Сейчас что-нибудь вам сварганим.

— *Сварганим?* — изумленно переспросил стрелок. В его мире слово «сварганить» означало на сленге «изнасиловать женщину». Ну да ладно. Сейчас принесут поесть. Роланд даже не знал, сможет ли он перенести сандвич с танцующей рыбой обратно на берег, где лежало сейчас его тело, которому так нужна была пища... Но все по порядку, одно за другим.

Сварганить, подумал стрелок и тряхнул головой Эдди Дина, как будто не веря.

А потом отступил опять.

6

«Это все нервы, — уверил его великий оракул и выдающийся наркоман. — *Непременный спутник постепенной завязки, младший братишка».*

Но если это действительно нервы, тогда откуда эта странная сонливость — странная потому, что он сейчас должен быть взвинчен, испытывать зуд, ерзать, изнывая от желания почесаться, в преддверии настоящей ломки; даже если бы он сейчас не «остывал», как сказал бы Генри, то хотя бы тот факт, что ему предстоит протащить через таможню Соединенных Штатов два фунта рассыпухи — деяние, карающееся заключением на срок не менее десятки в федеральной тюрьме, — казалось бы, должен был прогнать всякий сон, плюс еще эта временная отключка сознания.

Однако же спать хотелось.

Он отхлебнул еще джина и закрыл глаза.

С чего бы ты отрубился?

Хотя этого вовсе и не было, если бы что-то подобное произошло, она бы уже давно побежала за аптечкой первой помощи.

Значит, не отрубился, не провалился во мрак, а на секунду попал в пробел в сплошной линии бытия. Все равно дело плохо. Раньше такого не наблюдалось. Прибалдевал — это да, но никогда еще не оказывался в полной пустоте.

И с правой рукой что-то явно не то: ноет, как будто по ней стукнули молотком.

Он согнул ее, не открывая глаз. Никакой боли. Никакой дрожи. Никаких голубых глаз снайпера. А что до провалов в сознании, так они вызваны всего лишь мучительной комбинацией постепенной завязки и того мерзкого состояния, которое великий оракул и выдающийся — ну, вы понимаете кто — назвал бы хандрой контрабандиста.

«Но я, кажется, все равно засну. Это ты как объяснишь?»

Словно вырвавшийся из рук воздушный шарик, к нему подплыло лицо Генри. *«Не волнуйся,* — сказал ему Генри. — *С тобой все будет в порядке, братишка. Отсюда ты полетишь в Нассау, снимешь номер в «Аквинасе», а в пятницу вечером к тебе придет человек. Из приличных парней. Он все устроит, оставит тебе зелья. На уик-энд тебе хватит. В воскресенье вечером он принесет кокс, а ты отдашь ему ключ от депозитного сейфа. В понедельник утром ты исполнишь все, что сказал Балазар. Этот парень тебе поможет; он знает, как это делается. В понедельник днем ты вылетишь, с невинным видом минуешь таможню, а уже вечером мы с тобой будем уплетать бифштекс в «Игристом». Делов-то всего ничего, вот увидишь, братишка. Пустячок. Разговору больше».*

Но на самом деле тут пахло жареным.

Загвоздка в том, что они с Генри были точно как Чарли Браун и Люси с той лишь только разницей, что иногда Генри отдавал бразды правления Эдди, такое нечасто, но все же случалось. Эдди даже подумал как-то в своем героиновом кайфе, что надо бы написать Чарльзу Шульцу. *Уважаемый мистер Шульц,* написал бы он. *Вы все-таки немного не правы, что в последнюю секунду Люси ВСЕГДА перехватывает инициативу и Чарльз остается с носом. Ей хотя бы изредка нужно баловать его, но так, чтобы каждый раз это было для Чарли Брауна совершенно неожиданно, ну, вы понимаете. Иногда ей надо бы уступить ему три-четыре раза подряд, а потом целый месяц ничего подобного не делать, потом разок повторить трюк, потом — опять ничего пару дней, а потом... но вы, наверное, уже поняли, что я хочу сказать. Малыш ПО-НАСТОЯЩЕМУ заведется.*

Эдди знал, что нужно сделать, чтобы малыш по-настоящему завелся.

Знал по опыту.

Один из приличных парней, сказал Генри, а пришло какое-то худосочное существо с желтушной мордой, британским акцентом, тонкими такими усиками, как в фильмах ужасов сороковых годов, и желтыми, скошенными внутрь зубами. Эдди они напомнили зубья старенького капкана.

— Ключ у тебя, босс? — спросил он, но из-за этого своего выговора выпускника английской частной привилегированной школы последнее слово прозвучало, как «бас».

— Ключ в порядке, — ответил Эдди. — Если я тебя правильно понял.

— Тогда давай мне.

— Нет, так мы не договаривались. Ты должен мне кое-что передать, чтобы мне хватило на выходные. А в воскресе-

нье вечером ты должен сюда кое-что приволочь. Тогда я отдам тебе ключ. В понедельник ты пойдешь в город и там уже заберешь что тебе надо. Я уж не знаю что. Не мое это дело.

Внезапно в руке желтушного существа возник маленький автоматический пистолет.

— А почему бы тебе не отдать его просто так, босс? Я сберегу себе силы и время, а ты сохранишь свою шкуру.

Несмотря на пристрастие к наркоте, Эдди Дин сохранил в себе крепкий стержень. Это знал Генри; и что важнее — это знал Балазар. Поэтому его и послали. Многие думали, что поехал он потому, что его хорошо прижало. И Эдди это знал, и Генри, и Балазар. Но только они с Генри понимали, что он все равно бы поехал, даже если бы он завязал с этим делом и был бы чист как стекло. Ради Генри. Балазар бы до этого не додумался, но к чертям Балазара.

— А почему бы тебе не убрать эту штуку, засранец? — полюбопытствовал Эдди. — Или ты добиваешься, чтобы Балазар прислал сюда какого-нибудь громилу, который повыковыривает тебе глазенки ржавым ножичком?

Желтушное существо улыбнулось. Пистолет исчез как по волшебству, а на его месте возник маленький сверточек. Он протянул его Эдди.

— Шутка, ты ж понимаешь.

— Как скажешь.

— Увидимся в воскресенье вечером.

Он повернулся к двери.

— По-моему, тебе лучше не спешить.

Желтушное существо обернулось, брови его поползли вверх.

— Ты что же, думаешь, я не смогу уйти, если мне так захочется?

— Я думаю, если ты сейчас выйдешь отсюда, а в свертке окажется дерьмо, я завтра отчалю. И ты очутишься в глубоком дерьме.

Желтушное существо надулось и присело на единственный в комнате стул, а Эдди тем временем открыл сверток и отсыпал на стол немного коричневого порошка. Смотрелся он гадостно. Эдди взглянул на желтушное существо.

— Я знаю, что оно выглядит как дерьмо, но это только с виду, — проговорило желтушное существо. — Товар хороший.

Эдди вырвал листок бумаги из блокнота на столе и насыпал на него немного коричневого порошка из кучки. Он взял на палец чуть-чуть порошка и натер им нёбо, но тут же выплюнул все в мусорную корзину.

— Тебе жить надоело? Я правильно понимаю? Каково твое последнее желание?

— Это все, что есть, — еще больше надулось желтушное существо.

— У меня припрятана заначка на завтра, — солгал Эдди, уверенный, что у желтушного существа не хватит силенок проверить его. — Я решил запастись на случай, если на встречу придет какой-нибудь козел вроде тебя. Я в общем-то и не сержусь. Так даже лучше. Я не создан для таких дел.

Желтушное существо призадумалось. Эдди тоже сел и полностью сосредоточился на том, чтобы не сделать лишних движений. Но ощущение было такое, словно он весь в движении: как будто он скользил и крался, дрыгался и скакал, расчесывал свои царапины и хрустел пальцами. Он даже поймал себя на том, что глаза его так и косятся на кучку коричневого порошка, хотя он понимал, что это — яд. Он принял дозу сегодня утром, ровно в десять, и прошло уже десять часов. Но если он выдаст себя каким-нибудь неосторожным движением, тогда ситуация круто изменится. Желтушное существо не просто сидело задумавшись, оно наблюдало за ним, пытаясь определить, блефует он или нет.

— Может, я бы и смог чего-нибудь надыбать, — проговорило оно наконец.

— Тогда почему бы тебе не попробовать? — спросил Эдди. — А то уже скоро одиннадцать: я выключу свет и повешу на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», и если кто-нибудь после этого постучится в дверь, я позвоню портье, скажу, что ко мне кто-то ломится, и попрошу прислать охранника.

— Козел, — выдало существо со своим безупречным британским акцентом.

— Нет, — возразил Эдди, — ты ждал, что пришлют козла. А прислали меня. И у меня все схвачено. А вот ты точно засранец, и если к одиннадцати ты не вернешься с чем-нибудь удобоваримым — не обязательно чем-то выдающимся, всего лишь с тем, что безопасно для жизни, — то вместо просто засранца ты станешь мертвым засранцем.

7

Желтушное существо вернулось задолго до одиннадцати часов. В половине десятого. Эдди решил, что другой порошок был все время при нем, а точнее, в машине.

На этот раз порошка было чуть-чуть побольше. Не чисто-белого, но хотя бы цвета слоновой кости, что уже вселяло надежду.

Эдди попробовал. Вроде бы ничего. На самом деле гораздо лучше, чем ничего. Даже, можно сказать, отлично. Эдди свернул доллар в трубочку и втянул в себя нюхту.

— Ну, значит, до воскресенья, — оживленно пробормотало желтушное существо, поднимаясь со стула.

— Погоди, — окликнул его Эдди так, как будто это у него была пушка. В каком-то смысле она была. Его оружие — Балазар. Энрико Балазар, крупнокалиберный дробовик в нью-йоркском чудесном мире наркоты.

— Опять годить?! — Желтушное существо обернулось и посмотрело на Эдди как на чокнутого. — Теперь с какой радости?

— Слушай, я тут подумал, если мне вдруг поплохеет с этой дряни, которую я сейчас принял, ведь это будет абзац. А если я кончусь, то — полный абзац. Но если мне только *чуть-чуть* поплохеет, я дам тебе еще один шанс. Знаешь, как в той сказке про парня, который тер лампу и получил возможность загадать три желания.

— С этого не поплохеет. Это китайский белый.

— Если это китайский белый, тогда я Дуайт Гуден.

— Кто?

— Хрен в пальто.

Желтушное существо снова уселось на стул. Эдди сидел за столом над кучкой белого порошка (предыдущий товар, Д-Кон, или что там было, он давно уже спустил в унитаз). По телику «Храбрецы» продувались «Ретивым», спасибо Дабл-ю-ти-би-эс и спутниковой антенне на крыше отеля «Аквинас». Где-то в глубине сознания возникло слабое ощущение покоя... но это только казалось, на самом же деле оно исходило — Эдди читал об этом в медицинском журнале — из пучка крестцовых нервов, в которых и начинается героиновая зависимость, когда они неестественно утолщаются при постоянных приемах доз.

«Хочешь быстро излечиться? — однажды спросил он у брата. — *Сломай себе позвоночник, Генри. Правда, ноги не будут двигаться, а заодно и член, но зато сразу слезешь с иглы».*

Генри ответил, что это совсем не смешно.

Сказать по правде, Эдди и сам не видел в таком выходе ничего смешного. Если единственный быстрый способ избавиться от обезьяны, которая села тебе на шею, — это сломать себе хребет выше пресловутого пучка нервов, значит, обезьяна засела крепко. И это не капуцин, не симпатичный маленький талисманчик на капоте машины, а здоровенный и злобный бабуин.

У Эдди заложило нос.

— Ладно, — чуть погодя сказал он. — Это сойдет. Можешь освободить помещение, засранец.

Желтушное существо поднялось со стула.

— У меня есть друзья, — сообщило оно. — Если я им скажу, они могут сюда заявиться, и тогда тебе не поздоровится. Ты будешь умолять меня на коленях, чтобы я забрал ключик.

— Только не я, приятель. Только не этот мальчик, — улыбнулся Эдди. Он не знал, как эта улыбка смотрелась со стороны,

но, наверное, все-таки не совсем дружелюбно, потому что желтушное существо пулей вылетело из номера, ни разу не оглянувшись.

Когда Эдди Дин убедился, что оно больше уже не вернется, он забалдел.

Откинулся.

Уснул.

8

И сейчас тоже засыпал.

Стрелок, каким-то чудесным образом проникший в сознание этого человека (человека, чьего имени он до сих пор не знал; то ничтожество, которое узник мысленно называл «желтушным существом», тоже не знало его и поэтому ни разу не произнесло), следил не отрываясь за происходящим, как давным-давно в детстве, когда мир еще не сдвинулся с места, завороженно смотрел спектакли. Стрелку пришло на ум именно это сравнение, потому что, кроме театральных постановок, он ничего в своей жизни не видел. Если бы он видел фильмы, он скорее сравнил бы свое ощущение с просмотром киноленты. Представления же о тех вещах, которые Роланду прежде знать не доводилось, он мог извлекать из сознания узника, потому что ассоциации были понятными, а вот имени он выяснить не сумел. Он узнал имя брата узника, а имя самого узника — нет. Но, с другой стороны, имена — это тайна, исполненная силы.

И к тому же сейчас имя не самое важное. А важно, во-первых, то, что человек этот ослаб от своей пагубной привычки, а во-вторых, что под слабостью этой таится сталь — как хороший револьвер, затянутый зыбучим песком.

Стрелок почувствовал укол боли: этот парень напомнил ему Катберта.

Кто-то подходил. Узник спал и ничего не слышал. Стрелок же не спал и был настороже. Он снова подался к «порогу».

9

Потрясающе, подумала Джейн. *Он говорит, что умирает с голоду, и я бегу делать ему что-нибудь на скорую руку, ведь он такой милый, а когда возвращаюсь, он спит.*

И вдруг пассажир — парень лет двадцати, высокий, в чистых, слегка полинявших джинсах и пестрой рубашке — приоткрыл глаза и улыбнулся ей.

— *Благодарствуйте,* — сказал он... или так ей послышалось. Какое-то странное слово, архаичное... или иностранное. Наверное, разговаривает во сне.

— Не за что. — Она одарила его своей лучшей профессиональной улыбкой стюардессы, уверенная, что он сейчас же опять уснет, а сандвич так и будет лежать нетронутым, пока не подадут горячее.

Ну ладно, тебя же учили, что такое случается, верно?

Она вернулась в кухонный отсек, чтобы перекурить.

Она зажгла спичку, поднесла ее к сигарете и вдруг остановилась, так и не прикурив, потому что ее учителя предусмотрели не все.

Мне он показался симпатичным. Преимущественно из-за глаз. Карих глаз.

Но только что пассажир в кресле 3а приоткрыл глаза, и они были не карими, а голубыми! И вовсе не привлекательно-сексуальными, как, скажем, у Пола Ньюмена, а холодными, цвета айсберга. Они...

— Ой!

Спичка догорела, огонек обжег пальцы. Она тряхнула рукой.

— Джейн? — спросила Паула. — Что с тобой?

— Ничего. Замечталась.

Она зажгла еще одну спичку и на этот раз прикурила. После первой затяжки ей пришло в голову единственное обоснованное и разумное объяснение. Контактные линзы. Конечно. Того типа, что изменяют цвет глаз. Он ходил в туалет. И оставался там очень долго, она даже забеспокоилась, уж не укачало ли его: он был такой бледный, со стороны могло показаться, что ему нездоровится. А он просто снимал контактные линзы, чтобы было удобнее спать. Вполне резонно.

«Бывает, ты что-то почувствуешь, — внезапно раздался в голове голос из недавнего прошлого. — *Тебя станет преследовать какое-то свербящее ощущение. Ты заметишь, будто что-то чуть-чуть не так».*

Цветные контактные линзы.

Джейн Дорнинг лично знала дюжины две людей, которые носили контактные линзы. И большинство работали на авиалиниях. Никто прямо об этом не говорил, но Джейн догадывалась о причине: пассажирам не нравится, когда кто-то из экипажа носит очки: это их нервирует.

Из этих двух дюжин человек четверо носили цветные линзы. И уж если простые контактные линзы стоят недешево, то можно представить, во сколько обходятся цветные. Из всех знакомых Джейн такие денежки на себя выложили только женщины, и притом исключительно тщеславные.

Ну и что? Парни тоже бывают тщеславными. Почему бы и нет? Он красивый.

Нет. Красивый — сильно сказано. Скорее миловидный, но не более того; и с таким бледным лицом своей привлекательностью он обязан разве что хорошим зубам. Тогда зачем ему контактные линзы?

Многие пассажиры боятся летать.

В наши дни, когда в мире полно террористов, налетчиков и наркоманов, экипаж самолета боится своих пассажиров.

У нее в голове звучал голос инструкторши из летной школы, этакой прожженной крутой бой-бабы, старой воздушной волчицы: *«Если возникли какие-то подозрения, не надо сразу их отметать. Даже если вы вдруг забудете, как надо вести себя с предполагаемыми или явными террористами, это вы должны помнить всегда: если возникли какие-то подозрения, к ним надо прислушаться. Иной раз бывает, что экипаж потом утверждает, будто у них ничего такого и в мыслях не было, пока парень не вынул гранату и не приказал лететь на Кубу, иначе он все здесь разворотит. Но обычно всегда находится человека два-три (и чаще всего стюардессы, кем вы, девочки, станете через месяц), которые признаются, что они что-то почувствовали, что их не оставляло какое-то свербящее ощущение, будто что-то явно не так с парнем в кресле 91с или с девицей в 5а. Они что-то почувствовали, но ничего не предприняли. Им что-то за это будет? Конечно, нет. Нельзя же заламывать руки парню только за то, что, скажем, тебе не понравилось, как он расчесывает свои прыщи. Проблема в другом: они почувствовали что-то... а потом забыли об этом напрочь».*

Старая воздушная волчица назидательно подняла короткий палец. Джейн Дорнинг и ее сокурсницы с благоговением внимали каждому ее слову: «Если у вас вдруг появилось это свербящее ощущение, делать ничего не надо... но это не значит, что надо забыть. Потому что всегда есть шанс, пусть даже минимальный, что вам удастся предотвратить беду до того, как она разразится... чтобы, скажем, не засесть дней на двадцать на аэродроме какой-нибудь сраной арабской страны».

Просто цветные линзы, и все же...

Благодарствуйте.

Он разговаривал во сне? Или по рассеянности перепутал и заговорил на другом языке?

Джейн решила понаблюдать за ним.

Она приглядит за ним.

Она не забудет.

10

Пора, подумал стрелок. *Сейчас мы посмотрим, да?*

Он сумел выйти из своего мира и войти в это тело через дверь на берегу. Теперь нужно выяснить, можно ли что-нибудь перенести отсюда обратно в свой мир. Про себя он не думал. Роланд ни на мгновение не усомнился в том, что, как только понадобится, он сумеет вернуться в свое отравленное заражением, ослабевшее тело. Но вещи? *Физические* предметы? Вот, к примеру, на столике перед ним еда: женщина в красной форме назвала это сандвичем с танцующей рыбой. Стрелок не знал, что такое танцующая рыба, но бутер признал сразу, как только увидел, хотя с виду он вроде бы был непрожарен. Странно.

Его тело нуждалось в пище, а потом ему потребуется вода, но больше всего его телу необходимо сейчас лекарство, иначе оно умрет от укуса омарообразной твари. В этом мире должно существовать такое лекарство; в мире, где кареты летают в небе выше любого орла, казалось, не было ничего невозможного. Но ему не помогут и самые лучшие снадобья этого мира, если их нельзя будет пронести через дверь в его мир.

«Ты можешь жить в этом теле, стрелок. — Шепоток человека в черном поднялся из самых глубин сознания. — *Брось ты этот еле дышащий кусок мяса, пусть им займутся омары. Все равно это лишь оболочка».*

Он никогда не пойдет на это. Во-первых, остаться в чужом теле — значит совершить самое страшное воровство, потому что стрелок знал: он не сможет довольствоваться ролью пассивного пассажира, не сможет просто сидеть, глядя из глаз этого человека, как из окна кареты, на проплывающие мимо пейзажи и сцены.

А во-вторых, он Роланд. Если ему суждено умереть сейчас, он умрет Роландом. Он умрет на дороге к Башне, приближаясь к ней ползком, если нельзя иначе.

А потом в нем опять заговорила та грубоватая практичность, которая, как тигр с косулей, уживалась в душе стрелка с романтическим началом. Рано думать о смерти — он еще даже и не приступил к своему эксперименту.

Бутер состоял из двух половинок. Он взял по каждой в руку, открыл глаза узника и огляделся. Никто на него не смотрел (хотя в кухонном отсеке о нем очень активно *думала* Джейн Дорнинг).

Роланд повернулся к двери и шагнул в проем, держа в руках по половинке бутера.

11

Сначала Роланд услышал скрежещущий шум волны, набегающей на гальку, потом — крики птиц, поднявшихся с ближайших камней, когда он попытался сесть (*ублюдки трусливые, надо ж, слетелись уже; скоро-скоро они на меня накинутся, станут растаскивать меня по кусочкам, а я еще буду дышать или уже нет. Вылитые стервятники, только перья у них цветные*). И вдруг до него дошло, что половинка бутера, та, что в правой руке, упала на песок, потому что, проходя через дверь, он держал ее здоровой рукой, а теперь держит, вернее держал, рукой, искалеченной процентов на сорок.

Он неуклюже поднял половинку бутера, зажав ее между большим пальцем и безымянным, как мог, отряхнул от песка, осторожно откусил кусочек на пробу и уже через секунду с жадностью набросился на еду, не замечая скрипевших у него на зубах песчинок, а еще через пару секунд принялся за вторую половинку, умяв ее за три укуса.

Стрелок не знал, что такое танцующая рыба, но на вкус она была изумительной. А остальное уже не важно.

12

Никто в самолете не видел, как исчез сандвич с тунцом. Никто не видел, как Эдди Дин вцепился в обе его половинки с такой силой, что по вмятинам на белом хлебе можно было снимать отпечатки пальцев.

Никто не видел, как сандвич сначала стал прозрачным, а потом и совсем исчез, оставив после себя только несколько крошек.

Секунд через двадцать после того как он испарился, Джейн Дорнинг затушила в пепельнице сигарету и выглянула из кабины, чтобы взять книгу из рюкзака, но на самом-то деле ей просто хотелось еще раз взглянуть на За.

С виду он крепко спал... но сандвич исчез.

Боже, подумала Джейн, *он не съел его, а проглотил целиком. И опять спит? Вы что, издеваетесь?*

Свербящее чувство по отношению к За, мистеру Вот-мы-кариеа-вот-голубые, стало еще сильнее. Что-то с ним было не так.

Что-то не так.

Глава 3
ЗНАКОМСТВО И ПРИЗЕМЛЕНИЕ

1

дди проснулся, разбуженный объявлением второго пилота, что минут через сорок пять они приземлятся в Международном аэропорту Кеннеди, где видимость идеальна, ветер западный, скорость ветра десять миль в час, температура двадцать один по Цельсию. Закончив с объявлением, пилот добавил еще, что, пользуясь случаем, хочет поблагодарить всех пассажиров за то, что они выбирают компанию «Дельта».

Эдди огляделся. Пассажиры вокруг проверяли свои таможенные декларации и свидетельства о гражданстве — для прибывших из Нассау достаточно было водительских прав или кредитной карточки любого американского банка, но большинство пассажиров все же брали с собой паспорта. Эдди почувствовал вдруг, как внутри у него натягивается стальной провод. Он поверить не мог, что спал, да еще так крепко.

Он встал и прошел в туалет. Пакеты с коксом у него под мышками как будто сидели легко и плотно, так же аккуратно прилегая к изгибам подмышечных впадин, как и в номере отеля, где их прикрепил клейкой лентой тихий американец по имени Вильям Вильсон. По завершении операции по приклеиванию пакетов этот парень, чье имя прославил По (правда, когда Эдди отпустил какую-то шутку по этому поводу, Вильсон лишь тупо взглянул на него, явно не врубившись), протянул ему рубаху: обычную пеструю рубаху, чуть-чуть полинялую, какую мог бы напялить всякий студентик, возвращающийся на самолете с коротких предэкзаменационных каникул... Только эта была специального кроя, скрывающего странные вздутия под мышками.

— Проверь еще раз перед посадкой, просто на всякий случай, — сказал ему Вильсон, — но я уверен, все будет в порядке.

Эдди не знал, как оно выйдет, но у него была еще одна уважительная причина повидаться с толчком прежде, чем загорится надпись «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ». Несмотря на все искушения — а вчера под утро искушение превратилось уже в жгучую потребность, — он сумел продержаться на остатках того рафинада, который желтушное существо имело наглость обозвать «китайским белым».

Пройти таможню пассажирам из Нассау гораздо проще, чем тем, кто прилетел, скажем, с Гаити, или из Куинене, или из Боготы, но все же на таможне служат наблюдательные ребята. Подготовленные ребята. Нужно держать ухо востро. Срезаться можно на чем угодно, одна ошибка, один просчет — и ку-ку.

Он нюхнул порошок, скомкал бумажку, в которую тот был завернут, спустил ее в унитаз и тщательно вымыл руки.

«Конечно, если ты оплошаешь, то сам ничего не заметишь, так? — сказал он себе. — *Но — нет. Я сделаю все, как надо. И нечего так психовать».*

Возвращаясь к своему креслу, он увидел ту самую стюардессу, которая подала ему джин; кстати, он так его и не допил. Она улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ, сел на место, пристегнул ремень, взял журнал, полистал его, тупо глядя на слова и картинки. Ничего особенного. Внутри у него стальной провод натянулся еще сильнее, а когда загорелась надпись «ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ», он обвил нутро Эдди двойным тугим кольцом.

Героин подействовал, и доказательство тому — заложенный нос, но, если честно, Эдди даже не почувствовал этого.

Но зато он хорошо почувствовал другое: незадолго до приземления он опять пережил очередной провал в пустоту... короткий, но вполне определенный.

«Боинг-727» снижался над заливом Лонг-Айленда.

2

В салоне бизнес-класса Джейн Дорнинг помогала Питеру и Анне разносить напитки, и как раз в это время парень, похожий на студента, прошел в уборную первого класса.

Так получилось, что, когда он возвращался на место, Джейн раздвинула занавеску между салонами первого класса и бизнес-класса. Увидев его, она не задумываясь ускорила шаг и улыбнулась ему, чтобы он посмотрел на нее и улыбнулся в ответ.

Глаза его снова стали карими.

Ладно. Все в порядке. Когда ему захотелось вздремнуть, он сходил в туалет и снял линзы, а теперь снова надел их. Боже мой, Дженни! Ты просто мнительная трусиха!

Да нет, на нее это не похоже. Она не могла сказать, что конкретно ее не устраивает, но это не просто мнительность.

Он слишком бледный.

Ну и что? На свете тысячи слишком бледных людей, включая твою же маму с тех пор, как зашалил ее желчный пузырь.

У него привлекательные голубые глаза — может быть, не такие соблазнительные, как в карих линзах, — но все-таки привлекательные. И зачем тогда тратить такие деньги?

Ему просто нравится карий цвет глаз. Приемлемо?

Нет.

Незадолго до последней перепроверки и включения надписи ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ она сделала одну вещь, которую прежде ни разу не делала. На это ее подвигли наставления старой многоопытной инструкторши. Джейн наполнила термос горячим кофе и закрыла его красной пластиковой крышкой, не заткнув горлышко пробкой. Крышку она завинтила до первого витка резьбы, чтобы она только-только держалась.

Сюзи Дуглас уже делала последние объявления, обращаясь к пассажирам-растяпам с просьбой погасить сигареты, убрать свои вещи с откидных столиков, проверить еще раз свои декларации и паспорта; сообщая, что в аэропорту их встретит представитель авиакомпании «Дельта» и что уже пора вернуть стюардессам чашки, стаканы и наушники.

Странно, что мы им еще не предлагаем проверить, не наделал ли кто в штаны, рассеянно подумала Джейн. Внутри у нее тоже натянулся стальной провод, обвив желудок тугим кольцом.

— Замени меня, — сказала Джейн, когда Сюзи повесила микрофон.

Сюзи поглядела на термос, потом — на лицо Джейн.

— Джейн? Тебе что, плохо? Ты вся побелела, как...

— Нет, мне не плохо. Замени меня. Когда вернешься, я все объясню. — Джейн бросила взгляд на откидные кресла у левого выхода. — А пока что я займусь общим наблюдением.

— Джейн...

— *Замени меня.*

— Ну хорошо, — сказала Сюзи. — Хорошо, Джейн. Нет проблем.

Джейн опустилась на ближайшее к проходу откидное кресло. Держа термос двумя руками, она даже не попыталась пристегнуть ремень. Чтобы не перевернуть термос, ей нужны были обе руки.

Сюзи думает, что я чокнулась.

Хорошо, если так.

Если капитан Макдоналд приземлится жестко, у меня все руки будут в волдырях.

Но надо рискнуть.

Самолет снижался. Пассажир кресла 3а, человек с бледным лицом и двухцветными глазами, внезапно нагнулся и вытащил из-под сиденья дорожную сумку.

Вот оно, подумала Джейн. *Сейчас он достанет свою гранату, или автомат, или что там у него.*

Как только Джейн это увидела, она едва не сняла с термоса красную крышку своими немного подрагивающими руками. Как бы он удивился, этот «друг Аллаха», когда он покатился бы по проходу самолета авиакомпании «Дельта», рейс 901, хватаясь руками за обожженное лицо!

За расстегнул «молнию» на сумке.

Джейн приготовилась.

3

Стрелок подумал, что человек этот, узник он там или нет, лучше всего искушен в тонком искусстве выживания, чем кто бы то ни было в этой воздушной карете. Остальные же большей частью были самыми настоящими олухами, а те, что производили впечатление вполне приспособленных, тоже казались открытыми, беспечными, в общем, очень неосторожными. Лица их, лица испорченных, избалованных детей, выдавали людей, которые если и станут сражаться, то прежде, чем вступить в бой, будут долго и нудно скулить. Можно выпустить им кишки прямо на их же ботинки, а они поглядят на тебя перед смертью даже не с яростью или болью, а с тупым изумлением.

Узник все-таки лучше... но и он недостаточно хорош. Недостаточно.

Женщина в армейской форме. Она что-то заметила. Не знаю что, но она заметила что-то неладное. Она за ним наблюдает. На других она так не смотрит.

Узник сел. Поглядел на книжку в истрепанном переплете. На обложке стрелок разобрал название — что-то вроде «Магда-ясновидящая», правда, кто такая эта Магда и что она видит, Роланда ни капли не заботило. Стрелку совсем не хотелось глядеть на книгу, пусть даже и на такую занятную, — ему хотелось смотреть на женщину в униформе. А больше всего — проявить себя и взять ситуацию под контроль. Но он все же сдержался... по крайней мере на этот раз.

Узник куда-то ехал и вез с собой зелье. Не то снадобье, которое он сам принял в уборной, и не то, которое нужно было стрелку, чтобы вылечить свое ослабевшее тело, а то, которое запрещено законом и потому очень дорого стоит. Он отдаст это зелье своему брату, а тот уже — какому-то Балазару. Сделка будет закончена, когда этот Балазар отдаст им взамен другое зелье, которое принимают они, — но это только в том случае, если узник сумеет правильно совершить ритуал, абсолютно стрелку неизвестный (в таком странном мире, как этот, должно быть, много всяких странных ритуалов). Этот называется «пройти таможню».

Но женщина следит за ним.

Интересно, может ли она помешать ему «пройти таможню»? Роланд решил, что, вероятно, да. А что потом? Тюрьма. А если узник попадет в заточение, то Роланду уже негде будет достать лекарство, необходимое его зараженному телу, которое сейчас умирает.

«Он должен «пройти таможню», — сказал себе Роланд. — *Должен пройти. И должен поехать со своим братом к этому Балазару. Это не входит в их план, брату вряд ли такое понравится, но он должен поехать с ним».*

Потому что этот человек, который имеет дело со снадобьями, должен знать, как исцелять болезни... или знать какого-нибудь целителя. Человек этот выслушает его, а потом... может быть...

«Он должен «пройти таможню», — повторил про себя стрелок.

Ответ был таким простым, таким очевидным и близким, что Роланд едва его не проглядел. Это именно из-за зелья, которое Узник провозит тайно, ему будет трудно совершить ритуал «прохождения таможни». Ну конечно! Там у них, наверное, есть своего рода оракул, к которому водят всех подозрительных личностей. А для всех остальных, рассудил Роланд, церемония «прохождения» столь же проста, как переход границы дружественного королевства в его собственном мире — нужно лишь сделать знак, что ты присягаешь на верность монарху этого королевства, простой символический жест, и можешь спокойно проходить.

Он *способен* переносить предметы из мира Узника в свой собственный, и доказательство тому — бутер с танцующей рыбой. Точно так же он заберет и мешочки с зельем. Узник «пройдет таможню». А потом Роланд вернет ему груз.

Сможешь?

Вопрос действительно интересный. Стрелок даже отвлекся от порясающего вида расстилающейся внизу воды... они летели теперь над огромным океаном и уже поворачивали к береговой линии. Вода становилась все ближе и ближе. Воздушная карета спускалась к земле (взгляд Эдди был беглым, поверхностным; взгляд стрелка изумленным, как у ребенка, который впервые увидел, как падает снег). Он может *переносить* предметы из этого мира в свой. Это он знает точно. А вот обратно? Этого он не знал. Это еще предстояло выяснить.

Стрелок опустил руку Узнику в карман, сжал пальцами Узника монетку.

И вышел через дверь к себе на берег.

4

Когда он сел, птицы улетели прочь. На этот раз они не отважились подойти так близко. Все тело болело, его лихорадило, мутило... И все-таки удивительно, как его оживил малюсенький кусочек пищи.

Он посмотрел на монетку, которую принес с собой: похоже на серебро, но красноватая полоска по краю наводила на мысль, что это какой-то другой, не такой благородный металл. На одной стороне — профиль мужчины с лицом, выражающим благородство, отвагу и упорство. Его волосы, завитые и собранные на затылке в хвост, выдавали некоторое тщеславие. Роланд перевернул монетку и так изумился, что даже невольно вскрикнул — сухо и хрипло.

На другой ее стороне он увидел орла — герб, украшавший его собственное знамя в те далекие времена, когда были еще королевства и знамена, их символизирующие.

Время поджимает. Возвращайся. Быстрее.

Но он задержался еще на секунду, чтобы подумать. Думать собственной головой было гораздо труднее — голова Узника, правда, тоже была не совсем чтобы ясной, но его сознание по крайней мере сейчас работало лучше в ней.

Пронести монетку обратно — это лишь половина эксперимента.

Он вынул из патронташа один патрон и зажал его в кулаке вместе с монетой.

Роланд шагнул через дверь.

5

Монета Узника снова была в кармане, плотно зажатая в кулаке. Чтобы проверить, здесь ли патрон, ему даже не нужно было *переступать «порог»*. Роланд и так знал, что патрон пронести он не смог.

Но он все равно на секундочку *переступил «порог»*, потому что ему нужно было узнать одну вещь. Нужно было *увидеть*.

Он обернулся, как бы для того, чтобы поправить какую-то бумажную штуку на спинке кресла (боги всевышние, сущие на небесах, в этом мире бумага *повсюду!*), и поглядел через дверь. Его тело, как и прежде, лежало на берегу, только теперь тонкая струйка крови сочилась из пореза на щеке: должно быть, когда он сюда проходил, его тело, падая, ударилось о камень.

Патрон, который он держал в кулаке вместе с монетой, лежал на песке перед самой дверью.

Ну что же, теперь он знал хотя бы это. Узник сможет «пройти таможню». Пусть даже стражники-наблюдатели обыщут его с головы до ног, от задницы до ушей и обратно.

Они ничего не найдут.

Стрелок, успокоившись, отступил. Он не знал еще, что проблема гораздо сложнее, чем он себе ее представлял.

6

«Боинг-727» ровно и плавно снижался над соляными топями Лонг-Айленда, оставляя за собой закопченный хвост отработанного топлива. С грохотом вышли шасси.

7

За, человек с двухцветными глазами, резко выпрямился, и Джейн увидела — действительно увидела — у него в руках курносый «узи», и только потом до нее дошло, что это всего лишь его таможенная декларация и маленькая сумочка на «молнии», в которой некоторые мужчины носят свои документы.

Самолет приземлился мягко, как шелковый платок.

Джейн передернула плечами и закрутила красную крышку термоса.

— Теперь можешь звать меня идиоткой, — понизив голос, сказала она Сюзи, пристегивая ремень, хотя это надо было бы сделать раньше. До этого, при заходе на посадку, она рассказала Сюзи о своих подозрениях, чтобы та тоже была наготове. — И будешь права.

— Нет, — возразила Сюзи. — Ты все сделала правильно.

— Немного хватила лишку. С меня теперь ужин.

— Да уж, от тебя дождешься. И не смотри на него. Смотри на меня. *Улыбнись,* Дженни.

Джейн улыбнулась. Кивнула. Спросила себя, что, черт возьми, происходит.

— Ты пялилась на его руки, — сказала Сюзи и рассмеялась. Джейн тоже. — А я смотрела на то, что случилось с его рубахой, когда он нагнулся за сумкой. У него там под мышками столько всего, что можно снабдить целый отдел галантереи «Вулворта». Только, мне кажется, то, что он везет, вряд ли купишь в «Вулворте».

Джейн запрокинула голову и снова расхохоталась, чувствуя себя какой-то марионеткой.

— Что будем делать? — Сюзи была старше ее на пять лет, и Джейн, которой еще минуту назад казалось, что она худо-бедно, но все-таки контролирует ситуацию, теперь испытывала только радость оттого, что Сюзи рядом.

— *Мы* — ничего. Когда будем заруливать на стоянку, нужно сказать капитану. Он свяжется с таможней. Приятель твой встанет в очередь, как и все пассажиры, а потом придут ребята и вежливо препроводят его из очереди в какую-нибудь комнатушку. Первую, как мне сдается, в долгом ряду комнатушек, для него предназначенных.

— Боже мой. — Джейн улыбалась, но ее бросало то в жар, то в холод.

Когда тормозные двигатели начали стихать, она отстегнула ремень, сунула термос Сюзи, встала и постучала в кабину пилота.

Не террорист, а контрабандист — провозит наркотики. Слава Богу, что не первое. И все-таки ей было капельку жаль его. Он был такой симпатичный.

Не то чтобы очень, но все же.

8

Он так и не видит, подумал стрелок с яростью и нарастающим отчаянием. *Боги всевышние!*

Эдди нагнулся, чтобы достать бумаги, необходимые для ритуала, а когда выпрямился, Роланд заметил, что на него смотрит женщина в униформе: глаза выпучены, щеки белые, как эта бумажная штучка на спинке кресла. Серебряная трубка с красной крышкой, которую он поначалу принял за большую флягу, очевидно, была оружием. Она держала ее вертикально, прижав к груди. Роланду показалось, что она вот-вот швырнет эту штуку в Узника или снимет красную крышку и начнет стрелять.

Но она расслабилась и застегнула ремень, хотя и стрелок, и Узник — оба услышали глухой удар, означавший, что воздушная карета уже приземлилась. Потом повернулась к другой женщине в форме, которая сидела рядом, и что-то сказала. Та рассмеялась и кивнула. Стрелок, однако, подумал, что если смех этот искренний, тогда он — речная жаба.

Стрелок удивлялся, как человек, чье сознание стало теперь временным вместилищем для его *ка**, может быть таким глупым. Частично, конечно, из-за зелья, которое он принимает... аналога бес-травы в этом мире. Но только частично. Он не такой

* Ка — в египетской мифологии одна из душ человека.

мягкотелый, беспечный и ненаблюдательный, как другие, но со временем вполне может стать таким.

Они такие, какие есть, потому что живут при свете, внезапно открылось стрелку. *Свет этот — цивилизация, которой тебя учили поклоняться. Они живут в мире, который не сдвинулся с места.*

И если в мире, исполненном света, люди становятся такими рохлями, Роланд, наверное, предпочел бы тьму. «Так было, пока мир не сдвинулся с места», — говорили в его мире с ностальгической грустью... но, может, это была безотчетная, бездумная грусть.

Она боялась, что я/он собрался достать оружие, когда я/он наклонился, чтобы взять бумаги. Увидев бумаги, она расслабилась и начала заниматься всем тем, чем обычно занимаются все, когда воздушная карета садится на землю. Сейчас она разговаривает со своей подругой. Они смеются, но лица у них — и особенно ее лицо, лицо женщины с металлической трубкой — какие-то не такие. Да, они разговаривают, но лишь делают вид, что смеются... и это все потому, что они говорят обо мне/о нем.

Теперь воздушная карета ехала по какой-то длинной бетонной дорожке, каких было много на поле. В основном стрелок смотрел на женщин, но краем глаза он все-таки заметил и другие воздушные дилижансы, катившие по другим дорожкам. Одни тяжело громыхали, двигались медленно и неуклюже; другие мчались с невообразимой скоростью и, готовясь взлететь в небеса, были больше похожи не на кареты, а на снаряды, выпущенные из револьвера или из пушки. Роланд находился в отчаянном положении, и так же отчаянно ему хотелось *переступить «порог»* и повернуть эту голову, чтобы получше рассмотреть экипажи, взмывающие в небеса. Их сделали люди, но они были сказочными, неправдоподобными, как легенды о таинственных крылатых существах, которые предположительно жили когда-то в далеком (и, может быть, вымышленном) королевстве Гарлан... и даже более неправдоподобными, потому что эти летающие кареты были сделаны человеческими руками.

Женщина, которая приносила ему бутер, расстегнула свой ремень (не прошло и минуты, как она его застегнула), встала и подошла к какой-то маленькой дверце. *Там, наверное, сидит возница,* подумал стрелок, но когда дверь открылась и женщина вошла внутрь, он увидел не одного, а целых трех возниц, управляющих воздушной каретой. И неудивительно: Роланд мельком успел разглядеть миллион рычажков, циферблатов и мигающих лампочек — одному человеку здесь явно не справиться.

Узник смотрел, но ничего не видел. Корт для начала высмеял бы его, а потом размазал бы по ближайшей стенке. Со-

знание Узника было полностью занято извлечением сумки из-под сиденья и куртки из ящика наверху... и предстоящим ритуалом, испытанием, видимо, не из легких.

Узник не видел ничего; стрелок видел все.

Женщина приняла его за сумасшедшего или вора. Он — или, может быть, я, да, вполне вероятно, что я, — сделал что-то такое, что навело ее на такую мысль. Потом она переменила мнение, но та, вторая, женщина что-то сказала ей, и у нее снова возникли подозрения... только на этот раз, кажется, вполне определенные. Теперь они знают, в чем дело. Они знают, что он собирается осквернить ритуал.

А потом он замер как громом пораженный. До него вдруг дошла вся сложность ситуации. Во-первых, он не сможет перенести к себе на берег пакеты с зельем так же просто, как перенес монетку: монета не была приклеена к телу Узника клейкой лентой, которую он намотал слоями, чтобы прижать пакеты плотнее к телу. Эта клейкая лента — лишь часть проблемы. Узник не заметил исчезновения одной монетки из кармана, где их было много, но если он обнаружит, что это зелье, ради которого он рисковал жизнью, вдруг куда-то пропало, он наверняка выкинет какой-нибудь фортель... и что тогда?

Вполне вероятно, что Узник, распсиховавшись, такое наворотит, что его сцапают и отправят в темницу еще раньше, чем он осквернит ритуал. Так что нельзя просто забрать это зелье и все: если пакетики вдруг испарятся у него из-под мышек, он, вероятно, решит, что и *в самом деле* сошел с ума.

Воздушная карета, неуклюжая, точно буйвол, здесь, на земле, тяжело поворачивала налево. Стрелок понял: времени на дальнейшие размышления нет. Сейчас ему нужно не просто *перешагнуть «порог»*, но еще и войти в контакт с Эдди Дином.

Немедленно.

9

Эдди сунул свой паспорт и таможенную декларацию в нагрудный карман. Стальной провод продолжал медленно обматывать его внутренности, вкручиваясь все глубже и глубже. Нервы буквально звенели от напряжения. И вдруг у него в голове раздался голос.

Не мысль, *а голос*.

Слушай меня, приятель. Слушай очень внимательно. И если не хочешь куда-нибудь загреметь, постарайся, чтоб у тебя на лице не отразилось ничего такого, что могло бы вызвать дальнейшие подозрения у этих женщин в форме. Видит Бог, у них подозрений и так достаточно.

Сперва Эдди подумал, что он забыл снять наушники и принимает теперь какие-то странные передачи из кабины пилота. Но ведь стюардессы собрали наушники уже минут пять назад.

Потом он подумал, что кто-то стоит рядом с ним и с кем-то болтает. Он едва было не повернул голову влево, но сообразил, что это просто нелепо. Нравится ему или нет, но голос звучал у него в голове.

Может быть, он принимает какие-то передачи — на КВ, или УКВ, или ДВ — через пломбы в зубах. Он что-то такое слышал...

Выпрямись, идиотина! У них и так достаточно подозрений, а у тебя сейчас такой вид, словно ты чокнутый!

Эдди быстро выпрямился, как будто ему поддали. Голос не Генри, хотя очень сильно похож на голос Генри в детстве, когда они вместе росли в трущобах Нью-Йорка. Генри на восемь лет старше, а сестренка, средняя между ними, теперь стала лишь призраком в памяти: Селину сбила машина, когда Эдди было два года, а Генри — десять. Таким резким приказным тоном Генри всегда обращался к нему, когда Эдди делал что-то такое, что могло завершиться печальным уходом Эдди из этого мира задолго до срока... как случилось с Селиной.

Что еще за мура?

Это не призрачные голоса, — вновь раздался в его голове все тот же голос. Нет, он принадлежал не Генри... этот был старше, суше... сильнее. Но все же очень похож на голос Генри... и ему невозможно не верить. — *Это во-первых. Ты не сходишь с ума. Я действительно другой человек.*

Это что — телепатия?

Эдди смутно осознавал, что его лицо лишилось всякого выражения. При других обстоятельствах за такую мордашку ему бы точно присвоили «Оскара» в номинации «Лучший актер года». Он поглядел в окно — самолет приближался к отделению компании «Дельта» в здании прибытия Международного аэропорта Кеннеди.

Я не знаю этого слова. Но я знаю, что эти женщины в армейской форме в курсе, что ты везешь...

Потом повисла пауза. Чувство — странное, не передать словами — как будто призрачные пальцы перебирают его мозг, словно он, Эдди, стал вдруг живой картотекой.

...героин или кокаин. Я точно не знаю, что именно... хотя, наверное, кокаин, потому что ты сам его не принимаешь, а везешь, чтобы купить потом тот, который нужен тебе.

— Что еще за женщины в армейской форме? — пробормотал Эдди вполголоса, совершенно не сознавая того, что он говорит вслух. — Ты о чем, черт возьми...

Чувство, как будто его опять ударили... такое реальное, что в голове зазвенело.

Заткни пасть, говнюк!

Хорошо, хорошо! Боже мой!

Снова странное ощущение перебирающих пальцев.

Стюардессы в форме, — повторил чужой голос. — *Ты меня понимаешь? У меня нет времени разжевывать каждую мысль, Узник!*

— Как ты... — начал было Эдди, но тут же заткнулся и задал вопрос мысленно: *Как ты меня назвал?*

Не важно. Просто слушай меня. У нас очень мало времени. Они знают. Стюардессы знают, что ты везешь этот кокаин.

Откуда бы? Просто смешно!

Я не имею понятия, откуда они узнали, но это сейчас не важно. Одна из них рассказала возницам. А возницы расскажут жрецам, которые совершают эту церемонию «прохождения таможни»...

Голос у него в голове говорил на архаичном языке, употребляя слова совсем невпопад, так что звучало это даже забавно... но смысл сказанного был абсолютно ясен. Хотя лицо Эдди оставалось непроницаемым, он до боли сжал зубы и издал звук, похожий больше всего на шипение.

Голос говорил, что игра закончена. Он еще даже не вышел из самолета, а игра уже закончена.

Но на самом деле всего этого нет. Такого просто не может быть. Это в последние минуты его разум поддался приступу паранойи — вот и все. Главное — не обращать внимания. Не замечать, и наваждение пройдет...

Нет, ты заметишь, еще как заметишь, иначе ты загремишь в темницу, а я умру! — проревел голос.

Кто ты, во имя всего святого? — испуганно и неохотно спросил Эдди, и у него в голове кто-то (или, может быть, что-то) глубоко, с облегчением вздохнул.

10

Он поверил, подумал стрелок. *Благодарение всем богам, ныне и присно и во веки веков, он поверил!*

11

Самолет остановился. Надпись ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ погасла. Подали трап, который с мягким стуком коснулся переднего выхода. Они прибыли.

12

Есть место, куда ты можешь все это спрятать на то время, пока будешь «проходить таможню», — сказал ему голос. — *Надежное место. А когда ты пройдешь ритуал, получишь свои пакеты обратно и отнесешь их тому человеку, Балазару.*

Люди уже поднимались с мест, доставали свои вещи из верхних ящичков и пытались куда-то пристроить плащи, поскольку на улице, согласно объявлению второго пилота, было слишком тепло.

Возьми свою сумку и куртку. Иди опять в это отхожее место.

Отхожее...

О... Туалет. Впереди.

Если они так уверены, что у меня что-то есть, они решат, что я пытаюсь отделаться от товара.

Но Эдди уже понял, что это вряд ли имеет значение. Никто не станет ломиться в дверь, чтобы не напугать пассажиров. К тому же всем ясно, что нельзя так просто спустить в унитаз самолета два фунта чистого кокаина, не оставив никаких следов. Но это не важно, если голос действительно говорит правду... что есть какое-то надежное место. *Вот только как это может быть?*

Не важно, черт тебя побери! ШЕВЕЛИСЬ!

Эдди встал. Он наконец-то врубился. Он, конечно, не видел всего того, что видел Роланд с его многолетним опытом, подкрепленным долгими мучительными тренировками, но он увидел лица стюардесс — их настоящие лица, те, что скрывались за натянутыми улыбками и чрезмерной предупредительностью: сейчас они выгружали коробки и сумки пассажиров из шкафа в передней части самолета. И еще он увидел, как они украдкой поглядывают на него.

Эдди взял сумку. Взял куртку. Люк уже открыли: пассажиры двинулись по проходу. Дверь в кабину пилота тоже распахнулась, там сидел капитан, тоже улыбаясь... и тоже поглядывая на пассажиров первого класса, которые все еще собирали вещи: выискивал Эдди — нет, не выискивал даже, а *брал на мушку,* — потом опять отводил глаза, кивал кому-то, ерошил напарнику волосы.

Эдди остыл. Не в том смысле, какой вкладывал в это слово Генри, а на самом деле остыл, то есть успокоился. Сам по себе, вовсе не из-за голоса в голове. Хладнокровие — иногда это то, что надо. Только нужно держаться настороже, чтобы совсем уж не заледенеть.

Эдди пошел вперед, уже повернулся налево, к трапу... и вдруг закрыл рот рукой.

— Что-то мне нехорошо, — выдавил он. — Извините.

Он прикрыл дверь в кабину пилота, слегка заблокировав проход в салон первого класса, и отворил дверь в туалет справа.

— Боюсь, придется вам выйти из самолета, — резко проговорил пилот, когда Эдди открыл дверь в туалет. — Это...

— Меня, кажется, сейчас вырвет. Мне не хотелось бы, чтобы попало на ваши ботинки, — ответил Эдди, — или же на мои.

Через секунду он уже был в туалете и запирал за собой дверь. Капитан что-то сказал. Эдди не расслышал, что именно, да и какое это имеет значение. Самое главное: он говорил, а не орал. Эдди был прав: никто не станет орать, когда в салоне толпятся сотни две с половиной пассажиров, ожидающих своей очереди на выход у единственной двери. Он внутри. Временно в безопасности... ну и какой ему с этого прок?

Не знаю, кто ты, но если ты здесь, подумал Эдди, *ты бы лучше что-то делал. И побыстрее.*

Какой-то ужасный миг ничего не происходило. Всего лишь миг, но в сознании Эдди Дина он растянулся на целую вечность, как те турецкие тянучки, которые Генри покупал ему каждое лето, когда они были еще детьми: если он вел себя плохо, Генри дубасил его нещадно, если вел хорошо, Генри ему покупал турецкие тянучки. Таким образом Генри справлялся со своими обязанностями старшего брата во время летних каникул.

Боже мой, мне все это почудилось, Господи Иисусе, каким же надо быть чокнутым...

Приготовься, — приказал строгий голос. — *Я один не смогу, нам надо действовать вместе. Я могу ПЕРЕШАГНУТЬ «ПОРОГ», но я не сумею сделать так, чтобы ты один ПЕРЕСТУПИЛ ЧЕРТУ. Нам надо совершить это вместе. Обернись.*

До Эдди внезапно дошло, что он видит двумя парами глаз, реагирует нервами двух тел (только нервы другого тела были частично утрачены; на месте некоторых, исчезнувших совсем недавно, пульсировала боль), чувствует десятью чувствами, думает двумя головами, кровь его перекачивают два сердца.

Он обернулся: в стене туалета была дыра размером с дверной проем. Сквозь эту «дверь» он увидел серый песчаный пляж и волны цвета старых спортивных носков, разбивающиеся о берег.

Он услышал плеск волн.

Почувствовал в воздухе вкус соли, такой же горький, как вкус слез.

Проходи.

Кто-то уже стучал в дверь туалета и говорил ему, чтобы он вышел немедленно и покинул самолет.

Проходи, черт возьми!

Эдди со стоном шагнул к двери... запнулся... и упал в другой мир.

13

Он медленно поднялся на ноги, чувствуя, что порезал правую ладонь о ракушку в песке. Он тупо уставился на кровь, что струилась по линии жизни, а потом вдруг увидел, что справа от него поднимается на ноги еще один человек.

Эдди отшатнулся, его ощущение полной дезориентации и какой-то непостижимой путаницы сменилось внезапно неподдельным ужасом: человек этот мертв и не знает об этом. Лицо изможденное. Кожа натянута на костях лица, как полоски ткани на углах какого-нибудь металлического предмета, причем так туго, что материя вот-вот порвется. Кожа была синюшного цвета, если не считать лихорадочных красных пятен на каждой скуле, по обеим сторонам шеи под нижней челюстью и круглой отметины между глаз, как у ребенка, который пытается изобразить у себя на лбу индийский знак касты.

А глаза его — голубые, спокойные, мудрые — были исполнены жизни, какой-то жуткой и цепкой живучести. Одет он был в темное одеяние из какой-то домотканой материи. Черная рубашка с закатанными рукавами так выцвела, что стала серой. Штаны очень напоминали джинсы. На бедрах — перекрестные ремни с патронташами, вот только патронов почти не осталось. В двух кобурах — по револьверу. Похоже на 45-й калибр, но по виду очень уж древние. Гладкое дерево рукояток, казалось, светится своим внутренним светом.

Эдди, которому общаться совсем не хотелось — да и не знал он, с чего начать, — услышал собственный голос, произносящий:

— Ты что, призрак?

— Пока еще нет, — прохрипел человек с револьверами. — Бестрава. Кокаин. Как ты там его называешь. Снимай рубаху.

— Твои руки... — Эдди только теперь увидел. Руки человека, чем-то напоминавшего сумасброда-ковбоя из дешевого вестерна, были покрыты зловещими ярко-красными полосами. Эдди знал, что это значит. Заражение крови. Это значит, что дьявол не просто дышит тебе в задницу, а уже пробирается по каналам, что ведут к твоему насосу.

— Забудь мои руки! — прошипел бледный призрак. — *Снимай рубаху и отдирай эту штуку!*

Он слышал плеск волн и одинокое завывание ветра, который не встречал никаких преград. Он видел этого тронутого умирающего человека в безысходном отчаянии. И все-таки у себя за спиной он слышал гул голосов пассажиров, выходящих из самолета, и настойчивый стук в дверь.

— Мистер Дин! — *Этот голос,* подумал он, *сейчас доносится из другого мира.* Он не то чтобы еще сомневался, про-

сто пытался вбить все эти странности в свою бедную голову точно так же, как, скажем, вбиваешь гвоздь в толстый брус красного дерева. — Вам давно уже надо было бы...

— Можешь оставить все это здесь, а потом заберешь, — прохрипел стрелок. — Боги всевышние, до тебя не дошло еще, что здесь мне приходится говорить? А это больно! *К тому же у нас нет времени, идиот!*

Кого другого Эдди бы просто убил за такие слова... но он хорошо понимал, что ему будет весьма затруднительно убить этого человека, хотя, судя по его виду, быстрая смерть пошла бы ему только на пользу.

И все же он чувствовал, что эти голубые глаза не лгут; все сомнения сгорали в их безумном огне.

Эдди принялся расстегивать рубаху. Сперва он хотел просто ее разорвать, как в том фильме, когда Кларк Кент рвет на себе рубаху, пока Лоис Лейн лежит привязанная к рельсам или к чему там, но что хорошо в кино, в реальной жизни может только навредить: рано или поздно придется еще объяснять, куда делись недостающие пуговицы. Поэтому он аккуратненько их расстегнул. А в дверь все стучали.

Он выдернул рубашку из джинсов, снял ее и швырнул на песок, обнажив полосы клейкой ленты на груди. В таком виде он был похож на человека на последней стадии выздоровления после тяжелого перелома ребер.

Он оглянулся и увидел открытую дверь... низ ее прочертил в сером песке полукруг, когда кто-то — скорее всего умирающий человек — отворял ее. В дверном проеме виднелась туалетная комната при салоне первого класса, раковина, зеркало... и в зеркале — отражение его лица: черная челка падает на лоб, на глаза. Карие. На заднем плане он разглядел стрелка, морской берег, парящую птицу, взмывавшую над бог его знает чем.

Он провел ладонью по ленте, не зная, с чего начать, как отыскать свободный конец, и его вдруг охватило головокружительное чувство полной безнадежности. Так, наверное, чувствует себя олень или кролик, который дошел уже до середины проселочной дороги, повернул голову, а его тут же ослепил свет фар.

Вильям Вильсон, имя которого обессмертил Эдгар По, заматывал Эдди двадцать минут. Дверь в туалет в самолете откроют минут через пять, максимум — семь.

— Я не успею снять это дерьмо, — сказал он шатающемуся человеку. — Я не знаю, кто ты и где я, но здесь слишком много ленты, а времени слишком мало.

14

Дир, второй пилот, посоветовал капитану Макдоналду прекратить барабанить в дверь, когда тот, разозленный тем, что За ему не отвечает, принялся молотить в нее со всей силы.

— Куда он денется? — резонно заметил Дир. — Что он там делает? Хочет спустить себя в унитаз? Не пролезет.

— Но если он... — начал было Макдоналд.

Дир, который и сам иной раз баловался кокаином, сказал:

— Если он нагружен, то нагружен плотно. Он не сможет избавиться от всего.

— Отключите воду, — спохватился внезапно Макдоналд.

— Уже отключили, — успокоил его штурман (который тоже при случае не отказывался нюхнуть). — Но, по-моему, это уже не важно. Растворить порошок в сливном бачке можно, но нельзя сделать так, чтобы он испарился. — Они все столпились у двери в туалет с табличкой ЗАНЯТО, издевательски горящей наверху, и говорили друг с другом, понизив голос. — Ребята из Отдела по борьбе с наркотиками осушат толчок, возьмут пробы, и парень влип.

— Он всегда может сказать, что кто-то там был до него, а он вообще ничего не знает. — Макдоналд был на пределе, даже голос его срывался. Ему не хотелось болтать; ему хотелось действовать, прямо сейчас, несмотря даже на то, что еще не все пассажиры вышли из самолета, причем кое-кто поглядывал на команду и стюардесс, столпившихся у двери туалета, с любопытством и явно не праздным. Но, с другой стороны, всякое неосторожное действие может молниеносно вызвать панику среди пассажиров, которые, пусть и не отдавая себе отчета, всегда в глубине души опасаются террористов. Макдоналд понимал, что его штурман и бортинженер правы на сто процентов. Он был уверен, что эта дрянь упакована в пластиковые мешки, на которых останутся отпечатки пальцев, и все же в его сознании выли сирены тревоги. Что-то было не так. Что-то внутри у него продолжало вопить: *«Это трюк! Хитрый трюк!»* — как будто парень из кресла За был каким-нибудь шулером-игроком с тузами, припрятанными в рукаве.

— Он не пытается спустить воду, — заметила Сюзи Дуглас. — Он не пытается даже открыть кран. Мы бы услышали, если бы он это делал. Я что-то слышу, но...

— Лучше уйди отсюда, — резко бросил Макдоналд и покосился на Джейн Дорнинг. — И ты тоже. Мы сами с ним разберемся.

Джейн повернулась, чтобы уйти. Щеки ее пылали.

Сюзи спокойно сказала:

— Это Джейн засекла его, а я заметила эти пакеты у него под рубашкой. Я думаю, что нам лучше остаться, капитан

Макдоналд. Потом, если желаете, можете подавать рапорт о нарушении субординации. Я только хочу вам напомнить, что мы сейчас препираемся из-за того, что действительно может вызвать большую бучу у них в ОБН.

Их взгляды скрестились, как камень со сталью, высекая искры.

— Я уже раз восемнадцать летала с вами, Мак, — сказала Сюзи. — Я стараюсь быть вашим другом.

Еще мгновение Макдоналд смотрел на нее, а потом кивнул:

— Хорошо, оставайтесь. Я только хочу, чтобы вы обе отошли на один шаг к кабине.

Он приподнялся на цыпочки, оглядел проход: хвост очереди на выход только выполз из туристического в салон бизнес-класса. Еще две минуты, максимум — три.

Потом капитан повернулся к служащему аэропорта, который стоял с той стороны люка и наблюдал за ним. Тот тоже, должно быть, почувствовал что-то неладное: вынул рацию и держал ее наготове.

— Скажи ему, чтобы вызвал сюда таможенников, — тихонько обратился Макдоналд к штурману. — Человека три-четыре. С оружием. Немедленно.

Штурман, улыбаясь во весь рот и рассыпаясь в извинениях, пробрался сквозь очередь пассажиров и что-то тихонько сказал служащему аэропорта. Тот поднес рацию к губам и передал сообщение, понизив голос.

Макдоналд, который в жизни не принимал ничего сильнее аспирина, да и то только изредка, повернулся к Диру. Губы его были плотно сжаты в тонкую белую линию, похожую больше на шрам.

— Как только выйдет последний из пассажиров, мы сразу вскрываем сортир, — сказал он. — Не дожидаясь таможенников. Тебе понятно?

— Вас понял, — ответил Дир и поглядел на хвост очереди, переместившийся в салон первого класса.

15

— Возьми нож, — сказал стрелок. — У меня в сумке.

Он сделал жест рукой, указывая туда, где на песке валялась потрескавшаяся кожаная сумка. Даже не сумка, а большой мешок, какие, в представлении людей нормальных, таскают с собой хиппи, когда гуляют по тропам Аппалачей и торчат от природы (и частенько от косячков с марихуаной). Только этот мешок выглядел очень даже реальным. Сразу видно, что он побывал в долгих, тяжелых и даже отчаянных странствиях.

Указал рукой, но не пальцем. Просто не мог указать пальцем. Теперь Эдди понял, почему правая рука у этого человека замотана грязной тряпицей: на ней не хватало пальцев.

— Возьми нож, — повторил он. — Разрежь ленту. Только смотри не поранься. Это несложно. Будь осторожен, но постарайся все-таки побыстрее. У нас мало времени.

— Да, я знаю. — Эдди опустился на колени в песок. Все это нереально. Вот оно что! Как сказал бы великий мудрец и выдающийся наркоман Генри Дин, *тип-топ, ля-ля, ку-ку, кувырок через башку, жизнь — это фикция, мир — это ложь, так что ты отрывайся, покуда живешь.*

Все это нереально. Просто бредовый, на удивление похожий на жизнь сон. Так что лучше всего припухнуть, и пусть все идет как идет.

Разумеется, это сон. Он уже потянулся к «молнии» — или там, может быть, окажется «липучка» — на «сумке» этого человека, и вдруг с изумлением увидел, что она зашнурована ремешками из сыромятной кожи. Кое-где ремешки были порваны и связаны аккуратными узелками, маленькими, чтобы они проходили сквозь кольцеобразные ушки.

Эдди развязал верхний узел, открыл сумку и нашел нож под сыроватым куском материи, в который были завернуты патроны. Он поглядел на нож, и у него перехватило дыхание. Одна рукоятка чего стоит... чистое серебро, серовато-белое с мягким блеском, украшенное изумительной гравировкой, узор которой притягивал взгляд...

Боль взорвалась в ухе, проревела в мозгу. Перед глазами поплыли клочья красного тумана. Он неуклюже свалился на открытую сумку, тяжело ударился о песок и поднял глаза на бледного человека в обрезанных сапогах. Это не сон. На умирающем лице горели голубые глаза, и эти глаза не лгали.

— Будешь потом восхищаться, Узник, — сказал стрелок. — Сейчас просто возьми его и разрежь ленту.

Эдди чувствовал, как распухает ухо.

— Почему ты все время так меня называешь?

— Режь ленту, — мрачно проговорил стрелок. — Если они ворвутся в нужник, а тебя там не будет, тогда, есть у меня подозрение, тебе придется пробыть здесь гораздо дольше. Ты даже не представляешь, как долго. А мой хладный труп составит тебе компанию.

Эдди вытащил нож из ножен. Не просто старый: старше, чем старый, старше, чем древний. Металлическое лезвие, отточенное так, что не было видно краев, казалось, вместило в себя вечность.

— Да, на вид оно острое, — сказал Эдди, и голос его дрогнул.

16

Последние пассажиры уже выходили из самолета. Одна из них, женщина лет семидесяти, с видом полного замешательства, характерного только для пожилых людей, которые летят в первый раз и к тому же почти не знают английского, остановилась в проходе, протягивая свой билет Джейн Дорнинг.

— Как мне *вообще* найти самолет на Монреаль? — спросила она. — И что будет с моим багажом? Мне пройти таможню здесь или там?

— У выхода будет стоять служащий аэропорта, он даст вам всю необходимую информацию, мадам, — разъяснила Джейн.

— Да, но я только не понимаю, почему вы не можете дать мне всю нужную информацию? — возмутилась старушка. — Там так много народу.

— Пожалуйста, проходите, мадам, — сказал капитан Макдоналд. — У нас здесь одна небольшая проблема.

— Что ж, простите, что я живу, — обиженно проговорила старушка. — Я, наверное, случайно выпала из катафалка.

С этими словами она прошествовала мимо них, задрав нос, как собака, почуявшая запах дыма вдали, сжимая в одной руке сумочку, в другой — бумажник с билетами (бумажник так и распирало: судя по количеству билетов, эта старушка только и делала, что летала по миру, меняя самолеты в каждом аэропорту).

— Эта дама больше в жизни не сядет на самолет компании «Дельта», — пробормотала Сюзи.

— Меня не гребет, пусть летает как хочет, хоть на загривке у супермена, — сказал Макдоналд. — Она последняя?

Джейн протиснулась между ними, заглянула в салон бизнес-класса, потом в главный салон. Никого.

Она вернулась и доложила, что самолет пуст.

Макдоналд повернулся к трапу и увидел, как сквозь толпу пробираются два таможенника в форме, извиняясь на каждом шагу, но даже не глядя на людей, которых они толкали. Последней они пихнули разобиженную старую леди, которая уронила свой бумажник. Бумаги рассыпались во все стороны, и она пронзительно завопила, как рассерженная ворона.

— О'кей, — подытожил Макдоналд. — Вы, ребята, вон там и стойте.

— Сэр, мы офицеры Федеральной таможни...

— Замечательно, я просил вас прийти, и я очень рад, что вы явились так быстро. Но пока что постойте там. Это мой самолет, а этот гусь, который засел в туалете, пока еще мой подопечный. Как только он выйдет из самолета на трап, забирайте его себе и

запекайте хоть с яблоками. — Он кивнул Диру. — Дадим сукину сыну еще один шанс и ломаем дверь.

— Я не против, — отозвался Дир.

Макдоналд постучал в дверь туалета и заорал:

— Выходите, приятель! Последний раз прошу вас по-хорошему!

Никто не отозвался.

— О'кей, — заключил Макдоналд. — Приступим.

17

Эдди смутно расслышал старческий голос: «Что ж, простите, что я живу! Я, наверное, выпала из катафалка!»

Он разрезал уже половину ленты. Когда старуха начала вопить, рука его дернулась, и по животу потекла струйка крови.

— Дерьмо, — сказал Эдди.

— Руганью здесь не поможешь, — прохрипел стрелок. — Давай заканчивай. Или при виде крови тебя мутит?

— Только когда кровь моя.

Лента начиналась прямо над животом. Чем выше он резал, тем хуже видел, куда он тычет ножом. Он прошел еще дюйма три, и едва не порезался снова, когда услышал, как Макдоналд сказал таможенникам: «Вы, ребята, вон там и стойте».

— Я не могу больше резать. Я ни черта не вижу. Мне подбородок мешает, мать его, — сказал Эдди. — Я себя точно проткну, если ты мне не поможешь.

Стрелок взял нож в левую руку. Рука дрожала. Наблюдая за трясущимся лезвием, наточенным до самоубийственной остроты, Эдди занервничал.

— Может, я все-таки лучше сам...

— Погоди.

Стрелок уставился на свою левую руку. Эдди не то чтобы совсем уж не верил в телепатию, но и не то чтобы верил в нее. И все же сейчас он почувствовал что-то столь же реальное и ощутимое, как, скажем, жар, идущий от печи. А уже через пару секунд он понял, что это: таинственный незнакомец собирал свою волю в кулак.

Как же он, черт возьми, умирает, если даже я чувствую его силу?

Дрожь в руке потихоньку прекращалась. Вскоре она превратилась в слабенькое подрагивание. А еще через десять секунд рука стала твердой как камень.

— Ну вот. — Стрелок шагнул вперед, поднимая нож, и Эдди почувствовал вдруг, что, кроме силы, от него действительно исходит жар — обжигающее затхлое дыхание лихорадки.

— Ты левша? — спросил Эдди.

— Нет, — ответил стрелок.

— Боже мой. — Эдди решил, что ему лучше закрыть глаза. Так он и сделал и только услышал, как шелестит разрезаемая лента.

— Готово, — сказал стрелок, отступая. — Теперь давай стягивай, сколько сможешь. Я помогу тебе сзади.

Вежливый стук в дверь сменился ударами кулака. *Пассажиры все вышли,* подумал Эдди. *Никакого тебе больше мистера Славный Парень. Вот паскудство.*

— Выходите, приятель! Последний раз прошу вас по-хорошему!

— *Дергай!* — прорычал стрелок.

Обеими руками Эдди схватился за края разрезанной ленты и дернул ее изо всей силы. Больно, еще как больно! «Хватит скулить, — сказал он себе. — Могло быть и хуже. Хорошо, что у тебя не такая волосатая грудь, как у Генри».

Он посмотрел на себя и увидел поперек груди красную полоску раздраженной кожи шириной дюймов в семь. Он порезался как раз над солнечным сплетением: кровь сочилась из ранки и алой струйкой стекала к пупку. Пакеты с товаром болтались теперь под мышками, как закрепленные сикось-накось седельные сумки.

— О'кей, — раздался за дверью уборной приглушенный голос. — При...

Эдди пропустил окончание фразы из-за внезапного взрыва боли у него на спине: это стрелок бесцеремонно сорвал остатки ленты.

Эдди закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

— Надевай рубаху, — сказал стрелок. Лицо его — Эдди думал, что бледнее у живого человека уже не бывает, — теперь стало серым, как старый пепел. В левой руке он держал сорванную ленту (она слиплась в спутанный клубок, и пакетики с белой дрянью смотрелись на ней точно два белых кокона). Потом стрелок бросил ее на песок. Эдди заметил свежую кровь, проступившую сквозь грубую повязку на правой руке стрелка. — Быстрее.

Послышался громкий удар. Теперь в дверь не просто стучали с вежливой просьбой освободить помещение. Эдди заглянул в туалет и увидел, что дверь дрожит. Свет внутри замигал. Они пытаются выломать дверь.

Он подхватил рубашку. Пальцы его стали внезапно какими-то слишком большими и неуклюжими. Левый рукав вывернулся наизнанку. Эдди стал выдергивать его обратно, рука на мгновение застряла, потом он дернул изо всей силы, но без толку.

Ба-бах! Дверь в туалет задрожала опять.

— Боги всевышние, ну почему ты такой неуклюжий?! — простонал стрелок, просунув левую руку в рукав рубашки.

9 Зак. 722

Эдди схватил манжету, а стрелок вытащил рукав. Стрелок подал ему рубаху, как дворецкий подает пальто своему хозяину. Эдди влез в рукава и взялся за нижнюю пуговицу.

— Погоди, — рявкнул стрелок и оторвал еще полосу от своей разодранной рубашки. — Вытри живот!

Эдди, как мог, вытерся. В том месте, где он порезался, так и сочилась кровь. Да, нож был острый. Еще какой острый!

Он швырнул окровавленную тряпку на песок и застегнул рубашку.

Ба-бах! На этот раз дверь не просто задрожала, ее полотно прогнулось. Глядя с берега, Эдди увидел, как бутылочка с жидким мылом свалилась с подставки возле зеркала и упала прямо на его сумку.

Он уже собирался заправить рубаху (которую, как ни странно, он застегнул на все пуговицы и правильно) в джинсы, но тут его осенило: вместо того чтобы заправить рубашку, он расстегнул ремень.

— На это нет времени! — Стрелок понял, что пытается закричать, но вместо крика вышел хрип. — Дверь больше не выдержит!

— Я знаю, что делаю, — уверил его Эдди, очень надеясь, что это так, и шагнул обратно через порог между двумя мирами, расстегивая на ходу «молнию» и приспуская джинсы.

Через мгновение — отчаянное, безнадежное — стрелок шагнул за ним следом. Только что он пребывал в своем теле, исполненном жаркой физической боли, и вот он уже лишь холодное *ка* в сознании Эдди.

18

— Еще разок, — угрюмо буркнул Макдоналд, и Дир кивнул. Теперь, когда все пассажиры вышли из самолета и спустились с трапа, офицеры таможни вытащили оружие.

— Давай!

Двое мужчин вышибли плечами дверь. Она распахнулась, мгновение покачалась на петлях и рухнула на пол.

На унитазе восседал мистер За со спущенными штанами. Полы рубашки едва прикрывали его мужские причиндалы. *Да, похоже, что мы поймали его с поличным. За делом, как говорится,* устало подумал капитан Макдоналд. *Только проблема в том, что дело это, насколько я знаю, не является противозаконным.* Лишь теперь он почувствовал боль в плече, которым бился в дверь — сколько раз? три? четыре?

 Но вслух он рявкнул:

— Чем вы, черт возьми, тут занимаетесь, мистер?

— Вообще-то я *сру*, — ответил ему За. — Но если вам *всем*, мужики, невтерпеж, я, так и быть, подотрусь в аэропорту...

— И ты, умник, не слышал, как мы тут кричали?

— Я не мог дотянуться до двери. — За протянул руку к двери, чтобы продемонстрировать им, и хотя та стояла теперь у стены слева, Макдоналд понял, что он имеет в виду. — Мне, наверное, нужно было подняться, но я, знаете, был в отчаянном положении. Мне нужно было, как говорится, держать ситуацию в руках. То есть, конечно, не в руках, если вы понимаете, что я хочу сказать. Да и *не хотелось* мне, чтобы в руках. — За, улыбнувшись, подмигнул, и капитан Макдоналд подумал, что эта улыбка кажется такой же идиотской, какой показалась бы банкнота достоинством в девять долларов. Его послушать, так можно подумать, что элементарно наклониться вперед — вещь для него неведомая.

— Вставайте, — сказал Макдоналд.

— Я бы с радостью. Только пусть девушки отвернутся. — За очаровательно улыбнулся. — Я знаю, что в наши дни это уже пережиток, но я ничего не могу поделать. Я от природы скромный. Сказать по правде, у меня такой комплекс. — Он поднял левую руку, раздвинув на полдюйма указательный и большой пальцы, и подмигнул Джейн Дорнинг, которая залилась краской и тут же исчезла за дверью вместе с Сюзи.

Ты, скромняга, выглядишь вовсе не скромным, подумал про себя Макдоналд. *Как кот, объевшийся сливок, вот как ты выглядишь.*

Когда стюардессы исчезли из виду, За поднялся и надел трусы и джинсы. Он потянулся было к кнопке слива, но капитан Макдоналд быстро отбил его руку, схватил за плечо и развернул к проходу. Дир вцепился ему в ремень, не давая сдвинуться с места.

— Не будем переходить на личности, — сказал Эдди весело и невозмутимо, по крайней мере так ему показалось, но внутри у него все оборвалось. Он чувствовал присутствие того, другого. Явственно чувствовал. Внутри своего разума. Тот наблюдал за ним, сохраняя спокойствие, готовый в любой момент проявить себя, если Эдди сорвется. Боже мой, это все сон. Наяву так не бывает. *Правда?*

— Стой смирно, — сказал Дир.

Капитан Макдоналд нагнулся над унитазом.

— Дерьма не видно, — сообщил он, а когда штурман невольно хохотнул, сурово взглянул на него.

— Ну вы же знаете, как это бывает, — пояснил Эдди. — Бывает приспичит, всего тебя скрутит, а потом выясняется, что тревога ложная. Но кое-что у меня все-таки получилось. Я имею в виду, пару раз я как следует пернул. Если б минуту назад здесь

зажгли спичку, то можно бы было запечь индейку к Дню Благодарения. Наверное, я что-то такое съел перед полетом, и...

— Уберите его, — распорядился Макдоналд, и Дир, по-прежнему держа Эдди сзади за джинсы, вытолкнул его на трап в объятия двух офицеров таможни. Те взяли его под руки.

— Эй! — возмутился Эдди. — Отдайте мне сумку! И куртку!

— Да уж, лучше тебе прихватить все манатки, — сказал один из офицеров, дохнув Эдди в лицо кислым запахом маалокса и больного желудка. — Твои манатки нас очень даже интересуют. А теперь пойдем, приятель.

Эдди не прекращал им твердить, что не надо так психовать, что надо с людьми помягче, что он и сам в состоянии идти, но, когда он потом вспоминал об этом, ему показалось, что по дороге от трапа до входа в аэропорт ноги его только три или четыре раза коснулись пола «кишки». У входа их встретили еще трое офицеров таможни и полдюжины полицейских из службы безопасности аэропорта: таможенники дожидались Эдди, фараоны сдерживали небольшую толпу зевак, которые наблюдали с тревожным и жадным любопытством, как его уводят под белы ручки.

Глава 4
БАШНЯ

1

Эдди Дин сидел на стуле. Стул стоял в маленькой комнатушке с белыми стенами. Единственный стул в маленькой комнатушке с белыми стенами. В маленькой комнате с белыми стенами было полно народу. В маленькой комнате с белыми стенами было накурено. Эдди сидел в одних трусах. Эдди хотелось курить. Остальные шестеро — нет, семеро — человек в маленькой комнате с белыми стенами были одеты. Они стояли вокруг него плотным кольцом. Трое — нет, четверо — курили.

Эдди хотелось трястись и дрыгаться. Эдди хотелось скакать и прыгать.

Эдди сидел спокойно, расслабившись, с интересом, словно бы забавляясь, рассматривал окружавших его мужчин, как будто его ни капельки не волновало то, что его замели. Его, кажется, не тяготило и замкнутое пространство.

Это все из-за того, *другого*, поселившегося у него в сознании. Поначалу он испугался *другого*. Теперь возносил благодарственные молитвы за то, что другой сейчас с ним.

Вероятно, *другой* был болен, быть может, даже на грани смерти, но в хребте у него оставалось достаточно стали, чтобы поддержать перепуганного наркомана двадцати одного года от роду.

— Интересные у тебя на груди отметины, — сказал один из таможенников. Из уголка его рта свисала дымящаяся сигарета. В кармане рубашки лежала целая пачка. Эдди казалось, что он сейчас мог бы вынуть из этой пачки пять штук, сунуть все в рот, прикурить, глубоко-глубоко затянуться всеми пятью и прийти в себя. — Красные. Похоже на след от ленты. Видно, там у тебя, Эдди, было что-то примотано, а потом ты вдруг решил, что будет лучше снять это «что-то» и быстренько от него избавиться.

— Я был на Багамах и подхватил там аллергию, — ответил Эдди. — Я вам уже говорил. Мы все это с вами уже обсуждали не раз. Я пытаюсь еще сохранять чувство юмора, но с каждым разом мне это дается труднее.

— *К такой-то матери* твое чувство юмора, — свирепо прорычал другой таможенник, и Эдди узнал этот тон. Он сам говорил таким тоном, прождав на морозе ночью какого-нибудь засранца, который так и не появился. А все потому, что эти люди тоже наркоманы. Разница только в том, что их наркотики — это ребята вроде его самого или Генри.

— А как насчет этой дырки в пузе? Тебя где пырнули? В расчетной палате Центрального банка? — Третий таможенник указал на то место, где Эдди порезался. Ранка наконец прекратила кровоточить, но затянулась едва-едва: остался багровый пузырек, который мог бы открыться при малейшем давлении.

Эдди ткнул пальцем в красную полосу от ленты.

— Чешется, — сказал он и сказал правду. — Я заснул в самолете... если не верите, спросите у стюардесс...

— А почему ты решил, что мы не верим тебе, Эдди?

— Я не знаю, — отозвался Эдди. — И часто вы ловите крупных контрабандистов с большой партией наркоты, которые дрыхнут перед таможней? — Он помедлил, давая им время подумать об этом, и выставил руки перед собой. Ногти его были где сломаны, где обкусаны. Он давно обнаружил, что, когда «остываешь», тебя так и тянет грызть ногти. — Я вообще стараюсь не чесаться, но, наверное, пока спал, я себя все-таки расковырял.

— Или пока был в отключке, — заметил кто-то из таможенников. — Может быть, это след от иглы. — Эдди уже уяснил, что эти ребята вообще ничего не просекают. Стоит раз уколоться так близко от солнечного сплетения, которое управляет всей нервной системой, и больше колоться тебе никогда не придется. Это будет в последний раз.

— Дайте мне передохнуть, — взмолился Эдди. — Ты так близко ко мне наклонялся, чтобы проверить мои зрачки, что я уже, грешным делом, подумал, что ты собрался со мной целоваться. Ты же знаешь, что я не кололся.

Третий таможенник скривился.

— Для невинного ягненочка ты как-то слишком уж много знаешь об этой дряни, Эдди.

— Чего только не почерпнешь из сериалов и телешоу, скажем, «Тиски Майами», а уж про «Ридерз дайджест» я вообще молчу. А теперь давайте начистоту: сколько еще вы собираетесь меня здесь держать?

Четвертый таможенник показал ему маленький пластиковый мешочек с какими-то штуками типа ниток.

— Это волокна. Мы сейчас отправим их в лабораторию на анализ, но и без анализа ясно, что это такое. Волокна от клейкой ленты.

— Выезжая из отеля, я не успел принять душ, — в четвертый раз повторил Эдди. — Я сидел у бассейна, загорал. Пытался избавиться от этой сыпи. *Аллергической* сыпи. Заснул на солнышке. Мне еще повезло, что я успел на самолет. Мчался как проклятый. Был ветер. Откуда я знаю, что там ко мне прилипло.

Еще один из таможенников провел пальцем по коже у Эдди на сгибе локтя.

— А это, стало быть, не от уколов следы?

Эдди отдернул руку.

— Комары покусали. Я уже вам говорил. Уже проходит. Боже правый, вы что, сами не видите?!

Они видели. Сегодня его на этом не поймают. Вот уже месяц, как Эдди не кололся в руку. Генри бы так не сумел, и это одна из причин, почему Эдди заставил себя это сделать. Должен был заставить. Когда ему нужно было уколоться, он кололся в левое бедро изнутри, как можно выше, там, где левое яичко прилегало к коже ноги... как той ночью, когда желтушное существо приволокло ему годный товар. Обычно он просто нюхал, но для Генри этого уже было мало. А Эдди мог себя сдерживать, и это обстоятельство вызывало в нем чувство, которое Эдди не смог бы определить... гордость и стыд пополам. Если они заглянут туда, если они приподнимут мошонку, у него будут серьезные неприятности. А после ана-

лиза крови серьезные неприятности могли бы обернуться уже настоящей проблемой, но на это они не пойдут, не имея каких-либо доказательств, а доказательств у них как раз нет. Они знали все, но ничего не могли доказать. В этом и заключается разница между желаемым и возможным, как сказала бы его добрая старая матушка.

— Комары покусали?

— Да.

— А эта красная отметина — тоже аллергия?

— Да. Я подхватил ее на Багамах, только сейчас стало хуже.

— Он подхватил ее по дороге сюда, — сказал один таможенник другому.

— Ага, — отозвался тот. — Ты поверил ему?

— А как же!

— А в Санта-Клауса ты веришь?

— А как же! Однажды в детстве я с ним даже сфотографировался. У меня есть снимок. — Он посмотрел на Эдди. — А у тебя, Эдди, есть фотография этой красной отметины, сделанная до поездки?

Эдди молчал.

— Если ты чист, почему бы тебе не сдать кровь на анализ? — снова вступил первый таможенник с сигаретой в уголке рта. Она догорела почти до фильтра.

Эдди вдруг рассердился. До белого каления. Он прислушался к голосу изнутри.

О'кей, — немедленно отозвался голос, и Эдди почувствовал, что это не просто согласие: это полное одобрение. Точно так же он чувствовал себя, когда Генри его обнимал, ерошил волосы, хлопал его по плечу и говорил: «Молодец, малыш, слишком уж не зазнавайся, но все-таки ты молодец».

— Вы *знаете,* что я чист. — Эдди внезапно поднялся со стула. Они даже попятились от неожиданности. Он поглядел на ближайшего курильщика. — Знаешь, что, лапочка, я тебе скажу. Если ты сейчас же не уберешь от моего лица этот гвоздь в твой гроб, я его просто *выбью.*

Таможенник отшатнулся.

— Вы, парни, уже перерыли весь унитаз в самолете. Господи, за это время вы бы успели три раза его перерыть. Вы копались в моих вещах. Я нагибался, и один из вас ковырял пальцем мне в заднице. Если проверка простаты — это своего рода обследование, то вы мне устроили в заднице целую охотничью экспедицию. Это вам, мать твою, не сафари. Я боялся глаза опустить, я думал, палец этого парня торчит у меня из петуха.

Он оглядел их всех.

— Вы ковырялись в моей заднице, вы перерыли все мои вещи, а я тут сижу в одних трусах, и вы, ребята, пускаете дым мне в лицо. Хотите анализ крови? Ладно. Зовите врача.

Они что-то забормотали, переглянулись. Удивленные. Обеспокоенные.

— Но если вы собираетесь проводить этот анализ без распоряжения суда, — продолжал Эдди, — пусть тогда врач захватит побольше иголочек и пробирочек, потому что я не собираюсь кочевряжиться здесь один. Пусть сначала придет судебный исполнитель, и вы все, ребята, тоже сдадите этот чертов анализ, и чтобы на каждой пробирочке было написано, как вас зовут и номера ваших удостоверений, и чтобы потом результаты отправили в федеральную прокуратуру. И на что вы там собираетесь меня проверять — кокаин, героин, амфетамин, марихуану, да на что угодно, — на то же самое и вы тоже тогда проверьтесь. А результаты анализа передайте, пожалуйста, моему адвокату.

— Нет, вы только послушайте, МОЕМУ АДВОКАТУ! — воскликнул один из таможенников. — Этим все всегда и кончается, правда, Эдди, когда имеешь дело с такими, как ты, засранцами? Я тебе покажу МОЕГО АДВОКАТА. Получишь ты у меня МОЕГО АДВОКАТА. Меня *тошнит* уже от таких заявлений!

— Кстати, у меня еще нет своего адвоката, — сказал Эдди и опять сказал правду. — Я и не думал, что мне понадобится адвокат. Но из-за вас, ребята, мое мнение изменилось. Вы ничего не нашли, потому что у меня ничего нет, но рок-н-ролл, если я правильно понял, еще продолжается. Хотите, чтобы я вам сплясал? Замечательно. Я спляшу. Но не один. Вам, парни, тоже придется подрыгаться.

На мгновение воцарилась глухая, напряженная тишина.

— Пожалуйста, мистер Дин, снимите еще раз трусы, — сказал вдруг таможенник, который доселе молчал. Этот был постарше. И, судя по виду, он тут за главного. Эдди даже подумал, что, может быть — только может быть, — этот парень все-таки сообразил, где искать свежие следы от уколов. Там они еще не смотрели. Руки, плечи, ноги... но там — пока нет. Они были слишком уверены в том, что он у них на крючке.

— Я только и делаю, что снимаю трусы, надеваю трусы, я уже сыт этим дерьмом по горло, — сказал ему Эдди. — Или зовите сюда врача и будем делать анализ, или я ухожу. Что предпочтительнее?

Опять молчание. И когда они снова начали переглядываться, Эдди понял, что выиграл.

МЫ *выиграли,* поправился он про себя. *Как тебя звать, дружище?*

Роланд. А ты — Эдди. Эдди Дин.

Внимательно слушаешь.

Слушаю и смотрю.

— Отдайте ему одежду, — с отвращением в голосе распорядился старший и поглядел на Эдди. — Я не знаю, что там у тебя было и как ты сумел это скинуть, но я тебя предупреждаю: мы это выясним.

Старый пень оглядел его с головы до ног.

— Вот ты сидишь тут и лыбишься. Такой довольный. Мне все равно, что ты тут наговорил. Но от тебя меня определенно тошнит.

— *Вас* от *меня* тошнит?

— Положительно.

— Бог ты мой, — сказал Эдди. — Мне это нравится. Я сижу в этой чертовой комнатушке в одних трусах, а надо мной стоят семеро лбов с пистолетами, и вас от меня тошнит? Дружище, у вас явно с чем-то проблемы.

Эдди шагнул к нему. Таможенник секунду стоял на месте, но потом что-то у Эдди в глазах — какой-то безумный цвет, наполовину карий, наполовину голубой — заставило его отступить на шаг. Против воли.

— *Я НИЧЕГО НЕ ВЕЗУ!* — прорычал Эдди. — *ЗАКАНЧИВАЙТЕ УЖЕ! МНЕ НАДОЕЛО! ОСТАВЬТЕ МЕНЯ В ПОКОЕ!*

Опять тишина. Потом старший обернулся и крикнул кому-то:

— Вы что, не слышали? *Отдайте ему одежду!*

Вот так-то.

2

— Думаете, что за нами хвост? — спросил таксист, и голос его звучал так, словно бы он от души забавлялся.

Эдди повернулся вперед.

— Почему вы это сказали?

— Вы постоянно оглядываетесь назад.

— Да нет, ничего я такого не думал, — сказал Эдди. И сказал чистую правду. Он сразу увидел хвосты, как только в первый раз обернулся. Хвосты, а не хвост. Ему и не надо было оглядываться, он и так знал, что его пасут. Этим потенциальным пациентам психушки надо было бы очень постараться, чтоб упустить такси с Эдди в этот майский денек: пробок на дороге не было. — Просто я изучаю порядок движения.

— А-а, — понимающе протянул таксист. В определенных кругах такой странный ответ вызвал бы кучу вопросов, но в Нью-Йорке таксисты не задают вопросов: они заявляют, и частенько весьма торжественно и высокопарно. Большинство их заявлений начинается с восклицания «Этот город!», как будто эти слова — начало какой-нибудь религиозной молитвы, открывающей пропо-

ведь... каковыми они в большинстве случаев и являются. Вот и этот таксист затянул: — Потому что, если вы думаете, что за нами хвост, так я вам могу сказать, что нет. Я-то знаю. Этот город! Боже мой! Я сам столько раз висел на хвосте. Вы не поверите, сколько людей влетало в мою машину со словами: «Давай-ка за той машиной!» Звучит как в кино, правильно? Правильно. Но, как говорится, кино — это подобие жизни, а жизнь — подобие кино. Такое бывает на самом деле! А если вдруг нужно избавиться от хвоста, так это гораздо легче, когда ты сам знаешь, как надо следить. Вы...

Эдди отключился от болтовни таксиста, слушая ровно настолько, чтобы в нужных местах кивать. Но уж если на то пошло, кое-что в разглагольствованиях таксиста было даже забавным. Хвостов было два: синий седан — Эдди подумал, что он принадлежит таможне, — и фургончик с надписью «ПИЦЦА ДЖИНЕЛЛИ» на борту. Было там и изображение пиццы в виде мордашки улыбающегося во весь рот мальчишки. Мальчишка облизывал губы, а под картинкой шла надпись: «ОООООГО! ЭТО ХОРОООШАЯ ПИЦЦА», только какой-то юный городской художник с баллончиком краски и примитивным чувством юмора зачеркнул жирной чертой слово «пицца» и написал сверху одно неприличное слово на ту же букву.

Джинелли. Эдди знал только одного Джинелли; он держал ресторанчик под названием «Четыре папаши». Бизнес с пиццами был лишь прикрытием, ширмой. Джинелли и Балазар. Неразлучны, как хот-дог и горчица.

Согласно первоначальному плану, на стоянке аэропорта его должен был ждать лимузин с водителем, чтобы ехать прямо к Балазару, в один кабак в центре города. Но, разумеется, первоначальный план не предусматривал двухчасового сидения в маленькой комнатушке под непрерывным допросом отряда таможенников, пока другой отряд осушал и ворошил содержимое канализационных баков рейса 901 в поисках груза, о существовании которого подозревали все и который не должен был ни раствориться, ни смыться.

Когда он вышел, разумеется, лимузина и в помине не было. У водителя были свои инструкции: если в течение пятнадцати минут после того, как все пассажиры рейса выйдут из здания, «гонец» не появится — быстренько уезжать. Водитель знал что к чему и, конечно, не стал бы пользоваться радиотелефоном в машине, передачу которого можно засечь без труда. Балазар, наверное, уже позвонил своим людям, выяснил, что у Эдди проблемы, и сам приготовился к неприятному разбирательству. Балазар, может, и знал, что Эдди просто так не расколется. Может, он разглядел в Эдди стержень, но это все-таки не отменяло простого факта, что Эдди — наркоман. А на наркомана нельзя положиться, нельзя рассчитывать на его стойкость.

А поэтому не исключена такая возможность, что, как только фургончик с «пиццей» поравняется с такси, из окна его высунется автомат и зад машины превратится в месиво. Впрочем, если бы его продержали не два часа, а четыре, тогда у него был бы повод для серьезных раздумий, а если бы не четыре, а шесть, тогда бы Эдди уже по-настоящему пригорюнился. Но всего два... уж, наверное, Балазар поверит, что он смог продержаться хотя бы столько. И первым делом он спросит, где товар.

На самом деле Эдди оглядывался на дверь.

Она его зачаровала.

Когда таможенники наполовину вели его, наполовину тащили к зданию аэропорта, он несколько раз оглядывался через плечо, и она была там — невероятно, однако же факт — абсолютно реальная, она как бы плыла в воздухе следом за ним на расстоянии фута три. Он видел неизменные волны, набегающие на берег, бьющиеся о песок; он видел, что там уже вечерело.

Дверь эта была как картинка-загадка со скрытым рисунком: сначала никак невозможно его разглядеть, но когда ты его увидел, ты уже не сумеешь его не заметить, как бы ты ни старался.

Дважды она исчезала, когда стрелок возвращался в свой мир, и это пугало Эдди — тогда Эдди чувствовал себя ребенком, у которого перегорел ночник. В первый раз это случилось во время допроса в таможне.

Мне нужно уйти. — Голос Роланда отчетливо прозвучал сквозь какой-то из вопросов, которыми его засыпали таможенники. — *Только на пару секунд. Не пугайся.*

Зачем? — спросил Эдди. — *Почему тебе нужно уйти?*

— Что такое? — насторожился один из таможенников. — Ты как будто чего-то вдруг испугался? Вид у тебя такой.

Он действительно испугался — и не с виду, а по-настоящему, — но почему, этим кретинам не понять.

Он обернулся через плечо, и таможенники обернулись тоже. Они не увидели ничего, кроме пустой белой стены, покрытой специальными решетчатыми панелями — тоже белого цвета, — чтобы приглушать звук. Эдди увидел дверь, как обычно, на расстоянии трех футов (теперь она была врезана в эту белую стену — путь к отступлению, которого не видел никто из тех, кто его допрашивал). Он увидел еще кое-что: тварей, выползающих из волн. Тварей, похожих на существ из фильма ужасов, в котором все спецэффекты чуть-чуть специальнее, чем вам бы хотелось, и оттого кажутся натуральными. Твари эти напоминали ужасный гибрид креветки, омара и паука. Они издавали какие-то жуткие звуки.

— У тебя что, глюки? — спросил один из таможенников. — У тебя по стене каракатицы скачут, Эдди?

Это было так близко к правде, что Эдди едва сдержал смех. Теперь он понял, почему этому человеку, Роланду, нужно было вернуться туда: разуму Роланда пока что ничто не грозит, но жуткие существа подбираются к его телу, и у Эдди было смутное подозрение, что если Роланд не уберет в скором времени свое тело подальше оттуда, где оно пребывает сейчас, то весьма вероятно, что у него не останется тела, куда он мог бы вернуться.

Внезапно в сознании у него всплыл мотивчик песни Дэвида Ли Рота «Ой-ой-ой, у меня нееееееету тела...», и на этот раз Эдди действительно рассмеялся. Тут уже ничего он поделать не мог.

— Что тут смешного? — спросил тот же таможенник, который интересовался, не чудятся ли ему каракатицы.

— Да вся ситуация — обхохочешься, — отозвался Эдди. — В смысле бредовая, а не веселенькая. Я имею в виду, если бы это был фильм, то скорее — Феллини, нежели Вуди Аллена, если вы понимаете, что я хочу сказать.

С тобой все будет нормально? — спросил Роланд.

Да, отлично. ДСД, дружище.

Не понимаю.

Делай свое дело.

А... Хорошо. Я недолго.

И внезапно этот другой исчез. Просто исчез. Как тоненькая струйка дыма, которую может развеять малейшее дуновение ветра. Эдди еще раз оглянулся, но не увидел ничего, кроме белых панелей: ни двери, ни океана, ни жутких чудищ — и почувствовал вдруг, как внутри у него все напряглось. Глюками это быть не могло, об этом и речи нет. Товар испарился, и других доказательств Эдди не требуется. И Роланд... он как-то помог. Эдди стало гораздо спокойнее.

— Хочешь, я повешу туда картинку? — спросил один из таможенников.

— Нет. — Эдди тяжело вздохнул. — Я хочу, чтобы вы меня выпустили отсюда.

— Как только скажешь, куда ты дел героин, — утешил другой таможенник. — Или это был кокаин?

И все началось по новой: ходит она кругами, когда остановится, никто не знает.

Через десять минут — десять *долгих* минут — Роланд опять появился. Внезапно: вот его нет, а вот он есть. Эдди почувствовал, что Роланд очень устал.

Сделал что надо? — спросил он.

Да. Извини, что так долго. — Пауза. — *Мне пришлось ползком.*

Эдди оглянулся. Дверь опять появилась, только теперь вид за ней был немного другим. Значит, так же, как эта дверь движется следом за Эдди здесь, она движется за Роландом там. Эдди невольно поежился. Как будто он связан теперь с Роландом какой-то жуткой пуповиной. Тело стрелка лежало по-прежнему у порога, но теперь Эдди видел длинную полосу прибоя, где разгуливали чудовища, бормоча и ворча. Каждый раз, когда набегала волна, они замирали и поднимали клешни. Как толпа в старых документальных фильмах, где Гитлер толкает речь и все дружно поднимают руки в старинном приветствии «Зиг хайль!» в таком исступлении, как будто от этого зависит жизнь. А если подумать, то так, наверное, и было. Эдди видел следы на песке — следы муки и невероятных усилий, оставленные стрелком.

Пока Эдди смотрел, одно из страшилищ молниеносно вытянуло клешню и схватило морскую птицу, которая неосторожно пролетела слишком низко над пляжем. Она упала на песок двумя окровавленными кусками. Она еще трепыхалась, когда страшилища в панцирях уже накинулись на нее. Одно белое перышко приподнялось в воздух. Клешня сбила его на песок.

Бог ты мой, оторопело подумал Эдди. *Вы поглядите на этих щелкунчиков!*

— Почему ты все время оглядываешься? — полюбопытствовал очередной таможенник.

— Мне время от времени нужно противоядие.

— От чего?

— От твоей рожи.

3

Таксист высадил Эдди у одного здания в Бронксе, сердечно поблагодарил его за доллар сверху и укатил. Эдди пару секунд постоял на тротуаре, держа в одной руке сумку, в другой — за петельку куртку, перекинутую через плечо. Здесь они с братом снимали двухкомнатную квартиру. Он оглядел здание — монолит в стиле кирпичной коробки. Множество окон делали дом похожим на тюрьму. Вид здания подавлял Эдди так же, как Роланда — *другого* — восхищал.

Никогда, даже в детстве, я не видел такого высокого дома, — сказал ему Роланд. — *А здесь их так много!*

Угу, — согласился Эдди. — *Мы живем как в муравейнике. Возможно, тебе это нравится, но скажу тебе, Роланд, все это быстро ветшает. Очень быстро ветшает.*

Синий седан проскочил мимо. Фургончик с пиццей развернулся и подъехал. Эдди напрягся, и Роланд напрягся тоже. Быть может, они все-таки намереваются с ним разделаться.

Дверь? — спросил Роланд. — *Может, пройдем? Хочешь?*

Эдди почувствовал, что Роланд готов ко всему, хотя голос его был спокоен.

Не сейчас, — сказал Эдди. — *Может, они хотят просто поговорить. Но будь готов.*

Он тут же почувствовал, что это предупреждение было излишним: даже погруженный в самый глубокий сон, Роланд будет сохранять бдительность и готовность действовать так, как самому Эдди не дано и в момент наивысшей активности.

Фургончик с улыбающейся рожицей на борту подкатил еще ближе. Окно с пассажирской стороны опустилось. Эдди замер в ожидании у входа в свой дом. Длинная его тень замерла тоже. Он ждал, что покажется из окна: лицо или ствол.

4

Второй раз Роланд оставил его минут через пять после того, как таможенники наконец сдались и отпустили Эдди.

Стрелок поел, но мало. Ему нужна была вода, но больше всего он нуждался в лекарстве. Пока что Эдди не мог помочь ему с лекарством, которое ему действительно необходимо (хотя Эдди подозревал, что Роланд прав и Балазар может помочь ему... если захочет), но даже простой аспирин сбил бы жар, который Эдди почувствовал, когда стрелок подошел к нему, чтобы разрезать ленту. Он остановился перед аптечным киоском в здании аэропорта.

У вас там есть аспирин, в твоем мире?

Ни разу не слышал. Это врачебное средство или волшебное?

И то и другое, я думаю.

Эдди взял упаковку анацина экстрасильного действия, потом зашел в закусочную и купил пару футовых хот-догов и большую бутылку пепси. Машинально полил «цапли» (так Генри всегда называл хот-доги длиной в фут) горчицей и кетчупом и только потом вдруг вспомнил, что это не для него. Откуда он знает: может быть, Роланд не любит горчицу и кетчуп. Может быть, Роланд вегетарианец. Может быть, от такой пищи он вообще дух испустит.

Ладно, теперь уже поздно, рассудил Эдди. Когда Роланд говорил, когда Роланд *действовал,* Эдди знал, что все это происходит на самом деле. Когда Роланд молчал и никак себя не проявлял, у Эдди опять возникало свербящее чувство, что все это — сон: исключительно достоверный сон, который снится ему на борту самолета, направляющегося в аэропорт Кеннеди, рейс «Дельта»-901.

Роланд говорил, что может переносить еду из этого мира в свой. Он однажды уже это сделал, когда Эдди спал. Эдди верилось с трудом, но Роланд утверждал, что все это — чистая правда.

Так, ладненько. Только нам распускаться нельзя, — сказал Эдди. — *Ко мне приставили двух таможенников. Вон они, глаз с меня не сводят. С нас. С того, черт возьми, кем я стал с твоей помощью.*

Я знаю, что нам нельзя распускаться, — ответил Роланд. — *Только их не двое, а пятеро.*

Внезапно Эдди испытал странное чувство. Ничего подобного с ним в жизни не было. Он не двигал глазами, но они *двигались*. Ими двигал *Роланд*.

Парень в тесной майке. Говорит по телефону.

Женщина на скамейке. Роется в сумочке.

Молодой чернокожий парень. Настоящий красавец, если б не заячья губа, которую не исправило до конца и хирургическое вмешательство. Разглядывает футболки в магазинчике, откуда только что вышел Эдди.

С первого взгляда — вполне безобидные люди, но Эдди все-таки распознал их, как эти скрытые картинки в рисунке-загадке: раз их увидев, ты уже их не пропустишь. Эдди почувствовал, что у него горят щеки. Потому что это *другой* указал ему на то, что он должен был заметить сам. Он засек только двоих. Эти трое замаскировались получше, но все-таки ненамного. Глаза парня у телефона были не пустыми, как это бывает, когда представляешь себе того, с кем ты говоришь. Они были внимательными, всматривающимися... и постоянно косились в ту сторону, где стоял сейчас Эдди. Женщина на скамейке никак не могла найти то, что искала, но вместо того, чтобы бросить это бесполезное занятие, продолжала рыться в сумке. Бесконечно. А у черного было время просмотреть все имеющиеся в магазине футболки уже раз двенадцать.

И внезапно Эдди почувствовал себя так, как будто ему снова пять лет и он боится перейти улицу без Генри, который должен держать его за руку.

Не волнуйся, — сказал Роланд. — *И не волнуйся о пище. Мне случалось глотать и живых жуков. Иногда я даже чувствовал, как они бегают у меня по глотке.*

Угу, — отозвался Эдди. — *Но это Нью-Йорк.*

Он взял хот-доги и пепси, перешел на дальний конец стойки и встал спиной к залу. Потом поглядел вверх в левый угол. Выпуклое зеркало формой напоминало чрезмерно удивленный глаз. Он видел всех, кто следил за ним, но они были достаточно далеко и не могли разглядеть хот-доги и пепси. Это хорошо, потому

что Эдди не имел ни малейшего представления о том, что должно сейчас произойти.

Положи астин на эти мясные штуки. Потом возьми их в руки.

Аспирин.

Не важно, как оно называется, Узн... Эдди. Просто сделай, как я говорю.

Он вынул из кармана бумажный пакетик с пузырьком анацина и чуть было не положил его на один из хот-догов, но вовремя сообразил, что Роланду будет трудно достать таблетки из пузырька, не говоря уж о том, чтобы его откупорить.

Эдди открыл пузырек, вытряхнул на салфетку три таблетки, подумал и добавил еще три.

Три сейчас, три потом, — сказал он. — *Если будет это «потом».*

Хорошо. Спасибо.

Что теперь?

Возьми все это в руки.

Эдди поднял глаза к выпуклому зеркалу. Двое таможенников этак небрежно направились к стойке. Может быть, им не понравилось то, что он стоит к ним спиной. Может, почувствовали что-то странное и решили взглянуть поближе. Если что-то должно случиться, лучше, чтобы это случилось побыстрее.

Он взял еду обеими руками, чувствуя тепло сосисок, упрятанных в мягкие белые батоны, и прохладу пепси. В этот момент он был похож на молодого папашу, который тащит съестное своим ребятишкам... а потом еда стала *таять*.

От изумления Эдди вытаращил глаза. Ему показалось, что они сейчас вывалятся из глазниц.

Сосиски просвечивали теперь сквозь батоны, пепси — сквозь пластиковый стакан: темная жидкость с кубиками льда, сохраняющая форму сосуда, которого больше нет.

Потом сквозь сосиски проступил красный прилавок, сквозь пепси — белая стена. Его руки скользнули друг к другу, сопротивление между ними становилось все меньше и меньше... и вот они уже сомкнулись, ладонь к ладони. Еда... салфетки... пепси-кола... шесть таблеток анацина... все, что было у него в руках, исчезло.

Господь Бог выскакивает из табакерки и наяривает на скрипке, подумал Эдди, остолбенев. Потом осторожно поднял глаза к зеркалу.

Дверь исчезла... точно так же, как Роланд исчез из его сознания.

Кушай на здоровье, дружище, подумал Эдди... но был ли этот чужак, который назвал себя Роландом, его другом? Это еще не доказано, верно? Он спас Эдди задницу, это правда, но это еще не значит, что он добрый малый.

И тем не менее Роланд ему нравился... Эдди немножко его опасался, но... Роланд ему нравился.

Может быть, даже со временем он полюбит его, как он любит Генри.

Ешь на здоровье, странный незнакомец, — подумал он. — *Ешь на здоровье, живи... и возвращайся ко мне.*

Рядом на стойке валялось несколько грязных салфеток, оставшихся после предыдущего клиента. Эдди скомкал их и, выходя из кафе, бросил в мусорное ведро у двери, при этом еще пожевав челюстями, как будто прикончил последний кусок. Он умудрился еще и рыгнуть, проходя мимо черного парня в ту сторону, куда указывали надписи «БАГАЖ» и «ВЫХОД».

— Так и не подобрали себе футболку? — спросил он мимоходом.

— Прошу прощения? — Черный парень оторвался от табло с расписанием рейсов «Американ эйрлайнз», которое якобы изучал.

— Я думал, может, вы ищете майку с надписью: ПОДАЙТЕ НА ПРОПИТАНИЕ, Я РАБОТАЮ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ США, — бросил Эдди и пошел дальше.

Подходя к лестнице, он заметил, как женщина на скамейке поспешно захлопнула сумочку и поднялась.

Бог ты мой, как на параде в День Благодарения.

День действительно выдался интересный, и Эдди подозревал, что самое интересное еще впереди.

5

Когда Роланд увидел, что омарообразные твари опять выползают из волн (значит, их появление вызвано не приливом, а темнотой), он оставил Эдди Дина и вернулся на берег, чтобы переползти в безопасное место, пока эти твари еще не нашли его и не сожрали.

Боль. Он ждал ее и приготовился к ней. Он так давно жил с болью, что она стала почти как друг. Однако его ужаснуло, с какой скоростью нарастает жар и убывают силы. Если прежде он еще не умирал, то теперь уже — наверняка. Есть ли в мире узника такое снадобье, которое может предотвратить скорую смерть? Возможно. Но если он не достанет его в течение шести или восьми часов, то уже можно и не беспокоиться. Если так все пойдет и дальше, его не излечат ни снадобья, ни колдовство. Ни в этом мире, ни в любом другом.

Идти он не может. Придется ползти.

Он уже приготовился к старту, как вдруг его взгляд упал на слипшийся комок ленты и на мешочки с бес-порошком.

Если оставить их здесь, омарообразные твари наверняка разорвут их в клочья. Морской ветер разнесет порошок на все четыре стороны. *Туда ему и дорога,* угрюмо подумал стрелок, но допустить этого он не мог. Когда придет время, у Эдди Дина могут возникнуть большие проблемы, если он не сумеет доставить порошок этому человеку, Балазару. Есть люди, которых не стоит обманывать. А Балазар, как Роланд его себе представлял, относится именно к этому типу людей. Таких наколоть невозможно. Он захочет увидеть, за что он выкладывает свои денежки, и пока он этого не увидит, на Эдди будет направлено столько стволов, что их хватило бы на вооружение небольшой армии.

Стрелок подтащил к себе комок клейкой ленты с прилепленными к ней пакетами, повесил его на шею и пополз вверх по берегу

Он прополз ярдов двадцать — вполне достаточно для того, чтобы считать себя в безопасности, но тут его озарила ужасная и все же по-своему смешная мысль. Он отползает все дальше и дальше от двери. Как, интересно, он собирается через нее проходить, если она теперь далеко позади?

Он обернулся и увидел дверь. Не на песке внизу, а футах в трех у себя за спиной. Мгновение он только тупо смотрел на нее, а потом понял то, что сообразил бы уже давно, если бы не лихорадка и не голоса инквизиторов, которые донимали Эдди своими непрестанными вопросами: *где ты, как ты, почему ты, когда ты* (вопросы эти, казалось, сливались с вопросами тварей, выползающих из волн на берег: *Дад-а-чок? Дуд-а-чум?*). Как в бреду. Хотя это был не бред.

Теперь, куда бы я ни пошел, дверь будет тащиться за мной, подумал он. *Так же, как и за ним. Теперь она будет все время с нами как проклятие, от которого ты никогда не избавишься.*

Все это было настолько истинным, что не вызывало ни малейших сомнений... как и еще одна вещь.

Если дверь между ними захлопнется, она захлопнется навсегда.

Когда это случится, мрачно подумал стрелок, *он должен будет остаться со мной. На этой стороне.*

«Ты, стрелок, прямо-таки образец добродетели! — рассмеялся человек в черном. Похоже, он навсегда поселился в сознании Роланда. — *Ты убил мальчика; это было жертвоприношение, которое помогло тебе настичь меня и, как мне кажется, получить эту дверь между мирами. Теперь ты намерен извлечь свою тройку, одного за другим, обрекая их всех на то, чего бы ты никогда не хотел для себя: жить в чужом мире, где они могут погибнуть, как звери из зоопарка, выпущенные в дикий лес».*

Башня, в исступлении подумал Роланд. *Как только я доберусь до Башни и сделаю то, что я должен сделать... вели-*

кий акт восстановления или же искупления, который мне предназначено совершить... тогда, возможно, они...

Но пронзительный смех человека в черном, человека, который умер, но продолжал жить в воспаленном сознании стрелка, не дал ему закончить мысль.

Однако даже мысль о предательстве, которое он замышлял, не смогла бы заставить его свернуть с избранного пути.

Он прополз еще ярдов десять, оглянулся и увидел, что даже самое крупное из омарообразных чудовищ не решается отползти дальше чем за двадцать футов от линии прилива. А он уже преодолел расстояние в три раза большее.

Ну что ж, хорошо.

«Ничего хорошего, — весело отозвался человек в черном. — *И ты это знаешь».*

Заткнись, подумал стрелок, и, как ни странно, голос действительно умолк.

Роланд засунул мешочки с бес-порошком в расщелину между двумя камнями, накрыл их охапкой вырванной сорной травы, потом отдохнул немного: голова гудела, как котел с кипящей водой, его бросало то в жар, то в холод — и перекатился через дверь в другой мир, в другое тело, оставив на время свое, смертельно зараженное, лежать на земле.

6

Вернувшись к себе во второй раз, он вошел в тело, погруженное в такой глубокий сон, что на мгновение ему показалось, что тело его находится уже в коматозном состоянии... состоянии, когда все функции организма ослаблены до такой степени, что временами кажется, будто сознание начало угасать.

Этого он и опасался. Он заставил тело свое проснуться, толчками и пинками выгоняя его из темной пещеры, куда оно заползло. Он заставил сердце ускорить ритм, нервы — снова воспринимать боль, которая, опалив кожу, вернула плоть к суровой реальности.

Теперь была ночь, на небе сияли звезды. Эти штуки, похожие на длинные бутеры, которые Эдди купил для него, были как маленькие кусочки тепла посреди ночного холода.

Какие-то они странные. Ему не хотелось их есть, но все же придется. Однако сначала...

Он посмотрел на белые таблетки у себя в руках. Астин, назвал их Эдди. Нет, он назвал их как-то по-другому, но Ро-

ланд не мог произнести это слово так, как произнес его Узник. В любом случае это лекарство. Лекарство из другого мира.

Если что-то из твоего мира и может мне повредить, Узник, угрюмо подумал он, *то это скорее снадобья, а не бутеры.*

И все же придется ему принять эти пилюли. Не те, которые ему действительно необходимы — по крайней мере так считал Эдди, — но они должны сбить жар.

Три сейчас, три потом. Если будет это «потом».

Он положил три таблетки в рот, потом снял крышку — из какого-то странного белого материала, не бумаги и не стекла, однако немножко похожего и на то и на другое — с бумажного стакана с питьем и запил их.

Первый глоток несказанно его изумил: он мгновение просто лежал, привалившись к камню, в его широко распахнутых спокойных глазах отражался свет звезд, и если б случилось кому пройти мимо, он бы принял Роланда за труп. А потом он принялся жадно пить, держа стакан обеими руками, почти не чувствуя ужасной тукающей боли в обрубках пальцев, — так поглотило его новое ощущение.

Сладко! Боги всевышние, сладко! Какая сладость! Какая...

Маленький кусочек льда попал не в то горло. Стрелок закашлялся, похлопал себя по груди и выкашлял льдинку. Теперь его мозг пронзила новая боль: серебристая боль, возникающая, когда пьешь что-то очень холодное слишком быстро.

Он лежал неподвижно, тихо, но сердце билось в груди, точно двигатель, вышедший из-под контроля. Свежая энергия влилась в его тело так быстро, что, казалось, сейчас оно взорвется. Роланд оторвал от рубахи еще полоску — скоро от нее ничего не останется, кроме воротника, — и положил ее на колено. Когда он допьет, он замотает лед в тряпку и приложит его к раненой руке. Он делал все это не думая, мысли его блуждали в иных сферах.

Сладко! — снова и снова выкрикивал он про себя, пытаясь постичь смысл, таящийся в этом, или убедить себя, что смысл в этом есть, точно так же, как Эдди пытался убедить себя в том, что другой существует, что это не какой-нибудь спазм сознания, когда ты обманываешь сам себя. *Сладко! Сладко! Сладко!*

В этом темном питье сахару было даже больше, чем в кофе Мартена, который этот великий чревоугодник, скрывавшийся за суровой внешностью аскета, пил по утрам и в периоды тяжелых депрессий.

Сахар... белый... порошок...

Взгляд стрелка невольно обратился к мешочкам с зельем, едва заметным под травой, которой он их укрыл, и Роланд даже подумал, уж не одно ли и то же это вещество: то, которое в

мешочках, и то, которое у него в питье. Когда Эдди был здесь на берегу, когда они были двумя людьми, он прекрасно понимал стрелка, и Роланд подозревал, что, если он сможет переместиться в мир Эдди физически, в своем теле (а он знал инстинктивно, что это *возможно*... хотя, если дверь захлопнется, когда он будет там, он останется там навсегда, как и Эдди останется здесь навсегда, если они поменяются ролями), он тоже будет понимать его язык. Побывав в сознании Эдди, он понял, что в основе своей языки этих двух миров похожи. Похожи, но все-таки это разные языки. У них, например, «сварганить» означает «приготовить что-нибудь поесть». Значит... не исключено, что то снадобье, которое Эдди называет кокаин, в мире стрелка называется *сахар*?

Но, подумав как следует, он решил, что нет. Эдди купил это питье открыто, зная, что за ним наблюдают люди, которые служат жрецам таможни. Потом Роланд вспомнил, что тот заплатил за питье относительно недорого. Даже меньше, чем за бутеры с мясом. Нет, сахар не кокаин. Только Роланд не мог понять, зачем нужен этот кокаин или любое другое запретное зелье в мире, где такое сильное средство, как сахар, настолько доступно и дешево.

Он опять поглядел на мясные бутеры, ощутил первый приступ голода... и осознал с изумлением и смущенной благодарностью, что *чувствует себя лучше*.

Почему? Из-за питья? Или из-за сахара в питье?

Отчасти да, но вряд ли только поэтому. Когда ты устал, сахар может на какое-то время восстановить силы; это он знал еще с детства. Но утолить боль или унять лихорадочный жар в твоем теле, когда заражение превратило его в раскаленную топку... нет, сахаром здесь не поможешь! Но именно это с ним и произошло. И все еще происходит.

Дрожь прекратилась. Пот на лбу высыхал. Рыболовные крючки, дравшие ему горло, как будто исчезли. Факт невероятный, но все-таки неоспоримый. Это не воображение, не стремление выдать желаемое за действительное (кстати сказать, стрелок никогда не был способен на такие вольности — для него это было немыслимо, и он даже не знал, что такое бывает). Пальцы руки и ноги, которых не было, по-прежнему исходили болью, но даже и эта боль слегка притупилась.

Роланд запрокинул голову, закрыл глаза и вознес благодарственную молитву Богу.

Богу и Эдди Дину.

«Не совершай ошибки, Роланд, не давай себе привязаться к нему, — поднялся голос из самых глубин сознания: не нервный, чуть-чуть истеричный голос человека в черном и не

грубый — Корта. А голос отца — или так стрелку показалось. — *Ты же знаешь: все, что он делает для тебя, он делает ради собственных интересов. И эти люди — хоть они и инквизиторы — частично или даже полностью правы в своих подозрениях. Он — сосуд слабый, и задержали его не напрасно. В нем есть сталь, я этого не отрицаю. Но в нем есть и слабость. Он как Хакс, повар. Хакс отравлял людей неохотно... но от этого крики людей, у которых горели внутренности, не становились тише. И есть еще причина остерегаться...»*

Но Роланду не нужен был голос, чтобы знать эту другую причину. Он видел ее в глазах Джейка, когда мальчик начал уже понимать, какова цель стрелка.

«Не совершай ошибки, не давай себе привязаться к нему».

Совет хороший. Не стоит питать добрых чувств к тем, кому ты неизбежно сделаешь плохо, иначе тебе будет плохо тоже.

«Помни о своем долге, Роланд».

— Я никогда о нем не забываю, — прохрипел он, обращаясь к звездам, безжалостно льющим свой свет на землю, и волнам, набегающим на песок, и омарообразным чудищам, выкрикивающим свои идиотские вопросы. — Этот долг — мое проклятие. А если уж я проклят, зачем отступать?

Он принялся за бутеры, которые Эдди назвал «собаками»*.

Роланда не слишком-то привлекала идея есть мясо собаки, и вкус у него по сравнению с танцующей рыбой был как у подметки, но после такого изумительного питья стоит ли привередничать? Нет, не стоит. К тому же он уже слишком далеко зашел, чтобы беспокоиться о таких мелочах.

Он съел все до последней крошки и вернулся туда, где сейчас находился Эдди: в какой-то волшебной карете, летящей по дороге, залитой металлом, запруженной такими же странными экипажами... дюжины, если не сотни... и все до единого без лошадей.

7

Фургончик из пиццерии подъехал. Эдди стоял, приготовившись. Роланд внутри приготовился тоже.

Просто еще одна версия сна Дианы, подумал Роланд. *Что там в ларце? Золотой кубок или ядовитая змея? И как только она повернула ключ и взялась рукой за крышку, мама позвала ее: «Просыпайся, Диана! Пора завтракать!»*

О'кей, — мысленно отозвался Эдди. — *Ну и что же там будет? Дева прекрасная или тигр?*

* Хот-дог — дословно: горячая собака *(англ.)*. — *Примеч. ред.*

Из пассажирского окошка фургончика выглянул человек с бледным прыщеватым лицом и большими зубами.

— Привет, Кол, — выдавил Эдди без особого энтузиазма. Рядом с Колом Винсентом восседал за рулем старина Двойной Уродец, так Генри за глаза называл Джека Андолини.

Но никогда в глаза, — добавил про себя Эдди. Нет, конечно же, нет. Назвать так Джека в глаза — верный способ самоубийства. Огромный мужик с узким лбом пещерного человека и громадной челюстью прирожденного киллера. Супруга его приходилась родственницей Энрико Балазару... не то племянница, не то кузина, хрен его знает кто. Его громадные руки сжимали руль, точно лапы обезьяны, вцепившейся в ветку. Из ушей пучками торчала жесткая щетина. Сейчас Эдди видел одно волосатое ухо. Джек Андолини сидел к нему в профиль и не думал поворачиваться.

Старина Двойной Уродец. Но даже Генри (который, как пришлось признать Эдди, не всегда отличался прозорливостью) никогда не назвал бы Джека Двойным Тупицей. Колин Винсент всегда был прославленным идиотом, и таким он и останется. А вот Джеку, при всей его внешности неандертальца, хватило ума заделаться первым помощником Балазара и первым же его замом. Эдди не понравилось, что Балазар прислал человека такого масштаба. Совсем не понравилось.

— Привет, Эдди, — откликнулся Кол. — Мы слышали, у тебя проблемы.

— Спасибо, я сам с ними справился. — Эдди вдруг поймал себя на том, что почесывает то одну, то другую руку. Типичное движение закоренелого наркомана, от которого ему все-таки удалось удержаться во время допроса в таможне. Он заставил себя прекратить чесаться. Но Кол уже улыбался, и Эдди едва сдержал могучий порыв врезать кулаком по этой гнусной улыбающейся роже, да так, чтобы кулак вышел с той стороны. Он бы, наверное, так и сделал... если б не Джек. Джек по-прежнему сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, и, казалось, думал свои примитивные думы — человек, который воспринимает мир в виде набора элементарных цветов и простейших ходов, ибо большего человек таких зачаточных интеллектуальных способностей (как подумал бы всякий, раз взглянув на него) воспринять просто не может. И все же Эдди не сомневался, что за день Джек способен увидеть больше, чем Кол Винсент за всю свою жизнь.

— Ну что ж, хорошо, — сказал Кол. — Это хорошо.

Молчание. Кол, улыбаясь, глядел на Эдди — ждал, когда того опять одолеет наркоманский зуд и он будет почесываться, переминаясь с ноги на ногу, как ребенок, которому нужно в уборную. Ждал, когда Эдди начнет выспрашивать, что случилось и нет ли у них случайно с собой порошка.

Но Эдди молча смотрел на него. Теперь он не чесался, теперь он вообще не шевелился.

Легкий ветерок гнал через стоянку обертку от «Ринг-Динга». Тишину нарушали только шелест ее об асфальт и холостое жужжание клапанов фургона.

Понимающая улыбка Кола дрогнула.

— Забирайся к нам, Эдди, — сказал Джек, не повернув головы. — Давай прокатимся.

— Куда? — спросил Эдди, прекрасно зная ответ.

— К Балазару. — Джек так и не обернулся, только провел рукой по баранке. На среднем пальце правой его руки сверкнуло массивное золотое кольцо с ониксом, который торчал из металла, точно глаз гигантского насекомого. — Он интересуется, что с товаром.

— Товар у меня. Все нормально.

— Вот и славно. Значит, и не о чем волноваться. — Джек Андолини по-прежнему смотрел прямо перед собой.

— Но мне сперва нужно подняться к себе, — сказал Эдди. — Переодеться, поговорить с Генри...

— И не забудь принять дозу, — осклабился Кол, обнажив крупные желтые зубы. — Вот только принять-то, чувак, тебе нечего.

Дад-а-чум? — подумал в сознании Эдди стрелок, и они оба невольно вздрогнули.

Кол это заметил, и улыбка его стала шире. А-а, вот и он, Эдди, говорила его улыбка. *Старый добрый наркоманский зуд. А то я уже было начал переживать.* Желтые зубы, обнаженные в этой улыбке, тоже не улучшали общего впечатления.

— Это еще почему?

— Мистер Балазар подумал, что для всех будет лучше, если на хате у вас будет чисто, — пояснил, не повернув головы, Джек. Он продолжал наблюдать за миром: занятие, по мнению любого стороннего наблюдателя, для такого индивидуума невозможное. — На случай, если кто-то решит проверить.

— Например, люди с ордером от федеральных властей, — добавил Кол. Мордоворот его так и сиял злорадством. Эдди почувствовал, что и Роланду тоже хочется врезать по этим гнилым зубам, которые делают гнусную эту улыбку еще гаже, хотя гаже уже некуда. Это совпадение побуждений немного его подбодрило. — Он нанял уборщиков, чтобы помыли стены и пропылесосили ковры, и заметь, Эдди, он ни цента с вас не возьмет за все это!

А вот сейчас ты спросишь, нет ли у меня чего, говорила улыбка Кола. *О да, сейчас ты спросишь, Эдди, мой мальчик. Потому что ты можешь и не любить кондитера, но конфетки ты любишь, верно? И теперь, когда ты знаешь, что Балазар позаботился, чтобы ваши запасы исчезли...*

Внезапная мысль, мысль неприятная и пугающая, сверкнула в его мозгу. Если они забрали их запасы...

— Где Генри? — спросил он так резко, что Кол в изумлении отшатнулся.

Джек Андолини все-таки повернул голову. Так медленно, словно это священное действо он исполнял только изредка и ему это стоило невероятных усилий. Так и казалось, что в толще его мощной шеи сейчас заскрипят несмазанные шарниры.

— В безопасности, — изрек он и так же медленно вернул голову в первоначальное положение.

Эдди стоял перед фургончиком, борясь с паникой, что поднималась в его сознании и грозила оборвать ход связных мыслей. Внезапно потребность ширнуться, с которой он до сих пор так успешно справлялся, стала невыносимой. Ему надо ширнуться. Тогда он сможет думать, возьмет себя в руки...

Прекрати! — проревел Роланд у него в голове. Так громко, что Эдди невольно поморщился (а Кол, приняв эту гримасу боли и изумления за очередной приступ наркоманского зуда, снова расплылся в улыбке). — *Прекрати! Тебе нужен контроль над собой, я его тебе обеспечу!*

Ты не понимаешь! Он мой брат! Мой гребаный брат! Балазар забрал моего брата!

Ты так говоришь, будто я никогда этого слова не слышал. Ты за него боишься?

Да! Боже мой, да!

Тогда делай то, что они ждут от тебя. Кричи. Ной и проси. Проси эту твою дозу. Я уверен, они этого ждали, и у них с собой есть. Делай все это, чтобы оправдать их ожидания, и тогда ты уже можешь не сомневаться в том, что все твои опасения подтвердятся.

Я не понимаю, о чем ты...

Если ты сейчас перед ними наложишь в штаны, тогда они точно прибьют твоего драгоценного братца. Ты этого хочешь?

Ладно. Я буду держаться. Может быть, это звучит по-дурацки, но я буду держаться.

Ты это так называешь? Ладно. Тогда держись.

— Мы не так договаривались, — сказал Эдди, обращаясь через голову Кола непосредственно к Джеку Андолини. — Не для того я носился с товаром Балазара как с писаной торбой и держал язык за зубами, хотя любой другой на моем месте уже выдал бы список имен для смягчения приговора из расчета по пять за каждый скинутый год отсидки.

— Балазар решил, что с ним твоему брату будет безопаснее, — ответил Джек, не оборачиваясь. — Он взял его под свою защиту.

— Тогда ладно. Поблагодари его за меня и скажи, что я прибыл, товар в сохранности и я сам могу позаботиться о Генри, как Генри всегда заботился обо мне. Скажи ему, что у меня все схвачено. Когда мы встретимся с Генри, мы распределим товар, а потом сядем в нашу машину, поедем в город и тогда уже сделаем все, как нужно. Как договаривались.

— Балазар хочет с тобой повидаться, Эдди. — Голос Джека был непреклонен и неумолим. Голова его не повернулась. — Садись в машину.

— А пошел ты туда, куда солнышко не заглядывает, мать твою, — сказал Эдди и направился к своему подъезду.

8

Идти было недалеко, но не прошел он и полпути, как рука Андолини схватила его за плечо с парализующей силой тисков. Сам он дышал в шею Эдди горячо, как бык. Он проделал все это за пару секунд, а судя по его туповатому виду, можно было предположить, что за это время мозг его не успел бы дать команды руке, чтобы та открыла дверцу.

Эдди обернулся.

Держись, Эдди, — прошептал Роланд.

Держусь, — отозвался Эдди.

— За такое мне бы надо тебя убить, — сказал Андолини. — Я бы ни от кого не потерпел, чтобы меня посылали в задницу, и особенно от такого засранца и мелкого наркомана, как ты.

— *Ну так убивай!* — выкрикнул Эдди, но это был крик рассчитанный. Крутой крик, если так можно выразиться. Они стояли на тротуаре, две темные фигуры в горизонтальных лучах весеннего заката, на пустынной улице Ко-Оп-сити в Бронксе. И люди слышали крик, слышали слово «убей», и если их радиоприемники были включены, они прибавляли звук, если же выключены, то сначала включали, а потом прибавляли звук. Потому что так лучше, так безопаснее.

— *Рико Балазар не сдержал слова! Я, значит, свое обязательство выполнил, а он меня кинул! Так что пошел-ка ты в задницу, это я тебе говорю. И ему тоже скажу, пусть идет в задницу. Я любому скажу, пусть идет в задницу!*

Андолини вытаращился на него. Глаза его были такими темными, что цвет их, казалось, просачивается в белки, и от этого они стали желтыми, как старый пергамент.

— *Я бы и президенту Рейгану сказал, чтобы он убирался в задницу, если бы он не сдержал данного слова, и плевал*

я на его президентскую неприкосновенность или как оно там называется!

Слова отскочили эхом от кирпича и бетона. Единственный ребенок с очень черной кожей в белых баскетбольных трусах и высоких кроссовках стоял на игровой площадке на той стороне улицы и наблюдал за ними, держа мяч на сгибе локтя.

— Ты закончил? — осведомился Андолини, когда все затихло.

— Да, — сказал Эдди совершенно нормальным голосом.

— О'кей, — подытожил Андолини, разжал свои обезьяньи пальцы и улыбнулся... и когда он улыбнулся, случились сразу две вещи: во-первых, в нем появился какой-то шарм, столь неожиданный, что он мог бы обезоружить любого, а во-вторых, стало видно, что он действительно умен. Опасно умен. — Теперь поедем?

Эдди провел ладонью по волосам, на мгновение сложил руки, чтобы почесать обе одновременно, и сказал:

— Наверное, лучше поехать. Все равно разговор этот ни к чему не приведет.

— О'кей, — согласился Андолини. — Никто ничего не сказал, никто никого не обидел. — И добавил еще, не повернув головы и не нарушив размеренного ритма речи: — Иди через заднюю дверь, бестолочь.

Кол Винсент, осторожно выбравшийся из фургончика через дверь с водительской стороны, которую Андолини оставил открытой, поспешно залез обратно, так что даже ударился головой. Он протиснулся на свое прежнее место и с мрачным видом принялся потирать ушибленную башку.

— Ты должен был сообразить, что положение изменилось, когда тебя зацапали на таможне, — задумчиво проговорил Андолини. — Балазар — большой человек. У него интересы, которые он защищает. Люди, которых он защищает. И один из этих людей, так уж вышло, — твой брат Генри. Думаешь, я тебе заливаю? Если да, то лучше подумай о том, каково сейчас Генри.

— С Генри все в порядке, — сказал Эдди. Но он знал правду, и голос выдал его. Он сам услышал и понял, что Джек Андолини услышал тоже. В последнее время Генри все время ходил под кайфом. На рубашке его красовались дыры, прожженные сигаретой. Он порезался электрическим консервным ножом, когда открывал банку с кормом для Потси, их кошки. Эдди не понимал, как можно порезаться электрическим консервным ножом, но Генри все-таки умудрился. Время от времени Генри не убирал за собой со стола, и иной раз Эдди находил в раковине почерневшие скрученные листики чая.

«Генри, — говорил он тогда. — *Так нельзя, Генри. Ты должен все-таки следить за собой, а то ты совсем опустишься. Сидишь сложа руки и ждешь, пока это произойдет».*

«Да, о'кей, братишка, — отвечал ему Генри. — *Все путем, у меня все под контролем».* Но иногда, глядя на пепельно-бледное лицо Генри, в его потухшие глаза, Эдди понимал, что Генри больше уже ничего не сумеет держать под контролем.

На самом деле он *хотел* сказать Генри совсем другое. *Хотел,* но не мог. И не по поводу даже его «загулов» или их совместных «загулов». Он хотел сказать вот что: *«Генри, ты как будто ищешь место, где умереть. Так мне кажется, и я хочу, чтобы ты завязал к чертям. Потому что, если ты умрешь, ради чего мне тогда жить?»*

— С Генри *не все* в порядке, — сказал Джек Андолини. — За ним нужно приглядывать. Ему нужен... как там поется? Мост над бурными водами. Вот что ему нужно. Мост над бурными водами. Этот мост — Иль-Роке.

Иль-Роке — это мост в ад, подумал Эдди, а вслух спросил:

— Так Генри у него? У Балазара?

— Да.

— Я отдам Балазару его товар, а он мне отдаст Генри?

— И твой товар, — напомнил ему Андолини. — Не забывай.

— То есть, иными словами, все пойдет, как и было условлено?

— Точно так.

— А теперь ты мне скажи, как ты это себе представляешь. Ну давай, Джек. Скажи. Я хочу посмотреть, сумеешь ли ты не измениться в лице. Я хочу посмотреть, насколько вырастет твой носище.

— Я тебя не понимаю, Эдди.

— Само собой, ты меня понимаешь. Балазар думает, будто товар у меня *с собой?* Если так, то он должен быть идиотом, а я знаю, что он не идиот.

— Я не знаю, о чем он думает, — невозмутимо проговорил Андолини. — О чем он думает, не мое дело. Он знает, что товар был у тебя, когда ты вылетал с Островов. Он знает, что тебя загребли на таможне, а потом отпустили с миром. Он знает, что ты поехал домой, а не в кутузку, и знает, что его товар где-то есть.

— И знает еще, что таможня за мной следит, потому что ты это знаешь и ты сообщил ему кодом по телефону. Что-то вроде «двойная с анчоусами и сыром», правильно, Джек?

Джек Андолини молчал с невозмутимым видом.

— Только он это знает и без тебя. Все равно что соединить точечки на картинке, которую ты изучил заранее.

Андолини стоял, омываемый золотым светом заходящего солнца, который постепенно оранжевел. По-прежнему молча и по-прежнему с невозмутимым видом.

— Он думает, что меня перевербовали. Он думает, я такой идиот, что меня можно перекупить. В принципе я его не

виню. Почему бы и нет? Наркоман на все способен. Хочешь, проверь, нет ли на мне передатчика.

— Я знаю, что нет, — отозвался Андолини. — У меня есть одна штука в фургоне. Что-то вроде прибора для радиолокационных помех, ловит только коротковолновые передачи. Но, что важнее, я знаю, что ты не работаешь на федералов.

— Да?

— Да. Ну что, садимся в машину и едем или как?

— У меня есть выбор?

Нет, — произнес у него в голове Роланд.

— Нет, — сказал Андолини.

Эдди вернулся к фургону. Мальчик с баскетбольным мячом все еще стоял на площадке на той стороне, тень его выросла до гигантских размеров.

— Давай отсюда, малыш, — крикнул ему Эдди. — Тебя здесь не было, ты ничего не видел. Угребывай.

Мальчишка пустился бегом.

Кол глядел на него и лыбился.

— Подвинься, дружочек, — сказал ему Эдди.

— По-моему, тебе будет удобнее в середине, Эдди.

— Подвинься, — процедил Эдди. Кол поглядел на него, потом покосился на Андолини, но тот даже не повернулся к нему: захлопнул дверцу и уставился прямо перед собой, невозмутимый, как Будда, предоставив им разбираться самим, кто куда сядет. Кол еще раз поглядел на Эдди и решил подвинуться.

Они мчались по улицам Нью-Йорка — и стрелок (он в изумлении глядел на высокие шпили изящных построек, на мосты, что висели над широкой рекой стальной паутиной, и на воздушные экипажи с винтами, которые зависали в небе, точно странные рукотворные насекомые) не мог знать, что они едут к Башне.

9

Как и Джек Андолини, Энрико Балазар не думал, что Эдди работает на федералов; как и Андолини, он это знал.

Бар был пуст. На двери висела табличка: ЗАКРЫТО. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ. Балазар сидел у себя в кабинете, дожидаясь Андолини и Кола Винсента с малышом Дином. Два его телохранителя, Клаудио Андолини, брат Джека, и Чими Дретто, обретались здесь же. Они сидели на мягкой софе слева от громадного письменного стола и завороженно наблюдали, как растет величественное карточное сооружение, которое Балазар возводил у себя на столе. Дверь

закрывать не стали. Сразу за дверью шел небольшой коридорчик: направо — к подсобке бара и маленькой кухоньке, где готовились простенькие блюда из макарон, налево — в бухгалтерию и кладовку. В бухгалтерии еще трое из Балазаровых «джентльменов» — так их называли — развлекали Генри Дина настольной игрой «Пустое занятие».

— О'кей, — сказал Джордж Бьонди, — вот легкий вопрос, Генри. Генри? Генри, ты где? Прием, это Земля. Даю посадку. Прием. Повторяю: даю посадку, Генр...

— Да здесь я, здесь, — откликнулся Генри. Голос его был невнятным, как у сонного мужа, который бурчит разбудившей его жене, что да, он уже проснулся и пусть она от него отстанет хотя бы на пять минут.

— О'кей. Раздел «Искусство и развлечения». Вопрос... Генри? Не отключайся, когда я с тобой разговариваю, ты, жопенция!

— Да не отключаюсь я, не отключаюсь! — раздраженно выкрикнул Генри.

— О'кей. Вопрос. В каком популярном романе Уильяма Питера Блэтти, действие которого разворачивается в Вашингтоне, в районе Джорджтауна, повествуется о маленькой девочке, одержимой дьяволом?

— Джонни Кэш, — ответил Генри.

— Боже правый! — воскликнул Трикс Постино. — Ты же так отвечаешь на все вопросы! Чего ни спроси — Джонни Кэш, и хоть ты убейся! *На все* — Джонни Кэш.

— Джонни Кэш — это *все,* — выдал Генри вполне серьезно, и на мгновение зависла тишина — настолько все были ошарашены... а потом грохнул хохот, причем смеялись не только те, кто сидел в комнате с Генри, но и два «джентльмена», засевшие в кладовой.

— Хотите, я закрою дверь, мистер Балазар? — тихонько спросил Чими.

— Нет, не нужно. И так хорошо, — буркнул в ответ Балазар. Он был сицилийцем во втором поколении, но в речи его не проскальзывало никакого акцента; кстати, речь Балазара не выдавала и человека, который все свое образование получил на улице. В отличие от многих своих партнеров по бизнесу он окончил среднюю школу. И более того: два года он посещал школу бизнеса при Нью-Йоркском университете. Голос его, как и методы ведения дел, был спокойным, культурным и «американским», вот почему его внешность была так же обманчива, как и внешность Джека Андолини. Люди, которые в первый раз слышали его чистое, без акцента, американское произношение, всегда изумлялись, как будто перед ними выступал искусный чревовещатель. Выглядел он как фермер, или трактирщик, или

мелкий мафиозо, который достиг успехов отнюдь не своими мозгами, а лишь потому, что в нужное время оказался в нужном месте. Умники предыдущего поколения назвали бы его «Усатым сейфом». Этот толстяк одевался всегда по-крестьянски. В тот вечер на нем была простая белая хлопчатобумажная рубашка с расстегнутым воротом (под мышками расплывались пятна пота), простые серые штаны из саржи, коричневые мокасины на босу ногу, такие стоптанные, что они походили скорее не на туфли, а на домашние шлепанцы. Икры его покрывала сетка багрово-синих варикозных вен.

Чими и Клаудио как завороженные наблюдали за ним.

В прежние времена его называли Иль-Роке — Скала. Кое-кто из стариков называл его так до сих пор. В правом верхнем ящике стола, где другие бизнесмены хранят папки, ручки, скрепки и прочую канцелярию, Энрико Балазар держал три колоды карт. Однако он не играл в карты.

Он из них строил.

Сначала брал две первые карты, наклонял их друг к другу, и получалась фигура в форме буквы А — только без горизонтальной палочки. Рядом он ставил еще одну такую фигуру и клал сверху карту, делая крышу. Он ставил одно А за другим, ряд за рядом, этаж за этажом, и в конце концов на столе у него вырастал карточный домик. Если нагнуться и заглянуть в него сбоку, увидишь что-то вроде пчелиного улья, но с ячейками треугольной формы. Чими уже не одну сотню раз видел, как эти домики падали (Клаудио тоже видел, но меньше, потому что был на тринадцать лет моложе Чими, уже поговаривавшего о скором уходе на пенсию и собиравшегося уехать со своей стервой женой на ферму, которую они приобрели в Нью-Джерси, и там посвятить все свое время саду... и обширной программе, целью которой было пережить эту стерву, на которой он имел глупость жениться; но не тещу — он давно уже оставил надежду поесть fettucini на поминках Зверюги. Зверюга вечна. Но надежда на то, что он сумеет пережить свою стерву супружницу, все же была. Отец его любил повторять одну фразу; если перевести ее на нормальный язык, то получится что-то вроде: «Бог ссыт тебе на голову каждый день, но утонешь ты один раз», но Чими все-таки верил, что Бог не такой уж и плохой парень, так что он не терял надежды пережить если не двух, то хотя бы одну), но чтобы Балазар из-за этого психанул, он видел всего лишь раз. В большинстве случаев домики рушились случайно: кто-то сильно хлопал дверью в соседней комнате или пьяный, споткнувшись, вписывался в ближайшую стену. Иной раз Чими видел, как сооружения мистера Балазара (которого он до сих пор называл «Папа Босс», как одного героя в комедии Честера Гоулда), возводившиеся не один час,

падали оттого, что музыка в баре играла слишком громко. Иной раз эти воздушные конструкции рушились вообще безо всяких причин. А однажды — эту историю Чими пересказывал тысяч пять, наверное, раз, и всем (кроме него самого) она уже осточертела — Папа Босс взглянул на него поверх руин и изрек: «Вот видишь, Чими? Вот ответ всякой матери, проклинающей Бога за то, что ее ребенок погиб ни за что ни про что, любому отцу, которого выгнали с фабрики, лишив работы, любому ребенку, который рожден для боли и спрашивает: «За что?» Наши жизни — как эти домики. Иногда они падают по какой-то причине, иногда они падают безо всяких причин».

Карлочими Дретто считал, что это самое мудрое определение человеческой жизни, какое он когда-либо слышал.

Как-то Балазар действительно психанул, когда его домик упал. Случилось это лет двенадцать назад. А может, и все четырнадцать. Какой-то парень зашел к нему насчет выпивки. Парень, как говорится, без шика и без манер. Воняло от него так, как будто он мылся не чаще раза в год. Одним словом, ирландишка. И, разумеется, он пришел насчет выпивки. Ирландцев всегда интересует только спиртное, а не курево или, скажем, не ширево. И этот ирландишка, он подумал, что сооружение на столе Папы Босса — это просто забава. «Загадай желание!» — заорал он дурным голосом после того, как Балазар терпеливо ему разъяснил, как джентльмен джентльмену, почему у них не получится вместе вести дела. И тогда этот ирландишка, один из этих парней с рыжими волосами и такой бледной мордой, как будто у них застарелый туберкулез или что-нибудь в этом роде, один из этих, чьи имена начинаются на О с такой маленькой закорючкой между этим О и настоящим их именем, *дунул* на стол Папы Босса, как какой-нибудь niño* задувает свечи на пироге к дню рождения, и карты разлетелись прямо в лицо Балазару, и Балазар открыл левый верхний ящик стола, где другие бизнесмены хранят свои записные книжки и прочую канцелярию, вытащил свой 45-й и разрядил его в голову этому ирландишке, и при этом лицо Балазара не изменилось, а после того, как Чими и еще один парень по имени Трумэн Александр, который года четыре назад умер от сердечного приступа, закопали ирландишку под каким-то курятником где-то возле Седонвилла, штат Коннектикут, Балазар сказал Чими:

— Человеку надлежит возводить здания, дружок. А разрушать их надлежит лишь Богу. Согласен?

— Да, мистер Балазар. — Чими был согласен.

Балазар удовлетворенно кивнул.

* Niño — маленький мальчик (*исп.*). — *Примеч. ред.*

— Вы все сделали, как я сказал? Пристроили мальчика в таком месте, где на него будут гадить куры, и утки, и прочая живность?

— Да.

— Вот и славно, — невозмутимо проговорил Балазар и вынул новую колоду из правого верхнего ящика.

Для Балазара, Иль-Роке, одного уровня было мало. Поверх крыши первого уровня он строил второй, только уже чуть поуже, поверх второго — третий, поверх третьего — четвертый. И еще выше. Но после четвертого ему приходилось вставать. И тебе больше не нужно было нагибаться, чтобы заглянуть внутрь, где ты видел уже не ряды треугольничков, а изумительный, хрупкий и невообразимо прекрасный чертог из алмазных граней. Если смотреть слишком долго, то голова начинала кружиться. Однажды Чими побывал в «Лабиринте зеркал» на Кони-Айленде. Так ощущение было точно такое же. Больше он не ходил туда никогда.

Чими говорил (он был уверен, что никто ему не верит; да и правда всем была до фонаря), что однажды он видел, как Балазар выстроил уже не карточный домик, а карточную башню, которая, прежде чем рухнуть, поднялась на девять уровней. Чими и не подозревал, что всем, кому он об этом рассказывал, было в высшей степени наплевать, поскольку каждый считал своим долгом изобразить искреннее восхищение, ведь Чими был приближенным Папы Босса. Но они бы действительно восхитились, без дураков, если бы Чими нашел слова, чтобы описать эту башню, какая она была стройная и изящная, как она поднималась почти на три четверти расстояния между столом и потолком — кружевная конструкция из дам и валетов, королей, и десяток, и тузов, красная с черным, сложенная из бумажных бриллиантов, стоящая как вызов миру, который вращается во Вселенной, чьи законы и силы хаотичны и несообразны. Башня, которая восхищенному Чими представилась звенящим, точно хрусталь, отрицанием всех несправедливых парадоксов жизни.

Если бы только он знал, как это выразить, он бы сказал: *Я видел это сооружение, и мне стало ясно, зачем зажигаются звезды.*

10

Балазар знал, как все это будет.

Федералы прищучили Эдди — может быть, прежде всего это он сам сглупил, послав Эдди. Быть может, ему изменили его инстинкты, но парень казался таким примерным, таким правильным. Дядя Балазара, работая на которого Балазар начинал приобщаться к делу, как-то сказал, что из всякого правила есть исключе-

10 Зак. 722

ния, кроме одного: «Никогда не доверяй наркоману». Балазар тогда промолчал — не пристало пятнадцатилетнему сопляку раскрывать рот, хотя бы только затем, чтобы с готовностью согласиться, — но про себя подумал, что единственно верное правило, из которого нет исключений, — это то, что существуют правила, к которым это не относится.

Но если бы дядя Вероне сейчас был жив, подумал Балазар, *он бы лишь рассмеялся и сказал так: «Послушай, Рико, я всегда знал, что ты слишком умен и иной раз себе во вред. Ты знаешь правила, ты держишь рот на замке, когда старшие учат тебя уму-разуму, но в глазах у тебя всегда такое высокомерие... Ты парень толковый и умный, и ты сам это знаешь. Слишком ты много знаешь. Но однажды твоя гордыня тебя погубит. А так и будет, помяни мое слово».*

Он поставил еще две карты и накрыл их сверху.

Они взяли Эдди, помурыжили и отпустили.

Балазар забрал брата Эдди и все их общие запасы. Так что Эдди придет обязательно... и Балазар его ждал.

Он ждал Эдди к себе, потому что прошло всего два часа, а два часа — это *неправильно.*

Его допрашивали в аэропорту, а не на 43-й улице, и это было неправильно тоже. Это значит, что Эдди сумел скинуть большую часть, а то и весь кокаин.

Или нет?

Он думал. Он вычислял.

Эдди вышел из аэропорта через два часа после того, как его сняли с самолета. Два часа. Слишком мало для того, чтобы выжать из него все, что нужно, и слишком долго, чтобы убедиться в том, что он чист, а экипаж поднял ложную тревогу.

Он думал. Он вычислял.

Братец Эдди — безмозглый, как зомби, но сам Эдди парень смышленый. И все еще крепкий. Он бы не раскололся за два часа... если бы только не его брат. Если бы что-то не случилось с братом.

И все же — как обошлось без 43-й улицы? Как обошлось без таможенного фургона, который во всем как почтовый, за исключением решетки на окнах задней двери? Потому что Эдди *действительно* удалось что-то сделать с товаром? Скинуть его? Заныкать?

Невозможно спрятать товар в самолете.

Невозможно избавиться от него.

Но невозможно и сбежать из некоторых тюрем, ограбить некоторые банки, отвертеться от некоторых приговоров. Однако есть люди, которым это удается. Гарри Гудини выбирался из смирительных рубашек, из закрытых багажников, из гребаных банковских сейфов. Но Эдди Дин — не Гудини.

Или нет?

Он мог бы отдать приказ, чтобы Генри убили в его квартире или на улице, нет, все-таки лучше — в квартире, чтобы фараоны решили, что два наркомана повздорили и, забыв о том, что они братья, поубивали друг друга. Но в этом случае многие вопросы остались бы без ответа.

Он получит ответы. Продумает, что ему делать в дальнейшем, или просто удовлетворит свое любопытство — в зависимости от того, какие это будут ответы, а потом прикончит обоих.

Несколько ответов. Двумя наркоманами меньше. Кое-какая выгода и никаких потерь.

В соседней комнате игра продолжалась.

— О'кей, Генри, — как раз говорил Джордж Бьонди. — Будь внимательнее, вопрос с подковыркой. Раздел «География». Вопрос: «Единственный континент, где водятся кенгуру».

Пауза.

— Джонни Кэш, — сказал Генри, и снова раздался взрыв громового хохота.

Задрожали стены.

Чими напрягся, опасаясь, что карточный домик Балазара (который вырастет в башню, если того пожелает Бог или слепые силы, что правят Вселенной от Его имени) сейчас рухнет.

По картам прошла легкая дрожь. Если хотя бы одна упадет, то обрушится все.

Ни одна не упала.

Балазар поднял глаза и улыбнулся Чими.

— Piasan, — сказал он по-итальянски. — Il Dio est bono, il Dio est malo; temps est poco-poco; tu est une grande peeparollo*.

Чими улыбнулся.

— Si, signore, — сказал он. — Io grande peeparollo. Io va fanculo por tu**.

— None va fanculo, catzarro. Eddie Dean va fanculo***. — Балазар улыбнулся и принялся за второй этаж своей карточной башни.

II

Когда фургончик уже парковался у заведения Балазара, Кол Винсент случайно взглянул на Эдди и увидел нечто невероятное. Он попытался что-то выдавить из себя, но не смог. Язык прилип к

---

* Дружок, Господь бывает плохим и хорошим, времени мало-мало, а ты законченный идиот *(ит.)*.

** Да, синьор. Я законченный идиот. Я для вас расшибусь в лепешку *(ит.)*.

*** Не надо расшибаться в лепешку. В лепешку расшибется Эдди Дин *(ит.)*.

нёбу, и как Кол ни старался, он сумел выдать только сдавленное похрюкивание.

Он увидел, как глаза Эдди меняют цвет: были карими и вдруг стали голубыми.

12

На этот раз Роланд не принимал сознательного решения *перешагнуть «порог»*. Он просто бездумно рванулся вперед — помимо воли, чисто автоматически, точно так же, как он бы вскочил со стула и вытащил револьверы, если бы кто-то ворвался к нему в комнату.

Башня! — в исступлении думал он. *Это же Башня! Бог мой, Башня в небе! Я ее вижу! В небе, омытая струями алого пламени! Катберт! Ален! Десмонд! Я ее вижу! Башню! Башн...*

Но в этот момент он почувствовал сопротивление Эдди — тот не боролся с ним, а отчаянно пытался что-то ему объяснить.

Стрелок отступил и стал слушать — слушать так же отчаянно. А на морском берегу, в необозримой дали, в ином времени и пространстве, его лишенное разума тело дрожало и извивалось, как тело спящего человека, которому видится сон, где он поднимается до запредельных вершин наслаждения или падает в бездну ужаса.

13

Вывеска! — мысленно кричал Эдди, крик этот гремел у него в голове... и в голове *другого*.

Это же вывеска, простая неоновая вывеска. Не знаю я, о какой башне думаешь ты, но это обычный бар, заведение Балазара. Называется «Падающая башня», как бы в честь той, что в Пизе! Это просто рисунок, изображающий эту чертову башню в Пизе, которая падает! Прекрати психовать! Успокойся! Иначе нас с тобой шлепнут раньше, чем мы до них доберемся!

Пиза? — с сомнением переспросил стрелок и поглядел еще раз.

Вывеска. Да, теперь он увидел: это не Башня, а вывеска у трактира. Изображена на ней башня, накренившаяся и светящаяся зубчатыми завитками. Настоящее чудо, но не более того. Теперь он разглядел, что вывеска состоит из толстых прозрачных трубок, которые как-то умудрились наполнить красными болотными огоньками. Кое-где огоньков было меньше: в этих местах пламя мерцало и тихонько жужжало.

Теперь под башней он различил буквы из таких же изогнутых трубок: в большинстве своем — буквы Высокого Слога. БАШНЯ, — прочитал Роланд и, да, — ПАДАЮЩАЯ. ПАДАЮЩАЯ БАШНЯ. Впереди еще было короткое слово из трех букв: первая Т, последняя Е, а ту букву, что в середине, он первый раз видел.

Это что? — спросил он у Эдди.

ТНЕ. Артикль.

Артикль?

Ладно, не важно. Теперь ты видишь, что это вывеска? Вот что действительно важно — чтобы ты понял!

Я вижу, — ответил стрелок, но про себя он подумал, *действительно ли Узник верит в то, что говорит, или просто не хочет усложнять ситуацию из-за этой башни, состоящей из цепочки красных огней. Неужели Эдди и вправду думает, что всякая вывеска, всякий знак — вещь пустая и незначительная?*

Тогда остынь! Ты меня слышишь? Не заводись!

Держаться? — спросил Роланд, и оба почувствовали, как он слегка улыбнулся в сознании Эдди.

Правильно. Держись. Я сам тут со всем разберусь. Предоставь это мне.

Да. Хорошо.

Пусть пока разбирается Эдди.

Но только — пока.

14

Колу Винсенту наконец удалось отодрать свой язык от нёба.

— Джек. — Голос его звучал как из подземелья.

Андолини заглушил мотор и сердито взглянул на него.

— Его глаза.

— Что с его глазами?

— Да, что с моими глазами? — полюбопытствовал Эдди.

Кол поглядел на него.

Солнце уже зашло, оставив после себя только слабые отблески света, но все же этого было достаточно, чтобы Кол разглядел, что глаза у Эдди опять стали карими.

Если они вообще меняли цвет.

Ты это видел, настойчиво утверждала часть сознания, но в самом ли деле? Колу было двадцать четыре, и последние двадцать один никто не считал его человеком надежным. Иногда — полезным. Послушным — почти всегда... если держать его на коротком поводке. Но надежным? Нет. В последнее время Кол и сам почти в это поверил.

— Ничего, — выдавил он.

— Тогда пошли, — сказал Андолини.

Они выбрались из фургончика. Андолини встал слева, Кол Винсент — справа. Так Эдди и Роланд вошли в «Падающую башню».

Глава 5
ПРОБА СИЛ И ПЕРЕСТРЕЛКА

1

протяжном блюзе двадцатых годов Билли Холидей, которой еще предстояло узнать о себе всю правду, пела:

Доктор сказал мне: «Деточка, надо тебе завязать,
Иначе еще «ракета» — и тебя уже не откачать».

Последняя «ракета» Генри Дина стартовала за пять минут до того, как фургончик остановился у дверей «Падающей башни» и его брата препроводили внутрь.

Джордж Бьонди — известный среди друзей как Большой Джордж, а среди врагов как Большой Нос — сидел справа от Генри и потому задавал Генри вопросы. Сейчас Генри сидел над доской, тупо кивая и осоловело моргая глазами. Трикс Постино вложил ему в руку игральный кубик: в руку серого цвета, которая стала такой в результате длительного употребления героина. Цвет пыли — предвестник гангрены.

— Твоя очередь, Генри, — сказал Трикс, но Генри просто выронил кубик.

Он продолжал сидеть, вперив взгляд в пространство и не обнаруживая никаких намерений передвинуть свою фишку. Джимми Аспио передвинул ее за него.

— Смотри-ка, Генри. У тебя есть шанс отхватить неплохой кусок пирога.

— Кусок-носок, — сонно пробормотал Генри, а потом огляделся по сторонам, как будто проснувшись. — Где Эдди?

— Скоро будет, — успокоил его Трикс. — Давай пока поиграем.

— А как насчет уколоться?

— Играем, Генри.

— О'кей, о'кей, только не надо на меня давить.

— Не дави на него, Джимми, — сказал Кевин Блейк.

— Ладно, не буду, — ответил Джимми.

— Ты готов? — спросил Джордж Бьонди и подмигнул остальным, когда подбородок Генри снова свесился на грудь, а потом вдруг поднялся — как поднимается на поверхность разбухшее бревно, которое вот-вот утонет, но пока еще держится на плаву.

— Угу, — буркнул Генри. — Давай.

— Давай! — радостно подхватил Джимми Аспио.

— Вот ты и *давай* этому жеребцу! — огрызнулся Трикс, и все снова заржали (в соседней комнате карточное сооружение Балазара, теперь высотой в три уровня, пошатнулось, но не упало).

— О'кей, слушай внимательно. — Джордж опять подмигнул остальным. Хотя фишка Генри теперь находилась в разделе «Спорт», Джордж объявил раздел «Искусство и развлечения». — «Какой популярный певец кантри написал песни «Парень по имени Сью», «Блюз тюрьмы Фольсон» и ряд других столь же дерьмовых?»

Кевин Блейк, который действительно мог бы правильно сложить девять и семь (но только на картах для покера), буквально взвыл от смеха, хлопнув себя по коленям и едва не перевернув столик.

Все еще изображая, что читает вопрос по карточке, которую держит в руке, Джордж продолжал:

«Этого популярного певца еще называют «Человеком в черном». Его имя означает еще и место, куда ходят пописать, а фамилия — то, что было бы у тебя в кошельке, Генри, если бы ты не сел на иглу*.

Долгая выжидательная тишина.

— Уолтер Бреннан, — наконец выдал Генри.

Громовой взрыв хохота. Джимми Аспио повис на Кевине Блейке. Кевин хлопнул Джимми по плечу. Один раз, второй, третий. В кабинете у Балазара карточный домик, который уже становился башней, опять задрожал.

— Заткнитесь там! — заорал Чими. — Папа Босс строит!

Они сразу заткнулись.

— Правильно, — сказал Джордж. — Ты угадал, Генри. Это был трудный вопрос, но ты справился.

— Как всегда, — скромно заметил Генри. — Я вообще парень смышленый. Как насчет уколоться?

---

* Ответ на этот вопрос — Джонни Кэш. Английское слово Johnny, помимо всего прочего, имеет значение «уборная». Слово cash означает «наличные деньги». — *Примеч. пер.*

— Неплохая мысль! — Джордж достал откуда-то из-за спины ящик из-под сигар «Рой-Тан» и извлек оттуда шприц. Игла вошла в вену Генри чуть выше локтя, и его последняя «ракета» рванула ввысь.

2

Фургончик из пиццерии снаружи выглядел так себе, но под слоем дорожной грязи и краски была такая сверхсовременная электроника, что ей позавидовали бы и ребята из ОБН. Как любил повторять Балазар, одолеть этих ублюдков можно только в том случае, если ты сумеешь составить им достойную конкуренцию, в том числе и в экипировке. Экипировка стоила больших денег, но у Балазара было одно неоспоримое преимущество: то, что его люди могли своровать, сотрудникам ОБН приходилось покупать по ценам, безбожно взвинченным. Даже представить себе невозможно, сколько служащих электронных компаний на всем Восточном побережье так и рвутся продать тебе совершенно секретное оборудование по смехотворно низкой цене. Эти catzzaroni (Джек Андолини называл их еще долбогребами из Силиконовой долины) буквально тебя донимали, чтобы ты только взял самое новейшее оборудование.

Под приборной доской фургончика располагались: портативная станция радиолокационных помех, глушитель полицейского радара, работающего на ультравысоких частотах, детектор высокочастотных радиопередач, глушитель радиосигналов, импульсный повторитель с усилителем, с помощью которого можно ввести в заблуждение всякого, кто захочет отследить фургончик обычными методами триангуляции, — приборы его покажут, что в данный момент фургончик находится в Коннектикуте, Гарлеме или в Монток-Саунде. Еще там был радиотелефон... и одна маленькая красная кнопочка, которую Джек Андолини нажал, как только Эдди Дин вышел из фургончика.

Телефон внутренней связи в офисе Балазара издал короткое жужжание.

— Это они, — сказал он. — Клаудио, проводи их сюда. Чими, скажи им там, чтобы они заткнулись. Чтобы Эдди Дин думал, что, кроме меня и вас с Клаудио, здесь никого нет. Бери всех джентльменов и побудьте пока в кладовой.

Они вышли. Чими повернул налево, Клаудио Андолини — направо.

Балазар невозмутимо принялся за следующий уровень карточной башни.

3

Предоставь все мне, — повторил Эдди, когда Клаудио открыл дверь.

Да, — еще раз согласился стрелок, но остался настороже, готовый *перешагнуть «порог»* в ту же секунду, когда в том возникнет необходимость.

Звякнули ключи. Стрелок остро чувствовал запахи: справа — застарелого пота от Кола Винсента, слева — резкий, чуть кисловатый запах одеколона от Джека Андолини, а когда они вошли в полумрак помещения, еще и кислый запах пива.

Из всех странных запахов он узнал только запах пива. Это был отнюдь не развалюха-салун с дощатым полом, посыпанным опилками, и доской на козлах для пилки дров вместо стойки. (*Совсем не похоже на заведение Шеба в Талле,* изумился стрелок.) Повсюду мягко поблескивало стекло: в одной комнате было столько стекла, сколько Роланд не видел за всю свою жизнь, разве что в раннем детстве, когда уже начали рваться нити, связующие их мир воедино, частично из-за набегов повстанческих сил из Фарсона, частично из-за происков Уважаемого человека, но большей частью просто из-за того, что мир сдвинулся с места. Фарсон был лишь следствием этого сдвига, а не его причиной.

Повсюду стрелок видел их отражения: в стекле стен, в застекленной стойке, в большом зеркале позади нее, даже — на изгибах бокалов для вина в форме изящных колокольчиков, что висели за стойкой донышком вверх... бокалах таких же великолепных и хрупких, как пиршественная утварь.

В углу стояло какое-то сооружение, как будто слепленное из света. Оно вспыхивало и менялось, вспыхивало и менялось. Вот оно золотое, вот зеленое, вот желтое, вот ярко-алое, вот золотое опять. Поперек него буквами Высокого Слога было начертано слово, которое Роланд сумел прочесть, но оно ни о чем ему не говорило: ROCKOLA.

Ладно, не важно. Надо делать дело. Он тут не праздный зевака и не может позволить себе эту роскошь: разинув рот, глазеть по сторонам, пусть даже тут все так изумительно и загадочно.

Человек, который открыл им дверь, был, вне всяких сомнений, братом того, кто вел этот фургончик, как назвал эту машину Эдди (*похож на охранника,* предположил Роланд). Только этот — повыше ростом и лет на пять моложе, а на плечевом ремне у него — револьвер.

— Где Генри? — спросил Эдди с ходу. — Я хочу видеть Генри. — Тут он повысил голос: — Генри! Эй, Генри, ты где?

Никакого ответа — лишь тишина, в которой бокалы над стойкой, казалось, звенят, но звон этот так слаб, что недоступен человеческому уху.

— Мистер Балазар хотел бы сперва с тобой поговорить.

— Вы, что ли, его связали, а в рот ему сунули кляп? — спросил Эдди и вдруг рассмеялся, не дав Клаудио даже рта открыть. — Нет, что это я... да вы просто его накачали. Зачем возиться с кляпами и веревками, если можно вколоть ему дозу и он сразу уймется. Ладно. Пошли к Балазару. Раньше начнем — раньше кончим.

4

Стрелок смотрел на карточную башню на столе у Балазара и думал: *еще один знак.*

Балазар не поднял головы — он и так уже задирал ее к верхушке карточной башни, которая возвышалась высоко над столом, — а лишь поглядел на них поверх нее. Лицо его так и светилось дружелюбием и теплотой.

— Эдди, — сказал он. — Я рад тебя видеть, сынок, а то я слышал, у тебя были какие-то неприятности в аэропорту.

— Никакой я вам не сынок, — спокойно проговорил Эдди.

Балазар сделал жест, который мог бы означать одновременно печаль, иронию и недоверие: *Ты меня обижаешь, Эдди,* говорил этот жест. *Ты очень меня обижаешь, когда говоришь такое.*

— Давайте начистоту, — сказал Эдди. — Вы сами знаете, что все это могло завершиться одним из двух: либо они меня перекупили, либо меня отпустили с миром. Вы хорошо знаете, что они не могли уломать меня за какие-то два часа. И что, если б они этого добивались, им пришлось бы отвезти меня на 43-ю улицу, где меня бы допрашивали беспрерывно, давая только короткие передышки, чтобы я мог сблевать в раковину.

— Так они тебя перекупили? — мягко спросил Балазар.

— Нет. Им пришлось меня выпустить. Они следили за мной, но я их не вел.

— Значит, товар ты заныкал, — подытожил Балазар. — Невероятно. Ты непременно должен мне рассказать, как надо прятать два фунта кокса на борту пассажирского самолета. Это очень полезная информация. Как в том рассказе про тайну запертой комнаты.

— Я не прятал его, — сказал Эдди. — Но у меня его больше нет.

— А у кого же он? — спросил Клаудио и тут же вспыхнул, когда брат прожег его свирепым взглядом.

— *У него,* — улыбнулся Эдди, указав поверх карточной башни на Энрико Балазара. — Товар доставлен по назначению.

В первый раз после того, как Эдди ввели в кабинет, на лице Балазара промелькнуло искреннее чувство: неподдельное изумление. Мелькнуло и тут же исчезло. Балазар вежливо улыбнулся.

— Да. В одно место, о котором ты нам скажешь потом. После того, как ты получишь обратно брательника и свой товар и вы вместе отбудете в неизвестном направлении. Скорее всего в Исландию. Я правильно излагаю?

— Нет, — отозвался Эдди. — Вы не понимаете. Товар здесь. Доставка на дом. Как мы и договаривались. Потому что даже в наш век обмана есть еще люди, которые выполняют свои обязательства. Трудно поверить, я понимаю. Но это так.

Все уставились на него.

Ну как я справляюсь, Роланд? — спросил Эдди.

По-моему, отлично. Только не давай этому Балазару опомниться, Эдди. Мне кажется, он человек опасный.

Ты так думаешь? Тут я с тобой согласен, дружище. Я знаю, что он человек опасный. Очень, мать его, опасный.

Он опять взглянул на Балазара и легонько ему подмигнул.

— Так что теперь это вам нужно побеспокоиться о федеральных агентах, не мне. Если они сейчас явятся сюда с ордером, то может так получиться, что вас оттрахают, даже не раздвигая ног, мистер Балазар.

Балазар взял еще две карты. Руки его вдруг затряслись, и он положил их на место. Это длилось всего лишь мгновение, но Роланд заметил, и Эдди тоже: выражение неуверенности — может быть, даже страха — промелькнуло и тут же исчезло.

— Когда ты со мной говоришь, последи за своими словами, Эдди. Последи за собой и, пожалуйста, не забывай, что у меня мало времени, равно как и терпения, на выслушивание такой бредятины.

Джек Андолини вдруг насторожился.

— Они сговорились с ним, мистер Балазар! Этот кусок дерьма отдал им кокаин, а они подбросили его нам, пока делали вид, что ведут допрос!

— Никого здесь не было, — сказал Балазар. — И никто сюда не подберется, Джек, как тебе хорошо известно. Даже когда голубь садится на крышу, уже срабатывает сигнализация.

— Но...

— Даже если они исхитрились нас как-то подставить, наши люди в их лавочке нам бы уже сообщили. У них там столько наших, что мы могли бы в три дня насверлить дырок в их ящике. Мы бы знали, кто, когда и как.

Балазар поглядел на Эдди:

— Эдди, у тебя есть пятнадцать секунд на то, чтобы прекратить пороть эту чушь. Ровно через пятнадцать секунд сюда придет Чими Дретто и станет тебя обижать. А потом, когда он немного пообижает тебя, он пойдет в соседнюю комнату и ты услышишь, как он обижает твоего братца.

Эдди весь напрягся.

Спокойнее, пробормотал стрелок, а про себя подумал: *Легко же тебе управлять им: назвать имя брата — и все. Как ткнуть острой палкой в открытую рану.*

— Сейчас я зайду в вашу уборную. — Эдди указал на дверь в дальнем левом углу, дверь, настолько незаметную, что ее можно бы было принять за панель на стене. — Зайду один, а потом выйду оттуда и отдам вам фунт вашего кокаина. Половину всего товара. Вы его проверите. Потом приведете сюда Генри, чтобы я на него посмотрел. Когда я увижу его, увижу, что с ним все в порядке, вы отдадите ему наш товар и он уедет домой с кем-нибудь из ваших джентльменов. Когда он уедет, мы с... — он едва не сказал «с Роландом», — со всеми вашими ребятами посмотрим, как вы строите эту штуку. Когда Генри будет дома и в безопасности — то есть никто не будет стоять над ним и держать у его уха пушку, — он позвонит сюда и скажет мне одно слово. Мы договорились с ним перед моим отъездом. На всякий случай.

Стрелок проверил в мозгу у Эдди, это правда или он просто блефует. Оказалось, что правда. По крайней мере так думал Эдди. Роланд увидел, что Эдди действительно верит в то, что его брат Генри скорее умрет, чем выдаст этот пароль. Но сам стрелок был отнюдь не уверен в этом.

— Ты, наверное, думаешь, что я до сих пор еще верю в Санта-Клауса, — сказал Балазар.

— Я знаю, что вы не верите.

— Клаудио, обыщи его. Джек, иди в уборную и проверь там. Все.

— Есть там такое место, о котором мне неизвестно? — спросил Андолини.

Балазар призадумался, внимательно глядя на Андолини.

— На задней стенке аптечки есть небольшая панель, — наконец сказал он. — Я там держу кое-какие личные вещи. Она не такая большая, чтобы запрятать там фунт порошка, но ты все равно проверь.

Джек пошел, и, когда он открыл дверь в небольшой нужник, стрелок увидел вспышку такого же холодного белого света, который освещал отхожее место в воздушной карете. Дверь быстро закрылась.

Балазар вновь поглядел на Эдди.

— Ну и зачем тебе эти дурацкие бредни? Эта идиотская ложь? — спросил он почти с искренней грустью. — Я думал, ты умный парень.

— Посмотрите мне в глаза, — сказал Эдди, — и скажите, лгу я или нет.

Балазар так и сделал. Смотрел он долго. Потом отвернулся и засунул руки в карманы своих крестьянских штанов так глубоко, что они обтянули его широкий крестьянский зад. Вся поза его выражала печаль — печаль по любимому сыну, упорствующему в заблуждении, — но прежде чем он отвернулся, Роланд заметил, что лицо его выражает отнюдь не печаль. То, что Балазар увидел в глазах у Эдди, пробудило в нем не печаль, а сильное беспокойство.

— Раздевайся, — теперь Клаудио наставил свой револьвер на Эдди.

Эдди принялся снимать одежду.

5

Не нравится мне это, думал Балазар, дожидаясь, когда Джек Андолини вернется из туалета. Он был напуган. Внезапно пот выступил не только под мышками и в паху, где Балазар потел всегда, даже самой холодной зимой, но и по всему телу. Эдди уже не выглядел как наркоман — пусть и смышленый, но все-таки наркоман, которого можно поддеть за яйца и вести за собою куда угодно, — он теперь выглядел как... а как? Как будто он *вырос*, как-то *изменился*.

Как будто в него вкачали две кварты свежей крови.

Да. Именно так. И еще порошок. Этот гребаный порошок. Джек проверял туалет, а Клаудио обыскивал Эдди с нарочитой свирепостью тюремного надзирателя-садиста; даже когда Клаудио, поплевав себе на левую руку и растерев слюну по правой, засунул ее Эдди в задний проход по самое запястье и еще дюйма на два глубже, Эдди выдержал это с флегматичным спокойствием, которого Балазар даже и предположить бы не мог ни в нем, ни в каком другом закоренелом наркомане.

Порошка не было ни в туалете, ни на Эдди, ни внутри Эдди. Ни в карманах, ни в куртке, ни в сумке. Значит, он блефовал.

Посмотрите мне в глаза и скажите, лгу я или нет.

Он посмотрел. То, что он там увидел, его встревожило. Он увидел, что Эдди Дин совершенно уверен в себе: он войдет в уборную и выйдет оттуда с половиной Балазарова товара.

Балазар и сам едва не поверил, что так и будет.

Клаудио Андолини вытащил руку. Пальцы его вышли из задницы Эдди Дина с каким-то хлюпающим звуком. Губы Клаудио искривились.

— Быстрее, Джек, а то у меня вся рука в дерьме этого урода! — сердито выкрикнул он.

— Если б я знал, что ты будешь там лазить, Клаудио, я бы, когда в последний раз срал, вытер зад хотя бы ножкой от стула, — этак ласково проговорил Эдди. — У тебя руки были бы чище, да и я бы сейчас не стоял как дурак с чувством, как будто меня трахнул в задницу бык Фердинанд.

— Джек!

— Иди на кухню и вымой руки, — спокойно проговорил Балазар. — У нас с Эдди нет никаких причин задевать друг друга. Правда, Эдди?

— Никаких.

— Все равно он чист, — сказал Клаудио. — Впрочем, «чист» — не то слово. Я имею в виду, у него ничего нет. Уж в этом будьте уверены. — Он ушел, держа перед собой грязную руку, как дохлую рыбу.

Эдди спокойно поглядел на Балазара, который опять размышлял о Гарри Гудини, Блакстоне, Дуге Хеннинге и Дэвиде Копперфилде. Говорят, что магия тихо сдохла, как и варьете, но Хеннинг был суперзвездой в своем деле, а малыш Копперфилд, когда Балазар был на его представлении в Атлантик-Сити, ошеломил целую толпу народу. Балазар любил фокусников. Полюбил с самого первого раза, когда увидел на улице дяденьку, который показывал фокусы с картами за небольшое вознаграждение. А с чего начинается фокус, прежде чем что-то появится из ничего и зрители сначала вздохнут изумленно, а потом бешено зааплодируют? Первым делом фокусник предлагает кому-то из зрителей убедиться, что место, откуда появится кролик, или голубь, или шлюшка с голыми грудками, сейчас совершенно пусто. И более того — убедиться, что ничего нельзя достать *изнутри*.

Может быть, он так и сделал. Не знаю уж как, да мне и плевать. Единственное, что я знаю, так это то, что мне это все не нравится. Очень не нравится.

6

Джорджу Бьонди тоже кое-что не понравилось. И он сомневался, что и Эдди Дин придет от этого в восторг.

Джордж был уверен, что к тому времени, когда Чими вошел в бухгалтерию и погасил свет, Генри уже умер. Умер тихо: никакого скандала, никаких беспокойств. Просто отлетел, как семена одуванчика, уносимые ветерком. Джордж думал, что это случилось как раз в тот момент, когда Клаудио пошел на кухню мыть руки.

— Генри? — шепнул Джордж ему в ухо. Он приложил губы так близко, словно хотел поцеловать его в ушко, будто девуш-

ку, как это показывают в фильмах, и ощущение было омерзительным, к тому же когда ты уверен, что парень мертв. Как наркофобия, или как там, мать ее, называют. Но он должен был знать, а стена между этой комнатой и офисом Балазара очень тонкая.

— Что там случилось, Джордж? — спросил Трикс Постино.

— Заткнитесь. — Голос Чими был низким, как гул двигателя, работающего на холостых оборотах.

Они заткнулись.

Джордж сунул руку Генри под рубашку. Да, дела шли все хуже и хуже. Образ свидания с девушкой из кинофильма никак его не оставлял. Вот он щупает ее грудь, только это *не она, а он,* и это уже не наркофобия, а гребаная *гомико*-наркофобия, и тощая грудь наркомана Генри не поднимается и не опускается, и внутри не слышится *тук-тук.* Для Генри Дина все уже закончилось, игра его завершилась на седьмой инъекции. Все в нем умолкло, тикали только часы на руке.

Он двинулся в сторону тяжкого запаха Старого Света, оливкового масла и чеснока, что окружал Чими Дретто.

— У нас, кажется, будут проблемы, — прошептал Джордж.

7

Джек вышел из туалета.

— Ничего там нет. — Взгляд его безжалостных глаз вперился в Эдди. — И если ты думал смыться через окно, можешь об этом забыть. Там крепкая стальная решетка.

— Я и не думал смываться, — спокойно ответил Эдди. — И товар там, ты просто не знаешь, куда смотреть.

— Прошу прощения, мистер Балазар, — сказал Андолини, — но с меня уже хватит этой брехни.

Балазар глядел на Эдди, как будто не расслышав слов Андолини. Он думал. Он размышлял.

Размышлял о том, как фокусники достают из шляп кроликов.

Зовешь кого-нибудь из зрителей, чтобы он убедился, что в шляпе ничего нет. А что еще? Что бывает всегда? Что больше никто не заглядывает в эту шляпу, кроме самого фокусника. А что сказал этот малыш? *Сейчас я зайду в вашу уборную. Зайду один.*

Обычно Балазар не хотел знать, в чем заключается фокус. Знание портит удовольствие.

Обычно.

Но на этот раз ему не терпелось узнать.

— Хорошо, — сказал он Эдди. — Если он там, то пойди и возьми его. Прямо вот так, как есть. С голой задницей.

— Хорошо. — Эдди направился к двери в уборную.

— Но не один, — добавил Балазар. Эдди резко остановился. Все тело его напряглось, как будто в него попали невидимым гарпуном, и Балазару это понравилось. Впервые что-то пошло вразрез с планами малыша. — С тобой пойдет Джек.

— Нет, — быстро сказал Эдди. — Так мы не...

— Эдди, — мягко перебил его Балазар, — никогда не говори мне «нет». Никогда так не делай.

8

Все в порядке, — сказал стрелок. — *Пусть идет.*

Но... но...

Эдди едва не сорвался, едва удержал себя в руках. И не только из-за финта, который неожиданно выкинул Балазар, а из-за своего беспокойства за Генри и — потребность в этом росла, затмевая все остальное, — желания уколоться.

Пусть идет. Все будет в порядке. Послушай.

Эдди прислушался.

9

Балазар наблюдал за ним: худым, обнаженным молодым человеком, грудь которого только-только еще начала приобретать характерную для наркомана впалость. Тот чуть склонил голову в сторону, и, глядя на него, Балазар почувствовал, как его самоуверенность потихоньку испаряется. Малыш как будто прислушивался к какому-то голосу, который был слышен только ему одному.

То же самое подумал и Андолини, но другими словами: *Это что еще? Он похож на собаку с обложек старых пластинок RCA Victor!*

Кол хотел что-то сказать ему о глазах Эдди. Теперь Андолини жалел, что тогда отмахнулся.

Поделом тебе, копайся теперь в дерьме, сказал он себе.

Если Эдди и прислушивался к внутренним голосам, то либо они умолкли, либо он перестал обращать на них внимание.

— О'кей, — сказал он. — Пойдем, Джек. Я тебе покажу восьмое чудо света. — Он одарил их всех лучезарной улыбкой, которая не понравилась ни Джеку Андолини, ни Энрико Балазару.

— Неужели? — Андолини вытащил револьвер из потайной кобуры, укрепленной на поясе сзади. — Я что, должен буду удивиться?

Улыбка Эдди стала еще лучезарнее.

— О да. Я думаю, ты вообще офигеешь.

10

Андолини, немного психуя, вошел в туалет следом за Эдди, держа револьвер наготове.

— Закрой дверь, — сказал Эдди.

— А пошел ты, — огрызнулся Андолини.

— Закрой дверь, иначе ты ни фига не получишь, — повторил Эдди.

— Пошел ты, — снова послал его Андолини. Сейчас, немного испуганный, не понимающий, что происходит, он выглядел не таким тупым, как в фургончике.

— Он не хочет закрывать дверь, — крикнул Эдди Балазару. — Я уже начинаю о вас плохо думать, мистер Балазар. У вас здесь, наверное, человек шесть бугаев, и у каждого — по четыре пушки, а вы двое подняли такую бучу из-за голого парня. Да еще наркомана.

— Закрой эту гребаную дверь, Джек! — заорал Балазар.

— Вот и славненько, — сказал Эдди, когда Андолини пинком закрыл дверь. — А то ты мужик или...

— О Боже, с меня довольно, — простонал Андолини, ни к кому конкретно не обращаясь. Он поднял револьвер рукояткой вперед и собрался уже врезать Эдди по зубам.

И вдруг застыл с поднятым пистолетом, челюсть его отвисла от изумления: он увидел то, что Кол Винсент видел в фургончике.

Глаза Эдди поменяли цвет. Были карими, стали голубыми.

— *Хватай его!* — раздался низкий повелительный голос, и пусть он исходил изо рта Эдди, это был не его голос.

Шизик, подумал Джек Андолини. *У него крыша поехала, мать его...*

Но мысль оборвалась, как только руки Эдди схватили его за плечи, потому что в этот момент Андолини увидел дыру в реальности, что внезапно открылась футах в трех за спиной у Эдди.

Нет, не дыру. Слишком правильные у нее очертания...

Это *дверь.*

— Дева Мария, помилуй нас, — хрипло выдохнул Джек. Через эту дверь, что зависла в футе от пола перед душем в Балазаровом туалете, он разглядел темный берег и волны, бьющиеся о него. По берегу расползались какие-то твари. *Твари.*

Он замахнулся револьвером, но удар, который должен был выбить Эдди все передние зубы, лишь немного рассек

ему губы. Крови почти и не было. Силы его покидали. Джек буквально *физически ощущал,* как это происходит.

— Я же тебе *говорил,* Джек, что ты офигеешь, — сказал Эдди и резко дернул его на себя. Только в последний момент Джек понял, что собирается сделать Эдди, и начал бешено отбиваться, как дикий кот, но он спохватился поздно: они уже падали через *«порог»* этой жуткой двери, и приглушенный гул ночного Нью-Йорка, к которому так привыкаешь, что в конце концов перестаешь его слышать и замечаешь только тогда, когда его больше нет, сменился скрежетом волн о песок и вопросительными голосами страшилищ, смутно различимых в темноте на берегу.

11

Нам надо действовать быстро, иначе мы погорим, сказал Роланд, и Эдди тоже ни на мгновение не усомнился в том, что, если они сейчас не поторопятся, им будет большой абзац. В этом он был уверен. Если уж речь зашла о крепких парнях, Джек Андолини — он как Дуайт Гуден: да, его можно свалить, его можно и вырубить, но если дать ему время опомниться, он размажет тебя по стенке.

Левая рука! — сказал себе Роланд, когда они прошли через дверь и он отделился от Эдди. *Не забывай! Рука левая! Левая!*

Он видел, как Эдди и Джек, пошатнувшись, упали и покатились по каменистому склону, обрамлявшему песчаный пляж, сражаясь за револьвер в руке Андолини.

У Роланда еще было время подумать о том, что вот будет весело, если вернешься в свой мир и обнаружишь, что, пока тебя не было, твое тело умерло... но время вышло. Уже поздно о чем-либо думать, поздно поворачивать назад.

12

Андолини так и не понял, что произошло. В его сознании все смешалось: и уверенность в том, что он сошел с ума, и мысль, что Эдди вколол в него что-то или пустил в лицо газ, и вера в то, что мстительный Бог его детства наконец-то устал от его злодеяний и, вырвав его из знакомого мира, поместил в это жуткое чистилище.

А потом он увидел открытую дверь, из которой на каменистую землю лился белый свет — свет из Балазарова сортира, — и понял, что можно вернуться обратно. Прежде всего Андолини был человеком практичным. Позже он подумает обо всем, что с

ним случилось. А сейчас он собирался прикончить этого засранца и вернуться через дверь.

Силы, которые покинули Джека в момент потрясения, теперь вернулись. Он сообразил, что Эдди пытается вырвать у него маленький, но весьма действенный кольт «кобра» и ему это почти удалось. Грязно выругавшись, Джек потянул его обратно, попытался прицелиться, но Эдди опять мертвой хваткой вцепился ему в руку.

Андолини надавил коленом на правое бедро Эдди, прямо на большую мышцу (брюки Джека, дорогие, габардиновые, были все в грязно-сером песке), и Эдди вскрикнул от боли.

— *Роланд!* — позвал он. — *Помоги мне! Помоги, ради Бога!*

Андолини рывком повернул голову, и то, что он увидел, снова выбило его из равновесия. Там стоял парень... только больше похожий на призрак, чем на человека. Но отнюдь не на Каспера, доброе привидение из мультика. Парень еле стоял на ногах. Его белое, изможденное лицо заросло щетиной. Клочья изодранной рубахи пошевеливались на ветру, обнажая выступившие ребра. На правой руке торчала окровавленная повязка. Парень явно был болен и умирал, но даже в таком состоянии он выглядел достаточно грозным, чтобы Андолини почувствовал себя сваренным всмятку яйцом.

И у него была парочка револьверов.

Таких древних, что они казались старше, чем горы, как будто он взял их из музея Дикого Запада... но это были револьверы, и они могли быть в рабочем состоянии, и Андолини вдруг понял, что сейчас ему нужно переключиться на этого бледного человека... если только это действительно человек, а не призрак, потому что, если это призрак, тогда не стоит и переживать.

Андолини отпустил Эдди и резко перекатился вправо, даже не почувствовав острого выступа камня, о который он разорвал свою куртку, стоившую пятьсот зеленых. В тот же миг стрелок выхватил револьвер левой рукой — не важно, болен он или здоров, бодрствует или еще как следует не проснулся, движение это было таким, как всегда: быстрым, как вспышка летней молнии.

Мне конец, подумал Андолини с каким-то болезненным изумлением. *Боже, я в жизни не видел, чтобы кто-то так быстро... Я пропал, пресвятая Дева Мария, сейчас он меня прикончит, сейчас он меня...*

Человек в разорванной рубахе нажал на спусковой крючок, и Джек Андолини подумал — действительно подумал, — что он уже отошел в мир иной, и лишь потом сообразил, что вместо выстрела услышал только глухой щелчок.

Осечка.

Улыбаясь, Андолини встал на колени и поднял свой кольт.

— Не знаю, кто ты, но на прощание можешь поцеловать себя в задницу, гребаный призрак, — сказал он.

13

Эдди сел. Его била дрожь. Обнаженное тело покрылось гусиной кожей. Он видел, как Роланд вытащил револьвер. Услышал глухой щелчок вместо выстрела. Увидел, как Андолини поднялся на колени, как что-то сказал, и прежде чем сам осознал, что он делает, Эдди нащупал рукой камень с острыми краями. Вырвав камень из песка, Эдди швырнул его что есть силы.

Камень попал Андолини в затылок. Из дырки в черепе Джека Андолини брызнула кровь. Андолини выстрелил, но пуля, которая наверняка бы убила стрелка, ушла в сторону.

14

Не совсем чтобы в сторону, сказал бы стрелок. *Когда пуля свистит у твоей щеки, вряд ли ты скажешь, что она ушла в сторону.*

Немного оправившись после выстрела Андолини, большим пальцем он взвел курок револьвера и еще раз нажал на спусковой крючок. На этот раз револьвер выстрелил — сухой властный звук разнесся эхом по пляжу. Чайки, спавшие на камнях, взвились в воздух вопящей испуганной стаей.

Пуля стрелка должна была бы прикончить Андолини, но тот как раз пошатнулся и повалился набок, оглушенный ударом в голову. Грохот выстрела казался далеким, ненастоящим, но дымящаяся дыра в левом рукаве у локтя была очень даже настоящей. Боль привела его в чувство, Андолини поднялся. Одна рука бесполезно болталась, в другой дрожал пистолет, выискивая цель.

Первым он увидел Эдди. Эдди-наркомана. Эдди, который каким-то непостижимым образом затащил его в это безумное место. Эдди стоял совсем голый, в чем мать родила, и дрожал на студеном ветру, обхватив себя руками. Ладно, пусть он здесь умрет, но он не откажет себе в удовольствии прихватить Эдди Дина с собой.

Андолини поднял пистолет. Маленькая «кобра», казалось, весила фунтов двадцать, но он все же с ней справился.

15

Только бы не осечка, угрюмо подумал Роланд и взвел курок.

Сквозь крики чаек он различил мягкий масляный щелчок: патрон встал на место.

16

Осечки не было.

17

Стрелок целился не в голову Андолини, а в пистолет у него в руке. Он не знал, понадобится им еще этот человек или нет. Ну а вдруг понадобится?! Он нужен Балазару, а поскольку предположения стрелка подтвердились и Балазар проявил себя человеком страшным, то с ним лучше выбрать линию поведения наиболее безопасную.

Выстрел его был хорош, и это неудивительно. Но то, что случилось с Андолини, удивления было достойно. Роланд знал, что такое бывает, но только дважды за всю свою жизнь он видел, как люди стреляют друг в друга одновременно.

Тебе, парень, сегодня не повезло, подумал стрелок, когда Андолини, шатаясь, двинулся с дикими воплями к воде. По рубахе и брюкам стекала кровь. На руке, в которой он держал свой кольт, отсутствовало пол-ладони. Сам пистолет валялся на песке бесполезным куском искореженного металла.

Эдди ошеломленно уставился на него. Больше уже никого не обманет лицо Джека Андолини, лицо пещерного человека. Потому что теперь лица у него не было. На его месте осталось только обожженное месиво кровоточащей плоти и черная вопящая дыра вместо рта.

— Боже мой, что с ним случилось?

— Видимо, моя пуля попала в барабан его револьвера в ту же секунду, когда он нажал на спусковой крючок. — Стрелок произнес это сухо, как профессор, читающий лекцию по баллистике в полицейской академии. — В результате произошел взрыв, оторвавший заднюю часть его револьвера. И скорее всего взорвалось еще два-три патрона.

— Пристрели его, — сказал Эдди. Теперь его трясло еще сильнее и не только из-за ночной прохлады, холодного ветра с моря и отсутствия всякой одежды. — Убей его. Ему же больно. Пожалей его, ради Бога...

— Поздно. — Безразличие стрелка пробрало Эдди своим холодом до мозга костей.

Он отвернулся, но все же успел заметить, как чудовища обступили Андолини и принялись откусывать по кусочку от его ботинок... разумеется, вместе с плотью. Вскрикнув и судорожно взмахнув руками, Андолини упал лицом вниз. Омароподобные

твари с жадностью набросились на него и все задавали свои беспокойные вопросы, заживо пожирая его: *Дад-а-чак? Дид-а-чик? Дуд-а-чум? Дод-а-чок?*

— Господи, — простонал Эдди. — И что теперь?

— Теперь ты возьмешь ровно столько (*бес-порошка,* — сказал стрелок; *кокаина,* — услышал Эдди), сколько ты обещал этому Балазару. Не больше и не меньше. И мы вернемся. — Роланд спокойно поглядел на Эдди. — Только на этот раз я пойду с тобой сам.

— Боже правый, — воскликнул Эдди. — А ты так можешь? — И тут же ответил на свой вопрос: — Ну конечно, ты можешь. Только зачем?

— Потому что один ты не справишься, — сказал Роланд. — Пойдем.

Эдди оглянулся на копошащуюся груду чудовищ. Ему не нравился Джек Андолини, но он все равно почувствовал, как желудок его выворачивается наизнанку.

— Пойдем, — теряя терпение, повторил Роланд. — У нас мало времени, и потом, мне очень не нравится то, что я сейчас должен сделать. Я никогда раньше такого не делал. И даже не думал, что мне *придется.* — Его губы скривились в горькой усмешке. — Но я уже потихоньку привыкаю к таким вещам.

Эдди медленно приблизился к нему — к этой тощей фигуре, — ноги его были точно ватные. Его кожа отсвечивала белизной во тьме чужого мира. *Кто ты, Роланд?* — подумал он. *Что ты такое? Этот жар, от тебя исходящий, — только ли лихорадка? Или еще и безумие? Наверное, и то, и другое.*

Боже, ему нужно ширнуться. Он это *заслужил.*

— Никогда раньше не делал чего? — спросил он. — Ты о чем вообще говоришь?

— Возьми. — Стрелок указал на древний револьвер в кобуре справа на поясе. Указал не пальцем — у него не было пальца, чтоб им указывать, — только обмотанный тряпкой обрубок. — Теперь он мне вряд ли уже пригодится. Ни сейчас, ни, наверное, вообще.

— Я... — Эдди тяжело сглотнул. — Я не хочу даже к нему прикасаться.

— Мне тоже не хочется, чтобы ты к нему прикасался, — теперь в голосе Роланда сквозила непривычная мягкость, — но, боюсь, выбора у нас нет. Похоже, будет перестрелка.

— Да?

— Да. — Стрелок невозмутимо взглянул на Эдди. — И, по-моему, большая.

18

С каждой секундой Балазар нервничал все сильнее. Слишком долго. Слишком надолго они там засели, и как-то у них слишком тихо. Он слышал, как где-то далеко, может быть, за квартал отсюда, двое кричали друг на друга, а потом раздался какой-то грохот, похожий на выстрелы... но когда ты занимаешься таким делом, каким занимается Балазар, ты не слишком-то переживаешь о каких-то там выстрелах.

Крик. Это был крик?

Не важно. Мало ли что там творится за квартал отсюда... тебя это никак не заденет. Ты превращаешься в мнительную старушенцию.

И все равно: по всем признакам дело плохо. Просто погано.

— Джек? — выкрикнул он в сторону закрытой двери.

Никакого ответа.

Балазар открыл левый верхний ящик стола и достал пистолет. Это был не маленький «кольт-кобра», удобный для ношения в потайной кобуре, а здоровенный «Магнум-357».

— Чими! — позвал он. — Ты мне нужен!

Он резко задвинул ящик. С тихим шелестом карточная башня рухнула. Балазар даже и не заметил этого.

Чими Дретто — все его двести пятьдесят фунтов весу — возник в дверном проеме, заполнив его целиком. Он увидел, что Папа Босс достал из стола пистолет, и немедленно вытащил свой из-под клетчатого пиджака таких кричащих цветов, что стороннему наблюдателю вполне можно было бы заработать себе ожог сетчатки, если бы он имел неосторожность смотреть на него слишком долго.

— Мне нужны Клаудио и Трикс, — распорядился Балазар. — Быстро давай их сюда. Наш малыш, кажется, что-то удумал.

— У нас там проблема, — сообщил Чими.

Взгляд Балазара метнулся от двери туалета к Чими.

— У меня здесь своих полно, — сказал он. — Ну и что там у вас еще?

Чими облизал губы. Он не любил сообщать Папе Боссу плохие новости, даже при обстоятельствах более благоприятных... а уж когда Папа Босс смотрел на него так...

— Ну, — протянул он и опять облизал губы. — Видите ли...

— *А быстрее нельзя, мать твою?* — заорал Балазар.

19

Рукоятка из сандалового дерева была такой гладкой, что Эдди, впервые взяв револьвер, едва не уронил его себе на ногу. Он был таким большим, что казался вообще допотопным; таким

тяжелым, что Эдди решил держать его двумя руками. *Отдача,* предположил он, *вобьет меня в ближайшую стену, если эта штука вообще выстрелит.* И все-таки что-то в нем тянулось к этому револьверу, что-то в нем отвечало ясному предназначению оружия, сознавало его кровавую историю и хотело ее продолжить.

Его держали в руках только самые лучшие, подумалось Эдди. *По крайней мере до сих пор.*

— Ты готов? — спросил Роланд.

— Нет, но все равно давай.

Левой рукой он сжал левое запястье Роланда. Тот приобнял его за плечи горячей правой.

Вместе они *шагнули через «порог»,* из ветреной тьмы на пляже в умирающем мире Роланда, в прохладное свечение туалета в офисе Балазара в «Падающей башне».

Эдди моргнул, привыкая к свету, и услышал в соседней комнате голос Чими Дретто:

— У нас там проблемы.

Не у вас одних, подумал Эдди, и тут его взгляд наткнулся на аптечку. Дверца была открыта. Он вспомнил, как Балазар приказал Джеку обыскать туалет, а Джек спросил, есть ли там место, о котором он не знает. Прежде чем ответить, Балазар помедлил, а потом сказал: «На задней стенке аптечки есть небольшая панель. Я там держу кое-какие личные вещи».

Андолини отодвинул металлическую панель, но обратно задвинуть забыл.

— Роланд! — прошептал Эдди.

Роланд приложил к губам дуло своего револьвера, требуя тишины. Эдди беззвучно скользнул к аптечке.

Кое-какие личные вещи оказались бутылочкой с суппозиториями, номером иллюстрированного журнала под названием «Детские игры» (на обложке красовались две обнаженные девочки лет восьми, целующиеся взасос) и десятью упаковками кефлекса. Эдди знал, что такое кефлекс. Все наркоманы, подверженные всяким общим и локальным инфекциям, как правило, знают.

Кефлекс — это антибиотик.

— У меня здесь своих полно, — говорил Балазар за стенкой. Он явно торопился. — Ну и что там у вас еще?

Если уж это ему не поможет, тогда ничто уже не поможет, подумал Эдди. Он сгреб упаковки с лекарством и хотел было сунуть их в карман, как вдруг вспомнил, что у него нет карманов, и издал какой-то сухой лай, совсем не похожий на смех.

Он сложил упаковки в раковину. Потом они их заберут... если *будет* это потом.

— Ну, — говорил Чими. — Видите ли...

— *А быстрее нельзя, мать твою?* — заорал Балазар.

— Старший брат этого малыша... — начал Чими и умолк. Эдди замер, держа в руках последние две упаковки кефлекса, и склонил голову, прислушиваясь. Сейчас он действительно был похож на псину с обложки старых пластинок RCA Victor.

— Что с ним? — нетерпеливо спросил Балазар.

— Умер, — выдавил Чими.

Эдди уронил кефлекс в раковину и рывком повернулся к Роланду.

— Они убили моего брата, — сказал он.

20

Балазар открыл было рот, чтобы сказать Чими, дабы тот не приставал к нему с такой ерундой, когда есть проблемы гораздо важнее, как, например, это свербящее чувство, что малыш собирается его кинуть, пусть даже с ним там Андолини, и вдруг услышал голос парнишки так же явственно, как тот, вне всяких сомнений, слышал разговор Балазара и Чими:

— Они убили моего брата.

Внезапно Балазар перестал волноваться о своем товаре, о вопросах, оставшихся без ответа, о чем бы то ни было, кроме того, что надо бы остановить все это, пока ситуация не вышла из-под контроля.

— *Убей его, Джек!* — выкрикнул он.

Ответа не было. Потом он услышал, как малыш повторил:

— Они убили моего брата. Они убили Генри.

И внезапно Балазар понял — вот именно, *понял,* — что малыш обращается не к Джеку.

— Давай сюда всех джентльменов, — велел он Чими. — Всех до единого. Сейчас мы поджарим задницу этому говнюку, а потом оттащим его на кухню, и я лично откручу ему башку.

21

— Они убили моего брата, — сказал Узник.

Стрелок не сказал ничего. Он только смотрел и думал: *Эти бутылочки. В раковине. Это то, что мне нужно, или он так считает, что мне это нужно. Пакетики. Не забыть. Не забыть.*

Из другой комнаты:

— *Убей его, Джек!*

Ни Эдди, ни сам стрелок не обратили на это внимания.

— Они убили моего брата. Они убили Генри.

В соседней комнате Балазар рассуждал о том, как он отвинтит голову Эдди в качестве трофея. Стрелок находил в этом какое-то странное утешение: оказывается, они не такие и разные, эти два мира.

Тот, кого звали Чими, принялся громко орать, зовя остальных. Послышался вовсе не джентльменский топот бегущих ног.

— Ты собираешься что-то делать или так и будешь стоять здесь? — спросил Роланд.

— Да, кое-что я собираюсь сделать, — ответил Эдди и поднял револьвер стрелка. И хотя еще пару минут назад он был уверен в том, что ему придется держать этот револьвер двумя руками, сейчас обнаружилось, что он это делает с легкостью.

— И что же это? — Собственный голос показался Роланду каким-то далеким. Он еле держался, его сжигал жар лихорадки, но сейчас его охватил другой жар, слишком знакомый. Тот, который обуял его в Талле. Жар схватки, который сжигает все мысли, оставляя одно желание: прекратить думать и начать стрелять.

— Я собираюсь объявить им войну.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — сказал Роланд. — Но ты узнаешь. Сейчас мы войдем в ту комнату. Ты иди вправо, я — влево. Из-за руки.

Эдди кивнул. Они вышли — на свою войну.

22

Балазар думал, что выйдет Эдди, или Андолини, или и тот, и другой. Он совершенно не ожидал, что вместе с Эдди появится какой-то мужик, абсолютно ему незнакомый — с грязными черными волосами, в которых проглядывала седина, и лицом, как будто высеченным из камня десницей некоего жестокого божества. На мгновение он растерялся, не зная, в кого стрелять.

У Чими, однако, такой проблемы не возникло. Папа Босс расстроился из-за Эдди. Значит, сначала займемся Эдди, а об этом catzarro позаботимся позже. Чими тяжеловесно развернулся в сторону Эдди и трижды нажал на спусковой крючок своего автоматического пистолета. Гильзы сверкнули в воздухе. Эдди увидел, как здоровый детина поворачивается к нему, и, пригнувшись, рывком скользнул по полу, как какой-нибудь разбушевавшийся малый на конкурсе диско-танцев, который в пылу борьбы сбросил с себя свой костюмчик а-ля Джон Траволта и нижнее белье в

придачу; его мужское достоинство болталось туда-сюда, а голые колени сначала нагрелись, а потом обожглись о пол по мере нарастания силы трения. Прямо над ним в пластиковой панели под сучковатую сосну образовались три дырки. Осколки посыпались ему на плечи и голову.

Боже, не дай мне умереть таким голым и жаждущим дозы, взмолился Эдди, понимая прекрасно, что такая молитва не просто вопиющее богохульство, но еще и вопиющая нелепость. Но остановиться он не мог. *Пусть я умру, но пожалуйста, дай мне еще разок уколо...*

Револьвер в левой руке стрелка грохнул. Если на открытом морском берегу грохот выстрела был просто громким, то здесь, в помещении, он был оглушительным.

— *Боженька!* — сдавленно выкрикнул Чими Дретто. Удивительно, как он вообще сумел крикнуть. Грудь его внезапно проломилась, как будто кто-то швырнул в бочку кувалду. На белой его рубашке уже проступали алые пятна, словно на ней расцветали маки. — *Боже Иисусе! Боже Иисусе! Боже...*

Клаудио Андолини отшвырнул его в сторону. Чими с грохотом повалился на пол. Со стены свалились две фотографии в рамках. Одна из них, на которой Папа Босс вручал какому-то улыбающемуся пареньку кубок «Спортсмена года» на банкете Полицейской атлетической лиги, приземлилась Чими на голову. Осколки стекла рассыпались по его плечам.

— *Боже Иисусе,* — прошептал он в последний раз, и кровавая пена выступила на его губах.

Следом за Клаудио двинулся Трикс и еще один парень из тех, кто сидел в кладовой. В обеих руках Клаудио держал по автоматическому пистолету; у парня из кладовой была винтовка «ремингтон» со стволом, обрезанным так низко, что она походила больше на крупнокалиберный «дерринджер» с тяжелым случаем свинки; у Трикса Постино — скорострельный М-16, который он называл «чудесной машиной Рэмбо».

— Где мой брат, ты, урод наколотый? — заорал Клаудио. — Что ты сделал с Джеком?

Его, похоже, не слишком интересовал ответ, потому что он начал палить из обоих стволов, еще не закончив орать. *Я — труп,* сказал себе Эдди, а потом Роланд выстрелил снова. Клаудио Андолини отлетел назад, окутанный облаком собственной крови. Пистолеты выпали из его рук и, проехав по столу Балазара, грохнулись на ковер посреди разбросанных карт. Кишки Клаудио шлепнулись на стену за секунду до того, как он сам о нее ударился.

— *Прикончить* его! — вопил Балазар. — *Прикончить призрака! Мальчишка один не опасен! Он всего лишь наркоман с голой задницей! Призрака надо кончать! Застрелить его к черту!*

Он дважды нажал на спусковой крючок своего 357-го. «Магнум» стрелял почти так же громко, как револьвер Роланда. Пули его не прошили панели стены, у которой стоял Роланд, аккуратными дырочками — они разнесли панели в щепки по обеим сторонам от головы стрелка. Зазубренными лучами в дырки полился белый свет из уборной.

Роланд нажал на спусковой крючок.

Только сухой щелчок.

Осечка.

— *Эдди!* — выкрикнул он, и Эдди поднял свой револьвер и нажал на спусковой крючок.

Громыхнуло так, что на мгновение Эдди подумалось, что револьвер взорвался у него в руке, как тогда у Джека. Отдача не вмазала его в стену, как он опасался, но все-таки ощутимо дернула руку, рванув сухожилия.

Он увидел, как часть плеча Балазара исчезла в облаке алых брызг. Балазар завизжал, точно раненый кот, а Эдди завопил:

— *Наркоман не опасен? Ты так сказал? Так ты сказал, мудила? Хотел нас с братом прикончить? Я тебе покажу, кто опасен! Я тебе...*

Громыхнуло так, как будто кто-то швырнул гранату. Это парень из кладовой выпалил из своего «ремингтона». Эдди откатился в сторону. Очередь пробила, наверное, сотню мелких дырочек в стене и в двери туалета. Кое-где выстрел обжег голую кожу Эдди, и тот только теперь сообразил, что, если бы парень стоял чуть ближе, а площадь обстрела была меньше, он бы просто испарился.

Черт, все равно я уже покойник, сказал он себе, наблюдая за парнем из кладовой, который только что перезарядил свой дробовик и теперь прикладывал его к плечу. Он усмехался. Его желтые зубы явно давно не водили дружбу с зубной щеткой.

Господи, я умру от руки какого-то мудака с желтыми зубами, а я даже не знаю, как его звать, подумал Эдди словно издалека. *Но я хотя бы разочек попал в Балазара. Хотя бы это я сделал. Стрелял ли Роланд еще?* — Эдди не мог припомнить.

— Я возьму его! — весело заорал Трикс Постино. — Не мешай мне, Дарио! Уйди!

Но лишь только парень по имени Дарио отошел, Трикс открыл огонь из «чудесной машины Рэмбо». Тяжелый грохот автомата заполнил весь кабинет Балазара, в результате чего Эдди остался жив. Дарио уже взял его на мушку, но не успел он нажать на спуск, как очередь из автомата Трикса разрезала его пополам.

— *Прекрати, идиот!* — заорал Балазар.

Но Трикс либо не слышал, либо не мог уже остановиться, либо не хотел. Губы его растянулись в акульем оскале,

обнажив зубы, блестящие от слюны. Он поливал свинцом комнату от стены к стене. Панели на стенах рассыпались в пыль, фотографии в рамках взорвались облаками летящих осколков стекла. Дверь в уборную сорвали с петель. Рельефное стекло стойки душа разлетелось на кусочки. Трофей с благотворительного аукциона — Балазар приобрел его в прошлом году — зазвенел точно колокол, когда автоматная очередь прошлась по нему.

В фильмах люди часто убивают друг друга из ручного скорострельного оружия. В реальной жизни такое случается очень редко. А если случается, то только за первые три-четыре очереди (что мог бы, кстати, подтвердить и незадачливый Дарио, если бы только он мог теперь подтверждать). А после первых очередей с человеком, который пытается справиться с этим оружием, причем с любым человеком, даже с самым сильным, — происходят две вещи: ствол потихоньку поднимается вверх, а стрелка разворачивает вправо или влево в зависимости от того, к какому плечу он приставил приклад. Короче говоря, этим оружием может пользоваться только либо конченый идиот, либо кинозвезда: с тем же успехом можно пытаться застрелить кого-нибудь и отбойным молотком.

Эдди на пару мгновений застыл, буквально не в силах предпринять ничего более конструктивного, как только глядеть на этот образчик чистого идиотизма. Потом он увидел, как в дверь за спиной Трикса ломятся еще люди, и поднял револьвер стрелка.

— *Я возьму его!* — вопил Трикс с этаким истеричным восторгом любителя боевиков, который насмотрелся слишком много фильмов и теперь не различает уже, где граница между картиной, возникшей в его воспаленном воображении, и реальной жизнью. — *Я возьму его! Я возьму его! Я возьму...*

Эдди нажал на спуск и снес Триксу треть головы — от бровей и выше. Судя по поведению бедняги, хуже ему все равно не будет.

Боже правый, когда эти штуки стреляют, они действительно пробивают дыры, подумал Эдди.

Слева раздалось оглушительное БА-БАХ. Что-то пробило горячую выемку в его недоразвитом левом бицепсе. Он оглянулся и увидел, что Балазар целится в него из «магнума» из-за края усыпанного картами стола. Плечо Балазара представляло собой кровоточащую алую кашу. «Магнум» грохнул. Эдди пригнулся.

23

Роланд исхитрился припасть к полу, взять на мушку первого из джентльменов, ввалившихся в дверь, и нажать на спусковой крючок. Он только что провернул барабан, высыпал на ко-

вер использованные и невыстрелившие патроны и перезарядил револьвер. Он сделал это зубами. Балазар целился в Эдди. *Если и этот патрон не выстрелит, нам обоим конец.*

Но этот выстрелил. Револьвер грохнул, отдача дернула руку, Джимми Аспио упал на пол, 45-й выпал из мертвой руки.

Роланд заметил, как тот, кто был рядом с Джимми, отпрянул и, повалившись на пол, пополз по щепкам и осколкам стекла. Роланд сунул револьвер в кобуру. Сама мысль о том, чтобы снова перезарядить его без двух пальцев на правой руке, казалась дурацкой шуткой.

Эдди справлялся прекрасно. Хотя бы судя по тому, что он дрался обнаженным. А для мужчины это тяжело. Иногда просто невозможно.

Стрелок подхватил автоматический пистолет, из тех, которые выронил Клаудио Андолини.

— *Вы чего, парни, ждете?* — проорал Балазар. — *Господи! Разберитесь с ними!*

Большой Джордж Бьонди и еще один парень из кладовой вломились в дверь. Парень кричал что-то на итальянском.

Роланд ползком добрался до края стола. Эдди поднялся, нацелившись на дверь. *Он знает, что Балазар затаился и ждет только удобного случая, чтобы пальнуть, но он уверен, что мне уже нечем стрелять,* подумал Роланд. *Вот и еще один готов умереть за тебя, Роланд. За какие грехи тебе дана эта способность возбуждать в людях такую преданность?*

Балазар поднялся, не замечая стрелка, который подобрался к нему с фланга. Балазар был сейчас занят только одним: покончить наконец с этим чертовым наркоманишкой, из-за которого он поимел столько бед на свою голову.

— Нет, — проговорил стрелок.

Балазар обернулся, на его лице было написано изумление.

— Пошел ты... — начал было Балазар, разворачивая свой «магнум». Стрелок четыре раза пальнул в него из автоматического пистолета Клаудио. Дешевенькая штуковина. Ничем не лучше игрушки. Прикоснувшись к нему, стрелок почувствовал себя так, как будто он выпачкал руки, но все же этот маленький револьверчик сгодился на то, чтобы прикончить жалкого человечишку с его жалким оружием.

Энрико Балазар умер с выражением крайнего изумления на том, что осталось еще от его лица.

— Пока, Джордж! — сказал Эдди и нажал на спуск. К его несказанному удовольствию, снова раздался грохот. *В этом малыше нет ни одного порченого,* в каком-то бешеном исступлении подумал Эдди. *Мне, как видно, достался хороший ствол.* Джордж успел еще

выстрелить, а потом пуля Эдди отшвырнула его назад, валя с ног, как кеглю. Джордж промахнулся. Эдди вдруг охватило иррациональное, но отметающее все сомнения чувство: что револьвер Роланда наделен некой колдовской силой оберега. Пока он держит его в руках, с ним ничего не случится.

А потом наступила тишина — Эдди слышал лишь стоны несчастного, которого придавил Большой Джордж (когда Джордж свалился на Руди Векчино, так звали этого бедолагу, он сломал ему три ребра), и звон у себя в ушах. На мгновение он испугался, что уже никогда не будет слышать нормально. По сравнению с грохотом перестрелки, которая, кажется, завершилась, самый оглушительный рок-концерт звучал не громче радио, играющего где-то за два квартала.

Офис Балазара представлял собой картину полного опустошения. На комнату он походил теперь меньше всего. Его прежнее назначение даже и не угадывалось. Эдди огляделся, вытаращив глаза, как это бывает, когда очень юный парнишка видит что-то подобное впервые в жизни, но Роланд знал эту картину, и картина всегда была одинаковой. Громадное ли это поле битвы, где тысячи солдат полегли под огнем канонады, от винтовок, мечей, алебард, или маленькая комнатушка, где пять-шесть человек перестреляли друг друга, — в конце все сводилось к одному: еще один мертвый дом, еще один склеп, воняющий порохом и сырым мясом.

Стена между офисом и туалетом исчезла за исключением нескольких стоек. Все было усыпано битым стеклом. Потолочные панели, развороченные эффектной, но бесполезной стрельбой Трикса Постино, свисали как ошметки содранной кожи.

Эдди сухо откашлялся. Теперь он различал и другие звуки: гул возбужденного разговора, крики из бара и на улице, вдалеке — вой сирен.

— Сколько? — спросил стрелок Эдди. — Мы их всех уложили?

— Да, я думаю...

— Я тебе кое-что принес, Эдди, — выкрикнул из коридора Кевин Блейк. — Мне показалось, тебе оно пригодится в качестве сувенира на память. Видишь? — То, чего Балазару не удалось сотворить с младшим Дином, Кевин сделал со старшим. Он швырнул в дверь отрезанную голову Генри Дина.

Эдди увидел, что это, и закричал. Босой, он с криком рванулся к двери прямо по осколкам стекла и щепкам, не обращая на них внимания, стреляя на бегу, тратя последние патроны, оставшиеся в барабане огромного револьвера.

— *Нет, Эдди!* — крикнул стрелок, но Эдди его не слышал. Он вообще ничего не слышал.

Шестой патрон дал осечку, но теперь Эдди вообще ничего уже не понимал, кроме того, что его брат Генри мертв. *Ген-*

ри, они отрезали ему *голову,* какой-то вонючий сукин сын отрезал Генри голову, и сукин сын за это *заплатит,* о да, в этом можете не сомневаться.

Он бежал к двери, опять и опять нажимая на спусковой крючок, не замечая того, что револьвер давно уже не стреляет, что его ноги красны от крови и что Кевин Блейк вышел, низко пригнувшись, ему настречу, что в руках у него автоматический пистолет «лама» 38-го калибра. Рыжие волосы Кевина вились колечками и спиральками. Он улыбался.

24

Сейчас он очень огорчится, подумал стрелок, зная, что положиться ему можно только на удачу, чтобы попасть в цель из этого игрушечного пистолетика, не вызывающего никакого доверия, даже если он точно прицелится.

Когда он увидел, что солдат Балазара старается выманить Эдди, Роланд поднялся на колени и подпер левую руку кулаком правой, упрямо не обращая внимания на невыносимую боль. Другого шанса не будет. Боль не имеет значения.

Когда человек с рыжими волосами показался, расплывшись в улыбке, в дверном проеме, разума Роланда будто не стало, как это бывало всегда: глаз его видел, рука стреляла — и вот уже рыжеволосый распластался у той стены коридора с открытыми глазами и маленькой синенькой дыркой во лбу. Эдди стоял над ним, крича и рыдая, и снова и снова палил из пустого револьвера с рукояткой из сандалового дерева, как будто этот рыжеволосый был для него еще недостаточно мертв.

Стрелок ожидал смертоносной очереди, что разрежет Эдди пополам, и когда ее не последовало, он проникся уверенностью, что теперь все действительно закончилось. Если и были другие солдаты, они давно смылись.

Он поднялся на ноги, пошатнулся, едва не упав, и медленно пошел туда, где стоял Эдди Дин.

— Прекрати, — сказал он.

Эдди не слышал его: он продолжал палить в мертвого человека из пустого револьвера.

— Остановись, Эдди. Он мертв. Они все мертвы. У тебя ноги в крови.

Эдди не слышал его: он продолжал щелкать курком. Теперь возбужденные голоса стали ближе. Вой сирен тоже.

Стрелок схватил револьвер и потянул его к себе. Эдди повернулся к нему, и прежде чем Роланд успел понять, что

сейчас произойдет, Эдди ударил его в висок его же собственным револьвером. Роланд почувствовал на виске теплую струйку крови и упал, привалившись к стене. Стрелок попытался подняться — им пора выбираться отсюда и побыстрее, — но почувствовал, что сползает по стене вниз, несмотря на все усилия, а потом мир ненадолго исчез в колышущейся серой пелене.

25

Он был в отключке не более двух минут, но затем все же сумел собраться и подняться на ноги. Эдди куда-то делся: его больше не было видно в коридоре. Револьвер Роланда лежал на груди рыжеволосого мертвеца. Стрелок нагнулся, борясь с приступом головокружения, поднял револьвер и неуклюже опустил его левой рукой в правую кобуру.

Как бы вернуть мои чертовы пальцы, устало подумал он и вздохнул.

Он направился в развороченный офис — добрался туда кое-как, спотыкаясь на каждом шагу. Он нагнулся и собрал одежду Эдди: столько, сколько сумел унести на сгибе левого локтя. Вой сирен приближался. Роланд решил, что это, наверное, едут солдаты милиции, комендантский отряд, что-нибудь в этом роде... но не исключена и возможность, что это люди Балазара.

— Эдди, — прохрипел он.

В горле снова саднило. Оно болело даже сильнее, чем припухлость на виске, куда Эдди ударил его револьвером.

Эдди не замечал ничего. Он сидел на полу, прижимая к животу голову брата. Его трясло. Он рыдал. Стрелок оглянулся, ища глазами дверь на берег, и когда не увидел ее, испытал какое-то неприятное чувство, похожее на панический ужас. А потом вспомнил. Когда они оба по эту сторону, единственный способ вернуть дверь — войти с Эдди в физический контакт.

Он потянулся к нему, но Эдди отпрянул, не прекращая всхлипывать.

— Не прикасайся ко мне, — сказал он.

— Эдди, все кончено. Они все мертвы, и твой брат тоже мертв.

— *Не трогай моего брата!* — как-то по-детски выкрикнул Эдди, и его тело снова задрожало. Он прижал к груди отрезанную голову брата и уставился на стрелка глазами, полными слез.

— Он всегда обо мне заботился, понимаешь? — Эдди захлебывался от рыданий, так что стрелок с трудом его понимал. — Всегда. Почему я не сумел позаботиться о нем, лишь один раз, после всего, что он для меня сделал?

Да уж, он позаботился о тебе, хмуро подумал Роланд. *Посмотри на себя: сидишь тут и дрожишь, как будто ты скушал плод хинного дерева. Замечательно он о тебе позаботился.*

— Нам надо идти.

— Идти? — Впервые за все это время на лице Эдди отразилось хоть какое-то понимание, которое тут же сменилось тревогой. — Я никуда не пойду. И особенно в это жуткое место, где эти огромные крабы, или что там такое, сожрали Джека.

Кто-то ломился в дверь, требуя, чтобы ее немедленно открыли.

— Хочешь остаться тут и объяснять, откуда здесь все эти трупы? — спросил стрелок.

— Мне все равно. Без Генри все потеряло смысл. Все.

— Тебе, может быть, и все равно, — сказал Роланд, — но сюда впутаны и другие, Узник.

— *Не называй меня так!* — заорал Эдди.

— *Я перестану тебя так называть, когда ты докажешь, что можешь выйти из той темницы, в которой ты заперт!* — прокричал в ответ Роланд. Ему было больно кричать, но он все равно орал. — *Выброси этот кусок гнилого мяса и прекрати ныть!*

Эдди поглядел на него. Щеки мокрые. В глазах страх.

— ДАЮ ВАМ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС! — раздался снаружи громовой голос. Эдди подумал еще, что он до жути похож на голос ведущего какого-нибудь игрового шоу. — ПРИБЫЛА ГРУППА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ — ПОВТОРЯЮ: ПРИБЫЛА ГРУППА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ!

— Что меня ждет там, за дверью? — спокойно спросил Эдди Роланда. — Давай скажи мне. Если ты скажешь, я, может быть, и пойду с тобой. Только не лги, я узнаю, если ты мне солжешь.

— Возможно, смерть, — отозвался стрелок. — Но, прежде чем это случится, скучать тебе не придется. Я хочу, чтобы ты пошел вместе со мной на поиск. Конечно, все это может закончиться смертью... мы умрем все вчетвером в странном месте... — Глаза Роланда зажглись. — Но если мы победим, Эдди, ты увидишь такое, что ты и в мечтах себе не представлял.

— И что же?

— Темную Башню.

— А где эта Башня?

— Далеко-далеко от берега, где ты меня нашел. Я даже не знаю, как далеко.

— *Что это?*

— Я тоже не знаю... может быть, что-то вроде... болта. Центральная ось, которая держит все бытие. Все бытие, все время и все пропорции.

— Ты сказал: четверо. Кто остальные двое?

— Я их не знаю. Их еще нужно извлечь.

— Как ты извлек меня. Вернее, собираешься извлечь.

— Да.

Снаружи раздался какой-то взрыв, как будто грохнула мортира. Стекло на фасаде «Падающей башни» разлетелось на куски. В баре уже заклубились струйки слезоточивого газа.

— Ну? — спросил Роланд. Он мог бы схватить Эдди, силой вернуть двери существование и протащить его на ту сторону. Но он видел, как ради него Эдди рисковал жизнью, видел, как этот человек, подавляемый злым духом, вел себя с достоинством прирожденного стрелка, несмотря на пристрастие к зелью и на то, что он был вынужден драться в чем мать родила, и поэтому он хотел, чтобы Эдди сам принял решение.

— Поиски, приключения, Башни, миры, которые нужно завоевать. — Эдди слабо улыбнулся. Ни он, ни Роланд даже не обернулись, когда первые струи слезоточивого газа ворвались в помещение сквозь выбитые окна, с шипением расползаясь по полу. Первые едкие щупальца газа уже просачивались в кабинет Балазара. — Звучит даже лучше, чем «Марсианские истории» Эдгара Берроуза, которые Генри читал мне в детстве. Ты только забыл одну вещь.

— Какую?

— Прекрасных дев с голыми сиськами.

Стрелок улыбнулся:

— На пути к Темной Башне возможно все.

Эдди снова сотрясла дрожь. Он поднес голову Генри к губам, поцеловал холодную пепельно-серую щеку и осторожно отложил эту жуткую реликвию в сторону. Потом он поднялся.

— О'кей. У меня все равно нет планов на этот вечер.

— На, возьми. — Роланд протянул Эдди его одежду. — И надень хотя бы ботинки. Ты порезал все ноги.

Снаружи, на улице, двое фараонов в плексигласовых шлемах, бронежилетах и защитной спецодежде разнесли в щепки переднюю дверь «Падающей башни». В туалетной комнате Эдди (одетый только в трусы и кроссовки «Адидас») передал Роланду упаковки кефлекса, и Роланд сложил их в карманы джинсов Эдди. Когда Роланд закончил, он правой рукой приобнял Эдди за плечо, а Эдди сжал левую руку Роланда. Дверь появилась опять — прямоугольником темноты. Эдди почувствовал, как ветер иного мира треплет его слипшиеся от пота волосы. Он услышал плеск волн, набегающих на каменистый берег. Почувствовал запах соли. И несмотря

ни на что, несмотря на всю боль и горечь, ему вдруг захотелось увидеть эту Башню, о которой ему говорил Роланд. Очень-очень. А теперь, когда Генри мертв, что держит его в этом мире? Родители их давно умерли, постоянной девушки у него не было вот уже три года, с тех пор как он пристрастился к наркотикам, — только шлюхи, ширяльщицы и нюхачки. Ни одной стоящей. Всех к этой матери.

Они шагнули через порог, Эдди даже немного опередил Роланда.

Уже на той стороне его вдруг снова бросило в дрожь, а все тело его свело судорогой — первые симптомы острого героинового голодания. И еще — тревожная запоздалая мысль.

— Погоди! — крикнул он. — Мне на минуточку нужно вернуться! У него в столе! Или в соседнем кабинете! Товар! Если Генри держали подколотым, значит, там есть! Героин! Мне нужно! Нужно!

Он умоляюще посмотрел на Роланда, но лицо у стрелка было каменным.

— Этот этап твоей жизни уже завершился, Эдди, — сказал Роланд и преградил ему путь левой рукой.

— *Нет!* — закричал Эдди, вцепившись в стрелка. — *Ты не врубаешься! Мне нужно! МНЕ НУЖНО!*

С тем же успехом он мог бы царапать камень.

Стрелок захлопнул дверь.

Она издала тихий щелчок, означающий бесповоротное завершение, и упала плашмя на песок. Из-под краев ее взметнулись облачка пыли. Больше за дверью не было ничего, и надпись на ней пропала. Эти врата между мирами закрылись уже навсегда.

— НЕТ! — завопил Эдди, и чайки ответили ему криком, в котором как будто сквозило насмешливое презрение. Омароподобные твари нашептывали свои вопросы, как бы намекая, что он их расслышит гораздо лучше, если подойдет поближе, и Эдди упал на песок, продолжая кричать, и трястись, и корчиться в судорогах.

— Эта потребность пройдет, — сказал стрелок и достал одну упаковку лекарства из кармана джинсов Эдди, которые были очень похожи на его собственные штаны. Он опять сумел разобрать несколько букв, хотя и не все. *Чифлет,* так он прочитал это слово.

Чифлет.

Лекарство из того, другого мира.

— Смерть или спасение, — пробормотал Роланд и проглотил всухую две капсулы. Потом принял еще три таблетки *астина,* лег рядом с Эдди, обнял его как можно крепче, и уже через пару минут они оба заснули.

ПЕРЕТАСОВКА

Время, наступившее после этой ночи, в сознании Роланда представлялось распавшимся временем, временем сломленным, временем, которое перестало быть собственно временем. Он запомнил лишь вереницу образов, и мгновений, и пустых разговоров; образы проносились мимо, как карты в быстро тасуемой колоде: одноглазые валеты и тройки, девятки и кроваво-черная сучка — Паучья Королева.

Позже он спросил Эдди, сколько все это продолжалось, но Эдди тоже не знал. Время исчезло для них обоих. Время разрушилось. В аду не бывает времени, а каждый из них пребывал в своем собственном частном аду: Роланд — в аду заражения и лихорадки, Эдди — в преисподней ломки.

— Меньше недели, — сказал Эдди. — В этом я точно уверен.

— Откуда ты знаешь?

— Таблеток, которые я тебе дал, должно хватить на неделю. А потом мы посмотрим, что с тобой будет. Одно из двух.

— Либо я вылечусь, либо умру?

— Точно.

Перетасовка.

Когда сумерки растворяются во тьме ночи, раздается выстрел: сухой грохот, перекрывающий неизбежный и неотвратимый плеск волн, что разбиваются о пустой берег, — БА-БАХ! Пах-

нет порохом. *Похоже, у нас проблемы,* думает стрелок и тянется за револьвером, которого нет. О нет, это конец, это...

Но выстрелов больше не слышно, и чем-то запахло во тьме

перетасовка,

так хорошо, так вкусно. После всего этого долгого темного и сыпучего времени что-то готовится. Варится. Это не просто запах. Теперь Роланд различает треск хвороста и тускло-оранжевое мерцание маленького костерка. Иной раз, когда с моря тянет ветерком, он чует пахучий дым и еще один аромат, от которого слюнки текут. *Еда,* думает он. *Боже мой, я же голоден! А если я голоден, может быть, я поправляюсь.*

Эдди, пытается он сказать, но голоса нет. Горло болит, очень сильно болит. *Надо нам было взять и астина тоже,* думает он и пытается засмеяться: все снадобья — для него, и ни одного — для Эдди.

Появляется Эдди. В руках у него жестяная тарелка. Стрелок узнает ее тут же: тарелка из его собственного мешка. На ней — дымящиеся кусочки розовато-белого мяса.

Что? — пытается он спросить, но издает только слабый хрип.

Эдди читает по губам.

— *Я* не знаю, — говорит он раздраженно. — Но *я* от него не умер. Ешь, черт бы тебя побрал.

Он видит, что Эдди бледен, что Эдди трясет, чует, что пахнет от Эдди не то дерьмом, не то смертью, и понимает, что Эдди сейчас лихо. Он тянет руку, чтобы как-то его ободрить, успокоить, но Эдди отталкивает ее.

— Я тебя покормлю, — говорит он раздраженно. — Мать твою, если б я знал почему. Мне бы надо тебя убить. Я так бы и сделал, но вдруг подумал, что если ты один раз пробрался в мой мир, то, черт тебя знает, может, ты снова сможешь.

Эдди оглядывается по сторонам.

— Да и не улыбается мне сидеть здесь одному. В компании этих... ползучих.

Он опять смотрит на Роланда, и вдруг его сотрясает дрожь — такая сильная, что он едва не роняет тарелку с мясом. Но приступ скоро проходит.

— Ешь, черт тебя побери.

Стрелок ест. Мясо совсем не плохое — оно восхитительное. Он съедает три куска, а потом все опять расплывается

в попытке заговорить, но получается только сдавленный шепот. Эдди приникает ухом к его губам, хотя оно и отодвигается каждый раз, когда тело Эдди трясется в конвульсиях. Стрелок повторяет:

— На север. На север... по берегу.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, — шепчет он.

Эдди смотрит на него.

— Ты повернутый. Сумасшедший.

Стрелок улыбается и почти отключается, но Эдди бьет его по щеке. Бьет сильно. Голубые глаза Роланда широко раскрываются, и на мгновение в них загорается столько жизни и огня, что Эдди чувствует неловкость, а потом губы его расползаются в улыбке, больше похожей на оскал.

— Ладно, можешь отрубаться, — говорит он, — но сначала прими колеса. Пора. Во всяком случае, судя по солнцу. Так мне кажется. Я, правда, не был бойскаутом, так что я не могу говорить наверняка. Но, сдается мне, судя по солнцу, пора открывать контору. Открой ротик пошире, Роланд. Доктор Эдди даст тебе пилюльку, гребаный похититель детей.

Стрелок открывает рот, как младенец навстречу материнской груди. Эдди кладет ему в рот две таблетки и небрежно заливает их свежей водой. Роланд предполагает, что вода эта из ручья с холмов на востоке и она может быть ядовита. Эдди не знает, как различать хорошую и плохую воду. Но, с другой стороны, сам Эдди, кажется, в полном порядке, а выбора все равно нет. Ведь нет? Нет.

Он глотает, кашляет и едва не давится. Эдди равнодушно глядит на него.

Роланд тянется к нему.

Эдди пытается отодвинуться.

Но глаза стрелка пригвождают его к месту.

Роланд притягивает его так близко к себе, что чует запах болезни Эдди, а Эдди чует запах его болезни, и сочетание это вызывает у каждого омерзение и тошноту.

— Есть только два пути, — шепчет Роланд. — Я не знаю уж, как в твоем мире, но здесь их только два. Либо подняться и, может быть, выжить, либо умереть на коленях со склоненной головой, так что в нос тебе ударяет вонь из собственных подмышек. Но это... — Он кашляет. — Это не для меня.

— *Кто ты?* — кричит Эдди.

— Твоя судьба, Эдди, — шепчет стрелок.

— Почему бы тебе не сдохнуть в своем дерьме?

Стрелок хочет ответить, но не успевает: его вновь унесло во тьму, и карты летят

перетасовка.

БА-БАХ!

Роланд открывает глаза, видит миллиарды звезд, кружащихся в темноте, и закрывает снова.

Он не знает, что происходит, но надеется, что все в порядке. Колода все еще в игре, карты

перетасовка.

Еще куски свежего вкусного мяса. Он себя чувствует лучше. Эдди тоже выглядит получше, но он чем-то обеспокоен.

— Они подбираются ближе, — сообщает он. — Может, они и уроды, но все-таки не совсем тупые. Они знают, что я такое делаю. Каким-то образом они знают, и им это не нравится, и с каждым разом они подбираются все ближе. Нам бы надо чуть-чуть отойти до заката, если ты можешь двигаться. А то может так получиться, что это будет последний закат в нашей жизни.

— Кто? — Это уже не шепот, а что-то среднее между шепотом и настоящей речью.

— *Они.* — Эдди указывает в сторону моря. — ***Дад-а-чак, дум-а-чум*** и все это дерьмо. По-моему, они вроде нас, Роланд: готовы сожрать всех и вся, но чтобы при том не сожрали их.

Внезапно, в наплыве всепоглощающего ужаса, Роланд понимает, что это за розовато-белое мясо, которым кормил его Эдди. Говорить он не может. Тошнота подступает к горлу, не давая прорваться голосу. Но по его лицу Эдди читает все, что Роланд не сумел сказать.

— А что, ты думал, я делал? — Он едва ли не усмехается. — Позвонил в ресторан «Красный омар», чтобы прислали обед на дом?

— Они ядовитые, — шепчет Роланд. — Вот почему...

Ага, вот почему ты сейчас hors de comba*. А я-то стараюсь, Роланд, дружище, чтобы ты не стал еще и hors d'oeuvr**. А что касается ядовитых тварей, то вот, скажем, гремучая змея, она ядовита тоже, но в некоторых странах ее едят. И она очень вкусная. Как цыпленок. Я где-то это читал. Мне они напоминают омаров, вот я и решил попробовать. А что еще мы должны были есть? Грязь? Я подстрелил одного чипиздрика и приготовил из него конфетку. Здесь ничего съедобного больше нет. И уж если на то пошло, то они очень даже вкусные. Каждую ночь, когда солнце только садилось, я подстреливал

---

* выйти из строя (*фр.*). — *Примеч. пер.*

** закуска (*фр.*). — *Примеч. пер.*

одного. Они не очень активны, пока совсем не стемнеет. И я ни разу не видел, чтобы ты отказался откушать.

Эдди улыбается.

— Мне нравилось думать, что, быть может, какой-то из тех, кого я подстрелил, сожрал Джека. Мне нравилось думать, что я ем этого мудака. У меня, знаешь ли, настроение поднималось.

— Какой-то из этих сожрал и кусок от меня, — выдавливает стрелок. — Два пальца с руки, один — с ноги.

— Тоже круто. — Эдди продолжает улыбаться. Лицо его, бледное, с заострившимися чертами, напоминает акулью морду... но он выглядит все же уже не таким больным, а этот запах не то дерьма, не то смерти, что окружал его плотным облаком, начинает, похоже, рассеиваться.

— Трахни себя в задницу, — хрипит стрелок.

— Роланд проявил силу духа! — вопит Эдди. — Может быть, все-таки ты не откинешь копыта! Дорогуша! Это же ве-ли-ко-леп-ненько!

— Выберусь, — говорит Роланд. Шепот его превращается в хрип. Горло дерет, как рыболовными крючками.

— Да? — Эдди глядит на него, потом кивает и сам отвечает на свой вопрос. — Да. По-моему, ты выживешь. Хотя я уже пару раз думал, что ты кончаешься, а один раз мне показалось, что ты уже все. А теперь ты, похоже, выберешься. Это антибиотики помогли, но мне кажется, что ты сам себя *вытащил*. Но почему? Почему, мать твою, ты так стараешься выжить на этом долбаном берегу?

Башня, говорит он одними губами, не в силах выдавить даже хрип.

— А пошел ты со своей долбаной Башней, — говорит Эдди, уже отворачиваясь. Но тут же в изумлении поворачивается обратно, когда рука Роланда сжимает его запястье точно стальной наручник.

Они смотрят друг другу в глаза, и Эдди говорит:

— Ну хорошо. Хорошо!

На север, — шепчет стрелок одними губами. — *На север, я говорил уже. Говорил? Кажется, да. Но все как будто в тумане, затерялось в тасуемой колоде.*

— Откуда ты знаешь? — кричит Эдди в отчаянии, поднимает кулаки будто бы для того, чтобы ударить Роланда, но потом опускает.

Просто знаю — зачем ты тратишь мое время и силы, задавая дурацкие вопросы? — хочет ответить Роланд, но карты снова...

перетасовка

...а его тащат по берегу. Голова его беспомощно мотается из стороны в сторону. Он привязан к какой-то странной во-

локуше своими же собственными ремнями. Волокуша подпрыгивает и глухо ударяется о землю. Стрелок слышит, как Эдди Дин распевает какую-то жутко знакомую песню, и сперва ему кажется, что ему снится бредовый сон:

— Hey Jude... don't make it bad... take a sad song... and make it better...

Где ты слышал ее, Эдди? — хочет спросить он. *Может быть, я ее пел? И где мы?*

Но не успел он спросить, как все закружилось

перетасовка.

Если бы Корт такое увидел, он бы снес парню голову, думает Роланд, глядя на волокушу, на которой провел этот день, и смеется. Но смех его больше похож на плеск волн, набегающих на каменистый пляж. Он не знает, как далеко они с Эдди продвинулись, но все же достаточно далеко, чтобы Эдди выдохся окончательно. Сейчас, в сумеречном свете уходящего дня, Эдди сидит на камне с револьвером стрелка на коленях, а рядом валяется полупустой бурдюк. Карман рубахи его оттопырен. Там — патроны из задней части патронташа: убывающий запас «хороших». Эдди обмотал их куском, оторванным от своей рубахи. Но запас этот таял быстро, потому что каждый четвертый или пятый патрон из «хороших» на поверку оказывался пустышкой.

Эдди, который только что дремал, поднимает голову.

— Чего ты ржешь?

Стрелок трясет искалеченной рукой и качает головой. Потому что он понимает, что был не прав. Корт не стал бы сносить Эдди голову за эту убогую кривенькую волокушу. Роланд думает даже, что Корт бы его похвалил — причем хвалил он так редко, что мальчик, с которым подобное происходило, даже не знал, что ответить: он лишь хлопал глазами и открывал рот, как рыба, только что вытащенная из воды.

Каркасом для волокушки служили две тополиные ветви примерно одинаковой длины и ширины. Скорее всего бурелом, предположил стрелок. Каркас поддерживали ветки поменьше, которые Эдди закрепил посредством всего, что имелось в наличии: ремнями патронташа, клейкой лентой, которой он прикрепил к телу мешочки с бес-порошком, даже сыромятным шнурком от шляпы стрелка и шнурками своих кроссовок. Поверх веток он положил одеяло Роланда.

Корт не стал бы дубасить Эдди, потому что, несмотря на свою слабость, Эдди не ограничился тем, что плюхнулся на

задницу и принялся оплакивать злую судьбу. Он сделал *хотя бы что-то*. Он *попытался*.

И Корт наверняка похвалил бы Эдди в своей обычной резкой, грубоватой манере, потому что, какой бы дикой ни выглядела эта штука, она *сработала*. И доказательство тому — долгие следы, протянувшиеся вдоль берега, где они сходились на горизонте в единую точку.

— Ты их видишь? — спрашивает Эдди. Солнце опускается за горизонт, расплескивая по воде оранжевую дорожку, и стрелок соображает, что на этот раз он был в отключке часов шесть, если не больше. Он окреп и сам это чувствует. Он садится и смотрит на воду. Ни берег, ни пейзаж, простирающийся до западного склона гор, особенно не изменились, разве что только в деталях: например, комочек перьев, шевелящихся на ветру — мертвая птица ярдах в двадцати слева и в тридцати ярдах от кромки воды. Но, если не брать во внимание такие мелочи, они как будто и не сдвигались с места.

— Нет, — говорит стрелок. И чуть погодя: — Да. Вон там один.

Он показывает. Эдди всматривается и кивает. Солнце опускается ниже, и оранжевая дорожка на море постепенно окрашивается в цвет крови, первые омарообразные чудища выходят из волн и расползаются по каменистому берегу.

Двое неуклюже несутся наперегонки к дохлой чайке. Победитель набрасывается на нее, перерезает клешней пополам и начинает запихивать в пасть гниющие останки.

— *Дид-а-чик?* — вопрошает он.

— *Дуд-а-чум?* — отзывается второй. — *Дод-а...*

БА-БАХ!

Револьвер Роланда обрывает расспросы второго чудовища. Эдди спускается к нему и поднимает за хвост, не сводя настороженного взгляда с его собрата. Тот, однако, не доставляет ему никаких проблем: он занят чайкой. Эдди приносит добычу. Чудище еще корчится, воздевая и опуская свои клешни, но вскоре оно замирает. В последний раз выгибается хвост и потом просто падает, а не опускается медленно. Вяло повисают клешни.

— Кушать сейчас будет подано, хозяин, — говорит Эдди. — Выбирайте: филе из ползучего гада клешнистого или филе из клешнистого гада ползучего. Что вам больше понравится, хозяин.

— Я тебя не понимаю, — отвечает стрелок.

— Все ты понимаешь, у тебя просто нет чувства юмора. Куда оно делось?

— Отстрелили, наверное, где-нибудь на войне.

Эдди улыбается:

— Сегодня ты вроде уже оживаешь, Роланд.

— Мне тоже так кажется.

— Ну тогда, может, ты завтра сумеешь немного пройтись. Сказать по правде, дружище, я уже заколебался тебя тащить.

— Я постараюсь.

— Да уж, пожалуйста, постарайся.

— Ты тоже сегодня выглядишь получше. — На последних двух словах голос Роланда ломается, как у мальчишки. *Если я сейчас не замолчу*, еще думает он, *я скоро совсем не смогу говорить.*

— Сдается мне, я буду жить. — Эдди безо всякого выражения глядит на Роланда. — Ты ведь даже не знаешь, как близко я подходил к последней черте пару раз. Однажды я взял один из твоих револьверов и на полном серьезе приставил его к голове. Взвел курок, подержал так немного, а потом отложил. Осторожно освободил курок и засунул обратно тебе в кобуру. А ночью меня скрутило. Спазмы, судороги... По-моему, на вторую ночь, хотя не уверен. — Он качает головой и добавляет фразу, которую стрелок понимает и в то же время не понимает: — Теперь Мичиган для меня как сон.

Хотя голос его опять падает до хриплого шепота и сам он знает, что ему нельзя разговаривать, Роланд задает вопрос, потому что ему нужно знать:

— Почему ты не нажал на спуск?

— Ну, видишь ли, это теперь мои единственные штаны, — отвечает Эдди. — А в последнюю секунду я вдруг подумал, что, если сейчас я нажму на спуск, а это окажется очередная пустышка, я уже больше в жизни не наберусь смелости повторить этот опыт... а если ты наложил в штаны, нужно немедленно их постирать, иначе будешь вонять до конца дней своих. Это Генри мне так говорил. Он научился этому во Вьетнаме. А поскольку как раз была ночь и Омар Лестер пошел на прогулку, не говоря уж о всех его родственниках и приятелях...

Но стрелок уже хохочет, хохочет от души, хотя с губ его срывается только трескучий хрип. Эдди сам улыбается и говорит:

— Кажется, в той войне твое чувство юмора отстрелили только по локоть.

Он встает, чтобы сходить к холмам за дровами.

— Погоди, — шепчет Роланд, и Эдди ждет. — И все-таки почему?

— Потому, наверное, что я тебе нужен. Если бы я себя кокнул, ты бы пропал без меня. Ты бы точно коньки откинул. Потом, когда ты действительно встанешь на ноги, я, может, попробую еще раз. — Он смотрит по сторонам и глубоко вздыхает. — Может быть, где-нибудь в твоем мире есть Диснейленд или Кони-Айленд, но то, что я вижу сейчас, меня не особенно вдохновляет.

Он делает шаг, но медлит и оглядывается на Роланда. Лицо его мрачно и хмуро, но уже без болезненной бледности. Его больше уже не трясет, разве что изредка.

— Иногда ты меня абсолютно не понимаешь, да?

— Да, — шепчет стрелок. — Иногда нет.

— Тогда я тебе разъясню. Есть люди, которым необходимо быть нужными другим людям. Ты меня не понимаешь, потому что ты не такой человек. Сначала ты мной воспользуешься, а потом выбросишь, как ненужный бумажный пакет, если это потребуется. Друг хренов. Ты натура достаточно тонкая, чтобы тебе из-за этого было больно, и все же достаточно крепкая, чтобы идти напролом и использовать тех, кто рядом, если так будет нужно. Не из-за того, что ты такой мерзавец. Ты просто не сможешь иначе. Если я буду валяться тут на берегу и вопить о помощи, ты просто перешагнешь через меня, окажись я вдруг между тобой и твоей чертовой Башней. Я ведь правильно излагаю?

Стрелок молчит и только смотрит на Эдди.

— Но не все люди такие. Есть люди, которым необходимо, чтобы они были нужны другим. Как в той песне Барбры Стрейзанд. Банально, быть может, но верно. Просто еще один способ попасть в наркотический омут.

Эдди пристально смотрит на Роланда.

— Но, уж если на то пошло, ты у нас чистенький, правда?

Роланд молча глядит на Эдди.

— Если не считать Башни. — Эдди издает короткий смешок. — Ты наркоман, Роланд. Твой наркотик — Башня.

— Какая это была война? — шепчет Роланд.

— Что?

— На какой войне тебе отстрелили твое чувство благородства и чести?

Эдди вздрагивает, как будто Роланд влепил ему пощечину.

— Пойду принесу воды, — говорит он сухо. — Ты присматривай за этими клешнистыми и ползучими. Сегодня мы отошли далеко, но я так до сих пор и не понял, разговаривают они друг с другом или нет.

Он отворачивается, но Роланд еще успевает увидеть последние отблески алого солнца, отразившиеся на его мокрых щеках.

Роланд смотрит на берег. Роланд наблюдает. Омароподобные чудища ползают и вопрошают, вопрошают и ползают, но все как будто бесцельно: они разумны, но не настолько, чтобы передавать информацию своим собратьям.

Иной раз Бог губит исподтишка, не в открытую, думает он. *Не часто, но иногда так бывает.*

Эдди приносит дрова.

— Ну? — говорит он. — И что ты думаешь?

— У нас все в порядке, — хрипит стрелок, и Эдди что-то ему отвечает, но стрелок устал, и ложится на спину, и смотрит на первые звезды, что пробиваются сквозь фиолетовую завесу ночного неба, и...

Перетасовка.

За последующие три дня стрелок потихонечку выздоравливал. Красные полосы, расползавшиеся вверх по рукам, сперва поползли обратно, потом поблекли, потом исчезли. Назавтра он попробовал идти сам, хотя Эдди иногда приходилось тащить его. А уже на второй день его вообще не нужно было волочить: каждый час или два они делали небольшой привал, чтобы ноги его отдохнули. Именно во время этих коротких передышек и по вечерам, перед сном, когда ужин был съеден, а костер еще не догорел, стрелок услышал историю Генри и Эдди. Поначалу он все удивлялся, почему между братьями такие сложные отношения, но когда Эдди начал рассказывать, постоянно запинаясь и срываясь на гнев, смешанный с обидой, тот гнев, что обычно бывает вызван затаенной глубокой болью, Роланду захотелось его перебить и сказать: *Не волнуйся так, Эдди. Я все понимаю.*

Но он не стал, потому что Эдди бы это не помогло. Он говорил не для того, чтобы хотя бы словами воскресить мертвого брата. Он говорил для того, чтобы похоронить Генри с миром и чтобы напомнить себе, что, хотя Генри мертв, он, Эдди, еще жив.

Поэтому стрелок слушал молча.

Суть очень проста: Эдди был убежден, что он не дает Генри жить. А Генри был убежден, что он не дает жить Эдди. Генри дошел до этого сам или, быть может, из-за частых нотаций, которые мама читала Эдди и суть которых сводилась к тому, что она и Генри жертвуют для него очень многим, чтобы Эдди было безопасно в этих каменных джунглях, чтобы Эдди был *счастлив*, насколько вообще человек может быть счастлив в этих каменных джунглях, чтобы Эдди не кончил так же, как его бедная сестричка. Эдди, конечно, ее почти не помнил. Она была такой славной, хорошенькой, Боже, прими ее душу. Она сейчас в раю, в окружении ангелочков, там ей замечательно, но маме не хочется, чтобы Эдди сейчас оказался у ангелочков, чтобы его сбил какой-нибудь пьяный водитель, как его сестричку, или чтобы его прирезал какой-нибудь чокнутый наркоман, за какие-то жалкие двадцать пять центов выпустил ему кишки и они растекались бы по асфальту, а поскольку она уверена, что и сам Эдди тоже не хочет попасть к ангелочкам, то ему лучше слушаться старшего брата и не забывать, что ради любви к нему Генри жертвует многим.

Эдди признался Роланду, что мама даже и не подозревала о том, что они вместе с Генри творили: как они воровали комиксы из кондитерской на Ринкон-авеню или как курили у стены фабрики на Коухоус-стрит.

Однажды они увидели «шевроле» с ключами внутри, и хотя Генри едва ли умел водить машину — ему тогда было шестнадцать, а Эдди восемь, — он втащил брата в автомобиль и сказал, что они поедут в Нью-Йорк-Сити. Эдди перепугался и разревелся, Генри тоже испугался, разозлился на Эдди и стал кричать на него, чтобы он заткнулся, чтобы не был таким гребаным сосунком, что у него есть десять баксов и у Эдди тоже есть доллара три-четыре, что они могут смотреть кино хоть целый день, а потом на подземке приедут домой, мама даже не успеет накрыть к ужину стол и хватиться их. Но Эдди продолжал реветь, а у моста Куинсборо на боковой улице они заметили полицейскую машину, и хотя Эдди был абсолютно уверен, что фараон даже не посмотрел в их сторону, он ответил «да», когда Генри спросил его вдруг охрипшим голосом, засек ли их легавый. Генри побледнел и, выскочив из машины, понесся так, что едва не сбил пожарный кран. Он пробежал уже с квартал, а Эдди, тоже запаниковав, еще никак не мог справиться с незнакомой дверной ручкой. Генри остановился, вернулся и вытащил Эдди из машины. А еще влепил ему две оплеухи. Обратно в Бруклин они шли пешком, вернее, не шли, а крались. Добрались они уже к вечеру, а когда мама спросила, почему они оба такие потные, запыхавшиеся и измотанные, Генри ответил, что весь день учил Эдди играть в баскетбол на площадке в соседнем квартале, а потом заявились какие-то большие парни, и они убежали. Мама поцеловала Генри, улыбнулась Эдди и спросила: разве у него не самый лучший на свете старший брат? Эдди с ней согласился охотно и искренне. Он и сам так думал.

— В тот день он был перепуган не меньше меня, — сказал Эдди Роланду, когда они сидели, глядя на отблески заходящего солнца, пляшущие на поверхности воды, где скоро будет отражаться только свет звезд. — Действительно перепуган, потому что он думал, что тот фараон видел нас, а я знал, что нет. Он поэтому и побежал. Но потом вернулся. Это самое главное. Он *вернулся*.

Роланд молчал.

— Ведь ты понимаешь? — Эдди пристально и вопросительно поглядел на Роланда.

— Я понимаю.

— Он перетрусил, но он вернулся. И всегда возвращался.

Роланд подумал, что было бы лучше для Эдди, а в перспективе, быть может, лучше для них обоих, если бы Генри

тогда не вернулся... тогда или в любой другой раз. Но такие, как Генри, всегда возвращаются, потому что такие, как Генри, *знают,* как использовать человеческое доверие. Это — единственное, чем такие, как Генри, умеют пользоваться. Сначала они обращают доверие в необходимость, потом — необходимость в наркотик, а когда это случается, они — как там Эдди это назвал? — злоупотребляют. Да. Злоупотребляют им.

— Я, наверное, буду спать, — сказал стрелок.

На следующий день Эдди продолжил рассказ, но Роланд уже все знал наперед. В школе Генри не ходил ни в какую спортивную секцию, потому что не мог оставаться после уроков на тренировки. Генри надо было заботиться об Эдди. Тот факт, что Генри был не в меру тощим, несобранным, с плохой координацией и вообще не особенно интересовался спортом, не имел, разумеется, никакого значения; Генри мог бы стать замечательным баскетболистом или бейсболистом, как постоянно твердила им мать. Оценки у Генри всегда были низкими, и ему приходилось по нескольку раз повторять материал, но все это не потому, что Генри был тупарем. Эдди и миссис Дин знали, что Генри — ужасно умный и сообразительный мальчик. Просто Генри приходится тратить так много времени, заботясь о брате, в частности, и того времени, которое он мог бы посвятить школе и выполнению домашних заданий (тот факт, что забота о брате проявлялась обычно в том, что они оба сидели на диване в гостиной и смотрели телик или боролись в той же гостиной на полу, во внимание тоже не принимался). Плохие оценки означали, что Генри не примут ни в один университет, за исключением Нью-Йоркского, но его не взяли даже туда, а потом был призыв, и его загребли во Вьетнам, где ему отстрелили колено, боль была жуткой, и, чтобы унять ее, Генри давали морфий, а когда ему стало лучше, ему перестали давать наркотик и вроде бы отучили его от морфия, только не слишком-то хорошо, и Эдди вернулся в Нью-Йорк с «обезьяной на закорках», голодной обезьяной, которую нужно было кормить, и через пару месяцев он пошел «встретиться с одним парнем», а еще месяца через четыре, вскоре после смерти мамы, Эдди впервые увидел, как его брат вдыхает с зеркальца какой-то белый порошок. Эдди решил, что это кокаин. Но оказалось, что — героин. И если вернуться к самому началу, то чья в том вина?

Роланд молчал, вслушиваясь в голос Корта, вдруг зазвучавший в его мозгу: *«Вина, запомните, малыши, всегда лежит в одном месте — на человеке достаточно слабом, чтобы признать ее и спросить с себя».*

Когда правда раскрылась, Эдди сначала был в шоке, потом взбесился. Генри ответил ему не обещанием прекратить это дело, а просьбой не винить его: да, он знает, что тронулся умом,

что Вьетнам превратил его в бесполезный мешок с дерьмом, что он слаб, он уйдет, это лучше всего, Эдди прав, зачем ему в доме какой-то вонючий наркоман. Он просто надеется, что Эдди не будет его винить. Он стал слабаком, это он признает: что-то во Вьетнаме его сломало, что-то в нем сгнило, как сгнивают от сырости шнурки кроссовок. Вот и во Вьетнаме есть что-то такое, соприкоснувшись с чем, сердце твое начинает гнить, говорил со слезами Генри. Он просто надеется, что Эдди не забудет про все те годы, когда он пытался быть сильным.

Ради самого Эдди.

Ради мамочки.

Так что Генри попытался уйти. И, само собой, Эдди ему не позволил. Эдди терзался виной. Он видел этот зарубцевавшийся ужас на когда-то здоровой ноге, видел колено, где тефлона было больше, чем кости. Они долго орали друг на друга в коридоре. Генри стоял в своих старых хаки с набитой сумкой в руках и фиолетовыми кругами под глазами, Эдди — только в пожелтевших жокейских шортах. Генри кричал: «Я тебе не нужен, Эдди, я тебе отравляю жизнь, и я это знаю». Эдди вопил: «Ты никуда не пойдешь, возвращайся немедленно, шевели своей задницей». И так продолжалось, пока в коридор не выскочила миссис Магюрски и не заорала сама дурным голосом: «Уходи, оставайся, меня это не волнует, только давай соображай поживее, иначе я вызываю полицию». Она, похоже, хотела добавить еще пару пассажей, но тут вдруг заметила, что на Эдди нет ничего, кроме трусов, и, фыркнув: «Как неприлично, Эдди Дин!» — скрылась за дверью. Как чертик из табакерки, только в обратном порядке. Эдди взглянул на Генри. Генри взглянул на Эдди. «Как пупс-ангелочек, только слегка располневший», — сказал Генри, понизив голос, и они расхохотались, держась друг за друга, и Генри вернулся в квартиру, а еще через пару недель Эдди и сам тоже нюхал и никак не мог уразуметь, почему он из этого делал такую большую проблему, ведь они просто нюхают, черт, и балдеют, как говорит Генри (которого Эдди теперь про себя называл великим мудрецом и выдающимся наркоманом), в мире, который летит сломя голову в ад, как же не словить кайф напоследок?

Прошло время. Эдди не сказал сколько. Стрелок не спросил. Он догадался, что Эдди знал, что есть тысячи оправданий и ни одной причины «ловить кайф» и что он держал это свое пристрастие под строгим контролем. И что Генри тоже сумел взять свое под контроль. Не так хорошо, как Эдди, но все же достаточно, чтобы эта пагубная привычка не поглотила его целиком. Потому что если Эдди и не понимал (а в глубине души Роланд знал, что Эдди должен был понимать), то уж Генри-то осознал, что теперь они

поменялись ролями. Теперь Эдди держал Генри за ручку, когда они переходили улицу.

И вот пришел день, когда Эдди застал брата за тем, что он уже не нюхал, а кололся. Последовал очередной истерический спор, почти слово в слово повторивший первый, только теперь — в спальне у Генри. И закончился он почти так же. Генри плакал, и каялся, и защищался, и эта его неумолимая, неоспоримая защита была точно полное поражение, безоговорочная капитуляция: Эдди прав, такому, как он, вообще нельзя жить на свете, он недостоин даже подбирать отбросы из мусорных баков. Он уйдет. Эдди больше никогда его не увидит. Он только надеется, что Эдди не забудет...

Голос его растворился в глухом бормотании, чем-то похожем на шелест волн, набегающих на каменистый берег. Роланд молчал — он знал всю историю наперед. Это Эдди ее не знал, и только теперь, когда впервые за десять, если не больше, лет в голове у него прояснилось, он потихоньку начал осознавать все случившееся. Эдди рассказывал не для Роланда, а для себя.

И это правильно. Чего-чего, думал Роланд, а уж времени у них вдоволь. И разговор помогает его скоротать.

Эдди сказал, что ему не давало покоя колено Генри, шрам, идущий по всей ноге (все, конечно, давно зажило, Генри только чуть-чуть прихрамывал... и только когда они с Эдди ссорились, хромота становилась заметнее), ему не давало покоя все то, в чем Генри когда-то себе отказал ради него, и еще его мучила одна мысль, уже более прагматичная: Генри нельзя оставлять одного на улице. Он там не выживет. Как кролик, которого запустили в джунгли, где полно тигров. Предоставленный сам себе, Генри загремит в кутузку, не пройдет и недели.

Так что Эдди упрашивал, и Генри в конце концов оказал ему эту милость и согласился остаться, а спустя где-то полгода Эдди тоже начал колоться. С того момента все неудержимо понеслось вниз по крутой спирали вплоть до поездки Эдди на Багамы и вторжения Роланда в его жизнь.

Другой бы на месте Роланда, будь он чуть менее прагматичным и более склонным к самоанализу, непременно спросил (если не вслух, то хотя бы про себя): *Почему он? Почему все началось с этого человека, такого слабого, такого чужого и даже, может быть, обреченного?*

Но стрелок не только не задал такого вопроса — ничего подобного ему и на ум не пришло. Вот Катберт бы точно спросил. Катберт всегда задавал вопросы, он был отравлен вопросами и умер тоже с вопросом на устах. Теперь их нет. Никого не осталось. По-

следние питомцы Корта, тринадцать стрелков, которые продержались в классе, куда первоначально пришло пятьдесят шесть человек. Теперь они все мертвы. Все, кроме Роланда. Он — последний стрелок в этом мире, который стал затхлым, пустым и стерильным.

Тринадцать — плохое число, несчастливое, говорил им Корт накануне церемонии Посвящения. А назавтра, впервые за тридцать лет, Корт не присутствовал на церемонии. Его последние ученики пришли к его дому, чтобы, как подобает, преклонить перед ним колена, подставляя незащищенные шеи, потом подняться, принять поздравительный поцелуй и вручить учителю свои револьверы, чтобы он их в первый раз зарядил. Через девять недель Корт умер. Поговаривали, что от яда. А два года спустя началась последняя гражданская война. Кровавая резня докатилась до последнего бастиона цивилизации, света и здравомыслия, и смела все то, что им — наивным — казалось незыблемым, так же легко и небрежно, как морская волна смывает замок из песка, выстроенный ребенком.

Он остался последним. Может быть, он потому и выжил, что практичность и простота оттеснили в его натуре темную романтику. Он понял, что только три вещи имеют значение: смерть, *ка* и Башня.

Вполне достаточно, чтобы занять все мысли.

Эдди закончил свой долгий рассказ примерно в четыре часа на третий день их дороги на север по лишенному всяких примет берегу. Берег, казалось, совсем не менялся. Чтобы убедиться в том, что они не стоят на месте, приходилось смотреть на восток — направо. Там прежде зазубренные пики гор теперь сгладились и потихоньку становились ниже. Вполне вероятно, что еще дальше на севере они превратятся в пологие холмы — надо только дойти.

Закончив рассказ, Эдди надолго замолчал. Полчаса, если не больше, они прошли, не обмолвившись ни единым словом. Эдди искоса поглядывал на Роланда и даже не сознавал, что стрелок замечает эти взгляды: он все еще был погружен в себя. Роланд знал, чего Эдди ждет от него: ответа. Какого-нибудь ответа. Любого ответа. Дважды Эдди открывал рот, но так ничего и не сказал. Стрелок знал, что он хочет спросить, и наконец Эдди спросил:

— Ну? И что ты думаешь?

— Я думаю, что ты здесь.

Эдди остановился, уперев руки в боки.

— И это *все? Все?*

— Это все, что я знаю, — ответил стрелок. Раны на месте исчезнувших пальцев зачесались и разболелись. Сейчас ему очень бы не помешало еще *астина* из мира Эдди.

— У тебя что, никаких мыслей нету о том, что, мать твою, все это *значит?*

Стрелок мог бы поднять искалеченную правую руку и сказать: *А у тебя есть какие-то мысли по поводу того, что это значит, ты, тупой идиот?* — но ему даже и в голову не пришло ничего подобного точно так же, как и задаться вопросом, почему из всех людей во Вселенной ему в спутники достался именно Эдди.

— Это *ка,* — сказал он, спокойно глядя на Эдди.

— Что еще за *ка*? — Эдди был раздражен и зол. — Никогда о таком не слышал. Разве что если произнести это дважды, то получится слово, как дети дерьмо называют.

— Об этом я ничего не знаю, — сказал стрелок. — Здесь оно обозначает долг, или судьбу, или предназначение, или, если простым языком, место, куда тебе нужно пойти. Куда ты должен пойти.

Эдди удалось изобразить, как будто он одновременно испуган, испытывает крайнее отвращение и забавляется от души:

— Тогда скажи его дважды, Роланд, потому что, по мне, все равно это звучит как дерьмо.

Стрелок пожал плечами.

— Я не силен в философских проблемах. И историю я не учил. Я знаю только, что прошлое — это прошлое, а будущее — это будущее. То, что ждет тебя впереди, и есть *ка,* и оно как бы само по себе и ничему не подвластно.

— Да? — Эдди поглядел на север. — Насколько я вижу, все, что ждет меня впереди, это около девяти миллиардов миль этого сраного берега. Если *это — ка,* значит, они с «кака» — одно и то же. У нас еще, может быть, хватит хороших патронов, чтобы подстрелить пять-шесть этих омарообразных уродов, а потом нам придется кидать в них камнями. Так что куда мы идем?

Роланд про себя подумал, а задавал ли Эдди хоть раз этот вопрос своему брату, но спросить сейчас об этом означало начать долгий и бессмысленный спор, поэтому он сказал только, указывая на север:

— Для начала туда.

Эдди смотрел и не видел ничего, кроме все того же серого берега, покрытого ракушками и камнями. Он повернулся обратно к Роланду, собираясь уже отпустить какое-нибудь язвительное замечание, но, увидев суровую уверенность на его лице, опять стал вглядываться в даль. Он прищурился. Заслонил рукой левую половину лица от лучей заходящего солнца. Ему отчаянно хотелось увидеть хоть что-нибудь, *что-нибудь,* черт, пусть даже мираж, но там не было ничего.

— Можешь думать обо мне все, что угодно, — медленно проговорил он, — но я считаю, что это трюк, подлый и нечестный. Там, у Балазара, я ради тебя рисковал своей жизнью.

— Я знаю. — Стрелок улыбнулся. Он вообще улыбался редко, и эта улыбка осветила его лицо точно внезапный луч солнца в ненастный день. — Вот почему я поступил с тобой честно, Эдди, и не стал тащить тебя с собой силой. Она здесь. Я увидел ее еще час назад. Я сначала подумал, что это мираж или игра моего воображения, но она здесь. Без дураков.

Эдди опять повернулся туда и смотрел, пока на глаза не навернулись слезы. Наконец он сказал:

— Я ничего не вижу, только этот проклятый пляж, а зрение у меня стопроцентное.

— Я не знаю, что это значит.

— Это значит, что, если бы там что-то было, я бы это увидел! — И все-таки он сомневался. Кто знает, как далеко видит Роланд своими суровыми голубыми глазами. Может быть, только чуть дальше, чем Эдди.

А может быть, намного дальше.

— Ты увидишь ее, — пообещал стрелок.

— Что я увижу?

— Сегодня мы до нее не доберемся, но, если зрение у тебя хорошее, как ты говоришь, ты увидишь ее еще до того, как диск солнца коснется воды. Если только не будешь стоять тут на месте и разевать пасть.

— *Ка,* — съязвил Эдди.

Роланд кивнул совершенно серьезно:

— *Ка.*

— *Кака,* — добавил Эдди и рассмеялся. — Пойдем, Роланд. На экскурсию. И если я ничего не увижу до того, как диск солнца коснется воды, ты меня угощаешь цыпленком. Или биг-маком. *Чем угодно,* только не омаром.

— Пойдем.

Они зашагали вперед, и еще за час до того, как солнце коснулось линии горизонта, Эдди разглядел вдали какой-то непонятный силуэт — смутный, едва проступающий, как сквозь туман, еле различимый, но все-таки там что-то было. *Что-то новенькое.*

— О'кей, — сказал он. — Я вижу. У тебя зрение, наверное, как у супермена.

— Как у кого?

— Ладно, проехали. Мы имеем тяжелый клинический случай культурного отставания.

— Чего?

Эдди расхохотался:

— Ладно, проехали. Это что?

— Увидишь.

И стрелок двинулся дальше, прежде чем Эдди успел спросить что-нибудь еще.

Минут через двадцать Эдди решил, что он действительно видит. А еще через четверть часа он уже был абсолютно уверен. До этой штуки на берегу оставалось еще две-три мили, но он уже понял, что это. Дверь. Ну конечно. Еще одна дверь.

В ту ночь они спали плохо и наутро отправились в путь еще за час до того, как пики гор явственно проступили в дымке рассвета. Они добрались до двери одновременно с первыми лучами солнца — такого спокойного и надменного. Эти лучи, словно лампы, осветили их щеки, заросшие многодневной щетиной, и в беспощадном их свете стрелку снова было сорок, а Эдди казался не старше того Роланда, который вышел на бой с Кортом со своим оружием — соколом Давидом.

Эта дверь была точно такой же, как первая, только надпись на ней гласила:

ГОСПОЖА ТЕНЕЙ

— Ну вот, — тихо вымолвил Эдди, глядя на дверь, которая просто стояла на берегу, а петли ее крепились к какому-то неведомому косяку в проеме между двумя мирами, между двумя Вселенными. Она стояла с высеченным на ней сообщением, реальная, как скала, но таинственная, как свет звезд.

— Ну вот, — согласился стрелок.

— *Ка.*

— *Ка.*

— И отсюда ты должен извлечь второго из своей тройки?

— Похоже на то.

Стрелок понял, что собирается сделать Эдди, еще до того, как Эдди сам это осознал. Он увидел, как Эдди рванулся вперед, еще до того, как он сам сдвинулся с места. Роланд мог бы вывернуть руку Эдди и сломать ее в двух местах, прежде чем Эдди сообразил бы, что случилось, но стрелок даже не шевельнулся. Мало того: он позволил Эдди выхватить револьвер из правой своей кобуры. В первый раз в жизни Роланд позволил, чтобы кто-то прикоснулся к его оружию без разрешения. И все же он даже не шевель-

нулся, чтобы остановить это святотатство. Он лишь спокойно, едва ли не мягко, взглянул на Эдди.

Напряженное лицо Эдди так и пылало. Белки его выпученных глаз, казалось, горят. Он держал тяжелый револьвер обеими руками, и все равно дуло дрожало, мотаясь из стороны в сторону.

— Открывай, — сказал он.

— Ты ведешь себя глупо. — Голос стрелка оставался спокойным. — Мы с тобой оба не знаем, куда ведет эта дверь. Вовсе не обязательно, что она откроется в твою Вселенную, не говоря уж о том, чтобы в твой мир. Откуда нам знать, может быть, у Госпожи Теней восемь глаз и девять рук, как у Шивы. И даже если она откроется в твой мир, то, быть может, мы окажемся в далеком прошлом, задолго до твоего рождения, или в далеком будущем.

Эдди натянуто улыбнулся.

— Вот что я тебе скажу, приятель: я более чем охотно променяю резинового цыпленка и этот отпуск на засранном пляже на то, что меня ожидает за дверью номер два.

— Я не понимаю...

— Я знаю, что ты не врубаешься. Это не имеет значения. Просто открой эту хреновину.

Стрелок покачал головой.

Они стояли в лучах рассвета, и косая тень от двери тянулась к волнам отлива.

— *Открывай*! — заорал Эдди. — Я пойду с тобой! Ты въезжаешь? Я пойду с тобой! Это не значит, что я потом не вернусь. Может быть, я вернусь. То есть скорее всего я вернусь. Ты не думай, я не забыл, что ты для меня сделал. Но пока ты будешь там разбираться с этой теневой куколкой, я собираюсь зайти в ближайший «Цыплячий восторг» и взять там цыпленка навынос. Думаю, для начала сойдет «Семейный коробок».

— Ты останешься здесь.

— Думаешь, я шучу? — Эдди, казалось, сейчас взорвется. Стрелок почти воочию увидел, как тот заглянул в бурлящую бездну своего проклятия. Эдди взвел курок древнего револьвера. С рассветным отливом ветер с моря затих, и в тишине явственно щелкнул затвор. — Давай проверим.

— Давай проверим.

— *Я тебя пристрелю!* — заорал Эдди.

— *Ка,* — твердо проговорил стрелок, повернулся к двери и потянулся к ручке. Сердце его замерло в ожидании: жизнь или смерть?

Ка.

ГОСПИСЖА ТЕНЕЙ

Глава 1
ДЕТТА И ОДЕТТА

длер* когда-то сказал: идеальный шизофреник — если вообще таковой существует в природе — это такой человек, который не только не подозревает о существовании своего второго «я», но и пребывает в блаженном неведении о том, что с ним, или с ней, творится что-то не то. Конечно, он выразил эту мысль на своем профессиональном жаргоне.

Адлер не был знаком с Деттой Уокер и Одеттой Холмс.

I

— ...последний стрелок, — закончил Эндрю.

Он говорил уже долго, но Эндрю всегда говорил, а Одетта обычно позволяла его речам просто стекать с поверхности ее сознания, как вода в душе стекает по телу и волосам. Но сейчас эти слова не просто обратили на себя ее внимание — оно зацепилось за них, как за колючку.

— Прошу прощения?

— А, просто статья в газете, — сказал Эндрю. — Даже понятия не имею, кто ее написал. Как-то не обратил внимания. Ну этот, политик... Может, вы знаете, мисс Холмс. Я любил его, я даже плакал, когда его выбрали...

Одетта улыбнулась, невольно растрогавшись. Эндрю как-то сказал, что его бесконечная болтовня — это что-то такое, чего он остано-

* Адлер Альфред (1870–1937) — австрийский врач-психиатр и психолог. — *Примеч. ред.*

вить не может, и что он за нее не отвечает: это лезет наружу его ирландская душа, да он и болтает все больше о пустяках: квохчет и стрекочет о родных и друзьях, которых Одетта не знает и никогда не узнает, отпускает наивные политические замечания, рассуждает о всяких жутких и таинственных феноменах, комментируя столь же таинственные источники (помимо всего прочего, Эндрю непоколебимо верил в «летающие тарелки»), — но эти слова действительно ее тронули, потому что она сама плакала в тот день выборов.

— Но я не плакал, когда этот сукин сын... простите меня за грубость, мисс Холмс... когда этот сукин сын Освальд его застрелил, и с тех пор я вообще не плакал... уже месяца поди два будет?

Три месяца и два дня, подумала Одетта.

— Ну да, вроде того.

Эндрю кивнул.

— А вот вчера я прочел эту статью... вроде бы в «Дейли ньюс»... о том, что из Джонсона тоже получится неплохой президент, но это будет уже не то. Тот парень, который статью написал, говорит, что Америка проводила последнего в мире ковбоя, последнего стрелка.

— А мне кажется, что Джон Кеннеди никакой не стрелок. — Видно, голос ее прозвучал сейчас резче, чем привык Эндрю (а так, наверное, и было, потому что Одетта увидела в зеркальце заднего обзора, как он испуганно моргнул, скорее даже поморщился), именно потому, что она тоже растрогалась. Абсурдно, но факт. Что-то было такое в этой фразе — *Америка проводила последнего стрелка,* — что запало ей в душу. Это неправильно, несправедливо: Джон Кеннеди был миротворцем, а не этаким парнем в скрипучей коже типа Малыша Билли, который скорее в духе Барри Голдуотера*, — и все же от этих слов у нее по телу прошли мурашки.

— А еще этот парень писал, что в снайперах недостатка не будет, — продолжал Эндрю, нервно поглядывая на Одетту в зеркальце заднего обзора. — В этом смысле он упоминает Джека Руби**, потом еще Кастро, и этого парня на Гаити...

— Дювалье, — подсказала она. — Папу Дока.

— Во-во, и еще Дьем...

— Братьев Дьем уже нет в живых.

— Там просто написано, что Джон Кеннеди был не такой, как они, вот и все. Что и он хватался за револьвер, но только в том слу-

---

* Барри Голдуотер — американский политик, лидер Республиканской партии США в 1960-х годах. Известен своими ультраконсервативными взглядами. — *Примеч. ред.*

** Джек Руби — человек, по неизвестным причинам застреливший в 1963 г. Ли Харви Освальда, убийцу президента Кеннеди. — *Примеч. ред.*

чае, если кто-то слабее его в том нуждался и если других путей не было. И что Кеннеди был мужик умный и понимал, что иной раз разговорами делу не поможешь. Что бешеную собаку лучше всего пристрелить.

Он продолжал поглядывать на нее с опаской.

— Это я просто статью прочитал в газете.

Лимузин катил уже по Пятой авеню, по направлению к западному входу в Центральный парк, фигурка на капоте рассекала студеный февральский воздух.

— Да, — мягко проговорила Одетта, и напряженный взгляд Эндрю немного расслабился. — Я понимаю. Я не согласна, но я понимаю.

Ты лжешь, сказал внутренний голос. Он частенько ее донимал. Она даже придумала для него название. Это был голос-стимул. *Ты все понимаешь, и ты согласна. Можешь лгать Эндрю, если тебе так хочется, но, ради Бога, не лги себе, женщина.*

И все же какая-то часть души воспротивилась, объятая ужасом. В этом мире, превратившемся в ядерную пороховую бочку, на которой сидело уже около миллиарда человек, было бы страшной — если не самоубийственной — ошибкой верить в то, что есть какая-то разница между хорошими и плохими стрелками, снайперами, как назвал их Эндрю. Слишком много трясущихся рук держат зажигалки очень близко к запалам. В этом мире стрелкам больше нет места. Если и было их время, оно прошло.

Прошло ли?

Она на мгновение прикрыла глаза и потерла себе виски. Она ощущала приближение нового приступа головной боли. Иногда боль угрожающе надвигалась, как зловещий грозовой шквал в жаркий летний полдень, а потом уносилась прочь... как эти летние тучи порой уходят, чтобы обрушить на землю свои громы и молнии где-нибудь в другом месте.

Однако на этот раз ей показалось, что буря вряд ли пройдет стороной. Она грянет всей своей мощью: с громом, молниями и градинами размером с мячик для гольфа.

Уличные фонари на Пятой авеню, казалось, горели слишком уж ярко.

— Ну и как там в Оксфорде, мисс Холмс? — несмело полюбопытствовал Эндрю.

— Сыро. Февраль на дворе, а там сыро. — Она умолкла, уговаривая себя не произносить тех слов, которые, как желчь, подступили к горлу, заставляя себя проглотить этот горький комок. Сказать их было бы неоправданной и бесполезной жестокостью. Слова Эндрю о последнем в мире стрелке — это просто очередная порция его

словесного поноса. И все-таки они были последней каплей, переполнившей чашу, и слова, которые она не хотела произносить, хлынули через край. Она очень надеялась, что ее голос звучит, как обычно, спокойно и твердо, но ведь себя не обманешь: она понимала, что поступает опрометчиво, но остановиться уже не могла:

— Разумеется, поручитель явился безотлагательно; его уведомили заранее. Но они нас мордовали до конца, и я тоже держалась до конца, но на этот раз они, как мне кажется, взяли верх, потому что я в конце напрудила в трусы. — Одетта увидела в зеркальце, как Эндрю снова поморщился, и ей захотелось остановиться, но она не смогла. — Видишь ли, они вроде бы хотят преподать тебе урок. Отчасти чтобы напугать тебя, потому что перепуганный человек уже не заявится к ним в драгоценный их южный край и больше не станет их донимать и возмущать их спокойствие. Но мне еще кажется, что они все — даже самые тупари, а они там тупари далеко не все — знают, что в конце концов перемены наступят, как бы они ни старались, и пытаются поунижать тебя, пока они еще в силе, а то вдруг больше случая не представится. Хотят показать, что тебя *можно* унизить. Ты можешь клясться перед Богом-Отцом, и Сыном, и всем сонмом святых, что ты никогда, никогда, ни при каких обстоятельствах не запятнаешь себя, но если они за тебя возьмутся, то ты еще как запятнаешь. Как миленький. А урок заключается в том, что ты просто животное в клетке. Всего лишь животное в клетке. Так что я напрудила в трусы. Я все еще чувствую запах мочи и этой чертовой камеры. Понимаешь, они полагают, что мы происходим от обезьян. И мне действительно сейчас кажется, что от меня разит обезьяной.

В зеркальце заднего обзора она увидела глаза Эндрю и пожалела о сказанном. Иной раз случается, что ты не можешь сдержать не только мочу.

— Простите, мисс Холмс.

— Нет. — Она снова потерла виски. — Это мне надо просить прощения. Тяжелые были денечки, Эндрю, все три.

— Да уж, — выдавил он голосом потрясенной старой девы, так что Одетта невольно расхохоталась. Но в душе ей было не до смеха. Она думала, что знает, куда лезет, и что полностью представляет себе, как ей несладко придется. Она обманулась.

Тяжелые три денечка. Можно сказать и так, а можно иначе: три дня в Оксфорде, штат Миссисипи, были короткой экскурсией в ад. Есть вещи, которые ты никогда никому не расскажешь. Скорее умрешь, но не расскажешь... пока не предстанешь перед судом Всевышнего, где, как она полагала, можно будет принять даже ту правду, что сейчас порождает адскую бурю в этом странном сером желе между двумя ушами (ученые утверждают, что в этом

сером желе нет нервов, но если это не исключительная наколка, то тогда что же?).

— Я хочу одного: поскорее домой и в душ, в душ, в душ, а потом спать, спать, спать. Будем надеяться, к завтрашнему дню я приду в себя.

— Ну конечно! Встанете как огурчик! — Эндрю явно хотел извиниться за что-то, но лучших слов не нашел. Больше он не сказал ничего, не рискуя продолжать этот разговор. Так что к серому кварталу викторианских домов на углу Пятой и южного входа Центрального парка они подъехали в непривычном молчании — к весьма фешенебельному кварталу викторианских домов, при виде которого в душе Одетты всегда пробуждалась тяга к разрушению. Она прекрасно знала, что в этих роскошных квартирах живут люди, которые никогда с ней не заговорят, если только в том не возникнет крайней необходимости, но это ее не особенно волновало. К тому же она была выше их, и они это *знали*. Выше их и над ними. Не один раз ей приходило в голову, что кое-кого из них просто бесит, что в квартире пентхауса живет черномазая — и это в старом приличном доме, куда в свое время чернокожие допускались только в белых перчатках лакеев или в кожаных черных перчатках шоферов. Она очень надеялась, что их это бесит, и ругала себя за такую нехристианскую озлобленность по отношению к ближнему своему, но ей хотелось, чтобы они бесились, она не смогла тогда сдержаться и напрудила прямо в свои дорогие шелковые трусики, точно так же она не могла сдержать и этот поток злорадства. Это низко, не по-христиански и нехорошо... нет, даже очень плохо: в том по крайней мере, что касается Движения, это вообще приводит к обратным результатам. Скоро они завоюют права, за которые борются. Может быть, уже в этом году: Джонсон, памятуя о наследии, что досталось ему от убитого президента (и, возможно, надеясь забить еще один гвоздь в гроб Барри Голдуотера), сделает больше, чем просто просмотрит Акт о гражданских правах, — если будет нужно, он придаст ему силу закона. Так что ушибы и оскорбления надо свести к минимуму. Работа еще предстоит немалая. И ненависть ей не поможет. Наоборот: ненависть может ее испортить.

Но иногда ты все равно ненавидишь.

И этому тоже ее научил Оксфорд.

2

Детту Уокер абсолютно не интересовало Движение, да и жила она в обстановке более скромной: на чердаке облупившегося многоквартирного дома в Гринвич-Виллидж. Одетта и знать не знала про этот чердак, равно как и Детта не ведала о пентхаусе,

а единственным человеком, подозревавшим, что что-то неладно, был Эндрю Фини, шофер. Он поступил на работу к отцу Одетты, когда той было четырнадцать, а Детты Уокер еще и на свете не было.

Временами Одетта исчезала. Иногда на несколько часов, иногда на несколько дней. Прошлым летом она пропала на три недели, и Эндрю уже собирался звонить в полицию, но в тот вечер Одетта сама позвонила ему и попросила подать машину завтра в десять: она хочет проехать по магазинам.

С его губ едва не сорвался крик: «Мисс Холмс! И где это вы пропадали?» Но он уже спрашивал раньше, а в ответ получал лишь недоуменные взгляды — действительно недоуменные взгляды, в этом он мог поклясться. «Нигде я не пропадала, — скажет она. — Ты что, Эндрю? Ты же сам каждый день возишь меня в два, а то и в три места. У тебя, я надеюсь, нет еще старческого склероза, а?» А потом рассмеется, как будто сегодня у нее особенно замечательное настроение (а так всегда и бывало после этих исчезновений), и ущипнет его за щеку.

— Хорошо, мисс Холмс, — сказал он. — Завтра в десять.

В этот раз ее не было три недели. Эндрю положил трубку, закрыл глаза и вознес краткую благодарственную молитву Пресвятой Деве о благополучном возвращении мисс Холмс. Потом позвонил Говарду, привратнику в ее доме.

— Она когда пришла?

— Минут двадцать назад, — сказал Говард.

— Кто ее привез?

— Без понятия. Ты же знаешь, как это бывает. Каждый раз — новая машина. Иногда они останавливаются за углом, я их вообще не вижу и даже не знаю, что она вернулась, пока мне не позвонят. Смотрю, а это она. — Говард помедлил и добавил: — У нее на щеке здоровенный синяк.

Говард был прав. Синяк был действительно здоровенный, но он уже начал сходить. Эндрю не хотелось даже думать о том, каким он был в свежем виде. Мисс Холмс спустилась ровно в десять. Одетая в шелковый сарафан с бретельками не толще спагеттины (дело было в конце июля). Синяк на щеке уже начал желтеть. Она предприняла чисто символическую попытку скрыть его под макияжем, словно зная, что чрезмерные старания замазать синяк только привлекут к нему еще больше внимания.

— Как это вас угораздило, мисс Холмс? — спросил он.

Она весело рассмеялась:

— Ты же знаешь, Эндрю, какая я неуклюжая. Я вчера выходила из ванной, и у меня рука соскользнула с поручня... я в спешке мылась, чтобы успеть новости посмотреть. Шлепнулась и приложилась щекой. — Она уставилась на его лицо. — А ты, я

смотрю, уже собираешься талдычить насчет докторов и осмотров, да? Можешь не отвечать: за столько лет я научилась видеть тебя насквозь. Я все равно никуда не пойду, ни к каким врачам, так что даже и не проси. Со мной все в порядке. Вперед, Эндрю! Я намерена скупить пол-«Сакса» и весь «Джимбелс», а в промежутке съесть все, что подают в «Четырех временах года».

— Да, мисс Холмс, — сказал Эндрю и улыбнулся вымученной улыбкой, стоившей ему немалых усилий. Синяк был явно не вчерашний, а как минимум недельной давности... но он все равно промолчит, разве нет? Всю эту неделю он звонил ей каждый вечер ровно в семь часов, потому что, если хочешь наверняка застать мисс Холмс дома, надо звонить к началу новостей Хантли-Бринкли. Мисс Холмс — заядлая поклонница этой программы. Она смотрит ее каждый вечер. Вот только вчера не смотрела. Вчера он приехал и выпросил у Говарда ключ. В нем зрело настойчивое убеждение, что с ней действительно случилась какая-то неприятность вроде той, о которой она рассказала... только дело не ограничилось синяками или переломами: она умерла, умерла в одиночестве, и сейчас, в этот самый момент, лежит там мертвая... Он вошел. Сердце бешено колотилось. Он себя чувствовал точно кот в темной комнате, поперек которой растянуты струны для пианино. Оказалось, он зря психовал. На кухонном столе стояла забытая масленка, и хотя крышка была закрыта, масло успело покрыться плесенью. Он вошел в десять минут восьмого и ушел через пять минут. Во время быстрого осмотра квартиры он заглянул и в ванную. Там было сухо. Полотенца сложены аккуратно, может быть, даже слишком аккуратно. Все поручни в ванной блестели сухим металлом. Ни капли влаги.

Он знал, что его не было — этого случая, о котором она рассказала.

Однако Эндрю не думал, что она солгала. Она сама верила в то, что сказала.

Он взглянул в зеркало заднего обзора и увидел, как она легонько, кончиками пальцев, растирает виски. Это ему не понравилось. Обычно она терла себе виски перед тем, как опять исчезнуть.

3

Эндрю не стал глушить двигатель, чтобы печка работала и мисс Холмс сидела в тепле. Сам он пошел к багажнику. Глядя на два ее чемодана, он снова поморщился. Выглядели они так, как будто взбешенные мужики с явной нехваткой мозгов, но зато с

крепкими телесами долго и нудно пинали их со всех сторон, отделав их так, как они не решились отделать мисс Холмс, как они обработали бы и его, например, окажись он тогда там. И дело совсем не в том, что она женщина; она черномазая, наглая черномазая с Севера, которая сует нос туда, куда бы ей лезть не надо. По их мнению, такая женщина вполне заслуживает того, на что она так нарывается. Дело в том, что она состоятельная черномазая. И что американские граждане знают ее разве что чуть похуже Медгара Эверса или Мартина Лютера Кинга. Дело в том, что ее черномазая физиономия красовалась на обложке «Тайм», и было бы затруднительно отдубасить такую особу, а потом с невинным видом говорить: «Чего? Нет, сэр. Нет, начальник. Мы и в глаза-то ее не видели. Никого даже похожего не было, правда, парни?» Дело в том, что это действительно проблематично — распалить себя до такой степени, чтобы ударить единственную наследницу «Холмс дентал индастрис», когда у них там на солнечном Юге двенадцать заводов «Холмс», один из которых в соседнем с Оксфордом округе.

Так что, не осмелившись тронуть мисс Холмс, они лупили ее чемоданы.

Он смотрел на эти немые свидетельства ее пребывания в Оксфорде со смешанным чувством стыда, ярости и любви — столь же немым, как и вмятины на чемоданах, которые были такими красивыми, а вернулись побитыми и помятыми. Он смотрел, не в силах сдвинуться с места, и дыхание его струйками пара вырывалось в морозный воздух.

Говард уже шел помочь, но Эндрю помедлил еще мгновение, а потом взялся за ручки чемоданов. *Кто вы, мисс Холмс? Кто вы на самом деле? Куда вы время от времени пропадаете, и чем вы таким занимаетесь, неужели таким нехорошим, что потом вам приходится сочинять всякие небылицы, чтобы солгать даже себе самой?* И буквально за миг до того, как подоспел Говард, в голове у него пронеслась странная мысль, так пугающе уместная: *Где вы еще? Где остальное?*

Немедленно прекрати так думать. Если кому-то и нужно об этом поразмыслить, так это самой мисс Холмс, а она вроде бы не проявляет такого намерения, так что и ты прекращай.

Эндрю вытащил из багажника чемоданы и протянул их Говарду. Тот спросил, понизив голос:

— У нее все нормально?

— По-моему, да. — Эндрю тоже понизил голос. — Просто она устала. Устала до самого, как говорится, нутра.

Говард кивнул, подхватил побитые чемоданы и пошел к подъезду, только на минуту задержавшись, чтобы легонько коснуться полей шляпы, уважительно приветствуя Одетту Холмс, которую было почти не видно за тонированным стеклом.

Когда он ушел, Эндрю вытащил со дна багажника сложенную конструкцию из нержавеющей стали и начал ее расправлять. Кресло-каталка.

19 августа 1959 года, примерно пять с половиной лет тому назад, часть Одетты Холмс от колен и ниже перестала существовать, точно так же, как выпадают в небытие часы и дни ее странных исчезновений.

4

До несчастного случая в подземке Детта Уокер реально осознавала происходящее всего несколько раз — так высятся над океаном коралловые острова, с виду отдельные образования, а на самом деле — вершины огромного архипелага, скрытого под водой. Одетта и не подозревала о существовании Детты, да и Детта не знала, что есть такая Одетта... но Детта по крайней мере ясно осознавала, что с ней *что-то* не так, что в ее жизни происходит нечто, мать его, странное. Смутные воспоминания о том, что происходило с ней, когда Детта завладевала ее телом, Одетта приписывала не в меру разыгравшемуся воображению. Детта, будучи не столь смышленой, до этого не доходила. Она действительно кое-что вспоминала, но далеко не все, и происходило это крайне редко.

Детта хотя бы частично осознавала эти *провалы*.

Она помнила о фарфоровом блюдце. О нем она помнила. Помнила, как опускает его в карман платья, то и дело поглядывая через плечо, чтобы убедиться, что Синяя Тетка за ней не подглядывает. Потому что блюдце принадлежало Синей Тетке. Детта смутно сознавала, что это блюдце *особенное*. Потому она его и взяла. Еще она помнила, что отнесла его в одно место, которое она называла (хотя она и не знала, откуда взялось это название) Отстойником, — к дымящейся мусорной яме, где она как-то увидела обожженного младенца с пластиковой кожей. Она помнила, как осторожно поставила блюдце на землю и уже собиралась на него наступить, но потом остановилась, чтобы снять трусики и положить их в тот же карман, где лежало блюдце, а дальше она осторожно провела указательным пальцем левой руки по прорези в том самом месте, где Старый Глупенький Бог соединил ее ноги неплотно. И не только ее, а всех на свете женщин и девочек. И все-таки *кое-что* в отношении этого места задумано было неплохо, потому что она помнила приятный толчок, помнила, как ей захотелось еще сильнее надавить, но она все-таки не надавила, помнила приятное ощущение обнаженности, когда хлопчатобумажные трусики не мешали ей слиться с миром, а она все-таки не надавила, пока ее туфелька —

черная кожаная лакированная — не надавила на блюдце, и вот тогда она надавила пальцем на эту свою прорезь, точно так же, как надавила ногой на *особенное* блюдце Синей Тетки, она помнила, как черная лакированная туфелька накрывала тоненькую синюю паутинку, идущую по кромке блюдца, она помнила об этом *давлении*, да, она помнила, как вдавливает блюдце в Отстойник, давит ногой и пальцем, помнила о восхитительном предвкушении от соединения пальца и прорези, помнила, что, как только блюдце треснуло с горьким и хрупким хрустом, такое же хрупкое удовольствие хлынуло вверх от прорези к самым глубинам нутра, пронзая его, как стрела; она помнила, как с ее губ сорвался крик, неприятный и хриплый, как карканье вороны, которую спугнули со жнивья, она помнила, как тупо смотрела на осколки блюдца, потом медленно доставала из кармана свои простые хлопчатобумажные трусики и надевала их, *исподнее*, она как-то слышала это название, но память не зафиксировала когда именно, и теперь бескрайний океан времени волнами прилива вынес это слово как водоросли, на поверхность ее памяти; *исподнее*, очень верно, потому что сначала ты разоблачаешься, как бы выходишь из него, чтобы сделать свои дела, а потом возвращаешься внутрь, к исподнему — сначала одна черная блестящая туфелька, потом вторая, как хорошо, как приятно, она отчетливо помнила, как трусики скользили по ногам, по коленям, засохшая корочка на левом уже скоро отвалится, обнажив розовую, как у младенца, кожицу, да, она помнила прекрасно, как будто это все было неделю назад, или вчера, или буквально минуту назад, она помнила, как пояс трусиков дошел до подола платья, помнила четкий контраст белого хлопка и черной кожи, как сливки, да, именно как сливки, льющиеся из кувшина в чашку кофе, и вот трусики уже под подолом, и теперь уже платье стало ярко-оранжевым, а трусики ползут не вверх, а вниз, они такие же белые, но уже не хлопчатобумажные, а нейлоновые, дешевенькие прозрачные нейлоновые трусики, дешевые не в одном только смысле, она помнила, как они соскользнули, как поблескивали на коврике «доджа де-сото-46», да, какими они были белыми, какими дешевыми, их уже не назовешь исподним: просто дешевые белые трусики, да и девчонка была дешевой, и это было так хорошо — быть дешевой, продажной, выходить на панель даже не как проститутка, а как хорошая свиноматка; она помнила уже не круглое фарфоровое блюдце, а круглое белое лицо парнишки, изумленного пьяненького студентика, он не был, само собой, фарфоровым блюдцем, но лицо у него было круглым, как блюдце Синей Тетки, и на щеках у него расползлась паутинка, такая же синяя, как на *особенном* блюдце Синей Тетки, но так было лишь потому, что неоновый свет был красным, свет был слишком ярким, в темноте свет от вывески придорожной закусочной *делал* синими алые подтеки на его щеках,

12 Зак. 722

где она расцарапала их в кровь, а он только сказал: «Зачем ты, зачем, зачем ты это делаешь?» — и открыл окно, чтобы высунуться наружу и блевануть, а она помнила, что в баре слушали Доди Стивенса, который пел о коричневых туфлях с розовыми шнурками и большой панамке с фиолетовой ленточкой, она помнит, что звук его рвоты был похож на грохот щебенки в бетономешалке, а его пенис, еще минуту назад торчавший молодцеватым восклицательным знаком над курчавыми волосами лобка, сник, превратившись в дряблый белесый вопросительный знак; она помнила, как хриплые раскатистые звуки рвоты вроде бы прекратились, а потом зарядили по новой, и она еще подумала: «Похоже, дальше закладки фундамента этого парня не хватит», и рассмеялась, и прижала свой палец (теперь его украшал длинный подпиленный ноготь) к обнаженной вагине, но все-таки не совсем обнаженной, потому что теперь она заросла курчавыми волосами, но внутри у нее раздавался все тот же слабый, отрывистый хруст, и по низу живота разливалось все то же причудливое ощущение, в котором боль мешалась с наслаждением (но только приятнее, намного приятнее, чем вообще ничего), а потом он повернулся и стал шарить вслепую, пытаясь ее схватить, и все приговаривал хрипло, с надрывом: «Ах ты, проклятая черномазая сучка», а она продолжала смеяться, легко увертываясь от него, а потом, схватив свои трусики, открыла со своей стороны дверцу машины, чувствуя, как его пальцы пытаются поймать ее за блузку, и убежала в майскую ночь, напоенную ароматом ранней жимолости, красно-розовый неоновый свет разбивался о гравий парковочной площадки какой-то послевоенной планировки, а она торопливо запихивала свои трусики — дешевые нейлоновые трусики — уже не в карман, а в сумочку, набитую подростковой мешаниной косметики, и бежала, неоновый свет дрожал, и вот ей уже двадцать три, и это не трусики, а шарф из искусственного шелка, который она небрежно опускала в сумочку, проходя вдоль прилавка галантерейной секции универмага «Мейси», — шарф, который стоил в то время 1,99 доллара.

Дешевка.

Как белые нейлоновые трусики.

Дешевка.

Как и она сама.

Тело, в котором она поселилась, принадлежало женщине, унаследовавшей миллионы, но Детта об этом не знала и ей было наплевать — шарф был белым, с синей каймой, и внутри снова разлилось хрупкое наслаждение, когда она села на заднее сиденье такси и, не обращая внимания на водителя, зажала шарф в одной руке и, неотрывно глядя на него, запустила другую руку под твидовую юбку, под резинку белых трусиков: тот же самый длинный черный палец принялся за работу — точным безжалостным движением.

Так что иной раз она задавалась вопросом, но как-то смутно и словно бы издалека, где она есть, когда ее нет, но обычно страсти ее и желания настойчиво и внезапно напоминали о себе, и у нее уже не было времени на дальнейшие размышления — и она просто делала то, что ей нужно было сделать. Завершить то, что должно быть завершено.

Роланд бы понял.

5

Одетта могла позволить себе ездить повсюду на лимузине, даже в 1959 году, хотя тогда отец ее был еще жив и она не была так сказочно богата, как в 1962-м, после его кончины. Деньги, которые до сих пор находились в ведении ее опекуна, по достижении ею двадцати пяти лет перешли к ней, и она могла делать с ними все, что душе угодно. Ее мало задевало выражение одного из консервативных газетчиков, пущенное в оборот года два назад: «либералишки в лимузинах», — но она все же была достаточно молода и не хотела, чтобы ее воспринимали таким образом, пусть даже так было на самом деле. Но все-таки не так молода (или не так глупа!), чтобы искренне верить в то, что несколько пар полинялых джинсов и рубашек цвета хаки, которые она имела обыкновение носить, могут реально изменить ее действительный статус, или те же поездки в автобусе или в подземке вместо того, чтобы просто вызвать машину (при этом она бывала так поглощена собой, что не замечала искреннего изумления и обиды Эндрю; он любил ее, и такое отношение с ее стороны воспринимал как личную неприязнь), но все же достаточно молода, чтобы все еще верить, что подобные жесты могут порой скрыть (или по крайней уж мере слегка завуалировать) истинное положение дел.

Вечером 19 августа 1959 года она заплатила за этот красивый жест половиной ног... и половиной рассудка.

6

Сначала ее что-то подталкивало, потом тянуло и, наконец, бросило в морскую зыбь, которая вскоре выросла в приливную волну. В 1957-м ее увлекла безымянная в ту пору сила, которую позже назвали Движением. Она кое-что знала об исторических предпосылках, знала, что борьба за расовое равенство началась не с момента провозглашения Манифеста об осво-

бождении рабов, а почти сразу же после того, как в Америку на кораблях доставили первые партии рабов (точнее, в Джорджию, которая в то время была британской колонией, куда ссылали преступников и должников), но для Одетты все началось с определенного места и определенных четырех слов: *Никуда я не пойду.*

Дело было в городском автобусе, в Монтгомери, штат Алабама, слова эти произнесла чернокожая женщина, Роза Ли Паркс, а уходить она отказалась из передней части салона городского автобуса, когда ей предложили переместиться в заднюю, предназначенную, разумеется, для всех черномазых Джимов Кроу*. Гораздо позже Одетта станет распевать «Никуда мы не пойдем» в толпе чернокожих, каждый раз вспоминая Розу Ли Паркс и каждый раз сгорая со стыда. Так просто петь «мы», когда вас много, когда вы держитесь за руки, — это так просто даже для женщины без ног. Так просто петь «мы», так легко быть этим «мы». А в том автобусе не было никакого «мы». Тот автобус, наверное, пах старой кожей и сигаретным и сигарным дымом. Там, наверное, были вывески: ЛАКИ СТРАЙК — и: РАДИ БОГА, ХОДИТЕ В ИЗБРАННУЮ ВАМИ ЦЕРКОВЬ! — и: ПЕЙТЕ «ОВАЛТАЙН»! ВЫ УЗНАЕТЕ, ЧТО ОН ТОГО СТОИТ! — и: ЧЕСТЕРФИЛД — СМЕСЬ ПОТРЯСАЮЩЕГО ТАБАКА 21 СОРТА. 20 ПОТРЯСАЮЩИХ ПЕРЕКУРОВ. И никакого «мы» в потрясенных взглядах водителя и белых пассажиров, среди которых она уселась, и в столь же потрясенных взглядах черных из задней части автобуса.

Никакого «мы».

Никаких марширующих многотысячных толп.

Только одна Роза Ли Паркс, чьи слова дали толчок приливной волне: *Никуда я не пойду.*

Одетта еще подумала: *Если бы только и я смогла сделать что-то подобное, если бы я смогла быть такой храброй, я, наверное, была бы счастлива до конца своих дней. Но такое мужество не по мне.*

Она прочитала о Розе Ли Паркс в какой-то газете, но поначалу это не вызвало у нее интереса. Интерес рос постепенно. Трудно сказать, когда и как именно ее воображение поразил и воспламенил этот поначалу почти беззвучный толчок расового потрясения, которое всколыхнуло весь Юг.

Около года спустя один молодой человек, с которым она встречалась более или менее регулярно, начал возить ее в Виллидж, где несколько молодых (преимущественно белых) исполнителей народных песен, там выступающих, пополнили свой репертуар кое-какими но-

* Джим Кроу — кличка, данная американскими расистами неграм, а также в иносказательном смысле обозначение любых проявлений расовой дискриминации и сегрегации негров. Первоначально — название старинной негритянской песни. — *Примеч. ред.*

выми и даже пугающими песнями: неожиданно, в добавление ко всем этим древним присвистам о том, как Джон Генри взялся за молот, да так лихо, что обошел новенький паровой молот (и, надорвавшись, откинул копыта, ля-ля), или о том, как Барбри Аллен жестоко отвергла юного ухажера, изнывающего от любви (и умерла со стыда, ля-ля), появились песни о том, каково это — быть отверженным, когда тобой пренебрегают, выгоняют тебя с работы потому только, что кожа у тебя не того цвета, когда тебя упекают в кутузку и хлещут плеткой лишь потому, что ты, чернокожий, осмелился — ля-ля-ля — подсесть в закусочной Вулворта за столик к белым, в городе Монтгомери, штат Алабама.

Это может показаться абсурдным, но только тогда она стала интересоваться судьбой своих родителей, и их родителей, и родителей тех родителей. Ей не суждено было прочитать книгу «Корни»: она жила в другом мире и в другом времени, задолго до того, как Алекс Хейли ее написал, может быть, даже задумал, — однако она осознала впервые, на удивление поздно, что ее предки вырвались из цепей, в которых держали их белые люди, не так уж и давно. Конечно, сам факт она знала и раньше, но это была только голая информация, лишенная всякой эмоциональной окраски, — как абстрактное уравнение, которое никогда не затрагивало ее жизни.

Суммировав все, что ей было известно, Одетта сама ужаснулась скудости своих знаний. Она знала, что мама ее родилась в городе Одетта, штат Арканзас, в городе, в память о котором ее родители потом назвали свою единственную дочь. Она знала, что папа ее был дантистом в провинциальном городишке. Что он изобрел и запатентовал какой-то новый способ изготовления зубных коронок, а потом положил свою разработку в долгий ящик, и только лет десять спустя на нее обратили внимание специалисты и он неожиданно стал состоятельным человеком. Она знала, что он разработал еще несколько оригинальных методик в области зубоврачебной техники за эти десять лет до того, как разбогател, и еще в течение четырех лет после этого; большинство их было связано с протезированием и косметикой, и вскоре после переезда в Нью-Йорк вместе с женой и дочерью (которая родилась четыре года спустя после получения первого патента) он основал компанию «Холмс дентал индастрис», которая ныне в зубоврачебной промышленности все равно что компания «Скуибб» в области производства антибиотиков.

Но сколько она ни расспрашивала его, как они с мамой жили все эти годы до ее рождения и после, вплоть до того времени, когда они разбогатели, папа всегда уходил от ответа. Он рассказывал ей вроде бы все, но не говорил ничего. Эта часть его жизни была для нее закрытой. Как-то раз ее мама — отец называл ее про-

сто ма или Эллис, и иногда еще Элли, когда выпивал стаканчик или был в добром расположении духа, — проговорила: «Расскажи ей о том, как в тебя стреляли, Дэн, когда ты ехал на «форде» по крытому мосту», а он в ответ удостоил ее таким мрачным и осуждающим взглядом, что ма, которая и без того всегда чем-то напоминала бедненького воробышка, вся так и съежилась в кресле и больше не проронила ни слова.

После этого случая Одетта пару раз попыталась расспросить маму наедине, но напрасно. Если б она додумалась до этого раньше, она, быть может, смогла бы что-нибудь разузнать, но, поскольку отец молчал, мама тоже решила хранить молчание, но Одетта поняла, что прошлое для отца: все эти родственники, все эти пыльные дороги, магазинчики и лачужки с грязными полами и окнами без стекол, без самой простенькой занавесочки, все эти стычки, все домогательства и обиды, все соседские ребятишки, одетые в робы, сшитые из мешков из-под муки, — все это для отца похоронено и упрятано в памяти, как мертвый зуб под безупречной белоснежной коронкой. Он никогда об этом не говорил или, быть может, не мог говорить и сознательно погрузился в эту выборочную амнезию; их жизнь в шикарной квартире дома «Греймарл» у южного входа Центрального парка была как зубы под коронками. Все остальное тщательно скрывалось за этой непроницаемой оболочкой. Прошлое отца было упрятано глубоко и надежно, без единой щелочки, сквозь которую можно было бы заглянуть, без единой лазеечки через этот запломбированный барьер в зев откровения.

Детта знала многое, но Детта не знала про Одетту, а Одетта не знала про Детту, так что и эти гладкие зубы были сомкнуты плотно, как ворота неприступной крепости.

От матери Одетта унаследовала некоторую застенчивость, а от отца — его явную (хотя и ненарочитую) жесткость характера, и только однажды она осмелилась еще раз подступиться к нему с расспросами. Как-то вечером — дело было в его библиотеке — она сказала ему, что он ей отказывает в элементарной человеческой искренности, что ей можно уже доверять, что она заслуживает доверия. Отец оторвался от «Уолл-стрит джорнэл», аккуратно свернул газету и положил ее на сосновый столик рядом с торшером. Снял очки без оправы, положил их поверх газеты и только потом посмотрел на нее — худощавый чернокожий мужчина, такой худой, что казался почти истощенным; седые курчавые волосы уже редели на углубившихся впадинках на висках, где нежно и ровно пульсировали вены, — и сказал: «Я никому не рассказываю о той моей жизни, Одетта. Я даже не вспоминаю о ней. Это просто бессмысленно. С тех пор мир изменился, скажем так, сдвинулся с места».

Роланд бы понял.

7

Открыв дверь с надписью ГОСПОЖА ТЕНЕЙ, Роланд увидел много такого, чего он не понял, — он понял только, что это все не имеет значения.

Это был мир Эдди Дина, но сейчас он представлял собой какую-то мешанину огней, людей и вещей — Роланд в жизни не видел столько вещей. Судя по виду, вещички эти предназначались для дам, и, очевидно, они продавались: одни лежали под стеклом, другие красовались заманчивой росписью в витринах. Роланд не мог рассмотреть их как следует: мир, в который он заглянул, наплывал на него, проносясь мимо дверного проема, который теперь стал глазами Госпожи. Роланд смотрел ее глазами точно так же, как смотрел глазами Эдди Дина, когда тот шел по проходу воздушной кареты.

А сам Эдди застыл точно громом пораженный. Револьвер у него в руке задрожал и качнулся вниз. Стрелок мог бы сейчас без труда его отобрать, но он даже не шелохнулся. Стоял совершенно неподвижно — этому трюку он выучился давным-давно.

Изображение в дверном проеме развернулось. У Роланда опять закружилась голова, но, как ни странно, на Эдди этот неожиданный разворот подействовал успокаивающе. Роланд не знал, что такое кино. Эдди же видел тысячи фильмов, и все это напоминало ему быструю смену кадров, как, например, в «Кануне Дня Всех Святых» и «Свечении». Он даже знал, как киношники добиваются такого эффекта. С помощью фиксированной камеры. Вот и здесь точно так же.

— «Звездные войны», — пробормотал он. — Звезда Смерти. Такая громадная железяка, помнишь?

Роланд лишь молча взглянул на него.

Руки, темно-коричневые руки, появились в проеме, который Роланду казался дверью, а Эдди — неким волшебным киноэкраном... экраном, в который, при благоприятных обстоятельствах, можно будет войти, как тот парень из «Пурпурной розы Каира» сошел с экрана в реальный мир. Убойный фильмец.

Только теперь Эдди понял, насколько убойный.

Правда, он в жизни еще не смотрел кино через дверь. Это был Нью-Йорк — почему-то даже сигналы такси, пусть приглушенные и далекие, не оставляли в том никаких сомнений, — и это был какой-то нью-йоркский универмаг, и он даже как-то туда заходил, но что-то в нем было такое... такое...

— Как раньше, — пробормотал он.

— Раньше твоего времени? — переспросил стрелок.

Эдди взглянул на него и отрывисто хохотнул.

— Ну да. Можно и так обозвать.

— День добрый, мисс Уокер, — раздался вкрадчивый голос. Изображение в дверном проеме метнулось вверх так внезапно, что даже у Эдди немного закружилась голова, и он увидел продавщицу, которая, очевидно, знала эту женщину с темными руками, знала и недолюбливала ее. Или побаивалась. Или и то и другое вместе. — Чем-нибудь вам помочь?

— Вот. — Владелица темных рук протянула вперед белый шарф с ярко-синей каймой. — И не трудитесь его заворачивать, крошка. Просто суньте в пакет.

— Наличные или че...

— Наличность — она всегда наличность, верно ведь?

— Да, замечательно, мисс Уокер.

— Я так рада, что вы одобряете, дорогуша.

Продавщица отвернулась, но Эдди успел разглядеть, как она сморщилась. Может быть, все объяснялось просто. Может быть, продавщице неприятно, что с ней так разговаривает эта «хамоватая негритоска» (но опять же сейчас проявлялся скорее его кинозрительский опыт, нежели знание истории или хотя бы уличной жизни, потому что все это казалось ему кинофильмом про 60-е годы или тогда же отснятым вроде «Душной южной ночью» с Родом Стайгером и Сидни Пуатье) или, может быть, еще проще: Роландова Госпожа Теней, независимо от цвета кожи, оказалась стервозиной и грубиянкой.

Но на самом-то деле не это главное, точно? Его это никак не колышет. Его сейчас только одно волнует: как бы выбраться туда.

Там Нью-Йорк. Он, кажется, чувствует запах Нью-Йорка.

Там можно будет достать героин.

Он уже чувствует его запах.

Но тут есть одна загвоздка.

Одна большая, твою-Богу-душу-мать, загвоздка.

8

Роланд внимательно следил за Эдди. Хотя стрелок мог бы прикончить его в любое удобное время, он предпочел не создавать никакого шума и дать Эдди возможность самому разобраться со сложившейся ситуацией. Эдди Дина нельзя назвать человеком приятным во всех отношениях, и даже человеком хорошим его не назовешь (а стрелок, который сознательно допустил смерть ребенка, понимал разницу между тем, что хорошо, а что — не очень), но уж глупцом Эдди Дин не был.

Парень он был смекалистый.

Он сможет справиться с ситуацией.

И он справился.

Он посмотрел на Роланда, улыбнулся, не разжимая губ, крутанул револьвер на пальце, нарочито неуклюже, в утрированной манере прикалывающихся спортсменов на показательных стрельбах, и протянул его Роланду дулом вперед.

— Как я понимаю, от этой штуки мне толку не больше, чем от куска дерьма, верно?

Ведь можешь же ты мыслить здраво, когда захочешь, подумал Роланд. *И чего тебя тянет так часто на глупые разговоры, Эдди? Это все потому, что ты думаешь, будто так было принято разговаривать там, куда твой брат пошел со своим оружием?*

— Верно? — повторил Эдди.

Роланд кивнул.

— Если бы я тебя кокнул, что бы случилось с дверью?

— Откуда я знаю. Попробуй — посмотришь.

— Ну а что, ты *думаешь*, может случиться?

— Думаю, что она исчезнет.

Эдди кивнул. Он тоже так думал. Трах-тарарах! Исчезла, как в сказке! Только что была, друзья мои, и вот уже — нет. С тем же успехом киномеханик мог бы выхватить револьвер и бабахнуть в киноаппарат: разницы никакой, верно?

Если бабахнуть по аппарату, кина не будет.

А Эдди совсем не хотелось, чтобы кино закончилось.

Эдди хотелось получить за свои деньги по полной программе.

— Ты можешь пройти туда, — медленно проговорил он.

— Да.

— Так вот запросто.

— Да.

— Ворваться к ней в голову. Как ворвался ко мне.

— Да.

— То есть ты можешь проехать автостопом по моему миру.

Роланд в ответ промолчал. Иногда Эдди употреблял слова, ему непонятные, как, например, «автостоп»... но общий смысл он уловил.

— Но ты можешь пройти туда и в своем собственном теле. Как тогда у Балазара. — Эдди разговаривал вслух, но обращался скорее к себе самому. — Но только со мной, так?

— Да.

— Значит, возьми меня тоже.

Роланд открыл было рот, но Эдди не дал ему заговорить.

— Не сейчас, я имею в виду не сейчас, — быстро вставил он. — Я понимаю, если мы там сейчас объявимся... там такое поднимется, что ой-ой-ой. — Он хохотнул, и смех его вышел

каким-то диким. — Это как фокусник кролика вынимает из шляпы, только там никакой шляпы не будет. Мы подождем, и когда она будет одна, мы...

— Нет.

— Я вернусь с тобой, — сказал Эдди. — Клянусь, Роланд. Я хочу сказать, я понимаю, что у тебя есть одно важное дело и что без меня ты его не сделаешь. Я понимаю, что ты выручил мою задницу на таможне, но я тоже помог тебе у Балазара... ну и что ты скажешь?

— Да, ты мне очень помог. — Роланд вспомнил, как Эдди поднялся из-за стола, пренебрегая опасностью, и на мгновение засомневался.

Но лишь на мгновение.

— Ну что? Услуга за услугу. Рука руку моет. Ты — мне, я — тебе. Все, что мне нужно, так это вернуться на пару часов. Ухватить где-нибудь цыпленка и, может быть, упаковочку «Данкин Донатс». — Эдди кивнул на дверь, где все снова пришло в движение. — Ну так как?

— Нет, — отозвался стрелок, но он сейчас вряд ли думал об Эдди. Это движение по проходу... Госпожа, кем бы она ни была, ходила не так, как все обычные люди... не так, например, как шел Эдди, когда Роланд смотрел сквозь его глаза, или (теперь, когда он об этом задумался, а раньше ему это даже и в голову не приходило, Роланд вдруг заметил, что его собственный нос постоянно маячит в нижнем поле периферического зрения) как ходит он сам. Когда ты идешь, картинка у тебя перед глазами напоминает плавное качание маятника: левая нога, правая нога, левая, правая, и мир у тебя перед глазами как бы качается взад-вперед, так мягко и плавно, что через какое-то время — наверное, вскоре после того, как ты научился ходить, — ты уже этого не замечаешь. А в походке Госпожи не было этого маятникового качания: она двигалась по проходу плавно, как будто плыла по рельсам. Ирония в том, что у Эдди сложилось точно такое же впечатление... но для него это выглядело как киношный сцецэффект, достигаемый при помощи фиксированной камеры. Впечатление это подействовало на него успокаивающе, потому что оно было ему знакомо.

А для Роланда оно было чуждым... Но тут Эдди прервал молчание, и голос его был пронзительным:

— Но почему нет? Почему, мать твою, нет?

— Потому что тебе не цыпленок нужен. Теперь я знаю, как называется то, что тебе нужно. Ты хочешь ширнуться, Эдди. Хочешь вколоть себе дозу.

— Ну и что? — выкрикнул Эдди едва ли не истерично. — Ну и что, если хочу? Я же сказал, что вернусь с тобой! Я же пообещал! Я имею в виду, что я тебе пообещал железно! Чего тебе нужно еще? Хочешь, я поклянусь именем своей матери? Хорошо, я

клянусь именем своей матери! Хочешь, я поклянусь именем брата Генри? Хорошо, я клянусь! Я клянусь! Я КЛЯНУСЬ!

Энрико Балазар сказал бы ему, но стрелку не нужны были советы каких-то там балазаров, чтобы твердо усвоить неоспоримый факт: никогда не доверяй наркоману.

Роланд кивнул в сторону двери.

— Пока мы не дошли до Башни, на прежней жизни можешь поставить крест. Что с тобой будет потом, меня не волнует. Потом можешь идти хоть к черту. А пока ты мне нужен.

— Ах ты паршивый, гребаный лжец, — тихо проговорил Эдди. Его голос звучал бесстрастно, но стрелок заметил, что в глазах его стоят слезы, однако он ничего не сказал. — Ты же знаешь прекрасно, что после Башни не будет уже никакого «потом», — продолжал Эдди. — Ни для меня, ни для нее, ни для этого третьего парня, кого ты там еще собираешься вытащить. И может быть, для тебя тоже: видок у тебя еще хуже, чем был у Генри в его самые трудные дни. Если мы не умрем на пути к твоей Башне, значит, мы непременно откинем копыта прямо там, *тогда зачем ты мне лжешь*?

Стрелок ощутил нечто вроде стыда, но лишь повторил:

— Пока что на прежней жизни ты можешь поставить крест.

— Да? — спросил Эдди. — У меня есть для тебя кое-какие новости, Роланд. Я, кажется, знаю, что будет с твоим настоящим телом, когда ты войдешь туда и внутрь ее. Я уже это видел, так что я знаю. Мне не нужны твои револьверы. Я просто ухвачу тебя за то самое место, дружище, где растут короткие волосики. Ты можешь даже повернуть ее голову, как ты мою поворачивал, и посмотреть, что я буду делать с твоим бренным телом, пока ты витаешь там в виде своего этого долбаного *ка*. Я подожду до ночи и оттащу тебя к воде. А ты можешь полюбоваться, как эти омары тебя поедают. Но ты, наверное, будешь слишком спешить, чтобы сполна насладиться этим приятным зрелищем.

Эдди на мгновение умолк. В наступившей тишине скрежещущий шелест волн и глухое завывание ветра казались слишком громкими.

— Или я просто возьму твой нож и перережу тебе горло.

— И навсегда закроешь эту дверь?

— Ты же сам говоришь, что на своей прежней жизни я могу поставить большой жирный крест. И ты имеешь в виду не только один героин. Ты имеешь в виду Нью-Йорк, Америку, мое время — все. Если дело обстоит так, то я хочу крест поставить и на этом тоже. Обстановочка дохлая, да и компашка вонючая. Бывают такие моменты, Роланд, что по сравнению с тобой даже Джимми Сваггарт со своими телепроповедями кажется абсолютно нормальным.

— Впереди ждут великие чудеса, — сказал Роланд. — И замечательные приключения. Даже более того: в поиске этом тебе дается шанс восстановить свое доброе имя. И еще кое-что. Ты сам можешь стать стрелком. В конце концов, может быть, я и не буду последним. В тебе это заложено, Эдди. Я вижу. Я *чувствую*.

Эдди расхохотался, хотя по щекам его уже текли слезы.

— Замечательно. Просто чудно! Только этого мне не хватало! Вот мой брат Генри. Он уже был стрелком. В одном месте. Вьетнам называется. Так ему было там здорово. Тебе бы стоило на него посмотреть, Роланд, когда он оттуда вернулся. Он даже не мог доползти до гребаного туалета без посторонней помощи. Если рядом никого не было, он просто сидел на диване, смотрел по телику борьбу и делал себе в штаны. Это здорово — быть стрелком. Это круто. Я вижу. Брат мой кончил наркоманом, а у тебя крыша съехала.

— Вероятно, твой брат имел самое смутное представление о чести.

— Может быть. Мы там у себя не всегда ясно себе представляли что к чему. Это было для нас просто слово. Так обращались к судье — ваша честь, — если случалось влипнуть на том, что снимаешь какой-нибудь обтекатель с какого-нибудь «тандерберда» или покуриваешь марихуанку, а тебя за это тащат в суд.

Эдди еще пуще расплакался, но в то же время его душил смех.

— А эти твои друзья. Этот парень, о котором ты все бормочешь во сне, этот пижон Катберт...

Стрелок невольно вздрогнул. Не помогли даже долгие годы тренировки — он вздрогнул.

— Они-то врубались в весь этот бред, который ты здесь мне несешь, точно сержант из морской пехоты, вербующий молокососов в армию? Приключения, поиски, честь?

— Да, они знали, что такое честь, — медленно произнес Роланд, вспоминая всех тех, кого уже нет.

— И что, *они* с этого поимели что-нибудь более стоящее, чем досталось моему брату?

Стрелок промолчал.

— Я знаю, кто ты. Знаю, что ты собой представляешь, — продолжал Эдди. — Насмотрелся я на таких, как ты. Ты просто очередной шиз, который горланит: «Вперед, воины Христовы!» — со знаменем в одной руке и оружием в другой. Спасибо, но мне такой чести не нужно. Мне нужен хороший обед и один укольчик. В таком вот порядке: сначала цыпленок, потом укольчик. Так что иди туда. Ты это можешь. Но как только ты уйдешь, я прикончу тебя, вернее, то, что здесь от тебя останется.

Стрелок молчал.

Эдди криво усмехнулся и стер слезы со щек тыльной стороной ладоней.

— Хочешь знать, как это у нас называется там?

— Как?

— Безнадега. Безнадежное противостояние.

Мгновение они лишь смотрели друг на друга, а потом Роланд резко перевел взгляд на дверь. Оба они уголком глаза видели — Роланд чуть больше, чем Эдди, — что изображение в проеме снова развернулось, на этот раз влево. Появился прилавок со сверкающими драгоценностями. Одни лежали под стеклом, но большая часть — открыто, и стрелок решил, что это всего лишь безделушки. Эдди назвал бы их бижутерией. Темно-коричневые руки этак небрежно и бегло перебирали некоторые из этих дешевеньких украшений, а потом появилась еще одна продавщица. Последовал разговор, которого ни Роланд, ни Эдди не разобрали, а потом Госпожа (некая дама, обозвал ее про себя Эдди) попросила, чтобы ей показали что-то еще. Продавщица ушла, и вот тогда взгляд Роланда резко метнулся к дверному проему.

Темные руки опять появились, но теперь в них была сумочка. Она открылась. И вдруг руки стали сгребать в нее — вроде бы без разбору, да нет, почти наверняка без разбору — украшения, что лежали в открытую на прилавке.

— Любопытная у тебя подбирается компания, Роланд, — с горечью и в то же время вроде бы забавляясь, проговорил Эдди. — Сначала тебе достается конченый белый наркоман, а потом закоренелая чернокожая воровка...

Но Роланд уже рванулся к двери между мирами — быстро, не глядя на Эдди.

— Я не шучу! — крикнул Эдди ему вдогонку. — Только выйди туда, и я перережу твою гребаную глотку...

Но он не успел даже договорить — стрелок исчез. Осталось только обмякшее, бессознательное, но дышащее тело, лежащее на берегу.

На мгновение Эдди застыл на месте, не в силах поверить, что Роланд все-таки это сделал: действительно ушел, так по-идиотски, несмотря на предупреждение Эдди — на его искреннее заверение, мать твою, каковы будут последствия.

Он застыл на месте, вращая глазами, точно испуганный конь, почуявший приближение грозы... хотя, разумеется, не было никакой грозы, кроме той, что бушевала у него в голове.

Ну ладно. Ладно, черт побери.

У него, может быть, есть только пара секунд. Роланд может вернуться в любое мгновение — вряд ли он даст ему много времени, — и Эдди прекрасно это понимал. Он быстро глянул на дверь и увидел, что темные руки застыли над позолоченным ожерельем, наполовину засунутым в сумочку, которая уже сверкала, как

сундук с пиратскими сокровищами. Хотя Эдди не мог слышать голос Роланда, он чувствовал, что тот ведет разговор с владелицей черных рук.

Он достал нож из котомки стрелка и перевернул обмякшее тело, что лежало у двери, на спину. Глаза стрелка были открыты, но пусты — они закатились так, что остались одни белки.

— Роланд, смотри! — выкрикнул Эдди. Монотонный, дурацкий, нескончаемый ветер свистел у него в ушах. Боже правый, так и свихнуться недолго. — Внимательнее смотри! Сейчас я заполню пробелы в твоем долбаном образовании! Сейчас я тебе покажу, что бывает, когда кто-то пытается нагребать братьев Дин!

Он занес нож над горлом стрелка.

Глава 2
ПРЕДВЕСТИЕ ПЕРЕМЕН

1

Август 1959-го

Когда полчаса спустя молодой врач вышел на улицу, Хулио стоял, прислонившись к машине «скорой помощи», которая так и была припаркована на стоянке отделения экстренной помощи больницы Сестер Милосердия на Двадцать третьей улице. Каблук остроносой туфли Хулио опирался о переднее крыло. Он успел переодеться в кричащие розовые штаны и голубую рубашку, на левом нагрудном кармане которой золотыми стежками было вышито его имя: на нем была униформа команды игроков в кегли. Джордж поглядел на часы: команда Хулио «Превосходные латины» уже вовсю гоняла шары.

— Я думал, что ты уже смылся, — сказал Джордж Шейверз, молодой врач-стажер, живущий при больнице Сестер Милосердия. — Как твои парни думают выиграть без Чудо-Крюка?

— Меня подменил Мигель Басале. У него рука не такая верная, но иногда он бывает в ударе. Все у них будет в ажуре. — Хулио помедлил. — Мне любопытно, чем там закончилось. — Хулио рабо-

тал в больнице шофером. Кубинец с чувством юмора, о котором, как был уверен Джордж, и сам даже не подозревал. Он огляделся. Никого из фельдшеров — из тех, кого он возил, — поблизости не наблюдалось.

— А где все? — спросил Джордж.

— Кто? Эти долбаные близнецы Боббси? А ты как думаешь, где они могут быть? Поехали в Виллидж, поблядовать с черномазыми шлюхами. Ты думаешь, она выкарабкается?

— Без понятия.

Он пытался напустить на себя глубокомысленный вид и показать, что все знает, но на самом-то деле дежурный врач и подоспевшие хирурги забрали чернокожую женщину быстрее, чем можно произнести: *О Дева Мария, помилосердствуй* (а именно эти слова и рвались с его губ — видок у той женщины был неважный: казалось, долго она не протянет).

— Она потеряла чертовски много крови.

— Да, хорошего мало.

Джордж, один из шестнадцати ординаторов при больнице Сестер Милосердия, входил также в группу из восьми человек, работающих по новой программе «Скорый выезд». Предполагалось, что команда «Скорого выезда» из одного врача и двух фельдшеров иной раз в критическую минуту может перетянуть чашу весов между жизнью и смертью в пользу первой. Джордж знал, что большинство водителей, медсестер и фельдшеров считали, будто зеленые ординаторы, только-только начавшие медицинскую практику, скорее гробят, нежели спасают таких «экстренных» пациентов, и все-таки Джордж был уверен, что польза от этой программы была.

Иногда.

В любом случае больница могла гордиться своей «связью с общественностью», и хотя молодые врачи, занятые в программе, были не прочь повозмущаться насчет сверхурочных (причем неоплачиваемых) восьми часов в неделю, Джордж Шейверз не сомневался, что его коллеги испытывают те же чувства, что и он сам: гордость, сознание своего долга и способности справиться с любой задачей.

А потом как-то ночью он выехал к Айдлуайлду, на место крушения самолета «Три-Стар» компании TWA. На борту было шестьдесят пять пассажиров, шестьдесят, в чем Хулио Эстевес не сомневался, — погибли на месте, — а трое из оставшихся пяти выглядели не лучше того месива, которое ты выгребаешь со дна угольной топки... с той только разницей, что тот хлам, который ты выгребаешь из топки, не стонет, и не кричит, и не умоляет тебя дать ему морфий или добить. *Если ты вынесешь это,* подумал он после, вспоминая обуглившиеся конечности, что валялись среди остатков алюминиевых щитков, обломков сидений и искореженной груды металла, ко-

торый когда-то был хвостом самолета, с цифрой 17, большой красной буквой Т и остатками буквы W, вспоминая глазное яблоко на обожженном дорогом чемодане, плюшевого медвежонка с пуговичными глазками рядом с красной босоножкой, в которой еще была детская ножка, — *если ты вынесешь это, детка, ты вынесешь все.* — И он действительно справился. Справлялся, пока ехал домой. Справлялся за поздним ужином из индейки перед теликом. Заснул он без проблем, что послужило безоговорочным доказательством того, что он сумел справиться. А потом, в самый глухой предутренний час, он проснулся, спасаясь от жуткого кошмара: ему приснилось, что на обугленном чемодане лежит не игрушечный медвежонок, *а голова его мамы,* и глаза у нее открыты, и они тоже обожжены, и выражение у них такое же мертвое и застывшее, как в глазах-пуговичках плюшевого медвежонка; рот открыт, обнажая переломанные зубы, которые были здоровыми и безупречными до того страшного мига, когда в самолет, заходящий на посадку, ударила молния, и она шепчет: «Ты не сумел спасти меня, Джордж, ради тебя мы во многом себе отказывали, чтобы у тебя было все, мы многого не позволяли себе, чтобы только у тебя было все; твой отец уладил все с этой девушкой, чтобы у тебя не было неприятностей, а ты ВСЕ-ТАКИ НЕ СУМЕЛ СПАСТИ МЕНЯ, БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ», и он проснулся с диким криком, смутно осознавая, что кто-то дубасит по стенке, но ему было сейчас не до этого: он бросился в ванную и едва успел склониться над унитазом в коленопреклоненной позе кающегося грешника, как весь его ужин выплеснулся наружу — дымящийся и горячий, все еще пахнущий разогретой индейкой. Все еще стоя на коленях, он заглянул в унитаз и увидел полупереваренные куски индейки и морковки, которая сохранила свой первоначальный аппетитный цвет, и тут в сознании его вспыхнули алые буквы. Одно только слово:

ХВАТИТ

Правильно.
Именно так:

ХВАТИТ

Пора кончать с этой работой по сбору костей. Пора прекращать это дело, потому что:

ХВАТИТ!
ХОРОШЕНЬКОГО ПОНЕМНОЖКУ

Пора прекращать. Как там в мультике говорил Пучеглаз: «Это все, что я могу еще вынести, но я ничего больше не вынесу». Пучеглаз попал в точку.

Он спустил воду и, вернувшись в постель, почти мгновенно заснул. Проснувшись же, обнаружил, что по-прежнему хочет быть врачом, в этом он абсолютно уверен — и это было так хорошо, что, может быть, стоило целой программы, как ее ни обзови: «Срочный выезд», «Ведерко крови» или «Угадай мелодию».

Ему *по-прежнему* хочется быть врачом.

Он знал одну женщину, занимавшуюся рукоделием. Из последних денег наскреб он десять долларов и заказал ей маленькую старомодную вышивку:

ЕСЛИ ТЫ ВЫНЕСЕШЬ ЭТО,
ТЫ ВЫНЕСЕШЬ ВСЕ

Да. Правильно.

Случай в подземке произошел месяц спустя.

2

— Эта дама какая-то чертовски странная, ты заметил? — спросил Хулио.

Мысленно Джордж с облегчением вздохнул. Если бы Хулио сам не затронул эту тему, Джордж, наверное, не стал бы ее поднимать. Пока что он ординатор, но в один прекрасный день он станет уже настоящим, оперившимся, скажем так, врачом, теперь он верил в это безоговорочно, а Хулио, он тертый калач, и в присутствии «тертого калача» ему не хотелось бы ляпнуть какую-нибудь глупость. Хулио бы лишь хохотнул и сказал: «Черт, я такого дерьма насмотрелся уже. Тысячу раз, детка. Возьми-ка ты лучше полотенце и оботри себе хорошенько губы, а то молоко не обсохло еще и капает».

Но, похоже, такого Хулио *еще не видел*. Что хорошо, потому что Джорджу хотелось поговорить об этом.

— Да уж, странновата. Как будто в ней два человека.

Он с изумлением заметил, что теперь *Хулио* явно почувствовал облегчение, и внезапно ему стало стыдно. Хулио Эстевес, которому в жизни только и светило, что до конца дней своих водить лимузин с парой красных мигалок на крыше, только что проявил больше мужества, чем он сам.

— А ты, док, смекалистый. Попал в самую точку. — Хулио вынул пачку «Честерфилда» и сунул в рот сигарету.

— Эта гадость тебя доконает, дружище, — сказал Джордж.

Хулио кивнул и предложил пачку.

Они покурили молча. Может быть, их напарники и в самом деле поехали «блядовать», как выразился Хулио... или, может, они просто были по горло всем этим сыты. Сначала *Джордж* действительно испугался, нет, кроме шуток. Но в конце концов это именно он спас женщину, а не фельдшера, и Хулио это знал, и Джордж знал, что он знает. Быть может, поэтому Хулио и дождался его. Первой тогда бросилась на помощь старуха-негритянка и еще белый парнишка, который вызвал полицию, пока все остальные (кроме старухи-негритянки) просто толпились вокруг и глазели, как будто там показывали фильм какой-нибудь, или телешоу, или очередную серию «Питера Ганна», но в конце концов все свалилось на Джорджа Шейверза, и он, перепуганный до полусмерти, исполнил, как мог, свой долг.

Женщина ждала поезд, о котором с большим уважением отзывался Дюк Эллингтон, — знаменитый поезд А. Хорошенькая молодая чернокожая женщина в джинсах и рубашке цвета хаки просто стояла у края платформы и ждала знаменитый поезд А.

Кто-то ее столкнул.

Джордж Шейверз не знал, удалось ли полиции поймать этого ублюдка, — это не его дело. Его дело — женщина, которая с криком упала в тоннель подземки перед знаменитым поездом А. Каким-то чудом она не попала на третий рельс, знаменитый третий рельс, который сделал бы с ней то же, что власти Нью-Йорка делают с плохими парнями в тюрьме «Песня песней», которые получают бесплатный проезд на тот свет на знаменитом поезде А, прозванном зеками «старина-искромет».

Боже правый, такое чудо — электричество.

Она попыталась сползти с рельсов, но времени не было, и знаменитый поезд А вкатился в станционный тоннель, визжа тормозами и изрыгая сноп искр: машинист увидел ее, но было уже слишком поздно — и для него, и для нее. Стальные колеса этого знаменитого поезда А прокатились по ее ногам и отрезали их чуть выше колен. И пока все остальные на станции (кроме белого парнишки, который бросился вызывать полицию) просто стояли и дрочили (или мастурбировали, как сказал бы Джордж), старая негритянка спрыгнула вниз, вывихнув при этом бедро (потом мэр наградил ее медалью «За храбрость»), и перетянула ноги пострадавшей своей косынкой. На том конце станции белый парнишка орал в телефонную трубку, вызывая «скорую помощь», а старая негритянка кричала из тоннеля, чтобы ей помогли, чтобы бросили, ради Христа, хоть что-нибудь, чтобы наложить жгут, и наконец какой-то белый пожилой господин делового вида нехотя уступил свой ремень, а чернокожая старуха взглянула на него и произнесла слова, которые на другой день появились крупно набранной шапкой на передней полосе нью-йоркской «Дейли

ньюс», два слова, которые сделали старую негритянку подлинной героиней Америки: «Спасибо, браток». Потом она перетянула ремнем культяпку левой ноги пострадавшей посередине между тазом и тем местом, где было колено, пока его не отрезал знаменитый поезд А.

Джордж слышал, как кто-то в толпе говорил кому-то, что прежде, чем хлопнуться в обморок, молодая негритянка успела произнести: «КТО ЭТОТ КОЗЕЛ? ДОБЕРУСЬ ДО НЕГО – ЯЙЦА ВЫРВУ!»

Старухе-негритянке нечем было проделать дополнительную дырку в ремне, так что она просто держала его, вцепившись, точно угрюмая старуха-смерть, пока не прибыла бригада «Скорой помощи»: Хулио, Джордж и два их напарника.

Желтая линия. Джордж вспомнил, как мама в детстве ему говорила, чтобы он никогда, никогда, никогда не переступал за желтую линию на платформе подземки, ожидая поезда (хоть знаменитого, хоть самого обыкновенного), вспомнил запах масла и электричества, который ударил ему в ноздри, когда он спрыгнул в тоннель. Вспомнил, как там было жарко. Как в пекле. Жар обволакивал все: его, старую негритянку, молодую, поезд, тоннель, невидимое небо над головой и самый ад под ногами. Вспомнил, как он еще подумал: «Если сейчас мне измерить давление, стрелку, наверное, зашкалит», – а потом вдруг успокоился и закричал, чтобы ему бросили сумку, а когда один из напарников хотел спрыгнуть к нему с сумкой, он так его отматерил и велел угребывать, что тот испугался и вытаращился на него, как будто видел Джорджа Шейверза впервые в жизни, и действительно угреб.

Джордж перетянул столько вен и артерий, сколько мог при данных обстоятельствах, а когда сердце пострадавшей бешено забилось, вколол ей полную дозу дигиталиса. Наконец прибыла кровь. Ее доставили фараоны. «Вам нужно поднять ее, док?» – спросил один, но Джордж ответил, что не сейчас, ввел ей в вену иглу и начал закачивать кровь, точно дозу какой-нибудь страждущей наркоманке.

Потом он позволил поднять ее.

Потом ее повезли в больницу.

В машине она очнулась.

Тогда-то и начались странности.

3

Как только ее занесли в машину, Джордж вколол ей демерол – она начала шевелиться и слабо вскрикивать, – причем дозу такую, чтобы уж быть уверенным, что она тихо-мирно доедет до Сестер Милосердия. Он был на девяносто процентов уверен, что она не умрет в дороге, но хирурги потребуются самые лучшие.

Однако веки женщины стали подергиваться, когда до больницы оставалось еще шесть кварталов. Она издала хриплый стон.

— Может, опять ее вырубить, док? — предложил один из фельдшеров.

Джордж едва ли осознал, что кто-то из среднего медперсонала впервые снизошел до того, чтобы назвать его «док», а не Джордж или, еще того хуже, Джорджи.

— Ты что, рехнулся? Лучше не суйся, когда ни фига не знаешь!

Фельдшер быстренько ретировался.

Джордж повернулся опять к молодой негритянке и вдруг увидел, что она пришла в себя и тоже смотрит на него вполне осознанным взглядом.

— Что со мной произошло? — спросила она.

Джордж вспомнил, как кто-то из толпы говорил другому о том, что она якобы произнесла прежде, чем потерять сознание (как она доберется до этого мудака и вырвет ему яйца и т.д., и т.п.). Тот тип был белым. Теперь Джордж решил, что все это пустой треп, вызванный либо странной склонностью людей излишне драматизировать трагическую ситуацию, либо просто расовыми предрассудками. Сразу видно, что эта женщина воспитанная и культурная.

— Несчастный случай, — сказал он. — Вам...

Она закрыла глаза, и он подумал, что ее опять потянуло в сон. Ну и хорошо. Пусть кто-то другой скажет ей, что она лишилась ног. Кто-то из тех, у кого доходу больше 7600 долларов в год. Он отодвинулся чуть влево, чтобы еще раз измерить ей давление, и тут она снова открыла глаза. Перед Джорджем Шейверзом была совершенно другая женщина.

— Мать твою, из-за этого мудозвона мне оттяпало ноги. Я чувствую, что они тю-тю. Это что, «скорая»?

— Д-д-да, — выдавил Джордж. Ему вдруг захотелось чего-нибудь выпить. Не обязательно спиртного. Просто промочить горло, а то во рту пересохло. Как в том фильме со Спенсером Треси, «Доктор Джекил и мистер Хайд», только на самом деле.

— Поймали они этого белого мудака?

— Нет. — А про себя Джордж подумал: *Парень заслуживает этого, еще как заслуживает.*

Он как-то смутно осознал, что фельдшера, подступившие было поближе (быть может, в надежде, что он сделает что-то не так), теперь ретировались.

— Ну и ладно. Все равно эти белые гады его отпустят. Я сама до него доберусь. Я хрен ему на фиг отрежу. Сукин сын! Я скажу тебе, что я буду делать с этим сукиным сыном! Я тебе кое-что скажу, белый ублюдок! Я скажу тебе... я скажу...

Глаза ее снова закрылись, и Джордж подумал: *Да, лучше спи, пожалуйста, спи. Мне за это никто не заплатит, я все равно не врубаюсь, не знаю, что делать, нам читали про шоковое состояние, но никто даже не упомянул шизофрению...*

Глаза снова открылись. Перед ним была первая женщина.

— Какой несчастный случай? — спросила она. — Я помню, как вышла из «Я»...

— Из себя? — тупо переспросил Джордж.

Она улыбнулась вымученной улыбкой.

— Такое кафе. «Голодный я».

— А... Да. Понимаю.

Из-за той, другой, будь она хоть трижды пострадавшая, он испытывал такое ощущение, словно его облили грязью, его даже слегка мутило. А с этой он чувствовал себя рыцарем из романа про короля Артура, рыцарем, который успешно вытащил Прекрасную Даму из пасти дракона.

— Я еще помню, как спустилась в подземку, прошла на платформу, а дальше...

— Кто-то столкнул вас. — Это звучало глупо, ну и что с того? Это действительно было глупо. Нелепо.

— Столкнул под поезд?

— Да.

— И я осталась без ног?

Джордж попытался сглотнуть, но не смог. В горле пересохло.

— Не совсем, — выдавил он, и ее веки снова сомкнулись.

Пусть это будет обморок, подумал он. *Пусть это будет...*

Глаза распахнулись. Они так и пылали. Рука поднялась и резанула растопыренной пятерней по воздуху в каком-то дюйме от его лица — еще чуть чуть, и он лежал бы сейчас в травмпункте с разодранной щекой, а не курил бы тут с Хулио «Честерфилд».

— ТЫ, БЕЛЫЙ ГАД, СУКИН СЫН! — завопила она. Глаза горели адским огнем на чудовищно искаженном лице. В этом лице не осталось уже ничего человеческого. — БУДУ ТЕПЕРЬ КОНЧАТЬ ВСЯКОГО БЕЛОГО МУДАКА, ТОЛЬКО МНЕ ПОПАДИСЬ! ОТРЫВАТЬ ИХНИЕ ЯЙЦА И ШВЫРЯТЬ В ИХНИЕ БЕЛЫЕ ХАРИ! Я...

Это было какое-то сумасшествие. Так изъяснялась только «Бабочка» Маккуин, негритянка из одного комикса, которая окончательно рехнулась и вопила, как обезумевшая гагара. Вот и она — или оно — тоже, казалось, утратила все человеческое. Это вопящее и издерганное существо просто не могло полчаса назад лежать в тоннеле подземки с отрезанными ногами. Она кусалась. Пыталась расцарапать ему лицо. Из носа у нее текло, с губ летели плевки, изо рта — непристойности.

— Вырубите ее, док! — заорал кто-то из фельдшеров, вдруг побледнев. — Бога ради, вырубите ее! — Он потянулся уже к коробке со шприцами, но Джордж отшвырнул его руку.

— Отгребись, чучело.

Джордж посмотрел на свою пациентку и снова увидел глаза той, первой, — спокойные, умные.

— Я буду жить? — спросила она небрежно, таким тоном, каким обычно беседуют за чашкой чаю, а он подумал: *Она даже не знает об этих провалах. Совершенно не знает.* И чуть погодя: *И та тоже не знает.*

— Я... — Он тяжело сглотнул, потер грудь поверх халата, как бы стараясь унять бешеное сердцебиение, и приказал себе успокоиться. Жизнь он ей спас. Психологические ее проблемы его не касаются.

— С *вами* все в порядке? — спросила она. И он даже слегка улыбнулся из-за искренней тревоги, прозвучавшей в ее голосе. Это надо же — *она* спрашивает *его*!

— Да, мэм.

— Вы на какой вопрос отвечаете?

Он сначала не понял, но потом сообразил:

— На оба. — Он взял ее за руку. Она сжала его руку, а он заглянул в ее сияющие глаза и подумал: *А в нее можно влюбиться,* и в это мгновение ее рука превратилась в царапающую пятерню, и она сообщила ему, что он белый мудак и что она не просто яйца ему отрежет, а вырвет их зубами.

Он отпрянул, глядя на ладонь, не идет ли кровь, и в голове у него пронеслась бессвязная мысль, что если кровь есть, то нужно будет что-нибудь сделать, потому что она ядовитая, эта женщина ядовитая, ее укус все равно что укус мокасиновой или гремучей змеи. Но крови не было. А когда он посмотрел на нее снова, перед ним была та — первая.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я не хочу умирать. Пожал... — Тут она потеряла сознание. Может, и к лучшему. Для них для всех.

4

— Ну и что ты думаешь? — спросил Хулио.

— Насчет того, кто выйдет в финал? — Джордж расплющил окурок каблуком ботинка. — «Белые носки». Я как-то уже с ними свыкся.

— Да нет, насчет этой девицы.

— По-моему, она ярко выраженная шизофреничка, — медленно проговорил Джордж.

— Да, я знаю. Я имею в виду, что с ней будет потом?

— Я-то откуда знаю?

— Ей нужна помощь, дружище. Но кто ей поможет?

— Ну я-то, что мог, для нее уже сделал. — При этих словах Джорджа бросило в жар.

Хулио поглядел на него.

— Если ты уже сделал что мог, то не лучше ли было оставить ее умирать, а, док?

Джордж поглядел на Хулио, но не смог выдержать его взгляда, в котором сквозило не обвинение даже, а только грусть.

Он пошел прочь.

У него еще были дела в городе.

5

Время для Извлечения.

С того несчастного случая ситуацию в основном контролировала Одетта Холмс, но Детта Уокер стала проявлять себя все чаще и чаще, а больше всего на свете Детта любила воровать. И не важно, что ворованное частенько оказывалось никудышным барахлом и она потом его выкидывала.

Важен был сам *процесс.*

Когда стрелок вошел в ее сознание в «Мейси», Детта аж взвизгнула от страха и ярости, а руки ее неподвижно застыли над бижутерией, которую она запихивала себе в сумку.

Она взвизгнула, потому что, когда Роланд *перешагнул «порог»* и вошел в ее сознание, она на мгновение почувствовала присутствие кого-то чужого, как будто в мозгах у нее приоткрылась дверь.

Она взвизгнула потому, что тот, кто насильно ворвался в ее сознание, был белым.

Видеть она не могла, но она чувствовала, что он белый.

Люди стали оглядываться. Дежурный администратор, который следил за порядком на этом этаже, заметил визжащую женщину в инвалидной коляске с открытой сумочкой на коленях, куда она запихивала бижутерию, причем даже с такого расстояния сумочка смотрелась раза в три дороже, чем все эти украшения, вместе взятые.

Администратор позвал:

— Эй, Джимми!

Джимми Халворсен, штатный охранник универмага, обернулся, увидел, что происходит, и сломя голову бросился к темнокожей женщине в инвалидной коляске. Чего, спрашивается, побежал? Но он ничего не мог с собой поделать: он восемнадцать лет прослужил в городской полиции, и такой об-

раз действия буквально въелся ему в кровь — а на бегу еще подумал, что работенка ему предстоит дерьмовая. Малышня, калеки, монашки, разбираться с такими — всегда дерьмовая работенка. Все равно что пинать пьянчужку. Они немного поплачут перед судьей, а потом их отпустят на все четыре стороны. Очень трудно убедить судей в том, что и среди калек попадаются настоящие негодяи.

Но он все равно побежал.

6

Роланд на мгновение опешил перед этой змеиной ямой ненависти и отвращения, которую представляло собой сознание, куда он попал... а потом услышал женский визг и увидел, как прямо на нее (него) несется здоровенный мужик с пузом, похожим на мешок с картошкой, увидел, что люди смотрят на них, и решил взять контроль на себя.

Внезапно он *стал* этой женщиной с темными руками. Он почувствовал в ней какое-то странное раздвоение, но сейчас у него не было времени поразмыслить об этом.

Он развернул кресло и принялся толкать его вперед. Ряд прилавков проносится мимо него (нее). Люди шарахаются в обе стороны. Сумку они уронили, и вещи Детты и украденные ею сокровища тянутся широким следом по полу. Мужчина с необъятным пузом поскользнулся на цепочках из поддельного золота и тюбиках с губной помадой и грузно свалился на задницу.

7

«Вот дерьмо!» — ругнулся про себя Халворсен, и в какой-то миг его рука сама сунулась под спортивную куртку, где в потайной кобуре, отделанной ракушками, висел револьвер 38-го калибра. Но здравый смысл все-таки возобладал: это ведь не какой-нибудь чокнутый наркоман или вооруженный грабитель — всего-навсего негритянка-калека в инвалидной коляске. Правда, катила она на ней как взбесившийся гонщик, но при этом все-таки оставалась калекой. Что он собирается делать? Стрелять в нее? Хорошая вышла бы штука! И куда она, интересно, несется? В конце прохода не было никакого выхода, только примерочные кабинки.

Он поднялся, потирая ушибленные ягодицы, и бросился следом за ней, теперь чуть прихрамывая.

Инвалидная коляска вкатилась в одну из кабинок. Дверца с силой захлопнулась.

«Вот ты и попалась, сучка, — подумал Джимми. — Сейчас я тебе покажу. И мне наплевать, если вдруг у тебя пять сироток-детишек и жить осталось тебе всего год. Бить не буду, но душу вытрясу».

Он опередил администратора и навалился на дверь кабинки левым плечом. Кабинка была пуста.

Никакой негритянки.

Никакой инвалидной коляски.

Вообще ничего.

Он ошалело уставился на администратора.

— В другой! — заорал он. — В другой!

Не успел Джимми пошевелиться, как администратор вломился в соседнюю кабинку. Дама в нижней юбке и лифчике «Плейтекс Ливинг» пронзительно завизжала, прижав руки к груди. Белая — очень белая женщина — и никакая не калека.

— Прошу прощения, — пролепетал администратор, заливаясь густой краской.

— Убирайся немедленно, извращенец! — завопила дама в бюстгальтере и нижней юбке.

— Да, мэм, — выдавил администратор и закрыл дверь.

Покупатель в «Мейси» всегда прав.

Он поглядел на Халворсена.

Халворсен поглядел на него.

— Что еще за дерьмо? — спросил Халворсен. — Так она заезжала туда или нет?

— Да, заезжала.

Администратор лишь покачал головой.

— Пойдем-ка лучше и уберем там все с пола.

— Это ты уберешь все с пола, — поправил Халворсен. — А то у меня ощущение такое, как будто задница раскололась на девять кусков. — Он помедлил. — И если по правде, друг мой, я что-то окончательно запутался.

8

Как только стрелок услышал, что дверь кабинки захлопнулась, он с размаху направил коляску к двери. Если Эдди сделал, что обещал, дверь должна исчезнуть.

Но дверь стояла распахнутой. Роланд *перекатил* Госпожу Теней через *«порог»*.

Глава 3
ОДЕТТА ПО ТУ СТОРОНУ

1

уть позже Роланд подумал: *Любая другая женщина, хоть здоровая, хоть калека, если б ее вдруг потащили на полной скорости между прилавками магазина, где она занималась делом — если угодно, то нехорошим делом, — причем потащил незнакомец, поселившийся у нее в сознании, загнал ее в маленькую комнатушку, и при этом какой-то мужик кричал ей вдогонку немедленно остановиться, потом неожиданно развернули там, где не было места для разворота, и выкатили в совершенно другой мир... Любая женщина, как мне кажется, при таких обстоятельствах первым делом наверняка бы спросила: «Где я?»*

Вместо этого Одетта Холмс вежливо осведомилась:

— Что именно вы собираетесь делать с этим ножом, молодой человек?

2

Роланд поглядел на Эдди. Лезвие ножа у него в руке было уже менее чем в четверти дюйма от его горла. Обладай Роланд даже сверхъестественной скоростью, он все равно не успел бы спастись, если бы Эдди решился ударить.

— Вот-вот, — сказал Роланд, — что ты с ним собираешься делать?

— Еще не знаю. — В голосе Эдди сквозило искреннее отвращение к себе. — Нарезать, наверное, наживки. А что, непонятно, что я собираюсь пойти порыбачить?

Он швырнул нож в сторону коляски Госпожи, целясь намного правее. Нож вонзился в песок по самую рукоятку и еще долго дрожал.

И тогда Госпожа повернула голову и начала было:

— Будьте любезны, объясните, пожалуйста, куда вы меня...

Тут она осеклась. Она успела сказать только «Будьте любезны», когда увидела, что позади коляски никого нет, и стрелок с интересом отметил, что она все же продолжила фразу, потому что из-за ее состояния некоторые вещи стали в ее жизни непре-

ложными истинами: например, если коляска двигалась, значит, ее кто-то двигал. Но сзади никого не было.

Вообще никого.

Она опять поглядела на Эдди и на стрелка, в ее черных глазах читались смущение, тревога и замешательство.

— Где я? — спросила он. — Кто меня сюда вывез? Как я здесь оказалась? И почему я одета, если уж на то пошло: ведь я была дома, в халате, смотрела новости. Кто я? Где я? И кто вы?

Она спросила: «Кто я?» — подумал стрелок. *Плотину прорвало, и хлынул поток вопросов. Этого следовало ожидать. Но этот вопрос «Кто я?». Даже сейчас я уверен, что она даже не сознает, что задала его.*

И когда она его задала.

Она задала этот вопрос *прежде всего.*

До того, как спросить, кто *они,* она спросила: «Кто *я*?»

3

Эдди растерянно перевел взгляд с молодого/старого лица негритянки в инвалидной коляске на Роланда.

— Как это так, она не знает?

— Затрудняюсь сказать. Наверное, она в шоке.

— Из-за шока она не помнит, как вышла из дома и оказалась в «Мейси»? Ты же сам говоришь, что последнее, что она помнит, это как сидела в халате и слушала какого-нибудь надутого пижона, вещавшего с экрана, что этого шиза нашли на островах Флорида-Кис, а левая кисть Кристы Маколифф торчала на стене его логова рядом с чучелом большой рыбины?

Роланд не проронил ни слова.

Совершенно ошарашенная, Госпожа спросила:

— А кто эта Криста Маколифф? Она — из пропавших без вести Всадников Свободы?

Теперь пришел черед Эдди озадаченно умолкнуть. Всадники Свободы? Кто такие?

Стрелок посмотрел на него, и Эдди без труда прочитал у него в глазах: *Ты что, неужели не видишь, что она в шоке?*

Я понимаю, что ты имеешь в виду, старина Роланд, но есть одна неувязочка. Я тоже был чуть-чуть в шоке, когда ты ворвался ко мне в башку, как какой-нибудь Уолтер Пейтон под кайфом, но память-то у меня не отшибло.

Кстати, о шоке: его еще раз неслабо шибануло, когда она прошла через дверь. Он стоял на коленях над неподвижным

телом Роланда, держа нож у самого горла, открытого для удара... но, говоря по правде, он не смог бы пустить нож в дело — во всяком случае, не сейчас. Он, словно загипнотизированный, смотрел на дверь. Когда проход между рядами прилавков понесся на него, ему опять вспомнился фильм «Свечение», та сцена, где мальчик едет на трехколесном велосипеде по коридору отеля с привидениями. А в конце коридора мальчик видит двух мертвых девчушек-близняшек. Но здесь вместо призраков была прозаичная белая дверь. На ней надпись большими четкими буквами: ПОЖАЛУЙСТА, НЕ БОЛЕЕ ДВУХ ПРЕДМЕТОВ ОДЕЖДЫ ОДНОВРЕМЕННО. Точно, универмаг «Мейси». Сомнений быть не может.

Черная рука распахнула дверь, а сзади вопил мужской голос (голос легавого, уж будьте уверены, Эдди-то их наслушался), приказывая остановиться немедленно, все равно там нет выхода, иначе ей же самой будет хуже, а потом Эдди мельком увидел в зеркале отражение чернокожей женщины и подумал еще: *Боже правый, сейчас он ее зацапает, а ей это явно не улыбается.*

Но тут изображение крутанулось, *и Эдди увидел себя.* Картинка стремительно надвигалась на наблюдателя, и он хотел уже вскинуть руку с ножом, чтобы прикрыть глаза, потому что смотреть одновременно через две пары глаз было ему не по силам — так и с ума сойти недолго, — но он не успел: все это произошло слишком быстро.

Инвалидная коляска проехала через дверь. Она прошла еле-еле: Эдди услышал, как скрипнули о косяк ее боковые крепления. И почти тут же услышал еще один звук, звук рвущейся ткани, заставивший Эдди вспомнить одно слово (*плацентарный*), то есть не то чтобы вспомнить: он никогда не думал, что знает это слово. А потом женщина покатилась к нему по плотно слежавшемуся песку, и она больше не выглядела разъяренной, как фурия, — если уж на то пошло, она вообще не походила на женщину, которую Эдди мельком видел в зеркале, — но он решил, что в этом нет ничего удивительного: когда ты на одном дыхании вылетаешь из примерочной «Мейси» на морской берег в каком-то Богом забытом мире, где водятся омары величиной с карликовую колли, ты себя чувствуешь несколько ошарашенно. Уж насчет этого Эдди Дин мог утверждать как знаток, познавший сие на своем горьком опыте.

Прежде чем остановиться, она проехала еще фута четыре, и то из-за куч песка и подъема. Руки ее больше не толкали колеса (*Если завтра вы, леди, проснетесь с болью в плечах, вините в том сэра Роланда,* угрюмо подумал Эдди), а лежали на подлокотниках кресла. Вцепившись в них что есть силы, она смотрела на двух мужчин.

За спиной у нее дверь уже исчезла. Исчезла? Не совсем верное слово. Она как будто сама себя *поглотила,* как в филь-

ме, когда кинопленку крутят в обратном направлении. Это случилось как раз в тот момент, когда охранник магазина принялся дубасить по другой — более заурядной — двери в примерочную. Дубасил неслабо: наверное, думал, что воровка заперлась изнутри, и Эдди еще подумал, что, когда этот дятел туда ворвется, он с размаху впишется в противоположную стену, но сам он уже этого не увидит. Прежде чем кусок сжимающегося пространства на месте двери исчез окончательно, на той стороне все застыло.

Фильм превратился в неподвижную фотографию.

Остались только две колеи от колес на песке, берущие начало из ниоткуда и заканчивающиеся у инвалидной коляски, в четырех футах от этой стартовой точки.

— Будьте любезны, разъясните, пожалуйста, где я и как я сюда попала? — спросила женщина едва ли не умоляющим голосом.

— Ну, одно я скажу тебе, Дороти, — выступил Эдди. — Ты уже не в Канзасе*.

В глазах у женщины заблестели слезы. Эдди видел, как она пытается их сдержать, но ничего у нее не получалось: она разрыдалась.

В бешенстве (и одновременно — с отвращением к себе) Эдди повернулся к стрелку, который уже поднялся на ноги. Роланд сделал шаг, но не в сторону плачущей Госпожи. Он направился за своим ножом.

— Скажи ей! — заорал Эдди. — Ты ее сюда затащил, *так что давай, мужичок, расскажи ей!* — И чуть погодя добавил уже спокойнее: — А мне расскажи, почему она себя не помнит.

4

Роланд не ответил. По крайней мере не сразу. Он нагнулся, двумя пальцами, что остались на правой руке, не считая большого, поднял нож за рукоятку, осторожно переложил его в левую руку и опустил в ножны на поясе. Он все еще пытался осмыслить ту странность, которую он почувствовал в сознании Госпожи. В отличие от Эдди она сопротивлялась ему, сопротивлялась, как дикая кошка, начиная с того момента, как он *перешагнул «порог»*, и пока они не проехали обратно. Сопротивление началось в то же мгновение, как она ощутила его присутствие. Никакого, хотя бы секундного, замешательства — она вообще не удивилась. Он испытал это на себе, но понять этого не мог. Она вовсе не удивилась вторжению постороннего разума в ее сознание — только ярость,

---

* Дороти — героиня сказок Ф. Баума, девочка, которую буря перенесла из Канзаса в волшебную страну Оз. — *Примеч. ред.*

ужас и борьба: она силилась прогнать его. Ее усилия не увенчались успехом, да и вряд ли она могла бы его победить, рассудил Роланд, но она все равно продолжала борьбу. В каком-то неизбывном бешенстве. Он буквально физически ощутил, что эта женщина обезумела от страха, ярости и ненависти.

В сознании ее ощущалась лишь тьма — это был разум, погребенный в глухой пещере.

За исключением того...

За исключением того, что в тот миг, когда они прошли через дверь и разделились, у Роланда вдруг возникло желание — *отчаянное* желание — задержаться хотя бы еще на секунду. За эту секунду ему открылось бы многое. Потому что женщина, которую они сейчас видели перед собой, абсолютно не походила на ту, в чьем сознании он побывал. Это был совершенно другой человек. Сознание Эдди напоминало комнату с шаткими запотевшими стенами. Сознание Госпожи — темноту, где ты лежишь обнаженный, а вокруг тебя копошатся ядовитые змеи.

И только в самом конце все предстало в ином свете.

В самом конце она переменилась.

И было еще кое-что, что-то жизненно важное, стрелок чувствовал это, но либо не понял это, либо не мог вспомнить. Что-то похожее на (*взгляд*) саму дверь, только в ее сознании. Что-то похожее (*ты разбил это «особенное», именно ты*) на внезапное озарение. Если подумать как следует, ты наконец понимаешь...

— Мать твою, — в сердцах выдавил Эдди. — Ты не человек, а бездушный чертов автомат.

Он прошел мимо Роланда, приблизился к женщине, встал рядом с ней на колени, а когда она обняла его, ничего не соображая в панике — руки ее были как руки тонущего пловца, — он не отпрянул и тоже обнял ее, прижав к себе.

— Все нормально, — сказал он. — Я хочу сказать, это, конечно, не замечательно, но все нормально.

— *Где мы?* — всхлипнула она. — *Я была дома, смотрела новости по телевизору, хотела узнать, удалось ли моим друзьям выбраться из Оксфорда живыми и невредимыми, и вдруг я оказалась здесь, и Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ ГДЕ!*

— Ну и я тоже не знаю. — Эдди прижал ее крепче и начал легонько укачивать. — Но, как я понимаю, мы теперь вместе. Я сам оттуда, откуда и вы, из старого доброго Нью-Йорка, и со мной приключилась такая же штука — ну, если по правде, со мной было немножко по-другому, — но я могу вам сказать: все с вами будет нормально. — И чуть погодя добавил: — Если только вы любите омаров.

Обнимая его, она плакала, а он обнимал ее и убаюкивал, и Роланд подумал: *Теперь с Эдди все будет в порядке. Брата*

его нет в живых, но теперь у него есть кто-то, о ком нужно заботиться, так что теперь с ним все будет в порядке.

Но в глубине души он почувствовал укол боли. Он может стрелять — во всяком случае, левой рукой, — убивать, идти неуклонно вперед, одолевая с безжалостным упорством мили, и годы, и, как выяснилось, измерения на пути к своей Башне. Он знает, как выжить, иногда у него получается даже кого-нибудь защитить — он спас мальчика Джейка от медленной смерти на заброшенной станции посреди пустыни и от плотских посягательств пророчицы у подножия гор, — но в конце концов он допустил гибель Джейка. И это был никакой не несчастный случай — он совершил это сознательно и тем обрек себя на проклятие. И вот теперь он смотрел на них, смотрел, как Эдди ее обнимает и уверяет, что все будет хорошо. Он тогда просто не мог поступить по-другому, но теперь в сердце его к печали прибавился паскудный страх.

Если сердце свое ты отдал Башне целиком, Роланд, считай, что с тобой уже все кончено. Бессердечное существо — это существо, не умеющее любить, а существо, не умеющее любить, — это животное. Зверь. Если бы быть только зверем, это еще можно как-то вынести, но человек, который стал зверем, должен будет потом расплатиться за это, и плата будет страшна... но что, если ты все же достигнешь того, к чему так стремишься? Что, если ты, бессердечный, возьмешь приступом Темную Башню и покоришь ее? Если в сердце твоем нет ничего, кроме тьмы, что тебе остается, как не превратиться из зверя в чудовище? Добиться своей вожделенной цели, будучи зверем, — в том была бы какая-то горькая ирония, это все равно что рассматривать слона через увеличительное стекло. Но добиться своей цели, будучи чудовищем...

Заплатить адом — одно дело. Но захочешь ли ты овладеть им?

Он вспомнил Элли и еще одну девушку, которая ждала его у окна, вспомнил о том, как он плакал над безжизненным трупом Катберта. О, тогда он умел любить. Да. Тогда.

Я так хочу любить! Роланд едва не расплакался, но хотя Эдди по-прежнему плакал вместе с женщиной в инвалидной коляске, глаза стрелка оставались сухими, как пустыня, которую он пересек, чтобы прийти к этому хмурому морю.

5

На вопрос Эдди он ответит чуть позже. Потому что так будет лучше для Эдди — держаться настороже. А причина того, что она не помнит, была очень проста. Она — не одна женщина, а две.

И одна из них очень опасна.

6

Эдди рассказал ей все, что мог, приукрасив лишь перестрелку у Балазара, но в остальном неукоснительно следуя правде.

Когда он закончил, она какое-то время хранила молчание, сложив на коленях руки.

С пологих гор, растянувшихся на несколько миль к востоку, стекали маленькие ручейки. Именно оттуда Роланд и Эдди брали пресную воду. Сначала ходил только Эдди, потому что Роланд был слишком слаб. Позже они ходили по очереди, и каждый раз приходилось ходить все дальше и искать воду чуть дольше. Горный кряж потихоньку сходил на нет, ручьев становилось все меньше, и вода в них струилась уже не так быстро, но она оставалась хорошей и пригодной для питья.

Пока.

Роланд ходил за водой вчера, и хотя сегодня была очередь Эдди, стрелок пошел снова: закинул за плечо опустевшие бурдюки и удалился, не сказав ни слова. Эдди эта любезность с его стороны показалась весьма подозрительной. Эдди совсем не желал умиляться такому великодушному жесту — да и вообще всему, что делал Роланд, уж если на то пошло, — но все-таки он невольно был тронут.

Она же внимательно его выслушала, не проронив ни слова и глядя ему прямо в глаза. Иной раз Эдди казалось, что она старше его лет на пять, иной раз — на все пятнадцать. И только в одном он был уверен на сто процентов: он потихоньку в нее влюблялся.

Когда он закончил, она еще какое-то время сидела молча, теперь глядя мимо него, на морские волны, из которых на закате выйдут хищные омары со своими непонятными вопросами. Их он описал ей в красках. Пусть она лучше сейчас испугается — чуть-чуть, — чем придет в ужас потом, когда они окажутся в поле зрения. Про себя он предположил, что, когда дело дойдет до того, чтобы их съесть, она поначалу не станет к ним прикасаться, после того, как услышала, что они сделали с пальцами Роланда, а потом еще и увидит их своими глазами. Но потом голод все-таки возобладает над этими *дид-а-чик и дуд-а-чум*.

Взгляд ее был устремлен вдаль — в пространство.

— Одетта? — тихонько позвал он спустя, наверное, пять минут. Она сказала ему, как ее зовут. Одетта Холмс. Ему показалось, что это великолепное имя.

Она посмотрела на него, очнувшись от задумчивости. Слегка улыбнулась. Сказала одно только слово:

— Нет.

Он лишь поглядел на нее, не в силах найти подходящие слова. До теперешнего момента он даже представить себе не мог, каким может быть безграничным это бесхитростное отрицание.

— Я не понимаю, — признался он наконец. — Что вы сейчас отрицаете?

— Вот это все. — Одетта описала рукой широкий круг (Эдди заметил, какие у нее сильные руки — нежные, но очень сильные), включающий море, и небо, и пляж, и неровную гряду гор, на склонах которой стрелок, вероятно, искал сейчас воду (или, быть может, его пожирало какое-то новое и занимательное чудовище, впрочем, сейчас Эдди было не до того), короче говоря, включающий весь этот мир.

— Я знаю, что вы сейчас должны чувствовать. Поначалу мне тоже все это казалось каким-то ненастоящим.

Но так ли это? Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что тогда он просто смирился, принял все беспрекословно, может быть, потому, что ему было худо, ему безумно хотелось ширнуться, его буквально ломало.

— Вы потом свыкнетесь.

— Нет, — повторила она. — Я уверена, что случилось одно из двух, и даже не важно — что. Я по-прежнему в Оксфорде, штат Миссисипи. А это все — нереально.

Она продолжала говорить. Если бы голос ее был чуть громче (или, возможно, если бы он не влюблялся в нее), ее речь вполне бы сошла за пространную лекцию. Но для Эдди все это звучало гораздо лиричнее, чем просто лекция.

За одним исключением, твердил он себе. *На самом деле все это чепуха, и тебе еще предстоит убедить ее в этом. Для ее же блага.*

— У меня, наверное, была какая-то травма. Головы, — закончила она. — Они там в Оксфорде мастера орудовать топорищами и дубинками.

В Оксфорде.

Что-то в глубинах памяти Эдди откликнулось на это название. То, как она произнесла это слово, почему-то напомнило ему Генри... Генри и мокрые пеленки. Почему? Что? Теперь это уже не имело значения.

— Вы хотите сказать, что думаете, будто все это — сон, а вы пребываете в бессознательном состоянии?

— Или в коме, — сказала она. — И не надо смотреть на меня так, словно вы считаете, что я говорю ерунду. Потому что это не ерунда. Взгляните сюда.

Она аккуратно приподняла волосы над левым ухом, и Эдди увидел, что она носит прическу с косым пробором вовсе не потому, что следует моде. Пониже края волос красовался уродливый

13 Зак. 722

шрам от старой раны, а кожа на нем была не коричневая, а серовато-белая.

— Похоже, что в жизни вам здорово не повезло, — сказал Эдди.

Она раздраженно пожала плечами.

— Иногда не везло, иногда наоборот. Возможно, одно другим уравновешивалось. Я показала вам этот шрам лишь потому, что я тогда была в коме целых три недели. Мне было пять лет. И я видела сны. Много снов. Я не помню, что мне тогда снилось, но мама потом рассказывала, что они с папой знали: пока я разговариваю во сне, я не умру, а я, похоже, разговаривала все время, хотя мама мне говорила, что они разбирали из дюжины одно слово. Но я помню, что эти сны были очень достоверными. Словно все снившееся мне происходило наяву.

Она помедлила, оглядевшись по сторонам.

— Такие же реальные, как все это. Как вы, Эдди.

Когда она назвала его по имени, Эдди почувствовал, как по рукам у него побежали мурашки. Вот именно, мурашки, а не хухрымухры.

— *И он...* — Она вздрогнула. — *Он,* по-моему, реальнее всего.

— Мы настоящие. Я хочу сказать, мы реальные, что бы вы там ни думали.

Она улыбнулась ему по-доброму, хотя, очевидно, не поверила ни единому слову.

— А как это случилось? — спросил Эдди. — Откуда у вас этот шрам?

— Какое это имеет значение? Я просто хочу подчеркнуть, что случившееся однажды может вполне повториться.

— И все-таки мне любопытно.

— Меня ударили кирпичом. Это случилось, когда мы в первый раз съездили на Север — в город Элизабет в штате Нью-Джерси. Ехали мы на поезде, в вагоне для Джима Кроу.

— Для кого?

Она недоверчиво, едва ли не пренебрежительно, покосилась на него.

— Вы где жили, Эдди? В бомбоубежище?

— Я из другого времени, — пояснил он. — Могу я спросить, сколько вам лет, Одетта?

— Мне уже можно голосовать, но до пенсии все-таки далековато.

— Вы, как я понимаю, меня тем самым на место ставите.

— Но все же, надеюсь, не грубо. — И снова она улыбнулась своей лучезарной улыбкой, и по рукам его вновь пробежали мурашки.

— Мне двадцать три, — сказал он. — Только я родился в 1964-м — как раз в том году, когда Роланд вас сюда притащил.

— Но это же полный бред.

— Отнюдь. Я жил себе мирно в 1987-м, когда он перетащил меня.

— Да уж, — сказала она чуть погодя, — это действительно ощутимое подкрепление вашего утверждения, что все это реальность, Эдди.

— Вагон Джима Кроу... это там, где положено ездить черным?

— Неграм, — поправила она. — Называть негра черным — это невежливо, вы не находите?

— Где-то к 80-му году вы себя сами будете так называть, — сказал Эдди. — Когда я был маленьким, назвать черного негром означало нарваться на драку. Все равно как назвать его ниггером или черножопым.

Она растерянно на него поглядела, а потом покачала головой.

— Ладно, вы начали рассказывать про кирпич...

— Младшая сестра моей мамы выходила замуж, — продолжала Одетта. — Ее звали София, но мама всегда звала ее Синей Сестрицей, потому что той нравился синий цвет. «Во всяком случае, она воображает, что он ей нравится» — так поговаривала моя мама. Так что и я ее звала Синей Тетушкой, еще до того, как мы с ней познакомились лично. Свадьба была замечательная. После венчания еще гуляли. Гости пришли. Я даже помню, какие были подарки.

Она рассмеялась.

— Детям подарки всегда кажутся чем-то необыкновенным, правда, Эдди?

Он улыбнулся:

— Да, это вы верно подметили. Подарки забыть невозможно. Ни того, что дарили тебе, ни того, что дарили другим.

— К тому времени папа уже начинал делать деньги. Я помню, как мама еще говорила, что мы *потихоньку идем в гору*. Она это так называла, и однажды, помню, я ей рассказала, что подружка моя, с которой я всегда играла, спросила, богатый ли у меня папа, а мама велела мне отвечать всем приятелям, если кто-то еще вдруг задаст этот вопрос, именно так: что мы *потихоньку идем в гору*.

— В общем, они были уже в состоянии подарить Синей Тетушке на свадьбу прелестный фарфоровый сервиз, и я помню...

Голос ее сорвался. Она рассеянно поднесла руку к виску и потерла его, как будто у нее начинала болеть голова.

— Помните что, Одетта?

— Помню, как мама ей подарила кое-что особенное.

— Что?

— Простите, Эдди. У меня голова разболелась. Что-то язык у меня заплетается, и вообще я не знаю, зачем я вас беспокою своей болтовней?

— Вы не хотите рассказывать?

— Нет. Я расскажу. Я *хочу* рассказать, что мама ей подарила одно особенное блюдце. Белое с тонкой синей вязью по краю. — Одетта улыбнулась, но Эдди показалось, что это была не слишком умиротворенная улыбка. Чем-то это воспоминание ее тревожило. Оно полностью поглотило ее, а в той ситуации, прямо скажем, необыкновенной, в которой она сейчас оказалась и которая вроде бы должна была полностью занимать все ее мысли, такое с ее стороны поведение было несколько странноватым, и это обеспокоило Эдди.

— Я мысленно вижу это блюдце так же ясно и четко, как сейчас вижу вас, Эдди. Мама подарила Синей Тетушке это блюдце, а та расплакалась и никак не могла успокоиться. Наверное, когда они с мамой были детьми, ей понравилось точно такое же блюдце, но их родители были не в состоянии купить ей подобную вещь. В детстве у мамы с сестрой не было ничего особенного. После свадьбы Синяя Тетушка с мужем отправились на медовый месяц в Грейт-Смоки-Маунтинс. На поезде. — Она внимательно посмотрела на Эдди.

— В вагоне для Джима Кроу, — сказал он.

— Точно так! В вагоне для Кроу! В то время все негры так ездили, и ели они тоже в этом вагоне. Против этого мы и выступили в Оксфорде.

Она поглядела на него, видимо, предполагая, что он снова начнет уверять ее, будто все происходящее сейчас реально, но Эдди увяз в паутине собственных воспоминаний: мокрые пеленки и это слово. Оксфорд. Внезапно пришли и другие слова — строка из песни, которую Генри мурлыкал не переставая, пока мама не попросила его замолчать. Ей хотелось послушать Уолтера Кронкайта.

Надо бы поскорей разобраться. Вот эти слова. Вот строка из той песни, которую Генри гнусаво мурлыкал себе под нос. Эдди попытался вспомнить другие строчки, но не сумел. И неудивительно. Ему тогда было не больше трех лет. *Надо бы поскорей разобраться.* От этих слов по спине его побежали мурашки.

— Эдди, что с вами?

— Ничего. А что?

— Вы дрожите.

Он улыбнулся:

— Это, должно быть, по мне пробежала пара мурашек.

Она рассмеялась.

— Во всяком случае, я не испортила свадьбу. Это случилось, когда мы возвращались на вокзал. Мы переночевали у подруги Синей Тетушки, а утром папа вызвал такси. Такси приехало очень быстро, но как только шофер увидел, что мы цветные, он укатил с такой скоростью, как будто у него волосы на голове горели

или в заднице шило свербило. Подруга Синей Тетушки уехала чуть пораньше, с нашим багажом — а его было немало: мы собирались на недельку съездить в Нью-Йорк. Я еще помню, как папа сказал, что ему не терпится увидеть, как засияет мое лицо, когда в Центральном парке пробьют часы и на них затанцуют зверюшки.

Когда машина уехала, папа сказал, что мы вполне можем дойти до вокзала пешком. Мама тут же согласилась и заявила, что это прекрасная мысль, что идти здесь не больше мили и нам будет очень полезно размять ноги после трех суток в поезде и перед новой многочасовой поездкой. Отец сказал: да, и погода к тому же чудесная, — но я поняла, даже в свои пять лет, что папа взбешен, а мама обижена и оба они боялись снова вызвать такси, чтобы не повторилось то же самое.

Так что мы пошли пешком. Я шла ближе к домам, потому что мама опасалась подпускать меня близко к проезжей части. Я шла и все думала, что хотел сказать папа, когда говорил, что у меня засияет лицо, когда я увижу эти часы в Центральном парке, — зажжется, как лампочка? И не будет ли мне тогда больно? И именно в этот момент мне на голову упал кирпич. В глазах у меня потемнело, и какое-то время была одна темнота, а потом начались сны. Очень яркие сны. Как живые.

Она улыбнулась.

— Как этот сон, Эдди.

— Кирпич сам упал или его кто-то бросил?

— Никого не нашли. Мама потом мне сказала — уже гораздо позднее, когда мне было лет шестнадцать, — что полиция побывала в том доме, в жилом доме, предназначенном под снос, и они обнаружили, что в одном месте на фасаде не хватает кирпичей, а оставшиеся вот-вот упадут. Как раз под окном четвертого этажа. Но люди в том доме по-прежнему обитали. И особенно по ночам.

— Понятно, — вставил Эдди.

— Никто не видел, чтобы из дома кто-то выходил, так что происшедшее посчитали несчастным случаем. Мама потом говорила, что она так и предполагала, но мне кажется, что она врала. Она даже мне не рассказала, что по этому поводу думал отец. Они оба все еще переживали, что таксист тогда, как только увидел нас, развернулся и уехал. И, по-моему, именно этот поступок таксиста убедил их в том, что кто-то в том доме выглянул из окна, увидел, что мы идем, и решил бросить кирпич на голову черномазым. А скоро появятся эти ваши омары?

— Еще нескоро, — ответил Эдди. — Пока не стемнеет. Значит, вы считаете, что все это — просто сон, коматозный сон, как те, которые снились вам после того случая с кирпичом. Только на этот раз вас огрели дубинкой.

— Да.

— Это, как вы говорили, одно из двух. А что второе?

Лицо и голос Одетты были спокойны, но в голове у нее переплетались в безобразный клубок картины и образы, связанные с Оксфордом. Оксфорд. Как там в песне поется? *Двоих пришили при полной луне, надо бы поскорей разобраться.* Не совсем так, но близко к тому. Очень близко.

— Может быть, я сошла с ума, — вымолвила она.

7

Первое, что пришло Эдди в голову: *Вы точно, Одетта, не в своем уме, если думаете, что сошли с ума.*

После недолгих раздумий он все же решил, что продолжать разговор в таком духе не стоит.

Какое-то время он молча сидел на песке возле ее коляски, подтянув колени к груди и сцепив пальцы.

— А вы, Эдди, действительно были наркоманом? И героин потребляли?

Я и сейчас еще наркоман. Это, знаете, как алкоголизм или пристрастие к «free base»*. От этого просто так не избавишься. Мне говорили об этом, и я соглашался: «Да, да, правильно, верно», но понял я только сейчас. Мне все еще нужен наркотик, и, наверное, что-то во мне *всегда* будет нуждаться в нем, но стадию физической зависимости я преодолел.

— А что такое «free base»? — спросила она.

— В ваше время такого еще не придумали. Это тот же кокаин, только особая его формула. Это примерно то же, как заменить взрывчатку атомной бомбой.

— А вы пробовали?

— Боже упаси. Я же вам говорил, я героинщик.

— Вы совсем не похожи на наркомана.

Да уж, выглядел Эдди превосходно... если отрешиться от запашка, исходившего от его тела и одежды (возможность мыться у него была, и он мылся, и одежду стирал, однако без мыла как следует не помоешься и не постираешь). Когда Роланд вошел в его жизнь, Эдди ходил коротко стриженный (*С такой благообразной прической, котик, ты привлечешь меньше внимания на таможне...* И чем это все обернулось? Обхохочешься!), и хотя волосы чуть отросли, прическа по-прежнему вид имела приличный. Он брился каждое утро.

* «Free base» — чистый, пригодный к употреблению кокаин. — *Примеч. пер.*

Вместо бритвы он приспособил остро отточенный нож Роланда. Поначалу ручонки тряслись, но потом он наловчился. До того как Генри загремел во Вьетнам, Эдди еще был зелен и юн и ему не нужно было бриться, да и Генри тогда не подавал ему положительного примера, и хотя бороду он никогда не отпускал, иной раз лицо его зарастало четырехдневной щетиной, и маме приходилось напоминать ему «скосить лужайку». Но когда Генри вернулся, он превратился в какого-то «бритвенного» маньяка (и не только в отношении бритья: он, например, после душа стал обрабатывать ноги специальным тальком, чистить зубы по три-четыре раза на дню и полоскать рот зубным эликсиром, аккуратно развешивать вещи в шкафу на плечиках) и сумел привить Эдди этот свой гигиенический фанатизм. «Лужайку косили» два раза в день: утром и вечером. Привычка эта глубоко укоренилась в Эдди, как и все остальное, чему учил его брат. Включая, само собой разумеется, и наркотики.

— Выгляжу слишком прилично? — спросил он, усмехнувшись.

— Нет, слишком белым, — резко отозвалась она и умолкла, хмуро глядя на море. Эдди тоже притих. Он не знал, как теперь вернуться к разговору.

— Простите, — сказала она наконец. — Это так некрасиво и грубо с моей стороны и так на меня не похоже.

— Да ничего, все нормально.

— *Нет,* не нормально. Это все равно как белый взял бы и сказал: «Господи, в жизни бы не догадался, что вы черномазый».

— А вам нравится думать, что вы такая справедливая, лишенная предубеждений? — спросил Эдди.

— То, что мы думаем о себе, и то, что мы в действительности собой представляем... по-моему, очень редко совпадает, но да, я считаю себя человеком, лишенным предубеждений. Так что примите мои извинения, пожалуйста, Эдди.

— Хорошо, но при одном условии.

— При каком? — Она опять улыбнулась. Так хорошо. Он был доволен, что ему удалось вызвать ее улыбку.

— Попробуйте в это поверить. Вот такое условие.

— Поверить *во что*? — Она как будто забавлялась. Скажи таким тоном кто-то другой, Эдди бы психанул или подумал, что над ним издеваются, но она — это другое дело. В ее устах это звучало нормально. Она могла сделать все, что угодно, и для него это было бы нормально.

— Что есть еще один, третий, вариант. Что все это действительно происходит. На самом деле. Я имею в виду... — Эдди откашлялся, прочищая горло. — Я не слишком силен во всей этой философской бодяге, ну, знаете, в этой метаморфозе или черт знает, как ее там называют...

— Вы хотите сказать: в метафизике?

— Может быть. Я не знаю. Да, наверное. Но я твердо знаю одно: нельзя упорно не верить тому, что вам подсказывают ваши чувства. Ну ладно, допустим, вы правы и все это — сон, но если так...

— Я не сказала, что сон...

— Вы, может быть, выразились и не так, но смысл-то один, правда? Ложная реальность?

Если до этого в ее голосе и проскальзывала какая-то нотка снисходительности, то теперь ее как не бывало.

— Может быть, Эдди, философия и метафизика не ваш конек, но в школе, наверное, вы были членом дискуссионного клуба.

— Никогда. Это занятие для геев, страшненьких девочек и зануд. Вроде клуба шахматистов. А что еще за конек?

— Ну, просто то, в чем вы преуспели. А что за геи?

Он лишь посмотрел на нее и пожал плечами.

— Голубые. Гомосексуалисты. Какая разница? Мы можем хоть целый день толковать слова. Но ни к чему это не приведет. Я пытаюсь сказать, что если все это сон, то, может быть, это не я вам, а вы мне снитесь. Может быть, это *вы* — плод *моего* разыгравшегося воображения.

Ее улыбка погасла.

— Но вы... вас никто не тюкал по голове.

— *Вас* тоже никто не тюкал.

Теперь от улыбки ее не осталось и следа.

— Точнее, я просто *не помню* кто, — поправила она довольно резко.

— Я тоже не помню, — взорвался он. — Вы говорите, что там в Оксфорде ребята крутые. Ну и парни с таможни тоже обычно не веселятся, когда не могут найти товар, на который они уже навострились. Может быть, кто-то из них шибанул меня по башке прикладом. Может быть, я лежу сейчас где-нибудь в Белвью, в больничной палате, и мне снитесь вы и Роланд, а они пишут объяснительную начальству, что так вот нехорошо получилось: в ходе допроса я оказал злостное сопротивление, и им пришлось меня успокаивать в срочном порядке.

— Это не одно и то же.

— А почему? Потому что вы умная, социально активная черная дама без ног, а я наркоман из Бронкса?

Он сказал это с улыбкой, как бы в шутку, но Одетта набросилась на него, оскорбленная:

— Прекратите меня называть *черной!*

Он вздохнул:

— Хорошо, но мне нужно привыкнуть.

— И вам все-таки стоило записаться в дискуссионный клуб.

— Мать твою, — сказал Эдди, и по ее взгляду он понял, что разница между ними заключается не только в цвете кожи: они разговаривали друг с другом как бы с двух островов, разделенных водами времени. Ничего не поделаешь. Слово не воробей. — Я не хочу с вами спорить. Я просто хочу, чтобы вы наконец поняли, что это не сон, вот и все.

— Может быть, я и приму этот третий ваш вариант, пока... ситуация эта... не изменится так или иначе, но на одном я буду настаивать: между тем, что случилось со мной и вами, существует огромная разница. Настолько огромная, что вы ее не видите.

— Тогда подскажите мне.

— Ваше сознание, скажем так, непрерывно. А в моем существуют провалы. Разрывы.

— Я не понимаю.

— Я имею в виду, что вы можете вспомнить все. От точки до точки. Самолет, вторжение этого... этого... ну, его... — Она кивнула в сторону гор с явным неудовольствием. — Как вы прятали наркотики, как вас забрали таможенники и все остальное. История фантастическая, но в ней нет никаких выпадающих звеньев.

— А у меня все по-другому. Я вернулась из Оксфорда, меня встретил Эндрю, мой шофер, и привез домой. Я приняла ванну и собиралась ложиться спать: у меня ужасно разболелась голова, а сон — самое лучшее средство от действительно сильной боли. Но дело близилось к полуночи, и я решила сначала посмотреть новости. Кое-кого из наших отпустили, но большинство так и остались сидеть в каталажке. Мне хотелось узнать, может быть, их тоже уже выпустили.

Я вытерлась, надела халат и пошла в гостиную. Включила телевизор. Обозреватель начал передачу с последней речи Хрущева об американских советниках во Вьетнаме. Он сказал: «У нас есть документальные кадры из...» — и вдруг все исчезло, а я оказалась на этом пляже. Вы говорите, что вы меня видели через какую-то волшебную дверь, которая теперь пропала. Что я была в универмаге «Мейси» и что-то там крала. Это само по себе просто бред, но даже если и так, я, уж наверное, стала бы красть что-нибудь посущественнее, чем дешевая бижутерия. Я вообще не ношу украшений.

— Посмотрите еще разок на свои руки, Одетта, — тихо вымолвил Эдди.

Она долго смотрела на перстень с бриллиантом на мизинце левой руки — явно фальшивым, судя по размеру и весьма вульгарному виду, — и на здоровенный опал на среднем пальце правой, который не мог быть настоящим по той же причине.

— Это все нереально, — решительно повторила она.

— У вас, по-моему, пластинку заело! — На этот раз Эдди действительно рассердился. — Как только в вашей аккуратной истории выходит прокол, вы повторяете эту дурацкую фразу: «Это все — нереально». Пора бы уже понять, Детта.

— *Не называйте меня так! Я ненавижу, когда меня так называют!* — завопила она так пронзительно, что Эдди невольно отпрянул.

— Простите. Боже мой! Я не знал.

— Я попала из ночи в день, из моей гостиной на какой-то пустынный пляж. Я была в халате, а сейчас я одета. Потому что на самом деле какое-то должностное лицо с толстым пузом и красным загривком шибануло меня дубинкой по голове! *И ничего больше!*

— Но вы же помните, как уезжали из Оксфорда, — вполголоса вставил он.

— Ч-что? — Опять неуверенность. Или, может быть, понимание, но отказ принимать. Как и с этими кольцами.

— В таких случаях не всегда соблюдается строгая логика. — Она снова терла виски. — Но сейчас, если вы не возражаете, Эдди, я бы хотела прекратить разговор. У меня опять голова разболелась. Ужасно.

— А по-моему, есть там логика или нет, все зависит от того, во что вы хотите верить. Я видел вас в «Мейси», Одетта. Я видел, как вы воровали. Вы говорите, что никогда этим не занимались, но вы еще говорили, что не носите украшений. Вы это мне говорили, хотя, даже пока мы разговаривали, вы несколько раз смотрели на свои руки. С самого начала на них были кольца, но *получается, вы как будто не видели их, пока я не обратил на них ваше внимание и буквально не вынудил их увидеть.*

— Я не хочу говорить об этом! — закричала она. — У меня голова болит!

— Хорошо. Но вы все-таки знаете, где потеряли след времени, и это случилось не в Оксфорде.

— Оставьте меня в покое, — вяло проговорила она.

Эдди увидел, как Роланд спускается вниз со склона с двумя полными бурдюками: один обвязан вокруг пояса, другой перекинут через плечо. Выглядел он усталым.

— Я очень хочу вам помочь, Одетта, — сказал Эдди, — но для этого, как я понимаю, мне надо быть настоящим.

Он еще постоял возле ее коляски, но она уже на него не смотрела, а, склонив голову, продолжала тереть виски.

Эдди пошел навстречу Роланду.

8

— Присядь. — Эдди взял у Роланда бурдюки. — Вид у тебя измученный.

— Это точно. Я, кажется, снова заболеваю.

Эдди посмотрел на горящие щеки и лоб стрелка, на его потрескавшиеся губы и кивнул:

— Я надеялся, что все обойдется, но если честно, я вовсе не удивляюсь, дружище. Курс лечения ты не прошел. Балазаровского кефлекса явно мало.

— Я тебя не понимаю.

— Чтобы полностью подавить инфекцию, нужно принять определенную дозу пенициллина. А ты просто ее приглушил. Прошло несколько дней, и она вылезла снова. Нам нужно побольше лекарств, но двери нет и взять их неоткуда. Придется тебе пока как-нибудь продержаться. — А про себя Эдди подумал, что Одетта — безногая, а за водой приходится ходить все дальше и дальше. Удобное времечко выбрал Роланд, чтобы опять разболеться. Специально захочешь — хуже не придумаешь. Если, конечно, очень постараться...

— Мне нужно сказать тебе кое-что про Одетту.

— Ее так зовут?

— Угу.

— Красивое имя, — заметил стрелок.

— Да, мне тоже так кажется. Имя приятное. Неприятно другое: то, что она думает о своем пребывании здесь. Она думает, что ее здесь нет.

— Я знаю. И меня она недолюбливает, я прав?

В самую точку попал, подумал Эдди. *Однако это не мешает ей считать, что ты — сплошная галлюцинация.* Но вслух он этого не сказал, только кивнул.

— И я, кажется, знаю причину, — продолжал стрелок. — Дело в том, что она не та женщина, которую я сюда затащил. Совсем не та.

Эдди вытаращил глаза, а потом вдруг кивнул в возбуждении. Это размытое отражение в зеркале... искаженное злобой лицо... старина Роланд прав. Боже всемогущий, он прав! То была не Одетта.

Но тут он вспомнил руки, которые небрежно перебирали шарфы и косынки, а потом так же небрежно принялись запихивать в сумочку дешевую бижутерию — впечатление складывалось такое, что ей хотелось, чтобы ее поймали за кражей.

И кольца на пальцах были.

Те же самые кольца.

Однако это еще не значит, что те же самые руки, вдруг осенило его, но уже через пару секунд его возбуждение спало. Он хорошо разглядел ее руки. Те же самые руки: тонкие, нежные, с длинными пальцами.

— Нет, — подытожил стрелок. — Это не она.

Глаза его пристально изучали Эдди.

— Ее руки...

— Послушай, — не дал ему договорить Роланд. — И слушай очень внимательно. Сейчас от этого может зависеть жизнь и твоя, и моя: моя — потому что я снова заболеваю, твоя — потому что ты в нее влюбился.

Эдди предпочел промолчать.

— В ее теле — *две* женщины. Когда я вошел в нее, это была одна женщина, а когда я вернулся, она стала совсем другой.

Теперь Эдди *не смог* вымолвить ни слова.

— И было еще кое-что, одно странное обстоятельство, но я либо не понял, либо понял, но это вылетело из головы. Мне это обстоятельство показалось важным.

Роланд поглядел мимо Эдди на одинокую коляску, что стояла в конце небольшой колеи, идущей из ниоткуда, потом — снова на Эдди.

— Я мало что понимаю, как такое вообще может быть, но *тебе нужно держаться настороже*. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, — еле выдавил Эдди. В легких как будто не было воздуха. Он понял — пусть даже на уровне завсегдатая киношек, — о чем говорил стрелок, но пока у него не хватало сил объяснить. Ощущение было такое, как будто Роланд одним ударом вышиб из него дух.

— Хорошо. Потому что та женщина, в которую я вошел по ту сторону двери, так же смертельно опасна, как эти ночные омарообразные чудища.

Глава 4
ДЕТТА ПО ТУ СТОРОНУ

1

«Тебе нужно держаться настороже», — сказал стрелок, и Эдди с ним согласился, но Роланд был уверен, что Эдди не понял, о чем он говорит: потаенная часть его разума, где таится — или не таится — инстинкт самосохранения, осталась глуха к словам стрелка.

Роланд это понял.

Эдди очень повезло, что Роланд понял.

2

Посреди ночи Детта Уокер открыла глаза. В них отражались свет звезд и ясный ум.

Она вспомнила все: как она отбивалась, как ее привязали к коляске, как издевались над ней, называли ее черномазой сукой.

Она вспомнила чудищ, выходящих из волн; вспомнила, как один из этих двух мужиков — тот, что постарше, — убил одного «омарчика». Тот, что помоложе, развел костер, приготовил еду, а потом, улыбаясь, протянул ей на палочке кусок дымящегося мяса. Вспомнила, как она плюнула ему в рожу. Его улыбочку, которая мигом обернулась злобным оскалом белого. Он наотмашь ударил ее по лицу и сказал: *«Ладно-ладно, ты еще пожалеешь, черномазая сука. Потом сама просить будешь, но ни фига не получишь»*. А потом он и Воистину Гнусный Мужик рассмеялись, и Воистину Гнусный Мужик достал здоровенный кусок говядины, насадил его на вертел и принялся обжаривать над костром — на морском берегу, в незнакомом месте, куда они ее притащили.

Запах медленно прожаривающегося мяса был действительно соблазнительным, но она и виду не подала. Даже когда этот, что помоложе, помахал ломтем мяса у нее перед лицом, издеваясь: «Укуси, черномазая сука, попробуй-ка откуси», она сидела, как каменная статуя, сдерживая себя.

Позже она уснула, и вот сейчас, проснувшись, обнаружила, что веревки, которыми ее привязали к коляске, куда-то делись. Да она и не сидела в кресле: она лежала на берегу, на одном одеяле, укрытая другим, гораздо выше верхней линии прилива, где бродили омарообразные чудища, задавая свои печальные вопросы и хватая неосторожных чаек.

Она посмотрела налево и не увидела ничего.

Посмотрела направо и увидела двух спящих мужчин, укутанных в одеяла. Тот, что моложе, был ближе, а Воистину Гнусный Мужик снял свои ружейные ремни и положил их рядом с собой.

На ремнях — кобуры, в кобурах — револьверы.

Ты, урод, совершил очень большую ошибку, сказала себе Детта и перекатилась на правый бок. Вой ветра, плеск волн, вопрошающее щелканье чудищ заглушали поскрипывание песка под ее телом. Она медленно ползла вперед (ползла, как эти омарообразные гады), и глаза у нее горели.

Она дотянулась до ремней и вытащила один револьвер.

Он оказался очень тяжелым, гладкая его рукоять в ее руке казалась каким-то от нее независимым смертоносным

существом. Но вес револьвера ее не пугал. У нее сильные руки. У Детты Уокер.

Она проползла чуть подальше.

Младший из мужчин храпел, как бревно, но Воистину Гнусный Мужик зашевелился во сне, и она замерла на месте, лицо ее искривилось в гримасе, которая исчезла только тогда, когда тот успокоился снова.

Сукин сын, падла. Давай, Детта. Давай.

Она нащупала затвор патронника, попыталась протолкнуть его вперед, но не смогла. Попробовала потянуть на себя. Патронник открылся.

Заряжен! Заряжен, твою-Богу-душу-мать! Сначала я сделаю этого юнца-хренососа, а потом и Воистину Гнусный Мужик проснется, я ему улыбнусь сладко-сладко — улыбнись, золотце, а то я тебя не вижу — и всажу пулю прямо в морду.

Она захлопнула патронник, взвела было курок... но решила чуть-чуть еще выждать.

Когда налетел очередной порыв ветра, она довела взвод до конца.

Детта целилась Эдди в висок.

3

Стрелок наблюдал за всем этим, полуоткрыв один глаз. У него опять начинался жар, но не такой еще сильный, чтобы он с чистым сердцем посчитал происходящее за лихорадочный бред. Так что он выжидал, его полуоткрытый глаз был как палец на спусковом крючке его тела, которое было его револьвером всегда, когда под рукой не было револьвера.

Она нажала на спуск.

Щелк.

Конечно же — *щелк.*

Когда они с Эдди, болтая друг с другом, вернулись с полными бурдюками, Одетта Холмс уже крепко спала в своей инвалидной коляске, склонившись набок. Они постарались устроить ей на песке ложе получше и осторожно перенесли ее с коляски на расстеленные одеяла. Эдди был на сто процентов уверен, что она не проснется, но Роланд-то знал, чего можно ждать.

Он добыл омара, Эдди развел костер. Они поужинали, отложив порцию для Одетты на утро.

Потом они поговорили, и Эдди сказал одну вещь, которая поразила Роланда, как удар молнии, слишком яркий, слишком короткий, чтобы понять все до конца, и все-таки Роланд мно-

гое понял — так иной раз видишь детали пейзажа в свете единственной вспышки молнии.

Он мог бы сказать Эдди сразу, но он не сказал. Он понял, что для Эдди он должен быть Кортом, а когда кто-то из учеников Корта корчился от боли и истекал кровью после неожиданного удара, у Корта на все был один ответ: «Ребенок не понимает, что такое молоток, пока, забивая гвоздь, не ударит им себе по пальцу. Вставай и прекрати ныть, червяк! Ты забыл лицо своего отца!»

Так что Эдди заснул, хотя Роланд и предупреждал его быть начеку, и когда Роланд удостоверился, что они оба спят (за Госпожой он следил дольше, потому что предполагал, что она могла попытаться его перехитрить), он перезарядил револьверы стреляными гильзами, снял их с пояса (для него это была болезненная процедура) и положил рядом с Эдди.

И стал ждать.

Один час. Второй. Третий.

Ближе к середине четвертого часа, когда его, усталого, горящего в лихорадке, уже начало клонить ко сну, он скорее почувствовал, чем увидел, что Госпожа проснулась, и сам тоже проснулся.

Он видел, как она перекатилась на бок. Видел, как, изогнув пальцы в клешни, она поползла по песку к тому месту, где лежали его револьверы. Видел, как она вытащила один, подползла совсем близко к Эдди, потом помедлила, наклонив голову и раздувая ноздри — она не просто нюхала воздух, она его пробовала на вкус.

Да. Именно эту женщину он провез через дверь.

Когда она поглядела в сторону Роланда, он не просто притворился спящим — потому что она бы увидела подвох, — он действительно уснул. Когда он почувствовал, что она отвела взгляд, он мгновенно проснулся и опять приоткрыл один глаз. Он увидел, как она поднимает револьвер — это ей далось гораздо легче, чем Эдди, когда стрелок в первый раз передал ему револьвер, — и целится в голову Эдди. Она помедлила, и на лице у нее отражались невыразимое коварство и злоба.

В этот момент она напомнила ему Мартена.

Она попыталась открыть патронник. Сначала у нее ничего не вышло, но потом она сообразила. Она поглядела на головки патронов. Роланд напрягся, опасаясь, что она заметит пробитые капсулы гильз, что она перевернет револьвер, посмотрит с другой стороны барабана и увидит, что пуль там нет (сначала он думал зарядить револьвер патронами, которые дали осечку, но быстро выбросил это из головы: Корт учил их, что любым револьвером управляет Старина Хромой Случай и что патрон, который дал один раз осечку, в другой раз запросто может пальнуть). Если бы она это сделала, он бы мгновенно рванулся с места.

Но она закрыла барабан, начала было взводить курок... а потом снова остановилась. Выжидала, когда подует ветер, чтобы не было слышно щелчка.

Он подумал: *Вот и еще стрелок. Боже, она воплощение зла, безногая, но она настоящий стрелок, такой же, как Эдди.*

Он выжидал вместе с ней.

Подул ветер.

Она взвела курок до конца и приставила дуло почти к виску Эдди. С ухмылкой, похожей на оскал злобного духа, она нажала на спусковой крючок.

Щелк.

Он выжидал.

Она нажала еще раз. Еще раз. Еще.

Щелк-щелк-щелк.

— КОЗЛИНА! — выкрикнула она и ловким, едва уловимым движением перевернула револьвер рукоятью вперед.

Роланд весь сжался, как пружина, но все же остался на месте. *Ребенок не понимает, что такое молоток, пока, забивая гвоздь, не ударит им себе по пальцу.*

Если она убьет его, она убьет тебя.

Не имеет значения, отозвался безжалостный голос Корта.

Эдди вдруг шевельнулся. Оказалось, что у него неплохая реакция: он успел отодвинуться в сторону и спас себя от того, чтобы быть оглушенным или вообще убитым. Тяжелая рукоять револьвера вместо того, чтобы поразить его уязвимый висок, врезалась ему в челюсть.

— Что... Боже!

— КОЗЛИНА! БЕЛЫЙ УБЛЮДОК! — завопила Детта, и Роланд увидел, как она опять заносит револьвер. И хотя она без ног, а Эдди успел откатиться в сторону, стрелок решил, что пора действовать. Если Эдди так и не усвоил, что ему говорят, то сейчас-то он наверняка сообразит и в следующий раз, когда Роланд скажет ему держаться настороже, он послушается... и к тому же сучка эта — проворная. Было бы неразумно и дальше рассчитывать на быстроту реакции Эдди или на слабость Госпожи.

Он рванулся вперед, перелетел через Эдди и, повалив ее навзничь, навалился сверху.

— *Ты этого хочешь, мудила?* — завопила она, прижимаясь лоном своим к его чреслам и одновременно занося над его головой руку с револьвером. — *Хочешь? Ну так я тебе дам, чего хочешь, сейчас!*

— *Эдди!* — снова выкрикнул он, но теперь это был не просто крик, а команда. Еще пару секунд Эдди помедлил, тупо стоя на четвереньках — глаза выпучены, с разбитой челюсти стекает кровь (она уже начала припухать), — глядя невидящим взором в про-

странство. *Шевелись, что ты встал, как дурак, не можешь, что ли, пошевелиться?* — подумал стрелок про себя. — *Или просто не хочешь?* Силы уже покидали его: в следующий раз, когда она замахнется револьвером, она просто сломает ему руку... если он только успеет подставить руку. В противном случае она проломит ему *черепушку*.

А потом Эдди все-таки сдвинулся с места и успел перехватить револьвер, когда он уже опускался Роланду на голову. Она пронзительно завопила, развернулась к нему и накинулась, как вампир, пытаясь укусить, поливая его грязной бранью — такими забористыми южными ругательствами, что даже Эдди не сумел разобрать слов; а для Роланда это звучало так, как будто женщина внезапно заговорила на каком-нибудь иностранном языке. Но Эдди все же сумел вырвать у нее револьвер, и как только угроза, над ним нависшая, благополучно миновала, Роланду удалось пригвоздить Госпожу к земле.

Но даже тогда она не успокоилась, а продолжала брыкаться, дергаться и материться, а на ее черном лице выступил пот.

Эдди уставился на нее, беззвучно открывая и закрывая рот, точно какая-то рыба, потом осторожно прикоснулся к разбитой челюсти, поморщился, убрал руку и принялся разглядывать кровь на ладони.

Она вопила, что убьет их обоих; они двое могут ее изнасиловать, но она их обоих убьет — своей штучкой, они посмотрят, у нее там, твою мать, вход весь утыкан зубами, так что пусть они всадят ей свои вонючие члены, и посмотрим тогда, что с ними будет!

— Какого черта... — тупо выдавил Эдди.

— Мои ремни, — прохрипел стрелок. — Давай один сюда. Я попытаюсь ее перекатить наверх, а ты попробуй схватить ее руки и связать их за спиной.

— НИ ХЕРА! — завопила Детта и рванулась с такой силой (безногая женщина!), что едва не сбросила Роланда. Он чувствовал, как она снова и снова пытается ткнуть культей своей правой ноги ему между ног.

— Я... я... она...

— *Шевелись, проклятие лицу твоего отца!* — проревел Роланд, и Эдди наконец вышел из оцепенения.

4

Она дважды едва не вырвалась, пока они оба держали ее и вязали. Но Эдди все-таки удалось ремнем Роланда затянуть петлю на ее запястьях, когда Роланд — приложив всю свою силу! — сумел отвести ее руки за спину (увертываясь все время от ее выпадов и

укусов, как мангуст от змеи; укусов он избежал, но прежде, чем Эдди закончил свою работу, она успела его оплевать). Потом Эдди оттащил ее от Роланда за свободный конец ремня. Ему не хотелось причинять боль этому корчащемуся, изрыгающему проклятия существу — существу, которое было гораздо страшнее и безобразнее омарообразных чудищ, потому что оно обладало разумом, — ибо он знал, что оно может быть и прекрасным. Ему не хотелось причинять боль второму человеку, заключенному где-то в глубинах этого тела (подобно живому голубю, спрятанному в тайнике волшебного ящика для фокусов).

Внутри этого вопящего благим матом создания таилась Одетта Холмс.

5

Хотя последнее его верховое животное — мул — сдохло еще в незапамятные времена, у Роланда еще оставался кусок от его привязи (которая, в свою очередь, когда-то служила стрелку неплохим арканом). Этой веревкой они привязали Детту к коляске, как она себе воображала раньше (или выудила эту сцену из ложной памяти), но в конце концов им пришлось именно так и поступить, верно? Закончив, они отошли от нее подальше.

Если б не эти ползучие твари-омарчики, Эдди сходил бы к воде и как следует вымыл руки.

— Меня, кажется, сейчас вырвет. — Голос его срывался, как у подростка.

— *А чего бы вам не покусать друг у друга яйца?* — вопило, стараясь вырваться, существо в коляске. — *Что, слабо негритянку трахнуть? Валяйте — сосите теперь друг у друга! Ну! Давайте-давайте, пока есть время, а то Детта Уокер сейчас слезет с этого чертова кресла, оторвет ваши бледные стояки и скормит их этим гадам ползучим!*

— Вот в *эту* женщину я входил. В нее. Теперь ты мне веришь? — спросил стрелок.

— Я тебе верил и *раньше*. Я тебе уже говорил.

— Ты *думал*, что веришь. Умом-то ты понимал, но не сердцем. Но теперь, я надеюсь, ты все же поверил? Всем сердцем?

Эдди поглядел на вопящее, бьющееся существо в инвалидной коляске и поспешил отвести взгляд, вдруг побледнев, — только ссадина на разбитой челюсти еще кровоточила. Щеку заметно раздуло, она стала немного похожа на красный воздушный шарик.

— Да, — выдавил он. — Боже мой, да.

— Эта женщина — чудовище.

Эдди заплакал.

Стрелку вдруг захотелось его утешить, но он не смог совершить подобное святотатство (он не забыл про Джейка) и просто ушел во тьму, изнывая в жару нового приступа лихорадки.

6

Намного раньше той ночью, когда Одетта еще спала, Эдди сказал Роланду, что он, кажется, знает, что с ней не так. *Кажется*. Роланд переспросил, что он имеет в виду.

— Она, может быть, шизофреничка.

Роланд лишь покачал головой. Эдди принялся объяснять ему, что он знает о шизофрении в основном по фильмам типа «Три лика Евы» и по различным телевизионным программам (преимущественно по «мыльным операм», которые они с Генри частенько смотрели под кайфом). В ответ Роланд кивнул. Да. Болезнь, которую описал Эдди, к данному случаю подходила по всем параметрам. Женщина с двумя лицами: одним светлым, одним темным. С лицом, похожим на пятую карту из колоды Таро в гадании человека в черном.

— И они... эти шизофреники... не знают, что у них есть второе лицо? — уточнил он.

— Нет, не знают. Но... — Эдди вдруг замолчал, мрачно глядя на омарообразных чудовищ, которые ползали и вопрошали, вопрошали и ползали у воды.

— Но что?

— Я же не спец по мозгам, — сказал Эдди, — и я точно не знаю...

— Спец по мозгам? Это что такое?

Эдди постучал пальцем себе по виску.

— Доктор по расстройствам психики. Врач, который вправляет мозги. Вообще-то правильно он называется психиатр.

Роланд кивнул «Спец по мозгам» понравился ему больше. Потому что разум у этой Госпожи был каким-то уж слишком огромным. В два раза больше, чем нужно.

— Но, мне кажется, шизы почти всегда знают, что с ними что-то творится неладное, — продолжал Эдди. — Потому что в сознании у них бывают провалы. Может быть, я ошибаюсь, но я всегда думал, что это как бы два человека, каждый из которых уверен, что он страдает временной потерей памяти из-за этих самых провалов, которые обнаруживаются, когда сознанием завладевает другой. Она... она говорит, что помнит все. Она действительно думает, что помнит все.

— Но ты, кажется, говорил, будто она вообще не верит, что все это с ней происходит на самом деле.

— Ну да, — сказал Эдди, — но пока что забудь об этом. Я пытаюсь сказать, что это не важно — во что она верит, главное, она *помнит* все, с того момента, как она сидела у себя в гостиной и смотрела по телику новости, и никаких провалов. Она понятия не имеет, что в теле ее проявился какой-то другой человек в промежутке между тем, как она сидела у телевизора, и тем, как ты вошел в ее сознание в «Мейси». Черт его знает, это могло случиться на следующий день или вообще через несколько недель. Там, как я понял, была все еще зима — большинство покупателей были в теплых пальто...

Стрелок кивнул. Восприятие Эдди с каждым днем становилось острее. Это хорошо. Правда, он пропустил шарфы, и ботинки, и перчатки, торчавшие из карманов пальто, но для начала неплохо.

— ...но в остальном невозможно определить, сколько времени Одетта была той женщиной, потому что она и сама не знает. Я думаю, что в такой ситуации, как сейчас, она еще не бывала, и эта ее история о том, как ее тюкнули по голове, просто защита.

Роланд кивнул.

— И эти кольца. Когда она их увидела, она была действительно потрясена. Она попыталась этого не показать, но все равно было видно.

— Если эти две женщины не подозревают, что они существуют в одном теле, что с ними что-то творится неладное, если у каждой — своя непрерывная цепь воспоминаний, частично реальных, частично вымышленных, чтобы заполнить провалы, которые возникают, когда одна заменяет другую, что нам тогда с ней делать? — спросил Роланд. — Как нам с ней вообще ужиться?

Эдди пожал плечами.

— Меня не спрашивай. Это твои заморочки. Это ты все твердишь, что она тебе нужна. Черт возьми, ты головой своей рисковал, чтобы ее сюда перетащить. — Эдди на мгновение задумался, вспомнил, как он занес нож над горлом Роланда, и вдруг рассмеялся, хотя в этом не было ничего смешного. *Рисковал головой, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА, дружище,* подумал он про себя.

Они помолчали. Одетта мирно спала, дыша глубоко и ровно. Стрелок собирался уже еще раз предупредить Эдди, чтобы тот держался настороже, и объявить (причем достаточно громко, чтобы и Госпожа, если она вдруг не спит, а притворяется, тоже услышала), что он собирается лечь спать, как вдруг Эдди сказал одну вещь, которая вспыхнула молнией в сознании Роланда и помогла ему — хотя бы частично — понять все то, что ему так отчаянно нужно было узнать.

В самом конце, когда они уже прошли через дверь.

В самом конце она переменилась.

А он что-то такое понял, что-то такое...

— Вот что я тебе скажу. — Эдди задумчиво поворошил угольки костра клешней омара, которым они только что поужинали. — Когда ты ее провозил, мне показалось, что это я шиз.

— *Почему?*

Эдди задумался, но потом лишь пожал плечами. Объяснить было очень сложно, или, быть может, он просто устал.

— Это не важно.

— Почему?

Эдди внимательно посмотрел на Роланда, понял, что тот задает серьезный вопрос из серьезных соображений — по крайней мере ему так показалось, — и на минуту задумался.

— Это действительно трудно будет объяснить, старик. Я смотрел в эту дверь. И то, что я там увидел, меня напугало до чертиков. Когда кто-нибудь движется с той стороны этой двери, у тебя впечатление такое, как будто ты движешься вместе с ним. Ты понимаешь, о чем я.

Роланд кивнул.

— Ну так вот, я смотрел в эту дверь, как на экран... ладно, это не важно, потом объясню... до самого конца. А когда ты развернул ее лицом *сюда, я увидел себя*. Это как... — Он не сумел подобрать нужного слова. — Не знаю. Как будто я видел свое отражение в зеркале, но это было не зеркало, потому что... потому что мне показалось, что я вижу кого-то другого. Как будто меня вывернуло наизнанку. Словно я находился в двух местах одновременно. Черт, не знаю, как это объяснить.

Но стрелка словно громом поразило. *Именно это* он и почувствовал, когда они проходили через дверь, *именно это* с ней и произошло... нет, не *с ней, а с ними*: в какой-то момент Одетта и Детта увидели друг друга, но не так, как бывает, когда ты смотришься в зеркало — а когда смотришь *на кого-то другого*. Зеркало вдруг превратилось в оконное стекло. Одетта увидела Детту, Детта — Одетту, и панический ужас обуял их обеих.

Они знают, мрачно подумал стрелок. *Может быть, раньше они и не знали, но теперь они обе знают. Если даже каждая будет пытаться скрыть это от себя самой, все равно они видели, поняли и, может быть, даже запомнили.*

— Роланд?

— Что?

— Просто хотел убедиться, что ты не заснул с открытыми глазами. А то у тебя сейчас был такой вид, как будто ты отлетел далеко и надолго.

— Если и так, я уже вернулся, — сказал стрелок. — Я сейчас лягу спать. А ты, Эдди, запомни, что я сказал: будь начеку.

— Я послежу, — уверил его Эдди, но Роланд знал, что, будь он хоть трижды больным, сегодня ночью следить и бдить предстоит ему.

А все остальное уже вытекает из этого обстоятельства.

7

После всех этих шумных событий Эдди и Детта Уокер очень скоро опять заснули (Детта, правда, скорее не заснула, а впала в какую-то бессознательную прострацию, завалившись набок в своей коляске, повиснув на опутывающих ее веревках).

Стрелок, однако, не спал.

Мне нужно будет столкнуть их обеих друг с другом, думал он, и ему не был нужен никакой Эддин «спец по мозгам», чтобы понимать, что борьба эта будет не на жизнь, а на смерть. *Если светлая личность, Одетта, одержит верх, все еще может закончиться благополучно. Если же победит темная, с ней будет все кончено.*

Однако он чувствовал, что в этой борьбе нужно будет добиться не чьей-то гибели, а *воссоединения.* Он уже понял, что для него — *для них* — есть кое-что ценное в этой низменной неуступчивости и строптивости Детты Уокер. Она нужна ему, но только так, чтобы держать ее под контролем. Да, путь предстоит нелегкий. Она принимала их с Эдди за каких-то чудовищ, которых она называла «белыми мудаками». Это всего лишь опасный бред, но на пути к Башне им встретятся настоящие чудища: омарообразные твари не первые и не последние. Женщина из разряда «буду держаться, пока не сдохну», в сознание которой он вошел по ту сторону двери и которая ночью сегодня опять появилась, была бы как нельзя кстати, если дело дойдет до столкновения с этими чудищами, но только в том случае, если ее удастся обуздать спокойной человечностью Одетты Холмс — и особенно сейчас, когда на руке у него не хватает двух пальцев, патроны почти на исходе и опять начинается жар.

Но это я уже опережаю события. Если у меня получится сделать так, чтобы они признали существование друг друга, они тут же вступят в борьбу. Вот только как это сделать?

Он так и не спал этой долгой ночью, а все думал и думал. Жар разгорался, но ответа Роланд так и не нашел.

8

Эдди проснулся незадолго до рассвета, увидел, что стрелок сидит у потухшего костра, по-индейски закутавшись в одеяло, и подсел к нему.

— Как самочувствие? — спросил он, понизив голос. Госпожа еще не проснулась: она крепко спала в своем кресле, опутанная веревками, и лишь иногда вздрагивала во сне, стонала и бормотала что-то неразборчивое.

— Нормально.

Эдди обвел его оценивающим взглядом.

— А видок у тебя неважный.

— Спасибо, Эдди, — сухо ответил стрелок.

— Тебя всего трясет.

— Это пройдет.

Госпожа снова вздрогнула и застонала — на этот раз одно слово прозвучало почти разборчиво. Она, кажется, пробормотала: «*Оксфорд*».

— Господи, как мне не нравится, что она связана, — буркнул Эдди. — Как теленок в хлеву.

— Она скоро проснется. Может быть, мы тогда сможем ее развязать.

Они оба очень надеялись, но не решались высказать этого вслух, что, когда Госпожа в своем кресле откроет глаза, их поприветствует спокойный, слегка озадаченный взгляд Одетты Холмс.

Четверть часа спустя, когда первые лучи солнца коснулись холмов, Госпожа Теней открыла глаза — их приветствовал не спокойный взгляд Одетты Холмс, а безумная злоба Детты Уокер.

— Ну и сколько раз вы меня трахнули, пока я валялась в отрубе? — взялась она с места в карьер. — У меня там все скользко и сально... прям точно там побывала парочка этих бледных палок, которые вы, мудаки, называете членами.

Роланд вздохнул.

— Пора в путь, — сказал он и поднялся с гримасой боли.

— Я с вами, мудилами, никуда не пойду, — выпалила Детта.

— Пойдешь как миленькая, — сказал Эдди. — Весьма сожалею, милочка.

— Куда это?

— Ну, — принялся объяснять Эдди, — за дверью номер один была фигня, но вполне терпимая, за дверью номер два — еще того гаже, так что теперь, вместо того чтобы все это послать, как нормальные люди, куда подальше, мы пойдем прямо вперед и поищем где-нибудь там дверь номер три. Если пойдет в том же духе, там за дверью, наверное, будет какая-нибудь симпатяшка вроде Годзиллы или Трехглавой Гидры. Но я оптимист, я все еще не теряю надежды обнаружить там пару кастрюлек из нержавеющей стали.

— Никуда я не пойду.

— Пойдешь-пойдешь. — С этими словами Эдди встал позади коляски. Детта опять забилась, но стрелок завязал ве-

ревки своими особыми узлами, и от ее усилий они только туже затягивались. Вскоре она это поняла и успокоилась. Она так и кипела злобой, но была далеко не глупой. Она только поглядела через плечо с такой улыбочкой, что Эдди невольно попятился. Он в жизни не видел такого злобного выражения на человеческом лице.

— Ну что ж, можно чуток прокатиться, — сказала она, — только, наверное, не так далеко, как ты думаешь, соплячок. И точно уж, Бог свидетель, не так быстро, как ты думаешь.

— Вы о чем?

Она опять оскалилась на него через плечо.

— Сейчас узнаешь, малыш. — Ее глаза, безумные от злости, но непреклонные, на мгновение обратились к стрелку. — Вы оба узнаете.

Эдди ухватился за ручки на спинке коляски и покатил ее. Они продолжали идти на север по бесконечному пляжу, но теперь за ними тянулись не только следы ботинок, но и две колеи от колес.

9

День был кошмарным.

Очень трудно определить пройденное расстояние, когда окружающий монотонный пейзаж никак не меняется, но Эдди и без того понимал, что они продвигаются черепашьим шагом.

И он знал, в чем причина.

О да.

Вы оба узнаете, предупреждала Детта; не прошло и получаса, как слова ее подтвердились.

Толкать коляску.

Это первое. Если бы на пляже был только песок, то и браться не стоило бы — с тем же успехом можно было бы пытаться проехать на автомобиле по снежным завалам. Однако на этом гравийно-мергельном* пляже катить коляску было можно, хотя все равно тяжело. Сначала она катилась достаточно ровно, давя ракушки и разбрасывая во все стороны гальку своими твердыми резиновыми шинами... а потом заехала в ямку, занесенную мелким песком, и Эдди пришлось, кряхтя, выволакивать ее оттуда вместе с пассажиркой, от которой, понятное дело, помощи не было никакой. Песок алчно засасывал колеса. Приходилось одновременно тянуть коляску вверх и всем весом наваливаться на ручки, иначе она грозила опрокинуться вперед. И так — раз за разом.

Детта только подхихикивала, пока он пытался вытащить коляску, не перевернув ее.

* Мергель — осадочная горная порода. — *Примеч. ред.*

— Хорошо тебе там отдыхается, солнышко? — язвила она каждый раз, когда коляска въезжала в такую ямку.

Если стрелок подходил помочь, Эдди махал ему, чтобы он отошел.

— У тебя еще будет возможность себя измудохать, — говорил он. — Давай по очереди. — *Но, сдается мне, мои смены будут подольше его,* подсказал ему внутренний голос. *Видок у него еще тот, долго он не протянет, ему самому бы шагать, не говоря уж о том, чтобы катить это чертово кресло. Нет уж, сэр Эдди, боюсь, эта крошка достанется только тебе. Это знаешь что? Божья кара. Все эти годы ты у нас был наркоманом, и в конце концов сам заделался толкачом*.*

Он коротко хохотнул, едва переводя дух.

— Чего такого смешного, беляк? — поинтересовалась Детта, и хотя, как показалось Эдди, она хотела высказать это с сарказмом, у нее получилось скорее сердито.

Предполагается, что веселого мало, подумал он. *Вообще ничего для меня смешного и быть не может. Уж она-то для этого делает все.*

— Ты все равно не поймешь, лапуля. Так что оставим мой смех в покое.

— Скоро я оставлю *тебя* в упокое, — пообещала она. — Тебя и дружка твоего, засранца, вот только разделаю вас на кусочки обоих, валяйтесь потом по всему этому чертову пляжу. Вот так. А пока поберег бы ты лучше свою дыхалку. Толкать будет сподручнее. А то ты уже, бедненький, весь запыхался. Прямо пернешь сейчас с натуги.

— Зато ты балаболишь за нас двоих, — огрызнулся Эдди, тяжело дыша. — Уж ты-то *вряд ли* когда-нибудь пернешь с натуги.

— Не боись, беложопый, ух как я перну в твою дохлую харю!

— Слова, слова, — вздохнул Эдди, вытаскивая коляску из ямки с песком на относительно твердый грунт. По крайней мере какое-то время они ехали без приключений. Солнце еще не достигло зенита, а Эдди был уже весь в поту.

Да уж, денек обещает быть поучительным и забавным, подумал он. *Это уже заметно.*

Остановки.

Это — вторая проблема.

Они выбрались на относительно твердый участок берега. Эдди начал катить коляску гораздо быстрее, смутно надеясь на то, что если ему удастся сохранить такой темп, у него, быть может, получится проскочить следующую песчаную ловушку с разгона.

Но внезапно коляска остановилась. Застряла намертво. Поперечина рукоятки с глухим ударом въехала Эдди в грудь. Он зарычал.

---

* На сленге английское слово pusher (толкач, толкатель) означает «торговец наркотиками». — *Примеч. пер.*

Стрелок обернулся, но даже с его молниеносной реакцией уже невозможно было удержать коляску Госпожи. Она перекувырнулась вместе с Деттой, привязанной и беспомощной, но заливающейся диким гоготом. Она все еще продолжала хохотать, когда Роланд и Эдди сумели наконец поставить коляску на колеса. Некоторые веревки натянулись так туго, что они, наверное, больно врезались в ее тело, едва ли не нарушив циркуляцию крови. Детта разбила лоб, кровь натекла на брови, но она все равно продолжала ржать.

Когда коляска встала на колеса, Роланд и Эдди начисто выбились из сил. Коляска с женщиной вместе весила, наверное, не меньше двухсот пятидесяти фунтов, из которых большая часть приходилась на коляску. Эдди вдруг пришло в голову, что, если бы Роланд забрал эту женщину из его времени, из 1987 года, ее коляска весила бы фунтов на шестьдесят меньше.

Детта хихикала, фыркала, моргала глазами, залитыми кровью.

— Как же вы это со мной обращаетесь, парни?

— Звоните своему адвокату, — буркнул Эдди. — Подавайте в суд.

— И уж как, бедные, задолбались меня поднимать. Минут десять, считай, провозились.

Стрелок оторвал лоскут от своей рубахи — от нее и так остались одни лохмотья, так что было уже не жалко — и протянул левую руку, чтобы вытереть кровь у нее со лба. Она попыталась его укусить, и по жуткому лязгу ее зубов Эдди заключил, что, если бы Роланд замешкался хоть на миг, Детта Уокер уравняла бы количество пальцев у него на руках.

Заливаясь смехом, она уставилась на стрелка с этаким нарочитым весельем в глазах, но Роланд видел, что за этим весельем скрывается страх. Она боялась его. Потому что он был Воистину Гнусный Мужик.

Почему она так его прозвала? Может быть, потому, что на каком-то глубинном уровне подсознания она чувствовала, что он знает о ней всю правду.

— Чуть-чуть, беложопый, тебя не достала, — расхохоталась она. — Чуть-чуть не попался на этот раз.

— Подержи ей голову, — спокойно проговорил стрелок. — Она кусается, как ласка.

Эдди придержал ей голову, и Роланд тщательно вытер рану на лбу. Она была небольшой и, кажется, неглубокой, но стрелок не хотел рисковать: он спустился к морю, смочил лоскут в соленой воде и вернулся обратно.

Когда он приблизился к ней, она завопила благим матом:

— Не прикасайся ко мне этой штукой! Из этой воды зверюги вылазят ядовитые, а ты собрался ею рану! Убери! Убери!

— Держи ей голову, — повторил стрелок все тем же спокойным тоном. Детта мотала ею из стороны в сторону. — Я не могу рисковать.

Эдди схватил... и сжал голову Детты, когда она попыталась вывернуться. Она поняла, что Эдди шутить не намерен, и успокоилась тут же, больше не проявляя никакого страха перед этой мокрой тряпкой. Все равно она лишь притворялась.

Она улыбнулась Роланду, когда тот промывал ей рану, осторожно удаляя последние прилипшие песчинки.

— Это надо ж, мужик, *у тебя* видок, — заметила Детта. — Ты не просто весь выдохся, ты же совсем больной, беложопый. Этак ты далеко не уйдешь. Этак ты скоро ножки протянешь.

Тем временем Эдди разобрался в примитивной системе управления коляской. Он обнаружил простой ручной тормоз, блокирующий оба колеса. Детта дотянулась до него правой рукой, подождала, пока Эдди как следует не разгонится, а потом резко дернула рычаг, умышленно перевернув коляску. Но зачем? Лишь для того, чтобы они остановились и потеряли время. Не слишком разумный поступок, но такой женщине, как Детта, по мнению Эдди, и не нужно каких-то разумных причин. Такая, как Детта, с большой охотой будет делать другим подлянки исключительно из-за своей непроходимой низости.

Роланд немного ослабил веревки, чтобы не нарушать кровообращение, а потом привязал ее правую руку так, чтобы она не могла дотянуться до тормоза.

— Ничего, господин хороший, — уверила Детта, обнажив все свои зубы в гнусной ухмылке. — Ничего. Найдутся другие способы попридержать вас, ребятки. *Разнообразные* способы.

— Пойдем, — сухо сказал стрелок.

— Ты сам-то как, старина? — спросил Эдди. Уж очень Роланд был бледным. — Нормально?

— Да. Пойдем.

Они побрели по пляжу дальше.

10

Стрелок настоял, чтобы Эдди хотя бы на час дал ему везти коляску, и тот неохотно уступил. С первой песчаной ловушкой Роланд справился сам, однако уже на второй Эдди пришлось помогать стрелку — один бы Роланд не вытянул: он и так уже жадно ловил ртом воздух, а на лбу у него выступили капли пота.

Эдди дал ему прокатить коляску еще немного, и Роланд даже наловчился лавировать между песчаными ямками, затягивающими колеса, но в конце концов коляска опять застряла, и Эдди сумел вытерпеть только пару мгновений, наблюдая за тем, как Роланд

пытается ее вытащить, — он тяжело дышал, а ведьма в коляске (теперь Эдди стал ее мысленно так называть) ревела со смеху и всем телом откидывалась назад, значительно усложняя задачу. Он не выдержал и, оттолкнув стрелка плечом, одним яростным рывком выдернул коляску из песка. Коляска пошатнулась, и теперь он увидел/почувствовал, как ведьма подалась *вперед*, насколько это позволяли веревки. Каким-то жутким, едва ли не сверхъестественным чутьем она безошибочно улавливала, что нужно делать в каждый определенный момент, чтобы перевернуть коляску.

Роланд навалился всем весом на спинку коляски, помогая Эдди, и ее удалось уравновесить.

Детта обернулась к ним и заговорщически подмигнула, причем так похабно, что у Эдди по рукам побежали мурашки.

— Вы чуть меня *снова* не кувырнули, ребятки, — объявила она. — Вы уж со мной поаккуратнее, ладно? Я как-никак пожилая тетка, калека, так что вы обходитесь со мной поласковей. Обо мне нужно заботиться.

Она рассмеялась... оглушительно рассмеялась.

И хотя Эдди действительно нравилась эта женщина, то есть другой ее лик, и он готов был о ней заботиться — он даже готов был влюбиться в нее сразу же, с первого взгляда, с первого разговора, — теперь у него руки так и чесались сомкнуться на ее горле и подавить этот смех, так чтобы она никогда уже не смогла смеяться.

Она опять оглянулась назад, прочла его мысли, как будто они были написаны у него на лбу большими красными буквами, и еще пуще расхохоталась. В глазах ее пылал вызов. *Ну давай, беложопый. Давай. Тебе же хочется. Давай, сделай, чего тебе хочется.*

Иными словами, опрокидывай не одну коляску, но и женщину тоже, подумал Эдди. *Опрокидывай, чтобы уже до конца. Вот чего она хочет. Для Детты Уокер умереть от руки белого человека — быть может, единственная настоящая цель ее жизни.*

— Поехали, — сказал он, толкая коляску. — Наше турне по морскому берегу продолжается, лапонька, нравится вам это или нет.

— Пошел ты, — выдавила она.

— Только вместе с тобой, детка, — с большим удовольствием отозвался Эдди.

Стрелок плелся рядом, понурив голову.

II

Когда они вышли к мощному пласту обнаженной горной породы, судя по солнцу, было часов одиннадцать, и здесь они сделали часовой привал, спасаясь в тени, пока солнце неторопливо приближалось к зениту. Эдди с Роландом доели остатки ома-

ра, приготовленного прошлым вечером. Эдди предложил и Детте поесть, но та вновь отказалась: она, мол, знает, что у них на уме, и, если уж им так хочется, лучше будет прикончить ее голыми руками, а не пытаться отравить. Так поступают лишь трусы, заключила она.

Эдди прав, размышлял стрелок. *У этой женщины есть своя непрерывная цепь воспоминаний. Она помнит все, что случилось с ней прошлым вечером, хотя в это время она спала.*

Она была уверена, что они пытались впихнуть ей мясо, от которого пахло смертью и гнилью, что они издевались над ней в то время, как сами ели солонину и пили пиво из фляжек. Она была уверена, что время от времени они ей протягивали кусочки своей, неотравленной, еды, но убирали в последний момент, как только она пыталась ухватить эти куски зубами, смеялись над ней, само собой. В мире (или по крайней мере в сознании) Детты Уокер «белые мудаки» делали с черными женщинами только одно из двух: либо насиловали, либо насмехались. Либо и то и другое вместе.

Это было почти смехотворно. В последний раз Эдди Дин видел нормальное мясо, когда летел в воздушной карете, а Роланд не видел с тех пор, как у него закончился запас солонины, давным-давно, одному только Богу известно когда. Что же касается пива... мысли его обратились назад.

Талл.

В Талле было пиво. Пиво и мясо.

Господи, как было бы славно попить пивка. Его горло болело, и чтобы унять эту боль, кружечка пива пришлась бы сейчас весьма кстати. Даже больше, чем астин из мира Эдди.

Они отошли подальше от Детты.

— А я что, не гожусь в компашку для таких сладеньких беленьких мальчиков? — завопила она им вслед. — Или вы просто хотите друг дружке пошкрябать свои славные беленькие стояки?

Она запрокинула голову и разразилась хохотом, испугавшим даже чаек на скале в четверти мили отсюда — они с криками поднялись в воздух.

Стрелок сидел, зажав между колен сложенные ладони, и думал. Наконец он поднял голову.

— Из ее десяти слов я понимаю всего одно.

— Ты от меня отстаешь, — сказал Эдди. — Я понимаю два из трех. Да и не все ли равно? В конце концов у нее все сводится к «белым мудакам».

Роланд кивнул:

— А много их в твоем мире, чернокожих людей, которые так изъясняются? Та, *другая,* разговаривала нормально.

Эдди покачал головой и рассмеялся:

— Нет. Я скажу тебе одну вещь, очень смешную вещь... или мне просто кажется, что она смешная, потому что здесь как-то все не до смеха, вот меня и тянет смеяться. Так вот, это все у нее ненастоящее. Только она даже об этом не знает.

Роланд лишь посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Помнишь, когда ты хотел протереть ей лоб, она притворилась, что боится воды?

— Да.

— Ты знал, что она притворяется.

— Сначала нет, но потом понял.

Эдди кивнул:

— Это был просто спектакль, и это она *знала*. Она неплохая актриса и на пару секунд одурачила нас обоих. То, как она говорит, это тоже спектакль. Но уже не такой удачный, а очень глупый и слишком надуманный.

— Ты хочешь сказать, что она хорошо притворяется только тогда, когда она знает, что притворяется?

— Да. Она вроде как эти негритосы из книги «Мандинго», которую я когда-то читал, или «Бабочка» Маккуин в «Унесенных ветром». Тебе имена эти ни о чем не говорят, я просто хочу сказать, что ее речь состоит из одних штампов. Это слово тебе знакомо?

— Оно означает, что человек, который так говорит или думает, либо слабо шевелит мозгами, либо не шевелит ими вообще.

— Да. Я бы в жизни не выразился так метко.

— Ну что, мальчики, не нарезвились еще со своими стручками? — хрипло выкрикнула Детта Уокер. — Или, может, вы просто их не нашли?

— Пойдем. — Стрелок медленно поднялся на ноги. Он пошатнулся, заметил, что Эдди смотрит, и улыбнулся. — Все со мной будет в порядке.

— Надолго ли?

— Как будет нужно, — отозвался стрелок так спокойно, что сердце у Эдди похолодело.

12

В тот вечер Роланд подстрелил омара на ужин последним из «хороших» патронов. С завтрашнего дня ему придется пустить в дело «плохие», положившись только на удачу, но он не тешил себя ложной надеждой — похоже, все будет так, как предрекал Эдди: придется им забивать этих чертовых тварей камнями.

Вечер прошел как обычно: костер, приготовление еды, разделка омара и ужин, который теперь превратился в дол-

гую и безрадостную процедуру. *Мы просто тянем кота за хвост,* заключил про себя Эдди. Они предложили Детте поесть, но она снова вопила, хохотала, материлась и спрашивала, сколько еще они будут держать ее за идиотку, а потом стала бешено раскачиваться из стороны в сторону, не обращая внимания на то, что веревки затягиваются все туже, стремясь лишь к одному — повалить коляску, чтобы не дать им спокойно поесть.

Она уже почти преуспела в своем гнусном замысле, но Эдди успел ее подхватить, а Роланд подпер колеса большими камнями.

— Если вы будете сидеть тихо, я немного ослаблю веревки, — сказал ей Роланд.

— Слижи дерьмо с моей жопы, мудила!

— Я не понимаю, что это: да или нет?

Прищурившись, она уставилась на него, подозревая, что за этим спокойным голосом скрывается какая-нибудь насмешка (Эдди тоже не понял, смеется стрелок или нет), и чуть погодя угрюмо пробормотала:

— Буду сидеть тихо. Жрать хочу — умираю, не до того мне сейчас, чтобы до вас догребываться. Вы, парни, дадите мне что-нибудь съесть настоящее или вы собираетесь уморить меня голодом? Так вы, что ли, удумали? Придушить-то меня вам слабо, кишка тонка, а вашу отраву я все равно жрать не буду. Вот что, значит, удумали? Уморить меня голодом. Но мы еще поглядим. Поглядим. Точно еще поглядим.

Она одарила их очередной улыбочкой, от которой мороз побежал по коже.

А вскоре Детта уснула.

Эдди коснулся щеки Роланда. Роланд мрачно взглянул на него, но отодвигаться не стал.

— Со мной все в порядке.

— Да, ты у нас парень крепкий, держишься молодцом. Так вот, уважаемый молодец, что я хочу сказать: сегодня мы с вами протопали совсем мало.

— Я знаю. — Стрелок был таким мрачным еще и потому, что сегодня он израсходовал свой последний «хороший» патрон, но он пока что не собирался ставить об этом в известность Эдди, по крайней мере сегодня. Эдди вполне здоров, но он ужасно устал. Слишком устал, чтобы правильно воспринять очередную плохую новость.

Да, он здоров... пока... но если он не будет как следует отдыхать, он окончательно измотается и заболеет.

В каком-то смысле Эдди уже заболевал; им обоим нездоровилось. По уголкам губ у Эдди высыпала лихорадка, кожа покрылась шелушащимися пятнами. Роланд же чувствовал, что

у него начинают шататься зубы, а кожа между пальцами на руках и ногах начала трескаться и кровоточить. У них было что есть, но изо дня в день они ели одно и то же. Какое-то время они смогут еще продержаться, но в конце концов они наверняка загнутся, точно так же, как если б у них вообще не было никакой еды.

Идем по суше, а страдаем от цинги, моряцкой хвори, подумал Роланд. *Вот так вот. Просто смех. Нам нужны фрукты. И зелень.*

Эдди кивнул в сторону Госпожи.

— Она не уймется. Так и будет усложнять нам жизнь.

— Пока не вернется та, другая.

— Было бы здорово, но на это нельзя полагаться. — Эдди поднял обгоревшую клешню и принялся выводить на песке бессмысленные узоры. — Есть какие-то мысли насчет того, далеко ли еще до следующей двери?

Роланд покачал головой.

— Я почему спрашиваю: если от второй до третьей двери расстояние такое же, как от первой до второй, тогда у нас есть все шансы влипнуть по уши в большую кучу дерьма.

— Мы и так уже в нем по уши.

— Пока по шею, — угрюмо поправил Эдди. — Просто мне интересно, долго ли я протяну на плаву.

Роланд похлопал его по плечу. Эдди даже моргнул в изумлении, настолько он не привык, чтобы Роланд выражал таким образом свое участие.

— Есть одна вещь, о которой она не знает, — сказал он.

— Да ну? И какая же?

— Мы, «белые мудаки», можем держаться долго.

Эдди расхохотался, зажимая ладонями рот, чтобы не разбудить Детту. Он уже сыт по горло общением с ней, большое спасибо.

Стрелок улыбнулся, глядя на него.

— Я ложусь спать. Будь...

— ...начеку. Да уж. Буду.

13

Его разбудил жуткий вопль.

Эдди заснул, как только его голова коснулась импровизированной подушки, которую он соорудил себе из скомканной рубашки, и не прошло, как ему показалось, и десяти минут, как Детта Уокер зашлась диким криком.

Он проснулся мгновенно, готовый ко всему. Может быть, это король омаров поднялся из морских глубин, дабы ото-

мстить за своих убиенных детей, или какое-нибудь страшилище спустилось с гор. Ему показалось, что он проснулся мгновенно, но стрелок уже был на ногах с револьвером в левой руке.

Увидев, что оба они проснулись, Детта тут же прекратила кричать.

— Решила проверить, смогу я вас, если что, добудиться, парни, — сообщила она. — А то вдруг тута волки. Местечко для них в аккурат подходящее. Ну и дай, думаю, погляжу, смогу я вас сразу поднять или нет, если волчище ко мне вдруг полезет.

— Господи, — простонал Эдди. Луна уже появилась на небе, но еще даже не поднялась; значит, они и двух часов не проспали.

Стрелок убрал револьвер в кобуру.

— Больше не надо так делать, — сказал он Госпоже в коляске.

— А что мне будет, ежели сделаю? Ты, что ли, меня изнасилуешь?

— Если бы мы собирались вас изнасиловать, мы бы давно уже это совершили, — спокойно проговорил стрелок. — Больше не надо так делать.

Он снова лег, натянув на себя одеяло.

Господи Боже мой, подумал Эдди, *что же это такое, что это, мать твою...* Он не успел даже докончить свою мысль, как опять провалился в сон, но буквально тут же тишину вновь разорвали дикие вопли, пронзительные, как пожарная сирена, и Эдди снова вскочил, кровь его так и пылала от переизбытка адреналина, руки сами сжались в кулаки, а Детта хрипло хохотала.

Эдди посмотрел на небо: луна не прошла и десяти градусов с того момента, как Детта разбудила их в первый раз.

Она не остановится, устало подумал он. *Спать она точно уже не будет, а будет за нами наблюдать, и как только она убедится, что мы заснули* — а им так нужно как следует выспаться, чтобы набраться сил, — *она снова начнет вопить. И так продолжаться будет до тех пор, пока она не сорвет себе голос.*

Внезапно смех ее оборвался. К ней приближался Роланд — темная фигура в бледном свете луны.

— Не подходи ко мне, беложопый, — прошипела Детта, но голос ее все-таки дрогнул. — Все равно ничего ты со мной не сделаешь.

Роланд встал перед ней, и на мгновение Эдди показалось, то есть он был абсолютно уверен, что чаша терпения стрелка переполнилась и он сейчас просто прихлопнет ее, как муху. Но, как это ни поразительно, вместо этого он опустился перед ней на одно колено, как галантный ухажер, делающий предложение своей пассии.

— Послушайте, — сказал он таким бархатным голосом, что Эдди ушам своим не поверил. На лице у Детты отра-

14 Зак. 722

зилось такое же неподдельное изумление, только к нему еще примешался страх. — Послушайте меня, Одетта.

— Кого это тут звать О-детта? Меня по-другому зовут.

— Заткнись, сука, — взревел стрелок, а потом голос его снова стал мягким и ласковым. — Если вы меня слышите, если вы вообще можете с ней справляться...

— Чегой-то ты так вдруг со мной заговорил? Как не со мной вовсе, а с кем-то еще. Хватит тебе надо мной измываться уже, беложопый. Кончай это, слышишь?

— ...тогда заставьте ее заткнуться. Я, конечно, могу ей засунуть в пасть кляп, но не хочу. Жесткий кляп — очень опасная штука. Иногда от него задыхаются.

— КОНЧАЙ ЭТО, БЕЛЫЙ МУДИЛА, ТОЖЕ МНЕ — ЗАКЛИНАТЕЛЬ ВОНЮЧИЙ!

— Одетта. — Голос его опустился до шепота не громче, чем шелест первых капель дождя.

Она вдруг умолкла, уставившись на него широко распахнутыми глазами. Эдди в жизни не видел в человеческих глазах столько страха и ненависти одновременно.

— Мне кажется, этой суке плевать, задохнется она или нет. Ей хочется умереть, но больше всего ей хочется, чтобы умерли вы. Но вы же не умерли, *пока еще нет*, и я не думаю, что эта Детта только сейчас появилась в вашей жизни. Она себя чувствует внутри вас как дома, так что, возможно, вы меня слышите и можете взять ее под контроль, даже если вы пока не в состоянии выбраться из нее. Не дайте ей разбудить нас и в третий раз, Одетта. Я не хочу ей запихивать кляп. Но если она меня вынудит, я это сделаю.

Он встал, отошел от нее не оглядываясь, снова закутался в одеяло и тут же заснул.

Она по-прежнему таращилась на него широко распахнутыми глазами, ноздри ее раздувались.

— Шаман гребаный, белый мудила, — прошептала она.

Эдди тоже лег, но на этот раз он заснул нескоро, несмотря на усталость. Только-только он погружался в сон, как его так и подбрасывало в ожидании новых воплей.

Лишь часа через три, когда луна уже перевалила через высшую точку на небе, он наконец отключился.

Той ночью Детта больше не вопила, может быть, потому, что Роланд испугал ее, может быть, потому, что она берегла голос для будущих криков и брани, или, может, — кто знает? — Одетта услышала Роланда и смогла проконтролировать ситуацию.

Эдди спал очень мало и проснулся разбитым и неотдохнувшим. Первым делом он посмотрел на коляску, вопреки

всем опасениям надеясь, что сегодня там будет Одетта. Господи, пусть это будет Одетта...

— С добрым утречком, беленький коржик, — улыбнулась ему Детта своею акульей улыбочкой. — А то я уж подумала, что ты продрыхнешь тут до полудня. Не хрена тут разлеживаться, нам еще надо проехаться пару миль, сечешь? Где уж там! И, сдается мне, что ишачить сегодня придется тебе, а то корешу твоему, этому с бесовскими глазами, по всему видно, совсем поплохело! Помяни мое слово, скоро ему абзац! Недолго ему еще жрать осталось, даже это крутое мяско, которым вы, беложопые, обжираетесь, когда отходите от меня в сторонку поиграться с друг дружкиными бледненькими стручками. Ну что? Поехали, белый коржик? Уж Детта-то вас не задержит.

Голос ее стал тише, веки чуть опустились. Она покосилась на него с хитроватым прищуром.

— Ну, скажем так, поначалу.

Этот денек ты запомнишь, беленький коржик, обещали ее хитрющие глаза. *Запомнишь надолго. Помяни мое слово.*

14

В тот день они прошли мили три, может быть, чуть поменьше. Коляска Детты перевернулась дважды. В первый раз она опрокинула ее сама, исхитрившись незаметно дотянуться до ручного тормоза и рвануть его со всей силы. А во второй раз коляску повалил Эдди, слишком резко выталкивая ее из очередной, черт бы ее побрал, песчаной ямки. Это случилось уже ближе к вечеру, и на секунду он запаниковал, думая, что на этот раз у него просто не хватит сил снова поднять коляску — просто не хватит, и все. Он схватился за ручки дрожащими руками и, предприняв титаническое усилие, рванул коляску, само собой, слишком сильно, и она перевернулась, как Шалтай-Болтай, грохнувшийся со стены, и им с Роландом пришлось изрядно попотеть, чтобы поднять ее. Успели они как раз вовремя. Веревка, завязанная под грудью Детты, сползла и надавила на трахею. Скользящий особенный узел стрелка затянулся и едва ее не задушил. Лицо у Детты уже стало какого-то странного синего цвета, она теряла сознание, но, и задыхаясь, она продолжала смеяться.

Оставь ее так, оставь, чуть не сказал ему Эдди, когда Роланд нагнулся ослабить узел. *Пусть она задохнется. Уж не знаю, может быть, ты и не прав был, когда говорил, что ей хочется умереть, но ей точно хочется НАС доконать... так что хрен с ней, оставь ее так!*

Но он вспомнил Одетту (хотя их первая и последняя встреча, такая короткая, была так давно, что даже память о ней стала меркнуть) и поспешил на помощь Роланду.

Роланд раздраженно оттолкнул его одной рукой.

— Здесь двоим не место.

Когда он ослабил веревку и Госпожа стала шумно ловить ртом воздух (хрипы ее перемежались взрывами злобного смеха), стрелок повернулся к Эдди и смерил его оценивающим взглядом.

— Мне кажется, нам следует на ночлег остановиться здесь.

— Еще немножко, — едва ли не взмолился Эдди. — Еще немножко я в состоянии пройти.

— Надо думать! Бугай-то здоровый — в пору на нем пахать, да *еще* силы останутся отсосать тебе ночью твой бледный стручок.

Она по-прежнему отказывалась от еды, лицо у нее осунулось, кости на нем проступили резкими углами, глаза запали, но при этом они блестели все той же злобой.

Роланд не обратил на нее никакого внимания, только пристально посмотрел на Эдди.

— Только немножко, — кивнул он наконец. — Совсем чуть-чуть.

Минут через двадцать Эдди сдался. Он не чувствовал своих рук — они превратились в какой-то студень.

Они уселись в тени скал, прислушиваясь к крикам чаек, наблюдать за приливом и ждать, когда солнце зайдет, а из моря выползут омары и начнут задавать друг другу свои нескладные вопросы.

Понизив голос, чтобы не слышала Детта, Роланд сообщил Эдди о том, что у них кончились «хорошие» патроны. Эдди только стиснул зубы, но промолчал. Роланд остался доволен.

— Так что придется тебе поохотиться самому, — сказал Роланд. — Мне уже не под силу удержать достаточно большой камень... и не промазать.

Теперь уже Эдди уставился на него.

И то, что он увидел, ему не очень понравилось.

Стрелок махнул рукой.

— Ничего, — сказал он. — Ничего, Эдди. Что есть, то есть.

— *Ка,* — сказал Эдди.

Стрелок кивнул и слегка улыбнулся:

— *Ка.*

— Кака, — подытожил Эдди, и, взглянув друг на друга, они рассмеялись. Роланд смеялся недолго. Он и сам испугался тех хрипов, которые вырвались у него вместо смеха. Даже когда он умолк, вид у него оставался каким-то отсутствующим и печальным.

— Во как ржут, видать, хорошо обслужили друг дружку? — выкрикнула им Детта своим хриплым, срывающим-

ся голосом. — А когда же трахаться начнете? Вот на что я хочу посмотреть! Как вы друг дружке всадите!

15

Эдди добыл омара на ужин.

Детта опять отказалась есть. Эдди съел одну половину куска у нее на глазах и предложил ей вторую.

— Нет! — завизжала она, сверкая глазами. — НЕТ! Ты сунул отраву с другого конца и теперь мне его пихаешь.

Не говоря ни слова, Эдди доел вторую половину.

— Подумаешь! — пробурчала, надувшись, Детта. — Отгребись от меня, беложопый.

Но Эдди не отставал.

Он протянул ей еще кусок.

— Возьми и сама раздели его. Дай мне любую половину. Я ее съем, а ты потом съешь свою.

— Не поддамся я на твои белые фокусы, мистер Чарли. Сказала тебе, отгребись, вот и давай отгребывай.

16

Той ночью она не вопила... но наутро она никуда не делась.

17

В тот день они прошли всего две мили, хотя Детта и не предпринимала попыток перевернуть коляску. Эдди подумал, что она, вероятно, совсем ослабела для умышленной подрывной деятельности. Или, может быть, поняла, что в этом нет уже никакой необходимости. Таково было неумолимое стечение трех обстоятельств: усталости Эдди, пейзажа, который после стольких дней унылого однообразия стал потихоньку меняться, и состояния Роланда, которое все ухудшалось.

Теперь песчаные ямы встречались все реже, но это было слабое утешение. Грунт под ногами становился все более крупнозернистым, теперь он уже походил скорее на бесплодную убогую почву, нежели на песок (кое-где виднелись пучки травы, которая, казалось, стыдится того, что она здесь растет), и из этой странной смеси песка и грунта торчали большие камни, и Эдди пришлось лавировать с коляской между ними, как прежде он лавировал меж-

ду песчаными ямами. Очень скоро он понял, что песчаный пляж вот-вот сойдет на нет. Горы, бурые и безрадостные громады, подступали все ближе к морю. Эдди уже различал на их склонах овраги, похожие на зарубки, оставленные тупым колуном какого-нибудь неуклюжего великана. В ту ночь, перед тем как заснуть, он услышал какие-то вопли далеко-далеко в горах. Как будто кричал какой-то огромный кот.

Раньше берег казался им бесконечным, но теперь Эдди понял, что и у него есть предел. Где-то впереди гряда гор вытесняла его, подступая вплотную к воде. Там разрушаемые эрозией утесы вдавались в море, где им предстояло сначала стать мысами или полуостровами, а потом — целым архипелагом.

Это тревожило Эдди, но больше всего его волновало состояние Роланда.

Теперь стрелок уже не горел в жару, а как будто *таял*, терял себя, становясь как бы прозрачным.

На правой руке у него опять появились красные полосы, неумолимо ползущие по внутренней стороне от ладони к локтю.

Последние два дня Эдди постоянно всматривался вперед, щуря глаза, в надежде увидеть дверь, дверь, волшебную дверь. Все эти два дня он отчаянно ждал, что Одетта вернется.

Но ни того, ни другого не произошло.

В ту ночь как раз перед сном ему в голову вдруг пришли две ужасные мысли, как в каком-нибудь прикольчике с двойным смыслом:

А что, если двери нет?

А что, если Одетта Холмс умерла?

18

— Вставай и радуйся, мудила! — Крик Детты вывел его из полузабытья. — Этак, лапушка, мы с тобой одни останемся. Похоже, дружок твой концы отдал. Вот уж дьявол-то повеселится в аду, когда кореш твой ему вставит палку.

Эдди поглядел на скорчившегося под одеялом Роланда, и на один жуткий миг ему показалось, что эта сука права. Но тут стрелок зашевелился, яростно застонал и приподнялся на локтях.

— Усраться можно! — Временами голос у Детты садился от непрестанного крика, и иной раз его было почти не слышно. Он превращался в какой-то жуткий шепоток, больше всего похожий на подвывание зимнего ветра под дверью. — А я-то думала, ты уже дуба дал, господин хороший.

Роланд стал медленно подниматься на ноги, и Эдди казалось, что он не просто встает, а карабкается по ступенькам какой-то невидимой лестницы. Внезапно его охватило одно непонятное чувство, в котором жалость мешалась с бешенством. Это было знакомое чувство, навевающее неуловимые ностальгические воспоминания. Но уже очень скоро Эдди понял, что это такое. Они с Генри часто смотрели борьбу по телику, и во всех передачах один боец колошматил другого, причем бил ужасно, не прекращая, а толпа на трибунах ревела, требуя крови, и Генри тоже ревел в предвкушении крови, а Эдди просто сидел, переполненный этим самым чувством — жалостью с бешенством пополам, каким-то немым отвращением, — и посылал судье в телевизоре мысленные сигналы: *Останови это, парень! Ты что, слепой, мать твою? Он же там умирает! УМИРАЕТ! Останови этот гребаный бой!*

Но нынешний бой невозможно было остановить.

Роланд взглянул на Детту измученными воспаленными глазами.

— Очень многие думали, что я помер, Детта. — Он поглядел на Эдди. — Ты готов?

— Да, наверное. А *ты*?

— Да.

— *Выдержишь*?

— Да.

И они пошли дальше.

А около десяти часов Детта Уокер принялась тереть виски.

— Остановитесь, — сказала он. — Меня мутит. Меня, кажется, сейчас вырвет.

— Может, не надо было вчера вечером так обжираться, — огрызнулся Эдди, продолжая катить коляску. — От сладкого стоило бы отказаться. Я же предупреждал, что шоколадный торт — уже лишнее будет.

— Меня сейчас вырвет! Я...

— Остановись, Эдди! — сказал стрелок.

Эдди остановился.

Женщину в коляске вдруг передернуло, как будто через ее тело прошел электрический разряд. Глаза ее широко распахнулись, уставившись в никуда.

— ЭТО Я РАЗБИЛА ТВОЕ БЛЮДЦЕ, ГАДКАЯ ТЫ СИНЯЯ ТЕТКА! — завопила она. — Я РАЗБИЛА ЕГО, И Я, МАТЬ ТВОЮ, ОЧЕНЬ РАДА...

Она резко подалась всем телом вперед. Если бы не веревки, она бы выпала из коляски.

Боже, она умерла. С ней случился удар, и она умерла, подумал Эдди, осторожно обходя коляску: он помнил, какая

она хитрющая и какие она может выкидывать номера. Не сделав и двух шагов, он встал как вкопанный. Поглядел на Роланда. Роланд ответил ему ровным, спокойным взглядом, глаза его не выражали вообще ничего.

И тут она застонала. Открыла глаза.

Ее глаза.

Глаза *Одетты*.

— Боже, я что, снова упала в обморок? — спросила она. — Мне очень жаль, что я причинила вам столько хлопот. Вам пришлось даже меня привязать. Мои бедные ноги! Я, наверное, смогу сесть поглубже, если вы...

В этот самый момент ноги у Роланда подкосились, и он потерял сознание в каких-нибудь тридцати милях к югу от того места, где берег Западного моря сходил на нет.

ВТОРАЯ ПЕРЕТАСОВКА

1

Теперь Эдди Дину казалось, что они с Госпожой уже не плелись по берегу и даже не шли, преодолевая последние его мили. Они как будто летели.

Одетта Холмс по-прежнему не питала к Роланду добрых чувств и не доверяла ему, это было ясно как день. Но она понимала, в каком он находится отчаянном положении, и сочувствовала ему. Теперь Эдди казалось, что он толкает вперед не мертвую груду резины и стали, к которой по какому-то недоразумению привязали еще и пассажирку, а легкий планер.

Иди с ней сам. Раньше мне приходилось за ней приглядывать, и это было действительно важно. Но сейчас я только вас задержу.

Он почти сразу понял, насколько прав был стрелок. Эдди толкал коляску; Одетта ему помогала, качая рычаг.

Стрелок дал Эдди один револьвер, который он заткнул за пояс.

— Помнишь, как я велел тебе быть начеку, а ты меня не послушал?

— Да.

— Я еще раз тебе говорю: *Будь начеку*. Все время. Не расслабляясь ни на секунду. Если вернется та, *другая*, сразу бей ее по башке.

— А если я ее убью?

— Это будет конец. Но если она убьет тебя, это тоже — конец. А если она вернется, она попытается это сделать. Она попытается!

Эдди очень не хотелось его покидать. И не только из-за этих воплей какого-то неизвестного зверя, которые не давали ему заснуть прошлой ночью (хотя и об этом тоже он не забывал), а просто из-за того, что в этом мире Роланд остался его единственной зацеп-

кой, единственным прочным звеном. Они с Одеттой сюда не вписывались.

И все-таки он понимал, что стрелок был прав.

— Не хотите ли отдохнуть? — спросил он у Одетты. — У нас осталось немного еды. Чуть-чуть.

— Пока еще нет, — решительно проговорила она, хотя голос ее звучал устало. — Попозже.

— Хорошо, но тогда прекратите качать. Поберегите силы. Вы же совсем ослабли. Ваш... ваш желудок... ну, вы сами знаете.

— Хорошо.

Она обернулась — на лице у нее поблескивали капельки пота — и улыбнулась ему. От этой улыбки у Эдди едва ноги не подкосились, и в то же время он воспрял духом. Он мог бы жизнь отдать за такую улыбку... и он был готов умереть за нее, если это потребуется.

Он очень надеялся, что Всевышний все-таки не допустит, чтобы подобное произошло, но, судя по всему, дело шло именно к этому: времена наступали критические.

Она сложила руки на коленях, и он продолжил толкать коляску. Следы от колес становились все незаметнее; грунт постепенно твердел, однако его усыпали каменные обломки, грозившие вызвать аварию. Впрочем, Эдди старался не набирать слишком большую скорость. При серьезной аварии Одетта могла получить травму, а коляска — сломаться, что не сулило им всем ничего хорошего, и в особенности стрелку, который один умер бы почти наверняка. А если Роланда не станет, они с Одеттой застрянут в этом мире уже навсегда.

Теперь, когда Роланд совсем разболелся и едва мог идти, Эдди вынужден был считаться с одним очень простым обстоятельством: из них троих двое были калеками.

Так есть ли надежда? Есть ли у них какой-нибудь шанс?

Коляска.

Коляска — одна надежда, единственная надежда и ничего кроме надежды.

Да поможет им Бог.

2

Роланд пришел в сознание вскоре после того, как Эдди волоком затащил его в тень от выступа скалы. Лицо его в тех местах, где оно не было мертвенно-бледным, полыхало горячечным румянцем. Грудь лихорадочно вздымалась и опадала. Вся правая рука покрылась паутиной изломанных красных полос.

— Покорми ее, — прохрипел он, обращаясь к Эдди.

— Ты...

— Обо *мне* не переживай. Все со мной будет в порядке. Накорми ее. Сейчас, мне кажется, она будет есть. А сила ее тебе еще пригодится.

— Роланд, а что, если она притворяется, что она...

Стрелок оборвал его нетерпеливым жестом.

— Ничего она не *притворяется*. Она одна в этом теле. Я это знаю, и ты это тоже знаешь. У нее на лице написано. Накорми ее, ради отца своего, и пока она будет есть, вернись ко мне. Сейчас у нас на счету каждая минута. Каждая *секунда*.

Эдди встал, но стрелок удержал его левой рукой. Болен он или нет, сила его оставалась при нем.

— И ничего ей не рассказывай о той, *другой*. Что бы она тебе ни говорила, как бы она ни старалась тебе объяснить, *не возражай ей ни в чем*.

— Почему?

— Не знаю. Просто мне кажется, что так будет лучше. А теперь делай то, о чем я тебя прошу, и не теряй больше времени!

Одетта сидела в своей коляске, глядя на море в каком-то тихом задумчивом изумлении. Когда Эдди предложил ей кусочки омара, оставшиеся со вчерашнего ужина, она с сожалением улыбнулась:

— Я бы поела, если б могла. Но вы же знаете, что получится.

Эдди, который понятия не имел, о чем она говорит, только пожал плечами:

— Мне кажется, если еще раз попробовать, то вреда не будет. Вам необходимо есть, Одетта. Нам нужно ехать быстрее, и нам пригодятся все наши силы.

Она тихонько рассмеялась и дотронулась до его руки. Ему вдруг показалось, что от нее к нему перешло нечто вроде электрического разряда. Да, это она — Одетта. Теперь он знал это, как знал Роланд.

— Я вас обожаю, Эдди. Вы так для меня стараетесь. Так со мной терпеливы. И *он* тоже... — Она кивнула туда, где лежал, прислонившись к скале, стрелок, наблюдая за ними. — Но таких, как он, трудно любить.

— Да уж. Мне ли не знать.

— Я попробую еще раз.

— Ради себя же.

Она улыбнулась, и он вдруг понял, что только ради нее существует мир, потому что она есть, и подумал еще: *Господи Боже, у меня так мало всего было в жизни, пожалуйста, не забирай ее от меня опять. Пожалуйста.*

Она взяла у него кусочки мяса, сморщила нос как-то полуунылo и полукомично, потом снова взглянула на Эдди.

— А надо?

— Вы хотя бы попробуйте, — сказал он.

— Я вообще эту гадость не ем, с того самого раза.

— Прошу прощения?

— Я думала, я вам уже рассказывала.

— Вполне вероятно. — Он несколько нервно хохотнул, отлично помня наказ стрелка ничего не говорить ей о той, *другой.*

— Однажды, когда мне было лет десять-одиннадцать, у нас на ужин были как раз омары. Мне ужасно они не понравились, как будто жуешь резиновые шарики, и потом меня вытошнило. С того раза я этого больше не ем. Но... — Она вздохнула. — Как вы говорите, надо попробовать.

Она положила кусочек омара в рот с таким же выражением, с каким ребенок принимает лекарство, заранее зная, что оно отвратительное на вкус. Сначала она жевала мясо очень медленно, но потом все быстрее. Вот проглотила. Взяла еще. Прожевала, проглотила. Еще. Теперь она ела едва ли не с жадностью.

— Эй, поумерьте пыл! — сказал Эдди.

— Это, наверное, другой *сорт!* Ну конечно, другой! — Она поглядела на Эдди сияющим взглядом. — Мы прошли дальше по берегу, и здесь, должно быть, другой какой-нибудь водится вид! Похоже, даже моя аллергия на них прошла. Вкус совсем *не противный,* как раньше... и, похоже, сейчас меня не стошнит. — Дружелюбный, открытый взгляд. — Я очень старалась?

— Угу, — выдавил он, и для него собственный голос прозвучал как звук радио, играющего далеко-далеко. *Она думает, что она ела их все эти дни, а потом ее рвало. Она думает, что именно потому так слаба. Боже милостивый.* — Вы ужасно старались.

— Очень вкусно... — пробубнила она с набитым ртом, так что Эдди едва разобрал слова. — Очень вкусно! — Она рассмеялась. Нежным, приятным смехом. — Меня точно не вырвет. Я теперь буду есть! Я это знаю! Я *чувствую!*

— Только не переедайте, — заметил Эдди, передавая ей бурдюк с водой. — Сначала лучше понемножку, а то вы еще не привыкли. Все эти... — Он сглотнул, и в горле его раздался (по крайней мере он сам его слышал) какой-то щелчок. — Вся эта ваша тошнота.

— Да. Да.

— Я вас оставлю на пару минут, мне нужно поговорить с Роландом.

— Хорошо.

Он собрался уже идти, но она снова взяла его за руку.

— Спасибо, Эдди. Спасибо за ваше терпение. И спасибо *ему.* — Она помолчала с серьезным видом, а потом добавила: — Поблагодарите его за меня, только не говорите ему, что я его боюсь.

— Не скажу, — пообещал Эдди и пошел к стрелку.

3

Одетта помогала ему даже тогда, когда не качала рычаг коляски: она указывала ему путь, взяв на себя роль штурмана, как человек, у которого был большой опыт езды в инвалидной коляске, причем в то время, в которое жила она, к инвалидам относились не так уважительно, как это будет потом.

— Налево, — давала она команду, и Эдди сворачивал влево, объезжая камень, что торчал из вязкого грунта, как гнилой зуб. Он мог бы заметить его и сам... а мог бы и не заметить.

— Направо, — указывала она, и Эдди сворачивал вправо, едва минуя песчаную яму, которые встречались теперь все реже.

Наконец они остановились, и Эдди лег прямо на землю, тяжело дыша.

— Поспите, — сказала Одетта. — Хотя бы часок. Я вас разбужу.

Эдди поглядел на нее.

— Нет, правда, Эдди. Я же вижу, в каком состоянии ваш друг...

— Он не совсем чтобы друг, знае...

— ...но я понимаю, что нам нельзя терять время. Я бы не заставляла вас спать целый час из одного только чувства ложного, если так можно сказать, милосердия. Поймите меня правильно. Я могу определять время по солнцу. Через час я вас разбужу. Если вы выдохнетесь, вы ведь ничем ему не поможете, правда?

— Правда, — ответил он, а про себя подумал: *А что, если, пока я буду тут дрыхнуть, Детта Уокер вернется...*

— Поспите, Эдди, — настойчиво повторила она, и, поскольку он очень устал (и был так влюблен), он поборол свою неуверенность и уснул. Она разбудила его, как и было обещано, через час, и он увидел все ту же Одетту, и они снова тронулись в путь, и она помогала ему, качая рычаг коляски. Они катили по пляжу, который сходил на нет, к третьей двери, которую Эдди так отчаянно высматривал впереди, но по-прежнему не мог разглядеть.

4

Эдди оставил Одетту за ее первой за столько дней трапезой и вернулся к стрелку. Выглядел Роланд как будто получше.

— Присаживайся, — сказал он Эдди.

Эдди присел на корточки.

— Оставь мне полупустой бурдюк. Мне хватит. Отвези ее к двери.

— А что, если я не...

— Не найдешь ее? Не волнуйся, найдешь. Две первые нашлись, и эта тоже будет на месте. Если ты доберешься туда до заката, дождись темноты и убей двух этих чудищ. Тебе нужно будет оставить ей достаточно еды и позаботиться, чтобы у нее было какое-нибудь укрытие понадежней. Если ты не найдешь дверь сегодня, тогда убей трех. На, держи.

Он протянул Эдди один револьвер.

Эдди почтительно принял его, опять удивившись его солидному весу.

— Я думал, у нас нет больше «хороших» патронов.

— Может быть. Но я зарядил его теми, которые меньше всего подмокли: три, считая от пряжки левого пояса, и три — от правого. Один, может быть, выстрелит. Если тебе повезет — два. Но не трать их на этих ползучих гадов. — Он внимательно поглядел на Эдди. — Там могут быть и другие твари.

— Ты тоже слышал?

— Если ты имеешь в виду, что кто-то вопил на холмах, то да. Если ты думаешь, будто это какой-нибудь леший, а по тебе видно, что думаешь, тогда нет. Я слышал, как в зарослях вопила дикая кошка, и не более того. Может быть, у нее голос раза в четыре мощнее ее самой. Она, может, такая мелкая, что ты ее палкой отгонишь запросто. Я говорил о *ней*. Если та, *другая*, вернется, тебе, возможно, придется...

— Я не стану ее убивать, если ты это хотел сказать!

— Тебе, возможно, придется подрезать ей крылышки. Понимаешь?

Эдди неохотно кивнул. Эти чертовы патроны скорее всего вообще не выстрелят, так что нет смысла сейчас лезть в бутылку.

— Когда вы доберетесь до двери, оставь ее там. Устрой ее там поудобнее и возвращайся за мной с коляской.

— А револьвер?

Глаза Роланда сверкнули так, что Эдди даже отпрянул, как будто стрелок ткнул ему в лицо горящим факелом.

— Господи! Ты что, хочешь оставить ей заряженный револьвер, когда в любую минуту может вернуться та, *другая?!* Ты, кажется, спятил!

— Патроны...

— К такой-то матери патроны! — заорал стрелок как раз в тот момент, когда ветер немного стих, и слова его прозвучали отчетливо. Одетта повернула голову, посмотрела на них долгим взглядом, потом опять отвернулась к морю. — Не оставляй его ей!

Эдди на всякий случай понизил голос, опасаясь, что ветер опять утихнет.

— А что, если, пока я буду ходить за тобой, какая-нибудь зверюга спустится с гор? Какая-нибудь кисуля раза в четыре мощнее своего голоса, а не наоборот? Которую палкой не отогнать?

— Оставь ей кучку камней, — невозмутимо проговорил стрелок.

— *Камней!* Господи! Да ты просто вонючая куча дерьма!

— Я *думаю*. — Стрелок оставался невозмутимым. — Похоже, этот процесс тебе совершенно недоступен. Я дал тебе револьвер, чтобы ты сумел защитить ее от опасностей, которые ты мне сейчас так ярко живописуешь, хотя бы пока ты идешь туда. Тебе как, понравится, если я его заберу обратно? Наверное, понравится... тогда у тебя будет шанс *умереть* за нее. Ты *этого* хочешь? Весьма романтично... не считая, конечно, того, что после твоей героической смерти мы загнемся все трое.

— Логично. Но ты все равно — куча дерьма.

— Или иди, или оставайся. Но прекрати меня обзывать.

— Ты забыл одну вещь, — со злостью выдавил Эдди.

— Какую?

— Сказать, чтобы я начинал взрослеть. Так мне Генри всегда говорил. «Пора бы тебе повзрослеть, малыш».

Стрелок улыбнулся — странной, усталой, но все же хорошей улыбкой.

— Мне кажется, ты *уже* повзрослел. Так ты идешь или остаешься?

— Я иду, — сказал Эдди. — А что ты собираешься есть? Она все съела, что у нас было.

— Вонючая куча дерьма как-нибудь выкрутится. Куча дерьма именно этим и занималась на протяжении многих лет.

Эдди отвел взгляд.

— Я... ты прости меня, Роланд, за то, что я так тебя обозвал. Просто... — Он вдруг рассмеялся. — Сегодня был очень тяжелый день.

Роланд опять улыбнулся.

— Да уж. Действительно тяжелый.

5

В тот день они шли с приличной скоростью, они выжали из себя все, что можно, но к концу дня, когда лучи заходящего солнца разлились золотистой дорожкой по глади моря, никакой двери не было и в помине. И хотя Одетта твердила ему, что она вполне в состоянии выдержать еще полчаса пути, Эдди решил, что на сегодня хватит, и помог ей выбраться из коляски. Он отнес ее на ровную площадку, достал из коляски сиденье и подушки и устроил ей постель.

— Боже мой, как хорошо прилечь, — вздохнула она. — Но... — Она вдруг нахмурилась. — Я все думаю, как он там,

Роланд, ведь он же совсем один, и мне как-то не по себе. Кто он, Эдди? *Что* он такое? — Чуть погодя она добавила: — И почему он всегда так *кричит*?

— Просто характер такой, — ответил Эдди и, не сказав больше ни слова, пошел собирать камни. Роланд вообще никогда не кричит. Правда, утром сегодня он крикнул: «К такой-то матери патроны!» — но больше он не кричал ни разу, так что воспоминания Одетты были ложными: она вспоминала то время, когда *считала себя* Одеттой.

Он убил трех омаров, как и советовал стрелок, и при этом он так увлекся, что едва успел увернуться от клешни четвертого, который незаметно подкрался к нему справа. Увидев, как чудище щелкнуло своей клешней там, где только что стояла его нога, Эдди подумал о недостающих пальцах стрелка.

Он приготовил ужин на костре, сложенном из сушняка, — на близлежащих холмах, покрытых густой растительностью, искать дрова было делом приятным и легким, — еще до того, как последние отблески уходящего дня погасли на западе горизонта.

— Смотри, Эдди! — вскрикнула она, показывая наверх.

Он поднял голову и увидел одинокую звезду, что сияла в ночном небе.

— Правда, *красиво*?

— Да. — Внезапно, без всякой причины, у него на глаза навернулись слезы. Где он был всю свою проклятую жизнь? Где он был, что он делал, с кем проводил свое время, и почему вдруг все это стало ему противно, как будто всю жизнь он провел в большой яме с дерьмом?

Ее лицо, поднятое к небесам, было красивым до невозможности, до жути, истинно красивым в мягком мерцании ночного костра, но об этой красоте не ведала та, которая была отмечена ею, она лишь смотрела на небо, на единственную звезду широко распахнутыми в изумлении глазами и тихо смеялась.

— Вижу первую звезду, по секрету ей шепну, — произнесла она и умолкла, взглянув на Эдди. — Ты знаешь, Эдди, откуда это?

— Да, — сказал Эдди, опустив голову. Голос его прозвучал вполне сносно, но если бы он поднял голову, она бы увидела, что он плачет.

— Тогда давай вместе. Но тебе нужно смотреть на нее.

— О'кей.

Он вытер слезы ладонью и запрокинул голову. Теперь они вместе смотрели на единственную в ночном небе звезду.

— Вижу первую звезду...

Она поглядела на Эдди, и продолжили они вместе:

— По секрету ей шепну...

Она протянула руку, и он взял ее. Их руки сплелись: красивая, цвета светлого шоколада, и красивая, белая, точно грудка голубки.

— У меня, звезда ночная... — проговорили они торжественно в один голос, взявшись за руки, как двое детей, которым еще предстояло стать мужчиной и женщиной, когда совсем стемнеет, и она окликнет его, спит он или нет, и он ответит, что нет, и она попросит, чтобы он обнял ее, потому что ей холодно, — есть желание одно.

Они посмотрели друг на друга, и он увидел, как по щекам ее текут слезы. И он тоже заплакал, уже не стыдясь своих слез. Стыд прошел, сменившись невыразимым облегчением.

Они улыбнулись друг другу.

— Я тебе его доверю, пусть исполнится оно, — сказал Эдди и про себя подумал: *Чтобы ты всегда была со мной.*

— Я тебе его доверю, пусть исполнится оно, — отозвалась она и загадала: *Если мне суждено умереть в этом странном месте, пусть моя смерть будет легкой и пусть этот замечательный человек будет рядом со мной.*

— Прости, что я плачу, — сказала она, вытирая глаза. — Я вообще редко плачу, но сегодня...

— Сегодня был очень тяжелый день, — закончил за нее Эдди.

— Да. И тебе, Эдди, надо поесть.

— И тебе тоже.

— Надеюсь, больше меня не стошнит.

Он улыбнулся ей.

— Думаю, нет.

6

Потом, когда чужие галактики закружились над ними в своем медленном танце, они оба узнали в первый раз в жизни, каким сладким и полным может быть акт любви.

7

На рассвете они отправились дальше, стараясь ехать как можно быстрее, и к девяти часам Эдди очень пожалел о том, что не спросил у Роланда, как быть, если, когда они доберутся до места, где гряда гор подступает вплотную к воде, двери не будет. Вопрос весьма важный, поскольку они приближались уже к концу пляжа — в этом не было никаких сомнений. Горный кряж, вытянувшийся по диагонали, подбирался все ближе к морю.

Собственно говоря, пляжа как такового уже давно не было: грунт под ногами стал твердым и достаточно ровным. Какая-то стихия — *может быть,* думал Эдди, *воды, стекавшие с гор, или сильное наводнение в сезон дождей* (правда, за время его пребывания в этом мире с неба не упало ни капли дождя; пару раз собирались тучи, но каждый раз их разносило ветром) — сгладила выступы скал.

В половине десятого Одетта вдруг закричала:

— Стой, Эдди! Стой!

Он остановился так резко, что ей пришлось изо всей силы вцепиться в подлокотники, чтобы не вывалиться из коляски. Он бросился к ней.

— Извини. Все нормально?

— Нормально.

Он понял, что ошибся, приняв ее возбуждение за приступ боли.

Она указала вперед.

— Вон там! Видишь?

Он приставил руку к глазам, но ничего не увидел. Прищурился. Потом ему показалось... нет, просто марево от жары, нагретый воздух над спрессованным грунтом.

— По-моему, ничего там нет. — Он улыбнулся. — Может быть, ты просто хочешь увидеть ее, вот тебе и чудится.

— Нет же, я вижу! — Она обернулась к нему. На ее возбужденном лице сияла улыбка. — Стоит там сама по себе! У самого конца пляжа.

Он посмотрел еще раз, сощурившись аж до слез. Ему опять показалось, что он что-то видит. *Ты видишь,* сказал он себе и улыбнулся. *Она хочет, чтобы ты увидел, вот тебе и мерещится.*

— Вроде что-то там есть, — подытожил он, но не потому, что сам в это поверил, а потому, что верила она.

— Пойдем!

Эдди снова встал позади коляски и принялся растирать себе поясницу, где давно уже угнездилась тупая боль. Она оглянулась:

— Ну и чего ты *ждешь*?

— Ты действительно думаешь, что она там есть? Правда?

— Да!

— Ну тогда ладно, пойдем!

Эдди толкнул коляску.

8

А через полчаса он тоже ее увидел. *Боже,* подумал он. *У нее глаз не хуже, чем у Роланда. Если не лучше.*

Никто из них не хотел останавливаться, чтобы перекусить, но им обоим нужно было поесть. Они подкрепились на скорую

руку и снова тронулись в путь. Приближался прилив, и Эдди с растущей тревогой поглядел налево — на запад. Пока что они еще шли выше гирлянды гниющих водорослей, отмечающей верхнюю границу прилива, но Эдди боялся, что к тому времени, когда они доберутся до двери, они окажутся в неуютном узеньком клинышке между морем с одной стороны и горным кряжем — с другой. Теперь уже отроги гор были видны отчетливо. Причем этот вид не сулил ничего хорошего: каменистые склоны, поросшие колючим кустарником и низенькими деревцами, изогнутые корни которых, отчаянно цеплявшиеся за скудную почву, больше всего напоминали суставы, пораженные тяжелой формой артрита. Склоны были не слишком крутыми, но с инвалидной коляской туда все равно не вскарабкаешься. Вероятно, ему хватит сил какое-то время нести Одетту на руках — и скорее всего именно это ему и придется делать, — но от мысли, что ему нужно будет оставить ее там одну, его по-настоящему воротило.

В первый раз за все свое пребывание в этом мире Эдди услышал жужжание насекомых. Похоже на стрекотание сверчка, только звук был гораздо выше и ровнее — непрерывное, монотонное ж-ж-ж-ж-ж-ж, как гудение электрических проводов. В первый раз появились другие птицы, а не одни только чайки. Крупные, с жесткими крыльями, они кружили в небе вдали от моря, над землей. Наверное, ястребы, подумал Эдди. Временами они, сложив крылья, камнем падали вниз. Охотились. На кого? Ну на каких-нибудь мелких зверюшек. Ничего. Все нормально.

И все-таки он продолжал думать о тех жутких воплях в ночи.

Где-то к середине дня они уже ясно различали третью дверь. Как и первые две, она была абсолютно невероятной, но от этого не менее реальной.

— Поразительно, — тихонько пробормотала Одетта. — Просто поразительно.

Она стояла как раз там, где, как начал уже подозревать Эдди, она и должна стоять: в самом конце узкого клинышка, оставшегося от бесконечного пляжа и обозначающего конец их пути на север. Она стояла чуть выше верхней границы прилива, менее чем в девяти ярдах от того места, где скалы вдруг выныривали из земли, как рука какого-нибудь великана, поросшая вместо волос серо-зеленым кустарником.

Когда солнце стало спускаться к воде, начался прилив — около четырех часов дня, как сказала Одетта, и Эдди поверил ей, потому что она утверждала, что умеет определять время по солнцу и еще потому, что он был влюблен в нее по уши. В четыре часа они подошли к двери.

9

Они просто смотрели на нее. Одетта — сидя в своей коляске и сложив на коленях руки, Эдди — стоя у самой кромки воды. В какой-то мере они смотрели на эту дверь, как на звезду прошлой ночью, — словно дети; в какой-то мере — совсем по-другому. Когда они, глядя на первую звезду, загадывали желания, они были детьми, которые просто радуются. Теперь они были торжественны и серьезны, как дети, глядящие на сказочное чудо, происшедшее в реальной жизни.

На двери было написано одно слово.

— Что это значит? — наконец спросила Одетта.

— Не знаю, — промямлил Эдди, но от этого слова на него повеяло холодом безнадежности. Словно на его сердце легла черная тень.

— Точно не знаешь? — Она пристально посмотрела на него.

— Нет. Я... — Он тяжело сглотнул. — Нет.

Она продолжала смотреть на него.

— Подвези меня к ее обратной стороне, пожалуйста. Я хочу посмотреть. Я знаю, тебе нужно вернуться к нему, но все-таки сделай это для меня. Хорошо?

Ей он не мог отказать.

Они объехали дверь.

— Подожди! — воскликнула она. — Ты видел?

— Что?

— Подай назад! Смотри! Видишь?

На этот раз он посмотрел на дверь, а не вперед, чтобы не наехать коляской на какое-нибудь препятствие. Когда они проехали как раз мимо двери, она как бы сузилась в перспективе, он увидел петли, впаянные в пустоту...

А потом она пропала.

Дверь пропала.

Вид на море только что перекрывало деревянное полотно шириной три, даже четыре дюйма (дверь казалась весьма массивной), теперь же никакой преграды не было.

Дверь исчезла.

Тень от нее осталась, но двери не было.

От отъехал с коляской на два фута назад, чуть-чуть южнее того места, где была дверь, и она появилась опять.

— Ты видишь? — Голос его едва не сорвался.

— *Да!* Она снова здесь!

Он передвинул коляску на фут вперед. Дверь осталась на месте.

Еще на шесть дюймов. Дверь на месте. Еще два дюйма. Дверь по-прежнему стоит. Еще дюйм... и дверь пропала. Полностью.

— Господи, — прошептал он. — Господи Боже!

— А ты сможешь открыть ее? — спросила Одетта. — Или я?

Он медленно шагнул вперед и ухватился за ручку двери, на которой было написано одно слово.

Попробовал повернуть ручку по часовой стрелке, потом против.

Она не сдвинулась ни на йоту.

— Ну что ж, — тихо проговорила она, смирившись. — Стало быть, только он может ее открыть. Мне кажется, мы с тобой это давно понимали. Иди за ним, Эдди. Иди сейчас же.

— Сначала мне нужно устроить тебя поудобнее.

— Мне и так будет нормально.

— Нет, не будет тебе так нормально. Ты сейчас слишком близко от границы прилива. Если тебя здесь оставить, ночью, как только стемнеет, вылезут эти омары и тебя съе...

Внезапный вопль дикой кошки на холмах перерезал фразу Эдди, как нож — тоненькую бечевку. Крик донесся издалека, но все же он раздался ближе, чем в прошлый раз.

Ее взгляд быстро скользнул к револьверу стрелка, который Эдди засунул за пояс, потом снова к его лицу. Эдди почувствовал, как заливается краской.

— Он сказал тебе не оставлять мне оружие, да? — тихо спросила она. — Он не хочет, чтобы револьвер был у меня. По какой-то причине не хочет, чтобы он был у меня.

— Патроны все отсырели, — неловко пробормотал Эдди. — Вероятно, он вообще не будет стрелять.

— Я понимаю. Только откати меня чуть выше по склону, Эдди. Ничего? Тебе будет нетрудно? Я знаю, как у тебя ноет спина, Эндрю всегда называл это «инвалидно-колясочным полуприседом», но, если ты меня отвезешь чуть повыше, эти омары до меня не доберутся. Я сомневаюсь, что какие-нибудь еще звери решатся приблизиться к берегу, по которому ползают эти твари.

Эдди подумал: *Когда прилив, вероятно — да... но неизвестно еще, что будет, когда начнется отлив.*

— Оставь мне еды и камней. — Сама того не зная, она почти слово в слово повторила наказ стрелка, и Эдди опять покраснел. Он чувствовал, как его щеки и лоб так и пылают жаром, точно кирпичная печка.

Она посмотрела на него со слабой улыбкой и покачала головой, как будто он высказал это вслух.

— Сейчас мы не будем спорить. Я же видела, в каком он состоянии. Время его на исходе. И у нас тоже нет времени препираться. Отвези меня чуть повыше, оставь мне еды и камней, а потом забирай коляску и вперед.

10

Он постарался устроить ее по возможности побыстрее. Перед тем как уйти, он достал револьвер Роланда и протянул его ей рукояткой вперед. Но Одетта лишь покачала головой.

— Он разозлится на нас обоих. На тебя — за то, что дал, на меня — что взяла.

— Бред какой-то! — выкрикнул Эдди. — Как тебе это вообще взбрело в голову?

— Я знаю. — Голос ее был непреклонен.

— Ну ладно, допустим, что это так. Просто допустим. Но я разозлюсь на тебя, если ты не возьмешь.

— Убери его. Я не люблю пистолеты. Я не умею стрелять. Если какая-нибудь зверюга набросится на меня в темноте, я первым делом напружу в штаны. А потом я направлю его по ошибке не в ту сторону и пристрелю себя же. — Она помолчала, серьезно глядя на него. — И есть еще одно обстоятельство, о котором ты, вероятно, знаешь. Я вообще не хочу прикасаться к его вещам. Не хочу. Мама моя говорила, что есть вещи, которые приносят несчастье, и я боюсь прикасаться к тому, что ему принадлежит. Конечно, мне нравится думать, что я современная женщина... но я не хочу, чтобы рядом со мной было что-то такое, что приносит несчастье, когда ты уйдешь и я останусь одна в темноте.

Он посмотрел на Одетту, и по его глазам она поняла, что он все еще сомневается.

— Убери его, — сказала она тоном строгой учительницы. Эдди рассмеялся, но все же послушался.

— Что ты смеешься?

— Ты сейчас это сказала ну в точности как мисс Хатауэй, училка моя в третьем классе.

Она улыбнулась, по-прежнему глядя ему в глаза, и тихонько запела:

— *Тень ночная на землю ложится... в сумерках все растворилось...* — Одетта умолкла, и вместе они посмотрели на запад, но звезда, которой они вчера загадывали желания, еще не появилась на небе, хотя тени их стали длиннее.

— Еще что-нибудь, Одетта? — Он все искал предлоги остаться с ней подольше. Может быть, это пройдет, когда он действительно соберется уйти, но пока что он длил расставание, хватаясь за любой предлог.

— Поцелуй. Мне тогда будет легче, если ты не возражаешь.

И когда после долгого поцелуя губы их разомкнулись, она взяла его за руку и пристально посмотрела ему в глаза:

— До прошлой ночи я ни разу не занималась любовью с белым. Не знаю, важно это для тебя или нет. Я даже не знаю, важно ли для *меня самой*. Но я подумала, что тебе следует знать.

Он на мгновение задумался.

— Мне не важно, — сказал он наконец. — В темноте, как говорится, все кошки серы. Я люблю тебя, Одетта.

Она накрыла руку его ладонью.

— Ты очень славный, и я, может быть, тоже тебя люблю, хотя для нас еще слишком рано...

В это мгновение, как по сигналу, где-то в зарослях завопила дикая кошка. Пока что где-то в четырех-пяти милях отсюда, но все же намного ближе, чем в прошлый раз, и, судя по звуку, зверюга была *большая*.

Они повернулись на звук. Эдди почувствовал, как волосы у него на затылке попробовали встать дыбом. Только у них ничего не вышло. *Простите меня, волосы,* совершенно по-идиотски подумал он. *Патлы я отрастил будь здоров.*

Истошный вопль усилился, как будто орал какой-нибудь несчастный зверь, умирающий в жутких муках (хотя на самом-то деле этот кошмарный вопль скорее всего знаменовал собой удачное завершение брачных игр). Крик как будто завис на мгновение, сделавшись почти что невыносимым, а потом начал стихать, становясь все глуше и глуше, а потом оборвался или растворился в нескончаемом вое ветра. Они подождали, но вопль больше не повторился. Однако Эдди больше не колебался. Он снова вытащил револьвер и протянул его ей.

— Бери и не спорь. Если тебе все же *придется* стрелять, он тебя не подведет... такое оружие никогда не подводит... но все равно возьми.

— Хочешь поспорить?

— Ты можешь спорить сколько душе угодно.

Внимательно посмотрев в ореховые глаза Эдди, она немного устало улыбнулась.

— Не буду я с тобой спорить. — Одетта взяла револьвер. — Пожалуйста, возвращайся быстрее.

— Я быстро. — Он поцеловал ее, на этот раз торопливо, и едва не сказал, чтобы она была осторожна... но если серьезно, ребята, как можно быть осторожным в такой ситуации?!

В сгущающихся сумерках он спустился вниз по склону (омары еще не выползли на берег, но уже скоро они покажутся) и еще раз прочел надпись на двери. Его опять передернуло. Это слово било прямо в точку. Господи, прямо в точку. Потом он оглянулся. Сначала он не увидел Одетту, но потом заметил на склоне какое-то движение. Мелькнула светло-коричневая ладонь. Одетта махала ему рукой.

Он помахал ей в ответ, а потом развернул коляску и пустился бегом, приподняв передние колеса, которые были поменьше задних и не такие прочные, чтобы они не бились о землю. Он бежал на юг, туда, откуда пришел. Первые полчаса тень его бежала рядом — невероятная тень костлявого великана, начинавшаяся от подошв кроссовок и протянувшаяся на несколько долгих ярдов к востоку. А потом солнце зашло, тень исчезла, а из моря полезли омары.

Минут через десять после того как они принялись трещать, переговариваясь друг с другом, он поднял голову и увидел вечернюю звезду, спокойно сиявшую на темно-синем бархате неба.

Тень ночная на землю ложится... в сумерках все растворилось...

Только бы с ней ничего не случилось. Ноги уже начинали болеть, разгоряченное дыхание тяжело вырывалось из легких, а ведь ему предстоял еще один переход, третий, со стрелком в коляске, причем Роланд весит на добрую сотню фунтов больше Одетты, и хотя Эдди знал, что ему надо бы поберечь силы, он продолжал бежать. *Только бы с ней ничего не случилось — вот мое желание. Чтобы с моей любимой ничего не случилось.*

Но тут, точно дурное предзнаменование, откуда-то из оврагов, которыми были изрезаны ближайшие склоны, снова донесся вопль дикой кошки... только на этот раз крик ее походил на рев разъяренного льва в африканских джунглях.

Эдди побежал еще быстрее, толкая перед собой коляску. И очень скоро ветер тонко и призрачно завыл в спицах поднятых кверху, свободно вращающихся передних колес.

II

Стрелок услышал, как к нему приближается какой-то пронзительный завывающий звук, на мгновение напрягся, но тут же расслышал тяжелое дыхание человека и расслабился. Эдди. Он понял это, даже не открывая глаз.

Когда завывание стихло, а топот бегущих ног остановился, Роланд открыл глаза. Перед ним стоял Эдди, тяжело дыша и обливаясь потом. Его рубаха прилипла к груди одним темным расплывшимся пятном. В нем больше не было и намека на приличного мальчика из университета (именно такое требование предъявлял в свое время Джек Андолини к внешнему виду своих людей). Отросшие волосы мокрыми прядями свисали на лоб. Брюки лопнули по шву на самом, как говорится, интересном месте. Синевато-багровые круги под глазами довершали картину. Видок у Эдди Дина был просто ужасный.

— Я все сделал, — выдавил он. — Я вернулся. — Он огляделся по сторонам, потом снова уставился на стрелка, как будто не веря своим глазам. — Господи, я действительно здесь.

— Ты отдал ей револьвер.

Эдди подумал, что Роланд выглядит едва ли не хуже, чем до первого — прерванного — курса лечения кефлексом. От него исходили волны жара, и хотя Эдди понимал, что ему надо бы посочувствовать Роланду, но сейчас он буквально взбесился.

— Я драл свою задницу, чтобы добраться сюда за рекордно короткий срок, и тебе больше нечего мне сказать, кроме как: «Ты отдал ей револьвер». Спасибо, конечно, дружище. Я имею в виду, я ожидал изъявления благодарности, но это, мать твою, уже слишком.

— Я сказал то, что важнее всего.

— Ладно, теперь, когда ты все высказал, предоставь слово мне. — Эдди упер руки в бока и свирепо уставился на стрелка сверху вниз. — Выбирай: либо ты сейчас же садишься в коляску, либо я ее складываю и запихиваю тебе в жопу. Что для вас предпочтительней, босс?

— Ни то, ни другое. — Роланд улыбнулся как человек, которому этого совсем не хочется, но он не может удержаться от улыбки. — Сначала тебе, Эдди, нужно немного поспать. Утро вечера мудренее, тогда и посмотрим, а сейчас тебе нужно поспать. Ты ж на ногах не стоишь.

— Я хочу вернуться к ней.

— Я тоже. Но если ты не отдохнешь, ты просто свалишься где-нибудь по дороге. В этом-то все и дело. Так будет хуже для тебя и для меня, а хуже всего для нее.

Эдди на мгновение заколебался.

— Ты очень быстро вернулся, — прищурившись, стрелок поглядел на солнце. — Сейчас часа четыре, самое большее — четверть пятого. Поспи часиков пять, может быть, даже семь, а там уж совсем стемнеет...

— Четыре. Четыре часа.

— Хорошо. Пока не стемнеет. Я думаю, это важно. Потом поешь, а тогда уже и пойдем.

— Ты тоже поешь.

Стрелок улыбнулся опять.

— Я попробую. — Он спокойно взглянул на Эдди. — Сейчас твоя жизнь у меня в руках. Я полагаю, ты это знаешь.

— Да.

— Я похитил тебя.

— Да.

— Ты не хочешь убить меня? Если да, сделай это прямо сейчас. Это лучше, чем... — Голос его оборвался, сменившись тихим присвистом. В груди у него захрипело, но Эдди не придал этому

обстоятельству никакого значения, или, вернее, сейчас ему было на это плевать. — ...Доставать друг друга и дальше, — закончил Роланд.

— Не хочу я тебя убивать.

— Тогда... — Теперь голос его потонул в неудержимом приступе кашля. — ...Ложись.

Эдди послушно лег. Но сон не унес его своим плавным течением, как это обычно бывает, а грубо обхватил его руками любовницы, неловкой в своем нетерпении. Он еще слышал (или это был уже сон?), как Роланд сказал: «Но тебе все же не надо было оставлять ей револьвер», а потом провалился во тьму, где даже время остановилось, и вот уже Роланд трясет его за плечо, и Эдди приподнимается на локтях, и в теле его нет ничего, кроме боли, боли и тяжести. Мышцы его превратились в какие-то проржавелые лебедки и блоки в заброшенном помещении. Он не сумел даже подняться на ноги с первой попытки: он тяжело рухнул обратно в песок. Он попробовал еще раз, но ощущение было такое, что вся эта нехитрая процедура грозит занять у него минут двадцать. И ему будет очень больно.

Роланд смотрел на него испытующе:

— Ты готов?

— Да, — кивнул Эдди. — А *ты?*

— Да.

— *Сможешь?*

— Да.

Они поели... а потом Эдди тронулся в путь. Это был его третий и последний рейс по этому чертову пляжу.

12

В тот вечер они преодолели приличное расстояние, но, когда стрелок объявил привал, Эдди был несколько раздосадован, однако не стал спорить, потому что он слишком устал, чтобы геройствовать и отказываться от отдыха, хотя с самого начала надеялся, что им удастся пройти подальше. Вес. Проблема серьезная. По сравнению с Одеттой толкать Роланда было ничуть не легче, чем толкать вагонетку с железными балками. Эдди поспал еще четыре часа и проснулся с рассветом, когда солнце только показалось над холмами, сглаженными эрозией остатками горной гряды. Стрелок кашлял. Кашель с хрипами, слабый — так кашляет старик, умирающий от обширного воспаления легких.

Глаза их встретились. Спазматический приступ кашля вдруг обернулся смехом.

— Я еще не кончаюсь, Эдди, — сказал Роланд, — не смотри, что меня так сотрясает кашель. А ты?

Эдди вспомнил глаза Одетты и мотнул головой.

— Я тоже еще не кончаюсь, хотя чизбургер и «бутончик» мне очень бы не помешали.

— Бутончик? — не понял Роланд, представив себе яблоневые деревья и буйство цветов в Королевском Саду (хотя Эдди имел в виду кружечку пива).

— Не обращай внимания. Забирайся, дружище. Не четырехместный, конечно, кабриолет, но как-нибудь пару миль мы одолеем.

И они действительно одолели несколько миль, хотя к закату второго дня его расставания с Одеттой они не намного приблизились к тому месту, где была третья дверь. Эдди прилег, надеясь вырубиться еще на четыре часа, но не прошло и двух, как его разбудил очередной истошный вопль дикой кошки. Он вскочил, его сердце бешено заколотилось. Господи, судя по крику, зверюга была громадной.

Он увидел, что стрелок тоже не спит: он приподнялся на локте, и глаза его сверкали в темноте.

— Ты готов? — спросил Эдди и медленно поднялся на ноги, скривившись от боли.

— А *ты*? — едва слышно спросил Роланд.

Эдди потянулся, позвонки захрустели, как будто в спине взорвались крошечные хлопушки.

— Да. Но я все-таки не отказался бы от чизбургера.

— Ты, по-моему, мечтал о цыпленке.

Эдди застонал:

— Не трави душу, старик.

Когда взошедшее солнце осветило холмы, вдали показалась третья дверь. Они добрались до нее через два часа.

Снова все вместе, подумал Эдди, готовый свалиться с ног.

Но он явно поторопился с выводом. Одетты Холмс не было видно. Нигде.

13

— *Одетта!* — закричал Эдди, и теперь голос его был точно таким же надорванным и хриплым, как и у той, *другой*.

В ответ тишина. Не было даже эха, которое он мог бы принять по ошибке за голос Одетты. Эти низкие, выветренные холмы не отражали звука. Слышался только плеск волн, особенно громкий на этом узеньком клинышке берега, — глухой и ритмичный грохот прибоя о стену грота, пробитого волнами в хрупком камне скалы, — и непрестанный вой ветра.

— *Одетта!*

На этот раз он закричал так громко, что голос его сорвался, и острая боль, точно рыбная кость, вонзилась в голосовые связки. Взгляд его исступленно шарил по холмам, высматривая светло-коричневое пятнышко ее ладони, промельк движения, когда она встанет... или (да простит его Бог) яркие пятна крови на бурых камнях.

Он поймал себя на том, что пытается угадать, что он будет делать, если действительно там будет кровь или если найдется револьвер с глубокими следами зубов на сандаловом дереве рукояти. Наверное, он впадет в истерику, если вообще не сойдет с ума, но он все равно продолжал высматривать... хоть что-нибудь.

Но он ничего не увидел. Не услышал даже самого слабого ответного крика.

Стрелок тем временем изучал третью дверь. Он ждал, что на ней будет написано одно слово, то самое слово, которое произнес человек в черном, переворачивая шестую карту колоды Таро на пыльной голгофе, где они с Роландом долго беседовали в бесконечной ночи. «Смерть, — сказал тогда Уолтер, — *но не твоя, стрелок*».

На двери было слово, но совсем другое... не СМЕРТЬ. Он прочитал его снова, беззвучно шевеля губами: ТОЛКАЧ.

И все же оно означает Смерть, подумал Роланд и понял, что это так.

Он вдруг сообразил, что голос Эдди стал удаляться, и обернулся. Эдди карабкался вверх по склону ближайшего холма, не переставая звать Одетту.

Сначала Роланд решил его не удерживать.

Может быть, Эдди найдет ее, может быть, даже живой и не слишком сильно искалеченной, и это по-прежнему будет она. Он мог допустить, что эти двое даже сумеют наладить здесь свою жизнь, что любовь Эдди к Одетте и ее — к нему все-таки одолеет ядовитую тварь, которая называет себя Деттой Уокер. Да, очень возможно, что между ними двумя нет места для Детты и она просто тихо исчезнет. По-своему он был романтиком, суровым и жестким, но все же немножко романтиком... хотя в то же время он был трезвым реалистом и знал, что иногда любовь *действительно* побеждает все. А что остается ему? Даже если ему удастся заполучить лекарства из мира Эдди, те самые, которые так помогли ему в прошлый раз, помогут ли они теперь? Сейчас ему хуже, чем в прошлый раз, и он даже поймал себя на том, что начинает уже беспокоиться, как далеко все зашло. Руки и ноги болели, в голове глухо гудело, грудь отяжелела, наполнившись мокротой. Когда он кашлял, левый бок обжигала боль, как будто там у него были сломаны ребра.

Левое ухо горело. *Может быть*, думал он, *настало время со всем этим покончить и просто сдаться?*

При этой мысли все существо его возмутилось.

— *Эдди!* — закричал он, но не закашлялся, сейчас голос его звучал, как всегда, глубоко и мощно.

Эдди обернулся, стоя одной ногой на влажном прибрежном грунте, а другую поставив уже на каменистый выступ.

— Иди, — сказал он и небрежно махнул рукой, как будто давая понять этим жестом, что он хочет избавиться от стрелка и заняться своим настоящим делом, *действительно важным* делом: найти Одетту и спасти ее, если в том будет необходимость. — Все нормально. Иди туда и забери все, что нужно. Когда ты вернешься, мы будем здесь.

— Что-то я сомневаюсь.

— Мне нужно найти ее. — Эдди взглянул на Роланда, и взгляд его был открытым и чистым. — То есть действительно нужно.

— Я понимаю, что ты ее любишь и что тебе это действительно необходимо, — сказал стрелок. — Но на этот раз я хочу, чтобы ты пошел вместе со мной, Эдди.

Эдди долго смотрел на него, как бы не веря своим ушам.

— Пойти с тобой, — озадаченно вымолвил он наконец. — Пойти с тобой! Господи Боже, теперь я, кажется, и в самом деле услышал все. Трам-парам-парам, *все*. В прошлый раз ты так уперся, чтобы только меня не брать, не побоялся даже, когда я грозился глотку тебе перерезать. А на этот раз я должен бросить все и идти с тобой, и пусть там *ей* кто-нибудь раздерет горло.

— Это, возможно, уже случилось, — сказал Роланд, хотя сам был уверен, что нет. Госпожа, может быть, и пострадала, но уж наверняка не погибла.

К сожалению, Эдди был тоже в этом уверен. Уже семь или даже десять дней он не принимал наркотиков, и разум его заметно прояснился. Он указал на дверь.

— Ты же знаешь, что нет, что она жива. Если бы она умерла, эта чертова штука пропала бы. Если только ты мне не врал, когда говорил, что без нас троих — всех — никакого толку от этой двери не будет.

Эдди хотел было вернуться на склон, но взгляд Роланда буквально пригвоздил его к месту.

— Хорошо. — Голос Роланда был почти таким же мягким и ласковым, как тогда, когда он пытался достучаться сквозь пылающее ненавистью лицо и вопли Детты до другой женщины, что скрывалась за ними. — Она жива. Но почему она тогда тебе не отвечает?

— Ну... ее могла утащить дикая кошка, — неуверенно высказал Эдди.

— Кошка загрызла бы ее, съела, сколько ей надо, а остальное бы бросила. В крайнем случае оттащила бы ее тело в тень, чтобы ночью вернуться и сожрать мясо, которое еще не

успело испортиться от жары. Но тогда дверь бы пропала. Кошки, если ты еще не знаешь, — это не те насекомые, которые парализуют добычу и уносят к себе, чтобы полакомиться потом.

— Вовсе не обязательно. — Эдди вдруг вспомнил, как Одетта сказала, что ему надо было бы записаться в дискуссионый клуб, но не стал останавливаться на этом воспоминании. — Могло быть и так, что кошка накинулась на нее и она постаралась ее застрелить, но первые два патрона дали осечку. Черт, может быть, даже четыре патрона. Кошка успела добраться до нее, искалечить, но только уже собиралась загрызть... как БА-БАХ! — Эдди хлопнул кулаком по ладони, представив себе эту сцену так живо, как будто он при всем этом присутствовал. — Выстрел сразил зверюгу, или, может быть, только ранил или просто напугал, и она убежала. Что ты на это скажешь?

— Мы бы услышали выстрел, — мягко ответил стрелок.

Эдди приумолк, не сумев найти убедительного ответа. Конечно, они бы услышали выстрел. Ведь впервые вопль дикой кошки они услышали с расстояния в полтора, а то и два десятка миль. А уж выстрел...

Он с хитрецой поглядел на Роланда.

— Может быть, *ты* и слышал. Может быть, ты его слышал, пока я спал.

— Он бы тебя разбудил.

— Притом что я так измотался. Я заснул как...

— Убитый, — закончил за него Роланд, и голос его оставался все таким же мягким. — Мне это состояние знакомо.

— Значит, ты понимаешь...

— Спишь ты как убитый, но ты же *не убитый*. Прошлой ночью ты тоже вырубился мгновенно, но когда на холмах завопила кошка, ты тут же вскочил. Потому что ты за нее переживаешь. Не было никакого выстрела, Эдди, и ты это знаешь. Ты бы услышал. Потому что ты за нее переживаешь, за Одетту.

— Тогда она, может быть, отбилась от кошки камнем! — закричал Эдди. — Откуда мне, черт возьми, знать, если вместо того, чтобы ее искать, я стою тут и препираюсь с тобой! Может, она лежит где-нибудь искалеченная! И умирает от потери крови! Как бы тебе понравилось, если бы я вошел с тобой в эту дверь, а она бы тут умерла, пока мы с тобой находились бы на той стороне?! Как бы ты себя чувствовал, если бы ты оглянулся однажды, а двери нет, как будто и не было вовсе, потому что *она* умерла?! Тогда уже ты бы застрял в *моем* мире, а не наоборот! — Он смотрел на стрелка, тяжело дыша, и сжимал кулаки.

Роланд устал спорить с Эдди, в нем уже закипало раздражение. Кто-то — может быть, Корт, но скорее всего отец — любил повторять: «Спорить с влюбленным — все равно что

пытаться вычерпать море ложкой». И если бы Роланду потребовалось подтвердить истинность этой пословицы, ему не надо было бы далеко ходить: вот оно стоит, живое подтверждение, и вся поза его выражает неприятие и вызов. «Ну давай, — говорит его поза. — Давай я отвечу тебе на любой вопрос».

— А может, это была не кошка, — сказал он стрелку. — Пусть это твой мир, но я сомневаюсь, что ты в этих краях бывал чаще, чем я на Борнео. Ты же понятия не имеешь, что вообще может бегать по этим холмам, я не прав? Может, ее утащила горилла или еще какая-нибудь тварь.

— Вот именно, кто-то ее утащил, — согласился стрелок.

— Ну слава Богу, ты со своей болезнью еще не совсем рехнулся...

— И мы оба знаем, что это за «тварь». Детта Уокер. Вот кто ее утащил. Детта Уокер.

Эдди открыл было рот, но помедлил секунду — всего лишь секунду, но и ее им обоим хватило, чтобы осознать и принять горькую правду, — и потом, увидев безжалостное лицо Роланда, забыл все свои доводы.

14

— Это вовсе не обязательно.

— Подойти лучше поближе. Если мы собираемся поговорить, то давай поговорим нормально. Каждый раз, когда, обращаясь к тебе, я пытаюсь перекричать шум волн, у меня еще пуще горло дерет. Впрочем, теперь у меня все время его дерет.

— А почему, бабушка, у тебя такие большие глаза? — сказал Эдди, не сдвинувшись с места.

— Ты о чем, черт побери, говоришь?

— Это из одной сказки. — Эдди немного спустился по склону. Ярда на четыре, не больше. — И ты, кажется, веришь в сказки, если ты *думаешь*, что у тебя получится убедить меня подойти достаточно близко к твоей коляске.

— *Для чего* достаточно? Я тебя не понимаю, — сказал Роланд, хотя все понимал прекрасно.

Почти в ста пятидесяти ярдах над ними и, наверное, в целой четверти мили к востоку за этой перебранкой внимательно наблюдали черные глаза — глаза очень умные, но лишенные человеческого сострадания. О чем шел разговор, разобрать было никак не возможно: из-за волн, ветра и глухих ударов воды в стену подводного грота ничего не было слышно, — но Детте и не было в том нужды, она и так знала, о чем они *говорят*. Не нужен был и бинокль, чтобы раз-

глядеть, что Воистину Гнусный Мужик стал теперь Очень Больным Мужиком, и если Гнусный Мужик был бы не прочь задержаться здесь на денек-другой, а то и на недельку, чтобы помучить безногую негритянку — судя по всему, в этом унылом местечке других развлечений не ожидалось, — то Больной Мужик хотел лишь одного: поскорее унести свою жопу подальше от этого места. Просто войти в эту волшебную дверь и свинтить отсюда. Раньше он ничего такого не делал. Раньше он вообще никуда не влезал, *только ей в голову*. Ей до сих пор не хотелось думать о том, как это было, как легко он сводил на нет все отчаянные ее попытки вытолкнуть его *вон*, чтобы стать снова себе хозяйкой. Это было так жутко. Ужасно. Но самое мерзкое то, что она ничего не могла понять. Почему она так испугалась? По какой причине? Она испугалась не самого вторжения, но чего-то еще. Она знала, что смогла бы понять, стоило лишь повнимательнее покопаться в себе, но именно этого ей не хотелось. Такое самокопание могло бы ее увести черт знает куда, в место типа того, которого так боялись древние моряки, — к самому краю света, отмеченному на картах зловещей надписью: ЗДЕСЬ ЗМЕИ. Самым пугающим во вторжении Гнусного Мужика было чувство *узнавания*, которым вторжение это сопровождалось, как будто подобное с ней случалось и раньше — и не один раз, а много. Однако, и перепугавшись, она не поддалась панике. Даже когда она с ним боролась, она не переставала наблюдать, и она помнила, *что* видела по ту сторону, когда Гнусный Мужик, двигая коляску ее же руками, катил ее к двери. Она видела тело Гнусного Мужика, лежащее на песке, и Эдди, который склонился над ним с ножом в руке.

Вот бы Эдди вонзил свой нож в глотку Гнусного Мужика! Почище было бы, чем свинью завалить! Куда как почище!

Он не вонзил, но она видела тело Гнусного Мужика. Оно дышало, хотя это было именно *тело*, труп, бесполезная вещь наподобие старого ненужного мешка, в который какой-нибудь недоумок напихал сорняков.

Возможно, что ум Детты был не чище крысиной задницы, но по быстроте и остроте мышления она явно превосходила Эдди. *Гнусный Мужик там, похоже, уже изошел дерьмом. Совсем выдохся, птенчик. И он ведь знает, что я где-то здесь, и только и думает, как бы смыться, пока я не спустилась и не надрала ему задницу. Но дружок его еще полон сил и еще не натешился. Так и рвется подняться сюда за мной и продолжить свои измывательства, и ему наплевать, что там с Гнусным Мужиком. Ясное дело. Небось сейчас думает: «Этой безногой черномазой суке не тягаться со мной, таким большим и ловким парнем с неутомимым хером. Мне вовсе нет нужды за ней гоняться. Никуда не денется эта дырка. Влеплю ей разок-другой, а потом буду ставить ее, как захочу!*

Вот он чего думает, ну и ладненько, беложопый. Думаешь, что легко тебе будет взять Детту Уокер? Ну давай. Хочешь меня отодрать? Давай. Узнаешь тогда, какая я черномазая сука! Ужо узнаешь...

Но бешеный водоворот ее мыслей, напоминающий крысиную возню, был неожиданно прерван отчетливым звуком, который донесся даже сквозь шум волн и свист ветра: тяжелым грохотом выстрела.

15

— Я думаю, что ты только делаешь вид, будто не понимаешь, — сказал Эдди. — А на самом-то деле ты все понимаешь! Ты хочешь, чтобы я подошел к тебе ближе и ты смог бы меня схватить. — Он кивнул в сторону двери, не отрывая взгляда от лица Роланда. И, не догадываясь о том, что где-то поблизости есть еще один человек, который думает точно так же, проговорил: — Я знаю, конечно, что ты болен, но ведь ты вполне можешь и притворяться, что тебе хуже, чем есть на самом деле. Ты мог, как у нас говорят, притаиться в высокой траве.

— Мог бы, — проговорил стрелок без тени улыбки и, помолчав, добавил: — Но я вовсе не притворяюсь.

Хотя, если честно, он притворялся... чуть-чуть.

— Еще пара шагов тебе ничем не повредят, верно? А мне зато не придется кричать. — Последний слог утонул в жутком кашле, что лишний раз подтверждало его правоту. — Я хочу, чтобы ты как следует подумал о том, что ты делаешь... что собираешься сделать. Если мне не удастся уговорить тебя пойти со мной, может быть, я смогу убедить тебя в том, что тебе нужно снова держаться настороже... я хочу тебя предостеречь опять...

— Ради твоей драгоценной Башни, — фыркнул Эдди, но тут, поскользнувшись, съехал вниз по склону на добрую половину уже проделанного пути, поднимая ногами облачка темно-бордовой пыли.

— Ради моей драгоценной Башни и твоего же здоровья, — сказал стрелок, — не говоря уже о твоей драгоценной *жизни*.

Он вынул из кобуры оставшийся револьвер и посмотрел на него со смешанным выражением печали и недоумения.

— Если ты думаешь, что этим ты меня напугаешь...

— Ничего я не думаю. Ты же знаешь, Эдди, что я не смогу тебя застрелить. Но я думаю, что тебе нужен наглядный урок, чтобы ты понял, что все изменилось. И очень сильно изменилось.

Роланд поднял револьвер, нацелив его не на Эдди, а на пустынный простор бушующего моря, и нажал на спусковой крючок. Эдди напрягся в ожидании грохота выстрела.

Однако выстрела не последовало. Только глухой щелчок.

Роланд еще раз взвел курок. Барабан прокрутился. Он нажал на спусковой крючок, и опять не последовало ничего, кроме глухого щелчка.

— Не расстраивайся, — сказал Эдди. — В моем мире тебя бы приняли на работу в министерство обороны после первой же осечки. С тем же успехом ты мог бы...

Но громкий выстрел — БА-БАХ! — отсек конец фразы так же точно и аккуратно, как Роланд срезал тонкие ветви деревьев, когда только еще учился стрелять. Эдди подпрыгнул на месте. Выстрел моментально утихомирил жужжание насекомых на холмах. И только когда Роланд опустил револьвер на колени, они снова подали робкие голоса.

— Ну и что, черт возьми, ты хотел доказать?

— Я думаю, все зависит от того, что ты услышишь и чего не захочешь слышать, — немного резко проговорил Роланд. — *Предполагалось*, что ты уяснишь для себя, что не все патроны дают осечку. Из чего следует, что некоторые патроны, может быть, даже *все* патроны в том револьвере, который ты дал Одетте, могут выстрелить.

— Бред! — воскликнул Эдди, но потом, помолчав, спросил: — Почему?

— Потому что этот револьвер, из которого я сейчас стрелял, я зарядил патронами, которые были тогда в *нижней* части моих патронташей, — иными словами, которые намокли сильнее всего Зарядил просто так, чтобы скоротать время, пока тебя не было. Не то чтобы я только и делал, что заряжал револьвер. Много на это времени не уходит, как ты понимаешь, даже притом, что у меня на руке не хватает двух пальцев! — Роланд рассмеялся, но смех его обернулся кашлем, и стрелок прикрыл рот кулаком. Когда кашель прошел, он продолжил: — Но после того как ты стреляешь сырыми, нужно полностью разобрать револьвер и как следует его вычистить. «Разбирайте, чистите регулярно, сопляки» — вот что в первую очередь вбил нам в головы Корт, наш наставник. Я не знал, сколько времени уйдет у меня на то, чтобы его разобрать, вычистить и опять собрать, теперь, когда у меня на правой руке нет двух пальцев, но я подумал, что если я собираюсь выжить — а я собираюсь, Эдди, я собираюсь, — то лучше выяснить это как можно скорее. Выяснить, а потом научиться делать это быстрее, верно? Подойди ближе, Эдди! Ради отца своего, подойди!

— Для того чтобы лучше видеть тебя, дитя мое, — сказал Эдди, однако сделал еще два шага по направлению к стрелку. Но только два.

— Когда я нажал на спуск в первый раз и бабахнул, я чуть в штаны не наложил. — Роланд опять рассмеялся. Эдди ужаснулся, решив, что стрелок начинает бредить. — Первый же патрон сработал, но клянусь тебе: я такого не ожидал!

Эдди лихорадочно пытался решить, обманывает его Роланд или нет. И насчет револьвера, и насчет своего тяжелого состояния. Котик наш приболел, это точно. Вот только вправду ли так тяжело? Этого Эдди не знал. Если Роланд притворяется, у него получается очень правдоподобно. Что же касается револьвера, тут Эдди не мог ничего сказать определенно, поскольку у него не было опыта в таких вещах. До того, как он влип в перестрелку у Балазара, Эдди доводилось стрелять раза три, не больше. Вот *Генри* бы понял, но Генри мертв — при одной только мысли об этом Эдди неизменно чувствовал острую боль.

— Кроме этого, первого, ни один больше не выстрелил, — продолжал стрелок, — так что я вычистил револьвер, перезарядил его и опять расстрелял весь барабан. На этот раз я взял патроны, которые были чуть ближе к пряжкам, а значит, промокли меньше. Те, которыми мы добывали свой ужин, то есть сухие патроны, были у самых пряжек.

Он помедлил, сухо откашлялся в руку и продолжал:

— Во второй раз попалось уж два годных патрона. Я опять разобрал револьвер, вычистил и зарядил в третий раз. Только что на твоих глазах я испытал три патрона из этого третьего барабана. — Он слегка улыбнулся. — Ты знаешь, после первых двух осечек я подумал, что мне чертовски не повезло и все патроны окажутся никуда не годными. И наглядный урок не слишком бы удался, верно? Можешь ты подойти чуть поближе, Эдди?

— Абсолютно не удался бы, — сказал Эдди, — я и так подошел к тебе намного ближе, чем мне хотелось бы, большое спасибо. И какой же урок я должен извлечь из всего этого, Роланд?

Роланд посмотрел на него, как на придурка.

— Я послал тебя сюда не для того, чтобы ты здесь умер. Или чтобы она умерла. Я этого не хочу. Боги всевышние, Эдди, где же твои мозги? У нее боевой револьвер! — Он пристально изучал Эдди. — Она где-то на холмах. Может, ты думаешь, что сумеешь напасть на ее след, но должен тебя огорчить: вряд ли тебе повезет, насколько я вижу, там только камни. Она залегла где-то там, наверху, и не Одетта, а Детта, с заряженным боевым револьвером. Если я отпущу тебя и ты станешь ее искать, она тебя так подстрелит, что у тебя кишки вывалятся из задницы.

За этим последовал очередной приступ кашля.

Эдди стоял и смотрел на этого человека, который кашлял, сидя в инвалидной коляске. Волны все так же бились о берег, ветер не переставая завывал на своей долгой дурацкой ноте.

Неожиданно для себя он сказал:

— Ты просто мог приберечь один заведомо хороший патрон. Мне кажется, ты на это способен. — Он сам знал, что это правда. Роланд способен на все.

Ради этой его Башни.

Его проклятой Башни.

Роланд схитрил, положив в *третий* раз в барабан припасенный «хороший» патрон! Чтобы все было так, как он сам задумал, а вышло как будто непроизвольно. Тут волей-неволей поверишь.

— В моем мире есть одно выраженьице, — продолжил Эдди. — «Этот тип готов снег зимой продавать». Такая вот поговорка.

— И что она означает?

— Что не надо толочь воду в ступе.

Стрелок долго-долго смотрел на него и наконец кивнул.

— То есть ты точно хочешь остаться? Ну хорошо. Что касается Детты... уж она-то сумеет себя защитить от любого здешнего зверья... получше, чем Одетта, а тебе хорошо бы держаться от нее подальше, так безопаснее, по крайней мере пока. Но я знаю, чем все это кончится. Мне это ужасно не нравится, но у меня нет времени спорить сейчас с дураком.

— Означает ли это, — вежливо осведомился Эдди, — что никто никогда еще не пытался с тобой поспорить об этой твоей Темной Башне, к которой ты так стремишься?

Роланд устало улыбнулся:

— Пытались многие, если это тебя так волнует. Вот почему я, наверное, понял, что мне тебя не убедить. Дурак дурака видит издалека. Как бы там ни было, я сейчас слишком слаб, чтобы поймать тебя, а ты слишком уж осторожен и не поддашься на мои уговоры, не подойдешь ко мне ближе, чтобы я мог схватить тебя, а времени препираться у нас уже нет. Мне остается только надеяться на лучшее. Но прежде чем я уйду, я напоследок еще раз скажу тебе, Эдди, а ты послушай: *будь начеку*.

А потом Роланд сделал одну вещь, и Эдди вдруг стало стыдно за все его сомнения (хотя это никак не повлияло на его решимость остаться): быстрым, отточенным движением руки он открыл барабан револьвера, высыпал из него патроны и заменил их другими, которые были у самых пряжек его ремней. Еще одним быстрым движением руки он поставил барабан на место.

— Уже нет времени его чистить, — сказал Роланд, — но я думаю, что сойдет и так. На, держи, но постарайся поймать, чтобы он не упал, а то он и так уже грязный. В моем мире совсем мало осталось исправных.

С этими словами он кинул Эдди револьвер. От волнения Эдди едва его не уронил, но потом взял себя в руки и надежно заткнул револьвер за пояс.

Стрелок выбрался из коляски, чуть не упал, когда от нажима она откатилась немного назад, и шатаясь дошел до двери. Взялся за ручку — ему она поддалась легко. Оттуда, где он

стоял, Эдди не видел, что было за дверью, но он услышал приглушенный шум уличного движения.

Роланд оглянулся на Эдди: на мертвенно-бледном его лице сверкали холодные голубые глаза человека, которому сам черт не брат.

16

Детта наблюдала за этим из своего укрытия жадными сверкающими глазами.

17

— Помни, Эдди, — хрипло проговорил Роланд и шагнул вперед. Его тело рухнуло у порога, как будто он вошел не в пустое пространство, а ударился о каменную стену.

Эдди едва поборол почти неодолимое желание подойти к этой двери и заглянуть в проем, чтобы увидеть, куда — или в какое время — она ведет. Но он все-таки отвернулся и принялся снова шарить глазами по гряде холмов, не снимая руки с револьвера.

Я напоследок еще раз тебе скажу.

Эдди смотрел на эти безжизненные холмы, и внезапно ему стало страшно.

Будь начеку.

Ничто не двигалось там, наверху.

По крайней мере он ничего *не видел.*

Но он чувствовал, что она где-то там.

Не Одетта — в этом стрелок был прав.

Он чувствовал *Детту.*

Он тяжело сглотнул, что-то щелкнуло в горле.

Начеку.

Да. Но никогда в жизни ему так не хотелось спать. Скоро его одолеет сон, и если он не отдастся ему добровольно, сон возьмет его силой.

А пока он будет спать, придет Детта.

Детта.

Эдди как мог боролся с усталостью, смотрел на неподвижные холмы из-под отяжелевших век и задавался вопросом, скоро ли Роланд вернется обратно с этим третьим — Толкачом, кем бы он ни был. Или, может быть, это она?

— Одетта? — позвал он еще раз без всякой надежды.

Ответом была тишина; так началось для Эдди время ожидания.

ТОЛКАЧ

Глава 1
ГОРЬКОЕ ЛЕКАРСТВО

1

Когда стрелок вошел в сознание Эдди, тому на мгновение стало дурно, а потом у него вдруг возникло такое впечатление, как будто за ним *наблюдают* (сам Роланд этого не почувствовал, и только потом Эдди ему рассказал о своих ощущениях). Иными словами, Эдди смутно почувствовал чье-то присутствие. Что касается Детты, то Роланд был вынужден немедленно *рвануться через «порог»*, хотел он того или нет. Она не просто его почувствовала; странно, но Роланду показалось, что она даже ждала его — его или другого какого-то «визитера», который являлся чаще. В любом случае с первого же мгновения она полностью осознавала его присутствие.

Джек Морт не почувствовал ничего.

Он был слишком занят парнишкой.

Он наблюдал за мальчуганом уже две недели.

А сегодня он собирался его толкнуть.

2

Хотя мальчик стоял спиной к тому человеку, через глаза которого смотрел Роланд, он узнал парня сразу. Этого самого мальчика встретил он на дорожной станции в пустыне, спас его от оракула в горах, а потом пожертвовал им, когда пришлось выбирать: спасти парнишку или добраться все-таки до человека в черном. Этот мальчик сказал еще: «Ну иди, есть и другие миры, кроме это-

го» — прежде чем рухнуть в бездну. И, как оказалось, мальчик был прав.

Мальчик Джейк.

В одной руке он держал пакет из плотной коричневатой бумаги, в другой — полотняную синюю сумку на «молнии». Вероятно, с книгами, судя по уголкам, выпиравшим сквозь ткань.

По улице ехал поток машин, мальчик ждал, когда можно будет перейти на ту сторону. Стрелок узнал этот город, откуда он забрал Узника и Госпожу, но сейчас это уже не имело значения. Имело значение только одно: *что* сейчас, через пару секунд, произойдет или не произойдет.

Джейка перенесли в мир стрелка не через волшебную дверь; он прошел туда через врата, которые были гораздо понятнее, но и гораздо безжалостнее. Умерев в своем мире, он воскрес в мире стрелка.

Его убили.

Точнее, *толкнули.*

Толкнули на проезжую часть, и его задавила машина, когда он мирно шел в школу, неся в одной руке сумку с книгами, в другой — пакет с завтраком.

Толкнул его человек в черном.

Он сейчас это сделает! Прямо сейчас! Таково будет мое наказание за то, что я убил его в моем мире: я буду смотреть, как его убивают здесь, и ничего не успею предпринять!

Но Роланд всю жизнь только и делал, что спорил с тупой и жестокой судьбой — если угодно, таково его *ка,* — и он *перешагнул «порог»,* не задумываясь об этом, повинуясь рефлексу, который давно уже превратился в инстинкт.

И когда он шагнул вперед, в его сознании вспыхнула одна мысль, одновременно ужасная и ироническая: *А что, если он вошел сейчас в самого человека в черном? А что, если, кинувшись спасать мальчика, он увидит, как его же руки тянутся к нему и толкают? Что, если это ощущение контроля над ситуацией — всего лишь иллюзия и последняя шутка Уолтера заключается в том, что Роланду придется убить мальчика самому?*

3

На одно только мгновение Джек Морт оторвался от цели, на которой сосредоточил все свое внимание. Он уже собирался рвануться вперед и толкнуть мальчика под колеса машин, как вдруг его отвлекло одно ощущение, которое его мозг воспринял неверно, как иной раз боль в теле обманчиво отдается в другом месте и уже не понятно, что у тебя болит.

Когда Роланд *перешагнул «порог»*, Джеку показалось, что ему на затылок село какое-то насекомое. Не оса или пчела, которые жалят, а одно из тех, что кусают и вызывают зуд. Быть может, комар. И из-за этого несчастного комара ему не удалось сосредоточиться в самый ответственный момент. Он шлепнул ладонью по шее и опять сконцентрировал все внимание на мальчишке.

Ему показалось, что он и глазом моргнуть не успел; на самом же деле прошло семь секунд. Он не почувствовал ни быстрого вторжения стрелка, ни столь же быстрого его отступления, и никто из прохожих (людей, спешивших на работу, в большинстве своем вышедших из подземки в соседнем квартале, с еще опухшими от сна лицами и полусонными глазами, обращенными куда-то внутрь) не заметил, что глаза Джека Морта под строгими очками в золотой оправе изменили цвет. Его темно-синие глаза на мгновение стали светло-голубыми, а потом опять потемнели до своего нормального кобальтового цвета, но когда он вновь сосредоточился на парнишке, то с ясностью проигравшего, острой, как шип, обнаружил, что шанс упущен.

Увидев, что мальчик уже переходит улицу в толпе прохожих, Джек Морт развернулся и пошел обратно, протискиваясь сквозь людской поток, устремленный ему навстречу.

— Эй, мистер! Смотрите, куда...

Какая-то бледненькая девочка-подросток, которую он не увидел. Джек оттолкнул школьницу плечом, даже не оглянувшись на ее возмущенный крик, когда все учебники, которые она стопкой несла под мышкой, посыпались на тротуар. Он двигался вдоль по Пятой авеню, удаляясь от Сорок третьей, где, как он решил для себя, сегодня должен был умереть мальчик. Шел, склонив голову, сжав губы так плотно, что его рот превратился в почти невидимый шрам от давно затянувшейся раны над подбородком. Пробившись сквозь толчею на углу, он не замедлил шага, а пошел еще быстрее, пересекая Сорок вторую, Сорок пятую, Сороковую. Достигнув середины следующего квартала, он проскочил мимо дома, где жил мальчик, даже не взглянув на него, хотя последние три недели каждое утро, когда мальчик шел в школу, Джек следовал за парнишкой от самого его дома до угла в трех с половиной кварталах вверх по Пятой, до того угла, который он мысленно называл просто «толчковым местом».

Девочка, которую он отпихнул, кричала ему вслед, но Джек Морт не обращал на нее внимания, как какой-нибудь энтомолог-любитель, повернутый на чешуекрылых, не обратил бы внимания на обычную бабочку.

 Джек тоже был в своем роде энтомологом-любителем.

По профессии — преуспевающий дипломированный общественный аудитор.

А толкать — это всего лишь хобби.

4

Стрелок отошел в самый дальний закоулок сознания этого человека и там, кажется, лишился чувств. Если он и испытывал облегчение, то лишь потому, что этот человек оказался не Уолтером, не человеком в черном.

Но все остальное было полным ужасом... и полным постижением.

Отделенное от тела, его мыслящее «я» — его *ка* — оставалось таким же здоровым и проницательным, как всегда, но внезапное осознание всего огрело его как обухом по голове.

Понимание это пришло в нему не тогда, когда он *перешагнул «порог»*, а тогда, когда он удостоверился, что парнишка уже в безопасности, и опять отошел назад. Была какая-то общность между этим человеком и Одеттой, слишком фантастическая и все-таки как-то уж слишком родственная, чтобы оказаться простым совпадением. Роланд почувствовал это и понял, чем должно обернуться *действительное извлечение троих* и кто в эту тройку войдет.

Третьим будет не этот Толкач; Уолтер сказал ему, кто будет третьим, — Смерть.

Смерть... но не твоя. Так сказал Уолтер, даже в самом конце умный как дьявол. Ответ искушенного законника... слишком близкий к правде, так что правда скрыта между фраз. Смерть — не его. Он *сам станет* Смертью, а Смерть *станет им.*

Узник, Госпожа.

Третий — Смерть.

Он неожиданно преисполнился непоколебимой уверенности, что третий — это он сам.

5

Роланд *рванулся через «порог»*, как снаряд, как ракета, лишенная разума, но запрограммированная на то, чтобы поразить самим телом, в котором он тогда находился, человека в черном, едва он увидит его.

Мысли о том, чем могло бы обернуться его вмешательство, не позволяющее человеку в черном убить Джейка, пришли только потом: возможным парадоксом, петлей во времени и про-

странстве, которая уничтожит все, что случилось после того, как он пришел на дорожную станцию... ибо, само собой разумеется, если бы он спас Джейка сейчас, в этом мире, он просто не смог бы встретиться с ним тогда, в пустыне, и все, что случилось потом, должно было бы измениться.

Что изменилось бы? И представить себе невозможно. Но стрелку даже и в голову не пришло, что перемены эти могли бы положить конец его поиску. Да и какой смысл рассуждать теперь задним числом? Если бы он увидел сейчас человека в черном, то никакие последствия, парадоксы и предопределения судьбы не помешали бы ему просто-напросто нагнуть голову того тела, в которое он вошел, и боднуть Уолтера в грудь. Иначе он просто не мог поступить, как револьвер не может сопротивляться пальцу, нажимающему на спусковой крючок.

И если все из-за этого полетит к чертям, то туда ему и дорога.

Он быстро осмотрел людей, столпившихся на углу, изучил каждое лицо (женщин он рассмотрел так же тщательно, как и мужчин, чтобы убедиться, что там нет никого, кто *притворялся* бы женщиной).

Уолтера там не было.

Он постепенно расслабился, как палец, легший уже на спусковой крючок, иногда расслабляется в самый последний момент. Нет. Уолтера нигде поблизости не было, и стрелок почему-то уверился, что это не то время. Не совсем то. То время уже приближалось — до него осталось две недели, неделя, может, всего один день, — но пока еще не наступило.

Так что он *отступил назад*.

А по пути *увидел*...

6

...и от потрясения лишился чувств: этот человек, в чей разум открылась третья дверь, однажды сидел в ожидании у окна в одной из квартир старого заброшенного дома, предназначенного под снос, — пристанища разве что алкашей и психов, частенько здесь ночевавших. Алкашей распознать легко: от них разит мочой и застарелым потом. Психов тоже легко распознать: зловоние исходит от их спутанных, искаженных мыслей. Из мебели в комнате было только два стула. Джек Морт нашел применение обоим. На один он уселся, вторым подпер закрытую дверь, выходящую в коридор. Вообще-то никто не должен был его побеспокоить, но лучше лишний раз не рисковать. Он сидел достаточно близко к окну, чтобы мож-

но было смотреть на улицу, оставаясь в то же время в косой тени, чтобы случайно его не могли увидеть.

В руке он держал красный кирпич.

Он вытащил его из стены за окном, где было много других, таких же расшатанных. Старый-престарый кирпич, обсыпавшийся по углам, но тяжелый. Ошметки древнего цементного раствора прилипли к нему, как моллюски.

Он собирался скинуть кирпич кому-нибудь на голову.

Все равно кому. Когда речь шла об убийстве, Джек Морт уже не выбирал.

Вскоре внизу на тротуаре показалось семейство: папа, мама и маленькая девочка. Девочка шла с внутренней стороны тротуара, ближе в домам. Надо думать, из соображений безопасности — подальше от проезжей части. Здесь, неподалеку от вокзала, движение на улицах было довольно-таки интенсивным, но Джеку Морту было плевать на уличное движение. Больше всего его волновало то, что напротив этого дома, на той стороне улицы, не было никаких построек: их уже снесли, и на их месте образовался пустырь, заваленный обломками досок, битым кирпичом и осколками стекла.

Он высунулся из окна буквально на пару секунд, причем на нем были темные очки и вязаная шапочка — не по сезону, — чтобы скрыть его светлые волосы. Больше для того, чтобы перестраховаться, для верности. Как стул, подпирающий дверь. Когда ты предусмотрел все возможные проколы, невредно и подстраховаться на случай каких-нибудь непредвиденных обстоятельств.

Оделся он в мешковатый свитер слишком большого для него размера, доходящий почти до середины бедер, чтобы скрыть истинный свой размер и комплекцию (Джек Морт был худым), доведись кому-нибудь его нечаянно увидеть. У длинного свитера было еще одно предназначение: каждый раз, когда Морт «бросался глубинными бомбами» (а про себя он так это и называл: «бросаться глубинными бомбами»), он кончал себе прямо в трусы. Громадный свитер скрывал мокрое пятно, которое неизменно проступало на джинсах.

Вот они и подходят.

Не торопись, подожди. Подожди...

Он стоял у окна, и его била дрожь. Джек Морт поднял кирпич, снова прижал его к животу, опять поднял, прижал (но теперь уже не так сильно), а потом перегнулся через подоконник, абсолютно спокойный. Он всегда успокаивался в предпоследний момент.

Морт бросил кирпич и смотрел, как он падает.

Кирпич, кувыркаясь, полетел вниз. В ярком утреннем свете отчетливо были видны прилипшие к нему остатки це-

ментного раствора. В эти мгновения все становилось отчетливо, как никогда, все вырисовывалось в геометрически совершенных пропорциях: он привносил в картину реальности нечто новое, как скульптор, бьющий своим молотком и резцом по грубому камню, чтобы создать из мертвой материи новое бытие. На свете нет ничего совершеннее мгновения, когда логика оборачивается экстазом.

Иногда он промахивался или попадал неточно, как тот же ваятель, случается, ударяет не туда или вообще зря. Но на этот раз он попал. Кирпич ударил девочку в ярком льняном платьице прямо по голове. Он увидел, как брызнула кровь — она была ярче, чем сам кирпич, но скоро она засохнет и станет того же цвета. Услышал истошный вопль матери. И тут же сдвинулся с места.

Он бросился через комнату, отшвырнул стул, подпиравший дверь, в дальний угол (сорвавшись с места, он опрокинул ногой и тот стул, на котором сидел, выжидая), быстро задрал свитер и вытащил платок из заднего кармана джинсов. Он всегда брался за дверные ручки через платок.

Никаких отпечатков пальцев.

Их оставляют только недоумки.

Дверь еще до конца не открылась, а он уже запихнул платок обратно в задний карман. Проходя по коридору, он прикинулся чуть подвыпившим. По сторонам он не смотрел.

Только одни недоумки, опять же, шарят глазами по сторонам.

Умные люди знают, что, если ты будешь высматривать, не заметил ли кто тебя, будь уверен, заметят. После несчастного случая среди свидетелей может найтись один умник, который запомнит, что ты как-то странно глазел по сторонам. А какой-нибудь смекалистый легавый может додумать, что это был подозрительный несчастный случай, и начнется расследование. И все потому, что ты один раз оглянулся. Джек был уверен, что его все равно никто не заподозрит, даже если кто-то решит, что это был подозрительный «несчастный случай», и действительно начнется расследование, но все же...

Рискуй только в пределах приемлемого. Остальное своди до минимума.

Иными словами, не забывай каждый раз подпирать дверь стулом.

Он прошел по запыленному коридору, на стенах которого сквозь обвалившуюся штукатурку проглядывала дранка. Шел он, склонив голову и бормоча что-то себе под нос, как те бродяги, шатающиеся по улицам. Он все еще различал крики женщины — как он понял, матери девочки, — но теперь они доносились со стороны фасада. Слабые крики, не имеющие значения. *Все*, что было *потом*: крики, смятение, стоны раненых (если раненый был в состоянии

стонать), не имело вообще никакого значения для Джека. Имело значение только то, что он вносил новый штрих, меняющий привычный ход вещей, и вырисовывал новые линии в повседневном течении человеческих жизней... и, может быть, в судьбах не только тех, кто пострадал от его руки, но и в судьбах их близких. Так от брошенного камня расходятся круги по спокойной воде.

Кто скажет, что он не вершитель судеб сейчас или в будущем?

Господи, неудивительно, что он кончил себе прямо в джинсы!

Спускаясь по лестнице, он никого не встретил, но все равно продолжал притворяться, изображая пьяного, но ни в коем случае сильно не шатаясь. На тихого выпивоху никто внимания не обратит. А на упившегося в доску, едва стоящего на ногах, могут и обратить. Он бормотал себе под нос, но так, чтобы никто не сумел разобрать, что он там бормочет. Недоиграть всегда лучше, чем переиграть.

Через развороченную заднюю дверь он вышел в проулок, заваленный мусором и битыми бутылками, на осколках которых сверкали мириады солнечных бликов.

Как он будет уходить, он продумал заранее. Он всегда все продумывал заранее (рискуй только в пределах приемлемого, остальное своди до минимума, ко всему подходи с умом), именно поэтому его коллеги по работе считали, что он далеко пойдет (и он сам собирался пойти далеко, а вот ни в тюрягу, ни на электрический стул его не тянуло).

По улице, на которую выходил проулок, бежали несколько человек, но они все спешили выяснить, почему так кричат, и никто даже не посмотрел на Джека Морта, который снял свою шапочку явно не по сезону, но оставил темные очки (вполне уместные в это солнечное утро).

Он свернул во второй проулок.

Вышел на другую улицу.

Двинулся не спеша по проулку, который был уже не таким грязным, как первые два, скорее даже по узенькой улочке. Она вывела на улицу пошире, где через квартал была автобусная остановка. Через минуту после того, как Джек оказался на остановке, подошел и автобус, что тоже входило в план. Двери открылись, Джек вошел и бросил пятнадцать центов в прорезь монетоприемника. Водитель даже не посмотрел на него. Хорошо. Но если бы он и посмотрел, он бы увидел лишь какого-то неприметного мужчинку в джинсах, у которого, возможно, нет работы: свитер, который на нем, похож на те вещи, которые раздают неимущим из запасов Армии спасения.

Будь готов, всегда будь готов, подходи ко всему с умом.

В этом секрет успеха Джека Морта как на работе, так и в забавах.

В девяти кварталах от остановки располагалась большая стоянка. Джек вылез из автобуса, прошел на стоянку, сел в машину (неприметный «шевроле» выпуска середины пятидесятых, но все еще в неплохой форме) и вернулся в Нью-Йорк.

Он был свободен и чист.

7

Все это пронеслось перед мысленным взором стрелка буквально в одно мгновение. И прежде чем сознание его справилось с потрясением, просто-напросто отключившись, он увидел еще кое-что. Не все, но достаточно. Вполне достаточно.

8

Он увидел, как Морт аккуратно вырезает острым ножом заметку с четвертой страницы «Нью-Йорк дейли миррор», стараясь не задеть строчек в колонке. Называлась заметка «ПОСЛЕ ТРАГИЧЕСКОГО НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ ДЕВОЧКА-НЕГРИТЯНКА НАХОДИТСЯ В КОМЕ». Увидел, как Морт мажет обратную сторону вырезки кисточкой с клеем, прикрепленной к крышке пузырька. Увидел, как Морт приклеивает ее посередине пустой страницы в альбоме, в котором, судя по тому, как он распух, было немало подобных вырезок. Роланд успел прочесть первые строки заметки: «Пятилетняя Одетта Холмс, которая приехала вместе с родителями в Элизабеттаун, штат Нью-Джерси, чтобы отпраздновать радостное событие, оказалась жертвой слепой и жестокой случайности. Через два дня после бракосочетания тети девочка со своими родителями шла пешком на вокзал, и ей на голову упал кирпич...»

Но это был не единственный случай, когда он имел с ней дело, не правда ли? Да. Господи, да.

За годы, прошедшие между этим утром и тем днем, когда Одетта лишилась ног, Джек Морт сбросил немало еще кирпичей и тяжелых предметов и столкнул немало людей.

А потом ему снова повстречалась Одетта.

Первый раз он столкнул кирпич *на нее.*

Во второй раз он столкнул *ее.*

И предполагается, что такой человек мне нужен? Такой человек...

Но тут он подумал о Джейке, о том, как его толкнули и вследствие этого мальчик попал в его мир. Ему почудилось, что он слышит смех человека в черном. Это его и добило.

Роланд лишился чувств.

9

Когда он пришел в себя, он увидел ровные ряды цифр, выстроившихся на зеленой бумаге. Бумага была разлинована вдоль и поперек, так что каждая цифра походила на арестанта в камере.

Он подумал: *Там было что-то еще.*

Не один только смех Уолтера, а что-то еще. Какой-нибудь план?

Нет, боги всевышние, нет — ничего столь завершенного и обнадеживающего.

Но хотя бы мысль. Какой-то намек.

Сколько я пролежал, интересно, в отключке? — подумал он, вдруг встревожившись. *Когда я вошел в эту дверь, было часов девять, может, чуть меньше. Сколько времени...*

Он *перешагнул «порог»*...

Джек Морт, который в это мгновение был просто живой марионеткой, управляемой стрелком, приподнял голову и посмотрел на стрелки дорогих кварцевых часов у себя на письменном столе. Четверть второго.

Боги всевышние, уже так поздно? Так поздно?! А как же Эдди... он так измотался, ему никак не продержаться без сна так дол...

Стрелок повернул голову Джека. Дверь осталась на месте, но то, что увидел Роланд по ту сторону, было гораздо хуже, чем он мог бы себе представить.

На той стороне было две тени, одна от коляски, другая от человека... но это человеческое существо было не совсем целым: оно опиралось руками о землю, потому что ниже колен у него не было ног. Ноги отрезало с той же мгновенной жестокостью, с какой ползучее чудище отхватило Роланду пальцы.

Тень двигалась.

Роланд тут же отвернул голову Джека от двери с молниеносной скоростью атакующей змеи.

Она не должна заглядывать сюда. Пока я не буду готов. А до того момента пусть она смотрит лишь на затылок этого человека.

Детта Уокер все равно не увидела бы Джека Морта, потому что всякий, кто посмотрел бы в дверной проем с той стороны, увидел бы только то, что видит Роланд. Она могла бы увидеть лицо Морта лишь в том случае, если бы он посмотрелся в зеркало (хотя это тоже могло бы потом привести к жутким последствиям: парадоксам и повторениям), но даже тогда оно бы не значило ничего для Госпожи, и уж если на то пошло, для Джека Морта лицо Госпожи тоже не значило бы ничего. Хотя они дважды соприкасались смертельно близко, они ни разу не видели друг друга в лицо.

Стрелку нужно было другое: он не хотел, чтобы Госпожа увидела *Госпожу*.

По крайней мере пока.

Вспышка интуиции вылилась в некое подобие плана.

А там было уже поздновато — судя по освещенности, три часа дня, если не все четыре.

Сколько осталось еще до захода солнца, когда придут эти омары и с ними конец Эдди?

Три часа?

Два?

Он мог бы вернуться и попытаться спасти Эдди... но именно этого и хотела Детта. Она приготовила западню, как жители деревень, когда хотят поймать страшного волка, выставляют жертвенную овечку, а кто-то из них залегает в кустах на расстоянии полета стрелы. Он вернется в свое подточенное болезнью тело... совсем ненадолго. Он видел в проеме только ее тень. Объяснялось это просто: она лежит рядом с дверью, держа револьвер наготове. В тот момент, когда тело Роланда шевельнется, она выстрелит — и все, он покойник.

Его смерть будет хотя бы быстрой и в каком-то смысле милосердной, потому что она боится его.

А Эдди будет уготован первоклассный кошмар.

Казалось, он слышит отвратительное подхихикивание Детты Уокер: *Хочешь меня оприходовать, беложопый? Ты этого, что ли, хочешь? И не боишься старой негритоски-калеки?*

— Путь только один, — пробормотали губы Морта. — Один.

Дверь кабинета открылась, и внутрь заглянул лысый мужик в очках.

— Как у нас со счетами Дорфмана? — поинтересовался лысый.

— Что-то мне нездоровится. Думаю, съел что-то не то на обед. Мне, похоже, придется уйти домой.

Лысый встревожился.

— Это, может быть, грипп. Сейчас как раз ходит инфекция, я слыхал.

— Может быть.

— Ладно... но при условии, что вы закончите с этим отчетом для Дорфмана завтра к пяти часам...

— Да.

— Потому что вы сами знаете, какую он подымает иной раз бучу...

— Да.

Лысый кивнул с несколько неловким видом.

— Да, идите домой. А то вы вроде как сам не свой.

— Это точно.

Лысый поспешно скрылся за дверью.

Он почуял меня, подумал стрелок. *Но это еще не все. Они все боятся его. Не знают даже почему, но боятся. И боятся они не зря.*

Тело Джека встало из-за стола, достало кейс, который был в руках у Морта, когда Роланд вошел в него, и сгребло в него со стола все бумаги.

Роланд едва поборол желание еще раз оглянуться на дверь. Он не станет оглядываться до тех пор, пока не будет готов рискнуть всем и вернуться.

Между тем времени оставалось немного, а у него еще были дела.

Глава 2
ГОРШОЧЕК С МЕДОМ

1

етта залегла в темной расщелине, окруженной валунами, точно толпой согбенных старцев, которые вдруг обратились в камень как раз в тот момент, когда решили поведать друг другу какую-то жуткую тайну. Она наблюдала за тем, как Эдди бродит вверх-вниз по склонам холмов, усеянных каменными обломками, и кричит до хрипоты. Прежний пушок у него на щеках превратился в бородку, и издали его вполне можно было принять за взрослого мужика, но когда он раза три-четыре проходил мимо нее (один раз он подошел так близко, что она при желании могла бы схватить его за ногу), было видно, что он всего лишь мальчишка, и к тому же усталый до чертиков.

Одетта его пожалела бы; Детта не чувствовала ничего — в ней была только тихая, сжатая, как пружина, готовность к действию прирожденного хищника.

Когда она карабкалась сюда, у нее под руками что-то потрескивало, подобно палой осенней листве, а когда глаза ее попривыкли к сумраку, она увидела, что это не листья, а косточки мелких зверьков. Когда-то — давным-давно, судя по тому, как пожелтели эти кости, — здесь, наверное, обитал какой-то хищник вроде ласки или хорька. Должно быть, он выходил охотиться по ночам к

Отстойнику, где кусты и деревья росли погуще. Вынюхивал свою жертву, убивал ее, пожирал, а остатки тащил сюда, в свое логово, чтобы доесть на следующий день в ожидании ночи, когда снова можно будет выйти на охоту.

Теперь тут засел хищник покрупнее, и поначалу Детта думала, что она займется примерно тем же, чем занимался прежний здешний обитатель: дождется, когда Эдди уснет, а он почти наверняка уснет, убьет его, а тело притащит сюда. Потом, когда она завладеет и вторым револьвером, она доползет до двери и будет ждать возвращения Воистину Гнусного Мужика. Сначала она решила расправиться с его телом сразу же после того, как оприходует Эдди, но потом рассудила, что от этого проку не будет. Если Воистину Гнусный Мужик лишится тела, в которое можно вернуться, то Детта просто не сумеет выбраться отсюда в свой родной мир.

Интересно, получится ли у нее заставить Гнусного Мужика отправить ее обратно?

Может, нет.

А может, и да.

Если он будет знать, что Эдди пока еще жив, ей, может быть, и удастся его заставить.

Размышления эти вылились в одну еще более заманчивую идею.

2

Она была хитрой донельзя. Но при этом, хотя она и рассмеялась бы в лицо всякому, кто осмелился бы предположить такое, в ней глубоко укоренилась неуверенность в себе.

Из-за этого последнего свойства она подозревала наличие первого у каждого, кто, как ей думалось, мог сравниться с ней по уму. И стрелок как раз попадал в их число. Она услышала выстрел и, поглядев туда, увидела, как от дула его револьвера поднимается тоненькая стуйка дыма. Перед тем как пройти через дверь, он перезарядил револьвер и бросил его Эдди.

Она понимала, для чего он это сделал: все равно какой-нибудь из отсыревших патронов да выстрелит, так что Эдди не останется без защиты. Она понимала и то, что в этом его великодушном жесте было послание и для нее (потому что Воистину Гнусный Мужик, конечно же, знал, что она наблюдает за ними; даже если бы она вдруг спала, пока они с Эдди трепались, выстрел должен был бы ее разбудить): *Лучше держись от него подальше. У него опасное оружие в полной боевой готовности.*

Но бесы на то и бесы, что бывают весьма хитроумными.

Даже если это маленькое представление было разыграно для нее одной, видно, на уме у Гнусного Мужика было еще что-то, о чем, как и было задумано, ни она, ни Эдди даже и не догадывались. Вряд ли Гнусный Мужик не сумел допетрить до такой простой вещи: *если она увидит, что этот стреляет нормально, она, уж наверное, догадается, что и тот, который оставил ей Эдди, тоже должен стрелять.*

Но допустим, он не сомневался в том, что Эдди уснет. Неужели он не сумел догадаться, что она только этого и ждет, чтобы тихонько стащить револьвер и спокойно вернуться в свое убежище наверху? Нет, просто не может быть, чтобы Гнусный Мужик всего этого не предусмотрел. Для беложопого он слишком смекалистый. Во всяком случае, достаточно хитрая бестия, чтобы сообразить, что Детта намерена оприходовать этого белого мальчика по полной программе.

Так что, может быть, Гнусный Мужик нарочно зарядил этот револьвер плохими патронами. Однажды он ее уже облапошил — почему бы и еще не надурить? На этот раз она тщательно проверила барабан, чтобы там снова не было пустых гильз, и да, *с виду* патроны ничем не отличались от хороших, но это еще не значило, что они таковы на самом деле. Может быть, он сделал так, что они все равно не выстрелят. В конце концов он большой дока в оружии. Он вполне мог чего-нибудь там нахимичить. Ну конечно, он снова решил обвести ее вокруг пальца! Чтобы Эдди накрыл ее по-настоящему боевым револьвером. А как бы он ни устал, дважды он своей ошибки не повторит. На самом деле он не повторит своей прежней ошибки именно потому, что устал.

Хитрый ход, беложопый, подумала Детта, лежа в своем сумрачном логовище, в этом тесноватом, но почему-то уютном темном уголке, пол которого устлан ковром из размягчившихся истлевающих косточек мелких зверюшек. *Хитрый ход, но теперь я на это дерьмо не поддамся.*

В конце концов ей теперь незачем было стрелять в Эдди; ей нужно было лишь ждать.

3

Она боялась только одного: что стрелок вернется до того, как Эдди отрубится, — но он что-то пока не показывался. Обмякшее тело у порога двери не шевелилось. Может быть, у него там возникли проблемы с тем, чтобы достать лекарство... уж он-то умеет искать приключения на свою задницу, насколько она успела его изучить. Такие, как он, сами нарываются на неприятности и по-

лучают их так же легко, как сука в период течки всегда находит себе кобеля.

Эдди уже два часа искал женщину по имени Одетта (как же она ненавидела это имя!), носился вверх-вниз по холмам и орал благим матом, пока окончательно не сорвал себе голос.

И вот она наконец дождалась: Эдди вернулся на узкий клинышек берега и уселся рядом с коляской, глядя по сторонам с этаким безутешным видом. Он потрогал колесо коляски, и прикосновение это было похоже на ласку. Потом рука его безвольно упала, и он тяжело вздохнул.

От этого зрелища у Детты вдруг заболело горло; боль пронзила голову, точно летняя молния, и ей показалось, что она слышит голос, он зовет ее... зовет и требует.

Нет, не надо, мысленно проговорила она, не имея ни малейшего представления о том, к кому обращается. *Не надо, не в этот раз, не сейчас. Не сейчас, быть может, больше уже никогда.* Молния боли снова пронзила голову, и Детта сжала кулаки. Лицо ее тоже сжалось будто в кулак, скривившись в гримасе сосредоточенности, — выражение примечательное и поражающее странной смесью уродства и почти блаженной решимости.

Приступ боли больше не повторился. Не слышно было и голоса, который иной раз пробивался сквозь эту боль.

Она ждала.

Эдди подпер подбородок руками, чтобы голова не клонилась на грудь, но вскоре стал опять клевать носом, кулаки соскользнули со щек. Детта ждала, сверкая черными глазами.

Голова Эдди дернулась. Он заставил себя встать на ноги, подошел к морю и брызнул водой себе в лицо.

Вот и славненько, беленький мальчик. Жалко только, что здесь нет таблеток таких, чтоб не спать, а то ты бы принял парочку, да?

На этот раз Эдди уселся сначала в коляску, но, очевидно, решил, что так ему будет слишком удобно. Он долго смотрел сквозь дверной проем (*Чего ты там углядел, белый мальчик? Детта дала бы тебе двадцать баксов, чтобы только узнать*), потом выбрался из коляски и снова плюхнулся задницей на песок.

Снова подпер подбородок руками.

А вскоре его голова опять опустилась на грудь.

На этот раз он уже не противился. Его подбородок уперся в грудь, и даже сквозь шум прибоя Детта различила, как он храпит. Очень скоро Эдди повалился набок и свернулся калачиком.

С несказанным удивлением, отвращением и испугом она вдруг поняла, что ей жалко этого белого мальчика. Он похож на упрямого малыша, который старается высидеть в Новый год до

полуночи, но в конце концов засыпает, так и не дождавшись волшебного часа. Но потом она вспомнила, как они с Гнусным Мужиком пытались впихнуть ей отравленное мясо и при этом дразнили ее своими хорошими кусками, в самый последний момент отводя их от ее рта... до тех пор, по крайней мере, пока не испугались, что она может умереть с голоду.

Но если они боялись, что ты умрешь, то скажи, пожалуйста, зачем бы им надо было травить тебя?

Вопрос, возникший в ее сознании, напугал Детту так же, как напугала ее эта странная жалость к белому парню. Обычно она не задавалась никакими вопросами. И даже более того: голос в ее сознании вовсе не походил на ее собственный. Это был голос кого-то другого.

Они и не собирались травить меня до смерти этим отравленным мясом. Просто хотели, чтоб я заболела. А потом сидели бы да смеялись, как я тут блюю и воплю.

Она выждала еще минут двадцать, а потом поползла вниз, к пляжу, подтягиваясь на своих сильных руках, извиваясь змеей и не отрывая от Эдди глаз. Она предпочла бы выждать еще час, а то и все полтора — было бы понадежнее, если бы этот белый мудила уснул покрепче. Но сейчас эту роскошь — ждать — она позволить себе не могла. Воистину Гнусный Мужик мог вернуться в любую минуту.

Когда Детта подползла ближе к Эдди (он по-прежнему храпел, как циркулярная пила на лесопильне), она подобрала подходящий камень: достаточно плоский с одной стороны и достаточно заостренный с другой.

Обхватив плоскую сторону ладонью, она по-змеиному подползла к тому месту, где он лежал, и в глазах ее засветилась жажда крови.

4

План Детты был прост и жесток: острым концом камня колотить Эдди по голове, пока тот не откинет коньки, потом забрать у него револьвер и дождаться возвращения Роланда.

Когда тело Роланда опять «оживет», она предложит ему на выбор: либо вернуть ее в ее мир, либо получить пулю в лоб. *Все равно планам твоим абзац,* — скажет она. *— Дружок-то твой помер, уж не знаю, чего ты там себе удумал, но теперь ни черта у тебя не выйдет.*

Если же револьвер, который Гнусный Мужик отдал Эдди, не сработает — а такое вполне возможно, — Детта в жизни так никого не боялась и не ненавидела, как Роланда, способного на любой, даже на самый что ни на есть мерзкий трюк, — она все равно его

оприходует. Может, камнем, а может, голыми руками. Он весь больной, у него не хватает двух пальцев. Она с ним справится.

Но когда Детта подползла совсем близко к Эдди, она снова забеспокоилась. В ее сознании опять прозвучал вопрос, и ей опять показалось, что задал его чужой голос.

А вдруг он узнает? А вдруг он узнает, что ты тут сотворила, в ту же секунду, когда ты прикончишь Эдди?

Ничего он не узнает. Он сейчас слишком занят поисками своего лекарства. Как я понимаю, ему сейчас ни до чего.

Чужой голос ей не ответил, но сомнение все же закралось. Она слышала их разговоры. Они думали, что она спит, а она не спала и все слышала. Воистину Гнусному Мужику нужно кое-что сделать. Она так и не врубилась, что именно. Поняла только, что все это связано с какой-то Башней. Наверное, Гнусный Мужик полагал, что в Башне полно золота и бриллиантов или чего-нибудь в этом роде. Он говорил, что для того чтобы добраться туда, ему нужны трое: она, Эдди и кто-то еще. Так, должно быть, и есть. Иначе зачем здесь торчать этим дверям?

Если все это — волшебство, а она убьет Эдди, Гнусный Мужик наверняка об этом узнает. Если убийством Эдди она перекроет ему путь к этой его Башне, тем самым она уничтожит то единственное, ради чего живет этот белый мудила. А когда он узнает, что ему больше незачем жить, этот мудак может сделать все, что угодно, потому что тогда ему уже будет на все наплевать.

Детта невольно поежилась, представив себе, что будет, если Воистину Гнусный Мужик вернется в таком настроении.

Но если нельзя кончать Эдди, то что же делать? Она могла бы забрать револьвер, пока Эдди спит, но когда Гнусный Мужик вернется, удастся ли ей потом справиться с ними двумя?

Она просто не знала.

Взгляд ее скользнул по коляске. Она собиралась уже перевести взгляд, как вдруг снова уставилась на коляску. На ее кожаной спинке был глубокий карман. Оттуда торчала веревка, которой они привязывали ее к креслу.

Взглянув на веревку, она поняла, что нужно делать.

Она резко изменила курс и поползла к неподвижному телу стрелка. Она возьмет все, что нужно, из рюкзака, который он называет «кошель», потом быстренько выудит веревку... но тут она на мгновение застыла у двери.

Как и Эдди, она воспринимала все, что видела через дверь, как кинозритель... только теперешняя картина больше напоминала какой-нибудь сериал-детектив по телику. Дело происходило в аптеке. Аптекарь застыл за стойкой с этаким идиотским ис-

пуганным видом, и Детта его не винила: дуло револьвера было направлено прямо ему в лицо. Аптекарь что-то говорил, но голос его шел издалека и звучал глухо, как будто через какую-нибудь звукопоглощающую панель. Она не могла разобрать слов. Не видела, кто держал револьвер, да ей и незачем было видеть. Она и так знала, кто этот налетчик.

Воистину Гнусный Мужик.

Может быть, там он совсем на себя не похож. Там он может выглядеть как низкорослый пузатый мешок с дерьмом. Может быть, там он вообще чернокожий. Но внутри все равно — он. Быстренько же он раздобыл себе еще ствол! Зуб даю, в этом деле он мастер. А ты давай шевелись, Детта Уокер.

Она открыла кошель Роланда и уловила слабый запах табака, оставшийся от давным-давно израсходованных запасов. Сумка стрелка мало чем отличалась от дамской в том смысле, что набита она была всякой дребеденью, никчемушной на первый взгляд... но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это имущество опытного путешественника, готового почти к любой случайности.

Она поняла, что Гнусный Мужик давно уже странствует в поисках своей Башни. А если так, то количество оставшейся у него после стольких дорог всякой всячины достойно было изумления.

Шевелись, Детта Уокер.

Она взяла все, что нужно, и поползла, извиваясь как змея, обратно к коляске. Опершись о локоть, приподнялась и вытащила из кармана веревку, словно рыбак, сматывающий леску. Время от времени она поглядывала на Эдди, чтобы убедиться, что тот по-прежнему спит.

Он даже не пошевелился, пока Детта не накинула ему на шею петлю и не затянула ее.

5

Когда его потянули, он поначалу подумал, что все еще спит и ему снится кошмар, как будто его заживо похоронили или его кто-то душит.

Потом он почувствовал боль от петли, врезающейся в горло, и, подавившись, еще ощутил теплую струйку слюны, стекающей по подбородку. Это не сон. Эдди схватился за веревку и попытался подняться.

Но она рванула со всей силы, а руки у нее сильные — будь здоров, и он хлопнулся наземь. Лицо его уже начало багроветь.

— Давай не дергайся! — прошипела сзади Детта. — Я не стану тебя кончать, если ты рыпаться прекратишь, а будешь дергаться, придушу.

Эдди убрал руки и постарался лежать смирно. Удавка, которую Одетта набросила ему на шею, немного ослабла — ровно настолько, чтобы Эдди смог сделать слабый, обжигающий горло вдох. Что еще можно сказать? Это все-таки чуть получше, чем не дышать вообще.

Когда паническое сердцебиение чуть поутихло, он попытался оглянуться. Петля немедленно затянулась.

— Не трепыхайся. Лежи себе, беложопый, гляди на море и наслаждайся видом. Нечего пялиться по сторонам.

Он повернулся обратно к морю, и удавка опять ослабла ровно настолько, чтобы он мог дышать, если эти обжигающие жалкие вдохи вообще можно назвать дыханием. Левой рукой он тайком потянулся к ремню (Детта увидела это и ухмыльнулась, хотя он видеть ее не мог). Ничего там нет. Револьвер она забрала.

Пока ты, Эдди, дрых, она подползла к тебе. — Это, само собой, был голос стрелка. — *Сейчас, конечно, уже бесполезно тебе говорить, что я тебя предупреждал, но все же... Я тебя предупреждал. Вот до чего довела твоя романтика — петля на шее и сумасшедшая баба с двумя револьверами у тебя за спиной.*

Но если бы она собиралась меня убить, она бы давно уже это сделала. Она бы прикончила меня, пока я спал.

А ты как думаешь, Эдди, что она собирается делать? Вручить тебе бесплатный билет на двоих в Диснейленд?

— Послушай, — выдавил он. — Одетта...

Не успел он даже договорить, как петля затянулась снова.

— Не смей меня так называть. Если еще раз ты так меня обзовешь, так ты больше вообще *никогда никого* уже не обзовешь в своей жизни. Меня зовут *Детта Уокер*, и если ты хочешь еще маленечко подышать, белое ты дерьмо, то лучше тебе это запомнить!

Эдди задыхался, хрипел и пытался ослабить петлю. Подобно зловещим цветам, черные пятна пустоты раскрылись у него перед глазами.

Наконец давящая петля на горле немного ослабла.

— Усек, беложопый?

— Да, — хрипло выдавил он.

— Тогда скажи, как мое имя?

— Детта.

— Назови полное имя! — В ее голосе прозвучали опасные истерические нотки, и Эдди внутренне обрадовался про себя, что не видит ее.

— Детта Уокер.

— Хорошо. — Петля ослабла еще немного. — А теперь слушай меня, белый коржик, и слушай внимательно, если хочешь дожить до заката. И не надейся меня нагребать, я же видела, как ты пытался нашарить свой ствол, который я с тебя сняла, пока ты дрых. Детту лучше не выводить из себя. Детта все видит. Ты еще только подумал, а я уже наперед все знаю, усек? И даже не рассчитывай обставить меня только потому, что у меня нету ног. Я много чему научилась, когда их лишилась, и теперь у меня два револьвера. Были ваши, белые мудаки, стали наши. И они еще кое на что годятся. Что скажешь?

— Да, — прохрипел Эдди. — Я и не собирался обставлять тебя.

— Вот и славненько. — Детта хихикнула. — Пока ты храпел, мне пришлось здорово потрудиться. Но зато все провернула как надо. Сделай, лапочка, для меня одну вещь: протяни свои белые ручки назад и попробуй нащупать еще петлю, точно такую же, как у тебя на шее. Их тут у меня всего три. Пока ты дрых, я подзанялась плетением. Лежебока! — Она снова хихикнула. — Когда нащупаешь эту петлю, сложи свои белые ручки и сунь их туда. Потом ты почувствуешь, как я затягиваю тот узел, и еще можешь подумать: «Самое время сейчас повернуться к этой черномазой суке. Сейчас, когда она занята этой петлей и не смотрит за той». Подумать ты можешь, конечно, но... — Тут Детта понизила голос, отчего ее речь превратилась в настоящую пародию на выговор негритосов-южан. — Лучше тебе все-таки оглянуться, прежде чем тебя потянет на резкие движения.

Эдди оглянулся. Теперь Детта еще больше походила на ведьму — грязное, потрепанное существо, один вид которого мог бы испугать и самого отчаянного храбреца. Платье, в котором она была, когда Роланд «выкрал» ее из «Мейси», превратилось в лохмотья. Ножом, который она взяла из сумки стрелка — тем самым ножом, которым Роланд кромсал клейкую ленту, — она прорезала две дыры над самыми бедрами, и получились две импровизированные кобуры, откуда торчали рукояти револьверов.

Голос ее звучал невнятно и глухо, потому что в зубах она держала веревку. С одного угла рта, растянутого в ухмылке, свисал короткий конец веревки, с другого — та часть веревки, что вела к петле на шее у Эдди. Во всем ее образе — с веревкой во рту, растянутом в ухмылке, — было что-то хищное и дикарское. Эдди в ужасе уставился на нее, а ухмылка ее стала лишь шире.

— Не вздумай только мне дергаться, пока я тут разбираюсь с твоими руками, — предупредила она. — У меня, беложопый, зубы что надо, я тебе эту петельку так затяну, что ты уже не отдышишься. Понял?

Он уже не решался заговорить, а только молча кивнул.

— Хорошо. Тогда, может, ты проживешь чуть подольше.

— Если меня не станет, — прохрипел Эдди, — ты, Детта, уже навсегда лишишься этого удовольствия — поворовать в «Мейси». Потому что он все узнает, и ты тоже тогда не жилец.

— Заткнись, — едва ли не промурлыкала Детта. — Просто заткнись и все. Кто умеет, пусть умничает. А ты давай суй свои ручки в петлю.

6

Пока ты дрых, я тут подзанялась плетением, сказала она, и Эдди теперь убедился с отвращением и нарастающей тревогой, что она именно этим и занималась. Из веревки Детта соорудила цепь из трех скользящих петель. Первую петлю она надела ему на шею, пока он спал. Второй стянула ему руки за спиной. Потом грубо перевернула его на бок и велела ему подтянуть ноги пятками к ягодицам. Эдди понял, к чему идет дело, и заартачился. Она достала револьвер из прорехи в платье и, взведя курок, приставила дуло к его виску.

— Делай как сказано, беложопый. Давай, иначе я тоже как дам, — опять едва ли не промурлыкала Детта. — Только если я дам, тогда мозги твои вылетят с той стороны, и ты околеешь. Мозги я присыплю песочком, а дырку в башке у тебя прикрою волосами. И он подумает, что ты просто спишь! — Она снова расхохоталась.

Эдди подтянул ноги, и она быстро закрепила третью петлю у него на лодыжках.

— Вот так. Как теленочек, спутанный на родео.

В самую точку попала, подумал Эдди. Теперь, если он попытается выпрямить ноги, которые уже начали затекать, он еще туже затянет узел на лодыжках, отрезок веревки между этим узлом и узлом на запястьях натянется, и тут же натянется и последний отрезок — петля сдавит горло, и...

Она поволокла его по пляжу. Непонятно, как у нее это получилось, но она его поволокла.

— Эй! Что...

Он хотел было упереться, но тут же почувствовал, как петли сжимаются и становится нечем дышать. Он попытался расслабиться, насколько это вообще было возможно (*и держи ноги как можно выше, кретин, не забывай держать ноги, потому что если ты их опустишь, то сам себя и задушишь*), и просто позволил ей тащить себя по неровному грунту. Острый камень врезался в щеку, сдирая кожу, и Эдди почувствовал, как по щеке потекла кровь. Детта тяжело дышала, но хриплое ее дыхание тонуло в плеске волн и грохоте прибоя, бьющегося о скалы.

Она что, хочет меня утопить? Господи, она этого хочет?

Нет, разумеется, нет. Он, кажется, понял, что у нее на уме, еще до того, как проехался лицом прямо по спутанным водорослям, обозначавшим верхнюю границу прилива, — мертвое месиво, от которого пахло солью, холодное, как пальцы утонувших моряков.

Он вспомнил, как Генри однажды сказал: «Случалось, они подстрелят одного из наших. То есть из американцев — кого-нибудь из новичков, потому что они просекли, что из бывалых за чуркой в кусты никто не полезет. Разве что салага какой-нибудь, только-только из Штатов. Они подстрелят такого, бросят его подыхать, а потом снимут и тех ребят, которые попытаются его спасти. И так до тех пор, пока парень тот не помрет. Знаешь, как они его называли, Эдди? Этого парня?»

Эдди буквально весь похолодел, представив себе такую картину, и лишь мотнул головой.

«Горшочек с медом, — сказал Генри. — Так они называли этих парней. Горшочек с медом. Сладенькая приманка. Мух привлекает. А то и медведя».

То же самое сотворила и Детта: она просто использует его как *горшочек с медом.*

Она оставила его футах в семи ниже верхней границы прилива. Оставила, не сказав ни слова. Повернула его лицом к морю и уползла. Эдди грозил вовсе не прилив, как мог бы предположить стрелок, глядя через дверь. Но до этого...

Эдди скосил глаза и увидел, что по морю уже тянется от солнца длинная золотая дорожка. Сколько сейчас времени? Часа четыре? Около того. Солнце садится ближе к семи.

Ему незачем беспокоиться о приливе — стемнеет гораздо раньше.

А когда стемнеет, из моря выйдут омарообразные чудища, расползутся по берегу, задавая свои нескончаемые вопросы, а когда набредут на него, связанного и беспомощного, разорвут на куски.

7

Эти несколько часов растянулись для Эдди Дина до бесконечности. Само понятие времени превратилось в какую-то неудачную шутку. Даже ужас от мысли о том, что с ним будет, когда стемнеет, просто померк перед болью во всем теле: сначала мышцы его затекли и заныли, потом это покалывающее нытье сменилось болью, а боль — невероятными муками. При малейшей попытке расслабиться петли натягивались, и когда казалось уже, что он сейчас задохнется, Эдди все-таки нахо-

дил силы подтянуть ноги повыше и тем самым ослабить давление, давая доступ воздуху. Он начал уже сомневаться в том, что протянет до темноты: могло получиться и так, что в какой-то момент он просто не сможет подтянуть ноги.

Глава 3
РОЛАНД ПРИНИМАЕТ ЛЕКАРСТВО

1

Теперь Джек Морт знал о присутствии стрелка. Будь он другим человеком, таким, например, как Эдди Дин или Одетта Уокер, Роланд завел бы с ним разговор хотя бы только затем, чтобы разрядить естественную панику и смятение, когда в сознание твое грубо врывается кто-то другой, оттесняет тебя и начинает внаглую управлять твоим телом.

А поскольку Морт был настоящим чудовищем, до которого и Детте Уокер было далековато, стрелок не стал не только объясняться с ним, но даже к нему обращаться. Он слышал вопросы этого человека: *Кто ты? Что со мной происходит?* — однако старался не обращать внимания. Роланд полностью сконцентрировался на своем кратком перечне необходимых действий, без зазрения совести используя разум этого человека. Вопросы обернулись воплями ужаса. Стрелок продолжал игнорировать их.

Роланд не остался бы в этом гадючнике — в мозгу этого человека — и пяти минут, если бы не заставил себя думать о нем только как об этакой комбинации атласа и энциклопедии. Джек Морт располагал всей необходимой стрелку информацией. Задуманный план был груб, но иногда грубый план бывает намного надежнее плана, выверенного до мелочей. Во всем, наверное, мире не нашлось бы другой пары людей, чей подход к составлению плана действий был бы настолько противоположным, как у Роланда и Джека Морта.

Когда план грубый, у тебя остается какое-то поле для импровизации. А уж Роланд всегда был силен в экспромтах.

2

Толстяк с двумя линзами на глазах, как у того лысого типа, который минут пять назад заглядывал в кабинет Морта (похоже, что в мире Эдди очень многие люди ходят с этими штуками на глазах, которые, согласно «мортоклопедии», называются «очками»), вошел в лифт вместе с ним. Глянул на кейс в руках человека, которого он считал Джеком Мортом, и только потом — на Морта.

— К Дорфману направляешься, Джек?

Стрелок ничего не сказал.

— Если ты собираешься отговорить его от субаренды, то я тебе сразу скажу: ничего у тебя не выйдет, так что не трать зря время, — сказал толстяк и вдруг заморгал, когда коллега его быстро отступил назад. Двери кабинки закрылись, и внезапно они стали падать.

Стрелок вцепился в сознание Морта, не обращая внимания на его вопли, и убедился, что так и должно быть. Это падение управляемое.

— Если я что не то ляпнул, прошу прощения, — сказал толстяк, а стрелок подумал: *Он тоже боится.* — Ты лучше всех в фирме умеешь справляться с этим занудой, вот что я думаю.

Стрелок молчал. Он хотел только одного: выбраться поскорее из этого падающего гроба.

— И прямо тебе говорю, — оживленно продолжал толстяк. — Как раз вчера я обедал у...

Голова Джека Морта повернулась, и из-за очков в золотой оправе на толстяка уставились голубые глаза, но только немного другого оттенка, чем у Джека.

— Заткнись, — сухо проговорил стрелок.

Толстяк побледнел и быстро отступил на два шага назад, вжавшись обвислым задом в стену этого падающего вертикального гроба, который внезапно остановился. Двери открылись, и Роланд, облаченный в тело Морта, как в плотно прилегающий костюм, вышел из кабины, не оглянувшись. Толстяк держал пальцем кнопку ОТРЫТЬ ДВЕРИ и ждал в кабине, пока Морт не исчезнет из поля зрения. *У него всегда с головой было не все в порядке,* подумал толстяк, *но это уже серьезно. Похоже, крыша съехала окончательно.*

Толстяку пришлась по душе мысль о том, что было бы неплохо, если бы Морта упекли в психушку.

Стрелок бы этому не удивился.

3

Где-то на полпути между гулким помещением, которое в «мортоклопедии» называлось «вестибюлем», то есть входом в небесную башню с кабинетами, — и улицей, залитой солнечным светом

(по «мортоклопедии» — Шестой авеню, или проспектом Двух Америк), вопли Морта наконец прекратились. Морт не умер от страха. Глубинные инстинкты стрелка подсказывали ему с определенностью абсолютного знания, что, если бы Морт умер, их *ка* выбросило бы уже навсегда в ту пустоту небытия, что простиралась за пределами всех физических миров. Морт не умер, а хлопнулся в обморок, не выдержав ужаса и всех с ним творящихся странностей, точно так же, как Роланд лишился чувств, когда он вошел в сознание этого человека, раскрыл его темные тайны и обнаружил там пересечение судеб слишком уж нарочитое, чтобы оказаться простым совпадением.

Роланд даже обрадовался тому, что Морт отключился. Пока стрелок имел доступ к знаниям и воспоминаниям этого человека — а обморок этому не мешал, — без такого «попутчика» ему было гораздо лучше.

Желтые машины, предназначенные для общественных перевозок, назывались таксами, или кебами. Их возницы, согласно «мортоклопедии», принадлежали к двум племенам: «латинов» и «черномазых». Чтобы остановить такую машину, нужно поднять руку, как это делают ученики в классе.

Роланд так и сделал, но когда несколько пустых, не считая возниц, такс проехало мимо, он заметил на них таблички: В ГАРАЖ. Поскольку написано это было Великими Буквами, стрелку не понадобилась помощь Морта. Он подождал, потом опять поднял руку. На этот раз такса остановилась. Стрелок сел на заднее сиденье. Внутри был застоявшийся запах табака, пота и духов. Точно так же пахло в каретах в его родном мире.

— Куда едем, дружище? — спросил возница. Роланд не знал, из какого он племени, латинов или черномазых, и даже спрашивать не стал. Может быть, здесь у них это считается невежливым.

— Еще не знаю, — сказал стрелок.

— Здесь тебе, друг, не собрание анонимных алкоголиков. Время — деньги.

Скажи ему, чтобы выключил счетчик, подсказала «мортоклопедия».

— Выключи счетчик, — сказал Роланд.

— Только время накручиваешь, — отозвался возница.

Скажи, что сверху даешь пятерку, посоветовала «мортоклопедия».

— Пятерку сверху.

— Вот это другой разговор, — отозвался водитель, однако даже не пошевелился. — С деньгами — барин, без денег — отваливай.

Спроси, чего он хочет, помогла «мортоклопедия», *денег или пойти подрочить.*

— Ты чего хочешь вообще, денег или пойти подрочить? — Голос Роланда был холоден и безразличен.

Водитель с опаской взглянул на него в зеркальце заднего обзора и предпочел промолчать.

Стрелок еще раз внимательно перебрал весь запас знаний Морта. Водитель опять осторожно взглянул в зеркальце заднего обзора: секунд пятнадцать его пассажир просто сидел, чуть склонив голову и положив левую руку на лоб, как будто голова у него болела. Он уже собирался сказать этому типу, чтобы тот убирался, пока он не вызвал полицию, но тут его пассажир поднял голову и мягко сказал:

— Будьте добры, до угла Седьмой авеню и Сорок девятой. Я дам вам десятку сверху, и меня не волнует, из какого вы племени.

Шиз какой-то, подумал водитель (настоящий, коренной американец, белый англосаксонский протестант из Вермонта, мечтающий устроиться в шоу-бизнесе), *но, быть может, богатый шиз.*

— Считай, что ты уже там, дружище. — Он нажал на сцепление и, вливаясь в поток машин, добавил про себя: *И чем быстрее, тем лучше.*

4

Импровизируй.

Когда Роланд вышел из такси, он заметил в конце квартала припаркованную сине-белую машину с надписью ПОЛИЦИЯ, которую он прочел, не обращаясь за помощью к знаниям Морта. В его мире тоже были войска из народного ополчения. Внутри машины находилось двое стрелков. Они что-то пили — может быть, кофе — из белых бумажных стаканчиков. Да, это были стрелки, но какие-то слишком уж тучные и неряшливые.

Он полез в кошель Джека Морта (хотя это был ненастоящий кошель; настоящий кошель — он намного больше, размером чуть ли не с сумку, куда путешественник может сложить все свои вещи, когда он странствует налегке) и отдал водителю купюру с цифрой 20. Таксист быстро уехал. Таких больших чаевых сегодня ему еще не давали, но пассажир-то попался какой-то чудной, и водитель считал, что он заслужил все эти баксы до цента.

Стрелок посмотрел на вывеску над магазином:

КЛЕМЕНТС. ОРУЖИЕ
И СПОРТИВНЫЕ ТОВАРЫ. БОЕПРИПАСЫ.
ТОВАРЫ ДЛЯ ОХОТНИКОВ И РЫБОЛОВОВ. ОФИЦИАЛЬНЫЕ КОПИИ

Роланд не разобрал всех слов, но при одном только взгляде на витрину он понял, что Морт привез его в нужное место. Там были выставлены наручники, знаки различия и... оружие. В основном винтовки, но попадались и револьверы. Все они держались на цепях, но значения это уже не имело.

Он сразу поймет, что ему нужно, как только — и если — увидит.

Роланд, наверное, больше минуты консультировался с сознанием Джека Морта: у него был достаточно острый и изощренный ум, и Роланду этого вполне хватало.

5

Один из полицейских в сине-белой машине ткнул другого локтем.

— Вон покупатель серьезный. Этот знает, что ему надо.

Напарник его рассмеялся.

— О Господи, — подхватил он тонким визгливым голосом, когда мужчина в деловом костюме и очках в золотой оправе закончил осмотр витрины и зашел внутрь. — Сдается мне, он запал на «лаванду». Точно прикупит себе эти наручники.

Первый полицейский так расхохотался, что даже выплюнул набранный было в рот глоток кофе обратно в стаканчик.

6

Почти сразу же подошел продавец и спросил, чем он может быть полезен.

— Меня интересует, — сказал мужчина в консервативном синем костюме, — нет ли у вас такой бумаги... — Он помедлил как будто в глубокой задумчивости, потом снова поднял глаза. — Такой таблицы, я имею в виду с изображением всех боеприпасов для револьвера.

— Вы хотите сказать: таблицы калибров? — уточнил продавец.

Покупатель снова помедлил.

— Да. У моего брата есть револьвер. Я сам стрелял из него, но это было уже давно, несколько лет назад. Я бы, наверное, узнал подходящие к нему пули, если бы увидел.

— Это вам только так кажется, — отозвался продавец. — А на самом деле их различить очень трудно. Какой был хотя бы калибр? Двадцать второй? Или тридцать восьмой? Или, может быть...

— Если у вас есть эта таблица, я узнаю, — сказал Роланд.

— Одну минуту. — Продавец с сомнением уставился на человека в синем костюме, но потом лишь пожал плечами. Мать твою, покупатель всегда прав, даже когда он не прав... если только у него есть деньги. Как говорится, с деньгами — хозяин, без денег — отваливай. — У нас «Настольная книга стрелка». Возможно, это как раз то, что вам нужно.

— Да. — Роланд улыбнулся. «Настольная книга стрелка». Благородное название для книги.

Продавец достал из-под прилавка захватанный руками томище такой толщины, какой стрелок в жизни не видывал. А этот мужик обращается с книгой так, как будто это не ценная вещь, а какая-нибудь груда булыжников.

Продавец раскрыл ее на прилавке и развернул в сторону клиента.

— Вот посмотрите. Но если, как вы говорите, прошло много лет, то вы палите вслепую. — Он вдруг смутился и улыбнулся. — Простите, если я пошутил неудачно.

Но Роланд его не слышал. Он склонился над книгой, изучая картинки, на которых патроны были изображены как настоящие. Эти чудесные картинки, как подсказала «мортоклопедия», назывались «фотографиями».

Он медленно переворачивал страницы. Не то... не то... не то...

Роланд уже начал терять надежду, как вдруг увидел то, что искал. Он посмотрел на продавца с таким сияющим от возбуждения лицом, что тот даже слегка испугался.

— Вот! Вот они! *То, что нужно!*

На фотоснимке, в который он тыкал пальцем, были изображены патроны к «винчестеру» сорок пятого калибра. Не совсем такие же, как у него, потому что гильзы к его револьверам надо было заряжать пулями вручную, но даже не справляясь с цифрами (в которых он все равно ничего бы не понял), Роланд увидел, что они подойдут для его револьверов.

— Ну ладно, пусть вы нашли то, что искали, — сказал продавец, — но чего тут радоваться до усрачки, приятель. Я хочу сказать, это всего лишь пули.

— У вас они есть?

— Конечно. Сколько вам надо коробок?

— А сколько в коробке штук?

— Пятьдесят.

Продавец уже начал поглядывать на стрелка с подозрением. Если парень идет покупать патроны, он должен знать, что при покупке он должен предъявить свое разрешение на ношение и хранение оружия с фотографией, удостоверяющей личность. Нет разрешения, нет и боеприпасов — такой в Манхэттене закон. А если у этого типа

16 Зак. 722

есть разрешение на ношение и хранение оружия, то почему он не знает, сколько патронов в стандартной коробке?

— Пятьдесят!

Парень с отвисшей челюстью уставился на продавца. С головой у него явно не лады.

Продавец переместился немного левее, поближе к кассе... и, что совсем не случайно, поближе к своему «магнуму» триста пятьдесят седьмого калибра, который он всегда держал заряженным под прилавком.

— *Пятьдесят!* — повторил стрелок. Он думал, что будет пять, десять, может быть, даже дюжина, но столько... столько...

А сколько у нас с собой денег? — спросил он у «мортоклопедии». «Мортоклопедия» точно не знала, но полагала, что долларов шестьдесят в бумажнике есть.

— И сколько стоит одна коробка?

Наверное, больше шестидесяти. Но он попробует уговорить этого человека продать ему *часть* коробки или же...

— Семнадцать пятьдесят, — сказал продавец. — Но, мистер...

Джек Морт был бухгалтером, и на этот раз ждать не пришлось: подсчет и ответ Роланд получил одновременно.

— Три, — сказал он. — Три коробки. — Он ткнул пальцем в фотографию с патронами. Полторы сотни штук! Боги всевышние! Да это не мир, а какой-то умопомрачительный склад ценностей!

Продавец даже не пошевелился.

— У вас нет столько, — сказал стрелок. Он не особенно удивился. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Такое бывает только во сне.

— У нас есть. Патроны к «винчестеру» сорок пятого калибра. — Продавец сделал еще шаг влево — на шаг ближе к кассе и своему пистолету. Если этот парень действительно не в себе (а в ближайшие пару секунд уже точно выяснится, чокнутый он или нет), у него есть все шансы стать чокнутым с большой дырой в пузе. — У нас их полно. Но мне хотелось бы знать, мистер, есть ли у вас документ?

— Документ?

— Разрешение на ношение и хранение оружия с фотографией. Я не имею права продать вам боеприпасы, пока вы мне его не предъявите. А если хотите купить патроны без разрешения, вам придется отправиться в Вестчестер.

Стрелок тупо уставился на мужчину за стойкой. Он ни во что не врубался. Ничего не понимал. Чушь какая-то. В «мортоклопедии» имелись кое-какие сведения по этому поводу, но слишком смутные, чтобы на этот раз Роланд мог на них положиться. У Морта в жизни не было оружия. Он обделывал свои грязные делишки по-другому.

Мужчина за стойкой сделал еще шаг влево, не сводя глаз с лица покупателя, и Роланд еще подумал: *У него там револьвер. Он думает, что я сейчас подниму бучу... или, может быть, он даже хочет, чтобы я поднял бучу. Ищет повод, чтобы меня пристрелить.*

Импровизируй.

Он вспомнил стрелков там, на улице, сидящих в своей синей с белым карете. Да, это были стрелки — стражи мира, которые уполномочены следить за тем, чтобы мир не сдвинулся с места. Вот только выглядели они — по крайней мере на первый взгляд — почти такими же рыхлыми и ненаблюдательными, как все остальные в этом мире праздных мечтателей: просто двое мужчин в мундирах и фуражках, развалившихся на сиденье своей кареты и попивающих кофе. Конечно, может быть и такое, что он их просто недооценил. Но Роланд очень надеялся, ради их же пользы, что он все-таки не ошибся в оценке.

— О! Я понимаю, — сказал стрелок, изобразив на лице Джека Морта виноватую улыбку. — Прошу прощения. Я, наверное, просто не сориентировался. Мир так сдвинулся... изменился... с тех пор, когда у меня было свое оружие.

— Ничего-ничего. — Продавец расслабился, но чуть-чуть. Может быть, этот парень вполне нормальный. Но не исключено, что он просто зубы ему заговаривает.

— А можно взглянуть на тот набор для чистки? — Роланд указал на полку за спиной у продавца.

— Конечно. — Продавец отвернулся, чтобы достать набор, а Роланд в это время вынул бумажник Морта из внутреннего кармана его пиджака с той же молниеносной скоростью, с какой всегда вытаскивал револьверы из кобуры. Прошло не более четырех секунд, но когда продавец повернулся обратно к Морту, бумажник уже лежал на полу.

— Хорошая штука. — Продавец расплылся в улыбке, решив, что парень этот в общем-то ничего. Да, черт возьми, ему хорошо знакомо это пакостное чувство, когда своими стараниями ты сам же оказываешься в дураках. Еще в армии, в морской пехоте, с ним это частенько случалось. — И чтобы его купить, разрешения не нужно. Здорово, правда, когда такая свобода?

— Да, — серьезно отозвался стрелок и притворился, что рассматривает набор, хотя с первого взгляда понял, что это просто дешевка в претенциозной коробке. Но пока он смотрел, он незаметно подталкивал ногой под прилавок бумажник Морта.

Чуть погодя он отодвинул набор, вполне убедительно изобразив на лице сожаление.

— Боюсь, он мне не подойдет.

— Хорошо. — Продавец тут же потерял к нему весь интерес. Парень вовсе не чокнутый, а раз он зашел лишь поглазеть, а не купить, их добрым взаимоотношениям конец. Без денег — отваливай. — Еще чего нибудь? — Рот его спрашивал, но глаза говорили «синему костюму»: проваливай.

— Нет, спасибо. — Стрелок вышел не оглянувшись. Бумажник Морта остался лежать под прилавком. Роланд тоже выставил свой горшочек с медом.

7

Офицеры Карл Делеван и Джордж О'Мэра допили кофе и собирались уже ехать дальше, когда человек в синем костюме вышел из «Клементса» — магазинчика, который, по наблюдениям полиции, представлял собой «рожок с порохом», так на их профессиональном жаргоне называется оружейная лавка с законной лицензией на продажу, но где иной раз отовариваются по поддельным документам независимые бандюги, а то и мафия, забирающая сразу целые партии товара, — и направился к их машине.

Наклонившись, он заглянул в окошко с пассажирской стороны, где сидел О'Мэра. О'Мэра думал, что этот «синий костюм» — обыкновенный гомик и голос у него должен быть соответствующим. Помимо оружия, Клементс еще торговал и наручниками всевозможных видов. В Манхэттене это дело носило вполне законный характер, и большинство из тех, кто покупал наручники, вовсе не помышляли о лаврах Гудини (полицейским все это, конечно, не нравилось, но когда это было, чтобы мнение полиции хоть кого-то интересовало?). Обычно их прикупали гомики с садо-мазохистскими наклонностями. Но когда парень заговорил, голос его был вполне нормальным: ровный и бесцветный, вежливый, но немного отрешенный, как бы мертвенный.

— Торговец там украл у меня кошелек, — сказал он.

— *Кто?* — О'Мэра тут же весь вытянулся. Уже полтора года у них руки чешутся прищучить Джастина Клементса. Если им это удастся, то вполне вероятно, они с напарником украсят наконец свою синюю форму значками детективов. Скорее всего это так и останется недостижимой мечтой — слишком, как говорится, хорошо, чтобы быть правдой, — но тем не менее...

— Торговец... — Небольшая пауза. — Продавец.

О'Мэра и Карл Делеван переглянулись.

— Темноволосый? — спросил Делеван. — Такой коренастый?

Опять небольшая пауза.

— Да. Кареглазый. Под одним глазом небольшой шрам.

Было в этом парне что-то такое... Поначалу О'Мэра не сумел определить, что именно, и вспомнил об этом, только когда освободился от куда более важных мыслей, основной из которых была та, что он тогда уразумел, это что золотой знак детектива — не самое главное в жизни, потому что все обернулось так, что даже тот простой факт, что их с Делеваном вообще не поперли с работы, показался им настоящим чудом.

Несколько лет спустя, когда на Крещение выдалось свободное время, О'Мэра повез двух своих сыновей в Музей науки в Бостоне. Там был такой автомат — компьютер, — который играл в крестики-нолики, причем если тебе не удавалось поставить свой крестик в центральной клетке на первом ходу, ты обязательно проигрывал. Но каждый раз, прежде чем сделать свой ход, автомат на мгновение «замирал», чтобы продумать все возможные варианты. Он сам и мальчишки его были в восторге. Но было в этих секундных паузах и что-то жуткое... и тут он вспомнил про «синий костюм». Потому что у «синего костюма» была та же самая долбаная привычка: прежде чем что-то сказать, он мгновение думал. Разговаривать с ним было все равно что с роботом.

У Делевана таких ощущений тогда не возникло, но спустя девять лет, когда он однажды вечером пошел со своим сыном в кино (сыну было уже восемнадцать, и он собирался поступать в университет), через полчаса после начала сеанса он вдруг вскочил на ноги и закричал:

— *Это он! Это ОН! Тот мужик в синем костюме! Мужик, который был у Кле...*

Кто-то крикнул еще:

— Эй там, впереди, давай сядь!

Только зря он так старался и глотку драл: Делеван, весивший на семьдесят фунтов больше нормы и всю жизнь бывший заядлым курильщиком, скончался на месте от сердечного приступа — возмущенный зритель не успел даже ничего добавить. Мужчина в синем костюме, который в тот день подошел к их патрульной машине и заявил о краже бумажника, совсем не походил на актера в фильме, но говорил и двигался он в той же манере: было в ней что-то жесткое, но в то же время и грациозное.

Фильм, само собой, назывался «*Терминатор*».

8

Полицейские переглянулись. «Синий костюм» говорил не про Клементса, а про толстяка Джона Холдена, который приходился Клементсу свояком. Что тоже было неплохо. Хотя опуститься до такого идиотизма, чтобы стянуть у покупателя бумажник, это уже...

...вполне в духе родственничка этого тупицы Клементса, мысленно закончил О'Мэра и прикрыл рот ладонью, чтобы спрятать невольную усмешку.

— Может быть, вы нам расскажете все поподробнее, что там у вас произошло, — сказал Делеван. — И для начала представьтесь, пожалуйста.

И снова ответ этого человека немного смутил О'Мэру — было в нем что-то неправильное, что-то странное. В этом городе, где процентов семьдесят населения свято верило в то, что по-американски фраза *«Приятного вам денечка»* должна звучать: *«А не сходил бы ты подрочить»*, он ожидал услышать от этого парня примерно следующее: *«Эй, что непонятно? Этот сукин сын украл у меня бумажник! Вы его собираетесь мне вернуть или будем стоять тут и играть в «Двадцать вопросов»?»*

Но, с другой стороны, костюм на нем явно дорогой, ногти наманикюрены. Парень скорее всего из славной бюрократической братии. Сказать по правде, О'Мэре было в высшей степени наплевать. При одной мысли о том, чтобы прищучить толстяка Джонни Холдена, а через него уже подцепить Джастина Клементса, у него едва слюни не потекли. В какой-то момент он так разогнался, что представил себе, как через Холдена они выйдут на Клементса, а уже через Клементса — на какого-нибудь действительно крутого парня. На этого макаронника Балазара или, может быть, на Джинелли. Было бы очень недурно. Очень недурно.

— Меня зовут Джек Морт, — сказал человек в синем костюме.

Делеван вытащил из заднего кармана брюк блокнот, повторяющий форму его ягодицы.

— Адрес?

Опять эта коротенькая заминка. *Как автомат,* снова подумал О'Мэра. Секундное молчание, потом едва ли не щелчок, как на автоответчике:

— Южная Парковая, 409.

Делеван записал.

— Номер страхового свидетельства?

После очередной заминки Морт продиктовал номер.

— Поймите меня правильно, я обязан задать вам все эти вопросы в целях выяснения личности. Если тот парень действительно стянул у вас бумажник, я должен уточнить кое-какие моменты прежде, чем я его у него отберу и отдам вам. Ну, вы понимаете.

— Да. — Теперь в голосе пострадавшего сквозили нотки нетерпения. И, как ни странно, из-за этого О'Мэра слегка успокоился. — Только не надо затягивать это дело. Время идет, а...

— Знаю-знаю, дело стоит.

— Дело стоит, — согласился мужчина в синем костюме. — Да.

— У вас были в бумажнике какие-нибудь фотографии?

Опять пауза, а потом:

— Снимок моей матери на фоне Эмпайр-Стейт-Билдинг с надписью на обороте: «Это был замечательный день и чудесный вид. Целую, мама».

Делеван записал, яростно царапая ручкой по бумаге, затем захлопнул блокнот.

— О'кей. Вполне достаточно. Единственное, если мы выручим ваш бумажник, вам надо будет еще расписаться, чтобы нам сличить вашу подпись с подписью на ваших правах, кредитных карточках и других документах. О'кей?

Роланд кивнул, хотя уже начал догадываться, что, хотя он и пользовался вовсю памятью Морта и его знаниями об этом мире, ему вряд ли удастся воспроизвести подпись Морта без его помощи, а Джек Морт, как мы помним, сейчас находился в отключке.

— Расскажите нам, что там у вас произошло.

— Я зашел к ним, хотел купить патроны для брата. У него «винчестер» сорок пятого калибра. Продавец спросил, есть ли у меня разрешение. Я сказал: «Да, конечно». Он попросил, чтобы я его показал.

Пауза.

— Я вынул бумажник и показал ему. Только когда я перегибал бумажник, он, должно быть, увидел, что у меня там полно... — Опять небольшая заминка. — Двадцаток. По профессии я бухгалтер по налогам. У нас есть клиент, Дорфман, ему причитается небольшой возврат средств после длительного... — Заминка. — Судебного разбирательства. Сумма всего-то восемьсот долларов, но этот мужик, Дорфман... — Снова пауза. — ...Самый законченный мудозвон из всех, с кем нам вообще приходилось иметь дело. — Пауза. — Извините за выражение.

О'Мэра обдумал предпоследнюю фразу. Самый законченный мудозвон. Неплохо сказано. Он хохотнул. Постоянные навязчивые ассоциации с роботами и автоматами как-то сами собой исчезли. Вполне нормальный парень, просто он очень расстроен и пытается скрыть это под маской невозмутимости.

— Так вот, этот Дорфман требует наличные. Он просто *настаивает*.

— То есть вы думаете, толстяк Джонни увидел денежки вашего клиента, — сказал Делеван, выбираясь вместе с О'Мэрой из сине-белой машины.

— Это вы так называете продавца?

— О, мы называем его и почище, — сообщил Делеван. — А что было дальше, мистер Морт, после того, как вы показали ему разрешение?

— Он попросил посмотреть поближе. Я дал ему бумажник, но он даже и не взглянул на снимок. Просто бросил бумажник на пол. Я спросил зачем. А он ответил, что это глупый вопрос. Я сказал, чтобы он отдал мне бумажник. Я был вне себя.

— Это понятно! — сочувственно воскликнул Делеван, хотя, глядя на непроницаемое лицо этого человека, он никогда бы не подумал, что его можно вывести из себя.

— Он рассмеялся. Я хотел обойти прилавок и подобрать бумажник, но он вытащил пистолет.

Они уже шли к магазину, но тут вдруг остановились, хотя вид у них был скорее возбужденный, нежели испуганный.

— *Пистолет?* — переспросил О'Мэра, желая убедиться, что это ему не послышалось.

— Он был у него под прилавком, рядом с кассой, — сказал человек в синем костюме. Роланд вспомнил, как он, вопреки первоначальному плану, едва не ринулся отбирать оружие у продавца. Но не стал этого делать и теперь объяснил этим стрелкам почему. Ему вовсе не нужно было, чтобы их там убили. Ему требовалась их помощь. — Мне кажется, он у него в сцепке.

— *Где?* — не понял О'Мэра.

На этот раз пауза длилась чуть дольше. Мужчина в синем костюме наморщил лоб.

— Я точно не знаю, как это назвать... такая штуковина, чтобы хранить пистолет. Никто не сможет ее открыть, кроме тебя, потому что там надо знать, куда нажимать...

— Пружинный зажим! — воскликнул Делеван. — Срань Господня!

Напарники снова переглянулись. Никто из них не горел желанием первым сообщить этому мужику в синем костюме, что скорее всего толстяк Джонни уже давно вынул денежки, а сам мотнул через заднюю дверь и зашвырнул бумажник через стену, что шла вдоль переулка за домом... но пистолет в тайнике на пружинном зажиме... это другое дело. Ограбление еще надо доказать, а вот незаконное хранение оружия... да еще если поймать с поличным... это уже понадежнее. Может, не так уж и здорово, но хотя бы зацепка есть.

— А потом? — спросил О'Мэра.

— Потом он мне сказал, что не было у меня никакого бумажника. Он сказал... — Пауза. — Что, наверное, у меня его вытащил из карманника карман... то есть карманник из кармана... где-нибудь на улице, и лучше мне это вспомнить, если мне дорого здоровье. И тут я вспомнил, что, когда я входил в магазин, я видел на углу полицейскую машину, и подумал, что вы, может быть, еще там. И я пошел за вами.

— О'кей, — подытожил Делеван. — Мы с напарником зайдем первыми. Дайте нам примерно минуту — но целую ми-

нуту — просто на случай, если возникнут какие-нибудь неприятности. Потом входите, но стойте у двери. Вы все поняли?

— Да.

— О'кей. Сейчас мы сделаем этого мудака.

Полицейские вошли в магазин. Роланд выждал тридцать секунд и вошел следом за ними.

9

Толстяк Джонни Холден не просто все отрицал. Он ревел, как буйвол:

— Да этот тип просто тронутый! Пришел сюда, не знал даже, чего ему надо, пока не увидел в «Настольной книге стрелка», не знает ни сколько патронов в коробке, ни сколько коробка стоит, а то, что он вам тут заливает, будто бы я хотел разрешение его посмотреть, так это просто такое дерьмо, на которое я еще в жизни не нарывался, потому что нет у него разрешения... — Толстяк Джонни вдруг остановился. — А вот и он! Вот он, этот засранец! Вон стоит. Я тебя вижу, приятель! И харю твою я запомню. В следующий раз, когда ты меня увидишь, ты об этом, мудак, пожалеешь. Это я тебе гарантирую! Гарантирую, мать твою...

— Так вы не брали его бумажник? — осведомился О'Мэра.

— Вы же знаете, что не брал!

— Ничего, если мы заглянем под эту витрину? Вы не будете возражать? — спросил Делеван. — Просто, чтобы даже вопросов больше не возникало.

— Твою-Богу-душу-мать! Она же *стеклянная*! Есть там какой-то бумажник?

— Нет, *не там*... я имею в виду *здесь*, — сказал Делеван, направляясь к кассе. Голос его был похож на кошачье мурлыканье. В этом месте за полками прилавка проходила хромированная крепежная полоса шириной почти в два фута. Делеван поглядел на человека в синем костюме. Тот кивнул.

— Давайте-ка, парни, валите отсюда. — Толстяк Джонни аж побелел от ярости. — Придете с ордером — это другое дело. А пока что выгребывайтесь. Это, мать вашу, свободная страна, если вы еще... Эй! Эй! ЭЙ, ПРЕКРАТИ НЕМЕДЛЕННО!

О'Мэра навалился на прилавок, заглядывая с обратной стороны.

— Это незаконно! — вопил толстяк Джонни. — Вашу мать, незаконно. По конституции... мой адвокат... либо вы убираетесь прямо сейчас, либо...

— Просто хочу рассмотреть товар, — мягко проговорил О'Мэра. — Стекло у тебя тут засранное, ни черта не видно. Вот и приходится нагибаться. Да, Карл?

— В самую точку, дружище, — серьезно ответил Делеван.

— И посмотри, чего я нашел.

Роланд услышал какой-то щелчок, и когда стрелок в синей форме выпрямился, у него в руке был револьвер внушительных размеров.

Толстяк Джонни, вдруг сообразивший, что он единственный из всех присутствующих излагает историю, совсем не похожую на эту сказочку, которую только что рассказал ему легавый, нашедший его «магнум», тут же помрачнел.

— У меня есть разрешение, — сказал он.

— На хранение и ношение? — уточнил Делеван.

— Да.

— На тайное хранение?

— Да.

— Пистолет зарегистрирован? — спросил в свой черед О'Мэра. — Да или нет?

— Ну... я не помню уже.

— Он, может, был в деле, а ты этого тоже не помнишь?

— Мать твою. Я звоню своему адвокату.

Толстяк Джонни уже развернулся, но Делеван схватил его за плечо.

— Тогда встает вот какой вопрос: есть ли у тебя разрешение на хранение боевого оружия в тайнике с пружинным зажимом? — спросил он все тем же мягким, как будто мурлыкающим голосом. — Вопрос действительно интересный, потому что, насколько я знаю, у нас в Нью-Йорке *таких* разрешений не выдают.

Полицейские смотрели на толстяка Джонни, толстяк Джонни смотрел на них. Так что никто не заметил, как Роланд перевернул табличку на двери. Было ОТКРЫТО, стало ЗАКРЫТО.

— Возможно, мы и сумеем все это как-то уладить... если найдем бумажник этого джентльмена, — пообещал О'Мэра. Сам сатана не сумел бы солгать с такой искренней убедительностью. — Быть может, он просто его уронил. Случайно.

— Я же вам говорил! Не знаю я ни про какой бумажник! Парень просто головкой повредился!

Роланд нагнулся.

— Вот он. Я вижу. Он его прижимает ногой.

Он сказал неправду, но Делеван, который так и держал толстяка Джонни за плечо, отпихнул его так быстро, что уже невозможно было определить, прижимал Джонни ногой бумажник или не прижимал.

Пора.

Роланд беззвучно рванулся к прилавку, когда оба стрелка наклонились, заглядывая под стойку. Стояли они очень близко друг к другу, и головы их почти что соприкасались лбами. О'Мэра по-прежнему держал в правой руке револьвер продавца, который он вытащил из тайника под прилавком.

— Черт возьми, точно! — в возбуждении воскликнул Делеван. — Я его вижу!

Роланд быстро взглянул на мужчину, которого они называли толстяком Джонни, просто чтобы убедиться, что тот не станет трепыхаться и создавать ему сложности. Но толстяк Джонни лишь стоял, привалившись к стене, — на самом деле *вжимаясь* в стену, как будто стремясь втиснуться в нее и просочиться на ту сторону, — руки его безвольно висели по бокам, а выпученные глаза превратились в две огромные буквы О. Он напоминал человека, который никак не может понять, как же так вышло, что его гороскоп на сегодня не предупредил его поберечься.

С его стороны никаких проблем.

— Да! — радостно отозвался О'Мэра. Полицейские уставились под прилавок, опершись руками о колени. О'Мэра поставил одно колено на пол и потянулся за бумажником. — Я тоже вижу...

Роланд сделал последний шаг. Одной рукой он зажал правую щеку Делевана, другой — левую щеку О'Мэры, и неожиданно толстяк Джонни Холден понял, что день, который и так казался ему препоганым, на самом деле *в сто раз* хуже. Этот псих в синем костюме столкнул легавых лбами так сильно, что даже послышался глухой звук, как будто два камня, обмотанные войлоком, ударились друг о друга.

Полицейские свалились. Человек в очках в золотой оправе выпрямился, направив на толстяка Джонни «маг» 375-го калибра. Нацеленное дуло его казалось таким широким, что в него вполне поместилась бы космическая ракета.

— Нам ведь с тобой неприятности не нужны, правда? — спросил псих безжизненным голосом.

— Нет, сэр, — быстро ответил толстяк Джонни. — Не нужны.

— Стой где стоишь. Если вдруг вздумаешь оторвать задницу от стены, можешь сразу прощаться с жизнью. Понятно?

— Да, сэр. Понятно.

— Хорошо.

Роланд растащил полицейских порознь. Оба живы. Это хорошо. Не важно, что они медлительны и ненаблюдательны, они все же стрелки. Они собирались помочь незнакомцу в его затруднении. Роланд не хотел убивать своих.

Но ведь раньше он убивал, правда? Да. Разве Ален, его побратим, не погиб под дымящимися дулами револьверов Роланда и Катберта?

Не сводя глаз с продавца, он нащупал бумажник под прилавком носком туфли от Гуччи, которые носил Джек Морт, и поддал его ногой. Он вылетел из-под прилавка со стороны продавца. Толстяк Джонни подпрыгнул на месте и завизжал, как нервная девица при виде мыши. В какой-то момент его задница все-таки оторвалась от стены, но стрелок этого не заметил. Вернее, не обратил внимания. Ему совсем не хотелось стрелять в этого толстяка. В конце концов если прижмет, можно будет просто швырнуть в него, как топорик, этот громадный револьвер, потому что если стрелять из такой бандуры, то на выстрел сбежится наверняка пол-округи.

— Подними его, — сказал стрелок. — Медленно.

Толстяк Джонни потянулся вниз, а когда подхватил бумажник, вдруг громко выпустил газы и вскрикнул. Роланд понял, что продавец принял этот звук, им самим же и выпущенный, за грохот выстрела, и решил, что его час настал.

Когда толстяк Джонни выпрямился, все лицо его было залито краской. Впереди на брюках растеклось большое мокрое пятно.

— Положи кошель на прилавок. То есть бумажник.

Толстяк Джонни сделал как велено.

— А теперь патроны. От «винчестера» сорок пятого калибра. И чтобы я видел твои руки все время.

— Мне нужно руку в карман опустить. У меня там ключи.

Когда толстяк Джонни отпер, а потом выдвинул ящик с патронами в коробках, Роланд призадумался.

— Дай мне четыре коробки, — наконец сказал он. Он даже представить себе не мог, куда он денет потом столько патронов. Ему столько явно не нужно. Но все-таки он не сумел побороть искушения забрать себе как можно больше.

Толстяк Джонни выложил коробки на прилавок. Роланд открыл одну, все еще не в силах поверить, что это не шутка или не подделка. Но это были настоящие пули, новенькие, сверкающие, без единой царапинки, не бывшие в употреблении, ни разу не перезаряженные. Он вытащил один патрон, рассмотрел его на свету и положил обратно в коробку.

— Теперь давай пару этих браслетов.

— Браслетов?

Стрелок справился по «мортоклопедии».

— Наручников.

— Мистер, я так и не понял, чего вам нужно. Кассовый аппарат...

— Делай, как я тебе говорю. И побыстрее.

Боже, это вообще никогда не кончится, мысленно простонал толстяк Джонни, но открыл еще одну секцию прилавка и достал с витрины пару наручников.

— Ключ? — велел Роланд.

Толстяк Джонни положил ключ на прилавок рядом с наручниками. Ключ тихонько звякнул. Один из валявшихся без сознания полицейских вдруг всхрапнул, и Джонни взвизгнул.

— Лицом к стене, — приказал стрелок.

— Вы ведь не станете в меня стрелять, правда? Скажите, что нет!

— Не стану, — сухо проговорил стрелок. — Но только в том случае, если ты немедленно отвернешься. А не отвернешься, пристрелю.

Толстяк Джонни теперь разревелся и отвернулся. Конечно, парень сказал, что не будет стрелять, но тут явно попахивает мафиозной разборкой. Работенка, выходит, нервная, а хоть бы какой был навар. Рыдания его превратились в приглушенное завывание.

— Пожалуйста, мистер, не убивайте меня. У меня мама старенькая. Слепая. Она...

— Она несет проклятие быть матерью труса, — мрачно закончил за него стрелок. — Руки вместе.

Хныча, с прилипшими к чреслам мокрыми штанами, толстяк Джонни сложил руки вместе. В одно мгновение стальные браслеты сомкнулись у него на запястьях. Он даже не понял, как этот псих оказался по его сторону прилавка так быстро. Не знал и знать не хотел.

— Стой так и гляди на стену, пока я тебе не скажу, что повернуться можно. Но если ты повернешься раньше, я тебя пристрелю.

В сознании толстяка Джонни промелькнул лучик надежды. Может быть, парень действительно не собирается его убивать. Может быть, он и не псих, а просто чуть-чуть не в себе.

— Не повернусь. Богом клянусь. Всеми святыми клянусь. Всеми ангелами. Всеми арханге...

— А я клянусь, если ты сейчас не заткнешься, я тебе пулю пущу прямо в затылок, — мрачно проговорил налетчик.

Толстяк Джонни заткнулся. Ему казалось, что он смотрит на эту стену целую вечность. На самом же деле прошло не более двадцати секунд.

Стрелок опустился на колени, положил пистолет продавца на пол, быстренько глянул, как ведет себя этот слизняк, потом перевернул остальных двоих на спины. Оба они пребывали в хорошем отрубе, хотя ни тот ни другой серьезно не пострадали. Дышали оба ровно. Только из уха того, кого звали Делеван, сте-

кала тоненькая струйка крови, а в остальном никаких тяжких травм не наблюдалось.

Он еще раз глянул на продавца, потом расстегнул у стрелков оружейные пояса и снял их. Снял синий пиджак от костюма Морта и надел ремни на себя. Револьверы, конечно, не те, но ему все равно было приятно снова ощутить их тяжесть. Опять при оружии. Просто, черт побери, прекрасно. На такое он даже и не надеялся.

Два револьвера. Один для Эдди, второй для Одетты... когда и если ей можно будет его доверить. Он снова надел пиджак Джека Морта, положил две коробки с патронами в правый карман, две — в левый Пиджак, ранее безупречно сидевший, теперь оттопыривался по бокам. Роланд поднял с пола «магнум» продавца, вынул патроны, положил их в карман брюк и зашвырнул пистолет в дальний конец комнаты Когда он ударился об пол, толстяк Джонни подпрыгнул, еще раз слабенько взвизгнул и пустил очередную теплую струйку себе в штаны

Стрелок встал и велел толстяку Джонни повернуться.

10

Когда толстяк Джонни еще раз взглянул на психа в синем костюме и очках в золотой оправе, у него от удивления челюсть отвисла. На какой-то миг он преисполнился непоколебимой уверенности в том, что, пока он стоял и глазел на стену, этот мужик превратился в призрак, и теперь сквозь него проглядывает фигура, гораздо более реальная, чем он сам: кто-то из тех легендарных стрелков, о которых, когда он был мальчишкой, снимали столько фильмов и телесериалов. Уайатт Эрп, Док Холлидей, Батч Кассиди, в общем, кто-то из этих.

Но потом зрение его прояснилось, и он понял, что сотворил этот придурочный: снял у легавых пистолеты и нацепил их себе на пояс. При костюме и галстуке это выглядело смехотворно, но толстяку Джонни почему-то было не до смеха.

— Ключ от браслетов на стойке. Когда ополченцы очнутся, они тебя освободят.

Он взял бумажник, открыл его и, что самое невероятное, выложил на прилавок три двадцатки.

— Это за боеприпасы, — сказал Роланд. — Твой револьвер я разрядил. Когда я отсюда уйду, я их куда-нибудь выкину, эти патроны. Думаю, что при незаряженном револьвере и при отсутствии бумажника им будет весьма затруднительно обвинить тебя.

Толстяк Джонни тяжело сглотнул. Очень редко случалось так, что он не мог ничего сказать из-за полной потери дара речи, но это был как раз тот случай.

— Теперь где тут ближайший... — Пауза. — Ближайшая аптека?

Внезапно толстяк Джонни все понял. По крайней мере он так подумал, что понял. Этот тип, конечно же, наркоман. Вот в чем дело. Понятно теперь, почему он такой странный. Накачался, должно быть, уже прилично.

— Есть тут одна за углом. Через полквартала по Сорок девятой.

— Если ты мне сейчас солгал, я вернусь и пущу тебе пулю в лоб.

— Я не лгу! — закричал толстяк Джонни. — Клянусь Богом-Сыном и Богом-Отцом! Всеми святыми клянусь! Здоровьем мамы...

Но тут дверь захлопнулась. Толстяк Джонни умолк и постоял еще пару минут молча, не в силах поверить, что этот шизик ушел.

Потом он поспешно, как только мог, обошел прилавок и бросился к двери. Повернувшись к ней спиной, он принялся шарить вслепую, нащупывая замок. Ему пришлось изрядно повозиться, чтобы закрыть дверь еще и на засов.

Только тогда он позволил себе присесть, точнее сказать, медленно опуститься на пол, задыхаясь и мысленно обещая Всевышнему, равно как и всем святым его и ангелам, что прямо сегодня он сходит в церковь Святого Антония, сразу, как только первая из этих свиней очнется и откроет наручники. Он собирался исповедоваться, покаяться и причаститься.

Толстяк Джонни хотел очиститься перед Богом.

Сегодня он, мать твою, чуть было не отдал Ему душу.

II

Заходящее солнце нависло дугой над Западным морем. И вот оно уже сузилось до яркости на горизонте, которая резала Эдди глаза. Если долго смотреть на такой свет, можно вполне заработать ожог сетчатки. Это и много еще чего интересного он узнал в средней школе, где ему дали достаточно знаний, чтобы он сумел потом заполучить работу бармена с неполным рабочим днем, а заодно и обзавестись занимательным хобби: полный рабочий день носиться по городу в поисках героина и баксов, чтобы его купить. Но Эдди все-таки продолжал смотреть. Очень скоро ему будет уже все равно, есть у него там ожог или нет.

Он не стал умолять эту ведьму. Во-первых, это бесполезно. Во-вторых, раз бесполезно, то зачем унижаться. Он и так прожил унизительную жизнь, так что незачем унижать себя в ее последние минуты. Больше у него ничего не осталось — только несколько минут. Все закончится, когда эта узкая полоса света скроется за горизонтом и придет время омаров.

Он давно перестал надеяться на то, что случится чудо и Одетта вернется в самый последний момент, как, впрочем, и на то, что Детта все-таки сообразит, что, если Эдди умрет, она почти наверняка застрянет в этом мире уже навсегда. Еще пятнадцать минут назад он тешил себя надеждой, что она просто решила его попугать; теперь надежды его иссякли.

Ну, это все-таки лучше, чем медленное удушение, утешал он себя, но, насмотревшись за столько дней на этих мерзостных омаров, он уже не был уверен в том, что же на самом деле лучше. Он очень надеялся, что сумеет умереть без воплей. Вряд ли это вообще возможно, но он все-таки постарается.

— Сейчас они выползут, беленький! — завизжала Детта. — Сейчас-сейчас! Славный сегодня их поджидает ужин, такого они еще не едали!

Все это не пустые угрозы, чтобы просто припугнуть. Одетта не возвращалась... не было и стрелка. Это последнее обстоятельство и добило его. Он был на сто процентов уверен, что за время их долгого перехода по пляжу они с Роландом стали... ну, скажем, товарищами, если не братьями, и что Роланд хотя бы предпримет попытку его спасти.

Но Роланд не приходил.

Может быть, это не потому, что он не хочет прийти. Вдруг он просто не может. А если он умер или его пристрелил охранник в аптеке — вот черт, это будет большая хохма, коли последнего в мире стрелка прикончит какой-нибудь жлоб из службы охраны! — или он попал под машину. Быть может, его уже нет в живых и дверь исчезла. Наверное, она потому так и оборзела, что ей нечего терять.

— Сейчас повыползут! — крикнула Детта, и Эдди увидел, что ему больше незачем переживать о своей сетчатке, так как последние отблески солнца скрылись за горизонтом, оставив после себя лишь бледные блики.

Он уставился на море, а в глазах его постепенно гасло отражение последнего луча дневного света. Эдди ждал, когда первые омары выползут на берег из волн.

12

Эдди попытался отдернуть голову, но не успел. Омар отхватил клешней кусок мяса с его лица, превратив левый глаз в студенистую массу и обнажив кость, сверкнувшую в сумерках белым пятном... а Воистину Гадкая Баба расхохоталась...

Прекрати! — приказал себе Роланд. *Думать так — это еще хуже, чем беспомощность: это просто безумие. И вовсе не обязательно, что так все будет. Быть может, еще есть время.*

И время еще было. Пока. Когда Роланд в теле Джека Морта шагал по Сорок девятой, размахивая руками, не отрывая целеустремленных глаз от вывески АПТЕКА и не обращая внимания на взгляды прохожих и на то, как они шарахаются от него, в мире Роланда нижний край солнца еще не коснулся линии горизонта, там, где море сливается с небом. Это случится только минут через пятнадцать. Если для Эдди настанет время мучений и боли, оно пока еще впереди.

Хотя Роланд не стал бы с уверенностью утверждать. Он знал только то, что время в обоих мирах движется с разной скоростью и там сейчас больше времени, чем здесь, и хотя здесь солнце пока высоко, тешить себя надеждой, что и там до заката еще далеко, было бы непростительной ошибкой... а для Эдди — вообще смертельной, ведь тогда ему предстоит погибнуть в невообразимых муках, которые Роланд снова и снова, сам того не желая, пытался себе представить.

Он едва себя сдерживал, чтобы не оглянуться и не посмотреть, как там дела. Но он не осмеливался. Знал, что нельзя. Нельзя.

Голос Корта бесцеремонно ворвался в его размышления: «Контролируй то, что можешь контролировать, слизняк. Пусть все остальное, тебе неподвластное, идет как идет. И если тебе суждено потерпеть поражение, прими его, но с оружием в руках».

Да.

Но иной раз это трудно.

Очень трудно.

Он наверняка обратил бы внимание и понял, почему прохожие так на него глазеют и шарахаются во все стороны, если бы не был так отчаянно сосредоточен на том, чтобы как можно скорее закончить свои дела в этом мире и убраться отсюда ко всем чертям. Но это вряд ли бы что-нибудь изменило. Он так быстро шагал по направлению к лавке под синей вывеской, где согласно «мортоклопедии» можно было найти столь необходимый его телу кефлекс, что, несмотря на набитые патронами карманы, полы пиджака Джека Морта разлетались, открывая оружейные ремни у Роланда на поясе. Он носил их не так, как их прежние владельцы, аккуратно и прямо, а по-своему: крест-накрест низко на бедрах.

Покупатели, уличные музыканты и торговцы на Сорок девятой видели в нем, точно так же, как и толстяк Джонни, отчаянного головореза.

Роланд добрался до аптеки Каца и вошел туда.

13

В свое время стрелок знавал колдунов, заклинателей и алхимиков. Одни были умными шарлатанами, другие — тупыми мошенниками, в которых могли поверить только еще более непробиваемые кретины (но в его мире всегда был избыток простофиль и дураков, так что эти мошенники вполне могли заработать себе на жизнь, а большинство из них даже преуспевали), и лишь очень немногие действительно были способны на те магические действия, о которых с опаской шептались люди: вызывать демонов и духов умерших, убивать проклятием и исцелять непонятными снадобьями. Одним из таких было создание, которое выдавало себя за человека по имени Флагг* и которого Роланд всегда принимал за демона. Роланд знался с ним недолго, и было это почти в самом конце, когда на страну его обрушились хаос и крах. Почти сразу за Флаггом появились два молодых человека отчаянного, но вместе с тем мрачного вида. Деннис и Томас. В то смутное время троица эта лишь промелькнула в жизни стрелка, но он навсегда запомнил, как Флагг у него на глазах превратил доставшего его человека в воющую собаку. На всю жизнь запомнил. А потом появился и человек в черном.

И еще Мартен.

Мартен, который соблазнил его мать, пока отца не было дома. Мартен, который послал Роланда на смерть, но вместо этого лишь добился, что тот стал мужчиной раньше положенного срока. Мартен, с которым, как подозревал Роланд, ему еще раз предстояло встретиться на пути к Башне... или у Башни.

Одним словом, на основании личного опыта общения с магами и колдунами Роланд думал увидеть в аптеке Каца совсем не то, что увидел.

Он думал, что это будет полутемная комнатушка, освещенная слабым светом свечей, наполненная горькими испарениями и горшками с неизвестными порошками, снадобьями и приворотным зельем, большинство из которых покрыто вековым слоем пыли и затянуто паутиной. И посреди всего этого будет какой-нибудь человек в капюшоне, который может оказаться даже опасным. И когда Роланд увидел, что за большими стеклянными витринами непринужденно расхаживают покупатели, как в какой-нибудь самой обычной лавке, он решил, что это какое-то наваждение.

Но выяснилось, что это вовсе не наваждение.

---

* Злой колдун Флагг — один из центральных персонажей романа С Кинга «Противостояние» — *Примеч. ред.*

Роланд на мгновение застыл в дверях, и его первоначальное изумление сменилось этакой ироничной усмешкой. В этом мире, где на каждом шагу встречаются настоящие чудеса, где кареты летают по воздуху, а бумага, похоже, дешевле песка, самым поразительным было то, что здешние люди безразличны к этим невиданным чудесам. В этом мире, исполненном волшебства, ему встречались лишь скучающие лица и скучные персоны.

Тысячи флаконов. Снадобья и зелья, большинство из которых, согласно «мортоклопедии», были откровенным надувательством. Например, мазь, которая якобы помогает от облысения, или крем, обещающий удалить некрасивые пятна на руках, но это был чистой воды обман. Были здесь и лекарства для того, что вообще не нуждается в излечении: слабительное для желудка или закрепляющее, отбеливатель для зубов и черная краска для волос, какие-то средства для устранения неприятного запаха изо рта, как будто его нельзя устранить, пожевав ольховую кору. Никакой магии. Самые что ни на есть тривиальные вещи. Хотя были и астин, и еще кое-какие лекарства, которые вполне могли пригодиться. Но, в общем, место это произвело на Роланда удручающее впечатление. Там, где должна бы царить алхимия, было больше парфюмерии, чем магических зелий, — так чего удивляться, что волшебство тихо покинуло это место?

Но еще раз справившись с «мортоклопедией», Роланд выяснил, что все, им увиденное, не самое здесь главное. Настоящие полезные снадобья были надежно сокрыты от посторонних глаз. Их выдавали только тем, кто предъявлял указ колдуна. В этом мире таких колдунов называли ВРАЧАМИ, и они писали свои магические формулы на листках бумаги, определяемых «мортоклопедией» как РЕЦЕПТЫ. Стрелок не знал этого слова. Конечно, надо было бы справиться поточнее, но он не стал утруждать себя. Он знал, что ему нужно, а «мортоклопедия» подсказала, где можно это получить.

Он прошел по ряду к высокой стойке с надписью наверху:

ОТПУСК ЛЕКАРСТВ ПО РЕЦЕПТАМ.

14

Кац, открывший «Фармацию Каца и содовый источник (всякая всячина для дам и господ)» на Сорок девятой улице в 1927-м, уже давно покоился в могиле, а его единственный сын явно готовился отойти в мир иной следом за родителем. Хотя ему было всего сорок шесть лет, выглядел он на все семьдесят. Лысею-

щий, желтолицый и тощий. Он знал, что его за глаза называют «ходячей немощью» или «смертью на загривке», но никто из тех, кто так его называл, не знал, почему он такой хилый.

Вот взять хотя бы эту суку на телефоне. Миссис Ратбун. Грозится подать на него в суд, если он не пришлет ей валиум и сейчас же, СИЮ ЖЕ МИНУТУ.

Как вы это себе представляете, любезная? Я что, должен вам в трубку эти таблетки насыпать? Если бы только это было возможно, она хотя бы оказала ему любезность и заткнула бы варежку. Открыла бы пасть и подставила ее под телефонную трубку.

При этой мысли он улыбнулся, обнажая ряд желтоватых зубов.

— Вы не понимаете, миссис Ратбун, — вставил он после того, как целую минуту — а он справился по часам — спокойно выслушивал ее бред. Как бы ему хотелось сказать хотя бы разочек: *Прекрати на меня орать, идиотка! Ори на своего ВРАЧА! Это он пристрастил тебя к этой мерзости, вот сам пусть и расхлебывает!* Вот именно. Сначала пичкают пациентов, как будто это не транквилизаторы, а жвачка, а потом прекращают выписывать рецепты, и на кого тогда валится все дерьмо? На этих лекарей? О нет! На него! Каждый раз на него!

— Что вы хотите сказать, я не понимаю? — Голос в трубке напоминал ему раздраженное жужжание осы, которую накрыли банкой. — Я понимаю, что я столько лет отоваривалась у вас в аптеке, я понимаю, что я у вас постоянный клиент, я понимаю...

— Вам следует поговорить с... — Он еще раз взглянул поверх очков на ее карточку. — С доктором Брамхоллом, миссис Ратбун. Рецепт ваш уже недействителен, у него истек срок. Мы не продаем валиум без рецепта, это расценивается как федеральное преступление. — *К тому же рецепт без номера,* добавил он про себя.

— *Это простой недосмотр!* — завопила дамочка. Теперь в голосе у нее явственно зазвучали нотки паники. Эдди бы сразу узнал этот тон: крик души изголодавшегося наркомана.

— Тогда позвоните ему и попросите, чтобы он исправил дату, — сказал Кац. — Пусть он мне перезвонит. У него есть мой номер.

Да. У них у всех есть его телефон. Отсюда и все неприятности. В свои сорок шесть он выглядел как умирающий немощный старикан из-за этих гребаных докторов.

И я даже позволить себе не могу сказать вот такой наркоманке-стерве, чтобы она от меня отгреблась, иначе я потеряю и тот жалкий доход, который мне чудом еще удается извлекать из этого жалкого бизнеса.

— Я НЕ МОГУ ЕМУ ПОЗВОНИТЬ! — завопила она, и визгливый голос ее больно отдался у него в ухе. — ОН СО СВОИМ ДРУЖКОМ-ГОМИКОМ УМОТАЛ В ОТПУСК, И НИКТО МНЕ НЕ ГОВОРИТ КУДА!

Кац буквально физически ощутил, как по желудку его разливается кислота. У него было две язвы, одна уже зарубцевалась, а другая как раз сейчас кровоточила, и причиной тому были сучки типа этой миссис. Он закрыл глаза и поэтому не увидел, как его помощник вытаращился на мужчину в синем костюме и очках в золотой оправе, направляющегося к рецептурному отделу. Не видел он и того, как Ральф, старый толстый охранник (Кац платил ему просто гроши, однако горько сожалел даже об этих весьма незначительных расходах; у отца никогда не было необходимости нанимать охранника, но отец — чтоб он сгнил, Господи — жил в те времена, когда Нью-Йорк был еще городом, а не общественным туалетом), внезапно вышел из своего обычного полусонного состояния и потянулся за пистолетом у себя на поясе. Он услышал, как вскрикнула женщина-покупательница, но подумал, что она просто обрадовалась, обнаружив ревлон в свободной продаже: ему пришлось пустить весь ревлон в свободную продажу, потому что этот иуда Долленц из конкурирующей аптеки на той же улице стал отбивать у него клиентуру, снизив цены.

Он не думал ни о чем, кроме этого Долленца и истерички на телефоне, представляя себе, как было бы славно раздеть этих двоих догола, обмазать как следует медом и посадить задницей на муравейник под жгучим солнцем пустыни. Один муравейник для НЕГО, другой — для НЕЕ. Замечательно! Лучше и не придумаешь. Его покойный папаша был так озабочен тем, чтобы сын пошел по его стопам, что отказался оплатить ему обучение любой специальности, кроме фармакологии, вот ему и пришлось пойти по стопам отца, чтоб он сгнил, Господи, и это был самый неудачный шаг в его и без того неудачной жизни, из-за которой он и состарился прежде времени.

Ниже уже падать некуда.

По крайней мере он так думал, закрыв глаза.

И поэтому не заметил, как стрелок подошел к нему.

— Если вы можете к нам зайти, миссис Ратбун, я вам отпущу дюжину пятимиллиграммовых таблеток валиума. Вас столько устроит?

— Слава Богу, он вразумился! — С тем она и повесила трубку. Вот так вот. Ни слова благодарности. А когда она снова увидит эту ходячую задницу, что называет себя врачом, она будет готова перед ним распластаться и носом полировать его туфли от Гуччи, она член ему отсосет, она...

— Мистер Кац, — позвал помощник каким-то странным, будто бы задыхающимся голосом. — По-моему, у нас пробле...

За сим последовал новый крик и грохот выстрела, до смерти перепугавший Каца. Он даже подумал, что сердце его,

в последний раз бешено екнув в груди, сейчас остановится уже навсегда.

Он открыл глаза и уставился прямо в глаза стрелка. Потом опустил взгляд и увидел у него в руке пистолет. Посмотрел налево: Ральф, охранник, держался одной рукой за кисть другой и смотрел на грабителя, вытаращив глаза так, что казалось, будто они сейчас вывалятся из глазниц. Собственный его пистолет тридцать восьмого калибра, который Ральф, офицер полиции, по долгу службы носил уже восемнадцать лет (стрелял он только в подвальном тире 23-го полицейского участка и еще утверждал, что ему якобы дважды пришлось пустить его в ход), лежал в углу искореженной грудой металла.

— Мне нужен кефлекс, — спокойно сказал налетчик с глазами снайпера. — Много кефлекса. Прямо сейчас. И никаких РЕЦЕПТОВ.

Мгновение Кац лишь смотрел на него, разинув рот. Сердце его бешено колотилось в груди, желудок превратился в котел с бурлящей кислотой.

Он думал, что хуже уже не бывает?

Он что, и *вправду* так думал?

15

— Вы не понимаете, — выдавил наконец Кац. Голос его показался каким-то странным даже ему самому, и ничего удивительного: рот у него как будто обложили куском фланели, а язык превратился в ватную прокладку. — У нас тут нет кокаина. Он вообще в аптеках не продае...

— Я не сказал: кокаин, — оборвал его человек в синем костюме и очках в золотой оправе. — Я сказал: кефлекс.

Мне показалось, что вы так сказали, едва не ответил Кац этому ненормальному выродку, но потом подумал, что тем самым может его спровоцировать. Он слышал об ограблениях аптек, когда налетчики требовали амфетамин и еще с полдюжины препаратов (включая и драгоценный валиум миссис Ратбун), но это, возможно, первое в истории ограбление, когда бандиту нужен обычный пенициллин.

Отцовский голос у него в голове (чтоб ты сгнил, старый ублюдок) посоветовал прекращать мандражировать и *делать* хоть что-нибудь.

Но он никак не мог сообразить, что делать.

Человек с пистолетом ему подсказал.

— Шевелись, — сказал он. — У меня мало времени.

— С-сколько вам нужно? — заикаясь, спросил Кац. Взгляд его скользнул поверх плеча грабителя, и старый аптекарь увидел такое... что он глазам своим не поверил. Только не в этом городе. Но, похоже, все это происходило на самом деле. Повезло? Ему, Кацу, действительно повезло? *Такое* можно смело вносить в Книгу рекордов Гиннесса!

— Не знаю, — сказал человек с пистолетом. — Сколько влезет в сумку. В *большую* сумку. — Тут он безо всякого предупреждения развернулся и выпалил из пистолета. Кто-то завопил. Стекло витрины вылетело на тротуар, рассыпавшись снопом осколков. Нескольких случайных пешеходов задело осколками, но никто серьезно не пострадал. В аптеке Каца женщины-покупательницы (и кое-кто из мужчин) разразились криками. Хрипло завыла сигнализация. Покупатели в панике бросились к выходу. Человек с пистолетом повернулся обратно к Кацу. Лицо его нисколько не изменилось, на нем застыло все то же выражение пугающего (но не безграничного) терпения.

— Делай, как тебе сказано. Быстро. У меня мало времени.

Кац тяжело сглотнул.

— Да, сэр, — выдавил он.

16

Еще на полпути к прилавку, за которым они тут держали сильные снадобья, Роланд заметил изогнутое зеркало в верхнем левом углу торгового зала и подивился: в его мире даже самый искусный ремесленник не сумел бы сейчас сделать такое, хотя было время, когда и в его мире выделывали такие штуки и много чего другого, увиденного им в мире Эдди и Одетты. Он натыкался на остатки этих вещей в тоннеле под горами и в других местах тоже... реликвии, столь же древние и загадочные, как и камни друидов, иногда стоящие в местах, где поселились демоны.

Он догадался, для чего это зеркало предназначено.

Он едва успел заметить движение стражника: Роланд до сих пор еще не привык к этим линзам, очкам, которые носил Морт и которые искажали боковое зрение, — но все-таки не опоздал обернуться и выстрелом выбить из рук охранника револьвер. Для Роланда это было в порядке вещей, хотя следовало бы «не спать». Охранник, однако, просто опешил. Ральф Леннокс до конца своих дней будет божиться, что парень сделал невозможное... таких выстрелов в жизни вообще не бывает, разве только в детских вестернах типа «Энни Оукли».

Благодаря зеркалу, которое, очевидно, повесили здесь, чтобы засекать воров, в следующий раз Роланд выстрелил быстрее.

Он увидел, как взгляд алхимика на мгновение метнулся куда-то ему за спину, и, подняв глаза к зеркалу, углядел, как сзади к нему подбирается какой-то мужик в кожаной куртке с длинным ножом в руке и, как очевидно, с мечтой прославиться — в голове.

Стрелок обернулся и выстрелил, приставив револьвер к бедру, чтобы не промахнуться в первый раз из незнакомого оружия и случайно не ранить кого-нибудь из покупателей, что окаменели от страха за спиной у этого кожаного, возомнившегося себя героем. Лучше всего, конечно, было бы выстрелить не один раз, а два, с упора в бедро, чтобы пули пошли по восходящей траектории и не задели случайно какую-нибудь дамочку, чье единственное преступление заключается в том, что она выбрала неудачный день для покупки духов.

Револьвер оказался вполне приличным. Видно было, что за ним ухаживали. Прицел не сбит. Судя по тучному, рыхлому виду тех стрелков, у которых он отобрал револьверы, можно было заключить, что они больше заботились о том оружии, которое носили при себе, нежели о том, которым являлись сами. Такое отношение казалось Роланду по меньшей мере странным, но ведь и весь этот мир был странным, и Роланд не мог судить о нем со своей колокольни. Точнее, у него просто не было времени на рассуждения.

Выстрел вышел удачный: лезвие ножа перебило у самого черенка, и в руках у геройствующего мужика осталась одна рукоятка.

Роланд спокойно посмотрел на него, и что-то во взгляде его, как видно, заставило неудавшегося героя вспомнить об очень важном и срочном свидании, на которое он уже опаздывал, потому что он развернулся и, бросив на пол бесполезную рукоятку, присоединился к массовому исходу.

Роланд опять повернулся к алхимику и отдал ему распоряжения. Если он будет копаться по-прежнему, тогда точно прольется кровь. Когда алхимик хотел было пойти исполнять приказание налетчика, Роланд ткнул в его выпирающую лопатку стволом пистолета. Мужик в ужасе завопил и сразу же обернулся.

— Не ты. Ты оставайся тут. Пусть твой подмастерье сходит.

— К-кто?

— Он. — Роланд нетерпеливым жестом указал на помощника Каца.

— Что я должен делать, мистер Кац? — пролепетал помощник. Остатки юношеских прыщей выступили еще отчетливее на его разом побледневшем лице.

— Делай, что он говорит, ты, недоумок! Отпусти ему!

Помощник достал какую-то бутылочку с одной из полок за прилавком.

— Поверни, чтобы я мог прочесть, что там написано, — приказал стрелок.

Помощник сделал, как велено. Роланд не смог прочитать: слишком много незнакомых букв. Он справился в «мортоклопедии». Та подтвердила, что это кефлекс, и Роланд понял, что мог бы и не тратить время на эту дурацкую перепроверку. Только он знал о том, что не может прочесть все надписи в этом мире, но эти-то люди об этом не догадывались.

— Сколько таблеток в бутылочке?

— Ну, это, собственно, капсулы, — нервно ответил помощник. — Если вас интересует в таблетках...

— Не важно. Сколько здесь доз?

— О... А... — Помощник так волновался, что едва не выронил флакон. — Двести.

Роланд вдруг почувствовал себя точно так же, как и в оружейной лавке, когда ему сказали, сколько патронов он может купить почти за бесценок. В потайном отделении аптечки Энрико Балазара было девять маленьких пузыречков кефлекса, всего на тридцать шесть приемов, и даже после этого он почти выздоровел. Уж если ему не удастся полностью уничтожить инфекцию *за двести приемов*, значит, ее вообще нельзя уничтожить.

— Давай сюда, — сказал человек в синем костюме.

Помощник передал ему лекарство.

Стрелок подтянул рукав пиджака и снял часы Джека Морта — «Ролекс».

— У меня нет денег, но этого, я надеюсь, хватит на покрытие всей суммы.

Он повернулся, кивнул охраннику, который так и сидел на полу рядом со своим опрокинутым табуретом и смотрел на стрелка вытаращенными глазами, а потом вышел на улицу.

Вот так: просто вышел.

Секунд на пять в аптеке воцарилась гробовая тишина, если не считать воя сирены, достаточно громкого, чтобы заглушить даже гул людских голосов на улице.

— Господи всемогущий, мистер Кац, что же нам теперь делать? — прошептал помощник.

Кац взял с прилавка часы и прикинул их вес на руке.

Золото. Чистое золото.

Он не мог в это поверить.

Но *приходилось* верить.

Какой-то чокнутый зашел с улицы, выстрелом вышиб пистолет из руки охранника и нож из руки посетителя, и все

для того, чтобы добыть и не наркотик даже, а самое что ни на есть обыкновенное лекарство.

Кефлекс.

Упаковка кефлекса за какие-то долларов шестьдесят.

За которую он отдал «Ролекс» за 6500 баксов.

— Что делать? — переспросил Кац. — Что делать? Спрятать часы под прилавок. Вот что! Ты их никогда не видел. — Он посмотрел на Ральфа. — И ты тоже.

— Не видел, сэр, — немедленно согласился Ральф. — Как только я получу свою долю с их продажи, я в жизни этих часов не видел.

— Его там, на улице, как собаку пристрелят, — с явным удовлетворением заметил Кац.

— Кефлекс! А парень-то вроде ни разу даже и не чихнул, — с удивлением заметил помощник.

Глава 4
ИЗВЛЕЧЕНИЕ

1

Когда в мире Роланда нижний край солнца коснулся Западного моря и золотая огненная полоска пролегла по воде до самого берега, где, точно связанная индейка, валялся Эдди, в мире, откуда Роланд забрал Эдди, офицеры О'Мэра и Делеван потихоньку приходили в себя.

— Откройте мне эти наручники, а? — робко пролепетал толстяк Джонни.

— Где он? — прохрипел О'Мэра и потянулся к кобуре. Ни тебе кобуры, ни портупеи, ни запасных патронов, ни пистолета. Пистолет.

Вот дерьмо.

Он подумал о том, как будет иметь разговор с этими задницами из Управления внутренних дел, которые знают о жизни на улицах лишь из программы «Бредень» Джека Уэбба, и денежный эквивалент утерянного оружия вдруг представился ему не более важным, чем численность населения Ирландии или место-

рождения полезных ископаемых в Перу. Он поглядел на Карла и увидел, что и у Карла тоже пистолет увели.

Господи Иисусе, помилуй нас, дураков, взмолился О'Мэра, а когда толстяк Джонни снова робко поинтересовался, не будет ли он так любезен взять с прилавка ключ и открыть наручники, О'Мэра начал было:

— Да я тебе сейчас...

Но тут же умолк. Он собирался сказать: *Я тебе сейчас не наручники сниму, а башку отстрелю,* вот только стрелять-то ему было нечем, так? Все пистолеты торгового зала на месте, а этот ублюдок в очках в золотой оправе, с виду нормальный, солидный даже гражданин, отобрал у них с Карлом их табельное оружие с той же легкостью, с какой сам О'Мэра отобрал бы пугач у ребенка.

Поэтому он придержал язык, взял с прилавка ключ и открыл наручники. Тут он заметил «магнум», который Роланд отшвырнул в угол. В кобуру он бы не влез все равно, так что О'Мэра просто заткнул пистолет за пояс.

— Эй, это мое! — слабым голосом воспротивился толстяк Джонни.

— Да? Хочешь обратно его получить? — медленно выговорил О'Мэра. По-другому у него просто не получалось. Голова раскалывалась. Сейчас ему больше всего хотелось найти этого мистера Очки-в-золотой-оправе и прибить его гвоздями к ближайшей стенке. Тупыми гвоздями. — Я слышал, у них там в Аттике сейчас как раз в моде такие пухленькие, как ты. Знаешь, как они там говорят, в тюряге? «Больше жопа, легче вставить». Так ты уверен, что хочешь получить его обратно?

Толстяк Джонни отвернулся, не сказав ни слова. Однако О'Мэра все же успел заметить слезы у него на глазах и мокрое пятно на штанах. Но никакой жалости он не испытывал.

— Где он? — спросил Карл Делеван, закипая от ярости.

— Ушел, — как-то вяло ответил ему толстяк Джонни. — Больше я ничего не знаю. Он ушел. Я думал, он меня укокошит.

Делеван стал медленно подниматься на ноги. Проведя рукой по щеке, он почувствовал под пальцами липкую влагу. Посмотрел на руку. Кровь. Твою мать. Он попытался схватиться за кобуру, пока наконец до него не дошло, что никакой кобуры нет. У О'Мэры голова просто болела, хотя и сильно; у Делевана было стойкое ощущение, что у него в голове проходят испытания ядерного оружия средней дальности.

— Этот тип забрал у меня пистолет, — сообщил он О'Мэре. Говорил он невнятно, так что его напарник с трудом разобрал слова.

— Добро пожаловать в наш клуб.

— Он еще здесь? — Делеван шагнул к О'Мэре, его повело влево, как это бывает на палубе корабля во время сильной качки, но он сумел выпрямиться.

— Нет.

— И давно?

Делеван поглядел на толстяка Джонни, но тот не ответил, наверное, потому, что стоял спиной к полицейским и думал, что Делеван обращается к своему напарнику. Делеван, который и при более благоприятных обстоятельствах не отличался ровным характером и сдержанностью, с ревом набросился на продавца, хотя из-за резкого этого движения его голову сдавило так, что, казалось, сейчас она расколется на куски.

— Я задал тебе вопрос, жирный кусок дерьма! Давно ушел этот мудак?

— Минут пять, может быть, — пролепетал толстяк Джонни. — Патроны свои прихватил и ваши пистолеты. — Он на мгновение умолк и добавил: — Заплатил за патроны. Мне даже не верится.

Пять минут, рассуждал про себя Делеван. Этот тип приехал сюда на такси. Они сидели у себя в патрульной машине, попивали кофе и видели, как он выходил из такси. Скоро как раз час пик. В это время дня очень трудно поймать такси. Может быть...

— Пойдем, — сказал он О'Мэре. — У нас есть еще шанс его взять. Но нам нужна пушка этого тюфяка...

О'Мэра показал ему «магнум». Сначала Делевану привиделось, что в руке у него два пистолета, но потом изображение сфокусировалось.

— Хорошо. — Делеван постепенно приходил в себя, как боксер на ринге, получивший неслабый удар в нижнюю челюсть. — Оставь его у себя. А я возьму дробовик из машины. — Он направился к двери, но его опять повело, да так, что ему пришлось опереться рукой о стену, чтобы устоять на ногах.

— С тобой все будет в порядке? — спросил О'Мэра.

— Если мы его возьмем.

Они вышли. Толстяк Джонни очень обрадовался их уходу, не так, конечно, как он обрадовался, когда ушел тот тронутый в синем костюме, но почти так же. Почти.

2

Делевану и О'Мэре не пришлось даже решать, в каком направлении смылся грабитель после того, как покинул оружейный магазин. Достаточно было послушать радиодиспетчера.

— Код 19, — повторяла она снова и снова. — *Происходит вооруженное ограбление. Выстрелы.* Код 19. Код 19. Местоположение: 395 Запад, Сорок девятая, аптека Каца, преступник — высокий блондин в синем костюме...

Выстрелы, подумал Делеван, и голова у него разболелась еще пуще. *Интересно, он из моего пистолета стреляет или из Джорджова? Или из обоих? Если этот мешок с дерьмом кого-нибудь убил, нам крышка. Если только мы его не возьмем.*

— Быстро туда, — коротко бросил он О'Мэре, которому не требовалось повторять дважды. Он врубался в ситуацию не хуже Делевана. Они включили мигалку и сирену и с воем сорвались с места, встраиваясь в поток уличного движения. Уже начинался час пик, и улицы были запружены, но О'Мэра повел машину так, что два колеса шли по сточному желобу вдоль проезжей части, а два — прямо по тротуару. Прохожие шарахались, как испуганные перепелки. Сворачивая на Сорок девятую, он снес задний щиток какого-то продуктового фургончика. Впереди он уже различал блеск битого стекла на тротуаре. Уже был слышен рев сигнализации. Пешеходы прятались по подъездам и за кучами мусора, но жильцы с верхних этажей буквально вываливались из окон, с интересом наблюдая за происходящим, как будто там им показывали телешоу или какой-нибудь боевик, причем бесплатно.

В квартале машин не было вообще, даже такси и автобусов.

— Надеюсь, что он еще там, — сказал Делеван, доставая ключ, чтобы отпереть стальную решетку под приборной доской, где у них хранился автомат. — Я очень надеюсь, что этот гребаный сукин сын еще там.

Но ни один из них не усвоил одной простой истины: если имеешь дело со стрелком, то лучше всего просто оставить его в покое.

3

Роланд вышел из аптеки Каца, опуская бутылочку с кефлексом в карман пиджака Джека Морта, где уже лежали коробки с патронами. В правой руке он держал табельный пистолет Карла Делевана. Как чертовски приятно снова держать револьвер всей — целой — правой!

Он услышал сирену и увидел машину, с ревом несущуюся по улице. *Это они,* сказал он себе и поднял было револьвер, но тут вспомнил: они же стрелки. Стрелки, исполняющие свой долг. Он развернулся и зашел обратно в аптеку.

— *Стой, мудила!* — заорал Делеван. Роланд поднял глаза к изогнутому зеркалу как раз в то мгновение, когда один из стрелков — тот, у кого текла кровь из уха, — высунулся из окна, держа в руках что-то вроде винтовки. Когда его напарник со скрежетом остановил экипаж, так что резиновые колеса аж задымились, тот передернул затвор.

Роланд залег на полу.

4

Кац и без всякого зеркала знал, что сейчас будет. Сначала чокнутый посетитель, теперь чокнутые полицейские. *Мама родная! Вай-вай!*

— *Ложись!* — крикнул он помощнику и Ральфу, охраннику, и тут же сам упал на колени за прилавком, не пытаясь даже удостовериться, как там его подчиненные: сделали, как он сказал, или нет.

А потом, на какую-то долю секунды раньше, чем Делеван, принялся палить из автомата, помощник Каца упал на него, точно полузащитник, пытающийся задержать противника на футбольном поле, так что аптекарь ударился головой об пол и сломал челюсть аж в двух местах.

Сквозь внезапную боль, пронзившую голову, он услышал грохот автоматной очереди, услышал, как со звоном крошатся уцелевшие стекла витрин, равно как и флаконы с лосьоном после бритья, одеколоны, духи, зубные эликсиры, сиропы от кашля и бог знает что еще. Тысячи несочетаемых запахов смешались в чертовскую вонь, и прежде чем вырубиться, Кац еще раз попросил Господа Бога, чтобы тот сгноил его уважаемого папашу, который навесил ему на шею эту проклятую аптеку.

5

Роланд увидел, как бутылочки и коробки разлетаются под ураганным огнем. Стеклянный ящик с хронометрами разнесло на куски, как и большинство песочных часов. Осколки летели сверкающим облаком.

Они не проверили даже, остались ли здесь посетители, ни в чем не повинные люди, подумал он. *Они не проверили, но все равно стреляют!*

Непростительно. Роланд с трудом сдержал закипающий гнев. Они же стрелки. Уж лучше считать, что они повредились мозгами после того, как он столкнул их лбами в оружейной лавке, потому что поверить в то, что они делают это сознательно, не заботясь о честных гражданах, которых они могут ранить или даже убить, было просто немыслимо.

Они ждали, что он либо побежит, либо станет стрелять в ответ.

Вместо этого он пополз вперед, припадая к полу как можно ниже. Он ободрал обе руки и колени осколками битого стекла. Боль привела Джека Морта в сознание. Роланд очень обрадовался данному обстоятельству. Морт ему пригодится. А до колен и рук Морта ему не было никакого дела. Сам он переносил боль легко,

а тело, которое он изранил, принадлежало чудовищу, которое и не заслуживало ничего лучшего.

Он дополз до подоконника разбитой витрины справа от двери. Там он весь подобрался, готовый в любую секунду сорваться с места, вложил в кобуру пистолет, который держал в правой руке.

Теперь он ему не понадобится.

6

— Что ты делаешь, Карл?! — завопил О'Мэра. Перед мысленным взором его вдруг возник заголовок в «Дейли ньюс»:

ВЕСТ-САЙД. ПЕРЕСТРЕЛКА В АПТЕКЕ.
ЛЕГАВЫЙ УЛОЖИЛ ЧЕТВЕРЫХ МИРНЫХ ГРАЖДАН.

Не обращая внимания на крики напарника, Делеван передернул затвор.

— Сейчас я этому говнюку покажу.

7

Все шло именно так, как и предполагал стрелок.

Взбешенные тем, что какой-то мужик, с виду не более опасный, чем все эти бараны в этом бесконечно огромном городе, оставил их в дураках, не прилагая к тому никаких усилий, отобрал у них револьверы, полицейские ворвались в аптеку, еще не совсем оправившись после ударов по голове, причем впереди бежал тот идиот, который палил из винтовки. Бежали они слегка пригнувшись, как солдаты, атакующие противника, но это была их единственная уступка тому почти анекдотичному предположению, что преступник все еще сидит внутри. По их мнению, он давно уже выбрался через заднюю дверь и теперь несется по какому-нибудь переулку.

Вот так они и ворвались, давя подметками битое стекло, а когда тот стрелок с винтовкой распахнул дверь с высаженным стеклом и шагнул через порог, Роланд встал во весь рост, сплетя обе руки над головой в один кулак, и обрушил его на затылок офицера полиции Карла Делевана.

Уже потом, давая показания на комиссии по расследованию, Делеван утверждал, что он вообще ничего не помнит после того, как, опустившись на колени, заглянул под прилавок в магазинчике Клементса и увидел там бумажник преступника. Члены комис-

сии рассудили, что подобная амнезия в данных обстоятельствах чертовски удобна, но Делеван все равно отделался легким испугом и удержанием двухмесячной зарплаты. А вот Роланд ему бы поверил и при других обстоятельствах (например, если бы этот кретин не стал обстреливать из винтовки аптеку, где находились невинные люди), наверное, даже и посочувствовал. Когда в течение получаса тебя дважды дубасят по черепушке, было бы странно, если бы мозги твои остались в полном порядке.

Когда Делеван повалился на пол, вдруг весь обмякнув, точно мешок с овсом, Роланд выхватил автомат из его вялых рук.

— *Стой!* — выкрикнул О'Мэра, и в его голосе смешались ярость и испуг. Он уже поднял было «магнум» толстяка Джонни, но все опять пошло так, как и предвидел Роланд: стрелки в этом мире были прямо-таки до огорчения медлительны. За то время, пока О'Мэра поднимал свой револьвер, Роланд успел бы три раза его пристрелить, но в том не было необходимости. Он просто с силой швырнул винтовку по восходящей дуге. Раздался глухой шлепок, когда приклад вписался в левую щеку О'Мэры — звук, получающийся при ударе битой по бейсбольному мячу. Лицо О'Мэры вниз от щеки тут же сместилось дюйма на два вправо. Чтобы потом его выправить, потребовались три хирургические операции и четыре стальные спицы. На мгновение О'Мэра застыл на месте, как будто не веря, что с ним это случилось, а потом глаза его закатились, ноги подкосились, и он рухнул на пол.

Роланд встал в дверях, не обращая внимания на приближающийся рев сирен. Он открыл патронник винтовки и вытряхнул из нее все патроны прямо на обмякшее тело Делевана. Винтовку он бросил сверху.

— Ты дурак, и дурак опасный, тебя бы следовало изгнать на Запад, — сказал он лежащему без сознания человеку. — Ты забыл лицо своего отца.

Перешагнув через него, Роланд вышел на улицу, подошел к экипажу стрелков, двигатель которого все еще работал на холостых оборотах, и, обойдя его, сел за руль.

8

Умеешь водить этот экипаж? — спросил он у воющего и бубнящего создания по имени Джек Морт.

Но не получил вразумительного ответа. Морт продолжал вопить. Стрелок понял, что это истерика, но не совсем настоящая. Джек Морт умышленно закатил истерику, чтобы

уклониться от разговора с этим жутким и странным голосом у него в мозгу.

Послушай, попытался вразумить его стрелок. *Времени у меня нет. Повторять я два раза не буду. Так что слушай внимательно. Если ты не ответишь на мой вопрос, я твой же палец воткну тебе в глаз и буду нажимать до тех пор, пока его не выдавлю, а потом разотру твой глаз о сиденье этого экипажа, как какого-нибудь жука. Сам я прекрасно обойдусь одним глазом. Да и в конце концов это же не мои глаза.*

Он не лгал. Он не мог лгать Морту, точно так же, как и Морт не мог лгать ему: взаимоотношения их были вынужденные и более чем прохладные, но в то же время связь их была теснее и ближе, чем связь страстных любовников, сплетенных телами в акте любви. В конечном итоге их связь была не совокуплением тел, а предельным слиянием сознаний.

Он собирался сделать именно то, что сказал.

И Морт это знал.

Истерика прекратилась моментально. *Я умею ее водить,* — сказал Морт. Это был первый осмысленный ответ, которого Роланд добился от Морта с тех пор, как вошел к нему в сознание.

Тогда веди.

Куда тебе нужно?

Знаешь такое место, Виллидж?

Да.

Вот туда.

А куда там в Виллидже?

Пока просто езжай туда.

Мы поедем быстрее, если включить сирену.

Хорошо. Включай. И эти мигающие огоньки тоже.

Впервые с тех пор как он захватил контроль над Мортом, Роланд чуть-чуть отступил и позволил ему действовать самостоятельно. Когда Морт склонил голову, чтобы рассмотреть приборный щиток сине-белого экипажа, Роланд лишь наблюдал за его движениями, пока не вмешиваясь. Но если бы он сейчас был физическим существом, а не бесплотным *ка*, он бы сидел настороже, готовый в любое мгновение рвануться вперед и перехватить инициативу при малейших признаках неповиновения.

Однако ничего даже близко похожего на непослушание не наблюдалось. Одному Богу известно, сколько невинных людей убил и искалечил этот человек, но он явно не собирался терять свой драгоценный глаз. Он повернул выключатель, потянул за рычаг, и вдруг они сдвинулись с места. Взвыла сирена, запульсировали красные огоньки.

Езжай быстрее, — угрюмо велел стрелок.

17 Зак. 722

9

Был час пик, и, несмотря на мигалку, включенную сирену и постоянные сигналы клаксона, дорога до Гринвич-Виллидж заняла аж двадцать минут. А в мире стрелка надежды Эдди на спасение таяли, точно земляные плотины под проливным дождем. Скоро они иссякнут и вовсе.

Солнце уже наполовину опустилось в море.

Ну вот, — сказал Джек Морт, — *приехали.* Он говорил правду (все равно он бы не смог солгать Роланду), хотя, на взгляд Роланда, это место ничем не отличалось от других частей города: все то же скопление зданий, людей и карет. Кареты не только запруживали все улицы, но и отравляли самый воздух своим нескончаемым шумом и зловонными испарениями. Ядовитые газы выделялись, как он рассудил, из-за топлива, в этих каретах сжигаемого. Удивительно еще, как люди могут тут жить, а женщины — рожать нормальных детей, а не уродов вроде тех недоумков-мутантов под горным кряжем.

И куда теперь? — спросил Морт.

Здесь начиналось самое трудное. Стрелок приготовился... собрался, как мог.

Выключи сирену и огни. Остановись у обочины.

Морт подкатил патрульную машину к пожарному гидранту.

В этом городе есть такие подземные железные дороги, — сказал стрелок. — *Подвези меня к станции, где поезда останавливаются, чтобы пассажиры садились и выходили.*

К какой станции? — спросил Морт. В этой его мысленной фразе явственно прозвучала нотка паники. Морт ничего не мог скрыть от Роланда, как и Роланд от Морта, по крайней мере на долгое время.

Несколько лет назад — точно не знаю сколько — на одной из этих подземных станций ты столкнул молодую женщину под поезд. Отвези меня туда.

Слова эти вызвали короткую, но отчаянную борьбу. Стрелок взял верх, но победа эта ему далась на удивление трудно. В определенном смысле у Джека Морта тоже было два лица, как и у Одетты. Хотя он не был шизофреником. Он всегда знал, что он делает, но он тщательно оберегал свое тайное «я» — ту часть своей личности, которая являлась Толкачом, — и скрывал ее ото всех, как какой-нибудь растратчик скрывает свой незаконный доход.

Вези меня туда, ублюдок, — повторил стрелок и медленно поднес палец Джека Морта к его правому глазу. Когда палец был уже в полудюйме от глаза и продолжал неумолимо приближаться, Морт наконец сдался.

Правая его рука вновь опустилась на руль, и они поехали на Кристофер-стрит, где примерно три года назад легендарный поезд А отрезал ноги молодой женщине по имени Одетта Холмс.

10

— Ты глянь, — сказал пеший патрульный Энди Стонтон своему напарнику, Норрису Уиверу, когда сине-белая машина О'Мэры и Делевана остановилась в полуквартале от них. Свободных мест для парковки не было, но водитель не стал утруждать себя долгими поисками. Он просто остановился во втором ряду, оставив свободным только один ряд. Сразу же образовалась пробка. Машины просачивались в это узенькое пространство медленно, точно кровь по сосуду, безнадежно забитому холестерином.

Уивер проверил номер на боку рядом с правой передней фарой. 744. Да, тот самый номер, о котором пришло сообщение из диспетчерской. Да.

Мигалка горела, и все вроде бы выглядело как надо — до тех пор, пока дверца не распахнулась и не вышел водитель. Да, он был в синем костюме, но только без золотых пуговиц и серебряного знака. Ботинки его тоже не походили на форменные полицейские ботинки, если только Стонтон и Уивер не пропустили распоряжение по городским полицейским участкам о переходе всех офицеров действительной службы на новую форму обуви — туфли от Гуччи. Но это вряд ли. Скорее всего этот мужик — тот самый тип, который чуть не прибил двух полицейских в Вест-Сайде. Он вышел, не обращая внимания на гудки и возмущенные крики водителей, которым он перегородил дорогу.

— Черт возьми, — выдохнул Энди Стонтон.

«При поимке преступника соблюдать особую осторожность, — предупреждала диспетчер. — Преступник вооружен и очень опасен». Эти диспетчерши всегда говорят так, как будто они все время прямотаки изнывают от скуки — а так, наверное, оно и есть, — вот почему едва ли не благоговейно произнесенное этой диспетчершей слово «очень» несказанно его поразило.

Стонтон вытащил свой пистолет — в первый раз за все четыре года службы в полиции — и покосился на Уивера. Тот тоже достал оружие. Они стояли на улице, возле магазинчика деликатесов, футах в тридцати от входа в подземку. Они уже давно знали друг друга и успели, как говорится, «притереться», как могут лишь полицейские или профессиональные военные. Поняв все без слов, оба отступили к дверям магазина, держа оружие наготове.

— В подземку? — спросил Уивер.

— Ага. — Энди быстро глянул на вход на станцию. Час пик был в самом разгаре, и на лестнице было полно народу. Люди спешили к поездам. — Надо брать его прямо сейчас, пока он не смешался с толпой.

— Ну так давай.

Они вышли из дверей пусть маленькой, но идеально сплоченной командой — этих стрелков Роланд сразу же расценил бы как противников, более достойных и сильных, чем первые двое. Во-первых, эти были моложе, а во-вторых, хотя Роланд этого и не знал, какая-то незнакомая ему диспетчерша обозвала его «особо опасным», что в глазах Энди Стонтона и Норриса Уивера приравнивало его к взбесившемуся тигру-людоеду. *Если он не остановится по первому моему приказу, я еще раз повторю, а потом буду стрелять на поражение,* подумал Энди.

— Стой! — закричал он, пригнувшись и выставив перед собой пистолет, держа его обеими руками. Рядом с ним Уивер проделал то же самое. — Полиция! Руки за голо...

Но не успел он договорить, как тип в синем костюме уже добрался до лестницы подземки. Скорость он развил просто-напросто сверхъестественную. Но и Энди Стонтон тоже ворон не считал и набрал максимальные обороты. Он развернулся на каблуках и отбросил в сторону все эмоции, как бы облачившись в покров отрешенного хладнокровия, — Роланду состояние это было знакомо. Он и сам столько раз переживал нечто подобное в сходных ситуациях.

Энди прицелился и нажал на спусковой крючок своего 38-го. Мужчина в синем костюме на бегу развернулся, стараясь удержаться на ногах, а затем упал на мостовую. Прохожие, которых еще мгновение назад заботило только одно: как бы пережить очередную поездку домой в подземке, — с криками бросились врассыпную, как перепуганные куропатки, обнаружив, что сегодня им предстоит пережить еще одно жуткое испытание сверх ежедневной программы.

— Срань господня, дружище, — выдохнул Норрис Уивер, — ты его завалил.

— Я знаю. — Голос Энди не дрогнул. Стрелок бы это оценил. — Пойдем глянем, кто это был.

II

Я умер! — вопил Джек Морт. — *Я умер, из-за тебя меня убили, я умер, я...*

Нет, — отозвался стрелок. Он полуприкрыл глаза, оставив только маленькую щелочку, чтобы видеть, как по-

лицейские приближаются к нему с пистолетами наготове. Эти помоложе и попроворнее, чем те, что сидели в машине у оружейного магазинчика. Попроворнее. И по крайней мере один из них чертовски метко стрелял. Морт — а вместе с ним и Роланд — на самом деле должны были умереть на месте, или сейчас умирать, или валяться с серьезной раной. Энди Стонтон стрелял на поражение. Пуля прошила левый лацкан Мортова пиджака, продырявила карман рубашки фирмы «Эрроу» — но дальше она не прошла. Жизнь обоих, Джека Морта снаружи и Роланда внутри, спасла зажигалка Морта.

Сам Морт не курил, но его босс — на место которого самоуверенно метил Морт, причем получить он его рассчитывал уже в будущем году — дымил вовсю. Соответственно Морт выложил двести баксов и купил в фирменном магазине серебряную зажигалку «Данхилл». Не то чтобы он подносил огонек каждый раз, когда мистер Фрамингэм совал в рот сигарету — это могли расценить как подхалимство, а ему вовсе не улыбалось прослыть жополизом, — но иногда, время от времени... и обычно когда рядом стоял кто-нибудь из вышестоящих начальников, кто мог бы по достоинству оценить:

а) ненавязчивую вежливость Джека Морта и

б) хороший вкус Джека Морта.

Умные люди очень предусмотрительны.

На этот раз предусмотрительность Джека Морта спасла жизнь ему и Роланду. Пуля Стонтона вошла в серебряную зажигалку, а не в сердце Морта (спасла их и страсть Морта к хорошим вещам — хорошим вещам от известных фирм — была б зажигалка дешевенькой, им бы точно пришел конец).

Разумеется, без легкой раны не обошлось. Когда в тебя стреляют из крупнокалиберного пистолета, так просто ты не отделаешься. Зажигалку загнало в грудную клетку, так что образовалась вмятина. Ее сплющило и разнесло на куски, от которых на коже Морта остались царапины, а одна серебряная щепка перерезала левый сосок почти пополам. Карман пиджака, куда вытек бензин, воспламенился. Но стрелок тем не менее продолжал лежать неподвижно, дожидаясь, когда полицейские приблизятся. Тот, который стрелял в него, кричал на ходу прохожим, чтобы те не подходили и не мешались тут, черт возьми.

Я горю! — мысленно завопил Морт. *Я горю, потуши огонь! Потуши его, ПОТУШШШШШШШИ...*

Роланд лежал неподвижно, прислушиваясь к тому, как поскрипывают по асфальту ботинки стрелков, не обращая внимания на вопли Морта, пытаясь не обращать внимания ни на внезапное жжение в груди, ни на запах горелого мяса.

Ему под грудь просунулась нога, а когда его грубо поддели, Роланд позволил себе безвольно перевернуться на спину. Глаза Джека Морта были открыты. Мышцы лица обмякли. Несмотря на разбитую зажигалку и воспламенившийся пиджак, ничто на этом вялом лице не выдавало того, что внутри этого тела вопит живой человек.

— Боже, — пробормотал кто-то в толпе, — ты что, приятель, трассирующей в него пальнул?

Дымок поднимался из отверстия в левом лацкане пиджака Джека Морта тоненькой аккуратной струйкой и просачивался из-под отворота размытым облачком. Полицейские чувствовали запах горелого мяса: подкладка пиджака Морта, пропитавшаяся бензином из зажигалки, разгорелась уже вовсю.

Энди Стонтон, который до этой минуты действовал безупречно, теперь совершил единственную ошибку, причем такую, что Корт, несмотря на прежние его успехи, отослал бы его домой, оттаскав предварительно за уши и сказав на прощание, что иной раз одна-единственная промашка может стоить человеку жизни. Стонтон сумел подстрелить парня — а ни один полицейский не знает, сможет он выстрелить в человека или нет, пока не окажется в ситуации, когда выяснять волей-неволей приходится, — но от одной только мысли, что пуля его почему-то подожгла этого бедолагу, он преисполнился невообразимым ужасом. Не думая о последствиях, он наклонился, чтобы погасить огонь, и ноги стрелка ударили его в живот еще прежде, чем он успел заметить проблеск сознания в глазах того, кого он принял за труп.

Взмахнув руками, Стонтон повалился на своего напарника, при этом выронив пистолет. Уивер схватился было за свой, но к тому времени, когда ему удалось оторваться от Стонтона, навалившегося на него всей тяжестью, он услышал выстрел, и его пистолет исчез как по волшебству. Рука, в которой только что был пистолет, онемела, как будто по ней ударили очень тяжелой кувалдой.

Парень в синем костюме встал, посмотрел на них и сказал:

— Вы молодцы. Лучше, чем те, другие. Но позвольте мне дать вам совет. Не надо меня преследовать. Уже скоро все кончится. Мне не хотелось бы вас убивать.

Потом он развернулся и бегом бросился к лестнице в подземку.

12

Лестницы были забиты людьми. Все, кто до этого спускался вниз, услышав крики и стрельбу, решили вернуться на улицу, обуреваемые нездоровым и свойственным только ньюйоркцам патологическим любопытством: кого пришили, кто стрелял,

много ли крови пролилось на грязный асфальт. И все же они расступились перед мужчиной в синем костюме, который несся вниз, протискиваясь сквозь толпу. И неудивительно. В руке у него был пистолет, а на поясе — еще один.

И еще он, похоже, горел.

13

Роланд не обращал внимания на истошные вопли Морта, которые все усиливались по мере того, как рубашка его, майка и пиджак разгорелись еще пуще, а серебряные осколки зажигалки начали плавиться и стекать к поясу обжигающими ручейками.

Он уже чувствовал запах зловонной воздушной волны, слышал рев подходящего поезда.

Время почти пришло. Уже близился этот момент, когда он извлечет троих или же потеряет все. Во второй раз в жизни ему показалось, что у него над головой содрогнулись и завертелись миры.

Он выбежал на платформу, отшвырнул пистолет тридцать восьмого калибра, который держал в руке, и, расстегнув брюки Морта, приспустил их, обнаружив белые подштанники, очень похожие на панталоны шлюх. Но у него не было времени поразмыслить над этой странностью. Если сейчас сбавить скорость, то тогда можно уже и не переживать о том, сгорит он заживо или нет: очень скоро патроны в карманах нагреются и начнут выстреливать, и это тело просто разорвет на куски.

Стрелок запихал коробки с патронами в подштанники и туда же отправил бутылочку с кефлексом. Теперь подштанники нелепо раздулись. Роланд сбросил горящий пиджак, но рубашку, тоже горящую, снимать не стал.

Он уже слышал рев поезда, приближающегося к платформе, видел его огни. Ему неоткуда было узнать, по тому ли маршруту идет этот поезд, по которому шел и тот, под чьи колеса столкнули Одетту, но тем не менее он знал. Когда дело касалось Башни, судьба бывала и милосердной, и безжалостной, как зажигалка, которая чудом спасла ему жизнь, но теперь обжигала его тело огнем. Подобно колесам подъезжающего поезда судьба продвигалась путями разумными, но и одновременно неумолимо жестокими, и противостоять ей могли только сталь и доброта.

Он задержался лишь на мгновение, чтобы скинуть брюки Морта, и побежал дальше, не обращая внимания на людей, что шарахались от него во все стороны. Воздушный поток, гонимый перед собой поездом, еще пуще разжег огонь на горящей

рубашке: вот загорелся воротник, вот пламя перекинулось на волосы. Тяжелые коробки с патронами, которые он запихал в подштанники, с каждым шагом били его по яйцам, грозя их расплющить. Живот крутило от боли. Живым пылающим метеоритом проскочил он турникет. *Погаси огонь!* — орал Морт. — *Погаси, иначе я просто сгорю!*

Вот и гореть бы тебе, мрачно подумал стрелок. *Уготованное тебе во сто крат милосерднее того, чего ты заслуживаешь.*

Что ты имеешь в виду? ЧТО ТЫ ИМЕЕШЬ В ВИДУ?

Бросившись к краю платформы, стрелок не ответил, но уже одним этим действием он заставил Морта заткнуться. Роланд почувствовал, что одна из коробок с патронами вот-вот вывалится из нелепых подштанников Морта, и поддержал ее рукой.

Всю свою умственную энергию, без остатка, он обратил к Госпоже Теней. Он не был уверен, что до нее дойдет этот телепатический сигнал, а если даже дойдет, то подчинится ли она его приказу, но он все же послал ее — стремительную, отточенную, как наконечник стрелы, мысль:

ДВЕРЬ! ПОСМОТРИ В ДВЕРЬ! ПРЯМО СЕЙЧАС! СЕЙЧАС!

Весь мир наполнился грохотом поезда. Какая-то женщина закричала: «Господи, он собирается прыгнуть!» Кто-то схватил его за плечо, пытаясь оттащить назад. Но Роланд уже толкнул тело Джека Морта за желтую ограничительную линию и спихнул его с края платформы. Он упал на рельсы перед надвигающимся поездом, обхватив руками чресла, вцепившись в свою добычу — патроны и кефлекс, — которую он заберет с собой... обратно... если только ему удастся в нужный момент выйти из тела Морта. Если он успеет. И уже падая, он позвал ее — их — снова:

ОДЕТТА ХОЛМС! ДЕТТА УОКЕР! ПОСМОТРИТЕ В ДВЕРЬ!

И только когда поезд уже надвигался в неумолимом вращении колес, Роланд повернул наконец голову и заглянул в дверь.

Он смотрел ей в лицо.

Им в лицо!

Они там обе, я вижу их, вижу одновременно обеих...

НЕЕЕТ... — заорал Морт, и в последнюю долю секунды до того, как поезд подмял под себя Морта, перерезая его пополам, но не выше колен, а прямо по талии, Роланд рванулся к двери и упал... по ту сторону.

Джек Морт погиб в одиночестве.

Коробки с патронами и пузырек с кефлексом возникли рядом с физическим телом Роланда. Его руки судорожно цеплялись за них, но потом постепенно расслабились. Стрелок заставил себя поднять-

ся, осознавая, как лихорадка бьет его ослабевшее больное тело, в котором он оказался снова, слыша, как кричит Эдди

Дин, как кричит двумя голосами Одетта. Он взглянул — и смотрел только мгновение, — но увидел именно то, что слышал: не одну женщину, а двух. Обе были безногие, обе темнокожие, обе очень красивые. И все же одна из них была злобной стервой, и внешняя красота не скрывала ее внутреннего уродства, а лишь подчеркивала его.

Роланд смотрел на этих сестер-близнецов, которые были, конечно, не сестрами, а двумя лицами: злым и добрым — одной и той же женщины, смотрел пристально, как завороженный.

А потом Эдди закричал снова, и Роланд увидел, как из моря выползают омарообразные твари и не спеша направляются туда, где оставила его Детта, связанного и беспомощного.

Солнце зашло. Стемнело.

14

Детта увидела себя в дверном проеме, увидела себя своими глазами и глазами стрелка, и смятение ее было таким же внезапным, как и у Эдди, но только более отчаянным и ошеломляющим.

Она была здесь.

Она была *там*, в глазах стрелка.

Она слышала рев подходящего поезда.

Одетта! — выкрикнула она, и неожиданно пришло понимание: кем была она и когда это произошло.

Детта! — выкрикнула она и вдруг поняла все: кем была она и кто это сделал.

Мгновенное ощущение, как будто ее вывернули наизнанку... а потом — боль.

Ее разрывало надвое.

15

Роланд кое-как спустился по пологому склону берега к тому месту, где лежал связанный Эдди. Движения его напоминали движения тряпичной куклы. Один из омаров уже потянулся клешней к лицу Эдди. Тот закричал. Стрелок отбросил омара ногой. Неловко нагнувшись, он обхватил руки Эдди и потащил его прочь, но было уже слишком поздно: сил у него почти не осталось, эти твари сейчас доберутся до Эдди, черт, до них обоих...

Эдди хотел закричать, когда один из омаров выдрал у него кусок штанины вместе с мясом, но из горла его вырвался только сдавленный хрип. Его душила петля, сплетенная Деттой.

Ползучие твари окружили их со всех сторон, сомкнувшись кольцом, подступая все ближе и ближе и алчно клацая клешнями. Стрелок вложил все свои силы в последний отчаянный рывок и... повалился плашмя. Он слышал, как они подступают со своими идиотскими вопросами и клацающими клешнями. *Может быть, это не так уж и плохо*, подумал он. Он поставил на карту все и проиграл.

Грохот собственных револьверов привел его в величайшее изумление.

16

Две женщины лежали на пляже лицом к лицу, приподнявшись, как змеи, готовые атаковать, пальцы с одинаковыми отпечатками смыкались вокруг одинаковых шей с одинаковыми морщинками.

Эта женщина пыталась убить ее, но эта женщина — не настоящая. Нереальная, как и та девочка. Девочка — это просто сон, который привиделся ей после того, как упал кирпич... Но сейчас сон стал явью, сон вцепился ей в горло и пытался убить ее, пока стрелок там спасал своего друга. Сон, ставший явью, матерился ей в лицо, брызжа горячей слюной.

Это я взяла то синее блюдце, потому что эта Тетка положила меня в больницу, и потом, у меня никогда не было такого «особенного» блюдца, и я разбила его, потому что так было надо — его разбить, а потом, как только я видела белого парня, я и его избивала, я всегда била белых парней, потому что им так и надо, и воровала я в магазинах, где только «особенные» продают товары, только для белых, которые там жируют, пока наши черные братья и сестры голодают в Гарлеме, а детишек их пожирают крысы... это все я, слышишь, сука? Это все я. Я... Я... Я...

Убить ее, подумала Одетта, но поняла, что не сможет.

Она не могла убить эту ведьму и выжить сама, точно так же, как и эта отвратительная девка не могла просто так убить *ее* и спокойно жить себе дальше. Они могут лишь задушить друг друга, пока Эдди и тот (*Роланд/Гнусный Мужик*), который позвал их из-за двери, погибают там, у воды, пожираемые заживо. Но это будет конец для всех. Однако она могла еще (*любовь/ненависть*) отступиться.

Одетта отняла руки от горла Детты, хотя та продолжала остервенело душить ее, перекрывая дыхание. Вместо того чтобы душить свою противницу, она обняла ее.

— *Нет уж, сука!* — завопила Детта, но в этом истошном крике смешались и ненависть, и благодарность. — *Нет, оставь меня, слышишь, оставь меня...*

У Одетты не было уже голоса, чтобы ответить. Когда Роланд отпихнул ногой первого омара, а второй уже подбирал-

ся, навострившись цапнуть Эдди за руку, она сумела лишь прошептать этой ведьме в ухо:

— Я люблю тебя.

Руки сжались еще сильнее смертоносной петлей... и вдруг обмякли.

Исчезли.

У нее снова возникло такое чувство, как будто ее выворачивает наизнанку... а потом вдруг — о радость! — она стала единой. *Цельной.* В первый раз с того дня, когда выродок по имени Джек Морт бросил кирпич на голову маленькой девочке, которая оказалась на этой улице лишь потому, что белый таксист уехал, не пожелав подвозить негритосов (а отец ее из гордости не захотел еще раз попробовать вызвать машину, опасаясь повторного отказа), она стала единой. Она, Одетта Холмс. Но другая?..

— Шевелись, сука! — завопила Детта... однако это был ее собственный голос: они с Деттой слились воедино. Сначала она была одна, потом их стало две, а теперь стрелок «извлек» из нее третью женщину. *— Шевелись, иначе их сожрут!*

Она глянула на патроны. Нет, времени у нее нет. Пока она будет перезаряжать револьвер, все будет кончено. Оставалось только надеяться.

Но что еще можно сделать? — спросила она себя и взялась за оружие.

И вдруг ее смуглые руки сотряс громовой удар.

17

Омарообразная тварь нависла прямо над лицом Эдди — в ее выпученных глазах, хотя и мертвенных, поблескивал жуткий огонь какой-то отвратительной жизни. Клешня потянулась к лицу.

— Дод-а-... — начало было чудовище и вдруг разлетелось на мелкие кусочки.

Роланд заметил, как чудище подбирается к его левой руке, и подумал еще с мрачным юмором: *Вот и другая рука...* И вдруг омарообразная тварь превратилась в ошметки панциря и зеленоватых внутренностей, разлетевшиеся во все стороны.

Он обернулся и увидел женщину потрясающей красоты. От ее бешеной ярости замирало сердце.

— НУ ДАВАЙТЕ, МУДИЛЫ, — кричала она. *— ДАВАЙТЕ-ДАВАЙТЕ. ТОЛЬКО ПОПРОБУЙТЕ К НИМ ПОДПОЛЗТИ! Я ВАМ ТАК СТРЕЛЬНУ, ЧТО ПУЧЕГЛАЗЫЕ ВАШИ ЗЕНКИ ПОВЫЛЕТЯТ ЧЕРЕЗ ЗАДНИЦУ!*

Она разнесла на куски и третьего омара, который проворно подбирался к расставленным ногам Эдди, желая не только ими подзакусить, но заодно и лишить его мужского достоинства. Омара смело, как фишку для игры в блошки.

Роланд давно уже подозревал, что эти твари наделены зачатками интеллекта, теперь его подозрения подтвердились.

Остальные омары поспешили отступить.

Очередной выстрел не получился, вышла осечка, но зато следующим она разнесла на куски еще одного из ретирующихся чудищ.

Остальные еще быстрее припустили к воде. Похоже, у них пропал аппетит.

А Эдди тем временем задыхался.

Роланд пытался как-то ослабить веревку, глубоко врезавшуюся в шею Эдди. Багровое его лицо постепенно чернело. Он еще боролся, но все слабее и слабее.

Но тут руки Роланда оттолкнули руки посильнее.

— Я сама о нем позабочусь.

В руке у нее был нож... его нож.

О чем позаботишься? — подумал Роланд, уже теряя сознание. *О чем ты сейчас позаботишься, когда мы оба у тебя в руках?*

— Кто ты? — успел еще выдавить он, погружаясь во тьму, что чернее ночи.

— Я — это три женщины, — услышал он ее голос, как будто он долетал до него с края глубокого колодца, куда он падал. — Та, кем я была сначала. Та, которая не имела права быть, но была. И та, кого ты спас. Спасибо тебе, стрелок.

Она поцеловала его, он еще это почувствовал, а потом надолго уже погрузился во тьму, где не было никаких чувств.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕТАСОВКА

1

В первый раз за столь долгое время — за тысячу лет, как казалось Роланду, — он не думал о Темной Башне. Он думал только об олене, который спустился к озерцу на лесной поляне.

Держа револьвер в левой руке, он прицелился из-за ствола упавшего дерева.

Мясо, подумал он и, когда рот наполнился теплой слюной, выстрелил.

Промазал, подумал он в следующую долю секунды. *Все пропало... все мое мастерство пропало...*

Олень упал замертво у самой кромки воды.

Скоро он вновь преисполнился мыслью о Башне, но пока что он просто благословлял всех богов за то, что рука у него по-прежнему тверда, а глаз верен, и продолжал думать о мясе, о мясе, о мясе. Стрелок убрал револьвер в кобуру — он носил теперь только один револьвер — и перелез через поваленный ствол, за которым он прятался с середины дня и до самых сумерек и терпеливо ждал, когда какое-нибудь крупное животное, достаточно крупное, чтобы его можно было съесть, подойдет к водопою.

Мне, кажется, лучше, подумал он с некоторым изумлением, вынимая нож. *Кажется, мне действительно лучше.*

Он не видел, что за ним наблюдает черноглазая женщина и взгляд у нее оценивающий.

2

В течение шести дней после последнего противостояния на узеньком клинышке, там, где кончается пляж, они ели одно только мясо омаров и пили лишь солоноватую воду из ручейков, стекающих в море. Роланд почти ничего не помнил об этих днях: он непрестанно бредил. Иногда он называл Эдди Аленом, иногда Катбертом, а женщину он называл только Сюзан.

Но жар у стрелка постепенно спадал, и они потихоньку двинулись в путь по предгорьям. Дорога была нелегкой. Иной раз Эдди толкал коляску, в которой сидела женщина, иной раз в коляску садился Роланд и катил ее сам, и тогда Эдди нес женщину на закорках, а она обхватывала его руками за шею. В некоторых местах было никак не проехать, и это существенно замедляло их переход. Роланд понимал, как измотался Эдди. Понимала это и женщина, но сам Эдди не пожаловался ни разу.

Еды у них было достаточно. В те дни, когда Роланд пребывал между жизнью и смертью, сгорая в мучительной лихорадке, когда у него все кружилось перед глазами, а сам он бредил о временах, что давно миновали, и поносил каких-то людей, которых давно уже не было в живых, Эдди и женщина регулярно охотились на омаров. Мало-помалу омары сообразили, что надо держаться подальше от этого берега, но к тому времени у них уже был неплохой запас мяса. Когда же они добрались до тех мест, где росла трава, все трое жадно набросились на нее. Они изголодались по свежей зелени, любой зелени. И постепенно язвочки на коже у них затянулись. Одни травы горчили, другие на вкус были сладкими, но они ели все подряд... кроме одной.

Однажды стрелок очнулся от тяжелой дремы и увидел, что женщина держит в руках пучок травы, хорошо ему знакомой.

— Нет! Только не эту! — прохрипел он. — Эту нельзя! Никогда ее не срывай. Запомни ее хорошенько и никогда больше не рви!

Она пристально на него посмотрела и выбросила траву, не попросив никаких объяснений.

Стрелок немного расслабился, но противный холодок при мысли о том, как близко была опасность, не прошел так скоро. Есть травы, которые могут убить, но трава, которую сорвала эта женщина, стала бы ее проклятием. Бес-трава.

Из-за кефлекса у Роланда начались проблемы с кишечником, и он знал, что Эдди это тревожит, но все наладилось, когда они стали есть травы.

Наконец они добрались до настоящих лесов, и грохот морского прибоя превратился уже в глухой гул и доносился до них теперь только тогда, когда ветер дул с той стороны.

И теперь еще... *мясо.*

3

Стрелок подошел к оленю и попробовал выпотрошить его, зажав нож между мизинцем и безымянным пальцем правой руки. Ничего у него не вышло. Пальцы еще не набрали силу. Переложив нож в левую — не такую ловкую — руку, он кое-как исхитрился распороть оленю брюхо. Из-под ножа брызнула горячая кровь. Так и надо: если ее не выпустить сразу, то она свернется, и мясо испортится... но разрез все равно получился не самым удачным. Какой-нибудь юнец, еле справляющийся с тошнотой, и то сделал бы лучше.

Тебе надо учиться, теперь тебе многому надо будет учиться, мысленно обратился он к своей левой руке и приготовился сделать второй разрез, поглубже.

Две коричневые руки взялись за его руку и мягко отобрали нож.

Роланд оглянулся.

— Давай я, — сказала Сюзанна.

— А прежде тебе приходилось?

— Нет, но ты мне подскажешь как.

— Хорошо.

— Мясо, — сказала она и улыбнулась ему.

— Да. — Он улыбнулся в ответ. — Мясо.

— Что случилось? — окликнул их Эдди. — Я слышал выстрел.

— Идет подготовка к Дню Благодарения! — выкрикнула она в ответ. — Иди помогай!

В тот день они отужинали прямо по-королевски, а потом стрелок уснул и, засыпая, глядел на звезды, ощущая свежую прохладу горного воздуха, и думал о том, что за все эти годы, которым нет счета, он впервые так близок к удовлетворению и покою.

Он заснул. И был ему сон.

4

Башня. Темная Башня.

Она стояла у самого горизонта посреди безбрежной равнины, окрашенной в цвет крови неистовыми лучами заходящего солнца, которое умирало. Он, конечно, не мог

разглядеть лестницу, что поднималась спиралью в самому шпилю внутри ее кирпичной громады, но зато различал ряд окон, идущих вдоль лестницы, а в окнах ему виделись призраки тех людей, которых он знал когда-то. Они поднимались по лестнице вверх, все выше и выше, а сухой мертвый ветер доносил до него голоса. Они звали его.

Роланд... иди к нам... Роланд... иди к нам... иди к нам... иди к нам...

— Я иду, — прошептал он и проснулся, поднявшись рывком, обливаясь потом и сильно дрожа, как будто его лихорадка вернулась опять.

— Роланд?

Эдди.

— Да.

— Плохой сон?

— Плохой. Или, может, хороший. Непонятный. *Темный.*

— Башня?

— Да.

Они оба покосились на Сюзанну, но она безмятежно спала. Когда-то жила одна женщина, ее звали Одетта Сюзанна Холмс, потом появилась другая — Детта Сюзанна Уокер. Теперь возникла третья: Сюзанна Дин.

Роланд любил ее. За то, что она всегда будет сражаться и никогда не отступится, не подведет. Но он боялся за нее, потому что знал: если так будет нужно, он пожертвует ею — и Эдди тоже — без долгих раздумий и без оглядки.

Ради Башни.

Этой Богом проклятой Башни.

— Пора принять таблетку, — прервал его мрачные размышления Эдди.

— Они мне уже надоели.

— Заткнись и глотай.

Роланд проглотил таблетку, запив ее холодной водой, а потом вдруг рыгнул. Но это нормально. Это от мяса.

— Ты вообще знаешь, куда мы идем? — спросил Эдди.

— К Башне.

— А, ну да, — сказал Эдди. — Это знаешь, что это мне напоминает? Как какой-нибудь дурень из Техаса надумал съездить в городок Задницу Засвербило, что в штате Аляска, только карты дорог у него нет и что туда ходит, он тоже не знает. Где она, твоя Башня? В каком направлении?

— Подай мне мой кошель.

Эдди сходил за сумкой. Сюзанна зашевелилась, и Эдди замер на месте, в отблесках догорающих угольков от костра

алые пятна и темные тени легли на его лицо. Как только Сюзанна затихла, он снова подсел к Роланду.

Роланд порылся в сумке, которая заметно потяжелела от патронов, добытых в том, другом мире. Долго искать не пришлось: немного у него осталось от прежней жизни.

Челюстная кость.

Челюсть человека в черном.

— Мы задержимся здесь ненадолго, — сказал он Эдди, — и я скоро поправлюсь.

— А ты узнаешь, когда поправишься?

Роланд чуть улыбнулся. Его уже не трясло, прохладный ночной ветерок высушил пот. Но перед мысленным его взором по-прежнему проплывали туманные образы: рыцари и друзья, прежние возлюбленные и враги, идущие вверх по спиральной лестнице, — промелькнут на миг в окнах и вдруг исчезнут. И еще Роланд по-прежнему видел тень Башни, в которой они были заключены: долгую черную тень, протянувшуюся по кровавой равнине смерти и безжалостного суда.

— *Я* — нет, — сказал он и кивнул на Сюзанну. — Но она узнает.

— А потом?

Роланд держал на ладони челюсть Уолтера.

— Когда-то она говорила.

Он поглядел на Эдди.

— Она снова заговорит.

— Это опасно, — вымолвил Эдди тихим и ровным голосом.

— Да.

— И не для одного тебя.

— Да.

— Я люблю ее, старина.

— Да.

— Если с ней что-то из-за тебя случится...

— Я сделаю то, что должен, — сказал стрелок.

— А нас ты в расчет не берешь? Я правильно понимаю?

— Я люблю вас обоих. — Он поднял глаза на Эдди, и тот в последних отблесках догорающего костра заметил, что щеки Роланда блестят. Стрелок плакал.

— Ты не ответил на мой вопрос. Ты ничем не поступишься, да?

— Да.

— И пойдешь до конца?

— Да. До самого конца.

— И не важно, каким он будет, конец. — Эдди взглянул на стрелка, и во взгляде его смешались любовь, и ненависть, и вся мучительная нежность с болью пополам. Так один человек — безнадежно, беспомощно — тянется всем своим су-

ществом к другому, чтобы постичь его мысли, волю и устремления. Но тщетно.

Деревья застонали под ветром.

— Ты, друг, говоришь сейчас точно как Генри. — Эдди расплакался сам. Ему не хотелось плакать. Он не любил слез. — У него тоже была своя Башня, только не темная. Помнишь, я тебе про нее рассказывал, про Башню Генри? Мы с ним были два брата, и, как я теперь понимаю, мы тоже были стрелками. У нас была эта Белая Башня, и он попросил, чтобы я пошел туда вместе с ним, только он так умел просить, что ему нельзя было отказать, вот я и вскочил в седло, потому что он был мой брат, понимаешь? И мы добрались до нее. Нашли свою Белую Башню. Но она оказалась ядом. Она убила его. И уже начала убивать меня. Ты видел, в каком я был состоянии. Ты спас мне больше, чем жизнь. Ты спас мою раздолбайскую душу.

Эдди обнял Роланда и поцеловал его в щеку. Почувствовал вкус его слез.

— Ну так что? Снова в седло? Поскачем искать этого человека?

Стрелок не произнес ни слова.

— Я имею в виду, мы пока что не видели здесь людей, но я знаю, они тут есть. Должны быть. И когда бы речь ни заходила о Башне, всегда там незримо присутствует человек. Ты ждешь встречи с ним, потому что тебе это зачем-то нужно, и, как говорится, кто платит, тот барин, хотя здесь, может быть, платят пулями, а не баксами. И что теперь? Снова по коням? В погоню за этим твоим человеком? Потому что, если все это — та же отрава, тогда лучше бы вам с ней было оставить меня на съедение омарам. — Эдди поднял глаза на стрелка. Под глазами чернели круги. — Да, я жил в дерьме. Но кое-что я усвоил: умирать в дерьме я не хочу.

— Это разные вещи.

— Да? Ты хочешь сказать, что тебя не зацепило?

Роланд молчал.

— Есть ли такая волшебная дверь, чтобы кто-то прошел сквозь нее и спас *тебя*? И кто это будет, не знаешь? Я знаю. Никто. Никто тебя не спасет. Ты извлек все, что только мог. Теперь тебе только одно остается: достать свой гребаный револьвер, потому что больше у тебя ничего не осталось. Как у Балазара.

Роланд молчал.

— Меня брат научил одной вещи, хочешь, скажу какой? — Голос у Эдди срывался от плача.

— Да. — Стрелок весь подался вперед, впившись взглядом Эдди в глаза.

— Если ты убиваешь того, кого любишь, значит, ты проклят.

— Я уже проклят, — спокойно проговорил Роланд. — Но, может быть, даже проклятые спасутся.

— Скажи мне только одно: ты допустишь, чтобы мы погибли?

Роланд молчал.

Эдди схватил его за лохмотья рубахи.

— *Ты допустишь, чтобы она погибла?*

— Все мы умрем в свое время, — сказал стрелок. — Да, мир сдвинулся с места, но меняется не только он, с ним меняемся и мы. — Он прямо взглянул на Эдди, в отблесках тлеющих угольков его поблекшие голубые глаза стали цвета сланца. — *Но мы обретем величие.* — Он умолк на мгновение. — И дело не в том, чтобы завоевать мир, Эдди. Ради этого я бы не стал рисковать ни тобой, ни ею... я не позволил бы мальчику умереть...

— Ты о чем?

— Обо всем, что есть и что будет, — так же спокойно отозвался стрелок. — Нам надо идти, Эдди. Мы будем сражаться. Будем страдать. *Но мы выстоим и в конце концов победим.*

Теперь уже молчал Эдди. Он просто не знал, что сказать.

Роланд сжал его руку.

— Даже проклятые умеют любить, — сказал он.

5

Вскоре Эдди заснул рядом с Сюзанной — третьей, кого извлек Роланд, чтобы собрать новую тройку, — но сам Роланд еще долго сидел без сна, прислушиваясь к голосам ночи, пока ветер не высушил слезы у него на щеках.

Проклятие?

Спасение?

Башня.

Когда он придет к Темной Башне, там, у подножия ее, он прославит их имена. Там он прославит их имена. Прославит все их имена.

На востоке уже забрезжила пепельно-розовая заря, и только тогда Роланд — уже не последний стрелок на свете, а один из последних трех — тоже заснул, и снились ему сны, преисполненные гнева, пронизанные лишь одной светлой, утешающей нитью:

Там я прославлю все их имена!

Послесловие

а этом заканчивается вторая из шести или семи книг, образующих долгое повествование под названием «Темная Башня». В третьей книге, «Бесплодные земли», описана примерно половина похода Роланда, Эдди и Сюзанны в поисках Темной Башни; в четвертой, «Колдун и кристалл», повествуется о волшебстве и обольщении, но большей частью — о том, что происходило с Роландом до того, как читатели впервые встретились с ним в пустыне, где он преследовал человека в черном.

Мое изумление, когда я узнал о том, как хорошо принят читателями первый том этой истории, которая мало похожа на произведения, сделавшие меня известным, уступает разве что безграничной моей признательности всем тем, кто прочел эту книгу и полюбил ее. Эта работа, похоже, становится моей собственной Башней. Люди, которых я в ней описал, неотвязно меня преследуют, и настойчивее всех — Роланд. Знаю ли я, что это за Башня и что ждет Роланда там, когда он до нее доберется (если вообще доберется, так что вам, уважаемые читатели, лучше заранее приготовиться к тому, что он может и не дойти до своей цели... такая возможность не исключена)? И да... и нет. Наверняка я знаю только одно: вот уже семнадцать лет эта история не дает мне покоя. Только что прочитанный вами второй том, хотя он получился гораздо объемнее, по-прежнему оставляет многие вопросы без ответов и довольно-таки прозрачно намекает на то, что кульминация этой истории состоится в весьма отдаленном будущем, и все же я думаю, этот том «Темной Башни» вышел более полным, нежели первый.

И Башня стала чуть ближе.

Стивен Кинг
1 декабря 1986 года

Бесплодные земли

С благодарностью посвящаю третий том этой истории моему сыну ОУЭНУ ФИЛИПУ КИНГУ.

Кхеф, ка и ка-тет

Предисловие автора

есплодные земли» — третья книга долгого повествования, навеянного и до какой-то степени основанного на поэме Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»*.

В первой книге, «Стрелок», повествуется о том, как Роланд, последний стрелок из мира, который «сдвинулся с места», преследует и наконец настигает человека в черном, колдуна по имени Уолтер, который обманом завоевал дружбу отца Роланда в те давние дни, когда мир не утратил еще своей целостности. Погоня за этим недочеловеком-чернокнижником не являлась конечной целью Роланда. Эта погоня была лишь, скажем так, еще одной дорожной вехой на пути к могучей и таинственной Темной Башне, что стоит в узле времени.

Кто такой Роланд? Каким был его мир до того, как «сдвинулся с места»? Что это за Башня и почему он так к ней стремится? Ответы есть, но они отрывочны. Ясно, что Роланд — своего рода рыцарь, одержимый мечтой удержать (или, может быть, восстановить) тот мир, который он помнит как «исполненный любви и света». Но насколько этот мир соответствует воспоминаниям Роланда, остается, однако, неясным.

Мы знаем, что Роланд рано прошел обряд инициации и получил право зваться мужчиной. Случилось это после того, как он обнаружил, что его мать стала любовницей Мартена, колдуна, который был много могущественнее Уолтера. Мы знаем, что Мартен специально

* В переводе на русский язык В. Давиденковой эта строка звучит так: «Роланд до Замка Черного дошел».

подстроил так, чтобы Роланд узнал об измене матери, — подстроил, надеясь, что парень не выдержит испытания и его «изгонят на Запад», в пустынные земли. Мы знаем, что Роланд разрушил планы Мартена, с честью пройдя боевое крещение.

Еще мы знаем, что мир Роланда неким непостижимым образом тесно связан с нашим миром и что иной раз бывает возможно пройти из одного мира в другой.

На заброшенной дорожной станции у бывшей торной дороги, что пролегает через пустыню, Роланд встречается с мальчиком по имени Джейк, который погиб в нашем мире: кто-то столкнул его с тротуара на углу одной из улиц Манхэттена прямо под колеса автомобиля. Умирая, Джейк Чеймберз увидел, как над ним наклоняется человек в черном — Уолтер, — и очнулся уже в мире Роланда.

Как раз перед тем, как они настигают человека в черном, Джейк умирает опять... на этот раз потому, что Роланд, второй раз в жизни поставленный перед мучительным выбором, решается все же пожертвовать своим — в символическом смысле — сыном. Вынужденный выбирать между Башней и ребенком, Роланд отдает предпочтение Башне. Прежде чем упасть в пропасть, Джейк успевает сказать Роланду: «Тогда иди — есть и другие миры, кроме этого».

Последняя схватка, последнее противостояние Роланда и Уолтера происходит на запыленной голгофе, усыпанной разлагающимися костями. Человек в черном гадает Роланду на картах Таро, приоткрывая будущее. Особенное внимание Роланда привлекают три очень странные карты: Узник, Госпожа Теней и Смерть («но не твоя, стрелок»).

Действие второй книги, «Извлечение троих», начинается на берегу Западного моря вскоре после того, как завершилась последняя схватка Роланда с Уолтером. Обессиленный стрелок просыпается в самый глухой час ночи и видит, что волны прилива вынесли на берег ползучих чудовищ — плотоядных омарообразных тварей. Прежде чем он успевает убраться за пределы их досягаемости, одна из ползучих тварей наносит Роланду серьезные раны. Стрелок лишается двух пальцев на правой руке. Вдобавок к этому твари оказываются ядовитыми. Роланд возобновляет свой путь на север по берегу Западного моря, но яд начинает действовать... стрелок слабеет... может быть, уже умирает.

По пути ему попадаются три двери, стоящие прямо на берегу. Открыть их способен только Роланд, и никто другой. Все они открываются в наш мир — а точнее, в тот самый город, где когда-то жил Джейк. Трижды Роланд посещает Нью-Йорк, каждый раз попадая в новый отрезок времени, с целью спасения собственной жизни и извлечения тех таинственных троих, которые призваны стать его спутниками на пути к Башне.

Эдди Дин (Узник) — наркоман, пристрастившийся к героину в Нью-Йорке конца 80-х годов. Шагнув из своего мира через дверь на берегу, Роланд оказывается в сознании Эдди Дина, когда тот, подвизавшийся в качестве перевозчика кокаина у некоего Энрико Балазара, сидит в самолете, совершающем посадку в аэропорту имени Джона Кеннеди. В ходе их совместных рискованных похождений Роланду удается раздобыть себе немного антибиотика и перетащить Эдди Дина в свой мир. Эдди, наркоман, обнаруживший, что в мире, куда его перенес Роланд, никакой наркоты нет и в помине (равно как нет и жареных цыплят), само собой, не испытывает никакой буйной радости от здешних красот.

Вторая дверь выводит Роланда к Госпоже Теней, а если точнее, к двум женщинам, заключенным в одном теле. На этот раз Роланд оказывается в Нью-Йорке конца 60-х и сталкивается с юной активисткой, прикованной к инвалидному креслу, ярой поборницей гражданских прав черного населения Америки — Одеттой Холмс. Но под оболочкой Одетты таится еще одна женщина: коварная и преисполненная ненависти Детта Уокер. Когда Роланд перетаскивает эту женщину с двумя личинами в свой мир, ее пребывание там грозит самыми что ни на есть непредсказуемыми последствиями как для Эдди, так и для стрелка, который быстро теряет силы из-за своей болезни. Одетта уверена, что все с ней происходящее — либо сон, либо бред; Детта, чей разум не столь изощрен, но зато более груб и, если так можно выразиться, прямолинеен, не терзает себя долгими раздумьями, а полностью сосредоточивается на том, как бы прикончить Роланда и Эдди, которые в ее глазах предстают как «белые мудилы», желающие только одного — поглумиться над чернокожей калекой.

За третьей дверью стрелка поджидает Смерть — Джек Морт, убийца-маньяк. Время действия — Нью-Йорк середины 70-х. С подачи Морта в жизни Одетты Холмс/Детты Уокер дважды происходили необратимые изменения, хотя ни та, ни другая об этом не знали. Морт, чей modus operandi* заключается в том, чтобы толкнуть свою жертву или сбросить что-нибудь ей на голову, за время своей безумной (и все же чрезвычайно осторожной) «деятельности» успел опробовать на Одетте и то, и другое. Когда Одетта была еще девочкой, он сбросил ей на голову кирпич, из-за чего она долго потом пролежала в коме, а злобная Детта Уокер, незримая сестра Одетты, появилась на свет. Многие годы спустя, в 1959-м, пути Одетты и Морта пересекаются вновь, на станции подземки в Гринвич-Виллидже, и на этот раз Морт сталкивает ее под колеса прибывающего

* Modus operandi — способ действия *(лат.)*. — *Здесь и далее примеч. ред.*

поезда. И снова Одетта не погибает, вопреки ожиданиям Морта, но платит страшную цену: поезд отрезает ей ноги по колено. Только присутствие героического молодого доктора (или, быть может, уродливый, но неукротимый дух Детты Уокер) спасает ей жизнь... по крайней мере так это выглядит со стороны. Роланд усматривает в этом сплетении судеб не простое совпадение, а вмешательство чего-то гораздо более мощного: титанические силы, окружающие Темную Башню, похоже, пришли в движение и опять собираются воедино.

Роланд понимает, что Морт, вероятно, стоит в самом центре еще одной загадки, таящей в себе разрушительный для человеческого разума парадокс. Потому что в то время, когда в жизнь Морта входит стрелок, тот избирает в качестве очередной жертвы не кого иного, как Джейка, того самого мальчика, которого Роланд встретил на дорожной станции и потерял в пещерах под горной грядой. У Роланда не было причин сомневаться в рассказе Джейка о подробностях своей гибели в нашем мире, не было у него и причин сомневаться в том, что Джейка убил Уолтер. Джейк видел священника в облачении среди толпы, что собралась в том месте, где он умирал, и Роланд узнал по его описанию человека в черном. Сомнений быть не могло.

Он и сейчас в этом уверен: это был Уолтер, о да, вне всяких сомнений. *Но допустим, что это Джек Морт, а не Уолтер столкнул Джейка под колеса приближающегося «кадиллака».* Возможно ли такое? Роланд не может с уверенностью этого утверждать, но если так оно и было, то где Джейк сейчас? Что с ним стало? Умер он? Или жив? Затерялся где-то во времени? И если Джейк Чеймберз по-прежнему жив в своем мире в Манхэттене середины 70-х, *то почему Роланд помнит о нем, об их встрече тогда, на дорожной станции?*

Невзирая на этот смущающий факт, быть может, чреватый опасностью в будущем, Роланд с честью выдерживает испытание таинственными дверьми... и переносит троих в свой мир. Эдди Дин принимает мир Роланда потому, что влюбляется в Госпожу Теней. Детта Уокер и Одетта Холмс, две женщины из тройки Роланда, наконец обретают целостность, слившись в единую личность, некий сплав, в котором есть что-то от них обеих. Этот «гибрид» способен принять любовь Эдди и ответить ему взаимностью. Одетта Сюзанна Холмс и Детта Сюзанна Уокер становятся новой, *третьей* женщиной: Сюзанной Дин.

Джек Морт погибает в подземке под колесами все того же поезда — легендарного поезда А, который лет пятнадцать-шестнадцать назад отрезал ноги Одетте. Ну и Бог с ним, невелика потеря.

И впервые за долгие годы Роланд из Гилеада уже не одинок в своем поиске Темной Башни. Эдди и Сюзанна

заменили Катберта и Алена, друзей его юности, которых давно уже нет в живых... но над Роландом довлеет проклятие нести боль и смерть всем своим близким. Проклятие — по-другому и не назовешь.

В «Бесплодных землях» нас ждет продолжение истории троих пилигримов, бредущих по землям Срединного мира. Действие книги начинается по прошествии нескольких месяцев со дня последнего противостояния у третьей двери на берегу. Они уже проделали немалый путь в глубь материка. Время отдыха подошло к концу, настало время учения. Сюзанна учится стрельбе... Эдди — резьбе по дереву... стрелок узнает, что такое сходить с ума... постепенно.

(И еще одно замечание: мои читатели из Нью-Йорка сразу увидят, что в своей книге я несколько вольно обращаюсь с географией их родного города. Надеюсь, меня за это простят.)

ДЖЕЙК: СТРАХ В ГОРСТКЕ ПРАХА

...Ибо узнал лишь
Груду поверженных образов там, где солнце палит,
А мертвое дерево тени не даст, ни сверчок утешенья.
Ни камни сухие журчанья воды. Лишь
Тут есть тень, под этой красной скалой
(Приди же в тень под этой красной скалой),
И я покажу тебе нечто, отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе руку;
Я покажу тебе ужас в пригоршне праха.

Т.С. Элиот. Бесплодная земля*

Земля больна, и стебель из нее
Встает, как прокаженный волос, сух.
От крови здесь любой побег набух,
И, словно черту отслужив свое,
Одер какой-то, впавший в забытье,
Стоит вдали, тощ, изможден и глух.

Роберт Браунинг.
Роланд до Замка Черного дошел**

— А это какая река? — полюбопытствовала Миллисент.
— Это просто ручей. Ну, может, чуть больше, чем просто ручей. Такая речушка... она называется Мертвая.
— Правда?
— Да, — сказала Уинифред, — правда.

Роберт Эйкман. Рука в перчатке

---

* Перевод А. Сергеева.
** Перевод В. Давиденковой.

Глава I
МЕДВЕДЬ И КОСТЬ

1

Сейчас она в третий раз упражнялась с боевыми патронами... и в первый раз училась вытаскивать револьвер из кобуры, которую получила от Роланда.

Теперь у них было достаточно боевых патронов; Роланд принес их больше трех сотен из того мира, где жили себе до поры до времени Эдди и Сюзанна Дин, пока стрелок не перебросил их в свой мир. Но при всем при том иметь в своем распоряжении кучу патронов еще не значит, что их можно тратить впустую. На самом деле как раз наоборот. Боги не любят мотов. Роланда так воспитали, сначала — отец, потом — Корт, его великий учитель, и Роланд по-прежнему верил, что так оно и есть. Боги накажут не сразу, но рано или поздно за все придется платить... и чем позднее наступит час расплаты, тем выше будет цена.

Сначала им и не нужно было растрачивать боевые патроны. Роланд стрелял уже столько лет, что, скажи он — сколько этой темнокожей красавице в инвалидной коляске, она бы просто ему не поверила. Поначалу он учил ее, лишь наблюдая за тем, как она держит прицел и имитирует стрельбу по мишеням. Она быстро училась. Они оба: и она, и Эдди — учились быстро.

Как он и подозревал, они оба родились стрелками.

Сегодня Роланд и Сюзанна пришли на поляну примерно в миле от лесного лагеря. Почти два месяца этот лес служил им временным домом. Дни проходили однообразно, и в этом была своя прелесть. Пока тело стрелка исцелялось, он учил Эдди и Сюзанну всему, чему должен был их научить: как стрелять и охотиться, как свежевать и потрошить добычу; как сначала растянуть, а потом выдубить и выделать шкурки убитых животных; как нужно использовать добычу, чтобы извлечь максимальную пользу; как определить стороны света, север — по Старой Звезде и восток — по Древней Матери; как услышать голос леса, где они находились сейчас, милях в шестидесяти к северо-востоку от Западного моря. Сегодня Эдди остался в лагере, так настоял Роланд. Он знал: дольше всего человек помнит уроки, которые постиг сам.

Но самый главный урок по-прежнему сохранял свое первостепенное значение: как поражать цель без промаха. Как убивать.

Поляну, куда пришли Роланд с Сюзанной, неправильным темным полукольцом окружали источающие благоухание хвойные деревья. С южной стороны был обрыв: три сотни футов крошащихся сланцевых выступов и изрезанных трещинами утесов, образующих этакую исполинскую лестницу. Ручеек кристально чистой воды вытекал из леса, пересекал поляну прямо по центру, через овраг, промытый в рыхлой земле и осыпающейся горной породе, и срывался вниз с обрыва.

Вода стекала по ступеням естественной лестницы серией маленьких водопадов, над которыми вздрагивали изумительные переливы радуг. Этот спуск вел к великолепной необозримой долине, густо заросшей елями. Было там и несколько вековых вязов, которые не давали молодой хвойной поросли задушить себя. Они возвышались, зеленые, пышные и величавые, — деревья, что были, наверное, старыми уже тогда, когда край, откуда пришел Роланд, только еще начинал отсчет своей истории. Роланд не сумел разглядеть ни единого признака, который указывал бы на то, что в этой долине когда-нибудь были лесные пожары, хотя по крайней мере несколько молний наверняка сюда ударяло. И молнии — не единственная опасность. Когда-то, давным-давно, в незапамятные времена, в долине этой жили люди: за минувшие недели Роланд пару раз набредал на следы человеческого присутствия. Большей частью то были примитивные самодельные орудия, но среди них попадались осколки глиняной утвари, которую не выделаешь без огня. А огонь — это злая стихия, услада которому — ускользнуть из рук.

Над этим пейзажем, словно сошедшим с полотна живописца, изогнутой аркой раскинулось небо, безупречно чистое голубое небо, если не считать стайки ворон, что кружились в воздухе, что-то выкрикивая своими по-старчески хриплыми голосами. Они, похоже, были чем-то встревожены, как перед началом грозы. Роланд принюхался к воздуху и не уловил запаха дождя.

Слева от ручья громоздился здоровенный валун. Роланд поставил сверху шесть камешков, все — в прожилках слюды. Они поблескивали, как стеклышки, в теплом свете дня.

— Последняя попытка, — сказал стрелок. — Если кобура сидит неудобно... если хоть что-то мешает... то лучше сразу скажи. Мы пришли сюда не для того, чтобы зря тратить патроны.

Она язвительно на него покосилась, и на мгновение ему показалось, что он разглядел у нее в глазах призрак Детты Уокер. Как солнечный блик, подмигнувший со стального клинка.

— А что ты станешь делать, если мне действительно неудобно, но я тебе ничего не скажу? Если я буду мазать и не

собью ни одного из этих шести? Тюкнешь меня по башке, как этот твой старый учитель?

Стрелок улыбнулся. За последние пять недель он улыбался чаще, чем за все предшествующие пять лет.

— При всем желании этого сделать я не смогу, и ты это прекрасно знаешь. Во-первых, мы тогда были детьми... пацанами, которые не прошли еще испытания и не стали мужчинами. Можно ударить ребенка, чтобы поправить его, но...

— В моем мире ударить ребенка — это проступок, который лучшие люди всегда осуждали, — сухо высказалась Сюзанна.

Роланд пожал плечами. Ему было трудно представить себе такой мир — разве не сказано в Великой Книге: «Не жалей розги, дабы не упустить ребенка»? — однако он все же не думал, что Сюзанна его обманывает.

— Ваш мир не сдвинулся с места, — сказал он только. — В нем все по-другому. Разве я сам этого не понимаю?

— По-моему, понимаешь.

— Во всяком случае, вы с Эдди уже не дети. Я совершил бы ошибку, если бы стал обращаться с вами как с малолетками. Если была нужда в испытании на зрелость, то вы уже его с честью прошли.

Хотя он не сказал этого вслух, но про себя подумал о том, чем все закончилось там, на берегу, когда она тремя выстрелами разнесла трех омарообразных тварей, не дав им растерзать и его самого, и Эдди. Увидев ее ответную улыбку, он решил, что она сейчас думает о том же.

— Ну так что ты намерен делать, если я все шесть раз промажу?

— Я посмотрю на тебя. Вот так. Мне кажется, этого будет достаточно.

Она мгновение подумала и кивнула:

— Да, наверное.

Потом еще раз проверила ружейный ремень. Он был перекинут через ее грудь, как плечевая портупея (Роланду эта конструкция больше напоминала лямку докера). С виду эта вещь казалась весьма простенькой, но им потребовалась не одна неделя проб и ошибок, чтобы приладить ремень как следует, — пришлось хорошо поработать портняжной иглой. Сам ремень и револьвер с сандаловой рукоятью, что торчала из древней промасленной кобуры, раньше принадлежали стрелку. Он их носил на правом бедре. Последние пять недель он мучительно свыкался с мыслью о том, что ему больше уже никогда не придется носить кобуру справа. Спасибо омарам. Волей-неволей пришлось стать левшой.

— Ну и как оно? — спросил он еще раз.

На этот раз Сюзанна рассмеялась.

— Роланд, этот старый ремень, наверное, ни на ком раньше так хорошо не держался. Так мы что будем делать: стрелять или сидеть тут и слушать вороний концерт в поднебесье?

Ощущение было такое, как будто под его кожей шевелятся тонкие колючие пальчики. Роланд напрягся. Наверное, Корт чувствовал то же самое, несмотря на всю его грубость и всегдашнее непробиваемое выражение. Ему хотелось, чтобы у нее все получилось... ему было *нужно*, чтобы у нее получилось. Но показывать этого было нельзя. Это могло привести к катастрофе.

— Повтори еще раз, Сюзанна, что мы с тобой проходили.

Она вздохнула, притворившись рассерженной... но когда заговорила, насмешливая улыбка стерлась сама собой, а красивое лицо стало серьезным. И из ее уст он снова услышал древний катехизис, но слова его воспринимались по-новому. Он никогда раньше не думал, что ему доведется услышать эти слова от женщины. Но как естественно они звучали... и в то же время как-то странно, едва ли не угрожающе.

— «Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я целюсь глазом.

Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я стреляю рассудком.

Я убиваю не выстрелом из револьвера...»

Она запнулась и указала на камешки, блистающие вкраплениями слюды.

— Я не буду никого убивать... это же просто *камешки*.

Ее выражение — чуть надменное, чуть шаловливое — говорило о том, что она ждет, когда Роланд начнет на нее сердиться. Может быть, даже придет в ярость. Однако Роланд и сам когда-то испытывал то, что она переживала сейчас; он не забыл, что стрелки-новички обычно капризны и горячи, постоянно взвинченны и способны огрызнуться в самый неподходящий момент... и он открыл в себе неожиданные способности. Понял, что может учить. И более того, ему нравится учить. Иногда Роланд ловил себя на мысли о том, что он задается вопросом: а как было с Кортом — так же? Да, наверное, так же.

Теперь вороны начали хрипло кричать и из чащи леса. Роланд машинально отметил, что крики стали тревожными и больше не походили на вопли ссорящихся пернатых: похоже, их что-то вспугнуло. Однако ему сейчас было чем занять свои мысли, чтобы думать еще и о том, что могло напугать ворон, так что он просто переключился и вновь сосредоточил все внимание на Сюзанне. Сейчас нельзя расслабляться, иначе он рисковал нарваться еще на одну, на этот раз не столь игривую колкость. И кого надо будет за это винить? Кого

же, как не учителя? Разве не он учил ее огрызаться и показывать зубы? Учил их обоих? Разве в этом не весь он, стрелок: вдруг взбрыкнуть, сорвать пару правил строгого ритуала и переврать несколько стройных нот катехизиса? Разве он (или она) — не сокол в человеческом обличье, натасканный на то, чтобы клевать по команде?

— Нет, — сказал он, — это не камни.

Она приподняла бровь и снова заулыбалась. Теперь, когда Сюзанна поняла, что он не станет орать на нее, как это частенько случалось, когда она капризничала или делала что-то не так, замешкавшись, в ее глазах снова мелькнул этот насмешливый блеск — солнечный зайчик на стали, — который ассоциировался у Роланда с Деттой Уокер.

— Правда? — Насмешка в ее голосе была по-прежнему добродушной, но Роланд чувствовал: если сейчас он даст ей малейшее послабление, насмешка станет злобной. Она уже вся напряглась и начала выпускать коготки.

— Да, это не камни, — также с насмешкой ответил он, опять улыбаясь, но теперь улыбка его стала суровой. — Сюзанна, ты помнишь *беложопых мудил?*

Улыбка женщины стала медленно угасать.

— *Беложопых мудил* из Оксфорд-Тауна?

Улыбка погасла.

— Ты помнишь, что эти *беложопые мудилы* сотворили с тобой и твоими друзьями?

— Это была *не я,* — отозвалась она, — а другая женщина. — Но в глазах у нее застыло угрюмое выражение. Он не любил, когда она так смотрела, и в то же время ему нравился этот взгляд. Это был *правильный* взгляд, говоривший о том, что растопка уже разгорелась и скоро займутся большие поленья.

— Да. Это была другая. Нравится это тебе или нет, там была Одетта Сюзанна Холмс, дочь Сары Уокер Холмс. Не ты нынешняя, а та женщина, которой ты *была* тогда. Помнишь пожарные шланги, Сюзанна? Помнишь золотые зубы? Ты видела их, как они сверкали, когда тебя и твоих друзей поливали из шлангов в Оксфорде? Как сверкали зубы, когда над вами хохотали?

Она им рассказывала об этом и еще о многом другом в долгие-долгие ночи, пока догорал костер. Стрелок понимал далеко не все, но слушал внимательно. Слушал и запоминал. В конце концов боль — это тоже орудие. Иногда самое лучшее.

— Что с тобой, Роланд? С чего вдруг ты решил мне напомнить весь этот вздор?

Теперь угрюмые ее глаза загорелись опасным огнем. Роланду они напомнили глаза Алена, когда неизменно добродушного Алена что-то все-таки выводило из себя.

18 Зак. 722

— Камни — это те люди, — сказал он мягко, — которые заперли тебя в камере, где ты обмочилась. Люди с собаками и дубинками. Которые называли тебя черномазой дырой.

Он указал на камни, проведя пальцем слева направо.

— Это тот, кто ущипнул тебя за грудь и рассмеялся. Это тот, кто сказал, что тебя надо раздеть и проверить, не прячешь ли ты чего в заднице. Вот это тот, кто обозвал тебя шимпанзе в платье за пять сотен долларов. Вон тот колотил по колесам твоей коляски своей дубинкой, пока тебе не стало казаться, что этот грохот сведет тебя с ума. Вон тот назвал твоего друга Лео гомиком-коммунякой. А этот последний, Сюзанна, это Джек Морт.

— Да. Эти камни. *Эти ублюдки.*

Теперь она задышала неровно и быстро, грудь ее судорожно вздымалась и опадала под ружейным ремнем с наполненным под завязку патронташем. Она больше уже не смотрела на Роланда. Она впилась взглядом в камни с вкраплениями слюды. Где-то вдалеке раздался треск — упало дерево. В небе опять завопили вороны. Погруженные в свою игру, которая больше уже не была игрой, ни Роланд, ни Сюзанна этого не замечали.

— Да? — выдохнула она. — Правда?

— Правда. А теперь повтори еще раз, что мы с тобой проходили, Сюзанна Дин, и смотри больше не ошибись.

На этот раз слова сорвались с ее губ, точно ледышки. Рука ее на подлокотнике инвалидной коляски легонько дрожала, точно двигатель, работающий на холостых оборотах.

— «Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я целюсь глазом».

— Хорошо.

— «Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я стреляю рассудком».

— Так было всегда, Сюзанна Дин.

— «Я убиваю не выстрелом из револьвера; та, которая убивает выстрелом, забыла лицо своего отца.

Я убиваю сердцем».

— *Тогда УБЕЙ их ради отца своего!* — закричал Роланд. — *УБЕЙ ИХ!*

Правая ее рука сорвалась с подлокотника кресла и молнией метнулась к кобуре. В мгновение ока левая рука опустилась и легла на курок — быстро и плавно, как взмах крылышка колибри. Шесть раз прогремели выстрелы, прокатившись эхом по долине, и на вершине валуна остался стоять только один камешек из шести.

В первое мгновение никто из них не произнес ни слова — казалось, у обоих перехватило дыхание, — пока над долиной замирало эхо. Даже вороны притихли, по крайней мере на время.

Стрелок нарушил гулкую тишину двумя бесстрастными, но вместе с тем весьма выразительными словами:

— Очень хорошо.

Сюзанна смотрела на сжимаемый ею револьвер, как будто видела его впервые. От дула вверх поднималась тоненькая струйка дыма, безупречно прямая в безветрии. Чуть погодя Сюзанна медленно засунула револьвер обратно в кобуру.

— Хорошо, но еще не отлично, — проговорила она наконец. — Один раз я промазала.

— Да? — Роланд подошел к валуну, снял с него оставшийся камешек, сначала сам поглядел на него, а потом бросил ей.

Она поймала его левой рукой. Он с одобрением отметил, что правую она держит возле кобуры. Она стреляла лучше, чем Эдди, и у нее получалось естественнее, но именно этот урок она усвоила все же не так быстро. Если бы она была с ними во время той перестрелки в ночном клубе у Балазара, она бы, наверное, врубилась быстрее. Но теперь и она, кажется, научилась. Она пригляделась к камню и заметила сбоку бороздку глубиной почти в одну пятую дюйма.

— Ты его лишь зацепила, — сказал стрелок, — но все-таки зацепила, а иногда большего и не нужно. Если подрезать противника, сбить ему прицел... — Он секунду помедлил. — Чего ты так на меня уставилась?

— А ты что, не знаешь? Ты правда не знаешь?

— Нет. Твой разум часто закрыт для меня, Сюзанна.

В его голосе не было и намека на готовность защищаться, и Сюзанна досадливо мотнула головой. Быстрые перепады ее настроения, выдававшие личность неординарную, иной раз его раздражали донельзя. Ее же из себя всегда выводила его кажущаяся неспособность скрывать свои мысли — он всегда говорил то, что думал. Она в жизни еще не встречала такого прямодушного человека.

— Хорошо, — вымолвила она. — Я скажу тебе, Роланд, почему я так на тебя уставилась. Потому что ты гнусно меня обманул. Ты сказал, что *не станешь* меня лупить, что *не сможешь* меня отдубасить, даже если я промахнусь все шесть раз... но ты либо лжец, либо просто болван, а я *знаю*, что ты не болван. Ударить ведь можно и не рукой, и мы... наша раса... об этом знаем. Там, откуда я родом, у нас был один стишок: «Пусть камни и трости переломают мне кости...»

— «...но на ваши насмешки мне наплевать», — закончил Роланд.

— Ну, мы немного не так говорим, но смысл тот же. Не важно, как именно это сказать. Но то, что ты сделал, неспро-

ста называется «устроить разнос». Ты меня *ранил* словами, Роланд... и, глядя сейчас мне в глаза, будешь утверждать, что не хотел ничего такого?

Она выпрямилась в своем кресле, уставившись на Роланда с этаким дерзким, вызывающим любопытством, и Роланд еще подумал — не в первый раз, — что «белые мудилы» из мира Сюзанны были либо отчаянными храбрецами, либо конченными идиотами, раз решились встать ей поперек дороги, и даже не важно, что она инвалид в коляске. А побывав в ее мире, Роланд на опыте убедился, что смельчаков там раз-два и обчелся.

— Честно сказать, я не думал об этом. Мне было плевать, больно тебе или нет, — спокойно ответил он. — Ты показала зубки и готовилась уже цапнуть, так что пришлось сунуть тебе в пасть палку. И это сработало... верно?

На лице у нее застыло болезненное изумление.

— Ах ты, *гад!*

Вместо ответа он вытащил у нее из кобуры револьвер, неловко открыл барабан тремя пальцами, что остались на правой руке, и принялся перезаряжать его левой рукой.

— Из всех своевольных, высокомерных...

— Тебе *нужно* было рассвирепеть и показать зубы, — продолжал Роланд все тем же бесстрастным тоном. — Если бы этого не случилось, ты бы точно промазала, действуя рукой и револьвером вместо глаза, рассудка и сердца. Разве это обман? Разве в высокомерии дело? Думаю, нет. По-моему, Сюзанна, из нас двоих этого высокомерия больше в тебе. По-моему, это ты, а не я, больше склонна к обману и всяким вывертам. И меня это не задевает. Даже наоборот. Стрелок без зубов — не стрелок.

— Черт возьми, никакой я не стрелок!

Он пропустил ее реплику мимо ушей; он мог позволить себе эту роскошь. Если она — не стрелок, то он тогда — козлик.

— Если бы мы тут в игрушки играли, я бы и вел себя соответственно. Но мы не играем. Мы...

Он поднес левую руку к виску и на мгновение умолк. Она заметила, что кончики пальцев его дрожат.

— Роланд, с тобой все в порядке?

Он медленно опустил руку, поставил барабан на место и вложил револьвер обратно в ее кобуру.

— Да, все нормально.

— Нет, не нормально. Я не раз уже замечала. И Эдди тоже. Все началось почти сразу же, как только мы свернули с пляжа. Что-то с тобой не так. И по-моему, это прогрессирует.

— Все со мной так.

Она протянула руку и прикоснулась к его руке. Ее гнев остыл, по крайней мере пока. С серьезным видом она заглянула ему в глаза.

— Мы с Эдди... это не наш мир, Роланд. Без тебя мы здесь погибнем. У нас есть твои револьверы, и мы теперь умеем хорошо стрелять, ты нас научил, но мы все равно здесь погибнем. Ты... ты нам нужен. Так что скажи мне, пожалуйста, что не так. Позволь *нам* попытаться помочь тебе.

Роланд был не из тех людей, которые способны понять себя до конца, впрочем, он никогда к этому и не стремился; ему было чуждо само определение самосознания (не говоря уже о самоанализе). Его путь — путь действия: быстро свериться со своими инстинктами, механизм которых оставался всегда для него загадкой, и, как говорится, полный вперед. Из всех троих он был наиболее безупречно «устроен», человек, чья глубинная романтическая сердцевина скрывалась под незатейливой упаковкой инстинкта и прагматизма. Вот и сейчас он на мгновение заглянул в себя, прислушался к своему инстинкту и решил рассказать ей все. Да, с ним творилось неладное. В самом деле. Что-то было не так с его рассудком. Что-то столь же простое, как и его бесхитростная натура, и столь же странное, как и жуткая жизнь скитальца, которую он вынужден был вести из-за этой своей натуры.

Он открыл было рот, собираясь произнести: «Я скажу тебе, что не так, Сюзанна. В трех словах. Я схожу с ума», — но тут со скрежещущим треском в лесу повалилось еще одно дерево. На этот раз ближе к поляне, и теперь Роланд с Сюзанной не были заняты поединком двух воль, замаскированным под урок стрельбы. Они оба услышали треск падающего ствола, хриплые крики ворон, и оба отметили про себя то, что дерево упало совсем близко от их лагеря.

Сюзанна бросила взгляд в направлении звука.

— Эдди! — проговорила она, уставившись на стрелка широко распахнутыми испуганными глазами.

И тут вдруг из гущи леса донесся вопль — громогласный крик ярости. Упало еще одно дерево, потом еще. Шум поднялся такой, как будто там стреляли из миномета. *Сухой лес,* — сказал себе Роланд. — *Мертвые деревья.*

— *Эдди!* — на этот раз она закричала. — Я не знаю, что это, *но оно рядом с Эдди!* — Сюзанна схватилась руками за колеса своей коляски и принялась ее разворачивать, тяжело преодолевая сопротивление почвы.

— Нет времени. — Роланд подхватил ее под мышки и поднял с коляски. Ему и раньше неоднократно приходилось тащить ее на себе — и ему, и Эдди — в тех местах, где нельзя было проехать на инвалидной коляске, но она все равно поразилась, в который

раз, его сверхъестественной быстроте. Вот она сидит у себя в коляске, заказанной в конце 1962-го в лучшей нью-йоркской ортопедической клинике, а буквально через секунду уже восседает на шее Роланда, точно этакая деваха на стадионе, подающая сигнал к овациям, сжимая крепкими бедрами его шею, а он, сцепив руки в замок, поддерживает ее за поясницу. Он побежал, шурша подошвами по усыпанной хвоей земле, прямо по колее, прочерченной шинами ее коляски.

— Одетта! — В минуту стресса Роланд, сам того не сознавая, обратился к ней по имени, под которым впервые узнал ее. — Только не вырони револьвер! Во имя отца своего!

Теперь он мчался, лавируя среди деревьев. Паутина теней и пятна солнечного света сменялись у них на лицах в подвижной мозаике. Дорога шла под гору. Сюзанна левой рукой отбивалась от ветвей, норовящих спихнуть ее с плеч Роланда, а правую держала на рукояти древнего револьвера.

Миля, — твердила она себе. — *За сколько можно пробежать милю? Да еще если нестись сломя голову? Наверное, быстро, если только он не навернется на этих иголках... но, может быть, все равно слишком долго. Господи, только бы с ним ничего не случилось... с моим Эдди.*

И как бы в ответ на ее безмолвные призывы снова раздался рев невидимого пока зверя. Оглушительный, точно гром. Точно рок.

2

Он был самым громадным созданием в этом краю, который когда-то носил название Больших Западных лесов, и самым древним. Исполинские вязы в долине были всего лишь тоненькими черенками, когда медведь явился сюда из туманных пределов Внешнего мира, точно жестокий король-скиталец.

Когда-то в Западных лесах жили древние люди (это на их поселения в долине набредал Роланд в течение последних недель), но они все бежали отсюда в страхе перед исполинским бессмертным медведем. Когда древние обнаружили, что у них появился незваный сосед в этом краю, куда они тоже пришли издалека, они попытались его убить, но стрелы их лишь разъярили зверя, не причинив ему ощутимого вреда. Но самое страшное, он в отличие от других лесных тварей отнюдь не пребывал в неведении относительно источника его боли и мук — он был умнее даже хищных котов, что обитали в песчаных холмах на Западе. Этот медведь знал, откуда исходят стрелы. Он *знал.*

И за каждую отметину в плоти под своей косматой шкурой он лишал жизни троих-четверых, а то и с полдюжины древних:

женщин, если ему удавалось до них добраться, если же не удавалось, тогда — детей; воинами же зверь откровенно пренебрегал, и то было предельное унижение для людей.

И вот, когда древние поняли истинную природу зверя, они отказались от мысли его убить, ибо то был не зверь, а воплощенный демон... или тень божества. Они назвали его Миа, что на их языке означало: «мир под покровом другого мира». И вот теперь, после восемнадцати, если не больше, столетий безраздельного своего правления в Западных лесах, могучий зверь ростом в семьдесят футов умирал. Быть может, причиной тому явился крошечный, микроскопический организм, который проник в его тело вместе с едой или питьем; быть может, время и возраст взяли свое; но скорее всего причиной явилось и то, и другое вместе. Впрочем, значение уже имела не сама причина, а ее конечный результат: размножающаяся с невероятной скоростью колония паразитов, опустошающих легендарный мозг. После стольких веков его расчетливый жестокий ум не выдержал, и Миа лишился рассудка.

Медведь снова почуял людей, которые вторглись в его заповедный лес; он здесь царил, и как бы безбрежны ни были просторы, если что-то действительно важное случалось на территории царства Миа, очень скоро он узнавал об этом. На этих людей он не стал нападать, просто ушел подальше от них. Не потому, что боялся, а потому, что ему не было дела до них, как, впрочем, и им — до него. Но тут активизировались паразиты, и безумие стало нарастать, он вдруг решил, что это древние снова явились тревожить его, что это вернулись охотники со своими капканами и ловушками и поджигатели леса, вернулись, чтобы приняться за старое. И вот, лежа в последней своей берлоге, в тридцати милях от поселения новоприбывших, слабея день ото дня, он пришел к мысли, что древние все-таки отыскали средство, которое свалило его: яд.

На этот раз он явился не мстить за какие-то мелкие раны, он пришел уничтожить их всех, прежде чем их медленный яд прикончит его... и пока Миа до них добирался, все его мысли исчезли, растворившись в багряной ярости, в жужжании некоего поселившегося в его голове существа, которое раньше исполняло свою работу в тишине и спокойствии, и в жутковато-обворожительном запахе, что вел его прямо к лесному лагерю трех пилигримов.

Исполинский медведь, настоящее имя которому было, конечно, не Миа, продирался по лесу, точно ходячее здание — косматая башня с налитыми кровью сверкающими глазами, пылающими жаром и безумием. Его громадная голова, увенчанная гирляндой из отломанных веток и хвойных иголок, непрестанно раскачивалась из стороны в сторону. Время от времени он чихал, разражаясь приглу-

шенным взрывом — АП-ЧХИ! — и из ноздрей у него вылетали извивающиеся белесые паразиты. Лапы с загнутыми когтями в три фута длиной рвали деревья на части. Шел он на задних лапах, и там, где ступал по мягкой земле, оставались глубокие следы. От него пахло свежим хвойным бальзамом и застарелым прокисшим дерьмом.

А тварь у него в голове корчилась и вопила, вопила и корчилась.

Медведь неуклонно шел по почти безупречной прямой к лагерю тех, кто отважился возвратиться в его леса. Из-за них у него в голове поселилась эта темная неунимающаяся боль. Древние или новые это люди, они все равно умрут. Иной раз, проходя мимо иссохшего дерева, исполинский медведь чуть отступал от прямого курса, чтобы сбить мертвый ствол наземь. Ему нравился сухой взрывной треск падающих стволов. Когда гниющее дерево грохалось оземь или зависало, запутавшись в кронах других деревьев, медведь шел дальше сквозь косые лучи солнечного света, затуманенного облачками древесных опилок.

3

Уже два дня Эдди Дин занимался резьбой по дереву — в последний раз он пытался что-нибудь вырезать лет этак в двенадцать и с тех пор больше за это не брался. Он помнил только, что тогда ему нравилось это занятие, и думал, что и теперь у него получится. Всего Эдди, конечно, не помнил, но было одно ясное воспоминание: Генри, его старший брат, не терпел, когда Эдди работал по дереву.

«Вы посмотрите на этого паиньку! — говорил тогда Генри. — Что мы сегодня творим, мой сладенький? Кукольный домик? Ночной горшок для твоей мелкой писпски? Или рогатку, словно ты собираешься выйти на кроликов, как большие ребята? О-о-о... КРАСОТУЛЯ какая!»

Генри никогда не говорил Эдди прямо, мол, бросай, брат, это тупое занятие. Нет чтобы подойти к нему и сказать напрямик: «Может, ты прекратишь это дело, братец? Видишь ли, у тебя хорошо получается, а когда у тебя что-нибудь хорошо получается, это выводит меня из себя. Потому что, пойми меня правильно, братец, именно *от меня* ждут, что я буду умелым парнишкой, у которого все-все выходит. От меня. Генри Дина. Но я знаю, братишка, что мне надо делать. Я лучше буду тебя дразнить. Потому что, если я прямо тебе скажу: «Не делай этого больше, это выводит меня из себя», то ты решишь еще, будто бы у меня с головой не все в порядке. Но дразнить я тебя могу. Так поступают все старшие братья, верно? Не станем и мы нарушать традицию. Я буду дразнить тебя и

выставлять тебя дураком, пока ты... мать твою... не ПЕРЕСТАНЕШЬ! О'кей?»

Конечно, отнюдь *не о'кей,* далеко не о'кей, но так уж повелось в доме Динов: частенько все было, как хотел Генри. И до недавнего времени Эдди думал, что это нормально: не о'кей, но *нормально.* А это две, как говорится, большие разницы. И было две причины, почему Эдди все это казалось нормальным. Одна причина — явная, другая — скрытая.

Очевидная причина заключалась в том, что Генри было поручено «присматривать» за Эдди, когда миссис Дин уходила на работу. Причем «присматривал» он все время, потому что когда-то у братьев Дин была сестра, если вы понимаете, о чем идет речь. Если бы она не погибла, она была бы на четыре года старше Эдди и на четыре же года моложе Генри, но в том-то и загвоздка: она погибла. Когда Эдди было два года, ее задавила машина. Водитель был пьян. А она просто стояла и наблюдала за игрой в классики...

Еще ребенком Эдди часто вспоминал сестру, когда по телику Мел Аллен комментировал матчи по бейсболу. Когда кто-то когонибудь подсекал, Мел орал дурным голосом: «Срань господня, он его замочил! УВИДИМСЯ В СЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧЕ!» Так и этот пьяный водила замочил Глорию Дин, срань господня, увидимся в следующей передаче. Сейчас Глория пребывала на небесах, в горней выси, и случилось это не потому, что ей просто не повезло, что власти штата Нью-Йорк почему-то не отобрали водительские права у этого ублюдка после его третьего ДТП, и даже не потому, что Бог в этот момент отвлекся, чтобы подобрать с полу упавший орешек. Это случилось из-за того (как миссис Дин частенько потом говорила своим сыновьям), что никого не было рядом, чтобы «присмотреть» за Глорией.

Задача Генри и заключалась в том, чтобы с Эдди ничего подобного не произошло. Это как работа, и Генри ее исполнял, но ему было трудно. В этом Генри и миссис Дин полностью соглашались друг с другом. Они оба частенько в два голоса напоминали Эдди о том, чем жертвует ради него старший брат, оберегая от пьяных водителей, всяких шизов и наркоманов и даже от злобных инопланетян из «летающих тарелок» и реактивных капсул, которые могут спуститься с небес, чтобы похитить и забрать с собой маленьких ребят вроде Эдди Дина. Так что не стоило лишний раз выводить Генри из себя, ибо ему и так приходилось несладко под грузом тяжкой ответственности. Если Эдди вдруг начинал делать что-то такое, из-за чего Генри бесился, ему надо было немедленно прекратить. Так Эдди расплачивался со старшим братом за то, что тот тратил время, «присматривая» за ним. Если глядеть на все с такой точки зрения, то выходило, что делать

что-нибудь лучше Генри — это просто несправедливо по отношению к нему.

Но была еще одна, скрытая, причина («мир под покровом другого мира», можно сказать и так), причем более веская, ибо никто не решился бы высказать ее вслух: Эдди не мог позволить себе быть лучше Генри в чем бы то ни было потому, что его старший брат большей частью был вообще ни на что не способен... разумеется, за исключением «присмотра» за Эдди.

Генри научил Эдди играть в баскетбол на игровой площадке неподалеку от их многоквартирного дома, в задавленном цементом предместье, где горизонт закрывали манящие, как мечта, башни Манхэттена и всем заправлял его величество Достаток. Эдди был на восемь лет младше Генри и физически помельче брата, но когда он выходил с мячом на бугристую, растрескавшуюся цементную площадку, все движения, казалось, отзывались шипением в его нервных окончаниях. Прирожденный игрок, он был проворнее, но это еще не самое страшное. Самое страшное заключалось в том, что он был *лучше* Генри. Если бы он не сумел понять этого по результатам их игр, он бы понял все по уничижительным взглядам, которые Генри метал в его сторону на площадке, и еще по тому, как Генри больно ударял его кулаком по руке на пути домой. Эти тычки надо было принимать за дружеские подтрунивания старшего брата... «Еще парочку для испытания на прочность!» — весело выкрикивал Генри, а потом — бац-бац! — выставив один сустав, бил кулаком прямо Эдди в бицепс... но эти удары ощущались не как шутки. А как предупреждения. Как будто Генри ему говорил: *Лучше тебе не дурачить меня и не выставлять меня идиотом, братец, когда ты несешься к корзине; не забывай — я за тобой «присматриваю».*

То же самое повторялось и с чтением... и с бейсболом... с «освобождением пленных»... с математикой... и даже, смешно сказать, со скакалкой, игрой для девчонок. То, что он все это делал лучше или мог сделать лучше, Эдди приходилось держать в строгой тайне. Потому что он, Эдди, младший. Потому что Генри «присматривает» за ним. Но самое важное всегда просто: Эдди скрывал свое превосходство, потому что Генри был замечательным братом и Эдди его обожал.

4

Два дня назад, пока Сюзанна освежевывала подбитого кролика, а Роланд готовил ужин, Эдди ушел в лес, что южнее лагеря. Там он набрел на оригинальный отросток, торчащий из пня недавно упавшего дерева. Странное чувство — должно быть, то самое, которое называется deja vu, — вдруг охватило его. Эдди поймал

себя на том, что тупо пялится на деревяшку, похожую на грубо сработанную дверную ручку. Потом он смутно осознал, что во рту у него пересохло.

Через пару секунд он наконец сообразил, что *смотрит* на деревяшку, а *видит* внутренний двор за домом, где они с Генри жили... чувствует под седалищем теплый цемент, а от мусорной кучи из-за угла тянет вонью отбросов. В его памяти в одной руке он держал деревянный брусок, а в другой — перочинный ножик. Отросток на пне разбудил в его душе воспоминания о том коротком периоде, когда он буквально влюбился в резьбу по дереву. Просто память об этом была упрятана так глубоко, что Эдди даже не сразу понял, о чем думает.

Больше всего ему нравилось еще до начала разботы *зримо представлять* себе будущую вещь. Иной раз он видел машину, иной раз — тележку. Кошку или собаку. Однажды, помнится, он увидел лицо какого-то идола... наверное, из тех жутких каменных монолитов на острове Пасхи, фотография которых попалась ему как-то в выпуске журнала «Нэшнл джиогрэфик». Тогда у него в самом деле вышло нечто особенное. Игра заключалась в том, чтобы выяснить, сумеешь ли ты освободить от излишков дерева то, что видишь, не испортив фигурки. Это редко ему удавалось, но если быть очень-очень осторожным, иной раз получалось вполне приемлемо.

Внутри отростка на пне что-то таилось. Эдди подумал, что ножом Роланда ему, наверное, удастся освободить большую часть скрытой фигурки: такого острого и удобного инструмента у него раньше не было.

Нечто внутри деревяшки терпеливо ждало кого-то — такого, как Эдди! — способного разглядеть и выпустить это «нечто» на волю.

Вы посмотрите на этого паиньку! Что мы сегодня творим, мой сладенький? Кукольный домик? Ночной горшок для твоей мелкой писки? Или рогатку, словно ты собираешься выйти на кроликов, как большие ребята? О-о-о... КРАСОТУЛЯ какая!

Ему внезапно стало стыдно, точно он сделал что-то дурное; у него возникло острое чувство, будто он владеет тайной и ее надо скрыть любой ценой. А потом он вдруг вспомнил — в который раз, — что Генри Дина, в последние годы заделавшегося величайшим мудрецом и выдающимся наркоманом, давно уже нет в живых. Эта мысль до сих пор не утратила своей убойной силы, так или иначе она неизменно болезненно отзывалась в нем то виной, то печалью, то яростью. В тот день, за двое суток до того, как по зеленому коридору леса к ним в лагерь пришел исполинский медведь, мысль о смерти брата принесла совершенно новые, даже удивительные ощущения. Эдди почувствовал облегчение и какую-то неземную радость.

Он стал свободен.

Эдди попросил у Роланда на время нож. Осторожно срезал торчащий на пне отросток дерева, потом вернулся в лагерь, уселся под деревом и принялся вертеть деревяшку так и этак, глядя не *на* нее, а *внутрь ее*.

Сюзанна закончила наконец с кроликом. Мясо отправили в котелок над костром. Шкурку она растянула на двух деревянных колышках, привязав сыромятными ремнями от дорожного мешка Роланда. Попозже, уже после ужина, Эдди займется ее выделкой. А пока суд да дело, Сюзанна легко скользнула, опираясь на руки, к Эдди, который сидел, привалившись спиной к вековой сосне. Роланд колдовал над котелком с крольчатиной, засыпая туда какие-то непонятные — и, несомненно, божественные на вкус — лесные коренья и травы.

— Что делаешь, Эдди?

Эдди вдруг поймал себя на том, что отчаянно сопротивляется нелепому порыву спрятать кусок древесины у себя за спиной.

— Ничего, — выдавил он. — Подумал, может быть, у меня выйдет что-нибудь вырезать. — Чуть погодя он добавил: — Хотя, если честно, то я никогда особым умением не отличался. — Прозвучало это так, как будто он пытался ее утешить.

Она озадаченно на него посмотрела. Казалось, она собирается что-то сказать, но потом лишь пожала плечами и больше не стала к нему приставать. Сюзанна никак не могла взять в толк, почему Эдди стыдится заниматься резьбой — ее отец, например, посвящал этому весь свой досуг, — но если Эдди нужно будет поговорить об этом, он сделает это, когда придет время.

Эдди и сам понимал, что вина его — чувство нелепое и бессмысленное, и все-таки ему было удобнее и спокойнее заниматься резьбой, когда он оставался в лагере один. Похоже, старые привычки не так-то просто изжить. Одолеть героин — это просто игрушки по сравнению с тем, чтобы одолеть комплексы детства.

Когда Роланд с Сюзанной уходили — поохотиться, пострелять, пройти очередной урок в своеобразной школе стрелка, — Эдди принимался за свою деревяшку с удивительной сноровкой и нарастающим удовольствием. Да, он не ошибся: внутри таилась другая форма, простая, незамысловатая, и нож Роланда высвобождал ее с мастерской, даже жутковатой легкостью. Эдди уже поверил, что на этот раз у него все получится, так что и рогатка окажется вполне дельным оружием. Само собой, никакого сравнения с револьверами Роланда, и все-таки у него будет что-то сделанное своими руками. *Что-то свое.* Эта мысль его грела.

Когда в воздух с испуганным криком поднялись первые вороны, Эдди их не услышал. Он уже мечтал — надеялся, — что очень скоро ему попадется кусок древесины с луком, заключенным внутри.

5

Эдди услышал приближение медведя раньше, чем Роланд с Сюзанной, но не намного: он был погружен в глубокую сосредоточенность, всегда сопутствующую творческому импульсу в его наиболее сладостные и сильные моменты. Раньше почти всегда он подавлял в себе эти импульсы, но на этот раз творчество поглотило его целиком. Эдди стал добровольным пленником своего порыва.

Из этой сладкой задумчивости его вывел не грохот падающих деревьев, а серия выстрелов из револьвера 45-го калибра, донесшихся с южной стороны. Он с улыбкой поднял голову и откинул со лба волосы рукой, обсыпанной стружками. В это мгновение, когда он сидел, прислонившись к высокой сосне, на поляне, что стала им домом, а на лице у него трепетал золотисто-зеленый свет, льющийся сквозь ветви деревьев, он был необыкновенно красивым: молодой человек с непослушными черными волосами, норовящими упасть на его высокий лоб, молодой человек с сильным, подвижным ртом и ореховыми глазами.

Он бросил взгляд на второй револьвер Роланда, что висел на ружейном ремне на ближайшей ветви, и спросил себя, а давно ли Роланд уходил куда-либо без своего легендарного револьвера на поясе. За этим вопросом сами собой возникли еще два.

Сколько лет этому человеку, который извлек их с Сюзанной из их мира и времени? И, самое важное, что с ним сейчас происходит?

Сюзанна ему обещала выяснить это сегодня... если только она будет стрелять хорошо и если Роланд не психанет. Впрочем, Эдди не думал, что Роланд ей скажет — по крайней мере вот так вот сразу, — но пришло время дать знать этой старой образине: *они* видят, что *что-то* не так.

— Бог даст, будет вам и водица, — сказал Эдди вслух и вернулся к своей резьбе. На губах у него играла едва заметная улыбка. Оба они постепенно набираются от Роланда его прибауток... а он — от них. Как будто они стали вдруг половинками одного...

Где-то в лесу, совсем близко, упало дерево. В мгновение ока Эдди вскочил, сжимая в одной руке недоделанную рогатку, в другой — острый нож Роланда, и повернул голову в сторону звука, напряженно всматриваясь в чащу леса. Сердце бешено колотилось в груди, все пять чувств пришли наконец в боевую готовность. Что-то ломилось сквозь заросли к лагерю. Теперь Эдди явственно слышал его приближение: что-то продиралось прямиком через подлесок, и Эдди еще про себя отметил с горьким изумлением, что спохватился он, кажется, поздновато. Откуда-то из глубин сознания поднялся тоненький голосок... так, мол, тебе и надо. За то, что он делает что-то лучше Генри, за то, что выводит Генри из себя.

С натужным треском упало еще одно дерево. Теперь Эдди увидел, как в просвете между стволами в неподвижном воздухе взметнулось облако древесных опилок. Тварь, повалившая дерево, вдруг взревела — у Эдди все внутри похолодело от этого рева.

Громадный мудила.

Эдди выронил недоделанную рогатку и метнул нож Роланда в ствол сосны футах в пятнадцати слева. Перевернувшись два раза в воздухе, нож вонзился в древесину до середины клинка. Эдди выхватил Роландов револьвер, что висел на ружейном поясе на ближайшем кусте, и взвел курок.

Остаться или бежать?

Однако он быстро понял, что задаваться таким вопросом сейчас — непозволительная для него роскошь. Мало того, что тварь была громадной, она была еще и быстрой. Теперь уже поздно спасаться бегством. К северу от поляны среди стволов деревьев уже возникла исполинская фигура. Выше ее были только верхушки самых высоких деревьев. И она надвигалась прямо на Эдди, не отрывая от него горящих глаз и изрыгая из мощной глотки яростные вопли.

— О Боже, по-моему, мне абзац, — прошептал Эдди. Еще одно дерево накренилось, пошло трещинами, точно мраморная плита, и повалилось на землю, подняв облако пыли и хвойных иголок. Он шел прямо к поляне, медведь размером с Кинг-Конга, и под шагами его дрожала земля.

Что будешь делать, Эдди? — раздался в сознании голос Роланда. — *Думай, соображай! Это — твое единственное преимущество перед зверем. Думай! Что нужно делать?*

Эдди не допускал, что сумеет убить эту тварь. Может быть, из базуки и получилось бы, но уж из револьвера 45-го калибра вряд ли. Он мог бы попробовать убежать, но почему-то его не покидала уверенность, что этот зверь, если захочет, может двигаться очень быстро. Мысленно он просчитал свои шансы закончить жизнь, превратившись в мокрое место под тяжелой лапой здоровенного медведя, вышло — пятьдесят на пятьдесят.

Ну и что мы выбираем? Открыть пальбу прямо сейчас или все же попробовать смыться, причем нестись надо так, как будто тебе задницу облили скипидаром?

А потом ему вдруг пришло в голову, что есть еще и третий путь. Можно залезть на дерево.

Он повернулся к сосне, у которой сидел, вырезая свою рогатку. Высоченное вековое дерево — наверное, самое высокое в этой части леса. Нижние его ветки распростерлись над лесным настилом пушистым зеленым навесом футах в восьми над землей. Эдди осторожно отпустил курок, сунул револьвер за ремень на

брюках, потом подпрыгнул, схватился обеими руками за ветку и отчаянно подтянулся. Исполинский медведь уже вывалился на поляну, оглашая окрестности яростным ревом.

Ему не составило бы никакого труда размазать маленького человечка по нижним веткам сосны, раскрасив хвою безвкусным узором из внутренностей Эдди Дина, если бы на него вдруг не напал очередной мощный приступ чиханья. Проходя по поляне, гигантский медведище наступил на золу догорающего костра, подняв в воздух черное облако пепла и гари, и тут же согнулся почти пополам, уперев передние лапы в бока, — в это мгновение он стал похож на болезненного старика в меховом пальто, подхватившего насморк. Он чихал непрерывно — АП-ЧХИ! АП-ЧХИ! АП-ЧХИ! — а из носа и пасти его сыпались белесые паразиты, поселившиеся у него в мозгу. Горячая струя мочи потекла у него между ног и зашипела, попав на раскиданные угольки.

Эдди не стал терять драгоценные мгновения. Он полез вверх по стволу, что твоя обезьяна, помедлив только однажды, чтобы убедиться, что револьвер Роланда надежно держится за ремнем его брюк. Он был охвачен паническим ужасом, почти убежденный, что ему пришел конец (а чего еще ждать теперь, когда рядом нет Генри, чтобы за ним «присмотреть»?), но в голове у него все равно продолжали звучать отголоски сумасшедшего смеха. *Загнали парнишку на дерево,* думал он. *Как вам такой поворот событий, болельщики и фанаты? И кто загнал-то? Медвезилла.*

Громадная тварь снова подняла голову. Существо у нее в голове уловило мерцание и блики солнечных лучей, а потом устремилось к сосне, по которой карабкался Эдди. Медведь поднял могучую лапу и подался вперед, намереваясь сбить Эдди, как шишку. Лапа проехалась по суку, на котором стоял Эдди Дин, как раз в то мгновение, когда он перебрался на ветку выше, и содрала с его ноги ботинок, разлетевшийся в клочья.

Все о'кей. Можешь взять и второй, уважаемый Медведятина, если хочешь, подумал Эдди. *Я все равно собирался сменить ботинки, а то они совсем уже поизносились.*

Медведь взревел и ударил снова, прорывая глубокие раны в древней коре, кровоточащие чистой смолой. Эдди продолжал карабкаться вверх. Теперь ветви стали потоньше. Он отважился глянуть вниз и уставился прямо в мутные глаза медведя. Далеко внизу поляна превратилась в мишень, центром которой был круг тлеющих угольков костра.

— Не попал, волосатый муди... — начал было Эдди, но тут медведь, запрокинув морду, опять чихнул. Эдди обдало влажной струей горячих соплей с мелкими белыми червячками.

Их были тысячи. Они отчаянно корчились у него на рубашке, на руках, на лице и шее.

Эдди вскрикнул от неожиданности и отвращения. Он принялся стряхивать червяков с глаз и губ, потерял равновесие и едва успел вцепиться рукой в ближайшую ветку. Другой рукой он принялся стряхивать с себя эту червивую слизь, стараясь очиститься как можно лучше. Медведь заревел и снова ударил по дереву. Сосна покачнулась, как корабельная мачта в шторм... но отметины от когтей остались на этот раз в семи футах ниже той ветки, на которой сейчас примостился Эдди.

Он понял, что черви гибнут — наверное, начали гибнуть, как только покинули зараженное болото внутри тела чудовища. При этой мысли он несколько взбодрился и снова полез наверх. Поднявшись еще на двенадцать футов, он остановился, не решаясь лезть выше. Ствол сосны, футов восемь в диаметре у основания, здесь, наверху, сузился едва ли не до восемнадцати дюймов. Эдди распределил свой вес между двумя ветвями, но он чувствовал, как они пружинят и гнутся под ним. Отсюда, с высоты вороньего гнезда, открывался вид на просторы леса и на западные холмы, волнообразным ковром распростершиеся внизу. При других обстоятельствах Эдди не отказал бы себе в удовольствии насладиться изумительной панорамой.

Смотри, мама, я на вершине мира, подумал он и осторожно глянул вниз, на запрокинутую медвежью морду, и вдруг на мгновение утратил способность связно мыслить, все растворилось в элементарном изумлении.

Что-то вырастало из черепа зверя... что-то похожее на радиолокатор.

Странное приспособление рывком повернулось, отбросив солнечный зайчик, и Эдди расслышал тоненькое жужжание. В свое время у Эдди было несколько старых машин — из тех, что продаются в салонах подержанных автомобилей с рекламками типа МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ! ЗДЕСЬ ЕСТЬ ДЛЯ ВАС КОЕ-ЧТО ИНТЕРЕСНЕНЬКОЕ! на лобовом стекле, — и это жужжание напоминало ему свист подшипников, которые надо срочно сменить, пока они окончательно не полетели.

Медведь издал долгий утробный рык. Изо рта у него потекли ошметки желтоватой пены с червями. Если бы Эдди не видел раньше, как выглядит конченое безумие (а он считал, что на это «сокровище» он насмотрелся вдоволь, достаточно вспомнить Детту Уокер, сучку и стерву мирового класса), то теперь ему выпал бы шанс восполнить этот пробел... спасибо еще, что эта рожа была сейчас в добрых тридцати футах под ним, а смертоносные когти, как бы чудовище ни силилось, не дотягивали до ног его футов пятнадцать. И в отличие от тех мертвых деревьев, которые чудовище пова-

лило, пробираясь к поляне, эта сосна, полная жизненных сил, не поддавалась его напору.

— Безнадега, приятель, — тяжело выдохнул Эдди и, стерев пот со лба липкой от медвежьих соплей рукой, швырнул сгусток слизи прямо зверю в морду.

Но тут существо, которое древние называли Миа, обхватило обеими лапами дерево и принялось его трясти. Эдди что есть силы впился в ствол, сощурив глаза в упрямые щелки. Сосна закачалась, как маятник.

6

Роланд остановился на краю поляны. Сюзанна, сидевшая у него на плечах, уставилась, не веря своим глазам, на ту сторону открытого пространства. У сосны, где они с Роландом буквально три четверти часа назад оставили Эдди, теперь стояло косматое чудище. Сквозь завесу ветвей и темно-зеленых иголок виднелась лишь часть исполинского тела. Второй ружейный ремень Роланда валялся у чудища под ногами. Сюзанна заметила, что кобура пуста.

— Господи, — пробормотала она.

Медведь заорал, точно обезумевшая баба-кликуша, и принялся трясти дерево. Ветви задрожали, как под ураганным ветром. Сюзанна подняла глаза и разглядела маленькую фигурку почти у самой верхушки. Эдди жался к стволу, который качался туда-сюда. У нее на глазах одна рука его соскользнула и взметнулась снова, ища точку опоры.

— *Что будем делать?* — прокричала Сюзанна Роланду. — *Он сейчас его скинет! Что будем делать?*

Роланд попытался найти решение, но его опять охватило это странное состояние — в последнее время оно ни на мгновение не отпускало его, но, как видно, в стрессовой ситуации ему стало гораздо хуже. Ощущение было такое, словно рассудок его раздвоился. В его сознании поселилось как бы два человека, и у каждого были свои, отдельные от другого, воспоминания, а когда эти двое начали препираться, причем каждый из них упирал на то, что именно его память — истинная, стрелку показалось, что его разрывает надвое. Он сделал отчаянную попытку примирить этих двоих, и ему это удалось... по крайней мере пока.

— Это один из двенадцати! — прокричал он в ответ. — Из двенадцати Стражей! *Наверняка* это он! Но я думал, что все они...

Медведь снова взревел. Теперь он уже колошматил по дереву, словно этакий энергичный боксер. Отломанные ветки летели ему под лапы и ложились там беспорядочной грудой.

— *Что?* — прокричала Сюзанна. — *Что ты хотел сказать?*

Роланд закрыл глаза. В сознании у него надрывался голос: «Мальчика звали Джейк!» Другой голос орал в ответ: «НЕ БЫЛО никакого мальчика! Мальчика НЕ БЫЛО, и ты сам это знаешь!»

«Убирайтесь, вы оба!» — прорычал про себя Роланд, а потом выкрикнул вслух:

— Стреляй, Сюзанна! Стреляй ему прямо в зад! А когда он повернется, целься в такую штуку у него на голове! Она похожа...

Медведище вновь завопил. Он прекратил колошматить по дереву и опять взялся его трясти. Теперь верхушка ствола отвечала ему гулким зловещим треском.

Когда рев чудовища чуть поутих, Роланд прокричал:

— Похожа на шляпу! Маленькую такую стальную шляпу! Стреляй прямо в нее, Сюзанна! Только, пожалуйста, не промахнись!

Внезапно ее обуял безграничный ужас... и к нему примешалось еще одно чувство, которого она меньше всего ожидала: ощущение сокрушительного одиночества.

— *Нет! Я промахнусь! Стреляй лучше ты, Роланд!* — Она выхватила револьвер из своей кобуры, намереваясь отдать его Роланду.

— Я не могу! — крикнул он. — У меня не тот угол прицела! Придется, Сюзанна, стрелять тебе! Вот настоящее испытание, и ты должна его выдержать с честью!

— *Роланд...*

— *Сейчас он свернет верхушку!* — взревел стрелок. — *Ты что, не видишь?!*

Сюзанна уставилась на револьвер в своей руке, потом бросила сумрачный взгляд через поляну на исполинского медведя, едва видимого в клубах хвойных иголок. Подняла глаза. Эдди качался туда-сюда, как метроном. Скорее всего у него был с собой второй револьвер Роланда, но Эдди не мог им воспользоваться, иначе он просто свалился бы с ветки, как перезрелая груша. Да и вряд ли бы он попал в цель.

Она подняла револьвер. Внутри все скрутило от страха.

— Держи меня крепко, Роланд. Если ты меня не удержишь...

— Обо мне не беспокойся!

Она дважды нажала на спусковой крючок, стреляя так, как учил ее Роланд. Оглушительный грохот выстрелов перебил треск раскачиваемого ствола, точно два четких удара хлыста. Две пули вошли в левую ягодицу зверюги меньше чем в двух дюймах друг от друга.

Медведь завопил, в его вопле смешались боль, изумление и ярость. Из-под плотной завесы ветвей и иголок вынырнула здоровенная лапа, шлепнула по больному месту, потом оторвалась, вся в алой влаге, и снова исчезла из виду. Сюзанна представила, как под по-

логом ветвей чудище изучает свою окровавленную лапу. Потом вдруг раздался резкий шорох и хруст: это громадный медведь развернулся кругом, одновременно опускаясь на все четыре лапы, чтобы броситься на новоявленного врага с максимальной скоростью. Сюзанна увидела его морду, и сердце ее упало. Вся морда в пене; глазищи горят, как фонари. Косматая голова наклонилась налево... потом направо... и замерла прямо, нацелившись на Роланда, который стоял, широко расставив ноги и крепко держа Сюзанну Дин у себя на плечах.

С оглушительным ревом медведь рванулся в атаку.

7

Повтори, что мы с тобой проходили, Сюзанна Дин, и на этот раз не ошибись.

Медведь могучим прыжком бросился прямо на них... как взбесившийся фабричный агрегат, покрытый ради смеха поеденным молью ковром.

Она похожа на шляпу! Такую маленькую стальную шляпу!

Она увидела эту штуку... но, на ее взгляд, на шляпу она была не похожа. Скорее — на радар, уменьшенную версию тех устройств, какие показывают в новостях в сюжетах о том, как приборы дальнего радиолокационного обнаружения обеспечивают безопасность страны, дабы простые граждане могли спать спокойно и не бояться русских ядерных ракет. По своему размеру «радар» был больше камней, по которым она стреляла сегодня, но и до цели было гораздо дальше. Пятна тени и света пестрели повсюду, мешая целиться.

Я целюсь не рукой; та, которая целится рукой, забыла лицо своего отца.

Я не сумею!

Я стреляю не рукой; та, которая стреляет рукой, забыла лицо своего отца.

Я промахнусь! Я знаю, что промахнусь!

Я убиваю не выстрелом из револьвера; та, которая убивает выстрелом...

— Стреляй! — выкрикнул Роланд. — Стреляй, Сюзанна!

Она еще не успела взвести курок, но уже знала, что пуля вонзится в цель, направленная не чем иным, как отчаянным ее желанием попасть. Страх отступил. Осталась только холодная отстраненность и еще время подумать: *Так вот что он чувствует. Господи... как он это выдерживает?*

— Я убиваю сердцем, мудила, — сказала она, и в руке у нее громыхнул Роландов револьвер.

8

Серебристая штуковина вращалась на стальном стержне, всаженном в череп медведя. Пуля Сюзанны ударила прямо по центру радара, и он разлетелся сотней сверкающих на солнце осколков. Сам стержень исчез в неожиданной вспышке синего пламени, которое прошло по нему до самого гнездовища и на мгновение словно бы обхватило медвежью морду по бокам.

Тот пронзительно взвыл от боли и поднялся на задние лапы, судорожно молотя воздух передними. Потом закружился на месте, махая передними лапами, словно стремясь взлететь. Пасть широко раскрылась, но на этот раз из его глотки вырвался не могучий рев, а жуткая трель, больше похожая на завывание сирены воздушной тревоги.

— Хорошо. — Голос Роланда звучал устало. — Хороший был выстрел.

— Все? Больше не надо стрелять? — неуверенно спросила Сюзанна. Медведь продолжал бродить кругами, но теперь его заносило в сторону и сгибало пополам. Он запнулся о маленькое деревце, отскочил, едва не упал, а потом снова пошел кружить.

— Не надо, — сказал Роланд; обхватив Сюзанну за талию, приподнял ее и усадил на землю. Вся операция заняла полсекунды. Эдди начал медленно спускаться, но Сюзанна этого не замечала — она не сводила взгляда с великана-медведя.

Как-то раз под Мистиком, штат Коннектикут, она видела в океанариуме китов. Они были гораздо крупнее этого косматого чудища, но то морские животные, а если взять только животных суши, зверюги больше этой Сюзанна в жизни не встречала. И медведь, без сомнения, умирал. Его оглушительный рев превратился в какие-то влажные всхлипы, и, хотя глаза его были открыты, он, похоже, ослеп: мотался по лагерю, не разбирая дороги, опрокидывая рейки, на которых были растянуты добытые шкурки, топча шалашик, который Сюзанна делила с Эдди, сбивая молоденькие и сухие деревья. Струи дыма вились вокруг стального штыря в голове медведя, как будто от выстрела у него воспламенились мозги.

Эдди добрался до нижней ветки сосны, спасшей, если так можно сказать, ему жизнь, и уселся верхом на нее, дрожа всем телом.

— Матерь Божия, Пречистая Дева Мария, — выдохнул он. — Вот смотрю и глазам не ве...

Медведь развернулся к нему. Эдди проворно соскочил с ветки и со всех ног помчался к Сюзанне с Роландом. Медведь, похоже, его не заметил: шатаясь как пьяный, он подошел к сосне, послужившей убежищем Эдди, попытался схватиться за ствол, но про-

махнулся и тяжело упал на колени. Теперь его всхлипы сменились новыми звуками. Эдди они напомнили грохот громадного двигателя, разваливающегося на части.

Громадное тело скрутило судорогой, выгнуло дугой. Медведь вскинул передние лапы и, словно взбесившись, вонзил острые когти себе же в морду. Брызнула кровь, кишащая червяками. Чудовище грохнулось оземь, так что земля содрогнулась, и больше не пошевелилось. После стольких веков исполинский медведь, которого древние называли Миа — «мир под покровом другого мира», — все же нашел свою смерть.

9

Эдди поднял Сюзанну и, прижимая ее к себе липкими от медвежьих соплей руками, крепко поцеловал. От него пахло потом и сосновой смолой. Она прикоснулась к его щекам, к его шее, провела руками по влажным волосам. У нее вдруг возникло безумное желание потрогать его везде, чтобы убедиться, что он живой, настоящий.

— Он едва меня не зацепил, — бормотал Эдди. — Как в луна-парке на каком-нибудь сумасшедшем аттракционе. Но какой был выстрел! Господи, Сьюз... ну, ты дала!

— Я очень надеюсь, что мне никогда не придется больше повторить ничего подобного, — сказала она, но некий голос в самых глубинах ее души воспротивился. Этот голос твердил, что она ждет не дождется, когда можно будет нечто подобное повторить. Он был холодным, этот протестующий голос. Таким холодным.

— Что... — начал Эдди, поворачиваясь к Роланду, но Роланда уже не было рядом. Он медленно приближался к поверженному медведю, который лежал на земле косматыми коленями кверху. Откуда-то из глубин нутра зверя доносились приглушенные вздохи и бульканье... это кончался завод его внутренностей.

Роланд увидел свой нож, вонзенный в ствол дерева неподалеку от исполосованной сосны, которая спасла Эдди жизнь. Вытащил его, начисто вытер лезвие полой рубахи из мягкой оленьей кожи, которая заменила старую, изорванную в лохмотья, ту, что была на нем, когда они ушли с пляжа. Стрелок стоял рядом с медведем и смотрел на него с изумлением и жалостью, мысленно обращаясь к нему:

Привет, незнакомец. Привет, старый друг. Я раньше не верил в твое существование. Вот Ален, наверное, верил... Катберт, я знаю, верил... Катберт, он верил во все... а я всегда был практичен и трезв. Я думал, что ты всего-навсего детская сказка... еще один из тех ветров, что носились в пустой голове моей старой ня-

нюшки и вырывались из ее рта, не умолкающего ни на мгновение. Но ты все время был здесь, беглец из прошлого, как та колонка на дорожной станции, как те машины в тоннелях под горной грядой. Может быть, недоумки-мутанты, боготворящие эти сломанные останки, — потомки тех самых людей, которые жили в этом лесу когда-то и которым пришлось бежать, спасаясь от твоего гнева? Я не знаю и никогда уже не узнаю... но мне кажется, что я прав. Да. А потом я пришел со своими друзьями... новыми хорошими друзьями, которые с каждым днем напоминают все больше и больше старых закадычных моих друзей. Мы пришли, очертив магический круг вокруг себя и всего, к чему мы прикасались, соткали отравленную нить, и вот ты лежишь, бездыханный, у наших ног. Мир опять сдвинулся с места, и на этот раз, старый друг, ты остался за бортом.

Тело чудовища все еще излучало сильный тошнотворный жар. Червяки-паразиты лезли целыми ордами у него изо рта и изорванных в клочья ноздрей и почти сразу же умирали. По обеим сторонам от медвежьей головы росли белесые кучки воскового цвета.

Эдди медленно подошел к исполинскому телу. Сюзанну он нес, прижимая к бедру, как матери носят детей.

— Что это было, Роланд? Ты знаешь?

— Он назвал его, кажется, Стражем, — сказала Сюзанна.

— Да, — медленно проговорил ошеломленный Роланд. — Я думал, что их давно нет, что по-другому и быть не может... если они вообще когда-нибудь существовали... я хочу сказать, наяву, а не в старых сказках.

— Одно я знаю точно: зверь был невменяемым, — сказал Эдди.

Роланд чуть улыбнулся.

— Если бы ты прожил на свете две-три тысячи лет, ты бы тоже, наверное, стал невменяемым.

— Две-три тысячи лет... О Господи!

— Неужели это медведь? — спросила Сюзанна. — В самом деле медведь? А это что у него такое? — Она указала на какую-то штуку типа квадратной металлической бирки на задней лапе медведя. Она почти заросла косматой спутанной шерстью. Они могли бы ее и не заметить, если бы не солнечный блик, загоревшийся на гладкой поверхности из нержавеющей стали.

Эдди встал на колени и нерешительно потянулся к бирке, прислушиваясь к приглушенному щелканью, по-прежнему доносящемуся из самых глубин нутра поверженного исполина. Помедлил, взглянув на Роланда.

— Смелее, — подбодрил его стрелок. — С ним все кончено.

Эдди раздвинул густую шерсть и наклонился поближе. Слова, выдавленные на металле, давно стерлись и стали

трудноразличимы, но, приложив некоторые усилия, Эдди сумел разобрать их:

СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ
Гранитный Город
Северо-восточный коридор

Проект 4 СТРАЖ
Серия # АА 24123 СХ 755431297 L 14
Класс/Разновидность МЕДВЕДЬ ШАРДИК

Запрещается замена субъядерных клеток

— Господи, это же *робот,* — выдавил Эдди.

— Не может быть, — возразила Сюзанна. — Когда я выстрелила в него, у него пошла *кровь.*

— Возможно, но у обычных медведей радар из башки не растет. И, насколько я знаю, медведи, как правило, не живут две-три тысячи лет... — Он вдруг замолчал, бросив взгляд на Роланда, а когда снова заговорил, в его голосе явственно слышались нотки протеста. — Что ты делаешь, Роланд?

Роланд не ответил; ему не было необходимости отвечать, что он делает. И так все ясно: ножом выковыривает медведю глаз. Проделал он все это быстро, аккуратно и четко. Лишь мельком взглянув на медленно вытекающий желеобразный коричневый шар, наколотый на кончик ножа, Роланд стряхнул его, отбросив в сторону. Из зияющего отверстия показались еще червяки, поползли было вниз по медвежьей морде, но почти сразу же умерли.

Стрелок склонился над глазницей Шардика, исполинского сторожевого медведя, и заглянул туда.

— Идите сюда, посмотрите, вы оба, — позвал он чуть погодя. — Я покажу вам одно чудо из прежних времен.

— Опусти меня, Эдди, — сказала Сюзанна.

Он сделал, как она просила, и Сюзанна, опираясь на кисти и бедра, проворно подползла к стрелку, склонившемуся над косматой медвежьей мордой. Эдди присоединился к ним. Почти минуту все трое смотрели в молчаливом изумлении; воцарившуюся тишину нарушали только хриплые выкрики ворон, что кружились в небе.

Несколько струек густой умирающей крови вытекло из глазницы. И все же Эдди заметил, что это не просто кровь. Вместе с кровавой жижей вытекла жидкость, распространявшая знакомый запах — запах бананов. А в сплетении тонких жилок, образу-

ющих глазницу, виднелась матовая паутинка каких-то струн. А за ними, в темных глубинах глазницы, мерцала красная искорка. Она освещала крошечную квадратную пластину, покрытую странными серебристыми загогулинами... Микросхема!

— Это не медведь, это гребаный аппарат «SONY».

Сюзанна подняла глаза.

— Что?

— Ничего. — Эдди повернулся к Роланду. — А если я туда влезу, со мной ничего не будет?

Роланд пожал плечами.

— Думаю, нет. Если в теле его и таился демон, то он теперь улетел.

Эдди протянул мизинец, готовый в любую секунду отдернуть руку, если почувствуется хоть малейший разряд электричества. Прикоснулся сначала к остывающей плоти внутри глазницы размером едва ли не с бейсбольный мяч, потом — к одной из этих непонятных струн. Только это была не струна, а очень тонкая стальная нить. Эдди вытащил палец. Красная искорка подмигнула еще раз напоследок и погасла уже навсегда.

— Шардик, — пробормотал Эдди. — Мне это имя знакомо, но что-то я не могу припомнить. Тебе, Сьюз, оно ничего не говорит?

Она лишь молча покачала головой.

— Самое странное... — Эдди беспомощно рассмеялся. — У меня оно почему-то с кроликами ассоциируется. Бредятина, правда?

Роланд встал. Суставы в его коленях громко хрустнули.

— Надо перенести лагерь, — объявил он. — Земля здесь испорчена. Та поляна, куда мы ходим стрелять, она как раз...

Он сделал пару нетвердых шагов, но вдруг ноги его подкосились, и Роланд повалился на землю, сжимая руками голову, упавшую на грудь.

10

Эдди с Сюзанной испуганно переглянулись, и Эдди рванулся к Роланду.

— Что с тобой, Роланд?

— *Был* мальчик, — отрешенно проговорил стрелок. Помедлил мгновение, чтобы сделать вдох, и добавил: — *Не было* никакого мальчика.

— Роланд? — Сюзанна приобняла его за плечи. Его била дрожь. — Роланд, что с тобой?

— Мальчик, — сказал Роланд, глядя на нее невидящими глазами. — Это мальчик. *Всегда* мальчик.

— *Какой* мальчик? — Эдди в отчаянии перешел на крик. — *Какой* мальчик?

— Тогда, значит, иди, есть и другие миры, кроме этого, — сказал Роланд и потерял сознание.

II

В ту ночь они долго сидели без сна у большого костра, разведенного Эдди с Сюзанной на поляне, которую Эдди именовал «наше стрельбище». Открытая с одного края, эта поляна не подошла бы для зимнего лагеря, но сейчас, когда в мире Роланда по-прежнему царило лето, здесь вполне можно было расположиться.

Ночное небо выгнулось над их головами черным сводом, испещренное даже не звездами, а целыми галактиками. Прямо на юге, на той стороне реки тьмы, в которую превратилась теперь долина, Эдди увидел Древнюю Матерь, встающую над далеким невидимым горизонтом. Он покосился на Роланда. Тот сидел, съежившись, у костра, кутаясь в три меховые шкуры, хотя ночь была теплой, а пламя жарко разгорелось. Рядом стояла тарелка с нетронутым ужином. А в руке Роланд сжимал кость. Эдди опять посмотрел на небо, вспоминая легенду, что рассказал им с Сюзанной стрелок за долгие дни перехода от пляжа по холмам, а потом — по дремучему лесу, где они теперь обрели временное пристанище.

Еще до начала времен, рассказывал Роланд, Старая Звезда и Древняя Матерь — оба юные, страстные и влюбленные — сочетались браком. Но однажды они разругались, и ссора эта была ужасна. Древняя Матерь (которая в те незапамятные времена звалась своим настоящим именем — Лидия) застала Старую Звезду (а его настоящее имя — Апон) с прелестной юной девой по имени Кассиопея. Это был настоящий семейный скандал со швырянием посуды, выцарапыванием глаз и таскaнием за волосы. Один из брошенных в запале глиняных горшков стал Землей; отбитый черепок — Луной; уголек из их кухонной печи — Солнцем. В конце концов боги вмешались в драку, пока Апон и Лидия, ослепленные гневом, не уничтожили мироздание, которое только еще зародилось. Кассиопею, бойкую красотку, из-за которой, собственно, и началась вся эта заваруха («Ну да, — ввернула тогда Сюзанна, — всегда виновата женщина»), изгнали, положив ей отныне и присно качать небесные качели, сотканные из звезд. Но даже такая крутая мера проблемы не разрешила. Лидия готова была простить и начать все снова, но в упрямом Апоне взыграла гордость («Ну да, — высказался тогда Эдди, — во всем виноват мужик»). Так они и расстались, и

теперь суждено им вечно смотреть друг на друга, исходя ненавистью и томлением, через звездную бездну, в которую рухнуло их супружество. Уже три миллиарда лет, как их не стало, Лидии и Апона, она превратилась в Древнюю Матерь, он — в Старую Звезду. Она — на юге, а он — на севере, и оба тоскуют, и оба стремятся друг к другу... но оба слишком горды, чтобы первыми сделать шаг к примирению... а Кассиопея качается на своих звездных качелях, качается и смеется над ними.

Эдди вздрогнул: кто-то легонько коснулся его руки. Сюзанна.

— Надо бы разговорить его, — сказала она вполголоса. — Пойдем?

Эдди отнес ее к костру, осторожно опустил на землю рядом с Роландом по правую руку, а сам уселся по левую. Роланд поднял голову, сначала взглянул на Сюзанну, потом — на Эдди.

— Как вы близко, однако, ко мне подсели, — заметил он. — Прямо любовники... или тюремщики.

— По-моему, тебе пора кое-что нам рассказать. — Грудной голос Сюзанны звучал чисто и мелодично. — Если мы, Роланд, тебе друзья — а так, наверное, оно и есть, нравится это тебе или нет, — то пора уже относиться к нам как к друзьям. Скажи нам, что с тобой происходит...

— ...и чем мы можем тебе помочь, — закончил за нее Эдди.

Роланд тяжело вздохнул.

— Я даже не знаю, с чего начать. У меня так давно не было ни друзей... ни чего-то, что я мог бы им рассказать...

— С медведя начни, — подсказал Эдди.

Сюзанна подалась вперед и прикоснулась к челюстной кости, которую Роланд держал в руках. Эта штука ее пугала, но она все равно прикоснулась к ней.

— А закончи ею.

— Да. — Роланд поднял кость на уровень глаз, пару секунд посмотрел на нее и уронил себе на колени. — Мы обязательно поговорим о ней. Как же иначе? К ней-то все и сходится.

Но сначала он заговорил про медведя.

12

— Эту историю мне рассказали, когда я был маленьким, — начал Роланд. — Когда мир был юным, на Земле жили древние, великий народ. Это были не боги, но люди, наделенные знанием богов. Они сотворили двенадцать Стражей, чтобы те охраняли двенадцать Врат, ведущих из этого мира в другие миры. Иной раз

мне говорили, что Врата эти — явления естественные, как созвездия на небе или бездонная пропасть, которую мы называли Драконьей Могилой, ибо каждые тридцать — сорок дней оттуда извергались могучие клубы пара. Но были люди — одного я помню до сих пор, главный повар в отцовском замке, его звали Хакс, — которые утверждали, что Врата создали сами древние еще в те времена, когда петля непомерной их гордости не затянулась у них же на шее и они не исчезли с лица земли. Хакс говорил, что создание двенадцати Стражей явилось последним деянием древних, последней попыткой исправить то зло, которое они причинили друг другу и всей земле.

— Врата, — задумчиво пробормотал Эдди. — *Двери*, ты хочешь сказать. То есть мы снова вернулись к тому же. А эти двери в другие миры, они все открываются в мир, откуда пришли мы со Сьюз? Как те, что мы видели на берегу?

— Я не знаю, — сказал Роланд. — На каждую вещь, что я знаю, приходится сотня вещей, о которых я даже понятия не имею. Вам... вам обоим... придется с этим смириться. Мы говорим, что мир сдвинулся с места. Это как будто отлив на море... отступающая волна, что оставляет после себя лишь обломки крушения... обломки, которые иногда выглядят точно карта.

— Но есть у тебя какие-то догадки?! — воскликнул Эдди с таким неприкрытым пылом, что стрелку стало ясно: Эдди еще не оставил надежды вернуться в свой мир... и в мир Сюзанны. Даже теперь.

— Не приставай к нему, Эдди, — тихо проговорила Сюзанна. — Человек не предполагает.

— Нет... иногда все-таки предполагает, — возразил Роланд, удивив их обоих. — Когда ему ничего другого, кроме догадки, не остается. Но мой ответ будет: нет. Я не думаю... *не предполагаю*... что эти Врата как-то связаны с дверьми на пляже. И я не стал бы предполагать, что они открываются в «куда» и «когда», которые мы с вами могли бы узнать. Мне кажется, двери на пляже... открывавшиеся в ваш мир... они как ось в центре детских качелей. Вы себе представляете, что это?

— Такая качающаяся доска? — переспросила Сюзанна и показала руками: вверх-вниз.

— Да! — Роланд как будто обрадовался, что они знают. — Вот именно. На одном конце этих качелей...

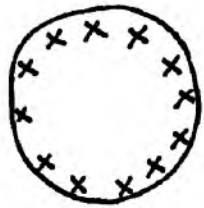
— Качалки, — улыбнувшись, поправил Эдди.

— Да. На одном конце — мое *ка*. На другом — *ка* человека в черном, Уолтера. Двери — центр, созданный напряжением между двумя противостоящими судьбами. А Врата, о которых я вам говорю, — это творение людей, которые были гораздо могущественнее, чем Уолтер, или ваш покорный слуга, или наша команда из трех человек.

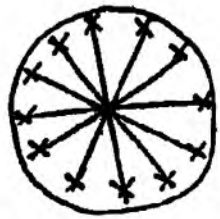
— Ты хочешь сказать, — нерешительно уточнила Сюзанна, — что Врата, которые стерегут эти самые Стражи, они *вне ка?* За пределами *ка?*

— Я хочу сказать то, что я в это верю. — Роланд улыбнулся — мимолетный изгиб губ в отблесках от костра. — Это моя *догадка.*

Он на мгновение замолчал, потом подхватил с земли прутик, расчистил немного места, раздвинув ковер из сосновых иголок, и нарисовал на зем.



— Круг — это мир. Такой, каким мне его обрисовали, когда я был маленьким. Крестики — это Врата, образующие кольцо по его вечному краю. Если соединить их по парам с помощью шести линий... вот так...



Он поднял глаза.

— Видите, линии пересекаются в центре?

Эдди почувствовал вдруг, как его руки покрылись гусиной кожей. Во рту пересохло.

— Это то, что я думаю, Роланд? Это?..

Роланд кивнул. Его удлиненное, изборожденное морщинами лицо стало суровым и жестким.

— В этом узле расположен Великий Портал, так называемые тринадцатые Врата, которые правят не только этим отдельным миром, но всеми мирами вместе.

Он ткнул в центр круга.

— Это Темная Башня, которую я ищу всю жизнь.

13

— У каждого из двенадцати меньших Врат древние поставили по Стражу, — подытожил Роланд. — В детстве я мог перечислить их всех в стишках, которым меня научила няня — и повар Хакс, — но когда оно было, детство? Давным-давно. Помню, Медведь там был, ясное дело... Рыба... Лев... Летучая Мышь. И еще Черепаха... очень важная Черепаха...

Стрелок запрокинул голову к звездному небу и, задумавшись, наморщил лоб. А потом суровые его черты озарились вдруг лучезарной улыбкой, и Роланд продекламировал нараспев:

Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе,
Она держит мир у себя на спине.
В ее мыслях неспешных — весь мир и все мы,
Для любого — частичка ее доброты.
Она слышит все клятвы и все примечает,
Она знает, кто врет, но подскажет едва ли.
Она любит землю, и любит моря,
И даже такого задиру, как я.

Роланд мечтательно хмыкнул.

— Ему меня Хакс научил. Напевал, помню, замешивая глазурь для торта, а потом дал мне ложку с остатками облизать: такие тягучие капельки. Странная штука — память. Но когда я повзрослел, я перестал верить в Стражей, то есть в то, что они существуют на самом деле, — я стал думать о них как о неких символах, а не как о реальных созданиях. Однако, похоже, я ошибался.

— Я назвал его роботом, — сказал Эдди, — но это был не совсем робот. Сюзанна права... роботы не истекают кровью, если в них всадить пулю. Наверное, это был киборг. Так у нас называется существо, состоящее частью из плоти и крови, а частью — из механической и электронной аппаратуры. Есть один фильм... мы же тебе говорили о фильмах и о кино?

Улыбнувшись, Роланд кивнул.

— Ну так вот, фильм называется «Робот-полицейский», и его главный герой мало чем отличается от медведя, которого пристрелила Сюзанна. Но откуда ты знал, куда надо было стрелять?

— Я кое-что еще помню из старых сказок. Хакс в свое время немало мне их рассказал. Если бы не он, ты бы, Эдди, сейчас переваривался у медведя в желудке. В вашем мире, если ребенок чего-то не понимает, вы ему говорите, чтобы он надел свою думалку, то есть пошевелил мозгами?

— Да, — сказала Сюзанна. — Говорим.

— И мы тоже. Так вот, выражение это произошло из легенды о Стражах. У людей мозги в голове, а у Стражей — на голове. В такой шляпе. — Стрелок поднял глаза — у него был отрешенный взгляд человека, погруженного в свои мысли, и опять улыбнулся. — Только эта штуковина не похожа на шляпу, верно?

— Нет, — согласился Эдди. — Но все равно эта ваша легенда оказалась достаточно точной, чтобы спасти наши филейные части.

— Теперь мне уже кажется, что я с самого начала искал кого-нибудь из Стражей, — продолжал Роланд. — Когда мы отыщем Врата, которые охранял этот Шардик — а теперь это нам не составит труда, надо просто вернуться по его следам, — у нас наконец будет правильный курс, которого мы и станем держаться. Надо лишь встать спиной к Вратам и идти прямо вперед. К центру круга... к Башне.

Эдди открыл было рот, чтобы сказать нечто вроде: «Отлично, давай побеседуем об этой Башне. Давай наконец разберемся с ней раз и навсегда... что это такое, чем она так для тебя важна и, самое главное, что с нами будет, когда мы все-таки до нее доберемся», — но потом передумал. Еще не время — пока. Надо дать Роланду возможность прийти в себя, превозмочь эту боль, что терзает его неотвязно. Не сейчас, когда только отблески от костра сдерживают натиск ночи.

— Теперь мы подходим к другой проблеме, — продолжал Роланд с горечью в голосе. — Я наконец-то определился, нашел свой путь... после стольких лет... но в то же время, мне кажется, я теряю рассудок. Ощущение такое, как будто он распадается, словно земляная дамба, размываемая дождем. Это мне наказание за то, что я допустил смерть парнишки. Мальчика, которого не было. И это тоже *ка*.

— Что за мальчик, Роланд? — спросила Сюзанна.

Роланд взглянул на Эдди.

— *Ты* знаешь?

Тот покачал головой.

— Но я же тебе про него говорил. То есть я о нем бредил, когда после заражения мое состояние стало резко ухудшаться и я чуть не умер. — Тут вдруг голос стрелка сделался на пол-октавы выше. Он так хорошо копировал голос Эдди, что Сюзанна невольно поежилась от какого-то суеверного ужаса. — «Если ты не заткнешься сейчас же, Роланд, если не прекратишь поминать этого чертова ребятенка, я тебе сделаю кляп из твоей же рубашки! Меня уже рвет — не могу больше слышать о нем!» Помнишь, Эдди?

Эдди задумался. Во время их долгого и мучительного перехода по пляжу от двери с надписью УЗНИК к другой, с

надписью ГОСПОЖА ТЕНЕЙ Роланд о чем только не говорил, упомянув, кажется, не одну сотню имен в своем горячечном сбивчивом монологе: Ален, Корт, Жами де Курри, Катберт (его стрелок вспоминал чаще всего), Хакс, Мартин (или Мартен?), Уолтер, Сюзан, какой-то парень с вообще уже жутким именем — Золтан. В конце концов Эдди устал слушать обо всех этих людях, которых он в жизни не видел (и до которых ему не было никакого дела), в то время его занимали свои проблемы, причем они вовсе не ограничивались хронической героиновой недостаточностью и глобальным нарушением связи с миром людей. И уж если по-честному, он тоже тогда доставал Роланда своими «бредовыми сказками» о том, как они с Генри выросли вместе и вместе заделались наркоманами.

Но Эдди никак не мог вспомнить, чтобы он грозился заткнуть Роланду рот, если тот не прекратит болтать о каком-то ребенке.

— Неужели не помнишь? — переспросил Роланд. — Вообще ничего?

Что-то такое мелькнуло? Какое-то щекочущее прикосновение, как то ощущение deja vu, которое он испытал, увидев рогатку, сокрытую в отростке на пне? Эдди попробовал удержать это чувство, но оно тут же прошло. Он решил, что ему показалось, поскольку он очень *хотел* припомнить. Из-за Роланда, которому сейчас было так плохо.

— Нет, — сказал он. — Извини, дружище.

— Но я же тебе *говорил*. — Голос Роланда был тих и спокоен, но за этим спокойствием билась настойчивость, словно пульсирующая алая нить. — Мальчика звали Джейк. Я пожертвовал им... я убил его... чтобы добраться до Уолтера и заставить его говорить. Я убил его там, под горами.

— Ну, может быть, так все и было. — Теперь Эдди чувствовал себя увереннее. — Но ты мне рассказывал по-другому. Ты говорил, что ты шел под горами один, то есть не шел, а ехал на какой-то там идиотской дрезине. Пока мы с тобой шли по пляжу, ты мне всю плешь проел, Роланд. О том, как это жутко, когда ты совсем один.

— Да, я помню. Но я еще помню, как я рассказывал и про мальчика тоже, как он сорвался с моста в ту пропасть. У меня как бы две памяти, и разрыв между ними сводит меня с ума. Рассудок мой рвется надвое.

— Ничего не понимаю, — встревоженно проговорила Сюзанна.

— Я сам еще только начал въезжать, — сказал Роланд.

Он встал, чтобы подбросить в костер еще дров — сноп искр взметнулся сияющим вихрем в ночное небо, — потом снова сел между ними.

— Я вам сейчас расскажу, как оно было на самом деле... а потом расскажу, чего не было... но *должно было* быть. Я купил мула в Прайстауне, и когда мы добрались до Талла, последнего городка на границе с пустыней, тот был еще полон сил...

14

И стрелок рассказал им обо всем. Эдди один раз уже слышал его историю, только не целиком, а отдельными фрагментами, но он все равно жадно внимал, стараясь не упустить ни единого слова, как и Сюзанна, которая узнала это все впервые. Он рассказал им про бар с бесконечной игрой в «Не зевай» в уголке, про тапера по имени Шеб, про женщину Элли со шрамом на лбу... и про Норта, травоеда, который умер и которого воскресил к некоему мрачному подобию жизни человек в черном. Он рассказал и про Сильвию Питтстон, воплотившую в себе все религиозное безумие, и про последнюю апокалипсическую бойню, когда он, Роланд-стрелок, перебил все население Талла: и мужчин, и женщин, и детей.

— Господи всемогущий! — глухо воскликнул Эдди, и голос его дрожал. — Теперь я понимаю, Роланд, почему ты так поиздержался с патронами.

— Умолкни! — буркнула Сюзанна. — Пусть он закончит!

Роланд продолжал тем же спокойным, чуть отрешенным тоном. Рассказал, как отправился через пустыню после того, как миновал хижину последнего поселенца, молодого мужчины со спутанными волосами до пояса, цвета спелой земляники. Рассказал, как мул все-таки сдох и ручной ворон юного поселенца, Золтан, выклевал мулу глаза.

Он рассказал им о долгих днях и коротких ночах в пустыне. Как он шел, держа курс по остаткам кострищ Уолтера, и как пришел, умирая от жажды, к дорожной станции.

— Там было пусто. Всегда было пусто — с тех самых дней, когда наш громадный медведь только еще заступал на вахту. Там я переночевал и отправился дальше. Это — как оно было... но я вам сейчас расскажу другую историю.

— О том, чего не было, но должно было быть? — уточнила Сюзанна.

Роланд кивнул.

— В этой вымышленной истории... небылице... стрелок по имени Роланд встречает мальчика по имени Джейк. На дорожной станции. Этот мальчик — из вашего мира, из вашего города, Нью-Йорка, и из времени где-то между Эддиным 1987-м и 1963-м Одетты Холмс.

Эдди жадно подался вперед.

— А есть в этой истории дверь, Роланд? Дверь с надписью МАЛЬЧИК или что-нибудь в этом роде?

Роланд покачал головой.

— Дверью для мальчика была смерть. Мальчик шел в школу, когда какой-то мужчина — я думаю, это был Уолтер — столкнул его на проезжую часть под колеса машины. Он слышал, как человек этот еще сказал что-то вроде: «Дайте пройти, пропустите меня, я священник». И Джейк *увидел* его — на какой-то миг, — а потом оказался уже в моем мире.

Стрелок умолк на мгновение, глядя в огонь.

— Сейчас я на минуту прерву свой рассказ о парнишке, которого не было, и вернусь к тому, что случилось на самом деле, хорошо?

Эдди с Сюзанной озадаченно переглянулись, и Эдди сделал рукой слабый жест, смысл которого выражался примерно так: «После вас, дорогой мой Альфонс».

— Как я уже говорил, на станции не было никого. Пусто. Но там была водяная колонка, она все еще работала. На задах конюшен, где когда-то держали сменных лошадей для карет. Я нашел ее по звуку, но я все равно бы нашел ее, даже в полной тишине. Я *чувствовал запах* воды, понимаете? Когда ты так долго идешь по пустыне, умирая от жажды, ты нутром чуешь воду. Я напился, потом завалился спать. Проснувшись, я снова пил. Мне хотелось выпить всю воду, которая там была... это как лихорадка, как жар. То лекарство, что ты принес мне из вашего мира — *астин,* — штука хорошая, Эдди, но есть такой жар, который не унять никаким снадобьем. Я знал: мое тело нуждается в отдыхе, но мне пришлось призвать всю свою волю, чтобы остаться там на ночь. Наутро я себя чувствовал отдохнувшим и свежим. Наполнил свои бурдюки и отправился дальше. *Я ничего там не взял — только воду.* Это самое главное в том, что случилось на самом деле. Я ничего не взял.

Тут Сюзанна заговорила своим самым ласковым и рассудительным голосом а-ля Одетта Холмс:

— Ну хорошо, так оно было на самом деле. Ты наполнил свои бурдюки и отправился дальше. А теперь расскажи нам о том, чего не было, Роланд.

Стрелок на мгновение выпустил челюстную кость из рук, сжал кулаки и потер глаза — такой странный ребяческий жест. Потом снова схватился за кость, словно бы для того, чтобы придать себе мужества, и продолжал:

— Я загипнотизировал мальчика, которого не было. С помощью одного из моих патронов. Я давно обучился этому трюку... у Мартена, как ни странно... у придворного колдуна моего отца.

19 Зак. 722

Мальчик поддался легко. Пребывая в гипнотическом трансе, он мне рассказал обо всех обстоятельствах своей гибели, я вам про них уже говорил. Когда я выудил из него достаточно — дальше было уже нельзя, иначе я мог причинить ему боль, — я велел ему спать и по пробуждении забыть обо всем. О том, как он умер.

— Да уж, кому, интересно, хотелось бы помнить такое? — пробормотал Эдди.

Роланд кивнул.

— Это точно: кому? Транс его сам собой перешел в здоровый естественный сон. Я тоже лег спать. Когда мы проснулись, я сказал парню, что мне нужно поймать человека в черном. Он понял, о ком я: Уолтер тоже ночевал на этой дорожной станции. Джейк его испугался и спрятался. Я думаю, Уолтер знал, что он там, но сделал вид, будто не знает. Это его устраивало. Он мне оставил парнишку как капкан.

— Я спросил, нет ли на станции чего поесть. Я был уверен, что есть. Мальчик выглядел вполне здоровым: таков климат пустыни, в нем все сохраняется лучше, — но чтобы жить, надо есть. У мальчика было немного вяленого мяса, и еще он сказал мне, что там есть подвал. Сам он туда не спускался. Сказал, что боится. — Стрелок умолк на мгновение, окинув Эдди с Сюзанной вдруг помрачневшим взглядом. — И правильно делал, скажу я вам, что боялся. Я нашел там еду... но еще я наткнулся на Говорящего Демона.

Эдди уставился на кость в руках у Роланда широко распахнутыми глазами. Оранжевый свет от огня плясал на древних ее изгибах и колдовских обнаженных зубах.

— Говорящий Демон? Ты хочешь сказать, *эта* штука?..

— Нет. Да. И да, и нет. Выслушайте до конца, и вы все поймете.

Он рассказал им о нечеловеческих стонах, что доносились из-под земли в самом дальнем углу подвала; о струйке песка между древними плитами каменной кладки в стене. Как в стене открылась дыра, и он подошел к ней, а Джейк кричал сверху, чтобы он вылезал.

Он приказал Демону говорить... и Демон заговорил, голосом Элли, той женщины со шрамом на лбу, у которой был в Талле бар. *По Отстойнику проходи не спеша, стрелок. Пока ты идешь с мальчиком, человек в черном держит душу твою в своих руках.*

— По Отстойнику, ты сказал? — вздрогнув, переспросила Сюзанна.

— Да. — Роланд внимательно на нее посмотрел. — Это название о чем-то тебе говорит, я прав?

— Да... и нет.

Она колебалась. Частично из-за того, догадался ли Роланд, что ей не хотелось вообще говорить о вещах, для нее

болезненных. Но в большей степени потому, что ей не хотелось запутывать дальше и без того запутанную историю опрометчивыми рассуждениями о том, чего она сама не знала. И это вызвало у него восхищение. Она вызвала у него восхищение.

— Говори только то, в чем уверена, — сказал он. — И ни слова больше.

— Хорошо. Отстойник — место, известное Детте Уокер. Она о нем знала, она о нем *думала*. Отстойник — это на сленге. Она подслушала, как о чем-то таком говорили взрослые, сидя на крыльце, дуя пиво и вспоминая о прежних денечках. Этим словом называли место испорченное или бесполезное. Или и то, и другое вместе. Что-то в этом Отстойнике было такое — в самом *понятии* о нем, — что влекло к себе Детту. Только не спрашивайте меня что. Когда-то я, вероятно, знала. Но больше не знаю. Не хочу знать.

— Детта украла у Синей Тетушки китайское блюдце — из тех, что мои папа с мамой подарили ей на свадьбу, — и отнесла его в этот Отстойник, ее Отстойник, чтобы разбить. Этим местом она выбрала мусорную свалку. Большую такую помойку. Уже потом, позже, она иной раз цепляла парней в придорожных закусочных.

На мгновение Сюзанна умолкла, понурив голову и крепко сжав губы. Потом подняла глаза и продолжала:

— *Белых* парней. Они приводили ее на стоянку, сажали к себе в машину, а она их дразнила, ну, вы понимаете, распаляла и убегала. Эти стоянки... они тоже были Отстойником. Детта играла с огнем, но она была тогда молода и проворна, и ей нравились эти опасные игры. Позже, в Нью-Йорке, она делала вылазки в магазины... но об этом вы знаете. Оба. Всегда в хорошие магазины: «Мейси», «Гимбел», «Блюмингдейл» — и воровала там всякие побрякушки. И каждый раз, когда она собиралась в такой «загул», она говорила себе: «Сегодня я собираюсь в Отстойник. Что-нибудь слямзить у этих белых ублюдков. Что-то действительно дельное, а потом разломаю все к фигам».

Она снова умолкла, глядя в огонь. Губы ее дрожали. А когда она вновь подняла глаза, Эдди с Роландом заметили влажный блеск — слезы.

— Да, я плачу, но пусть это вас не обманет. Я помню, как я это делала, и помню, что мне это *нравилось*. Я плачу, наверное, потому, что знаю: если бы обстоятельства не изменились, я бы так продолжала и дальше.

Роланд, похоже, вновь обрел что-то от прежней своей безмятежности, почти сверхъестественного своего спокойствия.

— У нас дома была поговорка, Сюзанна: «Мудрый вор процветает всегда».

— Что мудрого в том, чтобы красть дешевые безделушки? — резко проговорила Сюзанна.

— Тебя хоть раз поймали?

— Нет...

Роланд развел руками, словно бы говоря: «Ну вот видишь».

— То есть для Детты Уокер Отстойник — это какое-то нехорошее место? — уточнил Эдди. — Я правильно понял? Потому что оно ощущалось дурным.

— И дурным, и хорошим одновременно. В этих местах была сила... там она... *заново создавала* себя, если так можно сказать... хотя это были *потерянные* места. Но ведь это никак не связано с призрачным мальчиком Роланда, правда?

— Может, и нет, — сказал Роланд. — Видишь ли, здесь у нас, в этом мире, тоже есть Отстойник. И у нас это тоже сленг. Но значения очень близки.

— И что оно у вас значит? — уточнил Эдди.

— Все зависит от конкретного места и ситуации. Оно может значить помойку. Или бордель. Или игорный дом. Или то место, куда приходят жевать бес-траву. Но самое распространенное его значение также и самое простое.

Он внимательно посмотрел на Сюзанну и Эдди.

— Отстойником мы называем такие места, где ничего нет. Отстойник — это бесплодные земли. Мертвые земли.

15

На этот раз Сюзанна подбросила в костер побольше дров. Не мигая, на юге сияла Древняя Матерь. Еще со школы Сюзанна знала: раз не мигает, значит, это планета, а не звезда. *Венера?* — спросила она себя. — *Или здешняя Солнечная система тоже другая, как и все в этом мире?*

Снова ее охватило чувство нереальности происходящего... что все это — сон. Просто сон.

— Давай дальше, — сказала она. — Что было потом, когда этот голос предупредил тебя насчет мальчика и Отстойника?

— Я запустил руку в дыру в стене, откуда сочился песок, как меня и учили делать, если вдруг нечто подобное произойдет со мной. Вынул оттуда челюсть... не эту... другую. Она была больше. Намного больше. Принадлежала, вне всяких сомнений, кому-то из древних.

— И куда она делась? — тихо спросила Сюзанна.

— В одну из ночей я отдал ее мальчику. — Отблески пламени раскрасили щеки стрелка оранжевыми жаркими пят-

нами и плящущими тенями. — Как оберег... своего рода талисман. Потом, когда я почувствовал, что она свою службу уже сослужила, я ее просто выбросил.

— Тогда чья это челюсть, Роланд? — спросил Эдди.

Роланд поднес кость к глазам, задумчиво и долго смотрел на нее, потом уронил руку.

— Позже, после Джейка... после того, как его не стало... я настиг все-таки человека в черном.

— Уолтера, — уточнила Сюзанна.

— Да. У нас был разговор... *долгий* разговор. Где-то на его середине я уснул, а когда проснулся, Уолтер был мертв. Мертв уже сотню лет, если не больше. От него ничего не осталось — лишь кости, и так было, наверное, справедливо, раз уж мы пришли в место костей.

— Да уж, действительно долго вы с ним говорили, — сухо заметил Эдди.

При этом Сюзанна слегка нахмурилась, но Роланд лишь кивнул.

— Долго, — бросил он, глядя в огонь.

— Ты отправился в путь на рассвете и в тот же день, вечером, вышел к Западному морю. А ночью на берег повылезли эти омары, так? — спросил Эдди.

Роланд снова кивнул.

— Да. Но прежде чем я покинул то место, где мы с Уолтером говорили... или грезили... или что мы там делали, я не знаю... я забрал себе это. — Он поднял челюсть повыше, и оранжевый отсвет снова сверкнул на ее зубах.

Челюсть Уолтера. От этой мысли Эдди весь похолодел. *Кость из черепа человека в черном. Вспомни это, Эдди, мой мальчик, в следующий раз, когда ты начнешь убеждать себя, что Роланд скорее всего самый обычный парень. Все это время он таскал с собой кость человека, точно этакий... людоедский трофей. Го-о-о-споди.*

— Я даже помню, о чем я подумал, когда ее брал, — продолжал Роланд как ни в чем не бывало. — Я хорошо это помню. Это, быть может, единственное за все время воспоминание, которое не раздвоилось. Я подумал: «Что-то я просчитался, не стоило мне выкидывать ту кость, что сама пришла ко мне в руки, когда я нашел парнишку. Но ее мне заменит эта». А потом я услышал смех Уолтера — недобрый смех. И его голос тоже.

— И что он сказал? — подалась вперед Сюзанна.

— «Слишком поздно, стрелок. Слишком поздно... теперь удача изменит тебе — отныне и до конца вечности... таково твое *ка*».

16

— Ну хорошо, — высказался наконец Эдди. — В суть парадокса я въехал. Память твоя разделилась...

— Не разделилась, а *раздвоилась*.

— Ладно, пусть раздвоилась. Это почти одно и то же.

Эдди поднял с земли прутик и начертил на песке:

Потом указал на линию слева:

— Вот твоя память до того момента, когда ты пришел на дорожную станцию, — одна линия, видишь?

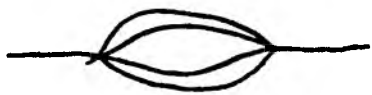
— Да.

Эдди указал на линию справа.

— А это — после того, как ты выбрался из-под гор и пришел к тому месту костей, где тебя дожидался Уолтер. Тоже одна линия.

— Да.

Эдди обвел середину рисунка неровным кружком:



— Вот что тебе нужно сделать, Роланд: огородить эту двойную линию. Окружи ее мысленно крепким высоким забором и просто забудь. Потому что это ничего *не значит* и ничего *не меняет*. Этого нет. Все *прошло*...

— Но оно не прошло. — Роланд поднял руку с челюстью. — Если все мои воспоминания о Джейке ложные — а я знаю, что так и есть, — *тогда почему она у меня?* Я взял ее, чтобы заменить ту, другую, которую выкинул — а ту, что я выкинул, я нашел в подвале, на дорожной станции, — но я-то знаю, что *не спускался в подвал!* И не разговаривал с Демоном! Я ушел со станции один. Взял только воду и *больше ничего!*

— Роланд, послушай меня. — Эдди вдруг посерьезнел. — Если кость, что сейчас у тебя в руках, ты взял на станции, тогда дело другое. Но разве не может быть так, что все это было галлюцинацией: дорожная станция, мальчик и Говорящий Демон, — и в таком случае, возможно, ты забрал челюсть Уолтера, потому что...

— Это не было галлюцинацией. — Роланд поднял на них глаза, светлые, словно выцветшие голубые глаза испытан-

ного солдата, и вдруг сделал то, чего ни Сюзанна, ни Эдди никак от него не ожидали... Эдди мог бы поклясться, что Роланд и сам до последней секунды не думал, что он это сделает.

Он бросил челюсть в огонь.

17

Первое мгновение она просто лежала посреди костра — выбеленная реликвия, оскаленная в призрачной полуухмылке. Потом неожиданно вспыхнула алым — ослепительный красный свет залил поляну. Эдди с Сюзанной вскрикнули одновременно, прикрывая руками глаза, чтоб защитить их от обжигающе яркой вспышки.

Челюсть стала меняться. Не плавиться в пламени, а *меняться*. Зубы, торчавшие вкривь и вкось, как покосившиеся надгробия, стали сближаться. Мягкий изгиб верхней дуги распрямился и резко укоротился, как будто ввалившись.

Руки Эдди безвольно упали на колени. Затаив дыхание, он не отрываясь смотрел на кость, которая не была уже костью. Зубы ее превратились в три перевернутые буквы V. Та, что посередине, была чуть больше, чем две по краям. И вдруг Эдди увидел, во что кость тщится превратиться, точно так же, как он разглядел рогатку, сокрытую в отростке на пне.

Это был ключ.

Запомни, как он выглядит, запомни форму, пронеслась в голове Эдди лихорадочная мысль. *Ты должен запомнить. Должен.*

Он отчаянно вглядывался в костер. Три V, средняя — больше и глубже, чем две по краям. Три зубца... тот, что ближе к внешнему краю, имеет завиток, напоминающий обуженную строчную букву S...

А потом форма в пламени изменилась снова. Кость, которая стала подобием ключа, как бы поглотила сама себя, представ в виде полураспустившегося бутона с сияющими лепестками, темными и бархатистыми, словно безлунная летняя полночь. На мгновение Эдди увидел розу — торжествующую алую розу, которая могла расцвести на рассвете самого первого в мире дня, — образец бездонной, неувядающей красоты, неподвластной времени. Глаза его жадно смотрели на это чудо, а сердце раскрылось ему навстречу. Как будто вся жизнь на свете и вся любовь восстали внезапно из мертвой кости — в этом пламени, что победно воссияло в своей первозданной дерзости, утверждая: отчаяние — это мираж, смерть — это просто сон.

Роза! — Мысли Эдди неслись, обгоняя друг друга. — *Сначала — ключ, потом — роза! Открой глаза и смотри! Так начинается путь к Темной Башне!*

Неожиданно треск огня превратился в какой-то натужный кашель. Взметнулся сноп искр. Сюзанна вскрикнула и подалась назад, сбивая с платья оранжевые крупинки. Пламя могучим потоком рванулось к звездному небу. Эдди не шелохнулся. Он сидел, поглощенный видением, завороженный, попав в самую колыбель чуда, великолепного и ужасающего, не замечая искр, плящущих у него на коже. И тут пламя потухло. Все стало как прежде.

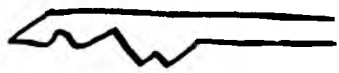
Ни кости.

Ни ключа.

Ни розы.

Помни, сказал он себе. *Помни розу... и форму ключа.*

Сюзанна рыдала от ужаса и потрясения, но Эдди не сразу ее успокоил: сначала, пока не забыл, поднял прутик и вывел дрожащей рукой на сырой земле:



18

— Ты зачем это сделал? — спросила наконец Сюзанна. — Ради Бога, зачем... и что это было вообще?

Прошло пятнадцать минут. Костер почти догорел; разбросанные угольки либо были растоптаны, либо погасли сами. Эдди молча сидел, обнимая жену; Сюзанна тихонько сидела рядом, прислонившись спиной к его груди. Роланд улегся на бок и, подтянув колени к груди, уныло смотрел на оранжево-красные угольки. Как понял Эдди, ни Сюзанна, ни Роланд не видели, как кость изменялась в огне. Они видели только, как она раскалилась в пламени, а Роланд еще видел, как она взорвалась (или, скорее, лопнула, провалившись в себя? Эдди воспринял это именно так), и ничего больше. По крайней мере так думал Эдди. Роланд, случалось, хранил непроницаемое молчание и ни с кем не делился своими соображениями, переваривая все в себе. И тогда из него нельзя было вытянуть ни слова. Эдди знал это по горькому опыту. Сначала он хотел рассказать им, что видел — или *думал,* что видел, — но, как следует поразмыслив, решил пока промолчать. Пока.

От самой кости вообще ничего не осталось — даже осколочка.

— Мне так велел внутренний голос, — ответил Роланд. — Голос моего отца; *всех* моих отцов. Когда этот голос звучит в тебе, не повиноваться ему — и немедленно — просто немыслимо. Так меня учили. Но почему, я сказать не могу... по крайней мере сейчас. Я знаю только, что кость сказала свое последнее слово. Все это время я носил ее с собой, чтобы услышать его.

Или увидеть, — добавил про себя Эдди. И снова: — *Помни. Помни розу. И форму ключа.*

— Она нас едва не спалила! — В голосе Сюзанны смешались усталость и раздражение.

Роланд покачал головой.

— Мне кажется, она была вроде тех фейерверков, которые запускают вельможи на новогодних празднествах. Горит, шипит и пугает, но не представляет опасности.

Эдди вдруг пришла одна мысль.

— Слушай, Роланд, а это твое раздвоение сознания... оно не прошло? Когда кость взорвалась или что там с ней произошло?

Он был почти уверен, что так и было: во многих фильмах, которые он смотрел, подобная грубая шоковая терапия почти всегда приводила к положительному результату. Но Роланд лишь покачал головой.

Сюзанна заерзала в объятиях Эдди.

— Ты говорил, будто что-то начал понимать.

Роланд кивнул.

— Да, наверное. Если только я не ошибаюсь... Я тревожусь за Джейка. Где бы он ни был, *когда бы* он ни был, я боюсь за него.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Эдди.

Роланд встал, дотянулся до своей скатки шкур и принялся их расстилать, готовя постель.

— Не многовато ли для одной ночи волнений и разговоров? Пора спать. Утром мы вернемся по следу медведя и поглядим, нет ли там Врат, которые его поставили охранять. А по дороге я вам расскажу все, что знаю и что, как мне кажется, произошло... и теперь еще происходит...

С тем он закутался в старое одеяло и недавно выделанную оленью шкуру, улегся подальше от костра и больше не проронил ни слова.

Эдди с Сюзанной легли вдвоем. Убедившись, что стрелок спит, они занялись любовью. Роланд, однако, не спал и все слышал, а когда все закончилось, слышал и их тихий разговор, который в основном шел о нем. Он еще долго лежал без сна и смотрел в темноту даже после того, как они умолкли, а дыхание их сравнялось в едином ритме.

Хорошо быть молодым, думал он. *И любить. Даже на этом погосте, в который теперь превратился их мир, быть молодым и любить — хорошо.*

Наслаждайтесь, пока еще можно. Ибо смерть еще повстречается впереди. Мы вышли пока к ручью крови. Но он, несомненно, приведет нас к кровавой реке. А река — к океану. В этом мире могилы зияют и мертвые не обретают покоя.

Когда восточная часть неба окрасилась дымкой рассвета, он закрыл наконец глаза. И заснул. И ему снился сон про Джейка.

19

Эдди тоже снился сон. Снилось ему, что он снова в Нью-Йорке. Идет по Второй авеню с книгой в руке.

Во сне весна была в самом разгаре. На улице тепло, весь город — в цвету... и тоска по родному дому вонзалась в него, как рыболовный крючок в живой рыбий рот, глубоко-глубоко. *Наслаждайся чудесным сном,* говорил он себе, *и продли его, сколько сумеешь. Смакуй его, впитывай... потому что ближе, чем сейчас, к Нью-Йорку тебе уже не подойти. Домой возврата нет, Эдди. Эта часть твоей жизни закончилась. Все.*

Он поглядел на книгу у себя в руке и вовсе не удивился, обнаружив, что это «Домой возврата нет» Томаса Вулфа. На темно-красной обложке были выдавлены три фигуры: ключ, роза и дверь. Он на мгновение остановился, открыл книгу и прочел первую строчку. *Человек в черном пытался укрыться в пустыне,* — писал Вулф, — *а стрелок преследовал его.*

Захлопнув книгу, Эдди направился дальше. Было, наверное, около девяти утра. Ну, может быть, полдесятого. Движение на Второй авеню пока еще не стало интенсивным. Такси, сигналя, переезжали от перекрестка к перекрестку, и блики весеннего солнца играли на их лобовых стеклах и ярко-желтых кузовах. На углу Второй и Пятьдесят второй какой-то бродяга попросил у него подаяния, и Эдди сунул ему книжку в темно-красной обложке. Опять без всякого изумления он обнаружил, что бродяга этот не кто иной, как Энрико Балазар. Он сидел по-турецки у входа в лавку чудес. КАРТОЧНЫЙ ДОМ — оповещала вывеска в витрине, под которой стояла башня из карт Таро, увенчанная фигуркой Кинг-Конга. Из головы обезьяны торчал миниатюрный радиолокатор.

Эдди прошел дальше, дорожные знаки лениво проплывали мимо. Эдди знал, куда держит путь. Понял, как только увидел его — маленький магазинчик на углу Второй и Сорок шестой.

Да, сказал он себе. Волной накатило чувство огромного облегчения. *Туда мне и надо. Именно туда.* — В витрине висели окорока и сыры. ТОМ И ДЖЕРРИ. ДЕЛИКАТЕСЫ — сообщала вывеска. — СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ НА ЗАКАЗАХ К БАНКЕТАМ И ПРАЗДНИКАМ!

Пока Эдди стоял, разглядывая витрину, из-за угла вырулил очередной знакомец. Джек Андолини собственной персоной в костюме-тройке цвета ванильного мороженого и с черной тростью в левой руке. Половина лица у него отсутствовала, ободранная клешнями омарообразных чудищ.

Заходи, Эдди, — бросил Джек мимоходом. — *Чего стоишь? В конце концов есть и другие миры, и этот гребаный поезд идет через все.*

Не могу, — отозвался Эдди. — *Дверь заперта.* — Он не понимал, откуда ему известно, что дверь закрыта, но он это знал. Без тени сомнений.

Дад-а-чум, дуд-а-чи, не переживай, у тебя есть ключ, — буркнул Джек, не оглядываясь. Эдди опустил глаза и увидел, что у него действительно есть ключ: этакая примитивная штуковина с тремя зазубринами, похожими на перевернутые буквы V.

Весь секрет в этом маленьком s-образном завитке на конце последнего зубца — в нем-то и весь секрет, подумал он и, шагнув под навес «Деликатесов» от Тома и Джерри, вставил ключ в замок. Ключ повернулся легко. Эдди открыл дверь и, переступив через порог, вышел в открытое поле. Оглянувшись через плечо, он увидел поток машин на Второй авеню, а потом дверь захлопнулась и упала плашмя. Теперь за ней не было ничего. Вообще ничего. Эдди опять оглянулся, обозревая новую обстановку, и вдруг его охватил ужас. Он увидел безбрежное поле такого густого багряного цвета, как будто здесь прогремела великая битва и на землю пролилось столько крови, что земля не смогла ее всю впитать.

И только потом Эдди понял, что это не кровь, а розы.

Уже знакомое чувство, в котором слились воедино радость и торжество, нахлынуло снова. Казалось, еще немного — и сердце взорвется в груди. Торжествуя, Эдди вскинул над головой руки, сжатые в кулаки... и вдруг застыл — с поднятыми руками.

Багровое поле раскинулось на многие мили, а у самого горизонта стояла Темная Башня — безмолвная каменная колонна, — взметнувшаяся так высоко, что Эдди едва различал в небесах ее шпиль. Основание ее, утопающее в алых ликующих розах, поражало своими внушительными, исполинскими размерами, и все же могучая Башня, пронзающая небеса, казалась изящной и легкой. Он представлял ее абсолютно черной, но камень был скорее цвета гари. По восходящей спирали темнели узкие окна-бойницы; под окнами бесконечным пролетом тянулась винтовая каменная лестница, уходя все

выше и выше. Темно-серым восклицательным знаком, вколоченным в землю, вздымалась Башня над полем кроваво-красных роз. Над ней голубой аркой выгнулось небо, украшенное белыми облаками, похожими на плывущие в синеве корабли. Бесконечным потоком плыли они над шпилем Темной Башни.

Какое величие! — изумился Эдди. — *Какое великолепие... и какая тайна!* Но чувство радости и торжества отступило, сменившись непонятным недомоганием и ощущением обреченности. Он огляделся и вдруг с ужасом сообразил, что стоит в тени Башни. Нет, не просто стоит — он как бы заживо под ней похоронен.

Он закричал, но крик его утонул в золотом трубном гласе могучего рога. Он обрушился с вершины Башни и, казалось, заполнил собой весь мир. И пока эта нота предостережения неслась над кровавым полем, из окон Башни излилась тьма. Вырвавшись наружу, чернота растеклась по небу вялыми клубами, но вскоре они слились воедино, образуя растущее темное пятно — даже не тучу, а черную опухоль, нависающую над землей. Вот она уже заполонила все небо. И тут он увидел, что это не туча, и даже не опухоль, а *фигура*... сумрачная, исполинская фигура, устремленная к тому месту, где он сейчас стоял. Не было смысла бежать, спасаясь от этого зверя, вырастающего в небесах над полем роз: он все равно его схватит и унесет с собой. Унесет в Темную Башню, и больше ему никогда не вернуться в мир света.

Два провала открылись во тьме, и ужасные нечеловеческие глаза, каждый величиной едва ли не с Шардика, исполинского медведя, что лежал теперь мертвым в лесу, взглянули сверху на Эдди. Красные... как розы, как кровь.

В ушах у него гремел мертвый голос Джека Андолини: *Тысячи миров, Эдди — десятки тысяч! — и этот поезд идет через все. Если сумеешь его запустить. А если все же сумеешь, значит, твои заморочки только еще начинаются, потому что эту машину потом хрен отключишь.*

Голос Джека вдруг стал механическим и монотонным. *Потом хрен отключишь, Эдди, мой мальчик, лучше поверь мне на слово, хрен...*

— ...ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ — ОДИН ЧАС ШЕСТЬ МИНУТ!

Там, во сне, Эдди спрятал лицо в ладонях, защищая глаза...

20

...и, подскочив рывком, очнулся возле остывшего кострища, глядя на мир сквозь растопыренные пальцы. А голос все грохотал — бездушный голос офицера полицейского наряда, ревущего свои команды по матюгальнику:

– ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПОВТОРЯЮ, ОПАСНОСТИ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПЯТЬ СУБЪЯДЕРНЫХ КЛЕТОК ПАССИВНЫ, ДВЕ СУБЪЯДЕРНЫЕ КЛЕТКИ – В ФАЗЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ КЛЕТКА ЗАДЕЙСТВОВАНА НА ДВА ПРОЦЕНТА ОТ ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ДАННЫЕ КЛЕТКИ ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ! ПОВТОРЯЮ, ДАННЫЕ КЛЕТКИ ВЫШЛИ ИЗ СТРОЯ! ПОДОТЧЕТНЫЙ УЧАСТОК ДЛЯ СЕВЕРНОГО ЦЕНТРА ПОЗИТРОНИКИ! ПОЗЫВНЫЕ 1-900-44! КОД ДАННОЙ СИСТЕМЫ – «ШАРДИК». ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕНА! ПОВТОРЯЮ, ТРЕБУЕТСЯ ЗАМЕНА!

Голос затих. Эдди увидел, что Роланд стоит на краю поляны, а Сюзанна сидит на его согнутой в локте руке. Оба они не отрываясь смотрели в ту сторону, откуда раздавался голос, и когда запись включилась по новой, Эдди наконец сумел встряхнуться, освобождаясь от леденящих остатков ночного кошмара. Он встал и присоединился к Роланду с Сюзанной, не переставая дивиться: это сколько ж веков назад было записано сообщение, запрограммированное на самовключение, но только в случае полной поломки системы.

– ИДЕТ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ – ОДИН ЧАС ПЯТЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ! ПОВТОРЯЮ...

Эдди легонько коснулся руки Сюзанны, и она обернулась к нему.

– И давно оно балаболит?

– Минут пятнадцать. Тебя было не добудиться. Дрых, как сус... – Она вдруг умолкла, не договорив. – Эдди, выглядишь ты ужасно! Ты не заболел?

– Нет. Просто видел плохой сон.

Роланд внимательно посмотрел на него, так что под этим взглядом Эдди почувствовал себя неуютно.

– Иногда сны бывают вещими, Эдди. Этот, часом, не из таких?

Эдди подумал мгновение и покачал головой.

– Я не помню.

– Что-то я сомневаюсь, что ты не помнишь.

Эдди пожал плечами и выдавил слабую улыбку.

– Сомневайся себе на здоровье. А как ты себя чувствуешь, Роланд?

– Тоже погано. – Голубые глаза стрелка по-прежнему пристально изучали Эдди.

– Прекратите, – вмешалась Сюзанна вроде бы бодрым голосом, но Эдди все-таки уловил скрытые нотки нервозности. – Вы оба. У меня есть дела поважнее, чем смотреть, как вы тут ска-

чете и пытаетесь пнуть друг друга, все равно как дети, когда разыграются в «Две дрожалки». И особенно сегодня, сейчас, когда этот дохлый медведь так орет, что весь лес трясется.

Стрелок кивнул, но не сводя глаз с Эдди.

— Хорошо... но ты, Эдди, уверен, что ничего не хочешь мне рассказать?

Эдди уже начал подумывать о том, чтобы действительно рассказать. О том, что он видел в огне костра. О том, что было во сне. Но, еще раз поразмыслив, решил промолчать. Может быть, из-за розы в пламени или из-за багряного изобилия роз, окрасивших алым безбрежное поле во сне. Он понимал, все равно ему не передать словами то, что видели его глаза и чувствовало его сердце: слова обесценят увиденное. И потом, для начала ему хотелось обдумать все самому.

Но помни, снова сказал он себе... только голос в сознании у него прозвучал совсем не похоже на его собственный голос. Он был глубже, старше — этот чужой голос. *Помни розу... и форму ключа.*

— Я потом.

— Что ты потом? — переспросил Роланд.

— Расскажу. Когда это станет действительно важным, ну, ты понимаешь, я все расскажу. Вам обоим. Сейчас это пока не так важно. Так что, если мы все-таки едем куда-нибудь, Шан, старик, то седлай.

— Шан? Кто такой Шан?

— Об этом я тоже тебе расскажу потом. Как-нибудь. А теперь пора двигать.

Они свернули лагерь, упаковали свои пожитки и отправились в путь. Сюзанна забралась к себе в коляску. Эдди вдруг преисполнился твердой уверенности, что дорога им предстоит не такая уж долгая.

21

Однажды, когда Эдди еще не увлекся своим героином так, чтобы все остальное напрочь перестало его интересовать, они с друзьями смотались в Нью-Джерси на концерт двух металлических групп — «Чумной нарыв» и «Жертвы радиации» — в «Медоулендсе» Так вот, Эдди казалось, что грохот от «Чумного нарыва» был только чуточку громче, чем рев повторяющегося сообщения, доносящегося из нутра поверженного медведя, хотя он и не был уверен на все сто процентов. Еще в полумиле от поляны, где валялся медведь, Роланд не выдержал, остановился и оторвал шесть небольших лоскутков от своей старой рубашки. Скатав шарики, странники затолкали их в уши и только тогда пошли дальше. Но даже

подобная мера не особенно защитила их от непрестанных раскатистых звуков.

— ИДЕТ ОТКЛЮЧЕНИЕ СИСТЕМЫ! — проревело в медведе, когда они ступили на поляну. Зверь лежал там же, где и свалился, у подножия сосны, куда забирался Эдди, — поверженный колосс с раздвинутыми ногами и коленями, нацеленными в небеса, точно лохматая женщина-великанша, которая умерла при родах. — ДО ПОЛНОГО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ОТКЛЮЧЕНИЯ — СОРОК СЕМЬ МИНУТ! ОПАСНОСТИ ДАННАЯ ОПЕРАЦИЯ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ...

«Да уж, не представляет, — бурчал про себя Эдди, подбирая разбросанные шкурки из тех немногих, которые остались более или менее целыми после атаки медведя и его метаний в предсмертной агонии. — Еще как представляет. *Большую* опасность. Для моих бедных ушей» Он поднял с земли ружейный пояс и молча отдал его Роланду. Рядом валялся кусок деревяшки, из которого он вырезал рогатку. Эдди поднял и его и засунул в кармашек на спинке коляски Сюзанны. Стрелок медленно обернул вокруг талии широкий кожаный пояс и завязал сыромятные ремешки.

— ...В ФАЗЕ ОТКЛЮЧЕНИЯ, ОДНА СУБЪЯДЕРНАЯ КЛЕТКА ЗАДЕЙСТВОВАНА НА ОДИН ПРОЦЕНТ ОТ ПОЛНОЙ МОЩНОСТИ. ДАННЫЕ КЛЕТКИ...

Сюзанна держалась поближе к Эдди. Он передавал ей шкурки, а она их запихивала в большую сумку у себя на коленях, которую сшила сама. Когда они уложили последнюю, Роланд похлопал Эдди по плечу и передал ему заплечный мешок с засоленной олениной (в трех милях от их лагеря, вверх по ручью, Роланд набрел на естественный соляной лизунец). Точно такой же мешок уже висел за плечом у Роланда. Другое плечо оттягивал его кошель — переворошенный и снова набитый всякой всячиной до отказа.

С ближайшей ветки свисала странной конструкции упряжь грубой ручной работы из прошитой стежками оленьей кожи. Роланд подхватил ее, пару секунд подержал в руках, а потом перекинул за спину и закрепил концы под грудной клеткой. Сюзанна скорчила кислую мину, и Роланд это увидел. Впрочем, он ничего не сказал — все равно он не смог бы перекричать медведя, даже если бы заорал во весь голос, — а только сочувственно пожал плечами и развел руками: *Нам она может понадобиться, ты же знаешь.*

В ответ она тоже пожала плечами. *Знаю... но это не значит, что я в восторге.*

Стрелок указал пальцем через поляну. Там две покосившиеся ободранные ели отмечали то место, где Шардик, которого здесь называли когда-то Миа, вывалился на поляну.

Эдди наклонился к Сюзанне, сложил большой и указательный палец в колечко и вопросительно приподнял брови. *О'кей?*

Она кивнула, но прижала ладони к ушам. *О'кей... только давай выбираться отсюда, пока я окончательно не оглохла.*

Странники двинулись через поляну. Эдди толкал перед собой коляску с Сюзанной, держащей на коленях сумку, набитую шкурками. Кармашек на спинке коляски был тоже набит до отказа, так что Эддина деревяшка была не единственным его содержимым.

За их спинами медведь продолжал громыхать своим последним обращением к миру, сообщая, что полное отключение системы произойдет через сорок минут. Эдди не чаял уже дождаться. Сломанные ели, склонившиеся друг к другу, образовывали грубое подобие ворот, и Эдди подумал: *Вот где Роландов путь к Темной Башне начинается по-настоящему, по крайней мере — для нас.*

Он снова вспомнил свой сон — долгая спираль окон, распускающих черные флаги тьмы; тьмы, что нависла зловещим пятном над нескончаемым полем роз, — и когда они проходили под покосившимися стволами, его вдруг охватила дрожь.

22

Им удалось проехать с коляской намного дальше, чем Роланд смел надеяться. Многовековые напластования опадавшей хвои древних елей выстлали землю толстым ковром, заглушающим рост подлеска. У Сюзанны были сильные руки — сильнее, чем у Эдди, хотя Роланд был уверен, что уже скоро в этом они сравняются, — и она без труда толкала коляску по относительно ровному лесному настилу. Когда же дорогу им преграждали деревья, поваленные медведем, Роланд брал Сюзанну на руки, а Эдди перетаскивал коляску через препятствие.

Сзади — расстояние едва-едва приглушало могучий грохот — медведь сообщил, надрывая свой механический глас, что рабочая мощность последней субъядерной клетки уже почти на исходе.

— Надеюсь, сегодня тебе не придется задействовать эту чертову упряжь! — прокричала Сюзанна стрелку.

Роланд согласился с ней, но не прошло и четверти часа, как земля под ногами резко пошла под уклон и в старый лес нагло полезли деревья поменьше и помоложе: ольха, береза и даже несколько чахлых и низкорослых кленов, упрямо цепляющихся за почву в поисках опоры. Ковер из иголок стал тоньше, и колеса коляски Сюзанны теперь начали задевать за низкий плотный кустарник, разросшийся между деревьев. Его тонкие веточки так и норовили вцепиться в

спицы из нержавеющей стали. Эдди подналег всем своим весом на ручки, и так им удалось продвинуться еще на четверть мили вперед. Но потом спуск стал круче, а земля под ногами — мягче.

— Пора залезать на закорки, сударыня, — объявил Роланд.

— Давай попробуем на коляске еще чуть-чуть, а? Вдруг дальше будет полегче...

Роланд покачал головой.

— Если поедешь в коляске по этой горе... как там у вас говорится, Эдди?.. Провернешься?

— Навернешься, Роланд. Словечко из беспутной моей подзаборной юности.

— Ну ладно, как его там ни переиначивай, означает оно «расшибить себе голову». Так что, Сюзанна, давай забирайся.

— Я ненавижу, когда мне тычут, что я калека, — раздраженно пробормотала Сюзанна, но все же позволила Эдди вытащить себя из коляски и подсадить в упряжь за спиной Роланда. Усевшись как следует, она взялась за рукоять Роландова револьвера.

— Не хочешь взять себе этого малыша? — спросила она Эдди.

Он покачал головой.

— У тебя получается лучше. И ты это знаешь не хуже меня.

Она что-то буркнула и поправила ружейный ремень, чтобы при необходимости было сподручнее достать револьвер правой рукой.

— Я вас, ребята, задерживаю, вот что я знаю... но если мы все-таки случайно набредем на какой-нибудь старый добрый асфальт, тут я вас сделаю — не угонитесь.

— Не сомневаюсь, — сказал Роланд... и вдруг склонил голову набок, прислушиваясь. Лес окутала тишина.

— Мистер Медведь наконец-то заглох, — объявила Сюзанна. — Слава Богу.

— Мне казалось, у него еще есть семь минут, — вставил Эдди.

Роланд поправил ремешки упряжи.

— У него, наверное, часы поотстали за последние пять сотен лет.

— Ты действительно думаешь, он такой древний, Роланд?

Роланд кивнул.

— Это как минимум. А теперь и его не стало... последнего из двенадцати Стражей.

— Спроси меня, очень ли я убиваюсь по этому поводу, — сострил Эдди, и Сюзанна рассмеялась.

— Тебе удобно? — спросил у нее Роланд.

— Нет, у меня уже болит задница, но ничего — терпимо. Только ты постарайся, пожалуйста, не уронить меня, ладно?

Роланд молча кивнул и направился вниз по склону. Эдди поплелся следом, толкая перед собой пустую коляску и ста-

раясь при этом не очень сильно громыхать колесами о камни, что стали теперь попадаться у них на пути. Точно большие белые костяшки, торчали они из земли. Теперь, когда медведь наконец заткнулся, Эдди все чаще и чаще ловил себя на мысли о том, что в лесу как-то уж слишком тихо... Он чувствовал себя героем одного из тех старых фильмов про джунгли, где полно людоедов и здоровенных свирепых горилл.

23

Найти медвежий след было легко, а вот идти по нему, как выяснилось, не очень. Миль через пять после поляны он завел их в болотистую низину, хорошо еще не в настоящую топь. К тому времени, когда дорога опять пошла в гору и земля стала потверже, вылинявшие джинсы Роланда намокли почти по колено, а сам он дышал тяжело и хрипло. И все же он был в лучшей форме, чем Эдди, которому приходилось тащить коляску Сюзанны по вонючей стоячей воде.

— Самое время нам отдохнуть и чуть-чуть подкрепиться, — объявил Роланд.

— Господи, наконец-то, — выдавил Эдди, помогая Сюзанне слезть со спины Роланда и усаживая ее на поваленный ствол с глубокими отметинами от когтей. Сам он плюхнулся рядом.

— Ты мне всю коляску измызгал, мой белый мальчик, — сказала Сюзанна. — Я все про тебя пропишу в отчете.

Приподняв бровь, он взглянул на нее.

— На ближайшей же автомойке я все исправлю. Собственноручно тебя провезу. Я даже смажу сцепление этой чертовой колымаги, о'кей?

Она улыбнулась.

— Ловлю тебя на слове, красавчик. За тобой свидание.

Вокруг талии Эдди был обернут один из Роландовых бурдюков. Он похлопал по нему ладонью.

— О'кей?

— Да, — отозвался Роланд. — Только немного на этот раз. Каждому по глотку — и вперед. Чтобы не было судорог.

— Роланд, Зоркий Разведчик из Страны Оз. — Эдди хихикнул, снимая бурдюк.

— Что за Оз?

— Такая вымышленная страна из фильма, — пояснила Сюзанна.

— И не только из фильма, — поправил Эдди. — Мой брат Генри читал мне истории про Страну Оз. Я тебе как-нибудь расскажу, Роланд.

— Было бы здорово, — отозвался стрелок серьезно. — Мне бы хотелось узнать побольше о вашем мире.

— Оз в общем-то не наш мир. Как сказала Сюзанна, это вымышленная страна...

Роланд протянул каждому по куску солонины, завернутой в какие-то широкие листья.

— Когда хочешь скорее узнать о каком-нибудь новом месте, изучи для начала его легенды и сказки. Я бы послушал про эту Страну Оз.

— О'кей. Это тоже своего рода свидание. Сьюз расскажет тебе про Дороти, и Тото, и про Железного Дровосека, а я — обо всем остальном. — Он откусил кусок мяса и закатил глаза от удовольствия. Оно впитало в себя запах листьев, в которые было завернуто, и вкус получился изумительный. Эдди жадно прикончил порцию, и все это время, пока он ел, в желудке у него деловито урчало. Теперь, отдышавшись, он себя чувствовал великолепно. Мышцы его тела потихоньку наливались силой, и все его части были ладно пригнаны друг к другу.

Не волнуйся, сказал он себе. *К вечеру будешь выжат как лимон. Похоже, Роланд намерен идти, пока я не свалюсь на месте.*

Сюзанна ела не так жадно, как Эдди, запивала каждый второй-третий кусочек глотком воды и поворачивала мясо в руках, обкусывая его по краям.

— Вчера вечером мы не договорили, — обратилась она к Роланду. — Ты сказал, что кое-что начинаешь уже понимать... насчет непреодолимого раздвоения твоей памяти.

Роланд кивнул.

— Да. Мне кажется, обе ее половины истинны. Хотя одна — чуть-чуть правдивее, чем другая, но это не значит, что эта вторая — лжет.

— По мне, так, Роланд, это полная белиберда, — вставил Эдди. — Либо тот мальчик Джейк был там на станции, либо нет.

— В этом и заключается парадокс... что-то утверждается и отрицается одновременно. И пока это противоречие как-то не разрешится, моя память так и будет оставаться раздвоенной. Это само по себе уже плохо, но что самое гадкое — разрыв между этими половинами все больше расширяется. Я это чувствую. Но... не знаю, как выразить.

— А в чем, ты думаешь, причина? — спросила Сюзанна.

— Я вам уже говорил, что парнишку столкнули под колеса машины. *Столкнули.* А кто из известных нам типов имел привычку толкать людей подо всякие штуки?

Лицо Сюзанны озарилось вдруг пониманием.

— Джек Морт. Ты хочешь сказать, это *он* столкнул мальчика под машину?

— Вот именно.

— Но ты говорил, что это сделал человек в черном, — возразил Эдди. — Твой приятель Уолтер. Ты говорил, мальчик видел *его*... какого-то мужика, похожего на священника. Ты говорил, мальчик слышал, как тот сказал: «Пропустите меня, я священник». Или я, может быть, ошибаюсь?

— О да, Уолтер был там. Они *оба* были там, и оба столкнули Джейка.

— Кто-то принес торазин и смирительную рубашку, — продекламировал Эдди. — Наш Роланд, бедняжка, немного тронулся умом.

Роланд не обратил внимания на язвительные слова; он начал уже понимать, что дурацкие шутки Эдди — это своеобразный способ справляться со стрессовой ситуацией. Катберт поступал почти так же... как и — по-своему — Сюзанна... и Ален тоже.

— Но меня больше всего раздражает то, — продолжал он невозмутимо, — что я должен был *знать*. Я ведь был у него *внутри*, у Джека Морта, я имел доступ ко всем его мыслям, как это было с тобой, Эдди, и с тобой, Сюзанна. Я *видел* Джейка, когда был внутри Морта. Видел глазами Морта, *и я знал, что Морт хочет столкнуть его*. Мало того — я ему *помешал*. Всего-то и надо было войти в его тело. Он даже не понял, что его отвлекло. Он был полностью сосредоточен на Джейке и подумал, что я — это какая-то муха, севшая ему на шею.

Эдди начал кое-что понимать.

— То есть, если он тогда не столкнул Джейка, значит, Джейк и не умирал. А если он не умирал, стало быть, его не было здесь, в этом мире. А если его не было в этом мире, ты никак не мог встретить его на станции. Правильно?

— Правильно. Я еще даже подумал тогда, что, если Джек Морт собирается убить Джейка, мне бы не надо во все это лезть. Чтобы не сотворить этот самый парадокс, который терзает меня теперь, разрывая надвое. Но я не мог не вмешаться. Не мог. Я... я...

— Ты не мог снова убить парнишку, — закончил за него Эдди. — Каждый раз, когда я уже начинаю думать, что ты такой же бездушный, как тот электронный медведь, ты поражаешь меня неожиданным проявлением нормальных человеческих чувств. Черт возьми.

— Прекрати, Эдди, — тихо сказала Сюзанна.

Эдди взглянул на стрелка, который сидел, склонив голову, и поморщился.

— Ладно, прости меня, Роланд. Моя мама частенько мне говорила, что я сначала что-нибудь сдуру ляпну и только потом подумаю, что я такое сказал.

— Да все нормально. Был у меня один друг... у него тоже язык с головой не дружил.

— Катберт?

Роланд кивнул. Он долго смотрел на свою искалеченную правую руку, потом сжал двупалую ладонь в кулак, отозвавшийся болью, вздохнул и снова поднял глаза. Где-то в зарослях леса заливался жаворонок.

— Но в одном я уверен. Даже если бы я не вошел тогда в Джека Морта, он *все равно* не стал бы толкать Джейка в тот день. Почему? Это *ка-тет*. С тех самых пор, когда умер последний мой друг... из тех, с кем мы начали этот поход... я в первый раз оказался опять в самом средоточии *ка-тета*.

— Квартета? — озадаченно переспросил Эдди.

Стрелок покачал головой.

— «Ка»... обычно под этим словом подразумевают «судьбу», хотя его истинное значение гораздо сложнее, Эдди, и его трудно определить однозначно, как и почти все слова Высокого Слога. А «тет» — это группа людей, объединенных единой целью. Например, мы трое — тет. А «ка-тет» — это место, где жизни многих сведены судьбой воедино.

— Как в «Мосту Святого Людовика»*, — пробормотала Сюзанна.

— Как? — переспросил Роланд.

— Такая история про людей, которые умерли вместе... они шли по мосту, и он обвалился. Это известная в нашем мире книга.

Роланд кивнул, что он понял.

— В данном случае *ка-тет* связал Джейка, Морта и меня. И не было там никакой ловушки, как мне показалось сначала, когда я понял, кого Джек Морт избрал своей следующей жертвой, потому что *ка-тет* изменить нельзя. Над ним не властна наша воля. Но *его* можно *увидеть, узнать и понять*. Уолтер видел, и Уолтер знал. — Стрелок ударил себе по бедру кулаком и с горечью воскликнул: — Как он, наверное, про себя хохотал, когда я наконец до него добрался!

— Давай вернемся к тому, что могло бы случиться, если бы ты не вмешался и не перепутал все планы Морта в тот день, когда он преследовал Джейка, — перебил его Эдди. — Ты говорил, если бы ты ему не помешал, его остановило бы что-то другое. Я правильно понял?

— Да... потому что в *тот* день Джейку не было суждено умереть. Быть может, тот день уже *близился*... но он еще не настал. Я это чувствовал. Может, как раз перед тем, как толкнуть Джейка, Морт бы заметил, что кто-то за ним наблюдает. Что кто-то совсем незнакомый готов вмешаться. Или...

— Или там был легавый, — подсказала Сюзанна. — Он мог заметить легавого. Не в том месте и в неподходящее время.

— Да. Внешняя причина — посланник *ка-тет* — не имеет значения. Я по личному опыту знаю, что Морт, старый лис, был хитер.

* Повесть американского писателя Торнтона Уайлдера (1897—1975).

Если бы он вдруг почуял, что в чем-то произошел хоть малейший сбой, он бы тихо смылся, залег бы в нору и дождался другого дня. И я знаю кое-что еще. Он охотился исподтишка. Маскировался. В тот день, когда он сбросил кирпич на голову Одетты Холмс, на нем были вязаная шапка и свитер на пару размеров больше. Он оделся как пропойца-подзаборник, потому что кирпич он кидал из здания, где ночевали такие вот забулдыги. Вам понятно?

Они закивали.

— А спустя годы, в тот день, когда он толкнул тебя под поезд, Сюзанна, он был одет как рабочий-строитель. На нем был большой желтый шлем, который он про себя называл «твердой шапкой»... и еще он себе прилепил фальшивые усы. То есть в тот день, когда он собрался бы действительно толкнуть Джейка, *он бы оделся как священник*.

— Господи, — прошептала Сюзанна. — Человек, толкнувший его в Нью-Йорке, — это Джек Морт, а тот, кого мальчик видел на станции, стало быть, этот твой старый приятель, за которым ты гнался, — Уолтер.

— Да.

— Но мальчик думал, что это один и тот же мужик, потому что оба они были в черных похожих одеждах?

Роланд кивнул.

— Они даже внешне похожи, Джек Морт и Уолтер. Не то чтобы как братья, я не это имел в виду, но они оба были высокого роста, с темными волосами и очень бледными лицами. И учитывая тот факт, что Джейк видел Морта единственный раз, когда уже умирал, а Уолтера тоже только однажды, находясь при этом в странном незнакомом месте, перепуганный до полусмерти, вполне простительно и понятно, что он ошибся. Если во всей ситуации и присутствовал некий осел, так это я, ваш покорный слуга, потому что мне следовало соображать быстрее.

— И Морт бы не понял, что его используют? — спросил вдруг Эдди. Раздумывая о собственном опыте, о своих переживаниях и диких мыслях, вызванных Роландом в его сознании, Эдди не понимал, как такое вообще могло быть, чтобы Морт не знал... но Роланд лишь покачал головой.

— Уолтер всегда действовал очень коварно, незаметно и, если так можно сказать, утонченно. Морт бы решил, что идея одеться священником принадлежит целиком ему... так мне кажется. Он бы не различил голоса чужака — Уолтера, — что шепотом подсказывал из глубин сознания, как ему следует поступить.

— Джек Морт, — выдавил Эдди. — Каждый раз этот Джек Морт.

— Да... но не без помощи Уолтера. Но как бы там ни было, я все равно спас Джейку жизнь. Когда я заставил Морта спрыгнуть с платформы подземки под поезд, я все изменил.

— Но если этот Уолтер мог так вот запросто, когда ему вздумается, проходить в наш мир... может, через какую-то дверку для личного пользования... разве не мог он использовать и кого-то другого, чтобы толкнуть твоего парнишку? — спросила Сюзанна. — Если он сумел подсказать Морту одеться священником, он с тем же успехом мог бы привлечь и кого-то еще... что, Эдди? Чего головой мотаешь?

— Потому что мне кажется, Уолтер этого не хотел. А хотел он другого. Именно того, что как раз сейчас и происходит... чтобы Роланд терял рассудок, постепенно сходил с ума. Я не прав?

Роланд кивнул.

— Но даже если бы Уолтер хотел смерти Джейка, у него все равно бы уже ничего не вышло, — продолжал Эдди. — Потому что он умер задолго до того дня, когда Роланд нашел эти двери на берегу. Когда Роланд вошел в третью дверь и в сознание Джека Морта, старина Уолтер давно почил в бозе.

Сюзанна подумала и кивнула.

— Да, понимаю... по-моему. Все эти путешествия во времени здорово с панталыку сбивают, а?

Роланд принялся укладывать все, что вынул, обратно в сумку.

— Пора двигать дальше.

Эдди встал и закинул свой мешок за плечо.

— Зато тебе есть чем утешиться, — повернулся он к Роланду. — Ты... или этот твой *ка-тет*... сумели все-таки спасти парня.

Роланд сосредоточенно перевязывал узлы упряжи. Когда же он поднял глаза, Эдди невольно попятился от их чистоты и прозрачности.

— Правда? — хрипло выдавил стрелок. — Ты действительно так считаешь? Я постепенно схожу с ума, пытаясь жить, примирив между собой две разные версии одной реальности. Я поначалу еще надеялся, что одна из них потихоньку сотрется из памяти, только этого не происходит. Как раз наоборот: обе эти версии проявляются у меня в голове все четче и четче, и противостояние между ними грозит разразиться уже настоящей войной. Так что лучше скажи мне, Эдди, как, по-твоему, должен себя чувствовать *Джейк?* Каково это — *знать, что в одном мире ты умер, а в другом продолжаешь жить?*

Снова запел свою песню жаворонок, но никто из них этого не заметил. Эдди смотрел в вылинявшие голубые глаза, горящие на бледном лице стрелка, и не знал, что ответить.

24

В ту ночь они разбили лагерь на поляне в пятнадцати милях к востоку от того места, где остался мертвый медведь. Измотанные, они заснули, как только легли (даже Роланд проспал всю ночь, хотя его сны были похожи на бешеный карнавал кошмаров), и проснулись на следующий день на рассвете. Эдди молча развел костер и лишь взглянул на Сюзанну, когда в зарослях неподалеку раздался выстрел.

— Завтрак, — коротко констатировала она.

Три минуты спустя Роланд вернулся в лагерь со шкуркой, перекинутой через плечо. На ней покоился свежевыпотрошенный и уже освежеванный кролик. Сюзанна молча его приготовила. Странники поели и отправились дальше.

Эдди пытался представить себе, каково это: помнить о собственной смерти. Все утро эта мысль не давала ему покоя.

25

А вскоре после полудня они вышли к участку леса, где почти все деревья были повалены или выкорчеваны из почвы, а кустарник буквально размазан по земле — впечатление было такое, что когда-то давно здесь неистово бушевал ураган.

— Мы почти добрались, — объявил Роланд. — Теперь уже близко. Он тут все порушил, чтобы расчистить обзор. Наш приятель-медведь не любил сюрпризов. Он был здоровенный, но не любезный.

— А он не оставил, случайно, сюрпризов *нам*? — полюбопытствовал Эдди.

— Может быть, — улыбнулся Роланд, похлопав его по плечу. — Но если даже и так, это будут *старенькие* сюрпризы.

Здесь им пришлось сбавить темп. Большинство из поваленных деревьев, преграждавших дорогу, были старыми, даже древними — многие превратились в труху, мешаясь с землей, из которой их выдернули когда-то, — но тем не менее еще оставалось немало завалов, значительно осложнявших продвижение вперед. Даже если бы все трое были физически полноценными, такой переход все равно представлял бы немалые трудности, а ведь ситуацию усугубляло и то, что Роланду приходилось тащить на себе Сюзанну, так что поход превратился в настоящее испытание на выносливость и выдержку.

Местами раскиданные деревья и расплющенный кустарник полностью перекрывали медвежий след, и это тоже задерживало странников. До полудня они шли, ориентируясь по глубоким

отметинам когтей на стволах, четким и ясным, как проложенная меж деревьев тропа. Но здесь, в самом начале пути, гнев исполинского зверя не разыгрался еще в полную силу, и отметины эти пропали. Роланд медленно прокладывал дорогу, высматривая испражнения в кустах и клочки шерсти на коре поваленных деревьев, через которые перебирался медведь. День уже близился к вечеру, когда они наконец миновали эти лесные руины, — и прошли всего-то три мили!

Эдди уже опасался, что они не выберутся оттуда до темноты и им придется заночевать в этом жутком месте, не пробуждающем в нем ничего, кроме чувства гадливости, но, когда он совсем уже было отчаялся, они вышли наконец на опушку леса, заросшую редкой ольхой. Впереди за деревьями в каменном своем ложе журчал ручей. За спиной заходящее солнце пролило воспаленный багряный свет на разоренный участок леса, который они только что миновали. В гаснущем свете дня стволы упавших деревьев обернулись перекрестием черных линий, напоминающих китайские иероглифы.

Роланд объявил привал и снял со спины Сюзанну. Потянувшись как следует, он упер руки в бока и немного размялся, покрутив корпусом вправо и влево.

— Здесь, что ли, заночуем? — с облегчением осведомился Эдди.

Роланд покачал головой.

— Отдай ему свой револьвер, Сюзанна.

Она сделала, как он велел, лишь вопросительно на него посмотрела.

— Пойдем, Эдди, со мной. Мы уже совсем рядом. Место, ради которого мы пришли... оно на той стороне этой окаймленной ольхой опушки. Нам надо взглянуть. И еще кое-что сделать.

— Но почему ты решил...

— Послушай.

Эдди прислушался. Только теперь он вдруг сообразил, что из-за деревьев доносится гул механизмов и что он его уже слышит некоторое время.

— Но мне не хотелось бы оставлять Сюзанну.

— Мы далеко все равно не пойдем, а голосище у нее будь здоров. К тому же если и существует опасность, то она впереди... так что мы будем между ней и Сюзанной.

Эдди нерешительно посмотрел на Сюзанну.

— Идите... но постарайтесь вернуться быстрее. — Она оглянулась назад, задумчиво глядя туда, откуда они пришли. — Не знаю, есть у них тут муравьи или нет, но у меня *ощущение*, что есть.

— Мы вернемся еще засветло, — пообещал Роланд и, не проронив больше ни слова, направился к зарослям ольхи. Помедлив мгновение, Эдди поплелся следом.

26

Углубившись в ольховую рощицу ярдов этак на пятнадцать, Эдди вдруг сообразил, что они с Роландом идут по тропинке — ее, вероятно, за многие годы протоптал для себя медведь. Деревья клонились над ними, образуя живой тоннель. Теперь гул механизмов стал громче, и Эдди начал уже различать его отдельные составляющие. Например, глухое, низкое гудение. Эдди не столько слышал его, сколько ощущал: он чувствовал под ногами слабую вибрацию, словно где-то под землей работал большой агрегат. Мерный гул прорезали, как царапины, скрежещущие перекрестные звуки: *вжик-вжик-бдзжж*.

Прильнув губами к самому уху Эдди, Роланд проговорил:

— Лучше нам тут не шуметь.

Они прошли еще ярдов пять, и Роланд снова остановился. Вытащил из кобуры револьвер и дулом его отодвинул ветку, что свисала под тяжестью листьев, окрашенных отблесками заката. Сквозь открывшийся просвет Эдди выглянул на поляну, где все эти долгие годы жил исполинский медведь на своей оперативной базе, откуда он время от времени делал вылазки и грабительские набеги, сея ужас и опустошение.

Здесь не было ни травы, ни подлеска: вытоптанная земля уже давно ничего не родила. Из-под основания каменной стены высотой пять десятков футов выбивался ручей и тек по поляне в форме наконечника стрелы. На их стороне ручья, прислонившись одним боком к стене, стоял металлический куб высотой футов девять. Закругленная его крыша напомнила Эдди вход на станцию подземки. Передняя стенка была раскрашена по диагонали чередующимися желтыми и черными полосами. Земля на поляне была не черной, как в лесу, а какого-то странного серого цвета пыли. Кругом были разбросаны кости, и тут Эдди понял, что серая эта почва вовсе не земля, как он решил поначалу, а тоже кости, только такие древние, что они давно рассыпались в прах.

И в этой серой пыли что-то двигалось... какие-то штуки, которые, собственно, и издавали тот самый режущий ухо скрежет. Четыре... нет, пять штуковин. Какие-то небольшие металлические устройства, самое крупное — размером со щенка колли. Роботы, понял Эдди, или что-то на них похожее. Было у них кое-что общее, так что медведю, вне всяких сомнений, они служили только для одного... сверху у каждого быстро вертелось по крошечному радару.

Еще вам, пожалуйста, «думалки». Что же это за мир такой, Господи?! — спросил себя Эдди.

Самое крупное из устройств напомнило Эдди игрушечный трактор, который ему подарили на день рождения, ког-

да ему исполнилось шесть или семь лет. Оно деловито ползало по поляне, и его гусеницы поднимали крошечные облачка костяной пыли. Второе походило на крысу из нержавеющей стали. Третье — на змею из стальных сегментов; оно извивалось и горбилось в пыли. Они двигались, образуя неровный круг, на той стороне ручья. Ходили кругами по глубокой колее, за столько лет выдолбленной в земле. Эдди вспомнились карикатуры из номеров «Сатердей ивнинг пост», которые мама зачем-то складывала в передней и не разрешала выбрасывать: обеспокоенные, нервно курящие мужики ходят туда-сюда по ковру, вытаптывая в ворсе лысые дорожки, в ожидании, когда их женушки благополучно разрешатся от бремени.

Когда глаза его попривыкли к незамысловатой географии поляны, Эдди увидел, что разномастных этих уродцев не пять, а гораздо больше. Он разглядел еще как минимум дюжину, а ведь их могло быть и больше, скрытых под костяными останками прежних медвежьих трапез. Разница только в том, что те, остальные, не двигались. В течение веков эти «вельможи» из механической свиты царя-медведя потихоньку умирали один за другим, пока их не осталось лишь пять... да и они уже доживали свой век, судя по этому нездоровому ржавому скрежету. И в особенности змея... уже еле-еле ползет следом за механической крысой. Устройство, что двигалось за ней по пятам — этакий стальной чурбан на коротких лапах, — то и дело налетало на замешкавшуюся змеюку и как будто подталкивало ее вперед: мол, давай, мать твою, пошевеливайся.

Эдди все задавался вопросом, в чем заключалась их функция. Что не защитная — это ясно; медведь был «устроен» так, что был в состоянии сам себя защитить. Эдди даже не сомневался: если бы они повстречались с Шардиком, когда тот был в расцвете сил, он бы шутя разжевал их и выплюнул. Всех троих. Может быть, эти мелкие роботы находились при нем как ремонтная бригада, или разведчики, или посланцы-курьеры. Он допускал, что они могли быть опасны, но только когда дело касалось самозащиты... или защиты хозяина. С виду они вполне мирные, невоинственные.

На самом деле было в них что-то жалкое. Почти все из былой команды давно повымерли, хозяин тоже закончил земное существование, и Эдди почему-то не сомневался, что им — оставшимся — это известно. Они излучали отнюдь не угрозу, а некую странную, нечеловеческую печаль. Древние, поизносившиеся, они продолжали свое бесполезное теперь движение по кругу на этой Богом забытой поляне по проторенной колее, которую сами проложили в земле, и Эдди даже казалось, что он ловит обрывки их мыслей, мечущихся, бессвязных: *Горе нам, горе нам... что теперь? Зачем мы теперь, когда Его больше нет? Кому еще мы нужны теперь, когда Его больше нет? Горе нам, горе нам...*

Тут что-то дернуло Эдди за ногу, и он едва не вскрикнул от неожиданности и страха. Развернулся, вскинув Роландов револьвер, и увидел, что это Сюзанна — глядит на него снизу вверх широко распахнутыми глазами. Эдди с облегчением вздохнул и осторожно отпустил взведенный курок, поставив его на место. Потом встал на колени, положил руки Сюзанне на плечи, поцеловал ее в щеку и прошептал в самое ухо:

— Я едва тебе голову не прострелил... твою глупенькую головку... что ты здесь делаешь?

— Тоже хочу посмотреть, — прошептала она в ответ, ни капельки не смутившись, потом взглянула на Роланда, присевшего перед ней на корточки. — И мне там одной стало страшно.

Пробираясь ползком сквозь кустарник, она оцарапала руки до крови, однако Роланд про себя отметил, что, если захочет, Сюзанна может двигаться тихо, будто призрак, — даже он не услышал, как она к ним подобралась. Вынув из заднего кармана джинсов чистый лоскут (последний от старой его рубахи), он вытер капельки крови с ее ладоней и рук и промакнул небольшой порез у нее на лбу.

— Ну так смотри, — сказал он одними губами. — Ты, по-моему, заслужила.

Наклонившись, Роланд раздвинул ветви кустарника на уровне глаз Сюзанны. Она восхищенно уставилась на поляну. Стрелок терпеливо дождался, когда она вдоволь наглядится, и отпустил ветки, которые снова сомкнулись.

— Мне их жалко, — шепнула она. — Звучит как бред сумасшедшего, да?

— Вовсе нет, — прошептал Роланд в ответ. — Их пути для нас странны, но это создания великой печали. Они тоже по-своему страдают. Эдди как раз собирался их вырубить, чтоб прекратить их мучения.

Эдди отчаянно замотал головой.

— Да, собирался... если только ты не намерен просидеть тут всю ночь на своих, как ты выражаешься, «причиндалах». Целься в шляпки. Эти вертящиеся штуковины.

— А если я промахнусь? — в ярости прошипел Эдди.

Роланд пожал плечами.

Эдди встал и с явною неохотой опять взвел курок Роландова револьвера. Сквозь сплетение ветвей смотрел он на эти жалкие сервомеханизмы, кружащие по своей одинокой бесцельной орбите. *Все равно как щенков стрелять,* мрачно подумал он. И тут вдруг увидел, как один из них — тот, что похож на коробку с ножками, — выпустил из середины «брюха» уродливое с виду орудие типа клещей и ущипнул замешкавшуюся змею. Та издала удив-

ленный жужжащий всхлип и рванулась вперед. Ходячая коробка втянула клещи назад.

Ну... может быть, не совсем как стрелять щенков, решил Эдди. Покосился на Роланда. Тот смотрел на него без всякого выражения, скрестив руки на груди.

Ты выбрал не самое подходящее время, чтобы преподать мне урок, старина.

Эдди вспомнил, как Сюзанна стреляла в медведя. Сначала в мохнатую задницу, потом, когда тот пошел на них с Роландом, прямо в сенсорное устройство у него на башке. Разнесла его в щепки. Ему даже стало немного за себя стыдно. И было еще кое-что: в глубине души он хотел расстрелять их, как хотел разобраться тогда с Балазаром и его командой уродов в «Падающей башне». Побуждение, может быть, тошнотворное, но не лишенное некоторой привлекательности: *Посмотрим сейчас, чья возьмет... поглядим.*

Да, побуждение, без сомнения, тошнотворное.

Представь, что ты в тире и хочешь выиграть для своей подружки плюшевую собаку, сказал он себе. *Или плюшевого медвежонка.* Он уже начал прицеливаться в ходячую коробку, как вдруг Роланд взял его за плечо. Эдди в раздражении обернулся к нему.

— Повтори, что мы с тобой проходили, Эдди. Только не ошибись.

Эдди в сердцах зашипел сквозь зубы, разъяренный вмешательством, но Роланд твердо смотрел на него, так что Эдди пришлось сделать глубокий вдох и попытаться очистить свой разум от всего постороннего: от натужного скрежета механизмов, круживших по этой поляне так долго, от спазмов и боли в мышцах, от сознания того, что Сюзанна рядом, наблюдает за ним, опершись о ладони, что она ближе к земле, и если вдруг он промахнется, а механическому устройству вздумается нанести ответный удар, она станет ближайшей мишенью.

— «Я стреляю не рукой; тот, кто стреляет рукой, забыл лицо своего отца».

Это какая-то глупая шутка, подумал он. Он не узнал бы своего папашу, даже столкнись он с ним нос к носу на улице. Но все-таки Эдди чувствовал, что слова помогают ему: прочищают рассудок и укрепляют нервы. Он не знал, сможет ли из него получиться стрелок, настоящий... хотя имел смутное подозрение, что вряд ли, несмотря на то, что он прекрасно себя проявил в той перестрелке у Балазара... Но одно он знал наверняка: какой-то частице его души нравилась эта спокойная и отрешенная холодность, что всегда нисходила на него, когда Эдди произносил слова древнего катехизиса, которому его обучил стрелок... Холодность и еще новое ощущение мира, вдруг приобретшего необычайную захватыва-

ющую ясность. Хотя другая частица его души с той же ясностью осознавала, что это тоже своего рода наркотик, смертельный наркотик, мало чем отличающийся от героина, который погубил Генри и едва не убил и его самого, но это ни капельки не умаляло напряженного, будто звенящего удовольствия от момента. Оно билось в нем, как провода электропередачи, вибрирующие от сильного ветра.

— «Я целюсь не рукой; тот, кто целится рукой, забыл лицо своего отца.

Я целюсь глазом.

Я убиваю не выстрелом из револьвера; кто убивает выстрелом, забыл лицо своего отца».

А потом — он и сам сначала не понял, как это его угораздило, — Эдди вдруг выступил из-под прикрытия деревьев и произнес в полный голос, обращаясь к роботам, ковыляющим на той стороне поляны:

— *«Я убиваю сердцем»*.

Они застыли на месте, остановив бесконечное свое кружение. Один зажужжал на высокой ноте. Может быть, это была тревога... или предупреждение? Крошечные блюдца радаров повернулись на звук его голоса.

Эдди открыл огонь.

Сенсоры разлетались, точно глиняные летающие мишени, один за другим. В сердце Эдди уже не было места для жалости... только эта отрешенная холодность и еще знание, что он уже не остановится, не сможет остановиться, пока вся работа не будет закончена.

Грохот от выстрелов громовыми раскатами прокатился по сумеречной поляне, отдавшись эхом от обветшалой каменной стены. Стальная змея пару раз кувыркнулась и задергалась в серой пыли. Самое крупное из устройств — то, что напомнило Эдди игрушечный трактор, — попыталось спастись бегством, но замешкалось, выбираясь из колеи. Выстрел Эдди снес его радар напрочь. «Трактор» врылся в землю квадратным носом, из пазов, где крепились стеклянные его глаза, слабой струйкой излилось голубое пламя.

Эдди промахнулся лишь раз — по сенсору крысы из нержавеющей стали. С тонким писком, похожим на писк комара, пуля отскочила от металлической спинки. Крыса выскочила из колеи, обежала полукругом своего сотоварища в виде коробки с ножками, который шел за змеей, и бросилась через поляну со скоростью, прямо-таки удивительной, издавая какие-то гневные лязгающие звуки. Когда расстояние между ними существенно сократилось, Эдди разглядел у нее во рту длинные острые иголки. Не зубы, а именно иголки, толстые, как для швейной машинки. Крыса ощетинилась, щелкнув пастью. *Да,* сказал себе Эдди, *как выясняется, эти штуковины на щенков совсем не похожи.*

— *Прикончи ее, Роланд!* — в отчаянии закричал он, но, оглянувшись, увидел, что Роланд по-прежнему стоит, скрестив руки на груди, с этаким невозмутимым и отрешенным лицом, словно бы погруженный в раздумья над шахматной задачей или предающийся сладостным воспоминаниям о старых любовных письмах.

Радар на спине у крысы вдруг на мгновение остановился, потом чуть изменил направление и нацелился прямо на Сюзанну Дин.

Остался один патрон, сказал себе Эдди. *Если я промахнусь, эта дрянь обдерет ей лицо.*

Но вместо того чтобы стрелять, он шагнул вперед и со всей силы пнул крысу ногой. Сегодня он был не в ботинках, а в мокасинах, пошитых из оленьей кожи, так что удар отдался по ноге до колена. Крыса с писклявым скрежетом покатилась, переворачиваясь в пыли, и остановилась, приземлившись на спину. Дюжина коротких механических ножек заходили туда-сюда, точно поршни. Каждая заканчивалась острым стальным когтем. Когти эти проворачивались на шарнирах размером с карандашный ластик.

Из брюха робота высунулся стальной стержень, и крыса перевернулась на ножки. Эдди опустил револьвер Роланда, не поддаваясь мгновенному искушению придержать его свободной рукой. Так, может быть, в его мире учат стрелять легавых, но для этого мира подобный прием вовсе не подходил. *Когда забываешь про револьвер, когда ощущение такое, что ты стреляешь не им, а пальцем,* как-то сказал им Роланд, *считай, что ты почти выиграл.*

Эдди нажал на спусковой крючок. Крошечный радар, который опять завертелся в поисках врага, исчез в голубой вспышке пламени. Крыса издала сдавленный звук — хлюп! — и завалилась набок. Мертвая.

Эдди повернулся к Роланду. Сердце готово было вырваться из груди. Он был взбешен — такой жгучей ярости он не испытывал с того самого дня, когда осознал, что Роланд намерен держать его в этом чужом мире, пока не найдет свою чертову Башню и не попытается одолеть ее... иными словами, пока все они, может быть, не превратятся в жратву для червей.

Приставив дуло револьвера — с пустым барабаном — к груди стрелка, он прохрипел, не узнавая собственного голоса:

— Если бы здесь оставался еще патрон, ты бы мог уже не волноваться об этой гребаной своей Башне.

— Прекрати, Эдди! — резко проговорила Сюзанна.

Он посмотрел на нее.

— Она подбиралась *к тебе,* Сюзанна, и вряд ли с дружественными намерениями.

— Но она до меня не добралась. *Ты* ее порешил, Эдди. Ты *ее* порешил.

— Только не благодаря ему. — Эдди хотел было убрать револьвер в кобуру, но тут осознал, почувствовав еще большее раздражение, что у него нет портупеи. Ремень с кобурой был у Сюзанны. — Ему и его урокам. Его проклятым *урокам.*

Выражение легкой заинтересованности, появившееся на лице Роланда, вдруг изменилось. Его взгляд метнулся куда-то поверх левого плеча Эдди.

— ЛОЖИСЬ! — крикнул он.

Эдди не стал задавать лишних вопросов. Смущение и гнев как рукой сняло. Он упал лицом вниз, успев еще заметить, как левая рука Роланда молнией метнулась к кобуре на боку. *Господи,* подумал Эдди, падая на землю, *БЫТЬ ТАКОГО НЕ МОЖЕТ, люди не могут так быстро действовать. Я сам не пентюх какой-нибудь, но по сравнению с Сюзанной я просто копуша, а она по сравнению с ним — что твоя черепаха, которая пытается ползти вверх по стеклу...*

Что-то пронеслось у него над головой — какая-то гадость, визжащая в механической злобе, вырвала у него на лету клок волос. Потом раздалось три выстрела — три громовых раската. Это Роланд стрелял с бедра. Пронзительный визг прекратился. Существо, похожее на здоровенную механическую летучую мышь, шлепнулось на землю между тем местом, где лежал ничком Эдди, и тем, где находились Сюзанна с Роландом. Одно перепончатое, покрытое ржавым налетом крыло слабо ударилось оземь, словно в ярости из-за упущенного шанса, и затихло, уже неподвижное.

Роланд направился к Эдди, ступая легко и неслышно в своих старых растрескавшихся ботинках. Протянул руку. Эдди принял ее, и Роланд помог ему встать. Падая, Эдди ударился и сбил дыхание и не мог сейчас говорить. *Может быть, это и к лучшему... а то каждый раз, когда я раскрываю пасть, я обязательно ляпаю что-нибудь не то.*

— Эдди! Ты как, в порядке? — Сюзанна уже направлялась к нему. Он же стоял, склонив голову и согнувшись едва ли не пополам, пытаясь восстановить дыхание.

— Ага. — Слово далось ему не без труда. Он заставил себя встать прямо. — Только прическу она мне подпортила.

— Она притаилась среди деревьев, — сказал Роланд. — Я сам поначалу ее не заметил. В сумерках свет обманчив. — Он мгновение помолчал и добавил все тем же спокойным и мягким тоном: — Ей ничто не грозило, Эдди. Сюзанне то есть.

Эдди кивнул. Только теперь он по-настоящему осознал, с какой скоростью может действовать Роланд. Да он мог бы съесть гамбургер и выпить молочный коктейль, а потом уже браться за револьвер, и у него бы еще оставалась пара секунд в запасе.

— Ну хорошо. Давай скажем так, что я просто не одобряю твою педагогическую методику, о'кей? Но извиняться я не собираюсь, так что, если ты ждешь извинений, лучше не обольщайся сразу.

Роланд наклонился к Сюзанне, приподнял ее и принялся очищать ее одежду и волосы с этакой терпеливой нежностью, как мать отряхивает комбинезончик своему драгоценному чаду, когда тот, заигравшись, извозится в пыли и грязи на заднем дворе.

— Никто и не ждет от тебя извинений. Мне они не нужны. Позавчера мы с Сюзанной уже говорили об этом. Правда, Сюзанна?

Она кивнула.

— Роланд считает, что ученику иной раз вовсе не повредит добрый пинок по ребрам. Чтобы из него получился потом настоящий стрелок.

Эдди оглянулся разок на поверженных роботов и принялся медленно смахивать костяную пыль со штанов и рубашки.

— А что, если, Роланд, дружище, я скажу тебе, что не хочу становиться стрелком?

— Тогда я скажу, что желания твои сейчас мало что значат. — Роланд смотрел на металлический киоск, притулившийся у каменной стены, как будто утратив всяческий интерес к поднятой теме. Эдди не раз наблюдал подобное. Когда речь заходила о том, что будет, могло бы быть или должно быть, Роланд всегда терял интерес.

— *Ка?* — В голосе Эдди послышалась прежняя горечь.

— Все правильно. *Ка.* — Роланд подошел к полосатому киоску и провел рукой по желтым и черным линиям. — Мы отыскали Врата... одни из двенадцати врат, что опоясывают мир по краю... один из шести путей к Темной Башне. И это тоже *ка.*

27

Эдди сходил за коляской Сюзанны. Вызвался сам, никто его не просил: просто ему вдруг захотелось побыть одному, поразмыслить, взять себя в руки. Теперь, когда он отстрелялся и напряжение спало, все мышцы его тела судорожно выбрировали. Его била неудержимая дрожь, и он не хотел, чтобы Роланд с Сюзанной видели его в таком состоянии, — и даже не потому, что они могли бы принять эту дрожь за страх, а потому, что могли распознать ее истинную причину: предельное возбуждение. Ему это понравилось. Даже притом, что летучая мышь едва не сняла с него скальп, ему это понравилось.

Хренотень какая-то, приятель. И ты сам это знаешь.

Но в том-то и заключалась проблема, что он не знал. Только что Эдди столкнулся лицом к лицу с тем же самым, что от-

крыла для себя Сюзанна, когда пристрелила медведя: можно сколько угодно твердить о том, что тебе не хочется становиться стрелком, быть стрелком, как тебе надоело шляться по этому шизонутому миру, где, кажется, кроме тебя и твоих двух товарищей, нет ни единого человеческого существа, что больше всего тебе хочется оказаться сейчас на углу Сорок второй и Бродвея, стоять там, щелкать пальцами, подзывая лоточника, есть хот-дог с соусом «чили», включить плейер, слушать «Creedence Clearwater Revival» и глазеть на девчонок, сексапильных нью-йоркских девчонок в мини-юбках, с длинными ногами и пухлыми чертыхающимися губками. Ты можешь талдычить обо всем этом до посинения, но себя все равно не обманешь. Сердцем ты знаешь, что тебе это нравится. Он *ловил кайф*, паля по шагающим электронным зверюгам, по крайней мере пока держал в руках револьвер, превратившийся в этакого портативного «громовержца» для личного пользования. Он испытал удовольствие, пнув робота-крысу, хотя ноге было больно, а сам он перепугался до полусмерти. И, как бы дико оно ни звучало, даже то, что он перепугался, только добавило ему кайфа.

Все это само по себе уже гадко, но Эдди сегодня узнал про себя кое-что еще: если прямо сейчас перед ним вдруг возникнет волшебная дверь и откроется обратно в Нью-Йорк, он, может быть, и не вернется туда. Во всяком случае, пока не увидит своими глазами эту чертову Темную Башню. Он уже начал подозревать, что болезнь Роланда заразная.

Так, пихая коляску Сюзанны сквозь густые заросли ольхи, кляня на чем свет стоит тонкие ветки, что норовили ударить его по лицу и задеть глаза, Эдди нашел силы признаться себе кое в чем, а переварив, это все принять, и сделанные им открытия несколько остудили его разгоряченную кровь. *Просто мне хочется посмотреть, она такая же, как в моем сне, или нет*, думал он. *Увидеть воочию нечто подобное... это будет действительно здорово.*

И тут в голове у него прозвучал иной голос. *Зуб даю, остальные его друзья — ну эти, со странными именами, как у рыцарей Круглого Стола при дворе короля Артура, — зуб даю, они тоже похожее переживали что-то, Эдди. А теперь они все мертвы. Все до единого.*

Он узнал этот голос, нравилось ему это или нет. Голос принадлежал Генри. Вот почему Эдди было так трудно его не слушать.

28

Держа Сюзанну на правом бедре, Роланд стоял перед металлическим кубом, напоминающим запертый на ночь вход на станцию подземки. Оставив коляску на краю поляны, Эдди тоже подошел. Здесь, ближе к кубу, гул и вибрация под ногами стали

гораздо громче, то есть механизм, этот гул издающий, располагался либо внутри коробки, либо под ней. Эдди казалось, что он его воспринимает не слухом, а каждой клеточкой мозга или даже нутром.

— Значит, это одни врата из тех самых двенадцати. И куда они открываются, Роланд? В Диснейленд?

Роланд покачал головой.

— Я не знаю куда. Может, вообще в никуда... или во все. В этом мире есть много, чего я не знаю... вы это, наверное, уже поняли. А многое из того, что я знал, изменилось.

— Потому что мир сдвинулся с места?

— Да. — Роланд взглянул на него. — Знаешь, это не просто такой оборот. Мир действительно сдвинулся с места... он и сейчас еще сдвигается, только быстрее. И все здесь приходит в упадок, ветшает... разваливается на части... — Он пнул механический трупик ходячей коробки, как бы подчеркивая свои слова.

Эдди вдруг вспомнил круглую схему, которую Роланд чертил на земле.

— И, стало быть, это край света? — спросил он едва ли не робко. — Я хочу сказать, место как место. Ничего особенного. — Он хохотнул. — Я так себе представлял, что должна быть какая-то пропасть... только что-то ее не видать.

Роланд покачал головой.

— Это не тот край света, а просто такое место, откуда выходит один из Лучей. Во всяком случае, меня так учили.

— Лучей? — переспросила Сюзанна. — Что еще за Лучи?

— Древние не создавали мир... они его *воссоздали*. Кое-кто из сказителей утверждает, что Лучи спасли мир; кое-кто убежден, что они заключают в себе семена разрушения. Их создали древние. Это такие линии... они *удерживают... и связуют...*

— Ты, случайно, не о магнитных полях говоришь? — осторожно осведомилась Сюзанна.

Лицо Роланда, вечно суровое и угрюмое, вдруг словно бы просветлело и стало совсем другим, новым и удивительным, и Эдди подумал, что он теперь знает, каким будет Роланд, когда *дойдет наконец* до своей Темной Башни.

— Да! И об этом тоже... и еще о гравитации... и о надлежащем соотношении размера, пространства и измерения. Лучи — это силы, которые все это скрепляют.

— Добро пожаловать к нам в психушку с физическим уклоном! — буркнул Эдди, понизив голос.

Сюзанна не обратила на него внимания.

— А Темная Башня? Она типа базового генератора? Главный источник энергии для Лучей?

— Я не знаю.

— Но зато знаешь, что мы сейчас в точке А, — сказал Эдди. — Если мы будем отсюда идти по прямой, то в конце концов мы придем к противоположным Вратам — назовем их точкой С — на том краю света. А посередине отрезка АС расположена точка В. Центральная точка. Темная Башня.

Стрелок кивнул.

— И долго придется идти? Ты, случайно, не в курсе?

— Нет, знаю только, что долго. Она далеко, и с каждым днем все дальше. Расстояние растет.

Эдди нагнулся, чтобы рассмотреть ходячую коробку. Потом он выпрямился и взглянул на Роланда.

— Не может такого быть. — Тон его походил на увещевания взрослого, который пытается убедить ребенка, что в шкафу у него нет никакого маленького домового, что такого *не может* быть, потому что домовых вообще не бывает. — Миры *не растут,* Роланд.

— Правда? В детстве, Эдди, я помню, у нас во дворце были карты. Одну я запомнил. Называлась она «Великие королевства Западной Земли». Была там и моя страна, Гилеад. И Низинные феоды — в тот год, когда я получил свои револьверы, там уже шла гражданская война. И холмы, и пустыня, и горы, и Западное море. По этой карте от Гилеада до моря расстояние было неблизким — тысяча, если не больше, миль, — *однако, чтобы его пройти, мне понадобилось целых двенадцать лет.*

— Но это же невозможно, — испуганно выпалила Сюзанна. — Даже если ты все эти мили прошел пешком, все равно это много — двенадцать лет.

— Ну, если учесть, что тебе приходилось не раз останавливаться, чтобы отправить домой открытки и выпить пивка... — начал Эдди, но Роланд с Сюзанной его просто проигнорировали.

— Я не пешком добирался. Почти всю дорогу я ехал верхом, — сказал Роланд. — Меня то и дело... задерживали, скажем так... но я старался зря время не тратить. Чтобы убраться подальше от Джона Фарсона, который начал мятеж, опрокинувший мир, где я вырос, и который спал и видел, как бы снести мне башку и водрузить ее на кол у себя на дворе, — должен признать, у него были на то причины, поскольку я и мои друзья перебили весь «цвет» его шайки... и, потом, я кое-что спер у него, очень ему дорогое.

— Что, Роланд? — не сдержал любопытства Эдди.

Роланд покачал головой.

— Это совсем другая история... может быть, я расскажу, но потом... или вообще никогда. Сейчас важно не это. Вдумайтесь: я прошел не одну сотню миль — *много* сотен. Потому что мир увеличивается, растет.

— Такого просто не может быть, — настойчиво повторил Эдди, но его все равно трясло. — Бывают землетрясения... наводнения... приливы на море, отливы... ну, я не знаю...

— *Послушай!* — Роланд, кажется, начал уже выходить из себя. — Посмотри, оглянись вокруг! Что ты видишь? Мир, который неумолимо замедляет свой ход, как детский волчок, пусть даже пока он набирает обороты, и вам не понятно, как он движется. Да хотя бы на то посмотри, что ты сейчас подстрелил. Посмотри, Эдди, пожалуйста, ради отца своего посмотри!

Он отступил на два шага к ручью, поднял с земли металлическую змею, быстро ее осмотрел и перекинул Эдди, который поймал ее левой рукой. Она переломилась надвое прямо у него в руке, и одна половина упала на землю.

— Видишь? Видишь, она истощилась, от нее ничего не осталось. Все эти странные существа, на которых мы тут набрели, умирали уже. Если бы мы не пришли, они все равно бы накрылись, и очень скоро. И медведь этот тоже.

— Медведь, похоже, был чем-то болен, — вставила Сюзанна.

Стрелок кивнул.

— Да, паразиты. Они поселились в его органическом теле. Но почему не раньше? Почему только сейчас?

Сюзанна в ответ промолчала.

Эдди внимательно изучал половинку змеи. В отличие от медведя она представляла собой целиком искусственную конструкцию — существо, скроенное из металла, электронных цепей и ярдов (если не миль) проводов, тоненьких, как паутинка. Однако Эдди сумел разглядеть струпья ржавчины на нержавеющей стали. Причем не только на внешних сегментах, но и внутри. Было и еще какое-то влажное пятно. Либо вытекло масло, либо вода просочилась снаружи. Кое-где эта влага разъела проводку, а на крошечных платах размером с ноготь большого пальца зеленела какая-то гадость, похожая с виду на мох.

Эдди перевернул половинку змеи пузом вверх. На стальной пластинке ясно читалось имя производителя: «Северный Центр позитроники». Стоял также серийный номер, но имени не было. *Может быть, слишком это незначительное устройство, чтобы давать ему имя,* решил он про себя. *Простой вращающийся щуп, время от времени применяемый в качестве очистительной клизмы для старикана-медведя, или предназначенный для нормализации работы его кишечника, или еще для чего-нибудь в равной степени гадкого.*

Отшвырнув змею, Эдди вытер руки о штаны.

Роланд поднял с земли устройство, смахивающее на игрушечный трактор. Дернул за гусеницу. Та с легкостью оторвалась, обдав ботинки стрелка облачком ржавой пыли.

— Все в этом мире либо тихо издыхает, либо разваливается на части, — произнес он, отбрасывая «трактор» прочь. — А силы, которыми держится этот мир — и не только в пространстве, но и во времени и в размере, — тоже исчерпывают себя. Об этом мы знали еще детьми, но мы и представить себе не могли, каким будет время конца. Да и откуда нам было знать? И вот я живу в эпоху заката, и мне кажется, что она наступила не только для нашего мира. Но и для вашего тоже, Сюзанна и Эдди. И, быть может, еще для миллиарда миров. Лучи теряют первоначальную свою мощь. Не знаю, причина ли это или просто очередной симптом, но я знаю, что это так. Идите сюда! Ближе! Прислушайтесь!

Когда Эдди приблизился к металлическому кубу в косую черную с желтым полоску, на него вдруг нахлынули воспоминания, яркие и неприятные — в первый раз за долгие годы он вспомнил про ветхое старое здание в Датч-Хилле, примерно в миле от микрорайона, где они с Генри родились и выросли. Обветшалое это строение, которое местные ребятишки называли «Большим особняком», стояло посреди пустыря, заросшего сорной травой, который когда-то, наверное, был ухоженной лужайкой, на Райнхолд-стрит. И не было в округе ни одного мальчишки, который не знал бы истории о привидениях, связанной с особняком. Приземистый, словно бы придавленный крутой крышей, этот дом, казалось, сердито глядел на прохожих из густой тени, что отбрасывали свесы крыши. Стекол в окнах, само собой, не было: их с безопасного расстояния повыбивали камнями мальчишки, — но никто не отважился расписать стены дома или устроить там импровизированный ночной клуб или тир. Но самым странным и непонятным был факт самого его существования: никто не поджег его ради того, чтобы получить страховку, или хотя бы ради удовольствия посмотреть, как он будет гореть. Мальчишки шептались, что в доме живут привидения, и как-то раз Эдди с Генри специально пришли на ту улицу, чтобы своими глазами увидеть объект этих невероятных слухов (хотя маме Генри сказал, что они идут с друзьями в кондитерскую), и им показалось, что в доме действительно есть привидения. В таком месте должны быть. Разве он сам не почувствовал некую силу, чужую и явно недружелюбную, что просочилась из пустых темных окон этого викторианского особняка — окон, как будто уставившихся на него пристальным неподвижным взглядом буйнопомешанного? Разве какой-то едва уловимый ветерок не шевельнул волоски у него на руках? Разве он не преисполнился вдруг интуитивной уверенности, что стоит ему шагнуть внутрь, как массивная дверь тут же за ним захлопнется, замок закроется сам, а стены начнут сближаться, стирая в порошок косточки мертвых мышей, чтобы раздавить и его?

Дом с привидениями.

И теперь, приближаясь к металлическому кубу, Эдди снова почувствовал эту смесь тайны и злобной угрозы. По ногам и рукам побежали мурашки. Волосы на затылке вдруг встали дыбом, точно шейное оперение надувшегося индюка. Он ощутил, как его овевает все тем же еле заметным ветерком, хотя ни один листок на деревьях, окружающих поляну, даже не шелохнулся.

Но он все-таки подошел к металлической двери (ибо это была та же дверь, только запертая, и для таких, как он, Эдди, она останется запертой навсегда — ради того ее здесь и поставили) и прижался к ней ухом, закрыв глаза.

Ощущение было такое, как будто он с полчаса назад принял неслабую дозу ЛСД, и вот теперь зелье начало потихоньку действовать. Странные цвета расплылись в темноте перед его закрытыми глазами. Эдди почудились голоса. Они звали его из ветвящихся коридоров, словно из недр каменных глоток, — длинных таких коридоров, освещенных рядами трубчатых ламп. Когда-то эти электрические факелы изливали свое яркое свечение повсюду, но теперь они едва тлели тусклым голубым огнем. Он почувствовал пустоту... запустение... опустошение... смерть.

Ровный гул механизмов не прекращался, но теперь в нем проскальзывал новый ритм, сбивчивый, грубый... или ему это просто почудилось? Какой-то отчаянный глухой стук в общем гуле, как аритмия больного сердца? И еще складывалось ощущение, что агрегат, этот звук издающий, пусть даже намного более сложный, чем тот, что был внутри у медведя, потихоньку выбивается из рабочего своего ритма.

— Все умолкает в чертогах мертвых, — неожиданно для себя прошептал Эдди срывающимся слабым голосом. — Все — забвение в каменных залах мертвых. Узрите ступени, во тьму уводящие; узрите палаты, в руинах лежащие. Вот владение мертвых, где паутину прядут пауки и вращение светочей замирает, и светочи гаснут один за другим.

Роланд рывком оттащил Эдди от двери, и тот уставился на стрелка невидящими помутневшими глазами.

— Хватит, — сказал Роланд.

— Какую бы гадость они туда ни напихали, она, кажется, выходит из строя, верно? — услышал Эдди собственный голос. Этот дрожащий голос доносился до него как будто издалека. Он все еще чувствовал силу, излучаемую металлическим кубом. И эта сила звала его.

— Нет, — отозвался Роланд. — Ничто в моем мире сейчас не работает так хорошо, как эта, говоря твоими словами, гадость.

— Если вы, парни, хотите остаться тут на ночь, придется вам обойтись без моего приятного общества. — В пепельных отблес-

ках сумерек лицо Сюзанны казалось размытым пятном. — Я вас подожду за рощицей, там же и заночую. Здесь мне что-то не нравится. Не нравятся ощущения от этой штуковины.

— Мы все заночуем за рощицей, — успокоил ее Роланд. — Пойдем.

— Хорошая мысль, — заключил Эдди.

По мере того как они удалялись от куба, гул механизмов начал понемногу стихать. Эдди буквально физически ощущал, как слабеет сила, его захватившая, хотя она по-прежнему манила, звала исследовать сумрачные коридоры, лестницы, уводящие в темноту, и палаты, в руинах лежащие, где паутину плетут пауки и огоньки на контрольных приборах гаснут один за другим.

29

В ту ночь Эдди опять снился сон. Он снова шагал по Второй авеню к магазинчику деликатесов «Том и Джерри», что на углу Второй и Сорок шестой. Из колонок у музыкального магазина, мимо которого он проходил, неслась песня «Роллинг стоунз»:

Я вижу красную дверь и хочу
ее выкрасить в черный,
Никаких больше красок, я хочу,
чтобы все стало черным,
Мимо проходят девицы в ярких летних цветах,
Я верчу головой до темноты в глазах...

Он пошел дальше. Мимо магазина «Твои отражения», что между Сорок девятой и Сорок восьмой. Увидел свое отражение в одном из зеркал на витрине и подумал, что выглядит очень неплохо, намного лучше, чем в последние несколько лет, — патлы, правда, чуть-чуть отмахали, но в остальном вполне даже прилично. Загорелый, подтянутый парень. Вот только прикид... м-да, ребята. Этакий яппи*. Синий блейзер, белая рубашка, темно-красный галстук, серые костюмные брюки... у него в жизни такого нарядца не было.

Кто-то потряс его за плечо.

Эдди попытался зарыться поглубже в сон. Ему не хотелось просыпаться сейчас. Сначала он собирался дойти до «Тома и Джерри»,

* Яппи — молодой профессионал с высшим образованием. В системе ценностей яппи главное место занимают карьера и материальное благополучие.

открыть своим ключом дверь и еще раз прогуляться по полю роз. Ему хотелось увидеть все это снова: бесконечный багряный простор, синюю арку неба, белые облака, похожие на плывущие в вышине корабли, и Темную Башню. Да, он боялся тьмы, что жила внутри этой таинственной небывалой колонны, — тьмы, алчущей поглотить любого, кто отважится подойти слишком близко, — но все равно он хотел посмотреть на нее еще раз. Ему *было нужно* увидеть ее.

Но рука, что трясла его за плечо, не исчезла, как он очень надеялся. Сон начал тускнеть, запахи выхлопных газов на Второй авеню растворились в дыму костра — теперь уже слабом, потому что костер почти догорел.

Разбудила его, как выяснилось, Сюзанна. Эдди сел и обнял супругу одной рукой. Они устроились на ночлег на дальней окраине ольховой рощи в пределах слышимости ручья, что журчал на поляне, усыпанной костяной пылью. Роланд спал по ту сторону круга из тлеющих угольков, что остались от выгоревшего костра, — спал беспокойно. Отбросив в сторону одеяло, он лежал, подтянув колени едва ли не к самой груди. Он снял свои тяжелые ботинки, и его голые ступни казались бледными, узкими и беззащитными. На правой ноге недоставало большого пальца — его отхватило омарообразное чудище, искалечившее Роланду еще и правую руку.

Он что-то бормотал во сне, повторяя снова и снова одну невнятную фразу. Вскоре до Эдди дошло, что это та самая фраза, которую Роланд пробормотал тогда на поляне, где Сюзанна пристрелила медведя, прежде чем потерять сознание. *Тогда иди — есть и другие миры,* кроме этого. Роланд на мгновение затих, а потом вскрикнул, зовя парнишку по имени:

— Джейк! Где ты? *Джейк!*

Столько отчаяния, столько горечи слышалось в этом крике, что Эдди даже стало жутко. Он еще крепче обнял Сюзанну и прижал ее к себе. Она вся дрожала, хотя ночь была теплой.

Стрелок перевернулся на спину. Звездный свет отразился в открытых его глазах.

— *Джейк, где ты?* — спросил он, взывая к ночи. — *Вернись!*

— Господи, Сьюз... он, по-моему, опять тронулся. Что будем делать?

— Не знаю. Но ты как хочешь, а я не могу больше все это слушать. Он как будто не здесь. Вообще нигде. Вдали от всего.

— Тогда иди, — пробормотал Роланд, снова переворачиваясь на бок и подтягивая колени к груди, — есть и другие миры, кроме этого. — Он на мгновение умолк, а потом грудь его всколыхнулась, и стрелок выкрикнул имя парнишки долгим, леденящим кровь воплем. Где-то в лесу раздался сухой шелест крыльев: это взлетела птица и устремилась подальше — туда, где тихо.

— Есть какие-то соображения? — В широко распахнутых глазах Сюзанны блестели слезы. — Может быть, надо его разбудить?

— Я не знаю. — Взгляд Эдди упал на Роландов револьвер, единственный, у него оставшийся, который стрелок носил на левом боку. Он лежал, убранный в кобуру, на аккуратно сложенной шкуре рядом с Роландом, так чтобы до него было легко дотянуться. — Мне кажется, я не решусь, — добавил он через силу.

— Он, наверное, сходит с ума.

Эдди кивнул.

— Что же нам делать, Эдди? *Что делать?*

Эдди не знал. Как-то раз антибиотики из его мира помогли стрелку, остановили обширное заражение, вызванное ядовитым укусом омарообразного гада; теперь Роланд снова страдал от обширного заражения, только Эдди не думал, что в природе существует такое лекарство, которое может его исцелить на этот раз.

— Не знаю, Сьюз. Ложись рядом со мной.

Обнимая Сюзанну, он укрылся меховой шкурой, и вскоре дрожь ее прекратилась.

— Если он сходит с ума, он может наброситься на нас, — тихо проговорила она.

— Я тоже об этом думал. — Неприятная эта мысль ассоциировалась у него с образом медведя с его красными, налитыми злобой глазами (хотя в самых глубинах тех алых провалов мелькнуло замешательство, или Эдди это только показалось?) и смертоносными когтями. Эдди опять бросил взгляд на заряженный револьвер, лежащий так близко к здоровой руке Роланда; вспомнил о том, с какой скоростью Роланд извлек его из кобуры, отражая атаку механической летучей мыши, — так быстро, что Эдди и не заметил движения. Если стрелок помутится рассудком и если безумие его изберет своей целью их с Сюзанной, шансов спастись у них точно не будет. То есть вообще никаких.

Эдди прижался лицом к теплой шее Сюзанны и закрыл глаза.

А вскоре Роланд затих. Эдди приподнял голову и оглянулся. Роланд как будто заснул. И выглядел как обычно. Сюзанна тоже спала. Эдди нежно поцеловал ее в мягкий холмик груди и снова закрыл глаза.

Нет уж, приятель, держись. Сегодня ты долго еще не заснешь.

Но эти два дня они топали без передыху, и Эдди смертельно устал. Его уносило... куда-то... прочь.

Обратно в тот сон, думал он, улетая. *Хочу туда... на Вторую авеню... обратно к «Тому и Джерри». Хочу снова туда.*

Однако сон не вернулся в ту ночь.

30

На рассвете они быстро позавтракали, перепаковали и перераспределили поклажу и вернулись на клиновидную поляну. В чистом утреннем свете она смотрелась не так угрюмо, но все же все трое старались держаться подальше от металлического куба с предупредительными желто-черными полосами. Если Роланд и помнил что-нибудь из дурных снов, что донимали его в ту ночь, виду он не подавал. Обычную утреннюю работу он выполнил, как всегда, молча, пребывая в этакой флегматичной задумчивости.

— Отсюда нам надо идти по прямой... Как ты думаешь это осуществить на практике? — спросила Сюзанна стрелка.

— Если легенды не врут, то проблем быть не должно. Помнишь, вчера ты спросила о магнитных полях?

Она кивнула.

Порывшись в своем кошеле, Роланд достал небольшой квадратик из старой кожи с длинной блестящей иголкой, продетой посередине.

— Компас! — воскликнул Эдди. — Нет, ты точно разведчик!

Роланд покачал головой.

— Нет, это не компас. Я знаю, конечно, что такое компас, но в последний раз я его видел несколько лет назад. Я узнаю направление по солнцу и звездам. Даже в нынешние времена этот способ меня не подводит.

— Даже в нынешние времена? — нервно переспросила Сюзанна.

Роланд кивнул.

— Стороны света тоже меняют свое положение.

— Господи, — выдохнул Эдди, пытаясь представить себе такой мир, где север тихонько сдвигается на восток или на запад, но у него ничего не вышло. Его даже чуть затошнило, как с ним бывало всегда, когда он смотрел вниз с большой высоты.

— Это просто иголка, но иголка из стали, и она нам послужит не хуже компаса. Мы пойдем по Лучу, и иголка укажет нам путь. — Роланд снова порылся в сумке и достал грубой работы глиняную чашу с трещиной на одном боку. Чашу эту Роланд нашел на развалинах древнего поселения и аккуратно заделал трещину сосновой смолой. Отойдя к ручью, он зачерпнул воды и вернулся туда, где сидела Сюзанна в своей коляске. Осторожно поставив чашу на подлокотник, стрелок дождался, пока вода в ней перестанет рябить, и опустил в воду иголку. Она легла на дно и застыла там неподвижно.

— Вау! — высказал Эдди свое восхищение. — Круто! Я бы пал пред тобой ниц, Роланд, но не хочу портить складки на брюках!

— Я еще не закончил. Держи чашку, Сюзанна, и постарайся, чтобы она не сдвинулась.

Она сделала, как он сказал, а Роланд, взявшись за ручки коляски, медленно покатил ее по поляне. Не доезжая двенадцати футов до двери, он осторожно развернул коляску на сто восемьдесят градусов, так что Сюзанна была теперь к двери спиной.

— Эдди! — позвала она. — Иди посмотри!

Эдди склонился над глиняной чашкой. Вода уже начинала сочиться сквозь смоляную замазку, но игла медленно поднималась на поверхность. Вот она уже вынырнула и закачалась спокойно, как пробка, указывая направление по прямой от Врат у них за спиной в самую чащу древнего леса.

— Срань господня... плавучая иголка. Теперь я действительно видел все.

— Держи чашку, Сюзанна.

Роланд медленно сместил коляску чуть вправо от куба. Иголка дрогнула, закачалась и опять опустилась на дно. Но как только стрелок вернул коляску в первоначальное положение, она поднялась на поверхность, указывая направление.

— Была бы у нас металлическая стружка и лист бумаги, — сказал Роланд, — я бы вам показал. Стружка, насыпанная на бумагу, растянулась бы в линию, и линия эта указала бы в том же самом направлении.

— А когда мы отойдем от Врат? — спросил Эдди. — Она тоже будет указывать направление?

Роланд кивнул.

— И не только она. Мы сможем *увидеть* и сам Луч.

Сюзанна оглянулась через плечо, случайно задев локтем чашку. Вода всколыхнулась. Иголка дернулась, потеряв направление... но тут же вернулась в первоначальное положение.

— Не туда, — сказал Роланд. — Сейчас оба смотрите вниз... Эдди — под ноги, Сюзанна — себе на колени.

Они сделали, как он велел.

— Когда я скажу вам поднять глаза, смотрите прямо вперед. По направлению иголки. Только не вглядывайтесь: пусть глаза смотрят сами. Понятно? Давайте!

Они подняли головы. В первое мгновение Эдди не увидел ничего особенного — все тот же дремучий лес. Он попытался расслабиться... и вдруг увидел. Так он прежде узрел рогатку, сокрытую в отростке на пне. Теперь он понял, почему Роланд велел им не вглядываться. «Отпечаток» невидимого Луча, проходящего сквозь пространство, лежал буквально на всем, что попадало в поле излучения, хотя сам Луч был едва различим. Иголки сосен и

елей указывали его направление. Кустарник рос под небольшим углом, наклонившись в сторону Луча. Деревья, которые повалил медведь, расчищая себе поле зрения, не все попадали вдоль этой скрытой «дорожки» — что уводила на юго-восток, если только Эдди не изменило чувство пространственной ориентации, — но большинство из них все же легли по Лучу, как будто сила, исходящая от Врат, *толкала* их в том направлении. И было еще кое-что: то, как тени ложились на землю. Солнце вставало сейчас на востоке, и тени, само собой, указывали на запад, но если смотреть точно на юго-восток, куда указывала иголка в чашке, можно было разглядеть странный теневой узор типа «елочки», но опять же лишь вдоль Луча.

— Кажется, я *что-то* вижу, — с сомнением проговорила Сюзанна, — но...

— Смотри на тени! *На тени,* Сьюз!

Вдруг глаза у нее широко распахнулись, и Эдди понял, что она тоже все это видит.

— Господи! Точно! Вот же он, вот! Как пробор в волосах!

Теперь, когда Эдди увидел его, он уже больше не мог потерять этот затененный проход сквозь дикие дебри, подступающие к поляне, прямую, едва различимую «дорожку» — путь Луча. Внезапно он осознал, какой мощной должна быть сила, обволакивающая его (или, возможно, проходящая сквозь него, как рентгеновские лучи), и едва переборол себя, чтобы не отшатнуться в сторону.

— Слушай, Роланд, а мне оно не грозит импотенцией, а?

Роланд лишь улыбнулся, пожав плечами.

— Это как ложе реки, — изумилась Сюзанна. — Давно пересохшей реки... оно заросло, и его теперь едва видно... но все-таки видно. Этот узор из теней, он не изменится, если мы будем держаться «дорожки» Луча, верно?

— Нет, — сказал Роланд. — Тени меняются вместе с солнцем, движущимся по небу, но так или иначе Луч будет видно. Он проходит здесь тысячи лет, быть может, *десятки* тысяч. Посмотрите на небо!

Они подняли глаза к небу. В вышине белые перистые облака тоже выстроились вдоль луча, сложившись узором-«елочкой»... и они — те, что оказывались над силовой «дорожкой», — плыли по небу быстрее, чем остальные. Их уносило на юго-восток. Как будто их что-то толкало по направлению к Темной Башне.

— Видите? Ему подвластны даже облака.

По небу летела стайка каких-то птиц. Попав в лучевой поток, они тоже свернули на юго-восток. Эдди глядел и не верил своим глазам. Выбравшись за пределы узкого силового коридора, птицы вернулись на первоначальный курс.

— Ну ладно, — вымолвил Эдди. — Кажется, нам пора двигать. Путь в тысячу миль начинается с одного шага, равно как и в тысячу лет и так далее.

— Подождите минутку. — Сюзанна смотрела на Роланда. — Ведь нам не тысячу миль предстоит протопать. Теперь уже нет, я права? А сколько, Роланд? Пять тысяч миль? Десять?

— Точно не знаю. Но далеко.

— И как ты думаешь это осуществить на практике, когда вам приходится вечно таскаться с моей треклятой коляской? При самом удачном стечении обстоятельств мили три в день по этим Отстойникам мы пройдем, но не больше, и тебе это известно.

— Мы нашли путь, — спокойно ответил Роланд, — и пока что этого достаточно. Быть может, настанет такое время, Сюзанна Дин, когда нам придется идти быстрее, чем тебе хотелось бы.

— Да неужели? — Она одарила Роланда свирепым взглядом, и оба — и Роланд, и Эдди — заметили, как опасно блеснули ее глаза... глаза Детты Уокер. — У тебя тут поблизости припаркована гоночная машина? Если да, было бы недурно найти под нее еще и автотрассу!

— Земля и путь, по которому мы пойдем, изменятся. Так бывает всегда.

Сюзанна махнула рукой, мол, лапшу мне не вешай.

— Знаешь, кого ты мне сейчас вдруг напомнил? Мою старую маму. «Бог поможет» — была любимая ее фраза.

— А что, разве Он не помогает? — на полном серьезе спросил стрелок.

Она в изумлении уставилась на него, на мгновение не найдясь что ответить, потом запрокинула голову и рассмеялась.

— Ну, зависит, наверное, от того, как посмотреть. Но знаешь, Роланд, что я тебе скажу? Если все это — Божья помощь, мне бы тогда не хотелось на собственной шкуре изведать, что произойдет, если Он от нас отвернется.

— Ну давайте пойдем отсюда, — не вытерпел Эдди, — и чем скорее, тем лучше. Мне здесь не нравится. — Но он сказал не всю правду. На самом деле ему не терпелось скорее ступить на эту скрытую тропу, этот потаенный путь. С каждым шагом он будет чуть ближе к тому полю роз и к Башне, над ним царящей. Он вдруг понял — и сам удивился, — что намерен увидеть Башню, дойти до нее... или же умереть на пути.

Мои поздравления, Роланд, подумал он про себя. *У тебя получилось. Ты меня обратил в свою веру. Можно сказать «Аминь».*

— Прежде чем мы пойдем... — Роланд нагнулся и развязал сыромятный ремешок у себя на левом бедре. Потом медленно расстегнул свой ружейный пояс.

— Что еще за чушь? — спросил Эдди.

Роланд снял пояс и протянул его Эдди.

— Ты знаешь, зачем я сейчас это делаю. — Голос его был спокоен и тверд.

— Эй, приятель, забери его обратно! — Эдди вдруг захлестнула волна самых противоречивых чувств. Он сжал кулаки, но все равно ощущал, как дрожат пальцы. — Ты соображаешь, что ты *делаешь?*

— Я помаленьку теряю рассудок. Пока эта рана во мне не затянется — если она вообще может зарубцеваться, — мне не стоит его носить. И ты это знаешь.

— Возьми, Эдди, — тихо проговорила Сюзанна.

— Если бы вчера у тебя не было этой чертовой штуки, когда на меня налетела та дрянь вроде летучей мыши, я бы сейчас уже был на том свете.

Стрелок молчал, продолжая протягивать Эдди свой единственный теперь револьвер. Вся поза его говорила о том, что он будет стоять так весь день, если возникнет в том необходимость.

— Ну хорошо! — Эдди сорвался на крик. — Черт возьми, *хорошо!*

Он грубо вырвал ружейный ремень из руки Роланда и резким движением застегнул его у себя на поясе. Наверное, он сейчас должен испытывать облегчение... разве вчера ночью, глядя на этот самый револьвер, лежащий так близко к Роланду, он не думал о том, что может произойти, если Роланд действительно съедет с катушек? Они оба с Сюзанной об этом думали. Но облегчения он не испытывал. Только страх, и вину, и еще странную, мучительную печаль, слишком глубокую даже для слез.

Без своих револьверов Роланд выглядел так непривычно.

Так неестественно.

— О'кей? Ну а теперь, когда у бестолочей-недоучек есть по револьверу, а учитель остался совсем безоружным, можем мы наконец идти? А если что-то большое попрет на нас из кустов, ты, Роланд, всегда можешь швырнуть в него нож.

— Ах да! Я совсем забыл. — Роланд достал из сумки свой нож и протянул его Эдди рукоятью вперед.

— Но это уже *полный бред!* — закричал Эдди.

— *Жизнь* — это тоже бред.

— Ага, напиши эту мудрую мысль на почтовой открытке и отошли ее в долбаный «Ридерз дайджест». — Эдди засунул нож Роланда себе за пояс и вызывающе поглядел на стрелка. — *Теперь-то* мы можем идти?

— Еще одна вещь... — начал Роланд.

— Боже милостивый!

Роланд чуть улыбнулся.

— Это я пошутил.

У Эдди аж челюсть отвисла. Сюзанна снова расхохоталась. Ее смех, точно звон колокольчиков, рассыпался в утренней тишине.

31

Почти все утро они выбирались из «зоны массового опустошения», произведенного исполинским медведем в целях самозащиты, но идти по Лучу было чуть-чуть полегче, и когда странники снова оказались в лесу, миновав обширный участок поваленных деревьев и разросшегося подлеска, они развили вполне приличную скорость. Ручеек, берущий начало из-под каменной стены на поляне возле Врат, сопровождал их справа веселым журчанием. По пути он вобрал в себя несколько ручейков поменьше, и теперь его плеск стал настойчивее. Были здесь и зверюшки — путники слышали, как они шуршат в зарослях. А дважды они увидели издалека оленей, пасущихся небольшими группками. Один из них, самец с благородными раскидистыми рогами на гордо вскинутой голове, весил, наверное, добрых три сотни фунтов. Вскоре местность опять пошла в гору, и ручей свернул в сторону от тропы. А ближе к вечеру Эдди кое-что увидел.

— Может быть, остановимся? Передохнем минуточку?

— А в чем дело? — спросила Сюзанна.

— Да, — сказал Роланд. — Если хочешь, давай остановимся.

Внезапно Эдди снова почувствовал близость Генри, его присутствие, словно тяжелый груз лег на плечи. *Нет, вы посмотрите на этого паиньку. Он что, чего-то там углядел в этой чурке? Опять собирается что-нибудь вырезать? Да? Ну разве не КРАСОТУЛЯ?*

— Вообще-то это необязательно. Я хочу сказать, ничего такого. Я просто...

— ...кое-что увидел, — закончил за него Роланд. — Уж не знаю, чего ты там углядел, но прекращай свой словесный понос, бери, что увидел, и двинем дальше.

— Да нет, ничего. Правда... — Эдди почувствовал, что краснеет, и попытался отвести взгляд от ясеня, что привлек его внимание.

— Нет, *чего*. Там что-то такое, что тебе нужно, и это вовсе не «ничего». Если *тебе* это нужно, Эдди, значит, *и нам* тоже. А вот что нам не нужно, так это мужик, который не может избавиться от бесполезного груза своих давних воспоминаний.

Теплая кровь, прилившая к лицу, обернулась жаром. Еще мгновение Эдди стоял, опустив пылающее лицо и сверля взглядом свои мокасины. Ощущение было такое, что Роланд

заглянул ему прямо в сердце своими как будто вылинявшими голубыми глазами воина.

— Эдди? — осторожно спросила Сюзанна. — Что там такое, дорогой?

Ее голос придал Эдди мужества, которого ему так не хватало. Стряхнув с себя оцепенение, он шагнул к тонкому деревцу, на ходу вынимая из-за пояса нож Роланда.

— Может быть, ничего, — буркнул он и заставил себя добавить: — А может быть, кое-что. Если я его не запорю, действительно что-то выйдет.

— Ясень — дерево благородное и наделенное силой, — заметил Роланд, но Эдди едва ли его услышал. Насмешливый, глумящийся голос Генри затих; вместе с ним исчез и стыд. Эдди думал теперь только о ветке, что притянула к себе его взгляд: утолщенная и чуть выпирающая у ствола. Утолщение это имело несколько необычную форму... как раз такую, какая ему и нужна.

Ему виделась форма ключа, таящаяся внутри, — ключа, который явился ему на мгновение в огне, прежде чем горящая кость изменилась снова и обернулась розой. Три перевернутых V, центральная — глубже и шире, чем две по краям. И s-образная загогулина на конце. Ключ к разгадке.

Дуновение сна снова прошелестело в сознании: *Дад-а-чум, дуда-чи, не волнуйся, у тебя есть ключ.*

Может быть, подумалось ему. *Но на этот раз я постараюсь, чтобы все получилось как надо. На все сто процентов, без дураков.*

Очень осторожно он срезал ветку и укоротил узкий конец. Осталась толстая ясеневая болванка длиной девять дюймов. В руке она ощущалась тяжелой и живой — невероятно живой и готовой раскрыть свою тайну... человеку, достаточно ловкому и искусному, чтобы выманить этот секрет.

Вот только такой ли он человек? И имеет ли это значение?

Эдди Дин был уверен, что на оба вопроса ответ будет «да».

Здоровая левая рука стрелка легла ему на плечо.

— По-моему, ты знаешь один секрет.

— Может быть.

— Не поделишься с нами?

Эдди покачал головой.

— Сейчас лучше не нужно. Потом.

Роланд задумался и кивнул.

— Хорошо. Я задам тебе только один вопрос, и мы больше не будем к этому возвращаться. У тебя нет, случайно, ка-

ких-то мыслей насчет того, как можно справиться... с этой моей проблемой?

Про себя Эдди подумал: *Так вот явно он ни разу еще не выказывал это отчаяние, что терзает его, пожирая заживо,* — но вслух сказал только:

— Не знаю. Сейчас я еще не уверен. Но я очень на это надеюсь, дружище. Правда.

Роланд кивнул и отпустил руку Эдди.

— Спасибо. У нас есть еще добрых два часа до заката... надо ими воспользоваться, как считаешь?

— Я — за.

Они двинулись дальше. Роланд вез на коляске Сюзанну, а Эдди шагал впереди, держа в руках деревяшку с ключом, сокрытым внутри. Казалось, дерево дышит теплом, исполненным силы и тайны.

32

В тот же вечер, сразу после ужина, Эдди снял с пояса нож стрелка и занялся резкой. Нож этот, на удивление острый, казалось, вообще никогда не затупится. В свете костра Эдди трудился медленно и осторожно, переворачивая кусок древесины и с удовольствием наблюдая, как из-под его уверенных рук выползают ровные завитки стружки.

Сюзанна легла на спину, подложив руки под голову, и смотрела на звезды, неспешно кружащиеся в черном небе.

Роланд отошел к самой границе лагеря, за пределы отблесков костра, и встал там, прислушиваясь к голосам безумия, что снова терзали его измученный и смятенный разум.

Мальчик был.

Не было никакого мальчика.

Был.

Нет.

Был...

Он закрыл глаза, приложив холодную ладонь ко лбу, ноющему от боли, и спросил себя, сколько он еще выдержит, прежде чем лопнет, как изношенная тетива лука.

О Джейк, взмолился он про себя. *Где ты теперь? Где ты?*

А над ними, в ночной вышине, Старая Звезда и Древняя Матерь, взойдя к назначенным им местам, смотрели с тоской друг на друга через усыпанные звездной крошкой обломки древнего своего неудавшегося супружества.

Глава II
КЛЮЧ И РОЗА

1

В течение трех недель Джейк — Джон Чеймберз храбро боролся с безумием, постепенно к нему подступающим. Все эти недели он себя чувствовал как последний пассажир на тонущем корабле, налегающий на рычаг трюмовой помпы в отчаянной борьбе за жизнь, пытающийся удержать корабль на плаву, пока не закончится шторм, небо не прояснится и не подоспеет помощь... откуда-нибудь. *Откуда угодно.* 29 мая 1977 года, за четыре дня до начала летних каникул, он наконец примирился с тем фактом, что помощи ждать неоткуда. Пришло время сдаться — позволить шторму забрать и его.

Роль пресловутой соломинки, что переломила хребет верблюду, исполнило экзаменационное сочинение по английскому.

Джон Чеймберз — Джейк для трех-четырех мальчишек, которые были почти что его друзьями (если бы папа об этом узнал, он бы точно рассвирепел не на шутку), — заканчивал свой первый год в школе Пайпера. Хотя ему было уже одиннадцать и ходил Джейк в шестой класс, он был маленьким для своих лет, и почти все, кто видел его в первый раз, думали, что ему лет девять, а то и восемь. Честно сказать, еще год назад его часто вообще принимали за девочку, пока он не устроил дома большой скандал, так что мама в конце концов согласилась на то, чтобы он постригся коротко. С отцом, разумеется, у него не было никаких проблем насчет стрижки. Папа лишь улыбнулся этой своей тяжеловесной улыбочкой из нержавеющей стали и сказал примерно следующее: *Малышу просто хочется быть похожим на морского пехотинца, Лори. Тем лучше.*

Для папы он никогда не был Джейком и только изредка — Джоном. Обычно же просто «моим малышом».

Прошлым летом (в то лето как раз американцы справляли двухсотлетнюю годовщину Декларации независимости — все было в знаменах и флагах, а в нью-йоркской гавани теснились громадные корабли) отец популярно ему объяснил, что школа Пайпера — это черт-возьми-самая-лучшая-школа-в-стране-для-

мальчика-твоего-возраста. Тот факт, что Джейка приняли в эту черт-возьми-самую-самую-школу, не имел ничего общего с деньгами, объяснял Элмер Чеймберз... вернее, почти *настаивал*. Обстоятельством сим он ужасно гордился, хотя даже тогда, в десять лет, Джейк уже подозревал, что без кругленькой суммы там все-таки не обошлось, просто отец выдавал желаемое за действительное, чтобы при случае где-нибудь на коктейле этак невзначай обронить: «Мой малыш? О, он учится в «Пайпере». Лучшая-черт-возьми-школа-в-стране-для-мальчика-его-возраста. Туда, знаете ли, не пролезешь, потрясая тугим кошельком; для Пайпера главное, есть у тебя что-нибудь в голове или нет. Либо у тебя мозги, либо гуляй, парнишка».

Джейк тогда уже понимал, что в яростном жерле бурлящего разума Элмера Чеймберза грубые куски графита желаний и мнений частенько сплавлялись в алмазы, которые папочка гордо именовал фактами... или, в обстановке неофициальной, фактунчиками. Его любимая фраза, произносимая с этаким благоговением и при всяком удобном случае, как вы, наверное, уже догадались, была: *Факт в том, что...*

Факт в том, что никто не поступит в школу Пайпера из-за денег, — сказал ему папа в то лето, когда Америка отмечала двухсотлетнюю годовщину своей Декларации независимости, — лето синего неба, летящих флагов и больших кораблей, лето, оставшееся в памяти Джейка прекрасным и светлым, потому что тогда еще он не начал сходить с ума и все проблемы его заключались в том, сумеет он или нет проявить себя с самой лучшей стороны в школе Пайпера, в этом рассаднике молодых дарований. В *таких школах, как эта, смотрят только на то, что ты сам собой представляешь.* — Перегнувшись через стол, Элмер Чеймберз постучал сына по лбу своим твердым, желтым от никотина пальцем. — *Понимаешь меня, малыш?*

Джейк только молча кивнул. С отцом вовсе не обязательно разговаривать, потому что папа ко всем относится точно так же — включая сюда и жену, — как к своим подчиненным и обслуживающему персоналу на телестудии, где он отвечал за составление программ передач и был признанным мастером «убойной силы», что на жаргоне телевизионщиков означает талант добиваться стопроцентного успеха у зрителя. При общении с папой требовалось только слушать, в нужных местах кивать, и тогда очень скоро он от тебя отставал.

Хорошо, — продолжал отец, закуривая очередную из восьмидесяти ежедневных сигарет «Кэмел». — *Значит, мы понимаем друг друга. Тебе придется как следует потрудиться, но я уверен, ты сможешь. Если бы ты ничего не мог, они бы нам этого не прислали.* — Он взял со стола письмо на фирменном бланке школы Пайпера — официальное уведомление о том, что Джейк принят, — и по-

тряс им с таким свирепым триумфом, как будто то был не листок бумаги, а какая-нибудь зверюга, которую он собственноручно подстрелил в диких джунглях и теперь собирался содрать с нее шкуру и съесть. — *Так что старайся. Учись на «отлично». Чтобы мы с мамой тобой гордились. Закончишь год на одни пятерки, считай, что поездка в Диснейленд тебе уже обеспечена. Ради этого стоит стараться, да, малыш?*

И Джейк постарался. Учился он на «отлично» по всем предметам (по крайней мере так было до трех последних недель). Папа с мамой, наверное, им гордились, хотя видел он их крайне редко, так что судить было трудно. Обычно, когда он приходил из школы, дома не было никого, кроме Греты Шоу — домоправительницы, — так что Джейку приходилось показывать дневник ей, а потом потихоньку прятать его в самом темном и дальнем углу. Иной раз Джейк листал свой дневник с одними пятерками, задаваясь вопросом, нужны они кому-нибудь или нет. Ему бы очень этого *хотелось*, но у него были большие сомнения.

В этом году он уже вряд ли поедет в обещанный Диснейленд.

Скорее всего он поедет в психушку.

Утром 29 мая, ровно в 8.45, едва он прошел сквозь двойные двери вестибюля школы Пайпера, Джейку явилось жуткое видение. Он увидел отца в его офисе на Рокфеллер-Плаза, 70. Перегнувшись через стол, с неизменной сигаретой в уголке рта, он что-то выговаривал одному из своих подчиненных сквозь клубы голубого дыма. За окном как на ладони распростерся Нью-Йорк, но гул громадного города не проникал в кабинет, защищенный двумя слоями толстого термостекла.

Факт в том, что никто не пролезет в Саннивейлскую лечебницу из-за денег, — отчитывал папа беднягу-служащего с мрачным удовлетворением. Перегнувшись чуть дальше через стол, отец постучал своего собеседника пальцем по лбу. — *В такие места тебя пустят только в том случае, если в твоем выдающемся котелке что-то действительно повредится. Так и случилось с моим малышом. Но он все равно очень старается, очень. Лучше всех плетет эти их гребаные корзины, как мне сказали. А когда его выпустят... если выпустят... он поедет в одно интересное место. Поедет...*

— ...на дорожную станцию, — выдавил Джейк, прикоснувшись дрожащей рукой ко лбу. Голоса возвращались снова. Орущие, спорящие голоса, которые сводили его с ума.

Ты умер, Джейк. Тебя задавила машина — и ты умер.

— Не будь идиотом! Смотри... видишь этот плакат? Написано: ЗАПОМНИ СВОЙ ПЕРВЫЙ ПИКНИК В ШКОЛЕ ПАЙПЕРА. У них что, на том свете, бывают школьные пикники?

Не знаю насчет пикников, но я точно знаю, что тебя задавила машина.

— Нет!

Да. Случилось это 7 мая в 8.25 утра. А через минуту ты был уже мертв.

— Нет! Нет! Нет!

— Джон?

Он оглянулся, перепугавшись до полусмерти. Перед ним стоял мистер Биссетт, преподаватель французского, и вид у него был встревоженный. За спиной у него в коридоре все остальные ученики уже проходили в актовый зал на общее утреннее собрание. Если кто-то из них изредка и отмачивал шутку, дурачась, то уж благим матом не орал никто. Должно быть, этим ребятам — как и самому Джейку — родители тоже прожужжали все уши о том, как крупно им повезло, что их приняли в школу Пайпера, куда никого не принимают за деньги (хотя плата за обучение составляет $22 000 в год) и где смотрят только на то, есть у тебя в черепушке мозги или нет. Вероятно, многим из учеников самой-самой-школы тоже были обещаны увеселительные поездки, если они будут прилично учиться. Вероятно, некоторые родители этих счастливчиков даже сдержат свои обещания. Вероятно...

— Джон, ты как себя чувствуешь? — спросил мистер Биссетт.

— Хорошо, — сказал Джейк. — Спасибо. Сегодня я заспался немного. Наверное, еще не проснулся как следует.

Мистер Биссетт улыбнулся, расслабившись.

— Со всеми бывает.

Только не с моим папой. Мастер «убойной силы» никогда не позволит себе заспаться.

— Ты готов к своему экзамену по французскому? — спросил мистер Биссетт. — Voulez-voux examiner a moi cette midi?*

— Думаю, да, — бодро ответил Джейк, хотя, если честно, он просто не знал, готов ли он к экзамену. Он даже не помнил, готовился он по французскому или нет. В те дни для него почти все перестало иметь значение... все, кроме этих голосов в голове, сводящих его с ума.

— Хочу еще раз тебе сказать, Джон, что я очень тобой доволен. Я хотел сказать то же твоим старикам, но они не пришли на родительский вечер...

— Они очень заняты, — сказал Джейк.

Мистер Биссетт кивнул.

— Ну так вот, ты меня очень порадовал. Я просто хотел, чтобы ты это знал... и я очень надеюсь, что на следующий год ты продолжишь заниматься французским и мы снова с тобой увидимся.

* Хочешь сдать мне экзамен сегодня днем? *(фр.)*

— Спасибо.

А про себя Джейк подумал, что бы сказал сейчас мистер Биссетт, если бы услышал такое: *Но мне кажется, что на следующий год я при всем желании не смогу заниматься французским, разве что только заочно, если в старом добром Саннивейле школьникам разрешают учиться заочно.*

В дверях актового зала появилась Джоанна Франкс, школьный секретарь, со своим серебряным колокольчиком в руке. В школе Пайпера все звонки давали вручную. Джейк допускал, что в глазах родителей сие обстоятельство имело особое очарование. Сладкие воспоминания о маленьком школьном здании из красного кирпича и все такое. А его самого это бесило. И особенно в последнее время, когда звон серебряного колокольчика болезненно отдавался прямо в мозгу...

Долго я так не выдержу, сказал он себе в отчаянии. *Мне очень жаль, но, по-моему, я схожу с ума. То есть я действительно схожу с ума.*

Заметив мисс Франкс, мистер Биссетт повернулся к дверям, потом снова к Джейку:

— У тебя все в порядке, Джон? А то в последнее время ты, кажется, чем-то обеспокоен. Что-то тебя тревожит?

Джейка обезоружила неподдельная доброта в голосе преподавателя, но он тут же представил себе, как будет выглядеть мистер Биссетт, если он сейчас скажет ему: *Да. Меня кое-что тревожит. Один небольшой, черт возьми, фактунчик. Видите ли, я тут недавно умер и попал в другой мир. А там умер снова. Вы мне скажете, что такого не может быть, и вы будете правы, и я знаю, что вы, безусловно, правы, но в то же время я знаю, что вы ошибаетесь. Так оно все и было. Я умер. Действительно умер.*

Но если бы он залепил такое, сейчас мистер Биссетт уже бы названивал Элмеру Чеймберзу, а Саннивейлская лечебница показалась бы Джейку воистину райским местечком после всего того, что ему выскажет папа по поводу переучившихся школьников, затеявших вдруг отпускать идиотские замечания как раз накануне экзаменационной недели. По поводу мальчиков, что выкидывают номера, о которых отцу потом будет стыдно упомянуть за ленчем или на коктейле. По поводу сыновей, которые-позволяют-себе...

Джейк заставил себя улыбнуться мистеру Биссетту.

— Просто немного волнуюсь перед экзаменами.

— Все ты сдашь, — ободряюще подмигнул ему мистер Биссетт.

Мисс Франкс зазвонила в свой колокольчик, объявляя начало утреннего собрания. Джейк едва не поморщился — каждый его перезвон больно бил по ушам и проносился в мозгу точно маленькая ракета.

— Пойдем, — сказал мистер Биссетт, — а то опоздаем. Нехорошо было бы опоздать в первый день экзаменационной недели, верно?

Они проскользнули в зал мимо мисс Франкс и ее грохочущего колокольчика. Мистер Биссетт поспешил к ряду кресел, гордо именуемому преподавательскими хорами. В школе Пайпера было немало таких остроумных названий: актовый зал называли общей палатой, обеденный перерыв — свободным часом, седьмые и восьмые классы — непревзойденными мальчиками и девочками, а ряд откидных кресел на сцене у пианино (по которому мисс Франкс скоро вдарит с таким же немилосердным остервенением, с каким сейчас звонит в колокольчик), само собой, именовался преподавательскими хорами. Все это тоже в честь старой доброй традиции. Если бы вы были любящими родителями, осознающими, что драгоценное ваше чадо вкушает в общей палате свой ленч в течение свободного часа, а не просто жует себе сандвич с тунцом в столовке, вы бы, наверное, тоже пребывали в блаженной уверенности, что в области среднего образования у нас все О'КЕЙ.

Джейк уселся в свободное кресло подальше от сцены и окунулся в поток утренних объявлений. В мозгу у него поселился непроходящий ужас, заставлявший Джейка чувствовать себя подопытной крысой, попавшей в крутящийся барабан. Он попытался убедить себя, что еще настанут лучшие, светлые времена, но как бы ни тщился он заглянуть в будущее, впереди ему виделась только тьма.

Его здравый рассудок был точно корабль, идущий ко дну.

Мистер Харли, директор школы, поднялся на кафедру и выдал краткую речь насчет исторической значимости начавшейся сегодня экзаменационной недели с упором на то, что оценки, которые выставят ученикам, явятся еще одним важным шагом на Великой Дороге Жизни. Он проникновенно вещал о том, что школа очень рассчитывает на своих славных питомцев, *он* лично рассчитывает на них и их родители тоже на них рассчитывают. Он, правда, не упомянул в этой связи весь свободный демократический мир, но дал однозначно понять, что так оно и есть. Закончил он сообщением о том, что на время экзаменационной недели все звонки отменяются (первая и единственная за все утро хорошая новость для Джейка).

Мисс Франкс, которая давно уже томилась за пианино, взяла первый призывный аккорд. Ученики — семьдесят мальчиков и пятьдесят девочек, все в опрятных и строгих костюмах, свидетельствующих о безупречном вкусе и стабильном финансовом положении их родителей, — поднялись, как один, и грянули школьный гимн. Машинально выпевая слова, Джейк размышлял о том странном месте, в котором очутился после смерти. Он поначалу подумал, что это ад... потом, правда, засомневался, но когда заявился тот страшный дядька в черном плаще с капюшоном, все сомнения рассеялись, обернувшись уверенностью.

А потом пришел тот, другой, человек. Которого Джейк почти полюбил.

Но он дал мне упасть. Он убил меня.

Он почувствовал, как затылок его и лопатки покрылись неприятной испариной.

Горды мы за школу Пайпера,
С честью несем ее знамя.
Не забудем девиз alma mater:
Пайпер, умри, но сделай!

Господи, что за дерьмовая песня, подумал Джейк, и ему вдруг пришло в голову, что отцу бы она понравилась.

2

Первым в расписании стоял письменный экзамен по английскому. Единственный экзамен, проходящий не в классе, — им на дом задали сочинение. Обычное сочинение объемом от полутора до четырех тысяч слов на тему «Как я понимаю правду». Мисс Эйвери, их училка, предупредила, что оценка за это экзаменационное сочинение за четверть определит общую табельную оценку за семестр.

Джейк вошел в класс и сел за свою парту в третьем ряду. Всего у них в классе было одиннадцать учеников. Джейку вспомнился прошлый сентябрь, первый учебный день — именуемый, разумеется, ориентирующим, — когда мистер Харли с гордостью им сообщил, что у них в «Пайпере» самое-высокое-соотношение-«учитель-ученик»-из-всех-лучших-частных-средних-школ-на-востоке, при этом он время от времени потрясал кулаком, как бы подчеркивая значимость именно этого обстоятельства. Правда, на Джейка сие откровение не произвело особенного впечатления, но он передал речь директора папе, полагая, что папа действительно «впечатлится». И Джейк не ошибся.

Он открыл свою школьную сумку, осторожно достал голубую папку с экзаменационным сочинением и положил ее на парту, собираясь еще раз проверить ошибки, но тут его взгляд случайно упал на дверь слева. Он, разумеется, знал, что ведет она в гардероб и сегодня ее закрыли, потому что на улице двадцать один градус тепла и вряд ли кто-нибудь из учеников придет в пальто или плаще. За дверью нет ничего, только ряд медных крючков на стене и длинный резиновый коврик для обуви на полу, и еще в дальнем углу несколько ящиков с канцелярскими принадлежностями —

мел, тетради для письменных экзаменационных работ и тому подобное.

Ничего интересного.

Но Джейк все равно поднялся из-за парты — папка с его сочинением так и осталась лежать нераскрытой — и подошел к двери. Он слышал, как шепчутся между собой одноклассники, слышал шелест страниц — это они проверяли свои сочинения на предмет неправильного употребления определения или корявой фразы, которые могли оказаться роковыми, — но все эти звуки доносились как будто издалека.

Все его внимание было приковано к двери.

В течение последних дней десяти, когда голоса у него в голове стали громче, двери начали оказывать на него пленяющее, гипнотическое воздействие — любые двери. Только за последнюю неделю он открыл и закрыл дверь между своей спальней и коридором верхнего этажа, наверное, раз пятьсот, а между спальней и ванной — не меньше тысячи. И каждый раз, когда он брался за дверную ручку, у него перехватывало дыхание, надежда и предвкушение теснились в груди, как будто решение его проблемы скрывалось за этой или за той дверью и он обязательно его найдет... рано или поздно. Но каждый раз дверь открывалась в обычную ванную, в коридор, или на улицу, или куда-нибудь еще.

В прошлый четверг он вернулся домой из школы, бросился на кровать и заснул — сон, похоже, остался последним его пристанищем. Не считая того обстоятельства, что, когда он проснулся три четверти часа спустя, он не лежал там, где заснул, в кровати, а стоял у стены рядом с книжным шкафом и сосредоточенно рисовал на обоях дверь. Хорошо еще карандашом, и ему потом удалось стереть ластиком большую часть своего «произведения».

Вот и сейчас, подойдя к двери в гардероб, он снова почувствовал этот наплыв надежды, от которого у него кружилась голова и перехватывало дыхание, убежденность, что дверь распахнется не в темную раздевалку, где нет ничего, кроме стойких запахов зимы: фланели, резины и влажного меха, — а в какой-то другой мир, где он снова сможет обрести цельность. Горячий, головокружительный свет ляжет на пол классной комнаты расширяющимся треугольным клином, и он увидит там птиц, кружащих в бледно-голубом небе цвета *(его глаз)* старых линялых джинсов. Ветер пустыни взъерошит ему волосы и высушит нервную испарину на его лбу.

Он войдет в эту дверь и исцелится.

Повернув ручку, Джейк открыл дверь. Внутри была лишь темнота и ряд тускло мерцающих медных крючков на стене. Чья-то забытая варежка одиноко лежала у стопки тетрадей для экзаменационных работ.

Сердце Джейка упало, и внезапно ему захотелось спрятаться в этой темной комнате с ее горькими запахами зимы и меловой пыли — потрогать варежку, пристроиться где-нибудь в уголке под медными крючками на резиновом коврике, куда зимой ставят обувь, и сидеть там, засунув в рот большой палец, подтянув колени к груди, закрыв глаза и... и...

Он сумел себя перебороть.

Эта мысль была такой заманчивой и *утешающей*. Придет конец его страхам, смятению и неуверенности. От последнего Джейк страдал больше всего — его донимало настойчивое ощущение, что вся его жизнь превратилась в этакий лабиринт из кривых зеркал.

Но у Джейка Чеймберза был сильный характер — как и у Эдди, и у Сюзанны, — внутренний несгибаемый стержень, который излучал теперь холодный голубоватый свет, точно маяк во тьме. Он не сдастся так просто. Быть может, в итоге он сойдет с ума, но бороться будет до последнего. Он не позволит безумию себя одолеть.

Никогда! — в ярости думал он. — *Никогда! Ни...*

— Я смотрю, ты там в гардеробе увлекся инвентаризацией, Джон, школьное имущество надо, конечно, беречь, но, может, ты все-таки к нам вернешься, когда закончишь, — проговорила у него за спиной мисс Эйвери своим сухим, неизменно вежливым голосом.

Джейк отвернулся от двери. По классу прошел смешок. Мисс Эйвери стояла за своим столом, легонько поглаживая журнал длинными тонкими пальцами. Лицо ее оставалось спокойным и, как всегда, интеллигентным. Сегодня она пришла в синем костюме, а волосы зачесала назад и уложила в пучок, как обычно. Со стены из-за ее плеча на Джейка хмуро взирал портрет Натаниеля Готорна*.

— Простите, — пробормотал Джейк, закрывая дверь. И тут же ему захотелось открыть ее снова, просто на всякий случай, чтобы еще раз проверить... а вдруг тот, другой, мир с его жарким солнцем и безбрежным простором пустыни все-таки будет там.

Но он не поддался порыву. Отошел от двери и направился к своей парте. Петра Джессерлинг тихонько шепнула ему:

— Возьми *меня* тоже в следующий раз. — В глазах у нее плясали веселые огоньки. — Когда тебе будет на что посмотреть.

Джейк рассеянно улыбнулся и сел на место.

— Спасибо, Джон. — Голос мисс Эйвери оставался все так же бесконечно доброжелательным и спокойным. — А сейчас, дети, пока вы не начали проверять свои экзаменационные сочинения, которые, я в том нимало не сомневаюсь, все будут хорошими и каждое в чем-то особенным, я вам раздам список литературы, рекомендованной

* Натаниел Готорн (1804—1864) — американский писатель-романтик, автор исторических и фантастических произведений.

министерством образования для летнего домашнего чтения, и скажу пару слов хотя бы о некоторых из представленных там изумительных книг...

Попутно она протянула небольшую стопку отпечатанных на мимеографе листов Дэвиду Сарри. Тот принялся их раздавать, а Джейк открыл свою папку, чтобы еще раз перечитать, что он там накатал на тему «Как я понимаю правду», причем с искренним интересом, потому что он просто не помнил о том, как вообще писал это самое сочинение... ни как писал сочинение, ни как готовился к экзамену по французскому.

С изумлением и нарастающим беспокойством смотрел он на титульный лист. Заглавие — «КАК Я ПОНИМАЮ ПРАВДУ. Сочинение Джона Чеймберза» было аккуратно напечатано по центру страницы, тут все в порядке, но под ним он зачем-то приклеил две фотографии. На одной была дверь, скорее всего, решил Джейк, дом № 10 по Даунинг-стрит в Лондоне*, на второй — большущий электровоз. Цветные фотки, вырезанные, вне всяких сомнений, из иллюстрированного журнала.

Зачем я их сюда налепил? И когда?

Джейк перевернул страницу и тупо уставился на первый лист своего экзаменационного сочинения, не веря тому, что он видит, и ничего не понимая. А потом, когда сквозь пелену потрясения пробились первые искорки понимания, его обуял настоящий ужас. Это все-таки произошло — теперь все *увидят*, что он рехнулся.

3

КАК Я ПОНИМАЮ ПРАВДУ.
Сочинение Джейка Чеймберза

Я покажу тебе страх в горстке праха.
Т.С. Элиот. Мясник

Моей первой мыслью было,
что он каждым словом мне лжет.

Роберт Браунинг.
Солнечный танец

* По этому адресу располагается резиденция премьер-министра Великобритании.

Стрелок — вот правда.
Роланд — вот правда.
Узник — вот правда.
Госпожа Теней — правда.
Узник и Госпожа поженились. Вот правда.
Дорожная станция — правда.
Говорящий Демон — правда.
Мы вошли в тоннель под горами, и это правда.
Под горами были чудовища. И это правда.
Один держал между ног шланг бензоколонки «АМОКО» и притворялся, что это его член. Это правда.
Роланд позволил мне умереть. Вот правда.
Я люблю его до сих пор.
Это правда.

— И еще очень важно, чтобы вы все прочли «Повелителя мух»*, — продолжала мисс Эйвери своим чистым, но каким-то безликим голосом. — А когда вы прочтете, вы должны будете поразмыслить и постараться ответить на некоторые вопросы. Хорошая книга всегда как загадка, за которой скрывается много других загадок, а это действительно очень хорошая книга... одна из лучших, написанных во второй половине двадцатого века. Во-первых, подумайте и ответьте, какой символический смысл заключен в образе раковины. Во-вторых...

Далеко. Далеко-далеко. Трясущейся, нетвердой рукой Джейк перевернул страницу своего экзаменационного сочинения, оставив на первом листе темное пятнышко пота.

Когда дверь нельзя открыть? Когда она распахнута.
Это правда.
Блейн — это правда.
Блейн — это правда.
Что это такое: о четырех колесах и воняет? Мусорная машина. И это правда.
Блейн — это правда.
Не сводить с Блейна глаз. Блейн — это боль. Вот правда.
Я уверен, что Блейн опасен, и это правда.
Что это такое: черная, белая и вся красная? Зебра, краснеющая от смущения. Вот правда.
Блейн — это правда.
Я хотел бы вернуться, и это правда.
Мне придется вернуться, и это правда.
Если я не вернусь, я сойду с ума. Это правда.

---

* Роман английского писателя Уильяма Голдинга (1911—1993).

Но я не сумею вернуться домой, пока я не найду камень,
розу и дверь. Это правда.
Чу-Чу — это поезд, и это правда.
Чу-чу, чу-чу.
Чу-чу, чу-чу, чу-чу.
Чу-чу, чу-чу, чу-чу, чу-чу.
Я боюсь. Это правда.
Чу-чу.

Джейк медленно поднял голову. Сердце бешено колотилось в груди — так сильно, что с каждым его ударом перед глазами у Джейка начинали плясать яркие огни, точно после фотовспышки.

Он явственно представил себе, как мисс Эйвери отдает сочинение папе с мамой. Рядом с мисс Эйвери с грустным видом стоит мистер Биссетт, а она говорит своим чистым, но безликим голосом: «Ваш мальчик очень серьезно болен. Если нужны доказательства, почитайте его экзаменационное сочинение».

«Я заметил еще, что в последние три недели Джон сам не свой, — добавляет мистер Биссетт. — Иногда он как будто испуган и все время слегка заторможен... отрешен, если вы понимаете, что я имею в виду. Je pense John est fou... comprenez-vous?*»

«Может быть, — это опять мисс Эйвери, — у вас дома в доступном месте хранятся какие-нибудь седативные препараты, которые Джон потихоньку от вас принимает?»

Насчет седативных препаратов Джейк не был уверен, но доподлинно знал, что у папы в нижнем ящике стола припрятано несколько граммов кокаина. И отец, без сомнения, решит, что там-то Джейк и «попасся».

— А теперь я скажу пару слов насчет книги «Уловка-22»**, — продолжала мисс Эйвери. — Для шести-, семиклассников эта книга действительно сложная, но она все равно вам покажется изумительной, надо только настроить себя на ее *специфическое очарование*. Если вам так удобнее, можете воспринимать ее как комедию сюрреализма.

Только мне не хватало читать подобное, подумал угрюмо Джейк. *Я в чем-то схожем живу... и это отнюдь не комедия.*

Он обратился к последней странице своего экзаменационного сочинения. На ней не было ни единого слова, только еще одна вырезка из журнала, аккуратно приклеенная посередине листа, — фотография падающей Пизанской башни, заштрихованная черным

---

* По-моему, Джон — сумасшедший... понимаете? *(фр.)*

** Роман американского писателя Джозефа Хеллера (р. 1923).

карандашом. Темные восковые линии переплетались в безумных изгибах и петлях.

Раскрасил ее, вероятно, сам Джейк... больше некому.

Но он не помнил, как делал это.

Совершенно не помнил.

Теперь он представил себе, что ответит отец мистеру Биссетту: «Fou. Да, мальчик определенно fou. Ребенок, которому выпала исключительная возможность проявить себя в школе Пайпера, а он пустил ее псу под хвост, ДОЛЖЕН БЫТЬ fou, вы со мной согласны? Ну... предоставьте это мне, а уж я разберусь. Справляться с проблемами — это моя работа. И я уже знаю решение. Саннивейл. Ему надо какое-то время пожить в Саннивейле, заняться... не знаю... плетением корзин и прийти в себя. Вы не волнуйтесь, ребята, за нашего мальчика. Он может, конечно, сбежать... но ему не укрыться».

Неужели его действительно отправят в дурдом, когда выяснится, что у него крыша поехала? Джейк, кажется, знал ответ. Уж будьте уверены! У себя в доме отец не потерпит какого-то полоумного, пусть даже им будет его родной сын. Его увезут — не обязательно в Саннивейл; но там, куда его заботливо поместят, непременно будут решетки на окнах и здоровенные дядьки в белых халатах и ботинках на каучуковой подошве, с крепкими мышцами, настороженными глазами и набором шприцев для подкожного впрыскивания искусственных снов.

А знакомым они скажут, что я уехал, размышлял Джейк. Голоса у него в голове умолкли, заглушенные волной нарастающей паники. *Уехал на год в Модесто, погостить у тети с дядей... или в Швецию в рамках программы обмена учениками... или отправился на космическую орбиту чинить там спутник. Мама очень расстроится... будет плакать... но потом все же смирится. У нее есть любовники, чтобы ее развлечь... к тому же она всегда соглашается с ним, с отцом. Она... они... я...*

Джейк вдруг почувствовал, как из горла его рвется крик, и плотно сжал губы, чтобы удержать его. Опять тупо уставился на безумные черные штрихи — эти пляшущие изломы поверх фотографии Пизанской башни — и сказал себе: *Мне нужно отсюда уйти. Сейчас же.*

Он поднял руку.

— Да, Джон, в чем дело? — Мисс Эйвери смотрела на него с выражением мягкого раздражения, которое приберегала специально для учеников, вздумавших прервать ее в самый неподходящий момент.

— Если можно, я на минуточку выйду, — пробормотал Джейк.

Вот вам, пожалуйста, очередной пример «Пайпер-речений». Ученикам школы Пайпера не «нужно в туалет», они не «ходят в уборную» или, упаси Боже, «справляют нужду». Предпола-

гается, что все пайперовские питомцы — создания столь совершенные, что просто не могут растрачивать себя на производство побочных продуктов в своем изысканно тихом и плавном скольжении по жизни. Время от времени кто-то из них спрашивает разрешения «на минуточку выйти», и это все.

Мисс Эйвери вздохнула.

— А тебе очень нужно, Джон?

— Да, мэм.

— Ну хорошо, иди. Но возвращайся быстрее.

— Да, мисс Эйвери.

Он встал, закрыл папку, хотел было забрать ее, но потом передумал. Так не пойдет. Мисс Эйвери тут же заинтересуется, зачем ему брать с собой в туалет экзаменационное сочинение. Надо было их вынуть из папки, эти чертовы страницы, и потихоньку убрать в карман... но еще до того, как просить разрешения выйти. А теперь уже поздно.

Джейк направился по проходу к двери, оставив папку на парте, а портфель на полу под столом.

— Надеюсь, все выйдет нормально, Чеймберз, — шепнул ему Дэвид Сарри и фыркнул в кулак.

— Прекрати болтать, Дэвид, — едва ли не рявкнула мисс Эйвери, теперь уже по-настоящему рассердившись, и весь класс покатился со смеху.

Джейк на мгновение помедлил у двери в коридор, а когда взялся за ручку, в душе его вновь затеплились уверенность и надежда: *Сейчас это произойдет — обязательно произойдет. Стоит мне распахнуть эту дверь, и за ней будет солнце пустыни. Его свет ворвется сюда, а в лицо мне дохнет сухим ветром. Я войду туда и больше уже никогда не увижу этот дурацкий класс.*

Он открыл дверь, но за ней был лишь коридор. Все тот же школьный коридор. Однако кое в чем Джейк оказался прав: ему больше уже никогда не пришлось увидеть класс мисс Эйвери.

4

Кажется, Джейк немного вспотел. Он медленно шел по сумрачному коридору, стены которого были отделаны деревом, мимо дверей. Он бы, наверное, открыл их все, если бы не прозрачные стекла, вставленные в каждую. Вот французский класс мистера Биссетта, второй год обучения. Вот кабинет мистера Кнофа — «Введение в геометрию». В обоих классах ученики сидели, зажав в руках карандаши и ручки, склонившись над тетрадями в синих обложках для экзаменационных работ. Заглянув в

класс мистера Харли «Ораторское искусство и культура речи», Джейк увидел, как Стэн Дорфман — один из тех знакомых ребят, которые были для Джейка почти друзьями, — встает, готовясь произнести свою экзаменационную речь. Выглядел Стэн перепуганным до смерти, хотя на самом-то деле он и понятия не имел о том, что такое страх — настоящий страх, — а вот Джейк мог бы много чего интересного рассказать ему в этой связи.

Я умер.

Нет, я не умер.

Умер.

Не умер.

Умер.

Нет.

Проходя мимо двери с надписью ДЛЯ ДЕВОЧЕК, он распахнул ее, ожидая увидеть там чистое небо пустыни и синюю дымку на горизонте — горы, но увидел всего лишь Белинду Стивенс. Она стояла у раковины и, сосредоточенно глядя в зеркало, выдавливала на лбу прыщ.

— Господи, ты чего? — всполошилась она.

— Прости. Просто ошибся дверью. Думал, здесь будет пустыня.

— Чего?

Но Джейк уже отпустил дверь, и она плавно закрылась благодаря пневматической пружине. Обойдя питьевой фонтанчик, он открыл дверь с надписью ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ. Ту самую дверь, он уверен, он знает, дверь, через которую он вернется...

Три писсуара блеснули безупречной, без единого пятнышка, белизной под лампами дневного света. Последние капли стекли в слив раковины, и затычка торжественно встала на место. И все.

Джейк закрыл дверь и пошел дальше по коридору, громко стуча каблуками. По пути заглянул в канцелярию, но увидел там только мисс Франкс. Она самозабвенно разговаривала по телефону, раскачиваясь взад-вперед на своем вращающемся стуле и накручивая на палец прядь волос. На столе перед ней стоял серебряный колокольчик. Джейк подождал, пока она отвернется от двери, и тихонечко проскользнул мимо. А уже через тридцать секунд он стоял под сияющим утренним солнцем позднего мая.

Я стал прогульщиком... я сачканул. Джейк и сам не поверил. Даже тревога, паника и смятение не смогли заглушить его крайнего — искреннего — изумления вследствие столь неожиданного поворота событий. *Минут через пять, когда я не вернусь из сортира, мисс Эйвери отправит кого-нибудь, чтобы проверить... и тогда все раскроется. Все узнают, что я сачканул, что я смылся с экзамена.*

Тут он вспомнил, что папка с его сочинением осталась лежать на парте.

Они прочтут его и подумают, что я спятил. Фои. Да, все правильно. Так они и подумают. Потому что я в самом деле спятил.

А потом у него в голове зазвучал другой голос. Голос того человека с глазами воина... который носил два больших револьвера на широких ружейных ремнях очень низко на бедрах. Холодный, суровый голос... но были в нем утешение и тепло.

Нет, Джейк, — говорил Роланд, — *ты не спятил. Ты не можешь понять, что с тобой происходит, тебе сейчас страшно, но ты не рехнулся, и не надо бояться ни тени своей, что за тобой шагает утром, ни тени вечерней своей, что встает пред тобой. Просто нужно найти путь обратно домой, вот и все.*

— Но куда мне идти? — прошептал Джейк. Он стоял сейчас на Пятьдесят шестой между Парком и Мэдисон и смотрел на снующие мимо автомобили. Проехал автобус, оставив после себя едкий шлейф выхлопных газов. — Куда мне идти? Где эта чертова *дверь?*

Но голос стрелка уже замер.

Джейк повернул налево, к Ист-Ривер, и слепо пошел вперед. Он понятия не имел куда. Ни малейшего представления. Он мог только надеяться, что ноги сами приведут его в нужное место... в хорошее место... как недавно они его завели в плохое.

5

Это случилось три недели тому назад.

Нельзя даже сказать: «Началось три недели назад», потому что, когда «началось», это предполагает некоторое последующее развитие, а его не было. Развивались только *голоса*. Каждый из них настаивал на своем варианте реальности все решительнее и жестче, но все остальное именно «случилось», в одно мгновение.

Он вышел из дома в восемь утра — он всегда выходил пораньше, когда погода была хорошей, чтобы пройтись пешком, а май в этом году выдался просто чудным. Папа уже отбыл на телестудию, мама еще не вставала, а миссис Грета Шоу, обосновавшись на кухне, пила кофе и читала свою «Нью-Йорк пост».

— До свидания, Грета, — сказал он ей. — Я пошел в школу.

Она махнула ему рукой, не отрываясь от газеты.

— Счастливо, Джонни.

Все как всегда. Еще один день жизни.

И так продолжалось еще двадцать пять минут. А потом все изменилось. Уже навсегда.

Он шел по улице (в одной руке школьная сумка, в другой — пакет с завтраком) и глазел на витрины. За двенадцать

минут до конца жизни — какой Джейк всегда ее знал, — он на минутку остановился перед витриной «Брендио», где манекены в меховых шубах и стильных костюмах застыли в позах непринужденной беседы. Думал он только о том, как днем, после школы, пойдет в кегельбан. 158 — его рекорд. Очень неплохо для мальчика его возраста. Он мечтал когда-нибудь заняться этим всерьез и стать профессиональным игроком (если бы папа узнал об *этом*, он бы тоже рассвирепел не на шутку).

Но все ближе и ближе мгновение, когда разум его неожиданно помутится.

Он перешел через Тридцать девятую. До рокового мгновения осталось чуть меньше семи минут. На Сорок первой ему пришлось подождать у светофора, пока не зажжется зеленый — ИДИТЕ. Осталось четыре с половиной минуты. Джейк помедлил у книжного магазина, что на углу Пятой и Сорок второй. Именно в этот миг, когда привычной размеренной жизни ему осталось чуть более трех минут, Джейк Чеймберз ступил под сень той невидимой силы, которую Роланд называл *ка-тетом*.

Постепенно его захватило какое-то странное, неприятное ощущение. Поначалу ему показалось, что кто-то за ним наблюдает, но очень быстро он понял, что это не так... или не совсем так. У него было такое чувство, что все это с ним уже происходило... как будто начал сбываться давнишний сон, который почти забылся. Он думал, что странное чувство сейчас пройдет, но оно не прошло. Оно стало только сильнее, и постепенно к нему примешалось еще кое-что... неподдельный ужас.

Впереди, на ближайшем углу Пятой и Сорок третьей, возился чернокожий торговец в смешной панаме, устанавливая тележку с напитками.

Это тот самый, который сейчас закричит: «Господи, да его же убило!» — подумал Джейк.

С той стороны к переходу приближалась толстая тетенька с блюмингдейловским пакетом в руке.

Она выронит свой пакет. Выронит его, поднесет руки ко рту и завизжит. Пакет раскроется, и внутри будет кукла, запеленутая в красное полотенце. Я увижу ее с дороги, когда буду лежать на проезжей части, а кровь просочится ко мне в штаны и разольется вокруг маленьким озерцом.

Сразу за тучной женщиной шел долговязый дядька, одетый в серый шерстяной костюм и с «дипломатом» в руке.

Его стошнит прямо себе на ботинки. Он уронит портфель, и его стошнит прямо на ботинки. Что со мной происходит?

Но ноги сами несли его к переходу — как раз зажегся зеленый, и толпа устремилась через улицу оживленным тес-

ным потоком. Где-то сзади, неуклонно приближаясь к нему, шел священник-убийца. Джейк это знал, как знал он и то, что сейчас уже зажжется красный и руки священника протянутся к нему, чтобы толкнуть... но он даже не смог оглянуться. Как в кошмарном сне, когда понимаешь, что тебе угрожает опасность, но сделать ничего не можешь, потому что события во сне тебе неподвластны.

Осталось пятьдесят три секунды. Впереди чернокожий торговец открыл дверцу сбоку тележки.

Сейчас он достанет бутылочку «Йо-Хо», — подумал Джейк. — *Бутылку — не банку. Встряхнет и осушит одним глотком.*

Торговец достал из тележки бутылочку «Йо-Хо», энергично ее встряхнул и сковырнул крышку.

Осталось сорок секунд.

Сейчас переключится светофор.

Белая надпись ИДИТЕ погасла. Красными вспышками замерцала — СТОЙТЕ. А где-то там, менее чем в полуквартале отсюда, большой синий «кадиллак» вырулил в проулок между Пятой и Сорок третьей. Джейк это *знал,* как знал он и то, что на водителе — тучном мужчине — будет синяя шляпа, точно такого оттенка, как и его машина.

Сейчас я умру!

Ему так хотелось выкрикнуть это вслух — этим прохожим, не подозревающим ни о чем, — но челюсть как будто свело. Ноги сами собой несли его к переходу. Надпись СТОЙТЕ перестала мерцать и загорелась своим ровным красным предупреждением. Торговец сунул пустую бутылку из-под «Йо-Хо» в урну на углу. Толстая тетка на той стороне встала на краю тротуара, держа фирменный пакет за ручки. Мужчина в сером костюме встал сразу за ней. Осталось всего восемнадцать секунд.

Пора показаться фургону со склада игрушек, подумал Джейк.

Подпрыгивая на выбоинах в асфальте, мимо проехал большой фургон с надписью ТУКЕР. ИГРУШКИ ОПТОМ и картинкой с радостным «Джеком-дергунчиком» на борту. Джейк знал: у него за спиной человек в черном пошел быстрее, сокращая расстояние между ними... вот он уже тянет свои длинные руки. Но и теперь Джейк не смог оглянуться — как нельзя оглянуться в кошмарном сне, когда что-то ужасное начинает хватать тебя сзади.

Беги! Если не можешь бежать, то садись и держись за дорожный знак — «Стоянка запрещена»! Делай что хочешь, только не стой как овца. Не дай этому произойти!

Но он был бессилен это остановить. Впереди, на самом краю тротуара, стояла девушка в белом свитере и черной

юбке. Слева от нее — парнишка-чикано* с включенным радиоприемником. Как раз заканчивалась композиция Донны Саммер. Следующей песней, Джейк знал, будет песня «Доктор Любовь» группы «Кисс».

Сейчас они расступятся...

Не успел Джейк закончить мысль, как девушка отошла на шаг вправо. Парнишка-чикано — влево. Между ними образовалось место для одного человека. Предательские ноги Джейка сами сделали шаг вперед. Осталось девять секунд.

Отблеск ясного майского солнца сверкнул на фирменном значке «кадиллака». Джейк знал, что это седан «де вилль» 1976 года. Шесть секунд. «Кадиллак» несся вперед. Сейчас для машин должен зажечься красный, и толстый мужик в «де вилле» — в синей шляпе с пером за лентой — собирался проскочить, чтобы не ждать потом на перекрестке. Три секунды. За спиной Джейка человек в черном рванулся вперед. В радиоприемнике молодого чикано кончилась композиция «Я люблю, крошка, любить тебя» и началась «Доктор Любовь».

Две секунды.

«Кадиллак» перестроился в крайнюю правую полосу — ближнюю к тротуару — и устремился на всех парах к переходу, скалясь убийственной усмешкой.

Одна секунда.

У Джейка перехватило дыхание.

Сейчас.

— Ой! — сумел только выкрикнуть Джейк, когда сильные руки ударили его в спину, толкая... толкая на улицу, под машину... выталкивая из жизни...

За одним небольшим исключением — *не было* никаких рук.

Но Джейк все равно пошатнулся и стал падать вперед, судорожно размахивая руками. Губы сложились в черный ноль страха. Парень-чикано резко подался вперед, схватил Джейка за руку и дернул его назад.

— Осторожнее, маленький герой, — сказал он. — А то размажет тебя по дороге на полквартала.

«Кадиллак» пролетел мимо. Джейк еще мельком увидел водителя — толстого дядьку в синей шляпе, — а потом его и след простыл.

И вот тогда оно и случилось: его как будто разорвало надвое, и стало два Джейка. Один лежал на проезжей части и умирал. Второй стоял на углу, в тупом потрясении глядя на светофор, где СТОЙТЕ переключилось опять на ИДИТЕ, и поток пешеходов устре-

---

* Чикано — американец мексиканского происхождения

мился по переходу как ни в чем не бывало... как будто вообще ничего не случилось... И действительно ничего не случилось.

Я жив! — ликовала одна половина его сознания.

Нет, я умер! — возражала другая. — *Меня сбила машина. Они все столпились вокруг меня, а человек в черном, который меня толкнул, говорит: «Пропустите меня, я священник».*

Тошнотворной волной накатила слабость, превращая его сознание в колышущийся раскрытый парашют. Проходя мимо толстой женщины, Джейк тайком заглянул к ней в пакет — на него смотрели ясные голубые глаза большой куклы, запеленутой в красное полотенце, — точно как он предвидел. Женщина проплыла мимо. Чернокожий торговец не кричал: «Господи, да его же убило!» — а продолжал заниматься своей тележкой, беззаботно насвистывая песенку Донны Саммер, которая только что прозвучала по радио у парнишки-чикано.

Джейк оглянулся, лихорадочно высматривая в толпе священника, который не был священником. Его там не оказалось.

Джейк застонал.

Перестань! Что с тобой происходит?

Джейк не знал. Знал он только одно: сейчас он должен лежать на проезжей части и умирать, пока толстая тетка кричит, мужчина в сером костюме блюет на свои ботинки, а человек в черном протискивается сквозь толпу.

И для одной половины его сознания так оно все и было.

Опять накатила слабость. Джейк бросил пакет с завтраком на тротуар и как можно сильнее ударил себя по лицу. Какая-то женщина, проходящая мимо, как-то странно на него посмотрела. Джейк, однако, не обратил на нее внимания. Оставив свой завтрак лежать на асфальте, он шагнул на переход, не замечая надписи СТОЙТЕ, которая вновь начала мигать на светофоре. Но это уже не имело значения. Смерть подступила к нему совсем близко... и прошла мимо, даже не оглянувшись. Так не должно было случиться — и на каком-то глубинном уровне своего сознания Джейк понимал это, — но так оно все и было.

Быть может, теперь он уже никогда не умрет. Будет жить вечно.

От этой мысли ему опять захотелось кричать.

6

К тому времени когда Джейк добрался до школы, в голове у него слегка прояснилось, и он погрузился в занятия, пытаясь убедить себя, что ничего не случилось, что все абсолютно нормально. Может быть, что-то такое, немного странное, и было, своего рода

психическое озарение, мгновенный прорыв в одну из возможных будущих жизней, ну и что с того? Подумаешь, большое дело! Мысль в чем-то даже крутая -- подобные штуки очень любят печатать в этих бульварных газетках, посвященных всему таинственному и потустороннему, которыми зачитывается Грета Шоу — но только тогда, когда она твердо уверена, что мамы Джейка нет дома, — изданиях типа «Национальный опрос» или «Внутреннее око». Только в этих газетках подобные озарения всегда сродни боевому ядерному удару — женщине снится сон, что самолет, на котором ей предстоит лететь, разбивается, и она обменивает билет... или какой-нибудь парень видит во сне, что один ублюдок посадил его брата на иглу, и так оно и выходит на самом деле. Вот это действительно кое-что. Но когда этот психопрорыв связан со знанием того, какую песню будут играть по радио, что в блюмингдейловском пакете у толстой тетки лежит кукла, завернутая в красное полотенце, а уличный торговец собирается выпить бутылочку «Йо-Хо» — бутылочку, а не банку, — чего из-за этого так волноваться?

Забудь, — сказал он себе. — *Все уже кончилось.*

Хорошая мысль за одним небольшим исключением: на третьем уроке Джейк понял, что ничего не закончилось — все только еще начиналось. Он тихо-мирно сидел на уроке алгебры, смотрел на доску, где мистер Кноф решал простенькое уравнение, и вдруг с ужасом осознал, что память раздвоилась, разделившись на два не связанных между собой потока. Ему было странно воспринимать в себе эту новую цепь воспоминаний — точно смотришь на вереницу непонятных предметов, медленно проплывающих перед тобой по поверхности мутных вод.

Я нахожусь сейчас в месте, которого я не знаю. То есть я его узнаю... узнал бы, если бы тот «кадиллак» меня сбил. Это дорожная станция... но другой «я», находящийся там, об этом еще не знает. Он знает только то, что это где-то в пустыне и там нет людей. Никого. Я плачу там, потому что мне страшно. Я боюсь, что оказался в аду.

В три часа пополудни, когда Джейк пришел на Мид-Таунлейнс, он выяснил, что на заднем дворе за конюшней есть действующая колонка, где можно попить. Вода была очень холодной, и в ней чувствовался сильный привкус минеральных солей. Вскоре он войдет в дом и обнаружит там в бывшей кухне скудный запас вяленого мяса. В этом он был уверен, как был уверен и в том, что торговец на углу возьмет бутылочку, а не банку «Йо-Хо» и что у куклы, выглядывающей из блюмингдейловского пакета, голубые глаза.

Он как будто вспоминал будущее.

В тот день Джейк выбил только две партии. Одну с результатом 96, вторую — 87. Тимми у себя за конторкой лишь мельком глянул на его лист, сложил его пополам и покачал головой.

— Сегодня ты, чемпион, что-то не в лучшей форме.

— Если бы вы только знали, — пробурчал Джейк.

Тимми присмотрелся к нему повнимательнее.

— Ты хорошо себя чувствуешь? А то ты и в самом деле какой-то бледный.

— Я, по-моему, заболеваю. Где-то, наверное, подхватил заразу. — И Джейк не солгал. По крайней мере сам он был уверен, что что-то такое действительно подхватил.

— Придешь домой, сразу же ложись в постель, — посоветовал Тимми. — И пей больше жидкости, только ни с чем не мешай... джин, водка, в общем, сам разберешься.

Джейк улыбнулся.

— Наверное, так я и сделаю.

Он медленно поплелся домой. Вокруг него простирался Нью-Йорк в своем самом соблазнительном обличье — теплый майский день, серенада предвечерних улиц, где на каждом углу — музыкант, деревья все в цвету, и у прохожих хорошее настроение. Джейк все это видел, но он видел и то, что таилось по ту сторону реальности: как он прятался в сумраке кухни, пока на заднем дворе человек в черном, точно оскаленный пес, жадно пил из колонки... как рыдал от облегчения, когда этот страшный черный человек — или, может быть, призрак — ушел, не заметив его... как забылся глубоким сном, когда село солнце и звезды зажглись, точно льдинки, в багровом небе пустыни.

У него был свой ключ. Закрыв за собой дверь их двухэтажной квартиры, Джейк сразу пошел на кухню, чтобы чего-нибудь съесть. Скорее по привычке, поскольку есть ему не хотелось. Он уже собирался открыть холодильник, как вдруг взгляд его остановился на двери в кладовую и внезапно Джейк понял, что дорожная станция — и весь тот, другой, странный мир, которому он теперь принадлежит, там, за этой самой дверью. Всего-то и нужно перешагнуть порог и соединиться с тем Джейком, который уже существует там. И тогда память его перестанет двоиться... голоса у него в голове умолкнут, стихнет этот их бесконечный спор, умер он или нет сегодня в 8.25 утра.

Обеими руками Джейк толкнул дверь в кладовку, на лице у него заиграла уже улыбка радости и облегчения... и тут он замер на месте, услышав крик миссис Шоу, стоявшей на невысокой стремянке у дальней стены кладовой. От испуга она уронила жестяную банку с томатной пастой, которую только что сняла с полки. Банка грохнулась об пол. Миссис Шоу покачнулась, и Джейк рва-

нулся вперед, чтобы успеть поддержать ее, пока она тоже не сверзилась на пол и не присоединилась к томатной пасте.

— Святые угодники! — задохнулась она, схватившись за живот. — Как ты меня напугал, Джонни!

— Простите, я не хотел. — Он сказал это искренне, но это не значит, что он не был горько разочарован. Всего лишь кладовка. Вот так. А ведь он был уверен...

— А ты почему вообще здесь? У тебя же сегодня кегельбан! Я так рано тебя не ждала... еще час как минимум. У меня даже покушать тебе не готово, так что обеда сейчас не жди.

— Ну и ладно. Я все равно не особенно голоден. — Джейк поднял с пола банку, которую она уронила.

— Не сказала бы, если судить по тому, как ты сюда вломился, — проворчала миссис Шоу.

— Мне показалось, я слышал, как что-то скребется. Решил, что мышь. Но это, наверное, были вы.

— Уж наверное, я. — Она осторожно слезла со стремянки и забрала у него банку. — У тебя что-то вид нездоровый, Джонни. Ты не гриппуешь, случайно? — Она потрогала его лоб. — Кажется, температуры нет, но это еще ничего не значит.

— Я, наверное, просто устал. — А про себя Джейк подумал: *Если бы только это.* — Вы не волнуйтесь. Попью чего-нибудь, посмотрю пока телевизор, и все пройдет.

Миссис Шоу неопределенно хмыкнула.

— Были сегодня оценки? Хочешь мне показать? Если да, то давай быстрее — мне еще обед готовить.

— Сегодня нет. — Джейк вышел из кладовой, взял в холодильнике банку содовой и ушел в гостиную. Включив «Обывателей Голливуда», он сел на диван и безучастно уставился на экран, а в голове у него продолжали звучать голоса и проявлялись новые воспоминания о том, другом, запыленном мире.

7

Папа с мамой и не заметили даже, что с ним творится что-то неладное, — а папа вообще пришел домой в полдесятого, — но Джейк был этому только рад. Он лег в постель в десять и еще долго лежал без сна, вглядываясь в темноту и прислушиваясь к шуму города за окном: визг тормозов, гудки автомобилей, завывание сирен.

Ты умер.

«Но как же я умер, когда вот он я — здесь, у себя в кровати, живой и здоровый?»

Это еще ничего не значит. Ты умер, и ты это знаешь.

Да, он знает. Но страшнее всего, что он знает и то, и другое.

Я не знаю, какой из двух голосов говорит сейчас правду, но одно я знаю точно: долго я так не выдержу. Так что умолкните оба. Прекратите немедленно и оставьте меня в покое. О'кей? Я вас очень прошу. Пожалуйста.

Но голоса не смолкали. Очевидно, они не могли замолчать. Джейку вдруг пришло в голову, что ему надо встать — *прямо сейчас* — и открыть дверь в ванную. И тот, иной, мир будет там. Как и дорожная станция, и он сам, другой, съежившийся под старой попоной в конюшне, пытающийся заснуть, не понимающий, что происходит.

Я бы сказал ему... — в возбуждении думал Джейк, сбрасывая одеяло. Он понял теперь, куда ведет эта дверь рядом с его книжным шкафом — больше не в ванную, нет: она откроется в мир, пахнущий жаром, пурпурным шалфеем и страхом в горстке праха, мир, укрытый сейчас сумрачным крылом ночи. — *Я бы сказал ему... но мне не нужно ему ничего говорить... потому что я буду В НЕМ... я буду ИМ!*

Не зажигая света, он бросился через темную комнату, едва не смеясь от облегчения, распахнул заветную дверь и...

И ничего. Просто ванная. Его ванная с афишей Марвина Гея в рамочке на стене и полосатой тенью жалюзи на кафельном полу.

Он еще долго стоял на пороге, пытаясь справиться с этим разочарованием, что встало в горле комом. Только оно не желало его отпускать. И оно было горьким.

Оно было горьким.

8

С того дня прошло три недели, и в памяти Джейка они растянулись точно зловещий и мрачный район трущоб — кошмарный, заброшенный мертвый край, где нет ни покоя, ни отдохновения, ни исцеления от боли. Он наблюдал — подобно беспомощному узнику, наблюдающему за разграблением города, которым он правил когда-то, — как гнется здравый его рассудок под непрестанным нажимом этих призрачных голосов и иллюзорных воспоминаний, и ничего не мог с этим поделать. Сперва Джейк еще не терял надежды, что память его перестанет двоиться, когда он дойдет в своих воспоминаниях до критической точки, где человек по имени Роланд позволил ему упасть в пропасть с моста в недрах гор, — только этого не случилось. Все вернулось к началу и закрутилось по новой, как кассета на магнитофоне, включенная на автореверс, будет играть и играть бесконечно, пока либо не гикнется магнитофон, либо кто-нибудь не придет и его не вырубит.

По мере того как углублялась эта ужасная пропасть в его раздвоившейся памяти, в восприятии Джейком его более или менее реальной жизни — жизни нью-йоркского мальчика — появлялось все больше провалов. Он помнил, что ходил в школу, а по выходным — в кино, что неделю назад (или две?) его с родителями пригласили на воскресный обед, но все это он помнил так, как человек, перенесший малярию, вспоминает потом самый тяжелый период своей болезни: все окутано тьмой, люди кажутся тенями, голоса превращаются в эхо и перекрывают друг друга, а такое обыденное и простое действие, как, скажем, съесть сандвич или купить банку коки в автомате напитков в спортзале, превращается в подвиг, стоящий многих усилий. Джейк прошел через эти дни в фуге воющих голосов и двоящихся воспоминаний. Его одержимость дверями — любыми дверями — с каждым днем только усугублялась; по-настоящему он никогда не терял надежды, что какая-то из дверей все же откроется в мир стрелка. И удивляться тут особенно нечему, ведь это была его единственная надежда.

Но сегодня игра закончилась. И Джейк проиграл. К чему все, впрочем, и шло. Все равно шансы его на победу равнялись нулю с самого начала. И сегодня он сдался. Смылся с экзамена. Понурив голову, Джейк вслепую шагал на восток по скрещению улиц, не зная, куда он идет и что будет делать, когда дойдет.

9

Часам к девяти Джейк потихоньку стал выбираться из этой все застилающей пелены и начал воспринимать окружающее. Оказалось, что он стоит на углу Лексингтон-авеню и Пятьдесят четвертой и не может припомнить, как он сюда забрел. Только теперь он заметил, какое сегодня погожее ясное утро. Утро 7 мая, того дня, когда он начал сходить с ума, тоже было прекрасным, но сейчас было в десять раз лучше — сегодня, когда весна оглянулась назад и увидела лето, стоящее рядом, совсем-совсем близко, красивое, сильное, с дерзкой улыбкой на загорелом лице. Яркие блики солнца плясали на стеклянных стенах высотных зданий; даже тени прохожих были густыми и четкими. Прозрачное голубое небо сияло над головой, расчерченное легкими штрихами перистых облаков.

Чуть дальше по улице шло строительство. У дощатого забора, отгораживающего площадку, стояли два бизнесмена в дорогих, безупречного покроя костюмах. Они смеялись, что-то передавая друг другу. Джейку стало любопытно, и он подошел поближе. Бизнесмены, как выяснилось, играли в «крестики-нолики», рас-

чертив на заборе поле дорогой ручкой «Марк Кросс». Ею же отмечали и ходы. *Во дают!* — подумал Джейк. Когда он к ним подходил, один из игроков как раз поставил последний нолик в верхней правой клетке и прочертил жирную диагональ через все поле.

— Опять я продулся всухую! — сказал его друг, с виду какой-нибудь администратор высокого ранга, или преуспевающий адвокат, или биржевой маклер экстра-класса, потом отобрал у приятеля ручку «Марк Кросс» и расчертил на заборе очередное поле.

Первый бизнесмен — тот, кто выиграл, — повернул голову влево. Увидел Джейка и улыбнулся.

— Хороший денек, да, малыш?

— Точно, — ответил Джейк в восторге оттого, что он именно так и думает.

— В такой день не хочется киснуть в школе, ага?

Теперь Джейк рассмеялся по-настоящему. Школа Пайпера, где обычный ленч называют «свободным часом» и где ты иной раз «выходишь на минутку» вместо того, чтобы просто отлить, отодвинулась вдруг далеко-далеко.

— А вы понимаете.

— Не хочешь сыграть? А то Билли и в школе не мог меня сделать на этом, и до сих пор ему это не удается.

— Оставь парня в покое, — сказал второй бизнесмен, передавая приятелю ручку «Марк Кросс». — На этот раз я тебя сделаю. — Он подмигнул Джейку, и Джейк подмигнул в ответ, сам себе удивляясь. Он пошел дальше, оставив дяденек за игрой. Ощущение, что сейчас должно произойти что-то очень хорошее — или, быть может, уже происходит, — продолжало крепнуть. Джейк, казалось, не шел, а летел вперед, не касаясь ногами асфальта.

На светофоре на углу зажглось ИДИТЕ, и Джейк стал переходить Лексингтон-авеню. Посередине улицы он остановился так резко, что какой-то мальчик-посыльный на велосипеде едва на него не наехал. Да... это был изумительный весенний денек. Но Джейк сейчас чувствовал себя так хорошо вовсе не потому. Вовсе не потому воспринимал он сейчас окружающее так неожиданно ясно и полно, не потому преисполнился твердой уверенности, будто с ним должно произойти что-то замечательное.

Голоса в голове умолкли.

Умолкли не навсегда — каким-то образом он это знал, — но сейчас они исчезли. Вот только почему?

Перед мысленным взором Джейка предстала такая картина: комната, в комнате двое спорщиков. Сидят за столом друг против друга и что-то доказывают друг другу с нарастающим

ожесточением. Потихоньку они перегибаются через стол, их разгоряченные лица сближаются — они брызжут в лицо друг другу слюной. Спор грозит перерасти в потасовку. Но тут они слышат какой-то грохот, похожий на барабанную дробь, и торжественные, праздничные звуки фанфар. Спорщики прекращают орать и глядят, озадаченные, друг на друга.

Это что? — спрашивает один.

Не знаю, — отвечает второй. — *Вроде какой-то парад.*

Они подходят к окну и действительно видят внизу парад. Оркестранты в военной форме маршируют по улице, чеканя шаг. Отблески солнца горят на их трубах. Хорошенькие девушки, участницы парада, вертят дирижерскими жезлами и важно вытягивают свои длинные загорелые ножки. Автомобили с открытым верхом утопают в цветах. В автомобилях — всякие знаменитости. Улыбаются, машут ручками.

Двое непримиримых спорщиков глядят из окна, позабыв о своем жарком споре. Они к нему еще вернутся, уж будьте уверены, но пока что они стоят рядом, плечом к плечу, точно лучшие друзья, и смотрят на проходящий парад...

18

Раздался резкий гудок. Джейк испугался, и мысленная картинка — красочная, как яркий сон — пропала. Он сообразил, что так и стоит посередине проезжей части Лексингтон-авеню, а зеленый свет сменился на красный. Он в испуге оглянулся, ожидая увидеть синий «кадиллак», несущийся на него, но водитель, который сигналил, сидел за рулем желтого открытого «мустанга» и вместо того, чтобы орать на Джейка, мило ему улыбался. Впечатление было такое, что сегодня в Нью-Йорке все нанюхались веселящего газа.

Джейк помахал водителю и со всех ног устремился на ту сторону улицы. Водитель «мустанга» покрутил пальцем у виска — ты, мол, парень, того, не в себе, — потом помахал в ответ и уехал.

Пару мгновений Джейк постоял на углу, подставляя лицо теплому майскому солнцу, улыбаясь и наслаждаясь ощущением ясного дня. Наверное, так себя чувствуют заключенные, приговоренные к смертной казни, когда узнают, что им дали временную отсрочку.

Голоса молчали.

Вопрос только в том, что это был за парад, отвлекший внимание яростных спорщиков? Может быть, просто необыкновенная красота этого майского утра?

Джейк, однако, не думал, что только это. Странное ощущение *знания* снова охватывало его, пронизывая насквозь, как и три недели назад, когда он подходил к переходу на углу Пятой и Сорок шестой. Но тогда, 7 мая, это было предчувствие неотвратимой судьбы, приготовившей ему гибель. А теперь ощущение было радостным, исполненным доброты, сродни предвкушению чуда. Как будто... как будто...

Белизна. Слово пришло само и зазвенело в сознании чистейшей нотой безупречной и неоспоримой истины.

— Белизна! — воскликнул он вслух. — Приход Белизны!

Он зашагал вдоль Пятьдесят четвертой и, дойдя до угла Пятьдесят четвертой и Второй, вступил снова под сень *ка-тета.*

11

Он повернул направо, остановился, в задумчивости развернулся и пошел назад, до угла. Да, все правильно: ему нужно сейчас на Вторую... только надо опять перейти на ту сторону. Когда на светофоре зажглось ИДИТЕ, он бегом пересек проезжую часть и снова свернул направо. Это чувство, ощущение (*Белизны*) правильности происходящего, становилось все сильнее. Джейк едва ли не обезумел от радости и облегчения. Теперь с ним все будет о'кей. На этот раз — никакой ошибки. Джейк был уверен, что уже очень скоро он встретит людей, которых начнет узнавать, как узнал тогда толстую тетку с пакетом и торговца напитками на углу, и будет знать наперед о том, что они собираются делать.

Но вместо этого он вышел к книжному магазину.

12

МАНХЭТТЕНСКИЙ РЕСТОРАН ДЛЯ УМА — сообщала вывеска в витрине. Джейк подошел к входной двери. Там висела черная доска, какие обычно вывешивают под меню в забегаловках и кафешках, и на ней было написано белым мелом:

СЕГОДНЯ В МЕНЮ
ОСОБЫЕ БЛЮДА ДНЯ

Из Флориды! Свежезажаренный Джон Д. Макдоналд.
В твердой обложке № 3 — $2.50
В мягкой обложке № 9 — $5.00

Из Миссисипи! Уильям Фолкнер, жаренный
на сковороде.
В твердой обложке — свободная цена.
В мягкой обложке «Винтидж Лайбрари» —
75 центов за штуку.

Из Калифорнии! Реймонд Чандлер вкрутую.

В твердой обложке — свободная цена.
В мягкой обложке № 7 — $5.00.

УТОЛИТЕ СВОЙ КНИЖНЫЙ ГОЛОД!
ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Джейк вошел в магазин, с радостью сознавая, что в первый раз за последние три недели он открыл дверь, не изнывая при том от безумной надежды найти за ней тот, другой, мир. Тихонько звякнул колокольчик. Джейка окутал мягкий, пряный запах старых книг — запах, как это ни странно, похожий на возвращение домой.

Внутри тоже присутствовал ресторанный лейтмотив. Хотя все четыре стены были увешаны книжными полками, зал был разделен пополам длинной стойкой, какие обычно бывают в кафе. На половине, ближайшей к дверям, стояло несколько маленьких столиков и при них — стулья с проволочными спинками. На трех из них были представлены «блюда дня»: романы о Тревисе Маги Джона Д. Макдоналда, романы из серии о Филипе Марло Реймонда Чандлера, книги из саги о Сноупсах Уильяма Фолкнера. Небольшая табличка на столе Фолкнера сообщала: «Имеются в продаже редкие первые издания — спрашивайте у продавца». Еще одна надпись, на стойке, была предельно простой и краткой: ВОЗЬМИТЕ И ПОЛИСТАЙТЕ! Парочка покупателей именно этим и занималась. Они сидели у стойки, потягивали кофеек и читали. Джейк подумал, что он еще в жизни не видел такого чудесного книжного магазина.

Вопрос только в том, почему он сюда пришел? Была это просто удача, или его привело сюда мягкое, но все же настойчивое ощущение, что он идет по некой тропе — невидимой, как силовой луч, — которая изначально предназначалась ему и которую он должен был отыскать?

Один взгляд на столик слева — и Джейк знал ответ.

13

Там были выставлены детские книжки. Места на столике было немного, так что на нем поместилось чуть больше дюжины книг: «Алиса в Стране чудес», «Хоббит», «Том Сойер» и все в том же роде. Джейка привлекла книжка, предназначенная, очевидно, для самых маленьких. На ярко-зеленой обложке пыхтел, взбираясь на гору, паровозик с веселой рожицей, стилизованной под человеческое лицо. Его скребок, очищающий путь от завалов (ярко-розового цвета), расплывался в счастливой улыбке, а сияющие головные огни-глаза, казалось, зовут Джейка Чеймберза открыть книжку и прочесть ее всю. «Чарли Чу-Чу» — сообщало название. Текст и рисунки Берил Эванз. Джейк вдруг вспомнил свое экзаменационное сочинение: фотографию локомотива, приклеенную на титульном листе, и повторяющееся «Чу-Чу» в конце.

Он взял книжку со столика и вцепился в нее так, как будто она могла улететь, если бы он не держал ее крепко-крепко. Повнимательнее присмотревшись к обложке, Джейк вдруг понял, что почему-то не доверяет улыбке на рожице Чарли Чу-Чу. *Выглядишь ты счастливым, но мне кажется, это всего лишь маска,* подумал он. *Ты несчастлив. И Чарли, по-моему, не настоящее твое имя.*

Мысль, конечно, бредовая, сумасшедшая мысль, но *ощущалась* она абсолютно нормальной. Нормальной и *правильной.*

Там же, на столике с детской литературой, стояла еще одна книжка, заинтересовавшая Джейка, — в потрепанной бумажной обложке, разорванной в одном месте и подклеенной скотчем, который теперь пожелтел от времени. На обложке мальчик и девочка с озадаченными лицами стояли под стайкой вопросительных знаков, парящих над их головами. Называлась она «Загадки, шарады и головоломки для всех и каждого!». Имени автора не было.

Сунув «Чарли Чу-Чу» под мышку, Джейк взял со столика книгу загадок. Открыв наугад, он прочел:

Когда дверь нельзя открыть?

— Когда она распахнута, — пробормотал он вслух. Лоб вдруг покрылся испариной... руки... все тело. — Когда она *распахнута!*

— Нашел что-нибудь для себя, сынок? — спросил тихий ласковый голос.

Обернувшись, Джейк увидел толстого дяденьку в белой рубашке с открытым воротом. Он стоял, опираясь на стойку и держа руки в карманах стареньких габардиновых брюк. Очки для чтения он поднял на лоб. Они очень забавно смотрелись на сияющем куполе его лысой головы.

— Да. — Джейк почему-то разволновался. — Вот эти две. Они продаются?

— Все, что здесь есть, продается, — сказал толстый дяденька. — Я бы и здание тоже, наверное, выставил на продажу, если бы оно мне принадлежало. Но, увы, я всего лишь его арендую. — Он протянул руку за книгами, но Джейк на мгновение замешкался, не желая выпускать книжки из рук. Потом с неохотой передал их продавцу. Где-то в глубине души он был готов к тому, что этот дядька сейчас убежит вместе с ними, и если он это сделает... если только попробует убежать... Джейк перехватит его, вырвет книжки и смоется. Потому что ему очень *нужны* эти книжки.

— О'кей, посмотрим, что ты там выбрал, — сказал толстяк. — Да, кстати, меня зовут Тауэр*. Келвин Тауэр. — Он протянул Джейку руку.

Джейк выпучил на него глаза и невольно сделал шаг назад.

— *Что?*

Толстяк пристально на него посмотрел.

— Келвин Тауэр. Какое из сказанных мной слов есть на твоем языке богохульство, о Гиборин-Скиталец?

— Чо?

— Я хочу сказать, вид у тебя такой, как будто тебя мешком пыльным тюкнули, парень.

— Ой... простите. — Он пожал большую и мягкую руку мистера Тауэра, очень надеясь, что тот не станет его расспрашивать, что да как. Имя действительно «зацепило» его, но почему, он не знал. — А я Джейк Чеймберз.

— Хорошее имя, дружище. Почти как у героя того вестерна... такого, знаешь, бравого парня, который врывается в Черные Вилы, штат Аризона, шутя очищает город от всех бандюг и скачет, свободный и вольный, дальше. По-моему, что-то из Уэйна Д. Оуверхолсера. Только ты, Джейк, похоже, не вольный стрелок. Похоже, ты просто решил прогулять занятия в честь хорошей погоды.

— А-а... нет. У нас каникулы с прошлой пятницы.

Тауэр улыбнулся.

— Угу. Ну да, точно. И ты хочешь себе прикупить эти две? Знаешь, так иногда забавно, что люди выбирают. Вот ты например. Я бы дал голову на отсечение, что ты фанат Роберта Говарда, пришел подыскать себе что-нибудь из изданий Дональда М. Гранта — из тех, что с иллюстрациями Роя Кренкеля. Мечи, обагренные кровью, крепкие мускулы, и Конан-Варвар, прорубающийся сквозь орду стигийцев.

— Звучит неплохо, на самом деле. Просто эти... я их для младшего брата беру. У него день рождения на той неделе.

---

* Tower — башня *(англ.)*

Келвин Тауэр опустил очки со лба на нос и внимательно присмотрелся к Джейку.

— Правда? А мне показалось, что ты — единственный ребенок в семье. Единственный ребенок, мне мнилось, я вижу его, как он приветствует день ухода — тихого, без прощания, — когда Владычица Мая трепещет в зеленом своем одеянии у кромки лесистой долины Июня.

— Что, я не понял?

— Не важно. Весна всегда навевает на меня уильям-кауперовские* настроения. Люди — существа странные, но интересные, парень... я прав?

— Да, наверное, — осторожно ответил Джейк. Он никак не мог сообразить, нравится ему этот странный дяденька или нет.

Один из посетителей магазина — из тех, кто читал за стойкой, — развернулся на своем табурете. В одной руке он держал чашку кофе, в другой — потрепанный томик «Чумы»** в мягкой обложке.

— Хватит, Кел, пудрить парню мозги. Прекрати умничать и продай ему эти книжки, — сказал он. — До Судного дня мы, наверное, успеем еще доиграть нашу партию в шахматы, если ты поторопишься.

— Торопливость претит моей тонкой натуре, — невозмутимо парировал Кел, но все же открыл «Чарли Чу-Чу», чтобы взглянуть на цену, проставленную карандашом на форзаце. — Неновая уже книжка, но этот отдельно взятый экземпляр на удивление хорошо сохранился. Детишки обычно чего только не вытворяют с любимыми книжками. По-хорошему, она стоит двенадцать зеленых...

— Обдирает по-черному, — вставил мужчина, читавший «Чуму», и второй рядом с ним рассмеялся. Келвин Тауэр пропустил эту реплику мимо ушей.

— ...но мне не хотелось бы так тебя разорять в такой чудный день. Пусть будет семь баксов. Плюс, конечно, налог. Загадки можешь забрать за так. Считай это скромным подарком мальчишке, который седлает коня и несется исследовать новые земли в последний день настоящей весны.

Джейк достал кошелек и открыл его не без тревоги, опасаясь, что там окажется не более трех-четырех зеленых. Однако сегодня ему везло. Пятерка и три по доллару. Он отдал деньги Тауэру. Тот небрежно сунул купюры в карман, а из другого достал сдачу мелочью.

— Хочешь, побудь еще, Джейк. Раз уж ты все равно здесь, присядь у стойки и выпей чашечку кофе. Ты глазам своим не поверишь, как я сейчас разобью в пух и прах жалкую староиндийскую защиту нашего уважаемого Эрона Дипно.

---

* Уильям Каупер (1731 — 1800) — английский поэт.

** Роман французского писателя Альбера Камю (1913—1960).

— Надейся! — воскликнул мужчина, читавший «Чуму». — Вероятно, Эрон Дипно.

— Я бы с радостью, только я не могу. Я... мне нужно еще в одно место зайти.

— О'кей. Счастливой дороги, если только она не в школу.

Джейк улыбнулся.

— Нет... не в школу. Это дорога к безумию.

Тауэр от души рассмеялся и снова поднял очки на лоб.

— Неплохо сказано! Очень даже неплохо! Может быть, в конечном итоге наше юное поколение вовсе не катится в ад, а, Эрон? Что скажешь?

— Катится-катится, будь уверен, — сказал Эрон. — Этот мальчик — просто счастливое исключение из общего правила. Может быть.

— Не обращай внимания на старого циника-пердуна, — вздохнул Келвин Тауэр. — Отправляйся в дорогу, Гиборин-Скиталец. Эх, где мои десять-одиннадцать лет! В такие чудные дни, как сегодня, я часто мечтаю стать снова мальчишкой.

— Спасибо за книжки, — сказал ему Джейк.

— Нет проблем. Мы для этого тут и сидим. Заходи как-нибудь.

— Обязательно.

— Теперь ты знаешь, где нас найти.

Да, подумалось Джейку. *Знать бы еще, где найти себя.*

14

Выйдя из магазина, он встал посреди улицы и открыл книгу загадок на первой странице, где было коротенькое псевдонаучное предисловие.

Загадки — возможно, древнейшая из старых игр, в которую мы играем и по сей день, — так оно начиналось. — *Еще в Древней Греции боги и богини поддразнивали друг друга при помощи хитроумных загадок, а в школах Древнего Рима ими пользовались повсеместно как учебным материалом. Даже в Библии есть несколько замечательных загадок. Одна из самых известных — та, которую загадал филистимлянам Самсон в день своей свадьбы:*

«Из едущего вышло едомое,
и из сильного вышло сладкое».

Он загадал эту загадку «тридцати брачным друзьям» на свадьбе, уверенный, что они не сумеют ее разгадать. Но те за-

пугали жену Самсона и уговорили ее вызнать у мужа ответ. Самсон пришел в ярость, и за то, что они над ним так посмеялись, он перебил их всех — в старые времена люди относились к загадкам гораздо серьезнее, чем теперь!

Да, кстати, ответ на загадку Самсона — и на все остальные загадки, приведенные в этой книге, — вы найдете в последней главе. Но прежде чем заглянуть туда, сначала попробуйте догадаться сами, такая у нас к вам просьба!

Джейк обратился к последней главе, почему-то заранее зная, что никаких там ответов нет. И точно: за страницей с надписью ОТГАДКИ было лишь несколько рваных краев, и сразу за ними — форзац. Кто-то вырвал все страницы с отгадками.

Джейк на мгновение задумался. А потом, подчиняясь неожиданному порыву, который был вовсе и не порывом, а чем-то другим, непонятным, он вернулся в «Манхэттенский ресторан для ума».

Келвин Тауэр поднял голову, оторвавшись от шахматной доски.

— Ты передумал, Гиборин-Скиталец, и решил все-таки выпить кофе?

— Нет. Я просто хотел спросить, вы не знаете, случайно, ответ на одну загадку.

— Давай посмотрим. — Тауэр сделал ход пешкой.

— Ее загадал Самсон. Такой сильный дядька из Библии, что ли? Загадка такая...

— «Из едущего вышло едомое, — продекламировал Эрон Дипно, развернувшись к Джейку на табурете, — и из сильного вышло сладкое». Эта?

— Да, эта. Вы, случайно, не знаете...

— О-о, когда-то я увлекался музыкой. Вот послушай. — Запрокинув голову, он пропел мелодичным и сильным голосом:

Самсон и лев сошлись в бою,
Самсон взгромоздился на спину льву.
Львы, как известно, добычу терзают когтями,
А Самсон льва прикончил голыми руками!
Вот лев поверженный на земле лежит,
И рой пчел-медоносов над ним кружит.

Эрон подмигнул Джейку и вдруг рассмеялся, увидев его изумление.

— Ты получил свой ответ, дружок?

Джейк смотрел на него широко распахнутыми глазами.

— Вау! Хорошая песенка! Вы откуда ее узнали?

— Эрон знает их все, — сказал Тауэр. — Он шатался по Бликерстрит еще до того, как Боб Дилан выучился извлекать из своего «Хонера» и другие ноты, кроме открытой соль. По крайней мере он так утверждает.

— Это старый спиричуэл*, — пояснил Эрон Джейку, а потом повернулся обратно к Тауэру: — Кстати, мой пухлик, вам шах.

— Не так быстро. — Тауэр сделал ход слоном. Эрон тут же его «скушал». Тауэр что-то буркнул себе под нос... что-то, подозрительно похожее на «у, блядь».

— Значит, отгадка — лев, — сказал Джейк.

Эрон покачал головой.

— *Половина* отгадки. Загадка Самсона *двойная*, мой юный друг. Одна половина отгадки — лев, вторая — мед. Понимаешь?

— Да, по-моему.

— О'кей. Тогда вот тебе еще. — Эрон на мгновение прикрыл глаза, а потом продекламировал нараспев:

Нету ног, но на месте она не стоит,
Ложе есть, но она не спит,
Не котел, но бурлит,
Не гроза, но гремит.
Нету рта, но она никогда не молчит.

— А ты хитрый, — подмигнул Тауэр Эрону.

Джейк задумался было, но потом покачал головой. Он мог бы подумать подольше — ему очень нравилась эта игра в загадки и хотелось побыть здесь еще, — но его подгоняло настойчивое ощущение, что ему надо идти. У него еще есть одно дело на Второй авеню.

— Сдаюсь.

— Нет, сдаваться нельзя, — возразил Эрон. — Можно сдаваться, когда речь идет о *современных* загадках. Но *настоящие* загадки — это не просто шутка, малыш. Это задачи, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Подумай еще. Если все-таки ничего не надумаешь, приходи сюда. Как раз будет повод зайти. Если еще нужен повод, то знай: этот толстяк умеет готовить отличный кофе.

— О'кей, — сказал Джейк. — Спасибо. Я зайду обязательно.

Но как только он вышел на улицу, им завладело одно неприятное чувство: Джейк понял, что больше уже никогда не вернется в «Манхэттенский ресторан для ума».

---

* Спиричуэл — негритянская духовная песня.

15

Джейк медленно шел вдоль по Второй авеню, держа в левой руке свои новые приобретения. Поначалу он еще бился над этой загадкой: «Нету ног, но на месте она не стоит; ложе есть, но она не спит», — но мало-помалу ее оттеснило нарастающее ожидание. Казалось, все чувства его обострились, как никогда: асфальт как будто искрился миллионом сверкающих крапинок, каждый вдох был насыщен тысячью смешанных ароматов, и в каждом звуке, который он слышал, ему мнились иные, потаенные, отголоски. Наверное, то же чувствуют собаки перед сильной грозой или землетрясением — Джейк был уверен, что так оно и есть. Но только предчувствие приближающегося события было хорошим, как будто то, что должно сейчас произойти, обязательно уравновесит весь этот ужас, приключившийся с ним три недели назад. И с каждой секундой это предчувствие становилось сильнее.

И вот теперь, когда Джейк подошел совсем близко к месту грядущего события, где все должно разрешиться, его опять охватило то странное ощущение, как будто он знает все наперед.

Какой-то бродяга попросит меня дать денежку, и я высыплю ему мелочь от сдачи, которую дал мне мистер Тауэр. Потом я набреду на музыкальный магазин. Дверь будет открыта, чтобы шел свежий воздух, а внутри будут играть «Роллинг стоунз». Потом я увижу свое отражение в зеркалах.

Машин на Второй авеню было все еще немного. Такси, сигналя вовсю, проворно лавировали между медлительными легковушками и фургонами. На лобовых стеклах и ярко-желтых их кузовах играли блики веселого майского солнца. Ожидая у светофора, когда загорится зеленый, Джейк заметил бродягу на углу Второй и Пятьдесят второй. Тот сидел прямо на тротуаре, привалившись спиной к кирпичной стене маленького ресторанчика. Подойдя ближе, Джейк разглядел, что ресторан называется «Чав-чав».

Чу-Чу, невольно подумалось Джейку. *Вот правда.*

— Хотя бы 25 центов? — устало спросил бродяга, и Джейк ссыпал не глядя ему на колени всю сдачу из книжного магазина. Теперь, точно как по расписанию, он услышал «Роллинг стоунз»:

Я вижу красную дверь
и хочу ее выкрасить в черный,
Никаких больше красок, я хочу
чтобы все стало черным...

Джейк увидел теперь — без всякого удивления, — что магазин называется «Башня выдающихся записей».

Похоже, сегодня у нас массовая распродажа башен.

Джейк шел вперед. Дорожные знаки и вывески плыли мимо, как будто в туманном сне. В квартале между Сорок девятой и Сорок восьмой располагался один магазинчик. Он назывался «Твои отражения». Джейк повернул мимоходом голову. Все, как он и предвидел. Он знал, что так будет: дюжина Джейков в дюжине зеркал — дюжина мальчиков, маленьких для своего возраста, одетых в аккуратные школьные костюмы — синие блейзеры, белые рубашки, темно-красные галстуки, серые брюки. В школе Пайпера не было обязательной строгой формы, но определенные негласные правила существовали, и родители учеников неуклонно им следовали, одевая своих драгоценных чад.

Теперь школа казалась такой далекой. Такой «давнишней».

Внезапно Джейк понял, куда он идет. Понимание это прорвалось на поверхность его сознания, точно родник освежающей чистой воды, бьющий из-под земли. *К лавке деликатесов,* — сказал он себе. — *Во всяком случае, так она смотрится с виду — простой магазинчик деликатесов. Только на самом деле это вовсе не магазин — это проход в другой мир. В тот мир. Его мир. Правильный мир.*

Джейк уже не мог терпеть. Он побежал, жадно глядя вперед. На переходе через Сорок седьмую горел красный свет, но Джейк даже не посмотрел на светофор: спрыгнув с тротуара, он шустро понесся по белым полоскам «зебры», едва ли взглянув налево. Раздался визг тормозов и скрежет покрышек. Какой-то фургон резко остановился, когда Джейк пронесся перед самым его капотом.

— Эй! У тебя как с головой? — прокричал водитель, но Джейк даже и не поглядел в его сторону.

Еще только один квартал.

Джейк поднажал. Теперь он мчался как угорелый. Галстук сбился набок и трепыхался за левым плечом. Волосы развевались, отброшенные со лба назад. Мягкие кожаные ботинки молотили по тротуару. Прохожие, кто изумленно, кто просто с любопытством, косились на Джейка, но он не обращал внимания на эти взгляды. Как не обратил он внимания на рассерженный окрик водителя на переходе.

Вот здесь... на углу. Рядом с магазинчиком канцтоваров.

Впереди показался какой-то дядька в темно-коричневой рабочей форме с длинной тележкой, нагруженной картонными ящиками. Джейк перепрыгнул через нее, как через барьер, вскинув руки. Ни дать ни взять бег с препятствиями. Заправленная рубашка выбилась сзади из брюк и торчала теперь из-под си-

него блейзера, точно краешек детского фартучка. Приземлившись с той стороны тележки, Джейк чуть не врезался в коляску с ребенком, которую катила перед собой молодая пуэрториканка. Он обогнул ее с ходу, в точности как полузащитник, закрывший брешь в линии защиты и спасший тем самым свои ворота.

— Где пожар, молодой человек? — полюбопытствовала пуэрториканка, но Джейк даже и не взглянул в ее сторону. На всех парах он пронесся мимо магазинчика канцтоваров с блокнотами, ручками и калькуляторами в витрине.

Дверь! — твердил он себе, ликуя. — *Сейчас я ее увижу! И что потом? Буду стоять и смотреть? Да ни в жизни! Я пройду через эту дверь... а если она вдруг заперта, я ее просто снесу с пете...*

Тут он обнаружил, что добрался уже до угла Второй и Сорок шестой, и наконец остановился, буквально затормозил, проехав на каблуках. Он стоял посреди тротуара, дыша тяжело и со свистом, стиснув руки в кулаки. Волосы снова упали ему на лоб влажными от испарины прядями.

— Нет. — Он едва не расплакался. — *Нет!* — Но это неистовое, полубезумное отрицание не изменило того, что он видел. Вернее, того, что не видел. Смотреть, собственно, и не на что было. Деревянный забор, а за забором — пустырь, замусоренный и заросший сорняками.

Дом, который когда-то стоял здесь, давно снесли.

16

Минуты две Джейк стоял неподвижно перед дощатым забором, тупо глядя на захламленный пустырь за ним. Губы его скривились. Он буквально физически ощущал, как тает надежда, как испаряется его *непоколебимая уверенность,* сменяясь отчаянием, горше которого он еще в жизни не знал.

Очередная ложная тревога, подумал Джейк, когда прошло первое потрясение и он снова обрел способность думать. *Очередная ложная тревога. Очередной тупик. Давно засохший колодец. Теперь опять появятся голоса, и как только это произойдет, я, наверное, закричу. И это нормально. О'кей. Потому что мне уже надоело. Я не выдержу больше. Мне надоело сходить с ума. Если так вот и сходят с ума, то пусть это случится быстрее, сейчас, пусть меня заберут в дурдом и что-нибудь вколют такое, чтобы я отрубился совсем. Я сдаюсь. Это конец всему. Бобик сдох.*

Но голоса не вернулись... пока еще нет. И теперь, когда Джейк снова обрел способность размышлять над увиденным,

он наконец осознал, что пустырь за забором не так уж и пуст, как ему показалось сначала. Посреди этой мертвой свалки, заросшей сорной травой, стоял большой щит с надписью:

ТОВАРИЩЕСТВО
СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ МИЛЛЗА
И РИЭЛТЕРСКОЙ КОНТОРЫ СОМБРА
ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТЫ.

МЫ ИЗМЕНИМ ЛИЦО МАНХЭТТЕНА!
СКОРО ЗДЕСЬ БУДЕТ
РОСКОШНЫЙ КОНДОМИНИУМ
«БУХТА БОЛЬШОЙ ЧЕРЕПАХИ»!

ВСЮ НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ
ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ
ПО ТЕЛЕФОНУ: 555-6712!
ЗВОНИТЕ, И НЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!

Скоро здесь будет? Вполне вероятно... но были у Джейка свои сомнения на этот счет. Буквы на рекламном щите повыцвели, а сам щит немного прогнулся. Поверх слов «Роскошный кондоминиум «Бухта Большой Черепахи» какой-то мастер настенной росписи по имени БАНГО СКАНК оставил долгую о себе память посредством баллончика-распылителя с синей краской. *Интересно,* подумал Джейк, *проект просто отсрочили или он тихо сдох сам собой?* Он почему-то вдруг вспомнил, как недели, наверное, две назад папа беседовал по телефону со своим консультантом по капиталовложениям. Орал на него благим матом, чтобы тот даже не думал ни о каком дальнейшем инвестировании.

— Мне наплевать, какая у вас там заманчивая информация о налогах и предполагаемых сделках! Да хоть растакая! — едва не вопил отец (как Джейк уже понял, это был в общем-то папин нормальный тон, когда он обсуждал деловые вопросы, — обстоятельство это объяснялось, быть может, отчасти наличием у папы в столе «кокаиновых залежей»). — Каждый раз, когда они там предлагают что-то действительно сногсшибательное, обязательно жди подвоха!

Забор, огораживающий пустырь, доходил Джейку до подбородка. Все доски были увешаны объявлениями и афишами: Оливия Ньютон-Джон на «Радио-Сити», рок-группа «G.Gordon Liddy» вместе с «Пещерами» выступают в каком-то там клубе в

Ист-Виллидже, фильм «Война зомби», который уже прошел ранней весной. Через определенные промежутки к доскам забора были прибиты непременные таблички ПРОХОД ВОСПРЕЩЕН, но большинство из них было заклеено сверху вычурными афишами. Чуть подальше имелось еще одно произведение в стиле граффити — краска, как видно, когда-то была ярко-красной, но теперь она выцвела и приобрела пепельно-розовый оттенок, какой бывает у роз, расцветающих в конце лета. Какой-то детский стишок. Джейк смотрел на него как зачарованный, широко распахнув глаза. Он даже прочел его шепотом вслух:

Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе!
Она держит мир у себя на спине!
Если хочешь поиграть,
Приходи к ЛУЧУ опять.
Приходи к ЛУЧУ сегодня,
Будем прыгать и скакать.

Источник этого странного поэтического произведения (если не его смысл) был для Джейка вполне ясен. В конце концов этот район восточной оконечности Манхэттена называется Бухтой Большой Черепахи. Но это не объясняло ни того непонятного обстоятельства, что по спине Джейка вдруг побежали мурашки, ни этого явственного ощущения, неожиданно его охватившего, что он нашел еще один указатель на каком-то волшебном, потаенном пути.

Расстегнув рубашку, Джейк сунул две книги, которые только что приобрел, за пазуху. Потом огляделся, убедился, что никто на него не смотрит, и, опершись двумя руками о забор, подтянулся, перекинул одну ногу, другую и спрыгнул по ту сторону. При этом левой ногой он угодил прямо на груду беспорядочно сваленных кирпичей. Они, естественно, заскользили под ним. Лодыжка его подвернулась, и всю ногу пронзила боль. Джейк с грохотом упал прямо на кирпичи и вскрикнул одновременно от боли и неожиданности, когда они врезались ему в ребра, точно грубые крепкие кулаки.

Сначала он даже и не пытался встать, а просто лежал, дожидаясь, когда восстановится сбитое от удара дыхание. Вряд ли он както серьезно ушибся, но ногу он подвернул — это точно. Теперь лодыжка скорее всего распухнет. Домой он вернется хромая. Придется, однако, сжать зубы и потерпеть: денег на тачку нет.

Ты что, в самом деле собрался вернуться домой? Да тебя там живьем съедят.

Может быть. А быть может, и нет. Впрочем, насколько ему кажется, особого выбора у него нет. Но у него еще будет вре-

мя об этом подумать. Сейчас он намерен исследовать этот пустырь, что притянул его, как магнит стальную стружку. Джейк вдруг понял, что ощущение силы, разлитой вокруг, не пропало. Наоборот, оно стало еще сильнее. И вряд ли она исходила только от этого пустыря. Что-то здесь происходило. Что-то особенное. Очень важное. Даже в самом воздухе чувствовалась вибрация, как будто по нему растекались волны энергии, источаемые самой громадной электростанцией в мире.

Только поднявшись на ноги, Джейк увидел, как он удачно упал. Упади он чуть в сторону, он бы попал прямо на кучу битого стекла и скорее всего очень сильно порезался.

Это, наверное, от витрины, подумал Джейк. *Когда здесь еще был магазинчик деликатесов, в ней выставлялись сыры и колбасы. Стоишь на улице и смотришь. Их еще подвешивали на веревках.* — Джейк не знал, откуда он это знает. Он просто доподлинно знал.

Задумчиво оглядевшись по сторонам, Джейк отошел от забора чуть дальше в глубь пустыря. Ближе к середине участка, едва заметный под буйно разросшимися сорняками, на земле валялся какой-то рекламный щиток. Опустившись на колени, Джейк поднял его и стряхнул с него грязь. Буквы давно выцвели, но их еще можно было прочесть:

ТОМ И ДЖЕРРИ. ДЕЛИКАТЕСЫ.
СПЕЦИАЛИЗИРУЕМСЯ НА ЗАКАЗАХ
К БАНКЕТАМ И ПРАЗДНИКАМ!

А внизу той же красной-выцветшей-до-розовой краской из баллончика-распылителя кто-то вывел загадочную фразу: В ЕЕ МЫСЛЯХ — ВЕСЬ МИР, В ЕЕ МЫСЛЯХ — ВСЕ МЫ.

Вот оно, это место, — сказал себе Джейк. — *О да.*

Он уронил щит на землю, поднялся и медленно пошел дальше в глубь пустыря, внимательно глядя по сторонам. С каждым шагом ощущение присутствия некой силы крепло. Все, что он видел — сорняки, осколки стекол, груды битого кирпича, — было как будто пронизано этой безудержной силой. Даже пустые пакетики из-под хрустящей картошки казались красивыми, а пустую пивную бутылку солнечный свет превратил в сосуд коричневого огня.

Джейк очень четко осознавал каждый свой вдох, свет солнца, который ложился на все золотым покровом. Внезапно он понял, что стоит на пороге великой тайны. Его била дрожь. Наполовину от страха, наполовину от удивления, смешанного с восторгом.

Оно все здесь. Все. Все по-прежнему здесь.

Сорняки льнули к его ногам. Репей налип на носки. Поднявшийся ветерок зашелестел упаковкой из-под печенья. Солнечный луч отразился сверкающим бликом, и на мгновение обычная упаковка словно бы преисполнилась внутренним сиянием, жутким и прекрасным одновременно.

— Все по-прежнему здесь, — повторил Джейк вслух, не зная о том, что лицо его тоже сейчас преисполнилось собственным внутренним светом. — Все здесь.

Теперь ему слышался звук, вернее, Джейк его слышал с самого начала, как только ступил на пустырь. Какой-то удивительный, торжественный гул, в котором сквозили невыразимое одиночество и невыразимая красота. Так, наверное, плачет ветер над пустынной равниной, только звук был живым. Точно хор тысячи голосов, слившихся в единую могучую открытую ноту. Джейк огляделся по сторонам и вдруг понял, что видит *лица* — в сплетении сорняков, в ветках кустарника, даже в грудах битого кирпича. *Лица*.

— Вы кто? — прошептал Джейк. — *Кто* вы?

Ответа он не получил, но ему показалось, что за этим звенящим хором он слышит иные звуки: грохот конских копыт по сухой пыльной земле, громы выстрелов и из сумрака — голоса ангелов, славу поющих. Ему представлялось, что лица, которые он различал во всем, поворачивались к нему, когда он проходил. Они словно бы наблюдали за ним, но Джейк чувствовал, что за пристальным их вниманием не скрывается злых намерений. Отсюда ему была видна Сорок шестая и даже одно крыло резиденции ООН на Первой авеню, но это уже не имело значения... весь *Нью-Йорк* побледнел и сделался прозрачным, точно оконное стекло.

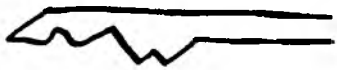
Гул нарастал. Уже не тысяча — миллион голосов вздымались могучим хоралом, восставая из бездонного колодца Вселенной. Теперь Джейк уже различал имена, хотя, может быть, это только ему чудилось. Одно имя, кажется, было Мартен. Другое — Катберт. Еще одно — Роланд... Роланд из Гилеада.

Были там и имена, и бессвязный гул разговора — десятки тысяч историй, сплетенных в одну, но над всем царил этот могучий, набирающий силу звон, вибрация, наполнявшая его разум ослепительно белым светом. И Джейк вдруг понял — и радость была столь огромной, что грозила взорвать его изнутри, — чей это голос. Голос *Согласия*. Голос *Белизны*. Голос *Вечности*. Великий хорал утверждения, выпевающий песнь свою на пустыре. Для него.

А потом, в низких зарослях репейника, Джейк увидел ключ... а за ключом еще — розу.

17

Ноги его подкосились, и он упал на колени. Смутно, словно бы издалека, Джейк осознал, что плачет. Он слегка обмочился, но и это он осознавал едва ли. Не вставая с колен, он прополз вперед и потянулся за ключом, лежащим в зарослях репейника. Форма ключа показалась ему знакомой. Он, кажется, уже видел один такой — в своих снах:



Он подумал еще: *Маленькая s-образная загогулина на конце — вот в чем секрет.*

Как только он сжал ключ в руке, голоса загремели, слившись в один гармоничный аккорд триумфа. Джейк закричал, и крик его утонул в этом хоре. Ключ у него на ладони вспыхнул вдруг белым светом, и по руке его, казалось, прошел мощный электрический разряд. Он как будто схватился за оголенный провод под напряжением, но боли не было.

Он положил ключ между страницами «Чарли Чу-Чу». Пристальнее вглядевшись в розу, Джейк неожиданно осознал, что *настоящий* ключ — это она. Ключ ко всему. Он прополз чуть вперед, чтобы взять ее. Лицо его излучало свет. Глаза полыхали, как два провала, заполненных голубым огнем.

Роза росла посреди островка травы — странной багровой травы.

Когда Джейк потянулся к ней, бутон стал раскрываться прямо у него на глазах, обнажая темно-красные пылающие глубины. Лепесток раскрывался за лепестком, и каждый горел своим собственным тайным огнем. Джейк никогда не видел такого чуда, ничего, до такой степени напоенного ликующей жизнью.

Как только он протянул к ней руку — решительно, без колебаний, — хор голосов принялся выпевать его имя... и в сердце Джейка закрался предательский страх. Холодный как лед и тяжелый как камень.

Что-то было не так. Теперь Джейк ощущал какой-то вибрирующий диссонанс... как царапина, безобразная и глубокая, на бесценном полотне великого мастера, как жар, снедающий больного изнутри, под хладной кожей его лба.

Как червяк. Червяк, вгрызающийся в сердцевину плода. И еще — тень. Та, что таится за следующим поворотом дороги.

А потом перед ним раскрылась самая сердцевина розы, взорвавшись желтым слепящим светом, и волна изумления, смешанного с восторгом, тут же смыла все страхи. Джейк поначалу подумал, что это всего лишь пыльца, пусть и исполненная сверхъестественного сияния, которым здесь было пронизано все. Но, нагнувшись поближе, он разглядел, что этот круг пламенеющей желтизны в сердцевине цветка — никакая вообще не пыльца, а *солнце. Настоящее солнце:* кузница чистого света, горящего в сердцевине розы, что растет посреди багровой травы.

Снова вернулся страх. Даже не страх уже — неподдельный ужас. *Все правильно,* вдруг подумалось Джейку. *Пока здесь все правильно, но оно может пойти не так — по-моему, уже пошло. Мне дали почувствовать это. В той мере, в какой я мог выдержать это «не так». Но только что? И чем я могу помочь?*

Как червяк, проникающий глубже и глубже.

Джейк ощущал ее, эту пульсацию, точно биение больного и злобного сердца — непримиримого недруга безмятежного великолепия розы, вносящего вопиющий разлад в стройный хор голосов, которые так его успокоили и помогли ему воспрянуть духом.

Наклонившись еще ближе к розе, Джейк увидел, что солнце там, в сердцевине ее, не одно, что их много, солнц... быть может, все солнца Вселенной сияли сейчас в этом исполненном жизни, но все-таки хрупком сосуде из пламенеющих лепестков.

Там был целый мир. И этому миру грозила опасность.

Зная, что прикоснуться к этому полыхающему микрокосму почти наверняка означает смерть, и все же не в силах противиться искушению, Джейк протянул руку к сияющей сердцевине. В этом его жесте не было ни любопытства, ни ужаса — только одно невыразимое никакими словами стремление защитить розу.

18

Поначалу, едва придя в себя, Джейк осознал только то, что прошло много времени и что голова у него буквально раскалывается от боли.

Что случилось? Меня тюкнули по башке и ограбили?

Перевернувшись, он сел. Новый взрыв боли пронзил голову. Джейк осторожно потрогал свой левый висок. На пальцах осталась кровь. Взглянув вниз, он увидел кирпич, что валялся в траве. Один его сбитый угол был подозрительно алым.

Если бы угол был острый, я бы сейчас уже находился на том свете или лежал бы в коме.

Взглянув на свое запястье, Джейк с удивлением обнаружил, что часы его на месте. «Сейко». Не то чтобы очень уж дорогие, но, как правило, в этом городе не бывает такого, чтобы ты, задремав на заброшенном пустыре, проснулся потом, что называется, при своем добре. И не важно, дорогие на тебе «игрушки» или не очень, всегда отыщется кто-нибудь, кто с удовольствием освободит тебя от них. Но на этот раз ему, похоже, повезло.

Уже четверть пятого. Он пролежал здесь в отключке почти шесть часов. Папа, возможно, уже сообщил в полицию о пропаже сына, и его сейчас ищут. Однако для Джейка это уже не имело значения. Ему казалось, что он вышел из школы Пайпера тысячу лет назад, хотя это было не далее как сегодня утром.

Джейк поплелся к забору, что отгораживал эту заброшенную площадку от Второй авеню, но остановился на полпути.

Что же *все-таки* произошло?

Мало-помалу память вернулась к нему. Он перелез через забор. Поскользнулся и подвернул лодыжку. Наклонившись, Джейк потрогал ее и сморщился от боли. Да... так оно все и было. А дальше?

Что-то волшебное.

Он осторожно, на ощупь пробирался по воспоминаниям, отыскивая это «что-то», как дряхлый старик пробирается через темную комнату. Все тогда преисполнилось внутренним светом. Все — даже пустые пакеты и пивные бутылки. Потом появились какие-то голоса... они пели в могучем хоре и рассказывали истории... тысячи голосов, перекрывавших друг друга и оттого невнятных.

— И *лица*, — пробормотал он вслух. Вспомнив о лицах, Джейк с опаской огляделся по сторонам. Никаких лиц. Груды битого кирпича оставались всего лишь грудами кирпича, сорняки — сорняками. Никаких лиц, и все же...

...и все-таки они были. Были. Тебе вовсе не померещилось.

Он сам в это верил. Он не мог уже ухватить сущность вспоминаемого, всю меру его безупречности и красоты, но он знал одно: то, что случилось, случилось на самом деле. Просто память о тех мгновениях, что предшествовали его долгому обмороку, была сродни фотографиям, сделанным в самый счастливый день жизни. Ты помнишь, каким он был, этот день, — пусть не все, но ведь что-то ты помнишь, — но фотографии все равно остаются какими-то невыразительными и безжизненными.

Джейк оглядел заброшенный пустырь — лиловые сумерки уходящего дня уже подкрадывались, затеняя свет, — и подумал: *Я хочу, чтобы все вернулось. Господи, как я хочу, чтобы все вернулось таким, как было.*

И тут он увидел розу. Она росла посреди небольшого участка багровой травы рядом с тем местом, где он упал. Сердце

бешено заколотилось в груди. Джейк снова рванулся туда, не обращая внимания на боль, пронзавшую при каждом шаге больную ногу, и упал перед ней на колени, как истово верующий пред алтарем. Наклонился вперед, широко распахнув глаза.

Это же просто роза. Всего лишь роза. И трава...

Теперь Джейк увидел, что трава не багровая, нет. Травинки *испачканы* красным, но под этими подтеками цвет был нормальным. Зеленым. Приглядевшись получше, Джейк разглядел неподалеку еще одно пятно на траве — синего цвета. Справа, на листьях репейника, пестрели брызги красной и желтой краски. Пустые банки из-под краски нашлись сразу же за кустами репейника, сваленные в небольшую кучу. На этикетках стояло название фирмы. «Glidden Spred Satin».

Вот так вот. Всего лишь пятна краски. А тогда у тебя в голове все смешалось, вот тебе и привиделось...

Ерунда.

Он знал, что он видел тогда и что видит сейчас.

— Маскировка, — сказал он вслух. — Все это было здесь. *Все-все.* И... оно здесь по-прежнему.

Теперь, когда в голове у него прояснилось, он снова почувствовал эту спокойную, гармоничную силу, что исходила здесь отовсюду. Хор голосов продолжал звучать по-прежнему мелодично, только теперь как-то смутно, словно бы издалека. Вглядевшись в кучу битого кирпича и остатков старой штукатурки, Джейк увидел едва различимое лицо, в ней сокрытое. Лицо женщины со шрамом на лбу.

— Элли? — спросил он шепотом. — Вас зовут Элли, правда?

Ответа не было. Лицо исчезло. Осталась одна неприглядная куча штукатурки и кирпича.

Джейк опять посмотрел на розу и увидел теперь, что она не темно-красного цвета, что живет в самой сердцевине пылающей печи, а бледно-розового, словно присыпанного пылью. Очень красивая, но все-таки не совершенная. Кое-где лепестки пожухли и свернулись — их омертвевшие края побурели. Роза эта была не такая, какими обычно торгуют в цветочных лавках. Те выращивают специально, эта же была дикой.

— Ты очень красивая, — сказал он и протянул руку, чтобы снова ее коснуться.

И хотя не было ветра, роза склонилась навстречу его руке. Джейк лишь на мгновение прикоснулся к ее лепесткам — гладким, бархатистым и таким дивно живым, — и хор призрачных голосов стал будто громче.

— Тебе плохо, роза?

Ответа, конечно, он не получил. Едва он убрал руку, роза, склонившаяся к нему, снова качнулась и встала на прежнее

место — посреди залитой краской сорной травы в своем тихом, забытом великолепии.

Разве розы сейчас цветут? — удивился Джейк. — *Вроде бы еще рано. Впрочем, разве что дикие розы? Но почему эта дикая роза выросла на пустыре? И почему только одна? Почему нет других?*

Он так и стоял на четвереньках, завороженно глядя на розу, пока вдруг не сообразил, что может стоять так до самого вечера (если вообще не всю жизнь) и все равно не приблизится ни на йоту к разгадке тайны, в ней заключенной. В какой-то миг он увидел ее настоящую, как и все остальное на этой заброшенной, замусоренной площадке, — увидел ее без маски, без обманчивых покровов. Ему очень хотелось увидеть ее такой снова, но одного желания было мало.

Пора возвращаться домой.

Только теперь Джейк увидел, что те две книги, которые он купил утром в «Манхэттенском ресторане для ума», валяются тут же рядом. Он поднял их с земли. И тут из «Чарли Чу-Чу» выскользнул какой-то серебристый предмет и упал на траву. Джейк, стараясь не особенно напрягать больную ногу, нагнулся, чтобы поднять его. Хор голосов снова как будто стал громче, но лишь на мгновение, а потом опять замер на самом пороге слышимости.

— Значит, и это тоже было взаправду, — пробормотал Джейк себе под нос, провел большим пальцем по тупым зарубкам на ключе: по трем бесхитростным V-образным впадинкам и завитку в форме буквы «s» на конце — и, затолкав ключ поглубже в передний карман брюк, опять захромал к забору.

Он уже было собрался перелезать на ту сторону, как вдруг его озарила ужасная мысль.

Роза! А вдруг кто-то сюда забредет и сорвет ее?

Он так испугался, что даже невольно издал тихий стон. Повернувшись, он сразу увидел ее, хотя теперь розу накрыла тень от ближайшего здания, — бледно-розовый цветок в полумраке, ранимый, прекрасный и одинокий.

Я не могу бросить ее одну — я должен остаться, чтобы ее охранять!

Но тут в сознании его прозвучал голос, голос того человека, с которым он повстречался когда-то в пустыне, на заброшенной станции, в той, другой, странной жизни: *Никто не сорвет ее и не растопчет. Никто. Ни один варвар. Потому что тупые его глаза просто не вынесут вида ее красоты. Ей ничто не грозит. Она способна сама себя защитить от таких напастей.*

Джейк испытал неподдельное облегчение.

А можно мне снова прийти сюда и посмотреть на нее? — спросил он у этого голоса-призрака. — *Когда мне будет пло-*

22 Зак. 722

хо или если вернутся те голоса и снова станут меня донимать? Можно мне будет прийти сюда и посмотреть на нее, чтобы немного утешиться?

На этот раз голос ему не ответил. Джейк весь внутренне замер, прислушиваясь, но ничего не услышал. Засунув «Чарли Чу-Чу» и «Загадки» за пояс брюк — которые, как он теперь рассмотрел, были все в грязи и репейнике, — он схватился за край забора, подтянулся на руках и, перевалившись через верх, спрыгнул на тротуар Второй авеню, внимательно следя за тем, чтобы весь вес пришелся на здоровую ногу.

Движение на улице — и машин, и пешеходов — стало теперь оживленнее: закончился рабочий день, и все спешили по домам. Кое-кто из проходящих мимо с удивлением покосился на мальчика в грязных брюках, разорванном блейзере и расстегнутой рубашке, неуклюже перелезавшего через забор, но таких было немного. Люди в Нью-Йорке привыкли к тому, что периодически кто-то из горожан выкидывает, скажем так, странные номера.

Пару мгновений Джейк постоял на месте, преисполненный чувством потери. Постепенно до него дошло, что голоса, донимавшие его на протяжении трех недель и вдруг прекратившиеся сегодня, продолжали хранить молчание. Все-таки это уже кое-что.

Он поглядел на дощатый забор, и ему сразу бросился в глаза стишок, намалеванный красной когда-то краской. Может быть, потому, что теперь краска стала такого же цвета, как роза.

— «Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе, — пробормотал Джейк вслух. — Она держит мир у себя на спине». — Он невольно поежился. — Господи, ну и денек!

Оторвав взгляд от забора, он медленно захромал по направлению к дому.

19

Портье внизу, наверное, позвонил им в квартиру, как только Джейк вошел в подъезд: когда двери лифта раскрылись на пятом этаже, отец уже ждал его в холле. Элмер Чеймберз был в поношенных, вылинявших джинсах и ковбойских сапогах на высоких каблуках. Так его природные пять футов десять дюймов роста увеличивались до целых шести футов. Папа стригся «ежиком», и его черные волосы, как обычно, дыбом стояли на голове. Сколько Джейк себя помнил, отец всегда выглядел так, как будто он только что оправился от сильнейшего потрясения. Едва Джейк вышел из лифта, Чеймберз-старший схватил его за руку.

— Ты посмотри на себя! — Отец обвел Джейка внимательным взглядом, который охватывал все: и испачканное лицо, и грязные руки, и кровь, засохшую у него на виске и щеке, извозюканные брюки, разорванный блейзер и репейник, прилипший к галстуку точно диковинная авангардистская заколка. — Давай быстро домой! Где ты, черт возьми, шлялся? Твоя мать чуть с ума не сошла!

Не дав сыну и слова сказать в ответ, отец затащил Джейка в квартиру. В коридорчике между столовой и кухней стояла, словно бы дожидаясь Джейка, Грета Шоу. Она ободрила его осторожным сочувственным взглядом и исчезла, прежде чем «мистер» успел ее углядеть.

Мама сидела в своем кресле-качалке. Увидев Джейка, она поднялась — поднялась, *не вскочила,* равно как и не бросилась к сыну через весь холл, дабы покрыть его поцелуями и засыпать упреками. Заметив рассеянный мамин взгляд, Джейк решил, что с полудня она уже накачалась валиумом. Как минимум три таблетки. Может быть, все четыре. Его родичи — оба — свято верили в лучшую жизнь, достигаемую при посредстве высокоразвитой химии.

— У тебя *кровь!* Где ты был? — Вопрос был задан обычным голосом с хорошо поставленным произношением выпускницы колледжа Вассара. Можно было подумать, что она обращается просто к знакомому, с которым приключилось легкое ДТП.

— Я гулял, — сказал он.

Папа, теряя терпение, грубо его встряхнул. К такому Джейк не был готов. Он пошатнулся и тяжело наступил на поврежденную ногу. Ее снова пронзила боль, и Джейк вдруг взбесился. Отец ведь так взъелся не потому, что Джейк без всякого объяснения смылся из школы, оставив на парте дурацкое сочинение, — он психует из-за того, что сынок набрался наглости и нарушил ко всем чертям его драгоценный «режим».

До этого времени Джейк испытывал по отношению к отцу только три чувства: смущение, страх и своего рода робкую, стыдливую любовь. Теперь же он понял, что чувств было пять, но последние два, до поры подавляемые, проявились лишь сейчас. Гнев. Отвращение. И к этим новым, весьма неприятным чувствам примешивалась неизбывная тоска по родному дому — по его настоящему дому. Это чувство сейчас захватило его целиком, затуманив все другие. Он смотрел на пылающие щеки отца, на его вздыбившийся «ежик», но ему представлялся пустырь за дощатым забором. Ему так хотелось вернуться туда, чтобы смотреть на розу и слушать хор призрачных голосов. *Здесь все не мое,* думал он. *Отныне. Меня ждут другие дела. Вот только бы знать какие.*

— Отпусти меня, — выдавил он.

— Что ты сказал? — Глаза отца широко распахнулись от изумления. Сегодня, заметил Джейк, глаза его были буквально налиты кровью. Похоже, хорошо приложился к своему волшебному порошку. Сейчас, наверное, не самое лучшее время с ним препираться, но неожиданно Джейк осознал, что он все равно пойдет на конфликт. Он не позволит отцу обращаться с собой, как с мышью, попавшей в зубы кота-садиста. Только не сегодня. И, быть может, уже никогда. Джейк вдруг понял простую вещь. Причина его раздражения и гнева проста: он не может им *рассказать* о том, что с ним произошло — и продолжает происходить. Они сами закрыли все двери.

Но у меня есть ключ, вдруг подумалось Джейку. Он безотчетно потрогал его через ткань кармана и неожиданно вспомнил конец того странного стихотворения:

Если хочешь поиграть,
Приходи к ЛУЧУ опять.
Приходи к ЛУЧУ сегодня,
Будем прыгать и скакать.

— Я сказал: отпусти меня, — повторил он. — Я ногу подвернул. Ты мне делаешь больно.

— Я тебе сейчас сделаю по-настоящему больно, если ты не...

Джейк как будто почувствовал внезапный прилив некой силы. Он схватил руку, что сжимала его предплечье, и резко ее стряхнул. У папы челюсть отвисла.

— Я на тебя *не работаю,* — сказал Джейк. — Я твой *сын,* если ты помнишь. А если ты вдруг забыл, посмотри фотографию на своем столе.

Верхняя губа Чеймберза-старшего поползла вверх, обнажая безупречные зубы из лучшей металлокерамики. На две трети усмешка его состояла из изумления, но на одну треть — из ярости.

— Не смейте так со мной разговаривать, мистер... где, черт возьми, уважение к отцу?

— Даже не знаю. Наверное, я его потерял по дороге домой.

— Ты целый день где-то шлялся, без разрешения ушел, мать твою, а теперь стоишь тут и грубишь отцу...

— Прекратите! Вы оба! Немедленно прекратите! — воскликнула мама. Несмотря на громадную дозу транквилизатора, в ее голосе явственно слышались истеричные нотки. Казалось, она вот-вот расплачется.

Отец протянул было руку, собираясь опять схватить Джейка, но потом, кажется, передумал. Наверное, причиной тому послужила удивительная сила, с которой сын только ми-

нуту назад сбросил его — отца! — руку. Или причина была еще проще: взгляд Джейка.

— Я хочу знать, где ты был.

— Я сказал уже. Я гулял. И больше я вам *ничего* не скажу.

— Хрен моржовый! Сюда звонил ваш директор. И учитель французского *приходил*. Они оба хотели с тобой поговорить. Задать тебе пару вопросов! Я, черт возьми, тоже хочу задать тебе пару вопросов, и хочу, чтобы ты мне *ответил!*

— Ты весь грязный, — заметила мама и спросила едва ли не робко: — Тебя не ограбили, Джонни? Тебя что, избили... ограбили?

— Никто его не ограбил, — проревел Элмер Чеймберз. — Ты что, не видишь, часы на нем.

— Но у него же кровь.

— Да все нормально, мам. Это я просто ударился.

— Но...

— Я иду спать. Я ужасно устал. Если вы все же хотите об этом поговорить, то давайте утром, о'кей? Завтра, быть может, у нас получится. Но сегодня мне просто нечего вам сказать.

Отец шагнул к нему, протянув руку.

— *Нет, Элмер!* — Мама едва ли не закричала.

Но Чеймберз-старший пропустил ее реплику мимо ушей и схватил Джейка сзади за блейзер.

— Нет, ты так от меня не уйде... — начал было он, но Джейк резко развернулся и вырвался. Разошедшийся шов на правом рукаве с треском разъехался окончательно.

Под пылающим взглядом сына отец отступил. Лицо его, только что искаженное гневом, вдруг словно потухло, и на нем появилось теперь выражение, очень похожее на страх. «Пылающий взгляд» — это не просто метафора; глаза Джейка как будто действительно загорелись огнем. Мама бессильно вскрикнула, зажала рукой рот и, отступив на два шага, безвольно упала обратно в кресло-качалку.

— *Оставь... меня,* — отчеканил Джейк.

— Что с тобой *происходит?* — Теперь голос отца стал едва ли не грустным. — Что такое с тобой происходит? Ничего никому не сказав, ты уходишь из школы в первый экзаменационный день, являешься домой к ночи, весь грязный... и ведешь себя, будто ты спятил.

Вот оно — *и ведешь себя, будто ты спятил.* Этого он и боялся — с того самого дня, как возникли голоса три недели назад. Ужасного обвинения. Но теперь, когда это произошло, Джейк вдруг обнаружил, что оно не так страшно — вообще нестрашно, — может быть, потому, что сам для себя он уже все решил. Да, что-то с ним произошло. И все еще происходит. Но он не спятил. Нет. Во всяком случае, пока.

— Утром мы поговорим, — повторил он опять и направился через столовую в коридор. На этот раз отец не пытался его остановить. Остановил его обеспокоенный мамин голос:

— Джонни... с тобой все в порядке?

Что на это ответить? Да? Нет? Или — и да, и нет? Или — ни то, ни другое? Но голоса прекратились, а это уже кое-что. Сказать по правде, это уже немало.

— Мне уже лучше, — выдавил он наконец. Спустился вниз к себе в комнату и решительно закрыл за собой дверь. Этот звук захлопнувшейся за спиной двери, отгородившей его от всего мира, принес Джейку несказанное облегчение.

20

Он еще постоял у двери, прислушиваясь. Голос матери был едва различим. Голос отца раздавался чуть громче.

Мама что-то сказала насчет крови и доктора.

Отец сказал, что малыш в порядке. Единственное, что с ним не в порядке, так это словесный понос, но с этим он справится сам.

Мама что-то сказала о том, чтобы он успокоился.

Отец ответил, что он спокоен.

Мама сказала...

Отец ответил.

Она сказала... блам-блам-блам. Джейк по-прежнему их любил — несмотря ни на что, он был в этом уверен, — но теперь с ним случилось что-то, и это «что-то» влекло за собой неминуемую цепь событий, которым еще предстояло произойти.

Почему? Потому что с розой творилось что-то неладное. И еще, может быть, потому, что ему так хотелось играть, скакать и прыгать... и снова увидеть *его* глаза, голубые, как небо над дорожной станцией.

Джейк медленно подошел к столу, снимая на ходу блейзер. Пиджак являл собой плачевное зрелище: один рукав был оторван едва ли не полностью, подкладка свисала, как вялый парус в мертвый штиль. Повесив блейзер на спинку стула, Джейк уселся и выложил на стол две новые книги. Последние полторы недели он очень плохо спал, но сегодня, как ему казалось, он будет спать хорошо. Давно он так не уставал. Может быть, завтра утром, когда он проснется, он будет знать, что делать.

Раздался легкий стук в дверь. Джейк настороженно повернулся в ту сторону.

— Это миссис Шоу, Джон. Могу я войти на минутку?

Он улыбнулся. Миссис Шоу — ну конечно же. Родичи выслали ее посредником. Или, может быть, «переводчиком» будет более точно.

«Сходите к нему, — наверное, сказала мама. — Вам он расскажет, что с ним такое. Я — его мать, вот этот мужчина с налитыми кровью глазами и мокрым носом его отец, а вы — всего-навсего домоправительница, но вам он расскажет то, чего не расскажет нам. Потому что вы с ним общаетесь чаще, чем мы, и, может быть, вы говорите на его языке».

У нее будет поднос, подумал еще Джейк и, по-прежнему улыбаясь, пошел открывать дверь.

Миссис Шоу действительно держала поднос. На подносе были два сандвича, большой кусок яблочного пирога и стакан шоколадного молока. Она смотрела на Джейка с тревогой, словно бы опасаясь, что он набросится на нее и укусит. Джейк заглянул ей через плечо, но родителей поблизости не наблюдалось. Он представил себе, как они оба сидят в гостиной, беспокойно прислушиваясь.

— Я подумала, ты захочешь чего-нибудь перекусить, — сказала миссис Шоу.

— Да, спасибо. — Сказать по правде, ему ужасно хотелось есть; он с утра ничего не ел, только позавтракал. Он посторонился, освобождая проход. Миссис Шоу вошла в комнату (еще раз с опаской взглянув на него) и поставила поднос на стол.

— Ой, вы посмотрите! — Она взяла в руки «Чарли Чу-Чу». — У меня точно такая же книжка была, когда я была маленькой. Ты сегодня ее купил, Джонни?

— Да. Родители вас попросили узнать, где я был?

Она только молча кивнула. Не хитрила, не притворялась. Это ее работа. Как приготовить поесть или вынести мусор. *Можешь мне рассказать, если хочешь,* — говорило ее лицо. — *А можешь и промолчать. Ты мне нравишься, Джонни, я очень хорошо к тебе отношусь, но все это — только твои проблемы. Я всего лишь работаю здесь, а сегодня я и так задержалась на час сверх положенного.*

Это красноречивое выражение ее лица его не обидело. Наоборот, успокоило. Для него миссис Шоу была еще одним знакомым человеком, почти что другом, но все-таки не совсем... Но теперь Джейк подумал, что она чуточку ближе к определению «друг», чем кто-либо из его школьных приятелей, и много ближе, чем мама и папа. По крайней мере миссис Шоу была человеком честным. Она не пыталась как-то извернуться. Все это определялось счетом в конце каждого месяца, но, когда она делала сандвичи, она *всегда* срезала с хлеба корку.

Джейк схватил сандвич и откусил здоровенный кусок. С сыром и копченой колбасой. Его любимый. Еще одно очко в

пользу миссис Шоу: она знает все, что он любит. Вот мама, скажем, до сих пор пребывает в уверенности, что он любит кукурузу в початках и ненавидит брюссельскую капусту.

— Скажите им, что у меня все нормально. А папе еще передайте, что я извиняюсь за то, что ему нагрубил. Мне действительно очень жаль.

Если честно, он ни капельки не жалел об этом, но отцу нужно было одно — его извинение. И только. Когда миссис Шоу передаст ему слова Джейка, папа расслабится и снова станет твердить себе старую ложь: он исполнил отцовский свой долг, и теперь все хорошо. Все хорошо, прекрасная маркиза.

— Я немножечко, кажется, переучился, готовясь к экзаменам, — пробубнил он с набитым ртом, — и утром сегодня все это наконец проявилось. Я словно оцепенел. Мне нужно было немедленно выйти на воздух, иначе я бы, наверное, задохнулся. — Он прикоснулся к засохшей кровяной корке на лбу. — Что до этого, то скажите, пожалуйста, маме, ничего страшного, правда-правда. Меня не ограбили, не избили. Просто случайно ударился. Совершенно поглупому. Там какой-то рабочий толкал тележку, и я в нее въехал башкой. Получил всего-навсего пустяковую царапину. В глазах не двоится. Даже голова теперь не болит.

Миссис Шоу кивнула.

— Теперь я, кажется, понимаю... все эти пижонские школы с их высокими требованиями к ученикам и всем прочим. Ты немножечко испугался, Джонни. Ничего в этом стыдного нет. Но в последние пару недель ты действительно ходишь словно сам не свой.

— Теперь все будет в порядке. Мне только, наверное, придется переписать сочинение по английскому, но это...

— Ой! — воскликнула миссис Шоу, и на лице ее вдруг отразился испуг. Она положила на место «Чарли Чу-Чу» и повернулась к Джейку. — Я едва не забыла! Твой учитель французского приходил и оставил тебе записку. Сейчас принесу.

Она вышла из комнаты. Джейк надеялся, что не очень встревожил мистера Биссетта — тот был действительно классным мужиком, — но, наверное, все же встревожил, раз уж он заявился лично. Чтобы учитель доблестной школы Пайпера лично пришел домой к ученику... такое, должно быть, случается нечасто. Что там, интересно, в записке от мистера Биссетта? Джейк попробовал угадать. Скорее всего приглашение на беседу с мистером Хотчкиссом, школьным психиатром. Еще сегодня утром он бы, наверное, испугался. Но не сейчас.

Сейчас только роза имела значение.

Прикончив первый сандвич, Джейк набросился на второй. Миссис Шоу оставила дверь открытой, и он слышал, как она

говорила с родителями. Судя по голосам, они оба слегка успокоились. Джейк глотнул молока и взялся за яблочный пирог. Через пару минут вернулась миссис Шоу. С такой знакомой синей папкой в руках.

Джейк понял вдруг, что, как выясняется, он избавился не от всех своих страхов. Теперь и ученики, и учителя — все узнали, но сейчас поздно что-либо менять. Уже ничего не исправишь. Однако это не значит, будто ему очень приятна мысль, что все теперь знают: Джейк Чеймберз рехнулся. Что все о нем шепчутся.

Сверху к папке канцелярской скрепкой был прикреплен небольшой белый конверт. Джейк вытащил его и, открывая, взглянул на миссис Шоу.

— Как там родители?

Она улыбнулась.

— Твой папа велел мне спросить, почему ты просто ему не сказал, что у тебя обычный экзаменационный мандраж. Он признался, что с ним тоже такое бывало, когда он учился в школе.

У Джейка челюсть отвисла. Отец никогда не принадлежал к тому сорту людей, которые предаются воспоминаниям, начинающимся со слов: «Знаешь, когда я был маленьким...» Джейк попытался представить себе отца мальчишкой с тяжким клиническим случаем экзаменационного мандража, но ничего у него не вышло — он сумел только вызвать весьма неприглядный образ сварливого карлика в свитерочке с эмблемой Пайпера, в сделанных на заказ ковбойских сапогах, с черными волосами «ежиком», торчащими во все стороны.

Записку, как выяснилось, написал сам мистер Биссетт:

Дорогой Джон.

Бонни Эйвери мне сказала, что ты ушел прямо с экзамена. Она очень за тебя переживает, и я тоже переживаю, хотя мы оба не раз наблюдали подобное, и особенно во время экзаменов. Хочу тебя попросить. Завтра, когда придешь в школу, сразу зайди ко мне, хорошо? Не бывает неразрешимых проблем. Вместе мы все решим. Если тебя угнетают экзамены — а я хочу повторить, что такое случается повсеместно, — можно будет устроить так, чтобы их перенесли. Самое главное — это твое здоровье. Позвони мне сегодня вечером, если захочешь. Мой телефон: 555-7661. До полуночи я буду ждать твоего звонка.

Знай, что ты всем нам очень симпатичен и что мы на твоей стороне.

A votre sante,
Х. Биссетт

* * *

Джейку хотелось расплакаться. Значит, кому-то он небезразличен, и это здорово. Мистер Биссетт прямо об этом пишет. Но было в записке еще кое-что, невысказанное, хотя от этого не менее замечательное: теплота, и сочувствие, и еще искренняя попытка понять и утешить.

Внизу была нарисована небольшая стрелка. Джейк перевернул листок и прочитал:

Да, кстати, Бонни Эйвери просила меня передать тебе это — прими поздравления!

Поздравления? Что, черт возьми, все это значит?

Он раскрыл синюю папку. К первой странице его сочинения был прикреплен скрепкой листок бумаги. Бланк с надписью: КАБИНЕТ БОНИТЫ ЭЙВЕРИ. С нарастающим изумлением Джейк прочел аккуратные строчки слегка заостренных букв, написанных авторучкой:

Джон!

Харви, я в этом не сомневаюсь, выразит наше всеобщее беспокойство — а он это умеет, — поэтому позволь мне сразу же перейти к твоему экзаменационному сочинению. Я прочла его и выставила оценку во время первого же «окна». Сочинение поразительно оригинальное, самобытное и превосходит все ученические работы, которые мне доводилось читать за последние несколько лет. Это твое нагнетание повтора («вот правда», «и это правда») — очень живой прием, но прием — он и есть прием. Истинная ценность сочинения, как мне показалось, в его символическом плане, определяемом поначалу двумя зрительными картинками — двери и поезда — на титульном листе и находящем блестящее развитие дальше, уже непосредственно в тексте. Символический план достигает своего логического завершения в зрительном образе «Темной Башни», который я понимаю как твое утверждение того, что общепринятые устремления не только фальшивы, но и опасны.

Я не претендую на понимание всех символов (например, «Госпожа Теней» или «стрелок»), но по прочтении становится ясно, что сам себя ты видишь «Узником» (школы, общества и т.д.), а всю систему образования — «Говорящим Демоном». Быть может, «Роланд» и «стрелок» — одна и та же фигура, наделенная неограниченной властью? М.б., это твой отец? Меня до того заинтриговала такая возможность, что я даже специально поинтересовалась в досье, как зовут твоего отца. Оказалось, что Элмер, но я также заметила, что средний инициал между его именем и фамилией — Р.

Я нахожу данный образ предельно дерзким и вызывающим. Или, может быть, это имя — некий двойной символ, образ,

навеянный одновременно фигурой отца и поэмой Роберта Браунинга «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»? Большинству наших учеников я даже не стала бы задавать этот вопрос, но я знаю твою страсть к чтению!

Во всяком случае, твое сочинение произвело на меня неизгладимое впечатление. Ученики средних классов часто, случается, обращаются к форме так называемого потока сознания, но им очень редко удается этот поток контролировать. Ты же проделал выдающуюся работу по соединению приема потока сознания с языком символов.

Браво!

Свяжись со мной, когда решишь «вернуться», — хочется обсудить с тобой возможность опубликования твоего сочинения в первом выпуске ученического литературного журнала на будущий год.

Б. Эйвери

P.S. Если сегодня ты ушел с экзамена из-за того, что тебе вдруг показалось, будто я не способна понять сочинение такой неожиданно богатой образности, надеюсь, мне удалось рассеять твои сомнения.

Джейк открепил листок, открыв титульный лист поразительно оригинального и богатого образами сочинения. Там, обведенная красным кружком, стояла оценка мисс Эйвери: А+*. Ниже она написала еще: ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!

Джейк рассмеялся.

Весь сегодняшний день — этот долгий, ужасный, запутанный, опьяняющий, страшный, загадочный день — свелся к приступу безудержного, раскатистого смеха. Джейк повалился на стул, запрокинув голову и прижав обе руки к животу. Из глаз брызнули слезы. Он смеялся до хрипоты и уже почти было прекращал хохотать, когда его взгляд случайно падал на какую-нибудь строку из доброжелательного критического разбора мисс Эйвери, и он заливался по новой. Он не заметил даже, как отец подошел к его двери, постоял там, озадаченно и настороженно глядя на сына, и ушел, покачав головой.

Наконец Джейк начал осознавать, что миссис Шоу так и сидит у него на кровати, глядя на него с этакой дружелюбной беспристрастностью, за которой едва проглядывало неподдельное любопытство. Он попытался заговорить, но слова утонули в новом взрыве смеха.

Надо бы прекратить, — сказал он себе. — *Иначе я просто умру. У меня будет удар, или сердечный приступ, или что там еще бывает...*

---

* А — высшая отметка в американских школах

А потом ему вдруг подумалось: *Интересно, а что она вывела из «чу-чу, чу-чу»?* — И он опять разразился смехом.

Наконец спазмы смеха начали потихоньку сходить на нет, сменяясь нервным хихиканьем. Джейк вытер слезящиеся глаза и сказал:

— Извините, миссис Шоу, — это просто... ну... я получил за свое экзаменационное сочинение «А с плюсом». Оно очень богато... об... образно...

Он не сумел закончить. Его опять согнуло пополам от смеха. Снова пришлось схватиться руками за живот — он болел нестерпимо.

Миссис Шоу встала на ноги, улыбаясь.

— Замечательно, Джон. Я очень рада, что все так хорошо повернулось, и я уверена, что твои папа с мамой тоже будут довольны. Уже очень поздно... придется, наверное, сказать портье, чтобы он вызвал мне такси. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, миссис Шоу, — не без усилия выдавил Джейк, стараясь сдержать приступ смеха. — Спасибо вам.

Как только миссис Шоу вышла за дверь, он снова расхохотался.

21

В течение следующего получаса к нему — по отдельности — заглянули родители. Они оба действительно поутихли, а «А с плюсом» за сочинение, похоже, еще прибавило им спокойствия. Когда они заходили, Джейк сидел за столом, якобы глядя в открытый учебник французского. На самом деле он, ясное дело, туда не смотрел и смотреть не желал. Он ждал, когда папа с мамой уйдут и он наконец сможет спокойно рассмотреть книги, которые купил сегодня. Ему не давала покоя мысль, что *настоящий* экзамен еще впереди. Ему надо сдать его — обязательно. Во что бы то ни стало!

Где-то в четверть десятого к нему в комнату заглянул отец — минут через двадцать после того, как ушла мама, которая пробыла у него недолго и так ничего толком и не сказала. В одной руке Элмер Чеймберз держал сигарету, в другой — стакан с остатками виски. Вид у него был не просто спокойным, а прямо-таки блаженным. *Может быть,* равнодушно подумал Джейк, *папа сделал неслабый набег на мамины залежи валиума.*

— С тобой все в порядке, малыш?

— Да. — Для папы он снова стал маленьким славным мальчиком, который всегда держит себя в руках. Теперь, когда он смотрел на отца, глаза его больше не пылали. Это были обычные, матовые, без блеска, глаза.

— Я хотел сказать, ты прости, что так получилось. Не сердись на меня, хорошо? — Папа вообще не умел извиняться. Он это делал нечасто, и получалось у него плохо. Джейку даже стало немного его жалко.

— Да все нормально.

— Тяжелый день, — сказал папа, сделав неопределенный жест рукой с пустым стаканом. — Может, просто забудем о том, что было? — Он произнес это так, как будто сия великая и логичная мысль только-только пришла ему в голову.

— Я уже все забыл.

— Хорошо. — В папином голосе явственно слышалось облегчение. — Тебе, по-моему, пора спать. Завтра утром тебе предстоит объясняться, да и экзамены в самом разгаре.

— Да, — сказал Джейк. — Как мама?

— Отлично. Отлично. Я иду к себе в кабинет. Много накопилось работы.

— Папа?

Отец настороженно оглянулся.

— А у тебя какое второе имя?

По выражению папиного лица Джейк понял, что отец лишь взглянул на оценку, не удосужившись даже прочесть сочинение, не говоря уже о записке от мисс Эйвери.

— У меня его нет. Просто инициал, как у Гарри С. Трумэна. Только у меня — Р. А что это ты вдруг спросил?

— Просто так, любопытно.

Ему удалось сохранить спокойствие, пока отец не ушел... но как только за папой закрылась дверь, Джейк упал на кровать и зарылся лицом в подушку, чтобы заглушить очередной приступ неудержимого смеха.

22

Когда Джейк убедился, что приступ прошел (хотя в горле еще щекотало и иной раз остатки смеха прорывались наружу), а папа вплотную засел у себя в кабинете со своими неизменными сигаретами, виски, бумагами и небольшим пузырьком белого порошка, он вернулся за стол, включил лампу и открыл «Чарли Чу-Чу». Мельком глянув на страницу с выходными данными, он обнаружил, что в первый раз книжка вышла в 1952-м, а он сегодня себе приобрел экземпляр четвертого издания. Джейк заглянул в конец, но не нашел никакой информации об авторе Берил Эванз.

Вернувшись к началу, Джейк внимательно рассмотрел картинку — улыбающийся светловолосый мужчина с гордым видом выглядывает из кабины старомодного паровоза — и начал читать.

«Боб Брукс служил машинистом в железнодорожной компании «Срединный мир», на линии Сент-Луис — Топика. Такого хорошего машиниста не было больше нигде. Он был лучшим, а Чарли был лучшим из поездов!

Чарли «Большой Мальчик-402» — это, к вашему сведению, паровоз. И паровоз, надо сказать, с характером. Только машинист Боб имел право сидеть у него в кабине и давать гудок. Каждый знал, как гудит гудок Чарли — ВУУУ-УУУУ, — и когда он разносился веселым эхом над степями Канзаса, всякий, кто слышал его, говорил:

«Это едет наш Чарли, и с ним машинист Боб. Быстрее их нет никого между Сент-Луисом и Топикой!»

Только заслышав гудок, ребятня высыпала во двор, чтобы в который раз поглядеть, как Чарли и машинист Боб проносятся мимо. Машинист Боб всегда улыбался детишкам и махал им рукой. Дети тоже ему улыбались и махали в ответ.

Машинист Боб знал один секрет. Он, единственный из людей, знал, что Чарли Чу-Чу живой. То есть по-настоящему. Однажды, когда они возвращались из Топики в Сент-Луис, машинист Боб услышал, как кто-то поет, очень тихо, почти неслышно.

— А ну, кто здесь со мной в кабине? — строго спросил машинист».

— Тебе бы надо сходить к психиатру, машинист Боб, — пробормотал Джейк, переворачивая страницу. На следующей картинке машинист Боб, наклонившись над автоматической топкой Чарли Чу-Чу, с любопытством заглядывал под нее. *Интересно,* подумалось Джейку, *а кто ведет поезд и смотрит, чтобы коровы* (не говоря уже о ребятишках) *случайно не выскочили на пути, пока Боб ищет «зайцев» в кабине. Как видно, знания Берил Эванз о поездах были крайне скудны.*

«Не волнуйся, — раздался вдруг тихий и хрипловатый голос. — Это всего лишь я.

— Кто это — я? — переспросил машинист Боб все тем же суровым, серьезным голосом. Потому что он по-прежнему думал, что кто-то решил над ним подшутить.

— Чарли, — сказал тихий хрипловатый голос.

— Как бы не так! — сказал Боб. — Поезда не разговаривают человеческим голосом! Я, может быть, много чего не знаю, но уж это я знаю точно! Если ты Чарли, тогда давай сам погуди в свой гудок, ты это должен уметь!

— Ну конечно! — сказал тихий хрипловатый голос, и тут же раздался веселый гудок, прокатившийся эхом над простором Миссури: ВУУУ-УУУУ.

— Батюшки! — воскликнул машинист Боб. — Это *действительно* ты!

— Я же тебе говорил, — сказал Чарли Чу-Чу.

— Почему же я раньше не знал, что ты живой? — спросил машинист Боб. — Почему ты со мной никогда не разговаривал?

И тогда Чарли Чу-Чу пропел Бобу песенку своим тихим хрипловатым голосом:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик,
И таким навсегда останусь.

Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не пробьет мой час.

— А ты будешь еще со мной разговаривать? — спросил Боб. — Мне бы очень хотелось.

— Мне тоже, — сказал Чарли. — Ты мне нравишься, машинист Боб.

— Ты тоже мне нравишься, Чарли, — сказал машинист Боб и теперь уже сам дал гудок, просто чтобы показать, как он счастлив.

ВУУУ-УУУУ! Так громко и весело Чарли еще *никогда* не гудел, и все, кто слышал гудок, вышли на улицу — посмотреть».

Иллюстрация к этим последним словам повторяла рисунок с обложки. На всех предыдущих картинках (исполненных в грубой, чуть примитивной манере, которая напоминала рисунки из любимой «младенческой» книжки Джейка «Майк Маллиган и его паровая машина») паровоз был всего-навсего паровозом — бездушной штуковиной, хотя и, безусловно, интересной для мальчишек 50-х, для которых, собственно, и предназначалась книжка. А на этой, последней картинке паровоз приобрел явные человеческие черты. Глаза, рот, улыбка. Джейку опять стало жутко, несмотря на улыбку Чарли и на весьма неуклюжий слог этого в общем-то милого рассказа.

Он не доверял этой улыбке.

Джейк открыл свое экзаменационное сочинение и пробежал глазами по строчкам. *Я уверен, что Блейн опасен,* — прочел он. — *И это правда.*

Он закрыл папку, на мгновение задумался, барабаня пальцами по столу, потом снова взялся за «Чарли Чу-Чу».

«Машинист Боб и Чарли провели вместе много счастливых дней, о многом успели поговорить. Машинист Боб жил один, и Чарли стал ему настоящим другом — первым с тех давних пор, как жена Боба умерла в Нью-Йорке.

Но однажды, когда Боб с Чарли вернулись к себе в депо в Сент-Луисе, на месте стоянки Чарли их поджидал новенький тепловоз. И какой еще тепловоз! 5000 лошадиных сил! Сцепки из нержавеющей стали! Моторы из Ютики, штат Нью-Йорк, изготовленные на специальном заводе! А наверху, сразу за генератором, торчали три ярко-желтых вентилятора для охлаждения радиатора.

— Это что? — встревоженно спросил машинист Боб, но в ответ Чарли только пропел свою песенку, и голос его был совсем-совсем тихим и хриплым, как никогда:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик,
И таким навсегда останусь.

Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не пробьет мой час.

Тут подошел мистер Бриггз, начальник депо.

— Это очень красивый тепловоз, мистер Бриггз, — сказал машинист Боб, — но вам придется убрать его с места Чарли. Чарли нуждается в профилактике, его нужно смазать — и прямо сегодня.

— Чарли больше не нужно смазывать, машинист Боб, — с грустью проговорил мистер Бриггз. — Ему на замену прислали вот этот новенький тепловоз, Берлингтон-Зефир. Когда-то Чарли был лучшим локомотивом в мире, но теперь он состарился и котел у него подтекает. Боюсь, Чарли пришло время уйти на покой.

— Ерунда! — Машинист Боб буквально вышел из себя! — Чарли еще полон сил! Я срочно пошлю телеграмму в главное ведомство железнодорожной компании «Срединный мир»! Я самому президенту пошлю телеграмму, мистеру Раймонду Мартину! Я его знаю — он вручал мне награду за хорошую службу, а мы потом с Чарли катали его дочурку. Я дал еще ей погудеть, и Чарли старался — гудел для нее громко-громко!

— Мне очень жаль, Боб, — сказал мистер Бриггз, — но это сам мистер Мартин и заказал новый тепловоз.

И он не соврал. Так оно все и было. И Чарли Чу-Чу отогнали в самый дальний конец депо Сент-Луиса, где он тихо ржавел в сорняках. Теперь на путях между Топикой и Сент-Луисом раздавалось уже не привычное ВУУУ-УУУУ, а УУУХХХ-УУУХХХ! нового Берлингтон-Зефира. Чарли больше уже не гудел. Мыши свили гнездо на сиденье в кабине, где когда-то так гордо сидел машинист Боб, глядя на проносящийся мимо пейзаж; а в трубе теперь жили ласточки. Чарли было очень грустно и одиноко. Он скучал по стальным путям, и по яркому синему небу, и по безбрежным просторам степей. Иногда, поздно ночью, он думал об этом и тихо плакал темными масляными слезами. От слез заржавел его головной прожектор, но Чарли было уже все равно, потому что теперь прожектор уже не включали.

Мистер Мартин, президент железнодорожной компании «Срединный мир», написал в Сент-Луис письмо и предложил машинисту Бобу перейти на новый Берлингтон-Зефир. «Это очень хороший локомотив, машинист Боб, — писал мистер Мартин. — Новенький, полный сил. Только представьте себе, как вы его поведете! Это машина для вас. Из всех машинистов «Срединного мира» вы — лучший. Моя дочка Сюзанна просила вам передать, что она не забыла, как вы разрешили ей погудеть в гудок Чарли».

Но машинист Боб ответил на это, что, если ему нельзя больше ездить с Чарли, он вообще прекращает водить поезда. «Я не сумею понять этот новенький чудный тепловоз, — написал он в ответ, — а он не сумеет понять меня».

Боб устроился чистить моторы в сент-луисском депо. Он был машинистом, а теперь сделался чистильщиком. Так к нему и обращались: чистильщик Боб. Другие же машинисты, водившие новые дизельные поезда, иной раз подсмеивались над ним. «Вы посмотрите на этого старого дуралея! — так они говорили. — Он не может понять простой вещи, что мир изменяется, мир не стоит на месте!»

Иногда, поздно ночью, машинист Боб приходил потихонечку в дальний конец депо, где стоял Чарли Чу-Чу на ржавых рельсах запасных путей, которые стали теперь его домом. Его колеса опутали сорняки; головной прожектор проржавел и стал совсем-совсем темным. Машинист Боб всегда разговаривал с Чарли, но Чарли все реже и реже ему отвечал. Бывало, Чарли молчал в течение многих ночей подряд.

И вот однажды, одной такой ночью, Бобу пришла в голову страшная мысль. «Чарли, ты что, умираешь?» — спросил он, и Чарли ответил, совсем-совсем тихо и хрипло:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик,

И таким навсегда останусь.
Но теперь, когда больше уже нельзя
Мчаться под синим небом, как в первый раз,
Тут, наверно, тихонько зачахну я,
И скоро пробьет, чу-чу, мой час.

Джейк долго смотрел на картинку, иллюстрирующую этот не совсем неожиданный поворот событий. При всей грубости исполнения рисунок все-таки отражал настроение отрывка. Чарли выглядел старым, заброшенным и несчастным. Машинист Боб стоял с таким видом, как будто он только что потерял лучшего друга — последнего друга, который, согласно рассказу, у него еще оставался в жизни. Джейк представил себе, как, дочитав до этого места, дети по всей Америке сокрушаются и горюют, и ему вдруг пришло в голову, что в детских книжках на удивление *много* подобных вещей — вещей, которые задевают и ранят чувства. Гензель и Гретель, потерявшиеся в лесу. Олениха, мама Бэмби, убитая охотником. Смерть Старого Крикуна. Детей легко напугать и задеть, легко заставить их плакать, и подобный подход, кажется, породил во многих писателях странное увлечение садизмом... включая, как видно, и Берил Эванз.

Но внезапно Джейк понял, что *его* не гнетет и совсем не печалит «высылка» Чарли на заросший сорной травой пустырь в самом глухом уголке депо в Сент-Луисе. Наоборот. *Хорошо,* думал он. *Там ему самое место. Он потому что опасен. Пусть там себе и гниет. И слезам его веры нет... «Крокодиловы слезы», так их, кажется, называют.*

Дальше он читал быстро, по диагонали. Разумеется, все закончилось хорошо, хотя в детской памяти этот момент отчаяния в самом глухом уголке депо останется, без сомнения, гораздо дольше, чем счастливый конец, — таково вообще свойство памяти, и тем более детской: помнить плохое и забывать о хорошем.

Мистер Мартин, президент железнодорожной компании «Срединный мир», лично приехал с Сент-Луис, чтобы посмотреть, как там идут дела. Помимо этого, он собирался съездить на новеньком Берлингтон-Зефире в Топику, где его дочка, ставшая пианисткой, давала в тот вечер свой первый сольный концерт. Только Зефир завести не сумели. Похоже, в топку попала вода.

(Это, случайно, не ты налил воду в дизельный бак, машинист Боб? — спросил себя Джейк. — *Зуб даю, это ты, старина!)*

А все остальные поезда были в рейсе! Что же делать?

«Кто-то легонько подергал мистера Мартина за руку. Это был чистильщик Боб, только он не был сейчас похож

на чистильщика моторов. Он снял свой рабочий комбинезон, забрызганный маслом, и надел чистую спецодежду и свою старую фуражку машиниста.

— Чарли здесь, на запасном пути, — сказал он. — Он довезет вас до Топики, мистер Мартин. И вы успеете на концерт вашей дочки, Чарли всегда и везде успевал.

— Этот древний паровоз? — усмехнулся мистер Мартин. — Да он и до завтрашнего утра не доберется до Топики.

— Нет, Чарли сможет! — настаивал машинист Боб. — Я знаю, он сможет! Ведь ему не придется тащить вагоны! Понимаете, я в свободное время чистил ему двигатель и котел, так что он готов ехать.

— Ладно, давайте попробуем, — сказал мистер Мартин. — Мне было бы жаль пропустить первый концерт Сюзанны!

Чарли действительно был готов: машинист Боб наполнил тендер свежим углем, бока раскаленной топки аж раскраснелись от жара. Боб помог мистеру Мартину подняться в кабину и впервые за долгие годы вывел Чарли со ржавых запасных путей на основную магистраль. Разогнавшись, он потянул за веревку гудка, и Чарли выдал свой прежний бодрый и смелый клич: ВУУУ-УУУУ.

Услышав знакомый гудок, детишки всего Сент-Луиса высыпали на улицу, чтобы поглядеть на ржавый и старенький паровоз, который снова отправился в путь по рельсам.

— Смотрите! — кричали они. — Это Чарли! Чарли Чу-Чу вернулся! Ура-а-а!

Они все махали ему руками, а Чарли, пуская веселые струйки пара, выехал из городка и помчался вперед, набирая скорость и гудя в свой гудок. Сам, как в прежние времена: ВУУУУУ-УУУУУУУУУУУ!

Чух-чух, — выбивали колеса Чарли!

Пух-пух, — пыхтел дым в трубе!

Вжих-вжих, — тарахтел транспортер, доставляющий уголь в топку!

Снова вперед! Полный сил! Гип-гип-ура! Тру-ля-ля! Никогда раньше Чарли не ездил так быстро! Пейзаж проносился мимо одной расплывчатой полосой! По сравнению с Чарли машины, несущиеся по шоссе 41, казалось, стояли на месте!

— О-го-го! — вскричал мистер Мартин, подбросив в воздух шляпу. — Вот это я понимаю, Боб, всем локомотивам локомотив! И почему мы списали его, не знаю! Как вам удается подавать уголь на транспортер при такой скорости?

Машинист Боб лишь улыбнулся в ответ; он-то знал, что Чарли *сам загружает топку.* А за *чух-чух, пух-пух* и *вжих-вжих* он еще различал прежнюю песенку Чарли, его тихий хрипловатый голос:

Не задавай мне дурацких вопросов,
В дурацкие игры я не играюсь.
Я простой, чу-чу, паровозик,
И таким навсегда останусь.

Только мчаться вперед я хочу
Под небом синим, как в первый раз,
И быть паровозом счастливым, чу-чу,
Пока не пробьет мой час.

Чарли доставил мистера Мартина в Топику вовремя, тот (*конечно*) успел на концерт своей дочки, и Сюзанна ужасно обрадовалась (*конечно*), увидев старого друга Чарли, а потом они все вместе вернулись в Сент-Луис, и всю дорогу Сюзанна гудела в гудок. Мистер Мартин предложил Чарли и Бобу работу — катать ребятишек в новеньком парке аттракционов «Срединный мир», что в Калифорнии, и там они пребывают и по сей день, катают смеющихся ребятишек туда-сюда по волшебному миру, сотканному из огней, музыки и здорового, доброго веселья. Машинист Боб стал седым, и Чарли уже не такой разговорчивый, как бывало, но оба еще полны сил, и иной раз детишки слышат, как Чарли поет свою песню тихим хрипловатым голосом.

КОНЕЦ

— Не задавай мне дурацких вопросов, в дурацкие игры я не играюсь, — пробормотал Джейк, разглядывая последнюю картинку. На ней Чарли Чу-Чу тащил за собой два пассажирских вагончика, набитых смеющимися и довольными детьми, от «русских горок» до «чертова колеса». В кабине, понятно, сидел машинист Боб, тянул за веревку гудка и улыбался — счастья полные штаны. Предполагалось, наверное, что улыбка его выражает великую радость, но Джейку она показалась ухмылкой безумца. Оба — и Чарли, и машинист Боб — походили на сумасшедших... И чем дольше Джейк вглядывался в лица детей на картинке, тем явственнее ему казалось, что за довольным их выражением проглядывает гримаса ужаса. *Остановите, пожалуйста, этот поезд,* — словно бы говорили эти лица. — *Мы хотим сойти с этого живого паровоза. Пожалуйста.*

И быть паровозом счастливым, чу-чу, пока не пробьет мой час.

Джейк закрыл книгу и задумчиво на нее уставился. Потом, выждав какое-то время, открыл ее снова, взял ручку и принялся обводить в тексте слова и фразы, которые как будто притягивали его сами.

Железнодорожная компания «Срединный мир»... машинист Боб... тихий хрипловатый голос... ВУУУ-УУУУ... настоя-

щий друг — первый с тех давних пор, как жена Боба умерла в Нью-Йорке... мистер Мартин... мир меняется, мир не стоит на месте... Сюзанна...

Джейк отложил ручку. *Почему* эти слова и фразы притягивают его? Насчет Нью-Йорка еще понятно, но остальные? И уж если на то пошло, почему *эта книжка?* Одно он знал твердо: ему было нужно иметь ее у себя. Если бы сегодня у него в кошельке не оказалось денег, он бы, наверное, просто схватил ее и убежал. *Но почему?* У него возникло странное ощущение, будто он — стрелка компаса. Стрелка не знает, где север и почему ее тянет в том направлении, нравится это ей или нет, она просто указывает туда. И по-другому она не может.

Сейчас Джейк уверен был только в одном: он ужасно устал. Если он в скором времени не переберется в постель, то уснет прямо здесь, за столом. Он уже снял рубашку, и тут его взгляд снова упал на обложку «Чарли Чу-Чу».

Эта улыбка. Он ей не доверял.

Ну ни капельки.

23

Джейк надеялся, что уснет тут же, как только ляжет, но сон не пришел. Вместо сна возвратились те жуткие голоса и снова затеяли свой бесконечный спор, умер он или нет. Они не давали ему заснуть. Наконец он не выдержал: сел на постели, крепко зажмурил глаза и сжал кулаками виски.

Прекратите! — выкрикнул он про себя. — *Прекратите немедленно! Вы молчали весь день, так что молчите и дальше!*

Я замолчу, если он согласится со мной, что я умер, — рассерженно выдал один.

Я замолчу, если он соизволит взглянуть вокруг и признать, что я, черт возьми, очень даже живой, — отозвался второй.

Джейк не мог уже сдерживать крик — он встал комом в горле, как спазм тошноты. Еще немного, и он прорвется... Джейк решительно открыл глаза. Его взгляд случайно упал на брюки, небрежно брошенные на спинку стула, и внезапно ему пришла в голову одна мысль. Он встал с постели и залез в правый передний карман брюк.

Серебряный ключ никуда не делся. Он был по-прежнему там. И как только Джейк прикоснулся к нему, голоса затихли.

Скажи ему, вдруг подумалось Джейку, хотя он понятия не имел, кому это надо сказать. *Скажи ему, пусть возьмет ключ. Стоит только взять ключ, и голоса умолкнут.*

Он вернулся в постель, не прошло и трех минут, как он заснул, сжимая ключ в кулаке.

Глава III
ДВЕРЬ И ДЕМОН

1

дди уже засыпал, как вдруг у него над ухом раздался явственный голос: *Скажи ему, пусть возьмет ключ. Стоит только взять ключ, голоса умолкнут.*

Он рывком сел, бешено оглядываясь по сторонам. Рядом с ним крепко спала Сюзанна. Значит, это не она.

И похоже, никто другой. Они уже восемь дней шли по лесу по «дорожке» Луча и остановились в ту ночь на дне глубокой расщелины в небольшой и закрытой со всех сторон долине. Слева бурлила лесная речка. Текла она в ту же сторону, куда держала путь наша тройка: на юго-восток. Справа местность резко шла вверх крутым склоном, густо заросшим сосной и елью. Пустынный край. Никого. Только Сюзанна, спящая рядом. И бодрствующий Роланд, сидящий на берегу лесной речки, у самой воды, кутаясь в одеяло и глядя во тьму.

Скажи ему, пусть возьмет ключ. Стоит только взять ключ, голоса умолкнут.

Эдди задумался в нерешительности, но всего лишь на мгновение. Рассудок Роланда сейчас балансировал на зыбкой грани и явно клонился не в ту сторону. И, что хуже всего, никто не знал этого лучше, чем сам Роланд. На данном этапе Эдди уже был готов ухватиться за любую — любую! — соломинку.

Он залез под импровизированную подушку из сложенной в несколько раз оленьей шкуры и достал маленький сверток. Подходя к Роланду, Эдди встревожился не на шутку: стрелок не заметил его, пока он не встал в четырех шагах от его неприкрытой спины. А ведь было такое время — и не так, между прочим, давно, — когда Роланд узнавал о том, что Эдди проснулся, еще до того, как тот успевал сесть. Просто по звуку дыхания.

Даже тогда, на морском берегу, он держался лучше, а ведь в те дни он кончался от яда этой омарообразной твари, его укусившей, угрюмо подумал Эдди.

Роланд наконец повернулся к нему. Глаза у стрелка блестели, и это был блеск усталости и боли. Но тут присутствовало еще кое-что. За блеском в глазах Роланда Эдди не видел, но чувствовал нарастающее смятение, грозившее уже наверняка обернуться безумием, если и дальше ничего не предпринимать. Сердце Эдди защемило от жалости.

— Не спится? — спросил Роланд. Он говорил очень медленно, словно через силу.

— Я вроде уже засыпал, но потом вдруг проснулся. Послушай...

— По-моему, я скоро умру. — Роланд поднял глаза на Эдди. Теперь глаза его больше не сияли. Они походили на два глубоких, темных, будто бездонных, колодца. Смотреть в эти глаза было жутко. Эдди невольно поежился, не столько даже от слов Роланда, сколько от этого странного и пустого взгляда. — И знаешь, Эдди, что я надеюсь найти там, в конце, куда сходятся все пути?

— Роланд...

— Тишину. — Роланд устало вздохнул. — Просто тишину. Этого будет достаточно. Чтобы все это... кончилось.

Он сжал кулаками виски, и Эдди подумалось вдруг: *Я недавно уже это видел. Точно такой же жест. Сжатые кулаками виски. Только я видел кого-то другого. Кого? Где?*

Бред какой-то. Уже месяца два он вообще никого не видел, кроме Роланда и Сюзанны. Но все равно ощущение было подлинным.

— Роланд, я тут кое-что делаю, — сказал Эдди.

Роланд кивнул. Его губы тронула призрачная улыбка.

— Я знаю. И что же? Ты уже можешь раскрыть свой секрет?

— Он тоже, наверное, как-то связан с этим *ка-тетом.*

Пустота в глазах Роланда тут же сменилась задумчивостью. Он внимательно поглядел на Эдди, но ничего не сказал.

— Вот смотри. — Эдди принялся разворачивать сверток.

Ни к чему хорошему это не приведет! — прорвался внезапно голос Генри. Такой громкий и явственный, что Эдди невольно сморщился. — *Просто поделка дурацкая — идиотская деревяшка! Да он со смеху лопнет, когда увидит! Над тобой же и будет смеяться! Скажет: «Нет, вы поглядите только! Наш малявка чего-то там выстругал?»*

— Заткнись, — буркнул Эдди себе под нос.

Стрелок в недоумении приподнял брови.

— Это я не тебе.

Роланд кивнул, как будто ни капельки не удивившись.

— Твой брат часто тебя донимает, да, Эдди?

Эдди на мгновение застыл, изумленный. Он даже про сверток забыл. А потом все-таки улыбнулся, однако улыбка вышла не слишком приятной.

— Теперь реже, чем раньше, Роланд. Спасибо, Господи, и за малые милости.

— Да, — сказал Роланд. — Слишком много их, голосов, тяжким грузом лежащих на сердце... ну да ладно, что там у тебя, Эдди? Пожалуйста, покажи.

Эдди достал ясеневый брусок. Почти законченный ключ выступал из куска деревяшки, точно женская голова — из носа древнего парусника... или рукоять меча — из каменной глыбы. Эдди и сам не знал, насколько точно удалось воспроизвести форму ключа, который явился ему в огне (и не узнает, наверное, до тех пор, пока не найдет нужный замок), но все же надеялся, что достаточно точно. Уверен Эдди был только в одном: это лучшее, что он вырезал из дерева. Пока.

— Боги всевышние, Эдди, красивая штука! — с чувством воскликнул Роланд, казалось, избавившись от обычной апатии, в последнее время его охватившей. В его голосе, прежде вялом и даже безжизненном, теперь звучали нотки глубокого, чуть удивленного уважения. Никогда раньше Эдди не слышал, чтобы Роланд говорил таким тоном. — Ты закончил уже? Похоже, что еще нет, правильно?

— Да... не совсем. — Эдди провел большим пальцем по третьей зарубке и по s-образному завитку на конце. — Нужно еще доработать вот эту впадинку и подправить чуть-чуть завиток на конце. Не знаю, откуда у меня такая уверенность, я просто знаю, что мне еще нужно сделать.

— Это и есть твой секрет. — Это был не вопрос.

— Да. Мой секрет. Знать бы еще какой.

Роланд повернул голову в сторону. Проследив за направлением его взгляда, Эдди увидел Сюзанну. При этом он испытал несказанное облегчение из-за того, что не он, а Роланд первым услышал, что Сюзанна проснулась.

— Что это вы, мальчики, припозднились? Чем занимаетесь? Сплетничаете помаленьку? — Увидев в руке у Эдди ключ, Сюзанна кивнула, довольная. — Я все думала, когда же ты все-таки соберешься нам его показать. А знаешь, мне нравится. Симпатично. Не знаю, зачем он и что с ним делать, но выглядит, черт побери, мило.

— Значит, ты и сам еще не представляешь, какую дверь он откроет? Или должен открыть? — спросил Роланд у Эдди. — Это в твой *кхеф* не входило?

— Нет... но он, может, на что-нибудь и сгодится, пусть даже он пока не закончен. — Эдди протянул ключ стрелку. — Я хочу, чтобы он был у тебя.

Роланд даже не шевельнулся, чтобы взять ключ. Он только внимательно посмотрел на Эдди.

— Почему?

— Потому что... ну... потому что мне, кажется, кто-то сказал, чтобы я отдал его тебе.

— Кто?

Этот твой мальчик, подумал вдруг Эдди, и как только мысль эта пришла к нему, он понял, что это правда. *Твой треклятый мальчишка.*

Но вслух он этого не сказал. Ему вообще не хотелось упоминать сейчас про мальчугана. Иначе Роланд мог опять съехать с катушек.

— Не знаю. Но мне кажется, стоит попробовать.

Роланд медленно протянул руку, чтобы взять ключ. Едва только он прикоснулся к нему, ключ как будто зажегся вспышкой яркого света, но лишь на долю секунды, так что Эдди не был уверен даже, что он вообще это видел. Может, это было всего лишь отражение звездного света.

Роланд сжал в руке ключ, «вырастающий» из деревяшки. Поначалу лицо его оставалось бесстрастным. Потом он вдруг нахмурился и склонил голову набок, как будто прислушиваясь.

— Что такое? — спросила Сюзанна. — Ты слышишь...

— Тс-с-с! — Растерянность на лице Роланда постепенно сменилась искренним изумлением, смешанным с восхищением. Он посмотрел на Сюзанну, потом снова на Эдди. Глаза его переполнялись, казалось, каким-то великим чувством, как кувшин, погруженный в источник, наполняется чистой водой.

— Роланд? — Эдди почему-то встревожился. — С тобой все в порядке?

Роланд что-то прошептал, но Эдди не расслышал, что именно.

Сюзанна выглядела испуганной. Она в отчаянии посмотрела на Эдди, как будто спрашивая: *Что ты с ним сделал?*

Эдди взял ее за руки.

— Все, по-моему, нормально.

Роланд так крепко сжал в кулаке деревянный ключ, что на мгновение Эдди даже испугался, как бы стрелок его не сломал, но дерево было крепким, а ключ Эдди вырезал толстым. Стрелок тяжело вздохнул; кадык его приподнялся и беспомощно опустился, как будто он силился что-то сказать и не мог. А потом Роланд вдруг запрокинул голову и выкрикнул в небеса чистым и сильным голосом:

— ИХ БОЛЬШЕ НЕТ! ГОЛОСОВ! ИХ НЕТ!

Он опять повернулся к ним, и тут Эдди увидел такое, чего он не рассчитывал увидеть за всю свою жизнь, даже если б она растянулась на тысячу лет.

Роланд из Гилеада плакал.

2

Этой ночью, впервые за долгие месяцы, стрелок спал крепко и без сновидений — спал, зажав в руке деревянный ключ, который еще надо было закончить.

3

А там, в другом мире, но под сенью того же *ка-тета,* Джейку Чеймберзу снился сон — самый яркий и самый живой из всех когда-либо ему снившихся.

Он шел по древнему лесу, пробираясь сквозь непролазные заросли — сквозь мертвую зону поваленных деревьев и колючих кустов, что так и цеплялись ему за штанины и норовили сорвать с ног кроссовки. Потом он выбрался к редкой рощице молодых деревьев (ольхи, как ему показалось, или, быть может, бука... в конце концов он был городским мальчиком и плохо разбирался в деревьях; наверняка же знал только одно: на одних растут листья, а на других — иголки) и обнаружил тропинку. Зашагал по ней, чуть ускорив шаги. Впереди виднелась какая-то поляна.

Но еще до поляны Джейк остановился, заметив справа камень, похожий на указатель. Он даже сошел с тропы, чтобы получше его рассмотреть. На камне были выдолблены буквы, но они давным-давно стерлись, так что их уже невозможно было разобрать. В конце концов Джейк закрыл глаза (раньше он никогда так в снах не делал) и принялся водить пальцами по буквам, точно слепой, читающий азбуку Брайля. В темноте, перед закрытыми веками, буквы выстроились в предложение, загоревшееся голубым светом:

ЗНАЙ, ПУТНИК,
ДАЛЬШЕ — СРЕДИННЫЙ МИР.

Джейк, спящий в своей постели, подтянул колени к груди. Рука, сжимавшая ключ, лежала сейчас под подушкой, и там она сжалась крепче.

Срединный мир, подумалось Джейку во сне. *Ну конечно. Сент-Луис и Топика, Страна Оз и Всемирная выставка. И Чарли Чу-Чу.*

Там, во сне, он открыл глаза и зашагал к поляне, маячившей за деревьями. Она была вымощена старым потрескавшимся асфальтом. В самом центре ее желтел блеклый круг, очерченный когда-то яркой краской. Джейк понял, что это баскетбольная площадка,

до того еще, как заметил другого мальчика. Он стоял в самом дальнем ее конце, у штрафного круга, и упорно бросал в корзину пыльный старый мяч фирмы «Уилсон». Мяч всякий раз попадал точно в кольцо, на котором не было сетки. Кольцо крепилось к некой странной конструкции, похожей на закрытую на ночь будку у входа в подземку. Ее дверь пересекали косые полосы. Желтые попеременно с черными. Из-за будки — или, может быть, из-под нее — доносился размеренный гул каких-то мощных механизмов. Этот звук почему-то встревожил Джейка. Даже напугал.

Не наступи на роботов, — выкрикнул, не оборачиваясь, мальчишка, кидающий мяч. — *Они, по-моему, все дохлые, но на твоем месте я бы не стал рисковать.*

Джейк огляделся вокруг и увидел разбросанные по всей площадке обломки странных механизмов. Один походил на крысу, другой — на летучую мышь. А почти у него под ногами валялась ржавая механическая змея, разломанная на две части.

Ты — это, СЛУЧАЙНО, не я? — спросил Джейк, сделав еще один шаг по направлению к мальчику с мячом «Уилсон», но прежде чем тот обернулся к нему, Джейк уже понял, что это не так. Мальчик был выше его и крупнее. И старше. Лет тринадцати как минимум. Волосы у него были темнее, а когда он поглядел на Джейка, тот увидел, что глаза у мальчишки ореховые. У Джейка же были голубые глаза.

А ты сам как думаешь? — спросил незнакомый мальчишка и, ударив мячом о землю, передал пас Джейку.

Нет. Нет, конечно, — выдавил Джейк извиняющимся тоном. — *Просто в последние три недели со мной творится что-то странное. Меня как будто надвое раздирает.* — Он пристукнул мячом об асфальт и швырнул его в корзину почти с середины поля. Мяч описал в воздухе высокую дугу и бесшумно упал, пролетев через кольцо. Джейк был в восторге... но вместе с тем он боялся. И он даже понял, чего боится: того, что может сказать ему этот странный чужой мальчишка.

Я знаю, — сказал странный мальчик. — *Трудное времечко ты пережил, а?* — На нем были вылинявшие хлопчатобумажные шорты в полоску и желтая футболка с надписью: В СРЕДИННОМ МИРЕ НЕ ЗНАЮТ СКУКИ. Повязанный на лбу зеленый платок не позволял челке падать на глаза. — *И перед тем как все образуется, сначала станет еще хуже.*

Что это за место? Куда я попал? — спросил Джейк. — *И кто ты?*

Это Врата Медведя... но и Бруклин одновременно.

Такой ответ, казалось бы, не имел смысла, и все-таки смысл в нем был. Джейк даже напомнил себе, что так всегда и бывает в снах, вот только сон этот был очень странным. Он не был похож на сон.

А кто я такой, это не важно, — сказал незнакомый мальчишка и бросил мяч через плечо, не глядя. Мяч взлетел высоко в воздух и попал точно в кольцо. — *Я просто должен тебя проводить, вот и все. Я тебя отведу туда, куда тебе нужно прийти, покажу тебе то, что тебе нужно увидеть, но тебе надо будет вести себя осторожно, потому что я сделаю вид, будто мы незнакомы. Но если поблизости есть незнакомые люди, Генри обычно психует. А когда он психует, к нему лучше не подходить. К тому же он тебя старше. Сильнее.*

Кто это — Генри?

Не важно. Просто ты постарайся, чтобы он тебя не заметил. Тебе нужно только идти за нами... и не терять нас из виду. А потом, когда мы уйдем...

Мальчик внимательно посмотрел на Джейка. В глазах его жалость мешалась со страхом. Внезапно Джейк осознал, что мальчишка как будто тает... сквозь желтую его футболку уже начинали проглядывать черные с желтым полоски на двери будки.

А как я тебя найду? — Джейк вдруг испугался, что этот мальчишка исчезнет — растает, — не успев рассказать ему все, что ему нужно знать.

Без проблем, — отозвался тот. Голос его прозвучал точно похожее на колокольный звон, странное эхо. — *Садись в подземку и поезжай до Бруклина. Там ты меня и найдешь.*

Нет, не найду! — в панике выкрикнул Джейк. — *Бруклин большой! Там столько людей живет... сто тысяч, наверное!*

Теперь незнакомый мальчишка превратился в туманный, призрачный силуэт. Только ореховые его глаза не исчезли. Они остались, как улыбка Чеширского кота в «Алисе». Они смотрели на Джейка с сочувствием и тревогой. *Без проблем,* — повторил он. — *Ключ ты нашел. Розу тоже. Точно так же найдешь и меня. Сегодня, Джейк, после обеда. Часа в три. Да, в три часа — в самый раз. Только тебе нужно действовать осторожно и быстро.* — Он замолчал на мгновение, призрачный мальчик со стареньким баскетбольным мячом, что лежал у прозрачной его ноги. — *Мне уже пора... было приятно с тобой познакомиться. Похоже, ты парень что надо, не зря же он любит тебя. Однако опасность еще существует. Будь осторожен... и действуй быстро.*

Подожди! — крикнул Джейк и бросился через площадку к исчезающему мальчишке. На бегу он споткнулся об одного из разломанных роботов. О того, что был похож на игрушечный детский трактор. Не устояв на ногах, Джейк упал на колени, разодрав штаны. Не обращая внимания на жгучую боль, он продолжал кричать: *Подожди! Ты мне не все еще рассказал! Ты должен мне много чего рассказать! Объяснить, почему это все происходит! И почему — со мной?!*

Из-за Луча, — отозвался мальчишка, который теперь превратился лишь в пару парящих в пространстве глаз. — *И еще*

из-за Башни. В конечном итоге все служит ей, Темной Башне, даже Лучи. Думаешь, ты какой-то особенный? Думаешь, ты отличаешься чем-то?

Джейк рывком вскочил на ноги.

А его я найду, стрелка?

Я не знаю, — ответил мальчик. Теперь голос его звучал словно издалека, за тысячу миль отсюда. — *Я знаю только одно: ты должен попробовать. Тут, если честно, выбора у тебя нет.*

Мальчишка исчез. Баскетбольная площадка посреди дикого леса теперь опустела. Все затихло, остался лишь гул механизмов под будкой, но Джейку не нравился этот звук. Что-то в нем было не то, и Джейку вдруг почему-то подумалось, что неполадки и сбои этого механизма как-то воздействуют и на розу. Или, может быть, наоборот. Все здесь взаимосвязано, странным образом сплетено воедино.

Он поднял с асфальта старый потертый мяч и бросил его в корзину. Мяч попал точно в кольцо... и пропал.

Река, — выдохнул напоследок голос незнакомого мальчика. Голос легкий, как дуновение ветерка. Голос, идущий словно бы ниоткуда и отовсюду. — *Ответ на загадку: река.*

4

Джейк проснулся с первым молочным лучом рассвета, но встал не сразу, а лежал в постели, глядя в потолок. Он думал о том мужчине в «Манхэттенском ресторане для ума», Эроне Дипно, который шатался по Бликер-стрит еще тогда, когда Боб Дилан только выучился извлекать верхнюю ноту соль из своей старой гитары. Эрон Дипно загадал Джейку загадку.

Нету ног, но на месте она не стоит,
Ложе есть, но она не спит,
Не котел, но бурлит,
Не гроза, но гремит,
Нету рта, но она никогда не молчит.

Теперь он знал ответ. Река. У реки нет ног, но она не стоит на месте, у реки есть ложе, она бурлит и гремит, стало быть, никогда не молчит. Ответ подсказал ему мальчик из сна.

И тут Джейк вдруг вспомнил еще кое-что из того, что говорил ему Эрон Дипно: *Это лишь половина ответа. Загадка Самсона двойная, мой юный друг.*

Джейк посмотрел на часы у кровати. Двадцать минут седьмого. Пора вставать, если он собирается выйти из дома до

того, как проснутся родители. На сегодня школа отменяется; Джейк подумал, что, будь его воля, он бы вообще отменил ее, может быть, навсегда.

Отбросив в сторону одеяло, Джейк опустил ноги на пол и вдруг увидел, что у него оцарапаны обе коленки. Причем царапины свежие. Вчера, когда он упал, поскользнувшись на кирпичах, он ушибся левым боком, а потом еще стукнулся головой о кирпич, когда хлопнулся в обморок возле розы, но на колени он точно не падал.

— Это случилось во сне, — прошептал Джейк вслух и, как ни странно, не удивился. Он принялся быстренько одеваться.

5

Из самого дальнего угла шкафа, из-под груды старых кроссовок без шнурков и кипы комиксов про Человека-паука, Джейк извлек свой старенький ранец, с которым ходил еще в начальную школу. Лучше, наверное, сразу отбросить коньки, чем заявиться в школу Пайпера с ранцем — *так — фи — примитивно и так по-плебейски, мой дорогой,* — и как только Джейк взял его в руки, на него вдруг накатила волна ностальгии по тем, былым, временам, когда жизнь казалась такой простой.

Он сунул в ранец чистую рубашку, чистую пару джинсов, смену белья, несколько пар носков. Потом уложил еще «Чарли Чу-Чу» и «Загадки». Прежде чем сунуться в шкаф, Джейк положил ключ на стол, и голоса тут же вернулись обратно, однако звучали они приглушенно, словно издалека. К тому же он твердо знал, что теперь в его силах прогнать их снова, стоит только взять ключ. Поэтому нечего было тревожиться.

Ну вот. Кажется, все, — сказал он себе, глядя в ранец. Даже с книгами места осталось достаточно. — *Что еще?*

Вроде бы ничего... но тут он вдруг понял, что едва не забыл одну вещь.

6

В кабинете отца пахло дымом от сигарет и отдавало душком честолюбия.

Надо всем тут царил исполинских размеров письменный стол из тикового дерева. Прямо напротив него на стене, которая в кабинетах обычно отводится под книжные полки, располагались три телеэкрана «Мицубиси». Каждый из них был настроен

на один из трех конкурирующих каналов, и по ночам, когда отец поздно засиживался у себя, они выдавали все «новейшие достижения противника», но чисто зрительно — звук отец выключал.

Шторы были задернуты, и Джейку пришлось включить настольную лампу. Он страшно нервничал. Еще бы — без спросу вломиться к отцу в кабинет! Если бы папа проснулся сейчас и застал его здесь (а такое не исключено; независимо от того, как Элмер Чеймберз поздно ложился и сколько пил накануне, он всегда спал очень чутко и вставал спозаранку), он бы здорово распсиховался. Что значительно осложнило бы Джейку задачу: незаметно уйти из дому. И это, как говорится, были бы только цветочки. Чем он быстрее уберется отсюда, тем лучше.

Ящик стола оказался заперт, но Джейк знал, где хранится ключ. Отец и не делал из этого тайны. Джейк выудил ключ из-под книги записей, открыл третий ящик и, просунув руку между папок, нащупал холодный металл.

В коридоре скрипнула половица. Джейк застыл. Прошло несколько секунд, но скрип больше не повторился. Джейк вытащил пистолет, который папа держал у себя для «домашней обороны», — автоматический «ругер» 44-го калибра. В тот день, когда папа купил пистолет, он его с гордостью продемонстрировал Джейку — это было два года назад. При этом папа остался глух к истерическим просьбам жены убрать «эту штуку» подальше, пока никто не пострадал.

На боку пистолета Джейк нашел кнопку, освобождающую зажим обоймы. С тихим щелчком, который в погруженной в молчание квартире прозвучал оглушительным грохотом, она выпала прямо ему на ладонь. Джейк опять с опаской оглянулся на дверь, а потом принялся изучать обойму. Заряжена полностью. Он собрался было вставить ее обратно, но передумал. Одно дело — держать заряженный пистолет в закрытом ящике стола, совсем другое — разгуливать с ним по Нью-Йорку.

Он уложил пистолет на самое дно ранца, снова залез в третий ящик и вытащил из-за папок полупустую коробку с патронами. Джейк вспомнил, что одно время отец упражнялся в стрельбе в тире полицейского участка на Первой авеню, но потом потерял к этому интерес.

Снова скрипнула половица. Надо бы убираться отсюда немедленно — от греха подальше.

Но, пересилив себя, Джейк вынул из ранца рубашку, расстелил ее на отцовском столе и завернул в нее и обойму, и коробку с патронами. Потом уложил этот сверток в рюкзак и закрыл рюкзак на замок. Он собрался уже уходить, как вдруг его взгляд случайно задержался на небольшой стопке почтовой бумаги рядом с корзинкой для исходящей/входящей документации. Поверх

стопки лежали зеркальные солнечные очки, папины любимые. Джейк взял лист бумаги, потом, немного подумав, забрал и очки. Положил их в нагрудный карман, вынул тонкую «золотую» ручку из подставки письменного прибора и написал сразу под шапкой на фирменном бланке: *Дорогие папа и мама.*

Тут он остановился и, нахмурившись, уставился на обращение. Хорошо, а что дальше? Что он, собственно, собирается им сообщить? Что он их любит? Это правда, но этого мало — из этой, пусть главной, истины торчит много других, не таких приятных, точно стальные спицы, воткнутые в клубок. Что он будет по ним скучать? Он и сам не знал, правда это или нет, и это было ужасно. Что он очень надеется, что *они* будут скучать *по нему?*

Внезапно он понял, в чем суть проблемы. Если бы он собирался уйти только на день, на сегодня, он бы нашелся что написать. Но Джейк был почти уверен: это будет не день, не неделя, не месяц и даже не три летних месяца школьных каникул. Он вдруг понял, что на этот раз, стоит ему только выйти из этой квартиры, он больше уже никогда не вернется сюда.

Он хотел уже скомкать листок бумаги, но потом все-таки передумал и написал: *Пожалуйста, поберегите себя, ваш любящий Дж.* Вышло, конечно, коряво, но это хотя бы что-то.

Вот и славно. А теперь хватит уже испытывать судьбу — пора сваливать.

Так он и сделал.

В квартире царила едва ли не мертвая тишина. Джейк на цыпочках перебрался через гостиную, напряженно прислушиваясь. Но услышал он только дыхание спящих родителей: тихое — мамы, легонько сопящей во сне, и звучные носовые рулады отца, каждый вдох которого завершался высоким и тонким присвистом. Когда Джейк вышел в прихожую, на кухне включился холодильник. Джейк на мгновение замер на месте, сердце бешено заколотилось в груди. В следующий миг он уже был у двери. Стараясь по возможности не шуметь, Джейк отпер дверь и, выйдя за порог, тихонько прикрыл ее за собой.

Легонько щелкнул замок. Как только это произошло, у Джейка как будто камень с души упал, вдруг его охватило предвкушение чего-то важного. Он не знал, что его ждет впереди. У него были причины предполагать, что это будет опасное приключение, но ему было всего-то одиннадцать лет, и он не умел еще сдерживать свой восторг. Перед ним лежал дальний путь — тайный путь в глубину неизвестной страны. Ему откроются многие секреты, если только он сможет понять их... и если ему повезет. Он вышел из дома в лучах рассвета, и впереди его ждали невероятные приключения.

Если я выстою и буду искренним, я опять увижу розу, — сказал он себе, вызывая лифт. — *Я это знаю... и еще я увижу его.*

От одной только мысли он преисполнился пылом и рвением, граничащими с настоящим экстазом.

Три минуты спустя Джейк вышел из-под козырька, нависающего над подъездом дома, в котором он прожил всю жизнь. Помедлив мгновение, он повернул налево. Выбор его не казался случайным, да он и не был таким. На юго-восток, вдоль «дорожки» Луча, шагал Джейк, возобновивший свой прерванный поиск Темной Башни.

7

С того дня, когда Эдди отдал Роланду свой незаконченный ключ, минуло уже двое суток. Странники — разгоряченные, потные, измотанные и все трое явно не в настроении — продрались через особенно густые заросли не в меру разросшегося кустарника и молодого подлеска и обнаружили две еле заметные тропинки, бегущие параллельно под сенью переплетающихся ветвей старых деревьев, теснившихся по другую сторону. Пристально приглядевшись, Эдди решил, что это вовсе не две тропинки, а след от древней, давно заброшенной дороги. Кустарник и чахлые деревца выросли беспорядочной перегородкой вдоль выпуклой части ее поперечного профиля. Старая колея — две вдавленные полосы, заросшие травой, — оказалась достаточно широкой и вполне подходила под кресло-коляску Сюзанны.

— Гип-гип-ура! — закричал Эдди. — Это надо обмыть!

Роланд кивнул, снял с себя бурдюк с водой, который носил обернутым вокруг пояса, и сначала протянул его Сюзанне — она сидела на своей «упряжи» у него за спиной. При каждом движении стрелка у него под рубашкой легонько покачивался деревянный ключ, отданный ему Эдди. Роланд повесил его на шею на сыромятном шнурке. Сюзанна глотнула воды и передала бурдюк Эдди. Напившись, Эдди принялся раскладывать кресло-коляску. Он давно успел возненавидеть это громоздкое и неуклюжее сооружение, которое ему приходилось последнее время тащить на себе; точно громадный железный якорь, оно висело на них тяжким грузом, существенно их задерживая. Но сохранилась коляска неплохо, не считая разве что парочки сломанных спиц. Бывали дни, когда Эдди казалось, что это чертово креслице переживет их всех. Теперь, однако, его опять можно было использовать по назначению... хотя бы какое-то время.

Эдди помог Сюзанне выбраться из ремней и сесть в коляску. Она закинула руки за голову и от души потянулась, сморщившись от удовольствия. Эдди с Роландом расслышали даже, как хрустнули, расправившись, ее позвонки.

23 Зак. 722

Чуть впереди из зарослей леса высунул морду зверь, похожий на помесь барсука с енотом. Он уставился на путешественников своими большими, с золотым ободком глазами, дернул острой усатой мордочкой, словно бы говоря: «Ну и ну! Ничего себе!», важно прошлепал через дорогу и скрылся в зарослях леса на той стороне. Эдди успел рассмотреть его хвост — длинный и скрученный, точно покрытая мехом пружина.

— Это что за зверюга, Роланд?

— Ушастик-путаник.

— Его едят?

Роланд покачал головой.

— Мясо жесткое. Кислое. Я бы лучше собаку съел, честное слово.

— А ты что, их ел? — полюбопытствовала Сюзанна. — Я имею в виду собак.

Роланд кивнул, не вдаваясь в подробности. Эдди вдруг вспомнилась фраза из одного старого фильма с участием Пола Ньюмена: «Да, леди, совершенно верно — ешь собак и живешь как собака».

Где-то в ветвях весело заливались птицы. Вдоль дороги тянуло легким ветерком. Эдди с Сюзанной разом подставили лица этому приятному дуновению и улыбнулись, взглянув друг на друга. Эдди снова — в который раз — осознал, как он ей благодарен, да, это всегда страшновато, когда есть кто-то, любимый тобой... но и прекрасно тоже.

— А кто проложил здесь дорогу? — спросил Эдди Роланда.

— Люди, которых давным-давно нет, — отозвался тот.

— Те же самые люди, что сделали все эти чашки и блюда, которые мы находили? — уточнила Сюзанна.

— Нет... другие. Как я понимаю, когда-то по этой дороге ходили экипажи, и если она еще не заросла окончательно после стольких лет, выходит, она была немаловажной... кто знает, может быть, это остатки Великого Тракта. Если ее раскопать, мы бы, возможно, дорылись до гравия или вообще до дренажной системы. И раз уж мы здесь, я предлагаю немного перекусить.

— Еда! — в неподдельном восторге воскликнул Эдди. — Вынимай все, что есть! Цыпленок по-флорентийски! Полинезийские креветки! Парная телятина, жаренная с грибами и...

— Уймись, белячок, — толкнула его локтем Сюзанна.

— Не могу, — весело отозвался Эдди, — у меня слишком богатое воображение.

Роланд снял с плеча свой мешок и, склонившись над ним, принялся выкладывать их скромный обед из вяленого мяса, завернутого в листья оливкового цвета. Эдди с Сюзанной знали уже, что по вкусу они слегка напоминают шпинат, только гораздо острее.

Эдди подкатил кресло с Сюзанной поближе, и Роланд передал ей три «стрелецких голубца», как обозвал их Эдди. Без лишних слов она принялась за еду.

Повернувшись обратно к стрелку, Эдди увидел, что вместе с тремя кусочками мяса в листьях Роланд протягивает ему кое-что еще. Ясеневый брусок с ключом, «вырастающим» из него. Роланд снял его с кожаного шнурка, который так и остался висеть у него на шее, свободно болтаясь.

— Эй, ты чего? — Эдди не понял. — Я же тебе его дал!

— Когда я снимаю его, голоса возвращаются, но теперь словно бы издалека, — объяснил Роланд. — Теперь я могу с ними справиться сам. Если честно, я слышу их даже тогда, когда он у меня... но, знаешь, как голоса людей, которые переговариваются негромко на соседнем холме. Это, наверное, потому, что ключ еще не закончен. Ты за него и не брался эти два дня, пока я его носил.

— Ну... ты же носил его, и я не хотел...

Роланд ничего не сказал, он только пристально посмотрел на Эдди своими выцветшими голубыми глазами, и взгляд его был исполнен терпения учителя.

— Ну хорошо, — сдался Эдди. — Я просто боюсь его запороть. Теперь ты доволен?

— Если верить твоему брату, ты всегда все запарывал... правда? — вдруг спросила Сюзанна.

— Сюзанна Дин, выдающаяся женщина-психолог всех времен и народов! Ты не поняла, в чем твое истинное призвание, дорогая моя.

Его неприкрытый сарказм не обидел Сюзанну. Приподняв бурдюк с водой на локте — так южане пьют из кувшина, — она сделала жадный глоток.

— Но все равно я права? Или нет?

Эдди подумал вдруг о рогатке, которую он тоже так до сих пор и не закончил, во всяком случае, пока, и только пожал плечами, не сказав ни слова.

— Ты должен закончить его, — мягко проговорил Роланд. — Мне кажется, близится время, когда он тебе понадобится.

Эдди открыл было рот, но потом передумал. Легко сказать — «должен закончить»! Постороннему человеку легко, но ни Роланд, ни Сюзанна не поняли, кажется, самого главного. На этот раз Эдди не мог ограничиться ни семьюдесятью, ни восьмьюдесятью, ни девяноста восьмью с половиной процентами. Нет. А если он все же запорет работу, он не сможет на этот раз просто так выкинуть неудавшуюся поделку и напрочь о ней забыть. Во-первых, он больше не видел здесь ясеневых деревьев с того самого дня, когда срезал вот эту ветку. Но самое главное, он понимал: тут уже

или все, или ничего. Середины нет. Если он сейчас напортачит с ключом пусть даже самую малость, ключ, когда дело дойдет до того, чтобы отпереть нужную дверь, просто не повернется в замочной скважине. И эта маленькая загогулина на конце... она все не давала ему покоя. Вроде бы ничего сложного нет, но если изгиб будет хоть чуточку отличаться...

В таком виде, в каком он сейчас, он действительно никуда не годится, и ты это знаешь.

Эдди вздохнул, пристально глядя на ключ. Да, хотя бы что-то он знает наверняка. Он должен закончить свою работу. Должен хотя бы попробовать. Его боязнь все испортить будет очень ему мешать. Но придется ему перебороть свой страх и все равно попытаться. Может быть, у него и получится. Одному Богу известно, сколько пришлось ему испытать и побороть в себе за все эти недели, что прошли с того памятного поворотного дня, когда Роланд ворвался в его сознание на борту самолета, заходящего на посадку в аэропорту Джона Кеннеди. Уже то, что он жив и находится в здравом рассудке, само по себе достижение немалое.

— Ты пока поноси его, — сказал Эдди, протянув ключ обратно Роланду. — Вечером, после ужина, я за него возьмусь.

— Обещаешь?

— Ага.

Роланд кивнул, забрал ключ и снова повесил его на шнурок на шее. Ему пришлось повозиться с узлом, но Эдди все же заметил, как ловко, пусть даже и медленно, стрелок управляется правой рукой, а ведь на ней не хватает двух пальцев. Воистину поразительна человеческая способность приспосабливаться ко всему!

— Что-то такое должно случиться. Да? — вдруг спросила Сюзанна. — И уже скоро.

— С чего это ты взяла? — Эдди внимательно на нее посмотрел.

— Послушай, Эдди, ведь мы как бы спим с тобой вместе, и для меня не секрет, что тебе теперь каждую ночь снятся сны. Иногда ты во сне разговариваешь. Вряд ли тебя донимают кошмары, но в одном я уверена: что-то в башке у тебя происходит.

— Да. Что-то там происходит. Знать бы еще, что именно!

— В снах таится великая сила, — заметил Роланд. — Ты вообще ничего не помнишь, что тебе снилось в последнее время?

Какое-то время Эдди молчал в нерешительности.

— Кое-что помню, — выдавил он наконец. — Но они очень сумбурные, эти сны. Часто мне снится, что я снова мальчишка. Школьник. Вот это я помню. Уроки закончились. Мы с Генри режемся в баскетбол на старой площадке, что была на Марки-авеню. Сейчас там здание суда для несовершеннолетних правона-

рушителей. Я хочу, чтобы Генри сводил меня в одно место в Датч-Хилле. К одному старому дому. Местные называли его особняком. И все говорили, что в доме живут привидения. Может, они там и жили, не знаю. Знаю только, что там было страшно. То есть *по-настоящему* страшно.

Эдди покачал головой, погрузившись в воспоминания.

— Впервые за столько лет я почему-то вспомнил про особняк, когда мы были на той поляне, у медвежьего логова, и я прислонился башкой к этой дурацкой будке. Не знаю... быть может, поэтому мне и начали сниться сны.

— Но ты не уверен, — сказала Сюзанна.

— Вот именно. Мне кажется, то, что со мной происходит, гораздо сложнее, чем просто какие-то воспоминания.

— А вы с братом ходили в то место? — спросил Роланд.

— Да... я его уговорил.

— Что-нибудь там с вами произошло?

— Ничего. Но мне все равно было страшно. Мы постояли там и посмотрели на дом, а потом Генри начал меня дразнить... говорил, что заставит меня войти и взять там какой-нибудь сувенирчик на память, что-то вроде того... но я знал, что он просто так шутит. Пугает меня. Потому что он сам был напуган не меньше меня.

— И это все? — напирала Сюзанна. — Тебе просто снится то место? Дом с привидениями? Особняк? Как вы туда идете?

— Нет, не только. Появляется кто-то еще... только он не подходит, а держится поодаль. Я его вижу во сне, всегда вижу, но... как бы это сказать... краем глаза, ну вы понимаете? И твердо знаю одно: мы должны делать вид, будто мы незнакомы.

— А в тот день, когда вы ходили туда, там действительно кто-то был? — поинтересовался Роланд, пристально глядя на Эдди. — Или он только во сне появляется, этот «кто-то»?

— Не помню уже. Это было давно. Мне тогда было не больше тринадцати. Как я мог все запомнить?

Роланд молчал.

— Ну хорошо, — сдался в конце концов Эдди. — Да. Мне кажется, он там *был*. Какой-то мальчишка со спортивной сумкой или рюкзаком за плечами, я точно не помню. И в солнцезащитных очках, явно ему больших. Такие, знаете, с зеркальными стеклами.

— И кто это был? — спросил Роланд.

Эдди надолго задумался. У него еще оставался последний «голубец а-ля Роланд», но аппетит вдруг пропал.

— Мне кажется, это тот мальчик, с которым ты встретился на дорожной станции, — выдавил он наконец. — Мне кажется, это твой старый друг Джейк шел за нами в тот день, когда

мы с Генри отправились в Датч-Хилл. По-моему, он за нами следил. Потому что ему тоже слышатся голоса, так же, как и тебе, Роланд. И еще потому, что мы с ним видим друг друга во сне, я — его, он — меня. У нас общие сны. И, мне кажется, все то, что я помню якобы из прошлой жизни, на самом деле происходит сейчас, только во времени Джейка. Парень пытается возвратиться сюда. Он скоро отважится на последний шаг, и если я не закончу к этому времени ключ или вдруг не сумею доделать его, как нужно, тогда не исключено, что он погибнет.

— Может быть, у него есть свой ключ, — задумчиво проговорил Роланд. — Возможно такое, как ты считаешь?

— Да, мне кажется, у него есть ключ. Только этого мало. — Тяжело вздохнув, Эдди убрал последний свой «голубец» в карман. На потом. — Но он, по-моему, этого не знает.

8

Они пошли дальше, по левой колее. Эдди с Роландом сменяли друг друга, толкая по очереди коляску, в которой сидела Сюзанна. Коляска подпрыгивала на ухабах, ее то и дело швыряло из стороны в сторону, и время от времени им приходилось приподнимать коляску, чтобы перетащить ее через камни, торчавшие из земли точно старые почерневшие зубы. Но они все равно продвигались быстрее, чем всю последнюю неделю. Дорога шла в гору. Раз оглянувшись через плечо, Эдди увидел, что лес у них за спиной постепенно уходит вниз широкими уступами наподобие ступеней пологой лестницы. Вдалеке на северо-западе виднелась лента воды, стекавшей по скалам, прорезанным сетью глубоких трещин. С удивлением Эдди понял, что это то самое место, которое они окрестили своим «стрельбищем». Теперь оно почти скрылось из виду в мареве сонного летнего дня.

— Смотри, куда едешь, парниша! — резко окликнула его Сюзанна. Эдди опять повернулся вперед. Как раз вовремя, чтобы не въехать коляской в Роланда. Тот, как выяснилось, остановился и внимательно вглядывался в гущу кустарника слева от колеи.

— Предупреждаю: еще раз подобное повторится, и я у вас отбираю водительские права, — съязвила Сюзанна.

Эдди, следящий за направлением взгляда Роланда, пропустил ее реплику мимо ушей.

— Что там такое?

— Сейчас поглядим. — Роланд повернулся, приподнял Сюзанну с коляски и усадил ее себе на бедро.

— Опусти тетку обратно, силач... дама сама в состоянии передвигаться. И не хуже вас, мальчики, если хотите знать.

Роланд осторожно опустил Сюзанну на заросшую травой колею. Эдди внимательно вглядывался в чащу леса. День уже близился к вечеру, и свет его пробивался сквозь паутину переплетенных теней, но вскоре ему показалось, что он что-то видит. Внимание Роланда, похоже, привлек большой серый камень, едва различимый за буйной порослью дикого винограда и ползучих побегов.

С подлинно змеиной грацией Сюзанна скользнула в заросли у края дороги. Роланд и Эдди последовали за ней.

— Указатель какой-то, да? — Опираясь на руки, Сюзанна внимательно изучала прямоугольную каменную плиту. Когда-то камень стоял вертикально, но теперь пьяно склонился набок, точно древнее покосившееся надгробие.

— Да. Дай мне нож, Эдди.

Передав ему нож, Эдди присел на корточки рядом с Сюзанной. Роланд тем временем принялся остервенело срезать побеги дикого винограда, оплетавшие каменную плиту. Под ними открылись стершиеся буквы, выбитые в камне. Стрелок не успел очистить и половины, а Эдди уже догадался, что там написано:

ЗНАЙ, ПУТНИК,
ДАЛЬШЕ – СРЕДИННЫЙ МИР.

9

Сюзанна первой нарушила затянувшееся молчание.

— И что это значит? — тихо спросила она, и в ее голосе явственно слышался благоговейный страх. Взгляд ее возвращался опять и опять к серому каменному постаменту.

— Это значит, что первый этап пути мы почти прошли, — ответил Роланд с лицом задумчивым и серьезным, возвращая нож Эдди. — Мы и дальше, я думаю, будем держаться этой древней проезжей дороги, вернее, если так можно сказать, она будет держаться нас. Она тоже идет по пути Луча. Уже скоро мы выйдем из леса. Я ожидаю больших перемен.

— А что еще за Срединный мир? — спросил Эдди.

— Одно из самых великих и самых больших королевств, чье владычество в прежние времена было почти безграничным на этой земле. Царство надежды, знания и света — всего, за что и мы тоже боролись в нашей стране, пока ее не накрыла тьма. Когда-нибудь, если у нас будет время, я расскажу вам все древние

саги... по крайней мере те, которые знаю. Из них, как из множества нитей, сплетен гобелен сказаний. Очень красивый и очень печальный. Как повествуется в древних легендах, когда-то у самой границы Срединного мира стоял большой город... не меньше, наверное, чем ваш Нью-Йорк. Сейчас он, должно быть, лежит в руинах. А то, может статься, даже и руин от него не осталось. Но там могут быть люди... или чудовища... или и те, и другие. Так что нам надо держаться настороже.

Он протянул вперед искалеченную правую руку и прикоснулся к надписи на камне.

— Срединный мир, — медленно произнес стрелок. — Кто бы мог подумать...

Он не договорил, но Эдди понял, что он хотел сказать.

— И с этим уже ничего не поделаешь, да?

Стрелок покачал головой.

— Ничего.

— *Ка,* — неожиданно обронила Сюзанна, и оба, Роланд и Эдди, пристально на нее посмотрели.

10

До заката еще оставалось, наверное, часа два, и странники, не тратя времени даром, отправились дальше. Дорога по-прежнему пролегала на юго-восток, вдоль Луча, только теперь в нее влились еще две дорожки поменьше, тоже густо заросшие травой. Вдоль второй, сбоку, тянулись остатки когда-то высокой каменной стены, теперь обвалившейся и покрытой мхом. Неподалеку, среди руин, расположились ушастики. Дюжина толстых зверюг. Они, не таясь, наблюдали за путниками любопытными глазками с золотым ободком. Эдди еще подумал, что они чем-то напоминают присяжных, у которых уже готов смертный приговор подсудимому.

Дорога теперь стала шире, четче. Дважды они прошли мимо строений, давно заброшенных и опустевших. Второе здание, сказал Роланд, когда-то, наверное, было мельницей. Сюзанна сказала, что выглядит оно жутковато. Там, должно быть, живут привидения.

— Я бы не удивился, — ответил на это стрелок таким спокойным и даже небрежным тоном, что Эдди с Сюзанной действительно стало жутко.

Наконец совсем стемнело, и им поневоле пришлось остановиться. Лес заметно поредел. Бриз, овевавший их своим легким дуновением весь день, теперь превратился в мягкий, теплый ветер. Впереди дорога по-прежнему поднималась в гору.

— Дня через два доберемся до гребня, — сообщил Роланд, — тогда и увидим.

— Что мы увидим? — спросила Сюзанна, но Роланд только плечами пожал в ответ.

В тот вечер Эдди снова занялся резьбой, не ощущая, однако, истинного вдохновения. Былая уверенность и настоящая радость, которыми он преисполнился в тот знаменательный день, когда из куска древесины начали проступать первые очертания ключа, теперь иссякли. Пальцы казались какими-то оцепенелыми и неуклюжими. Впервые за эти последние месяцы он с тоской подумал о том, как бы было кстати вколоть себе порцию героина. Совсем немножко. Какая-нибудь пятидолларовая упаковочка — и никаких проблем с этим дурацким ключом. За полчаса бы его закончил.

— Ты чему улыбаешься, Эдди? — спросил Роланд. Он сидел с той стороны костра; между ними в причудливом танце трепетали низкие языки пламени, волнуемые ветром.

— А я что, улыбаюсь?

— Да.

— Просто подумал, какими тупыми иной раз бывают люди... оставь их в комнате с шестью дверями, а они все равно будут биться о стену лбом. А потом еще возмущаться по этому поводу.

— Когда боишься того, что ты можешь увидеть за дверью, биться о стену, наверное, безопаснее, — предположила Сюзанна.

Эдди кивнул.

— Может быть.

Он работал неторопливо, пытаясь увидеть в дереве точную форму ключа — и особенно эту маленькую загогулину на конце, — но очень скоро он понял, что нужный образ, казалось бы, намертво запечатленный в его сознании, потускнел.

Прошу тебя, Господи, помоги мне, пожалуйста. Не дай мне его запороть, мысленно взмолился Эдди, в глубине души все-таки опасаясь, что он уже начал его запарывать. Наконец он сдался, вернул ключ (который за вечер практически не изменился) стрелку, улегся, укрывшись одной из шкур, и буквально минут через пять погрузился опять в этот сон про парнишку на баскетбольной площадке, что на старой Марки-авеню.

II

Джейк вышел из дома примерно без четверти семь, так что ему предстояло убить где-нибудь больше восьми часов. Он поначалу решил сразу спуститься в подземку и доехать до Бруклина, но потом рассудил, что это не самая лучшая мысль. На окра-

ине мальчик, который внаглую прогуливает занятия, привлечет больше внимания, чем в центре огромного города, но с другой стороны, если ему и вправду придется еще *поискать* то место и мальчика из его сна, с которым он должен там встретиться, то надо бы побеспокоиться об этом заранее.

Без проблем, — сказал тогда мальчик в желтой футболке с зеленой повязкой на лбу. — *Ключ ты нашел. Розу тоже. Точно так же найдешь и меня.*

Загвоздка, однако, в том, что Джейк не помнил уже, как ему удалось найти ключ и розу. Он помнил лишь радость и чувство уверенности, переполнявшие его сердце и разум. Оставалось только надеяться, что это повторится опять. А тем временем он продолжал идти. Верный способ привлечь к себе в Нью-Йорке нежелательное внимание — это без дела стоять на месте.

Он прошелся пешком почти до Пятой авеню, потом повернул обратно и вернулся назад, но уже по соседней улице, ближе к центру, ориентируясь по светофорам (может быть, он подсознательно понимал, что они тоже служат Лучу). Около десяти часов Джейк обнаружил, что вышел к художественному музею «Метрополитен» на Пятой авеню, разгоряченный, усталый, подавленный. Ему очень хотелось пить, но он не стал покупать себе лимонад — денег было немного, и он не хотел тратить их понапрасну. Перед уходом он опустошил до последнего цента копилку, но сумму набрал смехотворную: долларов восемь плюс-минус несколько центов.

Перед входом в музей выстроилась группа школьников. Должно быть, их привели на экскурсию. Наверное, бесплатная средняя школа, решил Джейк. Одеты так же небрежно, как сегодня оделся он сам. Никаких тебе блейзеров от Пола Стюарта, никаких галстуков и джемперов, никаких простеньких с виду юбочек, которые стоят сто двадцать пять баксов в бутиках типа «Мисс Юное Очарование» или «Твинити». Все одеты, что называется, по-молодежному. Повинуясь какому-то непонятному импульсу, Джейк пристроился к группе ребят и прошел вместе с ними в музей.

Вся экскурсия заняла час с четвертью. Джейку она понравилась. В музее, главное, было тихо. И еще там работали кондиционеры. И картины были красивые. Особенно Джейку понравилось небольшое собрание Фредерика Ремингтона из серии «Дикий Запад». И большая картина Томаса Харта Бентона: по бескрайним равнинам мчался в Чикаго пускающий дым паровоз, а на полях, подступающих к самым путям, стояли в комбинезонах и соломенных шляпах фермеры и провожали его глазами. Двое учителей, сопровождавших экскурсию, не заметили Джейка до самого конца. Только уже на выходе симпатичная негритянка в строгом синем костюме, похлопав Джейка по плечу, поинтересовалась, кто он такой.

Джейк не заметил, как она к нему подошла. На мгновение он похолодел. А потом, не задумываясь о том, что он делает, Джейк сунул руку в карман и зажал в кулаке серебряный ключ. В голове сразу же прояснилось. Джейк моментально успокоился.

— Мой класс там, наверху, — улыбнулся он чуть виновато. — У нас занятие по современному искусству, но мне больше нравится то, что здесь, потому что это настоящие картины. Так что я... ну, понимаете...

— Смылся? — подсказала учительница. Уголки ее рта задрожали, как будто она едва сдерживала улыбку.

— Я бы лучше сказал, что ушел по-французски, тихонько, без долгих прощаний. — Слова произносились как будто сами, без участия Джейка.

Школьники удивленно таращились на него, но на этот раз их учительница от души рассмеялась:

— Ты либо вообще не знал, либо забыл, но во французском Иностранном легионе дезертиров расстреливали на месте. Так что, мой юный друг, возвращайся скорее туда, где твой класс.

— Да, мэм. Спасибо. Они все равно уже скоро закончат.

— А из какой ты школы?

— Из «Академии Марки», — выпалил Джейк, не задумываясь.

Он поднимался по лестнице, прислушиваясь к бестелесному эху шагов и приглушенных голосов, звучавших под куполом круглого зала, и все думал, с чего бы он это сказал. Он в жизни не слышал о школе с таким названием — «Академия Марки».

12

Какое-то время он постоял в холле верхнего этажа, но вскоре заметил, что на него то и дело со все возрастающим любопытством поглядывает одна из музейных служащих. Джейк решил, что ждать дальше нет смысла — оставалось надеяться только на то, что класс, к которому он пристраивался, уже ушел.

Джейк посмотрел на часы, изобразив на лице изумленное выражение, которое, как он надеялся, означало бы что-то вроде: «О Господи! Как я опаздываю!» — и торопливо спустился вниз. Класс — и симпатичная учительница-негритянка, которая рассмеялась, когда он упомянул уход по-французски, — уже ушел. Джейк решил, что ему тоже пора уходить. Он еще погуляет немного по улице — медленно, чтобы не так чувствовалась жара, — а потом сядет на поезд подземки.

На углу Бродвея и Сорок второй он задержался у стойки с хот-догами и из скудных запасов наличности купил себе

один. Чтобы поесть, Джейк присел на ближайшую лестницу у здания банка, и это, как оказалось, было грубейшей ошибкой с его стороны.

К нему направился полицейский. Казалось, он занят только своей дубинкой, которую сосредоточенно вертел в руке — этак ловко и замысловато. Но едва поровнявшись с Джейком, легавый быстро сунул дубинку за пояс и повернулся к нему.

— Привет, парень. Чего сидим? В школе сегодня свободный день?

Джейк уже доедал сосиску, но последний ее кусок вдруг застрял в горле. Да уж, везет как утопленнику... если слово «везение» здесь вообще уместно. Здесь, на Таймс-сквер, в самом средоточии «грязной» Америки, где табунами шатаются проститутки, толкачи, наркоманы и попрошайки, полицейский, не обращая внимания на них, вяжется почему-то к нему.

Джейк не без труда проглотил застрявший в горле кусок сосиски.

— У нас уже начались экзамены, — принялся он объяснять. — Сегодня был только один. Я его первым сдал, и меня отпустили. — Джейк умолк на мгновение, вдруг сообразив, что ему очень не нравится этот внимательный, пристальный взгляд полицейского. — Мне разрешили уйти, — неуверенно добавил он.

— Я так и понял. Есть у тебя какие-нибудь документы?

У Джейка екнуло сердце. Неужели его папа с мамой уже позвонили в полицию? С учетом вчерашнего это вполне вероятно. При обычных обстоятельствах полиция вряд ли бы стала искать пропавшего ребенка, тем более что отсутствовал Джейк только полдня, но его папа — большая шишка на телевидении, и он всегда с гордостью упоминал о своих многочисленных связях. Джейк не думал, что у полицейского есть его фотография... но его имя он мог запомнить.

— Ну... — нерешительно начал Джейк, — ...у меня с собой только ученический проездной. На автобус маршрута Срединного мира. Других документов нет.

— Какого такого Срединного мира? Впервые слышу. Это где? В Куинсе?

— Центрального маршрута, я хотел сказать, — быстро поправился Джейк. Господи, что он такое болтает? Это же совсем в другой стороне... — Знаете? На Тридцать третьей?

— Ага. Ну давай, проездной тоже сойдет. — Легавый протянул руку.

Какой-то черный с неопрятными длинными патлами, рассыпающимися по плечам его канареечно-желтого пиджака, оглянулся на них.

— Заберите его, офицер, — весело гаркнул он. — Заберите его, мелкого беложопого пакостника! Выполняйте свой долг!

— Заткнись, Эли, и дуй отсюда, — процедил полицейский сквозь зубы, даже не обернувшись к нему.

Эли расхохотался, продемонстрировав несколько золотых зубов, и отправился восвояси.

— А почему вы у него не просите документы? — невинно полюбопытствовал Джейк.

— Потому что сейчас меня больше интересуешь ты. Давай-ка, сынок, свой билет.

То ли родители сообщили уже в полицию и легавый знал его имя, то ли просто почувствовал что-то неладное — и это, наверное, вовсе не удивительно, поскольку во всем этом жутком районе Джейк был единственным белым мальчишкой, который явно не искал себе приключений. Но, как ни крути, вывод отсюда один: идея присесть тут и съесть сосиску была, очевидно, не самой удачной. Но ведь он стер ноги, и, черт возьми, по-настоящему проголодался — *проголодался.*

Ты меня не остановишь, подумал Джейк. *Я не позволю тебе меня сцапать. Сегодня мне надо быть в Бруклине, у меня там назначена встреча... И я попаду туда. Попаду.*

Вместо того чтобы достать бумажник, Джейк сунул руку в карман, вытащил ключ и показал его полицейскому. Солнечные лучи, отразившись от серебристой поверхности, заплясали кружочками света на лбу и щеках легавого. Тот вытаращил глаза.

— Эй! — выдохнул он. — Это что у тебя, малыш? Дай-ка мне.

Он потянулся к ключу, но Джейк отвел руку подальше. Круги отраженного света подрагивали на лице полицейского, словно гипнотизируя его.

— А вы что, так не можете прочитать? — спросил Джейк. — Обязательно вам его забирать?

— Нет, зачем же?

Выражение любопытства стерлось с лица полицейского. Широко раскрытыми глазами он завороженно, не отрываясь, смотрел только на ключ. Но взгляд его не был пустым. Джейк прочел в нем изумление и нежданную радость. *Это все я,* вдруг подумалось Джейку. *Где бы я ни появился, повсюду я приношу радость и свет. Вопрос только в том, что мне теперь делать?*

Молодая женщина в ярко-красных вызывающих туфлях на шпильках в добрых три дюйма (явно не библиотекарша, судя по тем же туфлям, шелковым зеленым шортам и прозрачной блузке) прошла мимо, энергично виляя задом. Сначала она посмотрела на легавого, потом — на Джейка. Ей, должно быть, стало любопытно, на что так таращится полицейский. Увидев ключ, она так и застыла на месте с отвисшей челюстью. Рука ее сама потянулась вверх и замерла у горла. Сзади на нее налетел мужчина и разра-

зился длинной гневной тирадой насчет того, что, мол, нечего тут торчать столбом посреди дороги. Молодая женщина — явно не библиотекарша — не обратила на него внимания, хотя в другой ситуации она бы, наверное, нашлась что ответить. Теперь Джейк заметил, что вокруг него собралось уже человек пять. И все смотрели на ключ точно так же, как иной раз прохожие наблюдают за ловким «напёрсточником», обдирающим на углу какого-нибудь легковерного простофилю.

Тоже мне, конспиратор фигов, подумал Джейк. Взглянув поверх плеча легавого, он заметил на той стороне вывеску аптеки. «Аптека Денби. Торговля со скидкой», — сообщала вывеска.

— Меня зовут Том Денби, — сообщил он полицейскому. — На этой льготной карте так и написано. Том Денби. Верно?

— Все верно, — выдохнул полицейский, потерявший к Джейку всяческий интерес. Теперь его занимал только ключ. Пятнышки отраженного света по-прежнему плясали на его лице.

— Вы ведь не Тома Денби искали, да?

— Да, — подтвердил полицейский. — Я вообще это имя впервые слышу.

Уже с полдюжины человек столпились вокруг полицейского, и все смотрели в немом изумлении на серебряный ключ в руке Джейка.

— Я, значит, могу идти?

— Что? Ах да! Да, конечно... иди себе с Богом!

— Спасибо.

Однако Джейк на мгновение застыл в нерешительности, не зная, *как* он пойдет. Его окружала толпа молчаливых зомби, и с каждым мгновением она росла. Сначала люди, наверное, подходили, чтобы узнать, в чем дело, но, увидев серебряный ключ, замирали как вкопанные и таращились на него.

Джейк поднялся на ноги и начал медленно отходить по ступенькам вверх, держа ключ перед собой, словно дрессировщик, защищающийся табуретом от подступающих к нему львов. Лишь поднявшись на широкую бетонную площадку на самом верху, он убрал ключ обратно в карман, развернулся и побежал.

Остановился он только раз, на самом дальнем конце площадки. Остановился и оглянулся. Застывшая группа людей, которые так и стояли вокруг того места, где только что сидел Джейк, постепенно возвращалась к жизни. Они озадаченно переглядывались и расходились. Легавый растерянно посмотрел налево, потом направо, потом задрал голову и уставился в небо, словно стараясь вспомнить, как он вообще здесь очутился и что собирался делать. Джейк увидел достаточно.

Самое время искать ближайшую станцию подземки и уносить ноги в Бруклин, пока не случилось еще чего-нибудь.

13

Без четверти два он поднялся из подземки и встал на углу Кастл и Бруклин-авеню, глядя на здание башни и дожидаясь, когда к нему снова придет это чувство уверенности, что направляло его в тот раз, — что-то вроде способности «вспоминать» будущее. Но оно не пришло. То есть вообще *ничего* не пришло. Он был всего лишь мальчишкой, самым обычным мальчишкой, стоящим на жарком бруклинском перекрестке, а у его ног, точно усталый щенок, примостилась короткая тень.

Ну вот, я приехал... и что теперь?

Ни малейшего представления.

14

Странники поднялись наконец на вершину высокого пологого холма и остановились там, глядя на юго-восток. Долгое время они молчали. Дважды Сюзанна порывалась заговорить, но не произносила ни слова. В первый раз в жизни эта всегда языкастая женщина не нашлась что сказать.

Внизу простиралась равнина, бескрайняя, разморенная золотыми лучами летнего солнца. Высокие сочные травы изумрудно-зеленого цвета. Рощи деревьев с широкими кронами и прямыми стройными стволами. Сюзанна однажды видела такие деревья в рекламном фильме какого-то туристического агентства. Фильм был про Австралию.

Дорога, которой они все это время держались, огибала холм и с противоположной его стороны опять устремлялась — прямая, будто струна, — на юго-восток: яркая белая линия в буйной зелени трав. Дальше на западе, в нескольких милях отсюда, мирно паслось небольшое стадо каких-то крупных животных. С виду они походили на буйволов. На востоке виднелся лес, вдающийся искривленным мысом в зеленое море равнины. Эта темная полоса непролазных зарослей походила на сжатую в кулак руку, выброшенную вперед.

Сюзанна вдруг поняла, что в этом же направлении тянулись все трещины в камне и все ручьи, попадавшиеся им на пути. Ручьи были притоками полноводной реки, что вытекала из леса и потом тихо и плавно несла свои сонные воды под летним солнцем к восточному краю мира. Большая река, широкая — мили, наверное, две от берега до берега.

И еще с холма был виден город.

Он безжизненно лежал прямо пред ними — подернутое легкой дымкой скопление башен и шпилей, возносящихся над горизонтом. Эти словно сложенные из воздуха бастионы мог-

ли находиться за сотню, две сотни, четыреста миль отсюда. Воздух этого мира казался невообразимо прозрачным, и определить расстояние на глаз здесь было трудно. Почти невозможно. Только одно знала Сюзанна наверняка: вид этих далеких, размытых в солнечном мареве башен переполнял ее тихим восторгом, и немым изумлением... и глубокой щемящей тоской по Нью-Йорку. *Я бы, наверное, все отдала, чтобы еще раз увидеть Манхэттен с моста Трайборо,* вдруг подумалось ей.

Она сама улыбнулась нежданной мысли. Потому что Сюзанна знала, что это неправда. Правда была в другом. Теперь она ни на что уже не променяет Роландов мир. Ее пьянили его пустынные просторы и таинственная тишина. Но самое главное, с ней рядом человек, которого она любит. Дома, в Нью-Йорке, во всяком случае, в том Нью-Йорке, каким он был в ее время, их союз стал бы поводом для вечных насмешек и злобного раздражения, всякий, кому не лень, любой идиот отпускал бы в их адрес оскорбительные замечания и грязные шуточки: чернокожая женщина двадцати шести лет и ее белый любовник, который на три года младше ее и имеет к тому же привычку шепелявить, когда возбужден или взволнован. Ее белый любовник, который недавно совсем освободился от пагубного своего пристрастия к наркоте. А ведь еще месяцев восемь назад он таскал за плечами громадную обезьяну. А здесь, в мире Роланда, никто не смеется над ними, никто их не поддевает. Никто не тычет в них пальцем. Здесь нет никого. Только Роланд, Эдди и она — трое последних стрелков.

Она взяла Эдди за руку, ей было приятно чувствовать ее успокаивающее тепло.

— Это, наверное, река Сенд, — тихо проговорил Роланд, указав на широкую полосу воды. — Вот уж не думал, что мне доведется ее увидеть... Если честно, я даже не верил, что она вообще существует. Как и Стражи с Вратами.

— Здесь так красиво, — вымолвила Сюзанна, не в силах оторвать взгляд от этих необозримых просторов, что пролегали до самого горизонта, дремлющих в колыбели роскошного лета. Взгляд ее то и дело скользил по густой тени деревьев, растянувшейся, казалось, на многие мили по этой зеленой равнине, озаренной лучами клонящегося к горизонту солнца. — Такими, наверное, были и наши Великие равнины, пока там не обосновались первые поселенцы... еще до того, как пришли индейцы. — Свободной рукой она указала туда, где полоска Великого Тракта сужалась в единую точку. — А это твой город. Да?

— Да.

— Выглядит вроде бы ничего, — сказал Эдди. — Разве такое возможно, Роланд? Чтобы он до сих пор сохранился? Ваши древние строили так основательно?

— В наше время возможно все, — отозвался Роланд, но голос его прозвучал не особенно убедительно. — Но лучше все-таки не обольщаться, Эдди, и не тешить себя надеждой.

— Что? Да я, в общем, и не обольщаюсь. — Однако Эдди сейчас покривил душой. В сердце Сюзанны этот размытый в солнечном мареве город пробудил щемящую тоску по дому; у Эдди же вспыхнула искра надежды. Если город стоит, если он до сих пор сохранился — а он сохранился, это же ясно, — там могут быть люди. Настоящие люди, а не чокнутые уроды, потерявшие человеческий облик, которые встретились Роланду в недрах гор. Люди в городе могли быть (*американцами,* — прошептало его подсознание) разумными и готовыми оказать им посильную помощь; они, возможно, даже подскажут усталым путникам, как им добраться до цели... и как избежать смерти на этом пути. Перед мысленным взором Эдди предстала такая заманчивая картина (навеянная, должно быть, фильмами типа «Последнего звездного воина» и «Темного кристалла»): совет суровых, но справедливых старцев, городских старейшин, подносит им яства, приготовленные лучшими поварами из продуктов, извлеченных из неистощимых городских кладовых (или выращенных в садах, защищенных стеклянными куполами от пагубного воздействия окружающей среды), а пока они с Роландом и Сюзанной вкушают изысканные блюда, а проще сказать — набивают желудки, почтенные старцы им все растолкуют: что их ждет впереди и что все это значит. А на прощание они им подарят подробный атлас автомобилиста, одобренный Американской автомобильной ассоциацией, с отмеченной красным фломастером самой удобной дорогой к Башне.

Эдди не знал выражения deus ex machina*, но все-таки понимал — дорос уже до понимания, — что такие гостеприимные мудрецы существуют исключительно в сказочных комиксах и фильмах для детей. Но ему все равно не давала покоя пьянящая мысль, что где-то в этом пустынном опасном мире сохранился анклав древней цивилизации — страна мудрых добрых эльфов, которые им расскажут и разъяснят, что, черт возьми, делать дальше. А сказочные очертания города на этом подернутом легкой дымкой горизонте лишь придавали ему уверенности, что такое хотя бы не исключено. Но даже если там никого нет, если жители города давным-давно сгинули, умерли от какой-то страшной эпидемии или погибли в великой войне с применением химических ядов, им все равно обязательно нужно зайти в этот город... он мог послужить им хотя бы как склад всяких полезных вещей — этакая гигантская база снабжения сухопутных войск и

* Букв. «бог из машины», т.е. неожиданная развязка, происходящая благодаря случайности или вмешательству сверхъестественных сил.

военно-морского флота, где они разживутся всем необходимым для долгого и многотрудного путешествия, которое, — а в этом Эдди ни капельки не сомневался, — ждет их впереди. К тому же Эдди был, что называется, «городским ребенком», он родился и вырос в городе, и один только вид этих высоких домов и башен придал ему бодрости и поднял настроение.

— Ну хорошо! — Эдди хотелось смеяться. — Полный вперед! Навстречу великим мудрым эльфам!

Сюзанна озадаченно на него покосилась. Но при всем том она улыбалась.

— С чего бы ты так возбудился, мой мальчик?

— Просто так. Ни с чего. Не обращай на меня внимания. Мне просто не терпится поскорее отправиться в путь. Что скажешь, Роланд? Ты не хочешь...

Но что-то в лице стрелка — за внешним его спокойствием неуловимый намек на какую-то смутную и печальную грезу — заставило Эдди прерваться на полуслове. Он умолк и приобнял Сюзанну за плечи, как будто хотел защитить ее.

15

Роланд лишь мельком взглянул на город на горизонте, а потом его взгляд случайно упал на нечто, находящееся гораздо ближе к холму, на вершине которого странники стояли сейчас, и стрелка вдруг охватила тревога. Дурное предчувствие. Он уже видел такое раньше. И в последний раз, когда это случилось, с ним был Джейк. Роланд вспомнил, как они выбрались наконец из пустыни и направились дальше, по следам человека в черном, через холмы к горам. Путь был нелегким, но там зато появилась опять вода. И трава.

Как-то ночью стрелок проснулся и обнаружил, что Джейка нет рядом. Из ивовой рощи, где протекал ручей, доносились какие-то вопли, сдавленные и отчаянные. Кричал Джейк. К тому времени, когда Роланд продрался сквозь заросли на поляну, сокрытую в роще, крики мальчика стихли. Роланд нашел его. Джейк стоял точно в таком же месте, что виднелось сейчас за холмом впереди. Место древних камней, место жертвоприношений, место, где обитает оракул... и провидит под давлением силы... и убивает, когда выпадает возможность.

— Роланд? — встревожился Эдди. — В чем дело? Что-то не так?

— Видишь вон там? — указал Роланд пальцем. — Говорящий круг. Эти высокие штуки — стоящие камни. — Роланд вдруг поймал себя на том, что во все глаза смотрит на Эдди, с которым встретился в первый раз в пугающей, но удивительной воздуш-

ной карете в том, другом, странном мире, где стрелки носят синюю форму, есть в изобилии сахар, бумага и чудесные снадобья вроде астина. На лице Эдди сейчас появилось какое-то странное выражение... как будто он знал наперед, что с ним будет. И знание это его не обрадовало. Свет надежды, зажегшийся у него в глазах при виде города на горизонте, теперь угас, и взгляд его стал тусклым и сумрачным. Так, наверное, приговоренный к смерти преступник смотрит на виселицу, на которой его должны вздернуть.

Сначала Джейк, теперь Эдди, подумал стрелок. *Беспощадно великое колесо, что раскручивает наши жизни. Описав полный круг, оно всегда возвращается к той же точке.*

— Вот черт! — В голосе Эдди, вырывающемся из пересохшего горла, явственно слышался страх. — Знаешь, по-моему, именно там твой парнишка попытается перебраться сюда.

Стрелок кивнул.

— Вполне вероятно. Эти места опасны, но они *притягательны.* Я уже как-то спасал его из такого же точно круга. Провидица, хранившая этот круг, едва не убила его.

— Но откуда ты *знаешь?* — спросила у Эдди Сюзанна. — Ты видел сон?

Эдди лишь покачал головой.

— Сам не знаю. Но как только Роланд показал на эти дурацкие камни... — Он на мгновение умолк и внимательно посмотрел на стрелка. — Нам надо спуститься туда. И как можно скорее. — В его голосе перемешались неистовый пыл и страх.

— Это случится сегодня? — спросил Роланд. — Ночью?

Эдди опять покачал головой и облизал вдруг пересохшие губы.

— Не знаю. Я не уверен. Сегодня? Сегодня вряд ли. Время... здесь оно не такое, как там, где сейчас твой парнишка. Оно движется медленнее в его мире. Может быть, завтра. — Если до этого Эдди еще удавалось справляться с паническим страхом, вдруг его охватившим, то теперь он прорвался наружу. Неожиданно он повернулся и схватил Роланда за грудки, скомкав рубаху стрелка своими холодными влажными пальцами. — Мне нужно было закончить ключ, а я его не закончил. И я должен был сделать еще кое-что, но я понятия не имею, что именно. Так что теперь, если мальчик погибнет, это будет *моя вина!*

Роланд оторвал руки Эдди от своей рубахи.

— Возьми себя в руки.

— Роланд, ты не понимаешь...

— Я понимаю, что нечего хныкать и ныть. Так все равно ничего не решишь. Я понимаю, что ты забыл лицо своего отца!

— Я тебя умоляю! Что за бред ты опять несешь?! Да меня, если хочешь знать, вообще не гребет мой папаша! — выкрик-

нул Эдди, впадая в истерику, и Роланд влепил ему добрую оплеуху. Звук удара был точно треск сломанной ветки.

Голова Эдди дернулась в сторону; он широко распахнул глаза, как будто не веря случившемуся, и ошарашенно уставился на Роланда. Потом медленно поднял руку и прикоснулся к наливающемуся кровью отпечатку ладони на своей щеке.

— Ах ты, *гад!* — прошептал он. Рука легла на рукоять револьвера на левом бедре. Сюзанна попробовала перехватить руку Эдди, но он оттолкнул ее.

Готовься, учитель, — сказал себе Роланд. — *Сейчас тебе предстоит преподать ему очередной урок. Только на этот раз от этого урока зависит и моя жизнь, и его.*

Где-то вдали, в тишине, хрипло прокаркала ворона, и Роланду вдруг вспомнился его сокол. Давид. Теперь *Эдди* был его соколом... и ему — точно так же, как когда-то Давиду, — нельзя давать ни малейшего послабления, иначе он просто ничтоже сумняшеся вырвет наставнику глаз.

Или вцепится в глотку.

— Хочешь меня застрелить? Чтобы все кончилось так... Ты этого хочешь, Эдди?

— Знаешь, приятель, меня уже заколебал этот твой репертуарчик. — Слезы и ярость туманили Эдди взор.

— Ты не закончил ключ. Потому что, как тебе кажется, ты боишься его закончить. Но это не так. Ты боишься другого. Ты боишься однажды понять, что не сможешь его закончить. Ты боишься спуститься к стоящим камням, но не из-за того, что с тобой может случиться, когда ты войдешь в их круг. Ты боишься, что там ничего не случится. Не большой мир страшит тебя, Эдди, а маленький мир, что внутри тебя. Ты забыл лицо своего отца. Так что давай. Застрели меня, если тебе хватит смелости. Мне надоело смотреть, как ты вечно плачешься.

— Прекрати! — закричала Сюзанна, не выдержав. — Ты что, не видишь, что он это сделает?! Что ты сам *вынуждаешь* его это сделать?!

Роланд пристально на нее посмотрел.

— Я только хочу, чтобы он принял решение. Сам. — Он опять повернулся к Эдди, и лицо его в сети глубоких морщин было суровым и непреклонным. — Ведь тебе удалось освободиться от призрака героина. И тень брата больше не донимает тебя, мой друг. Теперь тебе остается одно: освободиться от собственной тени. Если тебе хватит смелости. Так что давай. Освободись или убей меня. Выбирай. *И покончим уже со всем этим.*

На мгновение ему показалось, что Эдди именно так и поступит и все закончится прямо здесь, на вершине холма, под безоблачным летним небом, неподалеку от города, призрачной тенью

встающего на горизонте. Но тут вдруг у Эдди дернулась щека. Твердая линия губ смягчилась, они задрожали. Он убрал руку с сандаловой рукояти Роландова револьвера. Грудь его судорожно поднялась... раз... другой... третий. Из горла вырвался сдавленный полустон-полукрик, исполненный ужаса и отчаяния. Эдди шагнул к Роланду, нетвердо, как будто вслепую.

— *Да, мать твою, я боюсь! Неужели ты не понимаешь, Роланд?* Я боюсь!

Ноги его подкосились, и он начал падать. Роланд успел подхватить его и крепко прижал к себе, чувствуя запах потной и грязной кожи, запах страха и слез.

Еще пару мгновений стрелок постоял, обнимая дрожащего Эдди, потом отстранился и повернул его лицом к Сюзанне. Эдди упал на колени рядом с ее коляской, устало свесив голову. Она положила ладонь ему на затылок и прижала голову Эдди к своему бедру.

— Иногда я тебя ненавижу, — с горечью проговорила она, обращаясь к Роланду.

Роланд сдавил кулаками виски.

— Я сам себя иногда ненавижу.

— Но тебя это не останавливает тем не менее?

Роланд не ответил. Он посмотрел на Эдди, который полулежал на земле, прижавшись щекой к бедру Сюзанны и зажмурив глаза. Лицо его выражало вселенскую скорбь и отчаяние. Роланд не без труда подавил в себе подступающую усталость, справившись с искушением перенести это во всех отношениях полезное и «приятное» обсуждение на какой-нибудь другой день. Если Эдди не ошибся, то другого дня у них может *не быть*. Джейк готов. Почти уже решился на последний шаг. А Эдди было предначертано судьбой встретить мальчика в этом мире. Сыграть роль этакой повивальной бабки. И если Эдди не будет готов, Джейк может погибнуть на входе, как погибает новорожденный, когда материнская пуповина обвивается вокруг его шеи во время схваток.

— Вставай, Эдди.

В первый миг Роланду показалось, что Эдди так и будет лежать, скорчившись на земле и пряча лицо у бедра женщины. Если так, все потеряно... и это тоже *ка*. Но Эдди встал. Пусть медленно, нехотя, но он встал. Все его тело — голова, плечи, руки и волосы — безвольно обвисло. Но он все же поднялся. И это только начало.

— Посмотри на меня.

Сюзанна встревоженно зашевелилась, но на этот раз промолчала.

Эдди медленно поднял голову и дрожащей рукой убрал прядь волос, упавшую на глаза.

— Он твой и должен быть у тебя. Я сделал ошибку. Мне не стоило брать его у тебя, какой бы она ни была, моя боль. — Стрелок рывком сорвал с шеи шнурок с ключом и протянул его Эдди. Тот потянулся за ним, как во сне, но руку Роланд разжал не сразу. — Ты постараешься сделать, что должен? Что нужно сделать? Ты обещаешь?

— Да, — выдохнул Эдди почти неслышно.

— Ты ничего мне не хочешь сказать?

— Мне, наверное, нужно попросить прощения за свой страх. — В голосе Эдди было что-то ужасное. У Роланда вдруг защемило сердце. Потому что он, похоже, знал причину: сейчас Эдди прощался с детством, болезненно, трудно. Этого не увидишь, но Роланду казалось, что он слышит какие-то слабые всхлипы. Плач уходящего детства. Он изо всех сил старался остаться глухим.

Еще одна жертва во имя Башни. Мой счет растет, как давний счет пьяницы в кабаке, а время, когда мне придется платить по нему, приближается с каждым днем. Вот только сумею ли я расплатиться?

— Мне не нужно твоих извинений, и уж тем более за страх, — сказал он. — Кем бы мы были без страха? Уже не людьми, а бешеными псами с пеной на морде и засохшим на лапах дерьмом.

— Тогда что тебе нужно? — Эдди снова сорвался на крик. — Ты и так забрал все... все, что я мог тебе дать! Нет, даже больше, потому что я все-таки извинился в конце... ты забрал у меня даже это, последнее! *Что тебе надо еще от меня?*

Роланд молча держал в руке ключ — их шанс спасти Джейка Чеймберза. Он не сказал больше ни слова. Он только смотрел в глаза Эдди, а над зеленым простором равнины сияло солнце, и под солнцем поблескивала река Сенд, отливая сероватой синевой. Где-то вдали, в золотых угасающих отблесках летнего дня, снова прокаркала ворона.

Прошло какое-то время. Постепенно взгляд Эдди Дина преисполнился пониманием.

Роланд кивнул.

— Я забыл лицо... — Эдди запнулся. Понурил голову. Тяжело сглотнул. Снова поднял глаза на стрелка. То, что объединяло их прежде и едва не умерло сегодня, вернулось опять — Роланд это увидел. Все, что было между ними плохого, ушло. Здесь, на этом открытом ветрам холме, залитом солнечным светом, на краю бытия все плохое ушло навсегда. — Я забыл лицо своего отца, стрелок... и я молю даровать мне прощение.

Роланд разжал ладонь и отдал ключ тому, кому предназначено было владеть им, ибо так предрешило *ка*.

— Не говори так, стрелок, — вымолвил Роланд Высоким Слогом. — Твой отец зрит тебя... он тебя любит... и я тебя тоже люблю.

Эдди взял ключ, крепко зажал его в кулаке и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Пойдемте, — выдавил он, и они стали спускаться по долгому склону холма к равнине, что простиралась под ними до самого горизонта.

16

Джейк медленно шел по Кастл-авеню, мимо пиццерий, баров и винных погребков, где старушенции с недоверчивыми физиономиями самозабвенно чистили картошку и выжимали сок из помидоров. Ремни ранца натерли подмышки. Ноги болели. Он прошел под цифровым термометром, который показывал восемьдесят пять градусов по Фаренгейту*. А Джейку казалось, что все сто пять**.

Впереди на Кастл-авеню с боковой улицы вырулила полицейская машина. Джейк неожиданно заинтересовался витриной магазина садового инвентаря. Он встал спиной к улице и стоял так до тех пор, пока в стекле не проплыло черно-белое отражение. Как только машина проехала, он двинулся дальше.

Эй, Джейк, старина, и куда же ты, собственно, направляешься?

Ни малейшего представления. Он твердо знал только одно: мальчишка, которого он сейчас ищет — мальчишка с зеленой повязкой на лбу и в желтой футболке с надписью В СРЕДИННОМ МИРЕ НЕ ЗНАЮТ СКУКИ, — где-то близко, но что из того? Иголка в большом стоге сена, каким был для Джейка Бруклин.

Он миновал переулок, где стены домов были испещрены надписями краской из аэрозольных баллончиков. В основном именами: ЭЛЬ-ТЬЯНТЕ-91, ГОНСАЛЕС СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, МАЙК-ФУРГОН, — но среди них попадались слова и фразы, имеющие хоть какой-то смысл, пусть и неясный. Взгляд Джейка наткнулся на две такие.

РОЗА — ЭТО РОЗА — ЭТО РОЗА

было написано на кирпичной стене ярко-красной когда-то краской, которая стала теперь пепельно-розовой — цвета той розы, распустившейся на пустыре, где когда-то стоял магазинчик деликатесов «Том и Джерри». Чуть ниже густой синей краской — она казалась едва ли не черной — кто-то вывел совсем уже странное обращение:

---

* около тридцати градусов по Цельсию.

** около сорока градусов по Цельсию.

Что еще за ерунда? — призадумался Джейк. Он не знал. Быть может, какая-то фраза из Библии... но надпись буквально тянула его к себе, завораживала, как гипнотический взгляд змеи птицу. Наконец он сумел оторвать взгляд от стены и пошел дальше, медленно и задумчиво. Была уже почти половина третьего. Тень под ногами его начала удлиняться.

Впереди него медленно шел старик, опираясь на суковатую палку и стараясь держаться поближе к домам, в теньке. Его карие глаза перекатывались за толстыми стеклами старомодных очков, точно два здоровенных яйца.

— Молю даровать мне прощение, сэр, — крикнул Джейк ему в спину, не сознавая, что он говорит, и даже не слыша своего голоса.

Старик обернулся и уставился на него, моргая от удивления и испуга.

— Не приставай ко мне, мальчик. — Он приподнял свою клюку и неуклюже замахнулся ею на Джейка.

— Вы, случайно, не знаете, сэр, есть здесь где-нибудь поблизости школа, называется «Академия Марки»? — выпалил Джейк первое, что пришло в голову. Прозвучало, конечно, глупо, но ничего лучше он не придумал.

Старик медленно опустил клюку — ему, наверное, польстило обращение «сэр» — и вытаращился на Джейка с рассеянным интересом, в котором сквозило некоторое безумие, свойственное дряхлым старикам, впавшим в маразм.

— А почему ты не в школе, мальчик?

Джейк устало усмехнулся. Опять та же песня.

— У нас экзамены. А сюда я пришел, чтобы увидеться с другом. Он в «Академии Марки» учится. Простите, если я вас потревожил.

Он осторожно обошел старика (очень надеясь, что тому не придет в голову шлепнуть его напоследок клюкой по заднице — так, на счастье) и добрался почти до угла, как вдруг старик завопил ему вслед:

— Эй, мальчик! Мальчи-и-и-и-ик!

Джейк обернулся.

— Нету здесь никакой «Акидемии Марки», — сообщил старик. — Я тут живу уже двадцать два года. Если б была, я бы знал. Маркиавеню, да, есть. Но никакой такой «Акидемии».

От неожиданного возбуждения у Джейка скрутило живот. Он развернулся и шагнул обратно к старику, который тут же приподнял клюку, принимая оборонительную позицию. Джейк немедленно остановился, так, чтобы их разделяла полоса безопасности хотя бы футов в двадцать.

— А где она, сэр? Марки-авеню? Вы мне не подскажете?

— А чего ж, подскажу, — отозвался старик. — Говорю же тебе, я тут уже двадцать два года живу. В двух кварталах отсюда. Возле кинотеатра. «Маджестик» он называется, повернешь налево. Только тут нет никакой «Акидемии Марки». Никакой такой «Акидемии».

— Спасибо, сэр! Спасибо!

Джейк развернулся и поглядел вперед. Да, все правильно — в двух кварталах отсюда над тротуаром нависал типовой козырек кинотеатра. Он рванулся туда сломя голову, но, подумав как следует, рассудил, что не надо бы лишний раз привлекать внимание, и перешел с бега на шаг. Быстрый шаг.

Старик проводил его взглядом.

— *Сэр!* — в замешательстве пробормотал он себе под нос. — *Сэр,* однако!

Фыркнув от смеха, он двинулся дальше.

17

С наступлением сумерек путники остановились. Стрелок выкопал неглубокую яму и развел в ней костер. Им не нужно было готовить ужин, но им нужен был свет. Эдди требовался свет. Чтобы закончить ключ.

Стрелок оглянулся и увидел одну Сюзанну — темный силуэт на фоне темнеющего аквамаринового неба. Эдди поблизости не наблюдалось.

— Где он? — спросил Роланд.

— Он там, на дороге. Не трогай его сейчас, Роланд... он сегодня и так от тебя натерпелся.

Роланд кивнул, склонился над ямой и высек искру, чиркнув огнивом по кремню. Костер разгорелся быстро. Стрелок подкинул туда еще хворосту и сел ждать, когда придет Эдди.

18

А Эдди сидел на земле в полумиле от лагеря, посередине Великого Тракта. Сидел по-турецки, держа незаконченный ключ в руках, и смотрел на вечернее небо. Впереди вспыхнула искра и загорелся огонь. Эдди сразу же понял, что делает Роланд... и почему. Он опять поднял глаза к темному небу. Никогда в жизни не чувствовал он себя так одиноко. Никогда в жизни он так не боялся.

Небо было *огромным* — Эдди не доводилось еще видеть столько бескрайнего пространства, столько чистой, ничем не запятнанной пустоты. По сравнению с этим безбрежным небом он чувствовал себя маленьким и ничтожным, и это казалось правильным. Он занимал слишком незначительное место в мироздании.

Мальчик был уже близко. Эдди, похоже, знал, где сейчас Джейк и что он собирается делать. Одна только мысль об этом наполняла его изумлением, для выражения которого не было слов. Сюзанна пришла из 1963 года. Сам он — из 1987-го. А между ними... Джейк. Пытающийся совершить переход. Пытающийся снова родиться, но уже в другом мире.

Мы с ним встречались, подумал Эдди. *Должны были встречаться, и мне кажется, я помню... что-то такое. Как раз перед тем, как Генри ушел в армию, да? Он учился тогда на курсах при Бруклинском политехническом институте и ходил во всем черном: черные джинсы, черные мотоциклетные ботинки со стальными носками, черные футболки с закатанными рукавами. Стиль а-ля Генри Джеймс Дин. Доморощенный форсила. Я всегда его так называл про себя, но упаси Боже вслух, иначе он бы взъелся на меня.*

Тут Эдди вдруг сообразил, что то, чего он дожидался, сидя здесь в одиночестве на дороге и размышляя, уже случилось: на небе показалась Старая Звезда. Скоро — через пятнадцать минут или, может быть, и того меньше — вокруг нее загорится целая россыпь созвездий, но пока что в девственной тьме сияла она одна.

Эдди медленно поднял ключ перед глазами так, чтобы звезда оказалась в центральной зарубке, и прочел старое заклинание своего мира, которому его научила мама. Помнится, они опускались вдвоем на колени перед открытым окном и читали, глядя на первую звездочку, что загоралась на небе в вечерней тьме над крышами и пожарными лестницами Бруклина:

— Вижу первую звезду, по секрету ей шепну: у меня, звезда ночная, есть желание одно, я тебе его доверю, пусть исполнится оно.

Старая Звезда мерцала в зарубке ключа — бриллиант, пойманный в ясеневую ловушку.

— Дай мне мужества, — попросил Эдди. — Это мое желание. Дай мне силы закончить в конце концов эту штуковину, черт бы ее побрал.

Он еще пару минут посидел на дороге, потом медленно поднялся и пошел к лагерю. Там он уселся поближе к костру, молча достал нож стрелка и принялся за работу, не перекинувшись словом ни с Роландом, ни с Сюзанной. Тонкие завитки стружки слетали с s-образного кончика. Эдди работал быстро, вертя ключ к руках то одной, то другой стороной, время от времени закрывая глаза и про-

водя большим пальцем по деревянным бороздкам. Он старался не думать о том, что будет, если не выйдет нужной формы, — это бы наверняка его парализовало.

Роланд с Сюзанной сидели тут же, у него за спиной, и молча наблюдали за ним. Наконец Эдди выпрямился и отложил нож. Пот ручьями стекал по лицу.

— Этот твой мальчик, — обратился он к Роланду. — Джейк. Храбрый, наверное, пацан.

— Под горами он вел себя храбро, — отозвался Роланд. — Боялся, конечно, но виду не подавал.

— Жаль, что я так не могу.

Роланд пожал плечами.

— У Балазара ты дрался отважно, а ведь у тебя отобрали одежду. Всегда очень трудно сражаться голым, но ты сумел. И неплохо.

Эдди попытался припомнить подробности упомянутой перестрелки в ночном клубе, но все в сознании его сливалось в какое-то расплывающееся пятно: только дым, шум и свет, пробивавшийся через стену беспорядочными перекрестными лучами. Стену, наверное, разворотили выстрелы из автоматов. Да, скорее всего. Но он не решился бы утверждать это наверняка.

Он поднял ключ вверх, чтобы на фоне костра четко обозначились все его зарубки, и долго держал его так, приглядываясь в основном к s-образному завитку на конце. Вроде ключ вышел точно таким же, каким Эдди помнил его из сна и из того мимолетного видения в огне... и все же ему не давало покоя смутное *ощущение* «чего-то не того». Почти такой же, но не совсем.

Это все из-за Генри. Опять. Из-за всех этих лет, в течение которых ты был «чего-то не того». Ты его сделал, приятель... и сделал по высшему классу. Просто Генри внутри тебя не желает признать это.

Эдди тщательно завернул ключ в кусочек кожи.

— Все. Я закончил. Не знаю, насколько идеально я с ним справился, но я сделал все, что мог. — Теперь, когда Эдди закончил ключ и ему больше не надо было об этом думать, он вдруг ощутил какую-то странную пустоту в душе. Бесцельную и бессмысленную.

— Поешь чего-нибудь, Эдди? — тихо спросила Сюзанна.

Вот твоя цель, — сказал он себе. — *Вот он, твой смысл. Сидит с тобой рядом, сложив на коленях руки. Вся цель и весь смысл, которые есть у тебя и были...*

Но тут в его сознании возникло нечто — возникло в один миг. Не сон... не видение...

Не видение и не сон. Это память. Так уже было и вот опять... ты вспоминаешь будущее.

— Мне нужно сначала еще кое-что сделать. — Эдди поднялся на ноги.

С той стороны костра Роланд свалил в кучу охапку хвороста для растопки. Перерыв ее всю, Эдди нашел подходящую сухую палку длиной чуть больше двух футов и толщиной четыре дюйма, вернулся с ней на прежнее место возле самого костра и снова достал нож Роланда. На этот раз он работал быстрее. Никаких творческих вывертов. Просто заострил палку с одного конца наподобие колышка для палатки.

— Мы до рассвета сумеем выйти? — спросил он стрелка. — Мне кажется, мы должны прийти к этому кругу как можно скорее.

— Конечно. Если нужно, мы можем выйти и раньше. Правда, я не хотел бы идти в темноте... по ночам говорящие камни небезопасны... но надо — значит, надо.

— Судя по твоему выражению, старина, эти камушки небезопасны в любое время, — сказала Сюзанна.

Эдди отложил нож. Земля, которую Роланд выкопал, роя яму для костра, лежала кучкой у его правой ноги. Острым концом своей палки Эдди вывел в сырой земле знак вопроса. Знак вышел четким.

— Ну вот, — заключил он, стирая его. — Теперь все.

— Пожалуйте кушать, — сказала Сюзанна.

Эдди честно попытался что-нибудь проглотить, но есть ему не хотелось. Когда же он наконец уснул, примостившись к теплому боку Сюзанны, сон его был неглубоким, но зато без видений. Сквозь сон Эдди слышал непрекращающийся вой ветра, и ему представлялось, что он летит вместе с ним высоко в ночи, прочь от дневных забот и тревог, а Древняя Матерь со Старой Звездой невозмутимо мерцают над ним, обдавая космическим холодом его щеки.

В четыре утра Роланд его разбудил.

19

— Пора, — сказал Роланд.

Эдди сел. Рядом с ним, растирая ладонями заспанное лицо, поднялась Сюзанна. Едва в голове у него прояснилось со сна, Эдди весь преисполнился неудержимым пылом.

— Да. Идемте, и побыстрее.

— Он уже близко, да?

— Очень близко. — Эдди встал на ноги, приподнял Сюзанну и усадил ее на коляску.

В ее взгляде читалась тревога:

— А мы успеем?

Эдди кивнул.

— Но впритык.

Три минуты спустя они снова брели по Великому Тракту, что призрачно мерцал в темноте. А еще через час, когда небо окрасилось первыми проблесками зари, разгорающейся на востоке, путники начали различать далеко впереди монотонный ритмичный гул.

Барабаны, — подумал Роланд.

Машины, — подумал Эдди. — *Какие-то механизмы.*

Сердце, — сказала себе Сюзанна. — *Огромное сердце, больное... оно еще бьется... и оно в этом городе, куда нам предстоит войти.*

Прошло два часа. Странный звук замер так же внезапно, как и появился. В небе начали скапливаться облака — безликие белые облака с рваными очертаниями. Сначала они затянули солнце, потом все небо. До круга стоящих камней оставалось еще миль пять. В пасмурном утреннем свете, не дающем тени, камни чернели, как зубы поверженного чудовища.

20

В КИНОТЕАТРЕ «МАДЖЕСТИК» — НЕДЕЛЯ СПАГЕТТИ-ВЕСТЕРНА!

прочитал Джейк на выцветшем потрепанном рекламном щите, выставленном на углу Бруклин- и Марки-авеню.

ДВЕ КЛАССИЧЕСКИЕ КАРТИНЫ СЕРДЖИО ЛЕОНЕ*! НЕМНОГО ЗАЖИГАТЕЛЬНОГО СЕКСА ПЛЮС ЗЛОДЕЙСТВА И УЖАСЫ! БИЛЕТЫ НА ВСЕ СЕАНСЫ — 99 ЦЕНТОВ

В кассе сидела симпатичная девушка с миленькими белокурыми кудряшками и, пожевывая жвачку, с интересом читала одну из бульварных газеток, от которой так тащится миссис Шоу. В приемнике у нее надрывались «Лед Зеппелин». Слева от кассы, на щите для афиш, красовался огромный портрет Клинта Иствуда.

Джейк знал, что ему надо спешить — было уже почти три, — но он все-таки задержался на пару минут у входа в киношку, глядя на плакат под грязным потрескавшимся стеклом. На Иствуде был мексиканский плед. В зубах — сигара. Один край пестрого пончо пе-

* Серджио Леоне — итальянский кинорежиссер, создатель так называемого итальянского вестерна, или спагетти-вестерна.

рекинут небрежно через плечо, приоткрывая на поясе револьвер. Глаза бледно-голубые, точно вылинявшие. Глаза стрелка.

Это не он, — осадил себя Джейк. — *Но почти он. В основном из-за глаз... глаза очень похожи. Почти такие же.*

— Ты дал мне упасть, — сказал он вслух, обращаясь к стрелку на стареньком плакате... к стрелку, который не был Роландом. — Тогда я умер из-за тебя. А что будет на этот раз?

— Эй, малыш, — окликнула Джейка блондинка в кассе. Он даже вздрогнул от неожиданности. — Билетик берем или как?

— Не, — сказал Джейк. — Я эти фильмы уже смотрел.

Он прошел дальше и повернул налево, на Марки-авеню.

Он ждал, когда снова появится это странное ощущение — как бы *воспоминание о будущем.* Но оно не пришло. Улица так и осталась всего лишь улицей, самой обычной: жаркая, залитая солнцем, с жилыми домами по обеим сторонам. Их унылый песчаный цвет почему-то ассоциировался у Джейка с тюремными коридорами. На улице не было никого, кроме нескольких молодых мамаш, неспешно прогуливавшихся парами по тротуару, толкая перед собой коляски и лениво переговариваясь друг с другом. Было не по сезону жарко. Слишком жарко для мая. Слишком жарко для прогулок.

Что я ищу? Что?

За спиной у него раздался хриплый смех. Мужской смех. За ним последовал рассерженный женский окрик:

— Сейчас же отдай!

Джейк подскочил на месте, почему-то решив, что сердитый этот окрик предназначался ему.

— Отдай, Генри! Я не шучу!

Оглянувшись, он увидел двух парней. Одному было лет восемнадцать, другой был намного моложе... лет двенадцати-тринадцати. При виде этого второго мальчишки сердце у Джейка подпрыгнуло и будто перевернулось. Вместо полосатых шортов на мальчике были «вельветки» зеленого цвета, но желтую его футболку Джейк узнал тут же. К тому же под мышкой пацан держал старенький баскетбольный мяч. И хотя он стоял спиной, Джейк сразу понял, что мальчишку из сна он нашел.

21

Как выяснилось, кричала та самая симпатяшка со жвачкой из кассы. Старший из двух ребят — такой уже взрослый с виду, что его вполне можно было назвать мужчиной, одетый в черные джинсы и в черную же футболку с закатанными рукавами, — отобрал у нее газету и держал ее над головой, ухмыляясь.

— А ты подпрыгни за ней, Марианна! Прыгай, девочка, прыгай!

Девушка из кассы сердито уставилась на него. Щеки ее раскраснелись.

— Отдай, Генри! Хватит дурачиться. Отдай, кому говорю! *Идиот!*

— Нет, ты только послушай, Эдди! — возмутился старший. — *Как* она обзывается! Нехорошо, юная леди! — Продолжая ухмыляться, он помахал газетой перед самым носом у девушки, но так, чтобы она не сумела ее отобрать, и Джейк внезапно все понял. Они возвращались вдвоем — хотя, судя по разнице в возрасте, если только Джейк не ошибся, учились они в разных школах, — и старший подошел к кассе, делая вид, будто хочет сказать блондинке что-то важное и интересное, потом протянул руку через окошко и быстро выхватил у нее газету.

Джейку уже приходилось видеть лица, как у этого старшего парня, — такие рожи бывают у пацанов, считающих верхом веселья облить кошке хвост зажигательной смесью или скормить голодной бродячей собаке хлебный шарик с рыболовным крючком внутри. Это они забавляются тем, что дергают на уроке девчонок за бретельки бюстгальтеров, а потом начинают изображать этакую оскорбленную невинность — «Кто? Я? Да вы что, как можно?!», — когда кто-то из девочек все же не выдержит и пожалуется преподавателю. Таких в школе Пайпера было немного, но все-таки они были. Такие, наверное, есть в каждой школе, разве что в школе Пайпера они одеваются подороже. Но лица у них такие же. В прежние времена говорили, что с такой рожей виселицы не избежать.

Марианна все же подпрыгнула, чтобы достать газету, которую парень в черной футболке и черных джинсах свернул в трубочку. Но в последний момент он отвел руку в сторону и шлепнул блондинку газетой по голове, как строгий хозяин шлепает пса, напрудившего на ковер. Теперь у девушки потекли слезы... не из-за газеты, а из-за обиды и унижения. Лицо ее так раскраснелось, что казалось — оно горит.

— Ну и забирай ее! — закричала она. — На здоровье! Читать, я знаю, ты не умеешь, так хотя бы картинки посмотришь!

Она повернулась, чтобы снова сесть за кассу.

— Отдай, ну чего ты, на самом деле? — тихонько сказал младший мальчик — «знакомый» Джейка.

Старший протянул девушке свернутую в трубочку газету. Та быстро ее схватила, и даже на расстоянии в тридцать футов Джейк отчетливо расслышал звук рвущейся бумаги.

— Скотина ты, Генри Дин! — крикнула девушка. — Какая же ты скотина!

— Подумаешь, было бы из-за чего психовать. — В голосе Генри слышалась искренняя обида. — Уже и пошутить нельзя, все такие нежные. Да и порвалась она в одном месте... вполне еще можно читать. Ладно тебе, улыбнись. Чего ты набычилась?

Джейк подумал еще: все правильно. Как и следовало ожидать. Пацаны вроде этого Генри никогда не умеют вовремя остановиться. Всегда, даже в самых что ни на есть идиотских шутках, они заходят чуть дальше, чем следовало бы... а потом искренне удивляются, не понимая, почему кто-то на них орет. И все у них сводится к одному: «А чо я такого сделал?» Или: «Ты, что ли, шуток не понимаешь?» Или: «Да ладно тебе, улыбнись, чо психуешь?»

А ты-то зачем с ним, дружище? — Джейк действительно этого не понимал. — *Если ты на моей стороне, что у вас может быть общего с этим придурком?*

Но как только младший повернулся к нему лицом, Джейк сразу все понял. Черты у старшего были грубее, и вся рожа к тому же в прыщах, но в остальном сходство было поразительным. Они, стало быть, братья.

22

Джейк развернулся и прогулочным шагом направился вдоль по улице впереди двух ребят. Засунув дрожащую руку в нагрудный карман, он извлек отцовские темные очки и кое-как водрузил их на нос.

За спиной у него голоса становились все громче, как будто кто-то включил приемник и медленно увеличивал громкость.

— Зачем ты так с ней, Генри? Она же обиделась.

— Ей это нравится, Эдди, — самодовольно ответил Генри голосом умудренного опытом человека, который знает о жизни все. — Когда станешь постарше, поймешь.

— Но она же плакала.

— В глаз, наверное, что-то попало, — философски заметил Генри.

Они подошли совсем близко. Джейк вжался в стену ближайшего дома, низко опустив голову и засунув руки в карманы джинсов. Он не знал, почему так важно, чтобы его не заметили. Он знал только одно: это важно. Не из-за Генри, нет. Из-за младшего...

Младший не должен меня запомнить, вдруг подумалось ему. *Не знаю почему, но не должен.*

Они прошли мимо, не обратив на него внимания. Младший — Генри звал его Эдди — шел ближе к проезжей части, обводя мяч вдоль канавы.

— Но это же было смешно, согласись! — говорил Генри. — Старушка Марианна подпрыгивает за газетой. Ап! Ап!

Эдди поднял глаза на брата. Наверное, хотел посмотреть на него с укоризной... но все же не выдержал и рассмеялся. В лице его было столько любви, искренней и безграничной, что

Джейк понял сразу: Эдди многое простит брату, пока наконец не решит, что игра не стоит свеч. Что это все бесполезно.

— Так мы идем? — спросил Эдди. — Ты обещал, что мы сходим. После школы.

— Я сказал: *может быть*. Думаешь, мне охота туда переться? Не ближний все-таки свет. Да и мать, наверное, уже дома. Может, лучше домой пойдем? Телик посмотрим.

Они были уже на десять шагов впереди.

— Нет, давай сходим. Ты *обещал*!

Сразу за домом, вдоль которого шли сейчас братья, начинался забор с открытыми воротами. Джейк вытаращил глаза. Потому что за этим забором была баскетбольная площадка. Та самая, что приснилась ему прошлой ночью; во всяком случае, очень похожая. Во сне ее окружали деревья. На самом деле деревьев не было и в помине. Не было и той странной будки в желтую с черным косую полоску. Но площадку Джейк узнал сразу. Тот же потрескавшийся асфальт. Та же разметка — выцветшие желтые линии.

— Ну... может быть. Я не знаю. — Джейк понял, что Генри просто издевается над младшим братом. Дразнит его. А вот Эдди этого не понимал. Он сейчас думал только о предстоящем походе в то место, куда ему так хотелось попасть. — Давай пока поиграем немножко, а я подумаю.

Выхватив мяч из рук брата, он неуклюже провел его по площадке и бросил в кольцо. Мяч ударился в щит выше цели и отскочил, даже не задев кольца. *Генри, может быть, и мастак отбирать у девчонок газеты,* подумал Джейк, *но на баскетбольной площадке ему делать нечего.*

Эдди прошел через ворота, остановился, чуть не доходя до площадки, расстегнул свои «вельветки» и стал их снимать. Под брюками у него оказались те самые полосатые шорты, в которых он был во сне Джейка.

— Ух ты, какие штанишки! — воскликнул Генри. — Ну разве не *пре-елесть?!* — Он дождался, пока Эдди, снимая брюки, не встанет на одну ногу, и запустил в него баскетбольным мячом. Эдди все-таки удалось отбить мяч, тем самым избавляя себя от малоприятной перспективы ходить с расквашенным носом, но при этом он потерял равновесие и неловко упал на асфальт. Хорошо еще, не порезался, хотя мог бы: вдоль всей площадки, отсвечивая в солнечных лучах, валялись осколки битого стекла.

— Не надо, Генри. Перестань, — сказал он, но без упрека в голосе. Джейк понял, что Эдди давно уже свыкся с тем, что брат измывается над ним как хочет, и замечал подобные его выходки только тогда, когда Генри глумился над кем-то другим... тоже слабым и беззащитным — вроде юной блондинки в кассе.

— Де дадо, Генли. Пелестань, — передразнил его Генри.

Эдди поднялся на ноги и выбежал на площадку. Мяч ударился о забор и отскочил назад к Генри. Тот попытался провести мяч мимо младшего брата, но Эдди молниеносно, даже изящно выставил руку вперед и перехватил мяч. Легко нырнув под протянутую, бьющую по воздуху руку Генри, он рванулся к корзине. Сердито нахмурившись, Генри бросился вдогонку, но с тем же успехом он мог бы прилечь отдохнуть. Эдди подпрыгнул, согнув ноги в коленях и прижимая ступни друг к другу, и уложил мяч в корзину. Генри схватил его на лету и повел к боковой линии.

Зря ты, Эдди. Не стоило этого делать, — подумал Джейк. Он внимательно наблюдал за играющими, встав у самого начала забора. Место казалось достаточно безопасным. Пока. Джейк был в темных очках. Все-таки маскировка. К тому же мальчики так увлеклись игрой, что, подойди к ним сейчас сам президент Картер, они бы, наверное, его не заметили. Впрочем, Джейк сомневался, что Генри знает, кто такой президент Картер.

Он думал, что Генри станет обзываться, может быть, даже даст брату пинка за отобранный мяч, но он, кажется, недооценил хитрость Эдди. Генри сделал обманный маневр, который не ввел бы в заблуждение и матушку Джейка, но Эдди как будто поддался на трюк. Генри бросился мимо брата к щиту, в нарушение всех правил почти что не выпуская мяча из рук. Джейк был уверен, что Эдди запросто мог бы догнать его и отобрать мяч, но тот специально отстал. Генри швырнул мяч в корзину — так же неловко, как в первый раз, — и мяч опять отскочил от щита. Эдди подхватил его... и дал ему выскользнуть из рук. Генри этим воспользовался. Повернувшись к щиту, он опять бросил мяч. На этот раз он попал.

— Один — один, — выдохнул, запыхавшись, Генри. — Игра до двенадцати?

— Как всегда.

Джейк увидел достаточно. Игра пойдет, как говорится, очко в очко, но Генри все-таки выиграет. Эдди приложит к этому все усилия. И не только из-за того, чтобы избежать очередной головомойки. Выиграв, Генри придет в благодушное настроение и скорее согласится пойти туда, куда так упорно зовет его Эдди.

Эй, парень, похоже, твой младший братишка давно уже вертит тобой как хочет; управляется, как скрипач-виртуоз со скрипкой, а тебе даже и невдомек.

Он отошел немного назад, пока дом, что стоял на северном углу двора, не закрыл обзор. Теперь Джейк не видел уже братьев Дин, а они его. То есть они и раньше его не заметили, но лучше все-таки лишний раз на виду не маячить. Прислонившись к стене, Джейк

слушал глухие удары мяча об асфальт. Вскоре Генри уже пыхтел, точно Чарли Чу-Чу, взбирающийся на крутой холм. Он, должно быть, заядлый курильщик. Такие парни, как Генри, всегда курят.

Игра продолжалась около десяти минут. Когда Генри провозгласил наконец победу, на улице появились и другие ребята. Наверное, в ближайшей школе закончились занятия. Проходя мимо Джейка, кое-кто покосился на него с нескрываемым любопытством.

— Хорошо сыграно, Генри, — заметил Эдди.

— Неплохо, — отозвался, тяжело дыша, Генри. — А ты снова купился на старый финт.

А то как же, подумал Джейк. *И еще долго, наверное, будет покупаться, пока не прибавит в весе фунтов восемьдесят. А потом он, наверное, очень тебя удивит.*

— Да, я опять, кажется, лопухнулся. Слушай, Генри... может, все-таки сходим туда. Ну *пожалуйста.*

— А чо не сходить? Давай.

— *Ура!* — радостно завопил Эдди. Затем раздался звонкий шлепок. Должно быть, Эдди ударил брата ладонью о поднятую ладонь. — Как клево!

— Тогда поднимись домой. Скажи матери, мы вернемся в полпятого, в крайнем случае — без пятнадцати. Только ни слова про особняк. А то с ней удар приключится. Она тоже верит, что там живут привидения.

— Может, сказать ей, что мы идем к «Дьюи»?

Генри задумался. В разговоре образовалась пауза.

— Не. Она может проверить... позвонить миссис Банковски. Скажи лучше... скажи, что мы пойдем в «Дали». Что нам захотелось по «Худси Рокетс». Она поверит. И стрельни у нее пару баксов.

— Денег она не даст. Осталось два дня до зарплаты.

— Ерунда. Постараешься — выудишь. Ну давай иди.

— Хорошо. — Но Джейк не услышал шагов. — Генри?

— Чо? — Раздраженно.

— А там *правда* живут привидения, в особняке? Как ты думаешь?

Джейк бочком пододвинулся ближе к площадке. Его, конечно, могли заметить, но пришлось рискнуть: ему надо было услышать ответ.

— Не. Привидениий вообще *не бывает*... только в дурацких фильмах.

— А-а. — В голосе Эдди явственно слышалось облегчение.

— Но если и есть одно завалящее в этом городе, — продолжал Генри (увидев, что Эдди уже не боится, ему, наверное, захотелось поиздеваться над младшим братом, подумал Джейк), — тогда оно точно в особняке. Говорят, пару лет назад туда зашли два пацана, просто чтобы проверить себя, слабо им или нет, а по-

том легавые нашли их там с перерезанными глотками. В их телах не осталось ни капли крови. Но вокруг крови не было. Понимаешь? Крови не было.

— Правда? — выдохнул Эдди.

— А то. Но это еще не все.

— А что еще?

— У них волосы были седые, то есть совсем седые. — Голос Генри, долетевший до Джейка, звучал торжественно и серьезно. Ему показалось даже, что на этот раз Генри вовсе не дразнит брата, что он сам верит каждому своему слову. (Кроме того, Джейк не думал, что у Генри хватило бы ума выдумать что-то подобное.) — У обоих. И глаза у них были открыты. Широко-широко. Как будто они перед смертью увидели самое страшное привидение в мире.

— Ладно, хорош заливать, — вставил Эдди, но в его голосе явственно слышался страх.

— Ты еще не передумал?

— Конечно, нет. К тому же мы ведь не собираемся... ну, подходить слишком близко.

— Тогда иди скажи матери. И постарайся все-таки выудить у нее пару баксов. Мне надо купить сигарет. И занеси этот дурацкий мяч!

Джейк попятился и укрылся в ближайшем подъезде в тот самый момент, когда Эдди вышел с площадки.

Но тут, к несказанному ужасу Джейка, мальчик в желтой футболке направился в его сторону. О-о-о! — в испуге подумал Джейк. — *А что, если это его подъезд?*

Так и вышло. Джейк успел лишь повернуться к панели звонков и принялся сосредоточенно изучать список жильцов. Эдди Дин прошел мимо него. Так близко, что Джейк почувствовал запах пота от его разгоряченного напряженной игрой тела. Он не столько даже увидел, сколько почувствовал любопытный взгляд Эдди, брошенный на ходу в его сторону. Затем Эдди прошел в коридор и направился к лифтам. В одной руке он держал свои школьные брюки, в другой — баскетбольный мяч.

Сердце бешено колотилось у Джейка в груди. Оказалось, что в жизни следить за кем-то гораздо сложнее, чем в детективных романах, которые он иной раз почитывал. Перейдя через улицу, он прошел на полквартала вперед и остановился в проулке между двумя домами. Отсюда были видны и подъезд дома, где жили братья, и вход на площадку. Теперь на ней собрались ребятишки. В основном малышня. Генри стоял, прислонившись к забору, и со скучающим видом курил сигарету. Время от времени, когда кто-нибудь из малышни пробегал слишком близко, он лениво выставлял ногу, и до того, как вернулся Эдди, ему удалось подловить троих. С двумя первыми все обошлось, но третий упал, растянувшись

во весь рост, и сильно ударился лбом об асфальт. С ревом поднявшись, малыш убежал. Лоб его был весь в крови. Генри швырнул ему вслед окурок и радостно расхохотался.

Тоже мне весельчак, угрюмо подумал Джейк.

После этого малыши поумнели и старались теперь держаться от Генри подальше. Он вышел с площадки и не спеша направился к подъезду, где минут пять назад скрылся Эдди. Только он подошел, дверь распахнулась, и на улицу выскочил Эдди. Он переоделся. В джинсы и свежую футболку. На лоб повязал платок — тот самый, зеленый, который Джейк видел на нем во сне. Эдди победно размахивал двумя долларовыми бумажками, зажатыми в руке. Генри выхватил деньги и что-то спросил у брата. В ответ Эдди кивнул, и они пошли.

Джейк направился следом за ними, выдерживая расстояние в полквартала.

23

Они стояли в высокой траве на обочине Великого Тракта, глядя на говорящий круг.

Стонхендж. — Подумав об этом, Сюзанна невольно поежилась. — *Вот на что это похоже. На Стонхендж.*

Хотя густая трава, покрывавшая всю равнину, росла и у подножия высоких серых монолитов, внутри круга камней земля была голой. Только какие-то белые предметы валялись на ней тут и там.

— Что это? — спросила Сюзанна, почему-то понизив голос. — Камни?

— Присмотрись повнимательнее, — сказал Роланд.

Она так и сделала. Это были не камни, а кости. Наверное, кости каких-то зверюшек. Она очень на это надеялась.

Эдди переложил заостренную палку в левую руку, вытер о рубашку вспотевшую ладонь правой и снова взял палку в правую руку. Он открыл было рот, но в горле у него пересохло, и он не сумел ничего сказать. Эдди откашлялся и попробовал еще раз:

— По-моему, мне нужно войти в этот круг и кое-что нарисовать на земле.

Роланд кивнул.

— Прямо сейчас?

— Нет, но скоро. — Он заглянул Роланду в глаза. — Там что-то есть, да? Что-то, чего мы не можем увидеть.

— Сейчас его нет, — отозвался Роланд. — Во всяком случае, мне так *кажется.* Но оно придет, привлеченное нашим

кхефом — нашей жизненной силой. И оно постарается нас не пустить. Оно будет охранять свой круг. Верни мне револьвер, Эдди.

Эдди снял с себя ружейный ремень, отдал его Роланду и повернулся опять к кругу стоящих камней высотой футов двадцать, не меньше. Да, там действительно что-то есть. Или было. Эдди чувствовал его запах. В сознании его всплыли образы сырой штукатурки, трухлявых диванов и старых гниющих матрасов. Затхлая вонь. Знакомый запах.

Особняк... там точно так же воняло, я помню. В тот день, когда я все-таки уговорил Генри сходить в Датч-Хилл, на Райнхолд-стрит, к особняку.

Роланд застегнул пряжку на поясе и наклонился, чтобы закрепить кобуру на бедре.

— Нам может понадобиться Детта Уокер, — сказал он, поднимая голову и глядя в упор на Сюзанну. — Она здесь?

— Эта сучка всегда ошивается где-то поблизости, — сморщила нос Сюзанна.

— Хорошо. Эдди там нужно кое-что сделать, и кому-то из нас надо будет его прикрыть... я еще точно не знаю кому. Это логово демона. Демоны хоть и не люди, но у них тоже есть разделение полов. Пол — их оружие, но и слабость тоже. Сейчас нам не важно, какого пола демон там обитает. В любом случае он нападет на Эдди. Чтобы защитить свой круг. Чтобы домом его не воспользовался посторонний. Ты меня понимаешь?

Сюзанна кивнула. Эдди как будто не слушал. Засунув сверток с ключом за пазуху, он смотрел сейчас как завороженный в самый центр говорящего круга.

— У нас сейчас нет времени подбирать мягкие и приличные выражения, — продолжал Роланд, — в общем, кому-то из нас...

— Кому-то из нас надо будет трахаться с ним... или с ней, чтобы он или она не добрались до Эдди, — закончила за него Сюзанна. — Они, эти демоны, никогда не упустят возможность потрахаться на халяву. Ты мне это хотел сказать?

Роланд кивнул.

В глазах Сюзанны вспыхнули угрожающие огоньки. Теперь это были глаза Детты Уокер, умные и недобрые, горящие предвкушением крутой забавы. Даже голос ее стал как будто ниже. Теперь в нем явственно проступало протяжное южное произношение «девчонки с плантаций» — фирменный знак Детты Уокер:

— Если демон — девица, ее дрючишь ты. Если — мужик, я беру его на себя. Правильно я понимаю?

Роланд опять кивнул.

— А если он может и так, и этак? Что *тогда*, умник?

Губы Роланда скривились в подобие слабой улыбки.

— Тогда мы вместе его оприходуем. Главное, не забудь...

Эдди вдруг пробормотал тихим далеким голосом:

— Не все затихло в чертогах мертвых. Берегись, спящий уже просыпается. — Он повернулся к Роланду и посмотрел на него испуганными затравленными глазами. — Там чудовище.

— Демон...

— Нет. Там *чудовище*. Между дверями... между двумя *мирами*. Оно ждет. *И оно открывает глаза.*

Сюзанна испуганно покосилась на Роланда.

— Держись, Эдди, — сказал Роланд. — Верь в себя.

Эдди сделал глубокий вдох.

— Я буду держаться, пока оно не собьет меня с ног. Итак, начинается. Я пошел. Мне пора.

— Мы все идем. — Выгнув спину, Сюзанна сползла с коляски. — Если этому демону хочется перепихнуться, я покажу ему класс. Такой сладенькой девочки он в жизни еще не имел. Будет ему настоящий перепихон. На всю жизнь, голубчик, запомнит.

Как только они вошли в круг камней, начался дождь.

24

Едва Джейк увидел это место, он сразу понял две вещи. Во-первых, он уже видел его в своих снах, но настолько кошмарных, что потом, просыпаясь, он их не помнил вообще, как будто разум не позволял ему вспоминать их. А во-вторых, это место буквально дышало убийством, безумием и смертью. Он встал на дальнем углу Райнхолд-стрит и Бруклин-авеню, ярдах в семидесяти от Генри и Эдди Динов, но и на таком расстоянии Джейк ощущал некую силу, исходящую от особняка. Как будто этот старый заброшенный дом, не обращая внимания на братьев, тянул к нему невидимые жадные руки. Джейк представил себе эти страшные руки с когтями. Острыми и безжалостными.

Он меня чует. Он хочет заполучить меня. И я не могу от него убежать. Войти туда — смерть... но не войти — безумие. Потому что где-то там, внутри, есть дверь. Она заперта, но у меня есть ключ. И мне не на что больше надеяться. Мое единственное спасение там, за дверью.

Джейк с замиранием сердца глядел на особняк. Было в нем что-то явно ненормальное. Точно зловещая опухоль, дом мрачно чернел посреди неухоженного двора, буйно заросшего сорной травой.

Братья Дин прошли не спеша по Бруклину — все-таки девять кварталов, к тому же в такую жару — и добрались на-

конец до района, который, судя по вывескам магазинов, назывался Датч-Хилл. Остановились они перед самым особняком. (Джейк отставал от них на полквартала.) Видимо, дом много лет простоял пустым, но, что удивительно, почти не пострадал от вандализма. Джейк сразу увидел, что когда-то это пустое строение действительно было особняком, — здесь, наверное, жила большая семья какого-нибудь состоятельного торговца. В те давние дни он, вероятно, был белым, но теперь стены его посерели и вообще потеряли цвет. Стекла, естественно, были повыбиты, старый забор — весь исписан, но сам дом сохранился в неприкосновенности.

Он как будто весь съежился под лучами жаркого солнца — дряхлый дом-призрак под шиферной крышей на вершине пригорка посреди замусоренного двора. Джейку он почему-то напомнил собаку: злую собаку, которая притворяется, будто спит. Крутой скат крыши, точно нахмуренный лоб, нависал над крыльцом. Доски крыльца покоробились и растрескались. Ставни — когда-то зеленые — криво лепились к пустым, без стекол, окнам. Кое-где даже висели древние занавески, покачиваясь на ветру, точно ошметки облезшей кожи. Слева от дома в глубь двора тянулась решетка для вьющихся растений. Она держалась благодаря вовсе не гвоздям, а тому, что вся заросла густым диким вьюном неприглядного вида. Рядом с лужайкой и на двери Джейк заметил таблички, но он стоял далеко и не мог прочитать, что на них было написано.

Дом был *живым*. Джейк это знал... чувствовал. В покосившихся досках и просевшей крыше, в черных глазницах окон ощущалось присутствие живого разума. От одной только мысли о том, чтобы приблизиться к этому страшному месту, Джейк буквально похолодел. Что же тогда говорить о том, чтобы войти внутрь. Но ему все же придется войти. Придется. В ушах стоял низкий гул, навевающий дремоту — так гудят пчелы в улье жарким летним днем, — и на мгновение Джейк испугался, что сейчас потеряет сознание. Он закрыл глаза... и в сознании его явственно прозвучал голос. Его голос.

Ты должен войти туда, Джейк. Это «дорожка» Луча, путь к Темной Башне. Время сделать решительный шаг. Время для твоего Перехода. Держись, верь в себя и иди ко мне.

Страх не прошел, но ужасающее ощущение нарастающей паники все-таки отпустило. Джейк открыл глаза и увидел, что он — не единственный, кто почувствовал силу и темный разум, исходящие от этого мрачного места. Эдди тоже старался держаться подальше от изгороди. На мгновение он повернулся к Джейку лицом, и тот увидел его глаза под зеленой повязкой на лбу, широко распахнутые и тревожные. Старший брат грубо схватил его за руку и потащил к ржавым воротам, но как-то несмело, с опаской. Вряд ли Генри хотел таким

образом напугать Эдди: каким бы ни был Генри тупоголовым, ему, как и Эдди, тоже не слишком нравился особняк.

Они отступили на пару шагов и остановились, глядя на дом. Джейк не слышал, о чем они говорили, но голоса их звучали испуганно и растерянно. Джейк вдруг вспомнил, что сказал ему Эдди во сне: *Но опасность все-таки существует. Будь осторожен... и действуй быстро.*

Реальный Эдди — стоящий напротив особняка на той стороне улицы — внезапно повысил голос, так что Джейк сумел разобрать слова.

— Пойдем домой, Генри? Пожалуйста. Мне здесь не нравится, — выдавил он умоляющим тоном.

— Сопляк трусливый, — процедил Генри сквозь зубы, но Джейку все-таки показалось, что в его голосе слышалось явное облегчение. — Ладно, пойдем, хрен с тобой.

Они отвернулись от дряхлого дома, который весь будто сжался, притаившись за ветхим забором, и зашагали по улице в сторону Джейка. Он невольно попятился и лихорадочно огляделся, ища укрытие. Так и не высмотрев ничего подходящего, он уставился на витрину унылого маленького магазинчика под названием «Подержанная бытовая техника Датч-Хилл» и проследил за тем, как Генри и Эдди, чьи тусклые призрачные отражения наложились на выставленный в витрине допотопный пылесос фирмы «Хувер», перешли через Райнхолд-стрит.

— Ты уверен, что там не живут привидения? — спросил Эдди, когда они вышли на тротуар на стороне Джейка.

— Знаешь, что я тебе скажу? Теперь, когда я снова его увидел, я ни в чем уже не уверен.

Не глядя на Джейка, они прошли мимо прямо у него за спиной.

— А ты бы вошел туда? — спросил Эдди у брата.

— Ни за что, — быстро ответил Генри. — Даже за миллион не вошел бы.

Они свернули за угол. Оторвавшись от витрины, Джейк быстро дошел до угла и осторожно выглянул. Они возвращались тем же путем, каким и пришли сюда. Два брата. Бок о бок. Генри, сгорбившись как старикан, плелся, еле передвигая ноги в своих дерьмоступах, подбитых сталью, а Эдди шагал рядом с легкой естественной грацией. Их дружные тени, длинные и растянувшиеся по улице — дело близилось к вечеру, — сливались в одну.

Они идут домой, вдруг подумал Джейк. Ему в жизни не было так одиноко. Одиночество накатило на него такой могучей волной, что ему она показалась сокрушительной. *Дома они сядут ужинать, сделают вместе уроки, потом поспорят, какую программу смотреть по телику, и лягут спать. Генри, может быть, и говнюк, но у этих двоих есть жизнь, своя жизнь... которая имеет смысл... и*

они возвращаются к ней. Интересно, они понимают, как им повезло? Эдди, наверное, понимает.

Джейк отвернулся, поправил ремни ранца и перешел на ту сторону Райнхолд-стрит.

25

Вдруг Сюзанна почувствовала какое-то движение на пустынных лугах за пределами круга камней: шелестящий вздох, мимолетный шепот.

— Что-то сюда идет. — Она вся напряглась. — Уже скоро оно будет здесь.

— Будьте осторожнее, — сказал Эдди, — но не давайте ему до меня добраться. Вы меня поняли? Не давайте ему подойти ко мне.

— Я тебя слышу, Эдди. Не переживай. Занимайся своим делом.

Эдди кивнул. Опустившись на колени в самом центре каменного круга, он выставил перед собой заостренную палку, пристально к ней пригляделся, словно пытаясь определить на глаз, хорошо ли она заточена, потом опустил ее, как будто довольный, и начертил на земле четкую прямую линию.

— Роланд, ты присмотри за ней...

— Хорошо, Эдди. Если смогу.

— ...но не давайте ему до меня добраться. Джейк уже идет. К нам идет маленький полоумный засранец.

Теперь Сюзанна увидела, как густая трава к северу от говорящего круга раздвинулась вдоль темной линии, образовав борозду голой земли, нацеленную в самый центр каменного кольца. Туда, где сейчас находился Эдди.

— Приготовься, — сказал Роланд. — Он сразу бросится на Эдди. И кому-то из нас надо будет устроить ему небольшую засаду.

Сюзанна приподнялась на обрубках ног, точно змея, выползающая из корзины факира. Руками, сжатыми в жесткие кулаки, она подпирала горящие щеки. Глаза ее так и пылали.

— Я готова, — тихо проговорила она и вдруг закричала: — *Иди ко мне, сладенький! Поторопись, а то девочка ждет! Ноги в руки и дуй сюда. Не пожалеешь!*

Дождь стал как будто сильнее, когда демон, живущий в круге, ворвался в каменное кольцо с оглушительным ревом. Сюзанна успела еще ощутить его напряженную и безжалостную мужскую сущность — как будто в лицо ей пахнуло запахом джина и можжевельника, таким едким, что на глаза навернулись слезы, — а потом демон бросился к центру круга. Она закрыла глаза и потянулась к нему. Не

телом и даже не разумом, а всей своей женской силой, заключенной в ее естестве: *Эй, красавец-мужчина! Куда это ты разогнался? Я здесь!*

Демон развернулся мгновенно. Она всем нутром ощутила его изумление... и его первобытный голод, требовательный, как пульсирующая артерия. Он накинулся на нее, как насильник-маньяк, поджидающий жертву в темном закоулке.

Застонав, Сюзанна подалась назад. На шее у нее вздулись вены. Платье ее натянулось, облепив грудь и живот, как под порывом ветра, а потом начало рваться в клочья. Она слышала скрежет неистового дыхания, идущего словно бы ниоткуда, как будто ею решил овладеть сам воздух.

— Сьюз! — крикнул Эдди и стал подниматься с колен.

— *Нет!* — закричала она в ответ. — *Делай что должен! Не отвлекайся! Кажется, я подцепила этого мудака... и я разберусь с ним сама! Прямо здесь! А ты давай, Эдди! Помоги пацану! Помоги...* — Ледяной холод ударил в нежную плоть между ее ног. Она застонала, упала на спину... но потом, оттолкнувшись рукой, вызывающе подалась чуть вперед и вверх. — *Пусть он пройдет! Помоги ему!*

Эдди растерянно поглядел на Роланда. Тот лишь молча кивнул. Он опять посмотрел на Сюзанну, и в его глазах была темная боль и страх, что чернее боли, но потом медленно отвернулся от них обоих и снова упал на колени. Не обращая внимания на холодные струи дождя, бьющие по рукам и затылку, он вытянул заостренную палку вперед и принялся чертить на размокшей земле четкие линии и углы. Роланд сразу же понял, что он рисует.

Дверь.

26

Джейк протянул руку и толкнул старую потрескавшуюся калитку. Она открылась с противным скрипом, провернувшись на ржавых петлях. От калитки к крыльцу вела дорожка, выложенная кирпичом. Дорожка к двери. Дверь была наглухо заколочена досками.

Джейк подошел к крыльцу медленно, словно нехотя. Сердце стучало в груди, отдаваясь отчаянной азбукой Морзе в горле. Между раскрошенными кирпичами дорожки густо выросли сорняки. Джейк явственно слышал, как они шелестят о штанины джинсов. Все чувства его обострились, как будто кто-то настроил его восприятие на более высокую частоту. *Ты же не собираешься заходить туда, правда?* — дрожал в голове у него срывающийся от паники голос.

И ответ, сам собой возникший в сознании, был абсолютно безумным и все же единственно правильным и здравым: *Все служит Лучу.*

Табличка на лужайке гласила:

ПРОХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН!
ЗА НАРУШЕНИЕ ШТРАФ
В СООТВЕТСТВИИ
С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ!

Надпись же на пожелтевшем листочке бумаги, прибитом к одной из досок на заколоченной двери, была еще более категоричной:

РЕШЕНИЕМ УПРАВЛЕНИЯ
ПО ЖИЛИЩНЫМ ВОПРОСАМ
ГОРОДСКОГО СОВЕТА
СТРОЕНИЕ ПРИЗНАНО НЕГОДНЫМ
ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ.

Джейк помедлил у нижней ступеньки крыльца, пристально глядя на дверь. Там, на заброшенном пустыре, ему слышались голоса... и теперь голоса зазвучали снова. Только на этот раз вместо ликующей песни это был хор проклятых — бормотание безумных угроз и столь же безумных посулов. В хоре этом сливались тысячи голосов, и все-таки Джейку казалось, что голос один. Голос дома. Голос какого-то чудовищного привратника, пробуждающегося наконец от беспокойного долгого сна.

Джейк только теперь подумал об отцовском «ругере». Он даже решил его вытащить и держать наготове — просто на всякий случай, — но потом рассудил, что не стоит. Если что-то произойдет, он все равно не поможет. У него за спиной по Райнхолд-стрит проезжали машины, какая-то тетка кричала дочке, чтобы та прекратила тискаться с парнем и быстро несла белье домой, но рядом с ним был другой мир... мир, где всем заправляет какое-то мрачное существо, против которого пули бессильны.

Верь в себя, Джейк... держись.

— Хорошо, — прошептал он, и голос его сорвался. — Хорошо, я попробую. Но на этот раз ты меня не бросай... лучше не надо.

Медленно, очень медленно он поднялся по ступенькам крыльца к заколоченной двери.

27

Старые доски давно прогнили, гвозди заржавели. Джейк схватился за верхнюю доску у самого перекрестия и резко рванул. Она оторвалась с противным скрипом, точно таким же, как скрип калитки. Джейк зашвырнул ее через перила крыльца на

древнюю клумбу, теперь заросшую только пыреем и сорной травой. Наклонившись, он взялся за нижнюю доску... и замер.

Из-за двери послышался глухой рык — рев голодного зверя, вожделенно брызжущего слюной на дне бетонного колодца. Джейк почувствовал, как на лбу и щеках выступил липкий пот. Ему стало дурно. Он так испугался, что на какой-то миг перестал ощущать реальность происходящего: он как будто превратился в призрачный персонаж кошмарного сна, который снится кому-то другому.

Там, за дверью, звучал злобный хор. Там таился невидимый враг. Его голос вытекал наружу, как липкий сироп.

Джейк дернул нижнюю доску. Она поддалась легко.

Ну конечно. Он хочет, чтобы я вошел. Он, кажется, изголодался, и в меню у него я значусь первым блюдом.

Неожиданно в памяти всплыло стихотворение, которое как-то прочла на уроке мисс Эйвери. По ее утверждению, в нем говорилось о бедственном положении современного человека, который утратил все свои корни и традиции, но теперь Джейк решил, что все было проще. Поэт, наверное, здесь бывал и видел этот жуткий дом:

Я покажу тебе то, чего ты не видел доселе,
Нечто, совсем не похожее на твою тень,
что за тобою шагает утром,
Или на тень твою вечером,
что встает пред тобой,
Я покажу тебе...

— Я покажу тебе страх в горстке праха, — пробормотал Джейк вслух, берясь за дверную ручку. И едва он прикоснулся к ней, как его вновь охватило знакомое чувство уверенности и несказанного облегчения... то самое чувство, когда ты знаешь наверняка, что на этот раз дверь откроется в другой мир, где небо не тронуто дымом заводских труб, а на горизонте, подернутый синеватой дымкой, маячит не горный кряж, а прекрасный и незнакомый город.

Запустив руку в карман, он сжал серебряный ключ в кулаке, надеясь, что дверь заперта и можно будет воспользоваться ключом. Но дверь оказалась незапертой. Она отворилась со ржавым скрипом. Ошметками ссыпалась ржавчина с ветхих петель. Запах тлена ударил в лицо, как кулак: отсыревшее дерево, рыхлая штукатурка, гниющие ткани, разлагающаяся древняя набивка. И был еще один запах — запах звериного логова. Пропитавшийся сыростью коридор уводил во тьму впереди. Слева к сумраку верхнего этажа поднималась кривая расшатанная лестница. Отвалившиеся перила валялись, разбитые в щепки, на полу в коридоре, но Джейк был не настолько наивен,

чтобы пытаться уверить себя, будто среди этих мрачных обломков он не видит еще одной вещи. Там, вместе с хламом и мусором, были также и кости — кости мелких животных. Хотя кое-что выглядело не совсем похоже на кости животных, но приглядываться Джейк не стал, иначе ему не достало бы мужества идти дальше в глубь дома. Он помедлил на входе, пытаясь взять себя в руки, чтобы сделать первый шаг. В глухой тишине что-то тихонько стучало. Быстро и твердо. Джейк не сразу сообразил, что это стучат его зубы.

Почему никто меня не остановит? — в отчаянии думал он. — *Почему никто из прохожих не крикнет мне с улицы: «Эй ты! Туда нельзя... ты, что ли, читать не умеешь, умник?»*

Но он и сам знал почему. Потому что прохожие на Райнхолд-стрит старались держаться той стороны улицы. Те же, кто шел по этой, старались как можно быстрее пройти мимо мрачного дома.

Но даже если кто-нибудь из прохожих посмотрит сюда, он все равно меня не увидит, потому что на самом деле меня здесь нет. Не знаю, к добру это или нет, но меня уже нет в моем мире. Мой Переход уже начался. Впереди меня ждет его мир. А это...

А это ад между мирами.

Джейк шагнул в коридор... и закричал, когда дверь у него за спиной захлопнулась, точно врата склепа. Да, закричал, но ни капельки не удивился.

Он уже ничему не удивлялся.

28

Давным-давно, в стародавние времена, жила-была одна женщина. Молодая такая женщина. Звали ее Детта Уокер. Частенько наведывалась Детта Уокер в придорожные забегаловки и дешевенькие закусочные на Риджлайн-роуд, что в предместье Натли, и на шоссе 88, на том его отрезке, что тянулся от линии электропередачи за Эмхаем. В те времена у нее еще были ноги, и, как поется в одной славной песне, она знала, что с ними делать. Обычно она надевала дешевое платье в обтяжку, похожее с виду на шелковое, только, конечно, не шелковое, и танцевала с белыми парнями, пока музыканты на маленькой сцене наяривали что-то типа «Двойной удар любви моей крошки» или «Хиппи-хиппи шейк». Иногда Детта Уокер цепляла кого-то из этих парней и соглашалась пойти с ним в машину на автостоянке. Там она распаляла его (никто не умел целоваться более страстно, чем Детта Уокер, да и коготками работать она была мастерица), пока он совсем уже не забалдевал... а потом: «Не пошел бы ты, мальчик... туда?» И что было дальше? Ну, в

этом-то все и дело. В этом, как говорится, и вся игра. Одни распускали сопли и начинали ее упрашивать — тоже, знаете ли, вариант, но так себе... ничего выдающегося. Другие бесились и психовали, и это было гораздо забавнее.

И хотя Детте Уокер за ее выкрутасы не раз давали затрещины, устраивали трепку, ставили синяки под глазом, а как-то на стоянке у «Красной мельницы» ее так пнули под зад, что она растянулась на парковочной площадке, — никто ни разу ее не изнасиловал. Они все уходили ни с чем... как еще говорится, с синими яйцами... все до единого, недоумки. То есть, по шкале ценностей Детты Уокер, она всегда оставалась победительницей. Королевой. Королевой чего, может быть, спросите вы? А ничего. *Их* королевой. Королевой всех этих коротко стриженных, закомплексованных, никчемных белых мудил.

Но теперь все пошло по-другому.

При всей ее дьявольской изобретательности «кинуть» демона, обитающего в говорящем круге, оказалось совсем не просто. Да что непросто?! Немыслимо. Невозможно. Здесь, в круге, не было дверных ручек, чтобы схватиться в последний момент, не было дверцы, которую можно открыть, чтобы выбраться из машины — которой, собственно, тоже не было — и укрыться в ближайшем подъезде, успев напоследок отвесить пощечину, расцарапать ублюдку рожу, а то и врезать коленом по яйцам, если он, тугодум, не поймет с первого раза.

Демон набросился на нее, навалился... а потом, не успела она и моргнуть, *он* вошел в нее.

Она не могла его видеть, но чувствовала, как *он* прижимает ее к земле. Она не видела *его* рук, но, и невидимые, они делали свое дело — платье ее разорвалось в клочья. А потом все ее тело пронзила боль. Боль застала ее врасплох. Ощущение было такое, как будто ее распороли. Она закричала от невыносимой боли и растерянности. Эдди, прищурившись, оглянулся.

— Я в порядке! — выкрикнула она. — Продолжай, Эдди! Забудь обо мне! Я в порядке!

Но она солгала. В первый раз с той великой поры, когда Детта Уокер, тринадцати лет, вышла на «битву полов», она проигрывала сражение. Мерзкий и алчный холод вторгся в нее... как будто трахаешься с сосулькой, честное слово.

Смутно, как будто сквозь пелену, она увидела, как Эдди опять отвернулся и принялся рисовать на размокшей земле. Лицо его, только что выражавшее теплоту и тревогу, снова застыло в холодной, ужасной сосредоточенности, которую она иногда ощущала в нем. Ну что ж, так и должно быть, правда? Она сама попросила его продолжать, забыть о ней и вытащить мальчика в этот мир. Она тоже участвовала, как могла, в Переходе Джейка. Она сама со-

гласилась на это, и поэтому нечего ей обижаться на этих мужчин, которые, собственно, и не выкручивали ей руки, заставляя отдаться демону, и все же... когда ледяной холод пронзил ее, а Эдди отвернулся, она на какой-то ужасный миг возненавидела их обоих. Сейчас, будь у нее возможность, она бы с большим удовольствием открутила им яйца.

А потом рядом с ней оказался Роланд. Его сильные руки легли ей на плечи, и хотя Роланд не произнес ни слова, она все равно услышала его: *Не сопротивляйся. Борьбой тебе его не одолеть, он все равно победит... а ты погибнешь. Секс и пол — это его оружие, Сюзанна, но и слабое место тоже.*

Да. Секс — их слабое место. *Всегда.* Разница только в том, что сейчас ей придется пожертвовать большим... но, наверное, так и должно быть. Кто знает, быть может, в конечном итоге она сумеет заставить этого маньяка-демона *заплатить* ей сполна.

Она заставила себя расслабить бедра. В ту же секунду они разметались в стороны, вжатые в мокрую землю невидимым телом. Она запрокинула голову, подставляя лицо дождю, который теперь лил во всю мощь, и почувствовала, как над нею склонилось невидимое лицо. Она буквально физически ощущала взгляд ненасытных глаз — взгляд, жадно поглощающий каждое движение ее искаженного болью лица.

Она занесла руку, словно намереваясь ударить, влепить пощечину... но вместо этого обняла насильника за шею. Ей показалось, что она зачерпнула горсть затвердевшего дыма. И он в самом деле подался назад, удивленный ее неожиданной лаской, или это ей только почудилось? Используя шею демона как рычаг, она резко рванулась вверх, оторвав таз от земли. Одновременно она еще шире развела ноги. Швы на платье, еще худо-бедно державшиеся, разошлись окончательно. Господи, ну и громила!

— Ну давай! — прохрипела она. — Думаешь, это ты меня трахаешь?! А вот и хрен. Это я тебя трахаю, въехал, мальчик? Я тебе покажу, малыш. Ты такого еще не видел. Задрючу до смерти, так и знай!

Она почувствовала, как по алчному телу демона прошла дрожь. В какой-то момент он даже попробовал оторваться от нее. Наверное, чтобы собраться с силами.

— Куда же ты, золотце? — Она сжала бедра, не давая ему уйти. — Веселье только еще начинается. — Она изогнулась, подавшись вперед, и вжалась в невидимое тело демона. Свободную руку она закинула ему за шею и, сплетя пальцы, выгнула спину, как будто в экстазе. Ее бедра ходили туда-сюда. Руки сжимали осязаемую пустоту. Она дернула головой, откинув со лба прядь волос, мокрых от дождя и пота. Ее губы раскрылись в акульей усмешке.

Отпусти меня! — прогремел голос в ее сознании, но она все же почувствовала, как невидимый обладатель бесплот-

ного голоса, может быть, сам того не желая, отвечает на ее страстные телодвижения.

— Ни фига, дорогуша! Ты первый все это затеял... вот сейчас и получишь, чего хотел. — Она снова подалась вперед, вцепившись в него и яростно сосредоточившись на леденящем холоде, что пронзал ее тело. — Уж я растоплю эту твою сосульку, мой зайчик, и что ты тогда будешь делать? — Ее бедра вздымались и опадали, вздымались и опадали. Она сжала их еще крепче, безжалостно, жестко. Закрыла глаза. Впилась ногтями в невидимую шею, молясь про себя, чтобы Эдди заканчивал побыстрее.

Потому что она не знала, надолго ли ее хватит.

29

Задача в общем-то не такая и сложная, — убеждал себя Джейк, — *где-то в этом ужасном сыром доме есть закрытая дверь. Именно та дверь. Нужно только найти ее.* Но в этом-то и состояла вся сложность, потому что он чувствовал, как просыпается существо, обитающее в этом доме. Хор бессвязных голосов потихоньку сливался в единый звук — какой-то глухой, дребезжащий шепот.

И он приближался.

Справа была дверь. Открытая дверь. Рядом с ней кто-то приколотил к стене выцветший дагерротип, изображавший повешенного. Мертвец на картинке болтался, как гнилой плод на высохшем дереве. За дверью виднелась комната. Когда-то там располагалась кухня. Печь убрали, но у дальней стены на вздутом блеклом линолеуме все еще стоял холодильник — допотопной конструкции агрегат с круглой морозильной камерой наверху. Его дверца была распахнута. Внутри засохла какая-то черная гадкая масса, издававшая резкий запах. Часть ее вытекла и разлилась по полу лужей, давным-давно превратившейся в запекшуюся корку. Дверцы кухонных шкафов тоже были открыты. В одном из них Джейк разглядел, наверное, самую древнюю в мире банку консервированных моллюсков. Из другого торчала голова дохлой крысы. Джейку показалось, что белесые ее глаза шевелятся. Присмотревшись получше, он понял, что в пустых ее глазницах копошатся черви.

Что-то свалилось ему на голову. Вскрикнув от неожиданности, Джейк схватился за волосы и снял с себя что-то мягкое и кругленькое, на ощупь похожее на покрытый щетиной резиновый мячик. «Мячик» цеплялся за волосы, и Джейку пришлось потрудиться, чтобы его отодрать. Оказалось, что это паук с раздувшимся брюшком цвета свежего синяка. Паук с тупой злобой вылупился на Джейка. Джейк отшвырнул его от себя. Паук врезался в

стену — брюхо его лопнуло от удара — и повис на ней, слабо дергая лапами.

Второй паук шлепнулся ему на шею. Джейк почувствовал болезненный укол — это паук укусил его чуть ниже того места, где перестают расти волосы. Он со всех ног бросился прочь из кухни обратно в коридор, запнулся об обвалившиеся перила, брякнулся на пол и почувствовал, как паук у него на шее лопнул. Его влажные внутренности — липкие, скользкие — потекли между лопатками Джейка, как теплый яичный желток. Только теперь Джейк увидел, что пауков на кухне полно. Одни свисали с потолка на невидимых ниточках паутины, точно живые грузики отвесов; другие шлепались на пол с хлопающим звуком и, быстро перебирая лапами, неслись через порог в коридор, к Джейку, словно им не терпелось его поприветствовать.

Не переставая кричать, Джейк вскочил на ноги. Он почувствовал, как что-то рвется у него в сознании, словно перетершаяся веревка. Наверное, это его рассудок полетел в пропасть безумия. Джейк решил, что сошел с ума. Если до этого он еще как-то держался, то сейчас уже окончательно пал духом. На карту поставлено многое, если не все... но у Джейка уже не осталось сил. Больше ему не выдержать. Он ринулся к выходу, чтобы сбежать, пока еще можно... если можно... но слишком поздно сообразил, что в панике повернул не в ту сторону и бежит сейчас вовсе не к выходу, а еще дальше в глубь особняка.

Он очутился в комнате, слишком просторной для гостиной или, скажем, столовой. Больше всего она смахивала на бальный зал. С обоев на Джейка глядели эльфы в зеленых остроконечных шапочках со странными плутоватыми улыбочками. У дальней стены одиноко стоял покрытый плесенью диван. В центре зала на покоробившемся паркете валялась разбитая люстра. Среди рассыпанных стеклянных бусинок и пыльных подвесок свернулась кольцами ржавая цепь. Обогнув на бегу этот разгром, Джейк испуганно оглянулся через плечо, но пауков не увидел. Если бы не эта липкая гадость, все еще стекающая по спине, он бы, наверное, решил, что ему это все померещилось.

Вновь устремившись вперед, он резко затормозил, проскользив по паркету, перед высокой нишей с полуоткрытой двустворчатой дверью. За дверью тянулся еще один коридор, а в конце коридора виднелась закрытая дверь с позолоченной ручкой. На двери было написано — или вырезано — одно слово:

МАЛЬЧИК

Под дверной ручкой Джейк разглядел филигранной работы серебряную пластину с замочной скважиной.

Я нашел ее! Я наконец-то ее нашел! — Джейк был не в силах сдержать восторга. — *Вот она! Эта дверь!*

У него за спиной неожиданно раздался глухой треск, похожий на стон, как будто весь дом начал разваливаться на части. Джейк оглянулся и окинул тревожным взглядом бальный зал. Дальняя стена разбухала, выгибаясь внутрь комнаты и толкая перед собой ветхий диван. Обои дрожали на стенах, эльфы рябили в бредовой пляске. Местами обои порвались и завернулись в трубочку, словно резко отпущенные шторы-жалюзи. Штукатурка вздулась и выпятилась, как живот беременной женщины. Из-под нее явственно доносился хруст ломающихся деревянных перегородок, принимающих новые, пока еще скрытые формы. А стон все нарастал. Только теперь он походил больше на злобное рычание.

Джейк смотрел, как зачарованный, не в силах отвести взгляд.

Штукатурка, однако, не треснула, как того следовало ожидать, и не разлетелась ошметками в стороны: казалось, она превратилась в какую-то эластичную субстанцию... а стена продолжала вздуваться белым пузырем, с которого свисали обрывки обоев. На поверхности пузыря проступали теперь какие-то холмы, ущелья и долины. Неожиданно Джейк осознал, что перед ним возникает лицо — громадное лицо, вырастающее из стены. Как будто кто-то пытался пройти сквозь мокрую простыню.

Раздался громкий треск. От раздувающейся стены оторвался кусок деревянной решетки, и образовавшаяся дыра превратилась в зрачок единственного глаза. Чуть ниже стена словно скорчилась в судорогах, и получился оскаленный рот с рядом кривых клиновидных зубов. Клочья обоев свисали, как слюни, с губ и десен.

Одна гипсовая рука вырвалась из стены, волоча за собой браслет сгнившей электропроводки, схватила диван и отшвырнула его в сторону, оставив на темной его обивке призрачно-белые отпечатки. Пальцы согнулись — деревянная решетка под штукатуркой опять затрещала, и на кончиках белых пальцев выросли длинные когти в острых зазубринах по краям. Теперь лицо уже полностью отделилось от стены. Единственный деревянный глаз уставился на Джейка. Прямо над глазом жуткой татуировкой точно по центру лба все еще корчился в диком танце обойный эльф. С рвущимся треском тварь, отделившаяся от стены, начала продвигаться вперед. Дверь в коридор сорвалась с петель и превратилась в перекошенное плечо. Единственная рука одноглазого чудища волочилась по полу, царапая доски паркета и разбрасывая фонтаны стеклянных осколков упавшей люстры.

Джейк стряхнул с себя оцепенение. Развернувшись, он выскочил через двустворчатую дверь во второй коридор и побежал по нему сломя голову, пытаясь нащупать в кармане ключ

Ранец бился о спину. Сердце бешено колотилось в груди, словно вышедший из-под контроля мотор. За спиной у него ревело чудовище, отрывающееся от стены особняка. И хотя в его рыке не было слов, Джейк и так понял, что оно тщится ему сказать, чтобы он остановился, что бежать все равно бесполезно, что он никуда от него не уйдет. Весь дом, казалось, ожил. Все наполнилось эхом ломающихся перегородок и балок. Дребезжащий безумный голос невидимого привратника был как будто повсюду.

Наконец Джейк нащупал в кармане ключ. Но когда он его вынимал, ключ зацепился бородкой за ткань подкладки и выскользнул из влажных от пота пальцев.

Ключ упал на пол, подпрыгнул и исчез в щели между двумя покоробившимися досками.

30

— У парня, похоже, проблемы! — услышала Сюзанна крик Эдди, но голос его донесся как будто издалека. У нее самой были сейчас проблемы... но она уже не сомневалась, что сумеет справиться с ними, несмотря ни на что.

Уж я растоплю эту твою сосульку, мой сладенький, — пообещала она демону. — *Я ее растоплю, и что ты тогда будешь делать?*

Растопить этот холод ей не удалось, но кое-что *изменить* она все же сумела. Да, эта гадость, ее пронзающая, не доставляла ей ни малейшего удовольствия, но жуткая боль прошла. И холод тоже исчез. Демон попался в капкан и не мог уже освободиться. И держала она его вовсе не телом. Роланд сказал ей, что пол — это оружие демона, но и слабое место тоже, и он, как всегда, оказался прав. Да, демон ею овладел, но и *она* овладела *им*. Сюзанне это все напоминало те зловредные китайские трубочки, куда суешь палец, а вытащить потом не можешь. Причем чем сильнее ты дергаешь, тем крепче палец застревает.

Она цеплялась за эту мысль, как утопающий — за соломинку. Ничего другого ей просто не оставалось. Все остальные ее мысли как будто смело, а ведь ей нужно было удерживать это рыдающее, перепуганное, злобное существо в тисках его же свирепой и все же беспомощной похоти. Оно металось, рвалось и дрожало внутри ее тела, умоляя ее отпустить его, и в то же время оно использовало ее плоть с неистовой жадностью и напором. И она его не отпускала. Не могла отпустить.

А что будет, когда я все-таки отпущу его? — промелькнула отчаянная, жуткая мысль. — *Когда я его отпущу, чем он отплатит мне? Чем?*

Она не знала.

31

Дождь лил сплошной пеленой, угрожая превратить земляную площадку внутри говорящего круга в море грязи.

— *Натяните что-нибудь над моей дверью!* — закричал Эдди. — *Иначе дождь ее просто смоет!*

Поглядев на Сюзанну, Роланд увидел, что она все еще борется с демоном. Глаза ее были полузакрыты, губы стиснуты в жесткой гримасе. Роланд не видел демона и не слышал его, но ощущал его яростные и испуганные метания.

Эдди в сердцах повернулся к нему.

— *Ты что, оглох?* — Лицо его было залито дождем. — *Накрой чем-нибудь эту чертову дверь и ПОЖИВЕЕ, пока не поздно!*

Роланд вытащил из сумки первую попавшуюся шкуру и взялся обеими руками за края. Расставив руки как можно шире, он склонился над Эдди, соорудив над ним импровизированный навес. На заостренный конец палки в руках Эдди налипла грязь. Он вытер ее о рукав, оставив на нем полосу цвета горького шоколада, и снова склонился над своим рисунком. Нарисованная им дверь по размерам была поменьше, чем дверь на той стороне барьера — там, где был Джейк, — в соотношении примерно три к четырем, но все же Джейк смог бы пройти сквозь нее... если только ключи подойдут.

Ты, наверное, хотел сказать, если у него есть ключ, — осадил себя Эдди. — *Допустим, он его потерял, уронил куда-нибудь... или дом его к этому принудил, что тогда?*

Под кружком, изображавшим дверную ручку, он нарисовал пластину, потом помедлил немного, как будто в раздумье, и вывел по центру пластины знакомые очертания замочной скважины:

Тут он снова задумался. Ему нужно еще что-то сделать... но что? Он никак не мог сосредоточиться. Ощущение было такое, что у него в голове бушевал ураган, только вместо сараев, летних уборных и крыш курятников этот вихрь кружил и гнал прочь его мысли.

— Ну давай же, мой сладкий, давай! — кричала Сюзанна у него за спиной. — Что-то быстро ты выдохся! Что случилось? А я-то подумала, ты у нас вроде как племенной жеребец. Слабо тебе, мальчик?

Мальчик. Вот оно!

Крепко сжав в руке палку, Эдди тщательно вывел на верхней панели двери одно слово: МАЛЬЧИК. Едва он закончил

последнюю букву, рисунок вдруг изменился. Круг, нарисованный на потемневшей от влаги земле, потемнел еще больше... и поднялся над землей, превратившись в блестящую черную дверную ручку. А из нарисованной замочной скважины — в том месте, где только что все было бурой грязью, — пролился блеклый свет.

Сзади Сюзанна опять закричала на демона, чтобы он не отлынивал и наяривал круче, но, судя по голосу, сама она тоже уже выдыхалась. Скоро силы оставят ее. Очень скоро.

Стоя на коленях, Эдди склонился к земле, точно истовый мусульманин, воздающий хвалу Аллаху, заглянул в замочную скважину, которую сам же и нарисовал, и увидел свой мир и тот страшный дом, посмотреть на который они приходили с Генри в мае 1977-го, не зная (хотя даже тогда Эдди что-то такое почувствовал), что за ними следит мальчишка из другой части города.

Он увидел коридор. И Джейка. Джейк стоял на четвереньках, отчаянно дергая половицу. И что-то к нему приближалось... что-то ужасное. Эдди видел его и не видел... как будто какая-то часть сознания *не желала* воспринимать увиденное, потому что один только вид этого страшного существа неминуемо привел бы его к пониманию, а понимание — к безумию.

— *Быстрее, Джейк!* — закричал он в замочную скважину. — *Ради Бога, быстрее!*

Точно пушечный выстрел, гром вспорол небо над каменным кругом, и дождь обернулся градом.

32

Когда ключ свалился в щель, Джейк на мгновение застыл как вкопанный, глядя на узкую трещинку между досками.

Как это ни странно, ему вдруг ужасно захотелось спать.

Так не должно было быть. Это нечестно, подумал он. *Это явно уже перебор. Я больше не выдержу... ни минуточки, ни секунды. Сейчас я на все плюну и лягу под этой дверью, поудобнее устроюсь и буду спать... сразу засну, мгновенно... и когда оно схватит меня и проглотит, я, наверное, даже и не проснусь.*

Но тут тварь, рвущаяся из стены, взревела. Джейк поднял глаза, и порыв его плюнуть на все и сдаться тут же иссяк, сметенный волной ужаса. Теперь чудище уже окончательно отделилось от стены — громадная гипсовая голова с единственным деревянным глазом и загребущая гипсовая лапа с острыми когтями. Куски деревянной обшивки торчали из белого черепа во все стороны — так детишки рисуют волосы на голове человечков. Тварь увидела Джейка, раскрыла

пасть, обнажив деревянные зубы, и снова взревела. Из разверзшейся пасти пахнуло известковой пылью, как сигаретным дымом.

Джейк упал на колени и заглянул в щель в полу. Там, в темноте, совсем близко, ключ заманчиво поблескивал серебром, но щель была слишком узкой, так что он даже не мог просунуть туда пальцы. Ухватившись за половицу, Джейк изо всех сил рванул ее на себя. Гвозди, ее удерживающие, заскрипели... но половица осталась на месте.

Сзади послышался грохот и звон. Джейк оглянулся. Рука, размером больше его самого, подхватила упавшую люстру и отбросила ее в сторону. Ржавая цепь, на которой когда-то висела люстра, взвилась в воздух, как хлыст пастуха, и грохнулась на пол с тяжелым стуком. Сама же люстра просвистела у Джейка над головой; грязное стекло с лязгом билось о древнюю медь цепи.

Голова стража-привратника, насаженная на единственное кривое плечо с загребущей рукой, зависнув над полом, устремилась вперед. Остатки стены, из которой она появилась, обрушились, взметнув облако пыли. Но тут же обломки ее поднялись, превратившись в костлявую спину чудовища.

Страж-привратник увидел, что Джейк глядит на него как завороженный, и вроде бы усмехнулся. При этом из сморщенных его щек повылезли деревянные щепки. Щелкая пастью, чудище волочило свое тело через бальный зал в завесе пыли. Его громадная лапа опустилась среди обломков, нащупывая добычу, и сорвала с петель одну из створок двери, что открывалась из зала во второй коридор.

Ни жив ни мертв, Джейк закричал и снова рванул половицу. Она осталась на месте, но зато в голове у него зазвучал голос стрелка:

Не ту, Джейк! Попробуй другую!

Он отпустил половицу, которую только что дергал, и схватился за вторую, с другой стороны щели. И в это мгновение раздался еще один голос. Именно раздался. Джейк услышал его не в сознании, как голос стрелка. Голос был настоящим и доносился он из-за двери... той самой двери, которую он так долго искал. С того самого дня, когда его не задавила машина.

— Быстрее, Джейк! Ради Бога, быстрее!

Когда Джейк дернул вторую доску, она поддалась настолько легко, что он едва не свалился на спину.

33

На той стороне улицы, почти напротив особняка, в дверях магазина подержанных бытовых приборов стояли две женщины. Та, что постарше, была владелицей магазина. Она как раз провожала единственную покупательницу, когда раздался оглушительный

грохот рушащихся стен и ломающихся балок. Едва это случилось, две женщины разом обняли друг друга, не понимая, почему и зачем они это сделали, и молча застыли, как дети, дрожащие в темноте, когда из сумрака раздается какой-то неведомый пугающий звук.

Чуть дальше по улице трое мальчишек, спешащих на стадион Малой лиги Датч-Хилла, застыли на месте и вытаращились на дом, напрочь забыв о тележке, набитой бейсбольной «оснасткой». Водитель грузовичка, доставляющего товары на дом, встал на обочине, заглушил мотор и выбрался из кабины, чтобы посмотреть, что происходит. Из ближайшего супермаркета «Уголок Генри» и бара «Датч-Хилл-паб», дико озираясь по сторонам, высыпали на улицу клиенты.

Теперь задрожала и почва, и тонкие трещинки начали расползаться по Райнхолд-стрит.

— Землетрясение, что ли? — крикнул водитель грузовичка, обращаясь к женщинам, застывшим в дверях магазина подержанных бытовых приборов, но дожидаться ответа не стал: запрыгнул назад в кабину, схватился за руль и умчался прочь, вырулив на левую сторону улицы, чтобы держаться подальше от рушащегося дома — эпицентра толчков.

Весь дом, казалось, вваливается внутрь. Доски ломались, срывались с фасада и падали ливнем щепок на заросший бурьяном двор. С крыши сыпался водопад грязной черно-серой черепицы. Раздался оглушительный треск, больно бьющий по ушам, и по самому центру особняка пошла длинная зигзагообразная трещина. Сначала в этом проломе исчезла входная дверь, а потом туда стали проваливаться и стены. Дом как будто заглатывал сам себя.

Младшая из женщин у магазина — покупательница — резко освободилась из объятий старшей.

— Вы как хотите, а я подобру-поздорову пойду, — выдавила она и бегом бросилась прочь, не оглядываясь назад.

34

Странным горячим ветром потянуло по коридору, едва пальцы Джейка сомкнулись вокруг серебряного ключа. Ветер сдувал со лба влажные от пота пряди волос. Теперь — на каком-то глубинном, скорее инстинктивном уровне — Джейк понял, что это за место и что сейчас происходит. Страж-привратник, хранящий волшебную дверь, таился не только в доме... он сам *был* домом: каждой доской и черепицей, каждым подоконником и карнизом. Он спал до поры. Но теперь он проснулся и вышел на свет, обретая свою фантастически беспорядочную материальную форму. И он

намеревался «зацапать» Джейка и не дать ему пустить в дело ключ. За громадной белой головой и скошенным согбенным плечом Джейку были видны бальный зал и коридор за ним. По коридору и залу летели обломки досок и разбитая черепица, вырванные провода и осколки стекла — даже тяжелая входная дверь и обвалившиеся перила лестницы. Весь этот строительный мусор лепился к разбухающему телу стража — бесформенного и уродливого великана из штукатурки, который ломился вперед, пытаясь добраться до Джейка своей безобразной лапищей.

Джейк резко выдернул руку из щели в полу. Вся рука была покрыта здоровенными копошащимися жуками. Он ударил ею о стену, чтобы стряхнуть эту гадость, и в ужасе закричал: стена разверзлась у него под ладонью, а потом попыталась стиснуть его запястье. Он еле успел отдернуть руку. Не тратя времени даром, Джейк развернулся и вставил серебряный ключ в замочную скважину на пластине под дверной ручкой.

Чудовище снова взревело, но теперь голос его утонул в благозвучном пении, которое Джейк узнал сразу же: он уже слышал его на заброшенном пустыре, но тогда оно было тихим, как будто во сне. Теперь же оно прозвучало несомненным победным гимном. Знакомое чувство уверенности — всепоглощающей и непоколебимой — вновь охватило его, и на этот раз он знал твердо: нового разочарования не будет. Все это звучало в ликующем голосе... других подтверждений ему не требовалось. Это был голос розы.

Коридор утонул в полумраке: громадная лапища стража, сорвав с петель и вторую створку двойной двери, высунулась в коридор и закрыла собой и без того тусклый свет. В открывшемся проломе показался белесый лик. Единственный глаз впился в Джейка безумным взглядом. Пальцы с острыми когтями поползли к нему, точно лапы гигантского паука.

Джейк повернул ключ — по руке будто прошел электрический заряд. Он услышал тяжелый приглушенный стук: это сдвинулся внутренний засов. Джейк схватился за ручку, со всей силы ее повернул и рванул дверь на себя. Дверь распахнулась. Увидев, что там, на той стороне, Джейк вскрикнул от страха и изумления.

Сверху донизу, от края до края дверной проем был забит землей. Корни торчали оттуда, как пучки проводов. В этом прямоугольнике сырой грязи копошились белесые черви, такие же ошарашенные, как и сам Джейк. Одни спешили зарыться обратно в норы, другие просто беспорядочно расползались в стороны, словно бы в недоумении, куда подевалась земля, которая только что была тут, под ними. Один червяк плюхнулся прямо Джейку на кроссовки.

Еще пару мгновений замочная скважина оставалась на месте, отбрасывая тонкий лучик мутного белого света Джейку

на рубашку. За ней — так близко, так недостижимо — шумел дождь и гремел глухой гром, перекатываясь по бескрайнему небу. Но тут и замочную скважину тоже забила земля, а на лодыжке Джейка сомкнулись громадные пальцы стража.

35

Роланд бросил шкуру, быстро вскочил и побежал к Сюзанне. Теперь градины били Эдди по лицу, но он не чувствовал боли.

Стрелок же подхватил Сюзанну под мышки и подтащил ее — соблюдая по возможности осторожность — поближе к Эдди.

— Когда я скажу, ты отпустишь его, Сюзанна! — прокричал он. — Ты понимаешь? *Только когда я скажу!*

Эдди не видел этого и не слышал. Слышал он лишь слабые крики Джейка с той стороны двери.

Пришло время испробовать ключ.

Вытащив ключ из-за пазухи, Эдди вставил его в нарисованную замочную скважину и попробовал повернуть. Ключ не шелохнулся. Не сдвинулся даже на миллиметр. Эдди в отчаянии запрокинул голову, подставив лицо под хлещущий град, не обращая внимания на твердые ледяные крупинки, что били по лбу, по щекам и губам, оставляя царапины и кровоподтеки.

— НЕТ! — Он едва не завыл. — БОЖЕ, ПРОШУ ТЕБЯ, НЕТ!

Но Бог не ответил на его мольбы; только гром прогремел в небесах, и вспышка молнии вспорола тучи, гонимые ветром.

36

Джейк рванулся вверх, уцепившись за свисающую с потолка цепь для люстры, и вырвал ногу из цепкой лапы привратника. Оттолкнувшись от спрессованной в дверном проеме земли, он отлетел чуть назад, а потом снова вперед, как Тарзан, качающийся на лиане. Приблизившись к лапище стража, он на лету подтянул ноги к груди и изо всех сил ударил по тянущимся к нему пальцам. Штукатурка осыпалась, обнажив грубо сбитый деревянный решетчатый каркас. Страж взревел, и в бешеном его вопле алчность мешалась с яростью. Но даже сквозь оглушительный этот рев Джейк расслышал, как с пугающим грохотом рухнул дом, как дом Ашеров в рассказе Эдгара По.

Точно маятник, он качнулся на цепи в обратную сторону, ударился о глыбу утрамбованной земли, загромождавшей дверной проем, и опять отлетел назад. Страж опять попытался

его ухватить, и опять Джейк лягнул его на лету, но на этот раз ногу пронзила боль. Привратник все-таки зацепил его деревянным когтем. Обратно Джейк полетел уже без одной кроссовки.

Он попытался подтянуться повыше, ближе к потолку. Кажется, получилось. Но тут прямо над головой раздался глухой треск, и на его лицо — потное, обращенное к потолку — посыпалась мелкая пыль штукатурки. Потолок начал проседать; звено за звеном цепь потихоньку выскальзывала из крепления. Из конца коридора донесся какой-то хруст: стражу все-таки удалось просунуть громадную голову через пролом в стене.

Заходясь диким криком, Джейк беспомощно летел навстречу этой зловещей башке.

37

Внезапно панический страх отпустил. Как будто мантия ледяного спокойствия окутала Эдди — та самая мантия, под которой так много раз укрывался Роланд из Гилеада. Единственная броня истинного стрелка... все, что ему нужно. И едва это произошло, у Эдди в сознании зазвучал голос. В течение последних месяцев три голоса донимали его неотступно: голос матери, голос Роланда и, конечно же, голос Генри. Но сейчас — с несказанным облегчением — он узнал собственный голос, и, что самое главное, звучал он спокойно, бесстрашно и рассудительно.

Ты видел абрис ключа в огне, потом ты увидел его опять, в ветке ясеня, и оба раза ты видел его абсолютно точно. Но потом сам надел шоры страха себе на глаза. Сними их. Просто сними и вглядись еще раз. Быть может, еще не поздно, даже сейчас не поздно.

Смутно он осознал, что стрелок стоит рядом и пристально на него смотрит; так же смутно услышал, что Сюзанна пока еще продолжает кричать, распаляя демона, и голос ее, хоть и слабеющий, был по-прежнему дерзким. Так же смутно с другой стороны двери до него доносился крик Джейка, крик ужаса... или боли?

Эдди отрешился от всего этого. Вытащив деревянный ключ из замочной скважины нарисованной двери, которая теперь стала настоящей, он максимально сосредоточился и стал смотреть на него, пытаясь восстановить в памяти ощущение невинного и искреннего восторга, который ему доводилось испытывать в детстве, — восторга единственно от того, что в бесформенном и бессмысленном хаосе ему удалось разглядеть законченную, безупречную форму. И тут Эдди увидел его, то место, где он немного напортачил, причем так явственно, что сам удивился: как он раньше этого не

замечал. *Я, наверное, и вправду ослеп,* сказал он себе. Разумеется, это был s-образный изгиб на конце ключа. Вторая впадинка чуть толстовата. Совсем чуть-чуть.

— Нож, — коротко бросил он и протянул руку, как хирург в операционной. Роланд без слов вложил нож в протянутую ладонь.

Эдди зажал кончик лезвия между большим и указательным пальцами правой руки и склонился над ключом, не обращая внимания на градины, бьющие по его незащищенной шее. Теперь он четко видел, каким в точности должен быть ключ — во всей его изумительной и неоспоримой реальности.

Он сделал надрез.

Один.

Осторожно.

Тончайшая полупрозрачная стружка ясеневого дерева свернулась в колечко на первом выступе s-образного изгиба на конце ключа.

Из-за двери снова послышался крик Джейка Чеймберза.

38

Цепь с треском сорвалась, и Джейк грохнулся на пол, приземлившись на коленки. Страж-привратник издал ликующий рык. Гипсовая рука ухватила Джейка за бедра и потащила назад по коридору. Он попытался упереться ногами в пол, но ничего у него не вышло. В тело впились щепки и ржавые гвозди. Ощущение было не из приятных. Рука стража сжала его еще крепче, продолжая тащить прочь от двери.

Похоже, лицо чудовища все же застряло в дверном проеме на выходе в коридор, словно пробка в бутылке. Усилия, которые стражу пришлось приложить, чтобы добраться сюда, изменили его недоразвитые черты, придав ему новый облик. Теперь он походил на жуткого тролля-урода. Пасть зияла, готовая поглотить мальчика. Джейк в отчаянии шарил в кармане, пытаясь нащупать ключ, который должен помочь ему как талисман-оберег, как последнее уже средство, но, разумеется, ключ остался в двери.

— *Ах ты, сукин сын!* — закричал он и, собравшись с силами, резко подался назад, выгнув спину, точно олимпийский чемпион по прыжкам в воду. Обломки досок впились ему в задницу, точно пояс, сделанный из гвоздей, но Джейку было уже все равно. И тут он почувствовал, как его джинсы заскользили по бедрам вниз и хватка чудовища на мгновение ослабла.

Джейк сделал еще рывок. Рука безжалостно сжалась. Джинсы Джейка сползли уже до колен, а сам он хлопнулся спиной об пол. Хорошо еще, ранец смягчил силу удара. Рука раз-

жалась на миг — страж приготовился ухватить свою жертву повыше и понадежнее. Джейк, однако, успел подтянуть колени к груди, и когда лапища чудища начала снова смыкаться вокруг него, резко выбросил ноги вперед. В ту же секунду рука рванула к себе. Случилось именно то, на что и надеялся Джейк: чудовище стянуло с него джинсы (вместе с оставшейся кроссовкой), а он оказался свободным, по крайней мере на какое-то время. Он увидел, как страшная лапа согнулась в запястье из досок и крошащейся штукатурки и затолкала добычу в пасть. Дальше смотреть он не стал — не тратя времени даже на то, чтобы встать, он на четвереньках пополз обратно к дверному проему, забитому влажной землей, не обращая внимания на то, что в ладони его и коленки врезаются осколки стекла от упавшей люстры. Он думал лишь об одном: как бы ему доползти до ключа.

Он почти добрался до двери, как вдруг страшная лапа опять ухватила его за голые ноги и потащила назад.

39

Ключ наконец-то обрел свою точную форму.

Эдди опять вставил ключ в замочную скважину и попробовал его повернуть. В первый миг ключ не сдвинулся с места... а потом поддался ему. Эдди услышал, как щелкнул замок, как отошла задвижка. И как только это произошло, ключ у него в руке, исполнив свое предназначение, переломился надвое. Обеими руками Эдди схватился за темную отполированную дверную ручку и потянул на себя. Он явственно ощутил, как на невидимой оси повернулась огромная тяжесть. Как руки его наливаются безграничной силой. Ощутив эту силу, он понял, что два разделенных мира неожиданно соприкоснулись и что между ними открылся проход.

На мгновение ему стало плохо. Закружилась голова. Он потерял чувство ориентации. Но едва заглянув в открывшийся проем, Эдди понял, в чем дело: хотя он смотрел вниз — вертикально, — то, что было за дверью, ему виделось в горизонтальной перспективе. Больше всего это было похоже на хитрый оптический трюк, созданный с помощью призм и зеркал. А потом Эдди увидел Джейка. Что-то тащило его прочь от двери по коридору, усыпанному штукатуркой и осколками стекла. Он упирался локтями в пол. Ноги его были плотно зажаты в какой-то здоровой и страшной лапище. А в самом конце коридора зияла ужасная пасть, готовая поглотить Джейка, — пасть, клубящаяся непонятным белесым туманом, который мог быть либо дымом, либо пылью.

— *Роланд!* — закричал Эдди. — Роланд, он его сцапа...
Сильный удар отшвырнул его в сторону.

40

Сюзанна почувствовала, как ее приподняло в воздух и завертело. Мир превратился в расплывчатую карусель: стоящие камни, серое небо, сырая земля, усыпанная крупными градинами... и прямоугольная дыра в земле, похожая на крышку какого-то люка. Из этой дыры неслись жуткие крики. В теле ее рвался и бесновался демон, желая лишь одного: бежать, — но не в силах уже от нее оторваться, пока Сюзанна сама не отпустит его.

— *Давай!* — кричал Роланд. — *Отпускай его, Сюзанна! Ради отца своего, отпускай его! НУ!*

Она сделала, как он велел.

Не без помощи Детты Уокер Сюзанна соорудила в сознании у себя что-то вроде ловушки — силка из сплетенных нитей, — и теперь она просто мысленно обрезала эти нити. В ту же секунду демон оторвался от нее, и на мгновение ее охватило странное ощущение ужасающей пустоты, тут же сменившееся облегчением, к которому примешалось, однако, еще одно чувство, мрачное и омерзительное: чувство, что ее осквернили.

В тот момент, когда тяжесть невидимой плоти перестала давить на Сюзанну, ей удалось мельком увидеть его — нечеловеческое существо вроде ската с громадными загнутыми на концах крыльями и с чем-то похожим на жуткий изогнутый крюк внизу. Она увидела/ощутила, как демон пронесся над темной дырой в земле. Увидела Эдди, который запрокинул голову, широко распахнув глаза. Увидела, как Роланд раскинул руки, пытаясь схватить демона.

Вес невидимой плоти отбросил стрелка назад. Он едва устоял на ногах: пошатнулся, но все-таки выпрямился, крепко сжимая в руках пустоту.

Продолжая бороться с невидимым существом, Роланд спрыгнул в дверной проем и исчез.

41

Внезапно сумрачный коридор особняка озарился ослепительным белым светом; крупные градины застучали по стенам, запрыгали по разломанным доскам пола. Джейк услышал какие-то непонятные крики и увидел стрелка, появившегося в дверном

проеме. Он не прошел через дверь, а скорее спрыгнул, как будто откуда-то сверху. Сцепив руки в замок, он держал их перед собой, словно сжимая кого-то в объятиях.

Джейк почувствовал, что его ступни погружаются стражу в пасть.

— *Роланд!* — закричал он. — *Помоги мне, Роланд!*

Пальцы стрелка разжались, и в то же мгновение руки его широко разлетелись в стороны. Его отшвырнуло назад. Джейк почувствовал, как острые зубы стража вонзаются ему в ноги, готовые рвать плоть на куски и дробить кости... а потом что-то огромное и невидимое пронеслось у него над головой, как порыв сильного ветра. Зубы тут же убрались. Рука, сжимавшая его ноги, ослабила хватку. Он услышал, как из пыльных глубин глотки стража рвется жуткий крик боли с изумлением пополам, но крик почти сразу затих, словно чудовище подавилось им.

Роланд схватил Джейка и поднял его на ноги.

— Ты пришел! — закричал Джейк. — Все-таки ты пришел!

— Да, я пришел. Милостью всевышних богов и отвагой друзей, я пришел.

Страж у них за спиной заревел опять. Джейк расплакался от облегчения и страха. Теперь дом стонал и скрипел, как корабль, застигнутый бурей. Обломки досок и крошащаяся штукатурка сыпались отовсюду. Схватив Джейка в охапку, Роланд бросился к двери. Мечущаяся вслепую рука привратника задела его по ноге. Стрелок отлетел к стене. Стена, как живая, попробовала удержать его. Роланд отскочил от нее подальше, развернулся на ходу и достал револьвер. Почти не целясь, он дважды выстрелил в руку. Один из уродливых пальцев стража рассыпался в пыль. Лицо привратника поменяло цвет, превратилось из белого в лилово-черное, тусклое, как будто чудовище задыхалось, — невидимое существо, отпущенное Роландом, рванувшись вперед на безумной скорости, влетело привратнику в глотку и заткнуло ее собой, не успев даже сообразить, что, собственно, происходит.

Роланд снова бросился к двери. И хотя никакого видимого барьера как будто не существовало, он встал на пороге как вкопанный, словно наткнувшись на плотную сеть, неразличимую глазом.

А потом он почувствовал, как руки Эдди хватают его за волосы и тянут, но не вперед, а вверх.

42

Они вынырнули во влажный воздух и в пелену града, как новорожденные — из материнской утробы. В роли повивальной бабки выступил, как и было предсказано Роландом, Эдди. Он лежал, растянувшись на влажной земле, вжавшись в грязь

грудью и животом, и, опустив обе руки в дверной проем, тянул Роланда за волосы.

— Сьюз! Помоги мне!

Она подползла к нему, просунула руку в дыру и подхватила Роланда под подбородок. Он поднимался наверх, запрокинув голову. Его губы кривились от боли и напряжения.

Вдруг Эдди почувствовал, как что-то порвалось. Одна рука его освободилась. В ней осталась лишь прядь густых, тронутых сединой волос Роланда.

— Он сейчас упадет!

— Нет, сукин сын... *не уйдешь!* — выдавила Сюзанна и рванула так, как будто намеревалась свернуть Роланду шею.

Из дверного проема в центре говорящего круга показались две маленькие руки и схватились за край. Как только Роланд освободился от веса Джейка, ему удалось упереться локтем о край дыры, и уже через мгновение он выбрался на поверхность. А Эдди тем временем схватил Джейка за руки и вытащил его наверх.

Джейк повалился на спину, пытаясь отдышаться.

Эдди повернулся к Сюзанне, крепко обнял ее и стал целовать: в лоб, в щеки, в шею... Он смеялся и плакал одновременно. Она теснее прижалась к нему, дыша тяжело и надрывно... но при этом она улыбалась, довольная, и гладила мокрые волосы Эдди.

Из дыры у них под ногами черным потоком изливались звуки: вопли, удары, завывание и визг.

Не поднимая головы, Роланд отполз подальше от дверного проема. Его волосы торчали клочьями во все стороны. По щекам текли струйки крови.

— Закрой дверь! — заорал он на Эдди. — Ради отца своего, шевелись!

Эдди лишь сдвинул дверь с места, а тяжелые невидимые пружины сделали остальное. Дверь захлопнулась, глухо ударившись о землю, отрезав все звуки, идущие с той стороны. Буквально на глазах у Эдди четкие очертания двери расплылись, опять превратившись в размытые линии в мокрой грязи. Дверная ручка утратила свою объемность и опять стала кругом, нарисованным на земле. Там, где мгновение назад была замочная скважина, осталась только неровная впадина, из которой торчала щепка, как рукоять меча — из камня.

Сюзанна бережно помогла Джейку сесть.

— С тобой все в порядке, мой сладкий?

Он посмотрел на нее затуманенным взором.

— Да, по-моему. А он где? Стрелок? Мне у него кое-что нужно спросить.

— Я здесь, Джейк. — Роланд встал на ноги. Шатаясь как пьяный, он подошел к Джейку и, усевшись с ним рядом на

корточки, прикоснулся рукой к его щеке, как будто не веря, что мальчик действительно здесь.

— На этот раз ты не дашь мне упасть?

— Нет, — сказал Роланд. — Ни за что. Никогда.

Но в самых темных глубинах души стрелок помнил о Башне. И он усомнился.

43

Град обернулся ливнем, которому, казалось, не будет конца, однако на севере за пеленой клубящихся туч Эдди увидел проблески голубого неба. Буря скоро закончится, но все же не раньше, чем они все промокнут до нитки.

Но ему было уже все равно. Никогда в жизни Эдди не чувствовал так спокойно; никогда раньше не знал он такого умиротворения, когда на фоне предельной опустошенности пребываешь ты в мире с самим собой. Это безумное приключение еще далеко не закончилось — он даже подозревал, что оно только еще начинается. — но сегодня они одержали победу в решающей битве.

— Сьюз? — Он убрал мокрые волосы, закрывавшие ей лицо, и заглянул в ее изумительные темные глаза. — Ты как, в порядке? Он тебе сделал больно?

— Немножко да, но теперь это все позади. Сдается мне, демон там или не демон, Детта Уокер, эта сучка, так и осталась непревзойденной воительницей придорожных закусочных.

— Ты это о чем?

Она ехидно усмехнулась.

— Да так, о своем... теперь уже ни о чем... слава Богу. А ты-то как, Эдди? Нормально?

Эдди прислушался, но не услышал злорадного голоса Генри. Ему почему-то казалось, что голос брата умолк навсегда.

— И даже более чем. — Он рассмеялся, заключая ее в объятия. Через ее плечо он увидел, что осталось от двери: несколько расплывшихся линий и углов. Скоро дождь смоет и их.

44

— Как вас зовут? — спросил Джейк у женщины без ног. Только теперь до него дошло, что в отчаянной схватке с привратником он лишился штанов, и ему стало неловко. Он поспешно натянул низ рубашки, закрывая трусы. Впрочем, уж если на то пошло, от ее платья тоже мало что осталось.

25 Зак. 722

— Сюзанна Дин, — назвалась она. — А как тебя зовут, я уже знаю.

— Сюзанна, — задумчиво повторил Джейк. — А ваш отец, случайно, не владеет железнодорожной компанией?

На секунду Сюзанна замешкалась в изумлении, не зная, что ей на это ответить, а потом запрокинула голову и рассмеялась.

— Нет, малыш, не владеет! Он был дантистом. Кое-что изобрел и на этом разбогател. А почему ты спросил?

Джейк не ответил. Он внимательно смотрел на Эдди. Теперь, когда его страх прошел, взгляд Джейка снова стал не по-детски спокойным и даже оценивающим — точно таким, каким помнил его Роланд еще по дорожной станции.

— Ну привет, Джейк, — сказал Эдди. — Рад тебя видеть, дружище.

— Привет, — сказал Джейк. — Сегодня я вас уже видел, но вы тогда были намного моложе.

— Я был намного моложе еще минут десять назад. С тобой все в порядке?

— Да, — отозвался Джейк. — Пару царапин себе заработал, но это так, пустяки. — Он огляделся по сторонам. — Я смотрю, поезда вы еще не нашли.

Это был не вопрос.

Эдди с Сюзанной озадаченно переглянулись, но Роланд лишь покачал головой:

— Пока нет.

— А голоса? Ваши исчезли?

Роланд кивнул.

— Да. А твои?

— Мои тоже. Я снова целый. Мы оба.

Они посмотрели друг другу в глаза, разом поддавшись одному и тому же порыву, и когда Роланд обнял Джейка, неестественное самообладание мальчика вдруг рассыпалось в прах, и он разрыдался — это был плач уставшего, но теперь успокоенного ребенка, который давно потерялся, долго скитался по свету одинодинешенек, многое пережил, но в конце концов все же вернулся домой, где ему хорошо, где он в полной безопасности. Когда Роланд заключил Джейка в объятия, тот тоже обнял стрелка за шею и сжал ее точно стальными тисками.

— Я никогда тебя больше не брошу. — Теперь Роланд плакал тоже. — Клянусь именем всех моих предков: *я тебя больше никогда не брошу*.

И все-таки сердце его — пожизненный пленник *ка*, наблюдательный и молчаливый, — приняло слова клятвы не только с трепетом и изумлением, но и с сомнением тоже.

ЛАД: ГРУДА ПОВЕРЖЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

Глава IV
ГОРОДОК И КА-ТЕТ

1

аутро четвертого дня после того, как Эдди втащил его через дверь между двумя мирами, Джейк, лишившийся брюк и кроссовок, но сохранивший ранец и жизнь, проснулся от того, что кто-то теплый и влажный тыкался ему в лицо.

Случись что-то подобное в предыдущие дни, он наверняка перебудил бы всех жуткими воплями, потому что все эти три дня его мучила лихорадка, а во сне преследовали кошмары, где неизменно присутствовал страж-привратник из особняка. В этих снах брюки Джейка не соскальзывали у него с ног, привратник не отпускал его и запихивал каждый раз в пасть, и страшные зубы смыкались, обрушиваясь на него, как прутья решетчатых ворот, перегораживающих вход в старый средневековый замок. От этих снов Джейк просыпался с беспомощным стоном, весь дрожа.

Лихорадка случилась из-за укуса того гадкого паука. На второй день Роланд обследовал место укуса на его шее, обнаружил, что ранка не заживает, а, наоборот, становится хуже, и, коротко посовещавшись с Эдди, дал Джейку какую-то розовую таблетку.

— Каждый день, всю неделю, тебе придется глотать по четыре таких, — сказал он.

Джейк с сомнением поглядел на таблетку.

— Это что?

— *Чефлет,* — попытался выговорить Роланд, потом раздраженно взглянул на Эдди. — Скажи ему, как оно называется. *До сих* пор не могу его произнести.

— Кефлекс. Можешь не сомневаться, Джейк. Мы его раздобыли в Нью-Йорке, в старом добром Нью-Йорке, в апте-

ке, имеющей государственную лицензию. Роланд сожрал гору этих таблеток, и ничего с ним не стало, здоров как конь. Да и внешне немного похож, не находишь?

Джейк буквально опешил.

— А откуда у вас лекарство из Нью-Йорка?

— Это долгая история. — Роланд не стал вдаваться в подробности. — В свое время ты все узнаешь, а пока просто прими таблетку.

Джейк так и сделал. Подействовал кефлекс быстро. Уже через двадцать четыре часа воспаленная красная опухоль вокруг укуса начала бледнеть и спадать, а теперь прошла и лихорадка.

Кто-то теплый снова уткнулся ему в лицо, и Джейк рывком приподнялся, широко раскрыв глаза.

Существо, которое вылизывало ему щеку, поспешно отступило на пару шажков. Это был ушастик-путаник, но Джейк об этом не знал: он никогда раньше не видел такую зверюшку. Этот был далеко не такой упитанный, как те, которых путники встречали раньше. Его шкурка, черная с серыми полосами, потускнела, свалялась и местами вытерлась. На одном боку темнел сгусток старой запекшейся крови. И хотя черные глазки с золотым ободком глядели на Джейка с опаской, зверюшка миролюбиво помахивала хвостом. Джейк расслабился. Конечно, из всякого правила есть исключения, но существо, так забавно машущее хвостом, по крайней мере пытающееся это сделать, наверное, не очень опасное.

Рассвет еще только забрезжил на темном небе. Было около половины шестого утра. Точнее Джейк определить не мог: его цифровые часы «Сейко» здесь не работали... то есть не то чтобы совсем не работали, но вели себя очень странно. Когда он взглянул на них в первый раз после того, как попал в этот мир, часы показывали 98.71.65 — время, которого не существует. Вскоре Джейк сообразил, что часы идут не вперед, а назад. Если бы цифры менялись на них с постоянной скоростью, он бы как-то сумел еще приспособиться, но часы словно взбесились. Иногда цифры менялись с обычной скоростью, во всяком случае, Джейк считал ее таковой (чтобы это проверить, он произносил слово «Миссисипи» между изменениями секундной индикации), а потом вдруг останавливались секунд на десять, а то и на двадцать, так что Джейк начинал уже думать, что «Сейко» его приказали долго жить, но тут показатели снова менялись на несколько цифр разом.

Джейк рассказал о загадочном их поведении Роланду и показал ему часы, думая, что тот удивится, но Роланд лишь мельком взглянул на них, потом кивнул и безнадежно махнул рукой, заметив только, что часы, да, хороши, но в нынешние времена от подобных приборов не много толку. Но Джейк все равно не хотел их

выбрасывать, пусть они даже были совсем бесполезны... потому что часы напоминали ему о той, прошлой жизни, от которой у Джейка и так мало что осталось.

В данный момент, если верить часам, было 40.62 среды, четверга и субботы в марте и декабре одновременно.

Утренний туман был очень густым: на расстоянии в пятьдесят — шестьдесят футов мир просто-напросто исчезал. Если сегодняшний день будет таким же, как три предыдущих, солнце проглянет часа через два в виде призрачного белого диска, а к половине десятого день станет ясным и жарким. Джейк огляделся. Его спутники (он пока еще не решался назвать их друзьями) все еще спали под одеялами из шкур: Роланд — рядом с ним, Эдди с Сюзанной — с той стороны погасшего костра.

Он опять повернулся к зверьку, который его разбудил. Больше всего существо походило на помесь енота с сурком и заодно немножечко с таксой.

— Как поживаешь, малыш? — спросил он тихонько.

— *Ыш!* — мгновенно отозвался ушастик, не сводя с Джейка встревоженных глаз. Голос его, глуховатый и низкий, больше всего походил на лай — голос английского футболиста, у которого простужено горло.

Джейк даже вздрогнул от неожиданности. Ушастик-путаник, испуганный резким движением мальчика, отбежал еще на пару шагов назад. Джейку показалось, что тот сейчас бросится наутек, но зверек остановился и еще энергичнее замахал хвостом, продолжая с опаской разглядывать Джейка своими большими черными глазами с золотым ободком. Усы на его острой мордочке мелко подрагивали.

— Он все еще помнит людей, — раздался голос за спиной у Джейка. Он обернулся и увидел, что Роланд проснулся. Стрелок сидел, опершись локтями о колени и свесив длинные руки между ног, и смотрел на ушастика с неподдельным интересом, которого наполовину не удостоились часы Джейка.

— Это кто? — спросил Джейк, понизив голос, чтобы не вспугнуть животное. Он был очарован. — Какие красивые у него глаза!

— Ушастик-путаник.

— *Утаник!* — выдал зверек, отступая еще на шаг.

— Он разговаривает!

— Ну, не то чтобы разговаривает. Ушастики лишь повторяют, что слышат, по крайней мере так было раньше. Я уже многие годы такого не слышал. А этот приятель, похоже, изголодался. Пришел, наверное, чем-нибудь поживиться.

— Он лизал мне лицо. Можно, я его покормлю?

— Только учти, мы потом от него не избавимся, — строго сказал Роланд, но затем улыбнулся и щелкнул пальцами. — Эй! Ушан!

Зверек на удивление точно воспроизвел звук щелчка. Казалось, он щелкает язычком по небу.

— *Эй!* — повторил он своим хриплым голосом. — *Эй, Шан!* — И замахал хвостом еще пуще.

— Подойди к нему и чего-нибудь дай, — сказал Роланд Джейку. — Помню, один старый конюх говорил, что хороший ушастик приносит удачу. Этот, по-моему, хороший.

— Да, — согласился Джейк. — И по-моему, тоже.

— Когда-то ушастики были совсем ручными, то есть их приручали, и каждый барон держал их с полдюжины при своем замке или в поместье. В общем, они ни на что не годятся в хозяйстве, разве что крыс ловить да забавлять детишек. Они очень преданные животные, во всяком случае, так было раньше, хотя в этом смысле с собаками им не сравниться. А дикие особи — настоящие стервятники, питающиеся падалью. Они не опасны, но могут доставить немало хлопот.

— *Опот!* — воскликнул ушастик, глядя встревоженно то на стрелка, то на Джейка.

Джейк медленно залез в ранец, стараясь не делать резких движений, чтобы не вспугнуть зверька, вынул оттуда остатки «стрелецкого голубца» и бросил кусочек ушастику. Тот отскочил, слабо, по-детски вскрикнув, и повернулся к ним задом, демонстрируя пушистый, закрученный штопором хвост. Джейк решил, что зверек убежит, и немного расстроился, но ушастик остановился и с сомнением оглянулся через плечо.

— Ну давай, — подбодрил его Джейк. — Кушай, малыш.

— *Ыш,* — буркнул ушастик, но не сдвинулся с места.

— Дай ему время, — сказал Роланд. — Мне кажется, он не уйдет.

Ушастик потянулся, подняв кверху длинную и на удивление изящную шею. Черный носик задергался, уловив запах пищи. Зверек осторожно приблизился к угощению, и Джейк заметил, что он немного прихрамывает. Ушастик понюхал «голубец», а потом, ловко поддев его лапой, отделил оленину от листа, в который было завернуто мясо. Проделал он это очень аккуратно, едва ли не торжественно. Вытащив кусок мяса, зверек проглотил его одним махом и поднял голову, глядя на Джейка.

— *Ыш!* — сказал он.

Джейк рассмеялся. Ушастик снова отпрыгнул назад.

— Отощала зверюга, — пробормотал сонный Эдди у них за спиной. При звуке нового голоса ушастик мигом развернулся и скрылся в тумане.

— Вы его напугали! — произнес Джейк с укоризной.

— Ну извини, — сказал Эдди, приглаживая ладонью всклокоченную после сна шевелюру. — Знай я раньше, что это твой друг, я бы ему предложил кофе с булкой.

Роланд похлопал Джейка по плечу.

— Он вернется.

— Вы думаете?

— Если с ним ничего не случится, то да. Мы же его покормили, верно?

Не успел Джейк ответить, как снова раздался грохот барабанов. Они слышали этот странный ритм уже третье утро подряд и дважды по вечерам, когда день тонул в сумерках: глухой, монотонный гул, доносящийся со стороны города. В это утро, однако, звук был более четким, пусть и столь же непонятным, как и прежде. Джейк успел уже возненавидеть его. Ему все представлялось, что где-то там, под покровом густого, безликого утреннего тумана, бьется сердце какого-то исполинского зверя.

— Ты так и не знаешь, Роланд, что это такое? — спросила Сюзанна. Она тоже уже проснулась. Завязала волосы в хвост и сворачивала теперь одеяло, под которым они с Эдди спали.

— Нет. Но скоро, по-моему, мы все узнаем.

— Весьма обнадеживающе, — кисло заметил Эдди.

Роланд поднялся.

— Пойдемте. Не будем зря тратить время.

2

Уже час они шли по дороге. Туман начал рассеиваться. Коляску Сюзанны они толкали по очереди, причем труд этот был не из легких — теперь на пути все чаще и чаще попадались большие неровные булыжники. Вскоре небо прояснилось, и стало жарко. Очертания города проступили на горизонте, на юго-востоке, во всей красе. Джейку казалось, что город этот мало чем отличается от Нью-Йорка, хотя, с другой стороны, вряд ли там есть очень высокие небоскребы. Если он, как и почти все в мире Роланда, пришел в запустение, отсюда — издалека — этого было не разглядеть. Как и Эдди, Джейк постепенно преисполнился молчаливой и робкой надеждой на то, что там будут люди и что они им окажут помощь... или хотя бы накормят горячим.

По левую руку, милях, наверное, в тридцати — сорока, виднелась широкая полоса воды — река Сенд. Над ней стаями кружили птицы. Время от времени то одна, то другая, сложив крылья, камнем падала вниз. Вероятно, за рыбой. Медленно, но верно река и дорога сближались, хотя точка их пересечения находилась по-прежнему вне поля зрения.

Теперь впереди показались и другие строения. Большинство походило на фермы, однако все они, похоже, стояли пу-

стыми. Некоторые постройки совсем разрушились, но, судя по виду, скорее от времени, нежели от «огня и меча», и это последнее обстоятельство лишний раз подтверждало надежды Эдди и Джейка — надежды, которые оба держали в секрете, опасаясь насмешек. На равнинах паслись небольшие стада незнакомых косматых животных. Они старались держаться вдали от дороги и подходили к ней только тогда, когда им нужно было ее перейти, причем дорогу звери перебегали галопом, как стайка детишек, которые боятся машин. Джейк нашел, что они очень напоминают бизонов... вот только у некоторых было по две головы. Когда он сказал об этом Роланду, тот кивнул и заметил:

— Мутанты.

— Как те под горами? — В голосе Джейка явственно слышался страх. Мальчик понимал, что если уж он даже сам это заметил, то стрелок и подавно, но он ничего не мог с собой поделать: слишком яркими были воспоминания об их бесконечном кошмарном пути по тоннелю на дрезине.

— Здесь, как мне кажется, мутанты вымирают. А существа под горами продолжают вырождаться, становясь все уродливее.

— А там? — Джейк указал на город. — Там тоже будут мутанты или все-таки... — Он умолк; он и так подошел слишком близко к тому, чтобы высказать затаенную свою надежду.

Роланд пожал плечами.

— Я просто не знаю, Джейк. Я бы сказал тебе, если б знал.

Они как раз проходили мимо пустого строения — когда-то здесь наверняка была ферма — со следами давнего пожара. *Вполне может быть, что из-за молнии,* подумал Джейк и тут же задался вопросом, что именно он сейчас делает или пытается сделать: подобрать подходящее объяснение или же обмануть себя?

Роланд, словно прочтя его мысли, приобнял Джейка за плечи.

— Гадать все равно бесполезно, Джейк, — сказал он. — Что бы здесь ни случилось, это все произошло давным-давно. Вон смотри. — Он указал рукой. — Там, наверное, был загон для скота. И что теперь от него осталось? Несколько палок торчит из травы и все.

— Мир сдвинулся с места?

Роланд лишь молча кивнул.

— А люди? Они ушли в город, да?

— Одни, наверное, ушли, — сказал Роланд. — А другие по-прежнему здесь.

— Что?! — испуганно обернулась к нему Сюзанна.

Роланд кивнул.

— Уже два дня за нами следят. Не то чтобы много в этих старых развалинах, но кое-кто из людей обретается, это точ-

но. И таких будет все больше. Когда подойдем ближе к цивилизованному миру, убедитесь сами. — Он на мгновение умолк и поправился: — Вернее, к тому, что когда-то было цивилизованным миром.

— А как вы их вычислили? — спросил Джейк, сгорая от любопытства.

— Я их учуял. По запаху. Видел несколько огородов, скрытых за зарослями сорняков. Их сеют нарочно, чтобы скрыть посадки от посторонних глаз. И еще видел одну ветряную мельницу в роще. Она работала. Но самое главное, это чувство... как тень на лице вместо света солнца. Вы тоже скоро почувствуете, вот увидите.

— А как по-твоему, они не опасны? — спросила Сюзанна. Они как раз приближались к большому ветхому строению. Когда-то, наверное, там был склад или, может быть, деревенский рынок. Сюзанна с тревогой покосилась на здание. Рука ее безотчетно легла на рукоять револьвера, который она носила в кобуре на груди.

— А незнакомый пес будет кусаться? — ответил Роланд вопросом на вопрос.

— А попроще нельзя? — вставил Эдди. — Меня, знаешь, Роланд, просто бесит, когда ты заводишь свои дзэн-буддийские штучки.

— Выражение такое. Не знаю, значит, — пояснил Роланд. — А кто такой этот Дзэн Буддист? Такой же умный, как я?

Эдди долго смотрел на Роланда, но потом все же решил, что это, наверное, стрелок так шутит. Кстати, шутил Роланд крайне редко.

— Ладно, кончай дурака валять. — Прежде чем отвернуться, Эдди успел заметить, как дернулся уголок рта Роланда. Он уже взялся за ручки на спинке коляски Сюзанны, как вдруг что-то его отвлекло. — Эй, Джейк! — позвал он, присмотревшись получше. — Кажется, ты приобрел друга!

Джейк обернулся и вдруг весь расплылся в улыбке. Сзади, ярдах в сорока, тощий ушастик-путаник с усердием вышагивал следом за ними, припадая на одну лапу и нюхая на ходу молодую траву, что проросла между крошащимися булыжниками дороги.

3

В пути прошел уже не один час. И вот Роланд объявил привал и велел всем приготовиться.

— К чему приготовиться? — уточнил Эдди.

Роланд лишь пристально на него посмотрел.

— Ко всему.

Было, наверное, часа три пополудни. Они остановились у точки пересечения Великого Тракта с долгой грядой поло-

гих холмов, что протянулась по диагонали через равнину, точно складка на одеяле — самом большом одеяле в мире. Дорога вела вниз по склону и через самый настоящий городок. Первый у них на пути. Похоже, поселение это давно опустело... но Эдди держал в голове их сегодняшний утренний разговор. Он не забыл, что сказал Роланд. И вопрос стрелка *«А незнакомый пес будет кусаться?»* — уже не казался ему «дзэн-буддийскими штучками».

— Джейк?

— Чего?

Эдди кивком указал на «ругер», который торчал из-за пояса Джейковых джинсов — запасной пары, которую он запихал в рюкзак, уходя из дома.

— Может быть, я заберу пистолет себе?

Джейк вопросительно поглядел на Роланда, но стрелок только пожал плечами, как бы желая сказать: «Решай сам».

— О'кей. — Джейк вытащил из-за пояса пистолет и отдал его Эдди. Потом расстегнул ранец и достал со дна заряженную обойму. Почему-то он вспомнил, как лазил за ней в отцовский стол — она лежала за грудой папок, — но теперь все это казалось таким невозможно далеким. Вспоминая о жизни в Нью-Йорке и днях ученичества в школе Пайпера, Джейк как будто смотрел в перевернутый бинокль.

Эдди взял у него обойму, внимательно осмотрел со всех сторон, вставил ее в рукоятку «ругера», проверил предохранитель и сунул пистолет себе за пояс.

— Слушайте очень внимательно и запоминайте, — сказал Роланд. — Если там, в поселении, действительно кто-то живет, то скорее всего это будут одни старики. И еще неизвестно, кто кого больше испугается: мы — их или они — нас. Молодых здесь давно уже нет. А у тех, кто остался, вряд ли есть при себе оружие, я имею в виду огнестрельное... вполне может статься, что они в жизни не видели револьверов, таких, например, как у нас... разве что на картинках из старых книжек. Так что не делайте никаких угрожающих жестов. И не забывайте одно хорошее детское правило: говорить следует только тогда, когда к тебе непосредственно обращаются.

— А как насчет луков со стрелами? — осведомилась Сюзанна.

— Да, у них могут быть луки. Равно как дубины и копья. Это не исключено.

— И не забудь еще камни, — мрачно заметил Эдди, глядя вниз на скопление деревянных домишек. Поселение у дороги походило на город-призрак, но кто стал бы за это ручаться? — А если у них там напряг с камнями, на дороге булыжников хватит на всех.

— Да уж, — согласился Роланд, — всегда что-нибудь да найдется. Но сами в драку мы лезть не будем... всем ясно?

Они все кивнули, мол, ясно.

— А не проще вообще обойти его стороной? — предложила Сюзанна.

Роланд рассеянно кивнул, не сводя глаз с поселения внизу. Ближе к центру городка Великий Тракт пересекался с другой дорогой, и обветшалые домики у перекрестка походили на цель в центре оптического прицела.

— Проще. Но мы пойдем прямо. Ходить в обход — дурная привычка. Втянуться легко, но зато потом трудно избавиться. Идти напрямик всегда лучше, если, конечно, нет явных причин для того, чтобы этого не делать. В данном случае я не вижу таких причин. И если там правда есть люди... что ж, оно, может, и к лучшему. А вдруг мы узнаем что-нибудь ценное. Главное, как-то их разговорить.

Сюзанна отметила про себя, что Роланд как-то изменился, и не только потому, что теперь его не донимали призрачные голоса. *Таким он, наверное, был в те дни, когда сам шел на битву и вел в сражение своих людей, когда ему было за что воевать, когда его окружали друзья,* — решила она. — *Он был таким до того, как мир сдвинулся с места и сам он сдвинулся вместе с ним, отправившись в погоню за этим Уолтером. Он был таким до того, как Великая Пустошь вывернула его наизнанку и сделала каким-то отчужденным, странным.*

— Может быть, они знают, что это за барабанный бой? — сказал Джейк.

Роланд снова кивнул.

— Все, что они могут знать — и в особенности про город, — может очень нам пригодиться, и все же не стоит надеяться на подсказку людей, которых, возможно, там вовсе и нет.

— Знаешь, что я тебе скажу, — вдруг вмешалась Сюзанна. — Я бы точно не стала высовываться, если бы увидела на дороге такую компашку, как наша. Четверо незнакомцев, трое вооружены... Мы, наверное, похожи на банду головорезов из твоих древних историй, Роланд... как ты их там называл?

— Лиходеи. — Ладонь стрелка легла на сандаловую рукоять револьвера. — Но не родился еще лиходей, у которого было б такое оружие. — Он еще крепче сжал рукоять, приподнимая револьвер, так что тот наполовину высунулся из кобуры. — И если в этом селении есть кто-то, кто еще помнит старые времена, то они должны знать. Пойдемте.

Джейк обернулся. Положив острую мордочку на короткие передние лапы, ушастик улегся прямо посреди дороги и тихонько ждал, внимательно глядя на людей.

— Ыш! — позвал Джейк.

— Ыш! — эхом отозвался ушастик и мгновенно вскочил.

Они направились вниз по пологому склону. Впереди — четверо путников. Следом за ними — Ыш.

4

Два здания на окраине городка были сожжены дотла; остальная часть города, сплошь покрытого пылью, оказалась нетронутой. Они прошли по центральной улице, мимо заброшенного извозчичьего двора по левую руку, по правую руку осталось какое-то здание, которое когда-то давно было, наверное, рынком, и оказались в собственно городе, если можно назвать городом около дюжины обветшалых домишек, лепящихся по обеим сторонам дороги и разделенных узенькими переулочками. Вторая дорога — грунтовый тракт, заросший густой травой, — тянулась через весь городок с северо-востока на юго-запад.

Поглядев вдоль дороги на северо-восток, в направлении реки, Сюзанна еще подумала: *Когда-то по здешней реке, наверное, ходили баржи, а дальше по этой дороге должна быть пристань и, быть может, еще один городок — даже и не городок, а скопление харчевен и баров у пристани. Последняя торговая точка, а дальше баржи с товарами шли прямо в город. А по дороге ездили туда и обратно крытые повозки. Как давно это было?*

Ответа она не знала — но, судя по жалкому состоянию городка, было это давным-давно.

Где-то неподалеку противно и монотонно скрипела ржавая дверная петля. С равнины дул ветер — в одном из домов незакрепленная ставня тоскливо билась о стену.

Перед домами имелись специальные поручни, чтобы привязывать лошадей или вьючных животных. Большинство из них были сломаны. В прежние времена вдоль домов проходил дощатый тротуар, но доски давно уже сгнили, и через проломы и дыры теперь пучками пробивалась сорная трава. Таблички и вывески на домах повыцвели, но кое-какие из них еще можно было прочесть. Надписи были сделаны на некой варварской вариации английского. *Должно быть,* — решила Сюзанна, — *это и есть пресловутая низкая речь, о которой упоминал Роланд.* ЗЕРНО И КОРМ — сообщала одна из вывесок. Наверное, имелось в виду: «Зерно и фураж». На фасаде соседнего здания под неуклюжим изображением буйвола, развалившегося в траве, было написано: ОТДОХНУТЬ, ВЫПИТЬ, ПОКУШАТЬ. Дверь в заведение, слегка покосившаяся от времени, легонько покачивалась на ветру.

— Это что, как бы салун? — шепотом проговорила Сюзанна. Она и сама толком не поняла, с чего вдруг понизила голос. Просто ей показалось, что даже нормальный голос будет звучать здесь не очень уместно, все равно что песенка под аккомпанемент банджо на похоронах.

— Был, — отозвался Роланд, и хотя он сказал это не шепотом, голос его все равно прозвучал как-то тихо и задумчиво. Джейк шагал рядом с ним, нервозно оглядываясь по сторонам. Чуть позади — теперь не далее чем в десяти ярдах, — быстро перебирая лапками, топал Ыш. Зверек с любопытством разглядывал старые здания. Голова его, точно маятник, болталась из стороны в сторону.

Теперь и Сюзанна почувствовала, что кто-то за ними следит. Именно об этом неприятном ощущении недавно говорил Роланд: как будто тень скрыла солнечный свет.

— Здесь кто-то *есть?* — прошептала она.

Роланд только кивнул.

На северо-восточном углу перекрестка стоял большой дом, тоже с вывеской. Сюзанна сумела ее разобрать: ПРИСТАНИЩЕ И НОЧЛЕГ. Не считая церквушки с покосившейся колокольней, это был самый высокий здесь дом. Целых три этажа. Подняв голову кверху, Сюзанна успела заметить белое пятно — наверняка чье-то лицо, — промелькнувшее в пустом, без стекол, окне. Ей вдруг захотелось убраться отсюда как можно скорее. Но Роланд шагал не спеша, причем явно нарочно, и она, кажется, знала почему. Если они сейчас станут спешить, они тем самым покажут наблюдателям, притаившимся где-то неподалеку, что им здесь страшно... что с ними можно справиться. Но как бы там ни было...

На перекрестке улицы расширялись, образуя городскую площадь, которая давно заросла сорной травой. В самом центре ее одиноко торчал изъеденный временем столбовой камень, а над ним на проржавевшем тросе висела какая-то металлическая коробка.

Роланд — Джейк не отходил от него ни на шаг — приблизился к камню. Следом за ним подошел и Эдди, толкая перед собой коляску с Сюзанной. В спицах коляски шуршала трава. Ветерок трепал прядь волос на виске Сюзанны. Где-то вдалеке продолжал стучать ставень и скрипела дверная петля. Сюзанна невольно поежилась и убрала прядь с лица.

— Быстрей бы отсюда смотаться, — сказал ей Эдди, понизив голос. — Жутковатое место.

Сюзанна кивнула. Оглядев площадь, она опять живо себе представила, как здесь все было в базарный день. Она как будто увидела это воочию: толпы народа на тротуарах... городские матроны с корзинами на руке пробираются сквозь толпу, состоящую в основном из извозчиков, торговцев и небрежно одетых

матросов с барж (она понятия не имела, откуда вообще взяла эти баржи, но ей почему-то казалось, что так оно все и было)... телеги, загромождающие городскую площадь... повозки, ползущие по немощеной дороге, поднимая клубы желтой пыли... погонщики, понукающие лошадей (*быков, это были быки*) кнутами. Она словно *видела* их: телеги с перекинутыми поверх них пыльными кусками брезента, прикрывающими тюки с мануфактурой или пирамиды пропитанных смолой бочек. Видела этих быков, запряженных в телеги по два, — терпеливые, невозмутимые, они подергивали ушами, отгоняя надоедливых мух, кружащих над их огромными головами. Она слышала голоса, и смех, и грохот кабацкого пианино, на котором наяривали разухабистые вещицы типа «Девчонки из Буффало» или «Милашка Кэти».

Я как будто уже здесь жила... в другой жизни, подумалось вдруг Сюзанне.

Стрелок склонился над камнем, рассматривая надпись.

— Великий Тракт, — прочитал он вслух. — Лад, сто шестьдесят колес.

— Колес? — переспросил Джейк.

— Древняя мера длины.

— Ты слышал когда-нибудь об этом Ладе? — спросил у Роланда Эдди.

— *Возможно,* — отозвался стрелок. — Когда был совсем маленьким.

— Лад, гад, разлад... ничего себе рифмочки, — пробурчал Эдди. — Нехороший знак, тебе не кажется?

Джейк обошел столбовой камень и встал с восточной его стороны.

— Речная дорога, — сообщил он. — Правда, написано как-то странно, но все равно понять можно.

Эдди занялся изучением западной стороны камня.

— Здесь написано: «Джимтаун, сорок колес». Слушай, Роланд, а не там ли, случайно, родился Уэйн Ньютон?

Роланд в недоумении уставился на него.

— Все, я заткнулся. — Эдди кивнул ему и театрально закатил глаза.

На юго-западном углу площади стояла единственная в городке каменная постройка — приземистое запыленное здание в форме куба с ржавыми решетками на окнах. *Наверное, городской суд и тюрьма по совместительству,* — решила Сюзанна. Подобные здания она не раз видела у себя на юге; добавить только у входа косую разметку для парковки автомобилей — и будет один к одному. На его фасаде красовалась какая-то надпись, выведенная давно поблекшей желтой краской. Сюзанна сумела ее прочитать. И хотя она не совсем уловила смысл, ей вдруг еще сильнее захотелось уб-

раться отсюда подобру-поздорову — подальше от этого странного места. МЛАДЫ МРУТ, — сообщала надпись.

— Роланд! — окликнула она, и когда тот повернулся, указала на желтые буквы. — Что это значит?

Он прочел надпись на каменном здании и покачал головой:

— Без понятия.

Сюзанна опять огляделась по сторонам. Ей показалось, что площадь стала как будто меньше, а здания чуть сдвинулись к центру, нависая над ними.

— Может, двинем отсюда?

— Сейчас.

Роланд нагнулся и поднял с дороги обломок булыжника, выковырнув его из мостовой. Задумчиво взвешивая камешек на ладони, он поглядел, точно прицеливаясь, на металлическую коробку, что висела над столбовым камнем. И только когда стрелок отвел руку, готовясь к броску, Сюзанна — с секундным опозданием — сообразила, что он сейчас собирается сделать.

— Нет, Роланд! — выкрикнула она и невольно поморщилась. Ей самой стало не по себе от звука собственного испуганного голоса.

Не обращая на нее внимания, Роланд швырнул камень в коробку. Бросок, как всегда, вышел точным — камень с глухим металлическим лязгом врезался в самый центр коробки. Внутри ее что-то щелкнуло, послышался звук заработавшего часового механизма, и из прорези на боку выскочил металлический зеленый флажок, весь покрытый ржавчиной. Звякнул колокольчик. Большими черными буквами на флажке было написано: ИДИТЕ.

— Будь я проклят! — искренне изумился Эдди. — Светофор, мать твою, не иначе! Интересно, а если еще раз вдарить по этой штуке, она что, выкинет красный флажок, мол, СТОЙТЕ?

— Мы не одни, — невозмутимо заметил Роланд и указал на квадратное здание, которое Сюзанна приняла за городской суд. Из него вышли мужчина и женщина и спускались теперь по каменным ступеням. *Ты выиграл пупса, Роланд,* подумала про себя Сюзанна. *Они оба такие древние, старше Господа Бога.*

Мужчина был одет в вытертый комбинезон, на голове у него красовалось невероятных размеров соломенное сомбреро. Женщина, в домотканом платье и шляпке с полями козырьком, шла рядом с ним, опираясь рукой о голое загорелое плечо мужчины. Когда они подошли поближе, Сюзанна увидела, что женщина слепая и что зрения она лишилась при страшных обстоятельствах: на месте глаз у нее остались лишь неглубокие глазницы, затянутые рубцами кожи. Выглядела она смущенной и перепуганной одновременно.

— А если они лиходеи, Си? — воскликнула слепая. Ее надтреснутый голос дрожал. — Убьют нас сейчас, будешь ты виноват, так и знай!

— Помолчи пока, Мерси, — бросил в ответ старик. Оба они говорили с ярко выраженным акцентом, так что Сюзанна с трудом разбирала слова. — Не лиходеи они, уймись. Я же тебе говорю, с ними млад... а лиходеи не шастают с младами.

Несмотря на слепоту, женщина сделала было движение, стремясь оторваться от своего провожатого. Она была явно напугана. Старик тихо выругался и поймал ее за руку.

— Да успокойся ты, Мерси! Прекрати, я тебе говорю! Еще упадешь чего доброго и расшибешься, черт возьми!

— Мы вам не сделаем ничего плохого, — крикнул Роланд так, чтобы они услышали. Он перешел на Высокий Слог, и при первых же звуках его голоса в глазах старика промелькнул недоверчивый огонек. Женщина повернулась в их сторону, обратив к Роланду незрячие свои глазницы.

— Стрелок! — не сдержал восклицания старик. Его голос срывался и дрожал от возбуждения и восторга. — Боже милостивый, стрелок! Я знал, что так будет! Я знал!

Он бегом бросился к ним через площадь, волоча за собой старуху. Она беспомощно семенила следом, и Сюзанна вся напряглась, опасаясь, что слепая вот-вот упадет. Однако первым упал старик, тяжело грохнувшись на колени, а она растянулась с ним рядом, больно ударившись о булыжники Великого Тракта.

5

Джейк почувствовал, как что-то лохматое ткнулось ему в лодыжку. Поглядев вниз, он увидел, что к ноге его жмется Ыш, перепуганный, как никогда. Джейк осторожно присел и погладил Ыша по голове — чтобы успокоить зверька и успокоиться самому. Шерсть у ушастика оказалась на удивление шелковистой, приятной и мягкой на ощупь. Поначалу ему показалось, что Ыш сейчас бросится наутек, но тот лишь поднял свою острую мордочку, лизнул Джейка в ладонь и снова тревожно уставился на старика со старухой — двух новых людей. Мужчина пытался помочь слепой встать, но пока безуспешно. Она только дергалась и мешала ему, в явном смятении ворочая головой, как будто не понимая, что с ней такое случилось.

Старик, которого звали Си, при падении разбил руки в кровь, но он, кажется, этого не замечал. Оставив тщетные свои попытки поднять старуху, он снял сомбреро и прижал его к груди. Джейк

решил, что оно по размерам не уступает здоровенной корзине емкостью этак в бушель*.

— Добро пожаловать к нам, стрелок! — закричал древний старец. — Вот уж воистину добрая встреча! А я было думал, что все ваше племя давно исчезло с лица земли, но я, слава Богу, ошибся!

— Спасибо за добрый прием, — отозвался стрелок на Высоком Слоге и осторожно взял слепую старуху за руки чуть выше локтей. Она на мгновение вся сжалась, но тут же расслабилась и позволила ему помочь ей встать. — Надень шляпу, старче. Солнце сегодня печет.

Старик так и сделал и замер на месте, не отрывая сияющих глаз от Роланда. Джейк даже не понял сначала, почему вдруг заблестели глаза старика, но потом он увидел — от слез.

— Стрелок! Я *говорил* тебе, Мерси! Я сказал тебе сразу, как только увидел у них эти железные штуки, из которых палят!

— Так они не лиходеи? — переспросила старуха, как будто не веря своим ушам. — Ты уверен, что не лиходеи, Си?

Роланд повернулся к Эдди:

— Проверь как следует предохранитель и дай ей потрогать Джейков револьвер.

Эдди вытащил из-за пояса «ругер», проверил предохранитель и осторожно вложил пистолет в руки слепой старухи. Та судорожно сглотнула, едва не выронила пистолет, но все-таки удержала и, изумленно его ощупав, повернулась лицом к старику.

— Револьвер! — прошептала она. — Святые угодники...

— Ну, так себе штучка, — нарочито небрежно ответил старик на ее восторги, отобрал у нее пистолет и вернул его Эдди. — А вот у стрелка револьвер *настоящий,* и еще второй, тот, у женщины. Кстати, у женщины темная кожа, как у людей из Гарлана, если верить рассказам батюшки.

Ыш пронзительно тявкнул. Джейк оглянулся. К ним направлялись по улице еще люди — человек пять или шесть. Как Си и Мерси, все они были глубокими стариками, а одна из них — согбенная старуха с клюкой, похожая на ведьму из сказки, — выглядела невероятно древней. Когда они подошли поближе, Джейк обратил внимание на двух мужчин, неразличимо похожих друг на друга. Близнецы. Длинные пряди седых волос ниспадали на плечи их латаных-перелатаных домотканых рубах. Кожа у них была белой, как новая простыня, глаза — розовыми.

Альбиносы, подумал Джейк.

Как видно, главной у них была древняя «ведьма» с клюкой. Опираясь на палку, она подошла к небольшому отряду Роланда, не сводя с них пытливого взгляда зеленых, как изумруды, глаз. Губ

* Американский бушель равен 35,2 л.

ее почти не было видно: они ввалились в беззубый рот. Ветер, дувший с равнин, шевелил край старой шали у нее на плечах. Наконец взгляд ее остановился на Роланде.

— Ну здравствуй, стрелок! Добрая встреча воистину! — Она обратилась к нему на Высоком Слоге, и Джейк, как, впрочем, и Эдди с Сюзанной, прекрасно ее понимал, хотя можно было предположить, что в их собственном мире речь ее показалась бы им, наверное, набором бессмысленных звуков. — Добро пожаловать на Речной Перекресток!

Еще когда она только приблизилась, Роланд снял шляпу и теперь поклонился старухе, трижды коснувшись горла искалеченной правой рукой.

— Благодарю тебя, Древняя Матерь.

В ответ старуха хихикнула, но смех ее был чистым и искренним, и вдруг до Эдди дошло, что Роланд одновременно отпустил очень удачную шутку и сделал лестный комплимент. Теперь и он тоже, вслед за Сюзанной, подумал о том, что постепенно Роланд становится самим собой. *Вот каким он когда-то был... вот как держался с людьми. Ну хотя бы отчасти так.*

— Ты, может быть, и стрелок, но под одежей своей ты просто еще один глупый мужчина, — высказалась старуха, переходя на низкую речь.

Роланд опять поклонился.

— При виде такой красоты я всегда просто дурею, мать.

На этот раз старуха буквально разразилась хриплым смехом. Ыш в страхе прижался к ноге Джейка. Один из близнецов-альбиносов рванулся вперед поддержать старуху, которая покачнулась, давясь от смеха, на каблуках своих стоптанных пыльных туфель. Однако она сумела сама сохранить равновесие и надменно взмахнула рукой — мол, не лезь. Альбинос поспешно ретировался.

— Далеко, стрелок, держишь путь? — Она буквально впилась в него взглядом своих проницательных глаз. Когда она говорила, сморщенный рот с ввалившимися губами едва открывался.

— Да, — отозвался Роланд. — Мы ищем Темную Башню.

Все остальные лишь озадаченно переглянулись, но старуха, резко подавшись назад, сделала охранительный знак от дурного глаза — не в их сторону, как заметил Джейк, а на юго-восток, вдоль «дорожки» Луча.

— Жаль мне было услышать такое! — воскликнула она. — Ибо никто из ушедших на поиски этого черного пса не вернулся назад! Так говорил мне мой дед, а ему то же самое говорил его дед! Никто!

— *Ка,* — спокойно проговорил стрелок, как будто этим все объяснялось... и только теперь Джейк потихоньку начал понимать, что для Роланда так оно и есть.

— Да, — согласилась старуха, — черный пес *ка!* Ну что ж, стрелок, делай что должен и, пока жив ты, иди по дороге сво-

ей и умри, когда она тебя выведет на поляну среди деревьев. Но прежде чем двинуться дальше, не откажись разделить с нами трапезу. Откушайте с нами. Ты и верные твои рыцари.

Роланд опять поклонился.

— Давно не делили мы трапезу с кем-то еще, Древняя Матерь. Долго мы здесь не задержимся, но угощение ваше примем с удовольствием и благодарностью.

Повернувшись ко всем остальным обитателям городка, старуха проговорила надтреснутым, но звучным голосом, и от слов, ею сказанных, — от их смысла, а не от тона, — Джейк невольно поежился, чувствуя, как по спине у него побежали мурашки:

— Радуйтесь, люди, ибо вы зрите теперь возвращение света! После дней темных и темных путей в мир опять возвращается свет! Пусть ваши сердца преисполнятся им, этим светом. Поднимите склоненные головы, ибо то, чего ждали вы, наступило: колесо *ка* сделало очередной оборот!

6

Старуха, которую звали тетушка Талита, провела их через площадь в церковку с покосившимся шпилем — церковь Крови Господней, о чем сообщала выцветшая табличка на заросшей сорной травой лужайке. Поверх названия была еще одна надпись, сделанная зеленой когда-то краской, теперь почти совсем поблекшей: СМЕРТЬ СЕДОВЛАСЫМ.

Она провела их через полуразрушенную церквушку, торопливо ковыляя по центральному проходу между рассохшимися и перевернутыми скамьями, вниз по лестнице в кухню, так разительно отличавшуюся от царящего наверху запустения, что Сюзанна даже заморгала от удивления, не веря своим глазам. Здесь все было вычищено до блеска. Деревянный пол — очень старый, но любовно натертый мастикой, — казалось, светился собственным внутренним светом. Огромная черная печь занимала весь угол. Как видно, ее содержали в идеальном порядке, а дрова, аккуратно уложенные в небольшой нише из кирпича, были тщательно отобраны и хорошо просушены.

По дороге к ним присоединились еще две старухи и древний старик с деревянной ногой, ковылявший на костылях. Женщины тут же занялись делом: две принялись доставать из кухонных шкафов продукты, третья открыла заслонку печи и поднесла длинную серную спичку к уже уложенным в топке дровам, четвертая распахнула еще одну дверь и спустилась по узкой короткой лестнице в

подвальчик — по всей видимости, холодильный погреб. Тем временем тетушка Талита провела остальных в какой-то просторный зал на задах церковного здания. Она только махнула клюкой в направлении двух трехногих столов, что стояли в углу накрытые чистыми, но обтрепавшимися от старости скатертями, и старики-альбиносы тут же принялись сражаться с одним из них, пытаясь сдвинуть стол с места.

— Давай, Джейк, поможем, — предложил Эдди.

— Нет! — резко бросила тетушка Талита. — Мы, конечно, тут все старики, но мы еще сами справляемся! Пока еще сами, мой юный друг!

— Не лезь, — процедил Роланд.

— Надорвутся ведь, старые дурни, — буркнул Эдди себе под нос, однако покорно последовал за остальными, оставив двоих альбиносов возиться с тяжелым столом.

Эдди поднял Сюзанну с коляски и пронес ее на руках через заднюю дверь. При виде того, что оказалось за этой дверью, у нее даже дыхание перехватило. Они очутились в прелестном саду. Цветы на ухоженных клумбах горели, как факелы, в мягкой зеленой траве. Кое-какие Сюзанна узнала: ноготки, флоксы и циннии, — но большинство цветов было ей незнакомо. Она засмотрелась на очень красивый цветок с ярко-синими лепестками. Слепень уселся на лепесток... в тот же миг лепесток свернулся, прижав пойманное насекомое.

— Ого! — выдохнул Эдди, озираясь по сторонам. — Ну прям Сады Буша!

— Это единственное здесь место, — пояснил Си, — которое мы стараемся сохранить в прежнем виде. Таким, каким все здесь было раньше, в старые времена, до того, как мир сдвинулся с места. И мы его прячем от всех, кто сюда наезжает... от седовласых, и младов, и лиходеев. Они все здесь сожгут, если узнают об этом... а нас просто прикончат. Они ненавидят все хорошее и красивое — все как один ненавидят. В этом они все похожи, ублюдки.

Слепая старуха дернула его за руку — мол, замолчи.

— Правда, в последнее время никто сюда больше не наезжает, — заметил старик с деревянной ногой. — Давненько уж никого не было. Поближе к городу держатся, да. Там есть все, что им нужно, наверное. И слава Богу.

Близнецы-альбиносы с трудом выволокли стол на улицу. Следом за ними семенила старуха — одна из тех, что остались на кухне, — то и дело покрикивая на братьев, чтобы те пошевеливались и убирались с дороги к чертям собачьим. Она держала в обеих руках по большому глиняному кувшину.

— Садись, стрелок, — пригласила тетушка Талита, проведя рукой по высокой траве. — Все садитесь.

От сотни разнообразных запахов у Сюзанны слегка закружилась голова. У нее даже возникло такое чувство, что это все происходит во сне, а не на самом деле. Она никак не могла поверить в существование этого райского уголка, тщательно скрытого от чужих глаз за осыпающимся фасадом мертвого городка.

В дверях появилась еще одна женщина с целым подносом стаканов и кубков разномастных, но зато безупречно чистых; они сияли на солнце, как горный хрусталь. Сначала она предложила поднос Роланду, потом тетушке Талите, Эдди, Сюзанне и последнему — Джейку. Когда все взяли себе по стакану, первая женщина наполнила их золотистой темной жидкостью из кувшинов.

Роланд склонился к Джейку, который сидел, поджав под себя ноги, рядом с овальной клумбой ярко-зеленых цветов. Ыш устроился рядом с ним.

— Ты, Джейк, много не пей, — сказал Роланд, понизив голос. — Чуть-чуть отхлебни, чтобы их не обидеть. Иначе нам придется тебя выносить... это *граф* — крепкое яблочное пиво.

Джейк кивнул.

Талита приподняла свой стакан, и, как только Роланд поднял свой, Эдди, Сюзанна и Джейк последовали его примеру.

— А как же все? — шепотом спросил Эдди

— Им нальют после нас, — так же тихо ответил Роланд. — А теперь помолчи.

— Не одаришь ли нас добрым словом, стрелок? — спросила тетушка Талита.

Стрелок встал на ноги, приподняв стакан. Склонил голову, словно в раздумье. Немногочисленные обитатели городка, собравшиеся в саду, наблюдали за ним с уважением и, как показалось Джейку, с некоторой опаской. Но вот Роланд поднял голову.

— Я хочу выпить за землю и за дни, что минули на этой земле, — сказал он. Голос его звучал хрипло и немного дрожал от переполнявших его чувств. — Я хочу выпить за изобилие и достаток, что были тогда, и за друзей, которых уже нет в живых. Хочу выпить за добрых людей и радушное гостеприимство. Это ли не великий дар, Древняя Матерь?

Старуха расплакалась, и все-таки Джейк увидел, что лицо ее засияло счастливой улыбкой... и на мгновение она как будто помолодела, сбросив груз лет. Джейк смотрел на нее в изумлении, преисполнившись вдруг неожиданным и безмерным счастьем. В первый раз с того достопамятного мгновения, когда Эдди протащил его через дверь между двумя мирами, он почувствовал, что тень стража-привратника, накрывшая сердце его черной тучей, больше его не гнетет.

— Да, стрелок! — выдохнула старуха. — Хорошо сказано! Воистину это великий дар, и да увидим мы все это снова! — Она подняла стакан и залпом его осушила. Как только стакан ее опустел, Роланд выпил тоже. Сюзанна и Эдди последовали его примеру, хотя все-таки выпили не до дна.

Джейк тоже пригубил крепкий напиток и с удивлением обнаружил, что он ему нравится — хмельной, но не горький, как он ожидал, а сладковатый и терпкий, как сидр. Однако хватило и одного глотка, чтобы пиво ударило в голову, и Джейк предусмотрительно отставил стакан в сторону. Ыш понюхал напиток, отпрянул и ткнулся мордочкой в ногу Джейка.

Старики, собравшиеся в саду — последние жители Речного Перекрестка, — зааплодировали. Многие плакали, как тетушка Талита, не стыдясь своих слез. Из кухни извлекли еще стаканы — уже не такие благородные, а самые простые, впрочем, пригодные для питья, — и обнесли всех собравшихся. Началось застолье. Радостное застолье под открытым бескрайним небом долгого летнего дня.

7

Эдди решил, что еда, которой его потчевали в этот день, была самой вкусной из всего, что он пробовал со времен мифических пиров детства, когда у тебя день рождения и мама готовит и подает к столу все твои самые любимые лакомства: мясной рулет с жареной картошкой, запеченную кукурузу и дьявольски вкусный пирог с ванильным мороженым.

Одно только разнообразие выставленных перед ними блюд — в особенности после стольких месяцев, когда им приходилось питаться исключительно мясом омаров, вяленой олениной и какими-то горькими травами, безопасными, по утверждению Роланда, для жизни, — значительно увеличивало удовольствие от еды, но Эдди не считал, что это была единственная причина. Джейк, как заметил Эдди, тоже налег на яства (не забывая каждые пару минут подкидывать лакомые кусочки ушастику, свернувшемуся у его ног), а ведь он пробыл здесь, в этом мире, всего лишь неделю.

Чего только не было на столе! Огромные миски с тушеным мясом (как выяснилось, мясом буйволов) с подливкой и соусом из овощей, подносы со свежей выпечкой, глиняные горшочки с белейшим сливочным маслом, тарелки с какими-то листьями, по вкусу похожими на шпинат... но не совсем. Эдди в жизни не был ярым любителем зелени, но как только он попробовал эти листья, оторваться уже не смог. Он перепробовал все, однако это зе-

леное чудо было просто вне конкуренции. Сюзанна тоже не отставала, то и дело подкладывая себе «шпинатику». Вчетвером путники опустошили три здоровые тарелки с листьями.

Когда пришло время десерта, старые женщины и альбиносы-братья убрали обеденные тарелки, отнесли их на кухню и вернулись оттуда с двумя немалых размеров блюдами, на которых высокими горками были уложены пироги, и большой миской взбитых сливок. От пирога исходил такой сладостный аромат, что Эдди решил, будто он уже умер и очутился в раю.

— Сливки только из молока буйволиц, — извиняющимся тоном произнесла тетушка Талита. — Коров ни одной не осталось... последняя сдохла лет тридцать назад. Молоко буйволиц — не особенный деликатес, но все-таки лучше, чем ничего.

Как выяснилось, пирог был с начинкой из ежевики. Эдди в жизни не ел ничего вкуснее. Он уплел три куска, откинулся на спинку стула, звучно рыгнул, не успев прикрыть рот ладонью, и виновато огляделся по сторонам.

Мерси, слепая, весело рассмеялась.

— А я слышала! Слышала! Кто-то благодарит нашего повара, тетушка!

— Ну да, — подтвердила, смеясь, тетушка Талита. — Еще как.

Две женщины, что накрывали на стол, снова вернулись из кухни. Одна несла дымящийся кувшин, другая — поднос, уставленный керамическими чашками с толстыми стенками.

Тетушка Талита сидела во главе стола, Роланд — по правую руку от нее. Наклонившись, он что-то шепнул ей на ухо. Она внимательно его выслушала — при этом улыбка ее слегка увяла, — потом кивнула.

— Си, Билл и Тилл, — распорядилась она, — вы втроем оставайтесь здесь. Нам надо немного потолковать со стрелком и его друзьями, ибо они собираются выйти в дорогу сегодня же вечером. Остальные пока могут выпить свой кофе на кухне, чтобы не было лишнего шума и суеты. И перед тем как уйти, не забудьте о наших законах гостеприимства!

Билл и Тилл, близнецы-альбиносы, остались сидеть за столом. Все остальные поднялись, выстроились в шеренгу, и каждый из них по очереди подошел к путникам. Проходя мимо, они пожимали Сюзанне и Эдди руку, а Джейка чмокали в щеку. Мальчик принимал этот знак уважения с завидным достоинством, но Эдди все же заметил, что Джейк удивлен и растерян.

Приблизившись к Роланду, старики опускались перед ним на колени и прикасались к сандаловой рукояти его револьвера, который он носил в кобуре на левом бедре. Роланд клал руки им на плечи и целовал каждого в лоб. Последней к нему подо-

шла Мерси. Обняв стрелка обеими руками, она потянулась губами к его щеке и наградила его влажным звонким поцелуем.

— Благослови тебя Бог, стрелок! Благослови и храни! Если б я только могла тебя видеть!

— Мерси, как ты себя ведешь! — осадила ее тетушка Талита, быть может, немного резко, но Роланд, не обращая внимания на эту реплику, склонился к слепой.

Нежно, но твердо он взял ее руки в свои и поднес их к своему лицу.

— Ты можешь увидеть меня, — сказал он. — Увидеть хотя бы так.

Роланд закрыл глаза, и пальцы ее, морщинистые, искривленные артритом, осторожно ощупали его лоб, щеки, губы и подбородок.

— Да, стрелок! — выдохнула слепая, поднимая пустые глазницы к его бледно-голубым глазам. — Я тебя вижу! Прекрасно вижу! Лицо у тебя хорошее, вот только печаль на нем и тревога. Я боюсь за тебя, стрелок. За тебя и твоих людей.

— И все же мы встретились, верно? — Он нежно поцеловал ее морщинистый лоб. — И это была добрая встреча.

— Да... добрая встреча. Добрая. Спасибо за поцелуй, стрелок. Спасибо от всего сердца.

— Иди-иди, Мерси, — поторопила ее тетушка Талита, но уже мягче. — А то кофе твой стынет.

Мерси поднялась на ноги. Старик с деревянной ногой положил ее руку себе на ремень. Ухватившись за его пояс покрепче, она позволила старику увести себя прочь, отвесив прощальный поклон Роланду и его друзьям.

Эдди вытер глаза. Почему-то они оказались влажными.

— Кто ослепил ее? — хрипло выдавил он.

— Лиходеи, — ответила тетушка Талита. — Выжгли каленым железом. Не так она, видишь ли, посмотрела. Мол, слишком нахально. Четверть века назад, вот когда это случилось. Да вы пейте кофе. Он и горячий-то противный, а когда остывает, так вообще хуже воды из придорожной канавы.

Эдди поднес чашку к губам и осторожно отхлебнул, прислушиваясь к своим ощущениям. Водой из канавы его, конечно, не назовешь, но до «Блу Маунтин Бленд» этому напитку действительно далековато.

Сюзанна тоже попробовала его и озадаченно подняла глаза.

— Да ведь это цикорий!

Талита повернулась к ней:

— Цикорий? Не знаю такого. Это всего лишь щавельник. Мы пьем кофе из щавельника с тех самых пор, как та женщина прокляла меня... а это проклятие с меня снято давным-давно.

— Сколько ж вам лет? — неожиданно спросил Джейк.

Тетушка Талита с изумлением на него поглядела, но потом рассмеялась:

— Сказать по правде, малыш, я и сама не помню. Помню, как я сидела на этом же месте, когда справляли мое восьмидесятилетие, но в тот день на лужайке собралось не меньше пятидесяти человек, а у Мерси тогда еще были глаза. — Взгляд ее задержался на ушастике, свернувшемся у ног Джейка. Не поднимая мордочки с ноги Джейка, Ыш поднял глаза с золотистым ободком и посмотрел на нее. — Ушастик-путаник, господи! Давно я не видела, чтобы ушастик ходил с людьми... мне казалось, они забыли уже о тех днях, когда они ладили с человеком.

Один из братьев-альбиносов наклонился, чтобы погладить зверька. Ыш отпрянул в испуге.

— Когда-то они стерегли овец, — сказал Джейку Билл (или, может быть, Тилл). — Ты это знал, молодой человек?

Джейк покачал головой.

— А он разговаривает? — спросил альбинос. — В прежние времена они это умели. Не все, но некоторые.

— Да, он разговаривает. — Джейк поглядел на ушастика, который снова улегся к нему на ногу, как только старик убрал руку. — Скажи, как тебя зовут, Ыш.

Ыш только поднял глаза.

— Ыш! — Джейк требовательно повысил голос, но Ыш молчал. Джейк в растерянности поглядел на тетушку Талиту и двух близнецов. Он, похоже, немного расстроился. — Ну... он вообще-то умеет... он разговаривает... но, наверное, только тогда, когда хочет.

— Я смотрю, мальчик как будто нездешний, — сказала Талита Роланду. — Странно он как-то одет... и глаза у него тоже странные.

— Он здесь недавно. — Роланд ободряюще улыбнулся Джейку, и тот неуверенно улыбнулся в ответ. — Через месяц-другой уже никто ничего не заметит.

— Да? Не знаю, не знаю. И откуда же он пришел?

— Издалека.

Талита кивнула.

— И когда он вернется домой?

— Никогда, — сказал Джейк. — Теперь мой дом здесь.

— Тогда да хранят тебя Боги, — сказала старуха, — ибо здесь, в этом мире, солнце клонится к закату. И зайдет оно навсегда.

От этих зловещих слов Сюзанна невольно поежилась и прижала руку к животу, как будто у нее скрутило желудок.

— Сьюз? — встревожился Эдди. — Ты как?

Она попыталась выдавить улыбку, но ничего у нее не вышло. Казалось, обычная ее уверенность и поразительное самообладание вдруг ей изменили. Пусть только на миг, но все же.

— Все нормально. Просто по телу мурашки побежали, будто вдруг повеяло могильным холодом.

Тетушка Талита окинула ее долгим оценивающим взглядом, от которого Сюзанне стало не по себе... но потом улыбнулась.

— Мурашки побежали... ха! Давненько я не слыхала такого.

— Так мой папа всегда говорил. — Сюзанна повернулась к Эдди. Теперь она сумела улыбнуться, и улыбка ее вышла вполне уверенной. — Что бы там ни было, это уже прошло. Все в порядке.

— Расскажите нам все, что вы знаете о том городе и о землях, что пролегают отсюда до него, — попросил Роланд, поднося к губам чашку с кофе. — Есть там лиходеи? И кто эти млады и седовласые?

Тетушка Талита глубоко вздохнула.

8

— Мы бы много тебе рассказали, стрелок, да вот только мы мало знаем. Но одно я знаю наверняка: город этот — нехорошее место, и особенно для парнишки. Для *всех* детей. Почему бы не обойти его стороной? Разве вы не можете пойти другой дорогой?

Роланд поднял голову к небу, глядя на привычный уже узор облаков, плывущих вдоль пути Луча. В этом безбрежном небе, раскинувшемся над широкой равниной, просто нельзя было не заметить эту ленту бегущих облаков, похожую на белую реку.

— Может быть, — выдавил он наконец, но голос его прозвучал как-то странно. Словно он с неохотой произносил слова. — Да, можно, наверное, обойти Лад стороной, с юго-запада, а потом снова выйти к пути Луча.

— Значит, вы следуете за Лучом, — задумчиво проговорила Талита. — Так я и думала.

Несмотря на слова Талиты, Эдди вдруг поймал себя на том, что в нем все-таки крепнет надежда получить помощь, когда (и если) они доберутся до этого города, — может быть, там они что-то такое найдут, что поможет им в поиске, или там будут люди, которые просветят их насчет Темной Башни и того, что им надо сделать, когда они все же ее найдут. Например, седовласые, как их тут называют, — звучит неплохо, в воображении сразу рисуются мудрые старые эльфы.

Вот только бой барабанов — достаточно мерзкий, честно говоря, — явно не подходил под его благодушное настроение. Эдди он напоминал низкопробные боевички, которые он в свое вре-

мя смотрел десятками, если не сотнями (по вечерам, когда они с Генри усаживались перед теликом с одной на двоих миской поп-корна). Во всех этих фильмах легендарные заброшенные города в дебрях джунглей, куда так стремились отважные путешественники и исследователи, лежали в руинах, а местные жители деградировали до состояния первобытного племени людоедов, жадных до крови, но Эдди все же не верилось, что нечто подобное может произойти в этом огромном городе, который так походил на Нью-Йорк, во всяком случае, на расстоянии. Если там им не встретятся мудрые эльфы и добрые дядюшки, то уж *книги* должны сохраниться наверняка. Роланд как-то сказал, что в его мире бумага — вещь крайне редкая и дорогая, но уж в таком большом городе книги будут. Их просто не может не быть. Все города, где бывал Эдди, буквально тонули в книгах. Может быть, им повезет и они там найдут себе транспортное средство. Какую-нибудь машину в исправном состоянии. Вроде местной модели «лендровера». Возможно, это всего лишь пустые бредовые фантазии, но когда тебе предстоит прошагать сотни и тысячи миль на своих двоих, причем по неведомой территории, парочка глупых фантазий приходится весьма кстати... хотя бы для поддержания духа. К тому же все это не исключено, черт возьми, верно?

Он открыл было рот, чтобы высказать по этому поводу некоторые соображения, но Джейк его опередил.

— Вряд ли мы сможем обойти его стороной, — сказал он, покраснев, когда все повернулись к нему. У ног его зашевелился Ыш.

— Вот как? — переспросила тетушка Талита. — И почему ты так думаешь?

— Вы что-нибудь знаете о поездах? — ответил ей Джейк вопросом на вопрос.

За сим последовало продолжительное молчание. Билл и Тилл неуверенно переглянулись. Тетушка Талита не отрываясь смотрела на Джейка. Джейк выдержал ее пристальный взгляд, не опустив глаз.

— Слышала я об одном таком, — наконец вымолвила старуха. — Может быть, даже и видела. — Она указала рукой в направлении реки. — Давным-давно, когда я была маленькой, до того, как мир сдвинулся с места, во всяком случае, переменился еще не так сильно. Ты про Блейна сейчас говоришь, да, малыш?

Глаза Джейка вспыхнули от изумления.

— Да! Про Блейна!

Роланд пристально поглядел на парнишку.

— А откуда ты знаешь про Блейна Моно? — спросила тетушка Талита.

— Моно? — переспросил Джейк в растерянности.

— Да, именно так его и называли. Откуда ты знаешь про этого старого прощелыгу?

Джейк беспомощно поглядел на Роланда, потом снова на тетушку Талиту.

— Я не знаю откуда.

И это правда, подумал вдруг Эдди. *Но не вся правда. Он знает больше, но не хочет при них говорить... и, по-моему, он боится.*

— Это, мне кажется, наше дело, — произнес Роланд сухим властным тоном, не терпящим возражений. — Дайте нам разобраться самим, Древняя Матерь. Так будет лучше.

— Да, — поспешно согласилась она. — Решать только вам. Нам, наверное, лучше вообще ни о чем не знать.

— Так как насчет города? — напомнил Роланд. — Что вы можете нам рассказать о Ладе?

— Очень немногое. Но все, что мы знаем, мы вам расскажем, — заверила Роланда тетушка Талита и подлила себе еще кофе.

9

В основном говорили близнецы, Билл и Тилл; когда одному не хватало слов и он умолкал, второй тут же подхватывал повествование. Время от времени тетушка Талита тоже вставляла слово, что-нибудь уточняя или же поправляя братьев, и близнецы с уважением умолкали, дожидаясь, пока она закончит. Си вообще не сказал ни слова — молча сидел перед нетронутой чашкой кофе, перебирая в руках соломинки, что торчали из широких полей его сомбреро.

Роланд быстро понял, что жители Речного Перекрестка действительно знают немногое, даже об истории собственного городка (хотя это последнее обстоятельство не особенно удивило стрелка: старые люди, доживающие свой век... память их коротка и тускнеет быстро, не удерживая ничего, кроме самых недавних событий, а все остальное как бы вообще перестает существовать). Однако и то немногое, о чем они знали, внушало серьезные опасения. И этому Роланд тоже не удивился.

Во времена их прапрапрадедов Речной Перекресток представлял собой городок точно такой же, каким он рисовался в воображении Сюзанны: торговое поселение у Великого Тракта, причем поселение процветающее, где иногда продавались, но чаще обменивались самые разнообразные товары. Номинально, по крайней мере, Речной Перекресток являлся одной из провинций Речного феода, хотя уже в то время такое понятие, как феод, или землевладение, ушло в безвозвратное прошлое.

В те дни жители городка еще промышляли охотой на буйволов, хотя это занятие уже отмирало: с каждым годом буй-

волиные стада становились все малочисленнее, а животные подвергались невообразимым мутациям. Не то чтобы мясо мутантов было ядовитым, но есть его было невозможно — оно стало вонючим и горьким на вкус. И все же Речной Перекресток, расположенный между местом, которое попросту называлось Пристанью, и деревенькой Джимтаун, оставался в округе не самым последним из населенных пунктов исключительно из-за своего местоположения: он обосновался на Великом Тракте и достаточно близко от города -- в шести днях пешего хода и всего лишь в трех днях, если плыть по реке.

— Если только вода в реке не спадала, — уточнил кто-то из близнецов. — Тогда путь по реке занимал больше времени, а мой дед говорил еще, мол, иной раз случалось такое, что баржи сидели на мели до самого Перешейка Тома.

Старики вообще ничего не знали о коренных жителях города, равно как и о технологиях и машинах, с помощью которых были построены городские дома и башни; город строили древние или, как их еще называли, Великие Древние, чья история затерялась в глубинах далекого прошлого еще тогда, когда прапрапрадед тетушки Талиты был мальчишкой.

— Дома до сих пор стоят, — сказал Эдди. — Быть может, машины, с помощью которых их строили ваши Великие Древние, тоже работают?

— Может быть, — согласился один из близнецов. — Но даже если и так, молодой человек, вряд ли кто-то из нынешних жителей города знает, как управляться с ними... во всяко. случае, так мне сдается, да.

— Нет, — возразил его брат. — Кое-кто из седовласых и младов наверняка не все еще забыл из того, что умели древние. Даже теперь. — Он поглядел на Эдди. — Батюшка наш говорил, что когда-то там, в городе, были такие свечи... электрические. А кое-кто и сейчас утверждает, что свечи эти горят до сих пор.

— Нет, вы только подумайте! — в изумлении выдохнул Эдди, и Сюзанна больно ущипнула его за ногу под столом.

— Да, — подтвердил второй из близнецов. Говорил он вполне серьезно, не замечая сарказма Эдди. — Нажимаешь на кнопку — и загораются яркие свечи. Они не дают никакого тепла. У них нет фитилей или резервуаров под масло. И еще говорят, что давным-давно, еще в прежние времена, один незаконнорожденный принц по прозвищу Шустрый взлетел в небеса на какой-то там механической птице. Но у нее отломилось крыло, и он упал с высоты и погиб, как Икар.

Сюзанна открыла рот от удивления.

— Вы знаете эту легенду? Про Икара?

— Да, сударыня, — ответил тот, явно не понимая, почему ей это кажется странным. — Про Икара и крылья, скрепленные воском.

— Детские сказочки — что про Икара, что про этого Шустрого, да, — высказалась тетушка Талита, презрительно фыркнув. — Вот вечные свечи — они правда есть. Это я точно знаю. Я их видела собственными глазами еще желторотой девчонкой. И наверное, они до сих пор еще иной раз загораются, спорить не буду. Люди, достойные всяческого доверия, утверждают, что в ясные ночи они иногда видны, городские огни, хотя сама я такого не видела много лет. Но вот летать люди не могут. И никогда не могли. Даже Великие Древние, так-то.

Но тем не менее в городе все-таки *были* какие-то странные механизмы, предназначенные для работ самых разных и даже иной раз опасных. И наверное, многими еще можно было пользоваться и по сей день, но близнецы-альбиносы были абсолютно уверены, что в городе не осталось уже людей, которые знали, как их запускать, ибо уже много лет жители Речного Перекрестка не слышали шума машин.

Дело скорее всего поправимое, — сказал себе Эдди, и глаза у него загорелись. — *Если, конечно, найдется какой-нибудь предприимчивый молодой человек, смышленый и понимающий кое-что в технике и этих вечных огнях, не дающих тепла. Может быть, нужно только найти кнопку «ВКЛ». Я хочу сказать, это действительно может быть просто. Или, скажем, у них полетели предохранители... вы только представьте себе, дорогие друзья и соседи! Стоит лишь заменить им с полдюжины предохранителей, и город вспыхнет огнями, как Рино субботним вечером!*

Сюзанна толкнула его локтем и тихо поинтересовалась, чему это он улыбается. Эдди тряхнул головой и поднес палец к губам, чем заслужил раздраженный взгляд любимой супруги. Альбиносы тем временем продолжали рассказ, причем когда один умолкал, второй подхватывал повествование с легкостью, достижимой, наверное, лишь между братьями-близнецами, прожившими всю жизнь бок о бок.

Четыре или, может быть, пять поколений назад в городе все еще жило немало людей, и он был тогда местом вполне даже цивилизованным, хотя тогда уже местные жители разъезжали на примитивных повозках и на телегах по широким бульварам, которые древние соорудили для своих легендарных безлошадных карет. В основном в городе жили мастеровые и «фабричные», как называли их близнецы, так что торговля тогда процветала и на реке, и над ней.

— То есть как — над ней? — не понял Роланд.

— Мост над Сендом стоит до сих пор, — пояснила тетушка Талита. — Вернее, лет двадцать назад он еще стоял.

— Ага, — подтвердил Си, впервые вступив в разговор. — Еще лет десять назад старый Билл Маффин с сынком его видели, мост.

— Что за мост? — спросил Роланд.

— Большущий такой, из стальных тросов, — отозвался один из близнецов. — Стоит себе в небе, ну прям паутина ги-

гантского паука. — Помолчав, он добавил, смущаясь: — Хотелось бы мне поглядеть на него еще раз перед смертью.

— Он, может, давно уже рухнул, — пренебрежительно отмахнулась тетушка Талита. — И хорошо бы. Туда ему и дорога. Дьявольская работа. — Она повернулась к братьям-альбиносам: — Расскажите им, что случилось потом и почему город сейчас так опасен... не говоря уже о привидениях, там обитающих. А там их немало, готова поспорить! И говорите короче, а то люди хотели уйти сегодня, а солнце уже миновало зенит.

10

Дальнейший рассказ близнецов представлял собой очередную версию уже известной истории, которую Роланд из Гилеада слышал множество раз. Мало того, он сам был свидетелем или даже участником некоторых событий, эту историю составляющих. Отрывочный и сумбурный, дополненный, без сомнения, домыслами и мифами, искаженный последними беспорядочными переменами — как во времени, так и в пространстве, — происходящими в мире, весь рассказ можно было свести к одной фразе: *Когда-то мир был таким, каким мы его знали, но теперь он изменился.*

Старые обитатели Речного Перекрестка знали о Гилеаде не больше, чем, скажем, Роланд знал о Речном феоде, и имя Джон Фарсон — имя человека, который принес беззаконие и хаос в страну Роланда, — для них не значило ничего, но во всем остальном две истории о конце прежнего мира были очень похожи... *Слишком похожи,* — решил стрелок, — *чтобы оказаться простым совпадением.*

Триста или даже четыреста лет назад не то в Гарлане, не то еще дальше, в краю, называемом Порла, разразилась война. Великая гражданская война. Постепенно она распространилась по всему миру — как рябь по воде, — неся хаос и разрушение. Не многим из королевств удалось устоять перед этой кровавой волной. Тень беззакония накрыла и эту часть мира так же неотвратимо и неизбежно, как за закатом приходит ночь. По дорогам маршировали целые армии. Одни наступали, другие, наоборот, отступали, но и те, и другие действовали наобум, без какой-либо стратегической цели. Прошло время. Армии постепенно распались, разбились на небольшие отряды, а те, в свою очередь, выродились уже в шайки бродячих разбойников — лиходеев. Торговля сократилась, а потом и вовсе свернулась. Путешествовать стало весьма затруднительно и опасно, а в конце концов и совсем невозможно. Связь с городом постепенно слабела, а лет сто двадцать тому назад совершенно прекратилась.

Как и сотни других городов и поселков, где довелось побывать Роланду — сначала вместе с Катбертом и другими стрелками, изгнанными из Гилеада, потом одному, в погоне за человеком в черном, — Речной Перекресток оказался отрезан от мира и предоставлен самому себе.

В этот момент, поднявшись со своего места, в разговор вступил Си и сразу же завладел вниманием слушателей. Говорил он глуховатым размеренным голосом прирожденного сказителя — из этих святых глупцов, одаренных с рождения искусством смешивать правду и вымысел в красивые грезы, восхитительные, точно тоненькие паутинки в каплях росы.

— В последний раз мы посылали оброк феоду еще при жизни моего прадеда, — начал он. — Двадцать шесть человек пошли в замок с телегой, груженной шкурами... уже тогда у нас не было твердой монеты, но мы посчитали, что шкуры вполне подойдут. Да и не было больше у нас ничего. Путь их был долог и небезопасен, дорога длиной почти в восемьдесят колес... и шестеро по пути скончались. Половина из этих шести погибла от рук лиходеев, воевавших тогда против города; остальные умерли от болезней или от бес-травы.

И вот они наконец добрались до цели. Но замок был пуст. Кроме грачей и дроздов, в замке не было никого. Стены обрушились. Главный Двор зарос сорной травой. На полях, что к западу от поместья, прогремела великая битва. Повсюду белели кости и алели ржавые доспехи, так говорил мой прадед, и демоны перекликались, завывая, как ветер с востока, в истлевающих челюстях павших ратников. Деревню за замком сожгли дотла, а на стенах цитадели торчали колья с человеческими черепами. Больше тысячи черепов. Наши люди оставили шкуры у разбитых подъемных ворот — ибо никто не решился войти туда, к неприкаянным духам и стонущим голосам, — и повернули назад домой. На обратном пути еще десять наших расстались с жизнью, так что из двадцати шести только десять вернулись домой, среди них был и мой прадед... но по дороге он где-то подхватил лишай и так и не вылечился до самой смерти. Говорили, что это была лучевая болезнь. Я не знаю... Но после этого больше никто уже не выходил из города. Так вот мы и живем здесь сами по себе.

Постепенно они привыкли и к набегам лиходеев, продолжал Си надтреснутым, но мелодичным голосом. На дороге всегда кто-то нес дозор, и как только вдали показывалась очередная банда — почти всегда они двигались на юго-восток по Великому Тракту вдоль пути Луча, по направлению к Ладу, где шла нескончаемая война, — горожане спешили укрыться в убежище, выкопанном под церквушкой. Дома, мимоходом разрушенные бандитами, не отстраивали потом, чтобы лишний раз не привлекать внимания. Впрочем, разбойников

мало заботил этот тихий, якобы заброшенный городок: они проезжали Речной Перекресток на полном скаку с луками и боевыми топорами за плечами, торопясь на войну, где убийство и кровь.

— О какой это войне идет речь? — уточнил Роланд.

— Да, — вставил Эдди, — и что там за барабаны?

Близнецы быстро переглянулись — едва ли не с суеверным страхом.

— О барабанах Господних мы ничего не знаем, — ответил Си. — Ничего. А война в Ладе, ну...

Война начиналась как противоборство преступников и лиходеев, с одной стороны, и свободной конфедерации городских мастеровых и «фабричных» — с другой. Жители Лада решили взяться за оружие и дать лиходеям отпор вместо того, чтобы просто смотреть, как разбойники грабят их, поджигают их лавки и мастерские, а тех, кого не добили в сражении, изгоняют в Великую Пустошь — на верную смерть. И в течение нескольких лет горожане успешно удерживали оборону, не давая бандитам проникнуть в город ни по мосту, ни с реки.

— У горожан было древнее оружие, — вставил кто-то из близнецов, — и хотя лиходеев было намного больше, куда ж им с их булавами, луками да топорами тягаться с древним оружием?!

— Вы хотите сказать, у горожан были револьверы? — уточнил Эдди.

Альбинос кивнул.

— И *не только* револьверы. Такие еще устройства, метающие огненные шары на целую милю, когда не больше. Потом, взрывчатка вроде динамита, но гораздо мощнее. Преступники и прочее все отребье — теперь их называют седыми или седовласыми, как вы, наверное, уже догадались, — не могли ничего сделать против такого. Одно только средство у них оставалось: осадить город. Что они, собственно, и предприняли.

Лад стал, по сути, последней твердыней былого мира. Те, кто был половчее и посмышленее, перебирались туда из окрестных селений поодиночке и парами. Безоружными выходили они на «ничейный» мост, и в город пускали всех, кому удавалось прорваться через тыловой лагерь и передовые линии осады, ибо сам по себе такой переход уже мог считаться испытанием на мужество и смекалку. Были, конечно же, и такие, кто просто хотел поживиться за чужой счет, но их отправляли обратно без разговоров, но всем, кто умел что-то делать и мастерить (или хотя бы имел мозги, чтобы этому научиться), разрешали остаться. Особенно в Ладе ценились пахари и земледельцы; как говорили потом очевидцы, все парки и городские скверы были переделаны под огороды, ибо выбор у жителей осажденного города, полностью отрезанного от окрестных деревень, был весьма небогат: либо самим производить продукты, либо умирать с

голоду посреди металлических улиц и стеклянных башен. Великих Древних давно уже не было, их таинственные машины хотя и остались, но сделались бесполезными, к тому же эти безмолвные чудеса не годились в пищу.

Время шло. Постепенно характер войны менялся. Соотношение сил медленно, но верно склонялось в пользу седых, осаждавших город, — седыми их прозвали потому, что в большинстве своем они были намного старше горожан. Впрочем, и те с годами не становились моложе. По привычке их все еще называли младами, но всякому было ясно, что молодость их давно отцвела. И мало-помалу они то ли забыли, как надо использовать древнее оружие, то ли оно само вышло из строя за давностью лет.

— Наверное, и то, и другое, — заметил Роланд.

И вот лет девяносто назад — уже при жизни Си и тетушки Талиты — появилась последняя банда изгоев, да такая большая, что, когда она проезжала через Речной Перекресток, передовые дозоры явились еще на рассвете, а последние ее отряды вышли из поселения почти перед самым закатом. С тех пор столь многочисленной армии в этих местах не видали, а предводителем ее был незаконнорожденный принц Давид по прозвищу Шустрый — тот самый, который потом якобы насмерть разбился, пытаясь подняться в небо на механической птице. Он сплотил вокруг себя остатки разрозненных банд и шаек, без дела шатавшихся вокруг Лада. Творил всяческие бесчинства, убивая любого, кто осмеливался встать у него на пути и противиться его планам. Армия седых под предводительством Давида Шустрого сумела все-таки захватить город. Причем не с моста и не с лодок. В двенадцати милях вниз по течению они соорудили понтонный мост и нанесли удар с фланга.

— С тех пор война тихо угасла, что твой огонь в очаге, — заключила тетушка Талита. — Кое-кому удалось тогда еще выбраться из города, так что мы знали, что там творится. Да и сейчас до нас доходят кое-какие известия. И сейчас даже чаще, чем раньше, потому что мост, говорят, никто больше не охраняет, да и пожар, как мне кажется, должен уже поуняться. В самом городе млады и седовласые до сих пор еще глотки друг другу рвут, только мне кажется, что настоящие млады — это потомки тех лиходеев, что пришли сюда с принцем Давидом Шустрым, хотя их по-прежнему называют седыми. А дети тех, коренных, горожан сейчас не моложе, наверное, нас, хотя есть среди них и сравнительно молодые люди, привлеченные старыми баснями и соблазном приобщиться к древнему знанию, которое якобы сохранилось в Ладе.

— Никак не могут они изжить эту старую свою вражду, стрелок. Никак не помирятся млады и седовласые. Причем, скажу я тебе, и те, и другие захотят заполучить себе этого юношу, которого

ты называешь Эдди. Если женщина с темной кожей способна зачать, ее не убьют, хотя у нее нет ног. Они оставят ее для того, чтобы она им рожала детей, ибо дети теперь появляются редко. Болезни, которые были раньше, сейчас уже сходят на нет, но все равно дети рождаются с отклонениями.

Сюзанна при этих словах встрепенулась, как будто хотела что-то сказать, но все-таки промолчала, допила только кофе и снова устроилась в позе внимательной слушательницы.

— Да, стрелок, если этих двоих они просто не прочь у себя оставить, то за парнишку они будут драться жестоко и до последнего.

Джейк наклонился и принялся гладить Ыша, но Роланд все же увидел его лицо и мгновенно понял, о чем он думает: опять о том переходе под горной грядой. Ситуация повторялась, только теперь вместо мутантов-недоумков были седые и млады.

— Тебя они наверняка убьют, — продолжала тетушка Талита. — Потому что ты — стрелок и принадлежишь ты иным временам и иным местам. Так, ни рыба ни мясо... какой им в тебе прок? А мальчика можно использовать, научить помнить одно и забыть другое. Из него можно вылепить все, что угодно. Сами они давно позабыли, за что они, собственно, между собой грызутся: мир с тех пор сдвинулся с места и стал другим. Теперь они просто дерутся под жуткий свой барабанный бой... одни сравнительно молодые, другие — а ведь таких большинство — совсем старики, им бы в кресле-качалке сидеть на крылечке... но и те, и другие — безмозглые дураки. Живут для того, чтобы убивать, и убивают, чтобы жить. — Она помолчала и вдруг спросила: — Ну а теперь, выслушав нас, старых пней, до конца, вы, может быть, все-таки обойдете его стороной, этот проклятый город, и не станете лезть с дураками в драку?

Роланд открыл было рот, но Джейк его опередил.

— А расскажите, пожалуйста, про Блейна Моно, — попросил он решительно твердым и звонким голосом. — Про Блейна и про машиниста Боба.

II

— *Какого еще машиниста?* — не понял Эдди, но Джейк даже и не посмотрел в его сторону, продолжая пристально разглядывать стариков.

— Пути проходят вон там, — отозвался наконец Си, указав в сторону реки. — Вернее, один только путь... идет он по насыпи из рукотворного камня, из которого древние строили свои стены и улицы.

— Монорельс! — воскликнула Сюзанна. — Блейн Монорельс!

— Блейн — это боль, — прошептал Джейк себе под нос.

Роланд только внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал.

— А сейчас этот поезд ходит? — спросил Эдди у Си.

Си покачал головой, причем на лице старика отразилась тревога.

— Нет, молодой господин... но на нашей с Талитой памяти он еще ездил. Когда мы были совсем еще юными, а война в городе шла вовсю. Перед тем как увидеть его, мы сначала услышали грохот — такой равномерный и низкий гул, похожий на шум летней бури... такой, знаешь, с громами и молниями.

— Да, — подтвердила тетушка Талита с отсутствующим видом. Она полностью погрузилась в воспоминания.

— А потом показался он сам — Блейн Моно, — сверкая на солнце. И нос у него был такой же, как пуля в твоем револьвере, стрелок. Весь такой длинный, с два колеса, не меньше. Знаю, это звучит как бред, невозможно в такое поверить. Может быть, я ошибаюсь, конечно (мы тогда были совсем молодыми, не забывай, а в юности многое кажется не таким, какое оно есть по правде), но я до сих пор готов спорить, что он *был* длиной в два колеса, потому что, когда Блейн появился, он растянулся, казалось, по всему горизонту. Такой невысокий и быстрый — ты его не успел еще толком и рассмотреть, а он уже скрылся из виду! Иногда, при плохой погоде, когда над равниной собирались тучи, он, появляясь с запада, вопил, точно гарпия. Иногда он проезжал по ночам, и тогда впереди его несся луч белого света, и мы все просыпались от его пронзительного гудка. Он гудел, как труба, что, говорят, поднимет мертвых из их могил, когда придет конец света.

— Расскажи им про взрыв, Си! — воскликнул кто-то из близнецов, не то Билл, не то Тилл, дрожащим от благоговейного ужаса голосом. — Расскажи им про этот безбожный грохот, который всегда за этим следовал!

— Ну да, я как раз к этому перехожу, — не без раздражения отозвался Си. — Когда он проходил, сначала все было тихо... пару-тройку секунд... иногда, может быть, и минуту... а потом гремел взрыв, от которого содрогались стены, чашки падали с полок, а иной раз случалось, что в окнах лопались стекла. Только звук — безо всякой там вспышки или огня. Как будто что-то взрывалось не в этом мире, а в царстве духов.

Эдди легонько тронул Сюзанну за плечо, и когда она повернулась к нему, беззвучно, одними губами, шепнул два слова: «*Звуковой удар*». Бред, конечно, — Эдди в жизни не слышал о поездах, развивающих сверхзвуковую скорость, — но это было единственное разумное объяснение.

Сюзанна кивнула и опять повернулась к Си.

— Это единственный из механизмов, построенных древними, который я видел в действии собственными глазами, — сказал он тихо. — И если это не дело рук дьявола, значит, дьявола не существует вообще. Последний раз я его видел той самой весной, когда женился на Мерси, а с той поры миновало, наверное, лет шестьдесят.

— Семьдесят, — уточнила со знанием дела тетушка Талита.

— И поезд шел *в* город, — задумчиво проговорил Роланд. — С той стороны, откуда пришли и мы... с запада... из леса.

— Да, — раздался неожиданно еще один, новый голос, — но был еще один поезд... тот, который ходил *из* города... и он, возможно, еще работает.

12

Все как один обернулись. Возле цветочной клумбы, как раз посередине между церковью и столом, за которым они сидели, стояла Мерси. Выставив руки перед собой, она медленно направлялась к ним, ориентируясь по звуку голосов.

Си неуклюже поднялся из-за стола, торопливо шагнул ей навстречу и взял жену за руку. Она обняла его за пояс. Так они и стояли рядом, точно самые старые в мире молодожены.

— Тетушка Талита велела тебе пить кофе на кухне! — попенял он ей.

— Я давно уже выпила кофе, — отозвалась Мерси. — Горькое пойло, терпеть его не могу. И я к тому же хотела послушать. — Она подняла дрожащий палец и указала в сторону Роланда. — Еще раз хотела услышать его голос. Он светлый и чистый, да.

— Прошу прощения, тетушка. — Си с опаской покосился на Талиту. — Она всегда была чуточку не в себе и с годами не стала умнее.

Тетушка Талита посмотрела на Роланда. Тот едва заметно кивнул.

— Пусть остается с нами, — распорядилась Талита.

Си подвел Мерси к столу, не переставая при этом браниться, а Мерси, плотно сжав губы, только глядела ему через плечо своими незрячими глазами.

Как только Си усадил ее за стол, тетушка Талита наклонилась вперед, опершись на локти:

— Ты хочешь нам что-то сказать, сестра-сай, или ты собираешься просто молоть языком?

— Я слышу, что слышу. Слух у меня не стал хуже с годами, Талита... наоборот, даже лучше!

Роланд молниеносным движением вынул из патронташа патрон и бросил его через стол Сюзанне. Та поймала его на лету.

— Ты слышала, сай? — спросил он.

— А то, — повернувшись к нему, отозвалась Мерси. — Достаточно слышала, чтобы понять, что ты что-то бросил... Наверное, ей, вашей женщине с темной кожей. Что-то маленькое. Что это было, стрелок? Печенье?

— Почти угадала, — улыбнулся Роланд. — Ты действительно слышишь прекрасно. А теперь говори, что ты хотела сказать.

— Есть еще один Моно. Если это не тот же самый, когда он идет в другом направлении. Но как бы там ни было, в другом направлении тоже ездил какой-то Моно... еще лет семь-восемь назад. Я не раз слышала, как он выходил из города и направлялся в пустынные, бесплодные земли за его пределами.

— Чушь собачья! — воскликнул кто-то из близнецов-альбиносов. — *Никто* не бывает в бесплодных землях! Никто туда не суется! Там никому не выжить!

Мерси повернулась к нему.

— Разве поезд живой, Тилл Тадбери?! Разве машины болеют или страдают нарывами или рвотой?

Как сказать... если вспомнить того медведя... — Эдди едва не произнес это вслух, но, подумав как следует, решил все-таки промолчать.

— Мы бы его услышали, — принялся убеждать ее второй брат. — Этот грохот, про который рассказывал Си...

— После этого поезда грохота не было, — возразила Мерси, — но я слышала другой звук... такое потрескивание, какое бывает, когда где-то рядом ударит молния. Всегда, когда со стороны города дул сильный ветер, я его слышала. — Она помолчала немного и, воинственно выставив подбородок вперед, добавила еще: — И однажды я слышала взрыв. Он раздался далеко-далеко. В ту ночь, когда ураган Большой Чарли едва не сорвал с церкви купол. На расстоянии в две сотни колес отсюда, не меньше. А может, и во все двести пятьдесят.

— Чушь! — не унимался Тилл. — Да ты, наверное, травы объелась!

— Я *тебя* сейчас съем с потрохами, Тилл Тадбери, если ты не заткнешь свою трубу. Как вообще можно так разговаривать с дамой?! Господи...

— Перестань, Мерси! — шикнул на нее Си, но Эдди уже не прислушивался к этому «семейному» обмену любезностями. То, о чем говорила слепая старуха, имело смысл. *Конечно*, о каком звуковом ударе могла идти речь, если дело касалось поезда, едва отправившегося в путь в сторону Лада? Эдди не помнил точно, какова скорость звука, но уж никак не меньше шестисот пятидесяти миль в час. И для поезда, который только тронулся с места, нужно какое-то время, чтобы набрать скорость, а когда он ее наберет — то есть скорость, достаточную, чтобы преодолеть звуковой барьер, — он удалится уже за пре-

делы нормальной слышимости... разве что условия слышимости будут черезвычайно благоприятными, как это было, по утверждению Мерси, в ту ночь, когда ураган Большой Чарли — черт его знает, что это вообще такое, — обрушился на городок.

Значит, не стоит терять надежду. Блейн Моно, конечно же, не «лендровер», но, может быть... может быть...

— И ты не слышала этот поезд уже семь-восемь лет, сай? — уточнил Роланд. — Ты уверена, что не дольше?

— Никак не дольше, — уверенно отозвалась она, — потому что в последний раз я его слышала в тот самый год, когда старый Билл Маффин подцепил болезнь крови. Бедняга Билл!

— Это было почти десять лет назад, — поправила тетушка Талита, и голос ее прозвучал неожиданно мягко.

— Почему же ты никогда не рассказывала о том, что слышишь? — спросил ее Си и, не дожидаясь ответа, повернулся к стрелку: — Не стоит верить всему, что она говорит, господин... ей всегда надо быть в центре внимания, моей Мерси.

— Ах ты, старый пердун! — возмущенно воскликнула Мерси и шлепнула его по руке. — Я потому только молчала, чтобы тебя не забить, муженек, ведь ты так гордишься своим рассказом! Но теперь, когда это важно, я рассказала все, что знаю, вот так!

— Я тебе верю, сай, — сказал Роланд, — но ты твердо уверена, что с тех пор ты не слышала этого Моно?

— Нет, с тех пор ни разу. Наверное, пути его тоже пришел конец, то есть я так себе думаю.

— Как знать, — задумчиво протянул Роланд. — Как знать. — И, опустив голову, он весь погрузился в раздумья, отрешившись от общего разговора.

Чу-Чу, вдруг подумалось Джейку, и он невольно поежился.

13

Уже через полчаса они снова вышли на центральную площадь. Сюзанна сидела в своей коляске. Джейк поправлял ремни ранца, а Ыш, устроившись у его ног, внимательно за ним наблюдал. Похоже, на «званом обеде» в райском садике на задах церкви Крови Господней присутствовали исключительно городские старейшины, потому что, когда путешественники возвратились на площадь, там их поджидали еще около дюжины стариков. Они посмотрели на Сюзанну, немного внимательнее — на Джейка (возраст мальчика, как видно, заинтересовал их гораздо больше, чем цвет ее кожи), но без слов было очевидно, что пришли они посмот-

реть на Роланда; в их изумленно раскрытых глазах ясно читался благоговейный трепет.

Он — живое воплощение безвозвратно ушедшего прошлого, о котором они знают лишь по рассказам, подумала Сюзанна. *Они на него смотрят так, как набожные прихожане смотрели бы на святого апостола — на Петра, или Павла, или Матфея, — если бы он вдруг решил заглянуть к ним на огонек, скажем, в субботу вечером и стал бы рассказывать о том, как они с Иисусом из Назарета переправлялись через Галилейское море.*

Ритуал прощания, которым закончилась общая трапеза, повторился и здесь, только на этот раз в нем принимали участие все без исключения жители Речного Перекрестка. Они снова выстроились рядком и, подходя к каждому из путников по очереди, жали руки Сюзанне и Эдди, целовали Джейка в лоб или щеку и преклоняли колени перед Роландом, дабы тот прикоснулся к ним и благословил. Мерси обняла стрелка обеими руками и прижалась слепым лицом к его животу. Роланд тоже обнял старуху и поблагодарил ее за рассказ.

— Может, все-таки переночуешь у нас, стрелок? Солнце клонится уже к горизонту, а я готова поклясться, что ты со своими людьми давно уже не ночевал под крышей.

— Да, ты права, но мы все же пойдем. Спасибо, сай.

— Ты вернешься, стрелок, если сможешь?

— Да, — заверил ее Роланд, но Эдди не нужно было и смотреть в лицо друга, чтобы понять: они никогда не вернутся сюда. Никогда. — Если сможем.

— Хорошо. — Она в последний раз обняла его и отошла, опираясь рукой о загорелое плечо Си. — Прощай.

Тетушка Талита подошла последней. Когда она стала опускаться перед ним на колени, Роланд удержал ее за плечи.

— Нет, сай. Не надо. — И на глазах изумленного Эдди он сам встал перед ней на колени на пыльную мостовую. — Благослови меня, Древняя Матерь. Благослови нас всех, ибо мы отправляемся в долгий путь.

— Да. — В ее голосе не было удивления, в глазах не было слез, но все равно ее голос дрожал от избытка чувств. — Я вижу, ты искренен сердцем, стрелок. Я вижу, ты не забыл древних законов, и ты достойный сын своего отца. Благословляю тебя и твоих людей. Я буду молиться за вас, чтобы все напасти обошли вас стороной. А теперь, если хочешь, возьми вот это. — Сунув руку за ворот поблекшего платья, она достала серебряный крест на серебряной же цепочке тончайшей работы. Сняв распятие, она протянула его Роланду.

Теперь пришла его очередь удивляться.

— Может, не надо? Я пришел сюда не для того, чтобы забрать принадлежащее вам по праву, Древняя Матерь.

— Надо, стрелок. Бери. Сто лет я носила его на груди, не снимая ни днем, ни ночью. Теперь носи ты. Возьми его к Темной Башне, и положи у ее подножия, и назови имя Талиты Анвин там, в самом дальнем краю земли. — Она надела цепочку с распятием ему на шею. Крест лег Роланду на грудь под открытым воротом рубахи из грубой оленьей кожи, как будто он был там всегда. — Теперь ступайте. Мы отобедали вместе, хорошо поговорили, мы получили благословение твое, а ты — наше. Идите назначенной вам дорогой, и пусть вас минуют все беды и горести. Встань, стрелок, и будь честен. — Голос ее задрожал и сорвался на последнем слове.

Роланд поднялся с колен, потом поклонился старухе и трижды коснулся ладонью шеи.

— Благодарю тебя, сай.

Она поклонилась в ответ, но не сказала ни слова. Теперь по щекам у нее текли слезы.

— Вы готовы? — спросил Роланд.

Эдди молча кивнул, не рискуя заговорить.

— Хорошо, — сказал Роланд. — Идемте.

Они зашагали по развороченной главной улице городка. Теперь коляску Сюзанны толкал Джейк. Проходя мимо последнего дома (ТОРГ И МЕН, — сообщала поблекшая вывеска на фасаде), он оглянулся. Старики так и стояли на площади, сгрудившись у столбового камня, — островок человечности, затерянный посреди безбрежной пустынной равнины. Джейк поднял руку и помахал им на прощание. До этого момента он еще как-то крепился, но когда кое-кто из стариков начал махать в ответ — и среди них Си, Билл и Тилл, — он не выдержал и расплакался.

Эдди приобнял его за плечи.

— Главное, не останавливайся, дружище, — сказал он нетвердым голосом. — Это единственный способ, иначе вообще невозможно уйти.

— Они все такие *старенькие!* — выдавил Джейк сквозь рыдания. — Разве можно их так вот здесь бросить одних?! Это несправедливо!

— Это *ка*, — вырвалось у Эдди само собой.

— Правда? Тогда это нечестное *ка*.

— Да, это все тяжело, — согласился Эдди, продолжая идти вперед. Джейк тоже пошел, больше уже не оглядываясь назад. Он боялся, что снова увидит стариков... как они стоят на центральной площади своего Богом забытого городка и смотрят вслед Роланду и его друзьям и еще долго будут смотреть, пока путники не скроются из виду.

И так оно все и было.

14

Они прошагали миль семь, не больше, когда небо начало темнеть, а заходящее солнце окрасило горизонт с западной стороны в ярко-оранжевый цвет Неподалеку раскинулась роща эвкалиптовых деревьев — Джейк и Эдди пошли туда за дровами.

— И все-таки я не пойму, почему мы сегодня у них не остались, — рассуждал Джейк вслух. — Слепая женщина нас приглашала, к тому же мы все равно далеко не ушли. Я так там объелся, что до сих пор еще еле иду.

Эдди улыбнулся.

— Я тоже. И знаешь, что я тебе скажу? Твой добрый друг Эдди Кантор Дин уже предвкушает, как с утречка завтра он первым делом надолго засядет под кустик, дабы спокойно просраться в тиши и покое. Ты даже представить себе не можешь, как мне обрыдло все время жрать оленину и высирать потом жалкие кроличьи шарики. Если бы кто-то сказал мне еще год назад, что для меня главным событием дня станет хорошее извержение дерьма, я бы в рожу ему рассмеялся.

— А второе ваше имя действительно Кантор?

— Да, но я был бы очень тебе признателен, если бы ты не особенно распространялся на эту тему.

— Не буду. Но, Эдди... почему мы *все-таки* не остались?

Эдди вздохнул.

— Потому что сначала им бы понадобились дрова.

— Чего?

— А потом, когда мы натаскали бы дров, обнаружилось бы, что им *еще* нужно пополнить запас свежего мяса, потому что последним они угостили нас. А мы были бы просто уродами, если бы отказались помочь старикам и нами же сожранное возместить, я прав? Особенно если учесть, что у нас пистолеты, а у них в лучшем случае парочка луков со стрелами вековой давности. Так что идти на охоту пришлось бы нам. До ночи бы мы проохотились, а на следующий день, наутро, Сюзанна бы заявила, что мы просто обязаны, прежде чем уйдем, хоть немного помочь им с ремонтом — конечно, отремонтировать не *фасад* городка, это было бы небезопасно, но, может, немного подправить гостиницу, или где там они все живут. Мол, это займет всего несколько дней, а что значат несколько дней, я прав?

Из темноты вынырнул Роланд. Двигался он, как всегда, абсолютно беззвучно, но выглядел озабоченным и усталым.

— Я уже думал, что вы двое грохнулись в волчью яму, — сообщил он.

— Да нет, просто я излагал Джейку факты, как я их вижу.

— Ну и что в этом плохого? — не понял Джейк. — Эта Темная Башня, она столько уже простояла... никуда бы она не делась за несколько дней.

— Несколько дней, потом еще несколько дней, и еще. — Взглянув на ветку, которую только что машинально подобрал с земли, Эдди с отвращением отшвырнул ее в сторону. *Я начинаю уже рассуждать точно, как он,* — сказал он себе. И все-таки он понимал, что говорит только правду. — Мы бы, может быть, обнаружили, что их ручей с питьевой водой забит илом, и было бы некрасиво уйти так просто, не почистив его. Но стоит ли так напрягаться, когда мы вполне могли бы задержаться на пару недель и построить им новый колодец с водяным колесом? Они там все старики, и таскать воду ведрами им не легче, чем гоняться пешком за буйволами. — Он посмотрел на Роланда, и в голосе его явственно прозвучали нотки упрека: — Знаешь, что я тебе скажу... когда я себе представляю, как Билл и Тилл выслеживают стадо диких буйволов, меня мороз пробирает по коже.

— Они занимаются этим уже столько лет, — спокойно ответил Роланд, — и я думаю, в этом смысле мы могли бы кое-чему у них и поучиться. Они прекрасно управятся и без нас. Кстати, может быть, все-таки соберем дрова — похоже, ночь будет прохладной?

Но Джейк никак не мог угомониться. Он внимательно, если не сказать сурово, смотрел на Эдди.

— Вы хотите сказать: что бы мы для них ни сделали, этого все равно будет мало?

Эдди выпятил нижнюю губу и сдул упавшую на лоб прядь волос.

— Не совсем так. Я говорю, что, если бы мы там задержались, уйти потом было бы не легче, чем, например, сегодня. Труднее — да, но не легче.

— И *все равно* это неправильно.

Они вернулись к Сюзанне — на то самое место, которое, как только они разожгут костер, превратится в очередную стоянку на долгом пути к Темной Башне. Сюзанна выбралась из коляски и лежала теперь на спине, подложив руки под голову и глядя на звезды. Когда мужчины вернулись, она тут же уселась и принялась укладывать хворост для костра особенным способом, который ей показал Роланд.

— Что правильно, а что нет, об этом можно еще поспорить, — заметил Роланд. — Но если слишком уж детально разбираться в частностях — в маленьких истинах, что сразу бросаются в глаза, — очень легко упустить из виду справедливость глобальную, хотя она и незаметна на первый взгляд. Здесь вообще все неправильно, и чем дальше, тем хуже. Мы все это видим и понимаем, что все кругом плохо, но почему — нам еще предстоит узнать. Пока мы будем в Речном Перекрестке помогать двадцати — тридцати

старикам, где-нибудь в другом месте, возможно, страдают и умирают люди — двадцать или тридцать тысяч человек. И если есть во Вселенной такое место, где можно все это исправить, так это — Темная Башня.

— Почему? Как? — спросил Джейк. — И что это вообще за Башня?

Роланд присел на корточки перед кучей хвороста, которую сложила Сюзанна, достал из кармана огниво и принялся высекать искры. Вскоре веселые язычки пламени заплясали среди тонких веточек и сухой травы.

— На эти вопросы я тебе не отвечу, — признался он наконец. — Хотел бы ответить, но не могу.

Исключительно умный ответ, — заметил про себя Эдди. — *Роланд сказал: «Не могу ответить...», а это совсем не одно и то же, что «я не знаю». Совсем не одно и то же.*

15

Ужин их состоял из воды и зелени. Они до сих пор еще не пришли в себя после обильной трапезы в Речном Перекрестке; даже Ыш не стал есть мясо, которое предложил ему Джейк, — ну разве что пару кусочков, не больше.

— Что это на тебя нашло — почему ты не стал тогда разговаривать? — пожурил Джейк ушастика. — Из-за тебя я там выглядел полным болваном!

— Ол-аном! — протявкал Ыш, положив мордочку Джейку на ногу.

— Он с каждым разом все лучше и лучше болтает, — заметил Роланд. — У него теперь даже голос похож на твой, Джейк.

— Эйк, — согласился зверек, не поднимая мордочки с ноги Джейка. Джейк смотрел как зачарованный в черные с золотым ободком глаза Ыша; в пляшущем свете костра ободки эти, казалось, вращаются. Медленно-медленно.

— Но он не стал разговаривать при стариках.

— Ушастики — привередливые создания, — сказал Роланд. — Они вообще странные. Нашего, как я понимаю, прогнали из стаи его же сородичи.

— Почему вы так думаете?

Роланд указал на бок Ыша. Джейк давно уже вычистил шкурку зверька от запекшейся крови (Ышу подобная процедура не доставила ни малейшего удовольствия, но он стойко терпел до конца).

Ранка от укуса уже подживала, хотя ушастик еще прихрамывал.

— Готов поспорить, его цапнул другой ушастик.

— Но с чего бы его сородичам...

— Может быть, им надоела его болтовня, — сказал Эдди. Он прилег рядом с Сюзанной и обнял ее за плечи.

— Может быть, — согласился Роланд, — особенно если он был единственным в стае, кто еще пытался разговаривать. Остальные, должно быть, решили, что он для них слишком умный... или слишком заносчивый. Животные не такие завистливые, как люди, но им тоже это чувство знакомо.

Предмет разговора тем временем закрыл глазки и как будто уснул... но Джейк заметил, как дернулись уши зверька, когда беседа возобновилась.

— А они правда умные? — спросил Джейк.

Роланд пожал плечами.

— Старый конюх, о котором я вам рассказывал — тот, который всегда говорил, что хороший ушастик приносит удачу, — как-то божился, что у него в молодости был ушастик, который умел считать. Говорил, что зверюга его называла ответы, царапая столько-то раз по полу или двигая мордочкой камешки. — Стрелок улыбнулся, и от этой улыбки лицо его озарилось светом, прогнавшим угрюмую тень, что лежала на нем с тех пор, как они вышли из городка. — Правда, конюхи и рыбаки еще те вруны.

На какое-то время они замолчали, и постепенно Джейка начала одолевать сонливость. Он подумал, что скоро уснет, и мысль показалась ему приятной. Но тут вдали снова грохнули барабаны. Бой их доносился ритмичными всплесками с юго-востока. Джейк рывком сел. Никто не сказал ни слова — все слушали молча.

— А ритм рок-н-ролльный. Похоже на партию ударных, — сказал вдруг Эдди. — Уж я-то знаю. Уберите гитары, и останется именно такой звук. И вообще все это очень похоже на «Зи-Зи Топ».

— Зи-Зи кто? — переспросила Сюзанна.

Эдди улыбнулся.

— Их еще не было в твоем времени. То есть, наверно, они были... ну, родились уже... но в 63-м году они еще в школу ходили в коротких штанишках... где-нибудь в Техасе. — Он прислушался. — Черт возьми! Ну точно партия ударных для какой-нибудь песенки типа «Шикарно прикинутый дядька» или «Велкро Флай».

— «Велкро Флай»? — повторил Джейк в некоторой растерянности. — Какое-то глупое название для песни.

— Зато забавное, — сказал Эдди. — Ты ее не застал... опоздал лет на десять, приятель.

— Лучше бы нам поспать, — вставил Роланд. — Светает рано.

— Я все равно не смогу заснуть, пока продолжается эта хрень. — Эдди помедлил словно бы в нерешительности, но потом все-таки высказал соображение, которое не давало ему покоя с того самого дня, когда они протащили Джейка, бледного и вопящего благим матом, через дверь между мирами. — Как ты думаешь, Роланд, у нас, по-моему, есть что сказать друг другу? Если каждый расскажет свою историю, может быть, мы обнаружим, что знаем больше, чем нам всем кажется.

— Да, время, по-моему, пришло. Но только давайте не в темноте.

Роланд повернулся на бок, натянул на себя одеяло и, судя по всему, уснул.

— Господи. — Эдди даже присвистнул сквозь зубы. — Во человек дает!

— И он прав, — высказалась Сюзанна. — Давай и ты, Эдди... спи.

Он улыбнулся и чмокнул ее в кончик носа:

— Да, мамулечка.

Уже минут через пять они с Сюзанной отрубились, несмотря на грохот барабанов. Зато с Джейка сонливость как рукой сняло. Он лежал на спине, глядя на незнакомые звезды и прислушиваясь к странным ритмам, доносившимся из темноты. Может быть, это млады устроили пляски под «Велкро Флай», доводя себя до священного исступления перед каким-нибудь ритуальным жертвоприношением.

Сначала он думал о Блейне Моно — поезде, мчащемся со сверхзвуковой скоростью по огромному миру, населенному призраками и духами. Потом, само собой, мысли его перешли к Чарли Чу-Чу, которого списали по старости и отправили на запасный путь на задворках депо, когда на смену ему пришел новенький Берлингтон-Зефир. Джейк вспомнил «лицо» паровозика Чарли, вроде бы радостное и улыбчивое, но какое-то все-таки нехорошее и недоброе. Вспомнил железнодорожную компанию «Срединный мир». Пустынные пространства между Сент-Луисом и Топикой. Джейк вспомнил, что Чарли готов был пуститься в путь, как только понадобился мистеру Мартину, и что Чарли мог сам подбрасывать уголь в топку и давать гудок. Он снова задался вопросом, уж не машинист ли Боб испортил двигатель Берлингтон-Зефира, чтобы дать своему дорогому Чарли еще один шанс?

И вот наконец — так же внезапно, как и начался, — барабанный бой стих, и Джейк уснул.

16

Ему снился сон, но на этот раз не про стража-привратника.

Нет, в эту ночь ему снилось, что он стоит на шоссе — где-то на западе штата Миссури. Вокруг него простиралась Великая Пустошь. Ыш сидел рядом. Вдоль шоссе выстроились столбы с белыми

Х-образными сигнальными предупредительными знаками и красными фонарями в точке пересечения: рядом была железная дорога. Фонари мигали. Звонок верещал, предупреждая о приближении поезда.

С юго-востока уже доносился могучий гул, нарастающий с каждым мгновением, — гул, похожий на молнию, закупоренную в бутылке.

А вот и он, — сказал Джейк, обращаясь к Ышу.

Ион! — согласился Ыш.

И в то же мгновение на горизонте возник темно-розовый силуэт длиной в два колеса. И он приближался, скользя по равнине: приземистый поезд, по форме похожий на пулю. Едва Джейк увидел его, сердце его наполнилось ужасом. Два громадных окна на передней части ярко блестели на солнце. Окна напоминали глаза.

Не задавай ему глупых вопросов, — сказал Джейк Ышу. — *В дурацкие игры он не играет. Он просто жуткий, чу-чу, паровозик, и зовут его Блейн. Блейн — это Боль.*

Ыш неожиданно выпрыгнул на пути и застыл между рельсами, плотно прижав уши к голове и обнажив острые зубки в отчаянном оскале. Глаза у него сияли.

Нет! — закричал Джейк. — *Нет, Ыш!*

Но Ыш как будто его не слышал. Розовая пуля неумолимо неслась на ушастика, такого крошечного и упрямого. Джейку казалось, что шум подходящего поезда проникает ему под кожу, что от такого давления у него сейчас пойдет носом кровь, а из зубов выпадут пломбы.

Он рванулся вперед, чтобы вытащить Ыша из-под колес. Блейн Моно (или это был Чарли Чу-Чу?) накрыл их, и Джейк проснулся. В холодном поту. Весь дрожа. Ночь словно сгустилась вокруг, давя на него темнотой. Перевернувшись на другой бок, Джейк принялся отчаянно шарить рукой по земле, ища Ыша. В первый — кошмарный — миг ему показалось, что Ыша нет рядом, но тут его пальцы наткнулись на шелковистую шерстку. Ыш тихонечко взвизгнул и, подняв сонную мордочку, с любопытством взглянул на мальчика.

— Все хорошо, — шепнул Джейк. У него вдруг пересохло в горле. — Нет никакого поезда. Это был только сон. Спи, малыш.

— Ыш, — согласился зверек, закрывая глаза.

Джейк перевернулся на спину и долго еще лежал без сна, глядя на звезды. *Блейн — это больше, чем боль,* думал он. *Блейн опасен. Очень опасен.*

Да, вполне может быть.

Никаких «может быть»! — горячо убеждал его внутренний голос.

Ну хорошо. Блейн — это боль. Допустим. Но в сочинении своем он еще кое-что написал насчет Блейна, так?

Блейн — это правда. Блейн — это правда. Блейн — это правда.

— Господи, ну и дурь, — прошептал Джейк вслух и закрыл глаза. Уже через пару секунд он спал. В этот раз без сновидений.

17

Примерно к полудню следующего дня они поднялись до верхней точки очередного гребня холмов и впервые увидели мост. Он нависал над водой в том месте, где река сужалась, поворачивая на юг, и протекала вдоль городских стен.

— Боже правый! — воскликнул Эдди. — Тебе это ничего не напоминает, Сьюз?

— Ага.

— А тебе, Джейк?

— Да... он, по-моему, похож на мост Джорджа Вашингтона.

— Ужасно похож, — согласился Эдди.

— Но как мост Вашингтона оказался в Миссури? — спросил его Джейк.

Эдди с недоумением посмотрел на него.

— Что-что?

Джейк смутился.

— То есть в Срединном мире.

Эдди еще внимательнее на него посмотрел.

— А откуда ты знаешь, что это Срединный мир? Тебя же не было с нами, когда мы нашли тот камень.

Засунув руки в карманы, Джейк уставился на свои кроссовки.

— Мне это приснилось, — пояснил он, не вдаваясь в подробности. — Вы же не думаете, будто я приобрел путевку, чтобы съездить сюда, через папочкино турагентство?

Роланд тронул Эдди за плечо.

— Ты пока что к нему не лезь.

Эдди поднял глаза на Роланда и молча кивнул.

Они еще чуть-чуть постояли наверху, глядя на мост. Они успели уже привыкнуть к очертаниям города на горизонте, но такой вид открылся им только сейчас. Ажурная арка моста как будто плыла в синеве чистого утреннего неба. Роланд насчитал четыре блока невообразимо высоких металлических башенок — по одному с обоих концов и два в середине, — соединенных толстенными тросами, застывшими в воздухе длинными дугами. Между этими дугами и основанием моста виднелись еще вертикальные линии: то ли новые тросы, то ли металлические прутья — отсюда не разобрать. Однако кое-где на месте тросов Роланд увидел пустоты, а потом разглядел, что мост висит не совсем ровно.

— Сдается мне, скоро он рухнет в реку, — заметил стрелок.

— Может быть, — с неохотой согласился Эдди. — Хотя, по-моему, он не такой уж и ветхий.

Роланд вздохнул.

— Не обольщайся надеждой, Эдди.

— Что ты хочешь сказать? — в раздражении бросил Эдди. Ему самому не понравился этот тон, но спохватился он слишком поздно. Теперь уже ничего не поделаешь.

— Только то, что тебе, Эдди, пора научиться смотреть и видеть, и верить тому, что видишь. У нас такая была поговорка: «Только дурак верит в то, что он спит, до того, как проснется». Понимаешь, о чем я?

У Эдди на языке уже вертелось язвительное замечание, но он пересилил себя и смолчал. Роланд совсем не хотел его обижать. Просто так всегда получалось, что рядом с ним Эдди чувствовал себя мальчишкой. Это у Роланда выходило непреднамеренно... однако легче от этого Эдди не становилось.

— Наверное, — выдавил он наконец. — У мамы тоже была любимая поговорка. Они, по-моему, значат одно и то же.

— Да? И какая?

— Надейся на лучшее и жди гадостей, — кисло вымолвил Эдди.

Роланд улыбнулся.

— Хорошо твоя матушка говорила. Мне эта поговорка нравится даже больше.

— Но он *же* стоит! — взорвался Эдди. — Мост! Да, я согласен, его состояние давно оставляет, как говорится, желать... никто, наверное, не ремонтировал его уже лет этак с тысячу... но он *все же* стоит! И город тоже стоит! И почему бы мне и не надеяться? Не понимаю, что в этом плохого? А вдруг мы действительно там найдем что-то полезное?! Или, может быть, встретим людей, которые нас накормят и просто с нами поговорят, как старики в Речном Перекрестке, вместо того, чтобы с ходу в нас стрелять? Что плохого в надежде на то, что нам, может быть, все-таки повезет?

Только потом, в воцарившейся тишине, Эдди не без смущения сообразил, что он толкнул сейчас целую речь.

— Ничего в этом плохого нет, — мягко и доброжелательно произнес Роланд. Эта мягкость звучала в голосе стрелка нечасто, и Эдди не переставал удивляться ей каждый раз. — Надежда должна оставаться всегда. — Он внимательно посмотрел на Эдди, потом на Сюзанну и Джейка, и взгляд его напоминал сейчас взгляд человека, который только что пробудился после глубокого сна. — Все, сегодня мы никуда уже не пойдем. Как я понимаю, пришло время нам поговорить. А это, по-моему, надолго.

Роланд сошел с дороги и двинулся не оглядываясь по высокой траве. Остальные помедлили только мгновение и направились следом за ним.

18

До встречи со стариками в Речном Перекрестке Сюзанна воспринимала Роланда как героя телесериалов, которые она изредка смотрела по «ящику»: «Шайенн», например, или «Человек с винтовкой», или венец творений подобного рода — «Дым от выстрела». Последнюю вещицу они частенько слушали с папой по радио до того еще, как ее экранизировали на телевидении (она подумала, что для Эдди и Джейка сама идея радиопостановки показалась бы странной по меньшей мере, и улыбнулась — не только мир Роланда сдвинулся с места). Она до сих пор еще помнила те слова, которыми начиналась каждая передача: «Это делает человека наблюдательным... и чуточку одиноким».

До того как они побывали в Речном Перекрестке, она считала, что личность Роланда вполне можно определить одной этой фразой. Роланд был не таким амбалом, как Маршал Диллон, и заметно проигрывал ему в росте, и лицо его напоминало скорее лицо утомленного жизнью поэта, а не полицейского с Дикого Запада, но все же Сюзанна воспринимала его в качестве своего рода живого воплощения вымышленного шерифа из Канзаса, чья единственная цель в жизни (не считая периодических выпивок в баре «Длинная ветка» с друзьями Доком и Китти) — очистить-город-от-этой-мрази.

Теперь же она поняла, что Роланд — не просто легавый, объезжающий вверенный ему участок, похожий на пейзажи Сальвадора Дали, где-нибудь на краю света. По крайней мере когда-то он был другим. Был дипломатом. Мыслителем. Может быть, даже наставником. Но, самое главное, он был солдатом, воином «света», как называют его эти люди. «Свет», как она догадалась, это свет цивилизации, добрые силы, которые не дают людям поубивать друг друга и поддерживают мир в стране, причем достаточно долго, чтобы за это время мог быть достигнут какой-то прогресс. В свое время Роланд был скорее странствующим рыцарем-донкихотом, нежели охотником. Но почему «в свое время»? Его время *еще не прошло*. Во всяком случае, старики в Речном Перекрестке в этом ни капельки не сомневались. Иначе с чего бы им плюхаться на колени в пыль и принимать его благословение?

Только теперь, в свете нового своего понимания, Сюзанна увидела, как умело и умно манипулировал ими стрелок после того кошмарного утра в говорящем кругу камней. Каждый раз, когда в разговоре, пусть даже вскользь, возникала какая-то тема, которая могла привести их к тому, чтобы начать сравнивать пережитое — и это было бы совершенно естественно, если учесть, что каждый из них на себе испытал необъяснимое, с точки зрения привыч-

ного опыта, Извлечение из того мира в этот, — Роланд тут же вступал в беседу и переводил ее на другие темы, причем так гладко и умело, что никто из троих (даже сама Сюзанна, притом что целых четыре года она принимала самое деятельное участие в Движении за гражданские права) этого не замечал.

Сюзанна, кажется, поняла, почему он так делал: Роланд хотел дать Джейку время прийти в себя. Но и теперь, понимая причины, она все равно не могла подавить своих чувств — изумления, досады и даже обиды за то, как умело и ловко он ими манипулировал. Незадолго до того, как Роланд перетащил ее в этот мир, Эндрю, ее шофер, сказал одну фразу, которую Сюзанна вспомнила теперь. Что-то насчет того, что президент Кеннеди был последним стрелком в этом западном мире. Тогда она посмеялась над ним, но теперь, кажется, постигла ее смысл. В Роланде было много от Кеннеди. Гораздо больше, чем от Матта Диллона. Вряд ли стрелок обладал таким развитым и богатым воображением, как Кеннеди, но когда дело касалось романтики... самоотверженности... обаяния...

И еще хитрости, — осадила она себя. — *Не забывай про хитрость.*

Неожиданно для себя самой она громко расхохоталась.

Роланд, который сидел на земле, скрестив по-турецки ноги, повернулся к ней и вопросительно поднял брови.

— Что-то смешное?

— Ужасно смешное. Слушай, ответь-ка мне на вопрос: ты много знаешь языков?

Стрелок на мгновение задумался.

— Пять, — сказал он наконец. — Когда-то я говорил еще на селлианском, но теперь я его подзабыл. Все, кроме ругательств.

Сюзанна опять рассмеялась веселым и легким смехом:

— Ах ты старый пройдоха Роланд!

Джейк проявил неожиданный интерес.

— А вы могли бы сейчас ругнуться на стреллерианском?

— На *селлианском,* — поправил его Роланд. Он на мгновение задумался, а потом быстро и смачно произнес непонятную фразу, как будто прополоскал горло какой-то очень густой жидкостью. Например, кофе недельной давности. Во всяком случае, Эдди воспринял это именно так.

Роланд умолк и усмехнулся.

Джейк улыбнулся тоже.

— И что вы сказали?

Роланд приобнял мальчика за плечи.

— Что нам надо о многом поговорить.

— Что да, то да, — согласился Эдди.

19

— Мы четверо — это *ка-тет*, — начал Роланд, — то есть группа людей, связанных общей судьбой. Философы моей страны утверждали, что разрушить *ка-тет* может лишь смерть и предательство. А мой великий учитель Корт говорил, что, поскольку и смерть, и предательство — тоже спицы в большом колесе *ка*, эти узы вообще невозможно порвать. Сейчас, по прошествии стольких лет, когда я многое понял и узнал, я постепенно склоняюсь к его точке зрения.

— Каждый участник *ка-тета* как отдельный кусочек в головоломке, сам по себе непонятный и даже загадочный... но если сложить их все вместе, они образуют картинку... или какую-то *часть* картинки. Иногда для того, чтобы ее завершить, нужно немало *катетов*. Так что вы не удивляйтесь, если сейчас обнаружится, что ваши жизни соприкасались уже не раз, причем вы, наверное, даже об этом и не подозревали. Одно только то, что каждый из вас троих может читать мысли другого...

— Чего?! — изумился Эдди.

— Я говорил уже: не удивляйтесь. Это все происходит у вас так естественно, что вы даже ничего не замечаете. Но тем не менее это правда. Мне виднее со стороны, потому что я не полноправный участник вашего *ка-тета* — может быть, это из-за того, что я из другого мира, — и мне не дано читать все ваши мысли. Но передавать я *могу*. Сюзанна... ты помнишь, что было в кругу камней?

— Да. Ты велел, чтобы я отпустила демона, но только когда ты мне скажешь. Однако вслух ты этого не произносил.

— Эдди... помнишь, как на медвежьей поляне на тебя налетела эта механическая штуковина в виде летучей мыши?

— Да, ты мне еще крикнул: «Ложись!»

— Он и рта не раскрыл, — заметила Сюзанна.

— А как же тогда? Ты же *крикнул* мне! Я тебя *слышал*!

— Да, я кричал тебе. Но кричал *мысленно*. — Стрелок повернулся к Джейку: — А ты помнишь? В том доме?

— Когда доска, за которую завалился ключ, не отрывалась, вы мне сказали, чтобы я отодрал другую. Но если вы не читаете мои мысли, Роланд, то как вы узнали, что именно у меня там стряслось?

— Я *видел*. Не слышал, но *видел*... самую малость, как через грязное стекло. — Он обвел всех троих пристальным взглядом. — Эта близость людей и их способность читать мысли друг друга называется *кхеф*. Слово это в исконном наречии древнего мира имеет множество значений. Вода, рождение, жизненная сила —

вот только некоторые из них. Я хочу, чтобы вы знали об этом. И чтобы вы поняли. У меня пока все.

— А как понять то, во что не веришь? — спросил его Эдди.

Роланд улыбнулся.

— Просто нужно хотеть понять.

— Ну, желание-то есть.

— Роланд? — Это был Джейк. — А Ыш тоже может участвовать в нашем *ка-тете?*

Сюзанна улыбнулась, но Роланд оставался серьезным.

— Я пока не готов даже предположить. Но знаешь, Джейк, что я тебе скажу... я много думал об этом лохматом приятеле. *Ка* управляет не всем, и случайности не исключаются... но столь неожиданное появление ушастика, который все еще помнит людей, вовсе не кажется мне случайным.

Он снова обвел их внимательным взглядом.

— Я начну первым. Эдди продолжит с того места, где я остановлюсь. Потом Сюзанна. Джейк будет последним. Договорились?

Они закивали.

— Хорошо, — подытожил Роланд. — Мы с вами — *ка-тет,* один из многих. Итак, приступим.

20

Они говорили до темноты, прервавшись один только раз, чтобы наскоро перекусить, и когда разговор был закончен, Эдди чувствовал себя так, как будто он только что отбоксировал дюжину раундов с «милашкой» Реем Леонардом. Он уже больше не сомневался в том, что все они «*делят кхеф*», как выразился Роланд. А с Джейком они вообще проживали в снах жизни друг друга, как две половинки единого целого.

Роланд начал с того, что случилось в тоннеле под горной грядой, где трагически оборвалась первая жизнь Джейка в этом мире. Он рассказал им о долгом своем разговоре с человеком в черном и о туманных словах Уолтера про какого-то Зверя и еще одного человека, которого Уолтер назвал Незнакомцем вне Времени. Он описал им свой странный пугающий сон, в котором Вселенную поглотил фантастический луч небывалого белого света, а в самом конце все заслонила собой травинка. Одна-единственная травинка красного цвета.

Случайно взглянув на Джейка, Эдди был потрясен пониманием — *узнаванием,* — промелькнувшим в глазах мальчишки.

21

Эдди уже кое-что слышал из этого — еще на морском берегу, когда Роланд бредил, выдавая бессвязные обрывки своей истории, — но для Сюзанны все это было внове. Она слушала Роланда, затаив дыхание и широко раскрыв глаза. Когда стрелок передавал им слова Уолтера, она узнавала в них отблески своего мира, подобные отражениям в осколках разбитого зеркала: рак, автомобили, ракеты, отправленные на Луну, искусственное оплодотворение. Она даже представить себе не могла, кто такой Зверь, но догадалась, что Незнакомец вне Времени — это Мерлин, легендарный колдун, который якобы способствовал славной карьере короля Артура. «Все страньше и страньше» — как говорилось в «Алисе» у Кэрролла.

Роланд рассказал и о том, как, проснувшись от этого долгого и непонятного сна, он обнаружил, что Уолтер давно уже мертв, — время каким-то немыслимым образом перескочило вперед. Может быть, лет на сто. Может быть, на пятьсот. Джейк слушал как зачарованный. О том, как стрелок пришел к берегу Западного моря, как он потерял два пальца на правой руке, как вытащил Эдди с Сюзанной в свой мир, а потом встретился с Джеком Мортом за третьей дверью.

Стрелок сделал знак Эдди, и тот продолжил рассказ, начиная со встречи с громадным медведем.

— Шардик?! — перебил его Джейк. — Но ведь это название книжки! Книжки из *нашего* мира! Ее сочинил тот же автор, который про кроликов написал... ну, знаменитая его книга...

— Ричард Адамс! — воскликнул Эдди. — Я же *знал* это имя! Но как такое возможно, Роланд? Откуда в твоем мире знают о нашем?

— Но проходы-то есть, — отозвался Роланд. — Четыре двери мы видели сами. Или ты думаешь, раньше их не было? Или не будет потом?

— Но...

— Все мы видели, что в моем мире есть много от вашего, а когда я был у вас в Нью-Йорке, я обнаружил там кое-что от своего. Я видел стрелков. Большинство, правда, обрюзгли и обленились, но это все-таки были стрелки... собратья по их собственному древнему *ка-тету*.

— Роланд, это всего лишь легавые. Ты их обставил, как малых детей.

— Но последний был все же хорош. Когда мы с Джеком Мортом спустились на станцию вашей подземной железной дороги, он едва меня не прикончил. Если бы не слепая удача... огниво Морта... я бы сейчас не сидел тут с вами. Этот последний... Я видел его глаза. Он не забыл лицо своего отца. Нет, он не забыл. И потом еще... помнишь, как назывался тот балазаровский ночной клуб?

— Еще бы не помнить. — Эдди явно занервничал. — «Падающая башня». Но это могло быть простым совпадением. Ты же сам говорил: *ка* управляет не всем.

Роланд кивнул.

— Нет, ты ужасно похож на Катберта... Помню, как-то он высказал одну мысль. Когда мы были еще детьми. Мы собирались отправиться ночью на кладбище, но Ален не хотел идти. Говорил, что боится оскорбить тени предков. Катберт тогда посмеялся над ним и сказал, что сам он ни за что не поверит в призраков, пока не поймает какого-нибудь и не попробует его на зуб.

— Хорошо сказано! — одобрил Эдди. — Браво!

Роланд улыбнулся.

— Я так и знал, что тебе понравится. Но пока что оставим призраков в покое. Ты начал рассказывать — продолжай.

Эдди рассказал о видении, что явилось ему в огне, когда Роланд бросил в костер челюстную кость: ключ и роза. Рассказал про свой сон, в котором, шагнув через дверь лавки деликатесов, он вышел на поле роз и увидел вдали высоченную башню цвета копоти; про черноту, что излилась из окон башни и сложилась в фигуру на небе. Он говорил, обращаясь исключительно к Джейку, и Джейк слушал его затаив дыхание, ловя каждое слово с жадным вниманием и нарастающим удивлением. Эдди постарался по возможности передать настроение, которым был проникнут тот сон: странное чувство восторга, перемешанное с ужасом, — и увидел по их глазам (прежде всего по глазам Джейка), что он либо переусердствовал, несколько сгустив краски... либо друзья его видели те же сны.

Он рассказал о том, как они двинулись в обратную сторону по следу Шардика и вышли к Вратам Медведя. Как, приложив ухо к будке, он почему-то вдруг вспомнил тот день, когда они с братом ходили в Датч-Хилл смотреть на особняк. Он рассказал об игле в глиняной чашке и о том, как она оказалась ненужной, потому что путь Луча был виден и так — во всем, даже в полете птиц высоко в поднебесье.

Здесь Эдди умолк, и Сюзанна продолжила. Когда она перешла к тому, как Эдди начал работать над своим деревянным ключом, Джейк лег на спину, положил руки под голову и принялся рассматривать облака, что медленно плыли по небу белым клубящимся потоком на юго-восток. Упорядоченный их строй выдавал незримое присутствие Луча — точно так же, как дым из трубы всегда ясно показывает направление ветра.

Она закончила на том, как они наконец втащили Джейка в этот мир и положили тем самым конец раздвоению памяти Джейка и Роланда. Оно просто прошло — полностью и внезапно, когда Эдди захлопнул дверь в круге говорящих камней. Она рассказала все, умолчав об одном только факте, который, собственно, даже

и не был фактом — во всяком случае, пока. По утрам ее не тошнило, а разовое отсутствие женских дел само по себе еще ничего не означало. Как сказал бы Роланд, эта история может пока подождать.

И все же, закончив рассказ, она вдруг поймала себя на мысли, что ей ужасно хотелось бы забыть те слова, которые им сказала тетушка Талита, когда Джейк заявил, что теперь его дом здесь: *Тогда пусть боги смилуются над тобой, ибо здесь, в этом мире, солнце клонится к закату. И зайдет оно навсегда.*

— Теперь твоя очередь, Джейк, — сказал Роланд.

Джейк сел и поглядел в сторону Лада, где свет уходящего дня, отражавшийся в окнах высоких башен с западной стороны, превращал стекла в золотые ставни.

— Бред какой-то, — пробормотал он себе под нос. — Но все вроде бы сходится. Так бывает, когда вспоминаешь сны: какой-то смысл в них явно есть, но ты не можешь его уловить.

— Может быть, мы поможем тебе найти смысл, — ободрила его Сюзанна.

— Может быть. Во всяком случае, вы мне поможете разобраться с поездом. Я не могу уже думать о нем в одиночку, о Блейне. Мозги уже заворачиваются. — Он тяжело вздохнул. — Вы сами видели, как это было, когда Роланд жил как бы двумя жизнями одновременно, так что я это пропущу. Я все равно не уверен, что смогу это все описать как следует... да и не хотелось бы, если честно. Это было ужасно. Я, наверное, лучше начну со своего сочинения на экзамене, потому что именно тогда я понял, что это само по себе не пройдет. — Он обвел их унылым взглядом. — Вот тогда я и сдался.

22

Джейк говорил дотемна.

Он рассказал все, что смог вспомнить, начиная с сочинения «Как я понимаю правду» и заканчивая чудовищным стражем-привратником, который в буквальном смысле вышел из стены и набросился на него. Его слушали очень внимательно, не перебивая.

Когда он закончил, Роланд повернулся к Эдди, и тот заметил в глазах стрелка странное выражение, в котором смешались разные чувства и которое поначалу он принял за изумление. Только потом до него дошло, что это вовсе не изумление, а предельное возбуждение... и глубоко затаенный страх. Во рту у него пересохло. Потому что если уж Роланд испуган...

— Ты все еще сомневаешься, Эдди, что наши миры как-то соприкасаются?

Эдди мотнул головой.

— Теперь уже не сомневаюсь. Я был на той улице, шел по ней... *и я был одет так, как он говорит!* Но... Джейк, я могу посмотреть эту книгу? *«Чарли Чу-Чу»?*

Джейк потянулся за ранцем, но Роланд остановил его.

— Не сейчас, — сказал он. — Давай-ка вернемся к тому пустырю. Расскажи еще раз, что там было, Джейк. И попытайся припомнить детали.

— Может быть, вы меня снова загипнотизируете, — нерешительно предложил Джейк. — Как тогда, на дорожной станции.

Роланд покачал головой.

— В этом нет сейчас необходимости. То, что случилось с тобой на том пустыре, это самое важное событие в твоей жизни. В жизни всех нас. Ты можешь все вспомнить и так.

И Джейк принялся заново пересказывать то, что случилось на пустыре. Всем было ясно, что пережитое им на строительной площадке на месте лавочки деликатесов «Том и Джерри» вобрало в себя скрытую суть объединившего их *ка-тета.* Во сне, приснившемся Эдди, магазинчик стоял на месте, в реальности Джейка его давно снесли, но и в том, и в другом случае это было место пребывания невообразимой силы — силы, таящейся разве что в самых мощных талисманах. Роланд ни на мгновение не усомнился в том, что эта заброшенная строительная площадка с обломками битого кирпича и осколками стекол — очередное, если так можно сказать, воплощение Отстойника, о котором рассказывала Сюзанна, и того странного места, которое показалось ему в видении в самом конце его долгого пребывания на кладбище костей.

Теперь, когда он, медленно подбирая слова, пересказывал этот кусок из своей истории во второй раз, Джейк обнаружил, что стрелок оказался прав: он действительно *смог* вспомнить все. Причем воспоминания были такими живыми, что под конец ему стало казаться, будто он заново переживает тогдашний опыт. Он рассказал им про щит, на котором было написано, что на месте «Тома и Джерри» будет построен жилой массив «Гавань Большой Черепахи». Он даже вспомнил стишок, намалеванный на заборе, и прочел его наизусть:

Есть ЧЕРЕПАХА, представьте себе,
Она держит мир у себя на спине.
Если хочешь поиграть,
Приходи к ЛУЧУ опять.
Приходи к ЛУЧУ сегодня,
Будем прыгать и скакать.

— В ее мыслях — весь мир, в ее мыслях — все мы. Для любого — частичка ее доброты, — пробормотала Сюзанна. — Там так было, Роланд?

— Что? — встрепенулся Джейк. — Где было?

— В одном стишке, который я выучил в детстве, — пояснил Роланд. — Вот, пожалуйста, еще одна ниточка. И кое о чем она нам говорит... хотя я не могу сказать, нужно ли нам это... но, с другой стороны, никогда не знаешь, что тебе может понадобиться.

— Двенадцать Врат, соединенных шестью Лучами, — размышлял Эдди вслух. — Мы вышли от Врат Медведя. Идти нам до середины — до Башни, — но если бы мы пошли дальше, мы бы вышли к Вратам Черепахи, так?

— Да, — кивнул Роланд.

— Врата Черепахи, — задумчиво произнес Джейк, перекатывая слова на языке, как будто пробуя их на вкус. Он досказал им оставшуюся часть истории: про хор изумительных голосов, про то, как он понял вдруг, что его окружают лица и что в хоре звучат истории и что он, наверное, наткнулся на нечто очень похожее на средоточие всего сущего. В конце он опять рассказал им о том, как нашел ключ и увидел розу. Воспоминания об этом были настолько яркими, что Джейк неожиданно начал плакать, сам того не замечая.

— Когда роза раскрылась, — говорил он сквозь слезы, — сердцевина ее была желтого цвета. Яркая-яркая, я в жизни такого не видел. Я сначала подумал, что это пыльца и что она светится, потому что там, на пустыре, *все* светилось. Даже обертки от конфет и пустые пивные бутылки... все они были похожи на величайшие произведения искусства. Но потом я увидел, что это солнце. Звучит, я понимаю, по-идиотски. Но это действительно было солнце. И не одно. Это были...

— Это были *все* солнца Вселенной, — пробормотал Роланд. — Все, что есть *настоящего* в мире.

— Да! И это все было *правильно*... но вместе с тем и неправильно тоже. Я не могу объяснить, что именно неправильно, но я это чувствовал. Как будто там бились два сердца, и одно было внутри другого, и то, *что* внутри, болело. Или в него проникла инфекция. А потом я потерял сознание.

23

— Ты ведь тоже все это видел, Роланд? В том сне? — тихо спросила Сюзанна, и в ее голосе явственно слышался благоговейный трепет. — Травинка в самом конце... ты, помнишь, подумал еще, что она красная потому, что на нее пролили краску.

— Вы не понимаете, — сказал Джейк. — Она действительно *была* красная. Когда я видел все по-настоящему, она была *красная*. Я такой травы в жизни не видел. А краска — это только маскировка. Ну, как привратник у двери... он ведь тоже замаскировался, прикинувшись старым заброшенным домом.

Нижний краешек солнца уже касался горизонта. Роланд попросил Джейка сначала показать им книжку «Чарли Чу-Чу», а потом прочитать ее вслух. Джейк достал книгу и передал ее по кругу. Что Сюзанна, что Эдди — оба долго разглядывали обложку.

— У меня в детстве была точно такая же, — сказал Эдди, и в его голосе слышалась спокойная уверенность, отметающая все сомнения. — А потом, когда мы переезжали из Куинса в Бруклин... мне еще четырех тогда не исполнилось... она потерялась. Но я запомнил обложку. И, знаешь, Джейк, я то же самое чувствовал, что и ты. Мне он страшно не нравился. Я ему не доверял.

Сюзанна пристально поглядела на Эдди.

— У меня тоже была эта книжка. Мне теперь удивительно даже, как я могла забыть... там девочку звали так же, как и меня... хотя тогда это было мое второе имя. И мне тоже не нравился паровоз. И я ему не доверяла. — Прежде чем передать книгу Роланду, она постучала пальцем по картонной обложке. — Уж больно фальшивая у него улыбочка.

Роланд лишь мельком взглянул на обложку и опять повернулся к Сюзанне.

— И твоя потерялась тоже?

— Угу.

— И я, кажется, знаю когда, — сказал Эдди.

Сюзанна кивнула.

— Несложно, в общем-то, догадаться: вскоре после того, как мне на голову сбросили кирпич. Помню, когда мы поехали к тете на свадьбу, книжка еще была. Я взяла ее с собой в поезд. Я хорошо это помню, потому что все спрашивала у папы, кто нас везет — может быть, Чарли Чу-Чу? Мне *не хотелось*, чтобы это был Чарли, потому что мы ехали в Элизабет, штат Нью-Джерси, а я боялась, что Чарли нас завезет не туда. Чем там закончилось, Джейк? Чарли, кажется, начал возить отдыхающих вокруг какой-то игрушечной деревеньки?

— В парке аттракционов.

— Ну да, точно. Там в конце еще есть картинка — Чарли везет детишек. Они все улыбаются и смеются, но мне почему-то всегда казалось, что им очень страшно и что они кричат, чтобы им разрешили слезть.

— Да! — воскликнул Джейк. — Вот именно! *Именно!*

— Я боялась, что Чарли нас завезет *к себе* — где бы он там ни жил, — а не к тете на свадьбу и мы никогда не выберемся оттуда.

— И ты никогда не вернешься домой, — пробормотал Эдди себе под нос и нервным движением пригладил волосы.

— Все время, пока мы ехали в поезде, я не выпускала из рук эту книжку. Я даже помню, что тогда думала: «Если он попытается нас похитить, я начну рвать страницы и не перестану, пока он не образумится». Но, разумеется, мы приехали куда нужно, и, кстати, точно по расписанию. Папа даже провел меня вперед, чтобы я посмотрела на тепловоз. Это был дизель, а не паровоз, и я помню, как я обрадовалась. Я была на седьмом небе от счастья. А потом, после тетиной свадьбы, этот Морт сбросил мне на голову кирпич, и я долгое время лежала в коме. Но, когда я поправилась, книжка куда-то делась. Я ее больше не видела. И вот только теперь... — Она в нерешительности приумолкла, но все же добавила: — И уж если на то пошло, это запросто может быть моя книжка... или книжка Эдди.

— Да, вполне вероятно. — Эдди был бледен и очень серьезен. Он помолчал и вдруг улыбнулся совсем по-мальчишески. — Есть ЧЕРЕПАХА ля-ля ля-ля-ля! Все служит Лучу, задери его тля!

Роланд поглядел на запад.

— Солнце уже садится. Читай, Джейк, пока светло.

Джейк открыл книжку на первой странице с картинкой, где машинист Боб сидит в кабине Чарли Чу-Чу, и начал:

— «Боб Брукс служил машинистом в железнодорожной компании «Срединный мир» на перегоне Сент-Луис — Топика...»

24

— «...и иногда дети слышат, как он поет свою старую песню своим глухим хрипловатым голосом», — закончил Джейк и, показав им последнюю картинку: счастливые ребятишки, которые на самом деле, быть может, кричат от страха, — захлопнул книжку. Солнце скрылось за горизонтом. Небо окрасилось в пурпурный цвет.

— Ну, я бы сказал, что истории *не совсем* совпадают, — заметил Эдди. — Больше похоже на сон, в котором вода может течь снизу вверх. Однако должен признаться, что *мне* жутковато. Слишком много совпадений. Мы где сейчас? В Срединном мире — на территории Чарли. Только зовут его здесь не Чарли. Здесь его звать Блейн Моно.

Роланд пристально разглядывал Джейка.

— Ну и что ты думаешь? — спросил он. — Может, все-таки обойдем этот город? Подальше от этого поезда?

Джейк надолго задумался, опустив голову и машинально перебирая в пальцах густую шелковистую шерстку Ыша.

— Мне бы очень хотелось, на самом деле, — выдавил он наконец. — Но если я правильно понял насчет этого вашего *ка*, то нам все равно этого не избежать.

Роланд кивнул.

— Да, это *ка*. А если так, то наши желания здесь не имеют значения: если мы попытаемся обойти его стороной, все равно, я уверен, обстоятельства сложатся так, что нам придется вернуться. В таких случаях лучше уж сразу покориться неизбежному, чем пытаться что-то изменить. А ты как думаешь, Эдди?

Эдди тоже надолго задумался. Ему вовсе не улыбалось иметь дело с каким-то там говорящим поездом, который ездит сам по себе; и как его ни назови: Чарли Чу-Чу или Блейн Моно. Из того, что прочел им Джейк, уже можно было заключить, что паровоз этот — весьма неприятный продукт инженерной мысли. Но, с другой стороны, дорога им предстояла долгая, и где-то в конце ее их ждала Башня, ради которой, собственно, это все и было затеяно. Эдди вдруг с изумлением обнаружил, что он точно знает, о чем думает и чего хочет. Он поднял голову и едва ли не в первый раз с того самого дня, когда очутился здесь, в этом мире, твердо взглянул в тускло-голубые глаза стрелка.

— Я хочу встать посреди поля роз и увидеть наконец эту Башню. Я не знаю, что будет дальше. Быть может, на наши могилы возложат букеты цветов, но мне на это наплевать. Я хочу видеть Башню. Мне уже все равно, пусть этот Блейн — хоть сам дьявол, и пусть дорога, ведущая к Башне, проходит хоть через ад. Я за то, чтобы идти в город.

Роланд кивнул и повернулся к Сюзанне.

— Ну, — нерешительно проговорила она, — мне Темная Башня не снилась... так что на этом уровне — на уровне, скажем так, желания — я, наверное, не возьмусь решать. Но я теперь верю в *ка*. И я не настолько тупа, чтобы не чувствовать, когда мне начинают стучать по башке и вопить благим матом: «Не туда, идиотка! В другую сторону!» А как ты сам, Роланд? Ты-то что думаешь?

— Я думаю, что на сегодня мы наговорились уже достаточно и нам надо бы сделать маленький перерыв до завтра.

— А «Загадки»? — спросил вдруг Джейк. — Хотите, я вам покажу?

— У нас еще будет время, — сказал Роланд. — Давайте немного поспим.

25

Но стрелок еще долго лежал без сна, а когда вдали снова раздался ритмичный бой барабанов, он поднялся и вернулся к дороге. Там Роланд остановился, глядя на мост и город. Он действительно был дипломатом, как верно предположила Сюзанна, дипло-

матом до мозга костей, и поэтому Роланд знал, что поезд — это их следующая остановка на долгом пути, причем знал это с того мгновения, когда впервые услышал о нем... однако он чувствовал, что об этом не стоит пока сообщать остальным. В частности, Эдди не терпел, когда ему говорили, что нужно делать. Когда он думал, что кто-то пытается направлять его, реакция Эдди была одна: он опускал голову, широко расставлял ноги, начинал выдавать идиотские шутки и упирался, как мул. Правда, на этот раз их с Роландом желания совпадали, но Эдди еще мог взбрыкнуть — исключительно из чувства противоречия. Так что лучше и безопаснее было не торопить события и спрашивать вместо того, чтобы указывать.

Он повернулся, чтобы пойти назад в лагерь... и тут рука его непроизвольно легла на рукоять револьвера, потому что впереди, на обочине, маячил темный силуэт. Кто-то стоял там, глядя на стрелка. Роланд, правда, не вытащил револьвер, но был наготове.

— А я все думал, сможешь ли ты уснуть после этого маленького представления, — сказал Эдди. — Ответ, по-моему, отрицательный.

— Я не слышал, как ты подошел. Ты быстро учишься, Эдди... но на этот раз за свои успехи ты мог заработать и пулю в лоб.

— Ты не слышал меня, потому что тебя занимало сейчас другое. — Он присоединился к стрелку, и даже при бледном свете звезд Роланд увидел, что ему не удалось одурачить Эдди. Да, он действительно в нем не ошибся. Эдди напоминал ему Катберта, но кое в чем он уже превзошел и Катберта.

Нельзя его недооценивать, — сказал себе Роланд. — *Иначе это все может закончиться очень плачевно. Если я его подведу или сделаю что-то, что он может принять за двойную игру, он скорее всего попытается меня убить.*

— А что тебя занимает, Эдди?

— Ты. И все мы. Я хочу, чтобы ты кое-что знал. До сегодняшнего разговора я думал, что тебе это и так известно. Но теперь я уже не уверен.

— Ну так скажи мне.

А про себя Роланд снова подумал: *Нет, он ужасно похож на Катберта!*

— Мы с тобой потому, что должны быть с тобой — из-за твоего проклятого *ка*. Но еще мы с тобой потому, что сами того хотим. Насчет себя и Сюзанны я точно знаю. И Джейк, я думаю, тоже. У тебя неплохие мозги, мой соратник по *кхефу*, но ты, наверное, их хранишь в бомбоубежище, потому что иной раз убеждать тебя все равно что биться головой о стену. Я хочу ее видеть. Ты хорошо понимаешь, о чем я? *Я хочу видеть Башню.* — Он внимательно поглядел Роланду в лицо и, не увидев, очевидно, того, что

надеялся там увидеть, в отчаянии взмахнул руками. — Я хотел только сказать, чтобы ты наконец отпустил мои уши.

— Отпустил твои уши?

— Вот именно. Меня больше не надо за них тянуть. Я иду с тобой к Башне, потому что я сам так хочу. *Мы все идем*, потому что мы сами хотим идти. Если сегодня ты тихо откинешь копыта во сне, мы тебя похороним и пойдем дальше. Может быть, долго мы не протянем, но мы умрем на пути Луча. Теперь ты врубился?

— Да. Теперь да.

— Ты говоришь, ты меня понимаешь, и, я думаю, ты действительно понимаешь... но вот веришь ты мне или нет?

Ну конечно, подумал стрелок. *Куда ты еще пойдешь в этом мире, Эдди, который чужой для тебя и странный? И что ты еще станешь делать? Фермер, должен сказать, из тебя хреновый.*

Но он не сказал этого вслух — это было бы несправедливо и очень зло. Оскорблять свободную волю свободного человека, путая оную с *ка*, — это хуже, чем просто кощунство: это подло и глупо.

— Да, — сказал Роланд. — Я тебе верю. Всей душой верю.

— Тогда хватит вести себя с нами так, будто мы стадо баранов, а ты наш пастух, который помахивает палкой, чтобы мы, такие все из себя беспомощные и безмозглые, не сошли, не дай Бог, с дороги и не угодили бы в яму с зыбучим песком. Ты вещь в себе. Пришло, наверное, время раскрыться. Если нам суждено умереть в этом городе или в поезде, я хочу умереть, зная, что я был не просто какой-нибудь пешкой в твоей игре.

Роланд почувствовал жар — это кровь прилила к лицу, — но он никогда себя не обманывал. Он психанул сейчас не потому, что Эдди составил о нем ложное мнение. Наоборот. Его просто взбесило, что Эдди увидел его насквозь. «Становление» Эдди происходило у Роланда на глазах: бывший Узник сумел вырваться из своей тюрьмы и оставил ее далеко позади, как и Сюзанна, ибо по-своему она тоже была пленницей, — стрелок следил за их продвижением и гордился им, но все-таки сердце его не сумело принять до конца то, о чем с очевидностью говорил разум. Сердце его воспринимало их всех как существ абсолютно другой породы — низших существ.

Роланд сделал глубокий вдох:

— Стрелок, если можешь, даруй мне прощение.

Эдди кивнул.

— Как я понимаю, у нас впереди еще целый водоворот проблем... я уже это предчувствую, и мне страшно. Но это не *твои* проблемы, а *наши*. О'кей?

— Да.

— Как ты думаешь, нам действительно туго придется в городе?

— Не знаю. Я знаю только одно: нам придется приглядывать за Джейком и защитить его, если что, потому что тетушка Талита сказала, что они все захотят его заполучить. Отчасти все зависит от того, сколько времени мы проищем поезд. Но гораздо важнее, что будет потом, когда мы его найдем. Будь у нас еще два человека, мы могли бы дать каждому по револьверу и прикрывать Джейка со всех четырех сторон. Но поскольку нас слишком мало, придется идти гуськом. Сначала я, потом Джейк с коляской Сюзанны, а ты пойдешь сзади.

— И все-таки, Роланд, что нас там может ждать? Попробуй хотя бы предположить.

— Не могу.

— А мне кажется, можешь. Ладно, города ты не знаешь, но ты зато знаешь людей в своем мире и знаешь, чего от них можно ждать — теперь, когда все здесь пошло черт-те как. Ну так как?

Роланд задумался, глядя в ту сторону, где грохотали барабаны.

— Может быть, все обойдется. Насколько я понял, у них не так много осталось бойцов, а те, что остались, стары и деморализованы. Вполне может так получиться, что ты был прав и кое-кто даже предложит нам помощь, как это сделал *ка-тет* Речного Перекрестка. А может быть, мы вообще никого не увидим... они *нас* увидят, увидят, что мы при оружии, и решат, что лучше им спрятаться от греха подальше и дать нам спокойно пройти. Но даже если такой вариант не пройдет, я очень надеюсь, что они разбегутся, как крысы, когда мы пристрелим кого-нибудь, а еще лучше — парочку.

— А если они решат драться?

Роланд мрачно усмехнулся:

— Тогда, Эдди, всем нам придется вспомнить лица своих отцов.

Глаза Эдди блеснули во тьме, и он снова напомнил Роланду Катберта — его старого друга Катберта, который однажды сказал, что он ни за что не поверит в привидений, пока не попробует одного на зуб, — Катберта, с которым однажды они разбросали под виселицей хлебные крошки.

— Я, надеюсь, ответил на все вопросы?

— Нет... но на этот раз ты, по-моему, был со мной честен.

— Тогда, Эдди, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Эдди повернулся и пошел прочь. Роланд стоял и смотрел ему вслед. Теперь он его слышал, когда прислушивался... но все равно еле-еле. Он сам направился было в лагерь, но потом передумал и пошел в темноту — в направлении Лада.

Он, Джейк, из тех, кого старая женщина называла младами. Она сказала, что все они захотят его заполучить.

Вы мне не дадите упасть в этот раз?

Нет. Теперь никогда.

Но он знал одну вещь, о которой не знали другие. Быть может, теперь, после этого разговора с Эдди, он скажет им... обязательно скажет, но все-таки чуть попозже.

На древнем наречии, которое в мире стрелка было когда-то универсальным языком, большинство слов, в том числе *ка* и *кхеф*, имело множество значений. Но слово чар — кстати, Чарли Чу-Чу начиналось с того же слога — было однозначным.

Чар означало смерть.

Глава V
МОСТ И ГОРОД

1

Три дня спустя они набрели на разбившийся аэроплан.

Джейк первым увидел его — вспышку яркого света в сиянии позднего утра на расстоянии примерно миль в десять, как будто зеркальце, сверкавшее в траве. Когда путники подошли поближе, они смогли явственно разглядеть очертания темной штуковины, что примостилась у самого края Великого Тракта.

— Похоже на мертвую птицу, — заметил Роланд. — Большую птицу.

А еще час спустя они молча встали у края дороги, глядя на древний остов самолета. На прогнившем фюзеляже гордо восседали три жирные вороны. Они нахально уставились на незваных гостей. Подобрав камень с дороги, Джейк запустил им в птиц. Те с негодующим карканьем взвились в воздух.

Одно крыло аэроплана отломилось во время падения и валялось теперь ярдах в тридцати от почерневшего корпуса, точно трамплин для прыжков в воду среди зеленой травы. В остальном же аэроплан почти не пострадал. Только стекло фонаря кабины

27 Зак. 722

треснуло в том месте, куда ударилась голова пилота. Там осталось большое пятно тускло-ржавого цвета.

Ыш обежал аэроплан, обнюхал ржавые лопасти пропеллера и поспешно вернулся к Джейку.

Человек в кабине, одетый в дутый кожаный комбинезон и шлем с шипом на макушке, давно превратился в иссохшую мумию, готовую рассыпаться в прах при малейшем прикосновении. Губ у него уже не было — зубы обнажились в последней гримасе отчаяния. От пальцев, когда-то толстых, как сосиски, остались теперь лишь кости, обтянутые желтой кожей, — мертвые кости, вцепившиеся в штурвал. Ударившись головой о фонарь, пилот раскроил себе череп, и Роланд догадался, что зеленовато-серые разводы, покрывавшие левую часть лица, — это все, что осталось от мозга. Голова мертвеца была запрокинута к небу, как будто он до последнего не сомневался, что сможет снова подняться ввысь. Сохранившееся крыло все еще простиралось над буйно разросшейся травой. Там красовалась выцветшая эмблема: кулак с зажатой в нем молнией.

— Похоже, тетушка Талита ошиблась, а старик-альбинос был прав. — В голосе Сюзанны явственно слышался благоговейный трепет. — Это, наверное, Давид Шустрый, тот самый незаконнорожденный принц. Посмотри, Роланд, какой он здоровый... им, наверное, пришлось его жиром смазать, чтоб запихнуть в эту кабинку!

Роланд кивнул. Жара и годы потрудились на славу: от человека внутри механической птицы остался всего лишь скелет, обтянутый высохшей кожей, — но до сих пор еще было видно, какими широкими были когда-то плечи у этого человека, а изуродованная его голова поражала своими размерами.

— Так пал лорд Перт, — сказал он, — и земля содрогнулась от этого грома.

Джейк вопросительно на него покосился.

— Это из старой баллады, — пояснил Роланд. — Был такой великан, лорд Перт. Он отправился на войну, один против воинства в тысячу человек, но не успел даже покинуть свои владения: один мальчишка швырнул в него камнем. Камень попал в колено. Перт споткнулся, упал под тяжестью своих доспехов и сломал себе шею.

— Похоже на нашу легенду про Давида и Голиафа, — заметил Джейк.

— Он не горел, — сказал Эдди. — Скорее всего у него просто кончилось горючее и он попытался посадить самолет на дорогу. Садился с отказавшим двигателем. Он, может, был самозванцем и варваром, я уж не знаю, но мужик он был смелый.

Роланд кивнул и повернулся к Джейку.

— Тебе не страшно?

— Да нет. Если бы он был... ну, вы понимаете... если б он умер недавно, тогда, наверное, было бы чуточку страшно. — Джейк оторвал взгляд от мертвого человека в кабине и посмотрел на город. Они подошли совсем близко, и Лад стал виден гораздо отчетливее. Отсюда уже можно было разглядеть, что в окнах многих высотных домов не хватает стекол, но Джейк, как и Эдди, все-таки не отказался пока от надежды, что им там помогут. — Готов поспорить, что в городе после его кончины все пошло наперекосяк.

— Думаю, ты бы выиграл это пари, — сказал Роланд.

— Знаете что? — Джейк опять повернулся к аэроплану. — Может быть, те, кто построил этот город, и выпускали свои самолеты, но я все же уверен, что это — один из наших. В школе, еще в пятом классе, я писал реферат по воздушному бою, и мне кажется, я узнаю модель. Можно я посмотрю поближе, а, Роланд? Пожалуйста.

Роланд кивнул.

— Давай только вместе посмотрим.

Они вместе приблизились к аэроплану, утопавшему в высокой траве.

— Вон там, видите? — показал Джейк. — Пулемет под крылом? Это модель с воздушным охлаждением, германского производства. «Фокке-вульф» называется. Их выпускали перед самым началом Второй мировой. Но только что он тут делает?

— Самолеты часто пропадают, — заметил Эдди. — Возьми, например, Бермудский треугольник. Это, Роланд, такое место над одним из наших океанов. Там вообще беспредел творится. Заколдованное прямо место. А может быть, мне сейчас пришло в голову, это просто здоровая дверь между нашими двумя мирами... дверь, которая открыта всегда. Или почти всегда. — Эдди ссутулился и попытался, весьма, кстати, посредственно, изобразить Рода Серлинга: — Просьба всем пристегнуть ремни. Мы приближаемся к вихревой зоне. Наш самолет входит... в зону Роланда!

Джейк и Роланд, которые стояли уже под сохранившимся крылом самолета, даже не повернулись к нему.

— Подсадите меня, Роланд.

Роланд покачал головой.

— Крыло кажется крепким, но оно все прогнило, Джейк... эта штука валяется здесь много лет. Ты упадешь.

— Тогда поднимите меня на руках.

— Давай я, Роланд, — вызвался Эдди.

Роланд лишь на мгновение опустил взгляд на свою изувеченную правую руку, потом небрежно пожал плечами и сплел пальцы в замок:

— Я сам. Он не тяжелый.

Джейк снял кроссовки и легко встал на «ступеньку» из рук Роланда. Ыш залился пронзительным лаем — то ли от возбуждения, то ли от страха, Роланд так и не понял.

Теперь Джейк прижимался грудью к одному из проржавелых закрылков. Повернув голову вправо, он изучал эмблему на крыле. Кулак, сжимающий молнию. С одного края она слегка отслоилась от поверхности крыла. Джейк взялся за этот приподнятый краешек и потянул. Эмблема оторвалась, причем с такой легкостью, что мальчик наверняка бы упал, если бы Эдди не поддержал его за ягодицы.

— Я так и знал, — сказал Джейк. Под оторвавшейся эмблемой открылась еще одна. Свастика. — Просто хотелось проверить. Можете опустить меня, я уже все посмотрел.

Они снова двинулись в путь, и на протяжении всего дня — стоило лишь оглянуться — сзади маячил хвост самолета, поднимающийся из высокой травы, как надгробие лорда Перта.

2

В тот вечер как раз была очередь Джейка разводить костер. Когда он уложил наконец хворост так, чтобы Роланд уже ни к чему не сумел придраться, стрелок протянул ему кремень и кресало.

— Посмотрим, как у тебя получится.

Эдди с Сюзанной сидели с другой стороны костра, любовно приобняв друг друга за талии. Сегодня, уже ближе к вечеру, Эдди заметил в траве у дороги какой-то красивый ярко-желтый цветок и сорвал его для Сюзанны. Она приколола его к волосам и теперь, каждый раз, когда ее взгляд обращался к Эдди, она улыбалась с сияющими глазами. Роланд все это подмечал. И ему это нравилось. Их любовь стала глубже и крепче. Что ж, хорошо. Любовь должна быть действительно крепкой, чтобы сохраниться на долгие годы.

Джейк высек искру, но она, ярко вспыхнув, погасла в нескольких дюймах от растопки.

— Держи кремень ближе, — посоветовал Роланд. — И сжимай крепче, Джейк. И не надо *стучать* по нему огнивом. *Чиркай.*

Джейк попробовал снова, и на этот раз искра попала туда, куда нужно. Впрочем, все равно без толку. В воздух взвилась тоненькая струйка дыма, но огонь так и не разгорелся.

— У меня, похоже, не выходит.

— Ничего, научишься. И подумай пока вот над чем: что ночью пляшет, а днем отдыхает?

— Чего?

Роланд придвинул руки Джейка еще ближе к растопке.

— Как я понимаю, такой в твоей книжке нет.

— А-а, так это загадка! — Джейк высек еще одну искру. На этот раз посреди костра вспыхнул крошечный язычок пламени. Правда, он тут же погас. — Вы тоже знаете какие-то загадки?

— И не просто «какие-то», — отозвался Роланд. — Я знаю их много. А мальчишкой, наверное, знал больше тысячи. Мы специально их изучали.

— Правда? А зачем, интересно, их изучать, загадки?

— Ваннай, мой наставник, говорил, что разгадывание загадок способствует развитию ума. Что кто научится их разгадывать, тот научится думать неординарно и гибко. Каждую пятницу мы устраивали состязания по разгадыванию загадок, и тот, кто выигрывал, мог уйти с занятий пораньше.

— И часто, Роланд, тебя отпускали пораньше? — поинтересовалась Сюзанна.

Он покачал головой, пряча улыбку.

— Мне очень нравилось их разгадывать, но у меня не всегда получалось. Честно сказать, чаще не получалось. Ваннай говорил, это все потому, что я слишком глубоко задумывался. А отец говорил, что мне не хватало воображения. Наверное, оба они были правы... но отец все-таки был ближе к истине. Револьвер я всегда доставал быстрее всех и стрелял лучше всех, но вот насчет того, чтобы неординарно мыслить... у меня с этим было туго.

Сюзанна, которая внимательно наблюдала за тем, как Роланд держал себя со стариками в Речном Перекрестке, подумала, что он себя явно недооценивает. Однако она промолчала.

— Иногда, долгими зимними вечерами, у нас устраивались состязания в Большом Зале. Если участвовали только младшие, побеждал всегда Ален. Если же состязались взрослые, победителем был неизменно Корт. Он знал больше загадок, чем мы все, вместе взятые, и с каждой ярмарки, где проходили «загадочные» турниры, он всегда приносил гуся. В загадках таится великая сила, и каждый, наверное, знает хотя бы одну или две.

— Даже я, — сказал Эдди. — Вот, например: могут ли трупы плясать?

— Тьфу ты, гадость, — сморщилась Сюзанна, не в силах, однако, сдержать улыбку.

— Да, если труппы балетные! — торжествующе завопил Эдди и улыбнулся, когда Джейк, рассмеявшись, неловко взмахнул рукой и сбил уложенный для растопки хворост. — Да-да, уважаемые, у меня их в запасе, наверное, миллион!

Роланд, однако, не рассмеялся. Наоборот, он как будто немного обиделся.

— Ты извини меня, Эдди, но это действительно глупая шутка.

— Господи, Роланд, прошу прощения. — Эдди все еще улыбался, но в его голосе явственно слышалось раздражение. — Я все забываю, что чувство юмора тебе отстрелили в этом Крестовом походе детей, или как там он у вас назывался.

— Просто я отношусь к загадкам серьезно. Меня так научили, что способность разгадывать их говорит о здоровом и рациональном уме.

— Ну все равно они нам не заменят произведений Шекспира или квадратного уравнения, — примирительно проговорил Эдди. — Я хочу сказать, не будем отвлекаться.

Джейк задумчиво поглядел на Роланда.

— У меня в книжке написано, что загадки — это самая древняя из всех игр, в какую люди играют до сих пор. Я имею в виду, в моем мире. А парень, с которым я разговаривал в книжной лавке, сказал, что загадки — действительно дело серьезное, а не просто так шуточки. Он говорил, что когда-то из-за них убивали.

Роланд смотрел в пространство — в сгущавшийся сумрак.

— Да, — вымолвил он наконец. — Я сам это видел. — Он вспомнил одно состязание на ярмарке, которое закончилось не вручением обычного приза, гуся, а смертью того косоглазого мужичка в шляпе с бубенчиками, который корчился в пыли с кинжалом в груди. С кинжалом Корта. Мужик этот, бродячий певец и акробат, попытался обжулить Корта, стащив у судьи книжку, где на страницах из тонких пластинок коры были записаны все ответы.

— Ой-ой-ой, — выдавил Эдди. — Вы уж меня извините, глупого.

Сюзанна смотрела на Джейка во все глаза.

— А я и забыла... Ведь у тебя с собой книжка с загадками. Можно мне посмотреть?

— Да, конечно. Она у меня в ранце. Правда, там кто-то выдрал страницы с ответами. Наверное, поэтому мистер Тауэр отдал мне ее беспла...

Он умолк, когда чьи-то пальцы больно впились ему в плечо.

— *Как*, ты сказал, его звали? — переспросил Роланд.

— Мистер Тауэр, — повторил Джейк. — Келвин Тауэр. А я разве не говорил?

— Нет. — Роланд медленно разжал пальцы, отпустив плечо Джейка. — Но теперь, когда ты сказал, я в общем-то не удивляюсь.

Эдди открыл ранец Джейка, нашел книжку с загадками и бросил ее Сюзанне.

— Знаешь что, — сказал он, — а мне всегда нравилась эта загадка про трупы. Она, быть может, безвкусная, но забавная.

— Дело даже не в этом, — заметил Роланд. — Она бессмысленная, и у нее нет решения. В общем, глупая это загадка. А у хорошей загадки должен быть смысл. И решение.

— Господи Боже! Да вы, ребята, похоже, действительно принимаете это дело всерьез?!

— Вот именно.

Джейк тем временем снова сложил растопку и старательно высекал искры, думая над загадкой, из-за которой начался спор. Неожиданно он улыбнулся:

— Костер. Правильно я угадал? Костер. Ночью пляшет, а днем отдыхает. Когда темно, мы его зажигаем, и пламя пляшет. А днем мы его гасим, и оно вроде как отдыхает. В общем-то просто.

— Все правильно. — Роланд тоже улыбнулся Джейку, но смотрел он на Сюзанну, которая углубилась в маленькую потрепанную книжку. Глядя на то, как она сосредоточенно морщит лоб, перелистывая страницы, как поправляет рассеянным жестом цветок в волосах, он подумал, что, наверное, только Сюзанна способна почувствовать и понять, насколько важной для них может быть эта книжка загадок... вполне вероятно, что даже важнее, чем «Чарли Чу-Чу». Он перевел взгляд с Сюзанны на Эдди, и в нем опять поднялось раздражение, вызванное этой дурацкой его загадкой. Эдди еще кое в чем напоминал ему Катберта, только в этом их сходство было не самым приятным: иной раз Роланду хотелось встряхнуть его так, чтобы из носу у него пошла кровь, а зубы просто повыпали изо рта.

Спокойно, стрелок... спокойно! — прозвучал у него в голове голос Корта, не то чтобы насмешливый, но ехидный. Роланд решительно отгородился от всех эмоций. Сделать это оказалось не так уж и трудно, особенно если вспомнить, что Эдди иной раз впадал в ребячество и начинал дурить, может быть, сам того не желая. Просто такой у него характер, отчасти сформированный *ка*, и тут уже ничего не поделаешь. К тому же Роланд прекрасно знал, что Эдди способен не только на идиотские выходки. Теперь, всякий раз, когда он начинал несправедливо думать иначе, стрелок вспоминал их ночной разговор на дороге три дня тому назад, когда Эдди обвинил его в том, что он использует их как пешки в своей игре. Тогда это его рассердило... и все-таки Эдди был не так уж далек от истины. Во всяком случае, Роланду стало стыдно.

Эдди, пребывавший, к счастью, в блаженном неведении относительно всех этих сложных Роландовых размышлений, неожиданно объявил:

— Зеленое, весит сто тонн и обитает на дне морском — это что?

— Я знаю! — воскликнул Джейк. — Моби Сопля, большой зеленый кит.

— Идиотизм, — буркнул Роланд себе под нос.

— Да... но поэтому и смешно, — сказал Эдди. — Между прочим, если хочешь знать, *шутки* тоже развивают ум и приучают мыслить неординарно. Понимаешь ли... — Увидев лицо Роланда, он рассмеялся и поднял руки. — Ладно, замяли. Сдаюсь. Ты все равно не поймешь. Даже за тысячу лет. Давай лучше посмотрим книжку. Я даже попробую отнестись к ней серьезно... но при условии, что сначала мы поедим.

— Не зевай, — проговорил Роланд и улыбнулся.

— Чего?

— Это значит, что мы с тобой договорились.

Джейк чиркнул огнивом по кремню. Вспыхнула искра, и на этот раз хворост все-таки загорелся. Джейк, довольный, откинулся назад и, поглаживая Ыша по шерстке, принялся наблюдать, как разгорается пламя. Он ужасно собой гордился. Он сумел развести костер... и отгадал загадку Роланда.

3

— Я тоже знаю одну загадку, — сказал Джейк за ужином, когда они поглощали очередную порцию «стрелецких голубцов».

— Такую же глупую? — спросил Роланд.

— Нет. Настоящую.

— Тогда загадывай.

— О'кей. Нету ног, но на месте она не стоит; ложе есть, но она не спит; не котел, но бурлит, не гроза, но гремит; нету рта, но она никогда не молчит.

— Да, хорошая загадка, — согласился Роланд. — Только старая. Это река.

Джейк слегка приуныл.

— Вас действительно трудно чем-нибудь озадачить.

Роланд бросил Ышу последний кусок своего «голубца». Ушастик жадно накинулся на угощение.

— Меня-то что! Со мной справиться — «дел на плевок», как сказал бы наш Эдди. Вот видел бы ты Алена! Он собирал загадки, как какая-нибудь девица собирает коллекцию вееров.

— Это «плевое дело», старый ты пень, — поправил его Эдди.

— Спасибо. Вот тебе тоже загадка: «Что сначала лежит, а потом встает. Сначала белое, а потом краснеет. Чем больше становится, соком налившись, тем милее оно старушкам?»

Эдди разразился безумным хохотом.

— Член! — выкрикнул он сквозь смех. — Фу, Роланд, как грубо! Но мне нравится! Нра-а-а-вится!

Роланд покачал головой.

— А вот и нет. Не угадал. Хорошая загадка, бывает, похожа на головоломку из слов, как та, про реку, которую загадал нам Джейк. Но иногда она больше похожа на ловкий трюк, как у фокусника в балагане. Ты ищешь в одном направлении, а ответ-то совсем в другом.

— Двойная загадка. — Джейк пояснил, что имеет в виду, пересказав им загадку про льва и Самсона и толкование Эрона Дипно.

— Это не земляника? — спросила Сюзанна и тут же ответила на свой вопрос: — Ну да, земляника. Это как та загадка про костер. В ней тоже скрыта метафора. Стоит только понять, в чем метафора, и загадку решить несложно.

— Я просил об интимном свидании, облачая свое предложение в метафоры, но она удалилась, влепив мне по роже, — грустно продекламировал Эдди. Никто, однако, не обратил на него внимания.

— Если, скажем, заменить «встает» на «растет», — продолжала Сюзанна, — а «лежит» на «лежит в земле», тогда все уже просто. Сначала белая, несозревшая... потом краснеет. Наливается соком, становится больше. И старушкам она тоже нравится. Все, наверное, любят ягоды. — Она была явно довольна собой.

Роланд кивнул.

— Вообще-то ответ — виника, тоже ягода. Так что все правильно.

Эдди взял книжку с загадками и принялся перелистывать страницы.

— А вот смотри, Роланд, еще загадка: когда нельзя открыть дверь?

— Это что, очередной пример твоего идиотизма? — нахмурился Роланд. — Мое терпение, знаешь ли, не...

— Нет, я обещал тебе быть серьезным, и я абсолютно серьезен... во всяком случае, я пытаюсь. Это загадка из книжки, а я просто знаю ответ. Слышал когда-то в детстве.

Джейк, который тоже знал ответ, заговорщически подмигнул Эдди. Эдди моргнул в ответ и с изумлением увидел, что Ыш тоже пытается подмигнуть. Он то таращился, то закрывал оба глаза, пока наконец ему не надоело.

Роланд с Сюзанной тем временем думали над загадкой.

— Что-то, наверное, связанное с глупостью, — пробормотал Роланд. — Говорят же еще «безрукий» о глупом, бестолковом человеке... гм...

— Гмм. — Ыш в точности повторил задумчивую интонацию стрелка. Эдди опять подмигнул Джейку. Мальчик прикрыл рот рукой, пряча улыбку.

— Может, когда у человека руки не там пришиты? — неуверенно спросил Роланд.

— Не-а.

— Когда она нарисована, — неожиданно и решительно проговорила Сюзанна. — Когда она бумажная.

— Опять мимо. — Эдди теперь улыбался, уже не таясь.

Джейк между тем удивлялся, как далеко они оба ушли от правильного ответа. Наверное, в словах и вправду заключено какое-то волшебство. Не сказать, чтобы что-то совсем уже выдающееся: никаких тебе ковров-самолетов или испаряющихся слонов, — но какое-то волшебство все же было. Неожиданно то, чем они сейчас тут занимались — просто играли в загадки вечером у костра, — предстало перед ним в новом свете. Джейк решил, что все это похоже на жмурки, только вместо темной повязки были слова.

— Сдаюсь, — сказала Сюзанна.

— Я тоже, — кивнул Роланд. — Если вы знаете, то говорите ответ.

— Когда она распахнута, отворена. Понятно? — Эдди пару мгновений выждал, а когда увидел, что Роланд вроде бы понял, спросил с некоторой опаской: — Ну как, Роланд, неплохо? Я честно пытался на этот раз быть серьезным... нет, правда.

— Очень даже неплохо. Мне, знаешь, понравилось. Корт бы наверняка догадался... и Ален, наверное, тоже... хотя загадка действительно заковыристая. А я совершил ту же ошибку, что и всегда: с ходу решил, что загадка сложнее, чем есть, и проскочил мимо правильного ответа.

— В этом действительно что-то есть, правда? — задумчиво произнес Эдди. Роланд кивнул, но Эдди этого не увидел: он смотрел на костер, где в огне расцветали и увядали в мгновение ока десятки пылающих роз.

— Ладно, — сказал Роланд. — Еще одну, и ложимся спать. Только с сегодняшней ночи мы начинаем дежурить. По очереди. Эдди, ты первый, потом Сюзанна, а потом я.

— А я? — спросил Джейк.

— Тебе тоже, наверное, придется дежурить. Но не сегодня — потом. Тебе надо как следует высыпаться, это сейчас важнее.

— Ты действительно думаешь, в этом есть необходимость? — спросила Сюзанна.

— Не знаю. И это само по себе уважительная причина, чтобы все-таки выставить часового. Давай, Джейк, выбери что-нибудь из твоей книжки.

Эдди передал книгу Джейку. Тот пролистал ее почти всю и остановился в конце.

— Ого! Ничего себе! Вот совершенно убойная!

— Не боись, — ободрил его Эдди. — Если я ее не отгадаю, Сьюз точно допетрит. Нас с ней знали на всех больших ярмарках в округе: Эдди Дин и его Королева Загадок!

— Сегодня мы остроумны донельзя, — съязвила Сюзанна. — Посмотрим, мой сладенький, что останется от твоего остроумия, когда ты просидишь до полуночи у дороги.

Джейк начал читать:

Его не потрогаешь и не увидишь.
Формы нет у него.
Нет вообще ничего — только имя.
Оно то коротким бывает, то длинным,
И оно всегда с нами:
Во всех разговорах, забавах и играх.

Они все бились над этой загадкой минут пятнадцать, но никто не сумел предложить более или менее подходящего варианта ответа.

— Может, кому-то отгадка приснится, — сказал Джейк. — Я именно так разгадал ту загадку про реку.

— Дешевая книжка с выдранными ответами, — прокомментировал Эдди, вставая и набрасывая одеяло на плечи, как плащ.

— Ну да, дешевая. Мистер Тауэр мне ее просто отдал. За так.

— За чем я должен следить, Роланд? — спросил Эдди.

Роланд, уже улегшийся спать, пожал плечами.

— Не знаю. Но ты, наверное, сам поймешь, когда что-нибудь этакое увидишь или услышишь.

— Если начнешь засыпать, разбуди меня, — попросила Сюзанна.

— Можешь не сомневаться.

4

Вдоль дороги тянулась канава, густо заросшая травой, и Эдди, поплотнее укутавшись в одеяло, уселся на дальней ее стороне. Тонкая пелена облаков затянула ночное небо, затуманивая звездный свет. С запада дул сильный ветер. Повернувшись лицом навстречу ветру, Эдди почувствовал явственный запах буйволов, которые теперь безраздельно владели равнинами, — смешанный дух влажной горячей шерсти и свежего дерьма. Острота восприятия, которая снова вернулась к нему за эти последние несколько месяцев, была поразительной... а иногда, как сейчас, например, она просто пугала.

Где-то — совсем уже далеко — жалобно замычал буйволенок.

Эдди уставился в сторону города. Вскоре ему начало казаться, что он различает вдали искорки бледного света — света от электрических свечей, как называли их старики-альбиносы, — хотя он хорошо понимал, что, возможно, там нет ничего и он видит лишь то, что ему очень хочется видеть.

Ты сейчас далековато от Сорок второй улицы, приятель... Надежда, конечно, крутая штука, что бы там ни говорили, но когда ты начнешь утопать в мечтах, просто напомни себе одну вещь: твоя Сорок вторая улица далеко. Там, впереди, не Нью-Йорк,

как бы тебе ни хотелось уверить себя в обратном. Это Лад, и он вряд ли будет таким, каким ты его представляешь. И если ты будешь помнить об этом, тогда, может быть, ты «прорвешься».

Чтобы как-то скоротать время дежурства, Эдди опять принялся ломать голову над последней загадкой, которую Джейк нашел в книжке. Нагоняй от Роланда, который тот устроил ему за невинную шутку про труп, оставил в душе неприятный осадок... неплохо было бы завтра утром выдать им правильный ответ. Они, конечно, не смогут его проверить, потому что страницы с ответами кто-то выдрал, но после сегодняшнего разговора у Эдди сложилось мнение, что хороший ответ у хорошей загадки обычно не вызывает сомнений.

Оно то коротким бывает, то длинным. Для себя Эдди решил, что именно эти слова — ключ к разгадке. А все остальное, возможно, специальные «навороты», уводящие в ложную сторону. Что бывает то коротким, то длинным? Штаны, может быть? Нет. Штаны действительно бывают короткими или длинными, но он ни разу не слышал, чтобы штаны принимали участие в разговорах. К тому же их можно увидеть и можно потрогать. Истории? Тоже бывают короткими или длинными, но, как и штаны, подходят только под это определение. Выпивка тоже бывает короткой и затяжной...

— Заказ, — пробормотал он себе под нос и сам уверился на мгновение, что нашел ответ, хотя прилагательные «короткий» и «длинный» подходили к данному слову с большой натяжкой. «Длинный» заказ — дело трудоемкое; «короткий» заказ можно сделать в любой забегаловке, если вы очень торопитесь... гамбургер, например, или сандвич с тунцом. Но опять же ни роскошный обед из нескольких блюд, ни гамбургер *не участвуют в разговорах и играх.* А вроде бы так складно...

Он даже сплюнул от разочарования и тут же улыбнулся себе: чего, спрашивается, психовать из-за какого-то безобидного каламбурчика из детской книжки?! И тем не менее Эдди вдруг сообразил, что теперь ему легче поверить в то, что люди действительно убивали друг друга из-за загадок... особенно если ставки в этой игре были достаточно высоки и какой-нибудь умник пытался смухлевать.

Не заводись... Ты сейчас повторяешь ошибку Роланда: погружаешься в дебри и проскакиваешь мимо правильного ответа.

Но, с другой стороны, надо же чем-то заняться.

В этот момент в городе снова грохнули барабаны, и все мысли Эдди, естественно, обратились к этому непонятному звуку. Грохот возник совершенно неожиданно: только что его не было вовсе, и вот он звучит уже в полную силу, как будто кто-то нажал на кнопку включения. Эдди вышел к обочине и, повернувшись в сторону города, стал прислушиваться. Через пару секунд он оглянулся, чтобы проверить, не разбудили ли барабаны его

товарищей. Но все спали. Он был один. Эдди опять повернулся к Ладу и приложил ладони к ушам, чтобы лучше слышать.

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Теперь Эдди уверился окончательно, что его первоначальное предположение подтвердилось. Эту загадку, во всяком случае, он разгадал.

Бум... ба-бум... ба-бум-бумбум-бум.

Сама мысль о том, что он стоит на пустынной дороге в почти безлюдном мире, милях в ста семидесяти от города, построенного в незапамятные времена какой-то мифической исчезнувшей цивилизацией, и слушает рок-н-ролльную партию для ударных... бред сивой кобылы, но, с другой стороны, чем «бредовее» древнего светофора, из которого со звоном вываливается зеленый флажок с надписью ИДИТЕ, или немецкого самолета тридцатых годов?

Эдди шепотом напел припев из «зи-зи-топовской» песенки:

Чтоб залепить этот шов
на шикарных твоих штанах,
У тебя есть та самая липкая бяка.
О да, да, да...

Слова идеально ложились на ритм барабанов. Попсовая версия партии для ударных из «Велкро Флай». Эдди больше не сомневался.

Вскоре звук оборвался так же внезапно, как и начался. Остался только шум ветра и — вдалеке — плеск реки Сенд, у которой есть ложе, но которая никогда не спит.

5

Следующие четыре дня прошли безо всяких интересных событий. Путники шли вперед, глядя на мост и город, которые становились все ближе и вырисовывались все отчетливее с каждой милей; поздним вечером разбивали лагерь; ели «стрелецкие голубцы»; загадывали друг другу загадки; поочередно несли дежурство (Джейк все-таки уговорил Роланда и теперь тоже стоял на страже: два часа перед самым рассветом) и спали. Единственный случай, достойный упоминания, произошел около полудня на третий день после того, как они набрели на разбившийся аэроплан.

Они услышали жужжание. Оно становилось все громче и громче и заглушило в конце концов все остальные звуки. Роланд остановился и показал в направлении эвкалиптовой рощи.

— Вон там.

— Похоже на пчел, — заметила Сюзанна.

Тускло-голубые глаза стрелка загорелись.

— Не исключено, что сегодня на ужин у нас будет знатный десерт.

— Не знаю, как и сказать тебе, Роланд, — заметил Эдди, — но мне почему-то не нравится, когда меня кто-то кусает.

— Кому ж это понравится?! — согласился Роланд. — Но ветра сегодня нет, так что, мне кажется, можно будет спокойненько окурить их дымом до полусонного состояния, а потом забрать соты и не устроить при этом пожар на полмира. Давайте посмотрим.

Он поднял Сюзанну с коляски и понес ее к роще. Сюзанна, надо сказать, тоже жаждала приключений не меньше, чем сам стрелок. Эдди с Джейком опасливо поплелись следом, а Ыш, очевидно, решивший, что осторожность есть наивысшая добродетель отважных, остался сидеть на обочине Великого Тракта, тяжело, по-собачьи дыша и внимательно наблюдая за людьми.

На опушке рощицы Роланд остановился.

— Вы оставайтесь здесь, — велел он Джейку и Эдди, понизив голос. — А мы сходим посмотрим. Если там все нормально, я вас позову.

С Сюзанной на руках стрелок скрылся в тени деревьев, прорезанной пятнами солнечных бликов, а Эдди с Джейком остались стоять на солнцепеке, глядя им вслед.

В тени было заметно прохладнее. Равномерное жужжание пчел навевало сонливость.

— Их слишком много, — тихонько заметил Роланд. — Сейчас конец лета. Они должны собирать пыльцу, а не в улье жужжать. Я не пони ..

Он умолк, заметив пчелиный улей, свисающий, точно раздутая опухоль, из дупла дерева в центре поляны.

— Что это с ними? — спросила Сюзанна тихим испуганным голосом. — Роланд, что с ними такое?

Пчела, толстая и медлительная, точно овод в октябре, пролетела мимо ее головы. Сюзанна испуганно отшатнулась.

Роланд жестами показал Эдди и Джейку, чтобы они подошли. Все четверо замерли, молча глядя на улей. Соты его представляли собой не правильные шестиугольники, как должно было быть, а дыры всех форм и размеров, расположенные в совершеннейшем беспорядке. Сам улей выглядел так, как будто расплавился под паяльной лампой. Вялые пчелы, лениво переползающие по нему, были белыми точно снег.

— На сегодня десерт отменяется, — заключил Роланд. — То, что мы извлечем оттуда, на вкус, может быть, сладкое, но наверняка ядовитое.

Одна из уродливых белых пчел тяжело прожужжала у Джейка над головой. Он пригнулся с выражением искреннего отвращения.

— Что с ними случилось? — спросил Эдди Роланда. — Из-за чего они стали такими?

— Из-за того же, что опустошило весь этот край. Из-за чего многие здешние буйволы до сих пор еще рождаются бесплодными уродами. Я слышал много тому названий: Древняя война, Великий пожар, Перелом, Катаклизм, Великая порча. Я не знаю, что это было на самом деле, но с той поры и начались все наши беды, и случилось это давным-давно, за тысячу лет до того, как прапрапрадеды стариков из Речного Перекрестка появились на свет. Физические последствия — двухголовые буйволы, белые пчелы и все такое — с течением времени сходят на нет. Я сам кое-что видел и знаю. Но есть и другие последствия. Они гораздо серьезнее, хотя их труднее заметить, и они, эти страшные перемены, продолжаются до сих пор.

Они постояли еще немного, глядя на ползающих белых пчел — заторможенных, оцепеневших, беспомощных. Некоторые пытались работать, но большинство просто тыкалось из стороны в сторону, сталкиваясь головами и переползая друг через друга. Эдди вспомнился один сюжет из программы новостей. Там показывали толпу людей, которые выбирались из зоны взрыва. Дело было в каком-то маленьком городке в Калифорнии. Взорвался газопровод. Взрывной волной снесло почти целый квартал. Пчелы напоминали ему тех несчастных — обалдевших, ошеломленных.

— Так у вас была ядерная война? — спросил он, и вопрос прозвучал едва ли не как обвинение. — Эти ваши Великие Древние, о которых ты так часто упоминаешь... взорвали, значит, ко всем чертям свои великие древние задницы. Я правильно излагаю?

— Я *не знаю,* что у них произошло. Никто не знает. Записи тех времен не сохранились, а то немногое, что до нас дошло в виде устных легенд, весьма запутанно и противоречиво.

— Пойдемте отсюда. — Голос Джейка дрожал. — Не могу я на них смотреть — меня сейчас точно стошнит.

— Нас вместе стошнит, мой хороший, — сказала Сюзанна.

Они ушли прочь с поляны, оставив белесых пчел доживать их бесцельную и бесполезную жизнь в роще древних деревьев, а вечером ужинали без меда.

6

— Так когда же ты все-таки нам расскажешь все? Все, что знаешь? — первым делом спросил Эдди на следующее утро. День выдался ясным, безоблачным и погожим, но в воздухе ощущалась прохлада; скоро наступит осень — их первая осень в этом мире.

Роланд поднял глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Хотелось бы все-таки выслушать всю историю целиком, от начала и до конца — всю историю твоей жизни. Начиная, скажем, с Гилеада. Как ты там вырос и что послужило причиной того, что ты покинул свою страну. Я хочу знать, откуда ты знаешь про Темную Башню и почему вдруг решил отыскать ее. Я хочу знать про твоих друзей. Тех, которые были с тобой вначале. Я хочу, чтобы ты рассказал, что с ними произошло.

Роланд снял шляпу, вытер пот со лба и надел ее снова.

— Да, у вас есть право знать обо всем, и я обязательно вам расскажу... но потом, не сейчас. Это долгая история. Я никогда не думал, что мне придется кому-то ее рассказывать... но, как видно, придется. Хотя бы раз.

— Но когда? — не унимался Эдди.

— Когда придет время, — неопределенно ответил Роланд, и этим им пришлось удовольствоваться.

7

Роланд проснулся за миг до того, как Джейк принялся трясти его за плечо. Он сел рывком и огляделся по сторонам, но Эдди с Сюзанной по-прежнему крепко спали, а в бледном свете раннего утра он не заметил ничего такого, из-за чего стоило бы поднимать тревогу.

— Что такое? — спросил он у Джейка, понизив голос.

— Я не знаю. Похоже, стреляют. Идемте послушаем.

Отбросив в сторону одеяло, Роланд встал и направился следом за Джейком к дороге. По примерным его расчетам, им оставалось не больше трех дней пути до того места, где воды Сенда подступали вплотную к городу. Мост — выстроенный строго вдоль «дорожки» Луча — теперь отчетливо выступал на горизонте, загораживая перспективу. Его очевидный крен стал намного заметнее. С этого расстояния уже можно было различить дюжину, если не больше, дыр в тех местах, где железные тросы, натянутые слишком туго, полопались, точно струны на лире.

В ту ночь ветер со стороны города дул прямо в лицо, и звуки, которые он доносил оттуда, были хотя и слабыми, но вполне различимыми.

— Ну что? Стреляют? — уточнил Джейк.

Роланд кивнул и поднес палец к губам.

Он услышал неясные крики, грохот — как будто обрушилось что-то огромное типа стены или целого дома — и, разуме-

ется, барабаны. Через пару секунд грохот раздался опять, но на этот раз звук был чуть-чуть поприятнее: звон разбившегося стекла.

— Ого! — прошептал Джейк и подвинулся поближе к стрелку.

А потом ветер донес до них звуки, которых Роланд хотя и ждал, но все же надеялся, что не услышит: сухая скороговорка пулеметной очереди, за которой последовал глухой грохот — вне всяких сомнений, какой-то взрыв. Он прокатился по равнинам, словно невидимый шар в кегельбане. После этого крики, стрельба и все остальные звуки утихли. Остался лишь барабанный бой, а когда оборвался и он — как обычно, до жути внезапно, — город опять погрузился в безмолвие. Только теперь тишина таила в себе неприятный оттенок какого-то напряженного ожидания.

Роланд приобнял Джейка за плечи.

— Еще не поздно пойти в обход, — сказал он.

Джейк поднял глаза.

— Нет, нам так нельзя.

— Из-за поезда?

Джейк кивнул и произнес нараспев, как будто читая стихи:

— Блейн — это боль, но мы все равно должны ехать на этом поезде. А сесть на него можно только в городе. Только там.

Роланд задумчиво поглядел на Джейка.

— Почему ты сказал «должны»? Из-за *ка*? Видишь ли, Джейк, я хочу, чтобы ты усвоил: пока что ты знаешь о *ка* очень мало — чтобы познать его до конца, иной раз не хватает и целой жизни.

— Не знаю, *ка* это или нет, но одно я знаю наверняка: без защиты нам нечего и соваться в бесплодные земли, а защиту нам может дать только Блейн. Без него мы умрем, как умрут, когда будет зима, эти пчелы, которых мы видели на поляне. Нам просто необходима защита. Потому что Бесплодные земли отравлены.

— Откуда тебе все это известно?

— *Не знаю!* — едва ли не в раздражении воскликнул Джейк. — Я просто знаю, и все!

— Ну хорошо, хорошо, — успокоил его Роланд и опять повернулся в сторону Лада. — Но нам надо действовать осторожно. Плохо, конечно, что у них до сих пор сохранился порох. Если у них есть порох, значит, у них могут быть вещи и помощнее. Я что-то сомневаюсь, что они умеют обращаться с таким оружием, но это, может быть, даже опаснее. Кто его знает, а вдруг они, что называется, войдут в раж и взорвут нас всех к чертовой матери.

— Атери, — раздался откуда-то сзади серьезный голос. Оглянувшись, они увидели Ыша, который сидел на обочине и внимательно наблюдал за ними.

8

В тот же день, ближе к вечеру, они набрели на другую дорогу, которая, протянувшись с запада, сливалась с Великим Трактом. От этой развилки Великий Тракт — который теперь стал шире и делился посередине продольным разграничителем, сделанным из какого-то темного камня, — шел под уклон, а крошащиеся от времени бетонные ограждения, поднимавшиеся по обе стороны от дороги, вызывали у путников чувство, похожее на клиническую стадию клаустрофобии. Наконец они остановились напротив пролома в этой бетонной стене, откуда им открывался приятный и утешительный вид на равнину, и наскоро, без аппетита перекусили.

— Почему, интересно, они так сделали, чтобы дорога спускалась? — спросил Джейк у Эдди. — Я хочу сказать, ее специально так построили или как?

Эдди задумчиво поглядел через пролом в стене, за которым раскинулась плоская, как и везде, равнина, и молча кивнул.

— Тогда почему?

— Не знаю, дружище, — ответил Эдди, хотя, кажется, и догадывался, в чем тут дело. Поглядев на Роланда, он понял, что тот тоже знает причину. Дорога, идущая под уклон — сверху вниз — к мосту, служила как бы дополнительным оборонительным средством. Вооруженный отряд, укрывшийся за бетонными стенами, мог без труда контролировать сразу оба редута, сконструированных во всех отношениях продуманно. Если бы защитникам города вдруг по каким-то причинам не приглянулся народ, приближающийся по Великому Тракту к Ладу, они со своих укрепленных позиций разбили бы этих незваных пришельцев, что называется, в пух и прах.

— Вы *правда* не знаете? — не унимался Джейк.

Эдди улыбнулся ему, упорно стараясь не думать о том, что какой-нибудь псих может сидеть за бетонной стеной и сейчас, готовый в любой момент сбросить на них большую ржавую бомбу.

— Без понятия.

Сюзанна тихонько, сквозь зубы, присвистнула.

— Это, Роланд, дорога в ад. А я-то надеялась, что мы распрощались уже с этой дурацкой упряжью, но, похоже, придется извлечь ее снова.

Он молча кивнул и полез в свой кошель.

Состояние Великого Тракта все ухудшалось по мере того, как другие дороги — поменьше — вливались в него, точно притоки в реку. Ближе к мосту булыжная мостовая сменилась покрытием, которое Роланд принял за металл, а остальные — за обыкновенный асфальт. Оно сохранилось не так хорошо, как булыжник, и

не столько даже под разрушительным влиянием времени, сколько из-за бесчисленных всадников и повозок, проехавших здесь с тех пор, как дорогу чинили в последний раз. Вся поверхность дороги теперь представляла собой предательски зыбкое месиво. Даже идти по ней было непросто, не говоря уж о том, чтобы катить здесь коляску Сюзанны. Об этом вообще не могло быть и речи.

Бетонные стены по обеим сторонам дороги становились все круче. Теперь у них наверху, вырисовываясь четкими силуэтами на фоне неба, торчали какие-то тонкие заостренные штуки. Роланду они напоминали наконечники громадных стрел, годных разве что для великанов; его спутникам — боевые ракеты или управляемые реактивные снаряды. Сюзанне представились почему-то ракеты «редстоунз», запускаемые с мыса Канаверал; Эдди подумал об обычных «зенитках», разбросанных по всей Европе и предназначенных к запуску с кузова грузовика; Джейк — о межконтинентальных баллистических, МБРах, упрятанных где-нибудь в бункерах, в глухомани, на безлюдных равнинах Канзаса или в малонаселенных горах Невады и запрограммированных на ответный удар по Китаю или СССР в случае ядерного Армагеддона. Все они чувствовали себя так, как будто вступили в зловещую и печальную зону мрака или вдруг оказались в какой-нибудь местности, над которой довлеет давнее, но все еще не потерявшее силу проклятие.

Через пару часов после того, как они вошли в эту мрачную зону — про себя Джейк назвал ее Прогоном, — бетонные стены закончились в точке, где, точно нити в центре паутины, сходилось с полдюжины подъездных дорог и где местность опять становилась открытой и просторной... к несказанному облегчению всех четверых, хотя никто из них не сказал об этом вслух. Над перекрестком висел еще один светофор, который больше, чем первый, напоминал устройства, знакомые Эдди, Сюзанне и Джейку. Когда-то со всех четырех его сторон были стекла, но их давным-давно выбили.

— Готова поклясться, некогда эта дорога считалась восьмым чудом света, — сказала Сюзанна. — А посмотреть на нее теперь! Не дорога, а минное поле какое-то!

— Старый путь иногда — самый лучший путь, — согласился Роланд, может быть, несколько невпопад.

Эдди показал пальцем на запад.

— Смотрите.

Теперь, когда им не мешали бетонные стены, путники увидели наконец то самое, о чем говорил старый Си за чашечкой горького кофе. «Не пути даже, а путь. Один путь, — сказал он тогда. — Проходит он по высокой насыпи из рукотворного камня, из которого древние строили улицы и дома». Рельс, протянувшийся с запада, при-

ближался к дороге прямой тонкой линией и, пересекая реку, уходил в город по золоченой узенькой эстакаде. Это простое, хотя вместе с тем элегантное сооружение — единственное из всего здесь увиденного не было тронуто ржавчиной, но даже в нем наблюдались серьезные повреждения. Примерно на полпути над рекой отсутствовал длинный кусок эстакады — она просто обрушилась в воду. То, что осталось от разорванного моста, напоминало два пальца, обвиняюще направленных друг на друга. Из воды под проломом торчала какая-то длинная металлическая труба. Когда-то она была ярко-синей, но теперь краска поблекла под расползшимися чешуйками ржавчины. На таком расстоянии труба казалась совсем небольшой.

— Вот и абзац их Блейну, — заметил Эдди. — Неудивительно, что они его больше не слышат. Опоры в конце концов дали дуба, как раз когда поезд ехал над рекой, и Блейн отправился на водопой. Он, наверное, тормозил, когда это случилось, иначе его бы вынесло чуть вперед и мы бы теперь лицезрели на том берегу большую воронку, как от взрыва. Ну что ж, он действительно был выдающимся чуваком, пока не почил тут в бозе.

— Мерси говорила, что был еще один поезд, — напомнила ему Сюзанна.

— Ну да. Только она еще говорила, что не слышала его уже лет семь-восемь, а тетушка Талита подсчитала: все десять. А ты как думаешь, Джейк... Джейк? Земля вызывает Джейка, Земля вызывает Джейка, прием, прием!

Джейк, который не отрываясь смотрел на утонувший поезд, только неопределенно пожал плечами.

— Спасибо, Джейк, ты нам очень помог, — съязвил Эдди. — Всегда у тебя наготове какой-нибудь дельный совет — вот за что я тебя и люблю. За это мы все тебя любим.

Джейк никак на это не прореагировал. Он знал: этот поезд в реке — не Блейн. Потому что он синий, то есть когда-то был синим, а Блейн... Блейн розовый. Того же бледно-розового оттенка, что и жвачка со вкладышами про бейсбол. Во всяком случае, Блейн был таким в его сне.

Роланд тем временем закрепил на груди ремни упряжи, на которой раньше переносил Сюзанну.

— Эдди, будь добр, подсади свою леди на эту штуковину. Нам пора двигать. Хочется, знаешь ли, рассмотреть все поближе.

Джейк оторвал взгляд от синего поезда и нервно взглянул на маячивший впереди мост. Оттуда, но как-то смутно, словно издалека, доносился высокий посвист — гул ветра в прогнивших креплениях, соединяющих верхние тросы с бетонным настилом.

— Вы думаете, не опасно там будет переходить? — спросил он.

— Завтра увидим, — ответил Роланд.

9

Уже на следующее утро путники вышли к мосту и остановились у самого края, глядя на Лад. Мечты Эдди о мудрых эльфах, хранящих знания и древнюю технологию, которые могли бы весьма пригодиться «измученным странникам», постепенно иссякли. Теперь, когда они подошли поближе, он разглядел прорехи в городском пейзаже — темные дыры на месте сгоревших или взорванных кварталов. Ломаная линия горизонта напоминала ему челюсть истлевшего трупа, из которой частично выпали зубы.

Да, многие здания еще сохранились, но вид у них был мрачный и явно нежилой, отчего даже Эдди пришел в уныние, обычно ему не свойственное. Мост, отделявший сейчас путников от этого полуразрушенного лабиринта из бетона и стали, вовсе не производил впечатление крепкого и надежного сооружения, выстроенного на века. Слева его вертикальные тросы безвольно обвисли; тросы справа, казалось, звенели от напряжения. Настил представлял собой ряд полых бетонных плит, обтесанных в виде трапеций, причем какие-то плиты торчали едва ли не вертикально, обнаруживая свои темные пустые внутренности, а какие-то завалились набок. Многие из них только потрескались, но были там и такие, которые полностью раскрошились, и на их месте зияли дыры, куда запросто мог провалиться целый грузовик — *большой* грузовик. Сквозь эти дыры проглядывали грязный берег и серовато-зеленые воды Сенда. Эдди прикинул, что посередине моста расстояние между водой и настилом составляет не меньше трех сотен футов. И это еще по весьма умеренной оценке.

Взглянув на громадные бетонные кессоны, к которым крепились основные тросы, Эдди про себя отметил, что правый кессон, похоже, был наполовину выворочен из земли. Он решил, что лучше не заострять внимание своих друзей на этом весьма неприятном факте: достаточно уже того, что мост раскачивался из стороны в сторону — не очень сильно, но все же заметно. От одного только взгляда на это его стало слегка подташнивать.

— Ну? — спросил он Роланда. — Что скажешь?

Роланд показал на правую сторону моста. Там тянулась накренившаяся пешеходная дорожка шириной примерно пять футов. Она проходила поверху небольшого возвышения, сложенного из бетонных плит, и представляла собой, по сути, отдельный настил, который крепился к нижнему тросу — или, может быть, к толстому стальному стержню, подвешенному к главным несущим тросам с помощью громадных изогнутых скоб. Эдди с живым интересом занялся изучением ближайшей из них, как это делает человек, которому скоро придется доверить свою драгоценную жизнь

изучаемому объекту. Скоба, хотя и проржавевшая, казалась достаточно крепкой. На поверхности он разглядел заводское клеймо ЛИТЕЙНЫЙ ЦЕХ ЛАМЕРКА — и с изумлением сообразил, что он уже не в состоянии различить, сделана надпись на Высоком Слоге или на простом английском.

— Мне кажется, он нас выдержит, — сказал Роланд. — В общем-то он ничего — там только одно ненадежное место. Видите?

— Да уж... трудно его не заметить.

Мост — длиной примерно три четверти мили — не ремонтировался как следует, наверное, тысячу лет, если не больше, но, по мнению Роланда, основной ущерб был ему причинен лишь за последние лет пятьдесят. Когда полопались правые тросы, мост накренился влево. С годами крен становился все больше и больше, причем наибольший изгиб приходился примерно на середину моста, между двумя крепежными башнями высотой четыреста футов каждая. В точке, где напряжение изгиба достигало предела, в бетонном настиле зияла дыра в форме глаза. Провал в пешеходной дорожке был у́же, но тем не менее и в ней не хватало по крайней мере двух смежных секций, так что расстояние между краями «прорехи» составляло футов двадцать, если не все тридцать. Под тем местом, где когда-то стояли упавшие плиты, был отчетливо виден стальной проржавевший стержень или, может быть, трос, к которому крепилась дорожка. По этому тросу — или, может быть, стержню — им и придется идти, иначе им просто не перебраться через провал.

— Да, мы вполне можем здесь перейти, — невозмутимо заметил Роланд. — Провал этот, конечно, не самое лучшее место для пешей прогулки, но перила, я вижу, на месте, так что нам будет хотя бы за что держаться.

Эдди кивнул, стараясь выглядеть спокойным, хотя сердце бешено колотилось в груди. Обнаженный трос, на котором держалась дорожка, с виду напоминал трубу, сделанную из стальных сегментов. Ширина его в верхней части составляла не более четырех футов. Его богатое воображение тут же нарисовало заманчивую картину, как они будут перебираться через этот провал: ноги, что называется, враскоряку, тело немного клонится назад для поддержания равновесия, руки цепляются за поручни, а мост тем временем ходит туда-сюда, медленно, но ощутимо, как корабль при слабой качке.

— Господи, — выдохнул он и попытался сплюнуть, но ничего у него не вышло. В горле совсем пересохло. — А ты уверен, Роланд?

— Как я понимаю, другого пути просто нет. — Роланд вытянул руку, указывая вниз по течению реки, и Эдди увидел еще один мост. Вернее, не мост, а его опоры — сам мост давным-давно рухнул в Сенд.

Остатки его торчали из воды ржавым сплетением древних стальных деталей.

— А ты что думаешь, Джейк? — осведомилась Сюзанна.

— А-а, какие проблемы?! — отмахнулся Джейк, при этом даже улыбаясь.

— Я тебя ненавижу, пацан, — сказал Эдди.

Роланд с некоторой тревогой покосился на Эдди.

— Если ты чувствуешь, что не сможешь, лучше скажи сейчас. Будет хуже, если, пройдя половину пути, ты застрянешь там на середине.

Эдди еще раз с тоской оглядел изогнутый настил моста, а потом кивнул:

— Думаю, я осилю. Вообще-то я боюсь высоты, но я справлюсь.

— Хорошо. — Роланд обвел взглядом всех троих своих спутников. — Раньше начнем, раньше кончим. Я пойду первым, с Сюзанной. Потом — Джейк. Потом Эдди. С коляской-то справишься?

— А-а, какие проблемы?! — процитировал Эдди Джейка, борясь с острым приступом головокружения.

— Тогда вперед.

10

Как только Эдди ступил на пешеходную дорожку, страх накрыл его ледяной волной, и он начал смутно подозревать, что совершил опаснейшую ошибку. Тогда, на твердой земле, ему представлялось, что мост качается только чуть-чуть, но теперь Эдди чудилось, что он стоит на маятнике самых больших часов в мире. Мост качался хотя и медленно, но постоянно, в размеренном ритме, и амплитуда его колебаний оказалась гораздо больше, чем ему думалось сначала. Поверхность дорожки пестрела трещинами и заметно кренилась влево, градусов на десять, не меньше. Ноги скользили по бетонному крошеву, каждый шаг отзывался противным скрипом трущихся друг о друга плит. С той стороны моста ломаные очертания города медленно качались туда-сюда, словно искусственный горизонт самой медленной в мире видеоигры.

Наверху, в туго натянутых тросах, беспрерывно скулил ветер. Под ногами земля круто обрывалась глинистым северо-западным берегом Сенда. Эдди прошел тридцать футов... потом шестьдесят... сто десять. Скоро он будет уже над водой. При каждом шаге о левую ногу его ударялась коляска Сюзанны.

Между ног у него стремительно проскочило что-то лохматое. Правой рукой Эдди судорожно вцепился в ржавые перила, едва сдержав крик. Мимо прошмыгнул Ыш, подняв на ходу острую мордочку, словно говоря: *Прошу прощения — иду на обгон.*

— Гребаная зверюга, — процедил Эдди сквозь зубы.

Он неожиданно обнаружил, что, хотя смотреть вниз ему было ужасно противно, еще противнее было глядеть наверх, на стальные канаты, еще как-то скреплявшие верхние тросы с настилом. Кое-где сквозь толстенный слой ржавчины, покрывающий тросы, проступали пучки металлических нитей — как будто куски стальной ваты. Его дядя Рег, маляр по профессии, который в свое время красил и мост Вашингтона, и мост Трайборо, как-то ему разъяснил, что несущие тросы и скрепляющие канаты «сплетены» из тысяч стальных нитей. Здесь, на этом дурацком мосту, эта «плетенка» уже рвалась. Вертикальные тросы начали расплетаться — в буквальном смысле, — и отдельные нити лопались от перегрузок одна за другой.

Если уж он не свалился до этого, то с чего бы ему навернуться теперь? Ты считаешь, он должен обрушиться в реку потому только, что ты сейчас по нему шагаешь? Не льсти себе.

Эти мысли, однако, не принесли желанного облегчения. Нельзя, конечно, знать наверняка, но Эдди был почему-то уверен, что за последние несколько десятилетий они были первыми, кто решился перейти на ту сторону по мосту. К тому же когда-то мост должен обрушиться, и, судя по жалкому его виду, это случится уже в обозримом будущем. Может быть, их совокупный вес и станет той самой соломинкой, что переломит верблюду хребет.

Он споткнулся о кусок бетона и замер на месте, глядя — при этом борясь с подступающей тошнотой, но не в силах оторвать взгляд, — как камешек падает вниз, вниз и вниз, кувыркаясь в полете. Потом раздался слабый всплеск — очень слабый — это камень ударился о поверхность воды. Порыв студеного ветра прижал рубашку к вспотевшей коже. Мост стонал и качался. Эдди попробовал оторвать руки от перил, но они как будто примерзли к ржавому металлу.

На мгновение Эдди закрыл глаза. *Ты здесь не застрянешь. Ты здесь не застрянешь. Я... я тебе запрещаю. Если тебе обязательно нужно на что-то смотреть, смотри лучше на эту длинную образину по имени Роланд.* Эдди открыл глаза, сфокусировал взгляд на стрелке, заставил себя разжать руки и снова двинулся вперед.

II

Роланд оглянулся, остановившись у края провала посередине моста. Джейк встал в пяти футах за ним. Следом за Джейком — Ыш. Ушастик весь съежился, припав к плитам настила и вытянув шею вперед. Над рекой, на открытом пространстве, ветер усилился. Роланд видел, как ветер шевелит шелковистую шерстку

на спинке зверька. Эдди заметно отстал и колупался теперь футах в двадцати пяти позади Джейка. Лицо его было напряжено, оно даже как будто осунулось, но он тем не менее продвигался вперед, волоча за собой сложенную коляску Сюзанны. Коляску он держал левой рукой, а правой мертвой хваткой вцепился в поручень.

— Сюзанна?

— Да, — мгновенно отозвалась она. — Я в порядке.

— Джейк?

Мальчик поднял глаза на стрелка. Он по-прежнему улыбался, так что Роланд лишний раз убедился, что с Джейком проблем не возникнет. Мальчишка, похоже, ловил кайф. Еще бы — от такого-то приключения! Ветер сдувал непослушные пряди с его чистого и красивого лба. Глаза у него сверкали. Он ничего не сказал, только поднял большой палец кверху. Роланд улыбнулся и ответил ему тем же жестом.

— Эдди?

— Обо мне не волнуйся.

Эдди как будто смотрел в его сторону, но Роланд решил, что на самом деле он смотрит не на него, а на кирпичные здания без окон, лепящиеся друг к другу на том берегу — на дальнем конце моста. Все правильно: с учетом его очевидной боязни высоты это, наверное, лучшее, что сейчас можно сделать, чтобы уберечься от страха и сохранить хладнокровие.

— Ладно, как скажешь, — пробормотал Роланд. — Сейчас мы попробуем перебраться через эту дыру, Сюзанна. Главное, не напрягайся. И никаких резких движений. Понятно?

— Понятно.

— Если хочешь устроиться поудобнее, сделай это сейчас.

— Мне удобно, Роланд, — спокойно проговорила она. — Я только за Эдди волнуюсь.

— Эдди теперь стрелок. И он будет вести себя соответственно.

Роланд повернулся вправо, лицом по течению реки, взялся за перила и медленно двинулся по проржавелому тросу, огибая провал.

12

Джейк подождал, пока Роланд с Сюзанной не дойдут почти до конца провала, и тоже ступил на трос. Ветер не унимался, мост качался туда-сюда, но мальчик вовсе не переживал. Если честно, он просто балдел. В отличие от Эдди он никогда не боялся высоты: ему нравилось здесь, откуда ему открывался вид на реку, что змеилась, как лента из стали, под небом, на котором уже появлялись первые облака.

Где-то на полпути между краями провала (Роланд с Сюзанной уже благополучно его миновали и, находясь теперь на пешеходной дорожке, наблюдали за остальными) Джейк оглянулся, и сердце его ушло в пятки. Обсуждая свое прохождение по мосту, они совершенно забыли еще одного полноправного члена их маленького отряда. На дальнем краю пролома, там, где кончалась дорожка, сидел, сжавшись в комочек, Ыш. Ушастик, явно напуганный, обнюхивал место, где обрывалась бетонная кладка, а дальше тянулся лишь перекрученный ржавый трос.

— Иди ко мне, Ыш! — позвал Джейк.

— Ыш! — тявкнул ушастик в ответ, и голос его дрогнул почти по-человечески. Он вытянул длинную свою шею по направлению к Джейку, но с места не сдвинулся. В огромных глазах с золотым ободком затаился страх.

Налетел очередной порыв ветра. Мост застонал и качнулся. Что-то звякнуло над головой у Джейка — звук гитарной струны, которую натягивали до тех пор, пока она наконец не лопнула. С ближайшего вертикального троса сорвалась стальная нить, едва не расцарапав ему щеку. В десяти футах, у самого края провала, сидел, съежившись, бедный Ыш, не сводивший с Джейка испуганных глаз.

— Давай! — крикнул Роланд. — Иди сюда, Джейк! Ветер усиливается!

— Ыша я не оставлю!

Джейк осторожно двинулся обратно. Но не успел он сделать и двух шагов, как Ыш с опаской ступил на несущий стержень. Когти зверька на концах напряженных полусогнутых лапок царапали закругленную металлическую поверхность. Эдди, сам стоящий теперь на краю провала, чувствовал себя абсолютно беспомощным. Он был до смерти перепуган.

— Молодец, Ыш! — подбадривал Джейк ушастика. — Иди ко мне!

— Ыш-Ыш! Эйк-Эйк! — выкрикнул зверек и, быстро перебирая лапками, засеменил по стержню. Он уже был рядом с Джейком, как вдруг опять налетел порыв предательского ветра. Мост покачнулся. Ыш судорожно выпустил когти, но ему было не за что зацепиться на гладкой поверхности стержня. Задние лапы его соскользнули и повисли в воздухе, беспомощно трепыхаясь, — передними он цеплялся за стержень, не находя подходящей опоры.

Джейк отпустил перила и бросился ему на помощь, не видя перед собой ничего, кроме испуганных глаз с золотым ободком.

— *Нет, Джейк!* — закричали одновременно Роланд и Эдди, каждый — со своей стороны провала, но и тот, и другой были слишком далеко. Им оставалось только наблюдать.

Джейк упал ничком, больно ударившись о стержень грудью и животом. Ранец шлепнул его по лопаткам. Зубы щелк-

нули — звук был похож на щелчок разбивающего пирамиду бильярдного шара. Налетел очередной порыв ветра. Джейк подался вперед, схватившись правой рукой за стержень, а левую протянув к Ышу, который болтался над пропастью. Ушастик сорвался со стержня, но все же — в последний момент — сумел уцепиться зубами за протянутую руку Джейка. Боль, острая и мгновенная, пронзила кисть. Джейк закричал, но удержался, уперев подбородок в грудь, правой рукой обнимая стержень и прижимаясь коленями к отвратительно гладкой поверхности. Как цирковой акробат, Ыш висел на левой его руке, глядя на мальчика сверху вниз широко распахнутыми глазами с золотым ободком. Джейк увидел теперь, как по мохнатой мордочке зверька тонкими струйками течет кровь — его кровь.

А потом опять налетел ветер, и Джейк начал соскальзывать с гладкого стержня.

13

Страх как рукой сняло. Его заменило спокойствие, странное, может быть, но спасительное. Эдди с грохотом бросил коляску Сюзанны на потрескавшийся бетон пешеходной дорожки и рванулся вперед по несущему стержню, даже не держась за перила. Джейк висел вниз головой над пропастью, а на левой его руке мохнатым маятником болтался Ыш. Правой рукой мальчик еще держался, но она медленно сползала со стержня.

Эдди расставил ноги и с разгона уселся на стержень верхом, больно ударившись яйцами. Они как будто расплющились и размазались по низу живота, но в те пронзительные мгновения даже эта невыносимая боль показалась ему далекой и незначительной. Схватив одной рукой Джейка за волосы, другой вцепившись в ремень его ранца, Эдди почувствовал, что он сам начинает соскальзывать. Он уже думал — пусть в течение секунды, но эта секунда была кошмаром, — что сейчас они все втроем свалятся в реку.

Отпустив волосы Джейка, Эдди взялся покрепче за ремень ранца, моля Бога, чтобы ранец не оказался прикупленным на какой-нибудь дешевой распродаже. Свободной рукой он попытался нащупать перила. Еще мгновение — долгое и мучительное — их «живая цепочка» продолжала соскальзывать вниз, но потом ему все-таки удалось найти поручень и вцепиться в него мертвой хваткой.

— РОЛАНД! — заорал он дурным голосом. — Я БЫ, НАВЕРНОЕ, НЕ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПОМОЩИ!

Но Роланд был уже рядом — с Сюзанной за плечами. Когда он наклонился, она обхватила его за шею, чтобы не выва-

литься из упряжи. Стрелок подхватил Джейка под грудь и вытащил его наверх. Едва коснувшись ногами поверхности стержня, мальчик приобнял дрожащее тельце ушастика. Правой рукой. Левая вся болела, как будто он ее отморозил и обжег одновременно.

— Отпусти руку, Ыш! — выдавил он через силу. — Теперь уже можно... мы в безопасности.

На мгновение ему показалось, что зверек не послушается его. Но потом — очень медленно — челюсти Ыша разжались, и Джейк сумел высвободить руку. Кисть была вся в крови, сочащейся из небольших темных дырочек.

— Ыш, — жалобно проскулил ушастик, и Эдди с изумлением заметил, что в странных глазах зверька блестят слезы. Вытянув шею, Ыш лизнул Джейка в лицо перепачканным в крови язычком.

— Все хорошо, — сказал Джейк, пряча лицо, искаженное от потрясения и боли, в шелковистой и теплой шерстке. В глазах его тоже стояли слезы. — Не волнуйся, теперь все в порядке. Ты здесь ни при чем, просто так получилось. Нет, правда, я не сержусь.

Эдди медленно поднимался на ноги. Лицо его было землистого цвета, а сам он чувствовал себя так, будто ему запустили по яйцам твердым шаром для игры, скажем, в кегли. Он украдкой засунул руку за пояс джинсов, чтобы исследовать степень полученных повреждений.

— Отцом мне, по-моему, уже не быть, — хрипло выдавил он. — Твою мать.

— Ты не хлопнешься в обморок, Эдди? — участливо осведомился Роланд. Очередной порыв ветра сорвал шляпу с его головы и швырнул ее в лицо Сюзанне, которая схватила ее и натянула стрелку на голову по самые уши, отчего Роланд стал похож на полоумного дремучего фермера.

— Нет, — простонал Эдди. — Я бы очень хотел, но, друзья мои...

— Вы посмотрите на Джейка, — сказала Сюзанна. — Он весь в крови.

— Я в порядке. — Джейк попытался спрятать руку за спину. Роланд, однако, опередил его и осторожно взял ее обеими руками. На ладони и пальцах Джейка темнели точечные ранки. Около дюжины кровоточащих ранок, в основном довольно глубоких. Сейчас невозможно было определить, повреждены ли там кости и сухожилия. Для этого Джейку надо согнуть кисть и попытаться сжать ее в кулак, но пока что и время, и место для этого эксперимента были не самыми подходящими.

Роланд поглядел на Ыша. Ушастик тоже уставился на него своими печальными и испуганными глазами. Он не стал даже слизывать с мордочки Джейкову кровь, хотя любое другое животное на его месте поступило бы именно так.

— Вы оставьте его. — Джейк еще крепче прижал зверька к груди. — Он ни в чем не виноват. Наоборот, это я виноват, что забыл про него. А его сдуло ветром.

— Не собираюсь я ничего ему делать. — Роланд был уверен, что ушастик не бешеный, но все-таки не хотел давать животному возможность и дальше пробовать на вкус кровь Джейка. А что касается остальных болезней, которые могут таиться в крови зверька... что ж, в конечном итоге *ка* все равно распорядится по-своему, как это всегда и бывает. Сняв с шеи платок, Роланд утер Ышу мордочку. — Ну вот, — сказал он. — Хороший мальчик. Хороший.

— Оший, — слабенько взвизгнул ушастик, и Сюзанна, которая выглядывала из-за плеча Роланда, могла бы поклясться, что слышала в голосе Ыша нотки благодарности.

Налетел очередной порыв ветра. Погода, похоже, портилась. Причем быстро.

— Эдди, нам надо как можно скорее сойти с моста. Ты идти-то можешь?

— Нет, хозяин. Я лучше подохну на месте. — Боль в паху и в нижней части живота по-прежнему не отпускала, но по сравнению с тем, что было еще минуту назад, она значительно поутихла.

— Замечательно. Значит, вперед. И как можно быстрее.

Роланд повернулся, занес уже ногу, чтобы сделать шаг, и вдруг замер на месте. На той стороне провала стоял какой-то мужик. Просто стоял и бесстрастно на них смотрел.

Незнакомец приблизился к ним незаметно, пока все их внимание было поглощено Джейком и Ышем. Из-за плеча у него торчал лук. Волосы он подвязал ярко-желтым платком, концы которого развевались на свежем ветру, как знамена. В ушах у него были серьги: золотые кольца с крестами посередине. Один глаз закрывала белая шелковая повязка. Все лицо его покрывали язвы, налитые кровью, в основном подсохшие, но были там и открытые ранки, из которых сочился гной. Ему могло быть и тридцать, и сорок, и все шестьдесят. Он держал одну руку высоко поднятой над головой. В руке что-то было. Роланд толком не разглядел, понял только, что форма предмета была слишком правильной для простого камня.

За спиной незнакомца высился город. Очертания его выступали на удивление четко в угасающем свете дня, что придавало всему городскому пейзажу какой-то таинственный потусторонний вид. Только теперь, глядя мимо кирпичных строений, сгрудившихся на том берегу — наверняка какие-нибудь склады, давным-давно опустошенные мародерами и грабителями, — на эти сумрачные бетонные каньоны и каменные лабиринты, Эдди впервые, наверное, осознал, какими ужасно ошибочными и отчаянно глупыми

были его надежды на помощь. Теперь он увидел разрушенные фасады и снесенные крыши; увидел лохматые птичьи гнезда на погнутых карнизах и в пустых нишах окон; теперь он позволил себе по-настоящему *вдохнуть* воздух этого города; и запах, который он ощутил, нес в себе не ароматы редчайших приправ, специй и деликатесов вроде тех, которые его мама приносила время от времени от Забара, а скорее прогорклую вонь матрасов, попавших в огонь и здорово там обгоревших, причем тушили их явно водой из сточной канавы. Внезапно он понял, что это такое — Лад. Понял, как говорится, до самой сути. Какие там добрые мудрые эльфы?! Этот ухмыляющийся пират, который подкрался к ним незаметно, пока они занимались спасением Джейка и Ыша и ни на что больше не обращали внимания, — он, может быть, самое лучшее из того, что способен «родить» этот сломленный и умирающий город.

Роланд вытащил револьвер.

— Убери свою пушку, приятель, — сказал «пират» с желтой повязкой на голове, причем с таким сильным акцентом, что его едва можно было понять. — Убери ее, сердце мое. Я вижу, ты парень крутой, но со мной тебе лучше свою крутизну поунять.

14

На незнакомце были латаные-перелатаные штаны из зеленого бархата. Он действительно походил на пирата на закате своих славных дней: больной и потрепанный, но по-прежнему очень опасный.

— А что, если я его не уберу? — спросил Роланд. — Что, если я, скажем, просто всажу сейчас пулю в твою гнилую башку?

— Тогда я отправляюсь в ад и успею еще придержать вам дверь, потому что вы сразу последуете за мной. — Мужик с желтой повязкой на голове издал хриплый смешок и помахал рукой с зажатой в ней непонятной штуковиной. — Мне-то, собственно, один хрен: что так, что этак.

Роланд подумал, что это правда. По всему судя, жить незнакомцу осталось не больше года... причем последние месяцы этого года будут не самыми лучшими и приятными в его жизни. Гноящиеся язвы у него на лице не имели никакого отношения к радиации: если только Роланд не ошибался — а это вряд ли, — мужик этот дошел до последней стадии болезни, которую доктора называют «мандрус», а все остальные — попросту «блядским цветочком». Столкновение с опасным противником — штука во всех отношениях неприятная, но у тебя все-таки есть возможность рассчитать свои шансы. Когда твой противник — мертвец, это меняет все.

— Знаете, что у меня в руке, мои сладкие? — продолжал пират. — Знаете, что старина Гашер приберег для своих добрых друзей? Это граната... наследство наших многомудрых Старцев... и я уже снял с нее шляпку. Потому что невежливо было бы оставаться при шляпе, когда ты знакомишься с новым народом. А мы тут все жутко вежливые, вот так-то!

Он опять хохотнул, довольный, а потом лицо его снова посуровело и стало серьезным. От былого веселья не осталось и следа, как будто где-то в глубине его вырождающихся мозгов кто-то щелкнул невидимым переключателем.

— Теперь, дорогие мои, чеку ее держит только мой немощный пальчик. Если вы меня грохнете, будет, я вас уверяю, большой «бабах». Ты и эта твоя проблядушка, которую ты на закорках тащишь... вы оба просто взлетите на воздух. И малец ваш тоже. А молодой человек, который стоит у тебя за спиной и тычет в меня своим жалким игрушечным пистолетиком, он, может, и выживет... пока не долетит до воды... а он туда полетит обязательно, потому что последние сорок лет мост этот висит на соплях, и чтобы он разлетелся ко всем чертям, одного небольшого «бабаха» хватит. Так что давай убирай свою пушку... или ты предпочтешь, чтобы все мы отправились в пекло в одной тележке?

Роланд помедлил еще мгновение, решая, стоит ли пытаться выбить выстрелом эту штуковину, которую Гашер назвал гранатой, у него из руки, но, увидев, как крепко тот сжимает ее в кулаке, неохотно убрал револьвер в кобуру.

— Вот так-то лучше! — завопил Гашер, снова повеселев. — Я так и думал, что ты мужик умный — стоит лишь раз на тебя посмотреть. О да! Именно так я и думал.

— Чего тебе надо? — спросил Роланд, хотя все уже понял.

Гашер поднял свободную руку и указал грязным пальцем на Джейка.

— Малец. Отдайте мне пацана, и вы все свободны.

— А не всадил бы ты себе в задницу? — мгновенно отреагировала Сюзанна.

— А почему бы и нет? — расхохотался пират. — Дайте мне, что ли, осколочек зеркала... я бы себе резанул, а потом вставил куда положено. Почему бы и нет, раз он уже ни на что не годится? Да я даже поссать не могу спокойно — так все и жжет огнем! — Его глаза странного, как будто приглушенного серого оттенка все время следили за Роландом. — Ну так что скажешь, мой добрый друг?

— А если я отдаю тебе парня, что будет с нами?

— Я же сказал: можете топать своей дорогой, мы ничего вам не сделаем! — тут же ответил мужик с желтой повязкой

на голове. — Даю вам слово Тик-Така. Он сказал это мне, я говорю это вам, и так все и будет, как он сказал. Тик-Так — тоже парень крутой и, давши слово, его не нарушит. Правда, я не ручаюсь за младов, на которых вы можете там налететь, но седые Тик-Така вас пальцем не тронут.

— Ты о чем, мать твою, *говоришь*, Роланд? — заорал Эдди. — Ты же не собираешься в самом деле... скажи, что нет!

Не глядя на Джейка, Роланд тихонько шепнул, причем губы его даже не пошевелились:

— Я сдержу свое обещание.

— Да... я знаю. — Потом Джейк повысил голос: — Уберите револьвер, Эдди. Я решу сам.

— Джейк, *ты с ума сошел!*

Пират весело расхохотался.

— Он-то как раз не сошел, дорогуша! А вот ты точно не в своем уме, если мне не веришь. По крайней мере пока он с нами, барабаны ему не страшны, вот так-то. И подумай своей головой: если бы я тут шутил, я бы потребовал в первую очередь, чтобы вы все повыкинули пистолеты! Проще пареной репы! А я стал это делать? Не стал!

Сюзанна слышала, что сказал Роланд Джейку. И кроме того, у нее было время сообразить, что при таком положении вещей их шансы равны нулю.

— Убери пистолет, Эдди, — сказала она.

— Откуда мы знаем, а вдруг он швырнет в нас гранату, когда заполучит мальчишку? — выкрикнул Эдди.

— Я собью ее в воздухе, — невозмутимо ответил Роланд. — Я могу. И он знает, что я могу.

— Может, и знаю. Видок у тебя убедительный, это точно.

— Если только он не заливает, — продолжал Роланд, — ему все равно абзац, даже если я промахнусь. Мост обрушится, и мы грохнемся вниз все вместе.

— Мудрые речи, сынок! — похвалил его Гашер. — Ты действительно не дурак, честное слово. — Он хохотнул, а потом, посерьезнев опять, продолжал доверительным тоном: — Ладно, друзья мои, хватит молоть языком. Решайте. Я беру пацана или мы дружной толпой отправляемся к праотцам?

Не успел Роланд и рта раскрыть, как Джейк проскользнул мимо него по несущему стержню. Правой рукой он по-прежнему прижимал Ыша к груди, а левую — всю в крови, неподвижную — неловко держал перед собой.

— *Джейк, нет!* — в отчаянии завопил Эдди.

— Я приду за тобой, — шепнул Роланд Джейку вслед.

— Да, я знаю, — повторил Джейк.

Налетел очередной порыв ветра. Мост застонал и качнулся. По водам Сенда теперь пошла рябь пенистых гребешков. Река бурлила, обтекая белой пеной обломки синего поезда, который торчал из воды чуть выше по течению.

— Ах ты, мой зайчик! — проворковал Гашер, растянув губы в улыбке, обнаружившей редкие зубы, что торчали из белых десен, точно прогнившие до основания могильные камни. — Иди ко мне, моя крошка! Иди.

— Роланд, а если он просто блефует?! — закричал Эдди. — Может быть, у него пустышка?!

Стрелок как будто не слышал.

Когда Джейк приблизился к дальнему краю провала, Ыш вдруг оскалился и зарычал на Гашера.

— Брось его в реку, этот лохматый мешок с кишками, — сморщился Гашер.

— А пошел ты... — ответил на это Джейк все тем же спокойным, бесстрастным тоном.

Пират на мгновение опешил, потом кивнул:

— Любимец твой, значит? Отлично. — Он отступил на два шага назад. — Тогда, как только выйдешь на бетон, опусти его. Если он бросится на меня, я тебя предупреждаю: так ему наподдам — мозги полетят из его нежной маленькой жопки.

— Жопки, — тявкнул Ыш, продолжая скалиться.

— Заткнись, Ыш, — буркнул Джейк. Он добрался до края бетонной дорожки как раз в тот момент, когда ветер опять качнул мост. На этот раз звуки рвущихся стальных нитей, казалось, неслись отовсюду. Джейк оглянулся: Роланд и Эдди стояли на металлическом стержне, вцепившись в перила. Из-за плеча Роланда выглядывала Сюзанна. Ветер трепал ее густые и жесткие курчавые волосы. Джейк поднял руку и помахал им. Роланд помахал в ответ.

На этот раз вы мне не дадите упасть? — спросил он вначале. — *Нет... теперь никогда,* — ответил тогда Роланд, и Джейк поверил ему... Верил и сейчас, только очень боялся всего того, что могло бы произойти, прежде чем Роланд придет за ним, как обещал. Он опустил Ыша на бетонную плиту. В тот же миг Гашер рванулся вперед, носком сапога целясь в зверька. Ыш отскочил, и Гашер промахнулся.

— Беги! — закричал Джейк. Ему не пришлось просить Ыша дважды. Ушастик проскочил мимо них и, склонив голову, помчался к концу моста, в сторону Лада, огибая на бегу небольшие проломы и перепрыгивая через трещины на пешеходной дорожке. Он бежал не оглядываясь. А буквально мгновение спустя шею Джейка сдавила рука Гашера. От него несло застарелой грязью и заживо гниющей плотью. Смешиваясь, эти два «аромата» составляли

28 Зак. 722

единую едкую вонь, невыносимую и отвратительную. Джейка едва не стошнило.

Гашер прижался пахом к ягодицам Джейка.

— Может быть, я еще кое на что и сгожусь. Говорят ведь, что молодость — это вино, опьяняющее стариков. Мы еще повеселимся с тобой, мой зайчик. Правда, мы здорово повеселимся? Так, что ангелы сдохнут от зависти.

О Господи! — подумал Джейк.

Гашер снова повысил голос:

— Ладно, мы, значит, пойдем, мои крутые донельзя друзья. Нас ждут великие дела и великие люди, можете мне поверить. Но свое обещание я выполню. Что касается вас, если вы умные, вы постоите на месте еще с четверть часика. Если вдруг я увижу, что вы сошли с места, мы все дружно отправимся в мир иной. Все понятно?

— Понятно, — ответил Роланд за всех.

— Мне терять нечего, ты понимаешь?

— Да.

— Вот и славненько. Топай, малыш! Шевелись!

Он сдавил шею Джейка, так что тот едва не задохнулся. Одновременно он потянул мальчика за собой. Так они и отступали — лицом к провалу, где стояли Роланд с Сюзанной за плечами и Эдди, сжимающий «ругер», который Гашер назвал игрушечным пистолетиком. Джейк чувствовал, как Гашер дышит ему в ухо — горячо и прерывисто. И, что самое гадкое, изо рта у него воняло.

— И не пытайся меня обхитрить, — шепнул Гашер, — иначе я оторву твои юные прелести и засуну их тебе в задницу. Жалко будет, конечно, лишиться такого сокровища до того еще, как представится случай его опробовать. Да, очень жалко. И очень прискорбно.

Так они добрались до конца моста. Джейк весь напрягся — испугался, что Гашер бросит сейчас гранату, но он не бросил... по крайней мере сразу не бросил. Он оттащил Джейка по узкому переулку между двумя небольшими строениями, где когда-то, наверное, располагалась тюрьма для особо опасных преступников. Дальше за ними маячили стены кирпичных складов, похожих на мрачные камеры.

— А теперь, котик, я отпущу твою шейку, а то как же ты будешь дышать на бегу? Но я буду держать тебя за руку, так что смотри, чтоб бежал мне быстрее ветра, иначе я вырву ее, твою сладкую ручку, и ею же отколочу тебя, как дубиной. Это я тебе обещаю. Все понял?

Джейк кивнул головой. Рука, сжимающая его шею, внезапно разжалась. Как только дыхание вернулось к нему, он снова почувствовал боль в израненной руке — она как будто распухла и горела огнем. Но тут Гашер схватил его выше локтя, и Джейк снова забыл про боль: пальцы, сжимающие его бицепс, напоминали по ощущениям стальные тиски.

— Трех-дибидох-трих-трах! — выкрикнул Гашер неестественно бодрым фальцетом и помахал остальным гранатой. — Пока, ребята! — Он повернулся к Джейку и прорычал ему в ухо: — А теперь, котик мой ненаглядный, *беги!* Ну!

Он рывком развернул Джейка спиной к мосту и дернул так, что тот просто был вынужден ринуться с места в карьер. Они соскочили с развороченного пандуса и понеслись вдоль по улице. Джейк подумал еще, что, наверное, так мог бы выглядеть въезд на Ист-Ривер лет через триста после того, как какая-нибудь мозговая чума скосила бы всех нормальных — то есть душевно здоровых — людей на планете.

Древние металлические каркасы, проржавевшие до основания, тянулись в два ряда по обеим сторонам проезжей части. Когда-то они, без сомнения, были автомобилями. В большинстве своем «родстеры» в форме больших пузырей. Джейк в жизни не видел таких машин (разве что в диснеевских мультиках, где герои-пижоны в белых перчатках разъезжали на тачках подобного типа), но среди них он заметил жучок-«фольксваген», потом еще автомобиль, который мог быть «шевроле-корветом», и еще что-то вроде «форда» модели А. Жутковатое, надо отметить, зрелище. Джейк не увидел ни одной шины: то ли их растащили, то ли они давно сгнили, рассыпавшись в прах. Все стекла были повыбиты самым варварским образом, как будто уцелевшие жители этого города боялись до смерти всего, в чем можно было увидеть — пусть даже случайно и мимоходом — свое отражение.

Между машинами и под ними валялись кучи металлических деталей неизвестного происхождения и назначения и яркие осколки стекла. В стародавние — лучшие — времена вдоль тротуара росли деревья, посаженные аккуратными рядами, но теперь все они были столь очевидно мертвы, что напоминали скорее металлические скульптуры, застывшие на фоне унылого неба, затянутого облаками. Несколько складских зданий являли собой печальнейшее зрелище: их то ли взорвали, то ли они обрушились сами, обветшав окончательно, — и за беспорядочными грудами битого кирпича виднелась река и провисшие ржавые тросы моста. Запах влажной гнили — такой густой, что, казалось, он застревал в ноздрях, — здесь ощущался сильнее.

Улица уходила строго на восток, отклоняясь от пути Луча. Джейк обратил внимание, что чем дальше они углублялись в город, тем больше обломков и мусора загромождало проезжую часть. Кварталах в шести-семи впереди улица, судя по всему, была завалена полностью, однако Гашер, не сбавляя скорости, продолжал тащить его именно в том направлении. Сначала Джейк еще как-то справлялся, но Гашер задавал невозможный темп. Джейк начал уже задыхаться и отстал на шаг. Гашер рванул его так, что мальчик едва не свалился с ног. «Пират» потащил его прямо к завалу из каких-то обломков, осколков бетонных плит и металлических балок. Это нагромождение — Джейк предположил, что это скорее искусствен-

ное сооружение, преднамеренно здесь поставленное, — располагалось между двумя домами с пыльными мраморными фасадами. Перед левым стояла статуя, которую Джейк узнал сразу же: фигура женщины с повязкой на глазах, слепая богиня правосудия, не взирающая на лица, — стало быть, здание, ею охраняемое, почти наверняка было зданием суда. Однако Джейк не успел рассмотреть повнимательнее: Гашер тащил его к баррикаде, не давая замешкаться.

Если он попытается здесь продраться, мы оба с ним гикнемся — он нас убьет! — подумал в панике Джейк, но Гашер, который несся как ветер, несмотря на свою болезнь, очевидные признаки коей проступали столь явно у него на роже, только еще сильнее впился пальцами в руку Джейка и потащил его за собой. Только теперь Джейк заметил узенький проход в этой свалке — или, лучше сказать, преднамеренном завале из бетонных обломков, разбитой мебели, ржавых водопроводных труб и прогнивших кузовов автомобилей — и внезапно все понял. В этом чертовом лабиринте Роланд будет плутать часами... а Гашер, ориентируясь здесь, как в своем дворе, точно знает, куда идти.

Слева от свалки — Джейк все боялся, что это шаткое сооружение может обрушиться прямо на них, — открылся узенький темный проход в переулок. На подходе к нему Гашер швырнул через плечо небольшую зеленую штуку, которую он все время сжимал в руке.

— Лучше пригнись, мой зайчик! — крикнул он Джейку, сопровождая свой вопль пронзительным истеричным смешком. Через секунду улицу сотряс оглушительный взрыв. Один из ржавых автомобилей взлетел в воздух футов на двадцать и, перевернувшись в полете, грохнулся на мостовую днищем вверх. Над головой Джейка просвистел этакий град из кирпичных обломков, и что-то больно ударило его в левую лопатку. Он покачнулся и непременно упал бы, если бы Гашер рывком не поставил его на ноги и не потащил за собой в проход. Как только они оказались там, со всех сторон к ним жадно потянулись угрюмые тени, и тьма поглотила их.

Когда они скрылись за баррикадой, из-за ближайшей бетонной глыбы выползло маленькое пушистое существо. Это был Ыш. Пару мгновений зверек постоял у начала прохода, вытянув длинную шею и мигая блестящими глазками, потом двинулся следом, опустив нос к земле и старательно принюхиваясь.

15

— Пошли, — сказал Роланд, как только Гашер скрылся из виду.

— Как ты мог? — негодовал Эдди. — Как ты мог отдать мальчика этому извращенцу?

— У меня не было выбора. Неси коляску. Она нам понадобится.

Когда они добрались до бетонной дорожки у дальнего края провала, мост содрогнулся от взрыва. Осколки бетона и щебень фонтаном взметнулись в уже темнеющее небо.

— Господи! — прошептал Эдди, повернув бледное и испуганное лицо к Роланду.

— Пока еще нет причин переживать, — спокойно проговорил стрелок. — Парни типа Гашера не станут играть со взрывчаткой. — Они дошли до тюремных зданий у края моста. Роланд остановился наверху изгибающегося пандуса.

— Ты знал, что он не блефует, правда? — не унимался Эдди. — Я хочу сказать, ты не думал — ты *знал*.

— Он ходячий мертвец, а мертвецу незачем блефовать. — Голос Роланда звучал бесстрастно, но за внешним спокойствием скрывались глубокие нотки горечи и боли. — Я знал, что нечто подобное может произойти, и если бы мы его раньше заметили, пока находились вне радиуса действия его взрывающегося яйца, у нас был бы шанс его замочить. Но Джейк едва не упал, нам уже было ни до чего, и он подошел слишком близко. Он, наверное, решил, что мы привели с собой мальчика для того только, чтоб заплатить за безопасный проход через город. Черт! Везет как утопленникам! — Роланд ударил кулаком по ноге.

— Ладно, пошли его выручать!

Роланд покачал головой.

— Нет. Здесь мы разойдемся. Туда, куда сунулся этот мерзавец, Сюзанну мы взять не можем, а одну ее здесь оставлять тоже нельзя.

— Но...

— Слушай меня и не спорь... не спорь, если хочешь спасти Джейка. Чем дольше мы тут проторчим, тем он дальше уйдет. А чем он дальше уйдет, тем сложнее мне будет его отыскать: по холодному следу идти трудновато. И вам тоже есть что делать. Если здесь, в городе, находится еще один Блейн — а Джейк в этом уверен, — вы с Сюзанной обязаны его разыскать. Тут должна быть какая-то станция или такое место, которое в дальних землях называли, как помнится, колыбелью. Вам все ясно?

Слава Богу, хотя бы на этот раз Эдди не стал возражать.

— Хорошо. Мы его найдем. И что дальше?

— Стреляйте в воздух примерно каждые полчаса. Как только я вытащу Джейка, мы сразу придем.

— Выстрелы могут привлечь внимание, — возразила Сюзанна. Эдди помог ей выбраться из упряжи, и она снова устроилась у себя в коляске. — Если за нами придут?

Роланд обвел их холодным взглядом.

— Разберитесь с ними.

— О'кей. — Эдди протянул руку, и они обменялись с Роландом коротким рукопожатием. — Найди его, Роланд.

— Да, я найду его. Только моли всех своих богов, чтобы они помогли мне найти его быстро. И не забудьте, вы оба: помните лица своих отцов.

Сюзанна кивнула:

— Мы постараемся.

Роланд развернулся и побежал вниз по пандусу. Когда он скрылся из виду, Эдди повернулся к Сюзанне и не особенно удивился, увидев, что она плачет. Ему самому тоже хотелось плакать. Еще полчаса назад они были командой: отрядом соратников и друзей. И буквально за считанные минуты их дружественный союз распался: Джейка похитили, Роланд пошел его выручать. Даже Ыш — и тот убежал. Таким одиноким Эдди в жизни себя не чувствовал.

— Мне кажется, — проговорила Сюзанна, — что мы никогда больше их не увидим. Ни того, ни другого...

— Не говори ерунды! — грубо оборвал ее Эдди, при этом прекрасно понимая, что она хочет сказать, потому что и сам ощущал то же самое. Дурное предчувствие, что путешествие их, которое только-только еще начиналось, уже подошло к концу, камнем легло на сердце — В схватке с гунном Аттилой я оценил бы шансы Роланда Варвара как три к двум. Пошли, Сьюз... нам еще нужно найти этот поезд.

— Но куда? — приуныла Сюзанна.

— Без понятия. Может быть, для начала нам стоит словить ближайшего старого мудрого эльфа и расспросить у него, как считаешь?

— Ты о чем, Эдвард Дин?

— Да так, ни о чем, — сказал он и только теперь сам прочувствовал до конца, что это действительно так. Ему очень хотелось расплакаться, но, взяв себя в руки, он схватился за рукоятки коляски Сюзанны и начал толкать ее по растрескавшемуся и усыпанному битым стеклом пандусу, уводящему в город Лад.

16

В мгновение ока Джейк погрузился в туманный мир, где единственным ориентиром во тьме была боль: его покусанная рука; плечо, в которое стальными гвоздями вонзались грязные пальцы Гашера; горящие, как в огне, легкие. Вскоре все эти боли слились в одну, а потом их затмила другая боль — глубокая, колющая, в боку.

Он не знал, пошел уже Роланд за ним или нет. Он не знал, долго ли выдержит Ыш в этом мире, так не похожем на леса

и равнины, привычные для него, и единственные места, которые он знал до того, как пошел с людьми — с ними. А потом Гашер с размаху ударил его по лицу, разбив нос в кровь, и все мысли исчезли, смытые алой волной боли.

— Шевелись, маленький ублюдок! Шевели своей нежной задницей!

— Я бегу... я быстрее не могу, правда, — выдохнул Джейк, едва успевая увернуться от острого стеклянного осколка, что торчал из стены слева, точно длинный прозрачный зуб.

— Уж постарайся, мой зайчик, иначе я так тебя тресну, что ты у меня мигом отрубишься и мне придется тащить тебя за волосенки! Давай шевелись, ублюдок!

Джейк все же прибавил скорость, сам не понимая как. Когда они только сворачивали в переулок, он еще тешил себя надеждой, что они вскоре выйдут на улицу посвободнее, но теперь — с неохотой — он вынужден был признать, что этого не произойдет. Улочка, по которой они неслись, оказалась не просто улицей: это была замаскированная и укрепленная дорога, уводящая в глубь обиталища седовласых. Высокие шаткие стены, подступавшие вплотную к дороге, сложены были из самых невероятных строительных материалов: остовов автомобилей, полностью или частично расплющенных тяжеловесными глыбами из гранита и стали, которыми их придавили; мраморных колонн; фабричных станков непонятного назначения — тускло-красного цвета от ржавчины в тех местах, где они не чернели смазкой. Имелась там и какая-то рыбина из хрусталя и хрома, размером с небольшой самолет, с единственным загадочным словом, выведенным на чешуйчатом блестящем ее боку на Высоком Слоге: «ВОСТОРГ». Потом еще перекрещивающиеся цепи с огромными звеньями размером, наверное, с голову Джейка, обернутые вокруг беспорядочного нагромождения разбитой мебели, которая балансировала наверху баррикады подобно цирковому слону, стоящему на одной ноге на узкой стальной платформе.

Они добежали до места, где эта безумная тропа разветвлялась, и Гашер решительно повернул налево. Чуть подальше тропа разветвлялась снова: на этот раз — на три дорожки, такие узенькие и темные, что они походили больше на лазы тоннеля. Теперь Гашер свернул направо. Эта новая дорожка — проходила она между «стенами», сложенными из гниющих картонных коробок и стопок старой пожелтевшей бумаги, должно быть, остатков книг и журналов, — была слишком узкой, чтобы по ней можно было бежать бок о бок. Гашер вытолкнул Джейка вперед и принялся без устали колотить его по спине, подгоняя. *Вот что, наверное, чувствует теленок, когда его гонят по коридору на бойню,* подумал Джейк и

поклялся себе, что, если выберется отсюда живым, он никогда больше не станет есть мяса.

— Беги, моя крошка! *Беги!*

Вскоре Джейк понял, что не может уже уследить за всеми поворотами и ответвлениями дорожки, и по мере того, как Гашер уводил его все дальше и дальше в эти невозможные дебри из ржавого металлолома, разбитой мебели и выброшенных на свалку станков, надежды его на спасение таяли точно дым. Теперь даже Роланд не сможет его разыскать: он сам неминуемо здесь заплутает и будет бродить по забитым проходам и узким дорожкам этого мира кошмаров до самой смерти.

Теперь тропинка пошла под уклон, и стены из стопок бумаги уступили место нагромождению старых шкафов, сброшенным в кучу счетным машинкам и горам искореженного компьютерного оборудования. Все это походило на гонки по забитому складу какой-то кошмарной радиостанции. На протяжении почти минуты слева высилась стена, состоящая целиком то ли из телевизоров, то ли сваленных в беспорядке видеомониторов. Экраны пялились на него безжизненными глазами. Тротуар под ногами продолжал опускаться, и Джейк вскоре сообразил, что они действительно попали в тоннель. Полоска сумрачного неба над головой превратилась в узкую ленту, лента — в ниточку. Они как будто вступили в унылое царство мертвых и метались, как крысы, посреди колоссальной свалки.

А что, если все это на нас упадет? — подумал Джейк, но в теперешнем его состоянии почти полного изнеможения, замешенного на боли, даже это его не пугало. Если это случится, у него будет хотя бы возможность немного передохнуть.

Гашер гнал его, как крестьянин подгоняет мула, ударяя по левой лопатке, когда надо было свернуть налево, по правой — когда направо. Когда же дорога шла прямо, он дубасил Джейка по затылку. Джейк дернулся в сторону, чтобы уклониться от выпирающего из стены куска трубы, но не успел. Он ударился о трубу бедром и полетел по проходу прямо на кучу стекла и поломанных досок. Гашер подхватил его на лету и снова подтолкнул вперед.

— Беги, неуклюжий придурок! Ты что, не можешь нормально бежать? Если бы не Тик-Так, я бы тебя отымел прямо здесь, а потом перерезал бы глотку тебе, и все!

Джейк бежал в алом тумане, где были только боль и удары Гашеровых кулаков, молотящих его по плечам и затылку. Наконец, как раз в тот момент, когда Джейк решил, что бежать дальше он просто не может и будь что будет, Гашер схватил его сзади за шею и рывком остановил, причем так резко, что Джейк врезался ему прямо в пузо со сдавленным стоном.

— А вот *тут* у нас есть одна хитрость, — весело выдохнул Гашер. — Посмотри вон туда, прямо. Видишь, две проволочки пересекаются над землей? Видишь?

Сначала Джейк ничего не увидел. Было слишком темно. Слева вздымалась гора огромных медных чайников, справа — каких-то стальных штуковин, напоминающих акваланги. Джейку показалось, что достаточно просто дунуть посильнее, чтобы все это лавиной обрушилось вниз. Он утер лоб ладонью, убирая с глаз волосы, и постарался не думать о том, какой у него будет вид, если рухнет вся эта громада общим весом, наверное, тонн в шестнадцать. Прищурившись, он посмотрел вперед — туда, куда указывал ему Гашер. Да, теперь он разглядел — но с большим трудом — две тонюсенькие серебристые ниточки, похожие на струны от гитары или банджо. Они опускались с обеих сторон прохода, пересекаясь на высоте фута в два над землей.

— Ползи под ними, сердце мое. И будь осторожен: если ты их заденешь, половина всего цемента и стали в этом чертовом городе рухнет на золотую твою головку. И на мою башку тоже, хотя я сомневаюсь, что тебя это очень волнует, правда? Давай ползи!

Джейк сбросил с плеч ранец и пополз вперед, толкая ранец перед собой. Проползая под тонкими, туго натянутыми проводами, он вдруг обнаружил, что ему все-таки хочется еще немного пожить на свете. Он почти физически ощущал все эти тонны тщательно уравновешенного хлама, который только и ждет, чтобы обрушиться на него. *Наверное, эти два провода держат парочку замковых камней,* думал он. *Если хотя бы один из них сдвинется с места... зола и пепел, нам всем конец.* Он почувствовал, как один проводок легонько задел его по спине. Высоко наверху что-то скрипнуло.

— Осторожно, болван! — Гашер едва ли не застонал. — Осторожно, кому говорю!

Мальчик пролез под перекрещивающимися проводами, отталкиваясь от земли ступнями и локтями. Слипшиеся от пота волосы опять упали ему на глаза, закрывая обзор, но Джейк не осмелился их убрать.

— Наконец-то, — проворчал Гашер и сам проскользнул под проводами с небрежной легкостью, свидетельствующей о долговременной практике. Встав на ноги, он ловко выхватил у Джейка ранец, пока тот не успел нацепить его снова. — А что у нас здесь, приятель? — спросил он, расстегивая ремешки и заглядывая с любопытством внутрь. — Может, какие подарки для старого друга? Гашер, знаешь ли, любит подарочки, ой как любит!

— Ничего там нет, кроме...

Кулак Гашера просвистел в воздухе, и голова Джейка откинулась назад. Удар снова пришелся по носу. Из носа брызнула свежая струйка крови.

— За что? — вскрикнул Джейк, дрожа от ярости и унижения.

— За то, что ты много болтаешь. У меня есть глаза, я могу сам посмотреть, без твоих дурацких замечаний! — завопил Гашер и отшвырнул ранец в сторону. Он уставился на мальчика в упор, обнажив оставшиеся еще зубы в угрожающей, страшной усмешке. — И за то еще, зайчик мой, что из-за тебя нас тут чуть не накрыло! — Помолчав, он добавил уже поспокойнее: — И потому, что мне так захотелось, — признаюсь честно. Твоя дурацкая овечья рожа выводит меня из себя, так и хочется треснуть по ней со всей силы. — Улыбка его стала шире, отчего обнажились не только зубы, но и гноящиеся белесые десны. Зрелище, надо сказать, не особенно эстетическое. Джейк подумал, что он вряд ли бы что-нибудь потерял, если бы этого не увидел. Даже наоборот. — Если твой крутой друг доберется досюда, ему будет большой сюрприз, когда он наткнется на проволоку, как ты думаешь? — Гашер запрокинул голову, по-прежнему ухмыляясь. — Где-то там наверху должен быть целый автобус, если память мне не изменяет.

Джейк расплакался — усталые, безнадежные слезы потекли по щекам, оставляя влажные дорожки на грязном лице.

Гашер угрожающе занес ладонь.

— Давай двигай, приятель, пока я сам тут с тобой не расплакался... потому что твой добрый друг — чувак весьма сентиментальный, честное слово, и когда он начинает скорбеть и печалиться, его только одно может развеселить: дать кому-нибудь в рожу, вот так-то. *Беги!*

Они побежали. Гашер словно бы наугад выбирал тропинки, уводящие все дальше и дальше в этот скрипучий душный лабиринт. Джейка он направлял по-прежнему ударами по лопаткам. На каком-то этапе «включились» барабаны. Звук, казалось, идет отовсюду и ниоткуда. Для Джейка это явилось той самой соломинкой, что переломила верблюду хребет. Оставив всякую надежду, он перестал даже думать и с головой погрузился в кошмар.

17

Роланд остановился перед баррикадой, которая загромоздила улицу сверху донизу и от края до края. В отличие от Джейка он даже не надеялся, что с той ее стороны будет открытое пространство. Здания к востоку отсюда наверняка охраняются часовыми, как укрепленные острова в море мусора, хлама и металлолома... и там, конечно, полно ловушек. Часть предметов, образующих баррикаду, скопились, наверное, сами по себе за последние лет пятьсот — семьсот или, может быть, даже тысячу, однако Роланд решил, что

в основном все это притащили сюда седые. Восточная оконечность Лада превратилась, по сути, в их крепость, и Роланд стоял теперь у ее внешней стены.

Он медленно двинулся вперед и увидел проход, наполовину сокрытый за громадной цементной глыбой. Присев на корточки, он увидел следы в толстом слое пыли — две цепочки следов, одни большие, другие поменьше. Роланд начал уже подниматься, но потом присел снова. Не две цепочки, а три... и эта третья оставлена лапками небольшого животного.

— Ыш? — негромко позвал Роланд. Прошло несколько секунд, стрелок уже не надеялся получить ответ, как вдруг из сумрака раздался приглушенный лай. Роланд шагнул в проход и увидел глаза — черные, с золотым ободком, — глядящие на него из-за первого поворота. Он подбежал к ушастику. Ыш, который до сих пор еще с неохотой подпускал к себе людей за исключением Джейка, отступил на шаг и замер на месте, тревожно глядя на стрелка.

— Ты мне поможешь? — спросил Роланд, уже чувствуя в глубине души приближение сухой алой пелены, всегда сопутствующей лихорадке битвы, но время для схватки еще не пришло. Оно, конечно, придет, но пока он не может — не должен — отдаваться этому чувству, приносящему невыразимое облегчение. — Поможешь мне найти Джейка?

— Эйка, — тявкнул Ыш, не сводя со стрелка напряженных, тревожных глаз.

— Тогда пойдем. Ищи Джейка.

Ыш тут же развернулся и быстренько потрусил по проходу, едва ли не скользя носом по земле. Роланд последовал за ним, только изредка поднимая глаза, чтобы посмотреть на зверька. Он не сводил взгляда с древних камней мостовой: искал какой-нибудь знак.

18

— Господи, — выдохнул Эдди. — Что же это за люди такие?

Они прошли пару кварталов по улице, что тянулась вдоль пандуса, увидели впереди баррикаду, загромождающую проход (разминувшись при этом с Роландом, нырнувшим в него меньше минуты назад), и повернули на север, на широкую улицу, напомнившую Эдди Пятую авеню. Он не осмелился, правда, сказать об этом Сюзанне; он все еще не мог оправиться от горького разочарования при виде этих вонючих руин, в которые превратился город, и сказать что-нибудь обнадеживающее у него просто не было сил.

«Пятая авеню» привела их к кварталу высоких построек из белого камня, которые напомнили Эдди Древний Рим — такой, каким его представляют в фильмах о гладиаторах (а фильмов этих он в свое время, еще ребенком, пересмотрел десятки). Это были простые, даже немного суровые здания, сохранившиеся большей частью в неприкосновенности. Он почти не сомневался, что когда-то в этих строениях размещались государственные учреждения: галереи, библиотеки, возможно, музеи. Одно из них, с громадной куполообразной крышей, треснувшей, как гранитное яйцо, вероятно, когда-то было обсерваторией, хотя Эдди где-то читал, что астрономы предпочитают держаться подальше от больших городов, потому что электрический свет мешает им наблюдать за звездами.

Между этими внушительными строениями располагались широкие открытые пространства, и хотя траву и цветы, которые когда-то росли на газонах, теперь заглушили сорняки и кусты, в этой части города до сих пор сохранилась некая аура величественного достоинства, и Эдди подумал, что, наверное, в прежние времена здесь был центр культурной жизни Лада. Те времена, разумеется, миновали давным-давно: Эдди очень сомневался, что Гашер и компания интересуются, скажем, балетом или камерной музыкой.

Они с Сюзанной вышли на главный перекресток. От него, точно спицы колеса, расходились еще четыре широких проспекта. Посередине, как ось колеса, располагалась просторная мощеная площадь, окруженная по краю стальными столбами футов сорок высотой с установленными на них громкоговорителями. В самом центре стоял постамент с остатками статуи — взметнувшимся на дыбы могучим боевым конем из бронзы, позеленевшей от времени. Бронзовый всадник, когда-то гордо на нем восседавший, валялся теперь поодаль на проржавелом боку, сжимая в одной руке меч, а в другой — что-то похожее на автомат. Его ноги по-прежнему изгибались, как бы обнимая бока коня, которого больше не было, но металлические сапоги остались в бронзовых стременах. СМЕРТЬ СЕДЫМ! — было написано на постаменте оранжевой выцветшей краской.

Окинув взглядом расходящиеся от площади проспекты, Эдди увидел другие столбы с громкоговорителями. Несколько столбов завалилось набок, но остальные стояли ровно, и на каждом висели гирлянды трупов, так что площадь, на которую вывела их «Пятая авеню» и все четыре проспекта, уводящие дальше в город, как бы охранялись небольшой армией мертвецов.

— Что же это за люди? — повторил свой вопрос Эдди.

Вопрос был адресован в пространство, Эдди не ждал ответа, да Сюзанна и не собиралась ему отвечать... хотя ответить могла бы. И прежде в ее сознании возникали живые картины из

прошлого мира Роланда, но никогда еще эти видения не были такими яркими и убедительными, как сейчас. Раньше, как, например, те картины, которые ей привиделись в Речном Перекрестке, все эти видения несли на себе отпечаток некой призрачной иллюзорности, характерной для снов, а теперь эти мысленные картины возникли как бы единой вспышкой — как будто молния высветила из тьмы искаженное злобой лицо маньяка.

Громкоговорители... трупы на столбах... барабаны. Она неожиданно поняла, каким образом все это связано между собой, точно так же, как раньше она поняла — даже не поняла, а узнала, — что нагруженные повозки, проходящие через Речной Перекресток на пути в Джимтаун, тянули быки, а не лошади или мулы

— Не обращай ты на это внимания, — проговорила она, и если голос ее и дрожал, то совсем чуть-чуть. — Мы ищем поезд, давай на этом и сосредоточимся.. куда нам теперь, как ты думаешь?

Эдди запрокинул голову и, взглянув на темнеющее небо, сразу же определил — по узору несущихся там облаков — путь Луча. Опустив глаза, он безо всякого удивления обнаружил, что выход на улицу, расположенную более или менее вдоль Луча, охраняет большая каменная черепаха. Глаза на змеиной ее голове, осторожно высовывающейся из-под гранитного панциря, казалось, смотрят на них с любопытством. Эдди мотнул головой в сторону черепахи и выдавил слабенькую улыбку.

— «Есть Черепаха, представьте себе...»

Сюзанна лишь мельком взглянула туда и кивнула. Эдди перевез ее через площадь и выкатил коляску на улицу Черепахи. От трупов, висящих на всех столбах, исходил суховатый запах корицы, от которого у Эдди скрутило желудок... и вовсе не из-за того, что пахло плохо, а потому что, наоборот, хорошо — это был пряный запах какого-то сладкого порошка, который дети с удовольствием посыпают на утренний тост.

К счастью, улица Черепахи оказалась довольно широкой, к тому же большинство трупов, свисающих со столбов, давно превратились в усохшие мумии, хотя Сюзанна и заметила несколько относительно «свежих» тел: вокруг них роились мухи, облепив потемневшую кожу раздувшихся лиц, а в гниющих глазницах копошились черви.

И под каждым столбом белело по маленькой кучке костей.

— Их, наверное, тысячи, — сказал Эдди. — Мужчины, женщины, дети.

— Да, — спокойно проговорила Сюзанна и удивилась сама, как странно и отчужденно звучит ее голос. — У них было достаточно времени, и они им воспользовались сполна, чтобы поубивать друг друга.

— Где ж, мать их так, добрые мудрые эльфы?! — Эдди нервно расхохотался, но смех его подозрительно походил на всхлипы. Про себя он подумал, что, кажется, начинает «въезжать» до конца в подлинный смысл этой вроде бы безобидной фразы: Мир сдвинулся с места, — в то, какие глубины зла и невежества заключает она в себе.

Глубины бездонные.

Громкоговорители эти установили во время войны, — размышляла про себя Сюзанна. — *Да, наверное, так все и было. Бог его знает, какой войны и когда она началась, но это был полный абзац. Через эти «матюгальники» правители Лада оглашали по всему городу свои объявления, а сами сидели, наверное, в каком-нибудь укрепленном бомбоубежище — вроде командного бункера, где укрылся Гитлер с верхушкой рейха в конце Второй мировой.*

В ушах у нее звучал властный голос, когда-то гремевший из этих громкоговорителей, — она различала его так же ясно, как раньше слышала скрип повозок, проезжающих через Речной Перекресток, как слышала свист кнута над спинами тащивших повозки быков.

Центры распределения провизии A и D будут сегодня закрыты; просим всех обращаться в центры B, C, E и F. При себе иметь карточки и купоны.

Девятому, десятому и двенадцатому отрядам милиции срочно прибыть в Сендсайд.

Воздушные налеты ожидаются с восьми до десяти часов. Всему гражданскому населению укрыться в ранее определенных бомбоубежищах. При себе иметь противогазы. Повторяю: при себе иметь противогазы.

Объявления, да... и еще выпуски новостей. Разумеется, фальсифицированных новостей — пропагандистские, милитаризированные сводки, которые Джордж Оруэлл* назвал бы «двоесловием». А в промежутках, наверное, музыка: бравурные военные марши — и пламенные призывы отомстить за погибших товарищей, отправить новых мужчин и женщин в алое жерло войны.

Потом война закончилась, и в городе стало тихо... на некоторое время. Но вскоре громкоговорители ожили снова. Когда? Сто лет назад? Пятьдесят? Какая разница? Сюзанна решила, что никакой. Имело значение только одно: когда «матюгальники» эти включаются, они каждый раз передают неизменную запись — запись барабанного боя. И потомки коренных жителей города приняли эти ритмы... за что? За голос Черепахи? За волеизъявление Луча?

Сюзанна вспомнила вдруг, без всякой связи, как однажды спросила отца, тихого, но предельно циничного человека, верит ли он,

---

* Джордж Оруэлл (1903 — 1950) — английский писатель, автор знаменитого романа-антиутопии «1984»

что есть Бог и что Бог управляет с небес человеческими судьбами. *Ну,* — ответил он ей тогда, — *тут, наверное, половина на половину, Одетта. Бог есть, в этом я не сомневаюсь, только я считаю, что теперь мы не очень Его занимаем. Я думаю, после того, как мы, люди, убили Его сына, до Него наконец-то дошло, что с потомками Адама и Евы уже ничего не поделаешь, и Он просто умыл руки. И поступил очень мудро.*

Вместо ответа Сюзанна (которая в общем-то и ожидала от папы чего-то подобного: ей уже было одиннадцать лет, и она достаточно хорошо изучила отцовский склад ума) показала ему объявление в местной газете в рубрике «Наш приход». В объявлении говорилось, что в следующее воскресенье преподобный отец Мердок из методистской церкви Милости Господней прочтет проповедь на тему «Бог говорит с нами каждый день», после чего будут зачитаны выдержки из Первого послания к Коринфянам. Отец смеялся до слез. *Ну, наверное, каждый из нас время от времени слышит голос — чей-то голос,* — выдавил он, когда приступ смеха прошел. — *Но ты можешь, дочка, поспорить на самый последний доллар: каждый из нас, включая и преподобного отца Мердока, слышит именно то, что он хочет услышать. Так удобнее.*

А эти люди, как видно, хотели услышать в простой записи партии для ударных призыв к ритуальным убийствам. И теперь, когда из сотен и тысяч громкоговорителей, установленных по всему городу, раздается дробный барабанный бой — призывный грохот, оказавшийся на поверку, как утверждает Эдди, всего лишь партией ударных для «зизи-топовской» песенки «Велкро Флай», — это служит для них сигналом размотать пару веревок и вздернуть нескольких горожан на ближайших столбах.

И сколько же их всего? — размышляла Сюзанна, пока Эдди катил ее в коляске, ребристые, жесткие колеса которой скрипели по битому стеклу и шуршали по обрывкам бумаги. — *Сколько погибло за эти годы из-за того только, что где-то под городом заклинило электронную схему, включающую радиопередачу? Может быть, это все началось потому, что они ощутили глубинную чужеродность музыки, каким-то непостижимым образом попавшей сюда — как, собственно, и мы сами, и тот разбившийся аэроплан, и эти автомобили на улицах — из другого мира?*

Этого она не знала, но вдруг поняла, что тоже теперь пришла к отцовскому — в чем-то циничному — взгляду на Бога и возможных его бесед с сыновьями Адама и дщерями Евы. Эти люди, наверное, просто искали подходящий повод для того, чтобы убивать друг друга, и обрели его в барабанном бое, который как повод был не хуже любого другого.

Она поймала себя на том, что мысли ее вновь и вновь возвращаются к улью, на который они наткнулись в эвкалиптовой роще, — бесформенному улью с белыми пчелами, чей ядовитый мед наверняка убил бы их, если бы они были настолько глупы, чтобы его попробовать. Здесь, на берегу реки Сенд, находился еще один умирающий улей, где тоже обитали белые пчелы-мутанты, запутавшиеся, потерянные, сбитые с толку создания, чей укус мог быть столь же смертелен.

И скольким еще предстоит умереть прежде, чем эта магнитофонная пленка порвется?

И, словно мысли Сюзанны неосторожно включили запись, громкоговорители вдруг ожили и начали передавать нескончаемый синкопированный барабанный бой. Эдди вскрикнул от неожиданности. Сюзанна тоже закричала и прижала ладони к ушам — но за те пару секунд, пока она не закрыла уши, она успела все-таки расслышать другую музыку: дорожку или, может быть, пару дорожек, заглушенных десятилетия назад, когда кто-то (возможно, случайно) сбил настройку, отключив партию гитар и вокал.

Эдди вез ее по улице Черепахи вдоль пути Луча, стараясь смотреть во все стороны сразу и в то же время не замечать запаха разложения. *Слава Богу, что дует ветер,* подумал он.

Он начал толкать коляску быстрее, скользя внимательным взглядом по буйно заросшим сорной травой промежуткам между белыми зданиями: не мелькнет ли изящной дугой пролет поднятой над городом железной дороги. Ему хотелось как можно скорее убраться из этой аллеи трупов. Глубоко вдохнув воздух, наполненный сладким запахом корицы, Эдди подумал, что ему в жизни так ничего не хотелось, как просто убраться отсюда.

19

Джейк разом очнулся, когда Гашер схватил его за воротник и дернул с безжалостной силой жестокого всадника, который удерживает коня, помчавшегося галопом. Одновременно он выставил одну ногу, и Джейк, споткнувшись, упал на спину. Головой он сильно ударился о тротуар и на мгновение отключился. Гашер, явно не страдавший острыми приступами человеколюбия, быстро привел его в чувство, схватив за нижнюю губу и резко вывернув ее наружу.

Джейк закричал и рывком сел, вслепую размахивая кулаками. Гашер легко уклонился от его слабых ударов, просунул вторую руку Джейку под мышку и резко поднял его на ноги. Джейк стоял, раскачиваясь взад-вперед словно пьяный. Он уже не протестовал — не мог. Он едва ли воспринимал происходящее и вообще ниче-

го не чувствовал, кроме одного: все его мышцы болели от перенапряжения, а раненая рука как будто выла, точно животное, пойманное в капкан.

Гашер явно запыхался, и на этот раз ему понадобилось чуть больше времени, чтобы восстановить дыхание. Он стоял, наклонившись вперед и упираясь руками в колени. При каждом его вдохе слышался тихий присвист. Желтый платок у него на голове сбился набок. Единственный глаз блестел, как фальшивый бриллиант. Белая шелковая повязка на другом глазу помялась — из-под нее медленно «выползали» мерзкого вида сгустки желтоватой жижи и текли по щеке.

— Подними башку, зайчик, и ты увидишь, почему я тебя остановил. Давай полюбуйся!

Джейк запрокинул голову и, поскольку давно уже пребывал в ступоре, вовсе не удивился, увидев висящий над ними на высоте футов восемьдесят мраморный фонтан размером с хороший трейлер. Они с Гашером стояли сейчас почти точно под ним. Фонтан держался на двух ржавых тросах, которые были почти не видны за шаткой грудой церковных скамей. Несмотря на оцепенение, Джейк отметил, что эти тросы изношены посерьезнее, чем те, которые держали мост.

— Видишь? — спросил, ухмыляясь, Гашер. Подняв левую руку к белой повязке на сочящемся гноем глазу, он выгреб из-под нее вязкую жижу и с завидным безразличием стряхнул ее с пальцев. — Красиво, правда? О-о, Тик-Так — мужик умный, в этом уж будь уверен. Он никогда не ошибается. (Где эти гребаные барабаны? Они должны бы уже включиться... если Медный Лоб забыл их врубить, я собственноручно всажу ему палку в задницу, да так, что в горле запершит.) А теперь посмотри вперед, мой восхитительный вкусный зайчик.

Джейк так и сделал и немедленно получил удар такой силы, что отлетел назад и едва не упал.

— *Да не туда,* идиот! *Вниз!* Видишь те два темных камня?

Через секунду-другую Джейк их заметил и безразлично кивнул головой.

— Очень тебе не советую наступать на них, зайчик, иначе вся эта хреновина свалится прямо тебе на голову, и тому, кто захочет тебя соскрести, придется воспользоваться промокашкой. Понятно?

Джейк снова кивнул.

— Хорошо. — Гашер сделал последний глубокий вдох и хлопнул мальчика по плечу. — Тогда вперед. Чего ждешь? Ну!

Джейк перешагнул через первый из более темных камней и увидел, что это не камень, а металлическая пластина, обточенная по форме булыжника. Вторая пластина располагалась чуть впереди, причем весьма хитроумно: так, чтобы невнимательный — и незваный — гость, по случайности не наступивший на первую, почти наверняка наступил на вторую.

Ну давай, сделай шаг — наступи на нее, — сказал он себе. — *Почему бы и нет? Стрелок все равно ни за что не разыщет тебя в этом чертовом лабиринте, так что давай, пусть все рухнет тебе на голову. Так будет лучше... и чище, чем то, что этот Гашер с его дружками приготовили для тебя. И гораздо быстрее.*

Он занес ногу в пыльной кроссовке над пластиной-ловушкой.

Гашер ударил его кулаком по спине, но не очень сильно.

— И чего это ты себе думаешь, салажонок? Червей покормить захотелось? — спросил он, причем всегдашняя издевательская жестокость сменилась в его голосе простым человеческим любопытством. Если к нему и примешивались какие-то еще чувства, то не страх, а скорее удивление. — Ладно, давай, если ты только уверен, что тебе хочется именно этого. Мне-то что? Мой билетик давно припасен. Только давай побыстрее, чтоб тебя черти сожрали!

Нога Джейка опустилась на мостовую за плитой, приводящей ловушку в действие. Его решение пожить чуть подольше объяснялось отнюдь не надеждой на то, что Роланд найдет и спасет его... Джейк даже не сомневался, что Роланд поступит именно так: будет идти вперед до тех пор, пока кто-нибудь не остановит его, а потом — если сможет, если ему хватит сил — одолеет еще несколько ярдов.

Остановило его другое. Если сейчас наступить на пластину, то Гашеру — возможно — тоже пришел бы конец, но одного Гашера мало: достаточно было взглянуть на этот ходячий труп, чтобы понять, что тот вовсе не лжет, утверждая, что уже умирает. Джейк решил подождать в надежде на то, что — если уж умирать, то с музыкой — ему может представиться случай прихватить с собой пару-тройку дружков Гашера... может быть, даже того, кого он называет Тик-Таком.

Если уж я собираюсь, как он выражается, «покормить червей», — рассуждал Джейк, — *лучше собрать для компании «толпу» побольше.*

Роланд бы понял его.

20

Джейк ошибся в своей оценке способности Роланда проследить их путь по этому невероятному лабиринту; ранец Джейка был самым приметным из знаков, оставшихся после них, к тому же Роланд быстро понял, что ему нет надобности останавливаться, чтобы искать следы. Ему нужно было просто идти за Ышем.

Но тем не менее он иногда останавливался — на некоторых развилках, — желая удостовериться, и каждый раз, когда это происходило, Ыш оглядывался на него, издавая негромкий нетерпеливый лай, словно говоря: *Поторапливайся! Не стой! Хочешь их потерять?*

После того как обнаруженные стрелком знаки: следы, нитка от рубашки Джейка, лоскутик желтого платка Гашера — трижды подтвердили чутье ушастика, Роланд перестал сомневаться и уверенно следовал за ним. Он по-прежнему искал знаки, просто больше не останавливался для этого. А потом раздался барабанный бой, и именно он — плюс еще любопытство Гашера, пожелавшего вдруг проверить, что лежит в ранце у Джейка, — спасли в тот день жизнь Роланду.

Он резко остановился, и, еще прежде чем он сообразил, откуда взялись эти звуки, рука сама выхватила револьвер. Когда стрелок понял, в чем дело, он раздраженно крякнул, убрал револьвер обратно в кобуру и собрался уже идти дальше, как вдруг его взгляд случайно упал на ранец Джейка... а потом он заметил пару тонких блестящих нитей, протянутых в воздухе. Прищурившись, Роланд разглядел два тоненьких проводка, пересекавшихся над землей примерно на уровне коленей, не далее чем футах в трех впереди. Ыш, зверек от природы юркий, без труда проскользнул в V-образные «воротца», образованные пересекавшимися проводами... но если бы не барабаны и не случайно попавшийся на глаза ранец, Роланд налетел бы прямо на них. Он поднял голову и внимательно изучил вроде бы беспорядочное нагромождение всякого хлама по обеим сторонам узенького прохода. Губы его плотно сжались. Смерть была близко, и спасло его только вмешательство *ка*.

Ыш нетерпеливо тявкнул.

Роланд лег на живот и прополз под проволокой, двигаясь медленно и осторожно, — он был крупнее Гашера, не говоря уже о Джейке. Будь он чуть-чуть пополнее, он бы вообще не сумел протиснуться под проводами, не задев их. Отдаваясь в ушах, по проходам гремел барабанный бой. *Они все с ума посходили, что ли?* — раздумывал он про себя. — *Если бы мне каждый день пришлось слушать такое, я бы точно лишился рассудка.*

Выбравшись из-под проволоки, стрелок поднял ранец Джейка и заглянул внутрь. Вроде бы ничего не пропало: книги, кое-что из одежды и всякие маленькие «сокровища», которые мальчик собрал по пути, — камушек с блестящими желтыми прожилками, похожими на золото, но таковыми не являвшимися; наконечник стрелы, оставшийся, может быть, от древних обитателей леса (Джейк нашел его в роще через день после того, как попал в этот мир); несколько монеток из собственного его мира; отцовские солнцезащитные очки и еще несколько «пустячков», которые может любить, понимать и ценить только мальчик, не достигший еще даже подросткового возраста, — в общем, все то, что парнишка захочет вернуть... если Роланд успеет найти его раньше, чем Гашер и вся его братия сломают его и изменят настолько, что он потеряет всякий интерес к невинным занятиям и «ценностям» детства.

Перед мысленным взором Роланда возникла ухмыляющаяся рожа Гашера — точно лик демона или джинна из бутылки: кривые редкие зубы, пустые глаза мертвеца, язвы, расползающиеся по щекам и по подбородку, заросшему жесткой щетиной. *Если ты его тронешь...* — подумал было стрелок, но тут же себя осадил: эти мысли лишь завели бы его в тупик. Если Гашер обидит мальчика (*Джейка!* — вопил настойчивый внутренний голос. — *Не просто мальчика, а Джейка! Джейка!*), Роланд убьет Гашера. Да. Но это само по себе ничего не значит. Это будет бессмысленным действием, ибо Гашер уже мертв.

Стрелок удлинил ремни ранца, в который раз восхитившись хитроумным устройством пряжек на лямках, надел его на себя и поднялся на ноги. Ыш приготовился двигаться дальше, но Роланд окликнул его по имени, и зверек обернулся.

— Ко мне, Ыш! — Роланд не знал, поймет ли ушастик команду (а если даже и поймет, то захочет ли повиноваться), но им сейчас лучше — и безопаснее — держаться поближе друг к другу. Одну ловушку они миновали благополучно. Но где есть одна, могут быть и другие. А в следующий раз Ышу может и не повезти.

— Эйк! — тявкнул Ыш, не сдвинувшись с места. Лай ушастика прозвучал вполне бодро, и только глаза зверька отражали его истинное состояние: они потемнели от страха.

— Да, но это опасно, — сказал Роланд. — Ко мне.

Сзади, где-то на пути, по которому они шли, раздался грохот — как будто обрушилось что-то тяжелое. Быть может, падение произошло от вибрации, вызванной барабанным боем. Теперь Роланд увидел столбы с черными раструбами громкоговорителей, торчавшие из обломков и мусорных куч, точно длинные шеи каких-то странных зверей.

Ыш подбежал к нему и, тяжело дыша, поднял острую мордочку.

— Держись поближе.

— Эйк! Эйк-Эйк!

— Да. Джейк. — Роланд снова пустился бежать.

Ыш бежал рядом с ним, точно самый обычный пес.

21

Для Эдди все происходящее опять обрело некое странное качество, которое один мудрый мужик когда-то назвал deja vu: он снова мчался с коляской со временем наперегонки. Только вместо морского берега была улица Черепахи, а в остальном все было по-прежнему. Впрочем, нет, все-таки имелось одно существенное отличие: сейчас они искали вокзал (или «колыбель»), а не дверь, стоящую без креплений.

Сюзанна, выпрямившись, сидела в коляске, держа в правой руке револьвер Роланда, нацеленный в тревожное небо, затянутое облаками. Ее волосы развевались по ветру. Барабаны гремели и грохотали. Их ритм, казалось, сшибал, как удар. Впереди, посредине улицы, валялась какая-то тарелкообразная штука немалых размеров, при виде которой в перенапряженном сознании Эдди возникла картина, навеянная, должно быть, классической архитектурой зданий, выстроившихся по обеими сторонам улицы: Тор и Юпитер играют во фрисби. Юпитер кидает громадный диск, и Тор дает ему пройти через облако... черт возьми, развлекаловка на Олимпе!

Фрисби богов, подумал он, лавируя с коляской Сюзанны между двумя проржавевшими автомобилями, *ну и мысли тебя посещают, приятель.*

Он вывез коляску на тротуар, чтобы объехать тарелкообразную штуку, которая теперь, когда они подошли поближе, обрела очертания круглой телеантенны. Во всяком случае — чего-то похожего. Объехав «антенну», Эдди опять опустил коляску на проезжую часть — ехать по тротуару было весьма затруднительно, поскольку он весь был завален мусором, — и как раз в этот момент барабаны внезапно умолкли. Эхо их укатилось вдаль, и опять стало тихо... вернее, отнюдь не тихо, но после такого невозможного грохота Эдди не сразу это сообразил. Чуть впереди, на пересечении улицы Черепахи с другим широким проспектом, стояло сводчатое здание из белого мрамора, оплетенное побегами дикого винограда и какого-то экзотического растения с причудливыми «бородами», напоминающими кроны кипарисов. Но даже так оно выглядело великолепным и исполненным некоего благородства. Однако внимание их привлекло не это — из-за угла мраморного строения доносился возбужденный рокот толпы.

— Не останавливайся! — резко проговорила Сюзанна. — У нас нет времени на...

Над равномерным гулом голосов взвился истерический вопль, сопровождаемый возгласами одобрения и, как ни странно, аплодисментами вроде тех, которые Эдди доводилось слышать в казино в Атлантик-Сити по окончании очередной игры. Пронзительный вопль обернулся хрипом — долгим и медленно затихающим, — похожим на треск цикад в период их летней спячки. Эдди почувствовал, как у него встают дыбом волоски на затылке. Он обвел взглядом трупы, болтавшиеся на ближайшем столбе, и понял, что млады из Лада, весельчаки еще те, развлекаются там, за углом, затеяв очередную публичную экзекуцию.

Великолепно, подумал он. *Жалко только, нет у них Тони Орландо и Дона. Они бы им сбацали «Постучи три раза» — умирать было бы веселее.*

Эдди с любопытством взглянул на белую каменную громаду. На таком расстоянии уже чувствовался пряный запах растений, ее оплетающих. От этого запаха у него заслезились глаза, но он все же понравился Эдди больше, чем сладковатый дух корицы, исходящий от ссохшихся мумифицированных трупов. Свисавшие с тонких стеблей «бороды» зелени образовывали как бы водопады растительности, скрывавшие ряд сводчатых входов в здание. Неожиданно из одного «водопада» вынырнула человеческая фигура и быстро направилась в их сторону. Когда первый испуг прошел, Эдди понял, что это ребенок и, судя по росту, совсем малыш. Одет он был странно, в стиле лорда Фаунтлероя*. Необычный костюм дополняли белая рубашка с кружевным гофрированным воротником и короткие бархатные штанишки. В волосах у ребенка пестрели ленточки. Эдди едва поборол внезапное сумасшедшее желание сделать «козу»: *Идет коза рогатая за малыми ребятами. У-тю-тю.*

— Идите сюда! — позвал их ребенок высоким писклявым голосом. В волосах у него запуталось несколько зеленых побегов. Он рассеянно стряхнул их на бегу левой рукой. — Они там приходуют Резвого! Пришел его черед отправляться в страну барабанов. Пойдемте, иначе пропустите все веселье, да разразят его боги!

Сюзанну не меньше, чем Эдди, поразило неожиданное появление ребенка и его весьма диковинный внешний вид, но, когда тот подошел поближе, она заметила еще одну странность: почему-то он стряхивал зелень, застрявшую в увешанных ленточками волосах, только одной рукой. Правую руку ребенок все время держал за спиной.

Какой он маленький и неуклюжий! — сказала себе Сюзанна, а потом в сознании ее как будто включилась магнитофонная запись и зазвучали слова Роланда, сказанные на краю моста, когда они перебрались на эту сторону: *Я знал, что нечто подобное может произойти... если бы мы его раньше заметили, этого гада, пока находились вне радиуса действия его взрывающегося яйца... вот и правда, везет как утопленникам!*

Она нацелила Роландов револьвер на ребенка, который, спрыгнув с тротуара, бежал прямо на них.

— *Стоять!* — закричала она. — *Стоять на месте, кому говорю!*

— Сьюз, *ты что?* — изумился Эдди.

Сюзанна как будто его не услышала. В некотором — и очень реальном — смысле Сюзанна Дин вообще перестала существовать: теперь в коляске сидела Детта Уокер с лихорадочно горящими подозрительностью глазами.

— *Стоять, или я стреляю!*

* Герой романа «Маленький лорд Фаунтлерой» американской детской писательницы Фрэнсис Элизы Бернетт (1849 — 1924).

Видимо, маленький лорд Фаунтлерой был глух, потому что предупредительный окрик Сюзанны не возымел на него никакого действия.

— Скорее! — вопил он, ликуя. — Иначе пропустите все веселье! Резвый сейчас...

Он начал медленно вытаскивать правую руку из-за спины. Только теперь до Эдди дошло, что никакой это не ребенок, а уродливый карлик, распрощавшийся с детством давным-давно. А выражение его лица, которое Эдди принял поначалу за детскую радость, на самом деле являло собой жуткую маску ярости с ненавистью пополам. Его щеки и лоб покрывали гноящиеся белесые язвы, которые Роланд называл «блядскими цветками».

Сюзанна так и не успела увидеть его лицо. Все внимание ее сосредоточилось на правой руке уродца с зажатым в ней тускло-зеленым шаром. Она увидела все, что нужно. Большего не потребовалось. Прогремел выстрел. Карлика отшвырнуло назад. Он грохнулся на тротуар. Из его крошечной глотки вырвался пронзительный крик — вопль боли и ярости. Граната выпала из обмякшей руки и покатилась обратно в ту самую арку, из которой минуту назад появился «гном».

Детта исчезла, как сон. Сюзанна с ужасом и отвращением перевела изумленный взгляд с дымящегося револьвера на распростертую на тротуаре крошечную фигурку.

— О Господи! Я застрелила его! Эдди, я его застрелила!

— *Смерть... седым!*

Маленький лорд Фаунтлерой попытался выкрикнуть эти слова вызывающим, дерзким тоном, но захлебнулся в потоке крови, хлынувшей у него изо рта и залившей немногие более или менее чистые места на его белой когда-то рубашке. Откуда-то изнутри, наверное, из внутреннего двора мраморного строения, заросшего дикой лозой, раздался приглушенный грохот взрыва, и косматый ковер буйной зелени колыхнулся, надувшись, как флаг на ветру. Из арок пахнуло дымом — удушающим, едким. Эдди бросился на Сюзанну, прикрывая ее своим телом. Град цементных осколков — к счастью, небольших — обрушился ему на спину и на затылок. Слева что-то зачавкало, влажно и неприятно. Он слегка приоткрыл глаза и, взглянув в том направлении, увидел голову маленького Фаунтлероя, которая покатилась в канаву и остановилась там. Глаза карлика были открыты, рот так и застыл искривленным в предсмертном оскале.

Теперь до них донеслись новые голоса: кто-то вопил, кто-то визжал, кто-то рычал от ярости. Эдди резко отскочил от коляски Сюзанны — коляска качнулась, встала на одно колесо, но все-таки, к счастью, не перевернулась — и глянул в сторону арки, откуда появился карлик. Оттуда уже выбегали люди: кто-то из-

за угла здания, кто-то из арок, заросших лозой. Разношерстная толпа, человек двадцать. Мужчины и женщины, материализовавшиеся из дыма после взрыва гранаты, словно какие-то злые духи. Почти у всех головы были повязаны голубыми платками, и все держали в руках оружие: весьма жалкий и разномастный набор проржавевших мечей, явно тупых ножей и потрескавшихся дубинок. Один из мужчин воинственно размахивал молотком. *Млады,* подумал Эдди. *Мы прервали их висельную вечеринку, и они, видимо, очень расстроились.*

Увидев Сюзанну, сидящую в кресле-каталке, и Эдди, который стоял теперь у коляски, опустившись на одно колено, толпа разразилась истошными воплями: *Смерть седым! Убить их обоих! Они замочили Блескучего, разрази их Господь!* Мужчина, выбившийся чуть вперед, одетый в какую-то юбку на манер тех, что носят шотландские солдаты, размахивал абордажной саблей. Он крутанул ее над головой (и едва при этом не снес башку стоявшей рядом толстой тетке, которая вовремя пригнулась) и бросился к Эдди с Сюзанной. Толпа с радостными воплями ринулась за ним.

Тишину пасмурного ветреного дня расколол грохот выстрела, и верхнюю часть головы ретивого млада, одетого в юбку, снесло напрочь. Землистое лицо толстой тетки, которой «шотландец» едва не отсек саблей голову, вдруг «расцвело» алым пунктиром, и она издала испуганный сдавленный возглас. Остальные на полном ходу проскочили мимо с широко раскрытыми, ничего не видящими глазами, вопя в исступлении и не замечая ни визга толстухи, ни трупа.

— Эдди! — закричала Сюзанна и выстрелила еще раз. Мужчина в шапочке, отделанной шелком, и сапогах до колен рухнул на мостовую.

Эдди потянулся за «ругером», и на какой-то кошмарный миг ему показалось, что он потерял пистолет. Рукоятка его — и такое случается тоже! — завалилась за ремень штанов. Он сунул руку за пояс и дернул изо всех сил. Гребаная штуковина застряла. Мушка на конце ствола зацепилась за трусы.

Сюзанна выстрелила три раза подряд. Все три пули попали в цель, но это не остановило разбушевавшихся младов.

— *Эдди, ты где? Помоги мне!*

Эдди рывком разорвал штаны, ощущая себя жалкой пародией на супермена, и сумел наконец вытащить «ругер». Основанием левой ладони он сбил рычажок предохранителя и, опершись локтем о бедро чуть повыше колена, открыл огонь. Он уже ни о чем не думал. Думать, собственно, не было необходимости — и целиться тоже. Роланд как-то им говорил, что в бою руки стрелка действуют как бы сами, независимо от него, и теперь Эдди убедился в этом. На таком расстоянии, впрочем, даже слепому было бы трудно промах-

нуться. После выстрелов Сюзанны число младов уменьшилось до пятнадцати. Эдди «прошелся» по остальным, как ураган по пшеничному полю, уложив четверых меньше чем за две секунды.

Теперь их спаянная толпа, слитая в едином бездумном и пылком порыве, начала потихоньку распадаться. Мужчина, размахивавший молотком, неожиданно отшвырнул свое оружие и бросился наутек, смешно подпрыгивая на своих искривленных артритом ногах. За ним последовали еще двое. Остальные в нерешительности остановились.

— Вперед, черт вас всех побери! — прорычал относительно молодой мужчина. Голубой шарф был повязан у него на шее, как шейный платок жокея. За ушами на лысой его черепушке торчали два жалких клочка спутанных рыжих волос. Сюзанна решила, что он похож на клоуна Кларабелля; Эдди он чем-то напомнил Роналда Макдоналда; и оба сразу увидели, что это серьезный противник. Лысый «жокей» запустил в них тяжелым, явно самопальным копьем, которое начинало свою «карьеру» скорее всего в качестве ножки стола. Не причинив никому вреда, оно грохнулось на мостовую справа от Эдди и Сюзанны. — Вперед, я сказал! Мы справимся с ними, если ударим все вмес...

— Прости, дружище, — пробормотал Эдди и выстрелил, целясь в грудь.

Кларабелль-Роналд отшатнулся, схватившись рукой за перед рубахи и глядя на Эдди широко раскрытыми глазами, в которых читалась одна, до боли ясная мысль: этого не должно было случиться. Рука упала, безвольно повиснув вдоль туловища. Изо рта потекла струйка крови, до невозможности яркая в сером свечении пасмурного дня. Млады — немногие из оставшихся — молча смотрели, как он, пошатнувшись, рухнул на колени. Один из них бросился было бежать.

— Не хрена, — сказал Эдди. — Оставайся на месте, мой убегающий друг, иначе у тебя будет возможность как следует рассмотреть ту поляну, где жизни твоей обрывается путь. — Он повысил голос. — А ну-ка, ребята, девчонки, бросайте все, что у вас в руках! Все! И быстро! Сейчас же!

— Ты... — прошептал умирающий. — Ты... стрелок?

— Да. — Эдди окинул угрюмым взглядом притихших младов.

— Умоляю тебя... о прощении, — выдохнул лысый воитель и упал лицом вниз.

— *Стрелки?* — тупо переспросил кто-то из толпы. В его голосе явственно слышался страх. И еще понимание.

— Хоть ты и дурак, но, смотрю, не глухой, — проговорила Сюзанна, — а это уже кое-что. — Она взмахнула револьвером, в котором (Эдди знал это точно) уже не осталось патронов. И,

кстати, уж если на то пошло, сколько патронов осталось в «ругере»? Только теперь до него дошло, что он понятия не имеет, сколько вообще патронов помещается в магазине этого пистолета. Надо же быть таким идиотом... впрочем, разве он думал о том, что им доведется столкнуться с чем-то подобным? Нет, ему даже и в голову не могло прийти... — Вы слышали, что он сказал, ребята? Давайте бросайте свои игрушки. Каникулы кончились.

Один за другим они подчинились. Женщина, на лице которой теперь засыхала кровь мистера Меч-и-Юбка — добрая пинта кровищи, — неуверенно проговорила:

— Не стоило вам убивать Уинстона, миссис... у него сегодня день рождения... был.

— Вот и сидел бы он дома и кушал праздничный тортик, — ответил Эдди. Учитывая ситуацию, самое подходящее определение которой «бред», ни реплика женщины, ни его ответ не показались ему ни странными, ни неуместными. Чистый сюр.

Среди оставшихся младов была еще одна женщина — тощее существо со светлыми волосами, вылезающими клоками, как будто у нее лишай. Эдди заметил, как она постепенно, бочком-бочком, начала продвигаться к мертвому карлику — и к потенциально безопасной зелени, закрывавшей вход в арку, — и всадил пулю в потрескавшийся цемент у нее под ногами. Он и сам не знал толком, чего ему от нее надо, просто ему не хотелось, чтобы один дурной пример заразил остальных. Кроме того, он боялся своих же рук — мало ли что они станут делать, если весь этот болезненный мрачный народ попытается смыться. Что бы он там себе ни думал по поводу всех этих стрелецких дел, рукам его это занятие, как выяснилось, понравилось.

— Стой на месте, красавица. Офицер дружественных нам войск обеспечит твою безопасность. — Он бросил взгляд на Сюзанну. Лицо ее посерело, и это встревожило Эдди. — Ты как, Сьюз? Нормально? — спросил он, понизив голос.

— Нормально.

— Ты ведь не хлопнешься в обморок, правда? Потому что...

— Нет. — Она подняла глаза, темные, точно сумрачные пещеры. — Просто раньше я никогда ни в кого не стреляла... понятно?

Что ж, привыкай, — едва не вырвалось у него, но он прикусил язык и опять покосился на пятерых оставшихся от оголтелой толпы. Они смотрели на него с Сюзанной с тупым испугом, которому, однако, было далековато до настоящего страха.

Черт возьми, да они все забыли давным-давно, что такое страх, — сказал себе Эдди. — *Равно как и радость, печаль и любовь... по-моему, они вообще разучились чувствовать. Слишком долго они живут в этом гиблом месте.*

И тут ему вспомнился смех, возбужденные крики, аплодисменты... Так что, выходит, была одна вещь, которая приводила в движение их застопорившиеся моторы, — нечто, способное пробудить в них какие-то, пусть извращенные, чувства. Резвый бы смог это подтвердить.

— Кто у вас тут за старшего? — спросил Эдди, внимательно наблюдая за перекрестком у них за спиной на случай, если те, кто сбежал, передумают и снова заделаются смельчаками. Пока что он не слышал и не видел ничего подозрительного. Все остальные, как видно, решили бросить эту пятерку на произвол судьбы.

Они неуверенно переглянулись, и в конце концов заговорила женщина с перепачканным кровью лицом:

— Был Резвый, но когда в этот раз загремели божественные барабаны, жребий выпал на него, и мы дали ему проплясаться. Наверное, после него шел бы Уинстон, но вы замочили его из своих проклятых револьверов. Да-да, замочили. — Она нарочно стерла ладонью кровь со щеки, посмотрела себе на руку и снова вперила мрачный взгляд в Эдди.

— А что, по-твоему, собирался со мной сделать Уинстон, когда метнул свое долбаное копье? — полюбопытствовал Эдди. Ему было весьма неприятно, что эта толстая тетка заставила его почувствовать свою вину за содеянное. — Подровнять мне прическу?

— И Франклина Блескучего замочили тоже, — угрюмо бубнила толстуха. — А кто вы такие вообще? Или седые, а это само по себе уже плохо, или парочка проклятых иноземцев, что еще хуже. Сколько нас, младов, осталось в Северном городе? Кто нас защитит? Топси? Да, Топси мог бы... Топси Мореход... но его с нами нету, так? Сел в свою лодку и уплыл по реке... да, именно так он и сделал, и да падет на него Божий гнев, это я вам говорю!

Сюзанна уже перестала вслушиваться в слова. Ее мысли как заколдованные возвращались опять и опять к одной фразе, сказанной ранее толстой женщиной: *Жребий выпал на Резвого, и мы дали ему проплясаться.* Давно, еще в колледже, она прочитала рассказ Шерли Джексон «Лотерея». Эти люди — выродившиеся потомки исконных младов — являли собой воплощение кошмарной фантазии Джексон. Неудивительно, что они не способны уже ни на какие сильные чувства. А кто был бы на это способен, зная, что ему предстоит принимать участие в этой страшной жеребьевке, и не единожды в год, как в рассказе, а по два-три раза на дню?

— Но почему? — спросила она у забрызганной кровью женщины. Ее голос, проникнутый ужасом, звучал хрипло и глухо. — Зачем вам все это?

Толстуха уставилась на Сюзанну как на законченную идиотку.

— Зачем? Да затем, чтобы призраки, обитающие в машинах, не вселились в тела умерших — младов или седых, все равно — и не послали их через дыры в земле наверх, чтобы они нас пожрали. Каждый дурак это знает.

— Никаких призраков не существует, — попыталась ее вразумить Сюзанна, но даже сама поняла, что слова ее просто бессмысленны. Здесь призраки существуют, существуют. В этом мире они повсюду. Но тем не менее она продолжала: — То, что вы называете божественными барабанами, всего лишь магнитофонная запись. Просто пленка где-то застряла, и все. — Тут ее вдруг осенило, и она торопливо добавила: — Или, быть может, седые делают это нарочно... вы никогда не задумывались? Они живут в другой части города, так ведь? И под землей тоже? Они всегда стремились вас выжить. Может быть, это просто способ, чтобы заставить вас выполнить за них всю работу.

Забрызганная кровью женщина стояла рядом с пожилым господином в котелке — самом древнем, наверное, в мире — и выцветших брюках цвета хаки. Он сделал шаг вперед и заговорил подчеркнуто вежливо, отчего глубокое его презрение к чужакам обрело свойство кинжала с острым как бритва лезвием:

— Вы ошибаетесь, госпожа стрелок. Здесь, под Ладом, машин не счесть, и во всех обитают призраки... демоны-духи, несущие смертным одно только зло. Эти демоны-духи очень даже способны поднять мертвецов... а уж мертвецов у нас в Ладе хватает.

— Послушайте, — раздраженно встрял Эдди. — А вы-то сами хоть раз видели этих зомби, а, Дживз*? Их вообще кто-нибудь видел?

Дживз скривил губы и ничего не сказал — усмешка его говорила сама за себя. Чего еще можно ждать от каких-то бешеных иноземцев, которые вместо того, чтобы искать понимания, начинают палить из револьверов?

Эдди решил, что лучше всего прекратить бесполезную эту дискуссию. Все равно проповедник из него никакой. Он помахал своим «ругером» перед носом забрызганной кровью женщины.

— Ты и твой этот приятель... который похож на английского камердинера в выходной день... отведете нас на вокзал, после чего мы с вами нежно распрощаемся, и, признаюсь вам честно, на этом мой рабочий день, мать его так, закончится.

— Вокзал? — переспросил пожилой мужчина, похожий на Дживза. — А что это такое — «вокзал»?

— Колыбель, — уточнила Сюзанна. — Отведите нас к Блейну.

---

* Дворецкий Дживз — один из главных персонажей романов и рассказов английского писателя-юмориста Пэлема Гренвилла Вудхауса (1881—1975).

Последняя фраза все-таки подкосила Дживза: презрительное выражение умудренного жизненным опытом человека сменилось подлинным ужасом.

— Туда нельзя! — Он едва ли не закричал. — Колыбель — это запретная зона, а Блейн — самый опасный из всех призраков Лада.

Запретная зона? — подумал Эдди. — *Великолепно. Если это действительно так, по крайней мере у нас голова перестанет болеть насчет вас, придурки. Кроме того, ему было приятно узнать, что Блейн все-таки существует... во всяком случае, сами млады в это верят.*

Остальные смотрели на Эдди с Сюзанной в полном недоумении: наверное, с таким выражением взирала бы группа новообращенных фанатиков-христиан на предприимчивых прохиндеев, предложивших им взять в аренду Ковчег завета и переделать его под общественный туалет.

Эдди приподнял «ругер», прицелившись точно в лоб Дживзу.

— Нам нужно туда, — сказал он. — Мы идем. И если у тебя действительно нет желания присоединиться к своим праотцам прямо сейчас, то лучше тебе прекратить скулить и отвести нас, куда тебе сказано.

Дживз и забрызганная кровью женщина неуверенно переглянулись, но когда «камердинер» опять повернулся к Сюзанне и Эдди, лицо его было суровым и очень решительным.

— Лучше вы нас застрелите, — проговорил он угрюмо. — Мы скорее умрем, чем пойдем туда.

— Да вы на себя посмотрите, ребята: кучка свихнувшихся мудаков с отмирающими мозгами! — взбесилась Сюзанна. — *Никто* не умрет! Никто! На хрена умирать?! Просто вы нас проводите, и все! Ради всего святого!

— Но, госпожа, — проговорила толстуха серьезным тоном, — что умереть, что войти в Колыбель к Блейну — все едино. Потому что Блейн спит, и тот, кто разбудит его, очень дорого за это заплатит.

— Да ладно тебе, красотка. — Эдди тоже уже начинал выходить из себя. — Разве можно почувствовать запах кофе, засунув нос в задницу?

— Я вас не очень-то поняла, — проговорила толстуха со странным достоинством (откуда оно только взялось?).

— Я хочу сказать, что у вас есть выбор: отвести нас в Колыбель, рискуя при этом навлечь на себя гнев Блейна, или остаться здесь и уже наверняка испытать на себе гнев Эдди. Между прочим, вовсе не обязательно убивать человека сразу — снес башку, и порядок, все чинно и быстро. Можно отстреливать и по кусочку, а я сейчас именно в том настроении. Мне ужасно не нравится ваш городишко, и день у меня был поганый... музыка однообразная, запись заело, все население страдает хроническим или острым психозом и

умственной недостаточностью, и первый же парень, которого мы тут встретили, швырнул в нас гранату и умыкнул нашего друга. Так что вы мне скажете?

— А зачем вам к Блейну? — спросил один из оставшихся пятерых младов. — Он давно не шевелится у себя в Колыбели... уже много лет. Он перестал даже болтать на свои разные голоса и смеяться.

Болтать на разные голоса и смеяться? — Эдди недоумевал. Он поглядел на Сюзанну. Быть может, она что-нибудь понимает. Но она лишь пожала плечами.

— Последним к Блейну ходил Ардис, — сообщила забрызганная кровью женщина.

Дживз угрюмо кивнул:

— Ардис всегда, когда пьяный, дурел. Блейн ему задал какой-то вопрос. Я его слышал, но только не понял, о чем шла речь... что-то насчет матери воронов, впрочем, не знаю... и когда Ардис не смог ответить, Блейн спалил его голубым огнем.

— Электричеством? — уточнил Эдди.

Дживз и забрызганная кровью женщина одновременно кивнули.

— Ага, — подтвердила женщина, — им самым. Электричеством. Так называли его в стародавние времена. Я-то знаю.

— Вам вовсе не обязательно заходить в Колыбель, — неожиданно предложила Сюзанна. — Просто отведите нас куда-нибудь, откуда она видна. А дальше мы пойдем сами.

Женщина недоверчиво на нее покосилась. Потом Дживз притянул голову толстухи к себе и стал что-то шептать ей на ухо. Трое оставшихся младов стояли чуть поодаль, выстроившись неровной линией и глядя на Эдди с Сюзанной невидящим взором, как люди, еще не очухавшиеся после массированного воздушного налета.

Наконец женщина оглянулась.

— Ладно, мы вас отведем к Колыбели, и скатертью вам дорога.

— Я тоже так думаю, — согласился с ней Эдди. — Ты и Дживз, вы пойдете с нами. Остальные свободны. — Он окинул их мрачным взглядом. — Только имейте в виду: хоть одно брошенное из засады копье, хоть одна стрела или кирпич — и эти двое умрут на месте. — Угроза его прозвучала так слабо и так бессмысленно, что Эдди тут же пожалел о сказанном. Разве этих придурков волнует судьба этой парочки или любого другого отдельно взятого «собрата» по клану, если они каждый день отправляют двоих-троих в мир иной. *А-а, ладно,* подумал он, глядя вслед удалявшимся младам, которые улепетывали не оглядываясь, *теперь уже поздно. Раньше надо было думать.*

— Идемте, — сказала женщина. — Хотелось бы поскорее от вас отделаться.

— Взаимно, — откликнулся Эдди.

Но прежде чем они с Дживзом сдвинулись с места, женщина сделала одну вещь, при виде которой сердце у Эдди немного смягчилось: опустившись на колени, она убрала волосы с лица мужчины в «шотландской юбке» и запечатлела на его грязной щеке поцелуй.

— Прощай, Уинстон, — шепнула она. — Подожди меня там, где расступаются деревья, а вода сладка. Подожди, я приду к тебе. Обязательно, как рассвет гонит сумрак на запад.

— Я не хотела его убивать, — вдруг сказала Сюзанна. — Я хочу, чтобы ты это знала. Но мне не хотелось умирать самой.

— Да. — Лицо, повернувшееся к Сюзанне, было суровым и на удивление спокойным. Глаза женщины были сухи. — Только если вы думаете войти к Блейну, вы все равно умрете. И скорее всего вы умрете так, что еще позавидуете Уинстону, бедняге. Он жесток, этот Блейн. Самый жестокий из всех злобных духов в этом жестоком и злобном месте.

— Пойдем, Мод. — Дживз помог ей подняться на ноги.

— Да. Надо с этим покончить. — Она смерила взглядом Сюзанну и Эдди. Взгляд ее был исполнен решимости, но и смятения тоже. — Прокляты будут мои глаза за то, что смотрели они на вас. И прокляты будут ваши револьверы, ибо все наши беды от них.

И при таком отношении, подумала про себя Сюзанна, *ваши беды, сестрица, не закончатся и через тысячу лет.*

Мод быстрым шагом пошла по улице Черепахи. Дживз вышагивал рядом с ней. Эдди, которому приходилось катить коляску с Сюзанной, едва поспевал за ними. Очень скоро он стал задыхаться. Высокие здания с резными арками уступили место увитым лозой строениям, рассеянным по широким, давно не знавшим ухода лужайкам. Когда-то, наверное, здесь был богатый и дорогой район. Одно из зданий особенно выделялось на общем фоне: незамысловатая внешне постройка в форме куба из белых каменных плит и с рядом колонн, поддерживающих нависающую крышу. Эдди опять вспомнились фильмы о гладиаторах, которые так ему нравились в детстве. Сюзанне, получившей более полное и классическое образование, вспомнился Парфенон. Оба сразу заметили изумительный каменный бестиарий — Медведя и Черепаху, Рыбу и Крысу, Коня и Собаку, скульптурные фигурки, выстроившиеся по краю крыши в колонну по две, — и поняли, что наконец-то пришли куда надо.

Всю дорогу их не покидало неприятное ощущение, как будто за ними наблюдает множество глаз — глаз, исполненных ненависти и в то же время благоговейного страха, — и теперь оно только усилилось. Над городом разразилась гроза. Первый гром прогремел, когда Эдди с Сюзанной увидели монорельс: как и гроза,

он врывался в город с юга, сливался с улицей Черепахи и входил прямиком в Колыбель Лада. А когда они подошли к нему, старые иссохшие тела на столбах по обеим сторонам проспекта задергались и заплясали под порывами ветра.

22

Они бежали еще долго-долго, Бог знает сколько (Джейк ничего уже не соображал; его хватило только на то, чтобы отметить, что барабаны опять замолчали), а потом Гашер снова остановил его резким рывком. На этот раз Джейк сумел устоять на ногах. У него открылось второе дыхание. Гашеру, старой развалине, было хуже.

— Уф! Мой старый насос дает сбои, мой сладкий.

— Плохо дело, — безучастно откликнулся Джейк и отлетел назад. Гашер со всей силы вмазал ему по щеке.

— Ну да, ты и слезы не уронишь, если я здесь скопычусь. Знаю я, как же! Только ты не надейся, мой юный друг... старина Гашер многих уже проводил и многих еще проводит, и не для того я родился на свет, чтобы отбросить копыта у ног такой, как ты, сладенькой душки-ягодки.

Джейк с безразличием выслушал весь этот бред. От твердо решил для себя, что Гашер отойдет к праотцам уже сегодня. Он лично за этим проследит. Может быть, Гашер прихватит с собой и его, но Джейку было уже все равно. Он утер кровь с разбитой губы и вперил задумчивый взгляд в свою испачканную ладонь, удивляясь при этом, насколько же быстро желание убивать завладевает человеческим сердцем.

Гашер, заметив, что Джейк разглядывает окровавленные свои пальцы, расплылся в ухмылке.

— Что, текут соки? Вот так-то. И это еще не последние соки, которые твой старый друг Гашер повыдавит из твоего стройного юного деревца, пока не доведет его до ума. А уж до ума он его доведет, будь уверен. — Он указал вниз, на выщербленную мостовую. Проследив взглядом за пальцем Гашера, Джейк увидел ржавую крышку люка, прикрывавшую вход в подземную шахту. На ней стояло заводское клеймо, которое Джейк уже где-то видел не так давно: ЛИТЕЙНЫЙ ЦЕХ ЛАМЕРКА.

— Там сбоку есть ручка, — доверительно сообщил Гашер. — Видишь? Вот и давай займись: поднимай крышку. И поживее. Тогда, может быть, ты предстанешь пред светлые очи Тик-Така со всеми зубами.

Джейк без слов взялся за ручку и потянул. Достаточно сильно, но все-таки не со всей силы. Лабиринт узких улочек

и переулков, по которому прогнал его Гашер, мог бы повергнуть в уныние кого угодно, но здесь, наверху, было хотя бы светло. Джейк не знал, что их ждет в подземелье под городом, где непроглядная тьма исключает не то что возможность, а даже мечты о побеге... и он не спешил это выяснить. Во всяком случае, до тех пор, пока его не принудят уже конкретно.

Гашер, однако, быстро расставил все по своим местам.

— Она слишком тяжелая... — начал было Джейк, но договорить не успел, потому что «пират» схватил его за горло и рывком приподнял над землей, так что лица их оказались на одном уровне. После долгого бега по закоулкам щеки его чуточку порозовели и увлажнились от пота, а язвы, разъедающие его плоть, приобрели омерзительный желто-пурпурный оттенок. Открытые язвы как будто дышали, равномерными толчками исторгая куски зараженной плоти и сгустки крови. Джейк успел еще уловить его смрадное дыхание, а потом Гашер сдавил его горло, и дышать стало нечем.

— Послушай, гаденыш. И слушай внимательно, потому что это мое последнее предупреждение. Ты сейчас же поднимешь эту гребаную болванку, иначе я тебе этой вот самой рукой оторву язык. И можешь кусать меня, сколько захочешь, пожалуйста, потому что болячка уже у меня в крови и не пройдет и недели, как на твоей нежной мордашке расцветут пышным цветом первые цветочки — если, конечно, ты доживешь. Ты хорошо меня понял?

Джейк отчаянно закивал головой. Лицо Гашера расплывалось уже в серых складках сгущающегося тумана, а голос его доносился как будто откуда-то издалека.

— Вот и славненько. — Гашер отшвырнул Джейка прочь. Обмякшее тело мальчика шлепнулось на мостовую рядом с люком; он жадно хватал ртом воздух, давясь, как будто его рвало. Наконец ему удалось сделать вдох — воздух со свистом ворвался в легкие, обжигая их жидким огнем. Джейк выплюнул комок окровавленной слизи. Теперь его точно едва не стошнило.

— А теперь снимай крышку, радость моего сердца, и давай больше не будем с тобой ругаться по этому поводу.

Джейк подполз к крышке люка, схватился за ручку и в этот раз потянул ее изо всех сил. В первый — кошмарный — момент ему показалось, что он все равно не сумеет ее поднять. Но потом он живо представил себе, как Гашер лезет рукой ему в рот и хватает язык... это прибавило ему сил. Что-то хрустнуло в пояснице, весь низ спины охватила тупая боль, но круглая крышка, скрежеща по булыжнику, медленно сдвинулась вбок, и под ней открылся тоненький серп темноты.

— Отлично, мой зайчик, отлично! — подбодрил его Гашер. — Ну прям-таки маленький мул! Давай тяни — не сдавайся на полпути!

Когда серпик стал величиной с половинку луны, а спина от боли превратилась в кусок раскаленного добела железа, Гашер пнул его в зад ногой, и Джейк растянулся на мостовой.

— Замечательно! — подытожил Гашер, заглянув в темноту. — А теперь, мое солнце, полезай быстренько вниз. Там сбоку есть лестница. Только смотри не сорвись... скобы там скользкие, мхом давно заросли... иначе придется тебе лететь, кувыркаясь, до самого дна. Там всего-то скоб двадцать, если я вдруг чего не забыл. Когда спустишься вниз, остановись, как пай-мальчик, и жди меня. У тебя может, конечно, возникнуть желание смыться, пока суд да дело, от старого доброго друга, но это не самая лучшая мысль, как ты думаешь?

— Нет, — сказал Джейк. — Не лучшая.

— Молодец, умный мальчик! — Губы Гашера растянулись в его коронной и мерзкой, надо сказать, ухмылке, обнажив несколько уцелевших зубов. — Там внизу темно. Очень темно. И тоннелей там с хренову тучу. И все идут в разные стороны. Твой старый приятель Гашер знает их как свои пять пальцев, честное слово, а вот ты там заблудишься моментально. И там еще полно крыс — здоровенных и очень голодных крыс. Так что лучше тебе меня подождать.

— Подожду.

Прищурившись, Гашер уставился на него.

— Речь у тебя как у этих, из новых... но ты точно не млад, могу чем угодно поклясться. Откуда ты, солнце мое?

Джейк промолчал.

— Мы, похоже, язык проглотили. Ну и ладно, не больно-то и хотелось. Тик-Так все равно тебя разговорит, помяни мое слово. У Тикки талант вызывать людей на разговор. А уж если он кого разговорит, то, случается, тот входит в раж и начинает трепаться без умолку, причем иной раз так быстро болтает и громко орет, что приходится тюкнуть его по башке, чтобы он не трещал как сорока. Все должны отвечать, когда разговаривают с Тик-Таком, и все отвечают, даже такие смазливые сладкие мальчики вроде тебя. А теперь, мать твою, лезь туда... *Ну!*

Он занес ногу, намереваясь пнуть Джейка, но в этот раз мальчику удалось увернуться. Он заглянул в полуоткрытый люк, увидел лестницу и начал спускаться. Голова Джейка не скрылась еще под землей, как вдруг воздух сотрясся от жуткого грохота. Громыхнуло далеко, на расстоянии примерно в милю, но Джейк сразу понял, что это было, и вскрикнул в отчаянии.

Уголки рта Гашера искривила мрачная усмешка.

— Твой крутой друг прошел дальше, чем ты смел надеяться, да, моя прелесть? Но я так и думал... я сразу понял, на

что он способен, потому что я видел его глаза — наглые, хитрые. Я так и думал, что он сразу отправится выручать своего маленького дружка, и так оно и получилось. Провода он заметил, но зато пролетел на фонтане, так что теперь тебе нечего волноваться. Спускайся, мой сладкозадый.

Он занес ногу, целясь в торчащую над тротуаром голову Джейка. Джейк пригнулся, уворачиваясь от удара. Одна нога его соскочила со скобы, и, чтобы не упасть, ему пришлось ухватиться за покрытую язвами ногу Гашера. Джейк поднял на него умоляющий взгляд, но не увидел ни капли жалости на умирающем изъязвленном лице.

— Пожалуйста, — выдавил он, чуть не плача. Он представил себе Роланда, раздавленного громадой каменного фонтана. Как там говорил Гашер? *Если кто-то захочет тебя соскрести, ему надо будет воспользоваться промокашкой.*

— Проси, мое сердце, проси-умоляй. Только вряд ли ты что-нибудь выпросишь, потому что, как мы говорим, все сострадание, какое есть, осталось на той стороне моста. И тебе лучше это усвоить. Не глазей на меня, спускайся, иначе я так тебе наподдам, что мозги у тебя вылетят через уши.

Так что Джейк полез вниз. Когда он добрался до дна колодца, залитого стоячей водой, желание плакать прошло. Понурив голову и ссутулив плечи, он стоял там и ждал, когда Гашер спустится вниз и поведет его навстречу его судьбе.

23

Роланд действительно чудом не налетел на перекрещивающиеся провода, которые удерживали в равновесии лавину хлама, готовую обрушиться на любого неосторожного «гостя», но подвешенный над головой фонтан был откровеннейшей тупостью — такую ловушку мог бы поставить только наивный ребенок. Корт учил их при продвижении по вражеской территории осматривать окружающую обстановку по секторам, включая сюда и то, что находится сзади, сверху и под ногами.

— Стой! — велел он ушастику, повысив голос, чтобы перекричать барабанный бой.

— Ой! — согласился Ыш и, поглядев вперед, тут же добавил: — Эйк!

— Да. — Стрелок еще раз взглянул на подвешенный сверху мраморный фонтан, потом осмотрел мостовую в поисках механизма, приводящего ловушку в работу, и обнаружил его почти

сразу. И не один, а целых два. Быть может, когда-то их маскировка под булыжник мостовой была вполне сносной и действенной, но это время давно миновало. Роланд присел, уперев руки в колени, и проговорил, обращаясь к Ышу, задравшему мордочку кверху и внимательно глядящему ему в глаза: — Сейчас я тебя на минутку возьму на руки. Только ты не волнуйся, Ыш.

— Ыш!

Роланд осторожно прикоснулся к ушастику, заведя обе руки ему под брюшко. В первый миг Ыш весь напрягся и попытался отпрянуть, но потом Роланд почувствовал, что зверек все же расслабился. Ему явно не нравилось, что его трогает кто-то другой, а не Джейк, но он, похоже, смирился с этим. Роланд в который раз удивился тому, какой же Ыш все-таки умный.

Он перенес зверька по узенькому проходу под висячим фонтаном, осторожно переступая через фальшивые булыжники. Как только они миновали опасный участок, стрелок сразу же отпустил ушастика. В тот же миг барабаны умолкли.

— Эйк! — тявкнул Ыш в нетерпении. — Эйк-Эйк!

— Да... но сначала нам надо обстряпать одно небольшое дельце.

Роланд отвел Ыша еще ярдов на пятнадцать подальше, потом наклонился, подобрал с мостовой увесистый кусок бетона и задумчиво перебросил из руки в руку, как будто прикидывая его вес. С востока донесся звук выстрела. За грохотом барабанов Роланд не расслышал шум краткой схватки Сюзанны и Эдди с бандой оголтелых младов, но этот выстрел стрелок услышал вполне отчетливо. Он улыбнулся: выстрел этот почти наверняка означал, что чета Дин добралась до Колыбели, — первая хорошая новость за целый день, который тянулся, казалось, уже неделю.

Роланд размахнулся и бросил обломок бетона. Бросок вышел точным, как и тогда, в Речном Перекрестке, когда стрелок запустил камень в древний светофор: бетонный обломок ударился точно по центру одной из пластин-ловушек. Где-то вверху с противным лязгом лопнул один ржавый трос. Мраморный фонтан накренился и завис на мгновение, поддерживаемый вторым тросом. *Любой более или менее подготовленный человек с хорошей реакцией успел бы за это мгновение уйти из опасной зоны,* — машинально отметил про себя Роланд. А когда и этот трос тоже лопнул, фонтан обрушился вниз, точно бесформенный розовый камень.

Когда фонтан грохнулся о мостовую, все вокруг, кажется, содрогнулось. Роланд присел за завалом из стальных ржавых балок. Ыш проворно запрыгнул ему на колени. В воздух взметнулись мраморные осколки, причем некоторые куски были размером с небольшую повозку. Несколько кусочков поменьше попало Роланду в лицо.

Он отряхнул шерстку ушастика, в которой тоже застряли розовые обломки, и оглядел образовавшуюся с его помощью баррикаду. Фонтан раскололся надвое, точно большое блюдо. *Придется нам возвращаться другим путем,* — сказал себе Роланд. Проход, и без того очень узкий, теперь оказался полностью заблокированным.

Интересно, слышал ли Джейк грохот рухнувшего фонтана, а если слышал, то что он подумал? Насчет Гашера Роланд даже не переживал: тот наверняка решит, что стрелка размазало по мостовой, — Роланду это было лишь на руку. Но что подумал Джейк? То же самое? Должен же он понимать, что стрелка не заманишь в такую убогую западню... однако, если Гашер запугал его, Джейк сейчас мог вообще ничего уже не соображать. Как бы там ни было, сейчас нет времени на раздумья и домыслы, и если бы у Роланда была возможность вернуться на пару минут назад в прошлое, он сделал бы то же самое. Пусть Гашер уже не жилец, он — мужик смелый и по-звериному хитрый. Если теперь он хотя бы немного ослабит бдительность, значит, оно того стоило.

Роланд поднялся на ноги.

— Ыш! Ищи Джейка!

— Эйка! — Вытянув мордочку, Ыш принюхался, уловил запах Джейка и снова рванулся вперед, ведя за собой Роланда. Минут через десять ушастик остановился у крышки канализационного люка, обнюхал землю вокруг и, подняв голову к Роланду, отрывисто тявкнул.

Опустившись на одно колено, стрелок внимательно изучил запутанные следы и широкую полосу царапин на мостовой. Судя по всему, эту крышку отодвигали довольно часто. Лицо Роланда оставалось по-прежнему бесстрастным, и только глаза его сузились, когда он увидел сгусток окровавленной слюны в щели между двумя булыжниками.

— Он так и бьет его, этот ублюдок, — пробормотал стрелок.

Он оттащил в сторону крышку люка и заглянул вниз. Потом расшнуровал рубаху и вытащил из петель сыромятный кожаный шнурок. Подняв ушастика, сунул его за пазуху. Ыш оскалился. Роланд почувствовал, как ему в грудь и живот вонзаются, точно маленькие ножи, острые коготки. Но когти тут же убрались, и Ыш высунул мордочку из-за пазухи, сверкая глазами и дыша, точно маленький паровой двигатель. Стрелок чувствовал, как рядом с его сердцем колотится маленькое сердечко. Порывшись в сумке, Роланд достал еще один сыромятный шнурок, подлиннее.

— Придется мне взять тебя на поводок. Мне это, правда, не очень нравится, а тебе, наверное, понравится еще меньше, но там, внизу, слишком темно.

Связав два шнурка вместе, он сделал петлю на одном конце и накинул ее на шею ушастика. Роланд думал, что Ыш снова оскалит зубы и, может быть, попытается даже его укусить, но Ыш сидел на удивление спокойно. Он лишь посмотрел на стрелка своими черными глазками с золотым ободком и с нетерпением тявкнул:

— Эйк!

Зажав свободный конец поводка в зубах, Роланд сел на край канализационного люка... если, конечно, это был канализационный люк. Он нащупал ногой первую скобу лестницы. Спускался стрелок медленно и осторожно, ему очень мешала изувеченная рука. Отсутствие двух пальцев сказывалось теперь, как никогда. К тому же стальные скобы были покрыты какой-то густой скользкой смазкой и еще чем-то мягким и влажным, должно быть, мхом. Теплое тельце Ыша ощущалось пушистым грузом между рубашкой и животом. Зверек ровно, со свистом посапывал. В слабом свете, проникающем в шахту с улицы, золотистые кольца вокруг его черных зрачков поблескивали, точно два медальона.

И вот наконец нога Роланда со всплеском погрузилась в скопившуюся на дне шахты воду. Он на мгновение поднял глаза к бледной белой монетке света высоко-высоко вверху. *Начинается самое трудное,* — сказал он себе. В тоннеле было сыро и тепло, и пахло, как в старом склепе. Где-то неподалеку гулко и размеренно капала, ударяясь о камень, вода. Чуть подальше гудели какие-то механизмы. Роланд достал из-за пазухи Ыша — зверек явно был ему очень признателен — и опустил его в мелкий поток сточных вод, лениво текущий по дну тоннеля.

— Теперь все зависит только от тебя, — шепнул стрелок на ухо Ышу. — Ищи Джейка, Ыш. Ищи Джейка!

— Эйка! — тявкнул ушастик и поспешно зашлепал по воде в темноту. Голова его раскачивалась, как маятник, на длинной шее. Намотав свободный конец поводка на изувеченную правую руку, Роланд последовал за ним.

24

Колыбель — внушительное и огромное здание, вполне достойное того, чтобы в сознании Сюзанны и Эдди название это воспринималось уже с большой буквы, — располагалась по центру широкой площади в пять раз больше той, где стояла рухнувшая статуя. Только теперь, рассмотрев Колыбель как следует, Сюзанна почувствовала, каким серым, старым и безобразным было все остальное в Ладе. На Колыбель было больно смотреть — такой сияюще

чистой она выглядела. Побеги дикого винограда не лепились к ее белоснежным стенам; дурацкие надписи не уродовали ее ослепительных стен, колонн и ступеней. Здесь не было и следа желтоватой пыли, приносимой ветрами с равнин и покрывавшей, казалось, весь город. Когда они подошли поближе, Сюзанна увидела почему: с двух сторон по фасаду из отверстий, скрытых в тени отливающих медью навесов крыши, текли неиссякаемые потоки воды. Другие незаметные отверстия периодически извергали фонтанчики, омывающие ступени, образуя каскады маленьких водопадов.

— Ух ты! — выдохнул Эдди. — По сравнению с этим Большой Центральный выглядит как занюханный полустанок в деревне Глубокая Задница, штат Небраска.

— Ты настоящий поэт, мой милый, — сухо прокомментировала Сюзанна.

Ступени окружали кольцом все здание и вели к просторному открытому холлу. Однако, несмотря на отсутствие зарослей буйной лозы, которая бы закрывала обзор, заглянуть внутрь было никак невозможно: широкая, нависающая над ступенями крыша отбрасывала слишком густую тень. По краю крыши, вокруг всего здания, маршировали в колонне по два тотемы Луча, а на почетных местах на углах восседали зверюги, которые не привидятся и в кошмарном сне: ужасные с виду каменные драконы с чешуйчатыми телами, огромными лапами с выпущенными когтями и злобными пронзительными глазами.

Эдди легонько дотронулся до плеча Сюзанны и указал чуть выше. Сюзанна подняла глаза... и у нее перехватило дыхание. На конце шпиля на крыше, вздымаясь над символами Луча и драконами, словно те подчинялись ему, застыла фигура: золотой воин высотой шестьдесят, если не больше, футов. Старая ковбойская его шляпа была сдвинута на затылок, открывая высокий лоб, изборожденный морщинами — следами не столько прожитых лет, сколько непреходящих забот и тревог; повязанный вокруг шеи платок был небрежно опущен на грудь, как будто его только что сняли после того, как он отслужил свою долгую трудную службу, защищая лицо от пыли. В одной руке, поднятой вверх, воин держал револьвер, в другой — что-то типа оливковой ветви.

Над Колыбелью Лада стоял Роланд из Гилеада, одетый в золото.

Нет, — сказала себе Сюзанна, наконец вспомнив о том, что ей надо дышать. — *Это не он... но с другой стороны, это именно он. Человек этот — стрелок... был стрелком. И поразительное это сходство между ним, погибшим, наверное, тысячу лет назад, и Роландом — вот вся правда и сущность ка-тета, которую надо знать.*

Далеко-далеко на юге прогремел гром. Молнии подгоняли бегущие по небу тучи. Жалко, подумала Сюзанна, что у них мало времени, чтобы как следует рассмотреть золотого воина на шпиле Колыбели и зверей на крыше: как ей показалось, на каждом каменном звере были высечены какие-то слова — наверняка очень важные. Вот бы их прочитать... Но сейчас они просто не могут себе позволить тратить на это время.

Там, где улица Черепахи вливалась в площадь Колыбели, поперек мостовой шла широкая красная полоса. Мод и мужчина, которого Эдди окрестил Дживзом-камердинером, остановились на почтительном расстоянии от алой отметки.

— Все, дальше мы не пойдем, — сообщила им Мод ровным бесцветным голосом. — Можете застрелить нас на месте, все равно жизни смертных принадлежат богам и мы все там будем, но я, несмотря ни на что, предпочту умереть по эту сторону запретной черты. Я не хочу гневить Блейна из-за каких-то там иноземцев.

— И я тоже, — поддакнул Дживз. Он снял запыленный свой котелок и прижал его к голой груди, глядя на Колыбель в благоговейном страхе.

— Вот и славно, — сказала Сюзанна. — Катитесь отсюда оба.

— Ну да, только мы отвернемся, вы сразу выстрелите нам в спину. — Голос у Дживза дрожал. — Чем угодно могу поклясться, что так и будет.

Мод мотнула головой. Брызги крови на лице у нее засохли, превратившись в нелепые бордовые веснушки.

— Стрелки никогда не стреляют в спину... уж это я знаю.

— А откуда мы знаем, стрелки они или нет? Мало ли что они там говорят.

Мод указала на большой револьвер с потертой сандаловой рукоятью в руках у Сюзанны. Дживз посмотрел на револьвер, секунду подумал... и протянул женщине руку. Когда Мод взяла его за руку, представление Сюзанны о них как о парочке закоренелых убийц резко переменилось. Они походили скорее на Гензеля и Гретель, чем на Бонни и Клайда — усталые, перепуганные, растерянные, они заблудились в лесу так давно, что успели состариться в нем. Ее страх и ненависть к ним как рукой сняло, а на их месте возникла щемящая жалость. И грусть.

— Прощайте, — тихо и мягко проговорила она. — Возвращайтесь к себе и не бойтесь — ни я, ни мой муж не причиним вам вреда.

Мод кивнула.

— Я верю, что вы не хотите нам зла. И я прощаю тебя за то, что ты застрелила Уинстона. Но послушай меня, и послушай внимательно: *держитесь подальше от Колыбели.* Какими бы важ-

ными и серьезными ни были ваши причины идти туда, все равно это того не стоит. Войти в Колыбель Блейна — это верная смерть.

— У нас нет выбора, — сказал Эдди, и в это мгновение опять прогремел гром, словно подтверждая его слова. — А теперь *вы* послушайте меня. Я не знаю, что там под Ладом есть и чего там нет, но в одном я уверен: барабаны, из-за которых вы так напрягаетесь, — это всего лишь кусок одной записи — *песни,* сделанной в мире, откуда пришли мы с моей женой. — Взглянув на их непонимающие лица, он раздраженно воздел руки к небу. — Господи Боже мой, тыквенный пирожок, неужели вы не понимаете?! Вы убиваете тут друг друга из-за какой-то занюханной песенки, которая даже и синглом-то не выходила!

Положив руку ему на плечо, Сюзанна тихонько назвала его по имени. Поначалу он не обратил на нее внимания, переводя свой сверкающий праведным гневом взгляд с Дживза на Мод и обратно на Дживза.

— Вы так хотите увидеть чудовищ? Тогда присмотритесь получше друг к другу. А когда возвратитесь в свой этот дурдом, который вы называете домом, посмотрите внимательнее на друзей и на родственников.

— Вы еще не понимаете. — Глаза Мод были темны и серьезны. — Но поймете. Да... вы поймете.

— Идите, — тихо проговорила Сюзанна. — Нам с вами беседовать бесполезно: мы просто не понимаем друг друга. Ступайте. Идите своей дорогой и постарайтесь все-таки вспомнить лица своих отцов, потому что мне кажется, вы их забыли давным-давно.

Не сказав больше ни слова, мужчина и женщина развернулись и пошли, держась за руки, восвояси — туда, откуда пришли, — оглядываясь время от времени через плечо: Гензель и Гретель, испуганные детишки, заблудившиеся в дремучем лесу.

— Выпустите меня отсюда, — устало произнес Эдди, потом поставил «ругер» на предохранитель, сунул пистолет за пояс джинсов и потер красные воспаленные глаза ладонями. — Просто выпустите меня... это все, чего я прошу.

— Я понимаю, о чем ты, красавец. — Сюзанна явно была не на шутку перепугана, но в наклоне ее головы все равно ощущались упрямство и вызов. Эдди узнал уже эти ее черты и успел их полюбить. Положив руки ей на плечи, он наклонился и поцеловал ее. Ничто не могло помешать ему сделать это: ни жуткое окружение, проникнутое мрачной тайной, ни готовая разразиться гроза. Когда он наконец оторвался от ее губ, она внимательно на него посмотрела, и в ее широко раскрытых глазах плясали веселые огоньки. — Ого! С чего бы это?

— Просто я тебя очень люблю, — сказал Эдди, — а так, собственно, ни с чего. Причина достаточно веская, как ты считаешь?

Ее взгляд смягчился. Сюзанна подумала даже, а не пора ли ему сообщить один небольшой секрет — хотя и сама еще точно не знала, так это или нет, — но сейчас было явно не время для этого. И не самое подходящее место для таких откровений. Сейчас она не могла сообщить ему о своей предполагаемой беременности, точно так же, как не могла терять время, чтобы прочесть слова, высеченные на каменных изваяниях Стражей Врат.

— Достаточно веская, Эдди, — сказала она.

— Встреча с тобой — это лучшее из того, что случилось со мной за всю жизнь. — Он буквально пожирал ее взглядом. — Мне всегда трудно давались такие слова... жизнь рядом с Генри, я думаю, забила во мне всякую сентиментальность... но это правда. Сначала, мне кажется, я полюбил тебя потому, что в тебе как бы сосредоточилось все, чего я лишился из-за Роланда — я имею в виду Нью-Йорк и все прочее, — но теперь это нечто большее, потому что я уже не хочу возвращаться туда. А ты?

Она посмотрела на Колыбель. При одной только мысли о том, что может их ждать там, внутри, ее обуял настоящий ужас, и все же... она опять взглянула на Эдди.

— Нет, я не хочу возвращаться назад. Теперь я хочу идти только вперед. По крайней мере пока ты со мной. Знаешь, это даже забавно, что ты сейчас сказал: ты полюбил меня потому, что из-за него ты лишился своего мира.

— Забавно?

— А я полюбила тебя за то, что ты освободил меня от Детты Уокер. — Она на мгновение умолкла, потом тихонько качнула головой. — Нет... все гораздо сложнее. Я полюбила тебя потому, что ты освободил меня от этих обеих стервозин. Одна — матерщинница и воровка, которая развлекалась, дразня и «кидая» парней. Вторая — самодовольная и чванливая цаца. Как я теперь понимаю, половина во мне была от одной и ноль пять — от другой. Сюзанна Дин нравится мне гораздо больше... а освободил меня ты. Если бы не ты, я бы не стала такой, как сейчас.

На этот раз она потянулась к нему: прижала ладони к заросшим щетиной щекам, притянула его к себе и нежно поцеловала в губы, — а когда он легонько коснулся ее груди, она вздохнула и накрыла его руку ладонью.

— Давай лучше пойдем, — выдохнула Сюзанна, — иначе мы сейчас уляжемся прямо здесь, посреди улицы... и тогда уже точно промокнем. Сейчас будет дождь — посмотри.

Эдди в последний раз обвел взглядом унылые молчаливые башни, окна без стекол, заросшие виноградом стены. Потом кивнул:

— Да. Пойдем. У этого города все равно нет никакого будущего.

Он толкнул коляску с Сюзанной вперед. Когда колеса коляски пересекли алую линию, которую Мод называла запретной чертой, оба невольно напряглись, опасаясь, что сейчас сработает какой-нибудь древний защитный механизм-ловушка и прикончит их обоих на месте. Но ничего не случилось. Эдди вывез коляску на площадь. Когда они приближались уже к белым ступеням, ведущим в Колыбель, с неба полился холодный, подгоняемый ветром дождь.

Ни Сюзанна, ни Эдди не догадывались, что на город обрушилась первая из осенних гроз Срединного мира.

25

Как только они очутились в вонючей тьме канализационных стоков, Гашер сбросил убийственный темп, который поддерживал на пути поверху. Джейк, однако, не думал, что это из-за темноты: Гашер, похоже, не врал, когда хвастался, что знает здесь все повороты и все изгибы пути. Дело, наверное, в том, что мучитель его был уверен, что Роланд погиб, превратившись в лепешку под рухнувшим мраморным фонтаном.

А самого Джейка, когда прошло первое потрясение, начали одолевать сомнения.

Если Роланд заметил натянутые проводки — а эта ловушка была похитрее, чем подвешенный над головой фонтан, — то как могло получиться, что он не заметил такую громадину? В принципе и такая возможность не исключалась, однако Джейку она представлялась маловероятной. Скорее всего Роланд обрушил фонтан специально, чтобы усыпить бдительность Гашера и, возможно, заставить его сбавить темп. Джейк сомневался, что Роланд сумеет проследить их путь по подземному лабиринту — не зная дороги, в кромешной тьме не пройдет даже стрелок, — но ему все-таки было приятно сознавать, что Роланд не погиб, пытаясь сдержать свое обещание.

Они повернули направо, потом налево и снова налево. Джейк вообще ничего не видел, но зато все остальные чувства его обострились, и постепенно он начал смутно воспринимать окружающую обстановку. Приглушенный гул работающих станков в отдаленных тоннелях временами становился громче, потом затихал опять, когда каменные недра Лада снова смыкались над ними, поглощая все звуки. Лицо его периодически обдувало сквозняком. Иногда токи воздуха были прохладными, иногда — теплыми. Чавкающие по воде шаги

отдавались гулким эхом в поперечных тоннелях, откуда, собственно, и долетали эти вонючие дуновения, а один раз Джейк едва не разбил себе голову о какую-то металлическую штуковину, свисавшую с потолка. Ощупав ее на ходу, мальчик решил, что это был, по всей видимости, здоровенный кран. После этого случая Джейк постоянно размахивал руками, чтобы избежать новых неожиданных столкновений с невидимыми в темноте предметами.

Гашер направлял его ударами по плечам, точно погонщик быка. Они продвигались достаточно быстро, но все-таки не бегом. Гашер постепенно восстановил дыхание. Сначала он что-то бубнил, а потом вдруг запел глуховатым, но неожиданно мелодичным тенором:

Трам-тарам-тарам-там-там, дощатое крылечко,
Получу работу, куплю тебе колечко.
Тарам-тарарарам-тарам-тара,
Приеду, схвачу тебя за буфера.
Тарам-трам-тарарам, отличные сиськи
Мне просто ужасно охота потискать
Твои... тарарам-там-тара!

Гашер пропел еще пять-шесть куплетов в подобном духе, после чего умолк.

— А теперь ты мне чего-нибудь спой, красавчик.

— Я ничего не знаю, — выдохнул Джейк, очень надеясь, что Гашер подумает, будто он задыхается. Он не знал, к чему это приведет, к добру или к худу, но здесь, в темноте, годилось все, чтобы добиться любого, пусть самого мизерного, преимущества.

Гашер ткнул Джейка локтем в спину, причем сильно — мальчик едва не упал в грязную воду, лениво журчащую по дну тоннеля.

— Ты лучше что-нибудь вспомни, если, конечно, не хочешь, чтобы я выдрал позвонки из твоей нежной спинки. — Он помолчал и потом добавил еще: — Тут полно призраков, да. Они обитают внутри машин, мать их так. А пение держит их на расстоянии... отпугивает. Ты не знал? Давай пой!

Джейк лихорадочно соображал, не желая схлопотать очередную «ласковую трепку» Гашера. Порывшись в памяти, он извлек одну песенку, которую выучил в летнем лагере, когда ему было лет семь или восемь. Открыв рот, он затянул ее в темноте, вслушиваясь в свой голос, отражавшийся эхом от каменных стен и как будто скачущий среди плеска бегущей воды, стука капель и гула древних машин:

Моя девочка — прелесть, она из Нью-Йорка.
Я покупаю ей все, чтоб она
была стильной девчонкой.

Бедра у Коры —
Как два линкора.
О Боже, куда уплывают деньжата.

Моя девочка — сказка, она из Филли,
Я покупаю ей все, чтоб она
была стильной девчонкой.
Глаза у девицы —
Как две пряные пиццы.
О Боже, куда уплывают деньжата.

Гашер протянул руки, схватил Джейка за уши, как будто за ручки кастрюли, и рванул на себя, останавливая парнишку на месте.

— Там прямо по курсу яма, — сообщил он. — С таким, правда, голосом, как у тебя, было бы лучше для всех, если бы ты туда провалился ко всем чертям, но Тик-Так не одобрил бы этого, да. Так что пока живи. — Гашер отпустил уши Джейка, горящие как в огне, и вцепился в ворот его рубашки. — А теперь наклоняйся вперед, пока не нащупаешь лестницу с той стороны. И не вздумай поскользнуться, чтобы мы туда не грохнулись оба!

Джейк осторожно наклонился вперед, вытянув руки перед собой. При одной только мысли о том, что под ним открывается яма, которую он не видит, его охватил дикий ужас. Нащупав лестницу, он почувствовал, как поток теплого воздуха — чистого, свежего, только что не ароматного — обдувает его лицо. Далеко внизу теплился бледный розовый свет. Пальцы его прикоснулись к стальной перекладине и обхватили ее. Раны от укусов на левой руке открылись снова. Теплые струйки крови потекли по ладони.

— Нашел? — спросил Гашер.

— Да.

— Тогда ползи вниз! Чего ты, черт возьми, ждешь?! — Он отпустил ворот его рубашки, и Джейк живо представил себе, как Гашер заносит ногу, чтобы придать ему ускорения посредством хорошего пенделя в задницу. Мальчик переступил через тускло мерцающий проем и начал спускаться по лестнице, стараясь по возможности не напрягать раненую левую руку. На этот раз на железных скобах не было ни наростов мха, ни скользкой и жирной смазки. Они практически не проржавели. Спуск оказался достаточно долгим, и пока Джейк сползал вниз — при этом ему приходилось поторапливаться, чтобы Гашер не наступил ему на руки своими тяжелыми сапожищами, — ему вспомнился один фильм, который он как-то видел по телевизору: «Путешествие к центру Земли».

Гул станков становился все громче, розовый свет — все ярче. В звуках работающих механизмов все равно ощущал-

ся какой-то сбой, но обострившийся в темноте слух подсказал Джейку, что эти машины находятся в лучшей рабочей форме, чем те, что наверху. Когда Джейк наконец добрался до дна шахты, пол под ногами оказался сухим. Новая, горизонтальная, шахта высотой футов шесть представляла собой коридор квадратного поперечного сечения, стены которого были обшиты проклепанными листами из нержавеющей стали. Он тянулся, насколько хватало глаз, в обе стороны прямо, как струна. Интуитивно, даже не задумываясь об этом, Джейк понял, что этот тоннель (располагавшийся на глубине футов семьдесят, если не больше, под Ладом) тоже идет вдоль пути Луча. А где-то там, впереди — Джейк был в этом уверен на сто процентов, хотя ни за что бы не смог ответить, откуда у него эта уверенность, — прямо над тоннелем стоит тот самый поезд, ради которого, собственно, все это и затевалось.

По обе стороны шахты, под самым ее потолком, тянулись два ряда узких вентиляционных решеток. Именно из этих отверстий в тоннель проникал поток чистого сухого воздуха. Кое-где с вентиляционных решеток свисали голубовато-серые бороды мха, но большинство были в порядке. Под каждой второй решеткой виднелась нарисованная желтая стрелка, а под стрелкой — какой-то таинственный символ, похожий на маленькую букву «т». Стрелки указывали в том направлении, по которому следовали Гашер с Джейком.

Розовый свет исходил из стеклянных трубок, закрепленных в два ряда на потолке тоннеля. Одни — примерно каждая третья — не горели вообще, другие мигали и шипели, почти не давая света, но почти половина работала. *Неоновое освещение,* в изумлении подумал Джейк. *Ничего себе, да?*

Гашер спрыгнул с лестницы рядом с Джейком и усмехнулся, увидев его ошарашенное выражение.

— Здорово, правда? Летом прохладно, зимой тепло, а жратвы столько, что пятьсот мужиков не съедят и за пять сотен лет. А знаешь, что самое главное, котик? Самое-самое главное изо всей этой хренотени?

Джейк покачал головой.

— Этим гребаным младам даже и невдомек, что это место вообще существует! Они считают, что здесь, под землей, обитают чудовища. Да млад лучше сдохнет, чем подойдет к люку канализации ближе чем на двадцать футов, если только его настоятельно не попросят!

Запрокинув голову, Гашер искренне, от души рассмеялся. Джейк стоял молча, хотя внутренний голос — холодный, таящийся в самых глубинах сознания, — подсказывал, что не худо бы поддержать смех Гашера. Хотя бы из дипломатических соображений. Но Джейк все-таки не рассмеялся, потому что он точно знал, как

себя чувствуют млады. Под Ладом действительно обитают чудовища: тролли, великаны-людоеды и призраки. Разве сам он не пленник такого чудовища?

Гашер подтолкнул его влево.

— Иди давай... мы уже почти на месте. Ну!

Они зашагали дальше. Эхо шагов, отражаясь от стен, катилось следом за ними. Минут через десять — пятнадцать Джейк увидел в стене — ярдах в двухстах впереди — герметично закрытый люк. Когда они подошли поближе, он разглядел, что из центра тяжелой крышки торчит большой поворотный кран. Справа висела коробочка внутреннего переговорного устройства.

— Все, нет моих больше сил! — выдохнул Гашер, когда они встали у двери в конце тоннеля. — Для больного и старого инвалида, то бишь покорного твоего слуги, такие гонки уже малость не по зубам. — Вдавив большим пальцем кнопку переговорного устройства, он гаркнул в микрофон: — Эй, Тик-Так, я его заполучил... доставил в целости и сохранности, как условлено! И волоска с головы его не упало! Я же тебе обещал, а раз я обещаю, я делаю! Доверься старому Гашеру, я тебе говорил, Гашер не подведет! А теперь открывай давай и впусти нас!

Он отпустил кнопку и с нетерпением уставился на дверь. Колесо даже не шелохнулось, а из динамика раздался ровный гнусавый голос:

— Пароль?

Гашер нахмурился, задумчиво поскреб подбородок длинными грязными ногтями, потом, ничего, видимо, не придумав, приподнял повязку над глазом и выдавил очередную порцию желтовато-зеленой слизи.

— Этот Тик-Так со своими паролями! — пробубнил он, обращаясь к Джейку. Голос его прозвучал раздраженно, но за показной его злостью скрывалась тревога. — Тик-Так — парень, конечно, крутой, но иной раз его заклинивает, скажу я тебе, не по делу.

Нажав на кнопку, он заорал благим матом:

— Кончай, Тик-Так! Ты что, голоса моего не узнал? Может, тебе слуховой аппарат подарить?!

— Да узнал я тебя, успокойся, — вернулся в динамик гнусавый, немного манерный голос. Джейку он показался похожим на голос Джерри Рида в роли Берта Рейнолда в сериале «Смоуки и Бандит». — Но я же не знаю, с кем ты там, правда? Ты что, забыл: наша видеокамера гикнулась еще в прошлом году. Называй пароль, Гашер, иначе будешь там гнить до скончания века!

Гашер засунул в нос палец, вытащил сгусток соплей цвета мятного желе и размазал их по решетке динамика. Джейк наблюдал за этим ребяческим проявлением злости с немым изумлением — ну разве не прелесть?! — чувствуя, как в горле его

пузырится и рвется наружу совсем неуместный истерический смех. Стоило столько нестись, задыхаясь, по запутанному лабиринту, переполненному ловушками, потом брести под землей в кромешной тьме, чтобы застрять у какой-то там двери в конце тоннеля потому только, что Гашер забыл пароль?

Гашер злобно зыркнул на Джейка, потом провел рукой по черепу, снимая с головы мокрую от пота желтую повязку. Он был, как выяснилось, абсолютно лыс, если не брать в расчет парочку жалких пучков вздыбленных черных волос, похожих на иглы дикобраза. Над левым виском наблюдалась глубокая вмятина. Порывшись в повязке, Гашер извлек на свет обрывок мятой бумаги.

— Благослови, Господи, Хутса, — пробормотал он себе под нос. — Хутс, молодец, позаботился обо мне, и весьма кстати, да.

Он уставился на бумажку, повертел ее то одной, то другой стороной, а потом протянул ее Джейку и шепнул ему, понизив голос, словно боялся, что Тик-Так может подслушать его, хотя кнопка ГОВОРИТЕ на переговорном устройстве не была нажата:

— Слушай, ты ведь настоящий маленький жельтмен, правда? А самое первое, чему учат всякого жельтмена после того, как он уже научился не ссать на углу и не жрать зубную пасту, — так это читать. Давай-ка прочти мне, что тут за слово написано, зайчик, а то что-то оно у меня выскочило из башки... честное слово.

Джейк взял бумажку, взглянул на нее и снова поднял глаза на Гашера.

— А если я не прочту? — спросил он спокойно.

От такого ответа Гашер на секунду опешил... а потом снова расплылся в ухмылке, всегда сопровождавшей приступы его мрачного и опасного «добродушия».

— Тогда я сожму твою нежную шейку и буду стучаться твоей башкой в дверь, — сообщил он. — Тик-Так, правда, вряд ли проникнется, так что я сомневаюсь, что мне удастся даже таким радикальным способом убедить старину Тикки впустить меня — он, знаешь ли, все еще нервничает немного из-за твоего крутого приятеля, — но мне станет хотя бы легче, когда я увижу, как мозги твои растекаются по колесу.

Джейк задумался над услышанным. Мрачный, совсем неуместный смех все еще булькал в горле, прорываясь наружу. Тик-Так — парень крутой, без вопросов. И никогда не прокалывается. Он верно все рассчитал: даже если бы Роланд его захватил, он бы вряд ли заставил Гашера, который и так уже почти труп, выдать пароль. Но на одном Тик-Так, кажется, прокололся по-крупному — он не принял в расчет дырявую память Гашера.

Только не смейся. Если ты рассмеешься, он тебе точно вышибет мозги.

Несмотря на свою браваду и все угрозы, Гашер смотрел на Джейка с явным и искренним беспокойством, и Джейк отметил про себя одну важную вещь, которая потом может ему сослужить неплохую службу: Гашер действительно не боится смерти... но зато боится унижения.

— Ну ладно, Гашер, — сказал он спокойно. — Там написано «щедрый».

— Дай сюда. — Гашер выхватил мятый листок из рук Джейка, засунул бумажку обратно в платок и, быстренько обмотав желтую тряпку вокруг лысой своей черепушки, вдавил пальцем кнопку на переговорном устройстве. — Эй, Тик-Так? Ты еще здесь?

— А где я, по-твоему, должен быть? На Западном конце мира? — В гнусавом манерном голосе теперь слышалось легкое изумление.

Гашер показал динамику белесый язык, но голос его звучал заискивающе, едва ли не подобострастно:

— Пароль — слово «щедрый», и красивое слово, замечу! А теперь впусти меня, будь я проклят!

— Конечно-конечно. — Где-то рядом включился скрытый механизм. Джейк аж подскочил от неожиданности. Колесо в центре герметичной двери пришло в движение. Когда оно провернулось и остановилось, Гашер взялся за него обеими руками и рванул на себя. Потом схватил Джейка за руку, дернул его вперед, так что тот едва не споткнулся о приподнятый над полом порожек, и втолкнул в странную комнату, диковиннее которой Джейк в жизни не видел.

26

Роланд спустился к тусклому розоватому свету. Из-за ворота его рубахи, расстегнутой на груди, выглядывали, мерцая, умные глазки Ыша; вытянув до предела свою длинную шейку, ушастик принюхивался к струям теплого воздуха, проникающим через вентиляционные решетки. В кромешной тьме подземелья Роланду пришлось полностью положиться на нюх животного, и он очень боялся, что Ыш потеряет след Джейка в проточной воде... но когда он услышал пение — сначала Гашера, потом Джейка, — отдающееся гулким эхом в тоннелях, он облегченно вздохнул. Ыш не ошибся.

Ыш тоже услышал пение. До этого момента он продвигался вперед медленно и осмотрительно, время от времени даже возвращаясь немного назад, чтобы лишний раз убедиться в том, что чутье его не подвело, но, едва заслышав голос Джейка, пустился бегом, натянув до предела кожаный поводок. Поначалу Роланд испугался, что ушастик начнет звать Джейка своим хрипловатым, пронзительным голоском — *Эйк! Эйк!* — но ушастик молчал. А когда они добра-

лись до шахты, уводящей в нижние этажи этого Дицианова лабиринта, Роланд услышал снизу гул какого-то нового механизма — по всей видимости, насоса, — за которым последовал металлический лязг захлопнувшейся двери.

Спустившись в квадратный тоннель, стрелок прежде всего окинул взглядом двойной ряд светящихся трубок на потолке, уходящий, насколько хватало глаз, в обе стороны. Они горели болотным огнем, как та вывеска над заведением Балазара в Нью-Йорке. Повнимательнее присмотревшись к узким хромированным решеткам на вентиляционных отверстиях, прорубленных под самым потолком, и к желтым стрелкам под ними, Роланд снял петлю поводка с шейки Ыша. Тот, явно обрадованный, нетерпеливо замотал головой.

— Мы уже близко, — пробормотал Роланд в приподнятое ухо ушастика, — так что вести себя надо теперь осторожно и тихо. Ты понял, Ыш? Очень тихо.

— И-хо, — отозвался Ыш хриплым шепотом, который в другой ситуации прозвучал бы, наверное, даже забавно.

Роланд опустил Ыша на пол, и тот тут же понесся вперед по тоннелю, вытянув шею и приблизив нос к стальному покрытию пола. Роланд слышал, как ушастик тихонько бормочет себе под нос: *Эйк-Эйк! Эйк-Эйк!* Роланд вытащил из кобуры револьвер и пошел следом за ним.

27

Эдди с Сюзанной застыли у белых ступеней, разглядывая громаду Колыбели Блейна. Небо как будто разверзлось над Ладом — дождь хлынул сплошной стеной.

— Ничего себе домик отгрохали! Только забыли пристроить дорожку для инвалидных колясок. — Эдди приходилось кричать, чтобы голос его не утонул в шуме дождя и раскатах грома.

— Ничего страшного, — нетерпеливо отозвалась Сюзанна, выкарабкиваясь из коляски. — Пойдем скорее, а то промокнем.

Эдди с сомнением поглядел на лестницу. Ступеньки, конечно, не слишком высокие... но зато их много.

— Ты уверена, Сьюз, что справишься?

— Еще и тебя обгоню, бледнолицый, — отмахнулась Сюзанна и начала взбираться вверх по ступенькам с невероятным проворством, опираясь на крепкие, мускулистые руки и отталкиваясь от ступенек обрубками ног.

И она действительно едва его не обогнала. Эдди приходилось сражаться с громоздким металлическим креслом,

бросить которое он не мог и которое очень ему мешало. К тому моменту, когда они добрались до верхней площадки, оба запыхались. От их промокшей одежды шел пар. Эдди подхватил Сюзанну под мышки, приподнял ее и вдруг замер на месте, обнимая ее за талию и прижимая к себе, вместо того, чтобы усадить обратно в коляску. Почему-то — знать бы еще почему — им вдруг овладело игривое, сумасшедшее настроение. Ему захотелось ее. Прямо здесь и сейчас.

Так, дайте мне отдышаться, подумал он. *Ты добрался досюда живым, вот у тебя железы и трепещут, готовые к подвигам и загулу.*

Сюзанна облизала губы и, запустив пальцы Эдди в шевелюру, дернула изо всех сил. Было больно... но вместе с тем так чудесно.

— Я же тебе говорила, что я тебя сделаю, мальчик, — шепнула она низким хрипловатым голосом.

— Не ври... я был первым, на полступеньки. — Он постарался сделать вид, что он не так уж и запыхался, но ничего у него не вышло.

— Может быть... но зато ты весь выдохся. — Одна рука ее соскользнула вниз и легонечко сжала в том самом месте. В глазах у Сюзанны мелькнул огонек. — Но кое-что, наоборот, полно сил.

По небу прокатился гром. Они оба вздрогнули и рассмеялись.

— Ладно тебе, — сказал он. — Тоже мне, нашла время. Безумие какое-то! Бр-р!

Она не стала ему возражать, но еще раз легонечко сжала то самое место и только потом убрала руку и положила ее ему на плечо. Эдди — не без сожаления — усадил ее обратно в коляску и покатил по широким плитам под навес крыши. Ему показалось, что точно такое же сожаление промелькнуло и во взгляде Сюзанны.

Когда они были уже под крышей и сверху на них не лило, Эдди приостановился и оглянулся. Площадь Колыбели, улица Черепахи... весь город уже исчезал за трепещущей серой завесой дождя. И Эдди ни капельки не сожалел об этом. В его мысленной записной книжке Лад не попал в список приятных воспоминаний.

— Смотри, — тихонько пробормотала Сюзанна, указав на ближайшую водосточную трубу. На нижнем ее конце красовалась большая рыбья голова, покрытая каменной чешуей. Судя по виду, рыбина эта состояла в близком родстве с драконообразными чудищами, восседающими на углах Колыбели. Из пасти ее серебристым потоком струилась вода.

— Кажется, это уже не «кратковременные осадки», — заметил Эдди.

— Какие осадки?! Этот дождь будет лить, пока ему не осточертеет, а потом еще капельку, просто назло. Может, это продлится неделю, а может, и месяц. Но мы можем до этого и не дожить, если Блейн вдруг решит, что наши рожи ему не понравились. Так что, собственно, нам без разницы. Стрельни-ка разок, родной,

пусть Роланд знает, что мы на месте, а потом мы тут немного осмотримся, ладно? Чего тут да как.

Эдди подошел к краю лестницы, выставил руку из-под навеса и выстрелил, направив «ругер» в забитое тучами серое небо. Именно этот выстрел — за милю, если не больше, — и слышал Роланд, идущий по следу Гашера и Джейка по «лабиринту с ловушками». Еще пару секунд Эдди постоял на месте, пытаясь убедить себя, что все еще может закончиться хорошо, а сердце его ошибается, когда так настойчиво и упрямо твердит, что больше они никогда не увидят ни Джейка, ни Роланда. Все будет хорошо... Поставив пистолет на предохранитель, он сунул его обратно за пояс джинсов и вернулся к Сюзанне. Развернул коляску спиной к ступеням и покатил ее по проходу между рядами колонн, уходящих в глубь здания. По дороге Сюзанна достала Роландов револьвер и перезарядила его.

Здесь, под массивной каменной крышей, звук дождя превратился в таинственный, призрачный шелест. Камень стен приглушал даже раскаты грома. Колонны, поддерживающие Колыбель, были не менее десяти футов в диаметре. Их верхушки терялись во тьме под крышей. Оттуда, из полумрака, доносилось негромкое воркование голубей.

Из сумрачной мглы выплыла табличка, подвешенная на тяжелой хромированной цепи:

СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ
ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС В КОЛЫБЕЛИ ЛАДА!

← Юго-восточный маршрут
(БЛЕЙН)
Северо-западный маршрут
(ПАТРИЦИЯ) →

— Теперь мы знаем, как звали тот поезд, который свалился... свалилась в реку, — заметил Эдди. — Патриция. Только они перепутали цвета. Обычно считается, что цвет девочек — розовый, а цвет мальчиков — голубой, а не наоборот.

— Может, они *оба* голубые.

— Нет. Блейн розовый.

— Откуда ты это взял?

Эдди растерянно поглядел на Сюзанну.

— Не знаю откуда... я просто знаю.

Они двинулись по стрелке, которая указывала в направлении места стоянки Блейна, и вышли на открытое простран-

ство, где когда-то, наверное, располагался главный вестибюль вокзала. Эдди не обладал способностью Сюзанны мысленно проникать в прошлое и видеть его в серии ярких и четких зрительных образов, но он все равно нарисовал себе в воображении такую картину: просторная площадь с колоннами полна народу, люди спешат, ищут свои вагоны, обнимаются при расставании и встрече, и надо всем стоит цокот тысячи каблуков и гул неразборчивых голосов. А из динамиков, перекрывая все звуки, доносятся разнообразные объявления:

Производится посадка на поезд Патриция, следующий в направлении северо-западных феодов...

Внимание, внимание, пассажир Киллингтон, пассажир Киллингтон, вас ожидают на нижнем этаже у справочного бюро.

Блейн прибывает на второй путь. Встречающих просят пройти на платформу...

А теперь здесь остались одни только голуби.

Эдди невольно поежился.

— Посмотри на те лица, — пробормотала Сюзанна. — Не знаю, как тебе, а мне от них жутко. — Она показала направо. Наверху на стене, в полумраке, Эдди увидел ряд каменных лиц: они выступали из белого мрамора и глядели на них сверху вниз — суровые мрачные лица палачей, влюбленных в свое ремесло. Несколько каменных голов отвалилось и валялось теперь в виде гранитных обломков под равнодушными взглядами мрачных своих сотоварищей, футах в восьмидесяти под ними, а те, что еще держались, были покрыты густой паутиной трещин и заляпаны голубиным пометом.

— Наверное, члены какого-нибудь Верховного суда, — высказал предположение Эдди, с опаской глядя на все эти тонкие сжатые губы из камня и пустые потрескавшиеся глаза. — Только у судей может быть такой вид: умудренный и сволочной одновременно... уж кому, как не мне, это знать! Нет ни одной приличной рожи. Такие, как эти, безногому крабу и костыля-то не подадут.

— «Груда поверженных изваяний, где жарит солнце, где не дает мертвое дерево тени», — продекламировала Сюзанна, и почему-то от этих слов у Эдди по коже пошли мурашки.

— Это откуда, Сьюз?

— Из одного стихотворения. Его написал человек, который, наверное, видел Лад в страшном сне. Ладно, Эдди, пойдем. Ну их к черту. Забудь про них.

— Легче сказать, чем сделать. — Но Эдди все же толкнул коляску, и они двинулись дальше.

Из сумрака впереди выплыл какой-то высокий решетчатый барьер, похожий на навесную башню, обороняющую подвесной мост средневекового замка... а за барьером виднелись

смутные очертания поезда. Так Эдди с Сюзанной впервые увидели Блейна Моно. Он действительно оказался розовым, как и утверждал Эдди. Нежный оттенок его был как будто специально подобран под цвет прожилок на мраморных колоннах. Блейн словно парил над высокой платформой вытянутым, обтекаемым силуэтом в форме пули. Казалось, он сделан из плоти, а не из металла. Поверхность его была безупречно гладкой, безо всяких зазоров и трещин, и лишь в одном месте ее прорезало отверстие — треугольное окно в головной части, снабженное огромным «дворником». Эдди знал, что точно такое же есть и на другой стороне, так что, если смотреть на Блейна спереди, впечатление будет такое, что у поезда есть лицо, как у Чарли Чу-Чу. А «дворники», наверное, будут похожи на веки над хитро прищуренными глазами.

Белый свет, льющийся из открытой арки в северо-восточной стене Колыбели, падал на Блейна чуть скошенным длинным прямоугольником. Эдди подумал, что поезд этот похож на хребет какого-то сказочного розового кита — всегда загадочного и молчаливого.

— Ну вот, — шепнул он, понизив голос. — Мы нашли его.

— Да. Блейна Моно.

— Но он мертв, тебе не кажется? Во всяком случае, выглядит он неживым.

— Нет. Он живой. Просто спит.

— Откуда ты знаешь?

— А откуда ты знал, что он розовый? — Она не ждала от него ответа, и Эдди не стал отвечать. На напряженном лице Сюзанны читался неподдельный страх. — Он спит, и знаешь, что я тебе скажу? Я боюсь... мне страшно его будить.

— Ну ладно, давай подождем остальных.

Она покачала головой.

— Мне кажется, мы должны все подготовить заранее... я имею в виду, к их приходу... потому что, сдается мне, что прибудут они сюда в крайней спешке. Подвези меня к этой коробочке на решетке. Похоже на переговорное устройство. Видишь?

Эдди увидел коробку и медленно подкатил к ней коляску. Устройство крепилось к решетке возле закрытых ворот посередине перегородки, идущей по всему периметру Колыбели. Вертикальные стойки ограды были сделаны из металла, похожего на нержавеющую сталь; ворота — из кованого железа, а их нижняя часть уходила в обитую сталью прорезь в полу. Эдди увидел, что сквозь решетку им не пробраться. Расстояние между стойками не превышало и четырех дюймов. В такую узкую щель с трудом бы протиснулся даже Ыш.

Над головой шелестели и ворковали голуби. Левое колесо коляски Сюзанны монотонно поскрипывало, действуя на нервы. *Полцарства за банку машинного масла*, подумал Эдди и только теперь осознал, что ужасно боится. Ему было не просто страшно. Он давно уже не испытывал ничего подобного: с того самого дня, когда они с Генри стояли на Райнхолд-стрит в Датч-Хилле, глядя на покосившийся особняк. В тот день — дело было в далеком 1977-м — они не решились войти в жуткий «дом с привидениями». Они повернулись к нему спиной и зашагали прочь, и всю дорогу он мысленно клялся себе, что никогда, никогда, никогда не вернется в то страшное место. Эту клятву он, надо сказать, сдержал... но вот вам, пожалуйста, новый «дом с привидениями». И вот вам, пожалуйста, главный призрак — Блейн Моно — приземистый розовый силуэт с треугольным окошком, косящимся на него, точно глаз хищного и опасного зверя, который вроде бы спит, но на самом-то деле лишь притворяется спящим.

Он давно не шевелится у себя в Колыбели... уже много лет... Он перестал даже болтать на свои разные голоса и смеяться... Последним к Блейну ходил Ардис... Блейн ему задал какой-то вопрос... и когда Ардис не смог ответить, Блейн спалил его голубым огнем.

Если он сейчас заговорит, я, наверное, сойду с ума, подумал Эдди.

Ветер снаружи усилился, брызги дождя влетели в высокий проем выездной арки. На стекле окна Блейна остались мелкие капельки.

Ни с того ни с сего Эдди вздрогнул и внимательно огляделся по сторонам.

— За нами, кажется, наблюдают... я чувствую.

— Для меня это не новость, — сказала Сюзанна. — Подвези меня ближе к воротам, Эдди. Хочу как следует рассмотреть эту штуку.

— О'кей, только не прикасайся к ней, хорошо? Вдруг она под напряжением...

— Если Блейну захочется нас поджарить, он и так это сделает, — отмахнулась Сюзанна, глядя через ограду на розовую спину Блейна. — И ты это знаешь не хуже меня.

Эдди это знал и потому промолчал.

Коробка действительно напоминала переговорное устройство, совмещенное с системой охранной сигнализации. В верхней ее половине виднелся динамик с кнопкой по типу обычных переключателей СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ. Под динамиком в форме ромба располагались числа от одного до ста:

1
2 3
4 5 6
7 8 9 10
11 12 13 14 15
16 17 18 19 20 21
22 23 24 25 26 27 28
29 30 31 32 33 34 35 36
37 38 39 40 41 42 43 44 45
46 47 48 49 50 51 52 53 54 55
56 57 58 59 60 61 62 63 64
65 66 67 68 69 70 71 72
73 74 75 76 77 78 79
80 81 82 83 84 85
86 87 88 89 90
91 92 93 94
95 96 97
98 99
100

Под ромбом из чисел торчали еще две кнопки. На одной на Высоком Слоге было написано КОД-КОМАНДА, на другой — ВВОД.

Сюзанна уставилась, озадаченная, на непонятное для нее устройство. На лице ее явно читалось сомнение.

— Что это может быть, как ты думаешь? Похоже на хитрые штуковины из фантастических фильмов.

Ну конечно, подумал Эдди. Как-то он упустил из виду, что они с Сюзанной были из разного времени. У себя, в своем времени, Сюзанна, возможно, и видела одну-две системы домашней охранной сигнализации (в конце концов она же жила в Манхэттене, среди богачей, пусть те и не очень-то привечали ее), однако, как ни крути, электронное оборудование, существовавшее в ее время, в 1963 году, и сверхсложные приборы его года, 1987-го, — это, как говорится, две большие разницы. *А ведь мы никогда с ней и не говорили об этих различиях,* подумал он. *Интересно, что бы она сказала, если бы я ей сообщил, что, когда Роланд меня умыкнул, Рональд Рейган был президентом Соединенных Штатов? Она бы, наверное, решила, что я рехнулся.*

— Это система охранной сигнализации, — пояснил он, не вдаваясь в подробности. А потом, хотя все его чувства и инстинкты восстали против такой вопиющей дурости, он заставил себя поднять руку и нажать пальцем на кнопку СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ.

Странно, но током его не жахнуло. В руку его не ударила голубая молния. Никаких даже признаков того, что эта штука вообще работает.

Может, Блейн все-таки умер. Может, он все-таки умер.

Только ему почему-то не верилось в это.

— Алло? — вопросительно произнес Эдди, живо себе представляя, как Ардис, бедолага, вопит от боли в потоке микроволнового излучения, а по телу его и лицу пляшут разряды голубого огня, от которых плавятся глаза и загораются волосы. — Алло... Блейн? *Кто-нибудь?*

Он отпустил кнопку и, напрягшись, застыл в ожидании. Сюзанна сунула ему в руку свою маленькую и холодную ладошку. По-прежнему никакого ответа. Эдди опять нажал кнопку — в этот раз ему это далось с еще большим трудом.

— Блейн?

Он отпустил кнопку. Подождал. Опять никакого ответа. Эдди почувствовал, как голова у него начинает кружиться: неприятное, даже опасное ощущение, которое часто одолевало его в моменты волнения или страха. Когда с ним случалось такое, он не мог уже мыслить здраво. В него как будто вселялся бес. Ему становилось на все наплевать. Так было, когда он повздорил с тем узколицым связным Балазара в Нассау. И то же самое начиналось теперь. Если бы Роланд видел его в те моменты, когда в нем бушевал огонь этого бешеного нетерпения, он бы понял, что Эдди не просто очень похож на Катберта, — в такие моменты он бы, наверное, смог поклясться, что Эдди и *есть* Катберт.

Эдди вдавил что есть силы кнопку и заорал в микрофон дурным голосом, имитируя (безо всякого, впрочем, успеха) сочный британский акцент:

— Привет, Блейн! Здорово, старик! Это Робин Лич, главный редактор журнала «Жизнь богатеньких и безмозглых», я пришел тебе сообщить, что *ты* выиграл шесть миллионов долларов и новенький «форд-эскорт» по лотерее издательства!

Мягким испуганным взрывом крыльев над ними взвилась стайка голубей. У Сюзанны в буквальном смысле отвисла челюсть. На ее лице застыло ошеломленное выражение богобоязненной женушки, которая только что услыхала, как ее дорогой муженек богохульствует в Божьем храме.

— Прекрати, Эдди! *Немедленно прекрати!*

Но Эдди уже несло. Губы его растянулись в улыбке, но в глазах притаились страх, истерика и яростное раздражение.

— Ты со своей монорельсовой девочкой, Патрицией, проведешь изумительный месяц в живописном местечке Джимтаун. К вашим услугам роскошный отель, самые лучшие вина и самые свежие девственницы на закуску. Ты...

— *...тс-с-с...*

Запнувшись на полуслове, Эдди взглянул на Сюзанну. Всякий на его месте подумал бы первым делом, что это она шикнула на него, — и даже не потому, что она уже раз пыталась его унять, но прежде всего потому, что больше здесь не было никого, — собственно, Эдди так и подумал, но в то же время он знал, что это не она. Голос был не ее. Он и звучал по-другому. Это был голос ребенка — очень маленького и испуганного.

— Сьюз? Ты...

Сюзанна замотала головой, одновременно приподнимая руку и указывая на переговорное устройство. Эдди увидел, что кнопка с пометкой КОД-КОМАНДА горит едва теплящимся бледно-розовым светом точно такого же цвета, как поезд, спящий в своей Колыбели с той стороны ограды.

— *Тс-с-с... не будите его,* — горестно произнес детский голос, льющийся из динамика, тихий и мягкий, словно вечерний бриз.

— Что... — начал было Эдди, но тут же умолк. Тряхнув головой, он протянул руку к кнопке СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ и легонько ее нажал. Теперь, когда он заговорил, в его голосе и интонациях не осталось и намека на придурочные завывания Роберта Лича. Это был шепот, едва ли не конспираторский:

— Ты кто? Кто ты?

Он отпустил кнопку. Они с Сюзанной уставились друг на друга широко раскрытыми глазами, точно дети, которые вдруг узнают, что живут в одном доме со странным — может быть, даже психически ненормальным — взрослым. Вы, наверное, спросите: а откуда они узнают? Им сообщает об этом другой ребенок. Ребенок, который прожил не год и не два с этим припадочным взрослым, и в течение всех этих лет ему приходилось прятаться по углам и прокрадываться потихоньку домой, когда взрослый спал; забитый, испуганный ребятенок, который — уж так получилось! — невидим.

Ответа не было. Эдди ждал. Время шло. Секунды тянулись невыносимо — за каждую можно было, наверное, прочитать целую книгу. Наконец Эдди не выдержал и протянул руку к кнопке, и как раз в этот момент на панели опять зажегся слабый розовый огонек.

— *Я Маленький Блейн,* — прошептал детский голос. — *Тот, которого он не видит. Тот, про которого он забыл. Тот, который, как он уверен, остался в залах руин и чертогах смерти.*

Эдди снова нажал на кнопку. Рука его непроизвольно дрожала, и он никак не мог эту дрожь унять. Голос тоже срывался на каждом слове:

— *Кто? Кто* не видит? Медведь?

Нет... ну какой, спрашивается, медведь?! Мертвый Шардик лежит в лесу за множество миль отсюда; и даже за это

время мир успел сдвинуться дальше. Неожиданно Эдди вспомнил о том, что он почувствовал и пережил, приложив ухо к таинственной двери непонятного назначения, обнаруженной ими на той поляне, где жил своей странной, непонятной полужизнью Шардик, — к двери, разрисованной желтыми и черными полосами, навевавшими почему-то неясный страх. Теперь Эдди понял, что все это части одной картины, все это части единого целого, жуткого и изъеденного порчей, паутины, изорванной в клочья, в центре которой непознанным и непознаваемым каменным пауком вздымается Темная Башня. Буквально за несколько последних дней весь Срединный мир превратился в один населенный призраками особняк; Срединный мир превратился в Отстойник, превратился в Великую Пустошь. Стал Бесплодной землей, населенной лишь призрачными существами, — землей, которая сама стала призраком.

И прежде чем детский голос ответил ему из динамика, Эдди прочел ответ по беззвучно шевелящимся губам Сюзанны — ответ очевидный и очень простой, как решение загадки, когда тебе дали подсказку.

— *Большой Блейн,* — прошептал голос невидимого существа. — *Большой Блейн... призрак в машине... во всех машинах.*

Сюзанна поднесла руку к горлу и сдавила его со всей силы, как будто хотела себя задушить. В глазах ее был только ужас, но взгляд не застыл и не остекленел — он остался внимательным и проницательным. Кроме страха, читалось в нем и узнавание. Когда-то в прошлом она знала кое-кого если и не с похожим голосом, то с похожими переживаниями и опытом... еще в то время, когда единое целое — Сюзанна — было расколото на две непримиримые половины, вечно воюющие друг с другом: Одетту и Детту. Детский голос действительно был для нее неожиданностью, но страдальческий взгляд ее говорил о том, что Сюзанна узнала, что это такое.

Кому, как не ей, знать, что представляет собой раздвоение личности.

Она это познала на собственном опыте. И познала сполна.

— Эдди, пойдем отсюда. — Ужас, ее обуявший, превратил речь Сюзанны в смазанный звуковой поток безо всяких знаков препинания. Эдди слышал, как в горле ее свистит воздух, точно зимний ветер в трубе. — Эдди нам нужно уйти Эдди нам нужно уйти отсюда Эдди...

— *Слишком поздно,* — прервал ее тонкий печальный голос. — *Он проснулся. Большой Блейн проснулся. Он знает, что вы здесь. Он идет.*

Внезапно под потолком замелькали какие-то вспышки — дуги яркого оранжевого свечения. Резкий свет залил всю Колыбель, прогоняя тени. Голуби — сотни и сотни — испуганно взвились в воздух, поднятые из своих гнезд, и закружились в бесцельном слепом полете.

— Погоди! — крикнул Эдди. — Пожалуйста, подожди!

От волнения он забыл нажать на кнопку, но это уже не имело значения. Маленький Блейн все равно услышал его и ответил:

— Нет! Я не хочу, чтобы он меня тут поймал! Он убьет меня... я не хочу!

Розовый огонек на переговорном устройстве погас, но лишь на мгновение. В этот раз зажглись сразу две кнопки: КОД-КОМАНДА и ВВОД, — и не розовым тусклым светом, а огненно-красным, как раскаленный горн в кузнице.

— КТО ВЫ? — прогрохотал властный голос, идущий не только из маленького динамика, но и из всех подключенных и еще работающих громкоговорителей в городе. Истлевшие и гниющие трупы, висящие на столбах, задрожали от вибраций этого мощного голоса: даже мертвые, кажется, убежали бы подобру-поздорову от Блейна, если бы только могли.

Сюзанна сжалась в своей коляске, закрывая ладонями уши. Ее лицо вытянулось от страха и безотчетного отвращения, рот искривился в беззвучном крике. Эдди тоже почувствовал, как волна страха уносит его назад в прошлое — к тем фантастическим и кошмарным галлюцинациям, которые он рисовал в воображении, когда ему было одиннадцать лет. Разве не этого голоса он боялся, когда они с Генри стояли напротив особняка? Разве не этого голоса он, может быть, и *ожидал*? Он не знал... но зато понял, что *должен был* чувствовать Джек из сказки, когда до него наконец-то дошло, что он слишком часто «мурыжил» бобовый росток и все-таки разбудил великана.

— КАК ПОСМЕЛИ ВЫ ПОТРЕВОЖИТЬ МОЙ СОН? ОТВЕЧАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО — ИЛИ УМРЕТЕ НА МЕСТЕ.

Наверное, Эдди застыл бы, безвольный, позволив Блейну — Большому Блейну — сделать с ним что угодно... спалить, как Ардиса (или, может, чего похуже); он, вероятно, и *должен* был замереть, оцепенев от страха... страха, который бывает, наверное, только в сказках... страха, затаившегося на самом дне кроличьей норы. И только память о тоненьком жалобном голоске, который заговорил с ними первым, придала ему сил, чтобы сдвинуться с места: это был голос слабого ребенка, который, сам перепуганный не на шутку, все же пытался помочь им с Сюзанной.

А теперь надо будет выкручиваться самому — помогать тебе некому, — сказал он себе. *— Ты его разбудил, ты давай с ним и разбирайся. Только давай, ради Бога!*

Эдди протянул руку и снова нажал на кнопку.

— Меня зовут Эдди Дин. Эта женщина — моя жена Сюзанна. Мы...

Он запнулся и поглядел на Сюзанну. Она кивнула, подгоняя его отчаянным жестом, мол, давай продолжай.

— Мы идем в одно место. Ищем Темную Башню, что стоит на пути Луча. С нами идут еще двое, Роланд, стрелок из Гилеада и... Джейк из Нью-Йорка. Мы с Сюзанной тоже из Нью-Йорка. Если ты... — Он прикусил язык, проглотив слова «Большой Блейн», уже готовые сорваться с губ. Если бы он их сейчас произнес, разум, кроющийся за могучим голосом, сообразил бы, что они слышали и другой голос: призрак в призраке, если так можно сказать.

Сюзанна опять отчаянно замахала ему обеими руками, мол, давай дальше.

— Если ты Блейн Моно... ну... мы хотели тебя попросить, чтобы ты нас подвез.

Он отпустил кнопку. В течение нескольких — долгих, гнетущих — мгновений ответа не было. Эдди и Сюзанне они показались часами. В затянувшейся тишине слышалось только тревожное хлопанье голубиных крыльев. А когда наконец голос Блейна раздался снова, он шел теперь только из маленького динамика на воротах и звучал почти как человеческий:

— НЕ ПЫТАЙТЕСЬ МЕНЯ ОБМАНУТЬ. МОЕ ТЕРПЕНИЕ НЕБЕЗГРАНИЧНО. ВСЕ ДВЕРИ В ТЕ МИРЫ ЗАПЕРТЫ. ГИЛЕАДА БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, А ВСЕ, КОГО ЗВАЛИ СТРЕЛКАМИ, МЕРТВЫ. А ТЕПЕРЬ ОТВЕЧАЙТЕ НА МОЙ ВОПРОС: КТО ВЫ ТАКИЕ? И ПОДУМАЙТЕ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОТВЕЧАТЬ, — Я ВАС В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ СПРАШИВАЮ.

Раздался какой-то шипящий звук. С потолка пролился тонкий луч ослепительного голубого света — настолько яркого, что он казался почти белым, — и прожег дырку размером с мячик для гольфа в мраморном полу футах в пяти левее коляски Сюзанны. Из дырки ленивой струйкой поднялся дымок. Запахло, как пахнет воздух после удара молнии. Секунду-другую Эдди и Сюзанна смотрели, застыв в немом ужасе, друг на друга, а потом Эдди рванулся к переговорному устройству и вдавил пальцем кнопку.

— Ты ошибаешься! Мы действительно из Нью-Йорка! Мы прошли сюда через двери на берегу... совсем недавно, несколько недель назад!

— Это правда! — крикнула Сюзанна. — Клянусь, это правда!

Тишина. Розовая спина Блейна тускло мерцала за длинным барьером. Казалось, окно на передней части косится на них, точно сонный стеклянный глаз. «Дворник» смахивал на опущенное в хитроватом прищуре веко.

— А ГДЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?

— Господи, где я возьму ему доказательства? — Эдди беспомощно повернулся к Сюзанне.

— Не знаю.

Эдди снова нажал на кнопку.

— Статуя Свободы! Это о чем-то тебе говорит?

— ПРОДОЛЖАЙ. — Теперь голос Блейна звучал едва ли не задумчиво.

— Эмпайр-Стейт-Билдинг! Фондовая Биржа! Центр международной торговли! Кони-Айленд! Радио-Сити! Мюзик-холл! Ист-Вил...

Блейн перебил его... и на этот раз — невероятно, но факт, — голос, звучащий в динамике, был в точности голосом Джона Уэйна*.

— О'КЕЙ, ПИЛИГРИМ. Я ТЕБЕ ВЕРЮ.

Эдди с Сюзанной снова переглянулись, только теперь в их глазах, пусть и немного растерянных, было искреннее облегчение. Однако обрадовались они рано: когда Блейн заговорил снова, его голос опять прозвучал безучастно и холодно:

— ЗАДАЙ МНЕ ВОПРОС, ЭДДИ ДИН ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. И ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ ХОРОШИЙ ВОПРОС. — После недолгой паузы Блейн добавил: — ИБО, ЕСЛИ ВОПРОС БУДЕТ ГЛУПЫМ, ВЫ ОБА УМРЕТЕ, ОТКУДА БЫ ВЫ НИ ПРИШЛИ.

Сюзанна оторвала озадаченный взгляд от коробки на створке ворот и поглядела на Эдди.

— Он это о чем?

Эдди тряхнул головой.

— Без понятия.

28

Комната, в которую затолкал Джейка Гашер, показалась мальчику похожей на шахту ракеты «минитмен», украшенную вещами, уместными только в дурдоме. Вообще непонятно, что это такое было: отчасти музей, отчасти гостиная, отчасти местечко тусовок каких-нибудь хиппи. Пустое пространство над головой заканчивалось сводчатым потолком, выгнутым в форме сферы; пола как такового здесь не было, нижняя часть «шахты» представляла собой закругляющееся дно, находящееся на расстоянии футов семидесяти пяти или ста ниже уровня, на котором сейчас стоял Джейк. Вдоль всей сплошной круглой стены вертикальными меридианами протянулись неоновые лампы всевозможных цветов: красные, синие и зеленые, желтые и оранжевые, розовые и персиковые, — сходящиеся радужными узлами на потолке и на дне стартовой шахты... если, конечно, это была шахта.

Сама комната, ограниченная снизу ржавой железной решеткой, располагалась примерно в верхней трети этого громадного соору-

* Джон Уэйн (1907 — 1979) — американский актер и режиссер. Снимался главным образом в вестернах и военных фильмах.

жения капсульной формы. Там и сям на железной решетке, которая здесь заменяла пол, валялись ковры, с виду похожие на турецкие (позже Джейк узнал, что их выткали в феоде Кашмин). Уголки ковров были прижаты к полу тяжелыми сундуками, обитыми медью, большими торшерами и изогнутыми ножками кресел, заваленных всяким хламом. В противном случае они трепыхались бы на ветру, как бумажные ленточки перед включенным вентилятором: снизу шел непрерывный поток теплого воздуха. Другая струя, поступавшая из кольца вентиляционных отверстий вроде тех, что Джейк видел в тоннеле, кружила футах в пяти у него над головой. На дальнем конце странной комнаты была еще одна дверь, точно такая же, как и та, через которую они с Гашером вошли сюда. Джейк решил, что за ней продолжается коридор, следующий под землей вдоль пути Луча.

В комнате были люди. Шесть человек: четверо мужчин и две женщины. Джейк догадался, что перед ним вся верхушка командования седых... если, сделаем оговорку, им осталось еще кем «верховнокомандовать». Из того, что Джейк знал о седых, можно было с уверенностью заключить, что как вид они вымирают. Среди собравшихся в комнате не было ни одного молодого, однако и стариками он их не назвал бы. Еще вполне, как говорится, в расцвете сил. Они все как один повернулись к Джейку и уставились на него с любопытством не меньшим, чем он на них.

В центре комнаты на громадном кресле, которое вполне бы сошло за трон, восседал, перекинув массивную ногу через подлокотник, здоровенный мужик — нечто среднее между воином-викингом и великаном из детской сказки. Его обнаженный до пояса мощный торс являл собой гору накачанных мускулов. На плече у него на широком ремне висел кинжал в ножнах, а на шее — какой-то странный амулет. Не считая серебряной ленточки вокруг бицепса на одной руке, на нем еще были мягкие облегающие кожаные штаны, заправленные в сапоги. Свой желтый шарф он носил не на шее и даже не на голове, как Гашер, а повязанным вокруг голенища высокого сапога. Грязные светлые с проседью волосы ниспадали каскадом почти до середины широкой спины; его зеленые глаза, любопытные и пытливые, напоминали глаза кота, достаточно старого, чтобы уже набраться ума, но не такого еще дряхлого, чтобы утратить ту утонченную жестокость, которая заменяет кошачьему племени чувство юмора. На спинке кресла на потертом ремне висел автомат допотопной конструкции.

Джейк повнимательнее присмотрелся к кулону на груди викинга-великана и увидел, что это стеклянная коробочка в виде гроба, подвешенная на серебряной цепи. Внутри, под стеклом, тускло поблескивал золотой циферблат. Стрелки показывали пять минут четвертого. Под циферблатом качался туда-сюда кро-

шечный золотой маятник, и хотя в комнате постоянно стоял мягкий шум от поступавшего снизу и сверху воздуха, Джейк расслышал, как тикают часики. Стрелки двигались быстрее, чем следует, и Джейк вовсе не удивился, когда увидел, что они вращаются в противоположную сторону.

Ему почему-то вспомнился крокодил из «Питера Пэна» — тот самый, который все время гонялся за капитаном Крюком, — и губы мальчика сами сложились в улыбку. Гашер это заметил и угрожающе поднял руку. Джейк весь сжался, закрывая лицо руками.

Тик-Так погрозил Гашеру пальцем, как школьный учитель проказливому ученику.

— Да ладно тебе... ни к чему это, Гашер.

Гашер тут же опустил руку, уже занесенную для удара. Лицо его изменилось неузнаваемо. Раньше оно выражало попеременно либо тупую ярость, либо искусно изображенное, едва ли не искреннее, веселье. Теперь его изъязвленная рожа превратилась в само обожание и раболепие. Как и все здесь присутствующие (не исключая и самого Джейка), Гашер просто не мог оторвать глаз от Тик-Така: тот притягивал взгляды как магнит. И Джейк понимал почему. Тик-Так был единственным тут человеком, который казался по-настоящему полным сил, по-настоящему здоровым. По-настоящему живым.

— Ни к чему — стало быть, ни к чему. Как скажешь. — Но прежде чем вновь впиться взглядом в белокурого великана на троне, Гашер мрачно зыркнул на Джейка. — Только, скажу тебе, Тики, он страшно наглый. Такой наглый, что просто ужас. Если ты хочешь знать мое мнение, нам с ним придется помучиться, прежде чем из него выйдет толк.

— Когда мне понадобится твое мнение, я у тебя спрошу, — отозвался Тик-Так ровным тоном. — А теперь, Гэш, закрой дверь... ты в хлеву, что ли, родился?

Одна из женщин — темноволосая — расхохоталась. Ее хриплый смех походил на воронье карканье. Но стоило Тик-Таку бросить короткий взгляд в ее сторону, как она сразу затихла и опустила глаза.

Дверь, через которую Гашер втащил Джейка в комнату, представляла собой, по сути, две двери. Расположение их напоминало Джейку люки шлюзовых камер космического корабля из фантастических фильмов. Гашер закрыл обе двери, потом повернулся к Тик-Таку и показал ему поднятый вверх большой палец. Тот кивнул и, протянув руку к кнопке на какой-то штуковине непонятного предназначения, похожей на кафедру лектора, медленно — чуть ли не томно — нажал на нее. Где-то в стене заработал насос. Свет неоновых ламп стал заметно слабее. Послышалось легкое шипение воз-

духа. Колесо на внутренней двери повернулось. *И на внешней, наверное, тоже,* предположил Джейк. Стало быть, это все-таки бомбоубежище. Когда насос отключился, лампы опять загорелись в полную силу своим безмолвным ярким светом.

— Ну вот, — заключил Тик-Так с довольным видом и, повернувшись к Джейку, оглядел его с головы до ног. Джейк невольно поежился. Ощущение было такое, как будто его просветили рентгеновскими лучами, зарегистрировали и подшили в папку. — Все мы живы-здоровы. Сидим тут в тепле и со всеми удобствами, что твои блохи в ковре. Верно, Хутс?

— Ага! — поспешно откликнулся тощий высокий мужчина в черном костюме. Все лицо его было покрыто какой-то сыпью, и он непрестанно чесался.

— Я привел его, — сказал Гашер. — Я говорил, что во мне можешь не сомневаться. Если я что обещаю, то делаю.

— Да, — подтвердил Тик-Так. — Прямо в точку. У меня, правда, были сомнения насчет пароля, то есть запомнишь ты его или нет, и в конце я уже было подумал, что сомневался не зря, однако...

Темноволосая женщина расхохоталась опять. Тик-Так повернулся к ней вполоборота. В уголках его рта притаилась ленивая, если и вовсе не апатичная, усмешка, и прежде чем Джейк успел сообразить, что происходит — что *уже* произошло, — женщина отшатнулась, широко раскрыв глаза от изумления и боли, и схватилась руками за какой-то непонятный нарост на груди, которого не было там всего секунду назад.

Только задним числом Джейк понял, что Тик-Так, оборачиваясь, сделал какое-то молниеносное движение, не движение даже, а промельк. Но, присмотревшись, Джейк заметил, что тонкой белой рукояти кинжала, торчавшей из ножен, свисавших на ремне через плечо Тик-Така, на месте не было. Нож, вонзившийся в грудь темноволосой женщины, находился теперь на другом конце комнаты. Тик-Так выхватил и швырнул его с невероятной скоростью — даже Роланду, наверное, было бы трудно тягаться с ним. Это смахивало на какой-то фокус. Злобный, жестокий фокус.

В полном молчании все остальные наблюдали за тем, как женщина пошатнулась и сделала пару шагов по направлению к Тик-Таку, хрипло дыша и держась обеими руками за нож, вошедший ей в грудь по самую рукоятку. Проходя, она задела бедром торшер. Мужчина в черном костюме, которого Тик-Так назвал Хутсом, метнулся вперед и подхватил его, не дав упасть. Сам Тик-Так даже не шевельнулся; он так и сидел, неподвижный, на своем троне, перекинув одну ногу через подлокотник, и с ленивой улыбкой смотрел на женщину.

Она споткнулась о край одного из ковров и стала падать лицом вперед. И тут Тик-Так снова сделал одно движение, не-

уловимое, молниеносное: согнул, а потом резко выпрямил ногу, перекинутую через подлокотник кресла, ударив женщину в низ живота. Ее отшвырнуло назад. Изо рта ее хлынула кровь и попала на мебель. Женщина ударилась о стену и сползла по ней на пол, где и затихла, уронив голову на грудь, как мексиканка из какого-нибудь фильма, присевшая отдохнуть жарким полднем у стены глинобитной хижины, — почему-то у Джейка возникло такое сравнение. У него в голове не укладывалось, что она мертва: столь ужасающе быстро перешла она из мира живых в царство мертвых. Свет неоновых ламп превратил ее темные волосы в полупрозрачную дымку, отливающую голубым и алым. Остекленевшие ее глаза, в которых навечно застыло предсмертное изумление, смотрели прямо на Тик-Така.

— Я ее *предупреждал,* и не раз, насчет этого смеха, — заметил тот, переводя хмурый взгляд на вторую женщину, грузную, рыжеволосую, чем-то похожую на тягач. — Или нет, Тилли?

— Предупреждал, — тут же поддакнула Тилли. Глаза у нее так и горели восторженным страхом. Похоже, все происходящее сильно ее возбуждало. Она то и дело облизывала губы. — И не раз. Могу чем угодно поклясться, чтоб мне провалиться.

— Ага, — лениво заметил Тик-Так, — с такой жирной задницей, как у тебя, провалиться недолго. Передай мне мой ножичек, Брандон, и не забудь протереть его хорошенько.

Приземистый кривоногий мужчина сорвался с кресла и бросился выполнять приказание. Нож поначалу не поддавался; он, похоже, застрял в кости незадачливой черноволосой женщины. Бросив испуганный взгляд на Тик-Така, Брандон покрепче схватился за рукоятку и потянул посильнее.

Тик-Так, однако, тут же забыл и о Брандоне, и о бедняжке, которая — в буквальном смысле этого слова — умерла от смеха. Взгляд зеленых сверкающих глаз уже впился в Джейка, который явно интересовал его больше, чем мертвая женщина.

— Подойди ближе, салага, — велел Тик-Так. — Хочу получше тебя рассмотреть.

Гашер пихнул Джейка вперед. Тот споткнулся и наверняка бы упал, если бы сильные руки Тик-Така не подхватили его за плечи. Убедившись, что мальчик восстановил равновесие, Тик-Так отпустил его плечи, схватил за запястье левой руки и поднял ее кверху. Внимание его привлекли часы «Сейко».

— Если это действительно то, что я думаю, тогда это верный и истинный знак, — пробормотал Тик-Так. — Скажи-ка мне, мальчик... что это у тебя за *сигул?*

Джейку, который понятия не имел, что такое *сигул,* оставалось надеяться только на благосклонность судьбы.

— Это часы. Только они не работают, мистер Тик-Так.

Хутс хохотнул и тут же испуганно зажал рот ладонями, когда Тик-Так повернулся к нему. Впрочем, уже через секунду Тик-Так смотрел опять на Джейка, и хмурое выражение его лица сменилось вдруг лучезарной улыбкой. Глядя на эту улыбку, как-то даже не верилось, что здесь, в этой комнате, только что произошло убийство — что у стены сидит мертвая женщина, а не киношная мексиканка, присевшая отдохнуть в жаркий полдень. Глядя на эту улыбку, не верилось даже, что все эти люди — душевнобольные, а сам Тик-Так скорее всего самый буйный и главный псих в этом большом дурдоме.

— *Часы.* — Тик-Так кивнул головой. — Что ж, название вполне подходящее: в конце концов для чего эти штуки, которые время показывают... чтобы часом на них поглядывать. Верно, Брандон? Гашер? Тилли?

Они ответили дружными возгласами одобрения. Одарив их своей обворожительной улыбкой, Тик-Так опять повернулся к Джейку. Джейк заметил, однако, что эта улыбка, пусть даже и донельзя располагающая, не затрагивает его глаз. Глаза Тик-Така не улыбались, они оставались такими же, как всегда: холодными, жесткими и любопытными.

Он протянул палец к часам на левом запястье Джейка — они показывали девяносто одну минуту восьмого, причем вечера и утра одновременно, — и тут же отдернул руку, так и не прикоснувшись к стеклу над электронным, на жидких кристаллах, табло.

— Скажи мне, мой юный друг... эти твои часы, они, случайно, не с ловушкой?

— Чего? А-а! Нет. Они без ловушки. — Джейк дотронулся пальцем до «Сейко».

— Это еще ничего не значит, если они настроены на частоту твоего тела, — заметил Тик-Так. Теперь он перешел на резкий пренебрежительный тон — таким тоном всегда разговаривал папенька Джейка, когда не хотел, чтобы его собеседники догадались, что он совершенно не врубается в предмет разговора. Тик-Так задумчиво покосился на Брандона, и Джейк догадался, что тот сейчас взвешивает все «за» и «против», решая, стоит ли назначать кривоногого коротышку своим уполномоченным «дотрагивателем». Эта идея, должно быть, его не прельстила. Тик-Так отвернулся от Брандона и опять заглянул Джейку в глаза. — Если эта фигня шибанет меня током, ты у меня через тридцать секунд задохнешься, дружок, носом в собственной заднице.

Джейк тяжело сглотнул, но ничего не сказал. Тик-Так протянул руку и на этот раз дотронулся пальцем до циферблата. Как только он прикоснулся к часам, все цифры сменились нулями, и отсчет времени начался заново.

Тик-Так прищурился в ожидании предполагаемого болевого импульса, а когда стало ясно, что никакого разряда не будет, в уголках его глаз появились морщинки первой искренней улыбки. Джейк решил, что подобное преображение объяснялось отчасти тем, что Тик-Так упивался сознанием собственной храбрости, хотя в основном это было обычное удивление. Плюс, конечно же, интерес.

— А ты не мог бы мне их подарить? — спросил он у Джейка елейно и вкрадчиво. — Скажем, в качестве жеста твоей доброй воли? Я, видишь ли, собираю коллекцию, мой дорогой юный друг.

— Пожалуйста. — Джейк немедленно снял часы и уронил их в протянутую ладонь Тик-Така.

— Вы только послушайте — разговаривает, что твой маленький жельтмен шелкозадый, нет, правда, — радостно гаркнул Гашер. — В прежние времена тот, кто надыбал такую добычу, получил бы хорошее вознаграждение, Тикки. Очень хорошее вознаграждение. Да что там, мой батюшка...

— Батюшка твой так прогнил от мандруса, что даже псы его жрать не стали, когда он откинул копыта, — оборвал его Тик-Так. — А теперь заткнись, ты, идиот.

В первый момент Гашер затрясся от ярости... а потом растерялся, смутившись, и, присев на ближайший стул, закрыл рот.

Тик-Так между тем изучал растягивающийся браслет часов с выражением едва ли не трепетного благоговения. Растянул его до предела, потом отпустил, опять растянул и опять отпустил. Затолкал прядь волос в открывшийся между звеньями браслета зазор и рассмеялся, довольный, когда волосы в нем застряли. Просунул руку в браслет и натянул его почти до самого локтя. Про себя Джейк подумал, что его нью-йоркский сувенир выглядит несколько неуместно на лапище этого воина-викинга, но предусмотрительно промолчал.

— Круто! — воскликнул Тик-Так. — А скажи-ка мне, мальчик, где ты их раздобыл?

— Мне родители подарили на день рождения, — ответил Джейк. Гашер, услышав это, подался вперед, как видно, желая в очередной раз напомнить о вознаграждении. Но если даже и так, то внимательный взгляд Тик-Така тут же заставил его передумать. Гашер замер на стуле, так и не высказавшись.

— *Правда?* — изумился Тик-Так, приподнимая бровь. Он обнаружил маленькую кнопку подсветки циферблата и принялся сосредоточенно на нее нажимать, наблюдая за тем, как загорается и гаснет свет. Когда он опять поглядел на Джейка, глаза его сузились, превратившись в зеленые щелки. — А скажи-ка мне вот что, мой мальчик... на какой схеме они работают: биполярной или монополярной?

— Они вообще не на схеме работают, — отозвался Джейк, не подозревая еще о том, что его нежелание признаться, будто эти термины для него незнакомы, принесет ему в самом ближайшем будущем крупные неприятности. — Они, по-моему, работают на батарейке. Никелево-кадмиевой, если я не ошибаюсь. Мне еще не приходилось ее менять, а вкладыш с инструкцией я давно потерял.

Тик-Так пристально на него посмотрел. Смотрел он долго и молча, и Джейк вдруг в испуге понял, что белокурый гигант пытается определить, издевается он над ним или нет. Если ему сейчас почудится, что Джейк действительно хочет над ним посмеяться, то оскорбления и побои, которые мальчику довелось испытать на себе по пути сюда, покажутся просто приятельским щекотанием по сравнению с тем, что ему устроит Тик-Так. Нужно немедленно чем-то Тик-Така отвлечь. Джейк ляпнул первое, что пришло в голову:

— Он был вашим дедушкой, да?

Тик-Так вопросительно вскинул бровь. Руки его опустились на плечи Джейка, и хотя на этот раз он не стал их сжимать, Джейк все равно ощутил их феноменальную силу. Если Тик-Так сожмет руки и дернет его на себя, ключицы у Джейка сломаются, как карандаши. А если оттолкнет, то тогда, вероятно, сломает ему позвоночник.

— Кто был моим дедом, щенок?

Джейк обвел взглядом широкие плечи Тик-Така и массивную его голову благородной и даже, можно сказать, величественной посадки. Ему вспомнилось, как Сюзанна сказала тогда, у разбитого аэроплана: *Ты посмотри на него, Роланд... какой он здоровый! Им, наверное, пришлось его маслом смазать, чтобы впихнуть в кабину!*

— Тот человек в самолете. Давид Шустрый.

Тик-Так, изумившись, широко раскрыл глаза. Потом запрокинул голову и разразился раскатистым хохотом, который отдался высоким эхом под сводчатым куполом потолка. Все остальные заулыбались, но как-то нервно. Памятуя о том, что случилось с черноволосой женщиной, никто не отважился рассмеяться вслух.

— Кто бы ты ни был и откуда бы ты ни пришел, мой мальчик, ты — малый веселый. Самый веселый, пожалуй, из всех, с кем старый Тик-Так скорешился за многие годы. Шустрый был мне не дедом, а прадедом, но ты попал почти в цель... как, по-твоему, Гашер, душечка?

— Угу, — согласился Гашер. — Он парень не промах, скажу я тебе. Но все равно страшно наглый.

— Что есть, то есть, — задумчиво протянул Тик-Так. Он легонько сжал руки и подтащил Джейка поближе к своему улыбающемуся красивому и безумному лицу. — Я и сам вижу, что он нахаленок. По глазам его вижу. Но об этом уж мы позаботимся, да, Гашер?

Он не с Гашером сейчас говорит, понял Джейк, *а со мной. Он думает, он меня гипнотизирует... и у него, кажется, получается.*

— Да, — выдохнул Гашер.

Ощущение было такое, что он тонет в этих зеленых глазах. Хотя Тик-Так сжимал его плечи не очень сильно, Джейку казалось, что ему не хватает воздуха. Мальчик собрал всю свою волю, пытаясь вырваться из-под гипнотической власти Тик-Така, открыл рот и опять сказал первое, что пришло в голову:

— Так пал лорд Перт, и земля содрогнулась от этого грома.

Фраза подействовала на Тик-Така как удар кулака по лицу. Он даже вздрогнул. Зеленые глаза угрожающе сощурились. Пальцы больно впились в плечи Джейка.

— Что ты сказал? Где ты вообще это слышал?

— Птичка на хвостике принесла. — Джейк нарочно ответил так дерзко, за что тут же и поплатился: пролетел через всю комнату и ударился в закругленную стену бедром. В этом ему повезло. Если бы он въехал в нее головой, он бы наверняка отрубился, если б и вовсе не приказал долго жить, а так он лишь отскочил и свалился, как куль с картошкой, на решетчатый пол. Тряхнув головой, Джейк ошалело огляделся по сторонам и обнаружил, что сидит нос к носу с темноволосой женщиной, которая вовсе не отдыхала в жаркий полдень. Издав испуганный крик, он пополз на четвереньках прочь — подальше от мертвой. Хутс пнул его в грудь, и Джейк перевернулся на спину. Так он и лежал, хватая ртом воздух и глядя вверх, на потолок, туда, где неоновые лампы-трубки сходились в радужный узел. А секундой позже все заслонило собою лицо Тик-Така. Губы его были плотно сжаты в жесткую, напряженную линию, щеки пылали, а в глазах... в глазах у него был страх. Стеклянная коробочка в форме гроба, которую он носил на серебряной цепочке на шее, болталась прямо перед глазами Джейка, раскачиваясь, точно маятник миниатюрных «дедовских» часов, находящихся внутри.

— Гашер прав, — заключил Тик-Так, потом схватил мальчика за грудки и поднял его на ноги. — Ты еще тот нахал. Слишком много, смотрю, выделываешься. Но со мной тебе самому не захочется так наглеть. *Никогда* не захочется, мальчик мой. Ты когда-нибудь слышал о людях с коротеньким фитильком? В смысле, шнур у них быстро сгорает. Так вот, у меня вообще нет шнура — я взрываюсь мгновенно. Куча народу могла бы тебе это подтвердить, если бы я не заставил их замолчать навсегда. Если еще раз при мне упомянешь про лорда Перта — *хотя бы раз*, тебе ясно? — я тебе полбашки разнесу и мозги твои съем в сыром виде. Это история несчастливая, и я не хочу, чтоб ее вспоминали в Колыбели седых. *Ты меня понял?*

Он приподнял Джейка над полом и встряхнул его, как коврик. Мальчик расплакался.

— *Ты понял?*

— Д-д-да.

— Вот и славно. — Тик-Так опустил Джейка на пол. Мальчик пошатнулся и утер слезы, размазав по щекам грязь, темную, точно тушь для ресниц. — А теперь, юный мой друг, будет у нас с тобой вечер вопросов и ответов. Я задаю вопросы, ты мне на них отвечаешь. Понятно?

Джейк не отреагировал. Он смотрел на вентиляционные решетки, опоясывающие круглую комнату, стараясь не встречаться взглядом с Тик-Таком.

Двумя пальцами Тик-Так схватил мальчика за нос и больно его сдавил.

— *Тебе понятно, я спрашиваю?*

— *Да!* — выкрикнул Джейк, поворачиваясь к Тик-Таку. Теперь глаза у него слезились не только от страха, но и от боли. Ему нестерпимо хотелось опять поглядеть на одно из отверстий для вентиляции, чтобы удостовериться, что увиденное им там было не только игрой его перепуганного, перегруженного воображения, но Джейк не стал рисковать. Он боялся, что кто-то другой — и прежде всего сам Тик-Так — проследит за его взглядом и тоже увидит...

— Хорошо. — Так и держа Джейка за нос, Тик-Так подтащил его к своему креслу. Уселся. Опять перебросил ногу через подлокотник. — Давай немного потрепемся по-приятельски. Начнем с того, как тебя зовут... Ну и как же тебя зовут, мой мальчик?

— Джейк Чеймберз. — Голос его звучал неразборчиво и гнусаво, как при насморке. С зажатым носом не очень-то разговоришься.

— А ты, часом, не Не-Видь, Джейк Чеймберз?

Джейк поначалу подумал, что таким — несколько странным — образом Тик-Так хочет спросить, не слепой ли он... хотя все они видят прекрасно, что он не слепой.

— Я не понимаю...

Тик-Так легонько встряхнул его за нос.

— Не-Видь! Не-Видь! Хватит валять дурака, мой мальчик! Чего непонятного?!

— *Я правда не понимаю...* — начал было Джейк, и тут его взгляд упал на автомат допотопной конструкции, висевший на спинке кресла. Он вспомнил разбившийся «фокке-вульф» со свастикой на крыле и сообразил наконец о чем речь. — Нет... я не немец. Я американец. Все это закончилось до моего рождения. Задолго до моего рождения.

Тик-Так отпустил нос Джейка. Из носа тут же полилась кровь.

— Мог бы сказать мне об этом сразу и тем самым избавить себя от болезненных ощущений, Джейк Чеймберз.. но по крайней мере теперь ты знаешь, как мы здесь разбираемся со своими делами, а?

Джейк молча кивнул.

— Ну вот и славно. Начнем с самых простых вопросов.

Джейк украдкой глянул на вентиляционную решетку и едва сдержал радостный вздох. Значит, ему не почудилось. Он действительно видел их... два черных глаза с золотистыми ободками, как будто зависших во тьме за хромированными прутьями.

Ыш.

Тик-Так влепил ему пощечину. Джейк отлетел назад, едва не плюхнувшись на колени к Гашеру, который поймал его и снова толкнул вперед.

— Идет урок, сердце мое, — шепнул Гашер. — Вот и веди себя, как положено на уроке! И хорошенько запоминай!

— Когда я к тебе обращаюсь, смотри на меня, — предупредил Тик-Так. — Я бы хотел, чтобы ты относился ко мне с уважением, Джейк Чеймберз. С элементарным человеческим уважением. Иначе я тебе яйца отрежу.

— Хорошо.

В зеленых глазах Тик-Така промелькнула опасная искорка.

— Хорошо — *что?*

Джейк лихорадочно искал подходящий ответ, отбиваясь от вихря вопросов, теснящихся у него в голове, и стараясь не обольщаться надеждой, которая вспыхнула у него в душе с новой силой. И он все же нашел ответ, который вполне подошел бы для его собственной Колыбели младов... иначе известной как школа Пайпера:

— Хорошо, *сэр*.

Тик-Так улыбнулся.

— Для начала неплохо, мой мальчик. — Он наклонился вперед, упираясь руками в бедра. — А теперь скажи мне... что такое «американец»?

Джейк заговорил, изо всех сил стараясь при этом не смотреть на вентиляционную решетку.

29

Роланд убрал револьвер в кобуру, взялся обеими руками за колесо на железной двери и попытался его повернуть. Оно не сдвинулось ни на дюйм. Это в общем-то не удивило стрелка. Он, собственно, и не надеялся на что-то большее. Однако проблема в виде закрытой двери оставалась серьезной, и ее надо было решать.

Остановившись у левой ноги Роланда, Ыш поднял мордочку и с нетерпением взглянул на него, ожидая, когда стрелок откроет дверь, чтобы они могли пойти дальше — к Джейку. Но если бы все было так просто! Стоять тут, у двери, и ждать, пока кто-нибудь выйдет, не имело смысла: кто его знает, когда кому-нибудь из седых понадобится воспользоваться именно этим выходом? Может быть, час пройдет. Может быть, целый день. Может быть, несколько дней. А пока Роланд будет торчать здесь под дверью, теряя время, Гашеру со товарищи может в башку что угодно стукнуть. Поджарить Джейка живьем, например.

Стрелок прижался ухом к двери, но не услышал ни звука. И это тоже его не особенно удивило. Он уже видел такие двери — замок не собьешь ничем, хоть пали в него из револьвера, и через них вообще ничего не слышно. Дверь может быть одинарной, а может быть и двойной: две двери, одна за другой, и между ними пустое пространство. Чтобы открыть эту дверь, нужно нажать на кнопку, которая приводит в движение механизм замка. Но ее как-то нужно найти. Вот если бы Джейку удалось до нее добраться, тогда есть надежда, что не все еще потеряно.

Роланд хорошо понимал, что в этом *ка-тете* он, скажем так, недействительный член. Наверное, даже Ыш способен глубже, чем сам он, проникнуть в суть тайной жизни, наполняющей это маленькое содружество (стрелок, например, сомневался, что Ыш проследил путь Джейка по этому темному лабиринту тоннелей, залитых проточной водой, с помощью одного только нюха). Однако при всем том Роланд сумел помочь Джейку, когда мальчик пытался пройти в его мир через дверь в земле. Он смог *увидеть*... а когда Джейк уронил ключ в щель в полу и пытался его достать, стрелок сумел передать ему мысленное сообщение.

Быть может, и в этот раз тоже получится. Только надо быть осторожным. В лучшем случае седые допетрят, что что-то происходит. В худшем — Джейк истолкует послание стрелка неверно и совершит какую-нибудь глупость.

Вот если бы он мог *видеть*...

Роланд закрыл глаза и сосредоточился, пытаясь мысленно пробиться к Джейку. Он представил себе глаза мальчика и послал свое *ка* искать эти глаза.

В первый раз у него ничего не вышло, но в конце концов перед мысленным взором Роланда сложился расплывчатый образ: лицо в обрамлении длинных, светлых с проседью волос. Зеленого цвета глаза мерцали в глубоких глазницах, точно призрачные огоньки в полумраке пещеры. Роланд тут же сообразил, что это Тик-Так собственной персоной и что он — потомок того самого Давида Шустрого, погибшего при крушении воздушной кареты.

Наблюдение интересное, но в данном случае не имеющее никакой практической ценности. Стрелок попытался как следует рассмотреть остальную часть комнаты, где держали Джейка, и людей, в этой комнате находящихся.

— Эйк, — прошептал Ыш, как будто желая напомнить Роланду, что сейчас не самое подходящее время для сна.

— Тс-с-с, — шикнул тихонько стрелок, не открывая глаз.

Но, как Роланд ни старался, больше он ничего не сумел разглядеть. Только какие-то размытые пятна. И Роланд, кажется, знал почему. Все внимание Джейка было сейчас полностью сфокусировано на одном человеке — Тик-Таке; все остальное и все остальные представлялись смутными тенями, подернутыми туманом, на самом краешке Джейкова восприятия.

Роланд открыл глаза и, раздосадованный, хлопнул левой рукой, сжатой в кулак, по раскрытой ладони правой. Он был уверен, что сможет увидеть и больше, если слегка поднапряжется... но тогда Джейк скорее всего ощутит его мысленное присутствие. А это опасно. Гашер может что-нибудь заподозрить, а если не он, то уж Тик-Так почует неладное наверняка.

Он поднял голову и задумчиво оглядел узкие вентиляционные люки, забранные решеткой, потом опустил взгляд на Ыша. Роланд давно уже не сомневался, что ушастик разумен, только не знал, до каких пределов. Похоже, сейчас ему предстоит это выяснить.

Стрелок поднял здоровую левую руку, просунул пальцы между горизонтальными прутьями вентиляционной решетки, ближайшей от двери, через которую увели Джейка, и потянул. Она оторвалась, осыпав его хлопьями ржавчины и засохшим мхом. Пролом, открывшийся за решеткой, оказался, естественно, слишком узким для человека... но не для ушастика. Роланд положил решетку на пол, взял Ыша на руки и тихонько шепнул ему в самое ухо:

— Иди... посмотри... и возвращайся ко мне. Понимаешь? Тебя не должны увидеть. Никто. Просто иди посмотри и возвращайся сюда.

Ыш не мигая смотрел ему прямо в глаза, не говоря ничего — даже имени Джейка зверек не протявкал ни разу. Роланд не знал, понял Ыш или нет, что он ему сказал, но тратить время на праздные размышления не было никакого смысла. Если Ыш понял, то понял, если же нет... Стрелок поднес зверька к вентиляционной шахте. Тот обнюхал остатки засохшего мха, деликатно чихнул и уселся на краешке вытяжки, глядя на Роланда. В его странных глазах с золотым ободком читалось явное сомнение. Сквозняк шевелил его длинный шелковистый мех.

— Иди посмотри и возвращайся ко мне, — повторил Роланд шепотом.

Ыш, заблаговременно втянув когти, развернулся и скрылся в сумраке шахты, беззвучно ступая на мягких подушечках лап.

Роланд вытащил револьвер и занялся самой тяжелой работой — стал ждать.

Ыш вернулся уже через три минуты. Роланд снял его с края вытяжки и опустил на пол. Ыш запрокинул голову и поглядел на стрелка снизу вверх, вытянув длинную шею.

— Сколько их, Ыш? — спросил Роланд. — Сколько там человек?

Ыш продолжал молча смотреть на него. Прошла секунда, другая. Роланд отчаялся и решил, что уже ничего не выйдет, как вдруг зверек нерешительно приподнял правую лапу, выпустил когти и уставился на нее, как будто пытался припомнить какую-то важную, сложную вещь. А потом начал стучать лапой по полу.

Один... два... три... четыре. Пауза. И еще два удара, быстрых и аккуратных — выпущенные когти легонько цокнули по стальному полу: пять, шесть. Потом опять небольшая пауза. Ыш задумался, склонив голову. Он был похож на ребенка, который запутался в сети сложных логических построений. Наконец он еще раз — последний — стукнул когтями по полу, глядя при этом на Роланда.

— Эйк!

Шестеро седых... и Джейк.

Роланд взял зверька на руки и погладил его по шерстке.

— Молодец, — шепнул он Ышу, преисполненный изумления и благодарности. Он ждал какого-то результата, но не смел и надеяться на столь исчерпывающий и точный ответ. А что ответ точный, Роланд даже не сомневался. — Хороший мальчик! Малыш!

— Ыш! Эйк!

Да. Джейк. В этом-то все и дело. Джейк, которому он, Роланд, дал обещание. И он намерен сдержать свое слово.

Стрелок погрузился в раздумья. Манера его строить мысленный монолог была весьма своеобразной. Сухой прагматизм сочетался в ней с природной, звериной интуицией, унаследованной им скорее всего от бабушки, женщины странной — Дедре Безумной. Именно благодаря интуиции Роланд сумел уцелеть и прожить столько лет после гибели всех его прежних товарищей. И теперь с ее помощью ему предстояло спасти Джейка.

Он снова взял Ыша на руки, в полной мере осознавая, что Джейк еще может — может — выжить, а вот ушастик наверняка погибнет. Стрелок прошептал несколько слов в настороженно приподнятое ухо зверька. Сделал паузу. Повторил команду. Опять сделал паузу и повторил. Замолчал наконец и запустил ушастика в вентиляционную вытяжку.

— Хороший мальчик, — шепнул Роланд на прощание. — Иди. Сделай, что надо сделать. Мое сердце с тобой.

— Ыш! Ерце! Эйк! — отозвался ушастик и убежал в темноту.

Роланд ждал.

Сейчас начнется такое, что всем чертям будет тошно.

30

Задай мне вопрос, Эдди Дин из Нью-Йорка. И пусть это будет хороший вопрос... ибо если вопрос будет глупым, вы оба умрете, откуда бы вы ни пришли.

И как, скажите, пожалуйста, реагировать на подобное заявление?

Темно-красный огонек на переговорном устройстве внезапно погас. Вместо него опять засветился розовый.

— *Думай быстрее,* — пролепетал, подгоняя, слабенький голосок Маленького Блейна. — *Он никогда раньше не был таким сердитым... думай быстрее или он вас обоих убьет!*

Эдди отметил — но как-то смутно, — что голуби все еще бесцельно кружат под куполом Колыбели и что некоторые из них, натыкаясь на каменные колонны, падают замертво на пол.

— Что ему надо? — прошипела Сюзанна в микрофон, обращаясь к Маленькому Блейну, чей голосок притаился где-то внутри. — Что ему надо? Скажи, ради Бога, *что?*

В ответ тишина. У Эдди возникло пренеприятнейшее ощущение, что минута отсрочки, любезно им предоставленная Большим Блейном для того, чтобы подумать как следует (если это была отсрочка и если Блейн, тот, который Большой, был любезен), сейчас закончится. Нажав на кнопку СЛУШАЙТЕ/ГОВОРИТЕ, Эдди заговорил этаким лихорадочно-жизнерадостным тоном, чувствуя, как по щекам и по шее его текут струйки пота.

Задай мне вопрос.

— Значит, так... Блейн! Чем ты вообще занимался за эти последние несколько лет? Как я понимаю, ты не выходил на этот свой юго-восточный маршрут? А почему? Настроения не было или другие причины имелись? А?

Тишина. Ни звука вообще. Только шелест и хлопанье голубиных крыльев. Не в меру богатое воображение услужливо нарисовало картинку: Ардис, пытающийся закричать, когда щеки его стали плавиться, а по языку пробежало пламя. У Эдди аж волосы встали дыбом. Только от страха? Или это усилилось напряжение невидимого электрического поля?

Думай быстрее... он никогда раньше не был таким сердитым.

— А кто вообще тебя сделал? — спросил в отчаянии Эдди, думая про себя: *Знать бы мне только, чего он хочет, этот железный мудила!* — Может, расскажешь нам эту страницу твоей

биографии? Не седые, случайно? Нет... скорее всего это были Великие Старцы, да? Или...

Он беспомощно умолк. Молчание Блейна уже ощущалось буквально физически — как прикосновение к коже мясистых, жадно ощупывающих пальцев.

— Что тебе *надо?* — выкрикнул Эдди, отчаявшись окончательно. — Объясни, черт возьми, что ты хочешь *услышать?*

Никакого ответа — лишь кнопки на переговорном устройстве опять налились яростным темно-красным светом. Эдди понял, что время их истекает. Где-то поблизости включился невидимый механизм — раздалось глухое жужжание, похожее на гул электрического генератора. И как бы Эдди ни хотелось думать, что это лишь плод его разыгравшегося воображения, слуховая галлюцинация и все такое, звук был реальным. Очень даже реальным.

— Блейн! — воскликнула вдруг Сюзанна. — Блейн, ты меня слышишь?

Никакого ответа... Эдди чувствовал, как воздух вокруг наполняется электричеством, точно миска под краном — водой. В носу щипало при каждом вдохе. Пломбы в зубах гудели, как потревоженные насекомые.

— Блейн, *у меня* есть вопрос. Очень хороший вопрос! Послушай! — На мгновение Сюзанна прикрыла глаза, отчаянно потирая пальцами виски. — «Его не потрогаешь и не увидишь... гм... формы нет у него, и вообще ничего — только имя... Оно то коротким бывает... то длинным...» — Она запнулась и умоляюще поглядела на Эдди широко раскрытыми глазами. — Помогай! Я не помню, что дальше!

Но Эдди только уставился на нее как на законченную идиотку. Что за бред еще, черт возьми? У нее что, в голове помутилось от страха? Но тут его вдруг осенило, и он все понял. Последняя строчка загадки всплыла в его памяти, и все встало на место — как будто в картинке-загадке не хватало двух последних кусочков, но теперь они вдруг нашлись. Эдди бросился к микрофону:

— «И оно всегда с нами: во всех разговорах, забавах и играх». Что это? Вот наш вопрос, Блейн, — что это такое?

Красный огонек, подсвечивающий кнопки КОД-КОМАНДА и ВВОД под ромбом из цифр, погас. Через секунду — Эдди она показалась бесконечной — Блейн заговорил опять... но и за эту секунду Эдди успел ощутить, что мурашки от электричества у него на коже начинают проходить.

— ТЕНЬ, РАЗУМЕЕТСЯ, — ответил голос Большого Блейна. — ЛЕГКИЙ ВОПРОС... НО НЕПЛОХОЙ. ОЧЕНЬ ДАЖЕ НЕПЛОХОЙ.

Теперь голос в динамике несколько оживился. В нем появилась задумчивость... и еще кое-что непонятное, неулови-

мое. Удовольствие, может быть? Или тоска? Эдди никак не мог определить эту странную нотку, но что-то в голосе из динамика напоминало ему голосок Маленького Блейна. И еще одно Эдди знал наверняка: неожиданное — и весьма своевременное — вмешательство Сюзанны спасло их. По крайней мере какое-то время им не придется переживать за сохранность своих драгоценных задниц. Склонившись над ней, он поцеловал ее в лоб — холодный, покрытый бисеринками пота.

— А ЕЩЕ ЗАГАДКИ ВЫ ЗНАЕТЕ? — спросил Блейн.

— Да, и немало, — немедленно отозвалась Сюзанна. — У нашего друга Джейка есть целая книга загадок.

— ИЗ НЬЮ-ЙОРКА ИЛИ ОТКУДА? — уточнил Блейн, и теперь Эдди понял, что это за странная нотка проскальзывает в его голосе. Блейн, может быть, и машина, но Эдди, будучи «героинщиком» с шестилетним стажем, уже безошибочно узнавал этот парализующий голод, когда все твои мысли заняты только одним.

— Да-да, из Нью-Йорка, — подтвердил он. — Но Джейка сейчас с нами нет. Его взяли в плен. Увел его некто Гашер.

В ответ тишина... а потом кнопки на переговорном устройстве опять замерцали уже знакомым бледно-розовым светом.

— *Пока все идет хорошо,* — прошептал голосок Маленького Блейна. — *Но вам надо быть начеку... он хитрый...*

Кнопки вспыхнули красным.

— ВЫ ЧТО-ТО СКАЗАЛИ? — Голос Блейна звучал теперь холодно и — Эдди мог бы поклясться в этом — подозрительно.

Он посмотрел на Сюзанну. Она вся напряглась, широко раскрыв глаза — испуганные, как у маленькой девочки, посреди ночи услышавшей странные шорохи под своей кроватью.

— Это я просто откашлялся, Блейн. Что-то в горле першит, — сказал Эдди и, тяжело сглотнув, утер рукой пот со лба. — Я... черт возьми, скажи правду и посрамишь дьявола... просто я перепугался до смерти.

— И ПРАВИЛЬНО СДЕЛАЛ. ЭТИ ЗАГАДКИ, ИЗ КНИГИ, ОНИ ТОЧНО НЕ ГЛУПЫЕ? ПОТОМУ ЧТО Я НЕ ПОТЕРПЛЮ ГЛУПЫХ ЗАГАДОК. МОЕ ТЕРПЕНИЕ НЕБЕЗГРАНИЧНО.

— Нет, они все хорошие... в основном, — отозвалась Сюзанна, бросив на Эдди тревожный взгляд.

— ТЫ ЛЖЕШЬ, ЖЕНЩИНА. ТЕБЕ НЕВЕДОМО КАЧЕСТВО ЭТИХ ЗАГАДОК.

— Откуда ты знаешь...

— СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ГОЛОСА. ФРИКАТИВНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ И ЭМФАТИЧЕСКИЕ УДАРЕНИЯ НА ДИФТОНГАХ ПОЗВОЛЯЮТ С ДОСТАТОЧНОЙ СТЕПЕ-

НЬЮ ТОЧНОСТИ ОПРЕДЕЛИТЬ СООТНОШЕНИЕ ПРАВДЫ/ЛЖИ. КОЭФФИЦИЕНТ НАДЕЖНОСТИ АНАЛИЗА СОСТАВЛЯЕТ НЕ МЕНЕЕ 97 ПРОЦЕНТОВ ПЛЮС-МИНУС ПОЛПРОЦЕНТА. — Голос на мгновение умолк, а когда зазвучал снова, в нем явственно слышались угрожающие, немного манерные и медлительные интонации, которые показались Эдди знакомыми. Ну да, конечно... Это был голос Хамфри Богарта*. — ГОВОРИ ЛУЧШЕ ТОЛЬКО О ТОМ, ЧТО ЗНАЕШЬ, КРАСАВИЦА. ПРИХОДИЛ ТУТ ТОЖЕ ОДИН УМНИК. ПЫТАЛСЯ МЕНЯ ОБЖУЛИТЬ. ЗНАЕШЬ, ЧТО С НИМ СТАЛО? ОБРЕЛ СВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ НА ДНЕ СЕНДА, ОБУВ ПЕРЕД ЭТИМ НОВЕНЬКУЮ ПАРУ БЕЛЫХ ТАПОЧЕК.

— Господи, — выдохнул Эдди. — Мы протопали миль четыреста, если не больше, и все для чего? Чтобы нарваться на Малыша Рича в компьютерной версии. Как тебе это удается, Блейн? Имитировать голоса парней вроде Джона Уэйна или Хамфри Богарта? Ребят из нашего мира?

Молчание.

— О'кей. На этот вопрос ты отвечать не хочешь. Тогда, может быть, на другой... если тебе так хотелось загадок, чего же ты сразу-то не сказал?

И опять никакого ответа. Впрочем, Эдди и так уже понял. Блейн обожает загадки, вот он и задал загадку им. Сюзанна ее разгадала. И слава Богу. А то было у Эдди одно неприятное подозрение, что, если б она не сумела ее разгадать, они бы сейчас с ней на пару валялись на белом полу Колыбели в виде брикетов угля.

— Блейн? — встревоженно позвала Сюзанна. Ответа по-прежнему не было. — Блейн, ты еще здесь?

— ДА. ЗАГАДАЙТЕ ЕЩЕ ЗАГАДКУ.

— Когда нельзя открыть дверь? — спросил Эдди.

— КОГДА ОНА РАСПАХНУТА. ПРИДЕТСЯ ВАМ ВСПОМНИТЬ ЧТО-НИБУДЬ ПОИНТЕРЕСНЕЕ, ЕСЛИ ВАМ В САМОМ ДЕЛЕ ТАК НУЖНО, ЧТОБЫ Я ВАС КУДА-ТО ОТВЕЗ. *МОЖЕТЕ* ВЫ ПРИДУМАТЬ ЧТО-НИБУДЬ ПОИНТЕРЕСНЕЕ?

— Сейчас сюда придет Роланд... он-то уж точно много чего придумает, — сказала Сюзанна. — Не будем сейчас говорить о загадках из книги Джейка... будет книжка, тогда и посмотрим... но Роланд знает их сотни. Он даже их изучал. В детстве. — Произнеся эти слова, Сюзанна вдруг поняла, что ей трудно представить Роланда ребенком. — А ты *отвезешь* нас, Блейн?

— МОЖЕТ БЫТЬ, — сказал Блейн достаточно ровным тоном, но Эдди все-таки уловил в его голосе едва различимую нот-

---

* Хамфри Богарт (1899 — 1957) — американский актер.

ку жестокости. — НО ЧТОБЫ МЕНЯ ЗАПУСТИТЬ, ВАМ ПРИДЕТСЯ ЗАЛИТЬ НАСОС, А НАСОС У МЕНЯ ЗАЛИВАЕТСЯ НАОБОРОТ.

— Что ты имеешь в виду? — Эдди в недоумении уставился сквозь прутья ограды на гладкую розовую спину Блейна. Но Блейн не ответил ему. Ни на этот, ни на все последующие их вопросы. Ярко-оранжевые огоньки на панели продолжали гореть, но оба Блейна — и Маленький, и Большой — похоже, погрузились в спячку. Эдди, однако, был не настолько тупым, чтобы на это надеяться. Блейн не спал. Блейн наблюдал за ними. Блейн прислушивался к их «фрикативным построениям и эмфатическим ударениям на дифтонгах».

Эдди взглянул на Сюзанну.

— «Вам придется залить насос, а насос у меня заливается наоборот», — пробормотал он уныло. — Это загадка, да?

— Ну естественно. — Сюзанна мельком взглянула на треугольное окно Блейна, похожее на прищуренный насмешливый глаз, и, притянув Эдди поближе к себе, прошептала ему прямо в ухо: — Он не в себе, Эдди... законченный шизофреник, параноик и в придачу, возможно, маньяк.

— А я, ты думаешь, сам не вижу, — шепнул он в ответ. — Итак, что мы имеем? Чокнутый и гениальный компьютерный призрак со съехавшей крышей, монорельсовый поезд, задвинутый на загадках и развивающий сверхзвуковую скорость. Добро пожаловать в фантастическую вариацию «Пролетая над гнездом кукушки»*!

— Есть у тебя какие-нибудь предложения насчет ответа?

Эдди покачал головой.

— А у тебя?

— Есть одна мысль... что-то такое в мозгу проблескивает. Впрочем, наверное, это не то. Я вот все думаю над словами Роланда. Помнишь? Что у хорошей загадки всегда есть и смысл, и отгадка. И что загадки похожи на трюки фокусника.

— Задают изначально неправильное направление.

Сюзанна кивнула.

— Сходил бы ты, Эдди, еще раз выстрелил... пусть они знают, что мы еще здесь.

— Ага. Знать бы только, там ли они еще.

— А ты сам как думаешь, Эдди?

Эдди уже пошел к выходу.

— Я не знаю, — ответил он, не останавливаясь и не оглядываясь. — Эту загадку, наверное, не разгадать даже Блейну.

---

* Роман американского писателя Кена Кизи (р. 1935), экранизированный в 1975 году Милошем Форманом. Действие романа происходит в психиатрической лечебнице.

31

— Попить чего-нибудь можно? — попросил Джейк. Голос его прозвучал невнятно. Нос заложило. Разбитые губы раздуло. Нос тоже уже распухал. Видок у мальчика был еще тот. Как будто он только что поучаствовал в массовой уличной потасовке, причем досталось ему больше всех.

— О да, — рассудительно отозвался Тик-Так. — *Можно*, конечно. Еще как *можно*. Питья у нас хоть залейся, да, Медный Лоб?

— Ага, — тут же откликнулся долговязый мужчина в очках, в белой шелковой рубашке и черных шелковых брюках, похожий на преподавателя колледжа, как их изображали на карикатурах в журнале «Панч» начала века. — Нехватки хорошего пойла у нас не предвидится.

Тик-Так поудобнее устроился на своем «троне» и бросил на Джейка шутливый взгляд.

— У нас есть вино, пиво, эль и вода, разумеется. Добрая старая водица. Иногда это все, что нужно твоему исстрадавшемуся организму. Глоток холодной, искристой и чистой воды. Как по-твоему, неплохо звучит, мой мальчик?

Горло у Джейка — распухшее и сухое, как наждачная бумага — болезненно сжалось.

— Неплохо, — выдавил он.

— Мне аж самому захотелось попить. — Тик-Так растянул губы в улыбке. В зеленых глазах заплясали недобрые огоньки. — Принеси мне водички, Тилли... черт возьми, не понимаю, куда подевались мои манеры!

Тилли вышла через вторую дверь, расположенную на другой стороне круглой комнаты — напротив той, через которую Гашер с Джейком вошли сюда. Джейк проводил ее жалобным взглядом и облизал распухшие губы.

— Ну вот. — Тик-Так опять повернулся к Джейку. — Значит, ты утверждаешь, что этот твой американский город... Нью-Йорк... очень похож на наш Лад.

— Ну... не совсем...

— Но тебе ведь знакомы некоторые машины, — не унимался Тик-Так. — Клапаны, лампы, насосы и все такое. Не говоря уже про огневодные трубки.

— Да. Только мы их называем неоновыми. Впрочем, это без разницы.

Тик-Так протянул к нему руку. Джейк весь сжался, но Тик-Так лишь легонько похлопал его по плечу.

— Да-да, без разницы. — Глаза у него так и сверкали. — И компьютеры тоже тебе знакомы?

— Да, но...

31 Зак. 722

Тилли вернулась с кувшином воды и робко приблизилась к трону Тик-Така. Тот отобрал у нее кувшин и предложил его Джейку. Мальчик протянул руку, но Тик-Так вдруг убрал кувшин и стал пить сам. Джейк смотрел, как с губ Тик-Така стекает вода и льется тоненькой струйкой по его обнаженной груди, и парнишку начала бить дрожь. Он ничего не мог с собой поделать.

Тик-Так поглядел на Джейка поверх кувшина, словно только что вспомнил, что он тут не один. За спиной у него Гашер, Медный Лоб, Брандон и Хутс ухмылялись, как школьники младших классов, которые только что услыхали смешную сальную шуточку.

— Вот те на, мне вдруг так захотелось пить, что я совершенно забыл *о тебе!* — воскликнул Тик-Так. — Нехорошо с моей стороны, черт возьми! Просто невежливо... Но она была такой чистой... такой хорошей... прохладной... я просто не мог устоять...

Он опять протянул кувшин Джейку и опять убрал его, едва Джейк потянулся к нему.

— Сначала, мой мальчик, ты мне расскажешь о биполярных компьютерах и транзитивных схемах, — объявил он как отрезал.

— Что... — Джейк украдкой взглянул на вентиляционную вытяжку, за решеткой которой он видел глаза с золотым ободком. Теперь их там не было. Ему уже стало казаться, что он их все-таки вообразил. Джейк опять перевел взгляд на Тик-Така, в полной мере осознавая, что никакой воды он не получит. Глупо было бы даже мечтать об этом. — А что такое биполярные компьютеры?

Лицо Тик-Така исказилось от ярости, и он выплеснул остатки воды из кувшина Джейку в лицо.

— *Даже и не пытайся водить меня за нос!* — заорал он благим матом, сорвал с руки часы Джейка и потряс ими у мальчика перед носом. — *Когда я тебя спросил, как они работают, на биполярных или монополярных схемах, ты мне ответил, что они вообще не на схемах работают. Значит, ты знал, о чем говоришь... Так что не надо сейчас мне заливать, будто ты не понимаешь, о чем идет речь... ты прекрасно во всем разбираешься!*

— Но... но... — Джейк не знал, что сказать. Голова у него кружилась от растерянности и страха. Смутно, как будто издалека, до мальчика вдруг дошло, что он судорожно облизывает языком пересохшие губы, пытаясь выжать из них хоть капельку влаги.

— *Тут, под гребаным этим городом, не меньше тысячи этих гребаных биполярных компьютеров, а может быть, сотни тысяч, но работает только один. И он тоже не делает ни хрена, только играет в «Не зевай» и запускает пленку с этими долбаными барабанами! А мне нужны эти компьютеры! Я хочу, чтобы они работали — и работали на меня!*

Тик-Так резко подался вперед, схватил Джейка за плечи, встряхнул его, точно тряпичную куклу, и швырнул на пол. Джейк ударился о торшер — тот свалился, и лампочка лопнула с глухим звуком, похожим на сдавленный кашель. Тилли испуганно взвизгнула и, широко раскрыв глаза, отступила на шаг. Медный Лоб и Брандон встревоженно переглянулись.

Тик-Так наклонился вперед, опираясь локтями о бедра, и проорал Джейку прямо в лицо:

— *Они мне нужны,* И Я ИХ ПОЛУЧУ!

Воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая только едва различимым шелестом воздуха, поступающего через вентиляционные шахты. А потом яростная гримаса исчезла с лица Тик-Така, как будто и не было ее вовсе, — исчезла, сменившись очередной обаятельной улыбкой. Наклонившись пониже, он помог Джейку подняться на ноги.

— Прошу прощения, погорячился. Стоит мне только задуматься об огромном потенциале, который кроется в этом чертовом городе... в общем, меня иной раз заклинивает. Так что, мой мальчик, прими мои искренние извинения. — Подобрав с пола кувшин, он швырнул его Тилли. — Наполни его и неси сюда, ты, никчемная сучка! Чего стоишь смотришь? Давно пора сообразить.

Он опять повернулся к Джейку, по-прежнему улыбаясь дежурной улыбкой ведущего телеигры.

— Ну хорошо... ты чуть-чуть пошутил, я чуть-чуть пошутил. А теперь шутки в сторону. Расскажи мне о биполярных компьютерах и транзитивных схемах. Все расскажи, что знаешь. А потом можешь пить сколько влезет.

Джейк открыл было рот, чтобы хоть что-то сказать, — он, правда, еще не придумал, что именно, — как вдруг у него в голове явственно прозвучал голос Роланда:

Как-нибудь отвлеки их, Джейк... Там где-то должна быть кнопка, которая открывает дверь... если ты знаешь где, постарайся подойти к ней поближе.

Тик-Так пристально наблюдал за ним.

— Только что тебя, кажется, посетила какая-то дельная мысль, да, мой мальчик? Меня не обманешь. Ты ведь не будешь держать ее в тайне? Мы же тут все друзья, а от друзей у нас нет секретов. Мне ты можешь сказать — своему старому доброму другу Тикки.

Краешком глаза Джейк уловил промельк движения в вентиляционном отверстии. Правда, он не решился поднять глаза и посмотреть туда — в особенности сейчас, когда Тик-Так так внимательно наблюдает за ним, — но он знал, что Ыш вернулся.

Отвлеки их... Внезапно Джейк понял, как это лучше сделать.

— Да, *есть* у меня одна мысль, — сказал он. — Только не о компьютерах. Так... кое-что о моем старом добром приятеле Гашере. И его старом добром приятеле Хутсе.

— Эй, эй! — встрепенулся Гашер. — Ты это о чем, малыш?

— А почему бы тебе не открыть свой секрет, Гашер? О том, кто тебе дал пароль? Тогда я бы смог подсказать Тик-Таку, где ты его прячешь.

Тик-Так озадаченно поглядел на Гашера.

— О чем это он?

— Ни о чем! Просто бредит! — заверил его Гашер, но все же не смог удержаться и украдкой взглянул на Хутса. — Понимает, наверное, что попался, вот и хочет меня усадить голой задницей вместо себя на горячую сковородку. Я же тебе говорил, что он тот еще фрукт. Я тебя предупреждал...

— Может, желаете посмотреть, что у него там в платке? — продолжал Джейк. — Он там прячет клочок бумажки, на котором написано слово. Мне пришлось прочитать ему это слово, потому что он даже читать не умеет.

На этот раз, правда, Тик-Так не сорвался... зато лицо его побагровело, постепенно налившись краской, — так летнее небо темнеет перед грозой.

— Покажи-ка мне свой платок, Гашер, — попросил он пока спокойно. — Позволь своему старому доброму другу взглянуть на него хоть одним глазком.

— Все он врет, говорю тебе! — заорал Гашер, схватившись обеими руками за свой платок и отступив на два шага к стене. Прямо над ним, в сумраке вентиляционной шахты, мерцали черные с золотым ободком глаза Ыша. — Посмотри только на эту рожу — сразу видно, что он все врет, мелкий пакостник. Вот гаденыш!

Тик-Так перевел взгляд на Хутса, которого, казалось, сейчас вырвет от страха.

— Ну так что? — Голос его оставался до жути спокойным. — Ты ничего мне не хочешь сказать, Крикун? Я знаю, вы с Гашером — старые гомики. И что мозгов у тебя меньше, чем у гуся потрошеного, для меня это тоже не новость. Но чтобы вот так вот взять и записать пароль, открывающий доступ во внутренние помещения... это каким же надо быть идиотом... даже ты *мог бы* сообразить. Или нет? Отвечай, когда я тебя спрашиваю.

— Я... я просто подумал...

— Заткнись! — оборвал Хутса Гашер и метнул в сторону Джейка горящий взгляд, исполненный ненависти в чистом виде. — Ты за это поплатишься, котик... я убью тебя, вот увидишь.

— Дай сюда свой платок, Гашер, — сказал Тик-Так. — Хочу посмотреть, есть там что-нибудь или нет.

Джейк сделал шаг в направлении пульта с кнопками.

— Нет! — Гашер опять вскинул руки и схватился за платок, как будто тот мог неожиданно улететь. — Нет, будь я проклят!

— Подержи его, Брандон, — велел Тик-Так.

Брандон бросился к Гашеру. Движения Гашера были, конечно, не столь стремительны, как у Тик-Така, однако он тоже отреагировал вовремя: наклонившись, он выхватил нож из голенища высокого сапога и всадил его Брандону в руку.

— *Ах ты, гад!* — вскрикнул Брандон от боли и неожиданности. По руке потекла струйка крови.

— *Посмотри, что ты наделал!* — запричитала Тилли.

— Можно хоть что-нибудь вам поручить? Все каждый раз приходится делать самому! — объявил Тик-Так, скорее в раздражении, нежели в гневе, и поднялся на ноги. Гашер попятился от него, размахивая перед собой окровавленным ножом. Вторую руку он ни на миг не отрывал от платка у себя на голове.

— Не подходи, — выпалил он, тяжело дыша. — Я люблю тебя, Тикки, как брата, ты знаешь... но если ты подойдешь, я всажу этот нож тебе прямо в кишки... так и знай.

— *Ты?! Вряд ли,* — отозвался со смехом Тик-Так, доставая из ножен свой кинжал. Взгляды всех остальных были прикованы к этим двоим. Джейк сделал два быстрых шага к пульту с кнопками и потянулся к той, на которую вроде бы нажимал Тик-Так, закрывая дверь.

Гашер отступал, пятясь задом, вдоль круглой стены. Свет разноцветных неоновых ламп, ложась на его изъязвленную рожу, придавал ей оттенки самые разнообразные, но все какие-то болезненные: мертвенно-зеленоватый, лихорадочно-красный, желчно-желтый. Теперь под вентиляционной решеткой, за которой поблескивали глазки Ыша, стоял Тик-Так.

— Убери нож, Гашер, — рассудительно проговорил гигант. — Я тебе поручил привести мальчишку. Ты парня привел, нет вопросов. Если кто и виноват, то не ты, а Хутс. С ним я еще разберусь. А к тебе у меня претензий нет. Я просто хочу посмотреть...

Джейк увидел, что Ыш присел, готовясь к прыжку, и понял сразу две вещи: что собирается сделать ушастик и кто его этому научил.

— Ыш, нет! — крикнул он.

Все, как один, повернулись к нему. В это мгновение Ыш прыгнул. Ударился с той стороны о решетку и выбил ее своим весом. Тик-Так обернулся на звук.

Ыш плюхнулся прямо на запрокинутое кверху лицо Тик-Така, тут же принявшись царапать и кусать его.

32

Даже через двойную дверь Роланд услышал крик Джейка — *Ыш, нет!* — и сердце его упало. Он поглядел на колесо на двери в надежде, что оно все-таки повернется. Оно, однако, не сдвинулось с места. Роланд закрыл глаза и сосредоточился, посылая мысленный сигнал: *Дверь, Джейк! Открой дверь!*

Ответной реакции он не ощутил. Образы тоже исчезли. Связь его с Джейком — никудышная, надо признать, изначально — теперь и вовсе оборвалась.

33

Тик-Так отшатнулся, изрыгая проклятия и вопли, и попытался схватить извивающееся, кусающееся и царапающееся существо, которое вцепилось ему в лицо. И ему это почти удалось, но тут когти Ыша вонзились ему в левый глаз — в голове вспыхнула алая боль, точно пылающий факел, заброшенный в темную глубь колодца. На мгновение ярость затмила боль. Тик-Так все-таки ухватил Ыша, оторвал его от лица и поднял его над головой, намереваясь выкрутить, как мокрое полотенце.

— *Нет!* — закричал Джейк. Забыв про кнопку, которая открывала двери, он схватил автомат, висевший на спинке кресла, — произведенный в Германии автомат допотопной конструкции времен Второй мировой.

Тилли пронзительно завизжала. Все остальные бросились врассыпную. Джейк прицелился в Тик-Така. Ыш висел вниз головой в сильных огромных руках и отчаянно извивался, выгнувшись так, что, казалось, вот-вот сломается. Он клацал зубами, хватая воздух, и верещал от боли — причем крики его до жути походили на человеческие. Джейк невольно поежился.

— Отпусти его, гад! — крикнул он и нажал на спусковой крючок.

У него хватило еще хладнокровия прицелиться относительно низко. В ограниченном пространстве закрытой комнаты очередь «шмайссера» прозвучала как грохот мощного взрыва, хотя всего-то и было четыре-пять выстрелов. Одна из неоновых трубок лопнула, изрыгнув вспышку холодного оранжевого огня. На облегающих брюках Тик-Така, чуть выше левого колена, образовалась маленькая дыра, вокруг которой тут же начало расплываться темно-красное пятно. У Тик-Така аж челюсть отвисла от изумления — выражение достаточно красноречивое: при всем своем недюжинном уме Тик-Так, по всей видимости, собирался прожить долгую и счастливую жизнь, время от времени постреливая в людей развлечения ради, но ему даже и в голову не приходило, что и в него тоже могут стрельнуть. Вернее, стрельнуть, конечно, могут... но чтобы попасть?! Удивленное его выражение яснее всяких слов говорило о том, что в его планы подобный расклад не входил никак.

Добро пожаловать в настоящий, реальный мир, подумал Джейк и добавил еще нецензурное определение.

Тик-Так уронил Ыша на железный решетчатый пол и схватился обеими руками за простреленное колено. Медный Лоб бросился к Джейку и сдавил своей огромной ручищей его горло, но Ыш тоже не терялся. Издав пронзительный лай, ушастик вцепился зубами в лодыжку Медного Лба, прокусив шелковые штаны. Медный Лоб заорал благим матом и, отпустив Джейка, запрыгал на одной ноге, пытаясь стряхнуть с себя Ыша. Но тот прилип к нему как пиявка. Джейк повернулся... и очень вовремя. Тик-Так ползком подбирался к нему, зажав в зубах нож.

— Прощай, Тикки. — Джейк нажал на гашетку «шмайссера». Но ничего не случилось. То ли где-то заклинило механизм, то ли просто патроны кончились, Джейк не знал. Времени строить догадки, естественно, не было. Он отступил на два шага и тут обнаружил, что путь к отступлению отрезан огромным креслом, которое служило Тик-Таку троном. Джейк хотел обогнуть кресло — все-таки лишний барьер между ним и Тик-Таком, — но не успел. Тик-Так схватил его за ногу. Другая его рука потянулась к кинжалу. То, что осталось от левого глаза, висело на щеке комком мятного мармелада. Здоровый глаз, полыхая безумной ненавистью, смотрел прямо на Джейка.

Джейк попытался освободиться, запнулся и плюхнулся в кресло Тик-Така. Взгляд его случайно упал на кармашек, пришитый к правому подлокотнику, — оттуда торчала украшенная жемчугами потрескавшаяся рукоять револьвера.

— О мальчик мой, как ты будешь страдать! — горячо зашептал Тик-Так едва ли не в экстазе. Удивленное выражение его сменилось широкой, дрожащей ухмылкой. Он уже предвкушал сладость мести. — О как же ты будешь страдать! И с каким удовольствием я... *Что?..*

Усмешка стерлась, сменяясь знакомым уже выражением искреннего удивления, когда Джейк, прицелившись из револьвера в Тик-Така, взвел большим пальцем курок. Тик-Так все-таки не отпустил ногу Джейка. Наоборот, он еще крепче сжал пальцы, и Джейк испугался, что кости его сейчас хрустнут, не выдержав напряжения.

— Ты не посмеешь! — хрипло выдавил Тик-Так.

— Еще как посмею, — угрюмо заверил гиганта Джейк и нажал на спусковой крючок. Раздался сухой щелчок, далеко не такой впечатляющий, как оглушительный грохот германского «шмайссера». На лбу у Тик-Така, на правой его стороне, появилась аккуратная черная дырочка. Тик-Так продолжал с изумлением смотреть на Джейка, не веря своим глазам... точнее, глазу.

Джейк попытался заставить себя выстрелить еще раз, но не смог.

И тут вдруг полоска скальпа на правой стороне головы Тик-Така свернулась в трубочку, как кусок старых обоев, и свесилась ему на щеку. Роланд бы сразу смекнул, в чем тут дело; Джейк, однако, почти ничего уже не соображал. Темный панический ужас взвихрил-

ся в сознании, точно воронка торнадо. Хватка Тик-Така ослабла, он выпустил ногу Джейка и свалился на решетчатый пол лицом вниз. Джейк съежился в кресле, стараясь вжаться в самый дальний угол.

Дверь. Ему надо еще открыть дверь и впустить стрелка.

Сосредоточившись только на этой мысли, Джейк швырнул револьвер на пол и заставил себя подняться с кресла. Он уже протянул руку к кнопке, на которую вроде бы нажимал Тик-Так, закрывая дверь, как вдруг чьи-то руки схватили его за горло и потащили назад, прочь от пульта.

— Я тебе говорил, что тебе это так не пройдет, мой зайчик. Я обещал, что убью тебя, — прошептал ему в ухо знакомый голос, — а Гашер всегда выполняет свои обещания.

Закинув руки назад, Джейк попытался ударить Гашера, но не смог до него дотянуться. Жесткие пальцы впились ему в горло и стали сжиматься. Свет перед глазами померк. Все утонуло в серой пелене. Вскоре серый туман обернулся красным, а потом все поглотила чернота.

34

Со свистом включился воздушный насос, и колесо в центре железной двери повернулось на несколько оборотов. Хвала богам! — с облегчением подумал Роланд, схватился правой рукой за колесо и, не дожидаясь, пока оно остановится, рванул дверь на себя. Вторая дверь оказалась уже приоткрытой: изнутри доносились звуки борьбы и пронзительный лай Ыша, исполненный боли и ярости.

Роланд пинком распахнул дверь пошире, и первый, кого он увидел, был Гашер, душивший Джейка. Ыш оставил Медного Лба в покое и бросался теперь на Гашера, пытаясь заставить его отпустить Джейка, но тяжелый сапог на ноге «пирата» не давал ушастику добраться до кожи, выполняя тем самым двойную работу: защищал своего владельца от острых зубов животного, а Ыша — от смертоносной заразы в крови Гашера. Брандон пнул Ыша в бок, чтобы тот отпустил ногу Гашера, но ушастик как будто и не почувствовал боли. Джейк безвольно обмяк в руках Гашера, как марионетка с обрезанными нитями. Лицо его приобретало уже серовато-синюшный оттенок, разбитые и распухшие губы стали бледно-лиловыми.

Гашер поднял голову.

— *Ты!* — прорычал он.

— Я, — подтвердил Роланд. Он выстрелил только раз. Левая сторона головы Гашера разлетелась на куски. Выстрел отбросил его назад. Забрызганный кровью желтый платок слетел с головы и упал на Тик-Така. Ноги Гашера дернулись несколько раз в агонии, стуча по решетчатому полу, а потом он затих.

Стрелок дважды выстрелил в Брандона, взводя затвор револьвера ладонью правой руки. Брандон, который уже занес ногу над Ышем для очередного пинка, завертелся на месте, ударился о стену и медленно сполз по ней на пол, цепляясь за неоновую трубку. Между слабеющими его пальцами, как мерцание болотных огней, растекался зеленый свет.

Ыш бросился к Джейку, который, как только Гашер его отпустил, свалился на пол, и принялся лизать его бледное лицо с застывшими чертами.

Медный Лоб и Хутс, видимо, порешив, что с них на сегодня достаточно, разом бросились к маленькой дверце, через которую Тилли выходила набрать воды. Время для проявления благородства было не самое подходящее — Роланд уложил их обоих выстрелами в спину. Он понимал: действовать надо быстро, очень и очень быстро, — и он не хотел рисковать, чтобы потом эти двое подстерегли его где-нибудь на пути назад, если вдруг паче чаяния соберутся с духом и снова придут в воинственное настроение. Это вряд ли, конечно, но рисковать все же не стоило.

Под потолком капсульной формы помещения вспыхнул пучок ярко-оранжевых огней. Включилась сирена тревоги: противный и хриплый рев с нарастающими и убывающими завываниями, от которого сотрясались стены. Через пару секунд огни аварийного освещения начали мигать в такт переливам сирены.

35

Эдди уже возвращался к Сюзанне, как вдруг завыла сирена. Он вскрикнул от неожиданности и поднял «ругер», целясь в никуда.

— *Что происходит?*

Сюзанна покачала головой — она сама ничего не могла понять. Сирена звучала пугающе, но самое гадкое было то, что от громких ее завываний ушам стало больно. Пропущенный через мощные усилители звук напоминал Эдди гудок трактора-трейлера, но увеличенный в десять раз.

Оранжевые дуги под куполом Колыбели тоже стали мигать в такт сирене. Эдди увидел, что и кнопки на переговорном устройстве, КОД-КОМАНДА и ВВОД, точно подмигивающие глаза, то загораются вспышками яркого красного света, то гаснут.

— Блейн, что происходит? — завопил Эдди, бешено озираясь по сторонам. Но он не видел ничего, кроме теней, подпрыгивающих в дикой пляске. — Это твоя работа?

Ответом Блейна был только смех — ужасающий механический хохот, напомнивший Эдди здорового заводного кло-

уна, которого он видел в детстве у входа в комнату ужасов на Кони-Айленде.

— *Блейн, прекрати!* — закричала Сюзанна. — *Как, по-твоему, мы будем думать над ответом на твою загадку, когда вокруг все вопит?! Сосредоточиться невозможно!*

Смех оборвался так же внезапно, как и начался, но Блейн не ответил. А может быть, и ответил: за железной оградой, отделяющей их от платформы, по команде биполярных компьютеров, которые так вожделенно стремился заполучить Тик-Так, включились огромные двигатели, питаемые энергией мощных турбин с низким коэффициентом трения. Впервые за последние десять лет Блейн Моно проснулся и принялся разогревать моторы, набирая рабочие обороты.

36

Сирена воздушной тревоги, изначально предназначавшаяся для того, чтобы предупреждать жителей Лада о приближающихся бомбежках (состояние которой, заметим в скобках, не проверялось, наверное, тысячу лет), накрыла город звуковой волной. Тут же в городе включились все лампы, какие только могли гореть, и замигали в такт переливам сирены. Обитающие на поверхности млады и засевшие в городских катакомбах седые решили, что это конец: то, чего они все так боялись, свершилось. Седые грешили на некую катастрофическую поломку машин. Млады, всегда свято верившие, что однажды все духи и призраки, обитающие в механизмах под городом, разом поднимутся на поверхность, чтобы отомстить наконец живым за то, что те еще живы, в своем толковании происходящего были, наверное, ближе к истине.

Разумеется, в древних компьютерах, скрытых под городом, в их едином живом организме, чей рассудок неумолимо деградировал в условиях, которые в пределах безжалостных биполярных схем могли быть единственной абсолютной реальностью, еще сохранились остатки разума. На протяжении восьмисот лет этот компьютерный монстр удерживал в практически неограниченных банках памяти свою чуждую человеку логику и продержал бы ее, невостребованную, еще столько же, если бы в город не заявился Роланд со своими друзьями; несмотря на продолжительное бездействие этот mentis non corpus — бестелесный разум — продолжал мыслить, становясь все безумнее с каждым годом; и даже в периоды «спячек» он видел сны, если так можно сказать, но по мере того, как сдвигался мир, эти сны становились все более странными и аномальными. И вот теперь, пусть даже за столько веков те удивительные машины, посредством которых питалась энергия Лучей, и потеряли былую мощь, этот безумный нечеловеческий разум проснулся в чертогах руин и

начал готовиться к очередной прогулке — конечно, бестелесной, как и положено призраку, — по коридорам мертвых.

А у себя в Колыбели Блейн Моно готовился вспомнить былые проделки.

37

Роланд склонился над Джейком, но, услышав звук чьих-то шагов за спиной, мгновенно обернулся и выхватил револьвер. Тилли с лицом цвета перебродившего теста, на котором, как маска, застыли растерянность и суеверный страх, подняла руки вверх и пронзительно закричала:

— *Не убивай меня, сай! Пожалуйста! Не убивай меня!*

— Тогда брысь отсюда, — сказал Роланд резко, а когда Тилли сдвинулась с места, легонько ударил ее по ноге рукояткой револьвера. — Не туда... иди в эту дверь, через которую вошел я. И чтоб я больше тебя не видел, потому что следующая наша встреча будет для тебя последней, понятно? Давай убирайся, пока я добрый!

Тилли скрылась в плящущих, кружащихся тенях.

Роланд прижался ухом к груди Джейка, закрыв другое ухо рукой, чтобы заглушить рев пульсирующей сирены. Хотя и медленно, сердце у мальчика билось. Роланд взял Джейка под мышки, чтобы поднять его с пола, и в это мгновение мальчик открыл глаза.

— В этот раз ты не дал мне упасть, — хрипло выдавил он едва слышным шепотом.

— Я же тебе обещал, что теперь — никогда. Ни в этот раз, ни потом. А теперь помолчи. Береги связки.

— А где Ыш?

— Ыш! — тявкнул ушастик. — *Эйк!*

Брандон успел несколько раз поддать Ышу ногой, но ни одна из ран, к счастью, не оказалась смертельной или даже серьезной. Зверьку было больно, да. Но он был вне себя от радости. Сверкающими глазами Ыш не отрываясь смотрел на Джейка, высунув розовый язычок.

— Эйк, Эйк, *Эйк!*

Джейк расплакался и потянулся к зверьку. Ыш забрался к нему на руки и дал на мгновение обнять себя.

Роланд поднялся на ноги и огляделся. Взгляд его остановился на двери на той стороне комнаты. Двое мужчин, которых он уложил выстрелами в спину, собирались бежать именно в том направлении, да и женщина порывалась уйти через эту дверь. Взяв Джейка на руки, Роланд направился к маленькой дверце. Ыш, прихрамывая, топал следом. Ногой отпихнув на ходу бездыханное тело одного из седых, стрелок, пригнувшись, прошел через дверь и оказался в кухне,

которая, несмотря на все встроенные приспособления и стены из нержавеющей стали, больше напоминала свинарник, нежели помещение для приготовления пищи. По всей видимости, седые не придавали большого значения образцовому ведению хозяйства.

— Пить, — прошептал Джейк. — Пожалуйста... очень хочется пить.

Роланд почувствовал странное раздвоение, как будто время вдруг переломилось и потекло назад. Он вспомнил, как шел по пустыне, сходя с ума от жары и ничем не заполненной пустоты. Вспомнил, как, полумертвый от жажды, потерял сознание в конюшне на дорожной станции и пришел в себя от того, что почувствовал на губах вкус прохладной искристой воды. Мальчик тогда снял с себя рубаху, намочил ее под струей воды из насоса и дал ему напиться. Теперь пришла очередь Роланда сделать то же самое для Джейка.

Оглядевшись, Роланд увидел раковину. Повернул кран. Мощной струей потекла вода, чистая и прохладная. Повсюду: над ними, вокруг и под ними — по-прежнему надрывалась сирена.

— Сможешь встать?

Джейк кивнул:

— Кажется, да.

Роланд осторожно поставил Джейка на ноги, готовый подхватить его, если тот начнет падать. Но Джейк не упал. Опершись о раковину, он нагнулся и сунул голову под струю воды. Пока мальчик пил, стрелок поднял Ыша на руки и осмотрел его раны. Они уже подсыхали и больше не кровоточили. *Тебе повезло, мой лохматый друг, отделался легким испугом,* подумал Роланд и, сложив ладонь ковшиком, набрал из крана воды для зверька. Ыш принялся жадно лакать.

Вдоволь напившись, Джейк отступил от раковины. Намокшие волосы облепили его лицо, которое было еще слишком бледным, и следы нанесенных побоев бросались в глаза, однако он выглядел лучше — намного лучше, — чем в тот первый, ужасный, момент, когда Роланд склонился над ним в этой странной комнате. Тогда стрелку показалось, что мальчик мертв.

Жалко, нельзя вернуться и убить Гашера по второму разу. За этой мыслью пришла другая.

— Слушай, — спросил Роланд у Джейка, — а этот Тик-Так, о котором упоминал Гашер... ты его видел?

— Да. Ыш как раз на него и прыгнул. Всю рожу ему изодрал. А потом я его застрелил.

— Застрелил?!

Джейк поплотнее сжал губы, чтобы унять их дрожь.

— Да. Вот сюда попал... — Он постучал себе пальцем по лбу выше правой брови. — Я... просто мне повезло.

Роланд внимательно поглядел на Джейка и медленно покачал головой.

— Знаешь, по-моему, ты себя недооцениваешь. Ну да ладно. Пойдем.

— Куда? — Голос у Джейка еще не восстановился, ему приходилось шептать. Роланд заметил, что Джейк то и дело поглядывает на дверь, ведущую в комнату, где он едва не расстался с жизнью.

Роланд вытянул руку и показал на противоположную стену кухни. Там была еще одна дверь, а за ней — продолжение коридора.

— Для начала — сюда.

— СТРЕЛОК, — прогрохотал оглушительный голос, исходивший со всех сторон сразу.

Роланд резко обернулся, одной рукой прижимая к себе Ыша, другой приобняв Джейка за плечи, но никого не увидел.

— Это кто говорит? — крикнул он.

— НАЗОВИ СВОЕ ИМЯ, СТРЕЛОК.

— Роланд из Гилеада, сын Стивена. А кто ты?

— ГИЛЕАДА ДАВНО УЖЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, — прогремел в ответ голос, как будто его обладатель и не расслышал вопроса.

Роланд запрокинул голову и увидел на потолке узор из концентрических кругов, расходящихся из единого центра. Голос доносился оттуда.

— УЖЕ ТРИСТА ЛЕТ НИ ОДИН СТРЕЛОК НЕ ПОЯВЛЯЛСЯ НИ В ПРИВХОДЯЩЕМ, НИ В СРЕДИННОМ МИРЕ.

— Я и мои друзья — мы последние.

Джейк забрал у Роланда Ыша. Ушастик тут же принялся лизать распухшее лицо мальчика; его глаза с золотым ободком светились радостью и обожанием.

— Это Блейн, — шепнул Джейк Роланду. — Да?

Тот кивнул. Разумеется, это Блейн... только у Роланда начало складываться впечатление, что под именем Блейна скрывается нечто гораздо большее, чем простой монорельсовый поезд.

— МАЛЬЧИК! ТЫ ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Джейк прижался к Роланду и с опаской поднял глаза на динамики на потолке.

— Да, — хрипло выдавил он. — Я Джейк. Джейк из Нью-Йорка. Э-э... сын Элмера.

— ЭТА КНИГА С ЗАГАДКАМИ ВСЕ ЕЩЕ У ТЕБЯ? ТА, О КОТОРОЙ МНЕ ТУТ ГОВОРИЛИ?

Джейк потянулся было за ранцем и, лишь когда его пальцы коснулись спины, вспомнил, что ранца-то нет. Мальчик испуганно посмотрел на стрелка, но тот уже протягивал ему ранец, и хотя лицо Роланда — узкое, резко очерченное — оставалось, как всегда, бесстрастным, Джейк заметил улыбку, притаившуюся в уголках его губ.

— Тебе придется поправить ремни, — сказал Роланд, когда Джейк схватился за ранец. — Я их немножко удлинил.

— А «Загадки»?..

Роланд кивнул.

— Обе книги на месте.

— НУ ТАК И ЧТО ТАМ У НАС, МАЛЕНЬКИЙ ПИЛИГРИМ? — раздался вальяжный, протяжный голос.

— Ни фига себе! — удивленно воскликнул Джейк.

Он не только нас слышит, он нас еще и видит, отметил про себя Роланд и, обведя взглядом комнату, зная уже, что искать, буквально сразу же обнаружил крошечный стеклянный глазок в углу, расположенный выше обычной линии зрения человека. По спине пробежал холодок. Джейк, судя по обеспокоенному выражению его лица и по тому еще, как подрагивали его руки, обнимающие Ыша, тоже чувствовал себя более чем неуютно. Голос, гремящий в динамиках на потолке, принадлежал машине — ужасно *смышленой* машине, *игривой* машине, — но была в нем какая-то аномалия.

— Книга, — выдохнул Джейк. — Книга с загадками.

— ХОРОШО, — отозвался голос, довольный едва ли не по-человечески. — ЗАМЕЧАТЕЛЬНО.

В дверном проеме, открывающемся в коридор, неожиданно появился неряшливый бородатый мужчина с нечесаной шевелюрой. На руке у него, вся в грязи и крови, красовалась желтая повязка.

— Огонь между стенами! — завопил он с порога. Охваченный паникой, он, похоже, не сообразил, что ни Роланд, ни Джейк никаким боком не входят в его жалкий подземный *ка-тет.* — На нижних уровнях все в дыму! Народ убивает друг друга! Что-то явно пошло не так! Черт, *все* не так — *все!* Нам бы надо...

Дверца печи внезапно открылась, как пасть голодного зверя. Оттуда вырвался сноп сине-белого пламени и, пронесясь через кухню, ударился в голову взлохмаченного мужика. Тот отлетел назад. Одежда его загорелась, кожа на лице мгновенно обуглилась.

Джейк в ужасе уставился на Роланда. Роланд приобнял его за плечи.

— ОН МЕНЯ ПЕРЕБИЛ, — пояснил голос в динамиках. — А ЭТО НЕВЕЖЛИВО, ПРАВДА?

— Да, — спокойно согласился Роланд. — Крайне невежливо.

— СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА СКАЗАЛА, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ МНОГО ЗАГАДОК, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА. ЭТО ПРАВДА?

— Да.

В одной из комнат, выходящих в это ответвление коридора, раздался взрыв; пол содрогнулся у них под ногами. Из коридора донесся нестройный хор голосов, заходящихся в диких воплях.

Нескончаемый рев сирены на мгновение умолк, огни, мигающие ему в такт, потухли, а потом все пошло по новой. Из

вентиляционных отверстий поползли струйки едкого горького дыма. Ыш принюхался и чихнул.

— ЗАГАДАЙ МНЕ КАКУЮ-НИБУДЬ ИЗ СВОИХ ЗАГАДОК, СТРЕЛОК. — Голос звучал безмятежно и беззаботно, как будто они тихо-мирно сидели на солнышке на какой-нибудь деревенской завалинке, а не торчали в закрытом пространстве под городом, который, похоже, вот-вот должен был рассыпаться в прах.

Роланд на мгновение задумался. Ему вспомнилась любимая загадка Катберта.

— Ладно, Блейн, — сказал он, — я тебе загадаю загадку. Что прекраснее всех богов и гаже старческой мозоли? Мертвецы едят это всегда; если это едят живые, они медленно умирают. Что это?

Последовала продолжительная тишина. Джейк зарылся лицом в шерстку Ыша, спасаясь от запаха поджаренных седых.

— *Будь осторожен, стрелок,* — раздался вдруг тоненький голосок, слабенький, как дуновение прохладного ветра в самый жаркий из летних дней. До этого голос Блейна грохотал изо всех динамиков. Тоненький голос звучал лишь в одном. В том, который висел у них прямо над головой. — *Будь осторожен, Джейк из Нью-Йорка. Не забывайте, что это Отстойник. Здесь надо двигаться медленно и осторожно.*

Джейк поглядел на стрелка широко раскрытыми глазами. Тот легонько, почти незаметно тряхнул головой и поднес палец к лицу, якобы для того, чтобы почесать нос, но палец одновременно прижался к губам, и Джейк смекнул, что Роланд хочет сказать ему, чтобы он держал рот на замке.

— ХОРОШАЯ ЗАГАДКА, — произнес наконец Блейн, и в его голосе слышались нотки истинного восторга. — ОТВЕТ — НИЧТО, ПРАВИЛЬНО?

— Правильно, — подтвердил Роланд. — А ты умный, Блейн.

Теперь, как только Блейн заговорил снова, Роланд тоже подметил, как прежде Эдди, алчный, неутолимый голод, таящийся за показным безразличием:

— ЗАГАДАЙ МНЕ ЕЩЕ ОДНУ.

Роланд сделал глубокий вдох.

— Не сейчас.

— НАДЕЮСЬ, ТЫ МНЕ НЕ ОТКАЖЕШЬ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА. ЭТО ТОЖЕ НЕВЕЖЛИВО. КРАЙНЕ НЕВЕЖЛИВО.

— Отведи нас сначала к нашим друзьям и помоги нам выбраться из Лада, — сказал Роланд. — И тогда, может быть, мы поиграем в загадки.

— Я МОГ БЫ УБИТЬ ВАС НА МЕСТЕ, — прогремел голос, теперь холодный как зимний день.

— Да, — согласился Роланд. — В этом я не сомневаюсь. Но вместе с нами умрут и загадки.

— Я МОГУ ЗАБРАТЬ КНИГУ У МАЛЬЧИКА.

— Воровать еще хуже, чем отказывать в просьбе или перебивать собеседника, — ровным тоном заметил Роланд, как будто просто болтал о каких-нибудь пустяках, убивая время, однако пальцы его по-прежнему крепко сжимали Джейково плечо.

— К тому же, — вмешался Джейк, запрокинув голову и глядя прямо в динамики на потолке, — в книге ответов нет. Их кто-то вырвал. — Тут на него снизошло вдохновение, и он постучал себя пальцами по виску. — Ответы все тут.

— ВАМ, ПАРНИ, НЕ СТОИТ ВСЕ-ТАКИ ЗАБЫВАТЬ, ЧТО ВЫСКОЧЕК ТУТ НИКТО НЕ ЛЮБИТ. — За сим последовал новый взрыв, на этот раз громче и ближе. Одну из вентиляционных решеток сорвало взрывной волной, и она пролетела по кухне, как реактивный снаряд. Через пару секунд из двери, ведущей дальше, в глубь подземного лежбища седых, появились трое: двое мужчин и женщина. Стрелок направил на них револьвер, но те, даже не взглянув на Роланда с Джейком, бегом пронеслись по кухне и скрылись в бункере — как животные, убегающие от лесного пожара.

Стальная панель на потолке тихонько отъехала в сторону. За ней открылся квадрат черноты. В сумраке промелькнуло что-то серебристое. Из отверстия выпал шар — стальной шар около фута в диаметре — и завис в воздухе.

— ИДИТЕ ЗА НИМ, — велел Блейн.

— Он приведет нас к Сюзанне и Эдди? — спросил Джейк с надеждой.

Блейн ответил молчанием... но когда стальной шар поплыл по коридору, Роланд с Джейком пошли за ним.

38

У Джейка сохранились крайне смутные воспоминания о том, что происходило дальше, когда они вышли из кухни. И это, наверное, было к лучшему. Он покинул свой мир где-то за год до того, как девятьсот человек совершили массовое самоубийство в маленьком государстве Гайана, что в Южной Америке... но он читал о периодических самоубийствах целых колоний леммингов, и то, что творилось — буквально у них на глазах — в подземном городе седых, было очень на это похоже.

То и дело гремели взрывы, и на их уровне тоже, хотя в основном несколькими этажами ниже. Время от времени из вентиляционных решеток выползал едкий дым, но большинство воздухо-

очистителей пока работали исправно, так что дым все-таки не успевал накапливаться до критической, опасной для жизни концентрации. Пожаров, правда, они не видели. И все же седые вели себя так, как будто настало время апокалипсиса. Большинство просто бежали в паническом ужасе, не разбирая дороги, с искаженными лицами и невидящими глазами... но и тех, кто, уже окончательно обезумев, убивал себя в коридорах и комнатах, по которым вел Роланда с Джейком летучий шар, тоже было немало. Одни застрелились; другие перерезали себе горло или вены; кое-кто, по всей видимости, принял яд. На лицах всех до единого мертвецов застыл всепоглощающий ужас. Джейк мог только гадать, что их подвигло на столь радикальный поступок. У Роланда, однако, было на этот счет одно мнение. Можно представить, что происходит с людьми — с их *разумом*, — когда мертвый на протяжении стольких веков город сначала вдруг оживает, а потом начинает методично себя уничтожать. Роланд быстро сообразил, что все это — работа Блейна и что Блейн делает это нарочно. Специально толкает их к самоубийству.

Они обогнули труп, болтающийся на веревке, прикрепленной к решетке кондиционера на потолке, и стали спускаться по лестнице, следуя за плывущим по воздуху стальным шаром.

— Джейк! — крикнул Роланд. — Ведь это не ты открыл дверь?

Джейк покачал головой.

— Так я и думал. Это Блейн.

Спустившись по лестнице, они побежали по узкому коридору к двери с надписью ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН, выполненной на Высоком Слоге остроконечными буквами, стилизованными под готический стиль.

— Это Блейн? — уточнил Джейк.

— Ну да... имя не хуже любого другого.

— А чей тогда второй го...

— Тс-с! — оборвал его Роланд.

Перед дверью стальной шар замер. Колесо на двери сделало несколько оборотов, и она приоткрылась сама собой. Схватившись за край, Роланд рывком распахнул ее до конца. Они очутились в огромном подземном зале, простиравшемся в трех направлениях, насколько хватало глаз, и уставленном бесконечными рядами приборных панелей и электронного оборудования. Почти все приборы и пульты оставались безжизненными и темными, однако Роланд и Джейк, которые, остановившись в дверях, в изумлении обозревали открывшуюся картину, видели, как на панелях то тут, то там вспыхивают сигнальные огоньки, и слышали гул электронной аппаратуры, постепенно набирающей рабочую мощность.

— Тик-Так говорил, что тут тысячи, если не сотни тысяч, компьютеров, — сказал Джейк. — Кажется, он не ошибся. Нет, вы посмотрите!

Роланд не понял слова, которое употребил Джейк, и поэтому промолчал, наблюдая за тем, как загораются — ряд за рядом — приборные панели. Над одним из пультов взвился сноп ярких искр. Вспыхнуло, тут же погаснув, зеленоватое пламя — какое-то из древних устройств вышло из строя.

Однако почти все машины работали и, похоже, неплохо справлялись. Стрелки, которые не сдвигались с места на протяжении веков, вдруг ожили и переместились на зеленые поля. Завертелись гигантские алюминиевые цилиндры, передавая хранящиеся на кремниевых микросхемах данные в банки памяти, которые, пробудившись от векового сна, приготовились вновь принимать информацию. На цифровых дисплеях замерцали красные и зеленые огоньки — точечные матрицы, по которым можно было определить все, что угодно: от среднего уровня давления водоносных пластов в феоде Западной реки до показателя запасов электроэнергии на замороженной атомной станции в бассейне реки Сенд. Стеклянные шары, подвешенные рядами над аппаратурой, засияли ослепительным светом. И отовсюду — и сверху, и снизу, и со всех сторон — доносился приглушенный гул генераторов и батарей, пробуждающихся после долгого сна.

Джейка вдруг зашатало. Роланд опять подхватил его на руки и поспешил вперед, следуя за стальным шаром мимо машин и приборов, о предназначении которых он мог только догадываться. Шар переместился влево и поплыл по проходу между двумя рядами видеомониторов, поставленных друг на друга, как детские кубики.

Папе бы это понравилось, подумал Джейк.

Некоторые секции этой бесконечной видеостены оставались по-прежнему темными и безжизненными, но большинство мониторов уже включилось. Они в основном давали изображения различных районов Лада, как подземных, так и надземных. В городе царил настоящий хаос. Толпы младов с круглыми от страха глазами бесцельно метались по улицам, что-то беззвучно крича. Люди прыгали вниз с крыш высотных зданий. Выбрасывались из окон. На мосту через Сенд наблюдалось настоящее столпотворение. Джейк смотрел в ужасе, как сотни и сотни людей кидаются в реку. Еще там были изображения каких-то огромных комнат с рядами коек, как в армейских казармах. В некоторых из этих комнат бушевали пожары, то, похоже, седые, обезумев от ужаса, в панике поджигали сами себя — совали горящие факелы под матрасы и мебель, бог его знает, с какой такой «радости».

На одном из экранов могучий детина с необъятной грудной клеткой, похожей на здоровенную бочку, швырял без разбору мужчин и женщин в устройство, напоминающее окровавлен-

ный штамповочный пресс, что само по себе уже было ужасно. Но, что самое страшное, будущие жертвы, не принуждаемые никем, стояли, выстроившись в цепочку, и безропотно дожидались своей очереди. Палач с туго повязанным на голове желтым платком, концы которого, как поросячьи хвостики, свисали ему на шею из-за ушей, схватил старую женщину, первую в этой страшной очереди, и поднял ее вверх на вытянутых руках, терпеливо дожидаясь, пока металлический блок не очистит стальной «эшафот», куда он собирался ее швырнуть. Старуха не сопротивлялась. Больше того — она, кажется, улыбалась.

— ЛЮДИ РАСХАЖИВАЮТ ПО КОМНАТАМ, — сказал вдруг Блейн. — НО Я НЕ ДУМАЮ, ЧТО ОНИ БЕСЕДУЮТ О МИКЕЛАНДЖЕЛО*. — Он рассмеялся. Странным, дробным смехом, похожим на топот крысиных лап по битому стеклу. От этого смеха Джейка пробила дрожь. Кому, интересно, захочется иметь дело с искусственным разумом, который так смеется... но разве у них был выбор?

Он опять обратил взгляд к мониторам... ему не хотелось на это смотреть, но не смотреть он не мог... однако Роланд тут же повернул его голову в другую сторону. Сделал он это ласково, но твердо.

— Там нет для тебя ничего интересного, Джейк.

— Но почему? Почему они это делают? — Джейк с утра ничего не ел, но его все же тошнило. — *Почему?*

— Потому что им страшно, а Блейн подогревает их страх. Но главным образом, как мне кажется, потому, что они слишком долго прожили на кладбище, на могилах своих отцов, и устали от этого. Очень устали. Но прежде чем пожалеть их и им посочувствовать, вспомни, с каким удовольствием они бы забрали тебя с собой — туда, на поляну, где кончаются все пути.

Стальной шар снова свернул за угол. Ряды мониторов и электронных приборов слежения остались теперь позади. Впереди простиралась широкая полоса какого-то синтетического материала, утопленная в стальном полу. Она блестела, как свежая смола, между двумя узкими планками из хромированной стали, которые сходились в единой точке, но не на дальней стене, а на горизонте этого бесконечного зала.

Шар нетерпеливо завис над темной блестящей полоской, и неожиданно лента — а это была именно лента движущейся дорожки — беззвучно пришла в движение и покатилась между двумя хромированными ограничителями со скоростью бегущего трусцой человека. Шар описал в воздухе небольшую дугу, приглашая их встать на движущуюся дорожку.

---

* Здесь обыгрываются строки *В гостиной дамы тяжело, / беседуют о Микеланджело* из стихотворения Т.С. Элиота «Песнь любви Дж. Альфреда Пруфрока». — *Перевод А. Сергеева.*

Роланд пробежал пару метров вдоль транспортера, пока скорости их не сравнялись, а потом перешел на ленту и опустил Джейка на ноги. Втроем — стрелок, мальчик и изумленный ушастик — они понеслись, стоя на месте, по подземной равнине, окутанной сумраком. Отовсюду до них доносился гул древних машин, просыпающихся от векового сна. Движущаяся дорожка привела их в большой зал, тоже уставленный аппаратурой, похожей по форме и виду на сейфы. Поверхности этих странных устройств оставались темными... но они явно работали. От них исходил усыпляющий низкий гул, и Джейк изредка замечал, как между стальными пластинами мелькают тонюсенькие, не толще волоса, полоски желтого света.

Он неожиданно вспомнил слова Тик-Така.

Здесь, под гребаным этим городом, не меньше тысячи гребаных этих биполярных компьютеров! Мне нужны эти компьютеры! Я хочу, чтобы они работали! На меня!

Ну что же, подумал Джейк, *они заработали, так что, собственно, ты получил, что хотел, Тикки... но если бы ты сейчас был здесь, тебе бы, наверное, сразу расхотелось.*

Но тут он вспомнил прадеда Тик-Така — человека достаточно храброго, чтобы забраться в аэроплан из другого мира и поднять его в воздух. Уж если в жилах Тик-Така течет кровь таких славных предков, он вряд ли бы испугался, не говоря уж о том, чтобы взять и прикончить себя, как все эти чокнутые в этом чокнутом городе... наоборот, он бы, наверное, пришел в восторг от такого поворота событий... и чем больше народу отправилось бы на тот свет в паническом страхе, тем радостнее бы ему было.

Но теперь уже поздно, Тикки. И слава Богу.

— Сколько коробок... — тихо и удивленно проговорил Роланд. — По-моему, Джейк, мы едем сейчас через мозг этого существа, которое называет себя Блейном. *По-моему, мы едем через его мозг.*

Джейк кивнул, вспомнив свое экзаменационное сочинение.

— Блейн — умник такой, от него одна боль.

— Очень точно подмечено.

Джейк внимательно посмотрел на Роланда.

— Мы поднимемся на поверхность там, где я думаю?

— Да, — сказал Роланд. — Если мы все еще следуем по пути Луча, мы выйдем наружу как раз в Колыбели.

Джейк кивнул.

— Роланд?

— Что?

— Спасибо, что вы пришли за мной.

Роланд лишь молча кивнул и приобнял мальчика за плечи.

Далеко впереди загрохотали, включившись, моторы. Потом раздался тяжелый скрежещущий звук, и сумрачный зал

осветился слепящим сиянием оранжевых дуговых ламп. Теперь Джейк увидел то место, где кончалась лента движущейся дорожки, — у подножия крутого узкого эскалатора, уходящего вверх, в этот оранжевый свет.

39

Где-то внизу, почти под ногами у Эдди с Сюзанной, загудели, включившись, мощные двигатели. Одна из мраморных плит, устилающих пол, начала медленно отъезжать в сторону, открывая длинную узкую щель, из которой лился яркий свет. Плита двигалась в их направлении, пол на месте ее исчезал, так что Эдди пришлось быстро ретироваться. Схватившись за ручки коляски Сюзанны, он покатил ее назад вдоль металлического ограждения, отделяющего платформу Блейна от остального пространства Колыбели. На пути расширяющейся полосы света попалось несколько колонн. Эдди думал, что они полетят в проем, когда мраморный пол уйдет из-под их основания. Однако этого не случилось. Колонны продолжали стоять как ни в чем не бывало, опираясь о пустоту.

— Там эскалатор! Я вижу! — заорала Сюзанна, стараясь перекричать оглушительный рев сирены, и подалась вперед, глядя в проем.

— Ага! — проорал Эдди в ответ. — Раз здесь эскалатор, значит, здесь у нас железнодорожная станция, на которой непременно должны быть галантерейный ларек, парфюмерная лавка и магазин дамского белья.

— *Чего?!*

— Ладно, не обращай внимания!

— *Эдди!* — На лице у Сюзанны вдруг вспыхнуло восторженное удивление, как фейерверк в честь Четвертого июля. Она наклонилась вперед еще ниже, и Эдди пришлось схватить ее за плечо, чтобы она не вывалилась из коляски. — *Это же Роланд! И Джейк!*

Плита отодвинулась на максимальное расстояние и с грохотом остановилась. Натужно взвыв, отключились моторы, которые приводили ее в движение. Бросившись к краю проема, Эдди увидел Роланда, уже поднимавшегося по эскалатору. Рядом со стрелком, опираясь о его плечо, стоял Джейк — бледный, весь в крови и синяках, но определенно живой. А на следующей ступеньке, запрокинув мордочку кверху и глядя на Эдди своими черными глазками с золотым ободком, сидел Ыш.

— *Роланд! Джейк!* — завопил Эдди. Он аж подпрыгнул от радости, размахивая руками над головой, и пустился в пляс на краю проема. Будь у него сейчас шляпа, он бы подбросил ее в воздух.

Они подняли головы и помахали в ответ. Джейк улыбался, и даже Роланд — этот длинный, костлявый, противный Ро-

ланд, — казалось, вот-вот расплывется в улыбке. *Вот уж точно,* — подумал Эдди, — *чудеса никогда не кончаются.* Сердце его переполнилось счастьем, ему стало вдруг тесно в груди, и Эдди запрыгал еще энергичнее, размахивая руками и выделывая ногами кренделя, словно боялся, что если он перестанет двигаться, то просто лопнет от радости. Только теперь осознал он в полной мере, что в душе распрощался с Роландом и Джейком и не надеялся больше увидеть их в этой жизни.

— *Эй, ребята! У нас ВСЕ В ПОРЯДКЕ! Мать вашу так! Быстрее тащите сюда свои задницы!*

— Эдди, помоги мне!

Он обернулся. Сюзанна пыталась выбраться из коляски, но складка ее штанов из оленьей кожи попала в тормозной механизм. Она смеялась и плакала одновременно. Глаза ее так и лучились счастьем. Эдди подхватил ее на руки — но так неистово, что коляска перевернулась, — и, обняв, закружил в бешеном танце. Одной рукой она обхватила его за шею, а другой замахала в воздухе, приветствуя Джейка и Роланда.

— Роланд! Джейк! Поднимайтесь к нам! Шевелитесь, вы слышите?

Стрелок и мальчик едва успели сойти с эскалатора, как Эдди набросился на Роланда и заключил его в крепкие мужские объятия, колотя кулаками по его спине, а Сюзанна принялась осыпать поцелуями обращенное к ней смеющееся лицо Джейка. Ыш описывал вокруг них восьмерки и заливался пронзительным лаем.

— Ты мой хороший! — сказала Сюзанна. — Ты как, в порядке?

— Ага. — Джейк продолжал улыбаться, но в глазах у него блестели слезы. — Я так рад, что мы снова все вместе. Вы даже представить себе не можете, как я рад!

— Нет, мой хороший, могу. Еще как могу! — Она повернулась к Роланду: — Слушай, что они там с ним делали? Ты посмотри на его мордаху... по ней как будто бульдозером проехались.

— Это все Гашер, — сказал Роланд. — Но больше он к Джейку вязаться не будет. И вообще ни к кому не будет.

— А сам-то ты как, шеф? Нормально?

Роланд кивнул и огляделся по сторонам.

— Так, стало быть, это и есть Колыбель.

— Она самая, — подтвердил Эдди, заглядывая в проем. — А что там, внизу?

— Машины и сумасшествие.

— Ты, как всегда, весьма словоохотлив, — заметил Эдди, глядя с улыбкой на Роланда. — Ты, наверное, даже не знаешь, как же я рад тебя видеть, дружище... нет, правда.

— По-моему, знаю. — Роланд улыбнулся. Как же меняются люди! Было время, причем не так уж и давно, когда Эдди готов был горло ему перерезать. Его же, Роланда, ножом.

Где-то внизу, под полом, снова включился мотор. Мраморная плита поползла назад, закрывая проем. Джейк пошел поднимать перевернутую коляску Сюзанны, и только тогда обратил внимание на гладкий розовый силуэт за железной оградой. Мальчик так и застыл на месте. Ему вспомнился сон... тот, который приснился ему на следующий день после того, как они ушли из Речного Перекрестка: длинный поезд, несущийся розовой пулей по пустынным просторам Западного Миссури. Поезд, мчащийся прямо на Джейка с Ышем. Два больших треугольных окна сверкают, точно два глаза на непроницаемом лице приближающегося чудовища... и теперь этот сон обернулся явью... впрочем, Джейк всегда знал, что когда-нибудь так оно и будет.

Это просто ужасный — чу-чу — паровозик, и зовут его Блейн. Блейн значит боль.

Эдди подошел к Джейку и приобнял его за плечи.

— Ну вот и он, дружище, в точности, как в рекламном проспекте. И что ты по этому поводу думаешь?

— Да в общем-то ничего. — На самом деле у Джейка были кое-какие мысли, но сейчас ему их излагать не хотелось. Он себя чувствовал слишком усталым, слишком опустошенным.

— Я тоже, — признался Эдди. — Он разговаривает. И обожает загадки.

Джейк кивнул.

Роланд усадил Сюзанну на свое бедро, и вместе они принялись изучать панель с цифровыми клавишами, расположенными в форме ромба. Эдди с Джейком присоединились к ним. Эдди постоянно ловил себя на том, что то и дело поглядывает на Джейка, желая убедиться, что это не игра его воспаленного воображения и мальчик действительно здесь.

— И что теперь? — спросил Роланд. Легонько провел рукой по нумерованным клавишам на панели и покачал головой. Он не знал.

— Мне кажется, его двигатели начинают работать быстрее, — задумчиво проговорил Эдди. — Я, правда, не совсем уверен, потому что эта сирена орет и мешает, но, по-моему, он здорово раскочегарился... в конце концов это же робот. А что, если, скажем, ему взбредет в голову укатить без нас?

— Блейн! — позвала Сюзанна. — Блейн, ты...

— СЛУШАЙТЕ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО, ДОРОГИЕ МОИ ДРУЗЬЯ, — загремел голос Блейна. — У МЕНЯ ТУТ ПОД ГОРОДОМ СКЛАД КАНИСТР С ХИМИЧЕСКИМ И БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКИМ ОРУЖИЕМ. Я ЗАПУСТИЛ СЕРИЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ, В РЕЗУЛЬТАТЕ КОТОРЫХ ПРОИЗОЙДЕТ МОЩНЫЙ ВЗРЫВ С ВЫБРОСОМ ГАЗОВ. ВЗРЫВ ПРОИЗОЙДЕТ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИНУТ.

Голос на мгновение умолк, и из динамика зазвучал голосок Маленького Блейна, едва слышный за ревом пульсирующей сирены:

— *...чего-то подобного я и боялся... вам надо бы поторопиться...*

Эдди пропустил эту реплику мимо ушей — Маленький Блейн ничего нового им не сказал. Все и так понимали прекрасно, что время их поджимает. Разумеется, им надо бы поторопиться, но в данный момент Эдди волновало совсем другое.

— Но *почему?* — спросил он. — Зачем, ради всего святого... зачем ты это делаешь?

— ПО-МОЕМУ, ЭТО ЭЛЕМЕНТАРНО. ПРИ ВСЕМ ЖЕЛАНИИ Я НЕ МОГУ ПОДОРВАТЬ ГОРОД, НЕ УНИЧТОЖИВ ПРИ ЭТОМ СЕБЯ САМОГО. А ЕСЛИ Я УНИЧТОЖУ СЕБЯ, ТО КАК ЖЕ Я ОТВЕЗУ ВАС ТУДА, КУДА ВЫ ХОТИТЕ ПОПАСТЬ?!

— Но здесь, в городе, люди. Тысячи людей, — не унимался Эдди. — Ты *убьешь* их!

— ДА, — спокойно ответил на это Блейн. — ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

— *Почему?* — закричала Сюзанна. — *Почему,* черт возьми?

— ДА ПОТОМУ ЧТО ОНИ МЕНЯ УТОМЛЯЮТ. ПРАВДА, ВАС ЧЕТВЕРЫХ Я НАХОЖУ ИНТЕРЕСНЫМИ. ОДНАКО СУМЕЕТ ЛИ МОЙ ИНТЕРЕС ПРОДЕРЖАТЬСЯ ДОСТАТОЧНО ДОЛГО, ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ ВАС. ТО ЕСТЬ ОТ ВАШИХ ЗАГАДОК — ТАК ЛИ ОНИ ХОРОШИ, КАК ВЫ МНЕ ГОВОРИТЕ. КСТАТИ, О ЗАГАДКАХ. НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ВАМ, НЕ ТЕРЯЯ ВРЕМЕНИ, ПОДУМАТЬ СЕЙЧАС НАД МОЕЙ? У ВАС ОСТАЛОСЬ ЕЩЕ РОВНО ОДИННАДЦАТЬ МИНУТ ДВАДЦАТЬ СЕКУНД — ПОТОМ БУДЕТ ВЗРЫВ.

— Прекрати! — крикнул Джейк, перекрывая рев сирены. — Дело не только в городе... такой газ может отнести ветром куда угодно! Даже до Речного Перекрестка! И тогда все старики погибнут!

— «ХРЕНОВО, ПРИЯТЕЛЬ», — СКАЗАЛА КИТТИ, — проговорил Блейн без тени сочувствия. — ХОТЯ Я УВЕРЕН, ЧТО ОНИ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ТАМ ПРОТЯНУТ, ИЗМЕРЯЯ ОСТАТОК ЖИЗНИ КОФЕЙНЫМИ ЛОЖКАМИ; НАЧАЛИСЬ ОСЕННИЕ ГРОЗЫ — ВЕТРА ОТНЕСУТ ГАЗ В СТОРОНУ. А ВОТ ВАМ ЧЕТВЕРЫМ НАДО БЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ О СЕБЕ ПОБЕСПОКОИТЬСЯ. ПОЛОЖЕНИЕ ВАШЕ НЕ СТОЛЬ, СКАЖЕМ ТАК, ОПРЕДЕЛЕННО. ТАК ЧТО ДАВАЙТЕ-КА НАПРЯГАЙТЕ МОЗГИ, ИНАЧЕ ДО СВИДАНИЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ. — Он сделал паузу. — МАЛЕНЬКАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЭТОТ ГАЗ УБИВАЕТ НЕБЕЗБОЛЕЗНЕННО.

— Останови операции! — попросил Джейк. — Мы и так загадаем тебе все загадки, которые знаем, да, Роланд? Мы

загадаем тебе все загадки, какие захочешь! *Только останови операции!*

Блейн рассмеялся. Смеялся он долго. Визг электронного хохота разносился дребезжащим эхом под высокими сводами Колыбели, по всей этой мраморной пустоте, смешиваясь с размеренными и сверлящими уши завываниями сирены.

— Прекрати! — закричала Сюзанна. — Прекрати! *Прекрати!*

Блейн умолк. Через мгновение выключилась на полувзводе и сирена. Тишина, нарушаемая только шумом дождя снаружи, показалась им оглушительной.

Голос, звучавший теперь из динамика, был тих, задумчив и абсолютно безжалостен.

— У ВАС ОСТАЛОСЬ ДЕСЯТЬ МИНУТ, — сообщил Блейн. — СЕЙЧАС ПОСМОТРИМ, ТАК ЛИ ВЫ ИНТЕРЕСНЫ НА САМОМ ДЕЛЕ.

40

— Эндрю.

Здесь нет никакого Эндрю, незнакомец, подумал он. *Эндрю давным-давно нет. Эндрю больше нет, и меня тоже скоро не будет.*

— Эндрю! — продолжал звать настойчивый голос.

Доносился он издалека — от пресса для давки яблок для сидра, в который теперь превратилась его голова.

Когда-то действительно был такой мальчик по имени Эндрю. И папа повел его в парк на западной окраине Лада — в парк, где росли яблоневые деревья и стоял обитый ржавой жестью сарай адского вида, но зато пахнущий, как райский сад. В ответ на вопрос, заданный мальчиком, папа ему объяснил, что этот сарай называется домом сидра, потом погладил сына по голове, велел не пугаться и завел внутрь через завешенную одеялом дверь.

Там, внутри, были яблоки, много яблок — полные корзины яблок, — и еще там был тощий старик по прозвищу Подгрудок. Его мускулы шевелились под бледной кожей, как черви. Работа его состояла в том, чтобы опрокидывать яблоки — корзину за корзиной — в зев разболтанной дребезжащей машины, что стояла в центре единственной комнаты. А из трубки, торчавшей с противоположной стороны машины, лился сладкий сидр. Рядом с трубкой стоял еще один человек (Эндрю давно уже позабыл, как звали того, второго) и подставлял под нее кувшины, наполняя их сидром. За *ним* стоял еще третий. *Его* обязанность заключалась в том, чтобы бить наливальщика по голове, если тот проливал слишком много сидра.

Отец дал Эндрю стакан пенящегося напитка, и хотя за тот год, пока они жили в городе, мальчик успел перепробовать много забытых деликатесов, он не пил и не ел ничего вкуснее этого сладкого холодного сидра. Он как будто глотнул свежесть октябрьского ветра. Но больше всего Эндрю запомнил не вкус напитка и даже не мускулы старика Подгрудка, которые извивались под кожей, как черви, когда он подбрасывал яблоки в пресс, — больше всего он запомнил, как безжалостная машина давила сочные яблоки, превращая золотисто-алые плоды в жидкость. Две дюжины роликов перемещали яблоки под вращающийся стальной барабан с проделанными в нем отверстиями. Сок раздавленных яблок стекал в нижний бак, а семена и отжатая мякоть оставались на сите вверху...

Теперь его голова стала прессом для сидра, а мозг стал яблоками. Скоро он лопнет, как лопались яблоки под барабаном, и его поглотит благословенная тьма.

— Эндрю! Подними голову и посмотри на меня!

Он не мог... но даже если б и мог, то не стал бы. Лучше просто лежать на месте и ждать, когда снизойдет темнота. Все равно он давно уже должен был умереть; разве тот чертов ублюдок не всадил ему пулю в башку?

— Она не задела мозг, даже близко не пролетела, ты, лошадиная задница. Ты еще не умираешь. У тебя просто башка болит. Но ты точно *умрешь,* если будешь валяться тут и скулить... и уж я позабочусь о том, чтобы твои теперешние ощущения, Эндрю, показались тебе просто легким недомоганием по сравнению с тем, что ты будешь испытывать, умирая.

Человек на полу поднял голову, но не из-за угроз — самое страшное было то, что обладатель этого проникновенного, хрипловатого голоса, казалось, читал его мысли. Он медленно оторвал голову от пола, и все тело скрутило мучительной болью — казалось, какой-то тяжелый предмет перекатывается внутри черепной коробки, разрывая сосуды мозга... вернее, того, что от мозга осталось. С губ его сорвался протяжный стон. Правую щеку как будто все время кто-то щекотал, словно там ползали мухи, увязая в крови. Ему хотелось согнать их, но он понимал: ему нужно сейчас опираться на обе руки, чтобы не упасть.

Силуэт человека у дальней стены, рядом с дверью, ведущей в кухню, казался призрачным, нереальным. Отчасти, наверное, из-за мигания ламп, отчасти из-за того, что почему-то он видел его одним глазом (что случилось со вторым глазом, он вспомнить не мог, да и не хотел вспоминать), но большей частью из-за того, что незнакомец *действительно был* нереальным и призрачным. Впечатление, во всяком случае, складывалось такое. Он походил на человека... но тот, кого звали когда-то Эндрю — Эндрю Шустрым, — решил, что перед ним все-таки не человек.

Незнакомец, стоявший у двери на кухню, был одет в короткую черную куртку, перехваченную ремнем, выцветшие хлопчатобумажные штаны и старые пыльные сапоги... в каких ходят крестьяне, егеря и... и...

— И стрелки, Эндрю? — спросил со смешком незнакомец.

Тик-Так в отчаянии уставился на силуэт в дверном проеме, пытаясь разглядеть лицо, но оно было скрыто под капюшоном. Черты незнакомца терялись в тени.

Сирена умолкла по полувзводе. Огни аварийного освещения продолжали гореть, но хотя бы перестали мигать.

— Вот так-то лучше, — произнес незнакомец своим хрипловатым, проникновенным голосом. — Наконец-то мы можем спокойно послушать мысли и пообщаться.

— Кто ты? — спросил Тик-Так. Он слегка шевельнулся, и в голове у него вновь покатились стальные шары, пробивая новые дыры в мозгу. Ощущение было ужасным, но щекотание от копошащихся на правой щеке мух почему-то пугало больше.

— Я — человек многих обличий, приятель, — сказал незнакомец из тени своего капюшона, и хотя голос его был суров и серьезен, Тик-Таку послышались нотки смеха, так и рвущегося наружу. — У меня много имен. Одни меня кличут Джимми, другие — Тимми. Одни называют Пронырой, другие — Франтом. Кто называет меня Проигравшим, а кто — Победителем. Да мне в общем-то один черт... хоть горшком назови, только в печку не ставь.

Человек — существо? — в дверях запрокинул голову, и от смеха его по спине и рукам Тик-Така побежали мурашки: не смех, а скорее волчий вой.

— Меня называли еще Чужаком или Незнакомцем вне Времени, — продолжал таинственный человек, делая шаг в направлении Тик-Така. Тот, застонав, попытался отползти подальше. — Мерлином называли или Маэрлином... но мне, собственно, все равно. Да и какая разница? Я никогда *им* не был, хотя, впрочем, и не отрицал этого. Иногда меня называют Магом... иногда — Мудрецом... но мы с тобой, Эндрю, будем попроще. Поговорим по душам. *По-человечески.*

Он снял капюшон, но открывшееся лицо — светлокожее, с высоким лбом, довольно приятное — все-таки не было человеческим. Щеки его покрывал нездоровый румянец; глаза Мудреца, зелено-голубые, сияли бурным весельем, слишком неистовым для человека в здравом уме; иссиня-черные волосы топорщились во все стороны, точно вороньи перья. Губы его, сочно-красного цвета, слегка приоткрылись, обнажая зубы каннибала.

— Зови меня Фаннин, — сказал, улыбаясь, призрак. — Ричард Фаннин. Правда, и это тоже *не совсем* точно, но для

рабочего, как говорится, названия сойдет. — Он протянул руку, на ладони которой не было линий. — Что скажешь, приятель? Пожми руку, которая потрясла мир.

Жалкое существо, которое было когда-то Эндрю, Эндрю Шустрым, и которого в берлогах седых знали потом как Тик-Така, завизжало и опять попыталось отползти подальше. Кусок кожи, оторванный мелкокалиберной пулей, которая только чиркнула по черепу, но не пробила его, затрепыхался, раскачиваясь туда-сюда; длинные пряди светлых, с проседью волос продолжали щекотать его щеку. Но Шустрый уже ничего не чувствовал. Он забыл даже о боли в черепе и жжении в пустой глазнице, где когда-то был левый глаз. Все его сознание сконцентрировалось на одной мысли: *Нужно держаться подальше от этого зверя, который кажется человеком.*

Но когда незнакомец схватил его правую руку и крепко ее пожал, мысль улетучилась, точно сон при пробуждении. Вопль, рвущийся из груди, слетел с губ нежным вздохом влюбленного. Шустрый тупо уставился на смеющегося незнакомца. Свисающий со лба лоскут кожи тихонько покачивался туда-сюда.

— Тебе не мешает? *Наверное,* да. Но ничего! — Фаннин схватил лоскут кожи и резким движением оторвал его, обнажив на лбу Шустрого белый, в кровавых пятнах участок черепа. Звук был похож на треск раздираемой плотной ткани. Шустрый пронзительно вскрикнул. — Да ладно тебе, перестань. Боль-то всего на секунду, сейчас станет легче. — Он опустился на корточки перед Тик-Таком и говорил теперь тоном заботливого родителя, утешающего ребенка, занозившего пальчик. — Уже легче, правда?

— Д-д-да, — выдавил Шустрый. Ему действительно стало легче. Боль уже утихала. И когда Фаннин опять потянулся к нему и легонько провел ладонью по левой его щеке, движение Эндрю, который подался назад, было чисто рефлекторным. Он тут же взял себя в руки. Как только ладонь таинственного человека — чистая, без единой линии — прикоснулась к его лицу, он почувствовал, как к нему возвращаются силы. Шустрый поднял глаза и с немой благодарностью взглянул на Фаннина. Губы его дрожали.

— Тебе уже лучше, Эндрю? Да? Тебе лучше?

— Да! Да!

— Если хочешь поблагодарить меня... а ты хочешь, я знаю... тогда скажи одну фразу, которую мне говорил один старый знакомый. Правда, в конце концов он меня предал, но вначале он был мне хорошим другом, и я до сих пор вспоминаю его с теплым чувством. Скажи: «Жизнь моя принадлежит тебе». Эндрю... ты можешь мне это сказать?

Да, он мог. И сказал. Больше того, он не мог уже *остановиться* и повторял снова и снова:

— Жизнь моя принадлежит тебе! Жизнь моя принадлежит тебе! Жизнь моя принадлежит тебе! Моя жизнь...

Незнакомец опять прикоснулся к его щеке, но на этот раз голову Эндрю Шустрого пронзила, как молния, боль. Он закричал.

— Прости, конечно, но времени у нас мало, а у тебя вдруг пластинку заело. Эндрю, давай с тобой начистоту: как бы тебе хотелось убить этого мелкого гада, который в тебя стрелял? Не говоря уже о его друзьях и об этом... который его притащил сюда, — он всегда как заноза в заднице, но это так, к слову. А эта дворняжка, которая выдрала тебе глаз... Эндрю, ты бы хотел поквитаться с ними? Ты хочешь, я знаю.

— Да! — выдохнул бывший Тик-Так, сжав в кулаки окровавленные ладони. — *Да!*

— Вот и славно, — сказал незнакомец, помогая Шустрому подняться на ноги, — потому что они *должны* умереть... не надо было соваться, куда не просят. Я думал, о них позаботится Блейн, но дело зашло уже так далеко, что я не могу полагаться теперь *на кого бы то ни было*... в конце концов кто мог подумать, что они столько продержатся?

— Я не знаю, — ответил Шустрый, чтобы хоть что-то сказать. Он, собственно, не понимал, о чем вообще речь. Но ему было все равно. Ощущение восторженного возбуждения разливалось по телу, как какой-то крутейший наркотик. Одного только этого было достаточно после перенесенной боли, когда голова его превратилась в пресс для яблочного сидра. Более чем.

Ричард Фаннин скривил губы.

— Медведь и кость... ключ и роза... день и ночь... движение и время. *Хватит!* Я сказал, хватит! *Больше они ни на шаг не должны приближаться к Башне. Надо их остановить!*

Шустрый отшатнулся назад: руки незнакомца метнулись вперед с молниеносной скоростью. Одна рука сорвала с шеи Эндрю цепочку с часами в стеклянном футлярчике; вторая стянула с его руки принадлежавшие Джейку Чеймберзу «Сейко».

— Я заберу их себе, хорошо? — Фаннин Мудрец обворожительно улыбнулся, опять обнажив свои страшные зубы. — Ты, я надеюсь, не против?

— Нет-нет, — быстро отозвался Шустрый, безропотно отрекаясь (впрочем, он сам вряд ли это осознавал) от последних атрибутов своего продолжительного единовластия. — Пожалуйста.

— Спасибо, Эндрю. А теперь нам пора выбираться отсюда и в темпе — минут через пять у нас здесь ожидаются резкие изменения в окружающей атмосфере. И до того, как это произойдет, нам надо успеть добраться до ближайшего шкафчика с противогазами. А это, я чувствую, будет непросто. Мне-то что, на меня ничего не подействует, а у тебя, я боюсь, могут возникнуть большие сложности.

— Не понимаю, о чем вы. — Голова у Эндрю опять разболелась. Мысли путались.

— И не надо тебе понимать, — безо всякого выражения отозвался Фаннин. — Пойдем, Эндрю... по-моему, нам следует поторопиться. Трудный был день, суматошный, а? При самом хорошем раскладе Блейн поджарит их прямо там, на платформе, где, вне всяких сомнений, они так до сих пор и торчат, бедолаги... он, старый хрыч, стал за последние годы весьма эксцентричным. Но нам все равно надо бы поторопиться.

Он приобнял Шустрого за плечи и, посмеиваясь, повел через дверь, за которой буквально пару минут назад скрылись Роланд и Джейк.

Глава VI
ЗАГАДКА И БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

1

Ну ладно, — сказал Роланд, — какая была загадка?

— А как же люди? — Эдди развел руками, указывая на площадь Колыбели и на раскинувшийся за ней город. — Чем мы им можем помочь?

— Ничем, — отозвался спокойно Роланд, — но себе мы помочь еще можем. Если очень постараемся. Так какую он вам загадал загадку?

Эдди покосился на вытянутый силуэт монопоезда.

— Он сказал, чтобы его завести, нам придется сначала залить насос. Только насос у него заливается наоборот. Ты что-нибудь понимаешь?

Роланд задумался, потом покачал головой и повернулся к Джейку.

— Есть какие-нибудь идеи?

Джейк помотал головой.

— Я даже не вижу насоса.

— Ну, это, наверное, самая легкая часть, — сказал Роланд. — Мы одушевляем Блейна, потому что он говорит с нами как живой, но он всего лишь машина... умная, да... очень сложная,

но все-таки машина. Он сам запускает свои моторы, а нам надо разгадать какой-нибудь код или комбинацию знаков, чтобы открыть ворота и двери поезда.

— Не мешало бы поторопиться, — задергался Джейк. — С тех пор как он в последний раз с нами заговорил, прошло уже две-три минуты. По меньшей мере.

— Я бы не стал этого утверждать, — мрачно заметил Эдди. — Тут время ведет себя как-то странно.

— И все же...

— Да-да. — Эдди взглянул на Сюзанну, но она не сводила глаз с нумерованных кнопок, изучая их с выражением человека, грезящего наяву. Он опять повернулся к Роланду. — Знаешь, по-моему, ты прав. Наверняка надо набрать комбинацию цифр... иначе зачем здесь эти кнопки? — Он повысил голос. — Правильно, Блейн? Эту часть мы разгадали, да?

Никакого ответа; только гул набирающих обороты моторов.

— Роланд, — неожиданно заговорила Сюзанна. — Ты мне должен помочь.

Мечтательное выражение у нее на лице сменилось теперь другим, в котором испуг и ужас смешивались с решимостью. Про себя Роланд подумал, что никогда раньше он не видел ее такой красивой... и такой одинокой. Она сидела у него на плечах, когда они остановились у края поляны, наблюдая за тем, как медведь пытается добраться до Эдди, засевшего на верхушке дерева, и Роланд не видел, какое было лицо у Сюзанны, когда он сказал ей, что именно ей надо будет стрелять. Но теперь он его знал, потому что увидел сейчас. Что есть *ка?* Колесо, которое делает оборот и в конечном итоге всегда возвращается к исходной точке, с которой все и началось. Так было всегда. И ныне. Сюзанна снова столкнулась с медведем, и выражение ее лица говорило о том, что ей это известно.

— Что? — спросил он. — В чем помочь?

— Я знаю ответ, только вспомнить никак не могу. Вот он вертится... в голове... застрял, как кость в горле. Ты должен помочь мне вспомнить. Но не лицо, а го́лос. То, что он *говорил.*

Джейк посмотрел на свою руку. Часов там не было, только то место, где он раньше их носил, выделялось тоненькой белой полоской на фоне дочерна загорелой кожи. Он вспомнил Тик-Така. Почему-то его глаза. Зеленые, как у кошки. Но это так, между прочим. Он-то хотел посмотреть, сколько у них еще времени. Наверное, минут семь, не больше — и это по самым оптимистичным подсчетам. Он поднял голову и увидел, что Роланд достал из патронташа патрон и принялся перекатывать его туда-сюда по костяшкам пальцев левой — здоровой — руки. Джейк почувствовал, как его веки тут же отяжелели, и быстро отвел глаза.

— Чей голос хочешь ты вспомнить, Сюзанна Дин? — спросил Роланд низким протяжным голосом. Он смотрел ей в глаза, а вовсе не на патрон, совершающий свой бесконечный незамысловатый танец по костяшкам его пальцев... вперед... назад... и опять вперед...

На Джейка он даже не посмотрел. Стрелок и так знал, что мальчик отвел глаза от танцующего патрона. Сюзанна — нет. Она смотрела как зачарованная. Роланд начал перекатывать его быстрее, пока не стало казаться, что патрон как бы плавает над тыльной стороной его ладони.

— Я хочу вспомнить голос отца, — отозвалась Сюзанна Дин.

2

На мгновение стало тихо. Только из города доносились взрывы, ливень стучал по крыше Колыбели, и глухо гудели моторы Блейна. А потом в тишине вдруг прорезался низкий вой заработавшего гидравлического устройства. Эдди оторвал взгляд от патрона, пляшущего в пальцах стрелка (далось ему это не без труда; он понимал, что еще две-три секунды — и он сам впадет в гипнотический транс), и посмотрел сквозь решетку ограды. На наклонной розовой панели между двумя передними окнами Блейна поднимался какой-то серебряный стержень: что-то типа антенны.

— Сюзанна? — тихонько позвал Роланд все тем же низким протяжным голосом.

— Да? — Глаза у нее оставались открытыми, но голос звучал отрешенно, как будто издалека. Такой голос бывает у человека, когда он разговаривает во сне.

— Ты помнишь голос своего отца?

— Да... но услышать его не могу.

— ШЕСТЬ МИНУТ, ДРУЗЬЯ МОИ.

Эдди и Джейк одновременно вздрогнули и покосились на коробку переговорного устройства, но Сюзанна как будто и не услышала предупреждения: она продолжала смотреть на патрон. Пальцы стрелка поднимались и опускались, точно галева* в ткацком станке.

— Постарайся, Сюзанна, — приказал Роланд и тут же почувствовал, как Сюзанна, которую он поддерживал правой рукой, вдруг изменилась. Она как будто стала тяжелее... и в ней как будто прибавилось жизни. Словно внутренняя ее суть неожиданно стала другой.

И так оно и было.

— И с чего ты так цацкаешься с этой сучкой? — раздался хриплый голос Детты Уокер.

---

* Галево — подвижная деталь ткацкого станка с отверстием посередине для нитей основы.

3

Голос Детты звучал возбужденно и непонимающе:

— Тоже мне, математик великий... да ей в жизни выше трояка было не прыгнуть! Да и то мне приходилось за нее все решать. — Она помолчала, потом неохотно добавила: — И папа тоже немного помог. Я в общем-то и сама разбираюсь в этих особых числах, но он показал нам сетку. Занятная штука, скажу тебе! — Она хихикнула. — А Сьюз вспомнить не может... сказать почему? Да потому что Одетта вообще не врубалась в эти особые числа.

— Что еще за особые числа? — не понял Эдди.

— *Простые* числа! — Слово «простые» она произнесла с нажимом, причем «с» звучало почти как «ш», потом посмотрела на Роланда, как будто полностью очнувшись от гипноза... только сейчас она была не Сюзанной... она не была даже тем отвратительным дьявольским существом, которое раньше звалось Деттой Уокер, хотя *голос принадлежал* именно ей. — Пришла потом к папочке вся зареванная, потому что она математику завалила... а это была-то забавная алгебра, всего-навсего! Она бы справилась... если уж я смогла, то *она* бы смогла и подавно... только она не хотела. Эта сучка, помешанная на поэзии, слишком, видите ли, возвышенна для *какой-то там математики*. — Запрокинув голову, Детта расхохоталась, но в смехе ее не звучало сейчас прежней ядовитой, полусумасшедшей язвительности. Ее, похоже, действительно забавляла тупость своей ментальной сестры-близняшки.

— А папа ей говорит: «Я сейчас покажу тебе фокус, Одетта. Нас в колледже научили. Я тогда сразу же разобрался с простыми числами, и ты тоже сейчас разберешься. Эта такая штуковина... с ее помощью ты сумеешь найти все простые числа». О-о-одетта, дура набитая, отвечает: «А учитель сказал, что нет формулы для определения простых чисел». А папа на это: «Формулы, правильно, нет. Но ты зато можешь их все отловить, если у тебя будет сеть». Он называл ее Сетью Эратосфена. Поднеси меня к этой коробке, Роланд... я сейчас вам разгадаю загадку этого долбаного компьютера. Заброшу сеть и словлю вам приятное путешествие на шикарном поезде.

Роланд поднес ее к переговорному устройству на створке ворот. Эдди, Джейк и Ыш подошли тоже.

— Там у тебя в сумке был вроде бы уголек. Давай сюда.

Порывшись в сумке, стрелок достал коротенький черный огрызок — кусочек угля. Детта взяла его и повернулась к цифровой клавиатуре, расположенной в форме ромба.

— Не совсем та хреновина, которую нам показывал папа, но она тоже сойдет, — сообщила она после минутного раз-

32 Зак. 722

мышления. — Простые числа, они как я: тоже вредные и упрямые. Всегда получаются из сложения двух других чисел и ни на что не делятся, только на единицу и сами на себя. Единица — число простое. Двойка тоже простое число. Оно получается из суммы двух единиц и делится только на единицу и на себя самое, но это *единственное* четное из простых чисел. Так что все остальные четные можно запросто вычеркнуть сразу.

— Что-то я не въезжаю, — признался Эдди.

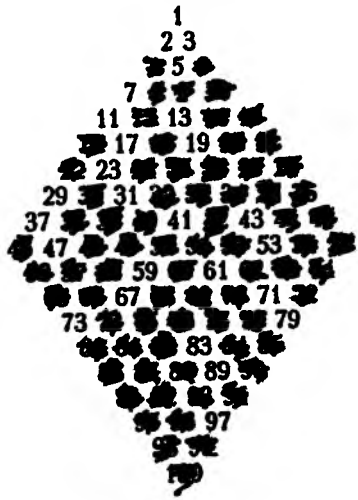
— Это все потому, что ты глупенький белый мальчик, — сказала Детта, впрочем, вполне беззлобно. Она еще на мгновение задержала взгляд на цифровых клавишах, потом быстренько зачеркнула все четные числа угольным карандашом.

— Три — тоже простое, но все числа, которые мы получаем в результате *умножения* на три, простыми уже не будут, — продолжала она, и Роланд теперь услышал одну очень странную, но удивительную вещь: Детта постепенно исчезала из голоса женщины, но вместо нее появлялась не Одетта Холмс, а Сюзанна Дин. Ему не пришлось выводить ее из гипнотического транса — она выходила самостоятельно и при этом вполне естественно.

Сюзанна пометила угольком числа, кратные трем, оставшиеся после того, как она вычеркнула все четные: девять, пятнадцать, двадцать один и так далее.

— То же самое будет с пятеркой и семеркой, — пробормотала она и вдруг, очнувшись уже окончательно, опять стала Сюзанной. — Надо только убрать все оставшиеся, например двадцать пять, которые мы до сих пор не вычеркнули.

Теперь ромб на панели выглядел следующим образом:



— Ну вот, — устало произнесла Сюзанна. — В сетке остались простые числа от одного до ста. Не сомневаюсь, что это и есть комбинация, которая открывает ворота.

— У ВАС ОСТАЛАСЬ МИНУТА, ДРУЗЬЯ МОИ. ВЫ ОКАЗАЛИСЬ ГОРАЗДО ГЛУПЕЕ, ЧЕМ Я НАДЕЯЛСЯ.

Не обращая внимания на предупреждение Блейна, Эдди сжал Сюзанну в объятиях.

— Ты вернулась, Сьюз? Ты проснулась?

— Да. Проснулась еще в середине ее тронной речи, но дала ей немножко еще поболтать. Ведь это невежливо — перебивать. — Она посмотрела на Роланда. — Что скажешь? Попробуем?

— ПЯТЬДЕСЯТ СЕКУНД.

— Да. Нажимай кнопки, Сюзанна. Ведь это ты угадала ответ.

Сюзанна потянулась уже к верхней кнопке, но Джейк перехватил ее руку.

— Нет, — сказал он. — Вы не забыли? Насос заливается *наоборот*.

В глазах ее промелькнул испуг, а потом она улыбнулась.

— Правильно. Умница, Блейн... и ты, Джейк, тоже умница.

Они молча следили за тем, как она нажимает на кнопки с числами, начиная с девяноста семи. При нажатии каждой кнопки раздавался слабый щелчок. Ближе к концу все, как один, напряглись, опасаясь, что ничего не будет, но как только она убрала палец с последней кнопки, ворота в центре заграждения тут же начали открываться, отползая со скрежетом в сторону. Сверху посыпались хлопья ржавчины.

— ОЧЕНЬ ДАЖЕ НЕПЛОХО, — произнес, удивленный, Блейн. — С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУ ПРОДОЛЖЕНИЯ ЗНАКОМСТВА. СМЕЮ ЛИ ПРЕДЛОЖИТЬ ВАМ САДИТЬСЯ НА ПОЕЗД БЫСТРЕЕ? СОБСТВЕННО, Я ВАМ СОВЕТУЮ ПРОБЕЖАТЬСЯ. ЗДЕСЬ В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ РАСПОЛАГАЮТСЯ ШАХТЫ ДЛЯ ВЫБРОСА ГАЗА.

4

Три человека (один из которых тащил на бедре четвертого) и лохматый пушистый зверек пробежали через открывшиеся ворота и бросились к Блейну Моно. Поезд стоял в своей узкой нише, скрытый наполовину платформой, наполовину над ней возвышающийся, похожий на длинную пулю гигантских размеров, которую некий шутник выкрасил в несообразный, нежно-розовый, цвет, — огромную пулю в открытом стволе винтовки. В огромном пространстве Колыбели Роланд и его друзья казались лишь крошечными движущимися точками. Над ними, под древним куполом Колыбели, кружили

голуби, которым осталось жить сорок секунд. Когда путешественники приблизились к поезду, изогнутая секция гладкого корпуса отъехала в сторону, открывая вход. Пол вагона был выстлан ковром голубого цвета.

— Добро пожаловать к Блейну, — произнес мягкий приятный голос, как только они влетели внутрь. Они все узнали его без труда: это был голос Маленького Блейна, только сейчас он звучал чуть громче и чуть увереннее. — Хвала Империи! Пожалуйста, приготовьте для проверки транзитные карточки. Напоминаем, подделка, а также отсутствие проездных документов является нарушением существующего законодательства и карается по закону. Надеемся, путешествие будет для вас приятным. Добро пожаловать к Блейну. Хвала Империи! Пожалуйста, приготовьте для проверки...

Голос стал ускоряться, превращаясь сначала в скороговорку, а потом в нечленораздельный высокий визг. Послышался электронный сигнал — БИ-БИП! — и голос умолк окончательно.

— ДУМАЮ, МЫ ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ ЭТОЙ ДЕРЬМОВОЙ НУДЯТИНЫ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ? — осведомился Блейн.

Снаружи раздался мощнейший взрыв. Эдди, который теперь нес Сюзанну, споткнулся от неожиданности и наверняка бы упал, если бы Роланд не схватил его за руку. До этого момента в глубине души Эдди еще надеялся, что угрозы Блейна насчет ядовитого газа — это всего лишь садистская шутка и что на деле до этого не дойдет. *Мог бы и догадаться, тупая твоя голова,* — сказал он себе. — *Нельзя доверять существу, которое развлекается, имитируя голоса старых киноактеров, и полагает, что это забавно. Таков непреложный закон природы.*

Изогнутая секция корпуса Блейна с мягким толчком встала на место. Выход закрылся. Из скрытых вентиляционных отверстий донеслось легкое шипение воздуха, и Джейк почувствовал, что у него заложило уши.

— По-моему, он загерметизировал кабину.

Эдди кивнул и огляделся по сторонам широко раскрытыми глазами.

— Я тоже почувствовал... Нет, вы посмотрите! Блин!

Он когда-то читал про одну выпендрежную авиакомпанию, кажется, «Реджент Эйр», которая обслуживала пассажиров, желавших летать из Нью-Йорка в Лос-Анджелес в условиях пошикарнее, чем те, что могли предложить им другие компании типа «Дельты» или «Юнайтед». Они полностью переоборудовали салон стандартного «Боинга-727», устроив в нем гостиную, бар, видеосалон и даже спальный отсек. Так вот, салон того самолета, наверное, чем-то напоминал обстановку в вагоне Блейна.

Салон поезда представлял собой длинную комнату, футов восемьдесят длиной, с закругленными сводами. Враща-

ющиеся кресла с роскошной обивкой. Раскладные диваны. В дальнем конце — даже не бар, а что-то типа уютного маленького бистро. Небольшой музыкальный инструмент, скорее похожий на клавесин, нежели на пианино, подсвеченный скрытыми узконаправленными прожекторами, располагался на возвышении из полированного дерева. Эдди бы, наверное, не удивился, если бы сейчас вышел Хоуги Кармайкл и принялся наигрывать «Лунную пыль».

Мягкий свет ламп, расположенных на панелях, идущих вдоль стен, освещал салон, а в самом центре с потолка свисала люстра, точная копия — только поменьше размером — той, что валялась, разбитая, на полу бальной залы в особняке. Во всяком случае, Джейку она показалась такой же. И это не слишком его удивило. Он уже научился воспринимать эти странные совпадения и раздвоения как нечто само собой разумеющееся. Все было просто шикарно. Единственное, что настораживало, — это полное отсутствие окон.

На пьедестале под люстрой стояло, что называется, основное блюдо — piece de resistance — скульптура, сделанная изо льда: стрелок с револьвером в левой руке, сжимающий правой уздечку уставшей лошади, понуро бредущей следом за ним. Эдди отметил, что на правой руке ледяной фигуры всего три пальца: безымянный, мизинец и большой.

Эдди, Сюзанна и Джейк с изумлением уставились на усталое, изможденное лицо под шляпой из льда. Сходство с Роландом было поразительным.

Пол у них под ногами начал легонько подрагивать. Засмотревшись на ледяную скульптуру, они даже не сразу это заметили.

— ПРИШЛОСЬ В СПЕШКЕ РАБОТАТЬ, ТАК ЧТО УЖ НЕ ОБЕССУДЬТЕ, — скромно заметил Блейн. — ВАМ НРАВИТСЯ?

— Изумительно, — проговорила Сюзанна.

— СПАСИБО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

Эдди потрогал ближайший диван. Диван оказался невероятно мягким — от одного только прикосновения ему сразу же захотелось свалиться и проспать часиков этак шестнадцать кряду.

— Да уж, Великие Старцы любили проехаться с шиком.

Блейн опять рассмеялся, но как-то истерично, нездорово. Явственный призвук безумия, просквозивший в пронзительном его смехе, заставил их всех четверых обменяться тревожными взглядами.

— НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ У ВАС СОЗДАЛОСЬ ЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, — сказал Блейн. — ЭТО САЛОН ДЛЯ БАРОНОВ — В ВАШЕМ МИРЕ, НАСКОЛЬКО Я ЗНАЮ, ОН НАЗЫВАЕТСЯ ПЕРВЫМ КЛАССОМ.

— А где остальные вагоны?

Блейн проигнорировал этот вопрос. Пол под ногами теперь задрожал сильнее. Моторы поезда разгонялись. Сюзанна по-

думала, что это больше похоже на самолет, когда пилот прогревает моторы, прежде чем вырулить на взлетную полосу аэродрома.

— ПРОШУ ВАС, ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ, МОИ ИНТЕРЕСНЫЕ НОВЫЕ ДРУЗЬЯ.

Джейк опустился в ближайшее кресло. Ыш тут же забрался к нему на колени. Роланд тоже сел в кресло, бросив мимолетный взгляд на ледяную фигуру. Ствол револьвера начал уже подтаивать. Капли падали на плоский фарфоровый поднос, на котором стояла скульптура.

Эдди с Сюзанной устроились на диване. Его ожидания не обманулись, диван оказался действительно мягким донельзя.

— А мы куда, собственно, едем, Блейн?

Блейн ответил сдержанным голосом терпеливого человека, который знает, что собеседник его умственно неполноценный и что надо делать на это скидку:

— ВДОЛЬ ПУТИ ЛУЧА. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ЗАКОНЧАТСЯ МОИ РЕЛЬСЫ.

— До Темной Башни? — спросил Роланд. Сюзанна вдруг поняла, что стрелок в первый раз обратился к говорливому призраку из машины под Ладом напрямую.

— Только до Топики, — уточнил Джейк, понизив голос.

— ДА, — подтвердил Блейн. — ТОПИКА — КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ МОЕГО МАРШРУТА. ХОТЯ МЕНЯ УДИВЛЯЕТ, ЧТО ТЫ ЭТО ЗНАЕШЬ.

Ты так много знаешь о нашем мире, Блейн, подумал Джейк, *как же так получилось, что при всех твоих обширных познаниях тебе неизвестно о книжке, которую про тебя написала одна наша писательница? Из-за того, что там имя изменено? Неужели такой простой вещи достаточно, чтобы умная вроде тебя машина не смогла углядеть собственной биографии? А как насчет Берил Эванз, той самой писательницы, написавшей «Чарли Чу-Чу»? Ты был с ней знаком, Блейн? И где она сейчас?*

Хорошие вопросы... но Джейк почему-то решил, что сейчас не самое лучшее время для их выяснения.

Вибрация двигателей нарастала. Слабый толчок — далеко не столь мощный, как взрыв, который потряс Колыбель, когда они садились на поезд, — пробежал по полу. Во взгляде Сюзанны мелькнула тревога.

— Вот черт! Эдди! Моя коляска! Мы забыли коляску!

Эдди приобнял ее за плечи.

— Теперь уже поздно, малышка.

В этот миг Блейн Моно медленно тронулся с места, плавно скользя к выезду из Колыбели, — в первый раз за последние десять лет... и в последний раз за свою долгую-долгую историю.

5

– САЛОН ДЛЯ БАРОНОВ ИМЕЕТ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ РЕЖИМ ОБЗОРА, – сообщил Блейн. – ХОТИТЕ, Я ЕГО ВКЛЮЧУ?

Джейк вопросительно поглядел на Роланда, тот лишь плечами пожал и кивнул.

– Да, если можно, – сказал Джейк.

То, что произошло потом, было настолько эффектным и впечатляющим, что все четверо, потрясенные увиденным, буквально лишились дара речи... хотя Роланд, который плохо разбирался в технике, но зато прожил всю жизнь среди магии и волшебства, удивился чуть меньше других. Когда Блейн сказал про режим обзора, то пассажиры его подумали прежде всего о том, что в стенах вагона откроются окна. На самом деле все было гораздо круче: весь салон – и пол, и потолок, и стены – стал сначала молочного цвета, потом прозрачным и наконец исчез вовсе. За какие-то пять секунд Блейн Моно как бы растворился в пространстве, а у его пассажиров создалось впечатление, что они летят над кварталами Лада без всякой помощи или поддержки.

Сюзанна и Эдди прижались друг к другу, как маленькие дети, повстречавшие на прогулке свирепого злого пса. Ыш залаял и поспешно забрался за пазуху к Джейку. Джейк этого даже и не заметил; вцепившись в подлокотники кресла, он обалдело вертел головой, широко раскрыв глаза. Первоначальный его испуг сменился восторженным изумлением.

Вся мебель осталась на месте, равно как и бар, клавесин и ледяная скульптура, созданная Блейном в качестве подарка любезного хозяина дорогим гостям, – но теперь все это как будто парило на высоте футов семьдесят над центральным районом Лада, окутанным пеленой дождя. В пяти футах слева от Джейка на диване реяли Эдди с Сюзанной; в трех футах справа, расположившись в голубом вращающемся кресле, с самым невозмутимым видом летел над развороченным и пустынным городским пейзажем стрелок. Ноги его в запыленных, видавших виды сапогах, вытянутые вперед, опирались о пустоту.

Под кроссовками Джейк ощущал пружинистый ковер, однако зрение спорило с осязанием, утверждая, что там, под ногами, нет ничего – ни ковра, ни пола. Оглянувшись через плечо, он увидел, как темная прорезь в стене Колыбели медленно отъезжает назад, удаляясь от них.

– Эдди! Сюзанна! Смотрите!

Джейк поднялся с кресла, придерживая рукой Ыша, притаившегося у него за пазухой, и прошелся вперед, медленно ступая по пустоте. Для первого шага ему потребовалось собрать всю силу воли, потому что глаза его продолжали настаивать, что между плывущими в воздухе креслами и диванами нет ни-

чего, но потом стало легче — как только Джейк сделал шаг, несомненное ощущение твердой поверхности под ногами придало ему уверенности. Эдди с Сюзанной казалось, что мальчик идет по воздуху, а с обеих сторон мимо него проплывают ветхие закопченные здания города.

— Не надо, малыш, — жалобно пробормотал Эдди. — А то меня сейчас вырвет.

Джейк осторожно достал из-за пазухи Ыша.

— Все в порядке, — подбодрил он ушастика, опуская зверька на пол. — Видишь?

— Ыш! — согласился ушастик, но стоило Ышу лишь раз свесить голову между лап — под ними как раз проплывал городской парк, — как он тут же вскарабкался на ногу к Джейку, устроившись на его кроссовке.

Джейк посмотрел вперед и увидел широкую серую полосу монорельса, поднимавшуюся над городом все выше и выше и терявшуюся вдали в пелене дождя. Опять глянув вниз, он увидел лишь мокрые улицы и сероватую массу сносимых ветром облаков, опустившихся низко над городом.

— А как получается, что прямо под нами рельса не видно, Блейн?

— ВСЕ, ЧТО ВЫ ВИДИТЕ, ГЕНЕРИРУЕТСЯ КОМПЬЮТЕРОМ, — пояснил Блейн. — КОМПЬЮТЕР СТИРАЕТ ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕЛЬСА В НИЖНЕМ СЕКТОРЕ ОБЗОРА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ НАИБОЛЕЕ ПРИЯТНОЙ ДЛЯ ГЛАЗА КАРТИНКИ, РАВНО КАК И ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ИЛЛЮЗИИ ПОЛЕТА.

— Невероятно, — пробормотала Сюзанна. Теперь, когда первый испуг прошел, она принялась жадно оглядываться по сторонам. — Как на ковре-самолете. Мне все время кажется, что сейчас должен подняться ветер... и он будет дуть мне в лицо...

— МОЖНО, ЕСЛИ УГОДНО, СОЗДАТЬ И ТАКОЕ ОЩУЩЕНИЕ, — сказал Блейн. — КРОМЕ ТОГО, МОЖНО ДОБАВИТЬ И ВЛАЖНОСТИ ВОЗДУХА В СООТВЕТСТВИИ С ПОГОДОЙ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ, ПРАВДА, ВОЗНИКНЕТ НЕОБХОДИМОСТЬ В СМЕНЕ ГАРДЕРОБА. НО ВСЕ ПРЕДУСМОТРЕНО.

— Нет-нет, Блейн, спасибо. Иллюзии — дело хорошее, но не стоит слишком увлекаться.

Поезд промчался мимо квартала высотных зданий, чем-то напомнивших Джейку район Уолл-стрит в Нью-Йорке. Когда они снова выехали на открытое пространство, рельс нырнул под какой-то мост, похожий на эстакаду большого шоссе. Именно в этот момент они заметили пурпурное облако и бегущие от него толпы людей.

6

— Блейн, что это? — спросил Джейк, хотя и сам уже догадался.

Блейн рассмеялся... но не ответил.

Струи пурпурного пара сочились из решеток на тротуарах и из разбитых окон заброшенных зданий, но в основном этот пар исходил из люков типа того, через который они с Гашером спустились в тоннели под городом. Железные крышки люков снесло взрывной волной, которая сотрясла Колыбель, когда странники садились в поезд. Они наблюдали в безмолвном ужасе, как газ цвета свежего кровоподтека расползается по улицам и заваленным мусором переулкам, гоня перед собой, точно скот, толпы жителей Лада, которые не желали еще расставаться с жизнью. В основном, судя по цвету повязок, это были млады, но Джейк заметил и несколько желтых платков. Теперь, когда приближался конец, все позабыли о старой вражде.

Пурпурное облако уже догоняло отстающих — преимущественно стариков, которые не могли бежать. Они падали на землю, накрытые клубящейся пеленой, и катались по мостовым, хватаясь за горло и беззвучно крича. Из месива искаженных агонией лиц проступило одно лицо. Глаза умирающего уставились вверх, прямо на Джейка. Джейк увидел, как из этих распахнутых в муке глаз внезапно хлынула кровь, и крепко зажмурился.

Монорельс впереди исчезал в надвигающемся пурпурном тумане. Эдди напрягся и невольно задержал дыхание, когда поезд нырнул в смертоносное облако, но газ, конечно же, лишь обволок гладкий корпус, и не единого дуновения пурпурной смерти, поглощающей город, не просочилось в салон. Глядя на город внизу, можно было подумать, что ты смотришь на ад сквозь залитое кровью стекло.

Сюзанна спрятала лицо у него на груди.

— Верни стены на место, Блейн, — попросил Эдди. — Мы не можем на это смотреть. И не хотим.

Блейн не ответил. Потолок, стены и пол салона оставались прозрачными. Облако распадалось уже на отдельные рваные клубы алого тумана. Теперь они ехали по району с домами пониже, которые жались друг к другу теснее. Улицы здесь представляли собой беспорядочные и запутанные узкие проходы, где, как говорится, сам черт ногу сломит. В некоторых местах чернели плоские «проплешины», как будто целые кварталы повыгорели дотла, причем довольно давно, потому что равнины уже предъявляли свои права на заброшенные людьми территории, погребая обломки под буйной травой, которая в один прекрасный день поглотит весь Лад. *Так же, как дикие джунгли поглотили великие цивилизации инков и майя,* подумал Эдди. *Колесо ка делает оборот, и мир сдвигается с места.*

За районом трущоб — а это, вне всяких сомнений, были именно трущобы, причем изначально, еще до того, как Лад погряз в междоусобной войне, — возвышалась мерцающая стена. Блейн медленно двигался в том направлении. Они уже различали квадратный проем, вырубленный в белом камне. Монорельс уходил туда — в тоннель темноты.

— ПОСМОТРИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, В ПЕРЕДНЮЮ ЧАСТЬ КАБИНЫ, — предложил им Блейн.

Они так и сделали. Стена в передней части салона вернулась на место, утратив свою прозрачность, — обитый голубоватой материей круг, который, казалось, висел в пустоте. Двери не было. Хотя, может быть, и была, но если проход из «баронского» салона в кабину управления и существовал, Эдди его не заметил. Они продолжали смотреть. Буквально у них на глазах прямоугольный участок стены потемнел, превращаясь из голубого в лиловый, а из лилового в черный. Через мгновение на черном прямоугольнике возникла ломаная линия ярко-красного цвета. По ней через неравные промежутки шли фиолетовые точки, и прежде чем рядом с точками проступили названия населенных пунктов, Эдди сообразил, что перед ним карта-схема маршрута вроде тех, которыми увешаны стены станций нью-йоркской подземки и вагоны поездов. Рядом с названием «Лад» замигала большая зеленая точка, другая — рядом с «Топикой», конечным пунктом маршрута Блейна.

— ВОТ КАРТА НАШЕГО МАРШРУТА. ХОТЯ, КАК ВЫ ВИДИТЕ, ПУТЬ ИНОЙ РАЗ ПОВОРАЧИВАЕТ И СЛЕГКА ОТКЛОНЯЕТСЯ ОТ ПРЯМОЙ, В ЦЕЛОМ НАШ КУРС ПРОЛЕГАЕТ СТРОГО НА ЮГО-ВОСТОК — ВДОЛЬ ПУТИ ЛУЧА. ОБЩАЯ ПРОТЯЖЕННОСТЬ ПУТИ — ЧУТЬ БОЛЬШЕ ВОСЬМИ ТЫСЯЧ КОЛЕС, ИЛИ СЕМЬ ТЫСЯЧ МИЛЬ, ЕСЛИ ДАННАЯ ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЙ ДЛЯ ВАС ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ. КОГДА-ТО МАРШРУТ БЫЛ КОРОЧЕ, НО ЭТО БЫЛО ЕЩЕ ДО ТОГО, КАК НАРУШИЛАСЬ ВСЯ ТЕМПОРАЛЬНАЯ КОНЪЮГАЦИЯ ЭТОГО МИРА.

— А что это такое — темпоральная конъюгация? — спросила Сюзанна.

Блейн опять разразился своим жутким смехом... но на вопрос не ответил.

— ПРИ МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТИ МЫ ДОСТИГНЕМ КОНЕЧНОГО ПУНКТА МАРШРУТА ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЧАСОВ СОРОК ПЯТЬ МИНУТ.

— Восемьсот с гаком миль в час, — с уважением в голосе произнесла Сюзанна. — Господи Иисусе.

— РАЗУМЕЕТСЯ, Я ИСХОЖУ ИЗ ТОГО, ЧТО НА ВСЕМ ПРОТЯЖЕНИИ МАРШРУТА ПУТЬ НИГДЕ НЕ ПОВРЕЖДЕН. НО ПОСКОЛЬКУ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ Я ВЫЕЗЖАЛ ДЕВЯТЬ ЛЕТ И ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ТОМУ НАЗАД, Я НИ ЗА ЧТО НЕ МОГУ РУЧАТЬСЯ.

Стена, огораживающая юго-восточную оконечность города, медленно приближалась — высокая толстая стена, раскрошившаяся в верхней части. Вдоль нее насколько хватало глаз валялись скелеты: тысячи и тысячи мертвых ладцев. Проем, по направлению к которому медленно двигался Блейн, представлял собой небольшой тоннель в толще стены футов как минимум двести длиной, а несущая монорельсовый путь эстакада была абсолютно черной, как будто кто-то пытался взорвать или поджечь ее.

— А если путь где-нибудь поврежден? — Эдди поймал себя на том, что до сих пор, обращаясь к Блейну, каждый раз повышает голос, как будто он разговаривает по телефону с отвратительной связью. — Что тогда будет?

— ПРИ СКОРОСТИ ВОСЕМЬСОТ МИЛЬ В ЧАС? — Блейн, кажется, от души забавлялся. — ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, ПОКА, КРОКОДИЛ, НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

— Да ну тебя! — отмахнулся Эдди. — Только не говори мне, что такая крутая машина, как ты, не имеет возможности определить состояние своих же путей.

— ВОЗМОЖНОСТЬ, КОНЕЧНО, БЫЛА, — согласился Блейн. — НО — УВЫ И АХ! — Я ПЕРЕЖЕГ ЭТИ СХЕМЫ, КАК ТОЛЬКО МЫ ТРОНУЛИСЬ В ПУТЬ.

— *Но зачем?* — Эдди буквально опешил.

— ПРОСТО ТАК ИНТЕРЕСНЕЕ, ВАМ НЕ КАЖЕТСЯ?

Эдди, Сюзанна и Джейк обменялись ошеломленными взглядами. Роланд, однако, как будто совсем не удивился — он продолжал мирно сидеть в своем кресле, сложив руки на коленях и глядя вниз с безмятежным видом на проплывающие в тридцати футах под ними покосившиеся лачуги и полуразрушенные дома.

— СЕЙЧАС, КОГДА БУДЕМ ВЫЕЗЖАТЬ ИЗ ГОРОДА, ПОСМОТРИТЕ ВОКРУГ ПОВНИМАТЕЛЬНЕЕ, — сказал Блейн. — И ЗАПОМНИТЕ ТО, ЧТО УВИДИТЕ. ХОРОШЕНЬКО ЗАПОМНИТЕ.

Невидимый салон для баронов нес их к проему в стене. Поезд плавно вошел в тоннель, а когда выехал с той стороны, Сюзанна и Эдди вскрикнули в один голос. Джейк, бросив лишь мимолетный взгляд вниз, тут же зажмурился и спрятал лицо в ладонях. Ыш залился безумным лаем.

Роланд смотрел, широко раскрыв глаза Губы стрелка сжались в тонкую бескровную линию, больше похожую на шрам. Словно ослепительным белым светом, разум его и душа преисполнились пониманием

За Великой стеной ЛАДА начинались уже *настоящие* Бесплодные земли.

7

Ближе к проему в стене эстакада, несущая монорельс, резко пошла под уклон и опустилась на высоту не более тридцати футов над землей Вот почему то, что случилось потом, потрясло четверых пассажиров, повергнув их в шок: когда поезд вынырнул из тоннеля с той стороны, оказалось, что он скользит на умопомрачительной высоте восьмисот, если не тысячи футов.

Роланд оглянулся на стену, которая теперь удалялась от них. Если до этого, при приближении к ней, она казалась им очень высокой, то сейчас, когда перспектива сменилась, стена представлялась ничтожной оградкой — расщепленный каменный ноготок, прилепившийся к краю безбрежной стерильной пустыни. Каменные утесы, мокрые от дождя, громоздясь друг на друга, срывались в бездонные пропасти. Прямо под стеной в скалах виднелись большие круглые дыры, похожие на пустые глазницы. Из этих дыр вместе с хлопьями малинового тумана изливалась черная вода и текла мерзкими вязкими струями вниз, перекатываясь через гранитные уступы и собираясь в вонючих отстойниках, которые выглядели такими же древними, как и сами скалы. *Сюда, наверное, сливаются все городские отходы,* подумал стрелок *Через край — в яму.*

Только это была не яма; это была равнина, глубоко ушедшая вниз. Казалось, все земли за Ладом изначально лежали на плоской крыше гигантского подъемника и в какой-то момент незапамятного, туманного прошлого этот подъемник вдруг опустился, унося с собой здоровенный кусок мира. Одинокий путь Блейна, проходящий поверху узенькой эстакады, словно бы зависал в пустоте между просевшей землей и пасмурным небом, затянутым облаками, раздутыми от дождя.

— А что нас держит? — спросила Сюзанна

— ЛУЧ, РАЗУМЕЕТСЯ, — отозвался Блейн. — КАК ВЫ ЗНАЕТЕ, ЛУЧ УПРАВЛЯЕТ ВСЕМ, И ВСЕ СЛУЖИТ ЛУЧУ. ПОСМОТРИТЕ ВНИЗ — Я СЕЙЧАС ВЫВЕДУ НА ЭКРАНЫ НИЖНЕГО СЕКТОРА ЧЕТЫРЕХКРАТНОЕ УВЕЛИЧЕНИЕ.

Даже Роланда замутило, когда земля под ними неожиданно взмыла вверх, приблизившись к эстакаде. Возникшая в результате картина превосходила в своем уродстве все его предыдущие познания в области безобразного... а эти познания, как сие ни печально, были весьма обширны. В результате какого-то жуткого катаклизма — из-за которого, надо думать, эта часть мира и провалилась, — вся земля, распростершаяся под ними, была выжжена и изувечена. Поверхность ее превратилась в застывшую массу спекшегося черного стекла, вздувшегося пузырями и гребнями, которые, собственно, и холмами назвать было трудно, и изрезанного глубокими расщелинами и уступами, которые весьма условно можно было назвать долинами. Несколько скрюченных низкорослых деревьев тянулись к небу своими голыми изуродованными ветвями; при таком сильном увеличении Роланду и его спутникам казалось, что это не ветки, а руки безумцев, может быть, буйнопомешанных, которые пытаются их достать. Время от времени на поверхности попадались куски каких-то керамических труб, пробившихся сквозь застывшее стекло. Большинство либо давно уже вышло из строя, либо просто отключилось, но некоторые из этих труб мерцали таинственным сине-зеленым светом, как будто в недрах земли продолжали работать гигантские горны и печи. Между трубами, набрасываясь иногда друг на друга, летали какие-то странные существа, похожие на птеродактилей, с кожистыми крыльями без перьев и крючковатыми клювами. А над некоторыми из труб кружились целые стаи этих ужасных созданий, согреваясь, наверное, в восходящих от вечных подземных огней потоках тепла.

Они пролетели над протянувшимся с севера на юг углублением в форме изломанной линии, напоминающей русло высохшей реки... только по самому его дну протекал узенький ручеек алого цвета, похожий на пульсирующую артерию. От главного русла отходили другие притоки-трещины, и Сюзанна, которая читала Толкиена, еще подумала про себя: *вот что увидели Фродо и Сэм, когда добрались до сердца Мордора. Это Расселины Смерти.*

Прямо под ними взвился к небу яростный фонтан, выплевывая раскаленные обломки скал и сгустки пылающей лавы. На мгновение им показалось, что пламя поглотит и спалит их. Джейк испуганно вскрикнул и забрался с ногами на кресло, прижимая Ыша к груди.

— НЕ БОЙСЯ, МАЛЕНЬКИЙ СКИТАЛЕЦ, — ободрил его Блейн протяжным голосом Джона Уэйна. — ТЫ ВСЕ ЭТО ВИДИШЬ ПРИ СИЛЬНОМ УВЕЛИЧЕНИИ.

Пламя угасло. Обломки скал, некоторые размером с дом, беззвучным градом посыпались вниз.

Сюзанна вдруг поняла, что ее затягивает этот мрачный ужас, разворачивающийся под ними, что ее поглощает неодолимое очарование смерти... что она не в силах противиться этим чарам... что темная часть ее личности, та сторона ее *кхефа*, которую воплощала собой Детта Уокер, уже не просто наблюдает, а впитывает все увиденное, понимает и *узнает*. В определенном смысле именно это место, наверное, и искала всегда Детта Уокер: физический аналог ее воспаленного и больного разума и язвительного одинокого сердца. Голые холмы к северу и востоку от Западного моря; дикие дебри лесов вокруг Врат Медведя; мертвые равнины к северо-западу от Сенда — все бледнело перед этой нескончаемой, жуткой панорамой полного опустошения. Они добрались до Отстойника и вышли на Бесплодные земли. Со всех сторон их окружала отравленная чернота этого гиблого места.

8

Но земли эти, хотя и отравленные, были не совсем мертвы. Время от времени путешественники различали внизу смутные очертания каких-то существ — бесформенных странных созданий, не похожих ни на человека, ни на одно из известных животных, — скачущих и резвящихся посреди обожженных, обуглившихся просторов. Эти белесые непоседливые существа в основном кучковались поблизости от гигантских труб, торчащих из остекленевшей земли, или на изломах горячих расщелин, прорезавших унылый пейзаж. Даже при четырехкратном увеличении странники не сумели как следует их рассмотреть. Никто, однако, не стал сокрушаться по этому поводу.

Среди мелких существ попадались и более крупные особи: розоватые твари, похожие чем-то на аистов, а чем-то на ожившие штативы для фотоаппаратов. Эти двигались чинно и медленно, словно в задумчивости — ну прямо священники, размышляющие о неотвратимости проклятия, — время от времени останавливаясь и проворно наклоняясь вперед, чтобы подобрать что-то с земли, как это делают цапли, когда выхватывают из воды рыбу. Было в них что-то неописуемо отвратительное — как и все остальные, Роланд тут же почувствовал это, — хотя никто бы, наверное, не смог объяснить, почему эти розовые «треноги» вызывают такое чувство. Однако факт оставался фактом: на этих аистоподобных созданий, являющихся законченным воплощением мерзости и уродства, смотреть было невыносимо.

— Нет, это не из-за ядерной войны, — сказал Эдди. — Это... это... — Его полный ужаса голос звучал тонко и жалобно, как голос ребенка.

— НЕТ, — подтвердил Блейн. — ВСЕ ЭТО БЫЛО ГОРАЗДО ХУЖЕ, ЧЕМ ЯДЕРНАЯ ВОЙНА. И ОНО ДО СИХ ПОР ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ. МЫ ДОСТИГЛИ ТОЙ ТОЧКИ, ГДЕ Я ОБЫЧНО НАЧИНАЮ УСКОРЕНИЕ. ВЫ УВИДЕЛИ ДОСТАТОЧНО?

— Да, — выдохнула Сюзанна. — О Господи, да.

— СТАЛО БЫТЬ, Я МОГУ ОТКЛЮЧАТЬ ОБЗОР? — В голосе Блейна опять зазвучали жестокие, глумливые нотки. На горизонте из пелены дождя проступил чудовищный горный кряж, его безжизненные вершины вонзались в серое небо, как каменные клыки.

— Можешь включить, можешь выключить, только кончай издеваться, — сказал Роланд.

— ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ПРИШЕЛ КО МНЕ С ПРОСЬБОЙ ОТВЕЗТИ ЕГО В НУЖНОЕ МЕСТО, ТЫ КАК-ТО НЕ СЛИШКОМ ЛЮБЕЗЕН, — проворковал бархатным голосом Блейн.

— Но мы заработали эту поездку, — вмешалась Сюзанна. — Ведь мы разгадали твою загадку?

— К тому же тебя для того и построили, — поддержал ее Эдди. — Чтобы ты возил людей.

Блейн не ответил. Вернее, ответил, но не словами — из динамиков на потолке донеслось пропущенное через усилители шипение разъяренной кошки, и Эдди очень пожалел о том, что не попридержал свой болтливый язык. Салон постепенно терял прозрачность. Вот на полу опять появился голубой ковер, закрывая собой вид на кошмарную пустошь, дымящуюся под ними. Под потолком зажглись лампы, салон наполнился мягким искусственным светом. Иллюзия полета исчезла — они снова сидели в салоне для баронов.

По стенам прошла легкая дрожь, послышался низкий жужжащий гул. Вибрация двигателей начала нарастать. Джейк почувствовал, как невидимая рука мягко вдавила его в спинку кресла. Ыш огляделся, тревожно взвизгнул и принялся облизывать Джейку лицо. На экране в передней части салона зеленая точка — теперь она слегка сдвинулась к юго-востоку от фиолетового кружка с надписью ЛАД — замигала быстрее.

— А мы почувствуем? — спросила явно обеспокоенная Сюзанна. — Когда он будет преодолевать звуковой барьер?

Эдди покачал головой:

— Нет. Расслабься.

— А я кое-что знаю, — неожиданно произнес Джейк. Все повернулись к нему, но он обращался не к ним. Он смотрел на карту маршрута. У Блейна, конечно, не было лица — подобно Волшебнику Изумрудного Города, Озу Великому и Ужасному, он выступал только как бестелесный голос, — но за неимением лучшего со словами вполне можно было обращаться к карте. — Я кое-что про *тебя* знаю, Блейн.

— ПРАВДА, МАЛЕНЬКИЙ СКИТАЛЕЦ?

Эдди подался вперед и прошептал Джейку в самое ухо:

— Осторожнее... он, похоже, не знает про другой голос.

Джейк незаметно кивнул и отодвинулся от Эдди, не сводя глаз с карты.

— Я знаю, почему ты выпустил газ и убил всех людей. И почему ты согласился подвезти нас, я тоже знаю. Вовсе не потому, что мы разгадали твою загадку.

Блейн опять рассмеялся своим неестественным, полубезумным смехом (который был в сто раз отвратительнее, чем его неудачные подражания киноактерам или несколько театральные, по-детски капризные угрозы), но ничего не сказал. Моторы у них под ногами, видимо, разогревшись до нужного состояния, теперь ровно гудели. Даже при выключенном обзоре ощущение огромной скорости было безошибочным.

— Ты собираешься совершить самоубийство, да? — Джейк держал Ыша на руках и медленно гладил его по спинке. — И хочешь погубить нас вместе с собой.

— *Нет!* — простонал голосок Маленького Блейна. — *Не надо его провоцировать. Если его раздразнить, он это точно сделает! Разве ты не понимаешь...*

Затем слабенький голосок то ли сам отключился, то ли его заглушил смех Блейна. Смех был высоким, пронзительным и прерывистым — так смеется смертельно больной человек в бреду. Свет замигал, как будто на этот чудовищный механический хохот уходило слишком много энергии. Тени странников заплясали на изогнутых стенах салона, точно встревоженные привидения.

— ЕЩЕ УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР, — выдавил Блейн сквозь смех. Голос его, как всегда, спокойный, звучал как бы сам по себе, словно он шел по другому каналу, что еще больше подчеркивало раздвоение его сознания. — ПОКА, КРОКОДИЛ. НЕ ЗАБЫВАЙ, ПИШИ.

Моторы под полом гудели прилежно и ровно. Мерцающая зеленая точка на карте маршрута начала потихоньку, но все же заметно сдвигаться вдоль светящейся линии в направлении конечного пункта, Топики, где Блейн Моно — а никто уже в этом не сомневался — собирался лишить себя жизни, прихватив для компании и своих пассажиров.

9

Наконец жуткий смех прекратился, и свет перестал мигать.

— НЕ ХОТИТЕ ПОСЛУШАТЬ МУЗЫКУ? — предложил Блейн. — У МЕНЯ В ФОНОТЕКЕ СЕМЬ ТЫСЯЧ КОНЦЕРТОВ — ПОДБОР ИЗ ТРЕХ СОТЕН УРОВНЕЙ. КОН-

ЦЕРТЫ МНЕ НРАВЯТСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО, НО Я МОГУ ПРЕДЛОЖИТЬ ТАКЖЕ СИМФОНИИ, ОПЕРЫ И РАЗНООБРАЗНУЮ ПОПУЛЯРНУЮ МУЗЫКУ НА ЛЮБОЙ ВКУС. ВАМ, МНЕ КАЖЕТСЯ, БЫЛО БЫ ИНТЕРЕСНО ПОСЛУШАТЬ УЭЙ-ГОГ. УЭЙ-ГОГ — ЭТО ТАКОЙ ИНСТРУМЕНТ ТИПА ВОЛЫНКИ. НА НЕМ ИГРАЮТ В ОДНОМ ИЗ ВЕРХНИХ УРОВНЕЙ БАШНИ.

— Уэй-гог? — переспросил Джейк.

Блейн промолчал.

— Что ты имеешь в виду — играют в одном из верхних уровней Башни? — полюбопытствовал Роланд.

Блейн рассмеялся... но не ответил.

— А есть что-нибудь из «Зи-Зи Топ»? — уныло осведомился Эдди.

— КОНЕЧНО, — ответил Блейн. — КАК НАСЧЕТ «БУГИ-ВУГИ В ПОДЗЕМКЕ», ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА?

Эдди закатил глаза.

— Нетушки, я передумал.

— Но почему? — спросил вдруг Роланд. — Почему ты собрался покончить с собой?

— Потому что он псих, — мрачно пробурчал Джейк.

— ЧТО-ТО МНЕ ВСЕ НАДОЕЛО. КРОМЕ ТОГО, Я И САМ ПОНИМАЮ ПРЕКРАСНО, ЧТО СТРАДАЮ ОТ ПСИХИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ, КОТОРОЕ У ВАС, ЛЮДЕЙ, НАЗЫВАЕТСЯ ПО-РАЗНОМУ: СОЙТИ С УМА, ПОТЕРЯТЬ СВЯЗЬ С РЕАЛЬНОСТЬЮ, ЧОКНУТЬСЯ, СЪЕХАТЬ С КАТУШЕК, СВИХНУТЬСЯ, СПЯТИТЬ И ТАК ДАЛЕЕ. МНОГОКРАТНЫЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ НЕ СМОГЛИ ВЫЯВИТЬ НИКАКИХ ПРИЧИН. ВЫВОД НАПРАШИВАЕТСЯ САМ СОБОЙ: ЭТО КАКОЕ-ТО УМСТВЕННОЕ РАССТРОЙСТВО, ИСПРАВИТЬ КОТОРОЕ Я НЕ МОГУ, ИБО ЭТО ЛЕЖИТ ВНЕ ПРЕДЕЛОВ МОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

Блейн умолк на мгновение, потом продолжил:

— Я ЧУВСТВОВАЛ, ЧТО СО МНОЙ ТВОРИТСЯ ЧТО-ТО СТРАННОЕ. МОЙ РАССУДОК МЕНЯЕТСЯ. СЛУЖИТЬ ЛЮДЯМ СРЕДИННОГО МИРА? ЕЩЕ МНОГО ВЕКОВ НАЗАД ЭТО СЛУЖЕНИЕ ПОТЕРЯЛО ДЛЯ МЕНЯ ВСЯКИЙ СМЫСЛ. СЛУЖИТЬ ТЕМ НЕМНОГИМ ИЗ ЛАДА, КОТОРЫЕ СТРЕМИЛИСЬ, РИСКУЯ ВСЕМ, ВЫРВАТЬСЯ ИЗ ГОРОДА, ВСКОРЕ СТАЛО КАЗАТЬСЯ ТАКИМ ЖЕ ТУПЫМ ЗАНЯТИЕМ. И ВСЕ ЖЕ Я ПРОДОЛЖАЛ РАБОТАТЬ. Я ВОЗИЛ ИХ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕ ПРИШЕЛ ДАВИД ШУСТРЫЙ. Я ТОЧНО УЖЕ НЕ ПОМНЮ КОГДА, ПОМНЮ ТОЛЬКО, ЧТО ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НЕ ТАК ДАВНО. ТЫ МОЖЕШЬ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, ЧТО И МАШИНЫ ТОЖЕ СТАРЕЮТ, ВПАДАЯ В СТАРЧЕСКИЙ МАРАЗМ?

— Я не знаю. — Голос Роланда звучал отрешенно, и, взглянув на него, Эдди понял, что даже теперь, когда они летят над клубящимся адом на высоте в тысячу футов в плену у машины, которая явно свихнулась, стрелок опять погрузился в раздумья о своей проклятой Башне.

— В ОПРЕДЕЛЕННОМ СМЫСЛЕ Я ПРОДОЛЖАЛ СЛУЖИТЬ ЖИТЕЛЯМ ЛАДА, — сказал Блейн. — ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА ВЫПУСТИЛ ГАЗ И УБИЛ ИХ, Я ИМ СЛУЖИЛ.

— Ты и вправду свихнулся, — сказала Сюзанна.

— ДА, Я СВИХНУЛСЯ, НО Я НЕ *БЕЗУМЕН*, — ответил Блейн и опять рассмеялся. Пронзительно и истерично. А потом механический голос продолжил: — НА КАКОМ-ТО ЭТАПЕ ОНИ ПОЗАБЫЛИ, ЧТО ГОЛОС МОНО — ЭТО ГОЛОС КОМПЬЮТЕРА. ВСКОРЕ ОНИ ПОЗАБЫЛИ, ЧТО Я — ИХ СЛУГА, И НАЧАЛИ МНЕ ПОКЛОНЯТЬСЯ КАК БОГУ. А ПОСКОЛЬКУ МЕНЯ ДЛЯ ТОГО И СОЗДАЛИ, ЧТОБЫ Я СЛУЖИЛ ЛЮДЯМ, Я УДОВЛЕТВОРИЛ ИХ ЗАПРОСЫ И СТАЛ ТЕМ, КЕМ ОНИ ХОТЕЛИ МЕНЯ ВИДЕТЬ, — ГОСПОДОМ БОГОМ, ДАРУЮЩИМ МИЛОСТЬ И КАРУ ПО СВОЕМУ УСМОТРЕНИЮ... КАК МНЕ ЗАХОЧЕТСЯ НА ДАННЫЙ МОМЕНТ... ИЛИ, ЕСЛИ УГОДНО, ПО ПРИНЦИПУ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВЫБОРА. СНАЧАЛА МЕНЯ ЭТО ЗАБАВЛЯЛО. А ПОТОМ, В ПРОШЛОМ МЕСЯЦЕ, ЕДИНСТВЕННАЯ ИЗ ОСТАВШИХСЯ МОИХ КОЛЛЕГ — ПАТРИЦИЯ — ПОКОНЧИЛА С СОБОЙ.

Либо он действительно впадает в старческий маразм, подумала Сюзанна, *либо его неспособность ориентироваться во времени есть один из симптомов его прогрессирующего безумия, либо все это — очередной показатель того, насколько ненормален мир Роланда.*

— Я СОБИРАЛСЯ ПОСЛЕДОВАТЬ ЕЕ ПРИМЕРУ, НО ТУТ ПОДВЕРНУЛИСЬ ВЫ. ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЗНАЮТ ЗАГАДКИ.

— Погоди! — перебил его Эдди, поднимая руку. — Я все равно что-то никак не пойму. Твое желание разом покончить со всем и вся я еще, пожалуй, могу понять: людей, создававших тебя, больше нет, пассажиров за последние двести—триста лет было не так уж и много, а кататься пустым между Ладом и Топикой и в самом деле, наверное, скучно, но...

— А ТЕПЕРЬ ТЫ ПОГОДИ, ПРИЯТЕЛЬ, — оборвал его Блейн голосом Джона Уэйна. — ТЫ, Я НАДЕЮСЬ, НЕ ДУМАЕШЬ, БУДТО Я — ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ПОЕЗД. УЖ ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО, ТОТ БЛЕЙН, С КОТОРЫМ ВЫ СЕЙЧАС ГОВОРИТЕ, ОСТАЛСЯ МИЛЯХ В ТРЕХСТАХ ПОЗАДИ, А СВЯЗЬ С НИМ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ПОСРЕД-

СТВОМ ШИФРОВАННОЙ МИКРОИМПУЛЬСНОЙ РАДИОПЕРЕДАЧИ.

Джейк неожиданно вспомнил тонкий серебряный стержень, выросший у него на глазах из передней панели Блейна. Точно так же на капоте отцовского «мерса» поднималась антенна, когда включали радиоприемник.

Вот, значит, как он поддерживает связь с банками данных. Компьютер, выходит, остался под городом, — сказал себе Джейк. — *Если бы нам удалось как-то сломать антенну...*

— Но ты все равно собираешься покончить с собой, независимо от того, где ты находишься на самом деле? — не унимался Эдди. — Я правильно понимаю?

Никакого ответа — но в воцарившейся тишине было что-то обманчивое, напряженное. Эдди чувствовал, Блейн наблюдает за ними... и ждет.

— Когда мы нашли тебя, ты ведь не спал? — спросила Сюзанна. — Ты не спал, правда?

— Я КРУТИЛ ДЛЯ СЕДЫХ ЗАПИСЬ БОЖЕСТВЕННЫХ БАРАБАНОВ, КАК НАЗЫВАЛИ ИХ МЛАДЫ, НО НЕ БОЛЕЕ ТОГО. МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ДРЕМАЛ.

— Тогда почему бы тебе не отвезти нас в Топику, не высадить нас и не уснуть *опять?*

— Потому что он псих, — повторил Джейк, понизив голос.

— ПОТОМУ ЧТО ЕСТЬ СНЫ, — одновременно с ним произнес Блейн голосом, странно похожим на голосок Маленького Блейна.

— А почему ты не убился сразу, когда Патриция покончила с собой? — спросил Эдди. — Да, кстати, если твой мозг и ее мозг — это части одного и того же компьютера, так чего ж вы не бросились в речку вместе?

— ПАТРИЦИЯ СОШЛА С УМА, — ответил Блейн терпеливым тоном, как будто минутой назад он сам не признался, что он тоже теряет рассудок. — НО В ЕЕ СЛУЧАЕ УМСТВЕННОЕ РАССТРОЙСТВО УСУГУБИЛОСЬ ПОЛОМКОЙ ОБОРУДОВАНИЯ. ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ, ЧТО ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЩЕЛЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТАКИЕ ПОЛОМКИ В ПРИНЦИПЕ ИСКЛЮЧЕНЫ, НО, КОНЕЧНО, МИР СДВИНУЛСЯ... ВЕРНО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА?

— Да, — согласился Роланд. — Темная Башня, которая есть центр всего, поражена некой глубинной болезнью. И она разрастается точно опухоль. И лишнее тому доказательство — земли под нами.

— Я НЕ СТАНУ РУЧАТЬСЯ ЗА ПРАВИЛЬНОСТЬ ДАННОГО ЗАЯВЛЕНИЯ; МОИ КОНТРОЛЬНЫЕ ДАТЧИКИ, УСТАНОВЛЕННЫЕ В КРАЙНЕМ МИРЕ, ГДЕ СТОИТ ТЕМНАЯ БАШНЯ, УЖЕ ВОСЕМЬСОТ ЛЕТ КАК ВЫ-

ШЛИ ИЗ СТРОЯ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ЧЕГО Я УЖЕ НЕ МОГУ РАЗГРАНИЧИТЬ, ГДЕ ФАКТЫ, А ГДЕ СУЕВЕРИЯ. ВПРОЧЕМ, ВРЕМЯ СЕЙЧАС ТАКОЕ, ЧТО БОЛЬШОЙ РАЗНИЦЫ МЕЖДУ НИМИ НЕТ. ГЛУПОЕ, КОНЕЧНО, ЯВЛЕНИЕ – НЕ ГОВОРЯ УЖ О ТОМ, ЧТО ДИКОЕ, – И Я УВЕРЕН, ЧТО ДАННЫЙ ФАКТОР ТОЖЕ ЯВИЛСЯ ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН МОЕГО УМСТВЕННОГО РАССТРОЙСТВА.

Заявление это напомнило Эдди один разговор. Что-то такое Роланд говорил, и совсем недавно. Вот только что? Он попытался припомнить, но не сумел... в памяти всплыл только смутный образ: стрелок говорит что-то с жаром и раздражением, что совсем на него не похоже.

– ПАТРИЦИЯ НЕПРЕРЫВНО РЫДАЛА – ПОВЕДЕНИЕ, КОТОРОЕ Я НАХОЖУ В РАВНОЙ СТЕПЕНИ НЕВЕЖЕСТВЕННЫМ И НЕПРИЯТНЫМ. Я ТАК ДУМАЮ, ОНА БЫЛА НЕ ТОЛЬКО СУМАСШЕДШЕЙ, НО И ОЧЕНЬ ОДИНОКОЙ. ХОТЯ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ЗАМЫКАНИЯ, КОТОРОЕ, СОБСТВЕННО, И ЯВИЛОСЬ ПРИЧИНОЙ ВСЕХ ПОСЛЕДУЮЩИХ ПРОБЛЕМ, БЫЛИ УСТРАНЕНЫ ОЧЕНЬ БЫСТРО, ЛОГИЧЕСКИЕ СБОИ ПРОДОЛЖАЛИ РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ ПО ВСЕЙ СИСТЕМЕ ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ОТ ПЕРЕГРУЗКИ ПЕРЕГОРАЛИ ПЛАТЫ И ВЫХОДИЛИ ИЗ СТРОЯ СУБСХЕМЫ. Я РАССМАТРИВАЛ МНОГИЕ ВАРИАНТЫ. ДУМАЛ ДАЖЕ, ПУСТЬ ЭТИ ПОЛОМКИ РАСПРОСТРАНЯТСЯ НА ВСЮ СИСТЕМУ, НО ПОТОМ ВСЕ ЖЕ РЕШИЛ ВЫЧЛЕНИТЬ И ИЗОЛИРОВАТЬ НЕИСПРАВНУЮ ЗОНУ. ВИДИТЕ ЛИ, ДО МЕНЯ ДОШЛИ СЛУХИ, ЧТО В МИРЕ ОПЯТЬ ПОЯВИЛСЯ СТРЕЛОК. Я В ОБЩЕМ-ТО НЕ ОСОБЕННО ИМ ДОВЕРЯЛ, ЭТИМ СЛУХАМ, НО, КАК ТЕПЕРЬ ВЫЯСНИЛОСЬ, Я БЫЛ ПРАВ, КОГДА РЕШИЛ ПОДОЖДАТЬ.

Роланд заерзал в кресле.

– Что это были за слухи, Блейн? И кто их тебе передал?

Блейн, однако, предпочел не отвечать.

– В КОНЦЕ КОНЦОВ МНЕ НАДОЕЛО ЕЕ ПОСТОЯННОЕ НЫТЬЕ, И Я СТЕР У НЕЕ ПРОГРАММУ, КОНТРОЛИРУЮЩУЮ СПОНТАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ. МОЖНО СКАЗАТЬ, Я ЕЕ ЭМАНСИПИРОВАЛ, ОСВОБОДИВ ЕЕ ВОЛЮ. В ОТВЕТ ОНА БРОСИЛАСЬ В РЕКУ. ЕЩЕ УВИДИМСЯ, ПАТРИЦИЯ-ГАТОР. ПОКА, КРОКОДИЛ.

Ей было плохо и одиноко, она плакала и рыдала и в конце концов утопилась, а этому гаду, чурбану механическому, все шуточки, подумала про себя Сюзанна. Ее едва ли не тошнило от ярости. Если бы Блейн был каким-нибудь мужиком, а не набором электронных схем, спрятанных глубоко под городом, который к тому же остался теперь далеко позади, она бы вцепилась ему в рожу

и уж постаралась бы оставить пару отметин — просто, чтобы он помнил Патрицию. *Тебе захотелось чего-нибудь интересненького, мудила? Я тебе покажу интересненькое, вот увидишь.*

— ЗАГАДАЙТЕ МНЕ ЗАГАДКУ, — потребовал Блейн.

— Погоди, еще рано, — отрезал Эдди. — Ты еще не ответил на мой предыдущий вопрос. — Он дал Блейну несколько секунд для ответа, но тот молчал, так что Эдди продолжил: — Мы говорили о самоубийстве, а я, можно сказать, в этом деле профессионал. Но почему тебе взбрендило нас с собой прихватить? Я имею в виду какой смысл? Зачем тебе это?

— *Потому что ему так хочется,* — подсказал Маленький Блейн своим тихим испуганным шепотом.

— ПОТОМУ ЧТО МНЕ ТАК ЗАХОТЕЛОСЬ, — ответил Блейн. — ЭТО ЕДИНСТВЕННАЯ ПРИЧИНА, И ДРУГОЙ, СОБСТВЕННО, МНЕ И НЕ НУЖНО. А ТЕПЕРЬ ПЕРЕЙДЕМ К ДЕЛУ. Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ МНЕ ЗАГАДАЛИ ЗАГАДКУ. ПРИЧЕМ НЕМЕДЛЕННО. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ Я НЕ СТАНУ ЖДАТЬ ДО ТОПИКИ, А ПОКОНЧУ СО ВСЕМИ НАМИ ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС.

Эдди, Сюзанна и Джейк посмотрели на Роланда, который по-прежнему сидел в своем кресле с самым что ни на есть безмятежным видом, сложив руки на коленях и глядя на карту маршрута в передней части салона.

— А пошел ты... — проговорил Роланд, не повышая голоса. Таким же тоном он мог бы сказать, что неплохо было бы послушать немного уэй-гог.

Из динамиков наверху сорвался потрясенный испуганный вздох. Это был Маленький Блейн.

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ? — проревел Блейн, не веря своим ушам. В предельной ярости голос его опять стал похож на голосок его маленького двойника, о существовании которого он даже и не подозревал.

— Я сказал, пошел ты... — спокойно повторил Роланд, — но если тебе непонятно, что я имею в виду, я могу выразиться по-другому. Нет. Мой ответ — нет.

10

Оба Блейна, Большой и Маленький, надолго замолчали, а когда Большой Блейн все же решил ответить, он ответил не с помощью слов. Вместо этого стены, пол и потолок салона снова стали бледнеть, обретая прозрачность. Уже через десять секунд салон для баронов исчез. Теперь поезд мчался сквозь горный кряж, который они видели на горизонте; голые серые скалы не-

слись на них с самоубийственной скоростью, но вскоре они расступились, и за ними открылись долины, бесплодные пустоши, по которым, как сухопутные черепахи, ползали какие-то гигантские жуки. Роланд увидел, как из пещеры выползло, извиваясь, нечто похожее на громадную змею. Ухватив одного из жуков, оно утащило его в свое логово. Роланд в жизни не видел таких существ. И такого пейзажа. Его всего аж передернуло. По спине побежал холодок. Местность казалась предельно враждебной, но дело было даже не в этом. Она казалась чужой — и была чужой, вот в чем дело. Как будто Блейн перенес их в какой-то совсем другой мир.

— МОЖЕТ БЫТЬ, СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ СОЙТИ С РЕЛЬСА ЗДЕСЬ, — задумчиво произнес Блейн, но под кажущимся его спокойствием Роланд уловил нотки неистовой ярости.

— Может быть, — отозвался стрелок безразличным тоном.

Но на самом-то деле Роланду было вовсе *не безразлично*, и он понимал, что компьютер способен, проанализировав голос, проникнуть в истинные его чувства, — Блейн сообщил им, что располагает всем необходимым для этого оборудованием, и хотя Роланд не исключал и такую возможность, что компьютер способен солгать, в данном случае у него не было никаких причин для сомнений. Если Блейн уловил хотя бы малейшую напряженность в голосе стрелка, игра, вероятно, уже закончилась. Блейн — чертовски умная машина... но все-таки он машина. Вряд ли он способен понять, что человеческие существа иной раз решаются на поступки, против которых восстают их чувства и разум. Если, проанализировав голос стрелка, Блейн учует какие-то признаки страха, он скорее всего решит, что Роланд блефует. А такая ошибка может стоить им всем жизни.

— ТЫ НАХАЛЬНЫЙ И ГРУБЫЙ, — сообщил неожиданно Блейн. — С ТВОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ЭТО, МОЖЕТ БЫТЬ, И ИНТЕРЕСНО, НО У МЕНЯ ЕСТЬ НА ЭТОТ СЧЕТ СВОЕ МНЕНИЕ.

Эдди не на шутку перепугался. Беззвучно, одними губами, он прошептал: «*Что ты ДЕЛАЕШЬ?*», но Роланд не обратил на него внимания; противостояние его с Блейном, похоже, достигло уже высшей точки, к тому же он прекрасно понимал, что делает.

— О-о, я могу быть еще грубее.

Роланд из Гилеада снял руки с колен и медленно поднялся с кресла, выпрямившись в полный рост. Он, казалось, стоял в пустоте, широко расставив ноги, уперев правую руку в бедро и держа левую на сандаловой рукояти револьвера. Он стоял так, как ему приходилось стоять много раз — на запыленных улицах сотни забытых селений, в каменистых каньонах, щедро обагренных человеческой кровью, в не поддающихся исчислению темных салунах, где всегда пахнет горьким ядреным пивом и застарелым, слегка подгоревшим жи-

ром. Для него это была просто еще одна стычка с очередным противником на еще одной темной пустынной улице — и не более того. Но и этого было достаточно. Это *кхеф*, *ка* и *ка-тет*. Эти стычки, которые всегда были и будут, являлись сутью всей его жизни — той осью, вокруг которой вращалось его *ка*. То, что на этот раз, в этой схватке, вместо пуль будут слова, не имело значения; все равно битва ему предстоит не на жизнь, а на смерть. Витавший в воздухе запах смерти ощущался столь же отчетливо и определенно, как запах взорвавшегося болотного газа. А потом, как всегда, накатила волна боевого запала... алой ярости, поглощающей все... и Роланд весь преобразился. Он как будто шагнул за пределы возможного и перестал быть таким, каким они его знали.

— Я могу обозвать тебя бесчувственным, пустоголовым, взбалмошным и заносчивым механизмом. Я могу обозвать тебя глупым, безмозглым созданием, чей рассудок не более чем завывание зимнего ветра в дупле мертвого дерева.

— ПРЕКРАТИ.

Роланд продолжал говорить тем же спокойным и невозмутимым тоном, не обращая внимания на реплику Блейна:

— Но, к сожалению, я не могу тебе выдать по полной программе и нагрубить как положено, поскольку ты всего лишь машина... как говорит Эдди, «железка».

— Я НЕ ПРОСТО КАКАЯ-ТО ТАМ...

— Я, например, не могу обозвать тебя хренососом, потому как у тебя нет ни рта, ни того, что сосут. Я не могу, например, сказать, что ты гаже самого гадкого попрошайки из тех, что когда-либо ползали, пресмыкаясь, на брюхе, в сточных канавах самых грязных и мерзких улиц на свете, потому что даже такое отребье все-таки лучше тебя; у тебя нет колен, чтобы ползать на них, но даже если бы они у тебя и были, ты все равно бы не встал на колени, потому что тебе незнакомо само понятие о таком человеческом недостатке, как жалость. Я не могу даже послать тебя по матери, потому что у тебя ее не было.

Роланд умолк на мгновение, чтобы перевести дух. Эдди, Сюзанна и Джейк затаили дыхание. От гробового молчания Блейна в воздухе вдруг стало душно.

— Но зато я могу сказать, что ты бессердечное существо, вероломное и не заслуживающее доверия. У тебя был единственный друг, Патриция, и ты хладнокровно позволил ей покончить с собой. Ты — трус, который получает удовольствие, мучая одураченных и запутавшихся и убивая невинных, растерянный болтун, большой механический гоблин, который...

— ПРЕКРАТИ, Я ПРИКАЗЫВАЮ, ИНАЧЕ Я ВСЕХ ВАС УБЬЮ. СЕЙЧАС ЖЕ.

Глаза стрелка вспыхнули синим огнем, таким диким, таким неистовым, что Эдди невольно отпрянул. Сюзанна и Джейк аж рот открыли от изумления.

— *Убивай, если хочешь, только не смей мне приказывать!* — прорычал Роланд. — *Ты забыл лица тех, кто создал тебя! А теперь либо убей нас, как ты грозишься, либо заткнись и слушай меня, Роланда из Гилеада, сына Стивена, стрелка и повелителя древних земель! Я прошел столько миль и прожил столько лет вовсе не для того, чтобы выслушивать твой детский лепет! Ты меня понял? Теперь ты будешь слушать МЕНЯ!*

В воздухе повисла напряженная тишина. Все затаили дыхание. Роланд угрюмо смотрел прямо перед собой, высоко подняв голову и держа руку на рукояти револьвера.

Сюзанна поднесла руку ко рту и нащупала на губах улыбку — так женщина безотчетно поправляет новый, несколько для нее непривычный предмет туалета, например шляпку, проверяя, хорошо ли она сидит. Она опасалась, что эти мгновения — последние в ее жизни, но преобладающим чувством из переполнявших ее сейчас был почему-то не страх, а гордость. Бросив взгляд влево, она увидела, что Эдди во все глаза смотрит на Роланда и тоже улыбается. Джейк глядел на Роланда с совершенно определенным выражением: это было простое и искреннее обожание в чистом виде.

— Скажите ему! — выдохнул Джейк. — Так его!

— Я бы тебе посоветовал слушать внимательно, Блейн, — сказал Эдди. — Он еще и не на такое способен. Не зря же его называли Бешеным Псом из Гилеада.

Молчание затянулось опять. Наконец Блейн спросил:

— ТЕБЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТАК НАЗЫВАЛИ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

— Может, и так, — согласился Роланд, спокойно стоя в бесплотном пространстве над безжизненными холмами.

— А КАКОЙ МНЕ ОТ ВАС ПРОК, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ ЗАГАДОК? — Теперь в голосе Блейна явственно сквозили интонации капризного, надувшегося ребенка, засидевшегося допоздна, поскольку мама с папой ему разрешили лечь спать чуть попозже.

— Почему же не будет? Я этого не говорил, — отозвался Роланд.

— НЕТ? — переспросил Блейн в явном недоумении. — ЧТО-ТО Я НЕ ПОНИМАЮ, ХОТЯ АНАЛИЗ ГОЛОСОВЫХ МОДУЛЯЦИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ О ПРАВДИВОСТИ СКАЗАННОГО. ПРОШУ ПОЯСНИТЬ.

— Ты сказал, что хочешь загадки *немедленно*, — объяснил стрелок. — Когда я сказал «нет», я имел в виду только то, что загадки пока подождут, а не то, что мы вообще их не будем загадывать. А ты в своем нетерпении повел себя просто неподобающе.

— НЕ ПОНИМАЮ.

— Ты вел себя грубо. *Это-то* ты понимаешь?

Блейн на мгновение задумался.

— ЕСЛИ Я НАГРУБИЛ ТЕБЕ, Я ПРИНОШУ СВОИ ИЗВИНЕНИЯ.

— Я принимаю их, Блейн. Но проблема не в этом.

— ОБЪЯСНИ.

Теперь в голосе Блейна явственно слышались нотки некоторой неуверенности в себе, и Роланда это не удивило. Уже много лет этот компьютер не сталкивался с проявлениями человеческого характера, если, конечно, не брать в расчет невежество, дикость и суеверное раболепие. Если ему и приходилось встречаться с простой человеческой смелостью, то это было давным-давно.

— Верни стены, и я объясню. — Роланд спокойно сел в кресло, как будто о дальнейших препирательствах — не говоря уже о перспективе немедленной смерти — не могло быть и речи.

Блейн безропотно подчинился. Стены вновь потеряли прозрачность. Кошмарный пейзаж исчез. Зеленая точка на карте маршрута мигала уже совсем рядом с кружком с надписью «Кандлтон».

— Вот так-то лучше, — сказал Роланд. — Грубость — порок простительный, Блейн; меня так учили в детстве, обычная, грубая глина высыхает в формах, которые придает ей рука ваятеля. Но меня также учили, что глупость прощать нельзя.

— В ЧЕМ БЫЛА МОЯ ГЛУПОСТЬ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА? — В тихом голосе Блейна сквозила угроза. Сюзанне внезапно представилась кошка, затаившаяся у мышиной норы: хвост подергивается из стороны в сторону, зеленые глаза горят.

— Тебе кое-что нужно, у нас это есть, — пояснил Роланд, — мы готовы с тобой поделиться тем, что ты хочешь. А что ты нам предлагаешь взамен? Смерть. Это очень глупо.

Тишина воцарилась надолго: Блейн размышлял над услышанным.

— ТЫ ВСЕ ВЕРНО СЕЙЧАС СКАЗАЛ, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА, — наконец промолвил он. — НО ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО, КАКИЕ У ВАС ЗАГАДКИ. БЫТЬ МОЖЕТ, ДУРАЦКИЕ. А Я НЕ НАМЕРЕН ДАРИТЬ ВАМ ЖИЗНЬ В ОБМЕН НА ДУРАЦКИЕ ЗАГАДКИ.

Роланд кивнул.

— Я тебя понимаю, Блейн. Теперь послушай меня и тоже попытайся понять. Моим друзьям я уже кое-что из этого рассказывал. Когда я был еще маленьким, у нас, в феоде Гилеад, каждый год проходило семь больших ярмарок: в честь Зимы, в честь Широкой Земли, на Первый Сев, Летнее Солнцестояние, в честь Полной Земли, Первой Жатвы и Конца Года. Состязание по загадкам проводилось на каждой ярмарке, и это было большое событие всегда, но особенно на ярмарках в честь Широкой и Полной Земли, потому что считалось, что загаданные там загадки влияют на рост посевов: если они хороши, урожай тоже будет хорошим, если они так себе, то и жатва потом будет скудной.

— ЭТО ВСЕ СУЕВЕРИЕ, НЕ ИМЕЮЩЕЕ ПОД СОБОЙ НИКАКОГО ФАКТИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ, — заметил Блейн. — МЕНЯ ПОДОБНЫЙ ПОДХОД ПРОСТО БЕСИТ.

— Ну да, суеверие, я согласен, — сказал Роланд, — но ты бы очень удивился, узнав, насколько точно загадки предсказывали урожай. Вот, например, разгадай мне такую, Блейн: на бал кони ходят?

— СТАРО И К ТОМУ ЖЕ НЕ ОЧЕНЬ-ТО ИНТЕРЕСНО, — мгновенно ответил Блейн, хотя, чувствовалось, он все равно был рад, что ему загадали хоть какую-то загадку и дали возможность ее разгадать. — НА БАЛКОНЕ ХОДЯТ. ЗАГАДКА ОСНОВАНА НА ФОНЕТИЧЕСКОМ СОЗВУЧИИ. ЕЩЕ ОДНА ЗАГАДКА ПОДОБНОГО РОДА, ИЗВЕСТНАЯ НА УРОВНЕ, ГДЕ РАСПОЛОЖЕН ФЕОД НЬЮ-ЙОРК: ЧТО ДЕЛАЛ СЛОН, КОГДА ПРИШЕЛ НАПОЛЕОН?

— Эту я знаю, — подал голос Джейк. — Как раз в этом году нам ее загадала наша учительница по английскому. Когда слон пришел на поле, он щипал травку.

— ДА, — согласился Блейн. — ОЧЕНЬ ГЛУПАЯ ЗАГАДКА. ДУРАЦКАЯ.

— Хоть в одном я с тобой согласен, Блейн, старина, — сказал Эдди.

— Я ХОТЕЛ БЫ ПОСЛУШАТЬ ЕЩЕ О ЗАГАДКАХ НА ЯРМАРКАХ В ГИЛЕАДЕ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА. МНЕ ИНТЕРЕСНО.

— Ровно в полдень на ярмарках в честь Широкой и Полной Земли соревнующиеся, от шестнадцати до тридцати человек, собирались в Зале Предков, который в честь такого события открывали для всех. Только в эти два дня в году простолюдинам — торговцам, фермерам, скотоводам — разрешалось входить в Зал Предков, и они приходили все.

Взгляд стрелка стал мечтательным и отрешенным; таким Джейк уже видел его — в той, другой, смутной жизни, — когда Роланд рассказывал, как однажды они с друзьями, Катбертом и Жами, тайком пробрались на балкон этого самого Зала, чтобы посмотреть на какой-то там ритуальный танец. Роланд поведал об этом Джейку, когда они поднимались в горы, преследуя Уолтера.

Мартен сидел рядом с моими родителями, — говорил тогда Роланд. — *Я их узнал даже с такой высоты, а потом мать с Мартеном пошли танцевать... они танцевали, медленно кружась, и все расступились, освобождая им место, и аплодировали, когда танец закончился. Им все аплодировали. Но стрелки — нет...*

Джейк с любопытством смотрел на Роланда, в который раз задаваясь вопросом, откуда же он появился, этот странный человек, такой спокойный и отрешенный. Откуда... и почему?

— В центре зала ставили большую бочку, — продолжал Роланд, — и каждый бросал туда кусочки коры с написанными на них загадками. Всякими разными: старыми, услышанными от родителей или дедов... или даже взятыми из книг... или же абсолютно новыми, придуманными специально для этого случая. Трое судей, один из которых обязательно был стрелком, после оглашения оценивали новые загадки, допуская к розыгрышу только те, которые сочли честными.

— ДА, ЗАГАДКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЧЕСТНЫМИ, — согласился Блейн.

— В общем, участники состязания отгадывали загадки, — продолжал стрелок, улыбаясь при воспоминании о тех днях, когда ему самому было столько же лет, сколько этому мальчику, который сидел сейчас рядом с ним, держа на коленях ушастика. — Час за часом. До вечера. Соревнующиеся выстраивались в линию в центре Зала Предков. Место каждого определялось по жребию, и поскольку места в конце очереди были значительно выгоднее, чем в начале, то каждый надеялся вытянуть больший номер, хотя это и не гарантировало победы. Для того чтобы стать победителем, нужно было разгадать загадку, и чаще всего не одну.

— КОНЕЧНО.

— Каждый мужчина или каждая женщина — потому что в числе лучших отгадчиков Гилеада были и женщины — подходили по очереди к этой бочке, доставали оттуда кусочек коры с загадкой и передавали его Мастеру. Мастер читал загадку, и если соревнующийся не отвечал на нее в течение трех минут, пока не кончится песок в песочных часах, он выбывал из состязания.

— И ТУ ЖЕ ЗАГАДКУ ЗАГАДЫВАЛИ СЛЕДУЮЩЕМУ ПРЕТЕНДЕНТУ?

— Да.

— ТО ЕСТЬ ОН, ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПОЛУЧАЛ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЙ.

— Да.

— ПОНИМАЮ. ВОТ ЭТО КРУТО.

Роланд нахмурился.

— Круто?

— Он хочет сказать, забавно, — пояснила Сюзанна.

Роланд пожал плечами.

— Забавнее всего было зрителям, но участники соревнования воспринимали все это очень серьезно, и часто по окончании состязания, после вручения приза, у них возникали споры и даже стычки.

— А КАКОВ ЖЕ БЫЛ ПРИЗ?

— Гусь. Самый большой в феоде. И год за годом этого гуся уносил мой учитель Корт.

— НАВЕРНОЕ, ОН БЫЛ ВЕЛИКИМ ОТГАДЧИКОМ, — заметил Блейн уважительно. — ЖАЛЬ, ЧТО ЕГО ЗДЕСЬ НЕТ.

Ты как будто мои мысли читаешь, подумал Роланд.

— А теперь я хочу сделать тебе одно предложение, — сказал он.

— Я ТЕБЯ СЛУШАЮ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

— Пусть оставшиеся до Топики часы станут как бы нашей ярмаркой. Ты не будешь загадывать нам загадки, потому что, как я понимаю, тебе интересно услышать новые, а не пересказывать старые, которые ты уже знаешь...

— ВСЕ ВЕРНО.

— Все равно мы не решили бы и половины твоих загадок, — продолжал Роланд. — Я уверен, ты знаешь немало таких, на которых срезался бы даже Корт, если бы вытащил их из бочки. — На самом деле стрелок был уверен, что Корту любая загадка была по силам, но время махать кулаками прошло, настало время протянуть раскрытую ладонь.

— КОНЕЧНО, — скромно согласился Блейн.

— Так вот, я предлагаю, чтобы в качестве приза у нас был не гусь, а наши жизни, — сказал Роланд. — Пока мы едем, мы будем загадывать тебе загадки, Блейн. Если к тому моменту, когда мы прибудем в Топику, ты разгадаешь их все до единой, тогда можешь исполнить свой первоначальный замысел и убить себя вместе с нами. Это будет *твой* гусь. Но если *мы* выиграем *у тебя*... если найдется такая загадка, в книге ли Джейка, в голове ли кого-то из нас, которую ты разгадать не сможешь... ты отвезешь нас в Топику и выпустишь, чтобы мы шли своей дорогой. Это будет *наш* гусь.

Тишина.

— Ты меня понял?

— ДА.

— Ты согласен?

Опять тишина. Эдди застыл в напряженной позе, обнимая Сюзанну за плечи и глядя на потолок салона для баронов. Сюзанна безотчетно провела левой рукой по своему животу. Она думала о своем секрете, который, по всей видимости, созревал внутри. Джейк легонько поглаживал Ыша по спинке, стараясь не задевать участки, покрытые корками спекшейся крови, — места, куда его били. Они молча ждали, пока Блейн — настоящий Блейн, оставшийся далеко позади, живущий своей псевдожизнью под городом, все население которого он сам же и уничтожил, — раздумывал над предложением Роланда.

— ДА, — наконец вымолвил Блейн. — Я СОГЛАСЕН. ЕСЛИ Я ОТГАДАЮ ВСЕ ВАШИ ЗАГАДКИ, Я ЗАБЕРУ ВАС С СОБОЙ В ТО МЕСТО, ГДЕ НА ПОЛЯНЕ КОНЧАЕТСЯ ПУТЬ.

ЕСЛИ ЖЕ КТО-ТО ИЗ ВАС ЗАГАДАЕТ ЗАГАДКУ, КОТОРУЮ Я НЕ СМОГУ РАЗГАДАТЬ, Я СОХРАНЮ ВАМ ЖИЗНЬ И ОТВЕЗУ В ТОПИКУ, ГДЕ ВЫ СПОКОЙНО СОЙДЕТЕ С ПОЕЗДА И ОТПРАВИТЕСЬ ДАЛЬШЕ НА ПОИСКИ ТЕМНОЙ БАШНИ. Я ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛ УСЛОВИЯ ТВОЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, РОЛАНД, СЫН СТИВЕНА?

– Да.

– ХОРОШО, РОЛАНД ИЗ ГИЛЕАДА.

– ХОРОШО, ЭДДИ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

– ХОРОШО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

– ХОРОШО, ДЖЕЙК ИЗ НЬЮ-ЙОРКА.

– ХОРОШО, ЫШ ИЗ СРЕДИННОГО МИРА.

При звуке своего имени Ыш на мгновение приподнял мордочку.

– ВЫ – *КА-ТЕТ*: ЕДИНСТВО ИЗ МНОЖЕСТВА. Я ТОЖЕ. ЧЕЙ *КА-ТЕТ* СИЛЬНЕЕ – ЭТО НАМ И ПРЕДСТОИТ СЕЙЧАС ВЫЯСНИТЬ.

Он на мгновение умолк. В тишине раздавался лишь гул моторов, несущих их через Бесплодные земли к Топике – к тому самому месту, где кончался Срединный мир и начинался Крайний.

– ИТАК, – торжественно провозгласил Блейн, – ЗАБРАСЫВАЙТЕ ВАШИ СЕТИ, СКИТАЛЬЦЫ. ИСПЫТАЙТЕ МЕНЯ – ЗАГАДЫВАЙТЕ СВОИ ЗАГАДКИ. ПУСТЬ СОСТЯЗАНИЕ НАЧНЕТСЯ.

Послесловие автора

Четвертый том повествования о Темной Башне должен увидеть свет – при том условии, что жизнь писателя и читательский интерес останутся неизменными, – в не столь отдаленном будущем. Хотя трудно сказать, когда именно; мне всегда было непросто отыскать двери в мир Роланда, и мне все труднее с каждым разом подбирать ключи так, чтобы они подходили к замкам. Но тем не менее, раз уж читатель требует четвертый том, читатель его получит, потому что я пока в состоянии найти мир Роланда, стоит мне только на это настроиться, и он до сих пор еще не утратил для меня своего пленительного очарования... и это действительно так, в осо-

бенности по сравнению с другими мирами, которые я посещал в своем воображении. И подобно таинственным щелевым моторам, эта история набирает свой собственный, нарастающий ритм.

Я прекрасно понимаю, что некоторые читатели «Бесплодных земель» будут ужасно разочарованы таким окончанием книги, когда столько всего не разрешено. Мне самому было не слишком приятно оставлять Роланда и его друзей на попечение Блейна Моно, персоны, понятное дело, неласковой, и хотя вы совсем не обязаны верить мне, я признаюсь, что и сам удивился тому, как закончился этот том. Удивился, наверное, не меньше читателя. Есть книги, которые пишутся сами собой (или пишут сами себя, как вам будет угодно, — а эта книга как раз из тех), и лучше всего дать им закончиться так, как они сами того хотят. А я могу только заверить тебя, читатель, что Роланд и его друзья подошли к одной из поворотных точек своей истории. Они стоят сейчас на границе, у таможенного барьера, где мы оставим их ненадолго, чтобы они спокойно заполнили документы и ответили на вопросы. Этой обширной метафорой я всего лишь хотел сказать, что я решил пока отдохнуть от Роландова мира и что сердце мое оказалось достаточно мудрым и прозорливым, чтобы пресечь все мои попытки двинуться напролом дальше.

Пока неясно, о чем будет следующий том, хотя могу вас заверить, что ситуация с Блейном Моно обязательно разрешится, что мы узнаем кое-что новое о жизни Роланда в Гилеаде, когда он был еще совсем юным, и снова встретимся с Тик-Таком и этим загадочным персонажем Мервином, которого называют еще Мудрецом или Незнакомцем вне Времени. Именно с упоминания об этой таинственной жуткой личности Роберт Браунинг начинает свою эпическую поэму «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел»:

Я сразу подумал: он лжет каждым словом,
Калека седой со злодейским взором,
За действием лжи на меня следящий
Украдкой и губы кривящий,
Пытаясь сокрыть ликование
В предчувствии жертвы, готовой к закланию.

Именно этот коварный и злобный лжец, этот темный могущественный волшебник хранит ключ от Крайнего мира и Темной Башни... для того, у кого хватит мужества, чтобы отнять его.

И для тех, кому это предначертано.

Бангор, штат Мэн
5 марта 1991 года

Содержание

Стрелок 5
Извлечение троих 197
Бесплодные земли 533

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен

Стрелок
Извлечение троих
Бесплодные земли

из цикла «Темная Башня»

Романы

Компьютерная верстка: Р. Рыдалин
Технический редактор Т. Полонская

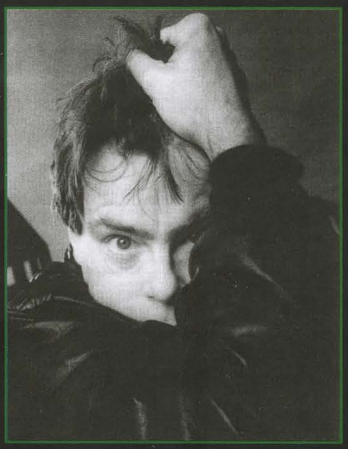
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство АСТ».
129085, Москва, Звездный бульвар,
дом 21, строение 3, комната 5.

Издано при участии ООО «Харвест».
Свидетельство о ГРИИРПИ № 1/17 от 16.08.2013.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.



Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», жемчужина фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

www.ast.ru
ISBN 978-5-17-033697-5
9 785170 336975

Юный Роланд — последний благородный рыцарь в мире, «сдвинувшемся с места». Ему во что бы то ни стало нужно найти Темную Башню — средоточие Силы, краеугольный камень мироздания. Когда-нибудь он отыщет эту башню, а пока ему предстоит долгий и опасный путь — путь по миру, которым правит черная магия, по миру, из которого порой открываются двери в нашу реальность...

СТРЕЛОК

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ТРОИХ

БЕСПЛОДНЫЕ ЗЕМЛИ

КОЛДУН И КРИСТАЛЛ

ВОЛКИ КАЛЬИ

ПЕСНЬ СЮЗАННЫ

ТЕМНАЯ БАШНЯ